

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый.

МАЙ.

1886 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Павла Васильевича Ччагова, адмирала и первого морского министра. Сообщ. Л. М. Ччаговъ	221	X. На Дунѣ и въ Севастополѣ. Изъ записокъ П. В. Алабина	383
II. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій, 1782—1867 гг. Гл. XI.	253	XI. Севастополь и его защитники въ 1855 г. Изъ записокъ Н. А. Крыжановскаго	401
III. Записки Дмитрія Ивановича Нилана съ 1820 г.	267	XII. Петербургскія старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1800 г.	451
IV. И. Д. Кавелинъ. Записка объ освобожденіи крестьянъ. (Окончаніе).	287	XIII. Матеріалы и замѣтки: Указъ Петра I, 1723 г. (436).—Николай I—гр. Сакену, 1825 г. (357).—Ермоловъ 1826 г. (437).—Гр. Аракчеевъ, 1828 г. (459).—Лермонтовъ 1829 г. (442).—Майоръ Мызниковъ, 1844 г. (381).—Н. В. Гоголь (438).—А. Г. Рубинштейнъ въ 1839 г. (440).—Кавелинъ 1885 г. (358).—Домъ и церковь въ с. Вишня Н. И. Пирогова (439).—Замѣтка А. Н. Штукенберга (443).	
V. Гавриилъ Павловичъ Лошниковъ. Автобіогр. записки, съ прилѣж. В. В. Стасова. Гл. VII—VIII.	311	XIV. Библиографическій листокъ.	
VI. Николай Ивановичъ Костомаровъ въ 1857—1875 гг. Воспоминанія Н. А. Бѣлозерской. Гл. VII	327		
VII. Императоръ Павелъ и его дворъ въ 1796—1801 гг. Выписки изъ поленныхъ придворныхъ записокъ.	339		
VIII. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ его воспитателю К. К. Мердеру	360		
IX. Номандеры навазской арміи въ ихъ приказахъ, 1804—1828 гг. Сообщ. Ал. П. Берже	371		

ПРИЛОЖЕНІЕ. Видъ дома и церкви въ селѣ Вишнѣ, въ имѣніи Н. И. Пирогова.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1886 г.

Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей (второе собраніе) напечатанъ и разсылается тѣмъ изъ подписчиковъ «Русской Старины», которые, возобновивъ подписку на 1886 г., выслали одинъ руб. за Альбомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1886.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1886 г.

Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Изслѣд. Дм. Цвѣтцова. 462 + LIX. М., 1886.

Авторъ многихъ отдѣльныхъ эпизодовъ въ области тѣхъ же отношеній, не разъ указанныхъ нами прежде на страницахъ библиографическаго листка, представилъ въ настоящее время обширную монографію, основанную на многочисленныхъ архивныхъ источникахъ. Трудъ этотъ служитъ весьма существеннымъ дополненіемъ къ прежнимъ изслѣдованіямъ по исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи: Снегирева, Фехнера, Соколова и др. По мѣстамъ авторъ дѣлаетъ поправки къ трудамъ своихъ предшественниковъ и въ особенности къ сочан. послѣдняго: «Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI — XVII стол.» (М. 1880), довольно объемистому, но далеко не исчерпавшему главныхъ матеріаловъ — архивныхъ. Разматриваемое сочиненіе раздѣлено авторомъ на двѣ книги: въ первой онъ излагаетъ исторію протестантскихъ церквей и духовенства (стр. 1—278), во второй, по связи съ ними, — сооруженіе перваго католическаго храма въ Москвѣ. Вездѣ изложеніе сопровождается указаніями на литературу вопросовъ, а въ концѣ приложено нѣсколько документовъ. Замѣтимъ, что сборникъ матеріаловъ, относящихся къ тому же предмету, печатается авторомъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей русскійскихъ».

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XLVIII. Спб. 1885. Стр. 660. Ц. 3 р.

Послѣ изданія обширной коллекціи бумагъ Екатерины II, обнимающей, между прочимъ, ея личную переписку, настоящей томъ открываетъ новую серію документовъ, относящихся къ той же эпохѣ, — это политическую переписку Екатерины II, которая почти вся хранится въ московскомъ архивѣ мн. иностранныхъ дѣлъ. Въ составъ этого изданія входятъ какъ собственноручныя бумаги императрицы, такъ и тѣ документы по внѣшнимъ дѣламъ, на которыхъ встрѣчаются собственноручныя ея резолюціи, резолюціи, послѣдовавшія по ея повелѣнію, а также и документы, служащіе разъясненіемъ ихъ. Матеріалы московскаго архива, кромѣ

того, пополнены бумагами, извлеченными изъ Государственнаго архива. Первая часть этого собранія относится лишь къ началу царств. Екатерины, а именно къ 1762 и 1763 годамъ. Настоящій томъ изданъ подъ наблюденіемъ барона Ф. А. Булгера и В. А. Уляницкаго.

Архивъ князя Воронцова. Кв. XXXII. М. 1886. 530 стр. Ц. 3 р.

Недавно вышедшій томъ обнимаетъ: 1) письма госуд. канцлера М. Л. Воронцова къ И. И. Шувалову; 2) очеркъ жизни гр. С. Р. Воронцова; 3) письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его, гр. А. Р. Воронцову, 1760—1785 гг.; 4) письма гр. Д. П. Бутурлина къ дядьмъ его, гр. Воронцовымъ, 1781—1821 гг.; 5) письма гр. А. Р. Воронцова къ его племяннику, кн. М. С. Воронцову, 1803—1805 гг.; 6) письма Н. А. Львова къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ 1784—1789 гг. Переписка эта ведена, большею частію, на французскомъ языкѣ и касается многихъ современныхъ историческихъ дѣятелей.

Книги законныя, содержащія въ себѣ въ древнерусскомъ переводѣ византійскіе законы земледѣльческіе, уголовныя, брачныя и судебныя. Издалъ вмѣстѣ съ греческими подлинниками и съ ист.-юрид. введеніемъ А. Павловъ. Спб. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Въ началѣ своего труда авторъ излагаетъ исторію означеннаго памятника въ Россіи. Въ основаніе изданія онъ принялъ рукоп. библи. гр. Уварова (бывш. Царскаго), а варианты по рукоп. спб. духовной акад. (бывш. кирилловской библи.) и Е. В. Барсова; греческіе подлинники взяты изъ собранія синод. библіотеки, тексты котораго оказываются болѣе близкими къ славянскому переводу, чѣмъ во всѣхъ существующихъ печатныхъ изданіяхъ, при чемъ при сличеніи оказались важными и самыя ошибки текста синодальной рукописи, такъ какъ онъ встрѣчается и въ переводѣ. Дальнѣйшее изложеніе введенія посвящено разбору этого памятника и, между прочимъ, мнѣнію проф. Васильевскаго объ этомъ послѣднемъ, высказаннаго въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1878 г.; стр. 41—92 заняты параллельными текстами памятника (греч. и славянскимъ) и примѣчаніями въ нимъ. Упомянемъ, что недавно появились рецен-

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ АКСАКОВЪ

РОД. 1823 г. † 27 янв. 1886 г.

Дача въ которомъ жилъ и скончался
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРГОВЪ

ПАВЕЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЧИЧАГОВЪ И ЕГО ЗАПИСКИ.

Род. 1765 † 1849.

Обширный архивъ рода Чичаговыхъ, относящійся преимущественно къ эпохамъ царствованія императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I, мы рѣшили было издавать отдѣльными выпусками, и для пробы, въ концѣ 1885-го года, выпустили въ свѣтъ первую книжку; но выслушавъ заявленія нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ о неудобствахъ, встрѣчаемыхъ ими при пользованіи историч. матеріалами изъ маленькихъ брошюръ, которыя легко затериваются въ бібліотекахъ, и присоединя къ этому и другіе доводы, выработанные нами изъ первой же издательской практики, мы тотчасъ приостановили продажу этого выпуска «Архива адмирала П. В. Чичагова» и отказались отъ подобнаго способа изданія нашего архива. Число разошедшихся экземпляровъ перваго выпуска не превосходитъ сотни и потому вполне можетъ считаться не существовавшимъ, такъ какъ успѣли его приобрести только тѣ лица, которыя были заинтересованы въ чтеніи Записокъ адмирала Чичагова, вслѣдствіе близкаго родства или отношеній къ его роду, или же занимающіяся спеціально исторіей и которымъ болѣе или менѣе была извѣстна судьба этихъ Записокъ и до какой степени европейскіе историки, въ родѣ Тьера, и знаменитѣйшіе публицисты въ Европѣ стремились всегда обладать ими.

Пользуясь весьма обязательнымъ предложеніемъ редакціи уважаемаго историческаго журнала «Русская Старина», мы переносимъ печатаніе обширныхъ Записокъ П. В. Чичагова на страницы этого распространеннаго изданія. Здѣсь, въ «Русской Старинѣ», столь монументальный трудъ, каковы Записки П. В. Чичагова, съ многочисленными къ нимъ приложеніями, послужитъ весьма цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу литературы отечественной исторіи; онѣ явятся весьма важнымъ дополненіемъ и разъясненіемъ множества матеріаловъ къ исторіи царствованій Екатерины II, Павла I и Александра I, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» въ теченіи семнадцати лѣтъ ея изданія, т. е. съ 1870 по 1886 г.

Д. М. Чичаговъ.

15

I.

Чичаговы принадлежатъ къ одному изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ россійскаго государства.

Императрица Екатерина II, жалуя адмиралу Василию Яковлевичу Чичагову дворянскій гербъ, въ рескриптѣ своемъ отъ 4-го марта 1792 г. сказала: «извѣстно намъ, что нашъ любезно вѣрнопопданный адмиралъ и кавалеръ Василій Яковлевичъ Чичаговъ происходитъ изъ древней благородной фамилии.

и того ради всѣхъ чужестранныхъ потентатовъ, принцевъ и владѣтелей высокихъ областей, тако-жь графовъ, бароновъ, дворянъ и прочихъ чиновъ, какъ всѣхъ обще, такъ и каждаго особливо, чрезъ сіе дружелюбно просимъ, и отъ всякаго по достоинству чина и состоянія благоволительно и милостиво желаемъ помянутому Чичагову сіе отъ насъ всемилостивѣйше пожалованное и подтвержденное преимущество въ ихъ государствахъ и областяхъ благосклонно позволить, а нашимъ подданнымъ, какаго-бъ чина, достоинства и состоянія оныя не были, симъ всемилостивѣйше и накрѣпко повелѣваемъ его, Чичагова, въ вѣчныя времена за нашего всероссійской имперіи дворянина признавать и почитать.... обидѣ и препятствія отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не чинить».

Къ несчастію, въ семейномъ архивѣ не сохранилось документовъ, которые доказывали бы древность происхожденія Чичаговыхъ и, не смотря на всѣ наши усилія доискаться до корня нашего родословнаго дерева, мы принуждены были удовольствоваться весьма скудными данными. Причиною тому, конечно, бывшіе пожары Москвы, отъ эпохи междупарствія до 1812 года, истребившіе всѣ находившіяся въ ней архивы.

Всѣ Чичаговы родомъ изъ Костромской губерніи. Вотъ линія адмирала:

Яковъ (жилъ въ 1490 году).	}	Свѣдѣній о нихъ нѣтъ.
Иванъ († 1588 г.).		
Гаврила († 1632 г.).		

Артемій (состоялъ на государственной службѣ), († 1673 г.); у него

было три сына: Сила († 1695 г.), женатый на Иривѣ Олсуфьевой; Иванъ—стольникъ († 1718 г.), и Гаврила († 1731 г.).

Сила умеръ бездѣтнымъ.

У Ивана былъ сынъ Афанасій († 1743 г.), бригадиръ; о немъ упоминается въ описаніи высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ с.-петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за XVIII в., 1740—1762, т. III, 12,230.

У Афанасія былъ сынъ Василій, состоявшій при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны конюшеннымъ или шталмейстеромъ; у Василя—сынъ Петръ, служившій только въ молодыхъ годахъ, а у Петра сынъ Никифоръ—дѣйствительный статскій совѣтникъ, сотрудникъ Сперанскаго, состоявшій долго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, занимавшійся отечественною исторіею и оставившій потомкамъ многочисленныя рукописи.

У Гаврилы было два сына: Петръ (жилъ въ 1706 г.), женатый на Прасковѣ Илинской, вдовѣ Скороботова, и Матвѣй († 1765 г.).

У Петра былъ сынъ Дмитрій, который умеръ, не оставивъ потомства.

Матвѣй имѣлъ двухъ сыновей: Ѳедора и Якова. Послѣдній былъ военачальникомъ при Петрѣ I, участвовалъ въ битвѣ съ Карломъ XII и достигъ высокихъ чиновъ; у него былъ сынъ Василій (1725 † 1809), знаменитый адмиралъ царствованія Екатерины II, оставившій послѣ себя въ живыхъ трехъ сыновей: Павла (1767, † 1849), Петра (род. 21 окт. 1770 г.) и Василя (род. 23 декабря 1772 г.), подробныя біографіи которыхъ войдутъ въ составъ нашего архива.

Этимъ ограничиваются всѣ генеалогическія свѣдѣнія о родѣ Чичаговыхъ, нами собранныя.

Представляемъ еще другой списокъ фамилии Чичаговыхъ, родственная связь которыхъ съ линіею первыхъ еще не опредѣлена съ точностію.

Григорій Ивановичъ, рейтаръ въ царствованіе Петра I (жилъ въ 1698 г.).

Наталья Ивановна—была замужемъ за Полозовымъ.

Ѳедосѣй Ивановичъ (умеръ до 1702 г.). Сестра его:

? . Ивановна была замужемъ за Петромъ Романовымъ, родомъ изъ Костромы.

Иванъ Ивановичъ (жилъ въ 1702 г.)—драгунъ.

Иванъ . женатый на Перепелицыной.

Иванъ Гавриловичъ, женатый на Ярцевой.

Петръ Ивановичъ (убитъ подъ Полтавою, 27 іюня 1709 г.).

Андрей Ивановичъ (1715 г.) служилъ въ Преображенскомъ полку.

Иванъ Артемьевичъ (1716) стольникъ.

Петръ . . . (1718) (геодезистъ; о немъ упоминается въ Очеркѣ русск. морской исторіи, Ѡ. Веселаго, ч. I, Спб., 1875 г., стр. 609, и въ Русск. Архивѣ 1879 г., I, стр. 299).

Василій Лукьяновичъ (1736) служилъ въ Преображенскомъ полку.

Василій . . . лейбъ-кампани вице-капралъ. Объ увольненіи его отъ службы съ пожалованіемъ въ премьеръ-маіору упоминается въ описаніи высоч. указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ спб. сенатскомъ архивѣ за XVIII в., 1740—1762, т. II, 9751.

Алексѣй Ивановичъ (1750) служилъ въ Троицкомъ пѣхотномъ полку.

Илья Ѡедоровичъ (1752) служилъ въ Ингерманландскомъ полку.

Илья Васильевичъ (1754)—поручикъ лейбъ-кампани.

Алексѣй Ѡедоровичъ (1756) служилъ въ Коломенскомъ полку.

Ѡедоръ Ивановичъ (умеръ до 1760) служилъ въ драгунахъ.

Иванъ Ѡедоровичъ (1761) служилъ въ Преображенскомъ полку.

Яковъ Ѡедоровичъ служилъ въ Пермскомъ драгунскомъ полку.

Илья Ѡедоровичъ служилъ въ Черниговскомъ полку.

Илья Васильевичъ (1763)—въ лейбъ-гвардіи конномъ полку.

Степанъ Васильевичъ († 1763)—секундъ-маіоръ.

Петръ Ивановичъ (1772) женатъ былъ на Аннѣ Михайловнѣ Корсаковой.

Петръ Ивановичъ, женатый на Мертваго, за проступокъ былъ высланъ, въ царствованіе императора Александра I, въ Оренбургъ; о немъ упоминается въ Русскомъ Архивѣ 1877 г., стр. 190—192, и въ Запискахъ Державина (изданіе Грота), т. V, стр. 818—823, и т. VI, стр. 27—106.

II.

Таковы свѣдѣнія о предкахъ адмирала П. В. Чичагова, служившихъ московскимъ князьямъ и царямъ,—очевидно, весьма скудныя; подробнѣйшія же свѣдѣнія объ отцѣ адмирала—Василіи Яковлевичѣ, мы имѣемъ въ печатаемыхъ нынѣ Запискахъ.

Василій Яковлевичъ Чичаговъ (1725, † 1809) былъ произведенъ въ 1753 году въ штабъ-офицеры, въ 1770 — въ контръ-адмиралы; въ 1773 г. ноября 26-го награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса, за совершеніе 20-ти морскихъ кампаній; въ 1775 г. произведенъ въ вице-адмиралы, въ 1782 іюня 28 — въ адмиралы; въ теченіи сего времени находился въ походахъ на моряхъ: Балтійскомъ, Сѣверномъ океанѣ, Бѣломъ, Ледовитомъ, Атлантическомъ, Средиземномъ, Черномъ и Азовскомъ и участвовалъ: въ Семилѣтней войнѣ съ Пруссіею, въ дѣйствіяхъ у Кольберга; въ турецкой кампаніи на Черномъ морѣ и въ шведской 1788—90 гг. За эти кампаніи онъ былъ награжденъ: въ 1772 г. орденомъ св. Анны, въ 1782 г. — Александра Невскаго, въ 1790 г. мая 4-го — Андрея Первозваннаго и 1790 г. іюля 26-го — св. Георгія 1-й степени.

Говоря о его личности, мы должны замѣтить, что это былъ рѣдкій въ то время типъ истинно русскаго человѣка. Образованный, умный, онъ долженъ былъ силою ума, такъ сказать — головой, пробивать себѣ дорогу, не имѣя къ тому никакихъ иныхъ средствъ. Никогда никого онъ за себя не просилъ и никому не кланялся; свято исполняя свой долгъ въ отношеніи службы, онъ не заботился о связяхъ и протекціяхъ. Держа себя съ достоинствомъ, онъ жилъ въ тѣсномъ кругу друзей и подчиненныхъ, и, имѣя большую семью, существуя лишь своимъ жалованьемъ, не могъ дѣлать приѣмовъ и самъ никуда не ѣздилъ. При дворѣ онъ появлялся только тогда, когда получалъ особое приглашеніе, дабы не возбуждать ни въ комъ зависти и не быть предметомъ интригъ. Онъ вовсе не интересовался мелочами придворной жизни и, не смотря на свое высокое положеніе, умѣлъ себя поставить внѣ этой опасной сферы. Этотъ замѣчательный тактъ обратилъ на себя вниманіе императрицы Екаторины; нѣкоторые же изъ придворныхъ людей объясняли отсутствіе адмирала на свой ладъ. Непреклонный его характеръ они сочли за необразованность, а презрительное отношеніе его ко всему придворному — за грубость. Въ доказательство того, что его многіе не понимали, такъ какъ

онъ былъ недосыгаемо выше ихъ, про него рассказывались анекдоты, какъ онъ былъ оригиналенъ въ бесѣдахъ съ императрицею, не стѣсняясь въ грубыхъ выраженіяхъ, дозволяя себѣ брать ее за руку или за плечо и т. д. Все это вымыслы злословія или безсмысленныя сказки.

О личныхъ достоинствахъ его свидѣтельствуютъ многіе правдивые современники. Императрица Екатерина II писала Гримму, отъ 14-го сентября 1790 г. (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XXIII, стр. 495):

— «Я не могу видѣть адмирала Чичагова, чтобы не вспомнить слово князя де-Лина о фельдмаршалѣ Лаудонѣ; когда о немъ кто-то спросилъ, почему его можно узнать:—«пойдите», сказалъ онъ, «вы найдете его за дверью, сконфуженнаго своимъ достоинствомъ и своими талантами». Вотъ точное изображеніе моего адмирала.

Знаменитый ученый морякъ, инспекторъ классовъ морскаго корпуса, Платонъ Яковлевичъ Гамалѣя ¹⁾ говоритъ въ своихъ Запискахъ:

«В. Я. Чичаговъ былъ мужъ, стяжавшій отъ всѣхъ почтеніе и любовь своими заслугами, добродѣтелями, а наипаче величайшею скромностью и кротостью нрава».

Не менѣе замѣчательно описаніе характера и личности Василія Яковлевича сыномъ его—Павломъ, Записки котораго читатель найдетъ далѣе. Между прочимъ, въ одной главѣ онъ говоритъ: я имѣлъ передъ глазами прекраснѣйшій образецъ добродѣтелей гражданскихъ, чувствъ благороднѣйшихъ, твердости и независимости характера, столь рѣдкихъ въ нѣкоторыхъ странахъ, и могу сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

„Наставникъ съ юныхъ лѣтъ отъ зла меня хранилъ
И дѣлать низостей во вѣки не училъ!“ ²⁾

Въ 1890 году исполнится столѣтіе окончанія шведской кампаніи (1790 г.), грозившей нашей сѣверной столицѣ захватомъ и полнымъ раззореніемъ. Лстимъ себя надеждою къ тому времени представить полную біографію главнокомандующаго адмирала В. Я. Чичагова и успѣть какъ отпечатать исторію ея, изложенную сыномъ его, Павломъ Васильевичемъ, участникомъ войны, такъ и опубликовать всю переписку императрицы съ главнокомандующимъ, касающуюся событій этой кампаніи.

¹⁾ Умеръ въ своемъ имѣніи слѣпымъ, 15-го іюня 1817 года. Л. Ч.

²⁾ Le maitre, qui prit soin d'instruire ma jeunesse,
Ne m'a jamais appris à faire une bassesse.

Отнюдь не меньшую признательность русскаго народа заслужил и сынъ старика-адмирала Чичагова — Павелъ Васильевичъ. До нынѣ онъ извѣстенъ лишь какъ главнокомандующій Дунайскою арміею въ 1812 году и какъ лицо, несправедливо обвиненное фельдмаршаломъ Кутузовымъ въ пропускѣ Наполеона при р. Березинѣ. Поэтому мы едва-ли ошибочно скажемъ, что Павелъ Васильевичъ, какъ государственный дѣятель, еще совершенно неизвѣстенъ. На насъ лежитъ обязанность во всей ея полнотѣ обрисовать личность адмирала Павла Васильевича,—такъ какъ намъ, естественно, болѣе чѣмъ кому либо другому, извѣстны во всѣхъ подробностяхъ обстоятельства его долго-временнаго служебнаго поприща, по которому онъ шелъ неуклонно, никогда не упуская изъ виду благой цѣли пользы отечества, гордо попирая зависть и клевету, шипѣвшія подъ его стопами. Для насъ также кажется весьма страннымъ, что характеръ его не былъ понятъ не только современниками, но и потомками, историками. Еще недавно, въ 1881 г., П. Бартевевъ въ своемъ предисловіи къ XIX тому Архива кн. Воронцова пишетъ:

«Чичаговъ—лицо необыкновенно любопытное и долго будетъ предметомъ изученія не только историческаго, но и психическаго. Въ преданіяхъ старыхъ нашихъ моряковъ имя его цѣнится очень высоко. Утверждаютъ, что все лучшее заведено въ нашемъ флотѣ Чичаговымъ»...

«Онъ принадлежитъ къ скорбному списку русскихъ людей, совершившихъ для отечества несравненно менѣе того, на что они были способны и къ чему были призваны».

Разумѣется, нигдѣ такъ не обрисовывается характеръ адмирала, какъ въ его собственныхъ автобіографическихъ запискахъ, и потому мы ограничимся общимъ очеркомъ его жизни; но, во избѣжаніе упрека въ пристрастіи, постараемся приводить доказательства и отзывы о немъ немногихъ изъ его современниковъ, отдававшихъ ему полную справедливость.

Мать адмирала—иностранка, съ болѣе развитыми и современными идеями и понятіями, чѣмъ русскія женщины въ царствованіе императрицъ Елисаветы и Екатерины II, отличалась тѣми-же высокими, душевными качествами, что и отецъ. Духъ правды, чести и независимости вошелъ въ плоть и кровь Павла Васильевича съ самаго его рожденія, и онъ возрасталъ съ тѣми твердыми убѣжденіями, которыя, не смотря на всѣ превратности судьбы, не покидали его и до самой смерти. Живой по натурѣ, воспріимчивый, впечатлительный, поразительно способный, онъ былъ менѣе сдержанъ, нежели его отецъ, и

всегда чувствовалъ свое превосходство въ умѣ и качествахъ надъ массою людей.

Когда онъ учился въ русскихъ школахъ, то въ среднѣй учебнаго года превосходилъ познаніями своихъ учителей и затѣмъ, неволью разочаровываясь въ нихъ, слушая ихъ уроки, только подмѣчалъ невѣжество и необразованность своихъ педагоговъ, чѣмъ неволью развивалъ въ себѣ нѣкоторую насмѣшливость и колкость. Подвергаясь наказаніямъ за насмѣлки, онъ возмущался тѣмъ, что эти грубые невѣжды руководили имъ.

Когда ему исполнилось 14 лѣтъ отъ роду, онъ уже прошелъ всѣ школы и всѣ науки, которыя преподавались въ Россіи, и отецъ не зналъ, что съ нимъ оставалось дѣлать. Особенную склонность и способность выказалъ онъ къ математикѣ. Тогда отецъ рѣшилъ продолжать его образованіе дома и пригласилъ профессоровъ. Между тѣмъ, юношу зачислили на службу въ гвардію, и когда отца его послали съ эскадрою въ Средиземное море, то Василій Яковлевичъ снизошелъ къ просьбамъ сына и взялъ его съ собою. Чужія страны произвели на него сильное впечатлѣніе и онъ еще болѣе развился въ это путешествіе. Состоя при отцѣ, онъ началъ службу въ морѣ; вскорѣ принялъ участіе въ шведской кампаніи. Участвуя въ сраженіяхъ, онъ не замедлилъ отличиться и императрица Екатерина II пожаловала ему сперва Георгіевскій крестъ и затѣмъ золотую шпагу. Ему было тогда всего 22 года, и небольшого роста, съ женоподобнымъ лицомъ, онъ казался совершеннымъ мальчикомъ. Не будемъ входить въ разборъ тѣхъ заслугъ, за которыя онъ былъ награжденъ; безъ сомнѣнія, императрица, желая сдѣлать пріятное его отцу, наградила сына щедрою рукою. Тутъ впервые юноша замѣтилъ, что товарищи ему завидуютъ, смотрятъ на него, какъ на баловня счастья, злословятъ и цѣнятъ не по достоинству. Лично ему ничего не приписывалось, все относили къ заслугамъ отца. Зависть офицеровъ оскорбляла молодого Чичагова и это гнусное чувство онъ въ особенности замѣтилъ въ А. С. Шишковѣ, состоявшемъ при Василіи Яковлевичѣ. Отношенія Шишкова къ нему до того измѣнились, что Павелъ Васильевичъ рѣшился это сказать отцу и просилъ послать завистника съ слѣдующимъ донесеніемъ о побѣдѣ къ императрицѣ. Такъ и было сдѣлано; но это успокоило Шишкова лишь на время. По окончаніи кампаніи, Чичаговъ сталъ просить отца пустить его доканчивать образованіе за границею, такъ какъ въ немъ было сильное желаніе учиться. Въ первомъ своемъ путешествіи въ чужіе края онъ неволью замѣтилъ, сколь мало еще въ Россіи благоустройства и, въ особенности, во флотѣ. Самолюбіе его, какъ русскаго человѣка, страдало; онъ хотѣлъ, во что

бы то ни стало, учиться и привезти съ собою въ отечество необходимыя познанія. Конечно, въ Англіи онъ могъ всего вѣрнѣе этого достигнуть. Старикъ адмиралъ испросилъ разрѣшеніе у императрицы и тогда снарядилъ въ путь двухъ сыновей, Петра и Павла, въ сопровожденіи знаменитаго въ то время у насъ математика Гурьева, — ихъ профессора, снабдивъ ихъ рекомендательнымъ письмомъ графа Безбородко къ нашему послу въ Лондонѣ, графу Семену Романовичу Воронцову. Графъ встрѣтилъ ихъ довольно холодно. Къ великому разочарованію Павла Васильевича и Гурьева они не нашли въ научныхъ книгахъ ничего новаго; это только доказывало, насколько былъ свѣдушъ профессоръ и ученикъ, что они, у себя дома занимаясь по переводнымъ книгамъ, ушли столь далеко. Вскорѣ графъ Семень Романовичъ пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать. На вопросъ его, что они дѣлали въ эти дни, Павелъ Чичаговъ, выразивъ свое разочарованіе въ книгахъ, относящихся до теоріи морскаго искусства, сказалъ:

— «Послѣдній офицеръ нашего флота, по моему, знаетъ болѣе того, что я нашелъ въ англійскихъ книгахъ».

На это графъ Воронцовъ отвѣчалъ: «Знаете-ли, милостивый государь, что послѣдній прапорщикъ англійскаго флота знаетъ болѣе русскаго адмирала!»

Это показалось обиднымъ молодому человѣку, такъ какъ Воронцовъ прекрасно зналъ, что его отецъ адмиралъ, и обиженный сынъ не могъ удержаться, чтобы не отвѣтить:

— «Можетъ быть, графъ, въ отношеніи практики, хотя это надобно еще провѣрить».

Съ этой минуты холодность нашего посла къ пріѣзжимъ соотечественникамъ еще увеличилась. Характеръ пылкаго юноши вполнѣ здѣсь оказался. Онъ никому не прощалъ обидъ, а въ этомъ случаѣ Воронцовъ оскорбилъ его — какъ русскаго моряка.

Чтобы путешествіе принесло имъ пользу, братья Чичаговы поступили въ англійскую школу и стали изучать англійскій языкъ. Затѣмъ, для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній, они отправились на англійскомъ суднѣ, шедшемъ въ Америку, но, къ великому сожалѣнію, вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній, это дальнее путешествіе было укорочено и они черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратились въ Лондонъ; затѣмъ переправились въ Голландію и вернулись на родину сухимъ путемъ. Въ это путешествіе они пріобрѣли обширнѣйшія познанія, но Павелъ Васильевичъ былъ имъ недоволенъ и по возвращеніи принялся съ неуспѣшнымъ прилежаніемъ изучать строительную часть во флотѣ. Затѣмъ вскорѣ онъ получилъ начальствованіе надъ судномъ «Софія Магдалина» и отправился къ эскадрѣ отца въ Данію.

Здѣсь молодой человѣкъ невольно кололъ всѣмъ глаза своими позчаніями и его возненавидѣли. Отличаясь находчивостью, быстрымъ соображеніемъ и остроуміемъ,—онъ наносилъ своимъ противникамъ такіе ловкіе диалектическіе удары, которыхъ никто не могъ парировать. Въ результатъ, судно молодого Чичагова оказалось содержимымъ лучше другихъ, на англійскій ладъ; онъ вводилъ разныя приспособленія, обстановка отличалась изяществомъ и вкусомъ,—все это порождало ему новыхъ враговъ и завистниковъ.

Эспедиція эта была вызвана желаніемъ императрицы обуздать англійское владычество на моряхъ и монополію Англии въ торговлѣ. Она замыслила тогда знаменитый вооруженный нейтралитетъ всѣхъ сѣверныхъ державъ, для покровительства купеческимъ кораблямъ противу произвольныхъ ихъ осмотровъ англійскимъ флотомъ. Незвѣстно, чѣмъ бы окончился планъ императрицы, если бы французская революція не воспрепятствовала ему. Необходимость всеобщаго противодѣйствія произвела сближеніе и примиреніе между Россією и Англією; по заключенному договору мы обязались послать вспомогательную эскадру въ Англію. Такимъ образомъ, съ открытіемъ навигаціи въ 1794 году, была послана въ Англію эскадра вице-адмирала Ханькова. Въ это время Павелъ Васильевичъ командовалъ кораблемъ «Ратвизанъ» и, не желая упустить случая увидѣть вблизи англійскій флотъ, даже присообщиться къ его дѣйствіямъ, онъ испросилъ дозволеніе участвовать въ эскадрѣ адмирала Ханькова.

По прибытіи ея въ Дюны произошло недоразумѣніе относительно салютовъ. Англичане отдають салюты другъ другу по чинамъ, т. е. равные салюты отдаются лишь при равенствѣ чиновъ. Вице-адмиралъ Ханьковъ, найдя на Дюнскомъ рейдѣ корабль подъ флагомъ вице-адмирала Пэна, послалъ спросить, будетъ ли ему отданъ одинаковый салютъ? Отвѣтъ былъ утвердительный. Ханьковъ отсалютовалъ; но получилъ въ отвѣтъ двумя выстрѣлами меньше. Тогда увѣдомили нашего посла гр. Воронцова, который прибылъ для разъясненія недоразумѣнія. Гр. Воронцовъ былъ того убѣжденія, что англичане сдѣлали это не нарочно, такъ какъ имъ не было смысла ссориться съ союзниками, и принялся весьма вяло поддерживать русскихъ. Павелъ Чичаговъ не выдержалъ и находя, что нельзя позволять никому затрогивать честь русскаго флага и, вспомнивъ, какъ графъ въ прошлое путешествіе отозвался о русскихъ адмиралахъ (тогда онъ еще не зналъ, что Семенъ Романовичъ былъ человѣкомъ, которымъ вправдѣ была гордиться Россія), съ негодованіемъ и раздраженіемъ сталъ его уворать и, въ присутствіи графа, предложилъ адмиралу Ханькову

дозволить ему идти съ кораблемъ или одному, лично, чтобы прину-
дить англійскаго адмирала вернуть два выстрѣла.

Объ этомъ Павелъ Васильевичъ пишетъ въ своихъ Запискахъ:

«Эти слова, которыя, по моему мнѣнiю, должны были навлечь на
меня ярость посланника, произвели совершенно противоположное дѣй-
ствiе. Онъ былъ въ восхищенiи, встрѣтивъ эту крайнюю щекотли-
вость, старался меня успокоить и объяснилъ мнѣ недоразумѣнiе».

Дѣйствительно, это было сдѣлано согласно англійскому уставу,
противорѣчить которому было бы и несправедливо, и безтактно.

Мы упомянули здѣсь объ этомъ эпизодѣ, потому что онъ, харак-
теризуя Чичагова съ неизмѣнной его стороны, имѣлъ въ его жизни
громадное значенiе: съ этой минуты С. Р. Воронцовъ полюбилъ его
отъ всей души и впоследствии сталъ его нѣжнѣйшимъ другомъ. Па-
велъ Васильевичъ никогда не величалъ его иначе, какъ «мой отецъ»,
а гр. Воронцовъ называлъ его «сыномъ».

Вскорѣ англичане обратили вниманiе на Павла Васильевича и,
посѣтивъ его корабль, стали восхвалять его порядки и приспособле-
нiя, а послѣднiй приложилъ всѣ старанiя, чтобы добиться въ манев-
рированiи той же быстроты, какая была у англичанъ, и ввести всѣ
замѣченныя у нихъ улучшенiя.

Англійское правительство имѣло въ это время обширныя виды и
повсюду разослало привязанiе, чтобы съ русскими кораблями обходи-
лись точно также, какъ и со своими. Такъ какъ англійскiе чинов-
ники не были въ состоянiи провѣрять законность требованiй капита-
новъ, то послѣднимъ было весьма легко обратить эти требованiя въ
свою пользу и прибыль. Но, по свидѣтельству Чичагова, капитаны
были безупречны. Между тѣмъ, Ханниковъ вздумалъ разослать цирку-
ляры ко всѣмъ агентамъ, на которыхъ было возложено удовлевере-
нiе требованiй русскихъ, извѣщая ихъ, чтобы они ничего не выда-
вали по требованiямъ нашихъ моряковъ безъ его одобренiя, въ осо-
бенности же не ссужали деньгами, предвараая ихъ, что онъ за то
не отвѣтствуетъ.

Всѣ капитаны безмолвно перенесли это оскорбленiе; одинъ Павелъ
Васильевичъ счелъ долгомъ чести написать Ханникову письмо (въ
своихъ Запискахъ онъ называетъ письмо «заносчивымъ»), въ кото-
ромъ онъ, между прочимъ, говоритъ, что, считая для себя безчестiемъ
служить подъ его начальствомъ, онъ постарается, елико будетъ
возможно, довести черту, столь позорящую русскiй флотъ, до свѣ-
дѣнiя правительства и тѣмъ отомстить за оскорбленiе, ему нанесенное.

Адмиралъ Ханниковъ ничего не отвѣтилъ на это письмо, но ни-
когда и не забывалъ его.

Въ Чатамскомъ портѣ, гдѣ чинился корабль Павла Васильевича, онъ познакомился съ начальникомъ порта, капитаномъ Проби, и здѣсь влюбился въ дочь его Елисавету (будущую свою жену). И онъ возбудилъ живѣйшее къ себѣ сочувствіе въ этой любезной, благородной, высокообразованной дѣвицѣ,—и формально за нее посватался. Но упрямый отецъ, отдавая должную справедливость достоинствамъ юнаго русскаго моряка, отвѣчалъ наотрѣвъ, что самое существенное препятствіе къ браку Чичагова съ его дочерью состоитъ въ различіи вѣроисповѣданій. До глубины души огорченный, Павелъ Васильевичъ возвратился въ Россію, унося съ собою неизгладимое воспоминаніе о своей первой (и послѣдней) любви и отрадную надежду на осуществленіе завѣтной мечты быть ея супругомъ.

Съ воцареніемъ императора Павла I старикъ-адмиралъ Чичаговъ добровольно удалился отъ службы, а враги его сына возбудили императора противъ всей семьи Чичаговыхъ. Злѣйшими ихъ ненавистниками оказались Кушелевъ и Шишковъ. Хотя надо замѣтить, что не легко имъ было возстановить государя противъ Чичаговыхъ, которые съ предвзятою цѣлью держались далеко отъ двора, чего не могъ не замѣтить императоръ Павелъ Петровичъ, но въ концѣ концовъ они достигли своей цѣли: Кушелевъ, боясь ума и языка Павла Васильевича, во избѣжаніе, чтобъ послѣдній его не столенуль, а Шишковъ—вызванный на то самими молодыми Чичаговыми.

Вотъ что говорить о томъ Павелъ Васильевичъ въ своихъ Запискахъ:

«Между любимцами Кушелева оказался, къ великому моему удивленію, мой молодой и завистливый товарищъ Шишковъ, состоявшій при моемъ отцѣ во время шведской кампаніи. Съ этой минуты я потерялъ остатокъ пріязни и уваженія, которыя еще питалъ къ нему. Хотя онъ и не былъ одаренъ ни большимъ умомъ, ни особенными способностями, но былъ всегда прилеженъ къ дѣлу и казался мнѣ молодымъ челоуѣкомъ честнымъ, непреклоннымъ предъ блескомъ придворнымъ и придерживавшимся своихъ правилъ независимости. Теперь же я узналъ, что онъ, еще при жизни императрицы Екатерины, при содѣйствіи Кушелева, втерся къ наслѣднику престола и льстилъ ему, одобряя его неприязнь къ матери. Что за ужасъ! Чтобы найти къ этому предлогъ, онъ поднесъ наслѣднику свою книгу подъ заглавіемъ: «Морское искусство». Она была принята съ великими благодареніями, потому что все это дѣлалось безъ вѣдома императрицы и никто изъ ея окружающихъ этой книги не читалъ. Признаюсь, что мною овладѣло такое омерзѣніе, что, встрѣчая Шишкова, я не могъ

скрыть моего негодованія и выказывалъ ему все мое презрѣніе. Къ счастью или къ несчастію у меня такой характеръ,—это другой вопросъ; но я приобрѣлъ себѣ въ Шишковѣ большаго врага, который надѣлалъ мнѣ много зла впоследствии, вооруживъ Кутузова противъ меня. Всегда завистливый Шишковъ не могъ терпѣть мысли, что я былъ выше его чиномъ, даже въ столь благопріятное для него царствованіе Павла I, или что я получалъ хорошія назначенія, какъ будто онъ хотѣлъ мнѣ отмстить, что я болѣе его отличался въ шведскую войну. По его понятіямъ я былъ, конечно, не это иной, какъ человѣкъ, избалованный счастіемъ, сынъ адмирала, — главнокомандующаго».

О поднесеніи книги Шишковымъ и обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это поднесеніе при посредствѣ Куселева, подробно говорится въ Запискахъ А. С. Шишкова.

Павелъ Васильевичъ проводилъ время въ Кронштадтѣ въ занятяхъ и держась въ отдаленіи отъ столицы. Онъ велъ всегда скромную, замкнутую жизнь и, какъ отецъ, отличался простотою въ обхожденіи. Онъ былъ особенно друженъ съ молодымъ Грейгомъ.

Такъ прошло время до рѣшенія императора произвести маневры всему флоту. Адмиралъ Василій Яковлевичъ былъ назначенъ къ командованію флотомъ, но это назначеніе сопровождалось нелѣпыми инструкціями Куселева, служившаго еще мичманомъ у старика Чичагова. Тогда герой шведской войны написалъ императору, что онъ старъ и боленъ и просить отставки. Эта просьба была уважена тотчасъ же безъ соблюденія какой-либо вѣжливости. Чичаговъ — сынъ былъ принужденъ идти съ «Ратвизаномъ», но не могъ выдержать маневровъ и подалъ рапортъ о болѣзни.

Затѣмъ Куселевъ сталъ преслѣдовать уже все семейство Чичаговыхъ. Петръ Васильевичъ былъ произведенъ въ чинъ полковника, но на конвертѣ грамоты его назвали подполковникомъ. Желая знать, какъ понимать эту царскую милость, онъ спросилъ письмомъ Куселева, который отвѣчалъ ему:

— «Конечно, нѣтъ, ибо вы должны видѣть, что на конвертѣ вы означены подполковникомъ».

Тогда Чичаговъ-младшій подалъ тоже въ отставку и задумалъ заняться своимъ имѣніемъ. Многіе стали его укорять въ нелюби къ отечеству, въ мелкомъ самолюбіи,—такъ какъ Куселевъ, Шишковъ, Баратынскій опередили его въ чинахъ и т. д. Первое обвиненіе всего безобразіе и несправедливѣе. Вотъ что пишетъ самъ Павелъ Васильевичъ про эту эпоху въ 1815 году, когда его самолюбіе было,

дѣйствительно, оскорблено и соотечественники ему отплатили черною неблагодарностью:

«Поистинѣ, какъ было бы возможно быть полезнымъ любезному отечеству, сдѣлавшись разумнымъ помѣщикомъ, приведа въ порядокъ огромныя земли, намъ принадлежавшія; сколько отрадь испытало бы сердце человѣка, задавагося цѣлю улучшить бытъ бѣдныхъ крестьянъ, помогать имъ въ ихъ нуждахъ, быть ихъ другомъ, сдѣлаться руководителемъ и просвѣтителемъ юношества! Какъ хотѣлось мнѣ испытать борьбу съ нашимъ рабствомъ и дать новое бытіе закоптѣлымъ избамъ многихъ тысячъ нашихъ крестьянъ. Я чувствовалъ себя сильнымъ; думалъ, что съ отважнымъ духомъ и великою моею любовію къ отечеству я буду въ состояніи преодолѣть всѣ препятствія; вотъ почему съ наслажденіемъ я спялъ мой мундиръ, предоставляя Шиховнымъ и Баратынскимъ искать ихъ счастья на равнинѣ интригъ, грабительствъ, раболѣпства, уступая имъ право получать награды».

Собираясь ѣхать въ деревню въ декабрѣ 1797 года, Павелъ Васильевичъ неожиданно получилъ извѣстіе изъ Англій, что капитанъ Проби умеръ и дочь его, невѣста Чичагова, Елисавета Карловна—осталась одна и ждетъ его пріѣзда. Положеніе молодого Чичагова сдѣлалось критическимъ. Оставалось одно средство—просить милости императора и разрѣшенія ѣхать въ Англію. Въ отвѣтъ на его просьбу—черезъ посредство кн. Безбородко, послѣдовалъ ордеръ съ отказомъ, въ которомъ было сказано, что «императоръ находитъ въ Россіи настолько достаточно дѣвицъ, что нѣтъ надобности ѣхать искать ихъ въ Англію».

Это былъ сильнѣйшій ударъ молодому Чичагову, озлобившій его страшно. Иначе и не могло быть, потому что Павла I окружали враги Чичаговыхъ. Спрашивается, что сдѣлалъ имъ незначительный, безсильный при дворѣ, капитанъ «Ратвизана»? Павелъ Васильевичъ сообщил о своемъ горѣ С. Р. Воронцову. Письмо послѣднаго къ генералъ-прокурору Лопухину должно было спасти Чичагова, но Купелевъ придумалъ самую гнусную каверзу. Императору понадобилось отправить эскадру въ Англію, для дѣйствія противъ голландцевъ, и государь, узнавъ, что гр. Воронцевъ свидѣтельствуетъ о Чичаговѣ, какъ о морякѣ, способности котораго извѣстны англичанамъ, приказалъ зачислить въ службу, ввѣрить ему эскадру и разрѣшить жениться.

Молодой Чичаговъ явился въ Павловскѣ, гдѣ представился прежде всего Купелеву, безъ котораго нельзя было войти къ императору. Между ними произошелъ разговоръ и на лукавые вопросы Купелева адмиралъ Чичаговъ (принятый на службу контръ-адмираломъ) отвѣчалъ съ обычною прямою и честностью; ничего обиднаго для Ку-

шелева не было сказано, но повышение Чичагова было для него опасно. На другой день, не допустивъ адмирала въ кабинетъ императора, Куселевъ доложилъ государю, что просьба Чичагова жениться и отъѣздъ его есть лишь предлогъ; цѣль же его—перейти на англійскую службу. Можно себя представить гнѣвъ Павла I! Чичаговъ былъ тотчасъ же снова уволенъ отъ службы. Не прошло четверти часа, императоръ потребовалъ его къ себѣ въ кабинетъ, сталъ упрекать въ измѣнѣ, кричать, топтать ногами, воспрещая Чичагову вымолвить слово; приказалъ сорвать съ него ордена, раздѣть его, провести по дворцу въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и посадить въ крѣпость.

Въ крѣпости Чичаговъ заболѣлъ горячкою, чуть не умеръ, и спасся лишь благодаря покровительству петербургскаго генералъ-губернатора графа фонъ-деръ-Палена, увѣрившаго императора, что Чичаговъ раскаивается. Изъ крѣпости его повезли къ государю, который чистосердечно примирился съ адмираломъ и послалъ его съ эскадрою въ Англiю.

Не безъинтересенъ отзывъ самого Куселева о Павлѣ Васильевичѣ; въ отвѣтъ на просьбы графа Воронцова о дозволеніи жениться Чичагову, Ростопчинъ написалъ (Арх. кн. Воронцова, кн. VIII, стр. 212):

«Ваше порученіе или, вѣрнѣе, ваше приказаніе относительно Чичагова—исполнено. Онъ опять принять на службу контръ-адмираломъ, что ему слѣдовало по старшинству... Графъ Куселевъ лѣзъ изъ кожи вонъ, чтобы выполнить ваши желанія; онъ признается, что г-нъ Чичаговъ достойнѣйшій офицеръ, только гордъ немножко, находясь на службѣ, какъ сынъ адмирала».

Какимъ же могъ быть съ Куселевымъ Павелъ Васильевичъ, послѣ всего сдѣланнаго имъ для семейства Чичаговыхъ? Онъ смотрѣлъ на фаворита съ гордостію и презрѣніемъ, достойными порядочнаго человѣка.

Даже еще въ тѣ времена, когда молодой Чичаговъ не имѣлъ никакого значенія при дворѣ,—у него была масса завистниковъ. Вини съ его стороны положительно никакой не могло быть. Вскорѣ послѣ женитьбы въ Англiи на дѣвицѣ Елисаветѣ Проби, Чичаговъ вернулся въ Россію. Отецъ его, Василій Яковлевичъ, былъ тогда совершенно слѣпъ и, желая передъ смертію хоть обнять сына и услышать голосъ своей невѣстки, собрался изъ деревни въ Петербургъ. Сынъ жилъ въ Ревелѣ и безъ отпуска и разрѣшенія императора не могъ оттуда выѣхать. Не успѣлъ старикъ выйти изъ экипажа у своего дома, какъ прибылъ фельдъегерь съ высочайшимъ повелѣніемъ—немедленно выѣхать ему изъ столицы. Причина была не объяснена, да и не имѣлось

никакой; естественно, что Куселевъ постарался нанести вновь это оскорбленіе ни въ чемъ неповинному старцу. Между тѣмъ отпускъ сыну его былъ разрѣшенъ и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ молодой женой. Можно себѣ представить, каковъ былъ ихъ ужасъ и каково было ихъ негодованіе за слѣпаго отца...

Спрашивается теперь, могутъ-ли безслѣдно переноситься подобныя удары въ жизни и не должны-ли они вліять на характеръ столь чувствительнаго человѣка, какимъ былъ Павелъ Васильевичъ?

Вскорѣ онъ перешелъ съ эскадрою въ Кронштадтъ, гдѣ вдоволь налюбовался на беспорядокъ въ портѣ, на мошенничество служащихъ и поголовное казнокрадство морскаго вѣдомства.

Когда возникли неудовольствія императора противъ англичанъ, онъ послалъ фельдъегеря за молодымъ Чичаговымъ въ Кронштадтъ. Подобнаго рода призывъ казался подозрительнымъ и адмиралъ со страхомъ поѣхалъ, подъ стражею, въ Петербургъ. Къ счастью, Павелъ I желалъ на этотъ разъ съ нимъ посовѣтоваться, и на другой день пригласилъ Чичагова на военный совѣтъ, на которомъ государь намѣревался изъяснить свой планъ защиты Кронштадта отъ англійскаго флота. Приемъ, оказанный Чичагову, былъ настолько благосклоненъ, что онъ совершенно позабылъ, что находится передъ особою императора, а на вопросъ Павла I: «что-же вы скажете на все это? Я вамъ позволяю говорить откровенно»—адмиралъ хотѣлъ было открыть государю всю истину, но, по счастью, его величество вышелъ на минуту изъ комнаты и приказалъ себя подождать. Чичаговъ, на глазахъ котораго дѣлались приготовленія въ Кронштадтѣ, зналъ, что тамъ еще не приступали къ постройкѣ морскихъ батарей, требующей нѣсколько лѣтъ усиленной работы, а адмиралъ Куселевъ, виновникъ всѣхъ беспорядковъ и злоупотребленій, увѣрилъ императора, что работы по укрѣпленію порта окончены и въ блестящемъ видѣ.

Графъ фонъ-дер-Паленъ, пользуясь удобной минутой, быстро подошелъ къ Павлу Васильевичу и шепнулъ ему:

— «Ради Бога, мой милый адмиралъ, образумьтесь; я чувствую ваше намѣреніе, но здѣсь можно только говорить «да» и «очень хорошо»; иначе вы рискуете навлечь на себя новыя неудовольствія, безъ того, чтобы это къ чему нибудь послужило».

Такимъ образомъ графъ фонъ-дер-Паленъ опять выручилъ Чичагова изъ бѣды.

Если правдивость и полная откровенность были всегда присущи Павлу Васильевичу, даже когда онъ говорилъ императору, то это одно уже доказываетъ, что это качество, дѣйствительно, было въ немъ врожденное.

III.

Твердость характера, достоинства, умъ и образованіе Чичагова не могли не быть замѣчены наслѣдникомъ престола, и съ воцареніемъ Александра I онъ былъ тотчасъ приближенъ къ молодому императору.

Императору Александру I предстоялъ громадный трудъ,—не только возстановить все, что было разрушено его отцемъ, но, можно сказать, даже преобразовать Россію, искоренить злоупотребленія, призвать ее къ новому бытію. Ему нужны были сотрудники—энергичные, умные и образованные. Адмиралъ Павелъ Васильевичъ обладалъ не только этими качествами, но имѣлъ умъ государственнаго человѣка, способнаго обнять не одинъ свой специальный кругъ дѣятельности. Отношенія императора Александра I къ адмиралу быстро приняли задушевный, интимный характеръ. Ихъ переписка въ высшей степени характеризуетъ ихъ обоихъ.

Сдѣлавшись морскимъ министромъ, членомъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, Павелъ Васильевичъ сталъ работать, какъ искренній другъ императора и сынъ, безгранично любящій свое отечество. Русскій флотъ переродился при немъ; техника развилась и силы наши увеличились. Было образовано министерство; устроены порты, элинги, словомъ, за нѣсколько лѣтъ нельзя было узнать ни моряковъ, ни нашихъ кораблей. Хищенія прекратились; но, естественно, число враговъ увеличилось въ нѣсколько разъ. Мнѣнія и записки, поданныя Чичаговымъ въ государственный совѣтъ,—драгоценнѣйшіе историческіе документы этой эпохи.

Мы задались цѣлю собрать отзывы современниковъ о Чичаговѣ, какія бы они ни были, и думали, что, благодаря общей молвѣ не въ его пользу, мы наберемъ цѣлую серію отзывовъ отрицательныхъ и чрезъ нихъ сами узнаемъ, что было имъ сдѣлано вреднаго, несообразнаго, достойнаго порицанія. Въ дѣйствительности-же невыгодныхъ для его памяти отзывовъ мы почти не нашли, и вообще нигдѣ не указываются основанія, вслѣдствіе которыхъ не влюбилъ Павла Васильевича. Это еще болѣе доказываетъ, какъ голословны были обвиненія, которымъ онъ подвергался, не зная за собой вины, и какъ человѣчество вообще склонно ко всему дурному или, какъ

сказалъ поэтъ: «...еслибъ кто въ людей проникъ, что хуже въ нихъ: душа или языкъ?»

Не безынтересно будетъ прочесть эти отзывы. А. П. Ермоловъ пишетъ въ своихъ Запискахъ (стр. 260—269):

«Я не могъ не видѣть превосходства ума его, точности разсужденій и совершеннаго знанія обстоятельствъ. Упругій нравъ его, колкій языкъ и оскорбительная для многихъ прямота сдѣлали ему много непріятелей»...

«Адмиралъ Чичаговъ, при первомъ разговорѣ со мною, выказался превосходнаго ума, и я чувствую съ негодованіемъ, насколько безсильно оправданіе мое возлагаемыхъ на него обвиненій».

Графъ Ѳ. П. Толстой говоритъ въ своихъ Запискахъ («Русск. Старина» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 36, 37, 44):

«П. В. Чичаговъ былъ человѣкъ весьма умный и образованный. Будучи прямаго характера, онъ былъ удивительно свободенъ и какъ ни одинъ изъ другихъ министровъ простъ въ обращеніи и разговорахъ съ государемъ и царской фамиліей. Зная свое преимущество надъ знатными придворными льстецами, какъ по наукамъ, образованію, такъ и по прямотѣ и твердости характера, Чичаговъ обращался съ ними съ большимъ невниманіемъ, а съ иными даже съ пренебреженіемъ, за что, конечно, былъ ненавидимъ почти всѣмъ придворнымъ міромъ и всей пустой, высокоумной знатью; но Александръ I и императрица Елисавета Алексѣевна его очень любили. Съ низшими себя и съ своими подчиненными и просителями (которыхъ всегда принималъ безъ малѣйшаго различія чиновъ и званія), Чичаговъ обращался весьма привѣтливо и выслушивалъ просьбы послѣднихъ съ большимъ терпѣніемъ».

Канцлеръ А. Р. Воронцовъ писалъ князю Андрею Ивановичу Вяземскому (Архивъ кн. Вяземскаго, стр. 246, 261):

«Вамъ дали фальшивыя понятія о Чичаговѣ; онъ честный, ревностный и знаетъ свою отрасль; хочетъ искоренить всѣ злоупотребленія и взяточничество, которыя вошли въ обыкновеніе во флотѣ».

«...Не буду отрицать, что онъ имѣетъ бойкость въ характерѣ, который не гибокъ, не миротворный, и это ему доставило много враговъ».

Въ рукописи саксонскаго посланника въ 1804 г., переведенной Ѳ. Ѳ. Шиманомъ («Русск. Старина» изд. 1880 г., томъ XXXIX, стр. 796—822):

«Вице-адмиралъ Чичаговъ человѣкъ, обладающій рѣдкими нравственными достоинствами и, что еще важнѣе, онъ не только считаетъ нравственность обязательною для себя, но преслѣдуетъ въ своемъ

министерствѣ злоупотребленія съ неутомимою дѣятельностью, которой нѣтъ примѣра въ Россіи. Человѣкъ развитой и трудолюбивый, онъ хорошо знакомъ со своимъ дѣломъ. Его упрекаютъ только за страстіе ко всему новому, говоря, что онъ недостаточно цѣнитъ заслуги своихъ соотечественниковъ, оказывая предпочтеніе иностранцамъ. Онъ говоритъ быстро и любитъ спорить, вслѣдствіе этого мнѣнія его кажутся иногда болѣе крайними; на самомъ дѣлѣ, его нравственныя качества заслужили ему довѣріе и милость императора; онъ управляетъ морскимъ министерствомъ почти самостоятельно».

Этотъ отзывъ такъ точенъ и вѣренъ, что съ нимъ нельзя не согласиться; но авторъ и многіе другіе съ нимъ вмѣстѣ жестоко ошибаются только въ томъ, что обвиняютъ адмирала, будто бы онъ недостаточно цѣнитъ заслуги своихъ соотечественниковъ, оказывая предпочтеніе иностранцамъ. Это безусловно несправедливо и противоположно убѣжденіямъ самого Павла Васильевича. Наоборотъ, онъ въ своихъ Запискахъ жестоко порицаетъ Петра Великаго за то, что онъ думалъ развить свой народъ съ помощью иностранцевъ и потому лишь направилъ его на ложный путь и отнялъ всякое чувство собственного достоинства въ русскихъ. У него есть цѣлая статья объ иностранцахъ, въ которой онъ перечисляетъ ихъ поименно и доказываетъ, что кромѣ вреда они ничего не принесли Россіи. За принятіе на службу иностранцевъ Александромъ I, онъ укорялъ императора въ письмахъ, съ полною откровенностію всегда, что не было подчасъ пріятно государю. Императоръ оправдывался и отвѣчалъ ему, какъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 9 марта 1806 года:

«...Постараюсь доказать вамъ, что самыя ваши возраженія были несправедливы. Про Себастіани вы выразились: кто онъ такой и не иноземецъ-ли для Франціи потому, что онъ сардинецъ? Но развѣ это резонъ, чтобы Бонапарте не употреблялъ его для своей службы? Могутъ-ли я помочь тому, что образованіе у насъ еще такъ отстало — и до тѣхъ поръ, покуда не сознаютъ нужды, чтобы родители поболѣе о немъ заботились; если-бы я не прибѣгалъ къ содѣйствію извѣстныхъ иностранцевъ, дарованія которыхъ испытаны, число способныхъ людей и безъ того малое еще уменьшилось-бы значительно. Что сдѣлалъ-бы Петръ Первый, если-бы не пользовался службою иностранцевъ? Чувствую, что въ то-же время въ этомъ есть зло; но это зло меньшее изъ двухъ, ибо можемъ-ли мы отсрочивать событія до тѣхъ временъ, въ которыя наши земляки будутъ находиться на высотѣ всѣхъ тѣхъ должностей, которыя они должны занимать? Все это я сказалъ вамъ для того только, чтобы доказать вамъ, что въ дан-

ную минуту нельзя взять за правило не употреблять на службу иностранцевъ».

Адмиралъ А. С. Шишковъ — описывая въ своихъ Запискахъ столкновеніе императора Павла I съ Чичаговымъ, говоритъ:

«П. В. Чичаговъ, нравомъ и свойствомъ весьма съ отцемъ своимъ различный, надменный мнимыми своими достоинствами, дерзкій на языкъ и ненавидящій отечество свое — Россію, былъ отставленъ и жилъ въ деревнѣ...»

Слѣдовало-бы прибавить къ этому отзыву: «моими и Куселева стараніями!» Могъ-ли человѣкъ, писавшій эти строки въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1828 г., выказать болѣе несдержанности и ненависти! Во всякомъ случаѣ отзывъ Павла Васильевича о Шишковѣ не дышетъ такою враждою; напротивъ, въ немъ видно, что ему было тяжело такъ разочароваться въ товарищѣ. Что же сдѣлалъ, наконецъ, Павелъ Васильевичъ Шишкову? Прочитавъ Записки того и другаго, мы видимъ: Шишковъ завидуетъ Чичагову еще въ шведскую кампанію, хотя онъ былъ моложе и чинами, и службою, но юный георгіевскій кавалеръ проситъ отца послать Шишкова съ донесеніемъ къ императрицѣ и оказываетъ ему протекцію. Шишковъ успокаивается на время. Затѣмъ Чичаговъ - младшій узнаетъ, что Шишковъ сдружился съ Куселевымъ и втерся къ наслѣднику престола, въ которомъ старается поддержать ненависть къ матери. Это до того поражаетъ Павла Васильевича, что онъ выказываетъ Шишкову полное свое презрѣніе. Шишковъ снова начинаетъ враждовать и вооружаетъ Куселева противъ Чичагова. При Павлѣ I—Шишковъ быстро подвигается въ чинахъ за маневръ и обгоняетъ Чичагова. Куселевъ преслѣдуетъ всю семью Василія Яковлевича и хотя Шишковъ считаетъ и признаетъ послѣдняго своимъ благодѣтелемъ, но онъ допускаетъ всѣ жестокости Куселева въ отношеніи старика; поноситъ и порочитъ, елико возможно, сына своего благодѣтеля. Графъ фонъ-дерб-Паленъ, прїѣзжая въ крѣпость къ Павлу Васильевичу, рассказываетъ про Шишкова, что онъ приблизился даже къ Кутайсову и повезъ его сына съ собою за границу, обѣщая ему замѣнить отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта поѣздка имѣетъ другую цѣль: ему высочайше повелѣно слѣдить за графомъ Орловымъ. Всѣ эти факты подтверждаются въ Запискахъ Шишкова и они не могли не возмутить Павла Васильевича. Съ воцареніемъ Александра I—Шишковъ сходитъ со своего поприща и вступаетъ на него Чичаговъ. Шишковъ возмущается тѣмъ, что государь возвращаетъ Чичагову старшинство и производитъ его въ вице-адмирала. Шишковъ находитъ это даже несправедливымъ и,

кромѣ того, завидуешь до болѣзненности сыну своего благодѣтеля. Безъ всякаго основанія,—удаленіе свое отъ двора онъ приписываетъ Чичагову. Павлу Васильевичу не было необходимости не допускать Шишкова до двора, такъ какъ онъ никогда не состоялъ кандидатомъ на тѣ должности, которыя занялъ Чичаговъ. Вѣрнѣе всего близость къ Павлу I, дружба съ Куселевымъ, Кутайсовымъ и Мордвиновымъ ему временно навредили. Если онъ выплылъ снова наружу, то только благодаря Чичагову, который, какъ человѣкъ весьма не злопамятный, узнавъ, что Шишковъ безъ мѣста, предложилъ ему принять званіе предсѣдателя ученаго департамента и выхлопоталъ ему отнятую ранѣе того пенсію¹⁾. Затѣмъ Шишковъ, благодаря своему языку, потерялъ мѣсто: онъ дерзко отзывался объ императорѣ и его приближенныхъ, писалъ эпиграммы, колкіе стихи и все это доходило до государя. Вскорѣ онъ опять возненавидѣлъ Чичагова, и такъ какъ Кутузовы были свойственники Шишкову, то онъ возстановилъ фельд-маршала противъ своего благодѣтеля. Вотъ въ чемъ состоитъ вина Чичагова—и дѣйствительно онъ былъ виноватъ въ томъ, что оказывалъ свои благодѣянія человѣку, ихъ не стоившему.

Было еще нѣсколько враговъ у Чичагова, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ англоманъ и ненавидитъ Россію и все, что есть русскаго.

Въ отвѣтъ на это мы можемъ привести подлинныя слова Чичагова изъ его Записокъ. Разбирая преобразованія Петра I-го, онъ въ концѣ своего обзора говоритъ:

«Можетъ быть въ Россіи не согласны съ моимъ мнѣніемъ: было даже время, когда враги мои считали меня за англомана, потому что я всегда восхищался порядкомъ и законами англичанъ. Можетъ быть, тотъ, кто критикуетъ Петра Великаго, хотя-бы и въ 1815 году, есть уже дурной соотечественникъ? Во всякомъ случаѣ, ко мнѣ это не при мѣнно; пусть только тѣ, которые не раздѣляютъ моего мнѣнія, ознакомятся съ моею жизнью и тогда врядъ-ли явится въ нихъ сомнѣніе въ тѣхъ чувствахъ, которыя мною руководили со дня рожденія».

Дѣйствительно, послѣдніе 34 года своего невольнаго пребыванія за границею онъ провелъ въ Италіи и Франціи, но не жилъ въ Англіи, образъ жизни которой ему никогда не былъ симпатиченъ.

Графъ С. Р. Воронцовъ писалъ 15-го января 1813 г. сыну своему о томъ, что до него дошли слухи, будто императоръ Александръ I помышляетъ о провозглашеніи себя королемъ польскимъ;

¹ Это рассказываетъ самъ А. С. Шишковъ.

находя въ этомъ одинъ лишь вредъ, графъ Семенъ Романовичъ прибавляетъ: «Прошу васъ сообщить все, что я пишу, нашему другу Павлу Васильевичу. Я увѣренъ, что, съ его правильнымъ сужденіемъ, возвышенной душой и истиннымъ патриотизмомъ, онъ увидитъ весь вредъ, который опрометчивый проэктъ этотъ можетъ нанести нашей родинѣ».

Придворный врачъ Рожерсонъ писалъ С. Р. Воронцову (Арх. кн. Вор., кн. XIII, стр. 160): «Чичаговъ—золотой человекъ; но я боюсь, что его привычка порицать другихъ (за что мы всё его бра-нимъ) не лишила-бы его родину многихъ его услугъ»...

«Чичаговъ—человекъ гениальный и сердечный» (стр. 173).

«Онъ дѣятельный, безкорыстный и способный» (стр. 212).

«Онъ интересный человекъ во всѣхъ отношеніяхъ» (стр. 264).

Лордъ Вильсонъ, находившійся при главной квартирѣ Кутузова въ 1812 году, писалъ 27-го сентября императору Александру I-му про адмирала Чичагова (Сборникъ Дубровина, стр. 201):

« Я знаю, что нѣтъ человека болѣе преданнаго вашему величеству и котораго поступки основаны на чистѣйшихъ правилахъ любви къ отечеству и строгой справедливости»... (27-го октября): «Адмиралъ почтилъ меня весьма лестнымъ и дружескимъ письмомъ, которое тѣмъ для меня драгоценнѣе, что оно отъ такого честнаго человека, каковъ адмиралъ».

Алексѣй Грейгъ писалъ С. Р. Воронцову (Арх. кн. Вор., кн. XIX, стр. 428) въ 1804 г. отъ ноября 12-го:

«Съ величайшимъ удовольствіемъ прочелъ я откровенное и искреннее признаніе г-на адмирала Чичагова относительно перемѣны его взглядовъ и его мнѣній о новомъ императорѣ, что согласуется съ тѣмъ, что я имѣлъ уже удовольствіе вамъ говорить; но съ величайшею скорбью смотрю на исполненіе того, чего я боялся въ отношеніи его здоровья и необходимости ему покинуть службу. Это будетъ незамѣнимая утрата для нашего флота, который всѣмъ обязанъ его попеченіямъ и его трудамъ. Я никакъ не въ состояніи отказаться отъ привлекательной надежды—видѣть его снова здоровымъ, что столь необходимо для существованія флота и столь дорого для его семьи и его друзей. Лыщусь надеждою, что онъ будетъ въ силахъ еще долго оставаться на этомъ посту, который онъ столь достоинъ занимать».

Жозефъ де-Местръ (Joseph de-Maistre), извѣстный въ то время иностранецъ, представитель сардинскаго короля въ Петербургѣ, отличавшійся остроуміемъ, но незавидною нравственностію, считавшій себя другомъ Павла Васильевича, льстившій ему и устно, и пись-

менно, хотя никогда не добился расположенія адмирала,—писалъ въ Италию (*Mémoires et correspondance*, p. 303, janvier 1808):

«Я еще долженъ поговорить съ вами о министрѣ, очень выдающемся въ настоящую минуту. Это адмиралъ Чичаговъ, морской министръ. Онъ сынъ другаго адмирала того-же имени, одержавшаго при Екатеринѣ II великую морскую побѣду надъ шведами и мраморный бюстъ котораго стоитъ въ Эрмитажѣ. Не могу сказать вамъ, чтобы онъ былъ еще живъ, но онъ еще не похороненъ. Ему девяносто лѣтъ; сынъ его одна изъ замѣчательныхъ головъ въ этой странѣ. Онъ былъ воспитанъ въ Англии, гдѣ выучился преимущественно презирать свою родину и все то, что въ ней происходитъ. Рѣчи его отличаются смѣлостью, которую можно было бы назвать инымъ именемъ. Такъ какъ онъ очень уменъ и самобытенъ, то его тонкія и мѣткія остроты уязвляютъ глубоко. Онъ считается рѣшительнымъ сторонникомъ Франціи; но это не такъ вѣрно, какъ думаютъ, ибо несомнѣнно, что онъ вынесъ изъ Англии весьма замѣтное уваженіе къ этой странѣ. Полагаю, что у него въ головѣ не мало французскихъ идей; но трудно въ этомъ убѣдиться, ибо онъ всему противорѣчить, единственно ради забавы. Иногда я называю его джентльменомъ противоположнаго берега, чтобы смѣшнить его жену; она англичанка и онъ страстно ее любитъ... Его боятся, потому что онъ настаиваетъ на порядкѣ, и ненавидятъ за то, что онъ не позволяетъ, чтобы крали въ его вѣдомствѣ. Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ молва ежедневно пророчитъ ему отставку, а между тѣмъ онъ постоянно завоевываетъ себѣ почву, смѣясь надъ всѣмъ. Императоръ знаетъ слова и мнѣнія министра не хуже пишущаго эти строки (?), однако же, онъ удерживаетъ его и постоянно возвышаетъ. Мнѣ сдается, что онъ вѣрить въ его безкорыстіе и считаетъ полезною его горячую голову. Хотя, можетъ быть, въ Петербургѣ нѣтъ дома, въ который было бы трудно проникнуть, какъ къ нему, но я проникъ въ него безъ обиняковъ, не знаю какъ, будто вода въ губку, и я въ немъ на дружеской ногѣ. Это послужило въ пользу подданнымъ короля, но въ особенности моему брату. Я обязанъ Чичагову многимъ и мнѣ было-бы непростительно когда-либо это забыть. Теперь онъ въ столкновеніи съ Аракчеевымъ; точно двѣ бомбы, встрѣтившіяся на лету. Считаютъ неизбѣжнымъ, что одинъ изъ нихъ раздавитъ другаго».

«Аракчеевъ и Чичаговъ не столкнулись и оба цѣлы и невредимы. Второй изъ нихъ для меня неразрѣшимая нравственная загадка, и я не встрѣчалъ никого, кто бы могъ мнѣ ее разъяснить. Онъ другъ французовъ, бюстъ Бонапарта стоитъ у него на бюро; онъ цѣлый

день злословить англичанъ и нѣтъ здѣсь англичанина, который бы ему не представлялся. Французы, напротивъ того, къ нему ни по-гой».—(Стр. 116, 9 août 1804): «Адмиралъ—пруссакъ (?!), ему всегда дуетъ попутный вѣтеръ, нѣту болѣе вѣрнаго протектора; но онъ вспыльчивъ, всегда ссорится, вслѣдствіе чего у него есть враги. Впрочемъ, онъ невозможный оригиналъ; онъ не крадетъ и не позволяетъ красть въ своемъ министерствѣ, за что его ненавидятъ. Помните это въ буквальномъ смыслѣ, безъ малѣйшей тѣни шутовства».

Что за смѣшная болтовня дипломата, который не стѣмѣлъ перекричать Павла Васильевича! Трудно было сардинскому королю руководствоваться подобнымъ донесеніемъ своего посла. Де-Местръ указывалъ на адмирала, какъ на лицо, весьма приближенное къ императору, но называлъ его то англоманомъ, то французомъ, то, наконецъ, пруссакомъ. Это космополитъ—но никакъ не русскій. Дѣйствительно, было любопытно смотрѣть на Чичагова, когда онъ морочилъ дипломатовъ и насмѣхался надъ ними. Онъ прекрасно понималъ, что они приходили къ нему не какъ къ Павлу Васильевичу, а какъ къ другу государя, желая извлечь изъ него свои выгоды; онъ любилъ говорить и спорить, что было весьма интересно, съ людьми образованными и тѣмъ болѣе во время лихорадочнаго волненія всей Европы. Отдавая справедливость каждой націи въ нѣкоторыхъ природныхъ склонностяхъ, восхваляя сегодня однихъ за одно и оуждая на другой день ихъ-же за другое, онъ спутывалъ дипломатовъ-иностранцевъ, что было все-таки труднѣе съ ними, нежели съ еле образованными своими товарищами, министрами и сановниками. Присутствіе бюста Наполеона на его столѣ казалось въ то время преступленіемъ и вселяло убѣжденіе, что Чичаговъ французъ. Онъ восхищался геніемъ Наполеона и насмѣхался надъ способностью человечества подчиниться уму любого авантюриста. Павелъ Васильевичъ былъ уже тѣмъ истинно русскій человѣкъ, что въ разговорахъ съ иностранцами бранилъ русскіе законы, порядки и нравы, а это безусловно врожденный недостатокъ всѣхъ русскихъ людей!

Младшая дочь Павла Васильевича, Екатерина, бывшая замужемъ за французскимъ адмираломъ графомъ де-Бузэ (de-Bouzet), писала въ 1853 г. про отца графу Родольфу де-Местру (Rodolphe de-Maistre):

«Адмиралъ Чичаговъ доводилъ откровенность до неосторожности, безкорыстіе до обмана, скромность до пренебреженія собственной репутаціи, надѣясь, что время ему отдастъ справедливость, хотя до сихъ поръ этого не произошло; ненавидѣлъ возвышающихъ себя и презиралъ предразсудки свѣта».

Почти во всѣхъ произведенныхъ нами отъѣздахъ говорится о страсти Павла Васильевича спорить и противорѣчить. У него, дѣйствительно, была любовь къ ученымъ диспутамъ и къ разговору... но въ отношеніи государственныхъ вопросовъ и дѣлъ это обвиненіе было бы неумѣстно. Учрежденіе министерствъ потребовало людей свѣдущихъ, одаренныхъ тактомъ, соображеніемъ; въ дѣйствительности же вышло, что каждый министръ постоянно вмѣшивался въ дѣла другихъ министровъ; подносились къ подписи государя рѣшенія, не касавшіяся вовсе докладчика, и вслѣдствіе этого происходили столкновенія и путаница. Такъ Павелъ Васильевичъ, въ концѣ концовъ, перессорился со всѣми министрами. Лѣса, принадлежавшія правительству, состояли въ вѣдѣніи министра финансовъ, и когда адмиралъ горячо принялся за постройку новыхъ судовъ, то испрашивалъ у государя разрѣшенія выбирать корабельный лѣсъ и посылалъ своихъ офицеровъ отмѣчать его. Министръ финансовъ, обижаясь, что помимо его морской министръ испрашивалъ себѣ высочайшія повелѣнія, выдумывалъ придирки, затрудненія и т. д. Всякіе присски, каменно-угольные копи находились сперва въ вѣдѣніи министра юстиціи Державина. Онъ доносилъ государю о новыхъ залежахъ, и когда его величество приказалъ Чичагову изслѣдовать, не годится-ли указываемый уголь для флота, то адмиралъ посылалъ туда морскихъ офицеровъ. Большею частію всѣ донесенія Державина приходилось опровергать и тогда постъ-министръ вливался въ амбицію и ссорился съ Чичаговымъ. Ни одной эскадры или экспедиціи не могъ Павелъ Васильевичъ отправить безъ того, чтобы дипломаты не желали ея командовать съ суши и т. д. Все это мы увидимъ подробно въ Запискахъ.

Вслѣдствіе окончательной невозможности придти къ соглашенію, Павелъ Васильевичъ оставилъ постъ министра. Этому способствовала болѣзнь его жены, требовавшая леченія за границею. Тогда, не желая разстаться съ Чичаговымъ, императоръ оставилъ его при своей особѣ, давъ ему наименованіе—постоянно дежурнаго генераль-адъютанта. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, Павелъ Васильевичъ вступилъ въ исправленіе новыхъ своихъ обязанностей, заключавшихся въ томъ, что ежедневно, въ 11 часовъ утра, адмиралъ приходилъ къ государю и его величество совѣщался съ нимъ по всѣмъ вопросамъ государственнаго управленія.

Это положеніе Чичагова создало ему еще новыхъ враговъ, хотя онъ болѣе ни съ кѣмъ не соприкасался. Императоръ искренно желалъ добиться освобожденія крестьянъ и Чичаговъ поддерживалъ въ немъ это желаніе. Осуждая громко въ обществѣ русскихъ дворянъ,

привязанныхъ къ крѣпостничеству, Павелъ Васильевичъ приобрѣлъ названіе «якобинца» и «либерала». Враги его даже рѣшились однажды донести на него государю, какъ говоритъ адмиралъ въ своихъ Запискахъ. Они назвали Чичагова революціонеромъ; но такъ какъ императоръ ранѣе ихъ зналъ мысли Павла Васильевича и понималъ, что либерализмъ его касается лишь освобожденія крестьянъ, то онъ отвѣтилъ доносчикамъ:

— «Я знаю, что Чичаговъ врагъ произвола; можетъ быть онъ въ этомъ и правъ!»

Въ 1811 году адмиралъ получилъ назначеніе главнокомандующаго Молдавіею, Валахіею и Черноморскимъ флотомъ. Дѣятельность его здѣсь совершенно неизвѣстна въ Россіи, но славянскіе народы до сихъ поръ поминаютъ его имя съ чувствомъ признательности и уваженія. Недовольный Кутузовымъ и составивъ планъ дѣйствій, Александръ I выбралъ довѣреннымъ лицомъ адмирала Чичагова и, отпуская его отъ себя, онъ повторилъ опять фразу, сказанную про Павла Васильевича нѣсколько лѣтъ назадъ:

— «Я вамъ не дамъ совѣтовъ, зная, что вы злѣйшій врагъ произвола».

Вотъ что писалъ Тьеръ о назначеніи Павла Васильевича (*Histoire de Consulat et de l'Empire. Vol. XIII, p. 492*):

«Александръ имѣлъ при себѣ человѣка, убѣжденіи котораго, почти либеральныя, умъ блестящій и живой ему весьма нравились и подавали надежду на великія заслуги: то былъ адмиралъ Чичаговъ. Государь остановилъ выборъ на немъ, для весьма важнаго порученія на востокѣ, и выборъ былъ весьма удаченъ, такъ какъ адмиралъ былъ, дѣйствительно, годенъ какъ съ практической, такъ и идеальной стороны для роли, которую долженъ былъ играть въ этихъ странахъ».

«...Блестящее воображеніе, столь же неутомимая энергія адмирала соотвѣтствовали этимъ ролямъ, столь различнымъ и смѣлымъ».

Кампанія 1812 г., столь блестяще начатая Павломъ Васильевичемъ съ Дунайскою арміею, имѣла неожиданно для него роковую развязку. Не будемъ входить здѣсь въ какой либо разборъ, тѣмъ болѣе, что исторія уже сама начинаетъ прозрѣвать истину и, отдавая справедливость адмиралу, разоблачаетъ интриги Кутузова.

Въ 1814 году Чичаговъ уѣхалъ за границу въ безсрочный отпускъ и болѣе уже не возвращался на родину по причинамъ, произошедшимъ опять же не по его винѣ. Враги адмирала отомстили ему жестоко, но остается спросить: за что?

Окончательный разрывъ его съ родиной произошелъ въ царствованіе императора Николая I въ 1834 г., и никто въ Россіи, кромѣ

семьи адмирала, не знаетъ причинъ, которыя выяснятся въ Запискахъ и лягутъ темнымъ пятномъ на нѣкоторыхъ дѣятелей царя-визая.

Адмирала Чичагова сгубила прямота его характера, честность и откровенность. Всегда юный душою, онъ думалъ, что съ такими высокими правилами можно добиться на семъ свѣтѣ правды. Онъ любилъ родину болѣе всего на свѣтѣ и любилъ честно и свято, но выражалъ чувства, можетъ быть, слишкомъ своеобразно и громогласно, что зависѣло отъ его взглядовъ и самаго значенія, придаваемого имъ слову «любовь къ отечеству»¹⁾.

Чичаговъ сошелъ со своего поприща именно въ ту эпоху, когда слава Александра I достигла своего апогея и, по непреложному закону судьбы, начала послѣ того склоняться къ закату. Въ послѣднее десятилѣтїе царствованія Благословеннаго Чичаговъ былъ бы не на своемъ мѣстѣ, въ какой-бы то ни было области государственнаго управленія: въ сферѣ духовной юрдовствовалъ Фотій, военными силами завѣдывалъ Аракчеевъ, а свѣтоочи народнаго просвѣщенія находились въ рукахъ Магницкихъ и Руничей...

IV.

Удалясь за границу, адмиралъ Чичаговъ принялся въ 1815 г. за описаніе своихъ воспоминаній. Нѣтъ никакихъ данныхъ къ предположенію, что онъ замыслилъ ихъ издать самъ, хотя на эту мысль и наводитъ черновой набросокъ вступленія въ Запискамъ. Это было сдѣлано единственно съ тою цѣлю, что, быть можетъ, дѣти адмирала захотятъ издать Записки. Проживая въ Италіи, Павелъ Васильевичъ писалъ ихъ на италіанскомъ языкѣ; но такъ какъ послѣдніе годы своей жизни онъ проводилъ преимущественно въ Парижѣ, то Записки исключительно были написаны на французскомъ языкѣ. Характеръ адмирала вполне высказался во внѣшности его Записокъ. Потокъ его мыслей былъ столь быстръ, что при самомъ бѣгломъ почеркѣ рука не поспѣвала за ними. Затѣмъ, перечитывая написанное,

¹⁾ Павелъ Васильевичъ принялъ своимъ девизомъ известное изрѣченіе: «etre et non paraitre» (быть, но не казаться), которое вырѣзалъ на печаткѣ и всегда носилъ съ собою. Д. Ч.

Павель Васильевичъ по нѣскольку разъ дополнял свои рассказы на отдѣльныхъ листкахъ и, такимъ образомъ, Записки приняли громаднѣйшій объемъ, при неразборчивомъ почеркѣ и крайне запутанной редакціи. Есть между ними цѣлыя тетради, которыя писались имъ съ помощью машинки, когда онъ былъ слѣпымъ.

Записки Чичагова отнюдь не имѣютъ характера оправдательнаго. Откровенность автора видна съ первой строки и потому онъ невольно завладѣваетъ довѣріемъ читателя. Замѣчательно, что сколько ни угваривали адмирала отвѣчать на всѣ обвиненія, возведенныя на него за переправу Наполеона чрезъ Березину, онъ отказывался наотрѣзъ. Его могло мучить только одно—если-бы Александръ I сомнѣвался въ его невинности; но такъ какъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ письма государя и зналъ, что между ними недоразумѣній нѣтъ, то былъ увѣренъ, что время свое возьметъ и потомство и исторія его совершенно оправдаютъ. Однако-же на это потребовалось семьдесятъ лѣтъ...

Многіе французскіе и англійскіе литераторы упрашивали адмирала дать имъ его Записки, такъ какъ они воображали, что онъ имѣлъ заднюю мысль, составляя ихъ. Всѣмъ имъ онъ наотрѣзъ отказывалъ и черновыя письма его къ этимъ лицамъ сохранились въ нашемъ семейномъ архивѣ.

Печальна была старость Павла Васильевича. Слепой, болѣе 14 лѣтъ онъ жилъ у младшей своей дочери, графини Екатерины Павловны дю-Бузэ (du Bouzet), которая вышла замужъ за моряка, желая этимъ доставить отцу развлеченіе въ бесѣдахъ съ зятемъ. Но графъ дю-Бузэ 16 лѣтъ былъ женатъ и только два года провелъ ихъ не въ плаваніи. Екатерина Павловна его почти не знала, ибо, какъ она сама намъ передавала, мужъ ея и эти-то года жизни въ семьѣ провелъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ изъ окна своего кабинета. Павель Васильевичъ имѣлъ достаточно времени, чтобы много передумать и перестрадать въ своей грустной неволѣ за границею. Онъ былъ человѣкъ религиозный—и, дѣйствительно, передъ смертію, какъ истинный христіанинъ, простилъ своимъ врагамъ всѣ обиды; въ доказательство этого онъ упрашивалъ дочь, за часъ до своей кончины, сжечь Записки его въ каминѣ, и Екатерина Павловна на колѣняхъ умоляла пощадить эту память о немъ. Тогда онъ передалъ весь архивъ этой дочери, съ запрещеніемъ выдавать его другимъ членамъ семьи. Отсылая императору Николаю I письма покойнаго его брата и свои ордена и уничтожая Записки, онъ думалъ покончить всѣ расчеты съ этимъ свѣтомъ и исчезнуть, не оставивъ никакихъ слѣдовъ ни своей дѣятельности, ни своихъ трудовъ.

Его страшила также мысль, что документы могутъ попасть въ руки иностранцевъ.

Графиня дю Бузэ спасла семейный архивъ, но на собственное горе. Судьба этихъ Записокъ была также бѣдственна, какъ и судьба ихъ автора. По смерти отца, графиня занялась приведеніемъ Записокъ въ возможно понятный видъ и даже задумала ихъ издать; какъ вдругъ, въ 1855 году, въ «Revue Contemporaine», въ Парижѣ, появились выдержки изъ этихъ Записокъ, сообщенныя графомъ дю-Бузэ, дальнимъ родственникомъ ея по мужу. Желая прослыть литераторомъ, этотъ графъ, занимаясь разборомъ бумагъ Павла Васильевича, вмѣстѣ съ Екатериною Павловною, похитилъ нѣсколько листовъ изъ Записокъ адмирала, касающихся 1812 года ¹⁾.

Оскорбленная такимъ поступкомъ своего родственника, Екатерина Павловна немедленно написала письмо ко многимъ редакторамъ газетъ, въ которыхъ, между прочимъ, заявила, что она всегда была и будетъ непричастна къ трудамъ графа дю-Бузэ, въ которыхъ говорится о Россіи.

Это происшествіе и крымская война замедлили изданіе подлинныхъ Записокъ адмирала.

Наступилъ 1858 годъ. Графъ дю-Бузэ не только не одумался, но предпринялъ еще болѣе отважныя дѣйствія. Боясь неудачи во Франціи, онъ удалился въ Берлинъ и издалъ тамъ цѣлую брошюру подъ заглавіемъ: «Мемуары адмирала Чичагова», а затѣмъ повторилъ быстро разошедшееся первое изданіе въ Лейпцигѣ.

Нельзя исчислить сколько вреда принесли эти недостойныя брошюры честному имени Павла Васильевича! Многіе, конечно, помнятъ, какое впечатлѣніе произвела эта брошюра у насъ и съ какою ненавистью стали говорить объ адмиралѣ Чичаговѣ, будто-бы переполнишемъ свои Записки недостойными отзывами о Россіи и о русскихъ людяхъ; но никто не зналъ, кто былъ настоящій авторъ этого дерзкаго памфлета, какимъ образомъ появился онъ въ печати. Изъ нѣсколькихъ листовъ Записокъ адмирала немислимо было составить что-нибудь цѣлое; но чтобы придать имъ видъ законченности и интересъ, авторъ-самозванецъ включилъ плохенькую біографію адмирала, сочиненную Эмилемъ Шалемъ (M. Emile Chasles), рассказы дипло-

¹⁾ О процессѣ дочери адмирала съ графомъ дю-Бузэ была мною напечатана замѣтка въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1881 г., томъ XXXVIII, стр. 487—506).
Д. Ч.

мата англичанина изъ книги «Eastern Europe and the emperor Nicolas», газетныя статьи, собственныя измышленія, слышанныя рассказы—и все это выдалъ за подлинныя Записки Павла Васильевича. Подлогъ графа дю-Бузе еще не былъ бы такъ гнусенъ, если-бы онъ не передѣлалъ Записокъ адмирала, не придавъ-бы къ отзывамъ его о Россіи такіе эпитеты, которые выставили его чуть не измѣнникомъ, и если-бы все это авторъ не извратилъ съ политической цѣлью—именно еще въ 1855 году, чтобы надругаться надъ Россією, маскируясь именемъ ея вѣрваго и добраго сына!

Бѣдная дочь адмирала, нервная и впечатлительная, какъ и ея отецъ, рѣшилась бороться до конца и искать правды. Она начала свои преслѣдованія судомъ и одинокая вышла на защиту чести своего родителя и своей родины, предъ людьми, враждебно настроенными, и предъ судомъ, склоннымъ насмѣяться, вмѣстѣ съ обвиняемымъ, надъ достоинствами ея отечества, съ которымъ Франція только что вела упорную и ожесточенную борьбу.

Можно себѣ вообразить, что испытала эта женщина, дочь русскаго адмирала, несшая съ нимъ одинъ крестъ со времени злополучной переправы Наполеона черезъ Березину! Этотъ процессъ надѣлалъ много шума въ Парижѣ и приобрѣлъ большую извѣстность. На судѣ пришлось доказывать, съ какою цѣлью авторъ-родственникъ извратилъ Записки, вдаваться въ подробности, оскорбительныя для бѣдной графини и не подлежащія, въ сущности, сужденію французовъ. Но возмущенная до глубины души и пораженная наглостью графа дю-Бузе, она говорила такъ увлекательно, умно и внушительно, что судъ не могъ надивиться ея самозащитѣ и рѣшилъ дѣло въ ея пользу.

Запрещенія, наложенныя на поддѣлки графа дю-Бузе, ни къ чему не послужили, и брошюры продолжали читаться съ интересомъ. Въ сущности графъ ни чѣмъ не пострадалъ, а дочь адмирала, душевно разстроенная до болѣзненности, слегла въ постель и вскорѣ получила нервный ударъ, окончившійся параличемъ.

Такимъ образомъ, очернивъ память адмирала Чичагова въ глазахъ его соотечественниковъ, этотъ литературный бандитъ убилъ еще и его дочь, которая съ 1859 года, въ продолженіе 23 лѣтъ, не вставала съ постели и скончалась въ Парижѣ, при невыразимыхъ страданіяхъ, 31-го августа 1882 года.

Вотъ исторія берлинской брошюры, называемой — «Mémoires de l'amiral Tchitchagoff», которою такъ много пользовались наши и иностранныя историографы при своихъ изслѣдованіяхъ! Какъ не припомнить древняго изрѣченія: *Habent sua fata libelli!*

Графиня Екатерина Павловна была весьма похожа лицомъ на своего отца и имѣла много общаго съ нимъ въ характерѣ. Не смотря на паралигическое состояніе ногъ и нервныя страданія, она до послѣдней минуты сохранила ясность и живость ума, молодость характера и поразительную память. Хотя она была увезена изъ Россіи восьми лѣтъ отъ роду, но постоянно мечтала вернуться на родину и гордилась тѣмъ, что она русская. Много есть разказовъ, какъ она грубо обращалась съ французами во время крымской войны. Между прочимъ, однажды, послѣ одной изъ побѣдъ надъ русскими, императоръ Наполеонъ III приказалъ отслужить благодарственное молебствіе, на которое должны были съѣхаться всѣ военные, бывшіе въ Парижѣ. Дабы мужъ Екатерины Павловны не могъ участвовать въ церемоніи, она, послѣ долгихъ и напрасныхъ требованій и просьбъ къ нему остаться дома, тихонько сняла всѣ ордена съ приготовленнаго ему мундира и бросила ихъ въ водопроводную трубу. Такимъ образомъ онъ былъ лишенъ возможности ѣхать изъ дому.

По смерти Екатерины Павловны нашли завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, она оставила органисту той церкви, гдѣ ее отпѣвали, 100 франковъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, во время службы, сыгралъ гимнъ «Боже Царя Храни».

Записки ея отца, адмирала Чичагова, не могли быть изданы при ея жизни, такъ какъ онѣ принесли ей много горя и она ни за что не хотѣла до нихъ дотрагиваться; но онѣ были завѣщаны пишущему эти строки въ его полное распоряженіе.

V.

Остается сказать нѣсколько словъ о Запискахъ П. В. Чичагова.

Мы перевели эти Записки вполне на русскій языкъ и представляемъ ихъ въ подстрочномъ переводѣ. Вступленіе самого автора найдено въ черновомъ наброскѣ. Можетъ быть и не слѣдовало-бы его вовсе печатать, но, дорожа каждой строчкой, которая могла-бы служить къ характеристикѣ этого непонятаго современниками человѣка, мы его помѣстили въ этомъ же, лишь начертанномъ, состояніи.

Въ первой главѣ особенно рельефно проглядываетъ его недовольство противъ дворянъ, которые въ то время препятствовали осво-

боженію рабовъ и придерживались крѣпостничества. Императоръ Александръ I, съ перваго дня восшествія своего на престоль, мечталъ объ освобожденіи крестьянъ и въ этомъ дѣлѣ его поддерживалъ, быть можетъ, одинъ лишь Павелъ Васильевичъ. Императоръ встрѣтилъ непреодолимыя препятствія къ рѣшенію великаго вопроса, и адмиралъ, всю жизнь свою ратовавшій за освобожденіе, во всеуслышаніе укорялъ и клеймилъ дворянство—и въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ всеобщаго неудовольствія противъ Чичагова.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поблагодарить Петра Петровича Каратыгина за его весьма обязательное содѣйствіе при разборѣ нашего обширнаго, разнороднаго и прошедшаго чрезъ многія руки—фамиліаго архива Чичаговыхъ.

Л. М. Чичаговъ.

1885 г.

ФИЛАРЕТЪ ДРОЗДОВЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ,

по матеріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“.

1782 — 1867.

XI ¹⁾.

Въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“ находятся нѣкоторые документы, писанные митрополитомъ Филаретомъ и касающіеся раскола. Для того, чтобы объяснить происхождение нѣкоторыхъ изъ этихъ документовъ—необходимо воснуться вообще положенія раскола въ рассматриваемую нами эпоху.

Въ либеральное царствованіе Александра I свѣтское правительство, а за нимъ, въ силу необходимости, и духовное начальство относились очень снисходительно въ расколу. Крайнимъ выраженіемъ такой снисходительности были высочайше утвержденныя 26 марта 1822 года правила, предоставлявшія бѣглымъ попамъ, если только не было за ними уголовныхъ преступленій, право безпрепятственнаго пребыванія и отправленія богослуженія у раскольниковъ во всѣхъ мѣстахъ, съ тѣмъ, единственно, условіемъ, чтобы для порядка они вели метрики и представляли метрическія вѣдомости гражданскому начальству. Быстрое распространеніе раскола и въ частности бѣглопоповства, явившееся простымъ слѣдствіемъ предоставленной раскольникамъ религіоз-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLVI, июнь, стр. 569—590; т. XLVII, июль, стр. 1—26; т. XLVIII, октябрь, стр. 143—166; декабрь, стр. 487—502.

ной свободы и особенно послѣ изданія секретныхъ, но не оставшихся въ секретѣ правилъ 1822 г., съ самаго вступленія на престолъ императора Николая I составило предметъ особеннаго его вниманія. Тогда начали издаваться разныя стѣснительныя для раскольниковъ распоряженія. Первымъ стѣснительнымъ для раскольниковъ распоряженіемъ (въ 1827 г.) было воспрещеніе раскольничьимъ бѣглымъ понамъ разѣзжаться изъ одного мѣста въ другое. Въ томъ же 1827 году состоялось новое высочайшее повелѣніе, на основаніи котораго поны Рогожскаго кладбища, находившіеся тамъ до этого времени, оставлялись въ покоѣ; но этимъ же самымъ повелѣніемъ положительно и строжайшимъ образомъ запрещалось принимать новыхъ бѣглыхъ священниковъ. Всѣ эти направленные противъ бѣглопоповства распоряженія, при болѣе или менѣе точномъ исполненіи ихъ, должны были привести и, дѣйствительно, привели къ такъ называемому у раскольниковъ оскудѣнію бѣгствующаго священства и къ совершенному прекращенію прискорбнаго для православной церкви бѣглопоповства. Раскольники бѣглопоповщинской секты оказались въ самомъ критическомъ положеніи; они ясно видѣли, что имъ въ недалекомъ будущемъ предстоитъ полное оскудѣніе священства. Тогда они рѣшились просить верховную власть о возстановленіи въ полной силѣ изданныхъ въ 1822 году правилъ относительно священниковъ, уходящихъ отъ православной церкви. Подобнаго рода просьбы были подаваемы во множествѣ отъ разныхъ раскольническихъ обществъ разнымъ правительственнымъ лицамъ и даже на высочайшее имя. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ московскимъ поповцамъ, прихожанамъ Рогожскаго кладбища. Однако просьбы раскольниковъ оставались безуспѣшными. Не смотря на неудачи ходатайствъ о дозволеніи принимать священниковъ отъ православной церкви, старообрядцы продолжали подавать просьбы о томъ и въ послѣдующее время. Для того, чтобы удобнѣе достигнуть своей цѣли, нѣкоторые изъ этихъ просителей предлагали оградить способъ принятія священниковъ разными законными формальностями, вообще строго подчинить его надзору правительства ¹⁾.

¹⁾ Субботинъ. Исторія Вѣдокреницкой іерархіи, т. I, стр. 59.

Между тѣмъ правительство для противодѣйствія расколу предпринимало свои мѣры. Такъ, начали учреждать особые совѣщательные комитеты для обсужденія мѣръ для противодѣйствія распространенію раскола. О самомъ первомъ такомъ комитетѣ сообщаетъ митрополитъ Филаретъ въ своихъ письмахъ къ намѣстнику Антонію. „Первый комитетъ, писалъ ему митрополитъ отъ 9 декабря 1853 года, еще при покойномъ императорѣ (Александрѣ I) состоялъ изъ архіепископа Михаила (впослѣдствіи митрополита), меня и князя А. Н. Голицына; и одинъ только директоръ его былъ и секретаремъ, и писцомъ сего комитета и никто не зналъ о его существованіи. По мнѣнію сего комитета императоръ принялъ рѣшеніе, котораго безъ сего не принялъ бы. Послѣ сіе учрежденіе перешло въ приказную форму, подъ названіемъ секретнаго сдѣлалось гласнымъ, наполнялось людьми какъ случится, но и при всемъ томъ иногда было полезно“ ¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ митрополитъ Филаретъ имѣетъ въ виду комитетъ, открывшійся въ 1825 году и другіе продолжавшіе открываться въ разныхъ мѣстахъ въ послѣдующее время. Секретныхъ комитетовъ по дѣламъ раскольническимъ было нѣсколько и они продолжали существовать еще въ 1850-хъ годахъ.

Съ цѣлію ослабленія раскола и противодѣйствія ему, въ мартѣ 1825 года, въ С.-Петербургѣ, учрежденъ былъ секретный совѣщательный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ. Въ составѣ этого комитета находились слѣдующія лица: митрополиты с.-петербургскій и кievскій, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. С. Лансвой и министръ народнаго просвѣщенія адмиралъ А. С. Шишковъ; правителемъ дѣлъ комитета назначенъ камеръ-юнкеръ коллежскій совѣтникъ Павловъ.

Въ 1831 году, въ Москвѣ, учрежденъ былъ по дѣламъ раскола особый московскій совѣщательный комитетъ, въ составъ котораго входили: московскій военный генераль-губернаторъ, московскій митрополитъ, а въ его отсутствіе викарій московской митрополии, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ, генераль отъ инфантеріи Обольявиновъ, генераль-лейтенантъ Волковъ и московскій гражданскій губернаторъ. Главная цѣль комитета состояла въ томъ, чтобы дать рѣшеніямъ дѣлъ сего

¹⁾ Письма митрополита Филарета къ Антонію, ч. III, № 959, стр. 242.

рода болѣе взаимной „одно съ другимъ сообразности и точности; чтобы при соблюденіи безвредной терпимости въ разномыслящимъ, по возможности, направлять ихъ къ сближенію съ церковію и чтобы не давать способъ распространяться вреднымъ ученіямъ“. Московскій комитетъ имѣлъ только мѣстное значеніе, ограничиваясь предѣлами Московской губерніи. Въ 1838 году правительство признало полезнымъ устроить единство распоряженій какъ со стороны губернскаго, такъ и епархіальнаго начальства по дѣламъ, касающимся сектаторовъ, раскольниковъ и отступниковъ отъ православія и для преподаванія болѣе твердости и согласности мѣрамъ, предпринимаемымъ противъ ихъ заблужденій, учреждать постепенно губернскіе совѣщательные комитеты въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе раскольниковъ. Эти комитеты составлялись изъ епархіальныхъ архіереевъ, начальниковъ губерній, предсѣдателей палатъ государственныхъ имуществъ и жандармскихъ штабъ-офицеровъ. Такимъ образомъ открыты были совѣщательные комитеты въ томъ-же году (1838) въ Петрозаводскѣ, Перми, Тамбовѣ, Черниговѣ, а въ 1839 году—въ Саратовѣ и Твери.

Изъ всѣхъ комитетовъ с.-петербургскій можно назвать центральнымъ. С.-петербургскій совѣщательный комитетъ разсматривалъ всѣ предположенія по дѣламъ раскола, касавшіяся не только одной С.-Петербургской губерніи, но цѣлой имперіи, почему и всѣ распоряженія, исходившія отъ правительства, обсуживались предварительно въ этомъ комитетѣ ¹⁾.

Въ 1838 году екатеринбургскими старообрядцами подано было прошеніе, со слѣдующаго рода проэктомъ: они предлагали, что будутъ избирать священниковъ (изъ бѣглыхъ) только достойныхъ, объ избранныхъ ими будутъ сообщать немедленно гражданскому начальству и тѣхъ, которые окажутся неблагонадежными, будутъ, чрезъ то-же начальство, возвращать въ вѣдѣніе мѣстныхъ архіереевъ для святительскаго суда надъ ними. Просьба екатеринбургскихъ старообрядцевъ обсуждалась въ с.-петербургскомъ секретномъ комитетѣ и получила со стороны духовнаго правительства весьма основательное опроверженіе. Критическій разборъ

¹⁾ Варадиновъ. Ист. мнн. внутреннихъ дѣлъ, кн. VIII, стр. 191, 332, 372, 373.

проекта екатеринбургскихъ старообрядцевъ напечатанъ. Онъ, по предположенію одного изъ знатоковъ раскола, написанъ митрополитомъ Филаретомъ. „Эта весьма замѣчательная записка, говорить почтенный ученый о разборѣ проекта старообрядцевъ“, надобно полагать, есть произведеніе митрополита Филарета, такъ какъ имѣеть всѣ качества, какими вообще отличаются многочисленныя подобнаго рода записки, составленныя покойнымъ архипастыремъ — неотразимую силу критики, глубину и ясность мысли, точность и своеобразность выраженія. Предположеніе это весьма правдоподобно. Поданный екатеринбургскими старообрядцами проектъ правилъ о принятіи священниковъ отъ православной церкви, подъ условіемъ полной независимости ихъ отъ православной іерархіи, потерпѣлъ неудачу ¹⁾.

С.-петербургскій секретный комитетъ весьма часто обращался, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, къ московскому митрополиту Филарету и пользовался его мудрыми совѣтами и указаціями. Въ 1848 году с.-петербургскій комитетъ серьезно занималъ вопросъ о мѣрахъ сближенія раскольниковъ Рогожскаго кладбища съ православною церковію. По вызову комитета митрополитъ Филаретъ представилъ по этому вопросу свое мнѣніе слѣдующаго содержанія ²⁾.

1.

„Вопросомъ о способахъ къ прекращенію такъ называемыхъ свободныхъ браковъ порожденъ другой вопросъ: какія мѣры удобнѣе по мѣстнымъ обстоятельствамъ принять для сближенія рогожскихъ раскольниковъ съ православною церковію и преподаванія имъ требъ, въ случаѣ выбытія находящихся у нихъ нынѣ поповъ.

При существующей между ними двумя вопросами связъ каждый изъ нихъ окруженъ своими обстоятельствами и трудностями къ разрѣшенію, и потому требуетъ каждый особаго разсмотрѣнія.

¹⁾ П. И. Мельниковъ. Очерки поповщины. „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г., май, 73—77.—Н. Суботинъ. Исторія Бѣлокриницкой іерархіи, т. I. М. 1874, 60.

²⁾ Издастся по копіямъ редакціи „Русской Старины“.

О первомъ вопросѣ.

Свободными браками названы въ недавнее время открывшіяся между раскольниками поповщинскаго толка брачныя сопряженія, которыя вмѣсто церковнаго вѣчанія священникомъ, за неимѣніемъ его, сведены самопоставленнымъ бракосовершителемъ простолюдиномъ вопреки правиламъ и чину церковному. Когда свѣдѣніе о семъ новомъ безпорядкѣ достигло до высшей власти, ему противопоставлено положеніе 22 ноября 1839 года, о непризнаніи такихъ браковъ дѣйствительными, о преданіи законной отвѣтственности сводителей и сведенныхъ и о приглашеніи послѣднихъ къ облегчителному приведенію въ законный порядокъ брака, вѣчаніемъ въ церквп. Это было соотвѣтственное предмету приложеніе общаго закона (Св. зак. т. XIV, по изд. 1842 г., ст. 86), которымъ повелѣно отсылать къ суду внушающихъ отвращеніе отъ законныхъ браковъ; потому что поповщинскіе сводители отвращаютъ отъ брака, совершаемаго священникомъ, и вводятъ мнимое бракосочетаніе черезъ простолюдина.

Изъ сего видно, что положеніе 22 ноября 1839 года опредѣленнымъ образомъ направлено было на поповщинскіе свободные браки, потому что имѣло дѣлю пресѣчь вновь открывшіяся безпорядокъ, и потому что такой опредѣленный смыслъ получало отъ силы 86 статьи XIV тома Свода законовъ.

Браки у безпоповщинъ, совершаемые простолюдинами, по сему обстоятельству, также подходятъ подъ наименованіе сводныхъ, но они нѣсколько иначе относятся къ 86 статьѣ XIV тома Свода законовъ, потому что раскольники безпоповщинскаго толка обыкновенно совсѣмъ не признаютъ брака, любодѣаніе почитаютъ менѣе преступнымъ, нежели бракъ, и за вступленіе въ бракъ подвергаютъ епитиміи; слѣдственно, отрасль ихъ, допускающая бракъ черезъ простолюдина, имѣетъ направленіе отъ худшаго къ лучшему, хотя еще не къ законному положенію дѣла, отъ совершеннаго браконенавдѣнія къ признанію какаго нибудь брака.

Если бы, такимъ образомъ, положеніе 22 ноября на первые немногочисленные случаи поповщинскихъ свободныхъ браковъ направлено было съ скоростью и точностью, можно было надѣяться, что былъ бы пресѣченъ безпорядокъ, на который первые сводители, конечно, съ недоумѣніемъ отваживались, и который дикимъ представлялся въ глазахъ раскольниковъ, издревле привыкшихъ къ браку, совершаемому священникомъ. Но медленность въ употребленіи даннаго правила допустила умножиться сводителямъ и сведеннымъ бракамъ. Новизна, на которую въ началѣ съ недоумѣніемъ и стыдомъ рѣшались немногіе, стала казаться менѣе странною, распространяясь во многихъ. Умноженіе подлежащихъ суду, прежде нежели показаны ясныя примѣры правосудія, по естественному послѣдствію, должно было уменьшить опасеніе суда и затруднить правосудіе, хотя бы оно и возбудилось. Къ новому затрудненію, отъ предмета, который указанъ ему, именно, отъ нововводимыхъ свободныхъ браковъ у поповщины, оно обратило вниманіе въ сторону, на не новые случаи браковъ безпоповщинскихъ, и вмѣсто дѣйствованія занялось недоумѣніемъ, о приложеніи даннаго правила къ другому близкому, но не указанному, предмету.

Такое затруднительное положеніе сего дѣла въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Но правило справедливое и основанное на законѣ не перестаетъ быть справедливымъ и законнымъ отъ того, что мѣстное исполненіе не соотвѣтствовало направленію, данному отъ высшей власти. Для многихъ губерній еще не прошло время бдительно стать на стражѣ, на которой недовольно бодрствовало правосудіе пермское. Отступать назадъ въ распоряженіяхъ власти значило бы недовольно поддерживать ея достоинство и давать пищу надеждамъ своеволія.

Посему задачею настоящаго дѣла можно полагать то, чтобы сохранить правило, устранить по возможности затрудненія и внушить точность въ исполненіи.

А изъ сего, по моему мнѣнію, слѣдуетъ, что должно:

1) Простолюдиновъ сведителей браковъ у раскольниковъ поповщинскаго толка, какъ положено въ 1839 году, подвергать суду и впродъ, какъ совратителей.

2) Стараться дѣйствовать такъ, чтобы одинъ примѣръ неукоснительнаго и точнаго правосудія предохранялъ многихъ отъ своеволія и суда.

3) Тамъ, гдѣ зло только въ первый разъ отъкрывается, останавливать начинателей на первыхъ шагахъ.

4) Тамъ, гдѣ оно уже распространилось, обращать скорость и силу правосудія преимущественно на тѣхъ, которые дѣйствуютъ сильнѣе и обширнѣе, дабы сильнѣйшій остановленъ былъ правосудіемъ, а слабѣйшіе опасеніемъ правосудія.

5) Для наказанія сведителя браковъ удаленіе его изъ мѣста жительства предпочитать тюремному заключенію, которое доставило бы ему большую славу между раскольниками.

6) Укрощеніе помѣщичьихъ крестьянъ, оказывающихся сведителями браковъ, предоставлять помѣщикамъ по даннымъ имъ правамъ, и есть ли принимаемыя ими мѣры останавливаютъ зло, то ими замѣнять необходимость формальнаго суда.

7) Сведенные простолюдинами браки у раскольниковъ поповщинскаго и беспоповщинскаго толка признавать не дѣйствительными предъ закономъ и неспособными обезпечить сведеннымъ права и гражданскія послѣдствія законныхъ браковъ.

О второмъ вопросѣ.

Какъ вопросъ о мѣрахъ для сближенія рогожскихъ раскольниковъ съ православною церковью предписано разрѣшить по мѣстнымъ обстоятельствамъ, то и надлежитъ къ рѣшенію онаго продолжать путь обзорнѣишъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

Съ прискорбіемъ надлежитъ признать, что духовенство московской епархіи не можетъ похвалиться въ обращеніи раскольниковъ такими успѣхами, которые простирались бы вдругъ на значительное число людей. Одинъ изъ московскихъ священнослужителей, бывъ посланъ по высочайшему повелѣнію въ вятскую епархію, возвратилъ церкви многія сотни людей, которые отпали было въ измѣство; другой, въ московской епархіи, два прихода, зараженные

жидовствомъ до преобладанія, при помощи Божіей очистилъ отъ онаго; тѣ же лица въ соприкосновеніи съ московскими раскольниками не оказали подобнаго сильнаго дѣйствія. Есть извѣстія, что единовѣрческій священникъ, по предписанію святѣйшаго синода посланный въ прошедшемъ году изъ московской въ херсонскую епархію, нѣсколько сотъ красноярскихъ раскольниковъ рѣшительно расположилъ въ единовѣрцію и основалъ у нихъ церковь; потомъ зыбковскихъ, послѣ состязаній, продолжавшихся нѣсколько дней, преклонилъ въ подобной рѣшимости; но въ московской епархіи, служа долгое время при единовѣрческой церкви, въ приходѣ которой, кромѣ единовѣрцевъ, живутъ около 1000 душъ раскольниковъ, онъ не достигалъ сколько нибудь подобнаго успѣха.

По сему опытамъ надлежитъ предполагать въ московскихъ расколникахъ особенную недоступность вразумляющему дѣйствию духовенства. А сему причинною надлежитъ полагать особенный видъ самостоятельности, который съ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія умѣлъ придать себѣ московскій расколъ, и продолжаетъ сохранять доннынѣ.

Два пустыя мѣста, выпрошенные у начальства въ годъ чумы для больницъ и для кладбищъ, постепенно превратились въ два средоточныя мѣста расколовъ поповщинскаго и беспоповщинскаго, съ великолѣпными молитвенными домами и со множествомъ зданій, съ многочисленнымъ населеніемъ, съ обширными денежными средствами ⁴⁾. Великолѣпіе и богатство сихъ мѣстъ, процвѣтающихъ въ виду столицы, составляетъ прелесть и опору для расколоводителей и обаятельно дѣйствуетъ на раскольническій народъ, чувственно представляя ему непркосновенную твердость раскола.

Сильно выразило московское беспоповщинское общество свою надежду на свою самостоятельность, дерзнувъ составить въ 1809 году и чрезъ купца Кавылина представить на высочайшее усмотрѣніе 83 законодательныхъ правилъ, изъ коихъ 13-мъ запрещается входъ на Преображенское кладбище православному духовенству; 21-мъ устанавливается для продерзостныхъ собственныхъ раскольническій судъ; 33-мъ учреждаются по воскреснымъ днямъ раскольническія поученія для людей всякаго вѣроисповѣданія съ тѣмъ, чтобы духовное начальство никому не запрещало слушать оныя; 3-мъ постановляется независимость Преображенскаго кладбища ни отъ кого кромѣ старообрядческаго общества; 83-мъ, въ случаѣ какаго нибудь темнаго дѣла, запрещается начальству дѣлать на Преображенскомъ кладбищѣ розыскъ, а предоставляется сіе попечителямъ кладбища; 86-мъ назначаются въ одной изъ моленныхъ кресла для государя императора. Очевидно, что правила сіи не могли быть удостоены утвержденія; но для раскола уже не мало значило то, что ихъ оглашеніе не сопровождалось никакимъ обличеніемъ дерзости. А высочайшій рескриптъ 15 мая 1809 года, которымъ преображенскому богадѣленному дому, въ качествѣ благотворительнаго заведенія, даровано покровительство законовъ, безъ сомнѣнія употребленъ былъ хитростью раскольническою, для доставленія уваженія и силы, по крайней мѣрѣ, тѣмъ изъ вышеозначенныхъ правилъ,

⁴⁾ Какими громадными средствами располагали раскольники Рогожскаго кладбища можно видѣть въ очеркахъ поповщины П. И. Мельникова. „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г., сентябрь, 46—47.

которыя должны были привлечь на кладбище большіе капиталы посредствомъ назначенія ихъ набожнаго и вмѣстѣ страховаго.

Рогожское кладбище не было такъ предприимчиво, какъ Преображенское; во счастливымъ примѣромъ сего и то утверждаясь въ мысли о своей неприкосновенной самостоятельности, выражало ее иногда рѣзкими чертами. На примѣръ, въ 1823 году, въ открытой моленной Рогожскаго кладбища поставлена была полотняная походная церковь и въ ней начато священнослуженіе ¹⁾. Какъ такіа церкви бывають только полковныя, то весьма вѣроятны бывшіе тогда слухи, что сія церковь и была полковая, въ 1812 году во время отступленія русскихъ войскъ оставленная въ Москвѣ и перешедшая въ руки раскольниковъ. Раскольники же давали ей невѣроятное происхожденіе изъ какаго-то раскольниковскаго монастыря, гдѣ она будто бы существовала съ 1789 года. Но во всякомъ случаѣ это церковь не древняя и не древняго характера; слѣдственно, въ употребленіи ея раскольниками мысль о религиозныхъ убѣжденіяхъ побуждена была желаніемъ выразить свою самостоятельность. Раскольникамъ надобно было много самоувѣренности, чтобы имѣть надежду устоять въ семъ нововведеніи и удержать въ своихъ рукахъ церковь полковую. И они не совсѣмъ ошиблись. По доведеніи сего дѣла до тогдашнихъ министерствъ духовныхъ и внутреннихъ дѣлъ, то только достигнуто, что стояніе сей церкви и служеніе въ ней велѣно прекратить; но церковь и донныя остается въ рукахъ раскольниковъ, ободрительнымъ для нихъ памятникомъ того, что они, по крайней мѣрѣ, въ половину поставили на своемъ. Въ царствованіе благочестивѣйшаго государя императора Николая Павловича на расколъ вообще и въ особенности на московскія раскольниковскія кладбища обращенъ провидательный взоръ, но прошедшимъ временемъ затруднено дѣйствованіе въ настоящемъ.

Привычка расколоводителей поступать съ самонадѣяніемъ мимо закона и установленнаго порядка продолжается и имѣетъ свои выраженія, частію постоянныя, частію временныя, которыя должны сильно дѣйствовать на многолюдство.

Законъ запрещаетъ оказательства раскола и на семъ основаніи не допускаетъ, чтобы раскольниковскія часовни имѣли главы, кресты и колокола. Но Рогожское и Преображенское кладбища не допускаютъ сего закона въ свои ограды и показываютъ столицѣ на своихъ моленныхъ высокія главы и кресты и даютъ слышать звукъ своихъ колоколовъ, которые на Рогожскомъ такъ велики, что иногда преждевременнымъ благовѣстомъ производятъ замѣшательство въ благовѣстѣ при православныхъ московскихъ церквахъ.

Въ 1844 году открыты на Преображенскомъ кладбищѣ, такъ названныя, отеческія наставленія и преданіе отца Сергія, изъ коихъ послѣднее писано при настоятелѣ Семенѣ Кузьмичѣ и попечителѣ Алексѣѣ Никифорычѣ въ гдѣто 1842, а первыя даже подписаны Алексѣемъ Никифоровымъ, и которыя заключаютъ въ себѣ разрушительное для общества и для нравственности ученіе, начинаая отъ главнаго положенія, что 1866 года установленная Богомъ царская власть упразднися. Тогда же открыта подлинная отъ старшинъ

¹⁾ Объ этой церкви см. у П. И. Мельникова, въ его очеркахъ поповщинъ. „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г., май, 20; а также у Варадинова въ Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ, т. VIII, стр. 105.

того же кладбища за подписями и печатью грамота, данная наставнику, опредѣленному ими въ иной городъ иной губерніи. Сей послѣдній актъ обличаетъ организуемое преображенскими раскольниками управленіе, простирающее власть свою не только дагѣ Москвы, но и дагѣ предѣловъ губерніи. Обстоятельство, что послѣ обличенія сихъ незаконностей обличенные продолжаютъ оставаться въ покоѣ начальствующими и дѣйствующими, естественно должно увеличивать ихъ надежду на себя и надежду многолюдства на нихъ. Мысль, чтобы Преображенское кладбище, признанное только въ качествѣ богадѣленнаго дома, постепенно освобождать отъ характера раскольническаго и приближать въ общему характеру человѣколюбивыхъ заведеній и такимъ образомъ сдѣлать оное доступнымъ православію, взятая лѣтъ за восемь предъ симъ, въ теченіи сего времени не подвинулась къ исполненію ни на шагъ и, не смотря на происшедшую въ прошедшемъ году перемѣну зависимости сего кладбища, оно продолжаетъ сохранять исключительный раскольническій характеръ, не смотря и на то, что бывшая въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго года въ Москвѣ эпидемическая болѣзнь давала особенный случай освободить оное отъ раскольнической нетерпимости и хотя отчасти обратить къ первоначальному назначенію. Мѣсто, вышрошенное у начальства во время чумы для чумной больницы и во время холеры, не сдѣлалось мѣстомъ холерной больницы. Преображенскіе раскольники своимъ иждивеніемъ учредили такую больницу въ ближней части города, а преображенскій богадѣленный домъ и въ сіе время сохранилъ неизмѣнно характеръ раскольническаго монастыря.

Въ 1846 и 1847 годахъ отъ австрійской границы до Сибири распространились между раскольниками постепенно вѣсти, что буковинскіе раскольники получили себѣ особаго архіерея изъ грековъ; что онъ рукоположилъ другаго архіерея собственно изъ раскольниковъ; что имъ же рукоположенный раскольническій архимандритъ Геронтій ¹⁾ пріѣзжалъ къ московскимъ раскольникамъ и получалъ отъ нихъ денежные пособія; что московскіе раскольники посылали отъ себя двухъ депутатовъ для дознанія о семъ архіерей, которое не вную могло имѣть цѣль, какъ принятіе отъ него рукоположенія. Событія сіи вредны, потому что поднимаютъ духъ раскола, колеблютъ умы единовѣрцевъ и останавливаютъ раскольниковъ на пути къ единовѣрью, и могутъ сдѣлаться еще вреднѣе, если будетъ имъ поущено продолжать свой ходъ. Смѣлость незаконнаго дѣйствованія московскихъ раскольниковъ опредѣлить можно тѣмъ соображеніемъ, что россійскіе подданные признаннаго римскаго вѣроисповѣданія съ законною римскою іерархіею входятъ въ сношеніе, по россійскимъ законамъ, могутъ не иначе, какъ съ разрѣшенія и подъ наблюденіемъ правительства, а непризнанное законами общество раскольническое съ незаконною заграничною іерархіею входятъ въ сношенія самовольно. Между тѣмъ какъ извѣстность такого дѣйствованія расколдователей возвышаетъ надежды раскольниковъ, неизвѣстность того, чтобы приняты были какія либо мѣры къ остановленію незаконнаго движенія, поддерживаетъ видъ независимости и неприкосновенности раскола.

¹⁾ Геронтій прибылъ въ Россію въ 1847 году. Онъ былъ схваченъ и подвергнутъ заключенію. Варадиновъ: Исторія министерства внутренн. дѣлъ, кн. VIII, стр. 587.

Таковое обозрѣніе мѣстныхъ обстоятельствъ раскола въ Москвѣ приводитъ къ заключенію, что для сближенія рогожскихъ раскольниковъ съ православною церковью первыхъ мѣръ искать должно въ томъ, чтобы поколебать въ нихъ мысль о таковой самостоятельности и неприкосновенности ихъ общества, которая позволяетъ имъ беззаботно уклоняться отъ исполненія законовъ и дѣйствовать въ нарушение оныхъ, съ надеждою ненаказанности.

Всгѣдъ за сими полезными мѣрами быть могутъ:

1) Учрежденіе при московской архіерейской кафедрѣ двухъ особыхъ священнослужителей, изъ монашествующаго или блага духовенства, съ причисленіемъ ихъ, смотря по обстоятельствамъ, въ монастырю или въ единоувѣрческой церкви, и съ приличнымъ содержаніемъ для употребленія ихъ въ качествѣ миссіонеровъ.

2) Образование построенной, по близости Рогожскаго кладбища, единоувѣрцами покойными лупцами Бабьими церкви съ домами въ единоувѣрческой монастырь.

3) Призваніе для опыта бывшаго на Рогожскомъ кладбищѣ, потомъ присоединившагося къ православной церкви и нынѣ служащаго у единоувѣрцевъ Черниговской губерніи, священника Александра Арсеньева, который, по прежней службѣ на Рогожскомъ кладбищѣ имѣлъ многихъ значительныхъ раскольниковъ духовными дѣтми и пользовался ихъ уваженіемъ и потому съ надеждою можетъ дѣйствовать для сближенія ихъ съ православною церковью.

Успѣхъ сихъ мѣръ зависѣть будетъ, во первыхъ, отъ благословенія Божіа, во вторыхъ, отъ усердія и искусства дѣйствующихъ, въ третьихъ, отъ того, сколько найдется въ раскольникахъ искренняго безпристрастнаго желанія познать истину Божію, ибо, по слову Христову, только тотъ, кто искренно желаетъ творить волю Божію, уразумѣть о ученіи, кое отъ Бога есть.

Но есть ли успѣхъ не будетъ соответствовать желаніямъ, то потребуетъ новаго отвѣта послѣдняя часть предписаннаго къ разрѣшенію вопроса: какія мѣры употребить для преподанія рогожскимъ раскольникамъ требъ, въ случаѣ выбитія находящихся у нихъ поповъ.

Не вдругъ представилось бы нужнымъ и умѣстнымъ изслѣдовать мысль объ ослабленіи силы закона, по снисхожденію въ пользу раскольниковъ, есть ли бы сія мысль не была уже поставлена въ виду, какъ возможная, и по нуждѣ допустимая къ исполненію.

Полтараста лѣтъ существовалъ расколъ, и правительство не возлагало на себя заботы о томъ, съ удобностію ли пользуются раскольники совершеніемъ христіанскихъ требъ. Уклонившіеся отъ законнаго устроеннаго пути не имѣютъ права на кого либо, кромѣ самихъ себя, возлагать заботу о томъ, покойно ли могутъ они путешествовать.

Въ 1822 году возбудилась сія забота, и разсуждаемо было, какимъ бы образомъ доставить удобство раскольникамъ пользоваться совершеніемъ христіанскихъ требъ, по крайней мѣрѣ, отъ бѣглыхъ священниковъ, впродъ до вразумленія и вступленія въ сношеніе съ законною іерархіею; но тотъ часъ признано, что невозможно издать о семъ закона. Мысль позволить должностному лицу беззаконно дезертировать и скрываться, гдѣ захочетъ, есть разрушительная для общественнаго порядка. Есть ли гражданскій побѣгъ есть тяжкое и вредное преступленіе; есть ли дезертированіе отъ вѣнной службы къ непріятелю есть еще болѣе тяжкое и вредное преступленіе,

можно ли почитать менѣе тяжкимъ и вреднымъ преступленіемъ побѣгъ къ раскольникамъ священника, котораго званіе требуетъ примѣрной чистоты совѣсти, честности и повнновенія церковнымъ правламъ и государственнымъ законамъ? Крестыянннѣ, отваживающійся на побѣгъ отъ помѣщика или отъ рекрутства, основательно можетъ поддерживать свою рѣшимость и пзвннать свое преступленіе примѣромъ бѣлаго священника, сказавъ себѣ: мой грѣхъ менѣе, нежели его.

По такимъ соображеніямъ въ 1822 году не издано закона, а даны секретныя правила, чтобы изъ снисхожденія къ раскольникамъ допустить имъ укрывать бѣглыхъ священниковъ отъ дѣйствія закона, есть ли сіи не окажутся виновными въ другомъ преступленіи, кромѣ побѣга. Опытъ не оправдалъ сей мѣры, какъ ее не оправдывалъ общій законъ.

Секретныя правила получили болѣе громкую извѣстность, нежели многіе не секретныя законы. Раскольники почли оныя закономъ въ ихъ пользу и укрѣпились, и сдѣлались смѣлѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и домогательствахъ. Прежде они довольно были, если могли съ глубокою сокровенностію употреблять бѣлага священника и, въ случаѣ задержанія его, скромно сѣтовали, не могли прекословить тому, что поймать бѣлаго есть дѣло законное: со времени правль 1822 года, имѣть бѣлаго священника, они признаютъ для себя правомъ и притѣсеніемъ почитаютъ взятіе его за оскорбленіе православной церкви или за другое доказанное нарушеніе законовъ, кромѣ побѣга.

Нельзя опредѣлять точными свѣдѣніями, сколь великое искушеніе для духовнаго управленія и какой вредъ для нравственности духовенства заключался въ томъ, что всякій священникъ, подлежащій ответственности за проступки противъ должности и благоведенія (кромѣ уголовныхъ), безъ опасенія могъ чрезъ побѣгъ къ раскольникамъ не только пзбавиться отъ наказанія, но и вступить въ положеніе, независимое отъ надзора духовной власти, и несравненно выгоднѣйшее, нежели въ епархіи, но само собою понятно, что сіе искушеніе и сей вредъ не малы. Послѣ того, какъ въ 1827 году высочайшимъ повелѣніемъ оказанное правлами 1822 года снисхожденіе къ бѣглымъ священникамъ ограничено извѣстными дотогѣ лицами, а для послѣдующаго времени восстановлена сила общаго закона противъ бѣглыхъ, въ одной черниговской епархіи сосчитано болѣе 20 бѣглыхъ священниковъ, п слѣдственно столько же искусительныхъ примѣровъ для законнаго священства.

Если бы случилось, что правила 1822 года, въ 1827 г. отмѣненныя, были возстановлены вновь, по естественному ходу дѣлъ нельзя не ожидать, что сею вторичною побѣдою расколъ ободрился бы и усилился болѣе прежняго и законное духовенство было бы подвержено большому прежняго искушенію, при увеличивающейся бѣдности сельскаго духовенства и при умноженіи во многихъ епархіяхъ людей, ищущихъ мѣста и насущнаго хлѣба.

Твердость, оказанная правительствомъ противъ раскола, съ 1827 года приобрѣла церкви около 200,000 единовѣрцевъ. Новая уступка расколу, безъ сомнѣнія, остановитъ сіи успѣхи, и даже можетъ поколебать единовѣрцевъ, не довольно утвердившихся.

Можетъ быть предполагать нѣкоторую надежду въ томъ, что невѣжественное и поврежденное въ жизни духовенство, составляемое раскольниками изъ бѣглыхъ священниковъ, болѣе способно разстроить ихъ общество, нежели усилить. Бывшіе уже опыты не говорятъ въ пользу сей надежды. Въ началѣ

нынѣшняго столѣтія благонамѣреннѣйшіе изъ московскихъ раскольниковъ поповщинскаго толка, и притомъ значительные по богатству, сильно потревожены были дознанною нечестностію своихъ священниковъ и подлогами въ святыхъ; и сіе было причиною учрежденія такъ называемой единовѣрческой церкви, то есть имѣющей законное священство, священнослужашее по старопечатнымъ книгамъ. Но прошеніе о единовѣрческой церкви подписали только 73 челоуѣка; изъ нихъ 21 имѣли своей подписи и остались въ расколѣ. Рогожское кладбище, не смутясь обличенною недобросовѣстностію своихъ священниковъ, осталось съ ними въ своей силѣ и процвѣтаетъ донинѣ. То правда, что къ раскольниковамъ перебѣгали обыкновенно необразованные священники; но нынѣ таковыхъ стало меньше, а образованные въ избыткѣ; бѣды же во лжебратіи случаться могутъ и между образованными, каковыя, перебѣжавъ къ раскольниковамъ, могутъ возстановить возникшую и прежде, но нынѣ въ упадкѣ находящуюся, раскольническую литературу, и тѣмъ дать расколу новую жизнь. Но если бы и была надежда, чрезъ допущеніе къ раскольникамъ священниковъ недостойныхъ и неблагоправныхъ, имѣть послѣдствіемъ того разстройство ихъ общества, это было бы, конечно, прежде разстройство нравственности, нежели разстройство сектаторства. А по такому направленію дѣйствовать свойственно ли правительству, чтущему нравственные и христіанскія начала и признающему надъ собою провидѣніе Божіе? Это значило бы сказать: сотворимъ злоя, да придутъ блага. Слово апостольское грозно говоритъ противъ такого образа мыслей и дѣйствования. Неодновратно, какъ страшлище, представляема была мысль, что раскольники поповщинскаго толка, лишась бѣглыхъ священниковъ, перейдутъ въ безпоповщину. Предупрежденіе, конечно, не благопріятное; но оно измѣняетъ свой видъ, если разсматривать его ближе при свѣтѣ опыта. Въ 1856 и 1858 годахъ рогожскіе раскольники, по уменьшенію у нихъ бѣглыхъ священниковъ и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ, имѣли собранія для совѣщанія, что предположить для своей будущности. Нашлись между ими такіе, которые въ самыхъ сихъ собраніяхъ предлагали обратитъ часовню въ единовѣрческую церковь, и это, конечно, не безъ предварительнаго дознанія готовности многихъ голосовъ поддержать сіе предложеніе; но никто не предложилъ, чтобы въ случаѣ нужды устроиться по примѣру безпоповщины.

Преграда, разделяющая раскольниковъ, пріемлющихъ священство отъ безпоповщины, такъ крѣпка, что трудно представить соединеніе ихъ въ одинъ дворъ. Первые, называя себя старообрядцами, послѣднихъ называютъ и почитаютъ раскольниками. Первые признають существующими всѣ семь таинствъ, другіе только два. Первые чтутъ законы семейственной жизни, и для нихъ отвратительно мнѣніе послѣднихъ, яко бы брака совѣмъ не должно быть и яко бы любодѣяніе менѣе преступно, нежели бракъ. Посему если бы и случилось первымъ остаться безъ священниковъ, надобно полагать, что они устроятъ свои общества, какъ возмогутъ, но не соединятся съ безпоповщиною и не примутъ отъ нея тѣхъ правилъ, по которымъ она особенно вредна. При семь, по вышепоказанному опыту, можно надѣяться, что значительная часть ихъ приступитъ къ единовѣрческой церкви; а по другимъ наблюденіямъ надлежитъ ожидать присоединенія другой значительной части къ общеправославной церкви, особенно если сему благосвременно и тщательно будетъ оказано споспѣшествованіе. Всѣ вышеизложенныя соображенія ведутъ къ заключенію, что не слѣдуетъ въ пользу раскольниковъ поповщинскаго толка

предпринимать вновь что либо подобное правиламъ 1822 года, потому что такая мѣра была бы въ противорѣчїи какъ съ церковными правилами, такъ и съ гражданскимъ закономъ, и съ постоянствомъ, и твердостью нравственнаго дѣйствованія, и потому что она сопровождалась бы болѣе опасностью вреда, нежели надеждою пользы.

Кроткому и человѣколюбивому правительству свойственны терпимость и снисхожденіе къ заблуждающимся, но безъ забвенія о томъ, чѣмъ оно обязано истинѣ и закону. Сдѣлать положеніе заблуждающихъ болѣе удобнымъ и выгоднымъ, нежели стоящихъ въ истинѣ, значило бы косвенно неблагопріятствовать истинѣ и покушаться слабыхъ къ переходу въ заблужденіе. Уже и теперь есть случаи, въ которыхъ православный болѣе затрудненъ, нежели раскольникъ. Напримѣръ, раскольникъ совершаетъ бракъ, не заботясь о разобраніи родства, о дознаніи совершеннолѣтія, о выжиданіи дней публикацій, о формальностяхъ обыска, о выборѣ дня брака по церковнымъ правиламъ. Мѣры, употребляемыя правительствомъ въ отношеніи къ раскольникамъ, непреслѣдованіе ихъ, но ограниченіе силою общихъ законовъ, приглашеніе къ общеправославной церкви, приглашеніе къ единовѣрїю, предоставленіе облегчительнаго способа совершать браки въ церкви, оставляютъ желать только приложенія оныхъ пронципальнаго, вѣрнаго и тщательнаго.

Есть ли посредствомъ сихъ мѣръ не столько прїобрѣтено православію, сколько было бы желательно, изъ сего нельзя извлекать возраженія противъ сихъ мѣръ. Человѣкъ имѣетъ свободу заблуждать, не уступая не только благоразумію человѣческому, но и премудрости Божіей, не только власти человѣческой ограниченной, но и Божію всемогущему правленію, которое по сему только меньшую часть рода человѣческаго прїобрѣло христіанству, и меньшую изъ сей части христіанству православному.

Филареть М. Московскій.

1848 г. марта 29.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА КИПІАНИ

съ 1820 г.

11¹⁾.

Очеркъ главнаго управленія: при Ермоловѣ, при Паскевичѣ, при Розенѣ, при Головинѣ.—Секретари.—Директоръ канцеляріи.—Советъ главнаго управленія.—Начальникъ гражданскаго управленія.—Сергій Ѳеодоровичъ Васильевскій.—Гурійское возмущеніе 1841 года.—Причины и слѣдствія.—Другой Брусаловъ.—ГенералъКахановъ.—Павелъ Евст. Коцебу.—Моисей Зах. Аргутинскій.—Григорій Орбелианъ.—Сокращеніе переписки.

Здѣсь я предполагаю разсказать два забавныхъ случая, въ которыхъ явственно уже сказывается вліаніе пройденной школы; для этого надобно предварительно познакомить читателя съ очеркомъ тогдашняго состава главнаго управленія; а очеркъ этотъ будетъ неясенъ, если не заглянуть на минуту въ прошедшее.

Въ 1820-хъ годахъ главное закавказское управленіе состояло изъ канцеляріи главноуправляющаго, раздѣленной на три секретарства: грузинское, имеретинское и мусульманское. Во главѣ ихъ бывалъ иногда правитель канцеляріи; но чаще всего секретари имѣли непосредственный докладъ.

Здѣсь нѣтъ, вонечно, рѣчи ни о военномъ управленіи, ни о дипломатической канцеляріи, существовавшей для пограничныхъ сношеній.

Секретари, безъ ближайшаго общаго руководства, не могли

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLIX, мартъ, стр. 517—538.

не тянуть иногда въ разные стороны, но и не объ этомъ рѣчь.

Такой порядокъ начался, не могу сказать, съ котораго, именно, времени, такъ какъ я рассказываю о томъ, что мнѣ лично извѣстно, но держался все время при главноуправляющихъ: Ермоловъ (1818—1826 гг.), Паскевичъ (1826—1830 гг.) и баронъ Розенъ (1831—1838 гг.).

Съ назначеніемъ Головина порядокъ этотъ существенно измѣнился.

Образована при немъ канцелярія, подъ начальствомъ директора, изъ трехъ отдѣленій: распорядительнаго, суднаго и хозяйственнаго; кромѣ того, образованъ особый совѣтъ для коллегіальнаго обсуждения дѣлъ сложныхъ или заключавшихъ въ себѣ особую въ какомъ-либо отношеніи важность.

Оба эти учрежденія—и канцелярія и совѣтъ—руководствовались преподанною свыше инструкціею.

А съ назначеніемъ, въ 1842 г., генерала Нейдгардта состоялось еще одно нововведеніе.

По примѣру тому, что дѣла военнаго управленія войсками доходили до главнокомандующаго чрезъ начальника главнаго штаба и чрезъ него же передавались приказы, была и по управленію краемъ учреждена должность начальника гражданскаго управленія, который и занялъ собою интервалъ между директоромъ канцеляріи и главноуправляющимъ.

По одной изъ тѣхъ случайностей, которыя остаются неразъясненными, потому, по всей вѣроятности, что разъясненіе это въ свое время никому не представлялось интереснымъ, къ генералъ-адъютанту Нейдгардту были назначены:

Начальникомъ главнаго штаба—генералъ-лейтенантъ Владимиръ Александровичъ Гурко, человекъ, вполне отвѣчавшій своему важному призванію, и начальникомъ гражданскаго управленія—другой генералъ-лейтенантъ * * *, по имени Іосифъ Александровичъ.

Два забавныхъ случая, о которыхъ сейчасъ начну рассказывать, касаются только нашего, гражданскаго, и, надѣюсь, достаточно его обрисуютъ.

Начальники отдѣленій докладывали теперь дѣла директору канцеляріи и потомъ генералу * * *.

Директоръ былъ человекъ весьма дѣловой; имѣлъ большую

память и вполнѣ владѣлъ перомъ; не владѣлъ только ораторскими способностями, поэтому не входилъ онъ съ докладчиками ни въ какія личныя объясненія и если бумага ему не нравилась, то писалъ на ней только: не такъ. Начальникамъ отдѣлений трудъ отъ этого усложнялся; не у кого спросить—какъ что сдѣлать; но роптать на это не думали, глубоко уважая способности и благонамѣренность неразговорчиваго Сергѣя Федоровича Васильковскаго. Съ * * * дѣло спорилось иначе въ дѣлахъ управленія, которымъ онъ начальствовалъ, и въ зубъ, что называется, толконуть не умѣлъ; но тщеславія было у него много и чѣмъ болѣе онъ свое полное невѣдѣніе думалъ маскировать, тѣмъ явственнѣе оно обозначалось въ различныхъ словопреніяхъ съ докладчиками. Много у нихъ уходило на это времени и водворявшееся замедленіе въ дѣлахъ вело иногда къ рѣзкостямъ въ объясненіяхъ, а это вело къ тому, что усиливались у нашего * * * кичливость и такъ-называемое самолюбіе.

— А вы исполнили мое повелѣніе?—спросилъ онъ меня однажды во время доклада.

„Я позволю себѣ, ради вашей пользы, посовѣтовать вамъ“...

— Какъ вы смѣете давать мнѣ совѣты?

„Ну, такъ, скажу вамъ просто, чтобъ вы всячески воздерживались употреблять слово повелѣніе“.

— Это почему?

„Потому, что повелѣніе даетъ только государь императоръ и никто болѣе!“

* * * весь ушелъ въ себя.

— Ну, да! я хотѣлъ сказать: мое привязаніе!

„Приказанія можете давать только денщикамъ вашимъ и лакеямъ, а мы—государевы чиновники!“

— Какже? что-жъ я долженъ говорить послѣ этого?

„Можете дѣлать порученія; можете просить, зная, что просьбу всякій изъ насъ приметъ за приказаніе. Въ гражданской службѣ не принято рѣзко выражаться. Мы вѣдь люди болѣе или менѣе образованные, а образованіе, какъ это вашему пр—ству самимъ извѣстно, уравниваетъ насъ“.

Эта моя выходка произвела на него такое усмиряющее впечатлѣніе, что мнѣ стало жаль его.

Но это, конечно, не могло его переработать.

Скоро представился и второй случай.

Опять приходится начинать нѣсколько издалека.

Въ 1841 году вспыхнуло возмущеніе въ Гуріи (теперь Озургетскій уѣздъ Кутаисской губерніи).

Официальныхъ причинъ этого возмущенія я не знаю, но наю двѣ дѣйствительныя и существенныя причины: а) требованіе денежныхъ податей и б) приказаніе разводить картофель.

Позволяю себѣ думать, что вообще вспышки народнаго негодованія, называются ли онѣ возмущеніемъ или бунтомъ,—создаются иногда искусственно, но въ наибольшей части случаевъ, какъ это было и здѣсь, вызываются единственно недостаткомъ сообразительности у ближайшихъ правящихъ, которые, однако-жъ, заваривъ кашу, выходятъ изъ воды сухи, какъ-будто дѣло сдѣлали.

Преобразование организаціи управленія 1840 г., о которомъ упоминалось выше, коснулось, конечно, и Гуріи; учреждено тамъ уѣздное управленіе и произведено, въ первый разъ, обложеніе денежными податями и повинностями.

При этомъ обложеніи нагдѣ и никто не задавалъ себѣ вопроса—возможна ли его реализація?

Если-бъ вопросъ этотъ былъ поставленъ кѣмъ-нибудь, то представились бы къ его разрѣшенію вотъ какія соображенія:

Русское управленіе было установлено въ Гуріи въ 1829 году. Изъ всего персонала этого управленія одинъ только предсѣдатель Гурійскаго временнаго правленія, русскій штабъ-офицеръ, получалъ содержанія деньгами 600 руб. въ годъ. Весь остальной персоналъ управленія, по существовавшему и прежде тамъ порядку, получалъ довольствіе натурою; каждый опредѣленное число скота и живности и опредѣленную мѣру пшена-гоми и кузурузы.

Значить, администрація вносила въ Гурію только 600 руб. денегъ, но и эти деньги тотчасъ уходили въ Кутаисъ, гдѣ только и можно было пріобрѣтать пшеницу, чай, кофе, сахаръ и платье.

Посмотримъ, чтò вносила торговля?

Было тамъ единственное торговое мѣстечко Двабзу, гдѣ въ какихъ-нибудь 20 или 30 клѣткахъ вели на всю Гурію мѣновую торговлю турки. Единственными денежными знаками въ обращеніи были тогда пары турецкія, монета до такой степени мало

содержавшая въ себѣ вѣсомаго металла, что съ ладони легко было сдуть дѣлыя ихъ сотни,—нѣчто, равное стоимости $\frac{1}{20}$ в., если и того не меньше.

Я былъ съ генераломъ Эспехо въ Гуріи въ 1837 г., но и тогда только высшіе чиновники имѣли понятіе о русскихъ деньгахъ.

Ясно, кажется, что обложеніе въ 1840 году денежными податями и повинностями было сдѣлано крайне опрометчиво. Но было сдѣлано, и полиція требовала денегъ, а при уклоненіяхъ ставила ѡзекуюцію.

Къ этому присоединилось столь же властное требованіе разводить картофель.

Прелестная вещь,—что и говорить; но гурійцы привыкли къ гоми и кузурузѣ; того и другаго было у нихъ вдоволь; о неурожаѣ не было никогда и представленія. Для чего же имъ картофель?

— Не смѣть разсуждать!...

Надобно вспомнить тутъ еще объ одномъ обстоятельстве,—о чрезвычайной щепетильности гурійцевъ. А тутъ чуть ли не въ каждомъ домѣ казаки,—очень благовоспитанные, положимъ,—но все-таки казаки.

Вотъ и повтореніе того, что было въ 1811 году въ Кахетіи: „давай чего нѣтъ, хоть роди, да подавай, и ѣшь чего не хочешь! хоть подавись, да ѣшь!“...

Стали раздаваться стоны, потомъ крики, затѣмъ, пифъ-пафъ, и запылала разомъ Гурія, эта маленькая, прелестная страна, населенная народомъ православнымъ, честнымъ, храбрымъ и стойкимъ въ своей преданности до 1841 года и послѣ того, въ особености въ войны 1853—1856 и 1877—1878 гг. ¹⁾

Полковникъ Брусиловъ, мѣстный начальникъ, и генераль Кахановъ, тогдашній начальникъ почтоваго округа, со всѣми ничтожными боевыми силами, какія у нихъ были, очутились въ Озургетахъ въ блокадѣ.

¹⁾ И въ это время, въ 1856 г., былъ я въ Гуріи, на этотъ разъ съ княземъ Василюмъ Осиповичемъ Бебутовымъ, въ качествѣ директора его походной канцеляріи и отряднаго казначея. Въ Гуріи не было тогда ни одного русскаго солдата. Гурійцы сами охраняли и себя, и тылъ нашего отряда отъ турецкаго натиска.

Генералъ Головинъ послалъ имъ на выручку и на усмиреніе бунта полковника князя Аргутинскаго, знаменитаго впоследствии въ войнѣ съ Шамилемъ нашего генерала, — и самъ, повончивъ наскоро экспедицію въ Дагестанъ, послѣшилъ въ Кутаисъ съ начальникомъ штаба, Павл. Евстаф. Коцебу (впоследствии графъ), и съ достаточнымъ числомъ адъютантовъ и офицеровъ генеральнаго штаба.

Мнѣ выпала честь представлять собою нѣчто въ родѣ походной канцеляріи.

Дальше Кутаиса, однако жъ, намъ не пришлось ѣхать. Князь Аргутинскій блистательно окончилъ и это дѣло, какъ онъ привыкъ совершать вообще боевые подвиги. Здѣсь выдвинулъ онъ и капитана князя Орбелиани, впоследствии генераль-адъютанта, генерала отъ инфантеріи, Григорія Дмитріевича, разъ исполнявшаго должность намѣстника кавказскаго.

Такъ подавлено гурийское возмущеніе, но поучительнѣе всего то, что Гурія, не говоря объ одновременныхъ посявахъ въ ней русскаго золота, стала получать отъ насъ, отъ нашей казны, въ видѣ пенсіоновъ за содѣйствіе къ усмиренію возстанія, чуть-ли не вдесятеро больше, чѣмъ требовалось отъ нея податей и повинностей, а о картофелѣ никто уже и не заикался.

Генералъ Головинъ со всею своею свитою оставался въ Кутаисѣ съ недѣлю. Въ этотъ промежутокъ времени мнѣ поручено было обзрѣть дѣлопроизводство кутаисскаго уѣзднаго управленія. Это было въ началѣ сентября 1841 г.

Какъ теперъ помню цифры:

Съ 1-го января поступило дѣлъ около	4,000
Входящихъ бумагъ было	12,800
Исходящихъ	13,000
Чиновниковъ около	40

Почти столько же насчитывалось и въ гурийскомъ уѣздномъ управленіи до суматохи.

Мингрелія же, Абхазія и Сванетія не входили уже въ составъ управленія Имеретіи.

Существовавшая за годъ передъ тѣмъ канцелярія, одна въ-

давшая дѣлами всѣхъ этихъ областей и составлявшая нѣчто въ родѣ второй инстанціи и по судебнымъ дѣламъ, имѣла всего въ персоналѣ своеѣ 10 лицъ.

Дѣлъ въ теченіи года около.	1,200
И бумагъ: входящихъ	5,000
исходящихъ	6,000

Сопоставленіе этихъ и выше проставленныхъ цифръ показало, что надобно предпринять что-нибудь, чтобъ приостановить ужасающую быстроту размноженія дѣлъ и переписки по гражданской части.

— „Возьмите уставы и штаты разныхъ учреждений; ихъ и кромѣ полицейскихъ много на Руси; сообразите и подумайте, какъ бы сократить канцелярскіе ваши обряды дѣлопроизводства, чтобъ было время иногда и поразмыслить надъ дѣломъ, а то вѣдь дождемся того, что и пахать будетъ некому: всѣ будутъ только и дѣлать, что писать“.

Въ этихъ приблизительно словахъ далъ мнѣ порученіе генералъ Головинъ въ 1841 году.

Преемникъ его, генералъ Нейдгардтъ, не могъ не задаться тѣмъ же вопросомъ въ 1842 году и, конечно, доложили ему тогда, что дѣло это поручено было мнѣ.

— Вамъ Евгеній Александровичъ поручилъ заняться сокращеніемъ переписки? спрашиваетъ меня Нейдгардтъ при * * *.

„Да, мнѣ!“

— Ну, что же? составили вы себѣ идею какую-нибудь?

„Идею составилъ, но изложить ее не легко мнѣ“.

— Разскажите-ка мнѣ, въ чемъ она? вѣдь и я немножко понимаю.

Я сталъ объяснять. Слушаютъ внимательно. Вижу, что Нейдгардтъ дѣйствительно понимаетъ и на суровомъ его лицѣ вырисовывается болѣе и болѣе одобренія.

— Да! мысль вѣрна! Можно достигнуть. Что жъ васъ останавливаетъ?

„Недостатокъ времени; начальникъ отдѣленія вашей канце-

лярін не имѣеть никакой возможности заниматься проектною работою, не манкируя текущими дѣлами*.

— Нужно вамъ облегченіе какое-нибудь?

„Необходимо!“

— Ну, въ чемъ облегчить васъ—вамъ лучше знать; подумайте и скажите.

Подумалъ и сказалъ, указывая на * * *.

„Освободите меня отъ докладовъ его превосходительству!“

— Иосифъ Александровичъ, вы что на это скажете?

— „Какъ вамъ будетъ угодно! какъ вамъ будетъ угодно!“

— Ну, такъ освобождаю васъ!

Я вышелъ совершенно довольный.

Но оказалось, что * * * возчувствовалъ, и черезъ нѣсколько времени потребовалъ меня къ себѣ.

— Какъ это вы позволили себѣ сказать, чтобъ освободили васъ отъ докладовъ мнѣ? Вѣдь это...

„Если это вамъ непріятно, сейчасъ пойду и доложу, что отказываюсь отъ порученія!“

— Нѣтъ, нѣтъ! Я вѣдь только такъ! Мнѣ хочется только знать, почему вы...

„Я рѣшительно отказываюсь отъ порученія“.

— Что вы, что вы? Господь съ вами! Я ничего, совершенно ничего!

Присмирѣлъ.

А времени выигралъ я, дѣйствительно, не мало въ освобожденіи отъ этихъ докладовъ.

12.

„Фальшивая комиссія“.—Дворянское представительство.—Опредѣленіе правъ дворянства.—Требованія, вызвавшія преступленіе.—Законодательный актъ 1844 г.—Разъясненіе дѣла.—Заступничество графа Воронцова и отиѣна акта 1844 года въ 1846 году.—Трактатъ 1783 г.—Дворянскія комиссіи въ Тифлисѣ и въ городѣ Кутаисѣ.—Инструкціи.— П. А. Ладавскій.— В. Н. Семеновъ.— Столкновеніе мѣній.

Чтобъ выяснить здѣсь одно столкновеніе, приходится заглянуть въ дѣла, которыя его подготовили.

Современные криминалисты додумались, между прочимъ, и до того общаго положенія, что всякое преступленіе порождается невозможностью достигнуть удовлетворенія легальнымъ путемъ.

Наука, значить, должна вести къ возможному ограниченію случаевъ этой невозможности — къ возможному предупрежденію нарушенія велѣній разума.

Но въ то время, когда наука эта читается въ университетахъ и академіяхъ, низшіе агенты власти, дѣйствуя въ своихъ сферахъ по собственному разуму, какъ кому Богъ на душу пошлетъ, — порождаютъ, по единому своему недомыслию, по единому своему невѣдѣнію того, что творять — болѣе или менѣе крупныя преступленія и порождаютъ ихъ тамъ, гдѣ, при нормальномъ отношеніи къ дѣламъ, не могло бы и быть никакихъ къ тому поводовъ.

Таково было составленіе фальшивыхъ документовъ и въ особенности грамотъ на дворянское достоинство въ Грузіи.

Открытіе этого преступленія въ 1830 году подѣйствовало удручающимъ образомъ на все населеніе, какъ потому, что никто не припоминалъ себѣ ничего подобнаго изъ прежнихъ порядковъ, такъ и потому въ особенности, что во всѣхъ здѣшнихъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ приостановлено было теченіе всѣхъ дѣлъ, заключавшихъ въ себѣ старыя документы, впродъ до особаго разсмотрѣнія этихъ документовъ, а разсмотрѣніе ихъ длилось не мало времени, судя потому, что многочисленная комиссія, учрежденная для этого разсмотрѣнія, просуществовала въ Тифлисѣ болѣе 10 лѣтъ.

Дворянское представительство въ Грузіи было установлено

при самомъ почти началѣ введенія русскаго управленія; но дворянское депутатское собраніе было учреждено, кажется, только въ 1818 году. Важность, однако жъ, не въ томъ, когда именно оно учреждено, а въ томъ, что оно должно было дѣйствовать съ соблюденіемъ тѣхъ общихъ правилъ, кои существовали внутри Россіи. А по этимъ правиламъ признаніе рода въ титулованномъ или нетитулованномъ дворянскомъ достоинствѣ могло совершаться не иначе, какъ на основаніи актовъ прежняго времени, доказывающихъ несомнѣнную принадлежность этого достоинства данному роду; а принадлежность лицъ къ этому роду могла быть доказываема метрическими свидѣтельствами.

Теперь, при болѣе спокойномъ взглядѣ на вещи, дѣлается непонятнымъ, какъ можно приступить къ какому бы то ни было дѣлу, не имѣя объ его существѣ никакого представленія.

Въ такихъ малыхъ царствахъ, какъ, напримѣръ, Грузія или Имеретія, гдѣ царю династическому, а не пришлому, нельзя было не знать лично своихъ князей и дворянъ, не могло не установиться, между прочимъ, и этикета, свойственнаго малымъ аристократическимъ обществамъ.

Здѣсь, быть можетъ съ тѣхъ временъ, когда царю Александру, въ началѣ XV столѣтія, угодно было раздробить свое царство на три отдѣльныхъ царства и на нѣсколько независимыхъ отъ нихъ княжествъ, установилось своеобразное требованіе приличія: ни въ личномъ, ни въ письменномъ обращеніи къ кому бы то ни было изъ высшаго сословія, нельзя было называть его княземъ или дворяниномъ, не возбуждая въ немъ вопроса: „кому это кажется новостью, что я князь или что я дворянинъ? И кто жъ этого не знаетъ?“

Поэтому о письменныхъ доказательствахъ дворянскаго званія въ нашей странѣ никогда и не должно было возникать рѣчи, въ особенности когда всѣ дворянскіе роды были признаны такимъ актомъ, какъ трактатъ.

Но измѣнились обстоятельства, нашъ царь—теперь всероссійскій императоръ, которому лично знать всѣхъ своихъ князей и дворянъ невозможно. Надобно было, значить, привести въ надлежащую извѣстность кто въ этомъ новомъ императорскомъ владѣніи имѣетъ право на достоинство княжеское или дворянское.

И надобность эту сознали агенты новой власти. А такимъ агентамъ, какъ Іосифъ Александровичъ Г ** , считающимъ себя въ правѣ безотчетно приказывать и даже повелѣвать, не было нужды ни ожидать требованій свыше, ни предполагать, что это требованіе уже предусмотрено и выполнено.

Дворянству грузинскому авторитетно разъяснили, что кто не докажетъ, чрезъ депутатское собраніе предъ герольдіею правительствующаго сената въ С.-Петербургѣ, своихъ правъ на княжеское или дворянское достоинство, тотъ будетъ обращенъ въ податное состояніе.

Это, по тогдашнему міровоззрѣнію, не могло не показаться страшною угрозою и не могло не вызвать желанія предотвратить ее какимъ бы то ни было способомъ.

Пущены были въ ходъ и просьбы, и скудныя деньги, и старинныя золотыя или серебряныя принадлежности домовъ, чтобъ только добывать письменныя доказательства, и вотъ стали появляться пожелтѣлыя документы; стало выдвигаться преступленіе ихъ фальсификаціи.

И все это только потому, что весь персоналъ тогдашнихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій состоялъ изъ Г ** , — людей и несомнѣнно честныхъ, и вполне благонамѣренныхъ, но такихъ, которые никогда не домогались аттестата зрѣлости и потому, не смотря на свое официальное значеніе, сохраняли за собою право невмѣняемости.

Никому изъ нихъ и на мысль, конечно, не приходило, что всякое дѣло, всякій вопросъ должны имѣть свое начало и свою, стало быть, исторію; а повтому и настоящее дѣло не могло не имѣть своей исторіи, съ которою и слѣдовало ознакомиться прежде всего.

А стоило кому-нибудь только подумать объ этомъ, какъ разрѣшеніе точное, ясное не замедлило бы предстать, такъ сказать, само собою.

Но никто не подумалъ объ этомъ не только предъ учрежденіемъ въ 1830 году комисіи о фальшивыхъ документахъ или въ теченіи десяти лѣтъ ея дѣятельности, но никто не подумалъ даже и при окончательномъ обсужденіи результатовъ этой дѣятельности.

Въ силу этого обсуждения послѣдовалъ въ 1844 году указъ, которымъ, на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, устанавливался порядокъ, устранявшій, правда, возможность дальнѣйшей фальсификаціи грамотъ, но устанавливавшій полнѣйшую невозможность доказать княжеское или дворянское происхождение даже такимъ родамъ, какъ Эристовы, Амилахвари, Абашидзе, Андрониковы и пр., и пр.

Для признанія въ правахъ дворянства требовалось по этому указу:

1) представить грамоту на возведеніе въ княжеское или дворянское достоинство;

2) подлинность и несомнѣнность этой грамоты подтвердить свидѣтельствомъ сорока восьми извѣстныхъ правительству князей и дворянъ, отобраннымъ отъ нихъ подъ присягою въ присутствіи дворянскаго депутатскаго собранія;

3) въ случаѣ утраты жалованной грамоты на княжество или дворянство отбирать, также и тамъ же, отъ всѣхъ наличныхъ князей и дворянъ уѣзда, а въ иныхъ случаяхъ и всей губерніи, показанія о томъ, что они лично знаютъ, что была такая грамота, такимъ-то царемъ, тогда-то, такому-то лицу пожалованная, и что она утрачена тогда-то и по такому-то случаю; и все это продѣлывать по каждому роду отдѣльно.

Я пишу все это на память и, конечно, не могу ручаться за точность выраженій указа 1844 года, но ручаюсь за точность его смысла,—что, впрочемъ, само собою будетъ явствовать и изъ дальнѣйшаго изложенія.

Оставляя въ неприкосновенной праздности вопросъ о томъ, что было бы, если-бъ указъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, перехожу прямо въ другому вопросу, какъ это случилось, что онъ не былъ приведенъ въ исполненіе?

Случилось это какъ нельзя проще.

Въ началѣ 1845 года прибылъ въ Тифлисъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, но не въ званіи уже главноуправляющаго, а какъ намѣстникъ императорскаго величества и съ правами по всѣмъ отраслямъ управленія, кромѣ военнаго, присвоенными министрамъ, т. е. съ правомъ непосредственныхъ докладовъ или всеподданнѣйшихъ представленій императорскому величеству.

Графъ Воронцовъ былъ здѣсь и въ юности при главноуправляющемъ князѣ Циціановѣ; зналъ тогда доблестное, по собственнымъ его словамъ, грузинское дворянство,—сохранялъ и теперь глубокое въ чувствахъ своихъ уваженіе къ этому сословію, въ которомъ, впоследствии, одинъ изъ его преемниковъ, фельдмаршалъ князь Барятинскій, признавалъ истую аристократію и видимо скорбѣлъ объ участи, которой подвергалось это дворянство по силѣ того указа.

Въ канцеляріи главнаго управленія я былъ тогда начальникомъ отдѣленія и позволилъ себѣ подать написанную въ третьемъ лицѣ директору канцеляріи Васильевскому записку о томъ, что указомъ 1844 года прямо нарушается одно изъ основныхъ условий такого государственнаго акта, какъ трактатъ 1783 года, заключенный между императрицею Еватериною II и царемъ Иракліемъ II.

Какъ? что?....

Снялъ я съ полки томъ 1783 г. Полнаго собранія законовъ, раскрылъ и далъ прочесть въ немъ трактатъ.

Удостоверились, что грузинскихъ князей и дворянъ, списокъ коимъ долженъ былъ быть особо доставленъ отъ царя Ираклія, трактатъ признавалъ въ равныхъ правахъ съ князьями и дворянами Россіи,—и что самый списокъ былъ своевременно доставленъ и приложенъ къ тому: поименованы въ немъ всѣ признанные таимъ образомъ роды грузинскихъ князей и дворянъ!

Изь-за чего же загорался сыръ-боръ?

Нужно было теперь доказать только принадлежность лицъ къ этимъ родамъ. А это можно было сдѣлать проще, чѣмъ метрическими свидѣтельствами, такъ какъ веденіе метрическихъ книгъ установлено здѣсь одновременно съ депутатскимъ собраніемъ, т. е. только съ 1818 года.

Приступили къ соображеніямъ, какъ это сдѣлать, а между тѣмъ приведеніе въ дѣйствіе указа 1844 года приостановлено уполномоченною на то властью намѣстника.

Соображенія же привели къ тому, что вѣрнѣе и достойнѣе всего—самому же дворянству предоставить привести въ извѣстность всѣхъ членовъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, посредствомъ особой, изъ среды себя избранной, комисіи, съ назначеніемъ въ ея составъ одного или двухъ членовъ отъ прави-

тельства, въ видахъ соблюденія должнаго порядка въ производствѣ дѣлъ.

А какъ іерархическое устройство было совершенно одинаково какъ въ Грузіи, такъ и въ Имеретіи и Гуріи, то такую же комисію образовать и въ Кутаисѣ.

Здѣсь не мѣшаетъ вспомнить и привести, въ видѣ примѣчанія, что изъ имеретинскаго дворянства, болѣе многочисленнаго, чѣмъ грузинское, могли, въ силу знаменитаго указа 1844 года, быть утверждены въ правахъ потомки только 11 князей, подписавшихъ въ 1804 году, вмѣстѣ съ царемъ Соломономъ II, присяжный листъ на подданство Россіи, а изъ дворянъ — никто. Также никто изъ князей и дворянъ Гуріи.

Въ 1846 году графу Воронцову предстояло свиданіе съ императоромъ Николаемъ въ Вознесенѣ и взялъ онъ туда съ собою проектъ всеподданнѣйшаго объ этомъ доклада.

Вотъ и послѣдовало окончательное высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ указа 1844 года и объ учрежденіи дворянскихъ комиссій въ Тифлисѣ и Кутаисѣ.

Главныя основанія для дѣйствія этихъ комиссій были приведены въ послѣдовавшемъ на имя намѣстника кавказскаго указѣ изъ правительствующаго сената.

Но здѣсь признано было необходимымъ, въ развитіе этихъ основаній и для неуклоннаго ихъ исполненія, преподать комиссіямъ подробныя инструкціи, такъ какъ имъ безъ этого невозможно было знать всѣхъ тѣхъ видовъ и соображеній, на которыхъ покоились высочайше указанныя новыя правила.

Ко времени воспослѣдованія этого высочайшаго указа, на чальникъ отдѣленія канцеляріи, осмѣлившійся заговорить противъ указа 1844 года, былъ уже правителемъ дѣлъ совѣта главнаго управленія Закавказскаго края, а въ числѣ членовъ этого совѣта выдѣлялся тогда, незадолго предъ тѣмъ прибывшій въ Тифлисъ, попечитель кавказскаго учебнаго округа — Василій Николаевичъ Семеновъ.

На перваго изъ нихъ, какъ на редактора всеподданнѣйшаго доклада и проекта воспослѣдовавшихъ новыхъ правилъ, было возложено составленіе и инструкціи для тифлисской комиссіи; а на Семенова — составленіе инструкціи для кутаисской комиссіи, при чемъ ему же было поручено произвести, по уѣздамъ Ку-

таисской губерніи, выборы отъ князей и дворянъ членовъ въ эту комисію. Баллотировка была еще незнакома тому краю.

Между этими составителями инструкцій и произошло столкновение, которое служитъ предметомъ настоящаго разсказа.

Инструкція Кипіани была составлена, утверждена намѣстникомъ и преподана къ руководству гораздо ранѣ исполненія Семеновымъ возложеннаго на него довольно сложнаго порученія, требовавшаго тѣмъ болѣе времени, чѣмъ менѣе самъ онъ былъ знакомъ съ элементами дѣла.

Но представилъ, наконецъ, и Семеновъ свою работу.

Она была препровождена на предварительное разсмотрѣніе къ предсѣдателю совѣта—начальнику гражданскаго управленія, генералу Петру Антоновичу Ладинскому.

Генералъ Ладинскій никогда не относился индифферентно къ дѣламъ, а тѣмъ менѣе къ настоящему. Его служба съ юнкерскаго еще званія началась въ Грузіи съ 1801 года и продолжалась до производства въ генералы. Всѣ лучшія воспоминанія его жизни принадлежали этому краю; онъ, какъ и графъ Воронцовъ, но, можетъ быть, еще подробнѣе, зналъ это прошлое, симпатизировалъ ему и потому принималъ въ настоящемъ дѣлѣ не менѣе Воронцова живое участіе.

А такъ какъ онъ при этомъ вполнѣ искренно довѣрялся мнѣ во всѣхъ служебныхъ дѣлахъ, то всѣ бумаги В. Н. Семенова поручилъ мнѣ разсмотрѣть и высказать свое мнѣніе.

При первомъ же взглядѣ на работу Семенова, на самую форму, которую онъ придалъ ей, видно было, что онъ увлекся взглядомъ, который онъ не разъ высказывалъ передъ тѣмъ, говоря: „я русскій человекъ и не могу допустить, чтобъ русскимъ труднѣе было доказывать свое дворянство, чѣмъ грузинамъ“.

Но въ этомъ патріотизмѣ онъ задался грандіознымъ желаніемъ упразднить рѣшеніе верховной власти, но задался крайне неумѣло ¹⁾.

¹⁾ Это была первая моя борьба съ русскимъ чиновникомъ, гдѣ мнѣ приходилось отстаивать рѣшеніе высшей русской власти, но не изъ подобию, а изъ убѣжденія, что такія рѣшенія не должно колебать. Другіе же случаи такой борьбы будутъ приведены въ слѣдующихъ мѣстахъ моихъ воспоминаній.

Мнѣніе свое я доложилъ генералу Ладинскому съ полною откровенностью.

— Да! это и мое мнѣніе, сказалъ онъ. Завтра я приглашу его къ себѣ и вы взглядъ свой выскажете подробно при немъ. Если онъ согласится съ нами, то вы поможете ему передѣлать, а если нѣтъ,—я умою руки.

— Извините, П. Ант., но какъ можно умывать руки, гдѣ надобно выполнить долгъ службы? Изложите ваше мнѣніе и представьте!

— Нѣтъ! Онъ тамъ силенъ. Здѣсь мы имѣемъ больше шансовъ согласить его и тѣмъ поправить дѣло.

— Но, ваше пр-во, вы хотите меня съ нимъ сравнить. Вѣдь это—поднять насъ на ножи!

— А служба? вы сейчасъ сказали, что служба выше всего!

На другой день состоялось частное засѣданіе четырехъ лицъ: П. А. Ладинскій, В. Н. Семеновъ, Кипіани и князь Мих. Ос. Тумановъ, по порученію начальства сопровождавшій Семенова во всѣхъ его поѣздкахъ и дѣйствіяхъ по Кутаисской губерніи.

Говорили только средніе двое, а первый и послѣдній постоянно безмолствовали.

— Василій Николасевичъ! — обратился я къ Семенову, — вы изволили составить не инструкцію, которая подлежитъ утвержденію намѣстника, а новое положеніе, утвержденіе котораго можетъ послѣдовать не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ.

— Это придирка къ формѣ! форму можно переимѣнить; ничего не значить.

— Одна переимѣна формы не измѣнитъ существа. Инструкція должна заключать въ себѣ только развитіе преподанныхъ началъ,—только болѣе или менѣе подробное указаніе—какъ исполнить данный законъ, указъ или положеніе...

— Да я именно это и излагаю въ своемъ проектѣ.

— Извините меня, но вашъ проеѣтъ отъ первой строки до послѣдней заключаетъ въ себѣ новое положеніе, новыя начала, которыя нигдѣ еще не обсуждались, и нѣтъ тамъ ни одного указанія на правила высочайшаго указа. Говоря короче, вы совершенно игнорируете указъ, подлежащій исполненію.

В. Н. Семеновъ вскочилъ съ мѣста и заявилъ генералу Ла-

динскому, что не можетъ принимать участія въ такомъ совѣщаніи,—взялъ шляпу и ушелъ.

За нимъ послѣдовалъ князь Тумановъ.

А Петръ Антоновичъ всѣ бумаги Семенова возвратилъ на другой день директору канцеляріи намѣстника, Степану Васильевичу Сафонову, сообщая, что болѣзнь мѣшаетъ ему принимать участіе въ разсмотрѣніи этого дѣла.

Теперь два слова о результатахъ.

Проектъ Семенова, бывшаго тогда въ отличныхъ отношеніяхъ съ Сафоновымъ, директоромъ канцеляріи намѣстника,—утвержденъ, какъ инструкція, намѣстникомъ и преподанъ вутаисской комисіи. Коммисія на каждомъ шагѣ сталкивалась съ недоразумѣніями, устраненію которыхъ посвящено было около двухъ лѣтъ времени.

А во мнѣ закипѣла у Семенова вражда, повидимому, непримиримая; но чрезъ нѣсколько лѣтъ она превратилась въ дружбу.

13.

Сафоновъ.—Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ.—Юриисконсультъ Розовъ.— Столкновеніе и съ нимъ.—*Aut bene, aut nihil* или *aut bene, aut veritas?*

Существуетъ поговорка, что, „падая каплями, вода просверливаетъ и гранитъ“. Такъ Семеновъ, обуреваемый негодованіемъ къ своему оппоненту, не переставалъ убѣждать Сафонова въ необходимости посадить въ совѣтъ такое лицо, которое бы могло зорко слѣдить за дѣйствіями правителя дѣлъ.

Сафоновъ, съ своей стороны, убѣдилъ въ этой необходимости гр. Воронцова, и вотъ, въ 1848 году, если не ошибаюсь, въ бытность уже князя В. О. Бебутова начальникомъ гражданскаго управленія и предсѣдателемъ совѣта, назначается присутствовать въ этомъ совѣтѣ юриисконсультъ министерства юстиціи, д. с. с. Розовъ.

При первомъ взглядѣ на него нельзя было не проникнуться глубокимъ къ нему уваженіемъ: онъ былъ старецъ, какъ дуньсѣдой, и глядѣлъ человекомъ добрымъ и знающимъ. Но оказался просто вывѣтрившимся, если и было въ немъ прежде что-нибудь.

Открылось первое при немъ засѣданіе совѣта и я начинаю докладывать дѣла.

— Я вижу, что дѣла здѣсь неправильно докладываются, хватилъ съ перваго же разу юрисконсультъ.

Всѣ обратились къ нему вопросительно; я—съ недоумѣніемъ.

— Нельзя такъ докладывать, продолжалъ онъ: вотъ въ сенатѣ,—составляется изъ дѣла записка и записка докладывается, а не дѣло.

Всѣ поняли въ чемъ дѣло.

Понялъ и я, и, мощный безусловно правотою въ томъ, въ чемъ вздумали обвинять, обращаюсь къ предсѣдателю тономъ совершеннаго спокойствія.

— Казалось бы, вступая въ отправленіе службы по какому бы то ни было учрежденію, первое, что необходимо сдѣлать, это хоть поверхностно познакомиться съ положеніемъ или уставомъ этого учрежденія. А г. юрисконсультъ, какъ видно, думаетъ, что онъ присутствуетъ въ закавказскомъ департаментѣ сената,—тогда какъ здѣсь нѣтъ сената.

Тутъ я раскрываю томъ Свода законовъ, въ которомъ помѣщено положеніе совѣта, и читаю двѣ, три статьи, опредѣляющія порядокъ вступленія дѣлъ въ совѣтъ и доклада ихъ.

Убѣленный старецъ выслушиваетъ точную редакцію закона, что дѣла въ совѣтъ вносятся изъ губернскихъ и высшихъ учреждений края не иначе, какъ особыми записками, и записки сіи докладываются въ подлинникѣ.

Бѣдный Розовъ замолкъ, какъ опаренный, и во все засѣданіе не проронилъ уже ни одного слова; но злость продолжала бушевать въ старческой груди, и въ слѣдующее засѣданіе, чрезъ недѣлю, разразился онъ новымъ обвиненіемъ.

Какъ ни напрягаю я теперь свою память, нивакъ не могу припомнить, въ чемъ именно на этотъ разъ было дѣло—но это второе замѣчаніе Розова было сдѣлано до того нелѣпно и въ такой возмутительной формѣ, что мое примѣрное ¹⁾ терпѣніе мгновенно исчезло и, дрожа какъ въ лихорадкѣ, схватилъ я со стола огромную стеклянную чернильницу и навѣрное раскроилъ-бы ея

¹⁾ Въ кругу моихъ сверстниковъ, а по ихъ милости и въ обществѣ, я приобрѣлъ зпитеть терпѣливѣйшаго изъ грузинъ. Д. К.

лобъ злополучному старику, если-бъ не замѣтили моего движенія и не удержали меня сидѣвшіе рядомъ со мною члены совѣта: Фед. Евст. Коцебу (родной братъ графа Пав. Евст., бывшаго генералъ-губернатора въ Варшавѣ) и Андр. Франц. Десимонъ, (впослѣдствіи членъ комисіи прошеній). Въ это время уже предсѣдатель совѣта держалъ строгую уничтожающую рѣчь къ выжившему изъ ума старцу:

— Я не могу не замѣтить вамъ, г. юрисконсультъ, что, высказывая здѣсь подобныя рѣчи, вы забываете и мѣсто, гдѣ находитесь, и среду, которая васъ окружаетъ. Неужели вы не понимаете, что подобными обвиненіями вы оскорбляете всѣхъ присутствующихъ, считая насъ всѣхъ за людей, не понимающихъ ни правъ своимъ, ни обязанностей. На сей разъ ограничиваюсь этимъ замѣчаніемъ; въ случаѣ же повторенія все будетъ занесено въ журналъ и представлено начальству! Теперь прошу васъ, Димитрій Ивановичъ, продолжать вашъ докладъ.

Съ давняго времени установился порядокъ, что, по окончаніи засѣданія, всѣ члены совѣта и правитель его дѣлъ обѣдали у предсѣдателя.

Правитель дѣлъ являлся туда обыкновенно нѣсколько позже, по уборкѣ и передачѣ дѣлъ и бумагъ въ канцелярію.

Вхожу, такимъ образомъ, немного спустя, въ гостинную предсѣдателя и вижу, что всѣ шутуются въ двухъ — трехъ группахъ по угламъ. При моемъ входѣ отдѣляется отъ одной изъ нихъ мой Розовъ и, идя на встрѣчу, протягиваетъ мнѣ руку.

Сознаюсь, что у меня не хватило духу принять ее, и я отмахнулъ отъ себя рѣзкимъ жестомъ.

— За что это? что я вамъ сдѣлалъ?

— Вы? вы?.. вамъ... не здѣсь мѣсто... вамъ никто не подаль-бы руки не только здѣсь, но и въ земской управѣ прежнихъ временъ. Мы здѣсь—люди порядочные, а вы,—развѣ вы имѣете понятіе о порядочности?

Тутъ кто-то взялъ меня подъ руку и подвелъ къ вязю Бebutову, а тотъ сказалъ мнѣ по грузински дружескимъ тономъ: „довольно теперь; надобно забыть; самъ видишь ¹⁾, что онъ немѣняемъ“.

¹⁾ По грузински только недавно стали относиться въ подобныхъ случаяхъ другъ къ другу на вы; но это не совсѣмъ ладитъ съ закономъ языка; пред-

Съ тѣхъ поръ добродушная улыбка не сходила съ лица Розова; но никто уже не слыхалъ ни одного его замѣчанія и ни одного его мнѣнія.

Спустя нѣкоторое время, его перевели въ Москву оберъ-прокуроромъ въ сенатъ.

Еще одинъ штрихъ къ этому лицу.

Онъ цѣлую недѣлю обивалъ пороги у Сафонова, чтобъ тотъ выхлопоталъ ему, на бѣдность, подъемныя деньги и прогоны, а то ѣхать въ Москву не на что.

Дали ему рублей 500.

Черезъ два года онъ умеръ въ Москвѣ, оставивъ, какъ говорили тогда, 200,000 р. капитала въ какомъ-то банкѣ, не имѣя никакого родства и, стало быть, никакихъ наслѣдниковъ.

Прошу держаться, послѣ этого, пословицы: *de mortuis aut bene, aut nihil*.

То-ли дѣло... *aut bene, aut veritas!*

Д. И. Киплани.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ставляется какая-то холодность или отчужденность, когда говорить на вы; такъ какъ грузинскій языкъ располагаетъ множествомъ формъ для соблюденія утонченной деликатности и при обращеніи на ты. Д. К.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ.

ЗАПИСКА ОБЪ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССИИ ¹⁾

1855 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ²⁾.

Мысль упразднить помѣщичье крѣпостное право выкупомъ владѣльческихъ крестьянъ со всею землею, которую они на себя обрабатываютъ, вызвала много возраженій. Благодаря имъ, самый предметъ, столь важный, столь, можно сказать, неисчерпаемый, болѣе и болѣе уясняется съ различныхъ сторонъ.

Признавая въ полной мѣрѣ, что всякое замѣчаніе и возраженіе, каково бы ни было, впрочемъ, его достоинство, указываетъ или на недостаточную разработку предмета, или, по крайней мѣрѣ, на болѣе или менѣе существенные недостатки редакціи, мы считаемъ себя обязанными, для пользы самого дѣла, со всевозможнымъ вниманіемъ разобрать всё безъ изъятія возраженія, которыя намъ удалось слышать противъ мысли объ освобожденіи крѣпостныхъ вообще и въ особенности противъ предложеннаго нами способа выкупа.

Остановимся сперва на возраженіяхъ и замѣчаніяхъ болѣе общихъ, имѣющихъ особенную важность, и перейдемъ потомъ въ подробности и частностямъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., томъ XLIX, январь, стр. 131—180; февраль, стр. 293—320.

²⁾ Передъ этимъ рукою Е. Д. Кавелина написано карандашемъ:
«Слѣдующее написано нѣсколько поздне; кажется, въ томъ же 1855 году.
К. Кавелинъ».

I.

Многіе рѣшительно возстаютъ противъ обращенія помѣщичьихъ крѣпостныхъ, послѣ ихъ выкупа, въ государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ, и остаются въ убѣжденіи, что послѣ освобожденія крѣпостныхъ дворянство въ Россіи никакъ сохраниться не можетъ.

Объ этомъ разсуждаютъ обыкновенно такимъ образомъ:

По освобожденіи, такъ или иначе, крѣпостныхъ людей, какое будетъ ихъ законное положеніе? Конечно, многія помѣщичьи имѣнія, дѣйствительно, представляютъ печальныя доказательства nepозволительной безпечности и преступнаго равнодушія владѣльцевъ въ благо ихъ крѣпостныхъ; но, въ счастію, число ихъ, съ успѣхами просвѣщенія, видимо уменьшается, а взамѣнъ того сколько же есть такихъ имѣній, въ коихъ благоустройство, зажиточность крестьянъ и образцовый во всемъ порядокъ на дѣлѣ доказываютъ государственную и административную пользу помѣщичьей власти. Чѣмъ же можно замѣнить эту власть? На кого перенести съ владѣльцевъ безчисленныя заботы по внутреннему устройству бывшихъ крѣпостныхъ общинъ и попечительство надъ крестьянами? Съ другой стороны, дворянство теперь первое сословіе въ имперіи и пользуется привилегіями, которыя обезпечиваютъ за нимъ, частью по праву, но еще болѣе на самомъ дѣлѣ, извѣстное, и притомъ довольно значительное, вліяніе на общественную и государственную жизнь Россіи. Съ той минуты, какъ помѣщичьи крестьяне будутъ освобождены и сами станутъ землевладѣльцами, дворянство неминуемо потеряетъ это важное первенствующее значеніе, потому что не будетъ уже ни малѣйшаго основанія оставлять за нимъ тѣ привилегіи, которыми оно теперь исключительно пользуется. Потерявъ всякое отличіе отъ прочихъ сословій, оно смѣшается съ ними и по малочисленности своей затеряется въ ихъ массѣ. Можетъ ли дворянство желать такого преобразованія? Но оставляя въ сторонѣ дворянство—можно ли желать его для государства и для Россіи? Если-бъ такое преобразованіе дѣйствительно состоялось, то нѣтъ сомнѣнія, что грубое невѣжественное большинство заглу-

шло бы въ управленіи и общежитіи просвѣщенное меньшинство; нравы стали бы еще грубѣе, чѣмъ теперь, какъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ аристократическіе элементы стоятъ на второмъ планѣ. Азіатская основа нашего народнаго характера опять стала бы преобладать, какъ было до Петра Великаго, ибо она сдерживается единственно благодаря тому, что во главѣ народа и управленія стоятъ меньшинство, принявшее европейское вліяніе и нравы. Итакъ, сохраненіе теперешняго положенія и роли дворянства въ Россіи есть дѣло государственной важности, а это невозможно безъ сохраненія крѣпостнаго права.

Таковы возраженія противъ упраздненія крѣпостнаго права, которыя слышатся отовсюду, не только отъ рѣшительныхъ противниковъ этой мѣры, но даже и отъ тѣхъ, которые признаютъ крѣпостное право несправедливымъ и во многихъ отношеніяхъ вреднымъ для Россіи.

Въ основаніи всѣхъ изложенныхъ выше разсужденій лежитъ, во первыхъ, недовѣріе въ нашей администраціи, — особливо въ вѣдомству государственныхъ имуществъ, во вторыхъ, убѣжденіе въ томъ, что значеніе и вліяніе должны принадлежать въ Россіи не массамъ, а просвѣщенному и зажиточному меньшинству, представляемому дворянствомъ.

Съ тѣмъ и другимъ нельзя не согласиться вполне. Мѣстное наше управленіе крайне притѣснительно, алчно, невѣжественно и незаконно. За весьма рѣдкими, случайными исключеніями мѣстные органы администраціи и правосудія едва ли не составляютъ худшей, вреднѣйшей части народонаселенія. Мы не станемъ также защищать мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ, хотя, признаемся, и не видимъ причины, почему бы ему именно принадлежало въ этомъ отношеніи печальное преимущество передъ прочими вѣдомствами. Наконецъ, нельзя не раздѣлять убѣжденія, что значеніе и вліяніе должны принадлежать не толпѣ, а образованнѣйшему и зажиточнѣйшему сословию. Если это справедливо для всѣхъ странъ въ мірѣ, то тѣмъ болѣе въ примѣненіи въ Россіи, гдѣ просвѣщеніе такъ мало разлито въ большинствѣ народа.

Но именно для преобразованія мѣстной администраціи, для поставленія дворянства въ то положеніе, какое ему причлещуется, совершенно необходимо уничтожить крѣпостное право.

Послѣднее породило и питаетъ неудовольствіе въ дворянству въ крѣпостныхъ и недовѣріе къ нему правительства. Внутренній разладъ между органическими стихіями Россіи, вытекаая изъ крѣпостнаго права, съ его существованіемъ будетъ сохраняться, съ усиленіемъ его усилится, съ упраздненіемъ исчезнетъ, разумѣется, если послѣднее совершится безобидно для простаго народа.

Справедливость этой мысли подтверждаютъ и исторія, и ежедневный опытъ.

Что есть администрація? Орудіе, посредствомъ котораго верховная власть уравниваетъ различные общественные элементы, приходящіе между собою въ столкновеніе или въ соперничество. Богатые, знатные, родовитые, сильные, просвѣщенные, умные имѣютъ огромныя преимущества передъ бѣдными, незнатными, безродными, слабыми, непросвѣщенными, посредственными или глупыми и образуютъ высшій слой человѣческихъ обществъ. Необходимое неравенство людей, — составляющее, вопреки всѣмъ теоріямъ, законъ естественный, — повело бы къ чрезмѣрному преобладанію меньшей части общества надъ большинствомъ, если бы не было верховной власти, которой призваніе — служить между ними посредникомъ, охранять и защищать низшіе классы, во всѣхъ отношеніяхъ нуждающіеся въ опорѣ и покровительствѣ.

Въ древней Россіи крестьянинъ называлъ себя царскимъ сиротою, выражая тѣмъ глубокое, вполне вѣрное, представленіе русскаго народа о верховной власти и ея значеніи, и вся наша внутренняя исторія, отъ первой страницы до послѣдней, есть ничто иное, какъ развитіе и примѣненіе этого основнаго воззрѣнія. Не давъ у себя развиться, по примѣру другихъ славянскихъ племенъ, феодальнымъ и олигархическимъ зачаткамъ, русскій народъ создалъ власть, какой не видалъ еще дотолѣ міръ, и объ нее разбились всѣ бѣды, сгубившія другіе славянскіе народы. Зорко сторожили мы у себя за неприкосновенностью верховной власти, поддерживали ее всѣми силами въ шаткія времена и возстановляли, когда неблагоразуміе правителей низводило ее съ ея несокрушимаго подножія.

Русскій царь не дворянинъ, не купецъ, не военный, не крестьянинъ; онъ выше всѣхъ сословій и въ то-же время всѣмъ

имъ близокъ. Сила вещей нерѣдко, вопреки личнымъ наклонностямъ, стремленіямъ и понятіямъ, непремѣнно дѣлаеть русскаго царя посредникомъ, верховнымъ третейскимъ судьей общественныхъ интересовъ, справедливымъ мѣриломъ притязаній всѣхъ классовъ и сословій. Строго, даже сурово и временами жестоко, сдерживали наши древніе самодержцы высшее сословіе, когда оно чрезмѣрно налегало на простой народъ. Защищая слабого противъ сильнаго, они должны были, мало по малу, создать себѣ покорное и надежное орудіе своего призванія, чуждое интересовъ обѣихъ соперничающихъ сторонъ. Такимъ орудіемъ является, почти тотчасъ же послѣ возникновенія самодержавія, сословіе дьяковъ и подьячихъ, зародышъ и первообразъ званія чиновниковъ. Это сословіе вербовалось изъ людей темныхъ, но болѣе или менѣе грамотныхъ и дѣловыхъ, не принадлежавшихъ ни къ какому званію, или покинувшихъ свое званіе и потому чуждыхъ всякимъ общественнымъ и сословнымъ интересамъ. Степень образованности, безкорыстія и добросовѣстности этого класса зависитъ отъ степени общаго народнаго образованія и нравственности? Но какъ въ полуварварскихъ, такъ и въ высоко просвѣщенныхъ государствахъ, характеръ, значеніе и общественное положеніе этого класса остаются тѣ же, пока не измѣнятся самыя отношенія между сословіями или общественными интересами. Русская пословица: „поссоръ Богъ народъ, накорми воеводу“ навсегда останется и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ истинною для всѣхъ въ мірѣ народовъ. Напрасно многіе думаютъ, что бюрократическое управленіе посредствомъ чиновниковъ можетъ быть введено или уничтожено по произволу, напрасно приписываютъ они вредъ, происходящій отъ бюрократической системы, эгоистическимъ, себялюбивымъ видамъ правительства. Бюрократія есть необходимый плодъ взаимной вражды и недоувѣрія сословій и общественныхъ интересовъ, не умѣющихъ или не хотащихъ придти въ какому нибудь соглашенію. Говорятъ, что бюрократія порождена недоувѣріемъ правительства къ народу. Но такъ ли это? Порядокъ вещей, при которомъ низшіе слои общества, по необразованности, отсутствію общественнаго духа и своему положенію, совершенно подчинены вліянію высшаго сословія, а послѣднее всѣми силами стремится исключительно, эгоистически воспользоваться этимъ вліяніемъ въ свою только пользу,

едва ли и заслуживаетъ довѣрія. Народъ, какъ цѣлое, тутъ не причемъ. Всякому правительству, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ было бы удобнѣе управлять народомъ посредствомъ высшаго класса, который, по своему положенію между верховною властью и низшими слоями общества, могъ бы служить наилучшимъ представителемъ всенародныхъ пользъ и ходатаемъ за нихъ. Но ненормальное отношеніе высшихъ классовъ къ низшимъ вынуждаетъ правительство питать къ первымъ нѣкоторое недовѣріе и только отчасти, съ важными ограниченіями, предоставлять имъ участіе въ дѣлахъ общественныхъ.

Эти выводы вполне подтверждаются у насъ на дѣлѣ. Наше мѣстное управленіе, вызывающее такія громкія, такія единодушныя жалобы всей Россіи, всѣхъ сословій, можно сказать, основано на недовѣріи. Имъ только и объясняется глубокая тайна, окружающая не только правительственныя распоряженія, но и просительскія дѣла; чрезмѣрное, губительное сосредоточеніе въ центральныхъ государственныхъ установленіяхъ безчисленнаго множества ничтожнѣйшихъ дѣлъ и бумагъ, которымъ слѣдовало бы оканчиваться въ мѣстахъ уѣзднаго управленія, и уже ни въ какомъ случаѣ не восходить далѣе губернскихъ инстанцій; чрезвычайное развитіе въ мѣстномъ управленіи начала бюрократическаго, чиновнаго, при замѣтномъ ослабленіи начала сословнаго и выборнаго. Отсюда прямо или косвенно проистекаютъ всѣ коренныя недостатки теперешней нашей системы управленія, для устраненія которыхъ одно только и есть дѣйствительное, вполне надежное средство: всѣ дѣла мѣстнаго интереса и управленія, не имѣющія общей государственной важности, или даже не касающіяся въ одно и то же время нѣсколькихъ мѣстностей, предоставить окончательному рѣшенію мѣстныхъ учреждений; для этого сословныя дѣла ввѣрить завѣдыванію выборныхъ изъ самихъ сословій, а общія земскія дѣла — учреждениямъ, образованнымъ частью изъ чиновниковъ, частью изъ выборныхъ, но не безгласныхъ, какъ теперь, а поставленныхъ въ совершенно независимое положеніе отъ исполнительныхъ властей; затѣмъ, для устраненія злоупотребленій, обыкновенныхъ спутниковъ секретнаго дѣлопроизводства, административнаго произвола, безотвѣтственности и безнаказанности, подчинить мѣстное управленіе, въ нѣкоторой

мѣрѣ, контролю публичности и гласности, и суду, совершенно независимому отъ административныхъ учреждений.

Все это очень хорошо извѣстно правительству. Оно слышитъ горькія жалобы народа, но вмѣсто того, чтобъ приступить къ дѣйствительнымъ мѣрамъ, польза которыхъ уже извѣдана на дѣлѣ, ограничивается одними паллятивными полумѣрами. Отчего это происходитъ? Кто осмѣлится сказать, что правительство не желаетъ добра и пользы? Нѣтъ! Вглядываясь глубже въ сущность вопроса, нельзя не угадать скрытой причины, которая одна удерживаетъ правительство на пути благодѣтельныхъ преобразованій нашего мѣстнаго управленія. Не трудно доказать, что если привести въ исполненіе всѣ изложенныя выше мѣры, то дворянство, классъ самый просвѣщенный, самый зажиточный, самый сильный по своему положенію и связямъ, получить рѣшительное вліяніе на губернское и уѣздное управленіе, въ этомъ сословіи разовьется сословный духъ, который будетъ имѣть большой вѣсъ въ дѣлѣ народной жизни. Не будь дворянство поставлено чрезъ крѣпостное право въ ложныя, ненормальныя отношенія къ половинѣ сельскаго народонаселенія Имперіи, правительству оставалось-бы только съ радостью воспользоваться случаемъ въ одно и то же время и облегчить государство отъ тяжкаго бремени дурнаго мѣстнаго управленія, и дѣйствовать на непросвѣщенныя массы чрезъ лучшихъ, достойнѣйшихъ представителей народа. Недовѣріе—эта язва и частной, и общественной жизни—скоро замѣнилось бы довѣріемъ и любовью. Но крѣпостное право поставляетъ этому непреодолимую преграду. Пока оно существуетъ, правительство не можетъ не измѣнить священнѣйшимъ своимъ обязанностямъ, своему прошедшему, своимъ преданіямъ, ограничить чиновниковъ дворянствомъ и тѣмъ отнять у себя, хоть на время, а можетъ быть и навсегда, всякіе способы ограждать низшія сословія отъ произвола высшихъ. Только благодаря тому, что у нашей верховной власти вѣсы еще не выпали изъ рукъ, насъ не постигла судьба Польши. Для знающихъ русскую исторію это уже давно неоспоримая истина.

Скажемъ въ чести всего русскаго народа, не различая сословій и классовъ, что онъ глубоко носить въ себѣ убѣжденіе въ этой истинѣ, хотя, разумѣется, не всѣ одинаково отчетливо и ясно ее понимаютъ. Сколько въ теченіе нашей исторіи было

самыхъ, казалось, благопріятныхъ минутъ для вовлеченія верховной власти въ исключительные интересы дворянства. Даже бывали неоднократныя попытки въ этомъ родѣ, и удачныя, но здравый политическій смыслъ русскаго народа, въ концѣ концовъ, всегда торжествовалъ надъ этими минутными уклоненіями. Само дворянство не разъ первое возставало противъ попытокъ такого рода.

Теперь ряды чиновниковъ наполнены дворянами. Сколько есть примѣровъ, что дворянинъ, горько сѣтовавшій на порядковъ дѣлъ, осуждающій дворянство на бездѣятельнѣйшую роль въ мѣстномъ управленіи, вступивъ послѣ того въ государственную службу и занявъ вліятельную должность въ администраціи, совершенно входилъ въ виды правительства и съ убѣжденіемъ становился органомъ системы, которую порицалъ такъ рѣшительно. Напрасно стали-бы мы объяснять всѣ такіе случаи однимъ искательствомъ, тщеславіемъ, неблагородною лестью. Такова сила вещей, таковы, въ счастію, законы русской жизни, покоряющій себя все! Онъ измѣнится съ той лишь минуты, когда крѣпостной получить свободу съ землею, обезпечивающею его и его семейство; ибо только въ такомъ случаѣ оба, и дворянинъ, и крестьянинъ, сдѣлавшись землевладѣльцами, придутъ въ нормальное отношеніе, будутъ имѣть одни общіе интересы, однѣ выгоды, одни стремленія и цѣли. Тогда и дворянство перестанетъ опасаться необходимыхъ и полезныхъ преобразованій, и правительство перестанетъ недоувѣрять дворянству за его отношенія къ простому народу и послѣдній увидитъ въ дворянствѣ своего естественнаго, достойнаго довѣрія представителя, потому что, имѣя одни и тѣ же интересы съ простымъ народомъ, дворянство будетъ имѣть всѣ способы защищать ихъ для себя и вмѣстѣ для черни. Весь народъ сольется въ единое цѣлое, въ которомъ будутъ различенія, будутъ высшіе и низшіе классы, но не будетъ вражды и внутренней разорванности.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Многіе думаютъ, что должно освободить крѣпостныхъ вовсе безъ земли, или съ одною усадьбою, или съ одною десятиною пахотной земли. Для обезпеченія крестьянъ предлагаютъ, въ замѣнъ поземельной собственности, учредить для нихъ вѣчную или продолжительную аренду въ помѣщичьихъ земляхъ, а управленіе крестьянскими

общинами ввѣрять владѣльцамъ дворянскихъ имѣній, но съ разными ограниченіями, посредствомъ выборныхъ изъ крестьянъ. Подобныхъ комбинацій предлагается множество, съ разными вариациями, но всѣ имѣютъ одну цѣль: удержать за дворянствомъ всю или почти всю землю и чрезъ это поставить отъ него въ хозяйственную и политическую зависимость крестьянина. Думаютъ, что если такъ было и есть въ большей части Европы, то почему-же не быть тому, точно такъ же и у насъ? Мы, съ своей стороны, совершенно не раздѣляемъ этого мнѣнія. Дворянство, которое съ перваго взгляда, должно чрезъ это выиграть, всего болѣе потеряетъ, ибо если теперь, когда владѣлецъ, по закону и по необходимости, еще заботится о крѣпостныхъ, послѣдніе сильно тяготатся своимъ положеніемъ, то что будетъ, когда такіа заботы съ него снимутся, и въ то же время крестьянинъ останется на дѣлѣ въ большей или меньшей зависимости отъ бывшаго своего помѣщика. Теперешнее неудовольствіе между дворянствомъ и крѣпостными обратится въ явную и открытую вражду, которой конечно, никто не пожелаетъ ни для Россіи, ни въ особенности для дворянства. Нашъ крестьянинъ не латышь и не эстонецъ, не покоренное племя, а подданный великой державы, которую самъ создалъ и поддерживаетъ. И онъ это очень хорошо понимаетъ! Нѣтъ, для счастія Россіи во сто кратъ лучше предоставить вопросъ о крѣпостномъ правѣ судьбѣ, даже рѣшенію слѣпаго случая, чѣмъ рѣшить его такъ неосновательно, близоруко, неестественно, противно русской исторіи, русскому духу, будущности Россіи! Для нашего крестьянина прикрѣпленіе къ землѣ началось въ то самое время, когда Европа уже стояла на пути къ упраздненію крѣпостнаго права; мы знаемъ по примѣру Европы ближайшія и отдаленныя горестныя послѣдствія освобожденія крестьянъ безъ земли. Воспользуемся же этимъ опытомъ, чтобъ рѣшить вопросъ объ аристократіи и демократіи иначе, правильнѣе, чѣмъ онъ рѣшенъ въ большей части европейскихъ государствъ. Горе намъ, если мы не воспользуемся ихъ уроками! Пусть высочайшая справедливость, безпристрастіе, общая государственная и народная польза руководятъ насъ при упраздненіи крѣпостныхъ отношеній; ибо только подъ однимъ этимъ условіемъ Россія получитъ несокрушимую прочность и то внутреннее единство, при которомъ невозможны будутъ междоусобія, терзаю-

щія Европу. вмѣсто того, чтобъ поправлять старую ошибку, какъ она теперь дѣлаетъ, постараемся ее совсѣмъ не дѣлать. А коренная ошибка есть освобожденіе крестьянъ безъ земли или не со всею землею, ими владѣемою, какъ требуетъ справедливость.

Предметъ этотъ такъ важенъ, что мы считаемъ необходимымъ рассмотретьъ его впоследствии въ особой статьѣ.

II.

Почти всѣ убѣждены въ томъ, что выкупъ крѣпостныхъ по частямъ или по губерніямъ подалъ-бы поводъ въ важнымъ безпорядкамъ и потому крайне опасенъ. Думаютъ, что необходимо произвести его разомъ въ цѣлой Имперіи, а для этого потребовалась бы огромная сумма денегъ. О выпускѣ на эту сумму банковыхъ билетовъ, какъ предполагается въ проектѣ, по отзывамъ людей специальныхъ, нельзя и думать, потому что вслѣдствіе таковой операціи число кредитныхъ знаковъ, обращающихся въ Имперіи, далеко превзошло-бы дѣйствительную въ нихъ потребность, и непремѣннымъ слѣдствіемъ этого было бы банкротство, котораго не отвратить капиталъ обезпеченія въ 6-ю часть выкупной суммы.

Можетъ быть опасенія эти и не оправдались бы на дѣлѣ, но если всѣ такъ думаютъ, то такое общее убѣжденіе уже само по себѣ дѣлаетъ изложенный въ проектѣ способъ выкупа невыполнимымъ.

Въ замѣнъ его люди специальные и практическіе предлагаютъ выпустить на всю выкупную сумму 4-хъ процентныя облигаціи, въ видѣ безсрочнаго долга, конечно, съ удержаніемъ за государствомъ права выкупить эти облигаціи впоследствии, когда признаетъ это нужнымъ, по курсу. Нѣтъ никакой надобности принуждать владѣльцевъ принимать эти облигаціи въ уплату за ихъ имѣнія: облигаціи могутъ быть распроданы въ Россіи и за границей, помѣщикамъ же должно быть предоставлено на волю получать уплату облигаціями или деньгами. Такая операція, по мнѣнію тѣхъ же специальныхъ людей, не представляетъ никакой опасности и никакого риска.

Для обсужденія этого предположенія вотъ нѣкоторыя числовыя данныя:

Если положимъ, что за каждую выкупаемую ревизскую мужскаго пола душу, съ предположеннымъ въ проектѣ количествомъ земли, придется выплатить владѣльцамъ по средней оцѣнкѣ отъ 105 до 150 руб. сер., то съ каждой изъ этихъ душъ пришлось бы ежегодно взимать выкупнаго платежа отъ 4 р. 20 в. до 6 рублей.

Этотъ расчетъ требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

1. При назначеніи 105—150 руб. основаніемъ служили слѣдующія соображенія:

а) Въ землевладѣльческихъ губерніяхъ средней полосы Россіи, имѣющихъ относительно частое народонаселеніе, какъ-то: Тамбовской, Рязанской, Орловской, Тульской, Курской—имѣнія оцѣниваются не по числу душъ, а по количеству земли; надѣленіе землею крестьянъ по 6-ти десятинамъ на тягло считается роскошнымъ; если въ имѣніи число тяголъ составляетъ половину числа ревизскихъ душъ, то такое отношеніе считается особенно благоприятнымъ; наконецъ, средняя цѣна земли въ названныхъ губерніяхъ составляетъ отъ 35 до 50 руб. сер. за десятину.

б) Въ многоземельныхъ и мало населенныхъ губерніяхъ южной и юго-восточной части имперіи земля хотя несравненно дешевле, чѣмъ въ центральной Россіи, но за то тамъ, вслѣдствіе залежной системы, ея дается крестьянамъ несравненно больше; и

в) Что касается до оброчныхъ имѣній промышленныхъ губерній—Ярославской, Костромской, Нижегородской и проч., то здѣсь средній оброкъ съ тягла можно положить примѣрно въ 20 руб. А какъ здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ губерніяхъ землевладѣльческихъ, число тяголъ только вдвое менѣе числа душъ, то подушный оброкъ господину составитъ 10 руб. сер., т. е. отъ 6% до 7% съ капитала въ 150 руб., какъ обыкновенно и оцѣняется средній доходъ съ оброчныхъ и даже съ земледѣльческихъ имѣній, кои почему либо не поставлены въ особенно выгодныя или особенно невыгодныя условія.

2. Нѣкоторые думаютъ, что было бы несправедливо выплатить владѣльцамъ сполна, по оцѣнкѣ, всю выкупную сумму за отходящую отъ нихъ часть имѣнія и крестьянъ, потому что на

владѣльцахъ лежатъ обязанности въ отношеніи къ крѣпостнымъ, которыя требуютъ денежныхъ расходовъ и которыя съ освобожденіемъ перенесутся на самихъ крестьянъ. За это справедливость требуетъ сдѣлать соразмѣрный вычетъ изъ слѣдующаго владѣльцамъ вознагражденія.

Противъ этого должно замѣтить, что если бы вознагражденіе владѣльцевъ предполагалось произвести по расчету чистаго и валоваго дохода отъ имѣній и по оцѣнѣ повинностей, работъ и службъ крѣпостныхъ въ пользу помѣщиковъ, то, конечно, вычеты или удержанія изъ выкупной платы были бы справедливы и естественны. Но такая оцѣнка и такіе расчеты совершенно невозможны и практически невыполнимы, по отсутствію правильнаго хозяйства и счетоводства въ большей части помѣщичьихъ хозяйствъ, по неопредѣленности повинностей, работъ и службъ крѣпостныхъ въ пользу владѣльцевъ и совершенному отсутствію всякаго законоположенія объ этомъ предметѣ, по неразвитію промышленности, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстностяхъ невозможно опредѣлить, даже приблизительно, цѣны на разныя работы, по недостатку просвѣщенной, хорошо устроенной, мѣстной администраціи, на которую бы можно было возложить важную, многосложную, деликатную и трудную задачу точнаго вычисленія слѣдующаго владѣльцу каждаго имѣнія вознагражденія. По всѣмъ этимъ причинамъ должно произвести оцѣнку имѣній по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ, которая гораздо проще и выполнимѣе, чѣмъ изложенные дробные расчеты, а при таковой оцѣнкѣ нѣтъ причины дѣлать вычеты изъ выкупной суммы, потому что мѣстныя цѣны на имѣнія не могли составиться безъ соображенія разныхъ по нимъ расходовъ.

Многіе думаютъ, что всего правильнѣе было бы начать съ повсемѣстнаго введенія въ Россіи предложенныхъ въ запискѣ косвенныхъ мѣръ освобожденія, такъ какъ для ихъ осуществленія не можетъ представиться никакого затрудненія. Эти мѣры въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сильно уменьшили бы число крѣпостныхъ и тогда уже можно было бы, безъ опасенія, приступить къ вынудительному выкупу имѣній, остающихся крѣпостными, тѣмъ болѣе, что онъ не потребовалъ бы такого огромнаго внутренняго или вѣшняго займа, какъ съ самаго начала.

Мнѣніе это весьма основательно. Противъ него можно при-

вести развѣ только опасеніе, что, при дѣйствіи однихъ косвенныхъ мѣръ, дѣло освобожденія затянется на слишкомъ долгій срокъ. Но если иначе никакъ невозможно, то пусть же лучше упраздненіе крѣпостнаго права подвигается впередъ медленно, чѣмъ не двигается вовсе, какъ теперь.

III.

Владѣльцы населенныхъ издѣльныхъ или барщинныхъ имѣній въ губерніяхъ земледѣльческихъ, какъ средней полосы, такъ въ особенности малороссійскихъ, убѣждены, что въ случаѣ выкупа крестьянъ со всею землею, которую они на себя обрабатываютъ, послѣдніе до такой степени были бы обеспечены въ способахъ существованія, что, по свойственной землевладѣльческому (sic) населенію привычѣ довольствоваться малымъ и по врожденной жителямъ южныхъ краевъ лѣни и безпечности, они долго и не подумали бы наниматься въ работники у бывшихъ своихъ помѣщиковъ или нанимать у нихъ землю, а стали бы довольствоваться тою землею, которая останется ихъ собственностію; помѣщики же, отъ совершеннаго недостатка въ рабочихъ и въ арендаторахъ, были бы поставлены, по крайней мѣрѣ сначала, на довольно продолжительное время, въ самое затруднительное положеніе, а менѣе достаточные успѣли бы, между тѣмъ, совершенно раззориться.

Этого возраженія нельзя не признать вполне справедливымъ и заслуживающимъ уваженія. Но сохраненіе за крестьянами всей земли, которою они теперь на себя владѣютъ, мы считаемъ, по изложеннымъ въ проэктѣ и въ настоящей запискѣ основаніямъ, до такой степени во всѣхъ отношеніяхъ существенно важнымъ условіемъ освобожденія, что для устраненія нѣкоторыхъ, хотя и вредныхъ, но во всякомъ случаѣ временныхъ, его послѣдствій, по нашему убѣжденію, невозможно пожертвовать главнымъ основнымъ началомъ и оставить крестьянъ безъ земли, или же съ количествомъ земли для нихъ недостаточнымъ. При томъ же можно, кажется, пособить дѣлу разными косвенными временными же мѣрами, а именно: обязать выкупленныхъ крѣпостныхъ

на извѣстный срокъ отбывать, въ пользу бывшихъ ихъ владѣльцевъ, извѣстныя, закономъ опредѣленныя, работы повинности и службы въ извѣстномъ, закономъ же опредѣленномъ, количествѣ и за денежную плату со стороны помѣщиковъ, по установленной закономъ таксѣ. Эта мѣра не только обезпечила бы владѣльцамъ нужныя для ихъ хозяйства рабочія силы, но дала бы и самимъ крестьянамъ надежное средство аккуратно и сполна выплачивать ежегодный выкупный сборъ. Можно было бы даже, для совершеннаго обезпеченія этихъ платежей, постановить правиломъ, что заработанныя крестьянами у ихъ бывшихъ помѣщиковъ деньги вносятся послѣдними отъ себя въ уплату слѣдующаго съ крестьянъ ежегоднаго выкупнаго сбора и только излишекъ выдается крестьянамъ на руки. Но для пользы, какъ владѣльцевъ, такъ и самихъ крестьянъ, необходимо при опредѣленіи работъ и службъ принять за правило, чтобы: 1) число работниковъ и работницъ было назначено съ общины, а не съ дома или тягла; 2) крестьянамъ предоставлено было право, вмѣсто себя, посылать на работу наемныхъ людей; 3) никакія другія обязанности, кромѣ прямо относящихся къ земледѣлію, на крестьянъ возлагаемы не были; 4) эти обязанности или повинности были ограничены самою неизбѣжною потребностію владѣльца безъ малѣйшаго излишества; 5) помѣщику предоставлено было право не пользоваться рабочими, если въ нихъ не нуждается, и въ такомъ случаѣ и не платить имъ узаконенной платы; 6) работы были опредѣлены съ возможною точностію и возможнымъ соблюденіемъ пользы крестьянъ; такъ, напримѣръ, чтобъ владѣлецъ не имѣлъ права переносить рабочихъ дней изъ одной недѣли въ другую, замѣнять одну работу другою по произволу, требовать коннаго рабочаго вмѣсто пѣшаго, работника вмѣсто работницы, увеличивать уровень или число рабочихъ часовъ въ рабочемъ днѣ и т. под.; 7) урочныя положенія были составлены по каждому роду работъ примѣняясь къ мѣстнымъ обычаямъ и условіямъ.

IV.

Кромѣ изложенныхъ главныхъ возраженій на проектъ сдѣланы еще нѣкоторыя другія, не столь существенно важныя, замѣчанія, на которыя, однако, мы тоже считаемъ обязанностію отвѣчать, по крайнему разумѣнію.

1. На какомъ основаніи слѣдуетъ произвести освобожденіе дворовыхъ? О дворовыхъ не сказано въ проектѣ особливо, потому что они разумѣются вообще подъ крѣпостными, приписанными къ имѣніямъ, и нѣтъ основанія отдѣлять дворовыхъ отъ крестьянъ, ибо есть дворовые, несущіе тягло, и есть крестьяне, служащіе помѣщикамъ лично и не имѣющіе тягловаго поземельнаго участка. Такимъ образомъ, различіе ихъ несущественно, и почти не возможно провести между этими двумя разрядами крѣпостныхъ точной разграничительной черты. Притомъ же это и совершенно не нужно. Сколько есть и теперь приписанныхъ къ деревнямъ и селамъ крестьянъ, которые не имѣютъ въ нихъ поземельнаго владѣнія, а между тѣмъ числятся по припискѣ при своихъ крестьянскихъ общинахъ и несутъ съ ними подати и повинности. Въ такомъ же точно положеніи могутъ находиться и дворовые послѣ освобожденія. Тамъ, гдѣ цѣнность имѣній опредѣляется цѣнностію земли, съ переложеніемъ податей и повинностей на землю, распределяются по владѣнію и ежегодные выкупные платежи, и тогда на приписанныхъ къ выкупленнымъ имѣніямъ дворовыхъ, не имѣющихъ тягловыхъ участковъ, останутся только личныя повинности, какъ-то: рекрутская, по выборамъ въ разныя должности и по сословнымъ или мірскимъ складкамъ и т. под. Если же имъ почему либо окажется неудобнымъ принадлежать къ выкупленнымъ сельскимъ обществамъ, то они припишутся къ тому или другому городу, смотря по удобству. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ цѣнность имѣнія опредѣляется не только цѣнностію земли, но и стоимостію труда, на выкупленныхъ дворовыхъ должна быть зачислена опредѣленная, по расчету, часть выкупной суммы, и проценты съ нея взыскиваться съ нихъ въ видѣ поголовной подати, въ какому бы состоянію выкупленный дворовый впоследствии ни приписался. Такъ какъ эта часть не можетъ быть значительна, то можно будетъ даже, для упрощенія расчетовъ,

взыскать ее съ выкупленныхъ дворовыхъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, уравнивъ ихъ, по взносѣ всей выкупной суммы, въ платежахъ съ тѣми званіями, къ которымъ они припишутся. Наконецъ, что касается до круглыхъ бобылей и бездомниковъ изъ дворовыхъ, которые по старости, болѣзнямъ или по недостатку умственныхъ способностей не могутъ кормиться сами собою, а также малолѣтнихъ и сиротъ, то всѣ они поступать по выкупѣ на попеченіе сельскихъ обществъ, къ которымъ приписаны, какъ поступаютъ теперь подобныя лица изъ крестьянскаго званія на попеченіе міра.

2. На какомъ основаніи должна быть произведена раскладка ежегодныхъ выкупныхъ платежей между выкупленными крѣпостными?

Самый нормальный, самый правильный способъ раскладки, конечно, былъ бы по поземельному владѣнію и промысламъ, уравненный если не въ цѣлой имперіи, то по крайней мѣрѣ по каждой губерніи. Но такая раскладка предполагаетъ оцѣнку земли и промысловъ, которая потребовала бы много труда и времени. Поэтому, чтобъ не замедлить и не усложнить дѣла освобожденія, едва ли не было бы полезнѣе на первый разъ зачислить долгомъ на каждомъ выкупленномъ имѣніи сполна всю заключенную за него владѣльцу выкупную сумму, которая и распредѣлится между приписанными къ тому имѣнію, подобно прочимъ податямъ и повинностямъ. Затѣмъ, тотчасъ же по освобожденіи цѣлаго какого нибудь уѣзда, можетъ быть немедленно произведено уравненіе выкупныхъ платежей между всѣми выкупленными имѣніями того уѣзда, а съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права въ цѣлой губерніи — между всѣми выкупленными имѣніями той губерніи.

3. Многіе думаютъ, что слѣдовало бы предоставить крѣпостнымъ право выкупаться безъ земли, за определенную закономъ цѣну, даже безъ согласія владѣльцевъ.

Объ освобожденіи крѣпостныхъ безъ земли подробно говорено нами и при изложеніи плана выкупа, и въ настоящей запискѣ. Прибавимъ, что дозволеніе крѣпостнымъ выкупаться безъ земли, лишивъ владѣльческія имѣнія самыхъ богатыхъ, самыхъ промышленныхъ крестьянъ, обратило бы лучшее сельское населеніе въ неосѣдлыхъ бездомниковъ. Не думаемъ, чтобъ правительство, въ общихъ государственныхъ видахъ, могло согласиться на по-

добную мѣру, которая, вдобавокъ, болѣе другихъ, поставила бы вѣрностныхъ еще болѣе въ ложныя и щекотливыя отношенія къ владѣльцамъ, чѣмъ теперъ. Если подобную мѣру допустить возможно, то только развѣ въ отношеніи къ дворовымъ, не имѣющимъ тягловаго участка и не занимающимся сельскими промыслами. Но и въ такомъ случаѣ нужно приступить къ дѣлу весьма осторожно и обдуманно, потому что, какъ выше замѣчено, между сословіемъ крестьянъ и дворовыхъ рѣзкой разграничительной черты уже нѣтъ.

4. Нѣкоторые утверждаютъ, что нѣтъ надобности выдавать владѣльцу всю выкупную сумму сразу, а можно ее выплатить въ нѣсколько сроковъ, потому что поставленіе помѣщичьихъ хозяйствъ, послѣ освобожденія вѣрностныхъ, на новую ногу очень большихъ издержекъ не потребуетъ, а между тѣмъ большинство дворянства избѣжитъ опасности, къ крайнему своему раззоренію, растратить всю полученную имъ выкупную сумму непродуманно, и чрезъ это придти въ безвыходное положеніе.

Постепенная выплата помѣщикамъ выкупной суммы, конечно, чрезвычайно упростила и облегчила бы выкупную операцію; но обязать ихъ довольствоваться посрочнымъ полученіемъ капитальной суммы, безъ ихъ на то согласія, едва ли было бы справедливо и полезно для государства. Имѣнія оброчныя, малоземельныя будутъ подлежать выкупу въ полномъ составѣ, такъ что ихъ владѣльцамъ придется или купить другія земли, или обратиться къ какой нибудь отрасли обрабатывающей промышленности. Въ томъ и другомъ случаѣ имъ понадобятся капиталы, болѣе или менѣе значительные, и въ выплатѣ ихъ немедленно по цѣнѣ освобождаемаго имѣнія правительство, по справедливости, отказать не можетъ, не поставляя самого себя въ необходимость принять на свое попеченіе всѣхъ дворянъ, раззорившихся отъ полученія разомъ слѣдующей имъ за имѣнія суммы. То же самое должно сказать и обо всѣхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ, которымъ будутъ причитаться суммы столь незначительныя, что при разсрочкѣ онѣ станутъ совершенно ничтожны и послужатъ развѣ только для кратковременнаго пропитанія получателей.

Многіе предлагаютъ выдавать помѣщикамъ проценты за недоплаченную имъ часть выкупныхъ денегъ; но эта мѣра, по изложеннымъ причинамъ, не могла бы замѣнить полученія капи-

тальной суммы и притомъ какой назначить процентъ? Четыре—было бы ниже того, что даетъ имѣніе, а больше—было бы тяжело для крестьянъ или для государства. О замѣчаніи же, что дворяне могутъ воспользоваться выплаченными имъ суммами не такъ, какъ слѣдуетъ добропорядочнымъ хозяевамъ, мы, право, не знаемъ, что и сказать. Оно похоже на то, какъ если бы правительству рекомендовали приставить къ каждому купцу по чиновнику, для наблюденія за тѣмъ, чтобы онъ правильно велъ свои коммерческіе обороты и конторскія книги, ибо купецъ можетъ же иногда вести дурно свои дѣла и промотаться или обанкротиться. Конечно, будутъ помѣщики, которые послѣ выкупа раззорятся. Но развѣ нѣтъ такихъ и теперь? По аналогіи слѣдовало бы уже отнынѣ запретить выдавать имъ деньги подъ залогъ имѣній. Всѣ подобныя опасенія, вытекающія изъ совершенно ошибочнаго взгляда на святой долгъ правительства заботиться о благѣ своихъ подданныхъ, въ счастію, не имѣютъ основанія. Большинство дворянства давно уже принялось за умъ и понемногу распутываетъ гордіевы узлы, завѣщанные ему болѣе безопасно, менѣе предусмотрительною эпохою. И это направленіе усиливается, а не ослабляется. Беззаботныхъ людей стало въ Россіи очень мало. Это племя теперь почти переводится.

5. Многіе предвидятъ затрудненія при уступкѣ крестьянамъ владѣемой ими нынѣ помѣщичьей земли въ томъ, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьянское и помѣщичье поля не отведены въ однимъ мѣстамъ, а лежатъ чрезполосно. Пока все имѣніе принадлежитъ одному владѣльцу, это не представляетъ никакихъ неудобствъ; но когда крестьяне въ границахъ теперешнихъ своихъ полей станутъ самостоятельными землевладѣльцами, положеніе измѣнится. Между бывшимъ помѣщикомъ и его бывшими крѣпостными начнутся непрерывныя столкновенія, тяжбы и ссоры, словомъ, обнаружатся всѣ бѣдственныя послѣдствія чрезполосицы.

Въ отношеніи ко многимъ имѣніямъ замѣчаніе это вполне справедливо, хотя нельзя утверждать, что всѣ имѣнія болѣе или менѣе находятся въ такомъ положеніи. Поэтому крайне было бы ошибочно, въ предвидѣніи означенныхъ затрудненій, поручить оцѣночнымъ комиссіямъ, по выкупу крестьянъ во всѣхъ выкупаемыхъ имѣніяхъ, произвести чрезполосное размежеваніе между помѣщиками и крестьянами; ибо чрезъ это крайне усложнилось

и замедлилось бы исполненіе главнѣйшихъ обязанностей коммисіи по отводу земель и оцѣнѣ выкупаемыхъ имѣній. Итакъ, всего правильнѣе было бы, кажется, дать этимъ коммисіямъ право производить чрезполосное размежеваніе въ тѣхъ только случаяхъ, когда оставленіе чрезполоснаго владѣнія въ выкупаемыхъ имѣніяхъ было бы, по особенно важнымъ причинамъ, совершенно невозможно, наприм.: если-бы владѣлецъ или крестьяне, оставаясь въ настоящихъ границахъ землевладѣнія, были отрѣзаны отъ воды или не имѣли проѣзда на пастбища, пашни, луга и т. п. Тамъ же, гдѣ нѣтъ таковой крайней необходимости измѣнить порядоки землевладѣнія, лучше, кажется, предоставить уничтоженіе чрезполосности обыкновенному ходу этихъ дѣлъ, чтобъ не отвлекать оцѣночныхъ коммисій отъ отвода земель и оцѣнки имѣній.

6. Многіе думаютъ такъ: если принять за правило, что помѣщичьи крестьяне должны быть выкуплены со всею землею, которою владѣютъ, то всѣ почти оброчныя имѣнія вышли бы изъ частнаго владѣнія въ полномъ составѣ и владѣльцамъ ничего бы въ нихъ не осталось. Но чрезъ это въ очень многихъ случаяхъ были бы нарушены завѣтныя, фамилныя воспоминанія и преданія, связующія старинныя дворянскія семейства съ ихъ родовыми вотчинами, и при томъ, вслѣдствіе таковой системы выкупа, во многихъ губерніяхъ дворянство исчезло бы совсѣмъ.

Противъ этого замѣтимъ, что всѣ важныя государственныя преобразованія всегда имѣютъ; при существенно хорошихъ сторонахъ, и нѣкоторыя свои неудобства. Фамилныя воспоминанія конечно, заслуживаютъ всякаго уваженія; но нельзя же жертвовать для нихъ общими государственными и народными пользами. Съ другой стороны, должно замѣтить, что въ большей части оброчныхъ имѣній владѣльцы сами не живутъ, а слѣдовательно и воспоминанія, связующія эти имѣнія съ ихъ родовыми владѣльцами, приходятъ въ упадокъ и забвеніе. Съ точки же зрѣнія государственной и экономической пользы и справедливости—выкупа оброчныхъ имѣній въ полномъ ихъ составѣ никакъ нельзя отвергать. Оброчныя имѣнія преобладаютъ преимущественно въ губерніяхъ малоземельныхъ и промышленныхъ, гдѣ сословіе большихъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ въ дѣйствительности не существуетъ, потому что тамъ большая часть помѣщичьихъ имѣній суть оброчныя, въ которыхъ всею землею и угодьями владѣютъ крестьяне, а имѣній барщинныхъ или издѣльныхъ очень

мало. Притомъ же у насъ есть цѣлыя края, даже не промышленные, а земледѣльческіе, гдѣ дворянства нѣтъ вовсе и, однако, отсюда не происходитъ никакого неудобства ни для государства, ни для управления, ни для самой страны. Замѣтимъ, что въ промышленномъ, не земледѣльческомъ краю вліяніе и значеніе естественно принадлежать богатымъ промышленникамъ, а не большимъ землевладѣльцамъ. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ выкупъ всей земли, владѣемой крестьянами, будетъ имѣть наилучшія послѣдствія, водворяя нормальныя отношенія тамъ, гдѣ крѣпостное право рождаетъ теперь искусственныя явленія въ области хозяйства и промышленности, а владѣльцы ничего отъ того не теряютъ, потому что получаютъ полное вознагражденіе за все свое имѣніе.

7. Въ изложеніи проекта, въ выноскѣ, по поводу вопроса, съ какимъ количествомъ земли должны быть выкуплены крѣпостные, замѣчено, между прочимъ, что для южныхъ и юго-восточныхъ губерній, гдѣ существуетъ система залежей и обрабатываемая пашня мѣняется, нельзя опредѣлить по владѣнію ту землю, которая подлежитъ вмѣстѣ съ крестьянами выкупу, а надобно назначить закономъ ея количество. Противъ этого замѣчаютъ, что для опредѣленія этого количества не трудно постановить общее правило. Въ каждомъ имѣніи извѣстно сколько земли дается на каждое тягло подъ ежегодную распашку, сколько лѣтъ такая или другая земля можетъ быть сряду обрабатываема и потомъ должна быть оставляема въ залежи. По однимъ этимъ даннымъ можно совершенно точно опредѣлить, сколько земли должно быть выкуплено въ данномъ имѣніи; для этого надо раздѣлить число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ земля должна быть въ залежи, на число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ можно сряду воздѣлывать одну и ту же пашню; потомъ прибавить къ частному числу единицу и сумму помножить на число десятинъ, какое ежегодно дается подъ запашку каждаго тягла; наконецъ, это произведеніе слѣдуетъ помножить на число тяголъ въ имѣніи; послѣдній результатъ и опредѣлитъ съ точностію количество пашенной земли, подлежащей выкупу въ имѣніи южнаго и юго-восточнаго края. Такимъ образомъ, положивъ, напр., что въ данной мѣстности земля пашется сряду 4 года и отдыхаетъ въ залежи 12, — ежегодная запашка каждаго тягла = 5 дес., а число тяголъ въ имѣніи = 50, пойдемъ, что въ томъ имѣніи будетъ подлежать выкупу

$(\frac{12}{4} + 1) \times 5 \times 50 = 1000$ десятинь, т. е. по 20 дес. на тягло или по 10 дес. на душу; ежегодная запашка составитъ 250 десятинь; отъ оставленія въ залежь первыхъ 250 дес., прочія 750 дес., раздѣленныя на три участка, по 250 дес. каждый, будутъ воздѣлываться по 4 года, вслѣдствіе чего къ первому возвратятся опять ровно черезъ 12 лѣтъ.

Это правило для разчета количества десятинь земли, подлежащей выкупу въ южной и юго-восточной (sic; южныхъ и юго-восточныхъ?) губерніяхъ, исполнѣ справедливо и имъ должно бы воспользоваться при составленіи инструкціи для оцѣночныхъ комиссій.

8. Многіе думаютъ, что совершенно необходимо дать оцѣночнымъ комиссіямъ въ руководство какія нибудь положительныя основанія для произведенія оцѣнки выкупаемымъ имѣніямъ, иначе произволу членовъ комиссій и проискамъ неблагонамѣренныхъ владѣльцевъ отероется слишкомъ большой просторъ. Полагаютъ, что такимъ основаніемъ могли бы служить, для каждой мѣстности, среднія цѣны, выведенныя изъ купчихъ крѣпостей, совершенныхъ между частными лицами въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ, но отнюдь не изъ аукціонныхъ продажъ. Полагаютъ, что разница выведенныхъ изъ крѣпостей среднихъ цѣнъ противъ дѣйствительныхъ, если бы и оказалась, была бы самая ничтожная.

Опасеніе, выражаемое этимъ мнѣніемъ, конечно, очень основательно и справедливо. Но мѣра, предлагаемая для ограниченія произвола оцѣнщиковъ, встрѣтила бы единогласныя и справедливыя возраженія и жалобы со стороны помѣщиковъ. Цѣны населенныхъ имѣній никогда не означаются въ крѣпостныхъ актахъ выше установленныхъ закономъ наименьшихъ цѣнъ, по разсчету которыхъ взимаются гербовыя и крѣпостныя пошлины; въ дѣйствительности же онѣ всегда, постоянно, гораздо выше ихъ. Слѣдовательно, принять за основаніе цѣны, показанныя въ купчихъ, значило бы уменьшить противъ дѣйствительности слѣдующее владѣльцамъ вознагражденіе за крестьянъ и за землю, вопреки справедливости и въ ущербъ владѣльцамъ. Конечно, во всѣхъ отношеніяхъ было бы весьма желательно найти какое нибудь постоянное мѣрило оцѣнки, для огражденія интересовъ тѣхъ, которые сами почему либо не могутъ отстаивать свои права и пользы. Но, къ сожалѣнію, мы ничего въ этомъ родѣ не знаемъ и не придумаемъ. Самымъ надежнымъ ручательствомъ всетаки остается выборъ въ оцѣночныя комиссіи честныхъ и

знающихъ людей, хотя бы даже одного предсѣдателя или прокурора. Мы не хотимъ вѣрить, чтобъ въ цѣлой имперіи нельзя было прінскать какихъ нибудь четырехъ-сотъ или пятисотъ совершенно честныхъ и порядочныхъ чиновниковъ, особливо назначивъ имъ порядочное содержаніе. Если въ то же время объяснить выкупаемымъ крестьянамъ, что земля по выкупѣ будетъ принадлежать имъ, на правахъ собственности, что они сами будутъ ее оплачивать и что, слѣд., имъ самимъ будетъ выгодно не дать перекупить ее, чтобъ не платить лишняго, то, безъ сомнѣнія, крестьяне сами будутъ наилучшими блюстителями своихъ выгодъ. Кто не видалъ и не знаетъ, по собственному опыту, какъ хорошо нашъ крестьянинъ понимаетъ свое положеніе и свои выгоды. Особливо это выказывается при полюбовныхъ черезполосныхъ размежеваніяхъ. Владѣлецъ никогда не сдумѣетъ такъ основательно и твердо отстаивать крестьянскаго поля въ своихъ помѣстьяхъ, какъ сами крестьяне, и кто заботится о томъ, чтобъ сохранить это поле безъ уменьшенія въ качествѣ или количествѣ, тому стоитъ только поручить это самимъ крестьянамъ.

Желаніе найти основаніе оцѣнки имѣеть, кромѣ изложенной стороны, еще и другую. Оно предполагаетъ, что для каждаго уѣзда (такъ какъ оцѣночныя коммисіи должны быть учреждены по уѣздамъ) будутъ постановлены однѣ общія, нормальныя цѣны, и по нимъ будетъ дѣлаться расчетъ выкупной суммы, слѣдующей владѣльцамъ населенныхъ имѣній, посредствомъ умноженія этихъ цѣнъ на число ревизскихъ душъ или десятинъ земли, подлежащихъ выкупу. Не споримъ, что подъ такую гуртовую или валовую оцѣнку дѣйствительно подойдетъ самое значительное число выкупаемыхъ имѣній, но за то въ нѣкоторыхъ и даже во многихъ случаяхъ такая оцѣнка была бы неправильна.

Кто не знаетъ, что, смотря по мѣстоположенію, удобству для сбыта произведеній, промысламъ и достатку крестьянъ, цѣна имѣній колеблется между суммами, очень далеко отстоящими одна отъ другой. Конечно, при низкихъ среднихъ цѣнахъ крестьяне этихъ имѣній чрезъ гуртовую оцѣнку значительно бы выиграли; но за то многіе владѣльцы значительно бы потеряли и потеряли бы незаслуженно. Поэтому мы думаемъ, что оцѣнку имѣній, находящихся въ исключительномъ положеніи, справедливо было бы производить особливо, назначая по нимъ особливую выкупную сумму, большую или меньшую противъ средней, не стѣсняясь послѣднею.

9. Очень многіе находятъ, что способъ выкупа и расчеты по уплатѣ крестьянами капитальнаго долга и процентовъ изложены въ проектѣ сбивчиво и непонятно.

Хотя поясненіе этого способа, собственно говоря, уже излишне послѣ того, какъ мы предлагаемъ въ настоящей запискѣ другую болѣе удобопримѣнимую систему выкупа, однако, такъ какъ мнѣнія объ этомъ могутъ быть различны, то мы поставляемъ себѣ въ обязанность изложить, для желающихъ, предложенный въ прежней запискѣ способъ выкупа наглядно, примѣрами.

Положимъ, что въ имѣніи, подлежащемъ выкупу, считается 100 душъ, и каждая изъ нихъ оцѣнена, съ выкупаемою землею, въ 125 р. сер., такъ что слѣдовало бы уплатить владѣльцу за имѣніе 12,500 р. сер. По предположенной первоначально выкупной операціи, изложенной въ проектѣ, банкъ выплачиваетъ эту сумму владѣльцу билетами, обезпечивая ее металлическимъ фондомъ въ $\frac{1}{6}$ ея часть, а именно 2,083 $\frac{1}{3}$ руб. Если выкупъ билетовъ разложить на 37 лѣтъ, то крестьянамъ означеннаго имѣнія пришлось бы выплачивать ежегодно:

$\frac{1}{37}$ часть всей выкупной цѣны . (почти)	338 р.
$\frac{1}{2}\%$ со всей выкупной цѣны, на покрытие издержекъ выкупной операціи .	62 „ 50 к.
5% съ капитала обезпеченія, такъ какъ послѣдній былъ бы занятъ подъ эти проценты .	(почти) 104 „ 50 „

Всего . 505 р. — в.,

что составить нѣсколько болѣе 5 р. сер. съ души.

Эти платежи уменьшались бы съ каждымъ годомъ, сначала только вслѣдствіе того, что по мѣрѣ выкупа капитальной суммы ежегодный полупроцентный сборъ постоянно бы уменьшался и такъ продолжалось бы до выкупа $\frac{5}{6}$ частей всей выкупной суммы, когда металлическій фондъ обезпечивалъ бы, наконецъ, эту сумму не въ $\frac{1}{6}$ часть, а уже рубль за рубль. Съ этой минуты ежегодные взносы стали бы еще быстрѣе уменьшаться, потому что не только цифра полупроцентнаго сбора продолжала бы попрежнему ежегодно упадать, но сверхъ того и сумма 5 процентнаго сбора за капиталъ обезпеченія стала бы тоже постепенно уменьшаться, такъ что съ той минуты, когда выкупная сумма стала бы меньше капитала обезпеченія, справедли-

вость требовала бы взимать пятипроцентный сборъ не со всего капитала обезпеченія, а только съ той его части, которая обезпечиваетъ недоплаченную выкупную сумму рубль за рубль. Такимъ образомъ, когда послѣдняя будетъ составлять 2,083¹/₂ р. сер., т. е. сравняется съ капиталомъ обезпеченія, пятипроцентный сборъ будетъ еще такой же, какъ съ самаго начала; но когда первый (sic; первая?) станетъ меньше втораго, напримѣръ, не свыше 1,500 р., то было бы несправедливо продолжать взимать пятипроцентный сборъ попрежнему, со всего фонда обезпеченія, а пришлось бы ограничиться взиманіемъ его только съ 1,500 р. сер., обезпечивающихъ выкупную сумму рубль за рубль.

По поводу этой системы выкупа нѣкоторые замѣчаютъ, что если уже держаться въ точности принятаго начала, то капиталъ обезпеченія могъ бы также уменьшаться постепенно, по мѣрѣ уплаты выкупной суммы, такъ чтобы онъ всегда составлялъ не болѣе ¹/₂ части послѣдней. Поэтому, начавъ выкупъ имѣній не всѣхъ въ одинъ годъ, а разложивъ эту операцію на нѣсколько лѣтъ, можно было бы удовольствоваться фондомъ обезпеченія гораздо меньше ¹/₂ части всей выкупной суммы. Соразмѣрно съ тѣмъ уменьшился бы и процентъ. Но такое ежегодное изменение платежей было бы въ практикѣ весьма неудобно, а потому можно было бы сдѣлать расчетъ на подобіе того, какъ рассчитываются проценты съ погашеніемъ капитала, т. е. положивъ постоянную цифру процентовъ, но меньшую, чѣмъ вышеприведенная. На это есть свои правила и теорія.

Замѣчаніе это вполне заслуживаетъ внимательнаго обсужденія ¹).

1855 г.

К. Д. Кавелинъ.

Сообщ. В. И. Семевскій.

конецъ.

¹) Кромѣ исчисленныхъ замѣчаній сдѣлано было еще то, что нигдѣ прямо не высказано, хотя и разумѣется само собою, что по освобожденіи крѣпостныхъ всѣ обязанности въ отношеніи къ нимъ ихъ бывшихъ владѣльцевъ, а также всякая отвѣтственность владѣльцевъ за бывшихъ крѣпостныхъ передъ правительствомъ совершенно прекращается. Съ благодарностію упоминаемъ здѣсь и объ этомъ замѣчаніи вѣстѣ съ прочими. К. Д. К.

ГАВРИИЛЪ ЯКИМОВИЧЪ ЛОМАКИНЪ.

Автобиографическія записки съ примѣчаніями В. В. Стасова.

VIІ').

Безплатная школа

1862—1870.

Трудовъ Ломакина было приложено много, переложеній кнѣпы, желаніе ввести въ храмъ Божій молитвенное пѣніе сильно, но противъ теченія идти невозможно, и Ломакинъ предалъ это дѣло на волю Божию, а самъ возвратился душою къ своимъ занятіямъ, изъ коихъ ближе всѣхъ ему былъ хоръ графа Шереметева.

Въ 1860-хъ годахъ Ломакинъ часто видался съ М. А. Балакиревымъ, В. В. Стасовымъ и А. Н. Сѣровымъ. Разговоръ обыкновенно шелъ у нихъ о музыкальномъ прогрессѣ, о развитіи искусства хорового пѣнія, о превосходствѣ хора графа Шереметева, и многіе приходили въ негодованіе, что такое музыкальное сокровище, какъ этотъ хоръ, доступно только малому числу слушателей, тогда какъ онъ долженъ бы быть общимъ достояніемъ. Этотъ образцовый, какъ его называли, хоръ содержался частнымъ лицомъ для своей домашней церкви и для своего удовольствія, поэтому и не показывался на публичныхъ концертахъ. Вѣроятно, эта причина была поводомъ для любителей хорнаго пѣнія вызывать Ломакина на болѣе вѣдшнюю и обширную музыкальную дѣятельность. Онъ и самъ искалъ примѣнить свои знанія къ чему-нибудь общественному. Ив. Алекс. Мельниковъ, любимый ученикъ Ло-

1) См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLIX, мартъ, стр. 645—666.

макина, подговаривала его составить городской хоръ. Стасовъ говорилъ: «Готовьте намъ учителей, Гавриль Якимовичъ; этого мало, что вы сами умѣете учить: васъ не будетъ—и кончено! Нѣтъ, оставьте послѣ себя учителей». А М. А. Балакиревъ проводилъ мысль открыть бесплатную музыкальную школу, къ которой бы примкнуло общество любителей, музыкантовъ и пѣвцовъ, и гдѣ его роль была бы управлять оркестромъ, а Ломакина—хоромъ.

Не смотря на многочисленныя занятія Ломакина, онъ горячо ухватился за эту мысль, прельщаясь надеждою привлечь въ эту школу массу народа съ свѣжими голосами, дать возможность талантамъ бѣдныхъ людей учиться бесплатно и, давъ имъ музыкальное образованіе, составлять изъ нихъ громадныя хоры. «Занятіе музыкою, говорилъ онъ, должно благотворно подѣйствовать на нравъ простолюдина, отвлечь отъ праздности или вреднаго провозженія времени. Сколько талантовъ могутъ открыться при легкомъ, свободномъ развитіи науки, тогда какъ безъ всякихъ средствъ къ проявленію они погибаютъ въ безвѣстности». М. А. Балакиревъ тоже имѣлъ свои золотыя мечты. Широкое поле дѣятельности открылось передъ ними, и они живо рѣшили осуществить свои замыслы.

Много готовности и энергіи возбудилось съ той и другой стороны. Оставалось только прибѣгнуть къ печати, чтобы обнародовать открытіе бесплатной музыкальной школы. Въ пылу своихъ стремленій, они упустили изъ виду одну бездѣлицу: это то, что для открытія и содержанія школы понадобятся денежныя средства, а изъ какихъ источниковъ ихъ взять? Правда, предполагалось, что школа или, лучше сказать, общество учащихся должно само себя содержать сборами съ концертовъ; но прежде нужно его довести до такой степени развитія, чтобы оно было въ состояніи давать хорошіе концерты. Школа открывается для народа, совершенно невѣжественнаго въ дѣлѣ искусства, явятся люди съ голосами необработанными, слухомъ неразвитымъ, съ грубымъ, сырымъ матеріаломъ, изъ котораго долго нужно вырывать что-либо, а для открытія всякаго учрежденія нужны средства съ перваго шагу.

Мелькнула мысль у Ломакина о хорѣ графа, какъ средствѣ заручиться помощію на первыхъ порахъ, но не легко было рѣшиться безпокоить графа просьбою жертвовать своимъ береженнымъ хоромъ для публичнаго концерта, цѣль котораго не могла ему быть сочувственна, такъ какъ онъ видѣлъ бы въ школѣ новую фантазію Ломакина, отвлекающую его отъ прямыхъ обязанностей его къ хору. Однако, устройство народной музыкальной школы—предметъ столь уважительный, что можно было надѣяться на патріотизмъ графа Шере-

метева. Ломакинъ, не находя другихъ источниковъ для начала своего дѣла, рѣшился прибѣгнуть къ графской помощи. Нужно было много расположенія и великодушія со стороны графа Шереметева, чтобы отдать свой дорогой хоръ на судъ публики, и, не смотря на небывалость подобнаго случая, по добротѣ своего сердца, онъ уступилъ просьбамъ Ломакина.

Имѣя въ своемъ распоряженіи столь богатый матеріалъ, Ломакинъ занялся выборкою репертуара, присоединилъ къ хору лучшихъ своихъ учениковъ и ученицъ, а также и любителей и любительницъ, и далъ концертъ въ залѣ Дворянскаго Собранія 11-го марта 1862 г., въ пользу открытія новой «Безплатной Музыкальной Школы».

Публики собралось много, хоръ графа былъ для нея новинкою, репертуаръ былъ интересный, разнообразный, и такого изящнаго хороваго исполненія никто не привыкъ слышать. Поразительный *ensemble*, утонченность выраженій, *morendo*, *pianissimo*, постепенное *fortissimo*, все приводило въ восторгъ публику. Но вѣдь это былъ образованный хоръ, воспитанный на Бахѣ и Палестринѣ: немудрено было исполнять безукоризненно давно знакомыя пѣсы. «А какіе-то будутъ концерты изъ учениковъ школы?» невольно задавалъ себѣ вопросъ Ломакинъ.

Однако начало было сдѣлано; сборъ съ концерта далъ достаточныя средства и возможность приступить къ открытію «Безплатной Музыкальной Школы». Испросивши разрѣшеніе генералъ-губернатора и найдя временное помѣщеніе для первыхъ собраній въ залѣ медико-хирургической академіи, по содѣйствію президента академіи, Дубовицкаго, было объявлено въ газетахъ объ открытіи «Безплатной Музыкальной Школы» 18-го марта 1862 года.

Любопытныхъ явилось множество, съ голосами и безъ голосовъ. Отслужили молебень. Ломакинъ обратился къ присутствующимъ съ маленькою рѣчью о нравственной пользѣ искусства, коснулся первыхъ правилъ музыки самымъ удобопонятнымъ способомъ, перепробовалъ голоса, записалъ фамиліи и назначилъ день для слѣдующаго собранія. Основаніе школы положено съ Божіею помощію ¹⁾.

¹⁾ Черезъ мѣсяцъ послѣ перваго концерта, о которомъ сказано выше, былъ данъ въ залѣ-же Дворянскаго Собранія второй концертъ въ пользу Безплатной Школы. Сохранившаяся отъ того времени, у Дм. Вас. Стасова, афиша содержала слѣдующее: „Въ среду, 11-го апрѣля 1862 г., въ залѣ Дворянскаго Собранія концертъ въ пользу открытой 18-го марта Безплатной Школы пѣнія, съ участіемъ любителей и любительницъ музыки и хора пѣвчихъ графа Д. Н. Шереметева, числомъ 150 человекъ, подъ управленіемъ Г. Я. Ломакина: (см. на оборотѣ).“

На слѣдующій разъ собралось также много народу, но первые посѣтители, большею частью студенты и жители мѣстныхъ окрестностей, не долго ходили въ классы пѣнія.

Лѣто прервало занятія, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ номѣщеніе школы перенесли въ зданіе Городской Думы, по ходатайству г. Молеріуса, секретаря Думы ¹⁾. Составъ учениковъ перемѣнился. Туда явилось еще болѣе желающихъ пѣть, всякаго званія: чиновники, люди изъ купечества, ремесленники, студенты, много дамъ и дѣвиць-любительницъ, не имѣющихъ средствъ учиться, но обладающихъ голосами и способностями.

Въ то время еще не существовало нигдѣ даровыхъ классовъ пѣнія. Были любительскіе кружки, недоступные массѣ народа; въ этихъ кружкахъ музицировали для своего удовольствія, не преуспѣвая въ искусствѣ. Одно изъ такихъ обществъ любителей инструментальной музыки М. А. Балакиревъ думалъ присоединить къ нашей школѣ, чтобы стать во главѣ его, учить и дирижировать тамъ, надѣясь составить изъ нихъ такой оркестръ любителей-музыкантовъ, который бы въ состояніи былъ исполнять сочиненія русскихъ новѣйшихъ сочинителей, желающихъ попробовать и послушать свои творенія въ школьномъ кружкѣ, прежде чѣмъ представлять ихъ на судъ публики. М. А. Балакиревъ, обладая громаднымъ талантомъ, жаждалъ дѣятельности, стремился принести пользу искусству, и, въ высшей степени безкорыстный, готовъ былъ жертвовать своимъ трудомъ и вре-

Часть I-я.

1) Увертюра „Мелюзина“	Мендельсона.
2) Хоръ (Ave verum Corpus)	Моцарта.
3) Хоръ XVI столѣтія .	Галлуса.
4) Арія съ хоромъ (изъ Stabat Mater) . .	Россияня.
Партію соло исполнить А. И. Бюдель.	
5) Хоръ изъ „Идоменея“	Моцарта.

Часть 2-я.

6) Увертюра на русскія темы	Балакирева.
7) Хоръ XV вѣка.	
8) Арію	Ломакина.
Исполнить И. А. Мельниковъ.	
9) Хоръ („Ожиданіе“).	Мендельсона.
10) Хоръ изъ ораторіи „Четыре времени года“	Гайдна.

Надо прибавить, что въ обоихъ первыхъ концертахъ оркестромъ дирижировалъ Карлъ Шубертъ.

В. С.

¹⁾ Ник. Егор. Молеріусъ былъ одинъ изъ очень пзвѣстныхъ въ то время пѣвцовъ-любителей, теноръ, участвовавшій почти во всѣхъ тогдашнихъ концертахъ.

В. С.

менемъ. Но не было возможности сладить съ любительскимъ оркестромъ. Онъ оказался такъ слабъ въ знаніи музыки, что не могъ производить что-нибудь порядочно, а учить каждого отдѣльно и имѣть для каждого инструмента учителей — школа была не въ силахъ; М. А. Балакиревъ побился, побился и распустилъ свой оркестръ.

Съ пѣніемъ же было легче сладить. Обратившись ко всѣмъ своимъ будущимъ ученикамъ и ученицамъ съ вопросомъ: въ какіе именно часы дня большинство свободно отъ своихъ служебныхъ, учебныхъ и должностныхъ занятій, и получивши отвѣтъ, что только по вечерамъ всѣ свободны, Ломакинъ назначилъ классы три раза въ недѣлю, въ залѣ Городской Думы, по вечерамъ, а общую спѣвку по воскресеньямъ въ 1 часъ дня. Для дамъ же, которымъ оказалось удобнѣе приходить днемъ, Ломакинъ выпросилъ у графа Шереметева пѣвческую залу въ его домѣ, на что графъ согласился, но не безъ затрудненія, потому что чувствовалъ неволю, въ которую его втягивалъ Ломакинъ, дѣлая его участникомъ общественнаго дѣла, столь новаго для его понятій. Однако-же, опять высокая доброта его души помогла ему оказать Ломакину эту огромную услугу. Часто графъ, стоя у окна своего дворца, слѣдилъ за приходящими въ классъ пѣнія и ужасался многочисленности ихъ. «Точно въ церковь валять», говорилъ онъ своей старушкѣ Татьянѣ Васильевнѣ.

Между дамскими голосами оказалось нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ, которыхъ Ломакинъ не могъ не отличить. Такимъ онъ назначалъ особенные часы у себя на квартирѣ и занимался обработываніемъ ихъ голосовъ. Мужчинамъ-солистамъ онъ также давалъ отдѣльные уроки и увлекался до такой степени желаніемъ быть всѣмъ и каждому полезнымъ, что забывалъ себя и утомлялся до чельзя. Распредѣливши, такимъ образомъ, время для классовъ, Ломакинъ и Балакиревъ составили программу обученія въ школѣ: элементарный классъ, классъ сольфеджіевъ, одиночное пѣніе, церковное пѣніе, теорія музыки, игра на скрипкѣ для желающихъ сдѣлаться впоследствии учителями церковнаго пѣнія.

Изъ числа приходящихъ пѣть, большинство не имѣло никакого понятія о музыкѣ. Тѣ и начали съ элементарнаго класса пѣнія, въ которыхъ преподавались первоначальныя правила музыки, и когда ученики составляли себѣ отчетливое понятіе о чтеніи и дѣленіи нотъ, о гаммѣ, интервалахъ и пр., то Ломакинъ занимался съ ними постановкою голоса, легкими вокализациями, упражненіями, наконецъ, разучиваніемъ пьесъ для концерта, долженствовавшаго состояться въ самомъ непродолжительномъ времени, волей-неволей, для пріобрѣтенія средствъ къ дальнѣйшему существованію школы.

Нужно было показать публикѣ эту массу народа, способную, любящую искусство, жаждущую учиться и нашедшую въ этой школѣ возможность удовлетворить благородному стремленію, безъ всякаго стѣсненія для своихъ обыденныхъ обязанностей и для кармана.

Составили они съ Балакиревымъ программу концерта; начали разучивать по голосамъ—фальшь, хаосъ невообразимый. Въ классъ заходили нѣкоторые музыканты-меломаны изъ любопытства; видя школу въ такомъ младенческомъ состояніи, недоумѣвали предпримчивости Ломакина и сильно сомнѣвались въ успѣхѣ. «Ну, что можно сдѣлать изъ такой разнородной невѣжественной массы?» говорили многіе. И точно, трудно было представить себѣ возможность черезъ четыре мѣсяца дать публичный концертъ съ такими неучами. Да еще неизвѣстно, сохранится-ли этотъ составъ голосовъ, хватить-ли у этого народа постоянства, терпѣнія ходить регулярно три, четыре раза въ недѣлю учиться, пѣть скучную какую-то музыку, вовсе не похожую ни на какую пѣсню! Нужно трудиться, и при всемъ стараніи даже неизвѣстно, есть ли физическая возможность подготовиться настолько въ короткое время, чтобы исполнить удовлетворительно данную задачу. А концертъ необходимъ, заявленъ и долженъ быть сдѣланъ хорошо, во что бы то ни стало. Дѣлаются усиленные классы: Ломакинъ руководствовался, разумѣется, своею методою, результаты коей были испытаны на хорѣ графа Шереметева. Онъ налегъ на ученіе, упражнялъ въ отгадываніи интервалловъ, заставлялъ пѣть гаммы терціями, аккордами, вокализировалъ разными манерами, вывѣрялъ голоса и, наконецъ, разучивалъ пьесы по партіямъ. Послѣ такихъ переборокъ составлялись болѣе стройные хоры.

Если-бы поющіе посѣщали аккуратно классы, то, понятно, успѣхи были бы прочнѣе, но вѣдь это было не обязательно. Многіе приходили когда вздумается, смотря на дѣло эгонистически: или по домашнимъ обстоятельствамъ, или по болѣзни манкировали и отставали отъ другихъ. Однако, какія бы ни были остановки и затрудненія, но черезъ четыре мѣсяца были разучены 8 хорныхъ пьесъ и день концерта назначенъ. Дѣлаются усиленныя репетиціи въ Городской Думѣ, потому съ оркестромъ въ залѣ Дворянскаго Собранія. Тутъ новое мученіе: оркестръ ужасно фальшивить, потому что много ошибокъ въ переписанныхъ нотахъ, потомъ вмѣстѣ съ хоромъ совсѣмъ не идетъ, часто останавливается — полный разладъ. Репетиція прошла дурно, заронила во всѣхъ сомнѣніе и безпокойство. Между тѣмъ труда было такъ много, что Ломакинъ чувствовалъ страшное изнеможеніе. А приготовленія къ концерту влекутъ за собой неизбѣжныя хлопоты, неприятности и препятствія. При неопытности и непрактичности дѣ-

лаются ошибки, упущения, излишняя затраты и пр. Хотя главная забота Ломакина была о репетициях и классах, но хлопоты съ поллицю, оркестромъ, заломъ и раздачею билетовъ до той минуты не прекращались, пока онъ не сталъ на эстраду и не взялъ въ руки дирижерскую палочку.

Отличавшіяся спокойнымъ духомъ передъ всякимъ пѣніемъ своего хора или институтокъ, пѣвшихъ иногда въ присутствіи царской фамиліи, Ломакинъ передъ концертомъ школы не могъ спать нѣсколько ночей; страхъ овладѣвалъ за своихъ новичковъ, за вниманіе и твердость конхъ нельзя было поручиться. Однако, сдѣлавши съ своей стороны все возможное, онъ старался себя успокоить.

И вотъ 1-й концертъ «Безплатной школы» состоялся въ февралѣ 1863 года. (Къ сожалѣнію, афиши всѣхъ концертовъ затеряны во время переѣзда Ломакина въ Гатчину въ 1871 году) ¹⁾. Въ программѣ стояли: Гендель, Мендельсонъ, Россини, Бетховень ²⁾, Модартъ и др. Публика была заинтересована новостью, составомъ участвующихъ, программю и исполненіемъ. Въ царской ложѣ была великая княгиня Елена Павловна съ фрейлинами, принцъ Ольденбургскій и графъ

¹⁾ У Дм. Вас. Стасова сохранилась печатная афиша этого концерта, даннаго въ залѣ Дворянскаго Собранія въ понедѣльникъ 25-го февраля 1863 года. Вотъ составъ концерта.

Часть 1-я.

1) Увертюра изъ „Жизнь за царя“ .	Глинки.
2) Хоръ „Ave Maria“ .	Ломакина.
3) Арію изъ „Руслана и Людмилы“ .	Глинки.
будеть пѣть А. Д. Кочетова.	
4) Хоръ	Мендельсона.
5) Хоръ	Генделя.

Часть 2-я.

6) Увертюра на русскія темм.	Балакирева.
7) Хоръ изъ оперы „Оберонъ“.	Вебера.
8) Хоръ .	Юмелли.
9) Арію	Мендельсона.
будеть пѣть И. А. Мельниковъ.	
10) Хоръ	Гайдна.
оркестромъ дирижировать будетъ М. Д. Балакиревъ.	

Въ началѣ афиши было заявлено, что концертъ состоится съ участіемъ хора, составленнаго изъ ученицъ и учениковъ Безплатной Музыкальной Школы и пѣвшихъ графа Д. Н. Шереметова, всѣхъ участвующихъ числомъ до 300, подъ управленіемъ Г. Я. Ломакина.

²⁾ Пьесъ Россини и Бетховена въ этомъ концертѣ не было.

В. С.

21

М. Ю. Вельгорскій.—А. Рубинштейнъ, Кологривовъ, Стасовъ, Кюи, Сѣровъ и многіе музыканты и знатоки изъ любопытства посѣтили концертъ.

Послѣ увертюры изъ Оберона ¹⁾, которую продирижировалъ, разумѣется, М. А. Балакиревъ ²⁾, приподнялись со своихъ мѣстъ участвовавшіе дамы и мужчины, числомъ до 300, разстановились всѣ голоса по своимъ мѣстамъ, наполнили всю эстраду и ждутъ знака дирижера, чтобы начать согласнымъ аккордомъ. Помнится, что первый хоръ былъ «Ave Maria» Ломакина. Запѣли тихо, стройно, съ выраженіемъ. Послѣдующіе «Ave verum Corpus» Моцарта ³⁾, затѣмъ русскіе хоры Мендельсона и все прочее были исполнены съ вѣрностью и вкусомъ; выдерживали пианиссимо, а въ мѣстахъ, гдѣ нужно было силу, оркестръ заглушался массою трехъ-сотъ голосовъ.

Слышались отзывы благопріятные, всѣ хлопали, вызывали, оживлялись, и концертъ сдѣлался веселымъ праздникомъ. Всѣ участвовавшіе и ихъ родные раздѣляли триумфъ школы. Лестны были похвалы публики, но цѣннѣе всего было мнѣніе А. Г. Рубинштейна, какъ директора консерваторіи, а съ нимъ тоже музыкантовъ и людей знающихъ по опыту трудность дѣла, скорый успѣхъ котораго приписывался методѣ преподаванія. До того времени на хорное пѣніе мало обращали вниманія, но съ появленія въ публикѣ хоровъ Бесплатной Школы замѣтно стало, какъ занимающіеся этой специальностью, изъ соревнованія, стали добиваться возможнаго усовершенствованія, и тѣмъ много возвысили эту часть искусства.

Послѣ проявленія дѣятельности школы, видя пользу и результаты, начали принимать въ ней участіе люди, сочувствующіе дѣлу народнаго музыкальнаго образованія; изъявили готовность бывать въ концертахъ, всячески содѣйствовать поддержанію школы.

Князь Суворовъ, Мен. Сем. Сущинскій, ген. Рихтеръ, Морницъ, Оомъ, Магъ, Кюи, гр. Вельгорскій, Саханскій, Сѣровъ и др., благоволившіе школѣ, оказывали ей помощь и пользу каждый чѣмъ могъ. Дошло до свѣдѣнія царской фамиліи объ основаніи народной музыкальной школы, и учредителямъ ея объявляетъ графъ Вельгорскій, что государь наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, великіе князья Александръ и Владиміръ Александровичи пріѣдутъ въ

¹⁾ Исполнялся хоръ изъ „Оберона“, а не увертюра.

²⁾ М. А. Балакиревъ въ первый разъ дирижировалъ, въ этотъ день, оркестромъ въ концертѣ Бесплатной Школы.

³⁾ Это невѣрно. Хоръ Моцарта исполнялся за годъ передъ тѣмъ въ концертѣ 11-го апрѣля 1862 г.

залу Городской Думы, во время утренней спѣвки, чтобы послушать пѣніе учениковъ новой школы. Въ тотъ день и часть собралась школа въ полномъ ея составѣ, около 400 человекъ. Наслѣдникъ цесаревичъ, казалось, былъ пріятно пораженъ многочисленностію учениковъ, которая доказывала потребность и влеченіе народа къ искусству; интересовался всѣми подробностями, прослушалъ нѣсколько хоровъ, изъ коихъ двухорное «Alleluja» Генделя произвело на его высочество особенное впечатлѣніе. Передъ отъѣздомъ онъ одарилъ учредителей милостивыми словами и пожатіемъ руки, въ знакъ своего удовольствія.

Посѣщеніе государя наслѣдника воодушевило всѣхъ трудящихся и учащихся въ школѣ. Однако, для прочнаго ея обезпеченія и безпрепятственнаго хода ея, школа нуждалась въ покровительствѣ высочайшей особы: благодаря ходатайству великой княгини Елены Павловны, которая принимала живое участіе въ судьбѣ этого учрежденія, Ломакинъ и Балакиревъ имѣли счастье получить согласіе наслѣдника цесаревича Николая Александровича быть покровителемъ Бесплатной Музыкальной Школы, съ пожертвованіемъ на нее по 500 р. въ годъ. По кончинѣ его высочества великаго князя цесаревича Николая Александровича, его высочество наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, а нынѣ царствующій Государь Императоръ, принялъ ее подъ свое покровительство.

Обезпеченные съ этой стороны учредители продолжали съ возрастающимъ рвеніемъ развивать дѣятельность школы. Обученіе шло послѣдовательно, концерты принимали все болѣе и болѣе серьезный характеръ. По мѣрѣ образованія участвующихъ, концерты заслуживали все болѣе довѣрія и были посѣщаемы всѣмъ музыкальнымъ обществомъ. Благодаря участію и выбору Балакирева, въ составъ концертнаго репертуара начали входить капитальныя оркестровыя вещи, какъ для инструментовъ, такъ и съ хорами. Но, разумѣется, чѣмъ труднѣе былъ выборъ, тѣмъ труднѣе было и исполненіе.

Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, сколько хлопотъ съ переводами, съ пересчитываніемъ нотъ, съ выборомъ солистовъ! Когда начиналось разучиваніе, ученицы манкируютъ, не поютъ, перессорились, въ претензіи, что ихъ не туда поставили, не такъ поклонились,—совсѣмъ перестаютъ ходить въ классы. Лучшіе голоса перехрипли, нездоровы, приходилось замѣнять другими передъ самымъ концертомъ. Иногда бывали съ оркестромъ неудачи, разныя неожиданныя неприятности довершали мученіе, но успѣхъ концертовъ вознаграждалъ все. Въ награду за труды по школѣ, Ломакинъ получилъ отъ его высочества государя наслѣдника Николая Александровича, въ 1863 году, золотыя часы съ надписью: «Отъ Его Императорскаго Высочества

Государя Наслѣдника Цесаревича». Позже драгоценный брильянтовый перстень. Отъ учениковъ и ученицъ Безплатной Школы, послѣ блестящихъ концертовъ, Ломакинъ получилъ дирижерскую слоновой кости палочку, изящно украшенную золотомъ и драгоценными камнями; маляхитовый альбомъ, съ золотымъ вѣнкомъ, съ надписью: «Отъ учениковъ и ученицъ Безплатной Школы», и серебряный подносъ также съ надписью. Отъ публики—лавровые вѣнки, съ лентами и надписями. Журналы также прославляли концерты Безплатной Школы, удовлетворявшіе вкусамъ музыкантовъ и любителей.

Первоначальная цѣль Балакирева впоследствии была достигнута. Безплатная Школа дала ему возможность производить въ ея концертахъ сочиненія, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ знаменитостей, съ полнымъ оркестромъ, гдѣ и выказались и развились его богатые дарованія, какъ дирижера, такъ и автора и всеобъемлющаго музыканта. Въ концерты Безплатной Школы шли знатоки, слушать Глинку, Бородина, Римскаго-Корсакова, Кюи, Мусоргскаго, Даргомыжскаго, Листа, Берліоза, Вагнера, Бетховена.

Въ первыя восемь лѣтъ существованія школы въ концертахъ ея преобладало пѣніе, оркестръ былъ малъ и служилъ какъ бы для аккомпанеента хоровъ. Впоследствии же, когда средства школы позволяли брать полный оркестръ, безъ чего не могъ обойтись Балакиревъ при исполненіи колоссальныхъ сочиненій Берліоза, Листа, Вагнера и др. поэтическихъ симфоній русскихъ авторовъ, щеголяющихъ весьма цѣлостною оркестровкой, тогда пѣніе начало отодвигаться на второй планъ.

Первоначальная цѣль Безплатной Школы была—безплатное обученіе желающихъ учиться музыкѣ и пѣнію. Являлись желающіе, и рады были имѣть возможность поучиться и попѣть въ концертахъ, сборомъ съ которыхъ общество могло содержать себя само. Но впоследствии этого удовольствія оказалось недостаточно нѣкоторымъ. Выучившись пѣть, они желали быть вознагражденными за ихъ трудъ, иначе считали его непроизводительнымъ. Желали быть участниками всѣхъ распоряженій, роптали, что касса находится въ рукахъ учредителя, что все дѣлается имъ произвольно, безотчетно, беспорядочно. Ученіе стали находить неудовлетворительнымъ, потому что въ школѣ нельзя сформироваться солистамъ, выборъ піесъ дурнымъ, оркестръ дорогимъ, всѣ труды бесполезными, и къ труженнику Ломакину, жертвовавшему беззавѣтно своимъ здоровьемъ, временемъ и покоемъ для общей пользы, начали относиться съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ. Появились даже критическія статьи въ газетахъ, которыя его отозвали.

Вникнувъ въ первый разъ въ причину неудовольствій учениковъ Безплатной Школы, онъ сознался въ своей административной неспо-

собности и въ несоблюденіи формалистики. Непрактичный въ дѣлахъ, онъ предавался всецѣло своему учительскому труду, который и поглощалъ все его вниманіе и заботы, и относился безпечно къ остальнымъ вѣщамъ, полагая, что все ведется исправно, такъ какъ были въ школѣ на жалованьѣ учителя, секретарь, библіотекаръ, помощники. Были януровныя книги, въ которыхъ записывались расходы и приходы, и отчеты печатались ежегодно въ газетахъ. Ломакинъ былъ преданъ дѣлу всею душею, трудился неутомимо, пока никто не затрогивалъ его самолюбія. Онъ имѣлъ въ виду, надѣялся съ помощію мощныхъ русскихъ дѣятелей и музыкантовъ, организовать въ школѣ что-либо въ родѣ разсадника учителей церковнаго и свѣтскаго хороваго пѣнія; у Балакирева были тоже благіе замыслы, сдѣлать въ школѣ средоточіе русскихъ талантовъ и пр. Оставалось бы только Ломакину сдать всѣ хлопоты по управленію школы и по устройству концертовъ обществу школы и принять на себя единственно музыкальную часть, но силы и энергія Ломакина, находясь постоянно въ напряженномъ состояніи, истощенныя непрерывною дѣятельностію—надорвались отъ перваго толчка, и онъ не въ состояніи былъ продолжать свои занятія въ школѣ. Хотя разставаніе со школою, любимымъ дѣтищемъ его, было больно его сердцу, но онъ утѣшалъ себя сознаніемъ, что положилъ основаніе бесплатной школѣ пѣнія, доказалъ возможность ея существованія, принесъ пользу какъ искусству, такъ и талантамъ бѣдныхъ людей, и если кто лучше поведетъ се, можетъ достигнуть и большихъ результатовъ. Тогда уже были тѣ плоды: 1) что изъ учащихся въ школѣ образовалось два церковные хора, одинъ греческій, доставившій много славы пѣвцамъ въ греческой церкви ¹⁾, а другой русскій, поющій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по просьбѣ тогдашняго министра Валуева. 2) Изъ учащихся у Ломакина образовались нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ-солистовъ, которые, усовершенствовавшись впоследствии, поступали на сцену и имѣли большой успѣхъ. Ив. Ал. Мельниковъ нинѣшній знаменитый пѣвецъ и артистъ, въ первый разъ явившійся передъ публикою въ концертѣ Бесплатной Школы въ аріи Гайдна, Гиларовъ, г-жи Галбдрейтеръ, С. С. Абаза, рожден. де-Вовѣ, всѣ начинали, въ школѣ. Нѣкоторые изъ дамъ поступили въ хористки, нѣкоторые

¹⁾ По просьбѣ Бернардаки, Ломакинъ составилъ на 3 голоса обѣдню изъ греческихъ напѣвовъ, которая и была пѣта учениками Бесплатной Школы въ греческой церкви. Во время бытности въ Петербургѣ греческаго короля, въ этой церкви былъ пѣтъ молебенъ, въ присутствіи императора и всѣхъ членовъ императорской фамиліи, послѣ чего греческій король прислалъ Ломакину орденъ Спасителя.

изъ мужчинъ сдѣлались учителями въ провинціяхъ, или просто остались любителями и благодарили Ломакина письмами изъ-за Амура и съ юга Россіи, за развитіе въ нихъ любви и познаній музыкальныхъ. 3) Кромѣ того, по появленіи хоровъ Безплатной Школы, произошло соревнованіе между прочими хорами; публика сдѣлалась требовательнѣе, а исполнители старательнѣе. 4) А концерты? Они доставили много удовольствія публикѣ. Сколько наслажденія было пѣть и слушать такую божественную музыку, какъ Моцартовъ «Реквиемъ»! А Шумана, Мендельсона! Если бы можно было собрать утраченные листки газетъ, въ которыхъ писались восторженные отзывы образованной публики, то можно бы воздвигнуть изъ нихъ высокій пьедесталъ виновникамъ этихъ музыкальныхъ празднествъ. Можетъ быть у кого-нибудь найдутся повѣстическія описанія и впечатлѣнія концертовъ Безплатной Школы, а Ломакинъ, кому эти воспоминанія должны бы быть дороже всѣхъ—онъ ихъ утратилъ. Да, всѣ эти утѣшительные факты вознаграждали трудъ и мирили Ломакина со всѣми неприятностями. Но энергія его ослабѣла, пришла пора разстаться со школою, и, передавъ М. А. Балакиреву управленіе школою, капиталъ въ 3,000 р., оставшіяся отъ расходовъ, бібліотеку, инструменты и все имущество—Ломакинъ пожелалъ, чтобы школа всегда процвѣтала и приносила пользу, и оставилъ ее въ 1870 году.

VIII.

Смерть графа Д. Н. Шереметева.

Разрывъ Ломакина со школою утѣшилъ графа Дмитрія Николаевича Шереметева. Со времени основанія школы, Ломакинъ не принадлежалъ себѣ. Дѣятельность его раздѣлялась на нѣсколько частей: институты, училище правовѣдѣнія, частные уроки, Безплатная Школа въ особенности отвлекала отъ обязанностей при графѣ, который, будучи недоволенъ своимъ учителемъ, долженъ былъ изъ принципа оказывать ему содѣйствіе то пѣвческою залю, за одолженіе которой получилъ форменную благодарность отъ наследника цесаревича, то раздачею концертныхъ билетовъ, то своимъ присутствіемъ на концертахъ, и многимъ другимъ. Освободившись отъ этихъ невольныхъ обязанностей, графъ былъ доволенъ, тѣмъ болѣе, что и Ломакинъ могъ теперь уже гораздо болѣе прежняго посвящать себя его капеллѣ.

Зимю 1871 г. императрица Марія Александровна пожелала слы-

шать хоръ графа Шереметева у себя въ Зимнемъ дворцѣ и прислала къ нему графиню Блудову съ этимъ извѣстіемъ. Графъ былъ счастливъ исполнить волю императрицы.

Снарядили пѣвчихъ, маленькихъ и большихъ, съ ними отправился и Ломакинъ. На этотъ музыкальный вечеръ были приглашены графъ и графиня Шереметевы и многія придворныя дамы. Пѣли сочиненія Бортинскаго, Ломакина и др., изъ концъ стихиры св. великомученицѣ Екатеринѣ, «Отверзъ пріемлетъ тя», со словами въ концѣ «насъ не забуди», наиболѣе понравились всѣмъ. Государыня была милостива и внимательна, подходила къ пѣвчимъ и благодарила. Графъ, обыкновенно послѣ подобныхъ случаевъ, бывалъ въ отличномъ расположеніи духа и на этотъ разъ, пріѣхавши домой, цѣловалъ Ломакина и благодарилъ его.

Послѣ того вечера государыня просила графа Шереметева позволить хору участвовать въ двухъ концертахъ, проэктированныхъ съ благотворительною цѣлью.

Неохотно давалъ графъ свой хоръ, но въ этомъ случаѣ не могъ отказать; обѣщалъ и поручилъ Ломакину составить программу двухъ концертовъ. Но готовиться къ нимъ не имѣли времени, такъ какъ заняты были великопостною службою. Поэтому въ тотъ сезонъ концерты не состоялись, а отложены были на осень. Послѣ святой недѣли графъ уѣхалъ въ Москву, а Ломакинъ — въ свое имѣніе. Не предчувствовалъ Ломакинъ, что онъ прощался съ графомъ въ послѣдній разъ и что болѣе его не увидитъ!

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1871 года Ломакинъ былъ пораженъ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ графа Дмитрія Николаевича, 12-го числа, въ подмосковномъ его имѣніи Кусковѣ.

Горячія, душевныя слезы были пролиты при мысли о потерѣ благодѣтеля, въ домѣ котораго Ломакинъ выросъ и состарился, былъ принятъ въ семьѣ, какъ свой, пользовался его особеннымъ расположеніемъ, не имѣлъ отказа ни въ одной просьбѣ о бѣдныхъ, а въ важныхъ, священнѣйшихъ эпохахъ жизни находилъ въ немъ великодушнаго, добрѣйшаго покровителя. Все прошедшее живо представлялось памяти Ломакина, сердце сжималось отъ скорби; едва вѣрилось, что болѣе нѣтъ добродѣтельнаго челоуѣка, графа Дмитрія Николаевича. Съ первымъ возможнымъ поѣздомъ отправился Ломакинъ въ Петербургъ для разуиванія съ пѣвчими панихиды и отпѣванія, которыхъ они никогда не пѣли. Черезъ два дня тѣло усопшаго должно было быть привезено изъ Кускова въ Петербургъ. И вотъ, утромъ 15-го сентября, собрались толпы народа у московскаго вокзала ожидать прибытія поѣзда съ траурнымъ вагономъ.

Тихо, безъ малѣйшаго шума, придвинулся онъ и остановился незамѣтно. Толпа смокла и стояла неподвижно, устремя глаза на черную дверь съ бѣлымъ крестомъ. Она открылась и мрачный, густой басъ протодіакона возвѣстилъ появленіе гроба съ бездыханнымъ тѣломъ графа Дмитрія Николаевича. Тутъ вмѣстѣ съ молитвенными возгласами духовенства послышались задушевные рыданія, которыя и сопровождали погребальную процессію всю дорогу къ Александровской лаврѣ.

Недостаточно торжественно казалось похоронное шествіе за гробомъ перваго русскаго вельможи.

Приближенные графа были такъ поражены неожиданною кончиною его, что растерялись, забыли даже привезти ордена и регалія графа изъ Москвы, не успѣли заготовить цвѣтовъ и вѣнковъ изъ его роскошныхъ оранжерей. Въ какомъ-то беспорядочномъ тревожномъ видѣ двигалась печальная процессія. Всѣ были ужасно взволнованы, каждый погружался въ свои думы и не заботился о внѣшности. Многие терли въ немъ мощнаго покровителя, благодѣтеля и горячо оплакивали невозвратную потерю.

Вотъ и его любимый хоръ осиротѣлъ. Что будетъ съ нимъ? О Боже! неужели полувѣковой грудъ Ломакина, его душа, его слава и наука, заключающаяся въ этомъ хорѣ, все должно погибнуть со смертію одного человѣка? Допустить-ли это милосердный Богъ? Вѣдь это пѣніе прославляло Бога, обращало къ Нему души молящихся, религиозно настроивало разсѣяныя мысли грѣшниковъ. Нѣтъ, Богъ спасетъ его отъ гибели. Наслѣдники останутся, есть надежда на молодого графа; онъ выросъ подъ звуками этого хора, онъ любитъ его. Да, но никто не замѣнитъ покойнаго графа, который страстно любилъ свой прославленный хоръ, любилъ благолѣпіе храма, торжественныя службы, ознаменовавшія всѣ его празднества. Какъ онъ всегда хлопоталъ, чтобы все было великолѣпно, убрано со всевозможною роскошью! Должно бы было осыпать свѣжими цвѣтами гробъ, ступени и полъ, какъ онъ осыпалъ благодѣяніями окружающихъ его. Но цвѣтовъ было мало. Какъ онъ бывалъ доволенъ собою, осчастливя когонибудь, какъ охотно помогалъ всѣмъ просящимъ помощи, радовался, если, даже противъ своей слабой воли, дѣлалъ угодное другимъ. Тысячи людей жили его щедротами и благословляли имя его.

Теперь не стало этого единственнаго человѣка, истиннаго христіанина по благочестію! Всѣ присутствовавшіе въ церкви единодушно оплакивали горькую потерю, а хоръ его пѣлъ заукоиную по немъ обѣдню, и пѣлъ такъ, какъ поютъ одинъ разъ въ жизни. Причастный стихъ, сочиненный Ломакинымъ въ минорномъ тонѣ, пропѣтъ

былъ съ выраженіемъ столь трогательнымъ, что графъ Сергій Дмитріевичъ, не смотря на свою печаль, обратилъ на него особенное вниманіе и спросилъ: Ломакина-ли это сочиненіе? Всѣ въ церкви были разстроганы, расположены къ слезамъ. Ужасно было пѣть хору вѣчную память графу Дмитрію Николаевичу, предвидя вмѣстѣ съ тѣмъ и свой собственный конецъ.

На похоронахъ Ломакинъ сильно простудился. Сердечная печаль и разныя неприятности способствовали развитію и продолжительности его болѣзни. Послѣ воспаления въ горлѣ сдѣлался нарывъ въ ухѣ, затѣмъ вся голова пришла въ такое воспалительное состояніе, что докторъ опасался за мозгъ. Когда онъ закрывалъ глаза, передъ нимъ прыгали громадныя черныя ноты, отъ которыхъ онъ не могъ отвязаться и во снѣ. Звонъ и шумъ въ ушахъ также не давали покоя. Въ страданіяхъ провелъ онъ болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Въ домѣ графа сдѣлалось грустно и пусто. Дѣла раздѣла были поручены управляющимъ и адвокатамъ. Наслѣдники отъ всего отступились въ ожиданіи приведенія въ извѣстность своихъ правъ на наслѣдство. Поэтому въ домѣ царствовало какое-то безначаліе. Владѣніе петербургскимъ домомъ на Фонтанкѣ съ церковью было спорнымъ вопросомъ; поэтому церковь стояла заперта и пуста: въ ней не поминалось имя усопшаго хозяина, гдѣ онъ молился всю жизнь! Панихиды и поминовенія происходили въ Александро-Невской лаврѣ, у могилы въ фамильной церкви графовъ Шереметевыхъ, при пѣніи митрополитскихъ пѣвчихъ. Хоръ же покойнаго оказался не нужнымъ, безъ владѣльца, безъ опоры.

Ходили слухи о разныхъ перемѣнахъ, о сокращеніи штата, и, первымъ дѣломъ, объ уничтоженіи хора и объ изгнаніи всѣхъ изъ дома. Но полагали, что до весны останутся еще всѣ въ покоѣ. Однако, въ совѣтѣ управляющихъ рѣшено было иначе.

Въ концѣ ноября того же года, во время болѣзни Ломакина, присылается ему протоколъ, подписанный наслѣдниками и опекуномъ малолѣтняго графа Алекс. Дм. Шереметева (второго сына гр. Дмитрія Николаевича), въ которомъ объявляется, что найдено нужнымъ распустить пѣвчихъ, расчитавъ ихъ по 1-е января слѣдующаго года; а всѣхъ живущихъ въ домѣ, за исключеніемъ лицъ, завѣдующихъ имуществомъ покойнаго графа, просятъ и обязуютъ подпискою выѣхать изъ дому въ 1-му январю. (Ломакинъ не читалъ и не подписалъ этой бумаги). Малолѣтнихъ же пѣвчихъ рѣшено отправить на родину 15-го декабря, а нѣкоторыхъ отдать родителямъ въ Петербургѣ съ извѣстнымъ вознагражденіемъ.

Это извѣстіе перенесъ Ломакинъ довольно спокойно, потому что

отчасти былъ подготовленъ разными слухами, да и находясь въ болѣзненномъ состояніи, онъ казался ко всему равнодушнымъ. Опасаясь оглохнуть вслѣдствіе угрожающаго ему разрыва слуховой перепонки, онъ предвидѣлъ необходимость оставить музыкальное поприще и всё дѣла. Онъ думалъ удалиться въ Гатчину на житье, и такимъ образомъ заглушить любовь къ искусству, сожалѣніе о потерѣ графа, о гибели хора, лучшаго своего созданія. Въ уныломъ настроеніи духа онъ собирался проститься на вѣки съ музыкальною карьерою, въ которой заключался хоръ, единственный послѣ Бесплатной Школы, могущій осуществить его мечты и вдохновенія. Если же суждено ему не быть, то Ломакину нѣтъ болѣе интереса въ музыкальномъ мірѣ, тѣмъ болѣе, что ушли года и здоровье.

Онъ заявилъ во всѣхъ заведеніяхъ, гдѣ обучалъ церковному пѣнію, что по болѣзни не можетъ болѣе продолжать. Его убѣждало начальство не оставлять заведеній, потому что болѣзнь можетъ пройти, и онъ опять будетъ въ состояніи заниматься, но онъ чувствовалъ разстройство во всемъ организмѣ и не считалъ себя способнымъ къ труду.

Съ выраженіемъ благодарности и сожалѣнія распростился съ нимъ институтки.

Марія Павловна Леонтьева, директриса общества благородныхъ дѣвицъ (Смольнаго монастыря), болѣе всѣхъ цѣнила учителя; всегда была къ нему благосклонна и на прощаніе устроила общее собраніе дѣвицъ, которыя поднесли ему на память изящной работы подушку.

Въ другихъ заведеніяхъ онъ получилъ должную награду. Въ родномъ же домѣ покойнаго графа никто не смягчилъ жестокаго удара ни однимъ сочувственнымъ словомъ. Смертный приговоръ хору и учителю былъ произнесенъ и подписанъ.

Однако, этотъ приговоръ легче было произнести, нежели совершить. Множество сдѣлений обстоятельствъ, не зависящихъ ни отъ кого, не допускало хору распасться. Препятствія къ тому начались съ концерта, обѣщаннаго покойнымъ графомъ, еще весною, императрицѣ.

Г. Я. Ломакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ

въ 1857—1875 гт.

Воспоминанія Н. А. Бѣлозерской.

VII ¹⁾.

По приѣздѣ въ деревню, я долго не получала никакихъ извѣстій отъ Н. Ив. и сама не могла писать ему по незнанію адреса. Онъ съ своей стороны едва не отправилъ мнѣ письмо въ Тамбовскую губернію на имя Жемчужниковыхъ, гдѣ я сперва думала провести лѣто, но узналъ во-время отъ Татьяны Петровны, что я уѣхала къ моей матери, и написалъ мнѣ длинное письмо, составлявшее какъ бы résumé его заграничнаго путешествія и полученныхъ впечатлѣній:

«Поѣхавши изъ Петербурга, я остановился въ Берлинѣ, гдѣ совѣтовался съ одной знаменитостью о своей болѣзни, и она мнѣ рекомендовала горячія воды въ Карлсбадѣ; я поѣхалъ въ Дрезденъ и тамъ обратился къ другой знаменитости, Вальтеру, который совѣтовалъ мнѣ желѣзныя воды въ Франценсбадѣ. Я отправился прежде въ Прагу и взялъ съ собою свою дѣвочку ²⁾ и пробылъ въ Прагѣ дней яко семь, потомъ поѣхалъ въ Франценсбадъ, но желѣзныя воды мнѣ сдѣлали вредъ, у меня стали жестокіе приливы къ головѣ, разболѣлись глаза и я пересталъ почти видѣть лѣвымъ глазомъ. Я воротился въ Прагу, гдѣ д-ръ Гамерникъ мнѣ сказалъ, что я отлично сдѣлалъ, что бросилъ желѣзныя воды. Я проѣхалъ въ Мюнхенъ, Вѣну, жилъ въ Вѣнѣ болѣе, чѣмъ двѣ недѣли, гдѣ сошелся съ русинами, потомъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XI, мартъ, стр. 619—636.

²⁾ Падчерница Д. Л. Мордовцева, нынѣ г-жа Перволюфъ.

отправился на Дунай съ цѣлью ѣхать въ Одессу. Но случилось со мной печальное событіе. Путаница. Билетъ нужно было брать въ Вѣнѣ, а я полагалъ, что пройду по желѣзной дорогѣ до Базіаша и тамъ сяду на пароходъ, но въ Базіашѣ меня не приняли на пароходъ, а агентъ давалъ билетъ, но хотѣлъ за него такую сумму, что если бы я заплатилъ, то не зналъ бы какъ возвратиться. Я повернулъ въ Бельградъ и теперь здѣсь нахожусь. Домой послалъ депешу, жду отвѣта. Увлекся я путешествіемъ, особенно Вѣной. Дѣвочку свою я отпустилъ во-своихъ изъ Праги. Когда получу депешу, поѣду въ Триестъ по Савѣ съ Б. ¹⁾—здѣсь ждетъ меня, поѣдетъ вмѣстѣ.

Августа 4-го (15-го) 1864. Остенде.

«Я началъ письмо въ Бельградѣ, а кончаю его въ Остенде. Ужасная тревога, рядъ глупостей. Я не получилъ отвѣта на депешу, ждалъ три дня въ страшномъ томленіи, послалъ другую, нѣтъ отвѣта, жду еще два дня съ половиною. Б уѣхалъ, не дождавшись меня. Я не зналъ, что мнѣ начать, и заключилъ, что матери моей вѣрно нѣтъ на свѣтѣ, иначе нельзя было объяснить неотвѣтъ на двѣ депеши. Что-же, куда ѣхать? Я разсудилъ, что надобно ѣхать домой, сѣлъ на пароходъ и прибылъ черезъ два дня въ Пестъ. Пробывъ тамъ день въ тоскѣ и волненіи, я послалъ депешу Кожанчикову, чтобы онъ взялъ мою квартиру на случай вѣроятной кончины моей матери, а меня бы извѣстилъ въ Дрезденъ, Stadt Wien; я рассчиталъ, что, пока я сдѣлаю половину пути, онъ можетъ извѣстить меня. Приѣзжаю въ Дрезденъ, нѣтъ депеши, жду часъ, другой, третій, рѣшаюсь ѣхать въ Берлинъ и оттуда послать еще депешу попу Опатовичу. Все улажено, я расплатился за три часа пребыванія въ Дрезденѣ, вдругъ депеша отъ Свириденка, что матушка моя жива и здорова. Что причиною ея неотвѣта на двѣ депеши—до сихъ поръ еще не знаю. Но тогда ѣхать тѣмъ-же путемъ до Триеста мнѣ показалось стыдно, да и паспортъ мой былъ таковъ, что меня могли не пустить въ Австрію, ибо написанъ былъ въ Одессу и обратно; я рѣшился ѣхать въ Остенде и на другой день приѣхалъ сюда и купаюсь, но дѣло все испорчено. Я не думаю, чтобы мнѣ вода здѣшняя помогла; чернило такое скверное, что я остановлюсь съ письмомъ. Куплю другого и кончу.

«Теперь о подробностяхъ. Въ Прагѣ я прожилъ дней десять. Чехи меня приняли радушно. Мы каждый вечеръ гуляли по превос-

¹ Фамилія не разобрана мною.

ходнымъ окрестностямъ Праги. Я, однако, вынесъ такое впечатлѣніе, что въ этомъ народномъ возрожденіи Чехія много искусственнаго, и въ сущности сдѣлано для него не такъ много, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Я былъ прежде въ Прагѣ въ 1857; прѣхавши туда черезъ семь лѣтъ, я могъ замѣтить громадное распространеніе чешскаго языка. Все это такъ, но побужденіе? Составляетъ ли онъ для образованныхъ чеховъ необходимость, какъ для насъ русскій? Мало. Всѣ они знаютъ по нѣмецки, и не только знаютъ,—и мыслятъ, и живутъ, и чувствуютъ по нѣмецки: это нѣмцы съ ногъ до головы, надѣвшіе на себя одежду дѣдушекъ и бабушекъ, выкопавши ее изъ старой кладовой. Для народа—иное дѣло, и то для сельскаго, а не для пражскаго. Чехи съ своимъ возрожденіемъ то же, что наши малороссыяне, которые мыслятъ по русски и хотятъ преобразиться въ то, чѣмъ перестали быть давно—немного развѣ далѣе шагнули чехи. Доказательство, что многіе патриоты пишутъ по нѣмецки, потому что это имъ легче, а читаетъ лекціи по нѣмецки большая часть. Но нельзя сказать, чтобы тутъ было только искусственное: есть много натурального, именно въ томъ, что существуютъ массы народа, для котораго чешскій языкъ дѣйствительная необходимость. За этимъ и искусственность становится не такъ рѣзкою. Вы, прѣхавши изъ Праги, вынесли впечатлѣніе, что въ Австріи лучше, чѣмъ у насъ, я—напротивъ. Народъ отягощенъ налогами ужасающимъ образомъ, хуже, чѣмъ у насъ. Этого довольно, чтобы не дать предпочтенія Австріи. Что касается до свободы мысли, то вѣдь она фиктивная,—за малѣйшее, что не понравится правительству, писатель подвергается пристрастному суду, заключеніямъ въ тюрьму, пенямъ и, главное, потерямъ должностей, занятій, преслѣдованіямъ на всю жизнь, которыя надъ нимъ докончить общество. Что тутъ хорошаго?

«Въ Вѣнѣ я попалъ въ кругъ русиновъ и прожилъ тамъ 17 дней, очень весело, правда, ничего не дѣлая: вставалъ — шелъ купаться, оттуда завтракать, потомъ что нибудь смотрѣть, въ часъ ходилъ обѣдать съ кѣмъ нибудь изъ русиновъ или съ нашимъ попомъ, а къ вечеру либо отправлялись толпами за городъ, либо я шелъ въ театръ. Такъ незамѣтно и прошло семнадцать дней. Въ Мюнхенѣ я былъ не долго, ибо соскучился, хотя съ большимъ удовольствіемъ осматривалъ глинтотеку, пинакотеку и проч., и проч. Замѣчу мимоходомъ, что нигдѣ въ жизни мнѣ не случалось слышать такой прекрасной оперы, какъ въ Мюнхенѣ. Я съ наслажденіемъ прослушалъ тамъ Фрейшютца и, вспоминая нашу оперу, пришелъ къ такому заключенію, что, въ сравненіи съ мюнхенскимъ Фрейшютцемъ, нашъ ниже всякой кратяки.

«Истинное удовольствіе я получилъ въ Бельградѣ, если бы не не-

счастливая исторія съ депешою. Въ Сербіи совсѣмъ не то, что въ Чехіи, вотъ здѣсь живое неискusstvenное славянство: и низенькіе домики, и фонарей нѣтъ, и тротуаровъ почти нѣтъ, а если гдѣ есть, то на нихъ удобнѣе падать, чѣмъ ходить, и лѣнь, и безпорядокъ — вотъ здѣсь славянство; его и чуешь, и видишь, и слышишь; прибавимъ—тутъ и радужное гостепріимство, и хлѣбосоольство, и семейная простота жизни, и доброта съ наивностью, всѣ черты нравовъ славянскаго племени. Сербы славянѣ насъ самихъ. Здѣсь людей жестоко палками бьютъ. Шпіоновъ гибель. Правительство взяло въ руки вольность сербскую, но это не надолго; соберется скупщина и какъ бы князь съ министрами не полетѣли въ трубу. Замѣчательно, что здѣсь боязнь, чтобы не приходили либеральныя идеи... откуда бы вы думали? Изъ Россіи. Тѣ, которые учились въ русскихъ университетахъ, по замѣчанію здѣшнихъ консерваторовъ, набираются страшнаго революціоннаго духа и вносятъ развращеніе въ Сербію. Нашъ консулъ, который важное лицо въ Сербіи, раздѣляетъ это мнѣніе и дѣлаетъ препятствія отправленію въ Россію молодыхъ людей, желающихъ учиться въ нашихъ университетахъ. Предпочитаютъ, чтобы юношество сербское училось у благоумныхъ нѣмцевъ, ибо воспитанники нѣмецкихъ университетовъ діаметрально противоположны воспитанникамъ русскихъ и вообще консервативны и властямъ покорны и притомъ, познакомившись съ западно-европейской цивилизаціей, вкусивъ плоды ея, желаютъ и Сербіи успѣха на тѣхъ-же началахъ, тогда какъ воспитанники русскихъ университетовъ мечтаютъ о какихъ-то славянскихъ началахъ свободы и равенства, думаютъ воплотить ихъ въ Сербіи, какъ еще въ дѣвственной землѣ, и даже надѣются насъ, русскихъ, просвѣщать свѣтомъ истинной славянской жизни. Въ Сербіи нѣтъ фабрикъ, заводовъ,—сербы тѣмъ и живутъ, что свиной плодятъ, да продаютъ нѣмцамъ; европейцы скорбятъ объ этомъ, а славянисты говорятъ, что такъ и нужно. Послѣднихъ я считаю справедливыѣ. Фабричное производство, дѣйствительно, только раздѣлитъ народъ, породитъ пролетаріатъ, развращеніе, тогда какъ теперь въ Сербіи нѣтъ большихъ богачей, но нѣтъ нищихъ; всѣ живутъ болѣе или менѣе зажиточно; нужды ихъ ограничены, роскоши они не знаютъ—и прекрасно. Пусть себѣ такъ живутъ. Гдѣ нѣтъ богатства, тамъ нѣтъ бѣдности, нищеты.

«Въ настоящее время я поселился въ Остенде. Здѣсь ужасно дорого. Съ меня взяли за мѣсяць 60 ф. за комнату. Обѣдъ стоитъ 4 ф., завтракъ и ужинъ по 1½. Скука ужасная. Знакомыхъ нѣтъ. Толпа огромная; съѣхалось нѣсколько владѣтельныхъ особъ, въ томъ числѣ бельгійскій король и новый виртембергскій съ супругой Ольгой Николаевной. Русскихъ совсѣмъ не видно; можетъ быть они есть, да

говорять по французски, какъ обыкновенно. Нѣкоторые иностранцы даже наивно думаютъ, что у насъ французскій языкъ введенъ въ школы для преподаванія, а на русскомъ говоритъ только простой народъ, образованные же люди не употребляютъ иного, кромѣ французскаго.

«Въ Бельгiи зачинается центръ русскаго свободнаго книгопечатанія. Сюда перенеслось свободное слово. Какой то Г. ¹⁾, бывший прежде у Вольфа, завелъ въ Брюсселѣ типографію и начинаетъ печатать польскія и русскія книги. Но едва ли онъ можетъ разсчитывать на успѣхъ. Заграничныя изданія доходятъ до насъ съ трудомъ, да и потеряли уже ту прелесть запрещеннаго плода, которую имѣли назадъ тому нѣсколько лѣтъ, когда вся Русь либеральничала. Она теперь перестала, кажется, либеральничать, испугалась, чтобы черезчуръ не хватить свободы. Успѣшнѣе пошли бы книги, дозволенныя цензурой, ибо въ Брюсселѣ ужасно дешево печатаніе обходится, но тогда возстанутъ авторы за свои интересы, какъ возстаютъ французскіе за перепечатки. Что еще писать вамъ? Написалъ бы много, да понравится ли. Скажу вамъ, что очень хочу видѣть васъ и пріѣду къ вамъ, если дозволить средства, что опредѣлится по моемъ возвращеніи въ концѣ августа. Жаль, что я не поѣхалъ прямо въ Одессу. Здѣшняя вода не помогаетъ мнѣ, какъ южная. Печальный случай занесъ меня сюда на скуку и тоску. Такъ скучно въ одиночествѣ, что считаю не дни, а часы. Когда только дастъ Богъ вырваться отсюда? а всего пять дней. Что будетъ далѣе? Пишите ко мнѣ въ Петербургъ. Что со мной тамъ будетъ—не знаю. Если примутъ меня снова въ университетъ, то осенью-же къ вамъ пріѣду. Если нѣтъ и доведется ѣхать въ Казань, то весной непременно.

«Я послалъ было письмо вамъ къ Жемчужникову (Л. М.). Но я очень радъ, что вы у матери. Мнѣ болѣе надежды увидѣть васъ. Несомнѣнно».

Слѣдующее затѣмъ письмо, написанное Н. Ив. по пріѣздѣ изъ-за границы, не дошло до меня; весьма возможно, что оно дѣйствительно было опущено безъ марки, какъ это думалъ и самъ Н. Ив.

Сентября 13-го 1864.

«Въ тотъ самый день (такъ начинается письмо), какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, я писалъ къ вамъ и не получилъ отвѣта. Дошло ли письмо мое? Я боюсь: не послѣшилъ ли я и не отправилъ ли, по забывчивости, письмо безъ марки. Въ этомъ письмѣ я просилъ скорѣе

¹⁾ фамилія не разобрана.

прислать мнѣ Горсея, ибо у меня его потребуютъ, какъ только я явлюсь въ библиотеку. Прошло двѣ недѣли: отвѣта отъ васъ нѣтъ. Я хочу васъ видѣть и рѣшительно не утерплю; если я не пріѣхалъ къ вамъ еще, то отъ того, что неудобно было тотчасъ проситься у начальства въ отпускъ, пріѣхавши изъ отпуска, да еще просрочивши, а командировки въ Бѣлозерскъ не хочетъ мнѣ давать Норовъ; онъ на меня сердитъ, говорить, что у меня не русская душа и что я польскимъ духомъ пропитанъ (!!!).

«Министръ мнѣ объявилъ, что назначить меня на будущій годъ въ Одессу. Милая, несравненная, безцѣнная Надежда Александровна, пишите ко мнѣ. Ахъ, какъ мнѣ хочется видѣть васъ, такъ хочется, такъ хочется, что словомъ этого выразить не могу».

Я послала Горсея, но не рѣшилась писать Н. И., во избѣжаніе жалобъ и сѣтованій на судьбу, которыя мнѣ всегда казались неумѣстными и безцѣльными. Въ первое время я сильно тосковала въ глухой деревнѣ, отъ которой ближайшій уѣздный городъ былъ на разстояніи сорока пяти верстъ; и, разумѣется, приближеніе осени еще менѣе располагало къ веселію. Мнѣ недоставало людей, которыхъ я любила и къ которымъ привыкла, недоставало общества, разнообразія и развлеченій петербургской жизни. Непривычная деревенская тишина, мертвое окружающее меня поле, окаймленное чернымъ лѣсомъ, холодная, ненастная погода, завываніе вѣтра по ночамъ, которыя казались мнѣ безконечными,—все это приводило меня въ отчаяніе. Но я не сообразила, что моя эгонистическая боязнь показаться малодушной была болѣе, чѣмъ неумѣстна, и что мое молчаніе можетъ встревожить Н. Ив., при его искренней дружбѣ ко мнѣ, въ чемъ я должна была убѣдиться изъ слѣдующаго письма:

Окт. 5-го 1864 г.

«Я сейчасъ получилъ книгу и меня очень удивило и огорчило то, что вы не написали ко мнѣ ни строчка. Сердитесь ли вы на меня? За что? Ради Бога скажите, безцѣнная Надежда Александровна. Вы, которую я считаю единственнымъ, лучшимъ неизмѣннымъ другомъ души моей и сердца, которую увидѣть желаю, какъ единственнаго въ жизни утѣшенія... Сердитесь вы на меня, что-ли? За что, скажите? По пріѣздѣ я вамъ писалъ три письма; Бога ради, если чѣмъ недовольны, объяснитесь».

Я успѣшила отвѣтить на это письмо и затѣмъ писала по возможности часто, но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ опять какъ-то прошли двѣ недѣли безъ писемъ отъ меня, и Н. Ив. снова написалъ мнѣ:

Ноября 17-го 1864 г.

«Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я получилъ письмо ваше. Дошли ли мои письма до васъ. Ради Бога, напишите о себѣ. Мнѣ грустно не получать такъ долго отъ васъ и о васъ вѣсти.

«Какъ бы я хотѣлъ видѣть васъ. Впрочемъ, если захотите, я приѣду къ вамъ, куда угодно.

«Теперь я занятъ Самозванцами сильно. Уже половину окончилъ... Ради Бога, пишите ко мнѣ и располагайте мною безъ церемоній рѣшительно во всемъ, совершенно, какъ вашимъ роднымъ братомъ и преданнѣйшимъ другомъ.

«Матушка кланяется вамъ и желаетъ здоровья».

Послѣ этого были еще письма, потому что тогда Н. Ив. часто писалъ мнѣ. Привожу одно изъ нихъ, писанное Н. Ив. во вторую половину зимы, слѣдовательно уже въ 1865 году:

«Я до сихъ поръ не приѣхалъ къ вамъ по многимъ причинамъ въ совокупности ихъ: 1) Вашъ Горсей. Надобно было его окончить. Невозможно его оставить уже потому, что онъ начался печатать и обѣщанъ публикѣ. А за нимъ работа зѣло великая: въ нныхъ случаяхъ приходится для этого читать, чтобы три слова сказать по поводу чего нибудь необычнаго въ его рассказѣ ¹⁾. 2) Мои служебныя обстоятельства, о которыхъ я вамъ сотворю подробную повѣсть. Слушайте. Императоръ харьковскій университетъ пригласилъ меня ординарнымъ профессоромъ. Я согласился на самыхъ выгодныхъ для меня условіяхъ; кромѣ обычнаго 3,000 жалованья мнѣ давали немного меньше на подъемъ, но условіемъ было мое согласіе; я оставилъ маленькую лазейку; такъ какъ въ здѣшнемъ университетѣ было заявлено не разъ сильное желаніе, чтобы я былъ снова профессоромъ (хотя равносильно было у нѣкоторыхъ нежеланіе), то я рѣшился ѣхать въ Харьковъ на будущій годъ только въ такомъ случаѣ, когда уже не будетъ ни малѣйшей надежды здѣсь. Вдругъ, министръ, узнавши обо всемъ, объявляетъ мнѣ, что онъ не утвердитъ меня ни въ одинъ университетъ и, что если я хожу по Петербургу и цѣль, и невредимъ, то за это слѣдуетъ благодарить Господа Бога, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ человѣкъ великодушный, не желая оставить меня безъ всякихъ средствъ къ жизни, обѣщавъ испросить высочайшей милости объ оставленіи меня при министерствѣ народнаго просвѣщенія съ назначеніемъ нѣкоего жалованья. Видя, что плетью обука не перебьешь, я долженъ былъ

¹⁾ Записки о Москвитинѣ XVI вѣка сэра Джерима Горсея въ моемъ переводѣ, съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Костомарова, были на половину напечатаны въ „Библиотека для Чтенія“ 1865 года.

оставить честолюбивныя мечты и ожидать, пока совершится обѣтованіе (А. В.) Головинина. Недавно оно совершилось и я получаю отъ высочайшихъ щедротъ тысячу пять сотъ семьдесятъ два рубля семьдесятъ пять копѣекъ ежегоднаго жалованья, каковос буду получать до тѣхъ поръ, пока останусь при министерствѣ. Это то самое, каковое до сихъ поръ я получалъ, не болѣе, не менѣе. Я не могъ выѣхать отсюда прежде, чѣмъ окончится дѣло сіе. 3) Въ послѣднее время одолѣвають меня болѣзни больше, чѣмъ прежде; мнѣ очень плохо, я чувствую, что иду къ разрушенію. Безпрестанныя головныя боли, лихорадочное состояніе—иногда по цѣлымъ днямъ лежу.

«Письмо это было приготовлено давно и не окончено: я ждалъ отъ Боборыкина отвѣта или пріѣзда его, именно, чтобы поторопить его высылкой денегъ вамъ; онъ былъ въ Москвѣ, ставилъ свою комедію; Воскобойниковъ говорить, что вамъ послано сто р., и по моему настоянію пошлютъ еще. Я договорился по 40 р. за листъ. За переводъ это отличная цѣна...

«Что до моего пріѣзда, то развѣ умру или парализъ меня хватить, тогда развѣ не пріѣду къ вамъ. Постараюсь поскорѣе покончить дѣла свои, ибо мнѣ нужно денегъ получить, а это можетъ быть съ окончаніемъ одной работы, которую я изговляю: это продолженіе исторіи южно-русскаго козачества, начатой въ „Библиотекѣ для Чтенія...

«Былъ я недавно (двѣ недѣли назадъ) въ концертѣ Ломакина; вспоминалъ сильно васъ. Потомъ былъ еще въ концертѣ, который на меня подѣйствовалъ больше, чѣмъ что нибудь въ жизни. Это Мессія Генделя. Изъ ней (ораторію) мы слышали вмѣстѣ alleluja. Вотъ дивная вещь! Вотъ величайшее созданіе искусства! Дня три я былъ въ какомъ-то эстетическомъ обаяніи отъ этого произведенія. Характеръ она имѣетъ исключительно торжественный, праздничный. Тамъ все кружится около Рождества и Воскресенья, двухъ важнѣйшихъ событій въ христіанствѣ, и поэтому въ ней нѣтъ ничего тягучаго, скорбнаго и потому скучнаго, ибо для религіозно печальнаго нужно особое душевное настроеніе въ духѣ вѣры, которое трудно можетъ придти намъ, чадамъ суеты земныя.

«Вамъ извѣстное и близкое общество женскаго труда пало. Сбылось то, что я пророчилъ лѣтомъ или весною еще 1863 г. Никакое общество, создаваемое по теоріи изъ моды, безъ настоящей, чувствуймой не театрално, но жизненно потребностью, не можетъ держаться. Это комнатное растеніе, оно пало отъ того (ближайшимъ образомъ), что (какъ рассказываютъ) столкнулись при этомъ барыни *du grand monde* съ иглистками (чортъ разбереть, что подъ этимъ разумѣють!!) и снѣться не могли. Да уже то, что въ этомъ обществѣ могли быть ба-

рыни большаго свѣта, это одно уже доказываетъ, что общество не имѣло корней. Общество есть общество труда. Спрашивается, зачѣмъ тамъ барыни, которыя не имѣютъ потребности трудиться для хлѣба. Трудъ матеріальный, какъ ни говорите, все-таки тягость; чтобы полюбить, наконецъ, трудъ, все-же нужно прежде имѣть въ немъ надобность. Безъ этого невозможно не только полюбить его, но даже цѣнить. Этотъ трудъ, трудъ тѣхъ, которымъ для выльчки отъ ожиренія медики предписываютъ гимнастическія движенія до поту. Увы! надобно разстаться съ грезами. Всякое общество труда, будь это женскаго, будь это мужскаго, будь онъ бѣлъ, будь онъ черенъ, только тогда имѣетъ смыслъ и продолжительность, когда основаніе его вызывается такою необходимостью, что либо общество заводи, либо съ голоду умирай! Нужда научить калачи ѣсть. Великая мудрость народа. Ради любви къ человѣчеству, ради идеи, люди способны терпѣть и страдать, рѣшившись на то въ благородномъ опьяненіи, а не по расудочному побужденію. Испанія вся была въ золотѣ, да нужды мало знала, отъ того у ней всё богатства захватили другіе. Нѣтъ, не можетъ быть общества труда, какъ скоро въ немъ затешется хоть одна персона, не пришедшая къ необходимости труда горькимъ опытомъ или вопіющею нуждою. Наше дѣло не общество составлять, а говорить бѣднякамъ нищимъ: составляйте общество труда сами, и даже не учить ихъ подробностямъ; мы своимъ ученіемъ ихъ только испортимъ. Они сами сьумѣютъ лучше насъ учредить то, что имъ желается, по ихъ горькому, а не по нашему модному, убѣжденію...

«По истинѣ скажу вамъ: мнѣ такъ хочется съ вами видѣться, и въ послѣднее время я не разъ собирался брать отпускъ и ѣхать, но потому меня останавливала тягость дороги зимою, такъ что я самъ себя дѣлаю разныя отговорки. Тягость эта не была-бы для меня слишкомъ чувствительна, если-бы со мной не дѣлались прескверныя вещи по части нездоровья. А дѣлаются! Однако, мнѣ скоро стыдно будетъ и я поѣду, ибо, клянусь вамъ, я бы Богъ знаетъ что далъ, чтобы перелетѣть къ вамъ скорѣе».

(Это письмо безъ означенія мѣсяца и числа).

Но Н. Ив. не пришлось побывать у насъ въ деревнѣ, ни въ эту зиму, ни въ лѣто 1865 года. Наступила осень и я сама пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ прожила около двухъ недѣль; затѣмъ Н. Ив. проводилъ меня съ сыномъ въ Варшаву. Дорогой онъ предложилъ мнѣ остановиться въ Псковѣ, чтобы осмотрѣть городъ со стороны древностей и историческихъ воспоминаній. Видно было, что онъ изучилъ мѣстность до малѣйшихъ подробностей и замѣтилъ мнѣ по этому поводу,

что безъ подобнаго изученія немислимо сколько-нибудь вѣрное и живое изображеніе историческихъ событій. Долго просидѣли мы у старой городской стѣны, откуда открывался обширный видъ на рѣку и окрестность. Былъ сѣрый, осенній день, придававшій еще болѣе мрачный колоритъ бѣдной сѣверной природѣ. Н. Ив. весь день былъ въ самомъ печальномъ настроеніи духа, оживился немного при воспоминаніи о прошлой жизни Пскова, затѣмъ незамѣтно перешелъ къ дѣйствительности и заговорилъ о себѣ, о своей одинокой разбитой жизни. Миѣ казалось, что въ эти минуты грустнаго настроенія (какъ не разъ казалось и послѣ, когда Н. Ив. бывалъ въ такомъ же расположеніи духа) онъ не придавалъ никакого значенія ни своимъ научно-литературнымъ трудамъ, ни безусловной извѣстности и уваженію, какимъ онъ пользовался среди своихъ соотечественниковъ, и охотно промѣнялъ бы свою судьбу на жизнь простаго, но болѣе счастливаго, смертнаго.

Въ Варшавѣ Н. Ив. прожилъ около двухъ недѣль и, по своему обыкновенію, утро посвящалъ библиотекѣ, ѣздилъ нѣсколько разъ въ Лазенки, посѣтилъ Вилланова и съ видимой неохотой уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вмѣсто зелени, солнца и тепла его ожидала дождливая, холодная осень.

На слѣдующее лѣто Н. Ив. предпринялъ экскурсію къ верховьямъ Волги и въ то-же время рѣшилъ исполнить свое давнишнее намѣреніе побывать въ нашей усадьбѣ, Софійевкѣ (Бѣлозерскаго уѣзда), гдѣ я проводила лѣто. Онъ заранѣе увѣдомилъ меня объ этомъ двумя письмами:

Мая 12-го 1866 г.

«Я собираюсь къ вамъ ѣхать; остановлюсь на день въ Угличѣ и Твери; напишите миѣ письмо въ Угличъ съ оставленіемъ на почтѣ: дома ли вы? Матушка моя кланяется вамъ. Последнее время я сижу дома и работаю сильно надъ Самозванцами. Отыскалъ новый источникъ на голландскомъ языкѣ, очень важный. Я долженъ былъ кое-какъ поучиться этому языку, чтобы прочитать его.

«Здоровьемъ похвалиться не могу. Кромѣ того, что меня мучатъ мигрени, я еще сталъ болѣть ногами, не знаю, что это; можетъ быть временно. Я такъ постарѣлъ, такъ опустился, что, не выдавъ меня годъ, вы найдете во миѣ громадную пережѣву, т. е. въ моемъ физическомъ организмѣ. Что касается до духовной стороны, то я сталъ сильно задумываться: иногда грустно сижу или лежу часовъ по пяти безъ дѣла».

4-го іюня 1866 г.

«Написавши къ вамъ послѣднее письмо, я собрался къ вамъ ѣхать и взялъ уже билетъ для проѣзда, какъ вдругъ начала у меня страшнымъ образомъ болѣть нога, и промучился я почти мѣсяць. И теперь еще не совсѣмъ прошло, но я рискну и завтра (въ субботу) выѣзжаю...

«До свиданія, если Богъ донесетъ, если на дорогѣ чего не случится. Боль у меня въ ногѣ нервная и до того мучительная, что ни стать, ни лечь, ни сѣсть. Что-то мое здоровье становится плохо. Я чувствую, что падаю... Вашъ Н. Костомаровъ».

«Не знаю, какъ изъ Рыбинска ходятъ пароходы. А на перекладной я не въ силахъ добраться».

По дорожняго утомленія все-таки не удалось избѣгнуть Н. Ив. Изъ Рыбинска онъ доѣхалъ на пароходѣ до Череповца, но затѣмъ ему предстояло проѣхать до нашей деревни восемьдесятъ верстъ, изъ которыхъ болѣе половины по ужасающей проселочной дорогѣ, лѣсами и болотами, гдѣ даже подчасъ ему приходилось выходить изъ экипажа. Бѣловатая сѣверная ночь и видъ высокаго, темнаго лѣса, который тянулся до безконечности по обѣимъ сторонамъ дороги, навели Н. Ив. на мысль о народныхъ повѣрїяхъ. Онъ началъ спрашивать нашего старика кучера, (котораго мы выслали за нимъ съ лошадьми въ Череповецъ) о лѣшихъ и чертяхъ. Но кучеръ, прежній дворовый, много лѣтъ прожившій въ Петербургѣ, отнесся скептически къ этимъ вопросамъ—и, какъ намъ рассказывалъ потомъ Н. Ив.,—замѣтилъ съ усмѣшкой, что «все это вздоръ и бабьи сказки», но сдѣлался соощтительнѣе, когда разговоръ перешелъ на болѣе реальную почву.

Къ утру Н. Ив. прїѣхалъ въ усадьбу и послѣ короткаго отдыха, не смотря на томительный жаръ, предпринялъ довольно далекую прогулку. Ему особенно понравилась старая часовня на опушкѣ лѣса, съ такой же ветхой деревянной оградой, окруженная огромными старыми березами. Онъ ежедневно приходилъ сюда съ книгой или проводилъ время въ разговорѣ. Послѣдній, благодаря ему, былъ всегда занимателенъ и разнообразенъ, потому что, при его природной наблюдательности и долгихъ сношеніяхъ съ разнаго рода людьми, онъ обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ навести разговоръ на подходящую тему, не лишнюю интереса для него самого и вполне доступную для его собесѣдниковъ. Сѣверная природа съ ея безмолвіемъ, блѣдно-голубымъ небомъ и свѣжестью лѣса представляла своего рода поэзію для Н. Ив. и онъ искренно восхищался ею. Незамѣтно день уходилъ за днемъ, тѣмъ болѣе, что стояла прекрасная погода, но Н. Ив. не могъ долго оставаться безъ работы и, послѣ двухнедѣль-

наго пребыванія въ деревнѣ, собрался въ обратный путь. На этотъ разъ онъ поѣхалъ черезъ Бѣлозерскъ, внимательно осмотрѣлъ городъ, уцѣлѣвшіе валы и церкви и, по словамъ провожавшаго его К., далеко за полночь пролежалъ на диванѣ передъ открытымъ окномъ, изъ котораго открывался видъ на спящій городъ и отсвѣчивавшее вдали Бѣлое озеро.

Слѣдующее лѣто Н. Ив. провелъ безвыѣздно въ Петербургѣ для своихъ занятій и только, по случаю передѣлки въ квартирѣ, отправился не надолго въ Новгородъ, хотя невыносимыя жары всего менѣе благоприятствовали пребыванію въ городѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ Н. Ив.

Іюля 22-го 1867 г.

«Говорилъ съ Опатовичемъ сегодня. Я собрался ѣхать въ Новгородъ, ради того, что у меня красятъ комнаты, но остановился, чтобы поговорить съ попомъ. Еще не было несноснѣе лѣта, какъ это. Петербургъ имѣетъ подобіе Содома и Гоморры, дымъ, жупель. Сегодня легче воздухъ...»

Слѣдующее письмо написано двадцать дней спустя, а именно отъ 12-го іюля:

«Благодарю васъ за вниманіе, оказанное письмомъ вашимъ, въ которомъ вы сообщаете нѣкоторыя изъ чертъ вашего путешествія. Очень радъ, что вы найдете удовольствіе въ кругу вашего семейства и милыхъ дѣтокъ. О себѣ скажу, что меня ужасно мучитъ жаръ и духота. Теперь становится легче. Нѣсколько дней Петербургъ представлялъ зрѣлище ужасное. Кругомъ горѣлъ торфъ и гѣса отъ торфа, что напоминало сказанія нашихъ лѣтописей о томъ, какъ въ древности земля горѣла и боры загорались. И всѣ чаяли приближенія страшнаго суда. Былъ дождь, но мало, пожаръ земли пріутихъ, но не совсѣмъ прекратился и если будетъ засуха, то снова будетъ прежнее. Дѣло мое съ Польшей пошло, слава Богу, быстро. Матушка вамъ усердно кланяется.. Ник. Костомаровъ.»

Н. А. Бѣлозерская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА

1796 — 1801 гг.

Выписки изъ подневныхъ придворныхъ записокъ.

1796 г.

6-го ноября 1796 г. въ четвергъ пополудни, въ $\frac{3}{4}$ 10-го часа, ея величество (Екатерина II) скончалась, отъ рожденія 67 лѣтъ, 6 мѣс., 15 дней; при чемъ воздали послѣднее цѣлованіе любезнѣйшей матери и государынѣ цесаревичъ съ супругою и вел. князя: Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ.

По прибытіи его имп. вел. и ея имп. вел. Маріи Теодоровны въ церковь изволили встать на свое императорское мѣсто, а государь цесаревичъ Александръ Павловичъ съ вел. княг. Елисаветою Алексѣвною на наследническое мѣсто; тогда генераль-прокуроръ Самойловъ читалъ манифестъ, извѣщающій о кончинѣ императрицы и о вступленіи на наследственный прародительскій престолъ государя императора Павла Петровича, а по окончаніи того началась присяга, которую первая открыла государыня Марія Осодоровна, и учиня таковую и пришедъ въ императорское мѣсто, троекратно лобызала въ уста и очи государя императора; а потомъ пошли по ряду государь цесаревичъ съ супругою, вел. кн. Константинъ Павловичъ съ супругою и съ великими княжнами, и приходя отъ присяги лобызали десницу родителя и государя съ колѣнопреклоненіемъ, а въ слѣдъ преосвященный митрополитъ и всѣ знатныя особы учинили то-же. Послѣ присяги провозглашено было государю императору многолѣтіе. Изъ церкви послѣдовалъ выходъ во 2-мъ часу пополудни.

Ноября 8. По вскрытіи тѣла усопшей императрицы, оказалось, что причиною смерти было: разрывъ жилы отъ удара въ головѣ и разлитіе крови на мозгъ, а желчи на сердце. Операция анатомированія продолжалась съ 8 часовъ утра до 2 часа пополудни.

Ноября 10. Вся высочайшая фамилія изволила быть у тѣла усопшей го-

сударыни императрицы Екатерины Алексѣевны, а потомъ въ большой церкви при панихидѣ, отправленной митрополитомъ Гавріиломъ и архіепископомъ Амвросіемъ по родителямъ царствующаго императора великомъ государѣ Петрѣ III-мъ.

Ноября 11. Тѣмъ же митрополитомъ отправлено поминовеніе по государѣ императорѣ Петрѣ Теодоровичѣ и государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Ноября 13. Ея имп. вел. Марія Теодоровна объявлена начальницею воспитывающихся въ Новодѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ дѣвицъ (т. е. въ Смольномъ монастырѣ).

Ноября 15. Государыня Марія Теодоровна изволила собственными руками одѣвать усоншую императрицу и накладывать черезъ плечо ордена св. Андрея, св. Георгія и св. Владимира, а св. Александра на шею; словомъ, не было никакой вещи, которую не своими руками воздѣла на представшуюся. Послѣ сего съ подобающею честию тѣло государыни Екатерины II перенесено изъ почивальни въ тронную и поставлено на тронѣ.

Ноября 20. Ихъ имп. вел., ихъ выс. вел. князя съ супругами и вел. княжны, въ многочисленномъ кортежѣ, состоявшемъ изъ 42 каретъ, съ конвоемъ лейбъ-гусаръ и конной гвардіи, изволили ѣздить въ Невскій монастырь, гдѣ погребено тѣло государя Петра III, взятое изъ земли и положенное въ великолѣпный золотымъ глазомъ обитый гробъ, поставленный въ нижней каменной церкви.

Ноября 25. Государь императоръ изволилъ церемоніально въ каретахъ препроводить императорскую корону въ Невскій монастырь и тамъ возложить на гробъ своего родителя; а ея вел. Марія Теодоровна, также церемоніально, изволила возложить сама императорскую корону на усоншую государыню Екатерину II, а потомъ тѣло ея положено во гробъ, поставленный на *castum doloris*.

Ноября 30. Въ день кавалерскаго праздника св. Андрея, ея вел. изволила быть въ церкви въ гротмейстерскомъ того ордена мундирѣ, зеленая бархатная на горностаевомъ мѣху мантия, андреевская украшенная цѣпь и андреевская съ перомъ шляпа, которую надѣвала императрица Екатерина II. Митрополитъ Гавріилъ былъ также въ кавалерской мантии.

Декабря 1. Объявлено чрезъ герольдовъ о нѣющемъ быть принесеніи тѣла государя императора Петра III изъ Невскаго монастыря въ Зимній дворецъ.

Декабря 2. Гробъ императора Петра III съ подобающею и особо учрежденною церемоніею поставленъ былъ на одрѣ, запряженный восемью лошадьми, а за онымъ его вел. съ государынею императрицею, его выс. цесаревичъ съ супругою и вел. князь съ супругою, съ ихъ ассистентами, изволили шествовать пѣшкомъ. Чрезъ два съ половиною часа процессія приблизилась, гробъ

внесенъ былъ во дворецъ и поставленъ въ катафалкъ, подлѣ скончавшейся императрицы Екатерины II.

Декабря 5. Въ 8 часовъ утра, войска расположены были по обѣимъ сторонамъ улицы, отъ Зимняго двора до Петропавловскаго собора. Печальная процессія, по утвержденному церемоніалу, препровождала на двухъ колесницахъ, запряженныхъ каждая въ 8 лошадей, гробъ императрицы, а за нимъ гробъ императора. Каждую изъ лошадей вели подполковники. Съ начала шествія продолжалась пушечная пальба, чрезъ каждую минуту по выстрѣлу, до прибытія въ Петропавловскій соборъ. По постановленіи въ соборѣ гробовъ на катафалкъ, архитекторомъ Вреномъ великолѣпно устроенный, началось погребательное служеніе, и во время чтенія св. Евангелія, подобно ружейному бѣглому огню, производилась пушечная непрерывная пальба, до окончанія отпѣванія продолжавшаяся. Послѣ поклоненія гробамъ любезныхъ родителей, его вел. изволилъ сложить съ себя печальную мантію и прибылъ въ Милліонную улицу къ находившимся въ парадѣ войскамъ.

Съ 5-го по 18 декабря народъ всякаго званія допускаемъ былъ на поклоненіе безпрепятственно.

Декабря 18. Въ Петропавловскомъ соборѣ была совершаема митрополитомъ Гавріиломъ, при гробѣ императрицы Елисаветы Петровны, для дня ея рожденія панихида; а по прибытіи въ соборъ ихъ имп. вел., ихъ имп. выс. государя цесаревича съ супругою, вел. кн. Константина Павловича съ супругою и вел. княженъ Александры Павловны, Елены Павловны, Маріи Павловны и Екатерины Павловны, отправлена была панихида, и предъ правомъ крылосомъ противъ южныхъ дверей опущенъ въ землю съ лѣвой стороны гробъ съ тѣломъ императрицы Екатерины II, а потомъ по правую сторону гробъ императора Петра III, и при опущеніи этого гроба продолжавшаяся панихида окончена пѣніемъ: вѣчная память.

Держава, скипетръ и пять коронъ: Мономахова, Казанская, Астраханская, Сибирская и Херсонеса Таврическаго генераль-аншефскими чинами, въ предшествіи ихъ имп. вел. и ихъ имп. выс., препровождены были съ надлежащею церемонією, въ придворныхъ каретахъ кортежомъ, во внутреннія комнаты его имп. вел., и поставлены были на столахъ и на подушкахъ разложены.

1797 г.

Января 3. Его имп. вел. государь императоръ, государь наслѣдникъ Александръ Павловичъ, великій князь Константинъ Павловичъ и великія княжны Александра Павловна и Елена Павловна и многія знатныя персоны прибывали штандарты корпусу кавалергардовъ и потому были по отпращеніи надлежащихъ молитвъ освящены.

Полудни его величество катался въ саняхъ, а на запяткахъ стояли Ростопчинъ и Нелидовъ.

Января 10. Ихъ имп. вел. изволили кататься въ саняхъ, а на запяткахъ стояли графъ Шуваловъ и флигель-адъютантъ Кутузовъ.

Января 16. Имѣлъ аудіенцію рижско-императорскій генераль-маіоръ Дидрихштейнъ.

Января 18. Его вел. изволилъ кататься въ саняхъ, а на запяткахъ стояли Ростопчинъ и Муравьевъ.

Января 30. Имѣли частныя аудіенціи у ихъ вел., государя наследника, вел. княгиня и у вел. князень неаполитанскій посланникъ дюкъ Серра Каприола и тосканскій посланникъ баронъ Седделеръ.

Февраля 6. Полудни имѣлъ аудіенцію присланный отъ герцога Ольденбургскаго графъ Штолбергъ.

Февраля 7. Государь императоръ соизволилъ съ статсъ-дамою Кат. Петр. Шуваловою принимать отъ купели дочь Александру у кн. Мих. Андр. Голицына.

Февраля 13. Ихъ вел. съ ихъ выс. изволили отправиться къ обѣденному столу въ Таврическій дворецъ, а потомъ на Охтенскія горы, оттуда же къ графу Ник. Петр. Шереметеву.

Февраля 22. Во время обѣденнаго стола генераль-маіоръ Аракчеевъ донесъ его вел. о случившемся въ мызѣ Стрѣльнѣ пожарѣ, но государь императоръ, проѣхавъ верхомъ Калининъ мостъ, возвратился.

Февраля 26. Ея вел. изволила съ камеръ-фрейлиною Протасовою посѣщать Смольный монастырь.

День закладки императорскаго Михайловскаго замка и отправленіе къ оной ихъ вел. съ ихъ выс. церемониальнымъ кортежомъ. Основаніе замка заложено при 101 выстрѣлѣ съ обѣихъ крѣпостей.

Февраля 27. Приѣздъ короля польскаго со всею подлежащею почестію въ назначенный для помѣщенія его Мраморный дворецъ.

Февраля 28. Свиданіе его вел. короля польскаго съ государемъ императоромъ и государынею императрицею, съ ихъ выс. великимъ княземъ и великими княжнами въ бриліантовой комнатѣ, а потомъ изволили въ угольной комнатѣ кушать въ 38 кувертахъ.

Марта 1. Воротами у кухоннаго двора прибылъ на аудіенцію мальтійскій посланникъ де-Литта, представленный государю императору и государынѣ императрицѣ, на каждой половинѣ особо.

Марта 10. Отсутствие ихъ имп. вел. въ Москву.

Марта 13. Присутствіе ихъ вел. въ Тверь.

Марта 15. Высочайшее прибытіе въ подмосковный Петровскій дворецъ.

Марта 16. Домъ графа Бевбордки въ Москвѣ назначенъ быть дворцомъ.

Вечеромъ изволили прибыть во дворецъ его выс. государь наслѣдникъ и великая княгиня Елисавета Алексѣевна.

Марта 17. Прибыть изволили въ Москву изъ выс. великій князь Константинъ Павловичъ и великая княгиня Анна Теодоровна.

Марта 18. Представлялись всѣ чины присутственныхъ мѣстъ Московской губерніи, и каждый, подходя съ колѣнопреклоненіемъ, жалованъ былъ къ рукѣ изъ величества.

Прибытіе въ Москву изъ имп. выс. Александры Павловны, Елены, Маріи и Екатерины Павловны.

Марта 20. Его величеству поднесенъ былъ уголовной палаты регистраторъ Шербаевымъ живописный образъ.

Марта 25. Въ день Благовѣщенія герольдіи и сената секретари читали публично объявленіе о днѣ коронаціи изъ имп. вел.

Марта 28. Перѣздъ изъ имп. вел. и изъ имп. выс. изъ Петровскаго дворца въ домъ графа Безбородко, по особому церемоніалу, торжественнымъ порядкомъ.

Предъ обѣденнымъ столомъ прибылъ его вел. король польскій.

Марта 30. Приемная аудіенція присланному отъ римскаго папы нунціусу у изъ вел. и государя наслѣдника съ великою княгинею Елисаветою Алексѣевною.

Его вел. изволилъ принимать отъ купели съ графинею Воронцовою рожденнаго у графа Бутурлина сына Павла.

Апрѣля 4. Въ субботу страстной недѣли въ Чудовомъ монастырѣ, во время литургіи, государь императоръ подводилъ изъ выс. великихъ князей Александру, Елену, Марію и Екатерину Павловнъ къ иконамъ, а потомъ къ св. причащенію Тинъ и самъ изволилъ держать челену.

Полудни въ исходѣ 10 часа его вел., по обряду христіанскому, изволилъ быть на исповѣди. День священнѣйшаго коронованія, по высокомонаршему соизволенію, назначенъ былъ въ первый день св. Пасхи, т. е. 5-го апрѣля.

Апрѣля 5. День св. Пасхи и коронованія его имп. вел. и ея имп. вел. Въ Успенскомъ соборѣ отправляемо было священнодѣйствіе по учрежденному отъ церемоніальныхъ дѣлъ начертанію. Когда его вел. изволилъ надѣвать императорскую одежду, то при томъ служили государю великіе князья, по коронованіи же, его вел., съ себя снявъ корону, соизволилъ прикоснуться оною къ ея вел. и пакъ на себя возложилъ оную. Послѣ сего была поднесена меньшая корона, которую его вел., возложивъ на главу государыни императрицы, надѣлъ также цѣпь ордена св. Андрея; причемъ произведенъ былъ 101 выстрѣлъ, а изъ ружей троекратный бѣглый ружейный огонь и во всѣхъ церквахъ колокольный звонъ.

По окончаніи литургіи государь императоръ введенъ былъ митрополитомъ въ Царскія врата во внутрь алтаря, гдѣ, остановясь на золотомъ коврѣ, его

вел. изволилъ принять съ престола св. Тайны по чину царскому, а ея вел. у Царскихъ дверей изволила воспріять св. причащеніе обыкновеннымъ порядкомъ. Къ императорскому столу носили кушанье въ золотомъ и японскомъ сервизѣ гг. полковники, 36 человекъ; кушанье подавалъ и ставилъ съ колѣнопреклоненіемъ гофмаршалъ. За креслами служили первѣйшія двора особы.

Апрѣля 7. Былъ на проспектѣ для простаго народа съ кушаньемъ столъ и были бросаемы жетоны.

Апрѣля 8. Въ Кремлевскій дворецъ изволилъ пребыть его вел. король польскій.

Апрѣля 12. Ихъ имп. вел. въ императорскихъ коронахъ и одѣяніи, въ преслѣдованіи всего придворнаго штата, подъ балдахиномъ, при музыкѣ, изволили шествовать въ Вознесенскій дѣвичій монастырь къ литургии и потомъ съ такою же церемоніею возвратились во дворецъ.

Апрѣля 13. Съ такою же церемоніею изволили быть ихъ вел. въ Успенскомъ соборѣ.

Апрѣля 29. Въ Московскомъ слободскомъ дворцѣ присутствуя, ихъ вел. изволили посѣщать домъ Дворянскаго собранія, въ которомъ былъ балъ, удостоенный присутствія высочайшей фамиліи, открытый ея вел. съ королемою польскимъ и его вел. съ дѣвицею Высоцкою.

Мая 2. Его имп. вел., послѣ вояжа изъ Москвы чрезъ многіе города, изволилъ прибыть въ Гатчино, при встрѣчѣ ея вел. и всей высочайшей фамиліи.

Іюня 4. Отпускная аудіенція присланному отъ герцога Ольденбургскаго графу Штолбергу, въ присутствіи высочайшаго двора въ Павловскѣ.

Іюня 5. Въ присутствіи ихъ вел. и всей высочайшей фамиліи, въ столовой комнатѣ было обрученіе нунціусомъ графа Дидрихштейна съ фрейлиною графинею Шуваловою, а потомъ въ придворной церкви происходило ихъ бракосочетаніе по восточнымъ правиламъ.

Іюня 6. Ихъ вел., по прибытіи къ Петергофской гавани, встрѣчены были королемою польскимъ съ его свитою и, простясь, изволили сѣсть на катеръ и отправиться взморьемъ къ флоту. Государь императоръ со всею высочайшею своею фамиліею изволилъ кушать на фрегатѣ Эммануилъ.

Іюня 8. Фрегатъ Эммануилъ, въ 7 часу утра снявшись съ якоря, проходилъ мимо адмиральскаго и вице-адмиральскаго кораблей, которые со всею флотою за нимъ слѣдовали. Когда Эммануилъ подъ полными парусами принялъ надлежащій ходъ, то въ столовой съ колѣнопреклоненіемъ совершенно былъ благодарный молебень, въ присутствіи ихъ вел. и всей императорской фамиліи со свитою. Полудни въ 4 часа, во время прижѣрнаго сраженія, ихъ вел. находились на шканцахъ.

Іюля 9. Сего числа погода была сильная, вѣтръ крѣпчившій и волненіе усиливавшееся. Фрегатъ терпѣлъ сильную качку, и поэтому обѣденнаго стола не было, а холодное кушанье было подано на шканцахъ, гдѣ государь и вся

императорская фамилия присутствовала и гдѣ находились генералы, офицеры, солдаты и матросы вмѣстѣ. Во весь день ихъ вел. препроводили время на шанцахъ, подлѣ гротъ-мачты, а государь былъ въ одномъ мундирѣ и безъ шляпы. Вечерняго кушанья вовсе не было, а въ то время его вел. повелѣть созволилъ: чтобъ находившіеся на шанцахъ матросы и солдаты, не взирая на высочайшее присутствіе, были въ обыкновенномъ ихъ положеніи, сидѣли и лежали кому гдѣ случится. Самъ государь императоръ ночью опочивалъ у гротъ-мачты въ мундирѣ со шагаю и безъ шляпы, прикрывъ только голову эпанчею; для ея вел. положены были на шанцахъ тюфяки и подушки и поданы были таковыя камеръ-фрейлинамъ; генералы, офицеры, матросы и солдаты были вокругъ ихъ или лежали между пушекъ, или сидѣли на оныхъ.

Іюля 10. Вѣтръ сдѣлался тише, но волненіе было сильное. Фрегатъ Эмиануэль направилъ путь къ Кронштадту, а по прибытіи подъ штандартомъ ихъ вел. и вся высочайшая фамилия встрѣчены были пушечнымъ салютомъ и колокольнымъ звономъ.

Послѣ сего ихъ вел. обозрѣвали Кронштадтъ.

Іюля 11. Ихъ вел. возвратились въ Петергофъ.

Августа 12. Представлялись графини польскія Мнишекъ и Потоцкая.

Августа 19. За Воскресенскимъ мостомъ, въ присутствіи его вел. и ихъ выс., было примѣрное взятіе устроеннаго городка. Вечеромъ высочайшая фамилия прибыла въ Павловскъ.

Августа 29. Высочайше повелѣно сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ кавалерской одеждѣ ордена св. Александра.

Сентября 9. На гатчинскомъ театрѣ, въ присутствіи всей императорской фамилии, представлена была русская опера Ринальдъ.

Сентября 10. Представлена была въ Гатчинѣ комедія: Индѣйцы въ Англіи.

Сентября 16. Невольники отъ любви.

Сентября 19. За столомъ императорской фамилии кушалъ его вел. король польскій, а между прочими графъ Мнишекъ и графиня Мнишекъ.

Сентября 26. Представлена въ Гатчинѣ италіанская опера Ричардъ, а 20-го—русская Школа злословія.

Октября 2. Представлена въ Гатчинѣ русская комедія Сынъ любви; 4-го—французская опера Земира и Азоръ; 5-го—франц. комедія Безъ назренія философъ.

Октября 7. Въ Гатчинѣ при дворѣ былъ балъ, открытый его выс. государемъ наследникомъ съ государынею императрицею, во время котораго и его ииш. величество танцовать изволилъ.

Октября 9. Наложены камеръ-трауръ по кончинѣ австрійскаго генералъ-фельдмаршала принца Саксенъ-Залфельдъ-Кобургскаго, на одну недѣлю.

Октября 12. Представлена въ Гатчинѣ итальянская опера: Невольникъ въ любви; къ которой приглашено было по билетамъ 200 персонъ.

Октября 14. День рожденія ея вел. государыни императрицы. Вечеромъ былъ балъ, на которомъ ея вел. изволила танцовать съ его вел. королемъ польскимъ.

Октября 18. Въ 7 часовъ вечера въ кавалерской гатчинской залѣ былъ концертъ, который съ музыкантами составлять изволила: государи великіе князья, государыни великія княгини и великія княжны и сами участвовали.

При ономъ также участниками были графъ Шереметевъ, графъ Голштейнбекъ, графъ Виейльгорскій и Серг. Ив. Плещеевъ.

Ноября 22. Государь императоръ изволилъ пригласить къ себѣ въ Зимній замокъ пребывающаго въ Таврическомъ дворцѣ его свѣтлость принца Конде, который и кушалъ за высочайшимъ столомъ, а также былъ на балѣ того вечера въ Эрмитажѣ.

Ноября 24. Во время бывшаго бала, ея имп. вел. съ королемъ польскимъ и принцемъ Конде изволила заниматься картами.

Ноября 29. Публичная приемная аудіенція мальтійскому посланнику графу Литта, въ Зимнемъ замкѣ.

Декабря 1. Въ Зимнемъ дворцѣ на эрмитажномъ театрѣ представлена была трагедія Димитрій Самозванецъ, а потомъ балетъ.

Декабря 3. Изъ вел. съ великими князьями и ихъ супругами и съ великими княжнами Александрю, Еленою, Марією и Екатериною Павловнами имѣли въездъ въ Смольный монастырь къ балу, который открытъ былъ государынею императрицею съ королемъ польскимъ. Потомъ былъ вечерній столъ.

Декабря 6. Въ день тезоименитства его выс. великаго князя Николая Павловича въ Георгіевской залѣ былъ балъ, а вечеромъ ихъ вел. кушали въ 2-хъ персонахъ.

Декабря 27. Получено извѣстіе о кончинѣ владѣтельнаго герцога Виртембергъ-Штутгардскаго, Фридриха Евгенія, родителя ея вел. государыни императрицы, и поэтому назначенный балъ отиѣненъ.

Декабря 28. По сему случаю наложенъ трауръ на три мѣсяца, со отнятіемъ только въ торжественные дни.

1798 г.

Января 1. Въ Новый годъ большой выходъ былъ въ церковь императорской фамиліи. Во время литургіи государь императоръ неоднократно изволилъ слагать корону и надѣвать на главу; а предъ обѣденнымъ столомъ, на тронѣ, подъ балдахинномъ изготовленномъ, поданное кушанье было благословлено императоромъ Гавріиломъ. Ея вел. изволила кушать одною своею персоною.

Января 16. Въ католической церкви была панихида по покойномъ родителѣ ея вел. владѣтельномъ герцогѣ Виртембергъ-Штутгардскомъ Фридрихѣ Евгеніи, съ подобающею почестію. По окончаніи панихиды, произведена была троекратная ружейная пальба.

Января 17. Приемная аудіенція прусскому посланнику Клейсту, послѣ котораго пожалованъ онъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Января 28. Благополучное разрѣшеніе отъ бремени ея имп. вел. сыномъ Михаиломъ возвѣщено 201 выстрѣломъ ко всеобщей радости.

Января 29. При дворѣ были двѣ свадьбы: генераль-маіора Абрама Баратынскаго съ флейлиною Черепановою и графа Шоазеля съ фрейлиною граф. Потоцкомъ. Невѣстамъ въ комнатахъ ея вел. изволили прикалывать брилліанты великія княгини и великія княжны. Послѣ вѣчанія новобрачныя были въ спектаклѣ придворнаго театра.

Февраля 2. Кончина пребывающаго короля польскаго въ С.-Петербургѣ.

Февраля 6. Святое крещеніе его имп. выс. великаго князя Михаила Павловича, котораго воспріемниками были: государь наслѣдникъ Александръ Павловичъ и великая княжна Александра Павловна и ея королевское выс. вдовствующая герцогиня Виртембергъ-Штутгардская Фредерика. По окончаніи крещенія произведенъ 301 выстрѣлъ, а въ церквахъ колокольный звонъ.

Февраля 10. Его вел. изволилъ принимать отъ купели дочь Марію, рожденную у графа Бобринскаго.

Февраля 11. Когда тѣло покойнаго польскаго короля перенесено было изъ почивальной комнаты, тогда его имп. вел. изволилъ на главу покойнаго возложить корону.

Февраля 14. Наложень трауръ по кончинѣ короля польскаго съ 15-го февраля на 4 недѣли съ раздѣленіемъ.

Февраля 22. Перенесеніе тѣла его вел. короля польскаго изъ Мраморнаго дворца въ католическую церковь происходило по высочайше апробованному на сей случай церемоніалу.

Февраля 23. По случаю отъѣзда откланивался его вел. въ голубой комнатѣ, а ея величеству—въ ея кабинетѣ отправляющійся въ нуть принцъ Кондо.

Февраля 25. Тѣло его вел. короля польскаго съ подобающею церемоніею опущено въ землю; причемъ высочайшія особы императорскому дому присутствовать не изволили.

Февраля 28. Представлялся виртембергскій посланникъ Миліусъ.

Марта 14. Наложень трауръ по кончинѣ вдовствовавшей герцогини Виртембергъ-Штутгардской Фредерикки Доротен Софіи, родительницы ея имп. вел., съ 15-го марта на 3 мѣсяца съ раздѣленіемъ.

Марта 20. Имѣлъ у его вел. аудіенцію мальтійскій посланникъ графъ Литта, поднесшій для его выс. великаго князя Николая Павловича мальтій-

скій орденъ. Потомъ введенъ былъ къ государю императору неаполитанскій посланникъ джукъ Серра де-Каприола, на котораго изволилъ возложить крестъ мальтійскій, при чемъ оный стоялъ тогда на колѣняхъ.

Апрѣля 7. Въ присутствіи ихъ вел. вѣнчаны: генераль-лейтенантъ Кологривовъ съ Екатериин. Александр. Челищевомъ, дочерью генераль-лейтенанта.

Апрѣля 16. Императорская фамилія изволила изъ С.-Петербурга отправиться въ Павловскъ.

Мая 5. Отсутствіе его имп. вел. и государей великихъ князей въ Москву.

Іюня 1. Открыто вновь учрежденное для воспитанія благородныхъ дѣтей училище ордена св. Екатерины въ присутствіи ея вел., вел. княгини и великихъ князей, а потомъ отбыть изволила въ Таврической дворецъ, откуда послѣ стола посѣщали Смольный монастырь и возвратились въ Павловскъ.

Іюня 6. Воскресенье ея вел. съ камеръ-фрейлиною Нелидовою и оберъ-камергеромъ графомъ Строгоновымъ изволила отправиться въ г. Тихвинъ.

Іюня 8. Въ Тихвинѣ ея вел. изволила прежде въ монастырѣ, а потомъ въ соборѣ прикладываться къ св. образамъ, послѣ чего въ крестьянской избѣ на дворѣ на лавочкѣ имѣла обѣденный столъ съ Нелидовою и Строгоновымъ. Вскорѣ изволилъ прибыть изъ вояжа его имп. вел. съ великими князьями: Александромъ и Константиномъ Павловичами въ городъ Тихвинъ.

Іюня 9. Ихъ вел. и ихъ выс. изволили прибыть въ Тихвинскій монастырь, гдѣ государь императоръ съ государемъ наследникомъ соизволили снять икону Тихвинскія Богоматери, которую поддерживали ея имп. вел. и великій князь Константинъ Павловичъ, со всѣмъ того монастыря штатомъ, при молитвословіи шествовали въ новый соборъ и по постановленіи на изготовленное мѣсто прикладываться изволила къ св. иконѣ. При отбытіи императорской фамиліи вся братія поклонилась ей въ землю.

Іюня 29. Тезоименитство его имп. вел. По выходѣ ихъ вел. и всей высочайшей фамиліи въ колонномъ залѣ открытъ былъ ихъ выс. балъ, потомъ вечерній столъ.

Іюля 3. Въ тронной комнатѣ былъ спектакль, въ которомъ дѣйствующія лица были: государыни великія княжны Александра, Елена и Марія Павловны и принцы виртембергскіе.

Іюля 25. Наложень трауръ по кончинѣ эрцъ-герцогини австрійской Христины, супруги герцога Албрехта Саксенъ-Кеттенскаго, съ 26-го іюля на двѣ недѣли съ раздѣленіемъ.

Августа 2. Принцы виртембергскіе Фердинандъ и Александръ отсутствовали изъ Петергофа въ С.-Петербургъ.

Августа 4. Возвратились въ Петергофъ.

Августа 16. Въ день Нерукотвореннаго Спаса весь императорскій домъ прибылъ въ С.-Петербургъ; а по прибытіи изволили осматривать Михайловскій строящійся замокъ. Полудни ихъ вел. обозрѣвали не малое время воспитательный домъ, а потомъ возвратились въ Таврической дворецъ.

Августа 17. Его вел. присутствовалъ на Выборгской сторонѣ при разбитіи устроеннаго городка. Послѣ сего изволили возвратиться въ Павловскъ.

Сентября 22. Изъ свѣтлости принцы Вюртембергъ-Штутгардскіе отправились въ свое отечество.

Октября 14. Наложень трауръ съ 15-го ч. по кончинѣ испанской инфантинны Маріи Амаліи на 8 дней съ раздѣленіемъ.

Октября 26. Приѣздъ къ бракосочетаніямъ: генераль-лейтенанта князя Долгорукова съ фрейлиною баронессою Васильевою, и 31-го—вице-адмирала графа Литта со статсъ-дамою графинею Кат. Вас. Скавронскою.

Ноября 2. Въ присутствіи государя императора и великаго князя Константина Павловича на плацѣ предъ дворцомъ было освященіе знаменъ сухопутнаго кадетскаго корпуса.

Ноября 8. Въ день архистратига Михаила и всеобщій орденскій праздникъ государыни великія княгини *выходить не изволили. Къ литургіи шествіе было церемоніальное, а по окончаніи государь императоръ на многихъ возлагалъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

Въ Георгіевскомъ залѣ былъ балъ.

Ноября 29. Допущена на аудіенцію къ его вел. депутація капитула ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, которая принята была въ присутствіи государя императора на тронѣ, по особому церемоніалу. Именемъ всего капитала провозглашенъ былъ его вел. великимъ магистромъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, вслѣдствіе этого государь императоръ и оба государя великіе князья, а также и всѣ кавалеры этого ордена, въ ознаменованіе присяги, воздѣвали шляпы, обнажали и уклоняли шпаги, а знаменосецъ и орденское знамя, а потомъ его вел. и великій магистръ изволилъ жаловать многихъ особъ симъ орденомъ. Изъ вел. и изъ выс. изволили быть до обѣденнаго стола въ орденомъ одѣянніи, за которыми находилось 6 персонъ.

Декабря 2. Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы въ эрмитажномъ театрѣ спектакли были по пятницамъ.

Декабря 21. Въ присутствіи государя императора на тронѣ читанъ актъ о командорствахъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, учрежденныхъ въ пользу Россіи вѣроподанныхъ. Послѣ сего его вел. изволилъ возлагать орденъ на изъ выс. Елисавету Алексѣевну, Александру, Елену, Марію и Екатерину Павловнъ.

1799 г.

Января 1. Въ первый разъ поднять былъ на Адмиралтейской площади флагъ Юалпа Иерусалимскаго, при 31 выстрѣлѣ изъ пушекъ.

Февраля 1. Наложень трауръ по кончинѣ эрцъ-герцогини австрійской Амаліи на двѣ недѣли съ раздѣленіемъ.

Февраля 8. Пополудни прибылъ въ С.-Петербургъ его королевское выс. австрійскій эрцъ-герцогъ Іосифъ подъ именемъ графа Бургау и поѣхалъ въ домъ, занимаемый посланникомъ австрійскаго двора, графомъ Кобенцелемъ.

Февраля 9. Посланъ его вел. дѣйств. тайн. совѣтникъ Ростопчинъ пригласить прибывшаго графа Бургау къ императорскому столу, который тотчасъ и прибылъ. Вечеромъ былъ по этому случаю балъ, до 12 часовъ продолжавшійся.

Февраля 17. Прибыли въ С.-Петербургъ ихъ свѣтлости Мекленбургъ-Шверинскіе принцы Фредерикъ и Карлъ, ижили помѣщеніе въ Мраморномъ дворцѣ.

Сего числа приглашены были къ императорскому столу.

Февраля 20. Въ Зимнемъ дворцѣ при дворѣ его имп. вел. было обрученіе ея выс. великой княжны Александры Павловны съ его королевскимъ выс. австрійскимъ эрцъ-герцогомъ Іосифомъ въ брилліантовой комнатѣ. Вечеромъ былъ балъ до $\frac{1}{2}$ 12 часа продолжавшійся.

Февраля 21. Приѣздъ ко двору по повѣсткамъ для этого обрученія на балъ.

Февраля 23. Въ присутствіи всей императорской фамиліи и новобрачныхъ былъ балъ у его свѣтлости князя Алекс. Андр. Безбородко.

Февраля 25. Такой же балъ у графа Шереметева, а до полудни его вел. государь императоръ со всюю фамиліею былъ въ Адмиралтействѣ при закладкѣ кораблей Благодать, Миланъ и Зачатіе св. Анны.

Марта 9. Отсутствіе его выс. австрійскаго эрцъ-герцога Іосифа, обрученнаго жениха, въ свое отечество.

Марта 11. Отѣздъ его выс. Константина Павловича въ предназначенный вояжъ, а марта 12 отѣздъ ея выс. Анны Теодоровны въ предназначенное путешествіе со своею свитою.

Марта 23. Графомъ Ростопчиннымъ въ придворной церкви была читана реляція объ одержанной эрцъ-герцогомъ Карломъ надъ французами побѣдѣ. Съ обѣихъ крѣпостей произведенъ былъ 101 пушечный выстрѣлъ.

Марта 24. Принцы Мекленбургъ-Шверинскіе Фридрихъ и Карлъ, вмѣсто занимаемаго ими Мраморнаго дворца, помѣстились въ комнатахъ великаго князя Константина Павловича.

Марта 25. Приносится было благодарственное молебствіе о взятіи у французовъ острова Корфу, соединенными эскадрами російскою и турецкою. Потомъ съ крѣпостей былъ сдѣланъ 101 пушечн. выстрѣлъ.

Марта 30. Изъ имп. выс. великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ на 5 году,

а великому князю Николаю Павловичу на 3 году отъ рожденія, привита была оспа.

Апрѣля 1. Послѣ развода назначенъ былъ совѣтъ ордена Іоанна Іерусалимскаго. Въ ономъ изволилъ засѣдаты его. вел. великій магистръ въ большомъ Іерусалимскомъ суперверствѣ и малиновой чрезъ плечо перевязи.

Апрѣля 28. Наложень трауръ по кончинѣ принца Оранскаго, сына штатгалтера, съ 1-го мая на 10 дней, съ раздѣленіемъ.

Мая 4. Въ придворной Павловскаго дворца вновь устроенной и освященной церкви производимо было благодарственное молебствіе о взятіи россійско-римскими императорскими соединенными войсками кр. Бресція съ замкомъ. Войска находились подъ предводительствомъ генераль-фельдмаршала графа Суворова-Рымническаго. Послѣ церковной службы произведена пальба изъ 101 пушки.

Мая 5. Въ Павловскѣ при дворѣ его имп. вел. было обрученіе ея выс. великой княжны Елены Павловны съ наследнымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ Фридрихомъ. При самомъ обрученіи выпалено было изъ 51, а при концертѣ изъ 31 пушки. За обѣденнымъ столомъ было 1-хъ двухъ классовъ обоюго пола 292 персоны и производилась пушечная пальба. Балъ открытъ былъ новообрученными особами въ новомъ большомъ залѣ.

Мая 13. Благодарственный молебенъ о взятіи отъ французовъ города Милана. Въ колонной залѣ былъ балъ.

Мая 14. Благодарный съ колѣнопреклоненіемъ былъ совершаемъ молебенъ о благополучномъ отъ оспы выздоровленіи ихъ выс. Николая Павловича и Анны Павловны. Вечеромъ былъ спектакль.

Мая 18. Благополучное разрѣшеніе отъ бремени ея имп. выс. Елисаветы Алексѣевны дочерію Марію, о чемъ въ Павловскѣ съ крѣпости Бибсъ возвѣщено было 201 выстрѣломъ.

Мая 19. По этому случаю былъ обѣдъ на 225 кувертовъ, а вечеромъ ихъ вел. кушали въ 2 персоналѣ въ собственномъ кабинетѣ.

Мая 29. День крещенія великой княжны Маріи Александровны въ городѣ Павловскѣ: восприемниками были государь императоръ съ великою княжною Александрію Павловною и ихъ вел.ч. римскій императоръ и король Великобританскій.

Іюня 5. Благодарственный молебенъ о взятіи у французовъ городовъ: Валенса, Турна и Александріи.

Іюня 17. Былъ въ Павловскѣ совѣтъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, на которомъ засѣдалъ его вел. въ Іерусалимскомъ суперверствѣ и малиновой чрезъ плечо перевязи.

Іюня 20. По особому высочайше утвержденному церемонаіалу было перевесеніе регалій великаго магистра ордена Іерусалимскаго въ городъ Павловскъ. Кorteжъ прибылъ въ 4 час. пополудни.

Іюня 23 и 24. Была особая церемонія, ордену Іоанна Іерусалимскаго подлежащая.

Юля 5. Наложень трауръ по кончинѣ французской принцессы Викторіи Маріи Луизы Терезин на 14 дней, съ раздѣленіемъ.

Юля 7. Молебствіе было въ Петергофѣ по случаю взятой у французовъ туринской цитадели.

Юля 12. Молебствіе было за побѣду, одержанную въ двухъ противу французовъ баталіяхъ надъ генераломъ Магдональдомъ и Моро при 101 пушечною съ Петергофской батареи выстрѣлъ.

Юля 18. Въ кабинетѣ его вел. былъ совѣтъ ордена Іоанна Іерусалимскаго.

Юля 19. Наложень трауръ по кончинѣ герцогини Софіи Магдалины Маріи Шлезвигъ-Голштинской на 14 дней съ раздѣленіемъ.

Юля 20. Свадьба генераль-адъютанта Кожина съ фрейлиною княжною Волконскою.

Августа 3. Въ полной одеждѣ ордена Іоанна Іерусалимскаго, государь императоръ и великій магистръ изволилъ принимать прибывшую въ Петергофъ депутацію великаго пріорства Богемскаго.

Августа 6. Получено извѣстіе о взятіи у французовъ Неаполя.

Августа 8. Молебствіе о взятіи у французовъ Мантуи и очищеніе отъ непріятеля всей Италіи, при 101 выстрѣлѣ въ Павловскѣ.

Августа 24. По случаю разбитія французской арміи російско-римскими войсками, подъ предводительствомъ графа Суворова-Рымникскаго бывшими, приносимо было молебствіе въ Гатчинѣ при 101 выстрѣлѣ, а послѣ провозглашенія императорской фамилии многолѣтія учинено то же и генераль-фельдмаршалу князю Италійскому графу Суворову-Рымникскому со всѣмъ соединеннымъ христолюбивымъ воинствомъ.

Августа 27. Прибылъ въ Гатчино его свѣтлость Вильгельмъ Биргенфельдъ, герцогъ Баварскій, съ сыномъ своимъ Шиемъ.

Сентября 1. Его вел. изволилъ возложить на герцога Баварскаго Піа орденъ Александра Невскаго.

Сентября 2. О возстановленіи короля Неаполитанскаго и объ избавленіи отъ непріятеля его государства въ Гатчинѣ было приносимо благодарственное молебствіе при 101 пушечн. въ Гатчинѣ выстрѣлѣ.

Сентября 8. Сего числа былъ въ кабинетѣ у его вел. совѣтъ ордена Іоанна Іерусалимскаго.

Сентября 9. Благодарственное молебствіе о взятіи союзникомъ его имп. вел. королюмъ Великобританскимъ голландскаго флота, при 101 выстрѣлѣ.

Сентября 21. Таковое жъ молебствіе о взятіи у французовъ города Тортоны при 101 выстрѣлѣ при возглашеніи многолѣтія графу Суворову.

Сентября 27. Прибылъ въ Гатчино принцъ Фердинандъ Виртембергъ-Штутгардскій.

Сего числа наложенъ трауръ по кончинѣ племянника короля Сардинскаго на 4 дня.

Октября 2. Свадьба адмирала графа Кушалева съ фрейлиною граф. Безбородко.

Октября 4. Прибытіе его выс. эрцъ-герцога Австрійскаго Іосифа въ Гатчину.

Октября 9. Въ придворной гатчинской церкви посвященіе архимандрита Антонія въ епископы въ присутствіи всей императорской фамиліи.

Октября 12. День бракосочетанія ея имп. выс. великой княжны Елены Павловны съ наслѣднимъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ Фредерикомъ, для котораго особый церемоніаль. При пѣніи: «Тебѣ Бога хвалишь», проведено было 101 пушечн. выстрѣлъ.

Октября 19. День бракосочетанія ея имп. выс. великой княжны Александры Павловны съ эрцъ-герцогомъ Австрійскимъ Іосифомъ, для котораго особый церемоніаль. По окончаніи вѣнчанія проведено было 101 выстрѣлъ.

Октября 23. Въ придворной гатчинской церкви совершаемо было посвященіе архимандрита Феофилакта во епископы, въ присутствіи императорской фамиліи.

Октября 26. Публичная аудіенція австрійскому посланнику графу Кобенцелю у государя императора и государыни императрицы.

Октября 28. Молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ за одержанную побѣду надъ генераломъ Массеною; при чемъ послѣ возглашенія императорскому дому многолѣтія провозглашено оно также было: государю цесаревичу великому князю Константину Павловичу, главнокомандующему арміею графу Суворову и христолюбивому россійскому православному воинству.

Ноября 15. Наложень трауръ по кончинѣ брата короля Сардинскаго на 6 дней съ раздѣленіемъ.

Ноября 19. Отъѣздъ принца Виртембергскаго Фердинанда въ свое отечество.

Ноября 21. Отсутствіе ея имп. выс. великой княгини и эрцъ-герцогини Австрійской съ супругомъ ея въ его отечество.

Ноября 30. Кавалерскій праздникъ св. Андрея Первозваннаго.

Декабря 9. Высочайшее всѣмъ императорскимъ дворомъ отсутствіе въ С.-Петербургъ. Вожденіе мощей св. Іоанна Крестителя. По прибытіи въ Зимній дворецъ, его вел. принадевался къ этимъ мощамъ въ придворной своей церкви.

Декабря 22. Отсутствіе ея имп. выс. великой княгини наслѣдной принцессы Мекленбургъ-Шверинской съ супругомъ ея въ его отечество.

Декабря 27. Его выс. государь цесаревичъ Константинъ Павловичъ возвратился изъ вояжа въ Зимній дворецъ благополучно.

1800 г.

Января 20. Наложень трауръ по кончинѣ герцога Курляндскаго на 8 дней, съ раздѣленіемъ.

Февраля 8. Сего числа вѣнчаны были: генераль - адъютантъ князь Гагаринъ съ фрейлиною княжною Лопухиною.

Февраля 25. Государь императоръ, въ орденѣ св. Андрея безъ даламатки, приобщался сей разъ не входя въ алтарь, но въ царскіи вратахъ, чего сподобились ея вел. и нѣ выс.

Марта 22. Наложень трауръ по кончинѣ тетки французскаго короля, Маріи Аделаиды, на 2 недѣли, съ раздѣленіемъ.

Марта 29. Было привітіе его выс. Михаилу Павловичу оспы на 3 году его возраста.

Мая 3. Послѣ полудня былъ спускъ въ адмиралтействѣ кораблей: Зачатіе св. Анны, сошедшаго на воду благополучно, и 2-хъ еще: Архистратигъ Михаилъ и Благодать, при спускѣ остановившихся въ присутствіи ихъ вел. и императорской фамиліи. Наложень съ 4-го числа трауръ по кончинѣ ландграфини Гессенъ-Кассельской Филиппины Августы Амаліи на 6 недѣль, съ раздѣленіемъ.

Мая 5. Благополучный спускъ упомянутого корабля Архистратига Михаила въ присутствіи государя императора.

Мая 14. Вся императорская фамилія отбыть изволила въ Павловскъ.

Мая 28. Въ павловскомъ дворцѣ была свадьба графа Павл. Ив. Кутайсова съ фрейлиною княжною Лопухиною, въ присутствіи ихъ вел. и нѣ высочествъ.

Юня 15. Наложень трауръ по кончинѣ принцессы Фредерики Августы Каролины Амаліи, дочери короля Прусскаго, по 29 юня.

Юня 17. Въ первый разъ пущена была, въ присутствіи высочайшихъ особъ, вода изъ вновь сдѣланнаго въ павловскомъ дворцовомъ садѣ каскада.

Юля 8. Была пріемная аудіенція прибывшему прусскому посланнику графу Люціо, въ Петергофѣ.

Юля 13. Въ придворной петергофской церкви было совершено бракосочетаніе князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго съ фрейлиною Еленою Александр. Нарышкиною.

Юля 17. Присутствіе высочайшихъ особъ въ Царскомъ селѣ.

Юля 27. Ея имп. выс. великая княжна Марія Александровна, болѣзненно долговременною, преставилась отъ себя въ жизнь вѣчную, пополуночи въ 4 часа, на 2 году возраста, въ Царскомъ селѣ.

Наложень трауръ по кончинѣ великой княжны Маріи Александровны на 4 недѣли, съ раздѣленіемъ.

Юля 28. Принесеніе тѣла усопшей великой княжны въ Невскій Александровскій монастырь, въ каретѣ, запряженной пугожь въ 8 лошадей, съ подобающею церемоніею.

Юля 31. Погребеніе тѣла великой княжны Маріи Александровны при колокольномъ звонѣ.

Августа 1. Императорская фамилія присутствовала въ С.-Петербургѣ. Его вел. изволялъ быть при спускѣ въ адмиралтействѣ корабля Благодать. Послѣ онаго отсутствовалъ въ Царское сало, а оттуда въ Гатчино.

Августа 17. Государь цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ отсутствовалъ изъ Гатчины, для путешествія по разнымъ городамъ.

Августа 30. Частная приемная аудіенція прибывшему датскому посланнику Розенкранцу.

Сентября 2. Бракосочетаніе въ гатчинской придворной церкви генераль-майора князя Петра Багратіона съ фрейлиною граф. Кат. Скворонскою.

Сентября 12. Получено съ курьеромъ извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени ея имп. выс. наследной принцессой Мекленбургской Елены Павловны сыномъ Павломъ Фридрихомъ.

Сентября 13. Прибылъ въ Гатчино его свѣтлость принцъ Александръ Виртембергскій.

Сентября 20. Въ день рожденія государя императора поздравленій приносило не было. Столъ обѣденный былъ на 8 кувертовъ. Послѣ обѣда ничего не было.

Сентября 22. Наложень камеръ-трауръ по кончинѣ владѣтельнаго герцога Саксенъ-Зальфельдъ-Кобургскаго, Эрнста Фридриха, на одну недѣлю, съ раздѣленіемъ.

Сентября 28. Принцъ Александръ Виртембергскій изъ Гатчины отбылъ обратно въ свое отечество.

Октября 7. Въ гатчинскомъ дворцѣ, въ нижней тронной комнатѣ, пущены на аудіенцію Соединенныхъ новыхъ острововъ депутаты: дѣйств. тайн. совѣтн. Оріо и Коданъ.

Ноября 8. Около 10 часовъ утра, государь императоръ церемоніально изволилъ шествовать въ освященію церкви и всего Михайловскаго вновь устроеннаго замка. Отъ Зимняго дворца по Луговой Милліонной и Невскому проспекту до Аничковской гауптвахты, а потомъ переулкомъ и до воротъ Садовой улицы поставлены были войска лейбъ-гвардіи полковъ. При шествіи изъ Зимняго дворца производилась пушечная пальба. По прибытіи его вел. со всюю высочайшею фамиліею въ Михайловскій замокъ послѣдовало освященіе церкви и всего замка.

Ноября 29. Его вел. король шведскій изволилъ прибыть пополудни въ С.-Петербургъ, и занялъ домъ своего посланника барона Штедингга.

Декабря 10. Король шведскій изволял посѣщать Михайловскій дворецъ, въ которомъ государь императоръ его встрѣтилъ.

Декабря 15. Пребывавшій въ С.-Петербургѣ его вел. король шведскій со всюю своею свитою изъ Россіи воспріялъ отсутствіе.

1801 г.

Января 18. Наложень камеръ-трауръ по кончинѣ наслѣдной Саксенъ-готской принцессы Луизы Шарлоты, урожденной Мекленбургъ-Шверинской, на 6 дней, съ раздѣленіемъ.

Февраля 11. Послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобъ въ воскресные и праздничные дни пѣть концертъ: «Восхваляю имя Бога моего», до особаго впредь приказанія.

Февраля 24. Допущенъ былъ на приѣмную аудіенцію прибывшій въ Михайловскій замокъ датско-королевскій министръ графъ Левендалъ.

Февраля 27. Съ 28-го числа наложенъ камеръ-трауръ по кончинѣ вдовствовавшей герцогини брауншвейгской Филиппины Шарлоты на 10 дней, съ раздѣленіемъ.

Марта 11. Шестая недѣля великаго поста. Понедѣльникъ. Ихъ имп. вел. изволили нѣкоторое время кататься верхомъ. Послѣ обѣда ея вел. изволила посѣщать Смольный монастырь. Государь императоръ Павелъ Петровичъ изволилъ ижѣть вечерній столъ съ ея вел., государемъ наслѣдникомъ и цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, съ великими княгинями, великими княжнами Маріей и Екатериной Павловнами и съ приглашенными 11 персонами.

Марта 12. На сіе число въ полночь скоропостижно скончался въ Михайловскомъ замкѣ государь императоръ Павелъ Петровичъ.

Письмо императора Николая графу Сакену.

St. Pétersbourg. 14 Décembre 1825.

Mon cher Comte, que puis-je vous dire? Je suis votre Souverain légitime, et Dieu a voulu que je sois le plus malheureux des Souverains, car c'est au prix du sang de mes sujets que je suis au trône! Quelle position, grand Dieu! Miloradowitsch blessé à mort, Chenchine et Friedrichs grièvement blessés!— Tolle vous dira le reste. Que Dieu me soit en aide et qu'Il vous assiste à faire leur devoir à l'armée que je vous confie et dont je vous rend responsable au reste, mes sentiments pour vous sont connus et ne varieront jamais.

Mon amitié et mon estime vous sont donnés pour la vie.

Nicolas.

[Переводъ]. Любезный графъ, что могу сказать вамъ? Я вашъ законный Государь, и Богу было угодно, чтобы я сталъ самымъ несчастливымъ изъ государей, потому что я вступилъ на престолъ цѣною крови моихъ подданныхъ! Великій Боже, какое положеніе! Милорадовичъ смертельно раненъ, Шеншинъ и Фредериксъ ранены опасно! Толь расскажетъ вамъ остальное. Да поможетъ мнѣ Богъ, и да поможетъ Онъ вамъ заставить исполнять долгъ свой той арміи, которую я вамъ вѣряю и за которую возлагаю на васъ отвѣтственность. Впрочемъ, чувства мои къ вамъ извѣстны и неизмѣнятся никогда.

Дружба моя и уваженіе дарованы вамъ на всю жизнь.

Николай.

К. Д. Кавелинъ.

Къ разсказу о его погребеніи

1885.

Въ февральской книгѣ „Русской Старинѣ“, изд. 1886 г., на страницѣ 329, Д. Л. Мордовцевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Н. И. Костомаровѣ“ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Точно даже природа сама позаботилась о своемъ любимцѣ (Костомаровѣ) въ день его похоронъ пославъ такое яркое утро, такой свѣтлый день, и только уже надъ могилою его немножко заплакало небо. Тогда какъ Кавелина и похоронить порядкомъ не удалось. За гробомъ и впереди гроба Костомарова шли толпы почитателей его таланта; всѣ жадно рвались нести на себѣ его тяжелый металлическій гробъ—отбою не было отъ желавшихъ нести его; у вѣнковъ и врестовъ также шли массы его почитателей. Между тѣмъ, отъ гроба и отъ вѣнковъ Кавелина проливной дождь отогналъ всѣхъ—и нести вѣнковъ было не кому“. Какъ участникъ въ печальной церемоніи погребенія К. Д. Кавелина, могу засвидѣтельствовать, что Д. Л. Мордовцевъ, совершенно для меня непонятно почему, впадаетъ въ странную ошибку. Сколько мнѣ помнится, я видѣлъ его въ числѣ сопровождавшихъ гробъ Кавелина, а потому мнѣ кажутся непонятными вышеприведенныя его слова, противорѣчащія дѣйствительности. Правда, что почти съ самаго того момента, когда гробъ былъ вынесенъ изъ Андреевскаго собора, на Васильевскомъ островѣ, начался дождь, который и продолжался почти до входа въ ограду Волкова кладбища. Но, не смотря на этотъ дождь, громадная масса пѣшеходовъ и множество экипажей сопровождали гробъ Кавелина до самаго кладбища. Все время были несены вѣнки смѣнявшимися людьми. Гробъ съ останками почившаго былъ поставленъ на печальную колесницу по желанію родныхъ и распорядителей похоронной процессіи, чтобы въ столь ненастную погоду не утомить желавшихъ нести гробъ на рукахъ. Справедливость моихъ словъ могутъ подтвердить всѣ сопровождавшіе гробъ К. Д. Кавелина.

Д. А. Корсаковъ,

профессоръ казанскаго университета.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ его воспитателю К. К. Мёрдеру.

XII ').

Александрія. 2-го іюня 1833 г.

Пишу къ вамъ, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, изъ нашей милой фермы, на томъ же самомъ столѣ, гдѣ мы, бывало, вмѣстѣ читывали Сегюра и гдѣ я часто неохотно занимался. Не могу вамъ выразить, милый другъ, какъ мнѣ странно видѣть вашу комнату безъ васъ; надѣюсь, что, Богъ дастъ, на будущій годъ мы будемъ тамъ снова вмѣстѣ.

Мы пріѣхали сюда во вторникъ, и именно Костя и я, мы ѣхали на пароходѣ, а сестрицы и маленькіе братцы, по причинѣ большой качки, сухимъ путемъ.

Папа и мама возвратились къ намъ въ среду на Ижорѣ и заѣхавъ дорогою въ Гельсингфорсъ, послѣ котораго ихъ порядочно покачало. Теперь мы снова всѣ вмѣстѣ, все попрежнему, но васъ не достаетъ, милый безцѣнный другъ, и сію временную разлуку мнѣ очень трудно переносить.

Скоро у насъ начнутся вакаціи и тогда придутъ кадеты попрежнему въ лагерь; до сего времени папа желалъ, чтобы фл.-ад. Грессеръ мнѣ изъяснилъ всю рекрутскую школу и батальонное ученіе, ѣздя для того въ л.-гв. Литовскій полкъ, но, къ сожалѣнію, у Грессера сдѣлалось воспаление въ горлѣ и потому онъ у насъ не бывалъ.

Папа желаетъ, чтобы я больше занимался артиллерією и фортификацією, и для того приказалъ, чтобы Христіани и Вессель продолжали ѣздить во время каникулъ. Онъ также сказалъ Александру

1) См. «Русскую Старину» изд. 1886 г., т. XLIX, февраль, стр. 399—410.

Александровичу, чтобы наши занятія съ г. Триніусомъ кончились, чтобы отдать его часы Христіани. Триніуса урокъ былъ сегодня въ послѣдній разъ; мнѣ очень жаль кончить съ нимъ занятія, но видно, что папа имѣетъ на то свои причины.

Сегодня поутру получилъ письмо отъ Василія Андреевича (Жуковскаго); онъ немедленно хотѣлъ отправиться въ Эмсъ. Онъ тамъ видѣлся съ нашимъ милымъ принцемъ и съ Игнатьевымъ.

Докторъ Раухъ ѣдетъ сегодня съ женой своей въ Эмсъ; онъ сказалъ мнѣ, что поѣдетъ непременно съ вами повидаться.

Погода у насъ довольно свѣжая, мы довольно пѣшкомъ гуляемъ и сегодня вечеромъ хотимъ пойти посмотрѣть нашу маленькую стаю, которая возрасла до 14 собакъ.

Мы въ понедѣльникъ были вмѣстѣ съ Костей на выставкѣ и онъ тамъ съ удивительнымъ любопытствомъ о всемъ разспрашивалъ; онъ довольно выросъ и похорошѣлъ ¹⁾.

Прощайте, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ...

Обнимаю и цѣлую васъ искренно отъ всего сердца. Александръ.

XIII.

Александрія. 10-го іюня 1833 г.

Благодарю васъ, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, за виды Дрездена и за ваши послѣднія два письма, которыя принесли мнѣ неизяснимое удовольствіе тѣмъ, что вы сами чувствуете, что вамъ лучше; надѣялся и еще больше надѣюсь, что скоро мы снова увидимся и будемъ попрежнему жить. У насъ здѣсь, благодаря Бога, всѣ здоровы.

Папа и мама были на Елагинѣ съ воскресенія до четверга и возвратились оттуда съ принцемъ Альбертомъ; онъ мнѣ сказалъ, что онъ васъ видѣлъ, милый другъ, въ Потсдамѣ.

Время у насъ чудеснѣйшее, особливо въ сравненіи съ прошлымъ годомъ. На нынѣшней недѣлѣ мы начали ѣздить съ фл.-ад. Грессеромъ на одиночное ученіе въ Литовскій полкъ. Вчера вечеромъ мы ѣздили верхомъ, какъ прошлаго года, съ мама, въ Стрѣльну пить чай.

Папа позволилъ мнѣ быть 14-го числа на маневрахъ въ Красномъ селѣ. 20-го я выйду изъ С.-Петербурга съ кадетами 1-го корпуса,

¹⁾ Е. И. Высочеству в. к. Константину Николаевичу шелъ тогда шестой годъ отъ роду. Ред.

точно какъ прошлаго года, съ тою разницею, что я буду за унтеръ-офицера. 21-го числа мы поѣдемъ въ Царское село на столѣтній праздникъ л.-гв. кирасирскаго его вел. и моего полка, которымъ я буду въ этотъ день командовать.

22-го числа кадеты должны вступить въ петергофскій лагерь, который нынѣшній годъ будетъ гораздо суше.

Время меня торопитъ и я долженъ кончить письмо. Одно забылъ я вамъ сказать, что мы начали со вторника купаться съ Костей.

Прощайте, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, поклонитесь отъ меня, прошу васъ, Сарѣ Николаевнѣ, Машенькѣ и Хотинскому. Папа, мама, сестрицы и братцы вамъ кланяются, равно какъ и всѣ васъ любящіе. Обнимаю и цѣлую васъ искренно отъ всего сердца. Александръ.

XIV.

Александрія. 17-го іюня 1833 г.

Ваше послѣднее письмо, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, меня еще больше обрадовало, ибо ваши припадки не возвращаются, и вы себя лучше чувствуете. Это письмо получилъ я въ 5 часовъ поутру 15-го числа въ Красномъ селѣ, куда мы наканунѣ вечеромъ пріѣхали на маневры. 15-го были чудесные маневры. Одной арміею командовать Михаилъ Павловичъ, а другой—Исаковъ, котораго совершенно раздавили. Но все это время я былъ у папа за адъютанта и онъ посылалъ меня съ приказаніями, чему я чрезвычайно радуюсь. Когда все кончилось, тогда вся гвардія собралась въ одинъ боевой порядокъ, что еще никогда не было, ибо варшавскіе полки тоже тутъ.

Жара была нестерпимая, но я не усталъ. Вообще у насъ погода прелестная; вчера вечеромъ мы дѣлали съ папа и съ принцемъ Альбертомъ каскады на нашей маленькой дорожкѣ и мы совершенно перемокли.

Сегодня у насъ уроки кончаются и въ понедѣльникъ мы ѣдемъ въ Петербургъ, чтобы на другой день выступить съ кадетами, но я съ ними пойду только до Краснаго Кабачка, а оттуда поѣду въ Царское село, на столѣтній праздникъ обонхъ кирасирскихъ полковъ. На другой день, т. е. 22-го числа, кадеты должны вступить въ Петергофъ. Я приготавливаю для папа видъ фермы нашей и церкви, которая удивительно какъ отдѣляется.

Прощайте, однако, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ. Обнимаю и цѣлую васъ отъ всего сердца. Александръ.

XV.

Александрія. 23-го іюня 1833 г.

Вотъ уже больше недѣли, какъ мы ждемъ отъ васъ, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, извѣстій; это меня немного беспокоитъ, но я все таки надѣюсь получить оныя каждую минуту. Съ поведѣльщика мы все переѣзжаемъ съ мѣста на мѣсто. Сначала вечеромъ мы поѣхали въ городъ, въ Зимній дворецъ, для выступленія съ кадетами, тамъ была жара нестерпимая. На другое утро мы съ А. А. все разѣзжали, чтобы проститься съ Еленой Павловной, ѣдущей въ Москву, и которая много спрашивала о вашемъ здоровьи и поручила мнѣ вамъ кланяться, равно какъ и великій князь. Послѣ этого мы поѣхали осмотрѣться въ 1-й корпусъ. Отдохнувъ дома, въ 4 часа я отправился въ корпусъ; меня поставили унтеръ-офицеромъ на правый флангъ гренадерскаго взвода и я дошелъ до измайловскаго параднаго мѣста и оттуда до Краснаго Кабачка, гдѣ угощалъ кадетъ попрежнему. Оттуда А. А., С. А. и я мы отправились въ Царское село. На другой день праздновали столѣтіе обонихъ кирасирскихъ полковъ, папа и моего. Они стояли по обѣимъ сторонамъ большой ален, ведущей отъ Большаго дворца черезъ Китайскій мостъ, мимо театра и Парнаса. Потомъ, по командѣ папа и моей, они выстроились въ двѣ колонны на дворѣ Большаго дворца, гдѣ въ палаткѣ произошло молебствіе. Послѣ онаго оба полка прошли повзводно церемоніальнымъ маршемъ мимо мама; когда мой полкъ подошелъ, то я заскакалъ и папа поставилъ меня передъ нимъ. Въ $\frac{1}{2}$ ч. былъ обѣдъ, передъ новымъ дворцомъ, офицерамъ и солдатамъ обонихъ полковъ; нѣсколько разъ они кричали «ура» и папа и даже мама выпили простой водки за ихъ здоровье.

Праздникъ былъ чудесный, жара ужасная, и папа былъ всѣмъ очень доволенъ. Мы видѣли М. Гаксфордъ и Поля; у насъ былъ весь вечеръ.

Вчера поутру мы возвратились и, отобѣдавъ въ Стрѣльнѣ въ 8 ч., вступили въ Петергофъ.

Петя послѣ похода, благодаря Бога, здоровъ; я у него уже былъ въ палаткѣ, гдѣ онъ уже успѣлъ заснуть.

Сегодня у насъ ничего особеннаго нѣтъ. Мы не можемъ нахвалиться дѣломъ, особенно въ сравненіи съ прошлогоднимъ.

Однако, я боюсь вамъ наскучить, милый другъ, моимъ длиннымъ рассказомъ, въ которомъ я хотѣлъ вамъ все сказать, что у насъ дѣлается.

Прошу васъ, поклонитесь отъ меня Сарѣ Николаевнѣ, Машенькѣ и Хотпянскому и обнять, если онъ съ вами, нашего безцѣннаго Василія

Андреевича и сказать ему, что я на будущей недѣлѣ непременно ему напишу.

Папа и мама, сестрицы и братцы и всѣ васъ любящiе вамъ кланяются.

Прощайте, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, цѣлую и обнимаю васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ Александръ.

XVI.

Александрiя. 8-го iюля 1833 г.

На прошедшей недѣлѣ не могъ я вамъ написать, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, по случаю праздниковъ.

25-го числа ничего особеннаго у насъ не было, мы праздновали этотъ день какъ обыкновенно и вечеромъ былъ балъ въ Monplaisir.

29-го числа папа взялъ меня въ Кронштадтъ, гдѣ онъ осматривалъ эскадру Крона. Мы лазили по нѣкоторымъ кораблямъ. Возвращаясь, качка была ужасная, но я не пострадалъ.

1-го iюля мы отпраздновали съ большимъ торжествомъ. Поутру, какъ обыкновенно, былъ кавалергардскiй разводъ и я вступилъ на главную гауптвахту на караулъ. Вечеромъ былъ маскарадъ и иллюминация, которая очень хорошо удалась, кромѣ большаго шита, который былъ затушонъ вѣтромъ. Но погода была, къ сожалѣнiю, чрезвычайно холодная, особливо въ сравненiи съ той, которая у насъ до сихъ поръ продолжалась. Подъ вечеръ стало однако теплѣе и мы прокатились. Порядокъ и учтивость публики во время гулянiя были примѣрны.

3-го числа папа сдѣлалъ смотръ нашему второму сводному полку и онъ былъ имъ чрезвычайно доволенъ, такъ что мы получили благодарность въ приказѣ. На другой день папа взялъ меня снова въ Кронштадтъ и я въ первый разъ былъ тогда въ городѣ и осматривалъ всѣ укрѣпленiя. Какъ я сожалѣлъ, милый мой другъ, что вы не со мною. Не могу объ этомъ хладнокровно думать. Какiя тамъ производятся работы, это удивительно, особенно въ цитадели; я тамъ полчаса послѣ снова былъ съ папа и мама, которая туда прiѣхала, чтобы встрѣтить гр. Вранденбургъ, ѣхавшую на «Александрѣ». Ничего не было видать и мы уже хотѣли возвращаться, какъ вдругъ вдали показался дымъ; мы рѣшились идти на нашемъ новомъ пароходѣ «Александрiя» на встрѣчу и въ серединѣ эскадры графиня къ намъ пересѣла. Мама была очень обрадована. Въ этотъ же вечеръ было ученiе

первому сводному полку, которое не такъ хорошо удалось, къ сожалѣнію, какъ наше.

6-го числа назначено было въ Красномъ селѣ артиллерійское ученіе, но дождь помѣшалъ, а вмѣсто того мы смотрѣли ученіе варшавской бывшей дивизіи, которою папа былъ очень доволенъ. Но мы совершенно вымокли, особливо вчера на артиллерійскомъ ученіи, которое, не смотря на погоду, очень хорошо удалось.

Въ сію минуту получилъ я ваше письмо, милый другъ, отъ 22-го іюня; видно, что ваше здоровье, благодаря Бога, поправляется, ибо вы о немъ ничего не говорите; теперь я еще больше надѣюсь увидѣть васъ совершенно здоровымъ. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

XVII.

Александрія. 15-го іюля 1833 г.

Пишу къ вамъ, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, у мама въ той комнатѣ, гдѣ мы такъ часто вмѣстѣ сидѣли. Сегодня въ 12 ч. мы ѣдемъ въ Кронштадтъ для смотра двухъ дивизій Балтійскаго флота; время чудесное, видъ будетъ восхитительный.

Однако, я долженъ разсказать, милый другъ, всѣ происшествія нынѣшней недѣли.

Въ прошедшую субботу въ кадетскомъ лагерѣ папа сдѣлалъ тревогу, точно какъ прошлаго года, маневры были направлены на собственную дачу. Въ воскресенье не было ничего необыкновеннаго. Въ понедѣльникъ вечеромъ мы поѣхали въ Красное село и заняли не прежнюю квартиру, но въ домѣ Михаила Павловича, весь верхъ. Погода намъ все это время благоприятствовала.

Во вторникъ по утру училась первая гвардейская пѣхотная дивизія, а вечеромъ—2-я, и папа былъ обѣими чрезвычайно доволенъ. Я все время находился на ординарцахъ у него и онъ разсылалъ меня съ приказаніями. Вечеромъ же, послѣ ученія, была заря съ церемонією въ большомъ лагерѣ. Въ среду было поутру ученіе всей гвардейской кавалеріи и папа былъ чрезвычайно всѣми доволенъ.

Забылъ вамъ сказать, что наканунѣ мы въ лагерѣ были у обѣдни, по случаю именинъ Оли; она васъ благодаритъ за поздравленіе.

Возвращаюсь къ средѣ. Вечеромъ пили чай на Дудергоффъ, а потомъ были опять у зари въ большомъ лагерѣ.

Въ четвертокъ поутру учился весь гвардейскій корпусъ вмѣстѣ,

съ удивительнымъ порядкомъ, и жалко очень, что вы этого не видѣли. Папа меня очень много посылалъ и я этимъ чрезвычайно радъ.

Въ этотъ же день вечеромъ всѣ гвардейскіе генералы, какъ прошлаго года, пили чай на Дудергофѣ и оттуда мы поѣхали къ зарѣ въ большой лагерь; всѣ гвардейскія музыки вмѣстѣ играли передъ палаткою папа; видъ удивительно величественный. Оттуда я съ мама поѣхалъ въ лагерь къ черкесамъ; они намъ показывали свою ловкость въ различныхъ упражненіяхъ. Поужинавъ, мы всѣ преспокойно легли спать, съ мыслию быть завтра въ 8 ч. у развода, но случилось совершенно иначе.

Я преспокойно спалъ, какъ вдругъ, въ 4 ч. ночи, Дмитровскій входитъ и говоритъ, что тревога въ лагерѣ и что кирасиры уже скачутъ. Я тотчасъ вскочилъ, одѣлся и поскакалъ, но долго искалъ папа. Вы можете представить себѣ мою радость. Въ 15 м. вся гвардія была готова и въ дѣйствиіи; маневры кончились въ 9 ч.

Вчера вечеромъ мы возвратились сюда. Однако, я долженъ кончить мое письмо, пора одѣваться.

Обнимаю и дѣлаю васъ отъ всего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

XVIII.

Александрія. 26-го іюля 1833 г.

Извините мнѣ, милый бездѣнный Карлъ Карловичъ, что я къ вамъ не писалъ въ прошедшую субботу, но у меня точно не было времени по случаю маневровъ; я пишу къ вамъ сегодня, ибо боюсь, чтобы въ эту субботу красносельскій парадъ мнѣ не помѣшалъ. Время провели мы весьма весело въ Гатчинѣ, но вы можете быть увѣрены, что мнѣ бы было гораздо пріятнѣе, если-бы я могъ раздѣлять сіе веселіе съ вами, мой милый бездѣнный другъ.

Въ прошедшій вторникъ мы поѣхали къ обѣду въ Дудергофъ, а оттуда на ночь въ Гатчину. Прежде нежели начать вамъ рассказывать маневры, надобно вамъ сказать диспозицію, которую я вамъ присылаю съ письмомъ. Было 2 корпуса: новгородскій, подъ командой Чечерина, но которымъ папа распоряджалъ, и бѣлорусскій, подъ командою Нейтгарта, который удивительно какъ хорошо маневрировалъ, особливо въ первый день.

Маневръ кончился въ среду, въ 3 ч. утра. Мы были съ авангардомъ Шильдера, вѣсколько верстъ за колпинскую кирку, намъ такъ

знакомую съ ея кладбищемъ. У насъ только что началось аванпостное дѣло, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Гатчина взята со всѣмъ гвардейскимъ сапернымъ батальономъ и двумя ротами финскаго стрѣлковаго батальона. Мы сейчасъ бросили авангардъ и отправились въ Пудость, гдѣ находился Исаковъ, который съ своими двумя полками спасъ Шильдера, ибо Арбузовъ его совершенно обошелъ. Сямъ движеніемъ первая часть маневра (кончилась) и перемиріе было заключено на 3 часа. Тутъ, т. е. въ Пудостѣ, мама пріѣхала, мы пообедали и потомъ отдохнули, а въ 3 часа снова на коня и тогда, обходомъ нарвскаго отряда, мы снова овладѣли Гатчиной и однимъ финляндскимъ батальономъ, чѣмъ совершенно и кончился маневръ. Время сначала было прекрасное, потомъ испортилось, а подъ вечеръ снова исправилось. Меня папа очень много посылалъ и я на 4-хъ лошадахъ отѣздилъ этотъ первый день.

Въ этотъ-же вечеръ былъ французскій театръ, во время котораго я почти спалъ. Два дня у насъ былъ отдыхъ.

Въ четвертокъ мы объѣздили верхомъ всѣ наши бивуаки, а вечеромъ были театръ и балъ, а въ пятницу поутру была панихида, а вечеромъ папа поѣхалъ съ черкесами и линейными казаками на аванпосты непріятельскіе и мы надѣлали пропасть тревоги; послѣ этого было поздравленіе въ собраніи въ арсеналѣ, гдѣ мы очень веселились. На другой день, т. е. 22-го числа, въ 7 ч. утра, начался снова на томъ-же мѣстѣ маневръ; мы принуждены были отступить и непріятель взялъ маленькія укрѣпленія, построенныя передъ констаблемъ не смотря на фугасы, взорванныя способомъ Шильдера. Потомъ, когда всѣ наши силы собрались, мы его начали преслѣдовать и въ Колпинѣ маневръ и кончился. Войска, т. е. вся пѣхота съ пѣх. арт., пошла на бивуакъ передъ дворцомъ, съ тою разницею, что одною дивизіей больше. Вечеромъ послѣ театра мы вышли на балконъ, гдѣ по данному сигналу вся артиллерія выстрѣлила залпомъ, послѣ чего вся гвардейская музыка сыграла зорю вмѣстѣ, а потомъ молитву. Видъ былъ чудесный; какъ я сожалѣлъ, что васъ тутъ не было, милый другъ. Послѣ этого былъ балъ, на которомъ я очень веселился; я былъ въ линейномъ мундирѣ. На другой день, т. е. въ воскресенье, въ 11 ч., былъ церковный парадъ на бивуакахъ, послѣ котораго папа объѣхалъ всѣ войска, благодарилъ ихъ и они кричали ура; не знаю, у всякаго-ли, но у меня, при видѣ сихъ войскъ, рождается какое-то особенное чувство, которое я выразить на словахъ никакъ не могу.

Послѣ этого все общество собралось въ арсеналѣ, гдѣ побѣгали и поиграли и, наконецъ, позавтракали; было очень весело. Нельзя вамъ не сказать о двухъ англичанахъ, которые пріѣхали посмотреть

маневры и ѣдутъ послѣ этого въ Ость-Индію; это два брата и этакихъ фигуръ я отъ роду не видалъ, точно какъ рисуютъ каррикатуры въ Лондонѣ. Одинъ изъ нихъ, въ красномъ мундирѣ, особенно забавлялъ всѣхъ своимъ лицомъ, глушостью и неловкостью.

Въ этотъ-же вечеръ мы возвратились въ Петергофъ и погода такъ перепортилась, что кадетамъ приказано сегодня-же выступить изъ лагеря, но такъ какъ ихъ послѣ этого хотятъ распустить на 2 недѣли, то я попросилъ Александра Александровича позволить Пети у насъ остаться; онъ совершенно здоровъ и очень веселъ.

Ваши письма насъ всѣхъ болѣе и болѣе утѣшаютъ, ибо, слава Богу, ваши припадки не возвращаются.

Однако-же, я слишкомъ сегодня расписался и боюсь вамъ наскучить.

Прощайте еще разъ, обнимаю и цѣлую васъ искренно, отъ глубины моего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

XIX.

Елагинъ. 5 го августа 1833 г.

Письма ваши, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, меня болѣе да болѣе радуютъ на счетъ вашего здоровья. Теперь я еще больше надѣюсь увидѣть васъ совершенно здоровымъ, и эта одна мысль, могу васъ увѣрить, милый другъ, одна утѣшаетъ меня въ нашей разлулкѣ. Куда мы ни приѣдемъ, все мнѣ напоминаетъ о васъ и я никакъ не могу привыкнуть думать, что вы не со мною. Вотъ уже приближается осень, то время, гдѣ мы съ вами такъ много веселились въ Царскомъ селѣ; лѣто и каникулы прошли нынѣшняго года удивительно какъ скоро. Желая теперь, чтобы и осень, и зима прошли бы столь-же живо, чтобы наступило снова то счастливое время, гдѣ мы снова увидимся, мой милый безцѣнный другъ, и мнѣ можно будетъ васъ уже не на однихъ словахъ обнять, но въ самомъ дѣлѣ прижать къ моему сердцу.

Меня очень обрадовало ваше свиданіе съ В. А. Жуковскимъ и съ г. Жиллемъ; какъ странно случилось, что вы всѣ три разомъ заболѣли. Нашъ добрый принцъ Ольденбургскій васъ также посетилъ. Завтра будетъ ровно годъ, что его произвели въ генералы, и мы съ вами первые ѣздимъ его поздравлять. Нынѣшняго года будетъ то же самое, но васъ двухъ будетъ недоставать.

Однако, я хочу вамъ рассказать, какъ мы провели ваше время

отъ среды прошедшей, т. е. 26-го числа. Въ этотъ день, какъ я уже вамъ писалъ, отрядъ военно-учебныхъ заведеній, по причинѣ дурной погоды, оставилъ Петергофъ. Петя, однако, у насъ остался.

На другой день мы праздновали рожденіе нашего маленькаго Никсы, который теперь уже ходить въ русской рубашкѣ.

Въ пятницу поутру мы были съ принцемъ Альбертомъ на охотѣ и я застрѣлилъ въ петергофскомъ звѣринцѣ одного зайца и одного дикаго козла, котораго рога у меня. Вечеромъ въ этотъ же день мы поѣхали въ Красное село, гдѣ папа приказалъ мнѣ провести ночь въ палаткѣ, стоящей за нимъ, и такъ какъ А. А. былъ не совсѣмъ здоровъ, то С. А. со мною спалъ.

На другой день былъ парадъ большой на военномъ полѣ, гдѣ вся гвардія въ первый разъ была соединена вмѣстѣ. Я командовалъ первымъ дивизиономъ Павловскаго полка. Папа былъ чрезвычайно доволенъ всѣми, кромѣ бѣдными измайловскими, которыхъ приказано было оставить еще въ лагерѣ. Въ этотъ же вечеръ мы поѣхали на Елагинъ. Воскресенье мы провели какъ обыкновенно, а вечеромъ были въ театрѣ, гдѣ представляли Кіакинга.

Въ понедѣльникъ мы разъѣзжали по городу и во вторникъ, 1-го августа, былъ церковный парадъ, въ саду елагинскомъ, всего отряда учебныхъ заведеній, и я, какъ прошлаго года, несъ знамя 1-го кадетскаго корпуса, можетъ быть это и въ послѣдній разъ. Со вторника у насъ начались уроки попрежнему; я могу смѣло сказать, что я началъ съ охотою, и надѣюсь, что къ вашему возвращенію вы найдете во мнѣ нѣкоторые успѣхи.

Папа уѣхалъ смотрѣть гренадерскій корпусъ; однако, сегодня онъ долженъ возвратиться.

Прощайте, однако, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, время меня торопитъ, вотъ Эртель уже вззошелъ въ комнату. Прощайте еще разъ; мама, сестрицы, А. А., С. А. и всѣ наши вамъ кланяются, а я васъ обнимаю и дѣлаю искренно отъ всего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

Мое почтеніе Сарѣ Николаевнѣ ¹⁾ и поклонъ Машенькѣ и Хотинскому.

¹⁾ Супруга К. И. Мердера.

XX.

Александрія. 12-го августа.

Послѣднія ваши два письма, которыя мы получили вмѣстѣ, милый бездѣнный Карль Карловичъ, насъ еще болѣе обрадовали насчетъ вашего здоровья. Жаль очень, что вамъ нельзя теперь ѣхать въ Швейцарію; эти бездѣльнички поляки должны видно вездѣ портить все и уничтожать порядокъ. Я показывалъ ваше письмо папа, который этимъ былъ также удивленъ, ибо у насъ нѣтъ еще вѣрныхъ объ этомъ свѣдѣній. Сегодня пишу я къ вамъ изъ нашей милой фермы, но, къ сожалѣнію, петергофское настоящее время уже прошло.

6-го августа отпраздновали мы совершенно какъ прошлаго года. 8-го числа принцъ Альбертъ уѣхалъ, 9-го числа долженъ былъ быть спускъ корабля, но, по причинѣ дурной погоды, его отложили, но мы все таки отправились въ Петергофъ, а папа и мама пріѣхали вчера.

Петергофъ удивительно какъ скученъ, и я радуюсь, что скоро переедемъ въ Царское село, именно послѣ 15-го числа, т. е. послѣ отъѣзда папа.

Я вамъ кажется уже и писалъ, что папа приказалъ мнѣ сдѣлать описаніе маневрамъ красносельскимъ и теперь приказалъ мнѣ ихъ переписать для Паскевича.

Онъ поручилъ мнѣ васъ обнять и сказать вамъ, что онъ сердечно радуется, что ваше здоровье поправляется...

Прощайте, мой милый бездѣнный другъ, обнимаю и цѣлую васъ искренно отъ глубины моего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

XXI.

Царское село. 19-го августа 1833 г.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы, милый бездѣнный Карль Карловичъ, писемъ отъ васъ, которыя вотъ уже больше недѣли не получаемъ; это начинаетъ насъ беспокоить, но я стараюсь утѣшить себя мыслью, что, можетъ быть, вы оставили теперь Баденъ и находитесь въ дорогѣ въ Италію.

Вы удивитесь, я думаю, когда узнаете, что папа отправился было на Ижорѣ въ Стетинъ, чтобы оттуда ѣхать на свиданіе съ королемъ прусскимъ и съ императоромъ австрійскимъ, около Теплица. Вы мнѣ, надѣюсь, извините, что я вамъ объ этомъ не писалъ уже въ прошедшій разъ, ибо приказано было считать сію поѣздку секретомъ.

Папа уѣхалъ въ $\frac{1}{2}$ 12 ч. въ ночи съ 15-го на 16-ое; съ нимъ поѣхали кн. П. М. Волконскій, гр. Бенкендорфъ, гр. Орловъ, Адлербергъ, Арндъ и флигель-адъютантъ гр. Гейденъ, а сухимъ

путемъ отправился впередъ Суворовъ. Мы со всѣми простились, пожелали счастливаго пути и думали на нѣсколько мѣсяцевъ разстаться съ нашимъ безцѣннымъ папа. На другой день, въ ужасную погоду, которая мнѣ точно напоминала нашу прошлогоднюю волчью охоту, въ Царскомъ селѣ, вы можете себѣ представить наше удивленіе, когда вчера вечеромъ мы играли преспокойно въ залахъ, какъ вдругъ папа открылъ дверь и взошелъ въ комнату; мы не хотѣли вѣрить нашимъ глазамъ. Онъ намъ скоро изъяснилъ все. Погода была такая сильная на морѣ, что они не доѣхали даже до Ревеля, вслѣдствіе чего онъ рѣшился возвратиться въ Петергофъ, гдѣ, не найдя ничего, онъ отправился въ дрожжахъ Эйхена до Стрѣльны и оттуда сюда, въ тележкѣ. Сегодня вечеромъ онъ хочетъ ѣхать сухимъ путемъ.

Это письмо я началъ еще вчера, но прежде возвращенія папа, и потому я рѣшился вамъ снова написать.

Здѣсь все попрежнему, но васъ, милый другъ, удивительно какъ недостаетъ. По старой привычкѣ я все захожу въ ваши комнаты и каждый разъ удивляюсь, что васъ нѣтъ.

У насъ погода была свѣжа и прескверная; но со вчерашняго дня она поправилась.

Третьяго дня видѣлъ я все ваше семейство; всѣ, слава Богу, здоровы и я нашелъ, что Никоша, Сашенька и Ваня удивительно какъ выросли. Петя и Поля пріѣзжаютъ сюда по субботамъ. Вчера вечеромъ мы ѣздили верхомъ и сдѣлали пребольшой туръ, кругомъ всего Царскаго села, и заѣхали еще въ Бабилово, гдѣ всякій кустъ напоминаетъ мнѣ наши охоты. Александръ Александровичъ приказалъ привести сюда нашихъ маленькихъ собакъ и Фингала и другую еще новую курляндскую лягавую собаку. Мы будемъ по воскресеньямъ и по праздникамъ, если наши будутъ довольны, ходить на охоту. Въ предпоследній день въ Петергофѣ мы были на охотѣ и я убилъ двухъ фазановъ.

На прошедшей недѣлѣ писалъ я къ нашему милому Петру Егоровичу; мы его ожидаемъ къ 30-му, но еще не навѣрно.

Прощайте, однако, мой милый другъ, время меня торопитъ. Поздравьте отъ меня, прошу васъ, Сару Николаевну, со вчерашнимъ днемъ ея рожденія, равно какъ и всѣхъ вашихъ...

Папа и Мама, сестрицы и братцы, всѣ наши учителя и мои товарищи поручили мнѣ вамъ поклониться.

Прощайте еще разъ, обнимаю васъ искренно отъ всего сердца, цѣлую васъ мысленно. Александръ.

КОМАНДИРЫ КАВКАЗСКОЙ АРМІИ ВЪ ИХЪ ПРИКАЗАХЪ

1804—1828 ¹⁾.

Въ замѣткѣ, помѣщенной въ XVII т. „Русской Старинѣ“, стр. 630, по поводу сообщенныхъ мною приказовъ первыхъ командировъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, я имѣлъ случай указать на значеніе и важность этого рода документовъ. Нынѣ, послѣ цѣлаго ряда годовъ, представляю читателямъ нѣсколько новыхъ приказовъ, относящихся къ періоду времени отъ 1804 по 1828 годъ. При этомъ считаю нужнымъ сказать, что приказы эпохи Ермолова составлены и написаны собственноручно Алексѣемъ Петровичемъ, приказы же его преемника, Паскевича, напротивъ того, принадлежать перу лицъ подчиненныхъ и весьма способныхъ; самъ графъ Паскевичъ не только не былъ одаренъ авторскимъ талантомъ, но, сколько извѣстно, не обладалъ искусствомъ писать.

Спб., 20-го декабря 1885 г.

Ад. П. Берже

Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ 1804 г.

Отъ 22-го декабря.

Пойманныхъ двухъ татаръ, кои отважились черезъ цѣпь пройти къ непріятелю въ крѣпость, откуда и возвратились опять, въ страхъ другимъ татарамъ, дабы не дерзали измѣнять, будучи съ російскими войсками, предписываю прогнать сквозь 1,000 человекъ, каждаго по 3 раза, что и исполнить сего числа въ баталіонѣ подполковника Си-моновича, яко чрезъ постъ, гдѣ они сего числа прошли, причемъ быть со всѣхъ татарскихъ нашихъ войскъ съ каждой части по 5 человекъ.

¹⁾ См. собраніе таковыхъ же приказовъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1876. томъ XVII, стр. 630—633.

Ген.-л. маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паудуччи

1810—1811.

1.

Отъ 11-го октября (1810 г.).

Изъ рапорта г. г.-м. Хотунцова усмотрѣлъ я, что 17 Егерскаго полка капит. Черняковской и ш.-к. кн. Баратовъ, высланные м. Терешкевичемъ 17 сентября изъ мѣстечка Мичры къ р. Араксу, чтобы съ трехъ сторонъ ударить на персіанъ, засѣвшихъ въ садахъ, и, отрѣзавъ ихъ отъ рѣки, не допустить къ переправѣ, вмѣсто пораженія непріятеля, при появленіи онаго въ превосходномъ числѣ, уступили ему мѣсто, и ежели бы самъ м. Терешкевичъ со 100 егерями не вышелъ въ подкрѣпленіе и не опрокинулъ непріятеля, то бы ему совершенную поверхность сказанные капитаны доставили надъ собой.

Таковую слабость сихъ капитановъ принимаю я съ прискорбіемъ, какъ наносящую безславіе корпусу, высочайше мнѣ подъ команду ввѣренному, и вообще русскимъ солдатамъ, и потому не могу не поставить сего случая на видъ предъ войсками, а капитану Черняковскому, хотя онъ и раненъ въ то время, и ш.-к. кн. Баратову объявляю неудовольствіе и выговоръ, ибо они, такъ какъ и всѣ военнослужащіе, должны вѣдать, что лучше умереть со славою, нежели жить съ безславіемъ, и для того они, хотя бы то жизни ихъ стоило, не должны были ни одного шагу уступить непріятелю, не взирая ни на какое его превосходство.

За симъ предвараю я, что изъ офицеровъ всякъ тотъ, кто дастъ надъ собою верхъ непріятелю, преданъ будетъ военному суду и съ безчестіемъ выгнанъ будетъ изъ службы. Гг. же генераламъ, дивизионному и бригаднымъ предписываю штабъ- и оберъ-офицерамъ внушать, а они чтобы твердили солдатамъ, что отечество содержитъ насъ для того единственно, чтобы мы поражали непріятелей нашихъ, и что всемилостивѣйшій государь императоръ всещедро изливаетъ милости на тѣхъ, кои противу непріятеля ознаменуютъ себя храбростью и мужествомъ.

Итакъ, всякому изъ военно-служащихъ должно помнить долгъ службы и присяги и противу непріятеля при всякихъ случаяхъ поступать мужественно, ибо кто будетъ всегда имѣть въ мысляхъ, что онъ русской и что его непріятель не можетъ одолѣть, тотъ всегда побѣдитъ непріятеля.

2.

Отъ 18-го октября.

Во время прежняго нахождения моего здѣсь въ двухъ кампаніяхъ видѣлъ я, сколько для солдатъ въ походѣ тяжело носить кивера, особливо въ жары, каковыя въ здѣшнемъ краю обыкновенно чрезмѣрны, при томъ же и то выходитъ неудобство, что кивера въ походѣ не могутъ быть сбережены и преждевременно видъ теряютъ.

Въ отвращеніе того позволяю я въ походѣ, который предпринимается для военныхъ дѣйствій, также и въ экстренныхъ командировкахъ изъ квартиръ для отраженій или преслѣдованій непріятеля, употреблять какъ господамъ офицерамъ, такъ и солдатамъ ввѣреннаго мнѣ корпуса въ драгунскихъ и пѣхотныхъ полкахъ фуражныя шапки, а киверовъ и касокъ въ походѣ вовсе не брать.

Доставляя такое облегченіе для солдатъ, я надѣюсь, что они примутъ сіе доказательствомъ моего о нихъ попеченія и, менѣе будучи связаны въ исполненіи обязанностей по службѣ, пребудутъ ревностнѣе; а господа шефы постараются содержать въ полку шапки, сколько возможно, выгодныя для солдатъ, какъ отъ зною, такъ и отъ дождя и непременно требую того, чтобы каждый полкъ имѣлъ у себя единообразныя шапки.

Въ квартирахъ же будучи, тоже при смотрахъ и при собраніи учебныхъ лагерей, быть непременно во всей формѣ каждому.

3.

Отъ 3-го ноября.

Тифлискаго пѣхотнаго полка унтеръ-офицеръ Ермолаевъ, бывшій въ рекрутскомъ депо при раздѣленіи партіи по полкамъ, взялъ у рекрута 5 руб. наглымъ образомъ.

За таковой непозволительный и нетерпимый въ службѣ поступокъ, разжаловавъ въ рядовые онаго унтеръ-офицера, предписываю прогнать его шпицрутенами чрезъ 500 человекъ одинъ разъ, а взятыя деньги отъ него отобрать и отдать рекруту. Екзекуцію же сію исполнить завтрашняго числа въ 8 часовъ.

Случай сей поставляю корпусу на видъ на тотъ конецъ, чтобы господа начальники полковъ строго наблюдали, дабы нижнимъ чинамъ никто никакихъ не оказывалъ несправедливостей.

4.

Отъ 18-го ноября.

Въ продолженіи того времени, въ которое имѣю я честь служить въ російской службѣ, замѣтилъ я, что нѣкоторые гг. генералы, донося о дѣйствіяхъ своихъ противу непріятеля или о движеніяхъ, весьма часто уклоняются отъ истины и прибавляютъ то, чего не было, чрезъ мѣру, дабы придать себѣ болѣе блеску въ глазахъ государя и въ глазахъ публики, какъ и я недавно получилъ одного г. ген.-м. рапортъ, гдѣ онъ пишетъ о томъ, чего не сдѣлалъ, какъ постороннимъ образомъ я послѣ узналъ.

По саму поводу предупреждаю во вѣренномъ мнѣ корпусѣ гг. генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, дабы всякъ, на случай дѣйствій съ непріятелемъ, доносилъ объ оныхъ командѣ со всею вѣрностію, ибо ежели что откроется несправедливымъ въ послѣдствіи времени, то таковой доноситель обнаруженъ мною будетъ предъ е. и. в.

5.

Отъ 20-го ноября.

Херсонскаго гренадерскаго полка рядовой Лебедевъ, во время сраженія съ непріятелемъ подъ Ахалцыхомъ, будучи раненъ на вылетъ въ бокъ пулею, какъ скоро докторъ перевязалъ ему рану, въ тотъ же часъ опять вступилъ въ дѣло съ непріятелемъ; каковому рвенію его къ службѣ офицеры, въ томъ дѣлѣ бывшіе, отдають справедливость.

Таковой подвигъ онаго рядоваго приемлю я съ уваженіемъ и потому записаннаго по формуляру его штрафу, что онъ за побѣгъ изъ службы былъ наказанъ, предписываю впредь нигдѣ не показывать, ибо онъ преступленіе свое помянутымъ поступкомъ загладилъ.

6.

Отъ 8-го января 1811 г.

Усмотрѣвъ съ неудовольствіемъ, что есть полки въ корпусѣ, высочайше мнѣ вѣренномъ, которые, получа повелѣніе выступить въ походъ, встрѣчаютъ остановку тотчасъ подняться за лошадьми или за другими причинами, подтверждаю всѣмъ полкамъ всегда содержать себя въ такой готовности къ походу, чтобы съ полученія ордера въ

зимнее время могъ полкъ, баталіонъ или рота выступить чрезъ 24 часа, а въ лѣтнее чрезъ часъ. Засишь обяываюсь для удобнѣйшаго движенія поставить непремѣннымъ правиломъ слѣдующее: 1) въ ротѣ болѣе двухъ артельныхъ повозокъ въ походѣ не имѣть; полковые же баталіонные и ротные командиры обязаны строго смотрѣть и отвѣчать, чтобы на нихъ ничего не было, кромѣ потребностей для приварки или другихъ необходимостей, но вмѣсто 3-й повозки солдаты могутъ имѣть вьюки; 2) всѣ господа штабъ и оберъ-офицеры, даже къ унтеръ-штабу принадлежащіе, экипажъ свой должны имѣть на вьюкахъ, повозки же ни подъ какимъ предлогомъ никому не позволяется держать въ походѣ; г. дивизионный командиръ и полковые только господа шефы могутъ имѣть по одной повозкѣ, по той причинѣ, что они содержатъ столъ для офицеровъ. Самъ главнокомандующій будетъ имѣть только 2 повозки для того, что онъ содержать открытый столъ.

Ген. отъ инф. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ

1820.

1.

Въ 44-й Егерскій полкъ.

Отъ 28-го апрѣля.

Вы лишились, храбрые товарищи, начальника, усердіемъ къ службѣ великаго государя отличнаго, попеченіемъ о васъ примѣрнаго. Жалѣю вмѣстѣ съ вами, что погибъ онъ отъ руки подлыхъ измѣнниковъ, вмѣстѣ съ вами не забуду, какъ надлежитъ отмщевать за гнусное убійство достойнаго начальника. Я покажу вамъ мѣсто, гдѣ жилъ подлѣйшій разбойникъ Койхосро Гуріель; не оставьте камня на камнѣ въ семь убѣжищъ злодѣевъ, ни одного живаго не оставьте изъ гнусныхъ его сообщниковъ. Требую, храбрые товарищи, дружественнаго поведенія съ жителями мирными, кроткими, вѣрными подданными императора; приказываю наказывать безъ сожалѣнія злобныхъ измѣнниковъ.

Въ войска, находившіяся подъ командою г.-м. кн. Мадатова при овладѣніи ханствомъ Казыкумыкскимъ въ Тифлисѣ.

2.

Іюня 22-го.

Еще, наказуя противныхъ, надлежало, храбрые воины, вознести знамена наши на вершины Кавказа и войти съ побѣдою въ ханство казыкумынское. Сильный мужествомъ вашимъ далъ я вамъ сіе приказаніе и вы непріятеля, въ числѣ превосходнаго, въ мѣстахъ и окопахъ твердыхъ упорно защищавшагося, ужаснымъ поражениемъ наказали. Бѣжить коварный Сурхай-ханъ и владѣнія его вступили въ подданство великому нашему государю. Нѣтъ противящихся намъ народовъ въ Дагестанѣ.

О дѣлахъ вашихъ, храбрые воины, донесу императору; знаетъ онъ и труды вашихъ, и опасности раздѣлять съ ними.

Въ войска, подъ командою начальника корпуснаго штаба г.-м. Вельяминава находившіяся въ Имеретіи и Гуріи, въ Тифлисі.

3.

Отъ 5-го сентября.

Безпокойства, въ прошедшемъ году въ Имеретіи оказавшіяся, прекращены были мѣрами кроткими и оружіе удержалъ я въ бездѣйствіи. Готовый къ снисхожденію, далъ я виновнымъ время заслужить его раскаяніемъ; напротивъ, вскорѣ возгорѣлся мятежъ, сопровождаемый злодѣяніями. Не вамъ, храбрые воины, прилично терпѣть гнусную измѣну государю великому и великодушному, и наказаніе должно было постигнуть измѣнниковъ. При появленіи вашемъ разсѣялись мятежныя скопища и спасенія искали въ лѣсахъ и твердыхъ мѣстахъ, которыя доселѣ почитаемы были непроходимыми. Но что можетъ быть препятствіемъ, когда предводятъ васъ начальники благоразумные? и такъ мятежникамъ бѣгство единымъ осталось спасеніемъ. Равно уважаю, храбрые товарищи, и неустрашимость вашу, и усердіе. Не потерплю измѣнниковъ и не будетъ ихъ! Благодарю, между прочими войсками, 44-й егерскій полкъ, который какъ чувствовать, такъ и отщевать умѣетъ потерю своего начальника. Не существуетъ слѣдовъ крѣпости, гдѣ лишень жизни полковн. Пузыревскій 1-й, тамъ по істребленіи измѣнниковъ одно имя ихъ останется въ поношеніи.

Ген.-адъют. Иванъ Федоровичъ Паскевичъ.

1827—1828.

1.

Отъ 4-го іюня 1827 г. Башъ-Абаранъ

Храбрые воины! Громады горъ позади васъ, вы преодолѣли начала трудности, новыя васъ ожидаютъ, жаръ, каменистый, маловодный край! персидская конница гонитъ жителей, истребляетъ жатву, закрываетъ себя опустошеніемъ цѣлыхъ областей. Но что можетъ остановить русскихъ на пути битвъ и побѣды!..

Сколько отъ меня зависитъ, я до сихъ поръ (все) сдѣлалъ. Продовольствіе ваше обезпечено собственными нашими средствами. Помощію подвозовъ вы снабжены пищею на достаточное время. Вы при себѣ имѣете все, что я могъ придумать для вашихъ нуждъ, для облегченія трудовъ ратныхъ.

Теперь смѣло веду васъ противу непріятеля. Въ полѣ вы едва ли его встрѣтите, онъ заперся въ крѣпостяхъ своихъ, тамъ его поищемъ. Дѣйствуйте, какъ при глазахъ самого государя, мысленно присутствующаго при каждомъ вашемъ движеніи.

Будемъ помнить, что не мы начали. Какъ Богъ святъ, такъ свято наше дѣло!

2.

Отъ 1-го октября 1827 г. Лагерь при Эриванѣ.

Храбрые товарищи! Вы много потрудились за царскую славу, за честь русскаго оружія; я былъ съ вами днемъ и ночью свидѣтелемъ вашей бодрости неуспяной, мужества непоколебимаго, побѣда вездѣ васъ сопровождала. Въ 4 дни взяли вы Сардаръ-Абадъ, въ шесть — Эриванъ, ту знаменитую твердыню, которая слыла неприступнымъ оплотомъ Азіи. Цѣлые мѣсяцы ее прежде сего осаждали, и въ народѣ шла молва, что годы нужны для ея покоренія!—вамъ стоило провести нѣсколько ночей безъ сна: вы разгромили стѣны ея, стали на краю рва и навели ужасъ на ея защитниковъ, Эриванъ пала предъ вами, и нѣтъ вамъ болѣе противниковъ въ цѣломъ персидскомъ государствѣ;

гдѣ ни появитесь, толпы непріятелей исчезнуть предъ завоевателями Аббасъ-Абада, Сардаръ-Абада и Эривани. Города отворятъ ворота свои, жители явятся вамъ покорными; вы ихъ вездѣ щадите и они, угнанные своими угнателями, теперь отовсюду собираются подъ великодушную защиту вашу. Россія будетъ вамъ признательна, что поддержали ея величіе и могущество. Сердечно благодаренъ вамъ, поздравляю васъ, храбрые офицеры и солдаты кавказскаго корпуса. Мой долгъ донести в. г. истину о подвигахъ, о трудныхъ походахъ, о славныхъ дѣлахъ вашихъ. Въ нынѣшнюю кампанію вы овладѣли двумя областями; 8 знаменъ, 50 пушекъ, 2 сардаря, 20 хановъ, 6,000 плѣнныхъ сарбазовъ и 10,000 разсѣянныхъ, бросившихъ оружіе, многочисленныя запасы продовольствія и снарядовъ,—вотъ добыча, вамъ завоеванная. Но прежде всего Богу Всевышнему благодарность, подателю успѣховъ и побѣдъ.

3.

Отъ 10-го февраля 1823 г., въ дер. Трукманчаѣ.

Храбрые товарищи! Поздравляю васъ съ заключеніемъ мира въ Трукманчаѣ, славнаго для Россіи, для возлюбленнаго знаменитаго отечества нашего. Вы завоевали миръ сей великодушными усиліями, въ бояхъ пылкою храбростію и величайшимъ терпѣніемъ въ перенесеніи трудовъ утомительныхъ.

Возблагодаримъ Бога. Мы совершили великое дѣло. Всякій офицеръ, всякій солдатъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, можетъ сказать себѣ съ благородною гордостію: и я послужилъ вѣрою и правдою великому царю. Имя его громко нынѣ въ краяхъ, куда прежде не доставали русскіе вооруженною рукою. Зной лѣта и суровость зимы перенесли мы бодро, чтобы исполнить державную волю г. и. Менѣе, нежели въ 8 мѣсяцевъ по вступленіи въ непріятельскія границы, мы водрузили знамена побѣды у подошвы Кафланку. Нынѣ враги наши съ лихвою заплатили за несправедливое вторженіе въ нашу Грузію: ка зна ихъ взята, земли отняты, предѣлы Россіи еще обшпріѣе, непріятели сдѣлались друзьями. И гдѣ тѣ дерзкіе, которые бы вновь посмѣли возстать противъ русскаго царя?

Вамъ я обязавъ и славою личною, и милостями государя. Съ разстроганною душою благодарю васъ, храбрые друзья и сослуживцы. Умѣю цѣнить необыкновенное мужество, подчиненность, духъ воинственныи, кротость съ побѣжденными, добродушное обхожденіе въ горо-

дахъ завоеванныхъ, наконецъ, всё тѣ прекрасныя качества, которыя упрочили успѣхи ваши и столько чести дѣлають русскому имени въ воинахъ кавказскаго корпуса. Къ престолу государя императора вознесу сердечный отзывъ мой, о васъ и важныхъ подвигахъ вашихъ. Онъ одинъ, цѣною высочайшихъ наградъ, можетъ достойно воздать вамъ за великодушныя порывы ревности и усердія вашего къ нему и отечеству.

4.

Марта 8-го дня 1828 г., въ Тавризѣ.

4-го числа сего мѣсяца, вечеромъ, по полученному извѣстію, что нѣсколько рядовыхъ Херсонскаго гренадерскаго полка, склоняемые къ побѣгу, удерживаются насильно въ одномъ домѣ на форштадтѣ,—полцеймейстеръ Чилаевъ съ двумя офицерами, однимъ унтеръ-офицеромъ и 10 рядовыми пошелъ освободить ихъ.

Пришедъ къ тому дому, полцеймейстеръ Чилаевъ послалъ съ нѣсколькими рядовыми поручика Кайданова во внутрь онаго, но стояшіе у дверей татары бросились на него съ оружіемъ и, ударивъ по головѣ, сбили его съ ногъ; послѣ, съ сильнымъ крикомъ, звали на помощь сосѣдей, которые мгновенно собрались въ большомъ числѣ, такъ что полцеймейстеръ, во избѣжаніе кровопролитія, принужденъ былъ оставить домъ и выдти на улицу; но при семъ случаѣ уже недоставало въ командѣ его двухъ рядовыхъ, изъ которыхъ одинъ попалъ въ яму, а другой захваченъ въ комнатѣ дома, котораго ворота бунтующая толпа тотчасъ заперла.

Видя опасность, означенные солдаты рѣшились освободиться силою: первый изъ нихъ, рядовой Ширванскаго пѣхотнаго полка, Куксенко, на жизнь котораго посягали бунтовщики, зарядилъ ружье боевымъ патрономъ и выстрѣломъ ранилъ одного персіянина на вылетъ, но, видя, что выходъ изъ дому былъ все еще защищаемъ множествомъ людей, сдѣлалъ вторичный выстрѣлъ, каковымъ ранилъ еще одного персіянина, и вслѣдъ засимъ пошелъ съ штыкомъ на всю толпу, ранилъ третьяго и тѣмъ очистилъ себѣ дорогу и вывелъ вмѣстѣ съ собою обезоруженнаго своего товарища.

За таковой мужественный и похвальный подвигъ рядоваго Ширванскаго пѣхотнаго полка Куксенко, возложилъ я на него знакъ отличія военнаго ордена и дѣлаю о томъ извѣстнымъ по вѣренному мнѣ корпусу.

5.

Отъ 6-го апрѣля 1828 г., въ Тифлисѣ.

Храбрые товарищи! Государь императоръ удостоилъ особеннымъ вниманіемъ труды и подвиги ваши. Высочайшій приказъ е. и. величества 13-го марта сего года, при семъ прилагаемый, показываетъ, сколько велико къ вамъ благоволеніе всеавгустѣйшаго монарха.

Поздравляю васъ, храбрые товарищи! Мужество ваше, усердіе и постоянство получили достойную награду, и медаль за персидскую войну на груди вашей будетъ всегдашнимъ свидѣтельствомъ и заслугъ вашихъ, и признательности къ онымъ всемилостивѣйшаго государя.

Облагодѣтельствованный свыше мѣры государемъ премилосердымъ, вамъ считаю себя обязаннымъ за всѣ милости, на меня изліянныя, и за особенную себѣ честь вмѣняю начальствовать воинами столь отличными.

Сообщ. 20-го декабря 1825 г. Ад. П. Берже.

Приказъ маюра Мызникова

19-го января 1844 г.

Командиръ 2-го батальона Тифлискаго егерскаго (нынѣ гренадерскій) полка, маюръ Мызниковъ, находился въ составѣ отряда, подъ начальствомъ командующаго войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ, генераль-маюра Клюки фонъ-Клугенау, и 19-го января 1844 г. ему вздумалось отдать приказъ по баталіону, чтобы нижніе чины во время битвы съ неприятелемъ кричали не «ура», а «Иисусъ», на томъ основаніи, что «ура» происходитъ отъ татарскаго слова «гауръ».— Объ этомъ дошло до свѣдѣнія начальника отряда, Клюки фонъ-Клугенау, и онъ письмомъ донесъ, препроводивъ и самый приказъ, начальнику штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, который въ свою очередь доложилъ корпусному командиру, генераль-адъютанту Нейдгардту. Послѣдній, прочитавъ письмо Клюки фонъ-Клугенау и приказъ маюра Мызникова, велѣлъ объявить этому штабъ-офицеру, чтобы онъ не смѣлъ отдавать подобныхъ приказовъ и, если окажется, что онъ не можетъ командовать батальономъ, разрѣшилъ отрѣшить его отъ должности и о томъ донести ему. Въ это время маюръ Мызниковъ съ своимъ батальономъ уже находился въ составѣ Самурскаго отряда, подъ начальствомъ генераль-маюра князя Аргутинскаго-Долгорукова, которому Клюки фонъ-Клугенау, 19-го апрѣля того же года, сообщилъ волю корпуснаго командира для распоряженія; но что сдѣлано съ Мызниковымъ—изъ дѣла не видно.

Вотъ курьезный приказъ Мызникова:

«Въ бѣдственныя времена гнѣва Божьяго, когда татарское иго болѣе 200 лѣтъ бременило надъ Россією, вошло въ обыкновеніе употреблять и нѣкоторыя татарскія слова въ нашемъ родномъ языкѣ; они остались у насъ, какъ бы нѣкоторыми памятниками и казни небесной—игомъ и милосердія небеснаго—избавленіемъ; а и теперь еще татары и другіе народы магометанскаго исповѣданія, бросаясь въ сраженіяхъ на христіанъ, поносятъ насъ крикомъ своимъ: «гауръ! гауръ!» т. е.

собаки, собаки ¹⁾, и это пріучило и насъ издавна употреблять почти тотъ же самый крикъ въ битвахъ, потому что и у насъ кричатъ при нападеніяхъ: «ура! ура!», что значить ничто иное, какъ часть той брани, которою стараются унизить насъ магометане. Такимъ образомъ въ простодушномъ незнаніи, мы какъ будто только напоминаемъ всегда непріятеля, какъ насъ бранили, какъ насъ бранятъ. Итакъ: тифлисцы! вмѣсто поноснаго слова «ура», которое не защититъ, ни оборонить не можетъ, будетъ лучше съ должнымъ христіанскимъ благоговѣніемъ не только въ молитвахъ нашихъ, но и бѣжа на огонь и желѣзо непріятельское, призывать святое и страшное имя пресвятаго Спасителя нашего «Иисусъ!» Да будетъ грознымъ крикомъ вашимъ когда вы кинетесь въ сѣчу на остервененныхъ враговъ своихъ».

«Я знаю, что умные тифлисцы поймутъ меня и послушаютъ» ²⁾.

Сообщ. Вѣхаровъ.

¹⁾ Слово глуръ значить не собака, а невѣрующій въ Бога — измѣнникъ, идолопоклонникъ.

²⁾ Позаимствовано изъ дѣла бывшаго штаба войскъ Дагестанской области 1844 г. № 11.

НА ДУНАѢ И ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ

1854—1855.

„Русская Старина“ въ теченіи семнадцати лѣтъ изданія помѣстила на своихъ страницахъ, между прочими, множество статей, записокъ и воспоминаній о крымской войнѣ 1854—1855 гг. Какъ при этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, ред. руководилась чувствомъ полнѣйшаго безпристрастія и постояннымъ стремленіемъ къ раскрытію правды, одной только правды.

Ред. „Русской Старины“ сохраняетъ убѣжденіе, что правда никогда не умалитъ честь и достоинство нашей славной арміи; но если, печатая разные записки, „Русской Старинѣ“ доводилось отводить мѣсто рассказамъ нѣсколько одностороннимъ или переданнымъ съ раздраженіемъ и ошибками, то она сохраняла убѣжденіе, что вольныя и невольныя погрѣшности рассказчиковъ будутъ исправлены другими участниками и дѣятелями въ тѣхъ-же событіяхъ, и истина раскроется или свидѣтельствомъ современниковъ, или подлинными документами, которые въ такомъ изобиліи помѣщаетъ на своихъ страницахъ „Русская Старина“.

Не было примѣра, чтобы редакція этого историческаго журнала отказала въ помѣщеніи поправки, дополненія или исправленія того, что было сообщено на страницахъ этого изданія.

Помѣстивъ въ 1855 году на стр. „Русской Старины“ Записки покойнаго артиллерійскаго генерала Духонина о Севастополѣ, въ той-же „Русской Старинѣ“ (изд. 1886 г., т. XLVIII, стр. 732—733), по поводу этихъ записокъ, ред. журнала напечатала слѣдующее:

„Записки артиллерійскаго генерала Духонина“ не лишены своего интереса, но, къ сожалѣнію, авторъ нѣрѣдко писалъ подъ впечатлѣніемъ тѣхъ толковъ и крайне одностороннихъ отзывовъ и заключеній, которые онъ слышалъ отъ своихъ соотечественниковъ по оборонѣ Севастополя, нѣрѣдко подъ громомъ самой ужасной бомбардировки. Къ такимъ мемуарамъ должно относиться

весьма осторожно, проверяя известія, ими сообщаемыя. Для насъ такія записки, главнымъ образомъ, имѣютъ только то значеніе, что онѣ служатъ нагляднымъ выраженіемъ того направленія умовъ, какое было на мѣстѣ совершенія тѣхъ или другихъ историческихъ событій.

„Кстати, два слова по поводу таковыхъ записокъ: одно высокочтимое нами лицо и постоянный читатель „Русской Старины“ сдѣлало намъ укоръ почему мы такія записки не обставляемъ своими возраженіями и поясненіями. Мы полагаемъ, что это почти излишне. „Русская Старина“ издается не первый годъ—ея изданіе близится къ концу втораго десятилѣтія. Издается она не для подростковъ-юношей, а для такихъ людей, изъ которыхъ многіе сами, такъ сказать, дѣлали исторію и потому ею особенно живо интересуются; читается это изданіе, изъ году въ годъ, въ большинствѣ ея читателей, одними и тѣми-же лицами: для нихъ известна та масса матеріаловъ, самаго разнообразнаго содержанія, какіе мы представили, нерѣдко объ однихъ и тѣхъ-же, особенно выдающихся, событіяхъ и дѣятеляхъ въ новѣйшей исторіи нашего отечества, а потому мы вправѣ надѣяться, что таковыя читатели и безъ нашихъ указокъ сопоставятъ одни свѣдѣнія съ другими, сами сдѣлаютъ выводъ—гдѣ правда, гдѣ ошибка, предубѣжденіе или неправда“.

А чтобы помочь въ этомъ дѣлѣ нашимъ читателямъ по отношенію къ запискамъ Духонина, мы представляемъ здѣсь интересныя замѣтки двухъ известныхъ севастопольцевъ—гг. Алабина и Крижановскаго.

Ред.

[Изъ записокъ П. В. Алабина].

Почтенный редакторъ „Русской Старины“, помѣщая на страницахъ своего уважаемаго журнала ¹⁾ „Записки и дневникъ“ генерала Духонина, бывшаго начальника артиллерійскихъ парковъ въ южной и крымской арміяхъ, нашелъ необходимымъ, въ виду нѣкоторыхъ, очевидно невѣрныхъ и совершенно невѣроятныхъ, рассказовъ Духонина, замѣтить (стр. 602), что „на всѣ подобныя замѣтки должно смотрѣть какъ на слухи, слишкомъ поспѣшно занесенные современникомъ въ его дневникъ“. Совершенно соглашаясь съ дальнѣйшимъ замѣчаніемъ г. редактора, что таковыхъ замѣтокъ не приходится, однако, выбрасывать при печатаніи дневника, мы, съ своей стороны, находимъ весьма полезнымъ исправить теперь-же наиболѣе серьезные промахи генерала Духонина и, такимъ образомъ—возстановить истину.

¹⁾ „Русская Старина“, июль—октябрь и декабрь 1886 г.

I.

Генераль-маіоръ Л. Г. Духонинъ находился по 26 мая 1855 года при южной арміи и затѣмъ, въ званіи начальника подвижныхъ и летучихъ парковъ въ Крыму, былъ подъ Севастополемъ, слѣдовательно, свидѣтелемъ осеннихъ событій 1854 года въ Крыму не былъ, а также не былъ ни участникомъ, ни очевидцемъ Ольтеницкаго сраженія 1853 года, на Дунаѣ. Изъ этого надлежитъ заключить, что Духонинъ рассказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ по слуху и по этой, вѣроятно, причинѣ во многихъ случаяхъ невѣрно.

Начнемъ съ Ольтеницкаго сраженія, рассказаннаго генераломъ Духонинымъ въ примѣчаніи 1-мъ въ стр. 265 (августъ 1885 г.).

По словамъ Л. Г. Духонина, турки, около 20—21 октября, въ числѣ 8,000 человекъ, перейдя Дунай, заняли „на лѣвомъ его берегу деревни Ольтенице“.

„Впереди деревни были старыя батареи, которыя турки починили и расположились тамъ, имѣя по флангамъ укрѣпленія небольшой флотъ“.

„Князь Горчаковъ приказалъ генералу Даненбергу, съ войсками 11 пѣхотной дивизіи, выгнать оттуда турокъ“.

Въ дѣйствительности дѣло было иначе.

На лѣвомъ берегу Дуная, противъ гор. Туртукая, существовали двѣ деревни Ольтеницы: Старая и Новая. Вторая верстахъ въ 2-хъ отъ Дуная (910 сажень); первая—верстахъ въ четырехъ. Турки ни той, ни другой деревни никогда не занимали; никакихъ старыхъ укрѣпленій впереди этихъ деревень не существуетъ и турки ихъ, слѣдовательно, никогда не чинили и фланги этихъ укрѣпленій никакимъ флотомъ не прикрывали ¹⁾. Въ дѣйствительности на лѣвомъ берегу Дуная, у устья р. Аржиса, противъ Туртукая, существуютъ каменные зданія карантинна — ихъ-то и

¹⁾ Богдановичъ (Восточная война, т. I, стр. 132.) при описаніи Ольтеницкаго сраженія, упоминаетъ о 5 лодкахъ, стоявшихъ у лѣваго берега Дуная ниже карантинна, вооруженныхъ орудіями, которыя обстрѣливали пространство впереди карантинна. Но и это показаніе невѣрно—никакихъ вооруженныхъ судовъ у турокъ не было въ Ольтеницкомъ дѣлѣ. П. А.

заняли турки, переправясь черезъ Дунай, укрѣпили и окружили земляными укрѣпленіями, откуда и приказано было намъ выбить турокъ 23 октября.

„Надо было видѣть воодушевленіе и радость офицеровъ и солдатъ Селенгинскаго, Охотскаго полковъ и другихъ войскъ, пущенныхъ на штурмъ“, говоритъ Духонинъ; но на самомъ дѣлѣ въ Ольтеницкомъ сраженіи Охотскій полкъ не участвовалъ.

„Но первое распоряженіе Даненберга, продолжаетъ Духонинъ, въ приступу смутило солдатъ — имъ приказано идти на штурмъ въ ранцахъ“.

Такое распоряженіе не смущало солдатъ, потому что его и быть не могло, такъ какъ ранецъ есть непремѣнная принадлежность солдатскаго снаряженія; если-же и могло послѣдовать какое распоряженіе относительно ранцевъ, то только противоположное, т. е., идя въ дѣло, оставить ранцы тамъ-то.

Въ Ольтеницкое сраженіе вступили въ ранцахъ, потому что движеніе не было утомительно и никакихъ особенныхъ физическихъ трудностей преодолевать не предстояло.

Указываемаго Духонинымъ перекрестнаго огня съ укрѣпленій и турецкаго флота, подъ которымъ весело, бѣгомъ шли наши колонны, быть не могло, такъ какъ никакого у турокъ не было въ этомъ дѣлѣ вооруженнаго флота, хотя-бы и изъ перевозочныхъ судовъ, какъ утверждаетъ Духонинъ.

Бѣгомъ на штурмъ олтеницкаго карантинна наши колонны не шли, а подвигались впередъ стройной линіей по мѣрѣ движенія впередъ нашей артиллеріи, нѣсколько разъ въ продолженіе сраженія снимавшейся съ позиціи, чтобы занять новую, ближайшую къ неприятелю, по которому съ двухъ, послѣдне-занятыхъ позицій, она дѣйствовала исключительно картечью.

По словамъ генерала Духонина: „Колонны были уже въ 10 саженьяхъ отъ укрѣпленія, какъ вдругъ услышали отбой. Трубы играли отступленіе, колонны остановились и подъ градомъ картечнаго огня нѣсколько минутъ стояли въ недоумѣніи, наконецъ, слыша повтореніе отступныхъ (?) звуковъ трубы, повернули назадъ и тутъ-то легли тысячи храбрыхъ и невинныхъ жертвъ сумасброднаго распоряженія“.

Не говоря уже о томъ, что никакихъ тысячъ невинныхъ жертвъ въ олтеницкомъ дѣлѣ не легло съ нашей стороны (231

убито, 695 ранено нижнихъ чиновъ), но вообще весь рассказъ объ этомъ дѣлѣ невѣренъ: никакія трубы, либо другіе инструменты сигнала отбоя не подавали. Напротивъ, какъ изъ подробнаго нашего разсказа объ этомъ эпизодѣ Ольтеницкаго сраженія ¹⁾ видно, генералъ Павловъ воспретилъ бить отбой, чтобы, какъ онъ выразился, „не радовать турокъ!“, и разослалъ насъ, при немъ состоявшихъ, къ колоннамъ съ словеснымъ приказаніемъ: „отступить!“

„Исторія, настаиваетъ Духонинъ, молчитъ объ этомъ постыдномъ отбоѣ!“ (что-же исторія можетъ сказать о небываломъ?). „Но герой этого дня, Охотскаго полка подполковн. Скюдери, получившій здѣсь двѣ пули въ руку и третью въ спину, при отступленіи, говорилъ всѣмъ, что Даненбергъ ударилъ отбой „отъ потери присутствія духа“.

Мы никакихъ нѣжныхъ чувствъ къ генералу Даненбергу не питаемъ, особеннаго значенія его воинскому искусству не придаемъ, но во всякомъ случаѣ, по долгу истины, скажемъ, что никогда и никто изъ свидѣтелей нахождения генерала Даненберга на полѣ битвы, подъ огнемъ непріятельскимъ, въ малодушіи его не упрекалъ. Затѣмъ, на какомъ основаніи подполковникъ Скюдери сдѣлался героемъ дня 23 октября—мы не знаемъ. Что онъ мужественно переносилъ сграванія, причиненныя ему тремя огнестрѣльными ранами — это вѣрно; но тяжело изранены въ этотъ день были и другіе, заслужившіе, слѣдовательно, тѣ-же эпитеты, что и Скюдери.

Чтобы сдѣлаться героемъ дня въ сраженіи, надлежитъ совершить подвигъ, имѣющій рѣшающее значеніе на исходъ боя. Такого подвига, какъ извѣстно, въ Ольтеницкомъ сраженіи, подполковникъ Скюдери не совершилъ, слѣдовательно, и геройемъ этого дня названъ быть не можетъ.

Ординарцы, говоритъ Духонинъ, неотлучно бывшіе при Даненбергѣ, единогласно, подтвердили (кому? кто производилъ это слѣдствіе?), что онъ, во все время боя, оставался на томъ мѣстѣ, откуда войска пошли на штурмъ (въ 2½ верстахъ отъ укрѣпленія).

¹⁾ Походныя записки въ войну 1853—56, ч. I, прим. 27, изд. 1861 г.

Генералу Даненбергу, какъ военачальнику, руководившему боемъ, однажды избравшему пунктъ, съ котораго онъ могъ наблюдать за ходомъ всего дѣла, въ данномъ случаѣ, мѣнять этого пункта не было никакой надобности, потому что поле сраженія представляло собою, относительно, небольшое пространство, было совершенно открыто для наблюдений и по ходу дѣла присутствіе военачальника ни на какомъ другомъ пунктѣ не требовалось. При томъ, надо замѣтить, за перемѣны пунктовъ нахождения во время боя, самъ-же Духонинъ обвиняетъ князей Меншикова и кн. Петра Горчакова, рассказывая объ участіи ихъ въ альминскомъ сраженіи („Русская Старина“ іюль, 1885 г.). Впрочемъ, пунктъ, избранный генераломъ Даненбергомъ, находился отъ укрѣпленія, атакованнаго нами, не въ 2¹/₂ верстахъ, какъ говоритъ Духонинъ, а менѣе чѣмъ въ 900 саженьяхъ, такъ какъ крайній домъ Новой Ольтеницы, занятый перевязочнымъ пунктомъ, находился въ этомъ разстояніи отъ карантинныхъ укрѣпленій, а генераль Даненбергъ, со свитою, подъ прикрытіемъ дивизіона корпусныхъ жандармовъ, стоялъ гораздо впереди перевязочнаго пункта, несомнѣнно подъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля.

Видъ крови проносимыхъ мимо генерала Даненберга раненыхъ, по словамъ Духонина, будто-бы такъ его разстроилъ, что онъ: „вдругъ неожиданно для всѣхъ закричалъ: „послать трубача!“ и приказалъ играть роковое отступленіе“.

Изъ вышеупомянутаго рассказа нашего объ Ольтеницкомъ сраженіи, помѣщеннаго въ I-й части нашихъ „Походныхъ записокъ“, видно, что сигнала отбоя для прекращенія этого сраженія подаваемо не было. Изъ того-же рассказа можно убѣдиться, что рѣшеніе отступить не было принято Даненбергомъ— „вдругъ“. Напротивъ, въ самый разгаръ дѣла, вида, что взятіе карантина, защищеннаго сильнѣе чѣмъ, предполагали, и обстрѣливаемаго какъ артиллеріей противулежащаго Туртукая, такъ и батареей острова, находившагося въ ближайшемъ разстояніи отъ карантина, ни къ какому благопріятнымъ результатамъ привести не можетъ, такъ какъ будетъ имѣть послѣдствіемъ огромную потерю въ людяхъ и, во всякомъ случаѣ, вынужденное оставленіе карантина, генераль Даненбергъ убѣдился въ необходимости прекращенія дѣла; но рѣшеніе въ этомъ направленіи принялъ всетаки не вдругъ, какъ утверждаетъ Духонинъ, а предварительно пославъ своего

ординарца, князя Горчакова, спросить генерала Павлова: может ли онъ взять карантинъ? Затѣмъ, генералъ Даненбергъ тогда только послалъ приказаніе названному генералу прекратить дѣло и отступить, когда получилъ отъ него категорическій отвѣтъ, что онъ, за израсходованіемъ всѣхъ резервовъ и находясь подъ огнемъ батарей того берега Дуная и острова — взять карантинъ не можетъ.

Все нами сказанное совершенно вѣрно. Свидѣтели событія еще не всѣ сошли въ могилу и потому извращеніе фактовъ, вольное или невольное, во всякомъ случаѣ искажающее истину, тѣмъ болѣе въ ущербъ добраго имени того или другаго лица, не должно, мы полагаемъ, оставаться безъ возраженій.

Въ дальнѣйшемъ разборѣ „Записокъ и дневника“ генерала Духонина, мы ограничимся указаніемъ главнѣйшихъ промаховъ и невѣрностей, въ нихъ допущенныхъ.

II.

Генералъ Духонинъ порицаетъ дѣйствія князя Меншикова въ Крыму передъ высадкой союзниковъ, упрекая его въ „равнодушіи въ пользамъ государства“ (стр. 91), и въ томъ, что онъ не думалъ о защитѣ Крыма (стр. 90), и въ безпечности, съ какою онъ бросилъ на произволь случая Евпаторію, Балаклаву, Феодосію и даже Керчь (стр. 91), и въ неподвижности до альминской битвы (стр. 92), и въ томъ, что гордый князь не хотѣлъ слушать ни чьихъ совѣтовъ (стр. 92), и въ упорномъ бездѣйствіи и въ безпечности (стр. 93), — словомъ, генералъ Духонинъ произноситъ надъ кн. Меншиковымъ обвинительный приговоръ, не допуская протеста.

Какъ видно, составляя свои „Записки“ по слуху, со словъ людей, находившихся подъ впечатлѣніемъ событій, въ состояніи полнѣйшаго увлеченія, Духонинъ самъ увлекается до того въ своихъ разсказахъ, что въ одномъ мѣстѣ увѣряетъ, будто жители, насыпавшіе севастопольскіе верви, за неимѣніемъ тачекъ и носилокъ, доставляли землю на валы — даже горстями (стр. 95).

Генералъ Духонинъ, какъ кажется, воображаетъ, будто князь Меншиковъ могъ, если бы только захотѣлъ, не допустить союзниковъ до высадки въ Крыму, забывая, что, съ одной стороны, предугадать мѣста высадки было невозможно, — съ другой, что при громадности боевыхъ средствъ союзниковъ всякая искусственная помѣха высадкѣ была бы, безъ особыхъ усилій, уничтожена артиллеріей союзниковъ. Что же касается до отзывать богатыхъ жителей и негоціантовъ города Керчи, которые, по словамъ Духонина, укрѣпили бы свой городъ, на свой счетъ, лишь бы только имъ было указано что дѣлать, и не допустили бы къ себѣ непріятеля, то таковыя отзывы—развѣ возможно признавать серіозными?

Тотлебенъ, въ I части своего „Описанія обороны Севастополя“ (стр. 147), совершенно справедливо замѣчаетъ, что при нынѣшнемъ состояніи пароваго флота, при отсутствіи тогда у насъ желѣзной дороги въ Крымъ, „непріятель имѣлъ полную возможность демонстраціями отвлечь наше вниманіе на одинъ какой нибудь пунктъ полуострова и заставить оттянуть туда свои силы и вслѣдъ за тѣмъ произвести высадку на совершенно другомъ пунктѣ и утвердиться на немъ прежде, чѣмъ войска наши были бы въ состояніи туда сосредоточиться“.

Только изъ записокъ генерала Духонина мы узнаемъ, что князь Меншиковъ приказалъ Корнилову (исполнившему приказаніе) сжечь огромные запасы корабельнаго лѣса, плававшего вокругъ города (стр. 112, примѣч. I), (лѣса этого было, по словамъ Духонина, на миллионъ руб. сер., стр. 91),—а также „всѣ старше и негодные на службу орудія и лафеты затопить въ бухтѣ“ (стр. 111).

Ни въ одномъ изъ сочиненій официальныхъ и неофициальныхъ о Севастополѣ мы не встрѣчали доселѣ упоминанія о такомъ распоряженіи кн. Меншикова, очевидно, бесполезномъ, такъ какъ корабельный лѣсъ если и былъ запасенъ, то въ городѣ, а не вокругъ его, и во всякомъ случаѣ едва ли могла быть надобность сжигать его, а негодные лафеты и орудія таскать въ бухту, когда дорожили трудомъ каждаго лишняго человѣка, — при томъ, если названные предметы были негодны и бесполезны для насъ, то и подавно они были бесполезны для непріятеля.

Описывая (стр. 119) первую бомбардировку Севастополя, 5-го

октября, генер. Духонинъ, между прочимъ, утверждаетъ, что союзные адмиралы „съ цѣлю развлечь силы наши и пр., отыскавъ въ бухтѣ глубокія мѣста, между затопленными судами ввели въ бой до 35 паровыхъ кораблей и столько же пароходовъ, для буксирования ихъ“.

Хорошо же, значить, было сдѣлано нами загражденіе бухты съ цѣлю не допустить въ нее союзниковъ, когда они отыскиали глубокия мѣста между затопленными нами судами и вошли въ нее! Такое указаніе на событіе, по счастью въ дѣйствительности не совершившееся и не могшее совершиться, показываетъ только, полагаемъ, совершенное незнакомство генер. Духонина съ положеніемъ атаковавшаго Севастополь флота союзниковъ, во время бомбардировки, и со средствами и мѣрами защиты. Дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, въ ночь передъ бомбардировкою 5 октября англичане, на шлюпкѣ съ обвернутыми веслами, пытались дѣлать промѣръ мели, лежавшей сѣвернѣе Константиновскаго форта. При этомъ шлюпка подошла такъ близко къ форту, что слышали на немъ голоса; но промѣръ показалъ, что по измѣнчивости и непостоянству глубины большимъ кораблямъ очень близко къ форту подойти невозможно. Однако, при бомбардировкѣ 5 октября, англичане въ нѣкоторой степени воспользовались этимъ промѣромъ и поставили свои корабли „Агамемнонъ“ и „Санъ-Парель“ ближе другихъ къ форту, начавъ, такимъ образомъ, дѣйствовать не только съ ближайшаго разстоянія отъ него, но даже въ тылъ ему, конечно, съ большимъ для насъ вредомъ, хотя въ концѣ концовъ „Санъ-Парель“ пострадалъ отъ нашего огня такъ, что вынужденъ былъ отступить, а на „Агамемнонѣ“, который совершилъ другой блистательный подвигъ, вспыхнулъ пожаръ. Подвигъ этотъ состоялъ въ томъ, что когда на Константиновскомъ фортѣ взорвало наши зарядные ящики, чѣмъ причиненъ весьма значительный вредъ этому форту, „Агамемнонъ“ обогнулъ всю линію находившагося въ дѣлѣ англійскаго флота и пошелъ прямо въ середину Севастопольской бухты, причемъ, дойдя до линіи загражденія ея нашими затопленными судами, началъ однимъ бортомъ своимъ дѣйствовать противъ Константиновскаго форта, а другимъ противъ поражавшей его батареи № 10. Эту славную экскурсію „Агамемнонъ“ предпринялъ съ цѣлю изслѣдовать результатъ произведеннаго англичанами взрыва на Константинов-

скомъ фортѣ и дорого поплатился за свою любознательность, понесъ весьма серьезныя аваріи. Но рассказанное сейчасъ смѣлое движеніе „Агамемнона“ въ нашей перемычкѣ далеко еще отъ отысканія глубокаго мѣста между затопленными судами и вступленія въ бухту 30 кораблей съ 30-ю пароходами.

На страницѣ 120 ген. Духонинъ увѣряетъ, что „всѣ винтовые и паровыя суда союзниковъ, а равно и пароходы ихъ вернулись изъ боя (5 октября) безъ мачтъ, съ течью и пробитыми бортами“.

Достоверно извѣстно, что изъ числа военныхъ судовъ, участвовавшихъ въ первой бомбардировкѣ Севастополя (11 англійскихъ, 14 французскихъ и 2 турецкихъ), потерпѣли сильно 8 французскихъ кораблей, изъ нихъ одинъ потерялъ мачты, и 9 англійскихъ кораблей, изъ которыхъ два потеряли мачты.

На стр. 97 ген. Духонинъ повторяетъ свой, вышеупомянутый нами, рассказъ о соженіи корабельнаго лѣса въ Севастополѣ и о прочемъ, съ нѣкоторыми варіаціями и прибавленіями, о которыхъ доселѣ мы тоже не слышали. По его словамъ, послѣ альминскаго сраженія въ Севастополѣ было удивительное смятеніе: „Думали, что уже все пропало; форты Михайловскій, Константиновскій, Павловскій и другіе было назначено подорвать. Сдѣланы погреба, подожжены бочки и даже брошено было нѣсколько орудій въ бухту. Но Господь Богъ, послѣ перваго испуга (!), послалъ благоразуміе начальникамъ и тотъ, кто вчера отдалъ это приказаніе (Корниловъ), черезъ два дня велѣлъ остановиться исполненіемъ и готовиться къ оборонѣ. Такою же жертвою къ разрушенію назначена была батарея № 4 (на Сѣверной!!). Тамъ даже были уже сброшены пушки въ море, но послѣ ихъ вытащили“.

Признаться, мы въ Севастополѣ не слышали ничего подобнаго отъ многочисленныхъ свидѣтелей и участниковъ событій, прешествовавшихъ дню подступа въ Севастополь союзниковъ съ южной стороны, а также не встрѣчали подобнаго указанія ни въ одномъ официальномъ отчетѣ о первыхъ дняхъ защиты Севастополя, ни въ одномъ изъ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ описаній всѣхъ, даже мельчайшихъ, подробностей, касающихся этихъ незабвенныхъ дней. Къ сожалѣнію, авторъ записокъ не говоритъ, откуда онъ почерпнулъ приводимыя имъ свѣдѣнія.

На стр. 122 генер. Духонинъ увѣряетъ, будто моряки пола-

гаютъ, что Корниловъ „убить умышленно съ англійскаго флота“, и будто англійскіе плѣнные рассказывали потомъ: „мы видѣли, какъ убили вашего генерала около башни и узнали его по гнѣдой лошади съ бѣлой гривой, на которой его видѣли прежде“.

Надо думать, что и прежде англичане не могли видѣть Корнилова на гнѣдой лошади съ бѣлой гривой, а если и видѣли, то не могли знать, что это Корниловъ; но во время бомбардировки съ судовъ, стоявшихъ отъ берега, конечно, больше чѣмъ на версту, кто могъ въ огнѣ и дыму бомбардировки рассмотретьъ, а тѣмъ болѣе узнать, даже роднаго отца, въ особенности, когда съ судовъ, дѣйствовавшихъ по Севастополю,—и мѣстности, гдѣ убить Корниловъ, различить нельзя, какъ находившейся на противоположной сторонѣ города, закрытой громадными строеніями, не говорю уже различить ѣдущаго по этой мѣстности и сдѣлать его своею цѣлью.

III.

Перейдемъ къ рассказамъ объ Инкерманскомъ сраженіи подъ Севастополемъ 24 октября 1854 г.

Значительная часть этого рассказа посвящена характеристикѣ генерала Даненберга и порицанію его дѣятельности въ Инкерманскомъ сраженіи. Не принимая на себя роли защитника названнаго генерала, мы ограничимся только возстановленіемъ истины въ рассказахъ о немъ генер. Духонина.

По словамъ ген. Духонина, „планъ Инкерманскаго сраженія Даненбергомъ былъ составленъ умно и отчетливо; главная мысль онаго (какъ послѣ оказалось) состояла въ томъ, чтобы, пользуясь превосходствомъ нашихъ силъ надъ союзниками, атаковать одновременно центръ и фланги непріятельской позиціи и пр.“.

„Какъ послѣ оказалось, — замѣчаетъ въ свѣдѣніяхъ Духонинъ совершенно неумѣстно, — цѣль предполагавшагося наступленія нашего была всѣмъ, комѣ слѣдовало, извѣстна наканунѣ дѣла—она намѣчена и въ диспозиціи главнокомандующаго князя Меншикова словами: „24-го октября назначается наступленіе на англійскую позицію съ тѣмъ, чтобы, овладѣвъ высотами оной,

утвердиться на нихъ“, и диспозиціею генерала Даненберга, прямо говорившею: „цѣль предпріятія — отбросить отъ города правый флангъ непріятели и укрѣпиться на занимаемой имъ мѣстности“.

„А гдѣ былъ въ это время генераль Даненбергъ?“ спрашиваетъ ген. Духонинъ, говоря о происшедшемъ замѣшательствѣ въ войскахъ по случаю смертельнаго раненія генерала Соймонова, и отвѣчаетъ: „онъ, какъ и въ Ольтеницкомъ сраженіи, оставался на высотѣ, впереди бастіона № 2, и ничего не видѣлъ, кромѣ дыма“. „И только когда его извѣстили о смерти Соймонова“, испрашивая дальнѣйшихъ приказаній его колоннѣ— „Даненбергъ поѣхалъ въ войскамъ“.

Это совершенное незнаніе происходившаго.

Подъ генер. Даненбергомъ въ этотъ день убито двѣ лошади, слѣдовательно, онъ не прятался, какъ даетъ понять ген. Духонинъ. Это во первыхъ, а во вторыхъ: генераль Соймоновъ смертельно раненъ, какъ извѣстно, въ началѣ дѣла, когда еще не вся наша колонна (генерала Павлова, при которой долженъ былъ находиться и дѣйствительно находился генераль Даненбергъ по приказанію главнокомандующаго) перешла инкерманскій мостъ. Слѣдовательно, если бы это и была правда, что говоритъ Духонинъ относительно прибытія ген. Даненберга въ войскамъ лишь по полученіи донесенія о смертельной ранѣ Соймонова, то и тутъ не зачто было бы винить Даненберга, потому что его прибытіе относилось бы къ началу дѣла и раньше вступить въ дѣло онъ не могъ.

Генераль Даненбергъ перешелъ съ нами р. Черную, лишь только изготовленъ былъ мостъ, и затѣмъ отнюдь не оставался, хотя бы до какого либо извѣстнаго момента, празднымъ зрителемъ боя, а напротивъ (какъ видно изъ тома II моихъ „Походныхъ записокъ“, стр. 84, 85, 87) руководилъ дѣйствіями различныхъ частей своего отряда въ самомъ бою и одушевлялъ эти части примѣромъ своей личной отваги.

По словамъ ген. Духонина (стр. 270), отъ бывшихъ передъ тѣмъ дождей дорога такъ испортилась, что войска Павлова не попали своевременно на требуемый пунктъ потому, что при этомъ слѣдованіи вынуждены были останавливаться для починки дороги.

Во все время слѣдованія войскъ Павлова съ инкерманской позиціи до инкерманскаго моста на Черной, они не встрѣтили ни одной остановки, вслѣдствіе испортившейся дороги.

Генераль Духонинъ совершенно неосновательно обвиняетъ генерала Даненберга въ оклеветаніи памяти Соймонова „въ перемѣнѣ позиціи“ и въ „преждевременномъ началіи боя“.

Какія бы причины ни побудили генерала Соймонова въ тому и другому дѣйствіямъ, во всякомъ случаѣ таковыя нарушили планъ сраженія, проэктированный генер. Даненбергомъ, и очень возможно, что таковое нарушеніе было причиною проигрыша онаго. Слѣдовательно, генер. Даненбергъ въ реляціи своей не клеветаль, а выставлялъ совершившіеся факты, по его мнѣнію, повредившіе дѣлу, въ свою защиту.

Дальше генер. Духонинъ, взявшись сдѣлать описаніе битвы, передаетъ его подробности невѣрно. Полки у него перепутаны; моменты перемѣшаны; совершенное одною частью войска — приписывается другой части и, въ концѣ-концовъ, изъ сдѣланнаго описанія ничего нельзя понять.

Такъ, напримѣръ (ст. 272—273), о полкахъ Тарутинскомъ и Бородинскомъ, составлявшихъ въ дѣйствительности часть отряда Павлова, говорится, что они, по приказанію генерала Соймонова, построившись въ ротныя колонны, вмѣстѣ съ полками 10-й дивизіи ударили на непріятеля и пр., когда въ дѣйствительности тарутинцы и бородинцы только еще переходили Инверманскій мостъ, а уже имъ на встрѣчу несли генерала Соймонова на перевязочный пунктъ.

На стр. 273 говорится, что Соймоновъ умеръ черезъ полчаса послѣ раны, на мѣстѣ битвы, тогда какъ онъ умеръ только на слѣдующій день, т. е. 25-го октября.

Генералы—Каминскій (?) и Павловъ будто-бы говорили ген. Духонину (стр. 273), что „минуты ихъ колебанія, недоразумѣнія и совѣщанія: куда идти и что дѣлать? были для насъ минутами роковыми“,—между тѣмъ, въ дѣйствительности никакихъ ни колебаній, ни совѣщаній, по крайней мѣрѣ у генерала Павлова, съ кѣмъ-либо не имѣло мѣста въ этотъ день.

Такъ подробно рассказанной ген. Духонинимъ „кровавой сѣчи на жизнь и смерть“, завязавшейся въ оврагѣ (каменоломнѣ) между полками—Томскимъ, Колыванскимъ и Еватеринбургскимъ съ одной стороны и англичанами—съ другой, въ дѣйствительности не происходило, а потому и не было рассказанаго подвига спасенія ихъ четырьмя полками резерва генерала Жабоврицкаго и полками—Бородинскимъ и Тарутинскимъ.

Эпизоды сраженія разсказываются генераломъ Духонинимъ какъ-бы разсказывались человѣкомъ, никогда не видавшимъ сраженія и не имѣющимъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что и какъ дѣлается въ сумятицѣ боя. Напримѣръ, „завидя хитрость Каткарта, русскіе полки... рѣшились наказать дерзкаго лорда и для того раздѣлили трудъ: якутцы продолжали преслѣдованіе, а селенгинцы открыли ружейный огонь по англичанамъ“. Какъ это все удобно и легко дѣлается въ сраженіи: и раздѣляется трудъ, и навазывается дерзкій лордъ!

Полковникъ Собашинскій, командиръ Селенгинскаго полка будто-бы разсказывалъ генералу Духонину, что командиры полковъ 11-й дивизіи были въ томъ же отчаянномъ положеніи, какъ были полки 10-й дивизіи, когда убили Соймонова: никто не зналъ, что ему дѣлать, они „были брошены на произволь случая“.

Да, но гдѣ-же былъ начальникъ 11-й дивизіи, генералъ Павловъ? Сколько извѣстно, его еще не упрекали въ отсутствіи съ поля битвы 24-го октября, да и упрекнуть никто не могъ, потому что онъ не повидалъ его ни на минуту.

Генералъ Духонинъ упрекаетъ Даненберга за несмѣну полковъ 11-й дивизіи, полками: Екатеринбургскимъ, Томскимъ, Колыванскимъ, Бородинскимъ и Тарутинскимъ, будто-бы представлявшими собою, вмѣстѣ съ четырьмя полками резерва, огромныя средства, забывая, что названные полки, въ моменту боя, на который указываетъ ген. Духонинъ, представляли уже собою безформенную массу отброшенныхъ непріателемъ людей, столпившихся въ каменоломнѣ и на берегу Черной, прикрываясь ея отвѣсными берегами отъ непріятельскаго огня. Пусть-бы самъ Духонинъ попробовалъ привести тогда эту массу въ порядокъ, придать людямъ, ее составлявшимъ, необходимую стройность и повести ихъ на непріятеля!

„Еще неизвѣстно, кто далъ приказаніе отступить нашимъ войскамъ“, говоритъ ген. Духонинъ (стр. 284), видимо заподозрѣвая въ этомъ генерала Даненберга, который, будто-бы, „исчезъ“ съ поля битвы.

Между тѣмъ, на дѣлѣ никто не давалъ войскамъ приказанія отступать съ занятыхъ ими съ бою высотъ — войска, просто на-просто, были опрокинуты съ нихъ французами и прогнаны, частію въ каменоломню, частію на берегъ Черной. Что-же

касается до отступленія этихъ столпившихся и перемѣшавшихся полковъ обратно, за Черную, то приказаніе объ этомъ частію отдано генераломъ Даненбергомъ, о чемъ онъ лично заявилъ главнокомандующему, частію отдано самимъ главнокомандующимъ, сначала черезъ одного изъ ординарцевъ князя, потомъ черезъ меня, лично таковое получившаго отъ кн. Меншикова, какъ это мною и рассказано на стр. 79 моихъ „Записокъ“.

Что отступление нашихъ войскъ собственно до р. Черной было крайне беспорядочное—это вѣрно, но что „бригадные генералы, командиры полковъ и почти всѣ батальонные командиры были ранены или убиты и полками командовали прапорщики“—это вымысль. Охотскій полкъ потерялъ офицеровъ больше всѣхъ другихъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, полковъ, но и его вывелъ изъ дѣла не прапорщикъ, а одинъ изъ ротныхъ командировъ—капитанъ Кравченко.

Со словъ какого-то артиллериста генералъ Духонинъ не задумывается передавать, будто „причина, отчего оставлена нами артиллерія (въ Инкерманскомъ сраженіи) безъ прикрытія, происходила отъ страшнаго беспорядка; ибо мостъ при Инкерманѣ, куда было назначено отступать артиллеріи, былъ занятъ англичанами. Двѣ батареи: одна конная и одна казачья, проскакали черезъ него маршь-маршемъ, что удивило и самого неприятеля, ибо англичане пропустили ихъ безъ выстрѣла“ (стр. 449).

Полагаемъ, каждый участникъ Крымской войны настолько былъ знакомъ съ исторіей этой кампаніи вообще и съ главными моментами инкерманскаго дѣла въ частности, что зналъ о безпрепятственномъ отступленіи главной части нашихъ войскъ изъ Инкерманскаго сраженія тѣмъ же путемъ, какимъ они пошли въ дѣло, т. е. черезъ Инкерманскій мостъ, который, также какъ и мѣстность, гдѣ онъ былъ наведенъ въ ночь на 24-е октября, не только въ этотъ день, но и во все время севастопольской осады, въ рукахъ неприятеля не былъ.

IV

На стр. 447 генераль Духонинъ владываетъ въ уста умнаго и дѣльнаго генерала Ник. Андреевича Крыжановскаго, впоследствии оренбургскаго генераль-губернатора, рассказъ о какомъ-то имъ будто-бы сдѣланномъ главнокомандующему князю Горчакову, въ сущности, совершенно странномъ предложеніи какой-то непонятной диверсіи противъ союзниковъ для спасенія Севастополя, при чемъ, въ заключеніе приводится слѣдующее замѣчаніе, будто-бы добавленное генераломъ Крыжановскимъ: „впрочемъ, надо сказать, что князя Горчакова много сбиваетъ Тотлебенъ“.

Признаться, впервые пришлось слышать, чтобы такіе соратники генерала Тотлебена, какъ генераль Н. А. Крыжановскій, взводили на него обвиненія подобнаго рода, да къ тому же еще во время самой осады, когда всѣ мы, отъ послѣдняго офицера до главнокомандующаго, видѣли въ Тотлебенѣ душу и героя защиты, благодаря кому она и протанулась столь необычайно долго.

На стр. 264 генер. Духонинъ увѣряетъ, будто намъ, во время слѣдованія въ Севастополь, отпускали по три порціи водки въ день и по три фунта мяса на человѣка!...

На стр. 277 Духонинъ утверждаетъ, будто атакованный нашими англійскій редутъ защищала гордая гвардія англичанъ подъ начальствомъ Кольдстрема, тогда какъ у англичанъ генерала съ такою фамиліею и не бывало, а подъ именемъ Кольдстремовъ разумѣется извѣстная часть англійской гвардіи, которая и защищала дѣйствительно одну изъ англійскихъ батарей въ Инкерманскомъ сраженіи.

Послѣднихъ дней Севастополя генераль Духонинъ былъ личнымъ свидѣтелемъ, какъ можно заключить изъ его „Записокъ“

слѣдовательно, къ замѣткамъ его этого времени можно, кажется, относиться съ большею требовательностью, чѣмъ къ сдѣланнымъ съ чужихъ словъ, по слуху. Между тѣмъ и въ „Запискахъ“ ген. Духонина, въ этому времени относящихся, встрѣчаемъ нѣкоторыя несообразности и указанія, не выдерживающія критики. Вотъ, на примѣръ:

На стр. 598 ген. Духонинъ, упоминая о пожарѣ 74-хъ пушечнаго фрегата, зажженнаго неприятельскими снарядами въ бухтѣ, говоритъ, что „въ стыду моряковъ нашихъ, дали сгорѣть фрегату до-гла: двѣ, три дыры прорубить топоромъ—судно пошло-бы въ воду“... „но ни у кого не достало присутствія духа“... „Видно, что великаго другаго Нахимова не осталось болѣе на фрегатѣ“ (?).

Прорубить двѣ, три такія дыры въ корпусѣ большаго военнаго судна, обшитаго мѣдью, которыя-бы заставили потонуть его, полагаемъ, не такъ легко, какъ это казалось Духонину. Хотя бы эта операція большаго присутствія духа не требовала-бы, но все-таки, если-бы къ этой мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, возможно было прибѣгнуть, то смѣло можно сказать, у нашихъ моряковъ еще хватило-бы духу на ея выполненіе, не смотря на сомнѣніе генерала Духонина, и чтобы примѣнить эту мѣру, нашлись бы еще командиры, хотя уже не было „великаго Нахимова“,—да видно мѣра-то эта была неосуществима.

Примѣчаніе жен. Духонина (на стр. 599), будто-бы въ 4 ч. пополудни мина, приготовленная на Малаховомъ курганѣ, была зажжена по сигналу генерала Тотлебена, съ сѣвернаго укрѣпленія, при чемъ взлетѣло на воздухъ до 1,500 французовъ,—совершенно невѣрно.

На Малаховомъ курганѣ взрыва въ этотъ день не было, да и быть не могло, потому что мины, которыя подъ нимъ устраивались, еще не были окончены, а слѣдовательно, не были и заряжены. Дѣйствительно, около 4-хъ час. пополудни, произошелъ взрывъ блиндированнаго пороховаго погребка на „Куртинѣ“, позади потерны, лѣвѣе Малахова кургана, но отнюдь не по сигналу

Тотлебена съ Сѣверной стороны, а отъ нашей гранаты, брошенной съ Гендриковой батареи.

Передать ген. Духонину исторію отбитія штурма отъ 3-го бастіона въ томъ извращенномъ видѣ, въ какомъ она приведена Духонинымъ (на стр. 602), генераль Павловъ едва ли могъ, такъ какъ не могъ прибавлять къ разсказу указанія на двѣ французскія колонны, числомъ до 8,000 челов., будто-бы стоявшія зарвомъ 3-го бастіона съ ружьями у ноги спокойными зрителями троевратно отбитаго штурма англичанъ.

П. В. Алабинъ.

Г. Самара.
8-го декабря 1885 г.

СЕВАСТОПОЛЬ И ЕГО ЗАЩИТНИКИ ВЪ 1855 г.

По поводу записокъ генерала Духонина.

Изъ записокъ Н. А. Крыжановскаго.

I.

Въ нѣсколькихъ книгахъ „Русской Старины“ изд. 1885 г. помѣщены Записки генерала Духонина, служившаго въ войну 1853—1855 гг. начальникомъ артиллерійскихъ парковъ въ арміи князя Горчакова сперва на Дунаѣ, а потомъ въ Севастополѣ. Изъ содержанія и общаго характера этихъ Записокъ видно, что составлены онѣ были подъ впечатлѣніемъ не столько совершавшихся событій, сколько разговоровъ лицъ, толпившихся въ главной евагирѣ. По служебному положенію своему генераль Духонинъ не могъ принимать личнаго участія въ военныхъ дѣлахъ; онъ былъ невольнo только постороннимъ свидѣтелемъ ихъ и то въ рѣдкихъ случаяхъ, а потому, опять-таки невольнo, находился болѣе подъ впечатлѣніемъ разсказовъ и разговоровъ, чѣмъ самыхъ событій.

Ну, а извѣстно, каковы могутъ быть послѣ важныхъ событій разсказы и разговоры штабныхъ заведующихъ и посѣтителей, по большей части только издали смотрѣвшихъ на то, что происходило на самомъ дѣлѣ.

Въ этихъ разсказахъ неминуемо рисуется болѣе чувственная сторона, чѣмъ строго-историческая, болѣе впечатлѣнія сердечныя и пристрастныя, чѣмъ убѣжденія стратегическія, тактическія и политическія.

Такъ было и въ Севастополѣ.

Никто изъ насъ не могъ перенести равнодушно мысли объ отдачѣ Севастополя, даже самъ главнокомандующій, который, конечно, болѣе всѣхъ былъ увѣренъ въ необходимости рѣшиться на такую тяжкую жертву.

Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ 1855 года князь М. Д. Горчаковъ говорилъ объ этой необходимости близкимъ къ нему людямъ, пользовавшимся его довѣріемъ. Въ первой половинѣ августа 1855 г. онъ писалъ въ томъ-же смыслѣ военному министру, но такъ тяжела была ему, этому истинно благородному патриоту, мысль уступить союзникамъ развалины города, обогрѣннаго кровью столькихъ храбрыхъ воиновъ, что черезъ нѣсколько дней потомъ онъ вновь писалъ тому-же военному министру:

„Я рѣшился упорно продолжать оборону Южной стороны столько времени, сколько это будетъ возможно, такъ какъ это самый почетный для насъ исходъ“¹⁾.

Окончательное приказаніе оставить Южную сторону послѣдовало отъ главнокомандующаго въ день 27 августа, во время самаго штурма крѣпости.

Въ этотъ день въ пятомъ часу вечера прибылъ онъ лично на Малаховъ курганъ.

Все, что князь увидѣлъ тамъ, уже нѣсколько часовъ по занятіи кургана французами, не могло оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ крайней необходимости отступленія на Сѣверную сторону. Князь и высказалъ тутъ-же въ этомъ смыслѣ мнѣніе свое (по французски), обратясь къ генералу Коцебу. Достаточно было пробыть четверть часа на томъ мѣстѣ, гдѣ собраны были въ ту минуту защитники Малахова кургана и гдѣ, подъ градомъ пуль и всякихъ артиллерійскихъ снарядовъ, находился главнокомандующій съ нѣсколькими сопровождавшими его лицами; достаточно было взглянуть на остатки баталіоновъ, лежавшіе тутъ-же подъ возвышенностью, чтобы вполне раздѣлать мнѣніе князя.

И что-же? Не взирая на очевидность и убѣдительность фактовъ, удостовѣрившихъ и доказывавшихъ абсолютную невозможность продолжать оборону, мысль оставить Южную сторону многострадальнаго города не могла улечься въ русскую голову.

¹⁾ Стр. 156 части II. Описанія обороны Севастополя, ген. Тотлебена.

Съ тѣхъ поръ протекло уже тридцать слишкомъ лѣтъ; но, вспоминая эти горькія минуты, невольно и теперь скребетъ на сердцѣ, и теперь чувствуется досада. Нѣтъ! не только досада, какое-то озлобленіе на горькую судьбу, на необходимость подчиниться этой судьбѣ, и на главнокомандующаго, высказавшаго рѣшительными словами мысль, да еще такъ ясно, такъ очевидно понимаемую.

Каковы-же должны были быть чувства лицъ, не посѣтившихъ въ эти минуты Малаховъ курганъ, не убѣдившихся воочію въ совершенной невозможности дальнѣйшей обороны и ощущавшихъ только одну горечь мысли объ оставленіи Севастополя, не смягченную всѣмъ тѣмъ, что видѣли какъ главнокомандующій, такъ и лица, его сопровождавшія, и всѣми свѣдѣніями, впослѣдствіи уже собранными, о доблестномъ поведеніи защитниковъ кургана.

Почтеннѣйшій Л. Г. Духонинъ не былъ, да и не могъ быть, если-бъ даже и пожелалъ, на Южной сторонѣ Севастополя, не говоря уже о самомъ Малаховомъ курганѣ. Онъ и былъ невольно преисполненъ однимъ лишь горькимъ чувствомъ и охотно, не отдавая должно быть и самъ себѣ въ томъ отчета, выслушивалъ, принималъ на вѣру и вносилъ въ свой дневникъ все, что разбазывали въ главной квартирѣ тѣ лица, которыя сами не дрались, а только, все критикуя и осуждая, смотрѣли съ Сѣверной стороны, какъ дерутся на Южной.

Только однимъ этимъ и можно объяснить себѣ нѣкоторыя странно звучащія въ рассказѣ генерала Духонина фразы....

Если-бы онъ, бывшій человѣкомъ совершенно добросовѣстнымъ, самъ присутствовалъ на Малаховомъ курганѣ, хотя бы и не въ минуту штурма, по тотчасъ послѣ него, то, конечно, онъ не рѣшился-бы внести въ свой журналъ обвиненіе гарнизона, значительная часть котораго сложила для защиты уврѣпленія свои головы.

Генераль Духонинъ спрашиваетъ, почему же не устояли тѣ-же русскіе штыки на Малаховомъ курганѣ, какъ устояли они на другихъ пунктахъ?

Очевидцы и участники въ этомъ дѣлѣ, пишетъ онъ, излагаютъ слѣдующія причины:

„1) Что начальствующій на курганѣ генераль-маіоръ Вуссау и вся бригада его пѣхоты спали въ это время. Будучи подъ страшнымъ огнемъ въ продолженіе 23, 24, 25 и 26 чиселъ августа 1855 г., до 8 часовъ утра 27-го, гене-

рага, да солдаты думали, что сегодня будет то-же, что и вчера, то есть, что штурма не будет и что, проведя ночь под ружьемъ (ибо штурма ожидали ночью), генералъ Буссау и солдаты его легли спать. Французы же, назначивъ 11 часовъ утра—минута штурма, въ 10^{1/2} часовъ открыли изъ ложементовъ (въ 60 шагахъ) такой ужасный штудерной огонь, что, говоря буквально, пули летали такъ густо, какъ саранча. Разумѣется, что при такомъ огнѣ прислуга при орудіяхъ, которая еще бодрствовала, спряталась подъ брустверь, даже минутъ пять или десять по прекращеніи штудернаго огня не смѣла взглянуть, что дѣлается у непріятеля, и эти минуты были роковыми. Французы, по-данному сигналу, ровно въ 11 часовъ, выскочили изъ ложементовъ и траншей и, пользуясь пятью минутами молчанія батарей, выстроились и бѣглымъ шагомъ пошли на штурмъ; сонный Буссау выскочилъ безъ сапогъ, пѣхота не могла опомниться отъ сна, кто хватался за ружье чужое, кто кричалъ: въ ружье! И прежде чѣмъ водворился въ бригадѣ Буссау какой либо порядокъ, французы безъ выстрѣла напали на толпу и стали колоть и разстрѣливать; большая часть пѣхоты побѣжала въ беспорядкѣ, ибо почти первыми выстрѣлами непріятеля были убиты полковые и баталіонные командиры и большая часть офицеровъ. Генералъ-маіоръ Юферовъ, стоявшій съ бригадою на ближайшей батарее, повелъ бригаду въ штыки, но тѣмъ же французами, которые истребили бригаду ф. Буссау, когда сталъ пробиваться назадъ,—убить. Прибывшій на эту свалку генералъ-лейтенантъ Хрулевъ былъ раненъ въ руку, такъ что черезъ часть времени на Малаховомъ курганѣ было полное ликовавіе французовъ и самое постыдное пораженіе русскихъ⁴.

„2) Непостижимое упорство генерала Тотлебена сдѣлать передовое укрѣпленіе Малахова кургана съ горжею, сколько ни представляли ему и друзья, и люди дѣльные, что въ случаѣ, если французы ворвутся въ редутъ, наши не имѣютъ куда выйти и должны всѣ достаться въ плѣнъ, а непріятель, завладѣвъ укрѣпленіемъ, имѣетъ готовый ровъ и валъ, обращенный къ городу, для защиты себя отъ внезапнаго нападенія. Предсказаніе это исполнилось вполне, ибо непріятель, бомбардируя Малаховъ курганъ съ 5 марта и до 8 утра, 27 числа, день и ночь, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, засыпалъ совершенно ровъ, обращенный къ непріятелю, такъ что въ послѣдніе два дня и лафеты были до половины спрятаны въ землѣ и не было возможности наводить орудій, а починить валъ (котораго 27 числа не существовало)⁴), не было возможности подъ градомъ лопочущихся бомбъ и гранатъ, съ утра до ночи и отъ ночи до утра. Слѣдствіемъ этого было, что съ фронта, откуда непріятель могъ ворваться, не было уже рва и препятствія,—все засыпано; а свадн, къ сторонѣ города, ровъ и валъ были въ цѣлости. Слѣдствіемъ этого препятствія въ выходу нашихъ войскъ, въ случаѣ неустойки, было то, что сонная пѣхота ф. Буссау оробѣла, бросилась черезъ ровъ или спускалась въ оныи и потомъ подымалась на верхъ и при этомъ жестоко была

⁴) А какъ же за несуществовавшимъ валомъ скрывалась или спряталась подъ брустверь, по словамъ того же Духонина, вся прислуга орудій, изъ которыхъ стрѣлять было невозможно?
Н. Ю.

перевята, а ф.-Буссау и часть его пѣхоты, не успѣвшіе бѣжать, были взяты въ плѣнъ ¹⁾.

Во всемъ этомъ, надо высказать прямо, нѣтъ ни слова правды, развѣ только то, что гарнизонъ, дѣйствительно, въ этотъ день не ожидалъ штурма.

Случай этотъ, гдѣ офицеръ, уже въ чинѣ генерала, могъ быть введенъ въ подобное невѣроятное заблужденіе, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, какъ мало слѣдуетъ вѣрить рассказамъ, ходящимъ по главной квартирѣ, послѣ каваго-нибудь важнаго дѣла, и какъ мало извѣстна истина не говорю уже въ отдаленныхъ частяхъ арміи, но даже вблизи главнокомандующаго. Чего, чего не говорили въ то грустное время. И всегда, при подобныхъ обстоятельствахъ, крикуны и глашатаи выкатываютъ совершенно таинственныя сообщенія о какихъ-то небывалыхъ и невѣроятныхъ измѣнахъ. И находятся люди, которые имъ вѣрятъ! Повѣрилъ имъ, повидимому, и генералъ Духонинъ. У него вонъ внесено въ дневникъ свѣдѣніе о какихъ-то двухъ-стахъ перебѣжчикахъ, измѣнникахъ отечеству.

Чтобъ опровергнуть все это, я не ограничусь личными впечатлѣніями и передачею видѣннаго, какъ мною, такъ и многими другими, посѣтившими курганъ съ главнокомандующимъ, а также не довѣрюсь однимъ своимъ личнымъ воспоминаніямъ, а сошлюсь на Описаніе обороны Севастополя, составленное подъ руководствомъ генерала Тотлебена.

Въ этомъ сочиненіи, написанномъ цѣлымъ обществомъ офицеровъ, подробно изложенъ штурмъ Малахова кургана на основаніи официальныхъ документовъ и показаній многихъ лицъ, участвовавшихъ въ самой оборонѣ этого укрѣпленія. Они были уже не тѣ очевидцы и участники въ дѣлѣ, на которыхъ ссылается генералъ Духонинъ.

¹⁾ Изъ этихъ словъ явствуетъ, что и бѣдный Буссау хотѣлъ бѣжать, да только не успѣлъ, не взвѣсивъ на легкость обуви, такъ какъ онъ былъ, говоритъ генералъ Духонинъ, безъ сапоговъ.

II.

Малаховъ курганъ представлялъ сомкнутое укрѣпленіе, продолговатое въ видѣ яйца, раздѣленное по длинѣ траверсами, блиндажами и пороховыми погребами на нѣсколько площадокъ.

Въ горжѣ, къ сторонѣ города, былъ пятнадцати-аршинный выходъ. Въ закругленной части, ближайшей къ непріятелю, находилась каменная башня или, вѣрнѣе, одинъ нижній этажъ ея, такъ какъ верхніе были сбиты.

Къ утру 27 августа 1855 г. курганъ былъ занятъ однимъ баталіономъ Модлинскаго полка (на переднемъ фасѣ), двумя баталіонами Прагскаго полка (за ретраншементомъ, на лѣвомъ флангѣ и на батарее № 18) и, наконецъ, однимъ баталіономъ Замосцкаго полка (на правомъ флангѣ и у горжи). Всѣ эти четыре баталіона 15-й резервной дивизіи, чрезвычайно ослабленные и изнуренные, уже нѣсколько разъ переформированные изъ остатковъ въ сводные баталіоны и роты, насчитывали еле-еле 1400 человекъ. Кромѣ ихъ было въ то утро на курганѣ 100 человекъ Люблинскаго полка въ минахъ; 500 человекъ артиллерійской прислуги, саперъ и штучерныхъ; 500 человекъ рабочихъ отъ полка князя Варшавскаго и до 400 ратниковъ дружины № 49.

Ими всѣми командовалъ генераль-маіоръ Буссау.

Союзники готовились къ штурму.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней они производили усиленную бомбардировку, отъ которой жестоко пострадали наши бруствера, рвы и амбразуры, въ особенности на Малаховомъ курганѣ.

Но все-таки напрасно увѣряетъ генераль Духонинъ, что передній брустверь Малахова кургана уже не существовалъ вовсе. Французскій генераль Нель свидѣтельствуетъ въ сочиненіи своемъ: „Le siège de Sébastopol“, что первая цѣпь солдатъ дивизіи Макъ-Магона, бросившаяся на штурмъ, спустилась въ ровъ и затѣмъ эскалаторовала брустверь, причемъ люди подмогали одинъ другому; послѣ чего черезъ ровъ перекинута были мосты, нарочно для этой цѣли заранѣе приготовленные.

Исправленіе поврежденій было дѣйствительно затруднительно,

почти невозможно, такъ какъ непріятельскіе апроши были уже отъ нашей оборонительной линіи (отъ контръ-эскарпа) на разстояніи только 12-ти сажень и изъ нихъ денно и ночью не прекращался адскій огонь.

Чтобы ввести насъ въ заблужденіе, союзники ежедневно, не много ранѣе полудня, внезапно прекращали огонь и явно проводили въ траншеи значительное количество войскъ, но все-таки штурма не предпринимали.

Затѣмъ скоро послѣ полудня отрывали опять усиленную бомбардировку, которую уже не прекращали до слѣдующаго полудня.

Такъ было и 27-го августа 1855 г.

Незадолго до полудня непріятель почти прекратилъ огонь по всей линіи, потомъ, сходно съ предыдущими днями, возобновилъ его, но только на самое короткое время, и ровно въ двѣнадцать часовъ дня высочилъ изъ траншей и съ громкимъ возгласомъ „Vive l'Empereur!“ ринулся густою цѣпью на укрѣпленіе.

Дѣйствительно, въ эти минуты никто не ожидалъ штурма.

Люди обѣдали, а не спали, какъ рассказываетъ генераль Духонинъ.

На банкетахъ передняго фаса оставались лишь нѣсколько стрѣлковъ. Генераль Буссау раздавалъ въ своемъ блиндажѣ знаки военнаго ордена отличившимся нижнимъ чинамъ, присланные отъ главнокомандующаго съ флигель-адъютантомъ Воейковымъ. Коробку съ орденами и лентами подавалъ ему состоявшій въ должности адъютанта поручикъ Модлинскаго полка Юній. Начальникъ артиллеріи, капитанъ-лейтенантъ Карповъ, находился въ блиндажѣ съ флигель-адъютантомъ Воейковымъ.

Прежде нежели обѣдавшіе люди успѣли выскочить на банкетъ, онъ былъ уже занятъ французами; но модлинцы не бѣжали, а вступили въ жесточайшую рукопашную схватку съ непріателемъ, даже артиллерійская прислуга дралась отчаянно банниками, гандшпугами и всѣмъ, что попадалось подъ руку.

Французскій маршаль Ніель пишетъ объ этомъ первомъ моментѣ штурма слѣдующее:

„Les Russes, surpris par cette brusque attaque, sortent de leurs blindages et courent vers la tête du fort. Ils engagent avec nos soldats une lutte corps

à corps; à défaut de fusils, les canoniers se sort armes de pioches, de pierres d'écouvillons; la garnison de la tour fait par ses crénaux un feu meurtrier sur nos soldats" ¹⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ „garnison de la tour“ состоялъ изъ сорока солдатъ Модлинскаго полка и нѣсколькихъ офицеровъ подъ начальствомъ того же поручика Юнія, который только что участвовалъ, въ блиндажѣ генерала Буссау, въ раздачѣ знаковь отличія и что башня находилась, какъ уже было сказано, въ головной части укрѣпленія, въ самой близи отъ передоваго банкета.

Значить, гарнизонъ Малахова кургана не оробѣлъ и не бросился бѣжать черезъ ровъ горжи, предоставляя неприятелю колоть и разстрѣливать, а также и забирать въ плѣнъ кого и сколько ему было угодно, а храбро устремился къ переднему банку, чтобы вступить въ бой съ неприятелемъ.

Въ этой первой схваткѣ уже многіе погибли геройскою смертію. Командиръ Модлинскаго полка полковникъ Аршеневскій, командиръ баталіона майоръ Кованько и многіе офицеры пали въ рукопашномъ бою. Въ то же время былъ убитъ и генералъ-майоръ Буссау,—а не взятъ въ плѣнъ, какъ пишетъ генералъ Духонинъ.

Французскій генералъ Макъ-Магонъ, впоследствии маршалъ, главнокомандующій подъ Седаномъ и президентъ французской республики, командовалъ тогда дивизіею, штурмовавшею Малаховъ курганъ. Онъ началъ атаку съ первою бригадою дивизіи, но вскорѣ подерѣшилъ ее и второю бригадою, такъ что въ самомъ началѣ штурма ввелъ на курганъ до шести тысячъ штыковъ. Съ этими силами онъ быстро занялъ весь передній банкетъ, распространился влѣво, вытѣснилъ съ батареи № 18 роты Прагскаго полка и наводилъ массою войскъ всю площадку между башней и первою линіею блиндажей и траверсовъ.

Съ необыкновенною энергіею тѣснили насъ французы все далѣе и далѣе къ горжѣ; но и русскій гарнизонъ Малахова кур-

¹⁾ (Переводъ). «Русскіе, ошеломленные этою неожиданною атакою, выскакиваютъ изъ своихъ блиндажей и бѣгутъ къ головной части укрѣпленія. Они вступаютъ въ рукопашный бой съ нашими солдатами; канониры вооружаются, за неимѣніемъ ружей, гандшпугами, камнями, банными; гарнизонъ башни открываетъ по нашимъ солдатамъ убійственный огонь изъ бойницъ».

гана, не взирая на страшное превосходство непріятельскихъ силъ, уступалъ свое укрѣпленіе только съ бою, шагъ за шагомъ. Французамъ стоило огромныхъ потерь занятіе нѣсколькихъ линій траверсовъ и блиндажей.

Спѣшу присовокупить, что русское войско не только оборонялось, оно и наступало. Когда французы заняли батарею № 18, влѣво отъ башни, командиръ Прагскаго полка, полковникъ Фрейндъ, атаковалъ ихъ съ нѣсколькими ротами своего полка и даже вытѣснилъ ихъ за брустверь.

Полковникъ Фрейндъ былъ при этомъ смертельно раненъ.

Еще до атаки полковника Фрейнда, капитанъ-лейтенантъ Карповъ хотѣлъ тоже отбить батарею № 18 съ матросами, вооруженными гандшпугами, и съ ополченцами дружины № 49, вооруженными топорами. Всѣ эти люди пали геройскою смертію.

Когда отступающій шагъ за шагомъ гарнизонъ собрался за послѣднюю линію траверсовъ, опираясь, такъ сказать, спиною къ горжѣ и отнюдь не перелѣзая черезъ нее, прибылъ храбрый, всѣми высоко чтимый, генераль-маіоръ Лысенко, съ нѣсколькими свѣжими ротами разныхъ полковъ, и лично двинулъ ихъ въ атаку черезъ проходы между задними траверсами. Атака была произведена съ такимъ пыломъ, что французы подались сперва назадъ. Но что могли сдѣлать нѣсколько ротъ противъ столь многочисленнаго непріятеля, нашедшаго вѣрное прикрытіе за нашими же траверсами и блиндажами?

Атака была отбита.

Сейчасъ же послѣ нея прибылъ на курганъ генераль-лейтенантъ Хрулевъ съ Ладожскимъ полкомъ. Захвативъ съ собою остатки ротъ, приведенныхъ генераль-маіоромъ Лысенко, онъ возобновилъ атаку, но неудачно. Французы дали атакующимъ ротамъ подойти на самое близкое разстояніе, потомъ, быстро вскочивъ на траверсы и блиндажи, ихъ до тѣхъ поръ скрывавшіе, дали почти въ упоръ нѣсколько такихъ страшныхъ залповъ, что передніе ряды атакующихъ пали тутъ-же на мѣстѣ, а остальные, оставшіеся въ живыхъ, были отбиты.

Самъ генераль-лейтенантъ Хрулевъ былъ раненъ.

Не взирая на такую неудачу, храбрый Лысенко, принявъ команду послѣ удалившагося раненаго Хрулева, возобновилъ

атаку, но также безуспѣшно, при чемъ самъ палъ смертельно раненый.

Тогда начальство надъ войсками, потерявшими уже столько начальниковъ, принялъ на себя генераль-маіоръ Юферовъ. Роты собраны были у горжи ¹⁾.

„Съ большимъ трудомъ, привелъ роты въ порядокъ, повелъ онъ ихъ на курганъ.

„Солдаты наши стѣною лопались въ проходы между траверсами; здѣсь загорѣлся жестокій рукопашный бой, въ которомъ ген. Юферовъ съ нѣсколькими солдатами былъ окруженъ непріателемъ. Прижавшись спиною къ траверсу, генераль Юферовъ нѣсколько минутъ отчаянно отбивался отъ толпы французовъ, отвѣчая ударами на предложенія сдаться, пока, наконецъ, не палъ геройскою смертью.

„Атака была отбита. Разстроенныя войска, снова лишенныя начальника, отодвинулись частью за задніе траверсы, частью же на заднюю покатость кургана. Послѣ этого, въ теченіи почти часа времени, бой на этомъ мѣстѣ почти ограничивался непрерывною ружейною перестрѣлкою. Наши охотники еще удерживали заднюю линію траверсовъ. Стоя одною ногою на нижнемъ ряду туровой ихъ одежды и охвативъ рукою колъ верхняго ряда туровъ, они упорно отстрѣливались отъ непріятеля. Съ другой стороны траверсовъ видѣлись головы французовъ, находившихся въ такомъ же положеніи. Противники были раздѣлены между собою только толщею траверсовъ. Позади охотниковъ тѣснилась густая толпа офицеровъ и нижнихъ чиновъ разныхъ полковъ. По временамъ нѣкоторые офицеры, увлекая кучки солдатъ, бросались впередъ въ штыки. Тѣсное пространство между горжею и траверсами завалено было грудами тѣлъ“.

Какъ мало похожа эта картина на описываемое генераломъ Духонинимъ бѣгство черезъ горжу и ея ровъ.

Затѣмъ, сдѣлана была еще одна попытка атаки, но тоже неудачная; въ ней палъ славною смертью всѣми любимый и крайне симпатичный флигель-адъютантъ Воейковъ. Послѣ того французы рѣшительно и въ большихъ силахъ атаквали разстроенныя войска наши, вытѣснили ихъ за горжу и тотчасъ же приступили къ задѣлкѣ ея выхода.

Гарнизонъ держался около горжи добрыхъ часа два, пока не былъ вытѣсненъ изъ укрѣпленія.

Но этимъ дѣло не кончилось.

На мѣсто убитыхъ и раненыхъ генераловъ былъ присланъ къ кургану генераль-лейтенантъ Мартинау съ Одесскимъ и

¹⁾ Стр. 201 части II. Описанія обороны г. Севастополя, ген. Тотлебена.

Азовскимъ полками. Не успѣлъ онъ прибыть къ мѣсту, какъ былъ смертельно раненъ. Послѣ него войска остались опять безъ начальника.

Затѣмъ, прибылъ къ кургану инженерный полковникъ Геннерихъ съ двумя ротами 4-го и 6-го саперныхъ баталіоновъ.

„Ставъ съ инженерными и саперными офицерами въ головѣ этихъ двухъ ротъ, полковникъ Геннерихъ повелъ ихъ въ атаку на горжу; къ саперамъ пригнула часть ратниковъ дружины № 49, подъ начальствомъ полковника Черемисинова, и команда матросовъ съ капитанъ-лейтенантомъ Ильинскимъ. Эта небольшая колонна, не взирая на страшный огонь французовъ съ горжи, достигла ее и уже бросилась къ проходу, но по малочисленности своей была скоро отбита.

„Вторая атака, поддержанная двумя ротами пѣхоты, была также неудачна. При этомъ полковникъ Черемисиновъ былъ смертельно раненъ“¹⁾.

Общій духъ войска, равно какъ и геройское его настроеніе видны изъ слѣдующаго оффиціального свидѣтельства

„Не менѣ жаркую перестрѣлку поддерживали съ непріателемъ войска, стоявшія на второй линіи вправо и влево отъ кургана. Здѣсь толпились полки 4-й, 5-й и 9-й дивизіи. Безпрестанно слышались крики: „давайге патроновъ!“ и „ведите насъ въ бой!“ Но вести въ бой было некому, потому что не было начальниковъ“²⁾.

Обо всемъ этомъ умалчиваетъ генералъ Духонинъ и записываетъ въ свой дневникъ отъ 8 сентября, значить двѣ недѣли послѣ штурма, какіе-то странные рассказы на счетъ героевъ, защищавшихъ курганъ.

Такъ, ему рассказывали, что одинъ полковой командиръ будто бы остановилъ бѣглецовъ и крикнулъ имъ: „Впередъ! за мной ребята!“ Только шесть или десять солдатъ бросились за командиромъ и всѣ легли на штыкахъ французовъ, а полкъ не тронулся съ мѣста. Молодой мичманъ Панфиловъ, который былъ на батарее, также обратился къ нимъ, когда батарея была занята непріателемъ, чтобъ шли съ нимъ отбить пушки:

— „Вишь какой умный, ступай самъ!“, а когда Панфиловъ сталъ стращать ихъ судомъ и называть ихъ трусами—солдаты бросились и закололи юношу.

¹⁾ Стр. 204 сочиненія генерала Тотлебена.

²⁾ Стр. 205 того же сочиненія.

Впрочемъ, читая записки генерала Духонина, мнѣ припомнилось, что батарея № 18 называлась батареею Панфилова (а не Панфилова). Офицеръ этотъ, вѣроятно, былъ или раненъ, или убитъ въ то время, когда капитанъ-лейтенантъ Карповъ хотѣлъ отбить батарею № 18, собравъ около себя кучку ратниковъ дружины и прислуги при орудіяхъ. Должно быть легендарный мичманъ Панфиловъ, убитый, по разсказу генерала Духонина, своими же людьми, и есть тотъ самый Панфиловъ, именемъ котораго и называлась батарея № 18. Но чтобы онъ былъ заколотъ своими же матросами и притомъ въ такія минуты, когда и безъ того царилъ смерть кругомъ и люди падали какъ мухи, объ этомъ не только что не было слышно, но, признаюсь, и повѣрить нѣтъ возможности.

Но чтобы еще сильнѣе, рельефнѣе нарисовать какой духъ былъ въ томъ же Модлинскомъ полку, о которомъ такъ много насаказали невѣрнаго генералу Духонину, достаточно разсказать въ короткихъ словахъ подвигъ поручика этого полка Юніа и бывшихъ съ нимъ вмѣстѣ офицеровъ и солдатъ.

Этотъ самый поручикъ Михаилъ Павловичъ Юній служилъ потомъ въ чинѣ полковника въ Туркестанѣ, гдѣ былъ сперва комендантомъ вѣрности Казалинскъ, а потомъ командиромъ одного изъ туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ, не помню, 14-го или 15-го. Съ нимъ я встрѣтился въ Казалинскѣ и отъ него слышалъ подробный разсказъ какъ штурма кургана, такъ и его собственнаго подвига, въ которомъ, впрочемъ, этотъ brave офицеръ не видѣлъ ничего выходящаго изъ ряда. Его разсказъ почти ничемъ не отличается отъ описанія его подвига въ книгѣ генерала Тотлебена, а потому я и рѣшаюсь, для большей документальности, передать его не словами Юніа, а выпискою изъ описанія обороны г. Севастополя ¹⁾.

„Еще въ самомъ началѣ штурма, когда Модлинскій полкъ отбивался отъ французовъ, внезапно атакованныхъ его со всѣхъ сторонъ, нѣсколько офицеровъ и до 40 нижнихъ чиновъ Модлинскаго полка, будучи отрѣзаны непріателемъ, засѣли въ развалинахъ башни. Это были поручикъ Юній и подпоручикъ Давильченко и Богдзевичъ. Къ нимъ применили флотскіе кондукторы Венецій и Дубининъ съ нѣсколькими матросами. Эта ничтож-

¹⁾ Тотлебенъ, ч. II, стр. 212.

ная горсть людей рѣшилась защищаться, такъ какъ въ башнѣ имѣлся небольшой запасъ патроновъ; а доступъ къ башнѣ черезъ двери былъ затрудненъ глубокимъ колодцемъ, служившимъ для входа въ потерну, и грудами кирпича, оставшагося отъ верхнихъ ярусовъ. У дверей помѣстилось нѣсколько матросовъ съ абордажными пиками и изъ бойницъ былъ открытъ по французамъ бѣглый ружейный огонь⁴.

Къ этому почтеннѣйшій Михаилъ Павловичъ Юній добавлялъ въ своемъ разсказѣ, что башню занялъ онъ не случайно, а по приказанію генерала Буссау, и держался въ ней въ голной увѣренности скорого возврата въ наши руки всего укрѣпленія.

„Нѣсколько французовъ бросились къ дверямъ, но были остановлены пиками мѣтросовъ. Они пытались стрѣлять въ двери и въ бойницы, что заставило защитниковъ заложить бойницы тѣфяками, подушками и чѣмъ попало, оставивъ лишь небольшія отверстія для стрѣльбы. Тогда французы прибѣгли къ способу, употреблявшемуся ими въ Африкѣ для выкуриванія арабовъ изъ пещеръ; навалили передъ башнею груды туровъ и фашинъ и зажгли ихъ. Но вскорѣ они сами потушили этотъ костеръ, опасаясь, чтобъ огонь не сообщился пороховымъ погребамъ.

„Затѣмъ, поставивъ мортирку противъ входа въ башню, они стали бросать туда гранаты. Одна изъ нихъ, влетѣвшая во внутрь каземата, не разорвалась; другая разбила икону, взорвала нѣсколько мѣшковъ съ патронами и ранила нѣсколько человекъ¹⁾.

„Послѣ третьей гранаты, когда всѣ патроны были разстрѣлены, почти всѣ люди переранены и уже не оставалось никакой надежды на выручку, эта горсть храбрыхъ, послѣ трехъ-часоваго сопротивленія, сдалась непріятелю, который умѣлъ отнестись съ уваженіемъ къ выказанному ему мужеству“

Къ этому полковникъ Юній добавлялъ, что когда остатки этой горсти людей выходили изъ башни, рядовые французы кинулись на нихъ со штыками, и уже готова была завязаться драка, какъ подоспѣвшіе на выручку французскіе офицеры остановили своихъ подчиненныхъ.

Слова Юнія подтверждаются въ книгѣ маршала Ніеля, который на страницѣ 438 своего сочиненія пишетъ слѣдующее:

„C'est au moment où les soldats russes sortaient de la tour, en déposant leurs armes, que le magasin à poudre de la courtine vint à sauter; nos soldats, enveloppés d'un nuage de poussière, voyant plusieurs de leurs camarades écrasés autour d'eux par les débris d'explosion et supposant que le feu avait été mis aux poudres par les russes, voulaient se venger sur ceux qui venaient de

¹⁾ Въ томъ часѣ и поручикъ Юнія, у котораго обѣ ноги вадѣты были осколкомъ. Онъ всю жизнь страдалъ отъ этихъ, повидямому, ничтожныхъ ранъ.

se rendre, mais les officiers calmèrent bien vite leur exaspération et la petite garnison de la tour fut traitée avec les égards, dus à sa bravoure“ ¹⁾.

Слышалъ я отъ людей, заслуживающихъ довѣрія, что французское начальство почло себя обязаннымъ отнестись къ начальству русскому съ особымъ отзывомъ, въ которомъ описанъ былъ подробно и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ подвигъ поручика Юнія и бывшихъ съ нимъ товарищей и солдатъ.

Было бы вообще интересно къ вышеизложенному добавить нѣсколько выписокъ изъ сочиненія маршала Ниеля, тѣмъ болѣе, что оно мало извѣстно въ кружкахъ не спеціально военныхъ; но чтобъ не удлинять этой статьи выписками изъ напечатанныхъ сочиненій, достаточно будетъ для подтвержденія вышеизложеннаго сослаться только на нѣсколько мѣстъ его, какъ, напримѣръ:

„Le fort Malakoff restait seul en notre pouvoir. La lutte y avait été acharnée. Le régiment russe de Praga, chargé de sa défense, fut repoussé derrière les premières traverses, qui formaient une ligne presque continue en arrière de la tour Malakoff. Cette seconde ligne de défense fut encore enlevée, mais les troupes du colonel Décaen furent arrêtées par d'autres traverses plus élevées, qui formaient aussi un obstacle à peu près continu dans la partie où le fort a sa plus grande largeur. Les russes s'y défendaient avec opiniâtreté. Nos soldats avaient tenté de gravir les talus très raides des traverses et de pénétrer par les étroits passages qui les séparaient; ils avaient été repoussés à plusieurs reprises“ ²⁾

Значитъ и тогдашніе враги наши были того мнѣнія, что гарнизонъ оборонялся упорно и уступалъ курганъ не вдругъ, а шагъ за шагомъ.

¹⁾ [Переводъ]. Въ ту минуту, когда русскіе солдаты выходили изъ башни, чтобъ сдаться, послѣдовалъ взрывъ пороховаго погреба на куртнѣ; наши солдаты, погруженные въ тучи пыли, увидя нѣкоторыхъ изъ товарищей приближенными осколками взрыва и полагая, что порохъ подожгли русскіе, хотѣли налить мезъ свою на тѣхъ, которые сдавались, но офицеры очень скоро успокоили ихъ возбужденіе и маленкій гарнизонъ башни былъ принятъ съ уваженіемъ, заслуженнымъ его храбростью.

²⁾ [Переводъ]. Фортъ Малаховъ достался одинокъ во власть нашу. Борьба въ немъ была отчаянная. Прагскій полкъ, которому была довѣрена его оборона, былъ оттѣсненъ за первые траверсы, составлявшіе почти непрерывную линію обороны позади Малаховой башни. Эта вторая линія обороны была тоже отнята, но войска генерала Декаена были остановлены другими болѣе высокими траверсами, которые составляли въ самомъ широкомъ мѣстѣ форта опять таки почти сплошное препятствіе. Тутъ русскіе защищались упорно. Наши солдаты пробовали влѣзати по крутымъ отлогостямъ траверсовъ и проникнуть въ узкіе проходы, ихъ разделяющіе; нѣсколько разъ они были отражены.

Что касается послѣдующихъ атакъ, сдѣланныхъ русскими войсками для отвоеванія Малахова кургана, Нель пишетъ слѣдующее ¹⁾:

„Сependant les russes, qui comprenaient que s'ils nous abandonnaient le fort Malakoff, la place était perdue pour eux, firent les efforts les plus héroïques pour la reprendre ²⁾).

И затѣмъ слѣдуетъ описаніе нашихъ атакъ, весьма схожее съ описаніемъ ихъ въ книгѣ генерала Тотлебена.

Что касается второй причины потери Малахова кургана, приведенной генераломъ Духонинимъ, а именно: существованіе горжи, отсылаю желающихъ получить разъясненіе вопроса къ изложенному генераломъ Тотлебеномъ на страницахъ съ 231—237 его сочиненія: „Описаніе обороны г. Севастополя“, ч. II.

III.

Столь же несправедливо отзывались нѣкоторыя лица, а за ними и писалъ генералъ Духонинъ, о другихъ подробностяхъ, сопровождавшихъ оставленіе нами Южной стороны Севастополя.

Вотъ что, между прочимъ, пишетъ генералъ Духонинъ:

„Въ ночи съ 27-го на 28-е число войска очистили городъ; перешли къ мосту на Сѣверную сторону, вѣдѣмъ не тревожимыя; но за то все, что составляло доселѣ честь и гордость военную: пушки, лафеты, даже заряды, все оставили въ городѣ, а флотъ, который еще вчера развивалъ флагъ свой—попленъ.

„Главномандующій приказалъ, правда, чтобы пороховые склады и заряды были взорваны, лафеты попорчены, орудія заклепаны, но какъ приказаніе это пришло на батареи въ 6½ часовъ вечера, а въ 7 часовъ войска стали отступать, то, къ стыду нашему, все было брошено въ цѣлости. Кое сдѣ взорвали заряды и обманули князя, доложивъ, что весь порохъ и заряды взлетѣли на воздухъ, у орудій отбиты цапфы и станки попорчены. Но докладчики дѣйствовали только въ угожденіе князю, а въ сущности станки, платформы, орудія крѣпостныя на морскихъ и высочныхъ лафетахъ и всѣ мортиры оставлены неприятелю въ цѣлости. Я видѣлъ командировъ, которые, рассказывая о томъ, плакали, что они вынуждены были бросить часть сво-

¹⁾ Стр. 437 его сочиненія.

²⁾ [Переводъ]. Между тѣмъ русскіе, понимая, что оставленіе въ нашихъ рукахъ Малахова кургана повлечетъ за собою потерю всей крѣпости, сдѣлали геройскія усилія, чтобы овладѣть имъ вновь.

ихъ орудій безъ всякой порчи, ибо отступление было такое спѣшное, что черезъ четверть часа послѣ отданія приказа осталась при орудіяхъ одна прислуга; пѣхота ее бросила и ушла; тогда прислуга, начальникъ и офицеры батареи бросили свои орудія и также ушли, ибо безразсудно было оставаться долѣе. Въ этой послѣдственности бросили было и легкую артиллерію, но потомъ вѣдено было топить, и 91 орудіе полевыхъ съ лафетами и зарядными ящиками пошли на дно бухты. И что же рѣшило бросить или затопить такъ послѣднюю полевую артиллерію, имѣя лошадей, прислугу и 50 т. армію въ прикрытіи? Для чего утопили 91 полевое орудіе?*

Къ сожалѣнію, нищущій эти строки не имѣетъ подъ рукою никакихъ официальныхъ бумагъ, на основаніи которыхъ было бы возможно документально разъяснить вопросъ объ оставленіи артиллеріи и въ особенности полевой въ рукахъ непріятеля. Съ достопамятнаго и грустнаго дня отступления съ Южной стороны Севастополя прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ; бѣдшая часть дѣятелей той эпохи уже сошла въ могилу. Нѣтъ уже въ живыхъ князя Горчакова, графа Коцебу, князя Васильчикова, графа Остенъ-Сакена, графа Тотлебеца, генераловъ: Бутурлина, Ушакова, Семякина, Хрущева, Хрулева, Зеленаго (командовавшего въ то время Тобольскимъ полкомъ), Сержпутовскаго, Бухмейера, адмираловъ: Нахимова, Панфилова и многихъ доблестныхъ и славныхъ нашихъ моряковъ, защищавшихъ до послѣднихъ минутъ, съ невыразимою энергіею и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, стѣны ихъ роднаго, многострадальнаго Севастополя.

Не сомнѣваюсь, что многіе изъ нихъ, если-бъ были теперь живы, съ негодованіемъ отозвались бы на отголосокъ тѣхъ ложныхъ слуховъ, которые бродили въ то время въ главной квартирѣ и напли себѣ пріютъ въ Запискахъ генерала Духонина.

Но если большинство севастопольскихъ защитниковъ перешло уже въ вѣчность, то тѣмъ болѣе священна для остающихся еще въ живыхъ добрая память старыхъ начальниковъ, товарищей и подчиненныхъ. И потому я не только рѣшаюсь самъ, сколько смогу и съумѣю, опровергнуть взводимыя въ Запискахъ генерала Духонина обвиненія на русскую армію, но, надѣюсь, буду поддержанъ воспоминаніями тѣхъ безпристрастныхъ людей, которые тридцать лѣтъ тому назадъ были еще молодыми офицерами и въ памяти которыхъ живѣ сохранились впечатлѣнія страшнаго ночи съ 27-го на 28-ое августа 1855 года.

Прежде чѣмъ, однако, приступить къ разбору и разъясненію всего высказаннаго генераломъ Духонинымъ въ вышеприведенной выпискѣ, считаю великимъ замѣтить, что начальникомъ артиллеріи въ Севастополь былъ генераль-маіоръ Шейдеманъ.

Офицеръ извѣстной личной храбрости, распорядительности и неумолимой строгости, онъ имѣлъ, какъ и всѣ мы грѣшныя, свои слабыя стороны: былъ чрезвычайно вспыльчивъ и не всегда равно справедливъ; а потому, быть можетъ, болѣе другихъ имѣлъ залятыхъ враговъ въ главной квартирѣ, да, пожалуй, и въ арміи, въ особенности между молодыми артиллерійскими офицерами.

Князь М. Д. Горчаковъ былъ къ нему всегда милостивъ и внимателенъ, а личное расположеніе главнокомандующаго не проходило безнаказанно. Извѣстно, что въ военное время около главнокомандующаго, какъ около высшей власти, собирается совершенно своеобразный дворъ, нерѣдко изощряющійся въ интригахъ, подкапываніяхъ и въ подставленіи ножки пріятелямъ, какимъ былъ генераль Шейдеманъ. Вотъ въ чемъ надо искать одну изъ главныхъ причинъ нападковъ, направленныхъ на артиллерію въ Запискахъ генерала Духонина.

Сверхъ того, чтобы судить о военномъ дѣлѣ, надо первѣе всего знать: какъ приказано было его сдѣлать? то есть надо знать диспозицію, составленную княземъ Васильчиковымъ для вывода войскъ съ Южной стороны Севастополя ¹⁾.

Изъ нея видно, что войска, стоявшія на оборонительной линіи, должны были отойти отъ нея и слѣдовать къ мѣстамъ переправы въ различные сроки: въ 6½ часовъ, въ 7 часовъ и въ 10 часовъ вечера, оставивъ команды охотниковъ для поддержанія ружейнаго огня.

Съ полками должна была оставить батареи и прислуга при орудіяхъ съ такимъ расчетомъ, чтобы изъ четырехъ орудій одно могло еще дѣйствовать.

Выходить, что ¼ часть всѣхъ орудій должна была оставаться въ цѣлости для дѣйствія изъ нихъ до послѣдней минуты; этимъ дѣйствіемъ должна была заниматься оставленная ¼ часть всей

¹⁾ Она напечатана въ сочиненіи генерала Тотлебена на страницахъ 336, 337 и 338 его сочиненія, часть II. Н. Б.

прислуги; съ своей стороны, охотники обязаны были поддерживать ружейный огонь, а не заниматься порчею артиллеріи.

Три полка: Тобольскій, Волынскій и Минскій должны были занять баррикады городской части, а полки 12-ой пѣхотной дивизіи съ полкомъ великаго князя Михаила Николаевича и баталіономъ патронщиковъ—баррикады Корабельной стороны.

Затѣмъ, послѣ десяти часовъ не оставалось на оборонительной линіи ни одной свободной части.

Итакъ, если войска начали отступать въ семь часовъ вечера, то не по собственному влеченію, а во исполненіе полученнаго ими приказанія, и отзываться о нихъ по этому поводу какъ о трусахъ—не слѣдовало бы.

По той же диспозиціи приказано было оставить на укрѣпленіяхъ, кромѣ охотниковъ и четвертой части артиллерійской прислуги, еще особыя команды моряковъ и саперъ для порчи орудій и станковъ и для взрыва пороховыхъ погребовъ, по сигналу ракетами, пущенными съ малаго бульвара.

Въ диспозиціи не сказано какъ велики должны были быть эти команды.

Впрочемъ, какъ бы велики онѣ ни были, не трудно понять, что исполнить заданную имъ работу онѣ не были въ силахъ, даже если-бъ вмѣсто небольшихъ командъ оставлено было на оборонительной линіи тысячъ двадцать войска; это будетъ ясно видно изъ послѣдующаго разбора Записокъ генерала Духонина, то есть части ихъ, приведенной въ выпискѣ.

Надо еще добавить, что на эти команды матросовъ и саперъ возложена была, не по диспозиціи, а словеснымъ приказаніемъ, забота о сожженіи самаго города. Задачу эту они исполнили въ совершенствѣ.

Засимъ приступаю къ самому разбору написаннаго генераломъ Духонинымъ.

Насколько составляютъ платформы, лафеты, ящики и заряды честь и гордость военную, въ особенности, когда, въ теченіи только нѣсколькихъ ночныхъ часовъ, надо было очистить такой городъ, какъ Севастополь, да еще послѣ годовой почти осады и тотчасъ же послѣ страшнаго штурма,—предоставляю судить каждому.

Что крѣпостныя орудія, пушки и мортиры большаго калибра оставлены на валгангахъ—болѣе, чѣмъ понятно.

Въ эту ночь въ Севастополѣ находилось артиллерійскихъ орудій, сухопутныхъ и морскихъ, чугунныхъ и мѣдныхъ, слѣдующее число:

На вооруженіи всѣхъ верховъ, внѣшнихъ и внутреннихъ	1,147 орудій.
Подбитыхъ въ теченіи осады и негодныхъ .	900 "
Въ запасѣ: большею частью ненадежныхъ, старыхъ, безъ станковъ и по разнымъ причинамъ негодныхъ 1,800 "
	Итого 3,847 орудій.

Число это, приведенное въ сочиненіи генерала Тотлебена ¹⁾ и составленное на основаніи документальныхъ данныхъ, подтверждается и французскимъ маршаломъ Ніелемъ. Онъ пишетъ, что союзники нашли на Южной сторонѣ 3,839 орудій всѣхъ калибровъ, въ томъ числѣ 128 мѣдныхъ, изъ коихъ десять турецкихъ, переданныхъ туркамъ.

Если-бъ настаивать на отбитіи цапфъ у всѣхъ этихъ орудій и на порчу 3,000 станковъ и лафетовъ, а также нѣсколькихъ тысячъ платформъ, пришлось бы отказаться отъ очищенія Южной стороны въ ночь съ 27-го на 28-ое августа и продержатъ весь гарнизонъ, при постоянно уменьшающемся числѣ орудій, еще нѣсколько дней на бастіонахъ Севастополя, подъ огнемъ непріятеля и подъ угрозою штурма, успѣхъ котораго былъ бы уже несомнѣненъ, да еще безъ всякой уже надежды перевести армію на Сѣверную сторону.

Нечего и говорить о невозможности вывести всю эту артиллерию большаго калибра съ Южной на Сѣверную сторону по мосту.

„Переправа совершалась при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, который развелъ въ бухтѣ сильное волненіе.

„Нагруженный густою массою людей, орудій и повозокъ, мостъ сильно качался“,

пишетъ генераль Тотлебенъ ²⁾, а мы всѣ помнимъ, что мѣстами онъ даже залить былъ морскою водою.

Пороху во всемъ Севастополѣ было въ этотъ день свыше

¹⁾ Ч. II, стр. 243.

²⁾ Тамъ-же.

сорока тысячъ пудовъ. Онъ распредѣленъ былъ по всѣмъ батареямъ и фортамъ крѣпости.

Команды, назначенныя диспозиціею для производства взрывовъ, исполнили въ этомъ отношеніи долгъ свой довольно исправно, такъ какъ, по мѣрѣ отступленія арьергардовъ, пишетъ генераль Тотлебенъ и подтверждаетъ генераль Ниель, взорвано 35 пороховыхъ погребовъ; затѣмъ уже по оставленіи Южной стороны, были произведены небольшими командами охотниковъ взрывы погребовъ на береговыхъ батареяхъ №№ 7, 8 и 10; послѣ полудня взлетѣли на воздухъ Павловская и Александровская батареи.

Два дня и двѣ ночи горѣли развалины Севастополя, покрываемыя густыми облаками дыма, пишетъ генераль Тотлебенъ ¹⁾; по временамъ въ разныхъ мѣстахъ раздавались взрывы.

Съ своей стороны генераль Ниель пишетъ ²⁾:

„Le général en chef ne crut pas devoir inquiéter la retraite des russes; on ne pouvait s'aventurer la nuit dans les rues d'une ville inconnue, lorsque les grandes explosions préparées par l'ennemi et les progrès de l'incendie, qui faisaient à chaque instant sauter les nombreux magasins dans lesquels la garnison avait déposé ses approvisionnements de poudre pouvaient écraser nos troupes.

„Au soleil levant l'incendie continuait à dévorer la ville et plusieurs explosions eurent encore lieu la matinée.

„Quelques-unes firent périr des maraudeurs qui s'étaient introduits dans la place“ ³⁾.

Нѣсколько значительныхъ взрывовъ послѣдовали еще ранѣе, а именно днемъ 27-го августа во время самаго штурма, какъ, напримѣръ, большой взрывъ на соединительной куртнѣ влѣво Малахова кургана.

Всѣми этими взрывами уничтожено, конечно, не малое количество пороха и если досталось его скольконибудь въ руки не-

¹⁾ Ч. II, стр. 245.

²⁾ Ч. II, стр. 440.

³⁾ [Переводъ]. «Главнѣекомандующій не считалъ нужнымъ беспокоить русскихъ при ихъ отступленіи; онъ не хотѣлъ рисковать двигаться ночью по незнакомымъ улицамъ, когда большіе взрывы, подготовленные непріателемъ, и усилія пожара, взрывающаго безпрестанно многочисленныя пороховыя погреба, въ которыхъ гарнизонъ хранилъ свои запасы пороха, могли подавить наши войска.

«Съ восходомъ солнца пожаръ продолжалъ пожирать городъ и нѣсколько взрывовъ послѣдовали еще въ теченіи утра.

«При изъоторыхъ изъ нихъ погибли мародеры, вошедшіе въ городъ».

пріятеля, то, конечно, не болѣе части бывшаго въ тотъ день запаса.

Генераль Ніель пишетъ о 226,000 килограмахъ пороху, найденныхъ союзниками въ Севастополѣ, что составляетъ около 16 тысячъ пудовъ.

Сколько помню, не подожены были мины 2-го бастіона (вслѣдствіе порчи отъ непріятельскихъ выстрѣловъ столба, помѣщавшагося на батарее Геннериха) и Николаевскихъ казармъ, подъ которыми былъ значительный запасъ пороха.

Почему послѣднія не были взорваны—миѣ неизвѣстно.

Значить совершенно напрасно утверждаетъ генераль Духонинъ, что только „кое гдѣ взорвали заряды“.

Затѣмъ переходу въ потопленнымъ полевымъ мѣднымъ орудіямъ.

Генераль Духонинъ насчитываетъ ихъ 91.

Генераль Тотлебенъ говоритъ о 57, а маршалъ Ніель увѣряетъ, что всѣхъ мѣдныхъ орудій (bouches à feu), значить пушекъ, единороговъ и мортиръ сухопутныхъ и морскихъ, бывшихъ на вооруженіи и въ запасѣ, оказалось 128, изъ коихъ 10 турецкихъ.

Мортиръ мѣдныхъ большаго калибра было немного болѣе 60-ти, а не 36, какъ пишетъ генераль Духонинъ. Значить, собственно мѣдныхъ, то есть полевыхъ, пушекъ было менѣе 58. Какъ видно, число это совершенно сходится съ числомъ, показаннымъ генераломъ Тотлебенемъ.

Но такъ или иначе, всетаки оказывается, что около 56 полевыхъ орудій были, по свидѣтельству обѣихъ враждующихъ сторонъ, брошены въ Севастополѣ.

Какія же были эти 56 орудій и почему не вывезли ихъ изъ города?

На счетъ ихъ положительно могу передать слѣдующее:

Во время одной изъ первыхъ бомбардировокъ Севастополя пишущій эти строки, бывший тогда начальникомъ штаба артиллеріи крымской арміи, посѣтилъ вмѣстѣ съ адмираломъ Нахимовымъ 4-ый бастіонъ и видѣлъ, какъ отъ непрерывно повторявшихся залповъ непріятельской батареи, вооруженной, не помню, сколькими, но только однѣми бомбовыми пушками Цексгана, цѣлый фасъ укрѣпленія поднимался на воздухъ въ видѣ тучи пыли, которая засыпала ровъ, уничтожала амбразуры и, возвра-

цаясь на землю, представляла уже какую-то безформенную кучу, а не брустверь. Въ то время всѣ были увѣрены, что союзники намѣревались направить главную атаку на 4-ый бастионъ, да оно, кажется, таеъ и было.

Невольно завязался съ адмираломъ разговоръ о томъ, чѣмъ мы будемъ отстрѣливаться въ минуты штурма, когда ни одной цѣлой амбразуры не останется на атакуемомъ фасѣ и когда большая часть орудій, стоявшихъ на вооруженіи, будетъ подбита?

Предметъ этого разговора былъ тогда же доложенъ главнокомандующему и рѣшено было имѣть на оборонительной линіи, въ извѣстныхъ пунктахъ, готовые барбеты для дѣйствія черезъ банкъ полевыми единорогами, которые держатъ за траверсами закрыто отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и накатывать руками прислуги на барбеты въ минуты штурма. Орудія эти причислены были въ вооруженію крѣпости и при нихъ оставлено, если не ошибаюсь, по четыре номера прислуги и по 70 зарядовъ, преимущественно картечныхъ. Вся ихъ прочая прислуга, всѣ лошади, ящики и передки были отправлены къ батареямъ, расположеннымъ на Сѣверной сторонѣ.

Сколько такихъ орудій стояло на бастионахъ утромъ 27-го августа—не помню; но въ Описаніи обороны города Севастополя генерала Тотлебена сказано:

„27-го августа состояло на вооруженіи: полевыхъ орудій (безъ лошадей) на всей оборонительной линіи 56“.

Выходитъ, что покинутыя на южной сторонѣ и брошенныя въ бухту орудія были именно тѣ, которыя безъ лошадей, безъ передковъ и безъ зарядныхъ ящиковъ стояли на вооруженіи передовой оборонительной линіи.

Вывести ихъ изъ Севастополя на рукахъ прислуги черезъ мостъ, а для многихъ изъ нихъ и черезъ два или даже на пароходахъ было положительно невозможно. Въ теченіи одной ночи, только нѣсколькихъ ночныхъ часовъ, надо было успѣть перевести черезъ бухту, а для большей половины гарнизона черезъ двѣ, до пятидесяти тысячъ войска, нѣсколько запряженныхъ батарей, нѣсколько госпиталей, до восьми тысячъ раненыхъ въ этотъ только день, всѣ штабы, аптеки, церковную утварь и пр., и пр. Если-бъ ко всему этому дозволить еще тащить на рукахъ

56 орудій безъ передковъ, пришлось бы затащить отступление долѣ разсвѣта, а согласиться на это главнокомандующему было невозможно.

Переходъ былъ такъ труденъ, что пришлось, какъ извѣстно, оставить на южной сторонѣ до 500 раненыхъ, какая же была возможность перетаскивать на рукахъ мѣдные единороги? Перевоза единороги, пришлось бы пожертвовать еще нѣсколькими тысячами раненыхъ, а они, эти доблестные и несчастные раненые, составляли не меньшую честь и гордость арміи, чѣмъ мѣдныя орудія и ихъ лафеты.

То-же говорить и генералъ Тотлебенъ. На страницѣ 277-ой части II его сочиненія значится:

„57 полевыхъ орудій и часть обозовъ, которые могли затруднить движеніе войскъ къ мѣстамъ переправы и замедлить самую переправу, были брошены въ бухту“.

Въ диспозиціи, составленной княземъ Васильчиковымъ объ очищеніи Южной стороны города, не упоминается ни однимъ словомъ о 56 орудіяхъ полевыхъ, стоявшихъ на оборонительной линіи. Значитъ высшее начальство рѣшило оставить ихъ на мѣстѣ, хотя и не выговорило такого приказанія.

Не менѣе того, прислуга, отходя съ батареей уже поздно ночью, потащила ихъ съ собою. Въ то время,—увѣренъ, что и теперь тоже,—наши молодцы артиллеристы не понимали возможности оставить свои орудія во власти непріятеля и потащили ихъ съ собою. Но нечего было дѣлать! Болѣе важныя и справедливыя соображенія, недоступныя въ ту минуту пониманію массы, заставили пожертвовать этою полусотнею мѣдныхъ орудій, и приказано было бросить ихъ въ воду.

Я помню ту минуту, когда главнокомандующій приказалъ лично генералу Шейдеману топить эти полевые орудія.

Но кромѣ 56 полевыхъ орудій, стоявшихъ на передней оборонительной линіи, находились въ Севастополѣ, сколько помню, пять или шесть полевыхъ батарей съ лошадьми и съ передками, но помнится, безъ зарядныхъ ящиковъ. Изъ нихъ двѣ стояли въ общемъ резервѣ городской части и расположены были лагеремъ на Николаевской площади, а остальные были въ общемъ резервѣ Корабельной стороны.

Не помню кто командовал батареями на Николаевской площади, но имена двухъ изъ командировъ батарей на Корабельной сохранились въ памяти моей, то были: капитанъ графъ Тышкевичъ и подполковникъ Глазенапъ.

Въ то же утро первый изъ нихъ, графъ Тышкевичъ, бравый артиллерійскій офицеръ, молодецкимъ дѣйствіемъ своей батареею много способствовалъ къ отбитію непріятеля отъ 2-го бастиона. Когда бригада французскаго генерала Бурбаки прорвалась до второй оборонительной линіи, графъ Тышкевичъ гинѣлся съ посаженною на орудія прислугою едоль Аполлоновой балки, снялся съ передковъ, не доходя батареи № 124, и открылъ страшный картечный огонь по непріятелю, захватившему уже эту батарею.

Другой, подполковникъ Глазенапъ, защищалъ вторую оборонительную линію съ правой стороны Малахона кургана, и тутъ былъ смертельно раненъ.

Въ Описаніи обороны Севастополя генерала Тотлебена ¹⁾ сказано, что утромъ 27 августа въ гарнизонѣ Южной стороны состояло 44 запряженныхъ орудія, изъ нихъ на городской сторонѣ 16 (10-ой бригады легкая № 2 и 11-ой бригады легкая № 3 батареи), а на Корабельной 28 орудій (11-ой бригады легкая № 5 и 12-ой бригады легкія №№ 7, 8 и 9 батареи).

Помню очень хорошо, какъ вся полевая артиллерія, собранная на Николаевской площади около семи часовъ вечера, двинулась съ площади на мостъ. Какъ теперь вижу сопровождавшаго батареи генерала Шейдемана, верхомъ впереди головнаго орудія съ перевязанною бѣлымъ окровавленнымъ платкомъ головою. Онъ самъ повелъ ихъ на мостъ вслѣдъ за Украинскимъ егерскимъ полкомъ. Значитъ, ужъ никакъ не менѣе 16-ти орудій изъ числа 44-хъ переправились на Сѣверную сторону; но, въ сожалѣнію, занятый въ это время другимъ важнымъ дѣломъ, я не обратилъ вниманія на число ушедшихъ съ Шейдеманомъ орудій. Были-ли тутъ только тѣ 16, которыя до 27-го числа состояли въ общемъ резервѣ городской части или въ нимъ применили и вмѣстѣ съ ними перешли бухту и батареи, стоявшія на Корабельной,—я не помню.

Не утверждаю положительно, но только смутно вспоминаю,

¹⁾ Глава II, стр. 175.

что одна часть батарей Корабельной стороны вмѣстѣ съ пѣхотою перешла черезъ пересыпь на городскую сторону и оттуда на большой мостъ, а другая часть перевезена была на судахъ на Сѣверную сторону. Говорю, смутно помню, потому что, выйдя изъ Николаевской казармы вслѣдъ за княземъ Горчаковымъ и за генераломъ Коцебу и съ величайшимъ трудомъ перейдя черезъ мостъ, я привезенъ былъ на Инкерманъ совершенно больнымъ и пролежалъ въ постелѣ чуть не двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ не могъ осмотрѣть батарей, вышедшія изъ Севастополя.

Но если-бъ даже предположить, что всѣ полевые запряженные орудія Корабельной стороны, числомъ 28, были брошены въ бухту, чего, разумѣется, не было ни въ какомъ случаѣ, то все-же вмѣстѣ съ 56-ю, стоявшими на вооруженіи, они составили бы число 84, а не 91, какъ пишетъ генералъ Духонинъ, и не 57, какъ заявляетъ генералъ Тотлебенъ, на основаніи положительныхъ документовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ общества офицеровъ, служившихъ въ полевыхъ батареяхъ Корабельной стороны, многіе находятся еще въ живыхъ. Было бы въ высшей степени интересно, если-бъ нѣкоторые изъ нихъ отозвались на призывъ пишущаго эти строки, стараго ихъ начальника, и сообщили на стр. „Русской Старины“ подробности того, чему были свидѣтелями въ достопамятную ночь съ 27-го на 28-е августа 1855 года. Ихъ отзывъ окончательно разъяснилъ бы вопросъ: какія именно полевые орудія были брошены въ бухту?

Но, во всякомъ случаѣ, какія бы ни были эти 57 орудій и въ какомъ бы видѣ ни досталась въ руки побѣдителей вся крѣпостная артиллерія, затопленіе однихъ и непорча другихъ есть жертва, принесенная тяжести обстоятельствъ...

Къ вышеизложенному могу добавить еще слѣдующее:

Около трехъ часовъ ночи я былъ посланъ княземъ Горчаковымъ сперва на большой, а потомъ и на малый мостъ, для того, чтобъ посмотрѣть, какъ идетъ переправа. На обоихъ мостахъ я провелъ часа два, переговаривалъ съ бывшими на мѣстахъ начальниками и не получилъ никакихъ заявленій со стороны артиллеристовъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ ими при перевозкѣ на Сѣверную сторону; даже не видѣлъ на Корабельной, у малаго

моста, среди собраннаго тамъ войска, ни одного запряженнаго орудія.

Уже возвращаясь въ Николаевскую казарму для доклада главнокомандующему обо всемъ видѣнномъ, я обошелъ на береговой дорогѣ городской стороны одно полевое орудіе безъ передка. Его тащили на себѣ съ величайшимъ трудомъ артиллеристы. Значить, оно было изъ числа орудій, стоявшихъ на вооруженіи, а не запряженныхъ, иначе было бы съ передкомъ и съ лошадьми.

Итакъ, напрасно генераль Духонинъ рѣзко отозвался о защитникахъ Севастополя. Лучшій, чѣмъ онъ, цѣнитель воинской доблести и чести арміи князь Горчаковъ выразился въ приказѣ своемъ иначе. Онъ написалъ: „Мы оставили врагамъ нашимъ однѣ пылающія развалины города, собственною нашею рукою зажженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучата наши съ гордостью передадутъ отдаленному потомству“

IV.

Въ послѣдней части своихъ Записокъ ¹⁾ генераль Духонинъ ссылается отъ 14-го октября на какой-то разсказъ о разсѣянности князя Горчакова.

Не помню точно, разсказывалъ-ли я дѣйствительно что-нибудь подобное генералу Духонину; легко можетъ быть, что и говорилъ, и что анекдотъ, передаваемый генераломъ Духонинымъ, дѣйствительно имѣлъ мѣсто. Да и не такія еще странности видѣли мы по временамъ отъ нашего дѣйствительно любимаго и уважаемаго главнокомандующаго. Разсѣянность и постоянная озабоченность кн. М. Д. Горчакова вошли въ пословицу.

Имя князя Михаила Дмитріевича Горчакова принадлежитъ исторіи и потому о немъ не только можно, но и должно говорить всѣмъ знавшимъ его близко, тѣмъ болѣе, что уже пытались и не разъ, даже на страницахъ „Русской Старины“, рѣзко очертить этого истинно благороднаго патріота.

¹⁾ „Русская Старина“, декабрь, 1885 г.

На этомъ основаніи, рѣшаюсъ высказать нѣсколько словъ о странностяхъ характера и обращенія начальника, подъ командою котораго я имѣлъ честь служить довольно близко, во время всей кампаніи 1853—55 годовъ, а потомъ въ Варшавѣ, до его кончины. Онъ и умеръ на моихъ рукахъ въ Бельведерѣ.

Спѣшу однако-же оговориться, что, рассказывая о нѣкоторыхъ странностяхъ князя, я далекъ отъ мысли умалять высокія качества и достоинства этого доблестнаго мужа.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, человѣкъ несомнѣннаго ума и основательнаго образованія, былъ одаренъ отъ природы тѣмъ страннымъ складомъ мозговыхъ способностей, который нерѣдко встрѣчается у людей, много занимавшихся точными науками, въ особенности у профессоровъ такъ называемой чистой математики. Остановясь на какой-нибудь мысли изъ моря житейскаго и въ особенности изъ сферы служебной, онъ садился на нее верхомъ и мчался, что называется, во всѣ лопатки. Всѣми силами своего мышленія онъ обращался къ ней, углублялся въ нее, нянчился съ нею, изучалъ ее во всѣхъ подробностяхъ, носился съ ней какъ съ бременемъ и абсорбировался ею до того, что не замѣчалъ, не видѣлъ и не слышалъ ничего другаго, ни окружающихъ его людей, ни обстановку данной минуты, ни требованій его личнаго положенія, ни времени, ни пространства. Его мышленіе быстро двигалось за увлекающею его мыслью все глубже и глубже; если позволять мнѣ такъ выразиться—все въ одномъ вертикальномъ направленіи, узкой цѣпью идей сверху внизъ, не распространяясь въ горизонтальномъ направленіи и не освѣщая разсудкомъ среду и пространства, сосѣднія съ нитью его размышленій. Онъ всегда обрабатывалъ какою-нибудь идею исключительно отъ всего, что могло вліять на нее сбоку.

Оттого и случались съ нимъ, да и нерѣдко, странности, какъ говорится, колѣнца, которыхъ никоимъ образомъ нельзя было ожидать отъ свѣтски образованнаго и въ особенности отъ придворнаго человѣка.

Такъ, напрямѣръ, принимая у себя почетныхъ гостей и угощая ихъ параднымъ обѣдомъ, ему случилось, однажды, погрузиться въ глубокое раздумье. Онъ пересталъ отвѣчать на предлагаемыя ему вопросы, началъ бормотать самъ съ собою какія-то неясныя и несвязныя слова, жестикуюлировалъ и при этомъ гримасничалъ

невъразимо. Гости невольно улыбаются, глядя на него и, бивая на хозяина головою, толкали локтемъ другъ друга; но онъ, совершенно отсутствуя мыслью отъ настоящей минуты и отъ настоящей обстановки, со всѣми ея условіями, не замѣчалъ ни улыбокъ гостей, ни ихъ конфузій, ни пожиманія плечами старика, преданнаго ему до глубины души,—его буфетчика. Въ полной разсѣянности, увлеченный разборомъ занимавшей его мысли, онъ продолжалъ обѣдать совершенно машинально, заѣдалъ паясною икройю всѣ блюда и вдругъ, неожиданно для всѣхъ, быстро всталъ изъ-за стола послѣ третьяго блюда, когда обѣдь не дошла еще и до половины, воображая, что все уже съѣдено и окончено.

Въ головѣ его никакъ не могли улечься сразу размышленія о какомънибудь предметѣ, которыя было бы лучше отложить до болѣе удобнаго времени, съ представленіями настоящей минуты.

За то предметъ, о которомъ онъ думалъ такъ исключительно, былъ разобранъ его умомъ до послѣднихъ подробностей; но, къ сожалѣнію, не всегда вѣрно, оттого что предметъ разсужденія былъ имъ взятъ и обсужденъ изолированно отъ вліянія всякихъ постороннихъ обстоятельствъ и причинъ. О постороннихъ предметахъ, даже находящихся совершенно вблизи нити его разсужденій, онъ въ эти минуты не думалъ.

Но лишь только достигалъ онъ этимъ путемъ до какого-нибудь убѣжденія, переходя отъ одного заключенія къ другому, вполне логичными выводами, какъ вдругъ являлся кто-нибудь изъ насъ, его подчиненныхъ, и по долгу службы или случайно наводилъ его на одно изъ тѣхъ побочныхъ обстоятельствъ, о которыхъ онъ забылъ подумать. Какъ точно кливъ какой-нибудь всовывалось это побочное обстоятельство въ сочиненную имъ логическую цѣпь причинъ, послѣдствій и выводовъ. Все зданіе его мышленія, вся эта нить выводовъ, такъ чисто отдѣланная, такъ выхоленная логикою, мгновенно падала; онъ уцѣплялся всѣми силами за представленную ему новую мысль, съ такимъ же рвеніемъ начиналъ надъ нею работать и опять та-же цѣпь обдумыванія приводила его къ новому заключенію, иногда діаметрально противоположному первому.

И до такой степени доходило подчасъ непостоянство его убѣжденій; но съ тѣмъ вмѣстѣ такъ, повидимому, сильно вѣрилъ онъ

въ безошибочность послѣдняго заключенія, что ему случалось на разстояніи нѣсколькихъ дней не только измѣнять „de fond en comble“ свои рѣшенія и притомъ весьма важныя, но случалось даже и не помнить своихъ прежнихъ распоряженій. Въ этихъ случаяхъ положеніе его подчиненныхъ дѣлалось очень неприятнымъ.

Рѣшеніе вопроса: перейти или не перейти въ наступленіе въ концѣ іюля 1855 года мѣнялъ онъ въ теченіи одной недѣли три раза. Увлеченный сперва мнѣніемъ генералъ-адъютанта Вревскаго, онъ рѣшился атаковать Федюхины горы—и вся главная квартира запоемъ занялась этимъ вопросомъ, и

Выѣзжали князья, графы,
А за ними топографы
На большой редутъ ¹⁾.

Потомъ, посѣтивъ раненаго генерала Тотлебена и услышавъ отъ него доводы о различныхъ побочныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ онъ прежде не думалъ, князь отказался отъ перваго мнѣнія и задумалъ сдѣлать большую вылазку изъ Севастополя. Наконецъ, возвратился къ первоначальной мысли и рѣшился наступать со стороны Черной рѣчки; но и тутъ, не взирая на самую подробную диспозицію, не высказалъ въ ней своего послѣдняго слова, а оставилъ за собою назначить на мѣстѣ, уже послѣ начала дѣла, главный пунктъ атаки.

Такая нерѣшительность окончилась, какъ и можно было ожидать, полнѣйшею неудачею 4-го августа, въ сраженіи на Черной.

Вотъ еще примѣръ его странныхъ колебаній.

Гораздо ранѣе оставленія Южной стороны Севастополя, такъ въ началѣ или въ половинѣ іюня, получено было начальникомъ артиллеріи приказаніе начать перевозку нѣсколькихъ сотъ тяжелыхъ чугунныхъ орудій изъ Севастополя въ Николаевъ. Въ Севастополѣ ихъ было излишне много, а въ Николаевѣ недостаточно. Казенныхъ перевозочныхъ средствъ не существовало, приходилось нанять подрядчика, что и было исполнено. Перевозка шла довольно исправно, стояла не дешево и должна была продолжаться въ теченіи осени и зимы. Нерѣдко главнокомандующій

¹⁾ Изъ известной всѣмъ севастопольской пѣсни, впоследствии напечатанной въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., т. XII, стр. 441—444, 653—654; изд. 1884 г., томъ XLII, стр. 455—457.

интересовался успѣхомъ перевозки и всякій разъ напоминалъ о приложеніи неусыпныхъ въ этомъ дѣлѣ стараній.

На другой день послѣ оставленія южной стороны Севастополя, князь Горчаковъ зашелъ ко мнѣ въ палатку; я лежалъ тогда въ постелѣ, со сломанною и забинтованною ногою. Разсуждая о грядущихъ военныхъ дѣйствіяхъ, онъ вдругъ крайне удивилъ меня новою совсѣмъ мыслью.

— Теперь союзники заснутъ на Южной сторонѣ Севастополя, сказалъ онъ, и зимою начнутъ мерзнуть и болѣть, какъ тараканы. Я думаю воспользоваться этимъ временемъ и зимою атаковать Балаклаву и Каміешъ; но для того мнѣ нужны орудія большого калибра и потому прекратите перевозку ихъ въ Николаевъ.

Не успѣлъ я возразить ему, немного удивленный такою новостью, какъ онъ уже исчезъ изъ палатки.

Совсѣмъ отвергать осуществимость такого плана не было достаточно причинъ. Въ пользу его говорило многое, но, правда, можно было привести тоже многое и въ невыгоду его.

Какъ бы то ни было, нечего было дѣлать!

Приходилось, во исполненіе воли главнокомандующаго, остановить перевозку, нарушить контрактъ и, что было уже крайне неприятно, уплатить значительную неустойку.

Къ счастью, на другой же день или черезъ день, не помню, зашелъ ко мнѣ Павелъ Евстафійевичъ Коцебу. Я передалъ ему весь разговоръ съ княземъ и просилъ снабдить начальника артиллеріи предписаніемъ прекратить перевозку и нарушить контрактъ.

Каково же было мое удивленіе, когда дня два послѣ того, придя ко мнѣ опять въ палатку, князь началъ попрежнему торопить меня съ перевозкою орудій въ Николаевъ и настаивалъ на возможно быстрой ихъ доставкѣ туда. О мысли атаковать зимою Каміешъ и Балаклаву онъ уже забылъ и впослѣдствіи никогда уже не возвращался къ ней.

А что же вышло бы, если-бъ я поторопился, по причинѣ военного времени, привести въ исполненіе его привязаніе и нарушилъ условіе съ подрядчикомъ?

Конечно, это свойство ума князя М. Д. Горчакова было въ немъ врожденное, Богомъ данное, но тоже несомнѣнно, что оно было значительно развито неимовернымъ деспотизмомъ его постоянного начальника князя И. Ѳ. Паскевича. Его свѣтлость,

при всѣхъ своихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, не жаловалъ людей самостоятельныхъ и никому изъ окружающихъ его не дозволялъ „свое сужденіе имѣть“. Понятно, что человѣкъ, прослужившій столько лѣтъ начальникомъ штаба, подъ ежедневнымъ и постояннымъ гнетомъ такого принціпала, какимъ былъ князь Паскевичъ, вышелъ изъ рувъ его въ видѣ выжатого лимона.

Послѣ тяжелой и долгой ферылы въ кн. Горчаковѣ сохранились, однако, тѣ дорогія душевныя качества, которыя привлекали къ нему всѣхъ благородный, возвышенный патріотизмъ, необыкновенное самоотверженіе для общей пользы и безграничная преданность государю и Россіи. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ истиннымъ рыцаремъ. Его личная храбрость и презрѣніе къ смерти были удивительны. Въ огнѣ онъ походилъ на человѣка глухаго, для котораго не существуетъ ни свиста пуль и снарядовъ, ни грохота выстрѣловъ. Онъ, быть можетъ, и не слышалъ ихъ дѣйствительно или, вѣрнѣе, они не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія на его мозговые органы, не сообщались его разсудку, отвлеченному въ такія минуты подробнымъ разслѣдованіемъ какой нибудь мысли, также какъ въ разсѣянности не замѣчалъ онъ, что вкусъ паюсной икры не совсѣмъ вяжется съ мороженымъ изъ земляники.

Какъ главнокомандующій, онъ имѣлъ много достоинствъ, но тоже и значительные недостатки. Воспитанный въ школѣ князя Паскевича, этого лучшаго на свѣтѣ интенданта, кн. М. Д. Горчаковъ безустанно и съ постояннымъ успѣхомъ заботился о благосостояніи солдатъ. Въ его арміи, благодаря ему и Затлеру, никогда не голодали. За все время кампаніи, не взирая на отсутствіе желѣзныхъ и шоссированныхъ дорогъ, сколько помню, только одинъ разъ пришлось уменьшить на нѣсколько дней выдачу хлѣба и усилить въ замѣнъ того выдачу крупы. Всѣ снабжены были теплою одеждою и ни одинъ рядовой не терпѣлъ нужды ни въ чемъ. Въ этомъ отношеніи великую благодарность заслужилъ нашъ главнокомандующій.

Но съ другой стороны—болѣе политикъ, чѣмъ военачальникъ, болѣе кабинетный человѣкъ, чѣмъ полевой, онъ не имѣлъ ни представительности, ни лоску военнаго. Близорукій, неловкій, разсѣянный и вѣчно озабоченный, онъ не умѣлъ стать передъ войскомъ, поздороваться съ людьми, произнести вѣрно какія-бы

то ни было командныя слова. Онъ не разъ здоровался съ полками, заѣхавъ съ задней ихъ шеренги. По слѣпотѣ и разсѣянности онъ иногда не отличалъ спины отъ фаса.

Но за то съ радостной улыбкой встрѣчали его солдаты, сытые и одѣтые, благодаря его попеченіямъ, когда онъ прохаживался по оборонительной линіи Севастополя, подъ градомъ пуль и осколковъ бомбъ, какъ будто гулялъ въ своей легендарной фуражкѣ съ подъѣздною крышею вмѣсто козырька, по бульвару мирнаго города.

„Вишь! ходитъ старикъ въ блиндированномъ картузѣ“, говорили солдатики, выскакивая изъ блиндажей, чтобъ посмотрѣть на своего главнокомандующаго и добраго, заботливаго кормильца. Его совершенно спокойный видъ подъ страшнымъ огнемъ трамбовки, такъ звали они бомбардировку, придавалъ имъ энергіи и храбрости.

Кромѣ личныхъ достоинствъ и недостатковъ князь Горчаковъ имѣлъ еще одинъ, для военнаго человѣка сокрушительный, невольный порокъ: онъ былъ въ полной силѣ слова неудачникъ. Я никогда не видалъ его играющимъ въ карты, но увѣренъ, что онъ всегда былъ бы въ проигрышѣ. Главное несчастье его заключалось въ томъ, что онъ имѣлъ талантъ попадать постоянно въ такія передраги, въ которыхъ можно было ожидать одни толчки и неудачи, а не раздачу лавровыхъ вѣнковъ. Если-бъ онъ былъ врачомъ, ему попадались бы въ руки одни лишь безнадежно больные. Только ему одному суждено было, послѣ неимоверныхъ трудовъ и самыхъ самоотверженныхъ стараній, въ теченіи одной кампаніи отступить, не взявъ глупѣйшей Силистріи, и опять отступить, чтобы отдать неприятелю дорогой Севастополь. И въ обоихъ случаяхъ нельзя, положивъ руку на сердце, обвинить его въ чемъ бы то ни было. Онъ велъ оба дѣла съ умѣньемъ, терпѣньемъ и совершенно похвальнымъ самоотверженіемъ. Другому и при иныхъ обстоятельствахъ было бы достаточно и половины его трудовъ и безпокойствъ, чтобъ достигнуть полнаго успѣха.

Человѣку съ такимъ предопредѣленіемъ судьбы не надо ни быть главнокомандующимъ, ни садиться играть въ карты.

Не смотря, однако же, на разсѣянность князя и на его совершенное безстрашіе, существовалъ всетаки одинъ предметъ, о ко-

торомъ онъ постоянно думалъ и котораго боялся страшно. То былъ—Петербургъ.

Когда мы были еще подъ Силистріей и по указаніямъ спирита Шильдера напрасно изощрялись въ рытіи различнаго рода канавъ въ окрестностяхъ этой крѣпости, ходила по рукамъ довольно остроумная карриатура. Изображены были стоявшіе dos-à-dos на холмѣ: нашъ высокій, длинный, предлинный главнокомандующій и еле доходившій до его пояса маленькій, самый маленькій начальникъ главнаго штаба. Одинъ изъ нихъ, маленький штабъ-начальникъ, смотрѣлъ въ длиннѣйшую трубу на югъ, гдѣ показывалась издали турецкая армія Омеръ-паши; другой—нашъ длинный главнокомандующій, упорно смотрѣлъ въ коротенькій театральный бинокль на сѣверъ, откуда видѣлся скачущій изъ Петербурга курьеръ. Дѣйствительно, нашъ главнокомандующій несравненно болѣе боялся Петербурга, чѣмъ всѣхъ союзниковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Такое свойство его характера было уже конечно наживное, подаренное ему деспотизмомъ князя Варшавскаго и общимъ характеромъ и настроеніемъ николаевскихъ временъ.

Питая въ душѣ совершенно своеобразный предметъ страха, онъ удивлялъ еще болѣе однимъ оригинальнымъ и для военнаго человѣка рѣдкимъ пристрастіемъ. Онъ имѣлъ страсть къ письменному дѣлу, какъ у насъ говорили, былъ одержимъ бѣшенствомъ канцелярскимъ. Такой вкусъ къ перепискѣ и къ бумагамъ пріобрѣлъ онъ, прослуживъ много лѣтъ начальникомъ штаба сперва корпуса, а потомъ и арміи; но надо думать, что расположеніе къ литературнымъ занятіямъ было въ немъ отчасти и врожденно. Онъ по временамъ пописывалъ даже стихи, но преимущественно солдатскія пѣсни, которыя, надо сознаться, не всегда выходили удачными, такъ какъ по воспитанію онъ гораздо болѣе подходилъ къ типу образованнаго француза, чѣмъ къ простому русскому человѣку.

Бывало принесешь ему къ подписи важную спѣшную бумагу; онъ всякій разъ внимательно прочтетъ ее, скорѣе нѣсколько разъ, чѣмъ одинъ; причемъ, поднимая очки на лобъ, совсѣмъ нахлоптитъ сѣдую, лысую голову къ столу. Потомъ гримасничая, фыркая, бормоча что-то себѣ подъ носъ и не подымая отъ бумаги головы, а въ то-же время невыносимо пыхтя сигарою, начнетъ онъ ша-

рять рукою по столу, найдеть карандашъ и поидеть черкать имъ и поправлять бумагу, да такъ, что, наконецъ, самъ не разбереть, въ чемъ дѣло, самъ не въ состоянїи добиться въ ней ни толку, ни смысла.

— Faites copier tout ça, всякій разъ выскажетъ онъ, разсердясъ самъ на себя, je n'y comprend plus rien ¹⁾.

Пробовалъ я, наученный опытомъ, отбирать со стола всѣ карандаши, пока онъ читалъ бумагу. Случалось—помогало.

Потомъ въ Варшавѣ, уже въ послѣдній годъ жизни, огорченный совершающимися событіями въ Польшѣ, уже удрученный годами и нравственно усталый отъ трудовой жизни, онъ всетаки въ полной силѣ сохранилъ страхъ передъ Петербургомъ и все то-же бѣшенство канцелярское.

Повѣрять ли, что не разъ, послѣ многихъ и долгихъ перестановокъ словъ, перемѣнъ выраженій и поправокъ всякаго рода во всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ на высочайшее имя, онъ приказывалъ иногда остановить по телеграфу и возвратить въ Варшаву отправленнаго уже съ бумагами фельдгегера, чтобы перемѣнить или добавить въ донесеніи еще нѣсколько словъ.

Вотъ до какой степени можетъ дойти бѣшенство канцелярское и вотъ какъ портить военныхъ людей долгая служба съ штабахъ, канцеляріяхъ и министерствахъ. Кто готовится быть полезнымъ военачальникомъ, долженъ непремѣнно, хотя нѣкоторое время, прокомандовать полкомъ и дивизіею. Только военные гении, какъ Цезарь и Наполеонъ, могутъ быть избавлены отъ такой необходимости...

На послѣднихъ страницахъ своихъ Записокъ генералъ Духонинъ пишетъ отъ 26-го апрѣля 1856 года объ ужасахъ и грабежахъ, совершенныхъ союзниками въ Керчи, и передаетъ, что подробный разсказъ о нихъ слышалъ отъ меня.

Дѣйствительно, по заключеніи перемирія я ѣздилъ въ Керчь, чтобъ посѣтить могилы отца моего и двоюродной сестры, и видѣлъ тамъ все то, даже хуже того, что передаетъ генералъ Духонинъ. Возвратясь въ главной квартирѣ, я подалъ подробную записку обо всемъ мною видѣнномъ главнокомандовавшему въ

¹⁾ [Переводъ] Прикажете все это переписать, я тутъ ужъ ничего не понимаю.

то время графу Лидерсу. Онъ, съ своей стороны, сообщилъ ее англійскому начальству и, сколько помню, она появилась вскорѣ послѣ того въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ.

Въ передаваемыхъ генераломъ Духонинимъ подробностяхъ о Керчи вкрались только незначительныя и не имѣющія общаго интереса неточности, какъ, на примѣръ: о двухъ домахъ, принадлежавшихъ моимъ родителямъ въ Керчи. Ни мои родители, ни я никогда не были обладателями ни одного дома ни въ одномъ изъ городовъ Россійской Имперіи.

Все написанное мною отнюдь не составляетъ осужденія генерала Духонина. Онъ былъ всегда человѣкомъ вполне добросовѣстнымъ и, безъ сомнѣнія, вносилъ въ дневникъ свой только то, что слышалъ отъ другихъ. Его разсказъ служить вѣрнымъ отголоскомъ ходившихъ въ то время въ главной квартирѣ крымской арміи слуховъ и несправедливыхъ нареканій, и въ качествѣ такового имѣетъ свою цѣну.

Николай Андр. Ерыжановскій.

1 Февраля 1886 г.
Село Матвѣево.

Указъ Петра I о привлеченіи сербовъ на русскую службу

1723 г.

Божією милостію Мы, Петръ Первый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, понеже Мы воспріяли намѣреніе въ нашихъ украинскихъ городѣхъ содержать нѣсколько полковъ конныхъ гусарскихъ изъ сербскаго народа, и для призыву и принятія оныхъ въ нашу службу вручили мы комиссію майору Ивану Албанцу. Того ради мы симъ обнадеживаемъ, которые изъ помянутыхъ народовъ придутъ добровольно въ нашу службу, то имъ давано будетъ наше жалованье, такожде раціи и порціи, по ихъ службамъ и рангамъ, какъ они оное получали отъ Его Величества Цесаря Римскаго, въ прошедшія войны безъ всякой разности. А кто изъ оныхъ прійдутъ, въ нашъ имперіумъ, въ службу нашу съ женами и дѣтьми, тѣмъ отведется для житія ихъ земли и угодія, и когда они (въ) нашъ имперіумъ на житіе большимъ числомъ поселятся, то они будутъ отъ насъ всемилостивѣйше призравы, и особливимъ нашимъ Императорскимъ привилегіемъ награждены, ктоже и отъ виллеровъ вышеозначеннаго народа собереть и приведетъ въ службу нашу цѣлой полкъ, и тому отъ насъ дается надъ тѣмъ полкомъ чинъ полковничей. А ежели кто изъ нихъ прійдетъ въ нашъ имперіумъ безъ ружья, тѣмъ дается наше ружье, въ зачетъ и жалованья по обыкновению гусарскому. Въ чемъ они могутъ быть безъ всякаго сумнѣнія благонадежны. Во увѣреніе всего вышеозначеннаго дана сія за приписаніемъ нашея собственныя руки, и за нашею печатью.

Въ Санктпетербургѣ. Октября 31 дня 1723 году.

Пётръ.

[Мѣсто печати].

Сообщ. графъ Г. А. Милорадовичъ.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ

1826 г.

Милостивый государь, Василій Алексѣевичъ! Мнѣ надобно было пройти чрезъ Кабарду, чтобъ узнать, до какой степени неблагообразно было поведеніе ваше, когда въ прошломъ году шайка разбойниковъ сдѣлала нападеніе на селеніе Скидатское, здѣсь уже долженъ я былъ узнать, до какой степени простиралась подлая трусость ваша, когда, догнавъ на Биксакѣ ту шайку, но уже утомленную трудами, обремененную добычею и плѣнными, и менѣе въ половину имѣвшую силу противъ войскъ, съ вами бывшихъ, вы не смѣли напасть на оную. Слышны были голоса плѣнныхъ нашихъ, просящихъ помощи: но заглушала васъ подлая трусость! Рвались подчиненные ваши освободить соотечественниковъ, но вы удержали ихъ. Изъ мысли же ихъ нельзя изгнать, чтобъ вы не были самый презрительнѣйшій трусъ или измѣнникъ. А съ тѣмъ и другимъ титуломъ нельзя желать остаться между людьми, имѣющими право гнушаться вами и съ трудомъ поддерживающимися отъ изъявленія вамъ достойнаго презрѣнія. И потому надѣюсь, что вы ускорите вашъ отъѣздъ съ линіи. Я поручилъ взять мѣры, чтобы, прѣбывая селеніе, не были вы посрамлены оставшимися жителями. Конечно, не спасая труса, беру сію предосторожность, но охраняя носимый вами чинъ.

Примите увѣреніе въ уваженіи, каковое вы заслуживать должны.

Ермоловъ.

Сообщ. И. С. Ремезовъ.

Письмо полковнику Вулгакову, бывшему командиромъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка.

Отъ 25 іюня 1826 года.

Примѣчаніе. Письмо это напечатано буквально съ копій, тщательно святой съ подлинника. Сколько помнимо, оно уже было напечатано, но въ виду его значенія для характеристики А. П. Ермолова и значительнаго распространенія копій съ этого письма, мы помѣщаемъ его на стр. „Русск. Стар.“, которая представила уже такъ много матеріаловъ для жизнеописанія и характеристики этого знаменитаго военачальника и государственнаго мужа.

Ред.

«Ревизоръ» — Н. В. Гоголя

1836—1886.

Въ 1836 году напечатанъ и поставленъ на сцену «Ревизоръ» — Гоголя. Въ 1841 году «Ревизоръ» этотъ былъ напечатанъ вторымъ изданіемъ, съ прибавленіемъ въ приложеніяхъ нѣсколькихъ сценъ, выпущенныхъ авторомъ при 1-мъ изданіи (напримѣръ, представленіе Ростиковскаго Хлестакову), и письмо Гоголя М. С. Щепкину по поводу 1-го представленія «Ревизора».

Въ слѣдующемъ 1842 г. вышло первое по времени полное собраніе сочиненій Гоголя; въ это собраніе вошелъ, конечно, и Ревизоръ. Этотъ Ревизоръ противъ первыхъ двухъ изданій имѣлъ много измѣненій, а именно: 1) первый монологъ Городничаго гораздо длиннѣе въ первыхъ двухъ изданіяхъ, чѣмъ въ третьемъ; 2) рассказъ Бобчинскаго, какъ они съ Добчинскимъ были въ трактирѣ и видѣли «молодаго челоуѣка пріятной наружности въ партикулярномъ платьѣ», въ изданіи 1842 г. тоже измѣненъ; 3) рассказъ Хлестакова о томъ, какъ въ Петербургѣ даютъ балы,—также; 4) въ изданіи 1842 года приглашать Хлестакова управлять департаментомъ ѣдутъ тридцать пять тысячъ курьеровъ; въ предшествующихъ же изданіяхъ—этихъ курьеровъ только пятнадцать; 5) въ третье изданіе введена унтеръ-офицерская жена; 6) въ третьемъ изданіи у Городничаго прибавленъ заключительный монологъ съ обращеніемъ къ публикѣ («чему смѣетесь? надъ собой смѣетесь»), и 7) «печа на зеркало пенять, коли рожа крива»—эпиграфъ этотъ появился тоже только на третьемъ изданіи.

Не взирая на измѣненія, происшедшія въ редакціи Ревизора въ 1842 г.—на театрѣ продолжали давать его по первому изданію и, ежели память намъ не измѣняетъ, то лѣтъ десять-пятнадцать послѣ этого.

Книга комедіи «Ревизоръ» напечатана въ 1836 г., съ надписью цензора отъ 13-го марта.

На театрѣ въ первый разъ шелъ «Ревизоръ» 12-го мая 1836 г. Въ виду годовщины полулѣтковаго бытія «Ревизора», желательно, дабы появился въ печати «Ревизоръ» Гоголя по послѣдней подлинной рукописи автора, — тщательно обставленной необходимыми примѣчаніями, сличеніями текстовъ этой безсмертной комедіи во всѣхъ ея редакціяхъ, и память великаго писателя была бы почтена постановкой Ревизора, — на театрахъ столичныхъ и провинціальныхъ, — дѣйствительно въ томъ видѣ, какой окончательно далъ ей Н. В. Гоголь.

Домъ и церковь въ селѣ Вишнѣ,

имѣніи Н. И. Пирогова.

Помѣщаемъ при настоящей книгѣ «Русской Старинѣ» видъ дома, выстроеннаго покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ, въ его имѣніи с. Вишнѣ, близъ города Винница, Подольской губерніи.

Въ этомъ домѣ знаменитѣйшій русскій профессоръ, докторъ-хирургъ, педагогъ и глубокій мыслитель, прожилъ болѣе пятнадцати лѣтъ; въ этомъ же домѣ онъ написалъ свои знаменитые отчеты о посѣщеніи имъ театровъ военныхъ дѣйствій 1870—1871 и 1877—1878 гг., и свои еще болѣе замѣчательныя Записки, съ значительнѣйшею частью которыхъ читатели познакомились въ «Русской Старинѣ» взд. 1884 и 1885 гг.

При этой же книгѣ нашего изданія, май 1886 г., приложенъ видъ церкви, сооруженный вдовой покойнаго, Александрой Антоновной Пироговой, на могилѣ ея супруга, память котораго она благоговѣнно чтитъ. Этотъ превосходный, хотя и небольшой храмъ, отличается изящною и роскошною отдѣлкою. Планъ и постройка выполнены академикомъ архитектуры В. И. Сычуговымъ. Церковь освящена во имя Св. Николая Чудотворца. Подъ церковью находится склепъ съ мраморнымъ поломъ и лѣстницею; въ этомъ склепѣ поставлена гробница Н. И. Пирогова.

Ред.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ,

встрѣча съ нимъ въ 1839 году.

Всякая замѣтка или какая нибудь черта изъ жизни необыкновенныхъ людей, если бы даже она была и незамѣчательная, никогда не будетъ излишнюю.

Въ 1839 году я случайно попалъ въ Можайскъ, гдѣ въ то время собрано было громадное количество войска для маневровъ, и затѣмъ открытіе памятника на Вородинскомъ полѣ въ присутствіи государя Николая Павловича. Понятно, съѣздъ высокопоставленныхъ и даже невысокопоставленныхъ былъ необыкновенно великъ. По этому случаю однимъ извѣстнымъ аферистомъ былъ устроенъ такъ названный имъ городокъ, гдѣ помѣщалась, кромѣ разныхъ другихъ заведеній для увеселенія и развлеченія публики, огромная гостинница, въ которой я и помѣстился.

Случайно узнаю, что рядомъ со мною въ номерѣ квартируетъ Г. А. Рубинштейнъ, который хорошо былъ знакомъ съ семействомъ нашихъ, поэтому я успѣшилъ увидать его; оказалось, что онъ былъ не одинъ, а съ сыномъ, ребенкомъ лѣтъ 9-ти или 10-ти, очень живымъ и крайне симпатичнымъ, съ которымъ мы тотчасъ и познакомились; оказалось, что это былъ будущій великій маэстро.

На другой или третій день Григорій Абрамовичъ съ сыномъ ѡбѣдалъ въ Москву, пригласивъ меня навѣстить его по пріѣздѣ моемъ въ Бѣлокаменную.

5-го сентября, побывавъ на торжественной закладкѣ храма во имя Христа Спасителя, я отправился по данному имъ адресу за Москву рѣку на Ордынку къ Г. А. Рубинштейну. Въ большомъ каменномъ домѣ, расположенномъ внутри двора, въ нижнемъ этажѣ помѣщалась карандашная и игольная фабрика, а въ верхнемъ—жилъ съ семействомъ самъ хозяинъ.

Меня встрѣтили весьма радушно и оставили обѣдать. Затѣмъ, уговоривъ

меня остаться и на чай, чтобы потомъ вмѣстѣ ѣхать въ Петровскій паркъ на иллюминацію, устроенную по случаю пріѣзда государя, отправился на фабрику, поручивъ сыну занимать меня. Антонъ Григорьевичъ сѣлъ за рояль и сыгралъ одну или двѣ пьесы и затѣмъ сталъ разсказывать съ восторгомъ объ исполненіи труппой Вышеславцева въ Бородинскомъ театрѣ «Волшебнаго стрѣлка»; по-видимому, не вокальное исполненіе актерами безсмертнаго творенія Вебера произвело на него пріятное впечатлѣніе, а только комическое положеніе и игра провинціальнымъ лицедѣевъ, въ особенности хоръ стрѣлковъ: „пойте, пойте, друзья, пусть онъ бредитъ самъ про себя“, окончательно веселило его.

Послѣ чаю мы всѣ отправились въ Петровскій паркъ на иллюминацію, гдѣ я и расстался съ любезнымъ и пріятливымъ семействомъ Г. А. Рубинштейна, съ которымъ я болѣе уже 46 лѣтъ нигдѣ не встрѣчался.

И. В. Дохвицкій.

г. Тихвинъ.

Примѣчаніе. Выписываемъ здѣсь кстати изъ альбома ред. „Русской Старинѣ“ драгоценныя для насъ собственноручныя строки нашего гениальнаго и столь высоко чтимаго во всей Европѣ маэстро:

„Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ родился 18 ноября 1830 г., въ селѣ Вжватинецъ, близъ города Дубосары“.

„Dieu ne puis,
Roi ne daigne,
Artiste je suis...“.

П о п р а в к и.

Въ статьѣ „Памятники Александру II Освободителю“, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г., февраль, напечатано— на стр. 494, строка 20: до ставлена, слѣдуетъ читать: предоставлена; на стр. 497, строка 20, напечатано: Мокрено, читай: Мокраго. М. Г.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ 1829 году.

Милая тетенька, извините меня, что я такъ долго не писалъ. Но теперь постараюсь почаще увѣдомлять васъ о себѣ, зная, что это вамъ будетъ пріятно. Вакаціи приближаются и... прости, достопочтенный пансіонъ. Но не думайте, чтобы я былъ радъ оставить его, потому ученіе прекратится—нѣтъ! Дома я заниматься буду еще болѣе, нежели тамъ. Вы спрашиваете о баллахъ, милая тетенька, увы! У насъ въ пятомъ классѣ съ самаго новаго года еще не всѣ учителя поставили сіи вывѣски нашей (премудрости! ¹⁾).

Помните-ли, милая тетенька, вы говорили, что наши актеры (московскіе) хуже петербургскихъ. Какъ жалко, что вы не видали здѣсь „Игрока“, трагедію „Разбойника“,—вы-бы иначе думали. Многіе изъ петербургскихъ господъ соглашаются, что эти пьесы лучше идутъ, нежели тамъ, и что Мочаловъ во многихъ мѣстахъ превосходитъ Каратыгина. Бабушка, я и Евимъ, всѣ слава Богу здоровы, но m-r G. Gendroz былъ боленъ, однако, теперь почти совсѣмъ поправился. Постараюсь слѣдовать совѣтамъ вашимъ, ибо я увѣренъ, что они служатъ къ моей пользѣ. Цѣлую ваши ручки, поворный вашъ племянникъ.

М. Лермантовъ.

Р. S. Прошу васъ дяденькѣ засвидѣтельствовать мое почтеніе и у тетеньки Анны Акимовны цѣлую ручки. Также прошу поцѣловать за меня Алешу, двухъ Катюшъ и Машу.

Примѣчаніе. Подлинникъ помѣщенного здѣсь письма М. Ю. Лермонтова находится въ Спб., въ императорской публичной библіотекѣ въ числѣ автографовъ М. Ю. Лермонтова, принесенныхъ въ даръ библіотекѣ, въ 1870 году, В. Хохряковымъ.

Сообщ. Н. Вузовскій.

¹⁾ Выраженіе одного ученика

НИКОЛАЕВСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

Замѣтки въ очерку ея сооруженія.

Напечатанный мною въ „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г. кн. V и XI и изд. 1886 г. кн. I очеркъ исторіи сооруженія Николаевской желѣзной дороги вызвалъ нѣсколько замѣтокъ и поправокъ, весьма обязательно мнѣ сообщенныхъ Ѳ. А. Поземковскимъ, участвовавшимъ въ постройкѣ этой дороги, и нынѣ члена совѣта главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.—Вотъ эти поправки и пополненія:

I.

Во 2-й моей статьѣ въ книгѣ за ноябрь „Русской Старины“, стр. 330, сказано, что въ Кузнецовской выемкѣ, между Валдайской и Березайской станціями, употреблялся „Механическій землекопъ“ — (машина, производящая выемку земли)—и „что такой приборъ оказался неудобнымъ; онъ часто ломался, попадая на камни, и потому былъ оставленъ“.

Было это написано по слуху; нынѣ Ѳ. А. Поземковскій, который именно завѣдывалъ работою въ этой колоссальной выемкѣ, сообщилъ намъ слѣдующія вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ, какъ онъ называетъ, „паровомъ землекопѣ“,—которыхъ въ Кузнецовской выемкѣ работало не одинъ, какъ я писалъ, а цѣлыхъ четыре! Изъ нихъ одинъ работалъ сперва близъ Петербурга въ Станановской выемкѣ, но тутъ встрѣтился плитный грунтъ, который паровой землекопъ не бралъ, и былъ переведенъ также на Кузнецовскую выемку.

Эти паровые землекопы были выписаны изъ Америки по совѣту извѣстнаго инженера Унслера, и съ ними прибылъ для руководства ими при производствѣ работъ механикъ Вильямъ Кренъ, который и установилъ ихъ въ Кузнецовской выемкѣ и наблюдалъ за ихъ работою. Эта выемка длиною до 1³/₄ верстѣ и

глубиною до 14 саж.; въ ней сперва, въ подготовку къ механической работѣ, былъ снятъ ручною работою волпообразный верхъ выемки, для выравниванія подъ площадку, и такимъ же образомъ ручною работою была сперва вынута земля обрѣзомъ съ обѣихъ концовъ выемки, гдѣ она переходитъ въ насыпи. Затѣмъ, съ каждаго конца Кузнецовской выемки были установлены, къ подготовленнымъ обрѣзомъ стѣнѣ грунта, по два паровыхъ землекопа, съ подкладкою рельсовъ такой длины, чтобы машины можно было подвигать взадъ и впередъ; при чемъ, по мѣрѣ разработки грунта, короткіе куски рельсовъ позади снимались и подкладывались впередъ. А чтобы паровые землекопы не взяли передними колесами въ грунтъ, имѣли надлежащую устойчивость и упоръ при напряженіи черпака,—подъ переднія колеса подкладывалась поперекъ толстая деревянная доска и съ боковъ сквозь вставленные желѣзные гнѣзда вбивались въ землю толстые въ 4 д. желѣзные болты. Для отвозки вынимаемой земли, отъ каждаго пароваго землекопа прокладывался рельсовый путь вдоль полотна желѣзной дороги къ возведенію насыпей на протяженіи: къ Петербургу на 2 и къ Москвѣ до 3-хъ верстъ. Пути эти къ самой выемкѣ раздвигались для развѣзда нагруженныхъ вагончиковъ съ порожними, а потомъ по этимъ путямъ нагруженные вагончики скатывались подъ гору собственною тяжестью, возвращаясь лошадыми.

Ковшъ или черпакъ каждаго изъ паровыхъ землекоповъ, выпускаемый въ грунтъ, вынималъ разомъ по $\frac{1}{4}$ куб. саж. земли, т. е. около 250 пудовъ, забирая крупные камни и сваливая все опрокидывающій черпакъ въ вагончикъ, который наполнялся разомъ однимъ черпакомъ. Всякій грунтъ былъ доступенъ для такого пароваго землекопа, исключая ключистаго, который оплывалъ и не удерживался въ черпакахъ. Ежедневная выработка для каждаго пароваго землекопа, смотря по удобству работы, простиралась отъ 30 до 60 куб. саж. съ отвозкою земли, которою изъ этой выемки были такимъ образомъ возведены большія насыпи, до 10 саж. вышиной, на показанномъ протяженіи въ обѣ стороны для полотна дороги.

Паровой землекопъ занималъ длину около 2 и вышину съ мачтой до $2\frac{1}{2}$ саж., на верху которой находился блокъ для подниманія и опускаванія черпака на цѣпи.

Паровая машина землекопа, при стоячемъ трубчатомъ котлѣ, была въ 12 силъ; прислуга при ней, кромѣ машиниста и 2-хъ помощниковъ, состояла при двухъ паровыхъ землекопахъ изъ 5 простыхъ рабочихъ людей.

Такимъ образомъ, земля въ Кузнецовской выемкѣ выработывалась ярусами, глубиною каждый отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саж. и такъ до дна выемки или самаго полотна желѣзной дороги и этимъ путемъ было вынута все ядро выемки во всю ширину полотна, ограничиваясь съ боковъ въ каждомъ ярусѣ отвѣсными стѣнками грунта, а затѣмъ къ откосамъ выемка доканчивалась людьми.

Такъ какъ паровой землекопъ подрывалъ грунтъ снизу, то сверху высокія части выемки откалывались ломами, клиньяи и также сваливались въ вагончики и увозились. Когда, съ углубленіемъ выемки, путь для отвозки вагончиками, спуская самокатно подъ гору, не имѣлъ уже достаточнаго уклона, то вагончики отъ самыхъ паровыхъ землекоповъ отвозились по рельсамъ лошадыи.

Эти паровые землекопы были поставлены въ самое началѣ открытія работъ въ 6-мъ участкѣ сѣверной дирекціи въ 1845 году и работали въ 1846 и 1847 годахъ съ ранней весны до поздней осени и работали очень недурно. Затрудненіе въ производствѣ ими работъ происходило преимущественно отъ нерасположенія къ нимъ подрядчиковъ, а также и ихъ агентовъ, долженствовавшихъ доставлять все нужное для дѣйствія и исправленія машинъ. При чемъ подрядчикамъ уплачивалось какъ за обыкновенную земляную работу ¹⁾. Впоследствии эти паровые землекопы были казною проданы и увезены на уральскіе рудные заводы.

Примѣчаніе автора. Очень жаль, что такой механической способъ выполненія большихъ земляныхъ работъ у насъ не водворился, избавляя тѣмъ рабочихъ людей отъ самой тяжелой работы, и не мѣшало бы попытку возобновить.

II.

Въ сѣверной дирекціи земляныя работы по устройству полотна дороги были сданы для производства съ самаго начала барону Ю. Ѳ. Корфу, но онъ въ первомъ же году (1844) оказался неисправнымъ, главнымъ образомъ по трудности работъ, производившихся исключительно для прокопанія отводныхъ по болотамъ канавъ, чтобы осушить болсу земли подъ полотно желѣзной дороги. Къ тому же лѣто 1844 года было весьма дождливое. По всѣмъ этимъ причинамъ, баронъ Корфъ оказался несостоятельнымъ и весной 1845 года на сѣверной дирекціи земляныя работы были сданы тѣмъ же подрядчикамъ, какъ и въ южной дирекціи, т. е. Кузьмину и компанія. До того осенью 1844 года до весны 1845 года земляныя работы, именно: копаніе канавъ и возведеніе насыпей въ сѣверной дирекціи, — производились безъ подрядчиковъ, распоряженіемъ мѣстныхъ инженеровъ.

¹⁾ На стр. 449 прилагается чертежъ пароваго землекопа, чтобы дать понятіе о такой любопытной машинѣ; онъ былъ вырѣзанъ тогда же въ журналѣ.

III.

Во второй статьѣ, на стр. 321, слѣдуетъ читать, что по сѣверной дирекціи были назначены начальниками участковъ инженеры, именно: 2-го участка—не фонъ-деръ-Паленъ, а Н. И. Липинъ, 4-го—не Хржановскій, а Кирхнеръ и 5-го—не Поссе, а И. С. Верига.

Помощникомъ начальника сѣверной дирекціи П. И. Медьникова былъ Л. И. Гергардъ, который служилъ на желѣзной дорогѣ не долго; а, по уходѣ его, помощникомъ былъ назначенъ И. С. Верига. Начальникъ 4-го участка Кирхнеръ былъ переведенъ въ южную дирекцію, гдѣ, какъ объяснено, строилъ Клинскую станцію. Затѣмъ въ сѣверной дирекціи начальникомъ 3-го участка былъ назначенъ инженеръ фонъ-деръ-Паленъ, а на 4-й участокъ—А. А. Шландеръ и 5-го—Алексѣевскій.

Но помощникъ начальника дирекціи И. С. Верига вскорѣ удалился съ желѣзной дороги и на его мѣсто былъ назначенъ инженеръ Николай Ивановичъ Липинъ, оставшійся въ этой должности до конца постройки Николаевской желѣзной дороги.

Примѣчаніе автора. Н. И. Липинъ, кромѣ заслугъ своихъ какъ строитель, сдѣлался извѣстенъ еще впоследствии составленными и изданными имъ таблицами и числовыми данными по строительному искусству. Трудомъ этимъ онъ занимался 10 лѣтъ и издалъ въ 2-хъ частяхъ въ 1853 году, именно 1-я часть въ 350 и 2-я—311 страницъ. Работа кропотливая и требующая большихъ знаній и точности.

Таблицы эти и до сихъ норъ (1886 г.) служатъ большимъ пособіемъ для инженеровъ и вообще техникувъ.

Продолженіе замѣчаній О. А. Поземковскаго:

Н. И. Липинъ, оставаясь до конца сооруженія дороги, сдавалъ всѣ работы по сѣверной дирекціи, послѣ открытія для движенія по дорогѣ, учрежденному для эксплоатаціи управленію дороги, во главѣ съ генераломъ А. И. Романовымъ, который предъ тѣмъ былъ управляющимъ Царскосельскою желѣзною дорогою.

Съ назначеніемъ Н. И. Липина помощникомъ начальника сѣверной дирекціи, начальниками участковъ въ сѣверной дирекціи состояли и оставались до конца работъ: 1-го, соединеннаго со 2-мъ участкомъ, инженеры: В. И. Керсновскій, 3-го П. Т. фонъ-деръ-Паленъ, 4-го А. А. Шландеръ, 5-го И. О. Алексѣевскій и 6-го В. С. Семичевъ.

Гг. Хржановскій и Поссе не были никогда начальниками участковъ, а оставались начальниками дистанцій въ 5-мъ участкѣ.

По южной дирекціи.

Въ той же 2-й моей статьѣ, ноябрь 1885 г., на страницѣ 321, сказано: кто изъ инженеровъ были начальниками участковъ? но въ этомъ спискѣ нужно измѣнить и считать, что начальникъ 2-го участка былъ не Богомолецъ, а Кирхнеръ, переведенный изъ сѣверной дирекціи. Но по удаленіи его 2-й и 3-й участки были соединены въ одинъ 2-й и начальникомъ былъ назначенъ Смолюковский. Окончаніе Тверской станціи было передано А. И. Фалевичу. По выходѣ В. А. Даненштерна, былъ назначенъ для окончанія работъ въ 1-мъ участкѣ отъ Москвы Богомолецъ, бывший въ этомъ участкѣ начальникомъ 1-й дистанціи.

Здѣсь кончаются дополненія и замѣтки Ѳ. А. Поземковскаго.

IV.

Пропустивъ въ моемъ описаніи, упоминаю здѣсь еще объ одномъ сотрудникѣ по работамъ для Николаевской желѣзной дороги, именно о горномъ инженерѣ Самойловѣ, — братѣ нашего знаменитаго артиста, В. В. Самойлова. Онъ занимался у насъ въ южной дирекціи буреніемъ и развѣдкою грунтовъ подъ полотномъ желѣзной дороги, въ особенности на болотахъ, которыхъ встрѣчалось много въ Тверской и Новгородской губерніяхъ. Кромѣ усерднаго исполненія своего дѣла, горный инженеръ Самойловъ былъ весьма пріятный собесѣдникъ и мастерски предстарлялъ разныя оригинальныя личности, копируя даже голосъ, при чемъ выказывалъ фамильный талантъ. Такъ что, когда мы были въ Твери, одинъ оригиналъ спросилъ: кто бы могъ его представить губернатору, въ домѣ котораго онъ желалъ познакомиться, то ему отвѣтили: „попросите Самойлова, онъ отлично представляетъ“.

V.

Во второй статьѣ, въ книгѣ за ноябрь 1885 года, стр. 336, приведено, что на Николаевской желѣзной дорогѣ, въ числѣ мостовыхъ сооружений, находится 28 чугунныхъ трубъ. Но оказывается, что всѣ эти чугунныя трубы построены вполнѣдствіи Главнымъ Обществомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ началѣ принятія дороги въ его вѣдѣніе, каковыя чугунныя трубы теперь постепенно уничтожаются и замѣняются каменными.

ЗАПИСКИ АДМИРАЛА ЧИЧАГОВА,

заключающія то, что онъ видѣлъ и что, по его мнѣнію, зналъ ¹⁾).

Предварительныя и необходимыя свѣдѣнія ²⁾).

Вступленіе П. В. Чичагова.

До приступа къ чтенію какаго-либо труда иногда пріятно знать, съ кѣмъ будешь имѣть дѣло. Читатели любятъ до извѣстной степени, такъ сказать, ознакомиться съ авторомъ, чтобы на основаніи этого вѣдать въ какой мѣрѣ онъ заслуживаетъ довѣрія. Чтобы дать читателю возможность сдѣлать въ этомъ отношеніи свои предположенія, скажу, что я въ томъ возрастѣ, въ которомъ страсти успѣли уже угмониться; преувеличенныя идеи,—плоды юности, неопытности и иныхъ теорій,—успѣли измѣниться и придти въ надлежащій порядокъ.

Я не ослѣпленъ никакимъ духомъ партіи. Чтобы составить себѣ мнѣніе, я принужденъ прибѣгнуть къ космополитизму, т. е. въ полному безпристрастію (лишь-бы меня оставили въ покоѣ, вотъ все чего я прошу), и горячо къ сердцу не принимаю никакой политической системы.

Навонецъ, трудъ мой, не есть созданіе воображенія, или вымысла, отдаляющагося обыкновенно отъ дѣйствительности. Я разскажу факты, за которые могу отвѣтствовать, и отдамъ отчетъ

¹⁾ Надписъ, сдѣланная рукою П. В. Чичагова.

²⁾ Это вступленіе автора найдено въ черновомъ наброскѣ.

во впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на меня этими фактами. Дальнѣйшія подробности о личности автора находятся въ самомъ сочиненіи, и того, что сказано мною, достаточно для вступленія.

Затѣмъ, скажу, что хотя я и великій приверженецъ моего политическаго исповѣданія и врагъ произвола, но отъ меня не должно ожидать, чтобы я въ моихъ воззрѣніяхъ доходилъ до либерализма, до того предположенія, чтобы всѣ народы были способны къ самоуправленію, т. е. быть свободными. Я думаю, напротивъ; что можетъ существовать немного націй, способныхъ къ воспріятію наибольшей доли той свободы, которая существуетъ въ Англіи и Америкѣ, и что о свободѣ можно сказать то-же, что и о правдѣ: „давать ее слѣдуетъ въ приѣмахъ, соответствующихъ натурѣ каждаго народа“. Но въ то-же время я убѣжденъ, что никто не имѣетъ права отказывать кому-бы то ни было въ степени подобающей ему свободы и еще того менѣе отнимать права, пріобрѣтенныя или негласно, путемъ привычекъ и обычаевъ, или дарованныя въ позднѣйшія времена.

Слѣдовательно, весьма ошибочно было-бы обвинять меня въ томъ, будто я противникъ освобожденія рабовъ вообще. Тиранія не что иное, какъ постоянное совершеніе дѣяній произвольныхъ и несправедливыхъ, а ея законы — плоды ея мудрости.

Остается послѣднимъ словомъ предвѣстить читателя о томъ, что сужденія, произносимыя въ моихъ запискахъ о людяхъ, будутъ основаны на современной фізіологіи — единственной путеводительницѣ къ свѣдѣніямъ положительнымъ.

Павелъ Чичаговъ.

ГЛАВА I.

В. Я. Чичаговъ—мой отецъ.—Понятіе о благородствѣ въ моемъ отечествѣ.—Изъ кого состоитъ дворянство.—Воспитаніе отца въ школахъ навигацкихъ наукъ въ Москвѣ.—Участіе его въ семилѣтней войнѣ.—Женитьба отца.

Отецъ мой родился въ годъ смерти Петра Великаго (1725) и имѣлъ особенное счастье начать свою жизнь въ царствованіе женщины: дѣтство его протекло при Еватеринѣ I и Аннѣ, дальнѣйшее существованіе при Елисаветѣ, и, наконецъ въ прекращѣйшее и продолжительнѣйшее царствованіе Еватерины Великой, умѣвшей оцѣнить его достоинства. Онъ оставилъ службу при Павлѣ, и я его лишился въ началѣ царствованія Александра.

Онъ былъ истинно честный человѣкъ, почти безпримѣрнаго безкорыстія, при всеобщей склонности къ взяточничеству и корыстолюбію, тогда какъ недостатокъ въ средствахъ могъ и его къ тому-же побудить. Онъ былъ набоженъ безъ суевѣрія, высоко цѣнилъ добродѣтель и гнушался порокомъ; трезвый и воздержанный по необходимости и врожденному вкусу, онъ со строжайшею добросовѣстностію исполнялъ свои обязанности въ отношеніи къ Богу и престолу. Чуждый всякихъ происковъ, онъ ожидалъ всего отъ образа своихъ дѣйствій и отъ Божественнаго Промысла, велѣніямъ котораго подчинялся самоотверженно и въ этомъ никогда не раскаявался.

Очеркъ жизни и воспитанія моего отца, который я намѣреваюсь изобразить, займетъ промежутокъ времени около полувѣка, предшествовавшаго моему рожденію. Изъ него можно будетъ усмотрѣть на какой степени стояла тогда цивилизація въ Россіи; затѣмъ, какими средствами располагали мои родители для воспитанія своихъ дѣтей—и, такимъ образомъ, читатель будетъ въ состояніи сравнить воспитаніе, полученное моимъ отцомъ, съ тѣмъ, которое могли дать мнѣ, и судить о незначительности успѣховъ народнаго образованія въ шестидесятилѣтній періодъ, не взирая на царствованіе Екатерины II.

Отецъ мой, Василій (Яковлевичъ) Чичаговъ родился въ честной, но небогатой семьѣ. Употребляю слово „честная“, отдавая ему преимущество предъ словами „благородная“, или дво-

рянская" семья, по той причинѣ, что смыслъ слова — „честный“ — одинъ и тотъ-же во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, а „благородный“ или „дворянскій“, — слова, которыми я могъ-бы его замѣнить, не имѣеть въ Россіи никакого опредѣленнаго значенія; прежде всего потому, что первое его условіе, которое есть истинное благородство чувствъ, не совмѣстно съ рабствомъ. Затѣмъ, потому, что въ Россіи не имѣютъ никакого понятія объ истинныхъ общественныхъ іерархіяхъ. Слово „благородный“ въ каждой странѣ имѣеть относительный смыслъ. Визирь, напримѣръ, особа очень благородная въ глазахъ турка, которому онъ можетъ снести голову съ плечъ малѣйшимъ кивкомъ своей собственной; китайскій мандаринъ, — получающій, и самъ дающій, ни мало не возмущаясь, удары бамбуковой тростью, — очень благородная особа въ своей многолюдной и обширной имперіи, но и тотъ, и другой казались-бы весьма неблагородными въ Англіи. Сужденія объ этомъ весьма различны у всѣхъ народовъ и, въ особенности, у народовъ современныхъ, которые, вслѣдствіе привычки спорить обо всемъ, не соглашаются болѣе ни въ чемъ, и все время свое проводятъ въ постановкѣ вопросовъ. Наконецъ, это слово, если дѣйствительно имѣеть какой либо смыслъ, то повсюду ему придаютъ различное значеніе и весьма рѣдко ясный смыслъ, или истинную цѣну. Но такъ какъ теперь мы говоримъ о моемъ отечествѣ, то не бесполезно нѣсколько подробнѣе сказать о томъ, какія понятія о благородствѣ имѣются въ этой странѣ.

Довольно необыкновенно то, что у насъ вообще такъ мало обращаютъ вниманія на значеніе этого слова. Во Франціи каждый дворянинъ можетъ, по своему произволу, принять титулъ маркиза, или графа. Правъ на это, впрочемъ, по настоящему нѣтъ; однако-же я знаю много примѣровъ подобнаго злоупотребленія, или своего рода своеволія, на которое не обращаютъ вниманія. У насъ подраздѣленія общества, вмѣсто того, чтобы состоять изъ различныхъ іерархій, опредѣленныхъ достоинствами и титулами, состоятъ лишь изъ отличій, привилегій, преимуществъ, даваемыхъ чиномъ, но отнюдь не достоинствомъ. Это совершенная противоположность тому, что существуетъ въ другихъ странахъ. Военный чинъ — единственное мѣрило уваженія, должнаго какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Въ Россіи непо-

няты были-бы титулы: тайнаго или надворнаго совѣтника, которые наше правительство заимствовало у иноземцевъ, исказивъ ихъ смыслъ и отнявъ у нихъ ихъ истинное значеніе; точно также саны: епископа, архіепископа, степень доктора, званіе статсъ-дамы, или фрейлины — были-бы непонятны, если-бы каждый изъ этихъ титуловъ по русской чиновной лѣстницѣ не соответствовалъ чинамъ: генерала, полковника, маіора и т. д.

Со временъ Петра I до Петра III, всѣ русскіе, безъ всякаго изъятія, равно подлежали самымъ позорнымъ наказаніямъ и самымъ произвольнымъ насиліямъ, которымъ когда либо обрекалось на жертву бѣдное человѣчество. Доходило до того, что такъ называемые русскіе вельможи, давая аудіенцію, въ особенности иностранцамъ, обыкновенно старались принимать ихъ во время туалета, когда они смѣняли сорочки; дабы тѣ видѣли, что на плечахъ знатнаго барина не было никакихъ рубцовъ отъ тѣлеснаго наказанія. Столь презрѣнное положеніе продолжалось до воцаренія Петра III, который впервые даровалъ дворянству указъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній съ предоставленіемъ дворянамъ другихъ преимуществъ, какъ-то: свободы поступать на службу, или выходить въ отставку, выѣзжать за границу, путешествовать, даже служить иностраннымъ государямъ. Эти преимущества, въ равной степени дѣлавшія честь государю и приносяшія пользу народу, развивая въ немъ сознаніе особыхъ правъ, ему дарованныхъ, имѣвшихъ цѣлю приблизить его къ правленію монархическому, должны были впоследствии превратить эти привилегіи въ права родовыя. Прибавимъ къ сему, что этотъ государь упразднилъ гнусную тайную канцелярію, въ которой подвергали пыткамъ людей, туда приводимыхъ. Это единственныя черты добродѣтелей человѣческихъ въ біографіи этого царя, единственныя дающія этому императору права на признательность русскаго дворянства. До Петра III, какъ и по нынѣ, единственное отличительное преимущество этого класса состояло въ предоставленномъ ему правѣ покупать и продавать себѣ подобныхъ. Чтобы заниматься этой отвратительной торговлей достаточно имѣть маіорскій чинъ, получаемый всего чаще интригами и низкопоклонничествомъ. Извѣстно, что лакеи, повара, камердинеры были, такимъ образомъ, возводимы въ дворянское достоинство, благодаря покровительству и влия-

нію своихъ господъ. Вышедшіе изъ подонковъ черни, эти темные люди тотчасъ-же вступали въ пользованіе правами торговать своими вчерашними собратьями. Они ведутъ ихъ на торжище, переселяютъ, обмѣниваютъ; однимъ словомъ, производятъ торгъ бѣлыми рабами, который еще гнуснѣе торга неграми. Что-же касается до нихъ лично, они отъ того вовсе не дѣлаются свободнѣе; это новое обогащеніе ихъ порабощаетъ, привязываетъ и дѣлаетъ отвѣтственными за своихъ рабовъ.

Подобное дворянство, ведущее свое начало лишь отъ гражданскихъ или военныхъ чиновъ, различно заслуженныхъ, не составляетъ іерархіи и не занимаетъ никакой ступени въ обществѣ. Но хотя это дворянство и ничтожно по своему происхожденію, по своей организаціи, — ничтожно по отсутствію какового либо вліянія на дѣла государственныхъ, бессильно, чтобы дѣлать добро, — оно, по природнымъ своимъ свойствамъ, еще сохраняетъ много силы, чтобы дѣлать зло.

У насъ этотъ классъ общества состоитъ: во первыхъ — изъ весьма большаго числа помѣщиковъ, живущихъ внутри имперіи, въ полнѣйшемъ невѣжествѣ. Во вторыхъ: — изъ большей или меньшей части людей, но все-же мало просвѣщенной, которая не видитъ и не понимаетъ въ жизни инаго занятія, кромѣ взвѣщиванія личныхъ своихъ интересовъ, которые она ставитъ выше всякихъ иныхъ соображеній и нравственныхъ выгодъ народовъ свободныхъ, для нея не понятныхъ. Въ третьихъ — изъ весьма малаго числа людей, которые по ихъ природнымъ способностямъ или по познаніямъ, приобрѣтеннымъ воспитаніемъ и путешествіями, получили здравыя понятія — о правахъ человѣчества и о благахъ, изъ того истекающихъ; но эти люди не смѣютъ ни выражать, ни сообщать своихъ идей, ни размѣниваться ими, и держатся въ тиши и вдали.

Въ виду такового положенія вещей, въ виду того, что старинныя титулы: боярина, князя и др., были уничтожены Петромъ I, а новыя не имѣли никакого значенія въ глазахъ Европы и даже нѣкоторыхъ русскихъ, — Екатерина II не желала ихъ размножать; но когда ей представлялся случай вознаграждать заслуги пожалованіемъ какихъ-либо титуловъ своимъ подданнымъ, она спрашивала на нихъ грамоты у императора германскаго (австрійскаго). Вводя, такимъ образомъ, своихъ дворянъ въ іерар-

хію римской имперіи, она придавала имъ истинное достоинство. Впослѣдствіи ея преемникъ, Павелъ I, все переименовалъ и создавалъ бароновъ, графовъ и князей на свой ладъ. Его брадобрѣи попадали въ графы и были не послѣднимъ изъ разряда людей, вознесенныхъ на высшія должности. Замѣчено, что въ теченіе всѣхъ тридцати четырехъ лѣтъ царствованія Екатерины, въ княжеское достоинство было возведено менѣе людей, нежели въ день коронаціи одного изъ ея преемниковъ. Она возвела въ это достоинство лишь Григорія Орлова, Потемкина и Зубова, которые, всѣ трое, не имѣли потомства.

Грязнѣйшее гнѣздо рабства находится въ такъ-называемомъ русскомъ дворянствѣ. Конституціонно въ бѣдномъ моемъ отечествѣ одно лишь крѣпостничество, потому что это единственное состояніе, согласующееся съ естественными наклонностями этой націи, коимъ дворянство служитъ истинною порукою. Въ мое время дворянство уже начинаетъ просвѣщаться; нѣкоторые лица—отваживаются на борьбу съ крѣпостничествомъ; но эти примѣры единичны, и силы ихъ не скоро будутъ соединены нравственными началами. Сколькихъ я знавалъ, изъ этихъ высококѣрныхъ дворянъ, которые при Екатеринѣ ничѣмъ не были довольны, считали себя не достаточно свободными, то и дѣло роптали на правительство, а при Павлѣ—только дрожали. То надмѣнные и дерзкіе, то подлые и трусливые, они были всегда невѣжественны и раболѣпны.

— „Крестьяне платятъ оброкъ“, говорятъ они, — „держатъ себя смиренно и покорно, вотъ все, что намъ нужно. Что намъ за дѣло до всего прочаго и до нихъ самихъ“. Таковъ духъ, которымъ живетъ дворянство моего любезнаго отечества. Склонность къ раболѣпству, свойственная всему народонаселенію, гораздо болѣе развита въ господахъ, въ соразмѣрности ихъ интересовъ, нежели въ крѣпостныхъ, интересы которыхъ имъ противоположны. У другихъ народовъ просвѣщеніе нисходитъ свыше, распространяется въ верхнихъ слояхъ общества, которымъ нѣтъ выгоды угнетать низшіе классы и которые стараются просвѣщать ихъ относительно выгодъ всеобщихъ ¹⁾).

¹⁾ Между записками П. В. Чичагова нами былъ найденъ особый листокъ, касавшійся вопроса о крѣпостничествѣ, который будетъ встать здѣсь прівести. Онъ пишетъ: „Обычныя понятія были таковы, что дворянинъ, имѣвшій

Бьюсь объ закладъ, что не ранѣе пятидесяти лѣтъ (какъ это еще долго!) крѣпостные будутъ свободны; но что будетъ тогда дѣлать наше кичливое дворянство? Увы, у него не хватитъ достаточно нравственной силы, чтобы удержаться отъ этого паденія, и оно останется въ рабствѣ, но на этотъ разъ какъ послѣдствіи бѣдности и традиціональнаго невѣжества ¹⁾).

По всѣмъ этимъ причинамъ я предпочелъ указать на мое происхожденіе отъ семьи честной, одаренной благородствомъ чувствъ, чему отецъ мой далъ столько доказательствъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. Впрочемъ, въ формахъ полученія дворянскаго достоинства и въ грамотахъ у него не было недостатка. Такъ какъ отецъ мой не имѣлъ герба, то императрица Екатерина сама сочинила ему таковой, заключающей въ себѣ эмблематическое сказаніе объ услугахъ, оказанныхъ имъ государству.

Теперь, чтобы возвратиться къ главному предмету моего разсказа, скажу, что родители отца моего, по недостаточности состоянія, оставили ему въ единственное наслѣдство душъ тридцать, лѣнливыхъ и непроезводительныхъ крестьянъ, съ нѣсколькими полями въ окрестностяхъ Костромы. Отъ этого всего отецъ мой никогда не получалъ никакого дохода, такъ что жилъ лишь на скромное свое жалованье.

Воспитаніе свое онъ получилъ въ морскомъ училищѣ („школа навигацкихъ наукъ“), учрежденномъ Петромъ I въ Москвѣ, въ

право, по своему произволу, располагать своими крестьянами, даря ихъ кому угодно, не могъ распорядиться — своимъ соколомъ и не имѣлъ права уступить его кому-либо.

„При императорѣ Александрѣ я пустилъ на выкупъ своихъ крестьянъ, ради ихъ освобожденія; за каждую душу мужскаго пола, кромѣ женщинъ, мнѣ выдали по 150 рублей. Цѣна была назначена самимъ правительствомъ. Желая въ то-же время избавиться отъ конскаго завода, устроеннаго въ моемъ имѣніи, я продалъ старыхъ англійскихъ матовъ за триста, четыреста рублей каждую, т. е. болѣе, нежели вдвое, противъ стоимости людей“.

Къ этой-же главѣ записокъ принадлежатъ нѣсколько отдѣльныхъ дополнительныхъ листовъ — о природныхъ склонностяхъ европейскихъ народовъ, которые мы помѣстили въ приложеніи № 1. Л. Ч.

¹⁾ Какъ было сказано въ предисловіи, — адмиралъ П. В. Чичаговъ началъ писать свои Записки въ 1815 году. Нельзя не удивиться столь знаменательному предсказанію его, доказывающему насколько онъ глубоко зналъ свою родину и понималъ своихъ соотечественниковъ. Надо было истинно любить отечество, чтобы изучать его столь основательно. Л. Ч.

старой Сухаревой башнѣ, немного высоко и далеко отъ моря. Онъ рассказывалъ мнѣ, что тамошніе учителя были люди до того невѣжественные и огрубѣлые, что они преподавали неважные свои уроки лишь тѣмъ изъ воспитанниковъ, которые приносили имъ нѣсколько грошей или пироговъ. Однако-же одинъ изъ учителей, Магницкій ¹⁾, слылъ за великаго математика и зналъ алгебру до уравненій второй степени. Онъ издалъ даже, отпечатанное славянскимъ шрифтомъ, сочиненіе въ листъ, бывшее у меня въ рукахъ, въ которомъ заключались: ариметика, геометрія, тригонометрія и начатки алгебры ²⁾. Вслѣдствіе этого, книгу признавали за образецъ учености. Тутъ-то отецъ мой почерпнулъ свои познанія. Но мнѣ кажется, что природа, одарившая его свойствами частнаго человѣка, выдѣлила ему великую способность къ должности, которую случай заставилъ его избрать, ибо, не смотря на недостатокъ въ практикѣ русскихъ моряковъ, онъ оказалъ успѣхи, замѣченные сначала его товарищами, а впоследствии и правительствомъ. Поэтому-то императрица, намѣревавшаяся въ началѣ своего царствованія снарядить экспедицію въ сѣверному полюсу для открытій, и возложила на него начальствованіе надъ нею.

До назначенія его въ эту экспедицію въ 1765 году, съ моимъ отцомъ ничего особенно замѣчательнаго не случилось. Онъ жилъ, главнымъ образомъ, въ портахъ Кронштадта и Архангельска.

¹⁾ Магницкій, Леонтій Филипповичъ (р. 1669 г., † 1739 г.), авторъ первой ариметики, напечатанной гражданскими буквами съ арабскою цифирью, вмѣсто старинныхъ славянскихъ цифирныхъ знаковъ. Одни біографы приписываютъ честь этого послѣдняго нововведенія Магницкому; другіе—приглашенному на русскую службу англійскому офицеру Фергюсону, или даже и самому Петру Великому. Манштейнъ въ своихъ Запискахъ (дополненіе) упоминаетъ объ учрежденной Петромъ I въ Петербургѣ морской академіи, подъ руководствомъ двухъ англичанъ: Фергюсона (у Голицына: Фергарсонъ) и Брадлея. Д. Ч.

²⁾ Эта ариметика, нынѣ драгоцѣнная бібліографическая рѣдкость, была издана въ Москвѣ, въ 1703 году. Упомянутая о ней въ своихъ Запискахъ (подъ 27 ноября 1764 г.), Порошинъ приводитъ стихи изъ ея предисловія:

„О, любезнѣйшій прочитатель,
 Будь о Христѣ ты свѣскатель,
 Да наукой сей будешь добре почтенъ
 И ко ученымъ людямъ въ совѣтъ причтенъ“.

Д. Ч.

Флотъ, какъ-бы въ довазательство своей бесполезности, оставался въ полнѣйшемъ бездѣйствіи послѣ смерти Петра I. Лишь въ царствованіе императрицы Елисаветы, вовлеченной въ семи-лѣтнюю войну, флотъ былъ посланъ къ берегамъ Пруссіи. Но главный пунктъ нападенія, Кольбергъ, былъ вскорѣ занятъ сухопутными силами генерала Румянцева и эскадра возвратилась въ Кронштадтъ. Отецъ мой, участвовавшій въ этой кампаніи, былъ всегда назначаемъ, когда дѣло шло о порученіи серьезномъ, въ особенности же когда требовались отъ исполнителя способности, безпристрастіе и осторожность. Начальникъ его, адмиралъ Полянскій, далъ ему прозвище: „честнаго человѣка“ („homme d'honneur“).

Въ 1765 году, отецъ мой, будучи сорока лѣтъ, женился на вдовѣ капитана императорскаго флота и дочери нѣмецкаго инженернаго офицера, переселившагося въ Россію. Она была одарена многими прекрасными качествами и всегда отличалась здравомысліемъ, откровенною вѣрностью сужденія и материнскою нѣжностью.

Приложенія къ запискамъ адмирала П. В. Чичагова.

Къ главѣ I.

№ 1.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ПОГОДОВЪ.

Въ каждомъ народѣ надобно наблюдать и изучать природныя склонности людей. Онѣ зависятъ отъ ихъ организаціи и обнаруживаются стремленіями и чувствами, свойственными большинству каждаго народа. По физиологіи онѣ суть слѣдствіе существованія и высшаго развитія одного изъ органовъ мозга; но на практикѣ, не восходя къ началу и первобытной причинѣ, достаточно видно, что эти преобладающія склонности находятся у каждой націи, хотя у каждой-же онѣ различны или измѣненны. Такъ можно сказать, что національное чувство англичанъ всегда клонится къ тому, что хорошо—и слѣдовательно: положительно, существенно и полезно. Отсюда истекаютъ ихъ положительныя познанія въ философіи, столь дѣятельно способствовавшей распространенію истиннаго просвѣщенія; оно произвело Ньютоновъ, Бэконовъ, Локковъ; великихъ писателей, великихъ государственныхъ мужей, великихъ военныхъ людей; истинно великихъ, достойныхъ уваженія и удивленія, потому что способности ихъ стремились единственно къ добру и добродѣтели, и дарованія ихъ были изощряемы и примѣняемы къ тому, что вообще было благотворно и полезно націи. Такъ можно было замѣтить, что во всѣхъ классахъ этого народа, каждый, въ свою очередь, всегда обнаруживалъ эту общую склонность желать хорошаго, ибо я называю общенародною склонностью—всякую склонность, свойственную большинству народа. А такъ какъ, по ихъ мнѣнію, ничего нѣтъ лучше свободы, то и эта склонность у англичанъ была первымъ зачаткомъ ихъ духа независимости, продукты котораго суть ихъ конституція и либеральныя законоположенія.

Общая склонность итальянцевъ, напримѣръ, заключается въ любви къ прекрасному, что можетъ быть въ то-же время и хорошо; но это не есть склонность преобладающая, ибо прекрасное не всегда хорошо, и хорошее—не всегда прекрасно. И что-же! Итальянецъ, прежде всего, ищетъ прекраснаго, а римляне, при своихъ завоеваніяхъ, всегда и повсюду брали, уносили и переносили къ себѣ произведенія искусствъ и вообще все прекрасное, подлежащее переноскѣ, и даже впоследствии, при смѣшеніи и скрещеніи племенъ, когда они утратили воинскія свои наклонности, чувство прекраснаго осталось преобладающимъ и оно породило: великихъ поэтовъ, архитекторовъ, ваятелей, живописцевъ, музыкантовъ, наконецъ—общую склонность, вкусъ и страсть къ изящнымъ искусствамъ, которыя были доведены ими до высокой степени. Если итальянцы когда либо будутъ имѣть власть дать себѣ конституцію, я думаю, что она будетъ переложена на партитуру, будетъ подчинена прекрасному и одушевлена тѣмъ, что прекрасно. Первые поэты, первые художники, быть можетъ первыя красавицы,—сдѣлаются у нихъ величайшими государственными людьми.

Возьмемъ французовъ: для нихъ ни хорошее, ни прекрасное не составляютъ такой существенной необходимости; у нихъ преобладаетъ чувство болѣе легкое. Ихъ можетъ очаровать лишь миловидное, и большинство французовъ одарено этою преобладающею склонностью.

Предложите имъ что либо, будь это изобрѣтеніе какого нибудь удобства частнаго быта, или полезное вообще, и если о томъ можно сказать: это не красиво, не миловидно, то можете быть увѣрены въ отказѣ. Отсюда проспестается вкусъ и совершенство въ издѣліяхъ промышленныхъ, произведеніяхъ художественныхъ и бездѣлушкахъ роскоши. Никто не превосходитъ французовъ въ выдумкахъ модъ, которыя не удерживаются; въ издѣліяхъ бронзы, безпрестанно измѣняемыхъ; въ изготовленіи стѣнныхъ и столовыхъ часовъ, которыя не ходятъ; наконецъ во всемъ, что миловидно, но при этомъ, все равно, худо оно или хорошо. Французы—люди удовольствій, потому что зародышъ основнаго въ нихъ чувства, стремленія къ миловидному, облегчаетъ доступъ къ удовольствіямъ и размножаетъ ихъ. Легче найти у нихъ женщинъ миленькихъ, нежели женщинъ прекрасныхъ. Поэтому-то превосходнѣйшія литературныя произведенія французовъ—плоды воображенія и ума, основанныя на обманчивыхъ мечтаніяхъ и грезахъ. Ихъ вѣчныя утопіи, ихъ безконечныя и безплодныя споры и та легкость, съ которою они довольствуются плохими доводами, и среди всего этого ихъ шутоватость,—достаточно, чтобы доказать ихъ врожденное легкомысліе. Изъ всего возбуждая вопросъ, всегда отыскивая и желая невозможнаго, или мало сообразнаго съ духомъ ихъ націи, они упускаютъ изъ виду, не берегутъ, или даже не умѣютъ себѣ дать то, что имъ необходимо и для удобства жизни, и для истиннаго, разумнаго счастья. Ихъ философія только тогда и свосна, когда она занята, или есть подражаніе другимъ философіямъ.

Затѣмъ, основная, врожденная склонность нѣмцевъ,—вечевіе къ высокому, не изъемлющему ни доброты, ни добродѣтелей; отсюда—ихъ вѣрность своему правительству; гостепрійство и взаимная привязанность между ними и ихъ семьями; благосклонность къ иностранцамъ. Они знаютъ, что благо часто бываетъ вещественное; высокое почти всегда воображаемое, поэтому-то они и не примѣшнваютъ никогда своей метафизики въ дѣламъ житейскимъ, а слѣдовательно — и въ дѣламъ государственнымъ. У нихъ есть философы и писатели, въ области дѣятельности которыхъ отдана метафизика. Канты и Гёте были ея главами; на другихъ писателей была возложена обязанность учить народъ познанию истиннаго блага и доставленію себѣ истиннаго счастья. Поэтому-то я думаю, что эта нація счастливѣйшая въ мірѣ, ибо въ ней каждый, какъ сказалъ Вольтеръ, знаетъ точную мѣру въ идеалѣ, допускаемую его состояніемъ. Она довѣряетъ добродѣтелямъ своихъ начальниковъ, а они довольствуются умѣренными средствами, соответствующими ихъ положенію. Ихъ не тревожатъ ни корысть, ни домогательство вышнихъ мѣстъ. Эта нація посвящаетъ свои досуги созерцанію, размышленіямъ и мечтаніямъ своихъ темныхъ и непостижныхъ философовъ. Она желаетъ улучшеній, столь давно общаемыхъ роду человѣческому успѣхамъ просвѣщенія, и ждетъ благоприятной минуты, чтобы извлечь изъ нихъ свою выгоду, не забывая впередъ естественнаго хода событій.

Наконецъ, какая-же есть основная, природная склонность у насъ, русскихихъ?

Что я долженъ сказать: могу-ли я быть одинаковаго мнѣнія съ иностран-

ными писателями и повторять ихъ умозаключенія? Конечно, нѣтъ. Сравни-вать Россію съ другими странами, особенно въ XVIII вѣкѣ, значило-бы не знать ея исторіи, не понимать ни себя самого, ни своихъ ближнихъ и нао-снять удары истерзанному тѣлу жертвъ самовластиа и тираніи, т. е. бить потому, что, вслѣдствіе недуга психическаго, голова ихъ не работаетъ. Я уже сказалъ чѣмъ было русское дворянство при Петрѣ I. Чего-же ждать отъ по-добнаго положенія дѣлъ? Мы видимъ каково его вліяніе даже на цивили-зованные кабинеты, съ того времени, какъ Россія вступила въ нихъ безъ всякаго исключенія, кромѣ только Голландіи, король которой былъ един-ственнымъ изъ государей, не поддавшійся страху всѣхъ другихъ. Принимая за исходную точку эту естественную склонность русскихъ, — рабобѣство, какихъ-же можно отъ него ожидать послѣдствій? Боятся можно только чего нибудь, а здѣсь — боязнь взаимная: крѣпостные боятся своихъ господъ; го-снода—своихъ крѣпостныхъ; страхъ обоюдный. Понятно, что при подобномъ смѣшеніи людей, связанныхъ такимъ образомъ, можетъ быть лишь очень мало, или даже и вовсе не быть нравственной силы. Такъ; но это мнѣніе ошибочно. У дворянства нѣтъ большой нравственной силы, но въ русскомъ народѣ, переносащемъ иго самовластиа въ теченіе вѣковъ, никогда не оску-дѣетъ его примѣрная сила, заслуживающая удивленія иностранцевъ.

Увы, не увижу я собственными моими глазами мое отечество счастли-вымъ и свободнымъ, но оно таковымъ будетъ непременно и весь міръ уди-вится той быстротѣ, съ которою оно двинется впередъ. Россія — имперія обширная, но не великая, у насъ недостаточно даже воздуха для дыханія. Но, однажды, когда нравственная сила этого народа возьметъ верхъ надъ грубымъ, пристыженнымъ произволомъ, тогда его влеченіе будетъ къ высо-кому, не изъемлющему ни добраго, ни прекраснаго, ни добродѣтели. По ос-новному чувству сословія дворянскаго, оно, своимъ невѣжествомъ, отупѣніемъ и гнуснымъ своекорыстіемъ, — можетъ способствовать лишь поддержанію крѣ-постнаго права; мы видимъ, что оно противится распространенію просвѣще-нія, цивилизаціи и освобожденію рабовъ. На эту естественную склонность дворянскаго сословія можно смотрѣть какъ на силу непобѣдимую, непреодо-лимую и противную всякому порядку вещей. Дворянство въ Россіи — партія совершенно противоположная всему, чего когда либо это сословіе было пред-ставителемъ въ другихъ странахъ. Повсемѣстно дворянство есть почетнѣй-шее украшеніе, присвоенное славою заслуженною, добродѣтелями, даро-ваніями и великими свойствами; трогательныя, великодушныя и разумныя проявленія народной признательности, которая привязываетъ соотчичей къ достойнымъ потомкамъ героевъ и великихъ людей, — установленіе удивитель-ное, которому если слѣдовать и если его развивать съ благоразуміемъ, то можетъ повлечь за собою самыя спасительныя и почетныя послѣдствія для всего общества.

ГЛАВА II.

Мое появленіе на Вожій свѣтъ.—Положеніе моего отца и вообще военныхъ въ Россіи.—Кадетскіе корпуса.—Мой характеръ въ дѣтствѣ и окружавшія меня лица.—Теорія равенства.—Оспа.—Мой гороскопъ.

Въ 1767 году, 27 іюня, я узрѣлъ свѣтъ. Могу употребить это фігуральное выраженіе, ибо это было въ царствованіе императрицы Еватерины. Ея правленіе, умѣряемое мудростью ея либеральнаго генія, заставляло забывать прошедшее и ослѣпляло взгляды на будущее. Я жилъ счастливо, и самъ, и мои родные, во все продолженіе ея царствованія.

Родители мои жили въ Коломнѣ. Отецъ, въ это время имѣвшій званіе морскаго капитана, долженъ былъ предпочесть эту часть города, самую болотистую изъ петербургскихъ топей, вслѣдствіе дешевины, соотвѣтствовавшей его средствамъ къ существованію.

Содержаніе военныхъ въ Россіи вообще очень недостаточно, и это одна изъ причинъ, заставляющая нѣкоторыхъ заниматься взяточничествомъ, въ продолженіе почти всей службы, за неимѣніемъ собственныхъ своихъ средствъ. Недостаточность ихъ особенно присуща русскимъ морякамъ и вотъ главная тому причина. Въ Петербургѣ существовало тогда много заведеній, предназначенныхъ для воспитанія юношества. Ихъ называли кадетскими корпусами. Между ними одинъ былъ для молодыхъ людей, готовившихся поступить въ пѣхоту, или кавалерію; другой для артиллеристовъ и инженеровъ, были еще корпуса — Морской и Горный. Въ нихъ принимали лишь дѣтей изъ дворянъ. Для разночинцевъ были другія заведенія, посвященныя наукамъ, кандидатурѣ и академіи, то есть тѣ, въ которыхъ воспитывали ученыхъ,—званіе, несомвѣстное, по тогдашнимъ понятіямъ, съ дворянскимъ достоинствомъ.

Въ Россіи были того-же образа мыслей, котораго придерживался братъ Декарта, говорившій, что недостойно брату парламентскаго совѣтника унижаться до того, чтобы быть математикомъ.

Болѣе состоятельные родители старались опредѣлять своихъ дѣтей въ первый или во второй корпусъ, открывавшіе имъ лучшую

карьеру, тогда какъ бѣднѣйшіе записывали своихъ дѣтей въ Морской корпусъ, требовавшій менѣ расходовъ впоследствии.

Русскій флотъ, созданный умомъ Петра I, могъ существовать только имъ однимъ. Такъ какъ онъ ни въ духѣ народномъ, ни вызванъ потребностями государства, ни въ духѣ русскаго правительства, то на него не смотрятъ какъ на необходимое условіе для благостоянія или безопасности Имперіи, и онъ есть обременительная роскошь подражанія, зависящая отъ доброй воли государей.

Жертвы и лишенія, которымъ подвергаются поступающіе въ морскую службу, не получаютъ соразмѣрнаго вознагражденія. Поэтому-то люди поблагоразумнѣе кончаютъ тѣмъ, замѣчая это, отвращаются отъ своего ремесла и бросаютъ его при первой возможности пристроиться куда-нибудь получше. Изъ этого слѣдуетъ, что на службѣ остаются лишь люди бѣдные, или недалковидные. Заточенные, впрочемъ, большую часть времени, въ морскихъ портахъ, моряки рѣдко показываются въ столицѣ и, такимъ образомъ, менѣ подвергаются раззорительнымъ искушеніямъ большихъ городовъ. Однажды, ради забавы, вздумали подвести общій итогъ овладовъ русскихъ моряковъ, и оказалось, что онъ не совсѣмъ достигаетъ итога содержанія одной роты гвардіи императрицы Екатерины. Съ тѣхъ поръ эта разница поуменьшилась; но вовсе не потому, чтобы моряки стали богаче.

Должно также признаться, что другіе кадетскіе корпуса, въ это время, были устроены гораздо лучше Морскаго, въ особенности корпусъ (Шляхетный) для сухопутныхъ войскъ. Воспитаніе въ немъ было столь-же тщательное и совершенное, насколько оно возможно въ какой-бы то ни было странѣ. Тамъ обучали многимъ языкамъ, всѣмъ наукамъ, образующимъ умъ; тамъ занимались упражненіями, поддерживающими здоровье и тѣлесную силу: верховой ѣздой и гимнастикой; домашніе спектакли были допущены въ видѣ развлеченія и забавы. Въ подтвержденіе сказаннаго мною о большинствѣ молодыхъ людей, выходившихъ изъ этихъ училищъ, достаточно указать на то, что фельдмаршалъ Румянцевъ, въ одну изъ турецкихъ кампаній, попросилъ у императрицы Екатерины нѣсколькихъ офицеровъ для укомплектованія своей арміи. Она прислала ему двѣнадцать чело-
вѣкъ, только что выпущенныхъ изъ Перваго кадетскаго корпуса.

Фельдмаршалъ, поразспросивъ ихъ и поговоривъ съ ними, остался ими такъ доволенъ и до того былъ удивленъ ихъ образованіемъ, что написалъ императрицѣ, благодаря ее за присылку двѣнадцати фельдмаршаловъ, вмѣсто просимыхъ имъ двѣнадцати поручиковъ. Съ тѣхъ поръ эти заведенія были превращены, такъ сказать, въ казармы. Онѣ не только не образуютъ фельдмаршаловъ, но даже и поручиковъ; самое большее, что изъ нихъ выходятъ капралы и барабанщики.

Итакъ, въ видахъ экономіи, родители мои были принуждены жить въ Коломнѣ. Я былъ, повидимому, одаренъ нѣкоторою живостью характера, вслѣдствіе которой было со мною множество всякихъ случайностей, къ счастью не имѣвшихъ для меня вредныхъ послѣдствій. Родители мои, разумѣется, ничѣмъ не пренебрегали, ничего не падали для моего воспитанія; къ несчастію, образованіе-то у насъ не только не всякому доступно, но даже и то, которое можно получить съ великими издержками, почти всегда находится въ рукахъ нѣсколькихъ иностранныхъ проходимцевъ, ловко умѣющихъ увѣрять, что они люди съ талантами, хотя всего чаще дать таковыхъ они не способны.

Чтобы, не опережая событій, возвратиться къ моему дѣтству, скажу, что, когда я явился на свѣтъ, прекрасная система Жанъ Жака Руссо, многія правила которой были заимствованы у дикарей, еще не была извѣстна въ Россіи и матери не считали себя обязанными, вопреки естественнымъ или по какому-либо другимъ затрудненіямъ, кормить своихъ дѣтей собственною грудью. Было въ обыкновеніи брать въ домъ кормилицу. То-же сдѣлали и мои родители, и я былъ настолько счастливъ, что женщина, которой меня вѣрили, была одарена не только всѣми качествами, требуемыми отъ хорошей кормилицы, какъ-то: молодостью, здоровьемъ, обиліемъ молока, ровностью расположенія духа, добротою и кротостью характера, но принадлежала къ семейству выше того класса, къ которому, повидимому, была причислена. Братъ ея, воспитанный въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда принимаются лишь дворяне, достигъ постепенно чина вице-адмирала за свою службу и званія сенатора за свою дряхлость.

Ибо, говоря безпристрастно, если во Франціи, со времени представительнаго правленія, воображаютъ, что нашли новый способъ избавляться отъ министровъ, ни на что не пригодныхъ,

засаживая ихъ въ палату пэровъ, то гораздо ранѣе этого, въ Россіи, людей бесполезныхъ сажали въ сенатъ. Если во Франціи этимъ способомъ поддерѣпляють оппозицію, съ которой стараются бороться, и если правительство само создаетъ себѣ затрудненія съ такимъ тщаніемъ и великими издержками,—то въ Россіи дѣйствовали разумнѣе.

Когда я былъ на рукахъ кормилицы, со мною, вѣроятно, случалось все то-же, что и со всѣми дѣтми — и царей, и простолудниковъ,—множество разныхъ разностей, о которыхъ говорить не стоитъ. Однако-же это появленіе человѣка на свѣтъ дало мѣсто одной изъ величайшихъ идеалогическихъ нелѣпостей, когда либо заявленныхъ разумомъ человѣческимъ, которая ослѣпила столькихъ философовъ и законодателей, служила и служитъ еще основою системъ правительствъ и многихъ конституцій; говорю о народной пословицѣ: всѣ люди рождаются равные. Да, безъ сомнѣнія, равные тѣмъ, что всѣ они рождаются безсильные тѣломъ и слабые умомъ; тѣмъ, что почти всѣ подвержены одинаковымъ страданіямъ и смерти,—но единственно только въ этомъ и заключается это равенство.

Если принять на самомъ дѣлѣ это равенство за основу конституцій, таковыя, безъ сомнѣнія, могли-бы быть примѣнены къ несовершенству человѣческой природы, лучше тѣхъ, которыя основаны на равенствѣ химерическомъ. Но, предполагая даже, что всѣ люди рождаются равными передъ закономъ, который такъ, сказать, созданъ, напротивъ, на то, чтобы поддерживать неравенство сословій, надобно было-бы еще изъять изъ него тѣхъ, которые рождаются въ странахъ, не имѣющихъ законовъ, а таковыхъ было-бы девять десятыхъ на всемъ земномъ шарѣ. Другіе, оказавшіеся равными передъ дурными законами, которые таковыми бываютъ въ большинствѣ случаевъ, не особенно-бы отъ того выиграли.

Итакъ, безсиліе и слабоуміе при рожденіи и смерть въ концѣ суть три пункта равенства дѣйствительнаго, общаго всѣмъ людямъ, которые уже впослѣдствіи различествуютъ между собою во всемъ прочемъ, — чертами лица, ростомъ, цвѣтомъ кожи, здоровьемъ, довольствомъ, сѣлонностями, дарованіями и проч., и проч. Оказывается, что это равенство передъ закономъ не что иное какъ одно изъ тысячи условій, связанныхъ не съ появленіемъ человѣка на свѣтъ, но съ искусственнымъ и общественнымъ по-

ложеніемъ человѣка. Дѣйствительно, что сказали-бы о естествоиспытателѣ, который доказывалъ-бы, что всѣ деревья равны, потому что у нихъ есть нѣкоторыя общія свойства, какъ напр. давать ростокъ, прозябать, покрываться зелеными листьями и оканчивать гніеніемъ; потому, что они въ равной степени подвержены дѣйствию солнца, которое ихъ холить, согрѣваетъ, а иногда пожигаетъ и уничтожаетъ,—подобно тому какъ люди подчинены вліянію закона. Если-бы на подобныхъ мечтаніяхъ вздумали основывать искусство ухода за растеніями, какой-бы получился курсъ лѣсоводства? Безъ сомнѣнія—подобный конституціямъ, которыя хотятъ давать всѣмъ людямъ, не обращая вниманія на разнообразіе ихъ натуры и способностей, и основаннымъ единственно на ихъ равенствѣ, яко-бы естественномъ.

Писали, что въ самомъ обществѣ, которое есть состояніе болѣе или менѣе искусственное, если вы поставите пара рядомъ съ негоціантомъ, просвѣщеннаго художника — рядомъ съ невѣжественнымъ дрягилемъ, однимъ словомъ, людей, которыхъ воспитаніе также различно, какъ и ихъ сословіе, то было-бы тщетно всякое стараніе сблизить ихъ путемъ идеальнаго равенства. Напрасны были-бы всякія попытки замкнуть ихъ въ одинъ кругъ; ихъ привычки, мнѣнія, интересы, самыя ихъ предрасудки,—извлекали-бы ихъ изъ этого круга. Они чувствовали бы себя до такой степени не на мѣстѣ другъ подлѣ друга, что всѣ ихъ усилія стремились-бы лишь къ ихъ разобщенію. Это мнимое равенство между людьми, не имѣющими ни одинаковаго ума, ни одинаковыхъ понятій, ни даже одинаковаго языка, основывается, слѣдовательно, на заблужденіяхъ, имѣвшихъ, въ большинствѣ случаевъ, дурныя послѣдствія. Примѣры подобной несомнѣстности особенно часты во Франціи, гдѣ злоупотребляютъ этимъ химерическимъ равенствомъ. Не упоминая о всѣхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, испытанныхъ націею, избравшею слово „равенство“ своимъ лозунгомъ и призывнымъ кличемъ, я приведу нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго мною, чтобы доказать, что это выраженіе, столь часто употребляемое, существуетъ лишь на устахъ тѣхъ, которые его безпрестанно повторяютъ, но отнюдь не въ ихъ чувствахъ.

Въ обществѣ, брачныя союзы при неравенствѣ сословій, напримѣръ, менѣе-ли порицаются у этой націи, нежели у другихъ?

Вопреки всѣмъ усиліямъ остроумнѣйшихъ водевиллистовъ ввести въ моду неравные браки, на нихъ постоянно смотрятъ какъ на нестерпимое неприличіе. Женится-ли человѣкъ извѣстнаго круга на актрисѣ, или на женщинѣ—ниже своего сословія, какъ-бы она ни была хороша собою, хорошо воспитана, добродѣтельна, умна и безукоризненнаго поведенія, ее никогда не примутъ въ то общество, въ которому принадлежитъ ея мужъ. Женщины, къ какому-бы званію онѣ ни принадлежали, съ величайшимъ отвращеніемъ избѣгаютъ соприкосновенія съ женщинами, которыхъ почитаютъ ниже себя. Сами актрисы, столь нетерпимыя женщинами свѣтскими, точно также относятся и другъ къ другѣ; между Французскимъ театромъ (Théâtre Français) и бульварными „канатными плясунами“ (Funambules) разстояніе измѣряется немалымъ чванствомъ и пренебреженіемъ.

Когда я жилъ на моей дачѣ въ Ссо (близь Парижа), — въ этомъ краѣ баловъ и веселья,—я спросилъ однажды у тамошней швейки, такъ-ли онѣ здѣсь веселятся зимою, какъ и лѣтомъ? „Да, сударь“, отвѣчала она — „у насъ бываютъ балы по подпискѣ, на которыхъ мы очень веселимся“. Мой камердинеръ бываетъ на нихъ, кажется? — отвѣтилъ я ей. „Это невозможно, сударь, мы лакеевъ въ себѣ не допускаемъ“.

Однажды, когда я бесѣдовалъ съ графомъ С**, перомъ Франціи, литераторомъ, умѣреннымъ философомъ и человѣкомъ самаго вротваго нрава, онъ сказалъ мнѣ, перечисляя выгоды равенства: „Дѣло въ томъ, что если вы обидите лавочника, или простолюдина, то вы не можете отказаться отъ дуэли съ нимъ“. „А еще того лучше“, отвѣчалъ я, „что если извощикъ обрызгаетъ меня грязью и я ему скажу что-нибудь нелюбезное, то мнѣ, для его удовлетворенія, придется идти на кулачки“. Таковы прекрасные плоды этого равенства!

Читатели, вѣроятно, помнятъ случай съ Морисомъ Савсонскимъ, когда въ Лондонѣ онъ толкнулъ мусорщика: послѣдній тотчасъ-же засучилъ рукава и хотѣлъ съ нимъ боксировать, но необыкновенная сила маршала дала ему возможность схватить этого честолюбца за воротъ и бросить его стремглавъ въ телѣгу, наполненную нечистотами, на глазахъ зрителей, собравшихся чтобы присутствовать при битвѣ на кулакахъ. Они успѣли вытащить мусорщика изъ его стихіи, безъ чего онъ задохся-бы

благодаря удовлетворенію, доставленному по принципу равенства. Но приключеніе было-бы менѣе забавно для всякаго другаго человѣка, рука котораго не была-бы, какъ у Морица Саксонскаго, въ десять разъ сильнѣе руки его противника.

Вотъ чѣмъ закончился мой разговоръ съ вышеупомянутымъ паромъ Франціи. Не успѣлъ графъ С** прекратить свои похвалы равенству, какъ рѣчь зашла о литературѣ, и въ особенности объ одномъ сочиненіи, недавно вышедшемъ въ свѣтъ. Я спросилъ у графа извѣстно-ли оно ему? — „Еще-бы“, отвѣчалъ онъ съ нѣсколько брезгливой гримасой, — „но я его еще не читалъ. Оно написано однимъ молодымъ человѣкомъ, который прислалъ мнѣ экземпляръ съ приложеніемъ записки, — между нами сказать, немножко легкомысленной, въ которой онъ обращается ко мнѣ, какъ писатель къ писателю, забывая, что мнѣ семьдесятъ лѣтъ, что я паръ Франціи, что я занималъ первые чины при дворѣ и первыя должности въ дипломатіи. Этотъ господинъ изволитъ обращаться со мною, сказать по правдѣ, съ возмутительною фамильярностью“.

Тогда я подумалъ, не говоря ему этого однако-же, „такъ вотъ какъ вамъ дорого это равенство, когда оно затрогиваетъ ваше самолюбіе!“ Дѣло въ томъ, что его понимаетъ всякій по своему, но, въ большинствѣ случаевъ, подъ этимъ словомъ скрывается желаніе соблюсти личный интересъ, — чувство, всѣмъ людямъ свойственное. Французское равенство состоитъ также въ томъ, что каждый хочетъ сѣсть тотчасъ-же по приходѣ въ комнату, въ которой принять, и въ присутствіи кого-бы то ни было: чѣмъ почтеннѣе тотъ, при комъ принять вошедшій, тѣмъ послѣдній наглѣе и тѣмъ скорѣй хочетъ пользоваться своимъ правомъ равенства и развалиться на стулъ. Вслѣдствіе этого, нынѣшніе французы не только не учтивы, но даже не даютъ и вамъ времени самимъ быть учтивыми съ ними, ибо они уже сидятъ прежде, нежели вы успѣете пригласить ихъ садиться.

Во Франціи, по принципу равенства, барыни провинціальныхъ городовъ: жены префектовъ, маровъ, нотаріусовъ и друг. не хотятъ ни видѣться, ни знаться съ женами гарнизонныхъ капитановъ, и отдаютъ визиты только тѣмъ, которыя имъ особенно отрекомендованы.

Одна изъ моихъ кухарокъ, долго оставаясь безъ мѣста, была

принуждена принять предложенное ей у портнаго; но она не хотѣла, чтобы знали, что она служить въ кухаркахъ у портнаго, хотя находила это мѣсто выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ клубъ артистовъ не хотятъ допускать ремесленниковъ, какъ-бы искусны они ни были, ни даже маклеровъ, но всякое лицо, выше ихъ по своему положенію, принимаютъ съ распростертыми объятіями, хотя оно съ артистами ничего общаго не имѣетъ. То же самое и въ другихъ клубахъ.

Такимъ образомъ, это равенство понимается на разные лады и принимаетъ всякаго рода отбѣнки, смотря по вкусу каждаго. Худо то, что большинство людей разумѣютъ подъ этимъ словомъ лишь уравниеніе сословій и употребляютъ его какъ личину ихъ честолюбія и личной выгоды. Къ несчастію, существуетъ слишкомъ много примѣровъ тому, что это магическое слово служило къ изгнанію изъ общества не только вѣжливости и единодушія, но и совѣсти, и честности, и всего прочаго, замѣняя ихъ гордостью, дерзостью, презрѣніемъ и постыднымъ торгашествомъ,—чувствами, давшими мѣсто скрытности, коварству, плутнѣ, а при случаѣ—насилію, жестокостямъ и душегубствамъ, которыя бывали послѣдствіями этихъ чувствъ.

Равенство лишь въ смерти и въ невѣжествѣ, которое есть потемки души. Для людей здравомыслящихъ, оно—передъ закономъ, да и то съ замѣтнымъ отличіемъ въ формахъ. Что-же касается до природы, то въ ней не отыщется ни двухъ стебельковъ травы, ни двухъ ржаныхъ зернъ, ни двухъ песчинокъ, которыя были-бы равны. Равенство существуетъ тамъ, гдѣ правосудіе оказывается одинаково всѣмъ подданнымъ, безъ изъятія кого-либо. Это гораздо проще, яснѣе и удобопонятнѣе того сумбура, которымъ затемнили это слово. Защищать слабыхъ противу сильныхъ, малыхъ—противу большихъ, въ особенности-же честныхъ людей—противу мошенниковъ, вотъ въ чемъ истинное равенство!

Въ природѣ, вообще, равенство проявляется во мракѣ и во тьмѣ; разгоните то и другое и вы тотчасъ-же будете различать предметы, ихъ разности и неравенства. Въ обществахъ политическихъ равенство существовало всегда у народовъ варварскихъ, у которыхъ предводитель все, если онъ полновластенъ, а остальные—ничто, и вслѣдствіе этого всѣ были равны.

И такъ, выражаясь кратко, можно сказать, что равенство находится въ обратной пропорціи къ нашему развитію и нашей жизни: при рожденіи, въ состояніи рабства и при смерти, которая есть совершеннѣйшая эмблема равенства и истинная ея область.

Надобно, однако-же, отдать справедливость причудливости ума человѣческаго. Если, не смотря на лживость этихъ идей, ихъ приняли за основаніе конституцій, оказавшихся пригодными для нѣкоторыхъ націй, это было потому, что они нашли средства извлечь изъ таковыхъ пользу, заставивъ ихъ служить къ своему возвышенію, благосостоянію, къ своей славѣ. Мнѣ кажется, что причина этого счастливаго результата въ хорошей естественной организаціи этихъ людей, умѣвшей побѣдить недостатокъ принципа, на основаніи котораго ими управляли. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобы его можно было примѣнить во всѣмъ народамъ, которые не всѣ одинаково одарены столь счастливыми природными свойствами? Впрочемъ, что касается до благоденствія и величія народовъ вообще, то постараюсь доказать въ другомъ мѣстѣ, что ихъ восходящее движеніе, единожды начатое, не можетъ уже быть ни приостановлено, ни отвращено, ни измѣнено.

Возвращаясь къ дѣтству человѣка вообще, скажу, что его характеризуютъ гораздо вѣрнѣе и осязаемѣе, нежели равенство—недуги, часто весьма губительные, которые нападаютъ на младенца, а именно: колотья, страданія при прорѣзываніи зубовъ, сопровождаемыя судорогами, пресѣвжающими жизнь, едва начатую. Корь, оспа, разнаго рода сыпныя и наслѣдственныя болѣзни дополняютъ этотъ списокъ бѣдствій человѣческихъ.

Изъ всѣхъ бичей, страшнѣйшимъ признана была въ то время въ Россіи—оспа. Оспопрививаніе, которое императрица Екатерина II желала ввести, подавъ примѣръ на себѣ самой и на наслѣдникѣ, еще не произвело полного своего дѣйствія и не было общепринято; тому противодѣйствовали старинныя предрассудки. Многіе были, повидимому, убѣждены, что натуральная оспа, при благопріятномъ исходѣ, болѣзнь спасительная, очищающая кровь и уничтожающая зародыши многихъ другихъ недуговъ. Эти люди, въ подтвержденіе своего мнѣнія, говорятъ, что они замѣчали, будто-бы имѣющіе прививную оспу не пользуеться

ются столь вѣрнымъ здоровьемъ. Но леченіе оспы, даже натуральной, было тогда плохое, благодаря невѣжеству докторовъ. Въмѣсто лекарствъ прохлаждающихъ, признанныхъ впоследствии полезными, многіе изъ нихъ находили необходимымъ давать средства возбуждательныя. И дѣйствительно замѣтили, что большая часть дѣтей изъ простонародья, чаще подверженныхъ вліянію воздуха и рѣже заботамъ врачей, спасались отъ смерти, а дѣти семействъ болѣе достаточныхъ почти всегда дѣлались ея жертвами.

Одинъ изъ моихъ старшихъ братьевъ заболѣлъ оспою и вскорѣ она перешла на всѣхъ другихъ. Насъ было четверо, я—третій. Два старшіе брата умерли; послѣдній, бывший еще въ колыбели, уцѣлѣлъ, благодаря младенческому своему возрасту, а я находился въ такомъ отчаянномъ положеніи, что, заказывая гробы для моихъ братьевъ, намѣревались заказать уже и третій, для меня. Это была оспа „сливная“ и мы были ею покрыты, какъ угольно-черною корою. Въ этомъ положеніи мнѣ дали св. причастіе, и такъ какъ вскорѣ послѣ того началось нагноеніе, то рѣшили, что я спасенъ, и спасеніе мое приписали св. Дарамъ. Но это не воспрепятствовало болѣзни оставить неизгладимые слѣды своего свирѣпства. Такъ какъ я не помню, во всякомъ случаѣ, каковъ я былъ до этой перемены, то и сѣтованія мои объ утратѣ неизвѣстной красоты никогда не были особенно велики. Знаю, что въ верхней части головы у меня было большое сходство съ матушкою. По тѣлосложенію вообще я былъ въ отца: худощавый, подвижной и средняго роста.

Матушка была женщина здравомыслящая и разсудительная и, какъ природная савсонка, передала мнѣ, какъ я думаю, тотъ, свойственный этому племени, духъ независимости, который я навсегда въ себѣ сохранилъ.

Однако-же чудесное мое исцѣленіе надѣлало шуму между старыми бабами и женскою прислугою въ нашемъ домѣ, а затѣмъ и у сосѣдей. Онѣ принялись за составленіе мсего гороскопа, прибирая и особенно знаменательные для нихъ признаки, имѣвшіе отношеніе ко дню моего рожденія,—гаданіе, которымъ прилежно занимаются няньки во всѣхъ странахъ вообще, а въ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ—въ особенности.

Всего прежде онѣ замѣтили, что я родился 27-го іюня —

въ день Полтавской битвы, что уже само по себѣ было добрымъ знакомъ; потомъ, что моя кормилица была благородная, какъ я уже выше говорилъ; наконецъ, что я былъ спасенъ чудомъ. Все это было въ добру и возвѣщало, что Провидѣніе приложило обо мнѣ нѣкоторую заботу и распредѣлило все это такимъ порядкомъ въ виду какой-то особенной цѣли и къ моему благополучію. Къ стыду моему, я долженъ сознаться, что, вслѣдствіе часто повторяемыхъ розказней объ этомъ гороскопѣ, я имѣ былъ очень польщенъ. Впослѣдствіи я могъ убѣдиться многими примѣрами, что ни кормилицы, ни чудеса не имѣютъ вліянія на судьбу людей и что въ нѣкоторыхъ странахъ достоинства и дарованія,—результаты счастливой организаціи и образованія,—часто остаются зарытыми въ землю, безъ случая выбраться на свѣтъ и безъ полезнаго примѣненія къ дѣлу. Это убѣжденіе, можетъ быть, не согласно съ мнѣніемъ нянюшекъ, наставницъ, наставниковъ и даже министровъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе опытъ, изо-дня въ день, убѣдилъ меня въ этой истинѣ и съ этимъ убѣжденіемъ я буду продолжать разсказъ о томъ, что я видѣлъ и, по моему мнѣнію, зналъ — во все продолженіе моей жизни.

П. В. Чичаговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

въ разсказѣ генерала Чаплица.

1812.

При составленіи М. И. Богдановичемъ описанія отечественной войны 1812 года, казалось, что всѣ матеріалы исчерпаны и не придется болѣе дѣлать никакихъ дополненій къ этому гигантскому труду. Одинъ только генералъ Липранди, участникъ этой войны, остался положительно недоволенъ работою Богдановича, показавшейся ему сухимъ, безжизненнымъ повѣствованіемъ, и поэтому онъ напечаталъ рядъ статей и замѣтокъ въ московскихъ историческихъ журналахъ.

Въ 1877 году А. Н. Поповъ напечаталъ въ „Русской Старинѣ“ весьма интересные изслѣдованія, основанныя на новыхъ документахъ. Эти статьи, касающіяся военныхъ дѣйствій со времени прибытія Кутозова къ арміи, писаныя лицомъ не военнымъ, носятъ характеръ болѣе литературный, картинный, легче читаются людьми не специально изучающими эту эпоху, но они дышатъ пристрастіемъ къ нѣкоторымъ дѣятелямъ.

Замѣчательно, что, до позднѣйшаго времени, никто изъ историковъ не отдавалъ должнаго значенія главному дѣятелю и труженнику въ страдную годину нашествія двадцати азыковъ, именно—императору Александру I-му. На него смотрѣли какъ на царя Благословеннаго, какъ на ангела-хранителя земли русской, но всю славу приписали — фельдмаршалу Кутузову. Ранѣе Барклай-де-Толли и Кутузова — планъ кампаніи былъ составленъ самимъ императоромъ, касавшійся не только однихъ военныхъ дѣйствій, но политическій, весьма обширный и многосторонній, а когда выяснилась необходимость завлечь Наполеона внутрь Россіи, Александръ I лично составилъ въ Петербургѣ другой планъ, которому, къ несчастію, одни начальники слѣдовали слѣпо, другіе намѣренно дурно, а третьи плохо, по неспособности. Еще мало изслѣдоваца и разобрана переписка императора съ военачальниками и другими дѣятелями отечественной войны. Сборникъ писемъ генерала Дубровина, архивъ кн. Воронцова многое уже выяснили, но не менѣе важными разоблаченіями переполнены записки адмирала П. В. Чичагова, которыя готовятся къ печати. Адмиралъ былъ въ то время однимъ изъ ближай-

ших лицъ къ императору и государь не рѣшалъ почти ни одного вопроса, не посоветовавшись со своимъ „постоянно дежурнымъ генералъ-адъютантомъ“

Нѣтъ сомнѣнiя, что именно эта близость Чичагова къ императору и злоба Кутузова, за смѣну его въ дунайской армiи, причинили то паденiе, которое рѣшило дѣло при Березинѣ. Коварныя дѣйствiя Кутузова относительно адмирала уже разоблачены, но нельзя не удивиться, что много десятиль гдѣ потребовалось для этого. Масса современниковъ и свидѣтелей переправы заявляли тогда словесно и письменно о невпловности Чичагова и что во всякомъ случаѣ отвѣтственность за переправу должна пасть на Кутузова и Витгенштейна болѣе, нежели на адмирала, но этимъ лицамъ зажимали рты, а записки ихъ рвались и пртались подъ спудъ. Къ числу такихъ заявленiй принадлежитъ записка генерала Чаплица, найденная мною въ моемъ семейномъ архивѣ съ письмами его-же къ П. В. Чичагову, которыя я и печатаю теперь на страницахъ „Русской Старини“ отдѣльно, какъ не вошедшiя въ Записки адмирала. Даже многiя влиятельныя и образованнѣйшiя лица того времени не могли вразумить общую молву, обвинявшую адмирала не только въ пропускѣ Наполеона, но даже въ измѣнѣ. Графъ С. Р. Воронцовъ, находившiйся въ постоянныхъ сношенiяхъ со всѣми министрами и высшими сановниками, защищалъ адмирала, и достаточно прочелъ его письма къ Чичагову (19 томъ архива кн. Воронцова), чтобы убѣдиться въ томъ. П. Ив. Полетика, дипломатъ, извѣстный ученый, спустя три года, писалъ гр. С. Р. Воронцову (кн. 30 Арх. кн. Вор., стр. 428):

„Le nom de l'excellent amiral Tchitchagoff est en odeur de sainteté à notre quartier général“ (имя доблѣйшаго адмирала Чичагова причислено къ святымъ въ нашей главной квартирѣ).

Сынъ С. Воронцова, — Михаилъ Семеновичъ, впоследствии фельдмаршалъ, командовавшiй авангардомъ въ дунайской армiи, письменно оправдывалъ адмирала и, судя по корреспонденцiямъ, помѣщеннымъ въ Архивѣ кн. Воронцова, это оправданiе было читано весьма многими сановниками.

А. П. Ермоловъ говоритъ въ своихъ Запискахъ (стр. 269—275): „...адмиралъ Чичаговъ, при первомъ разговорѣ со мною, выказался превосходнаго ума, и я чувствую съ негодованiемъ, насколько безсилно оправданiе мое возлагаемыхъ на него обвиненiй... Проходя съ отрядомъ моимъ по большой дорогѣ на Вильну, на ночлегъ прiѣхалъ неожиданно кн. Кутузовъ и расположился отдохнуть. Немедленно явился я къ нему и продолжительнымъ былъ распросъ его о сраженiи при Березинѣ. Я успѣлъ объяснить ему, что адмиралъ Чичаговъ не столько виноватъ, какъ многiе представляютъ его желаютъ.

...„Легко могъ я замѣтить, до какой степени простигалось неблагорасположенiе его къ адмиралу. Не нравилось ему, что я смѣлъ оправдывать его. Но въ званiи моемъ неловко было рѣшительно пренебречь моими показанiями, и кн. Кутузовъ не предпринялъ склонить меня повинать иначе то, что я видѣлъ собственными глазами. Онъ принялъ на себя видъ чрезвычайнаго доволнаго тѣмъ, что узналъ истину, и увѣрялъ (хотя и не увѣрялъ), что со всѣми другими глазами будетъ смотрѣть на адмирала, но что доселѣ готовъ былъ встрѣтиться съ нимъ непрiятнымъ образомъ. Онъ приказалъ мнѣ представить послѣ записку о дѣйствiяхъ при Березинѣ, но чтобы никто не зналъ о томъ.

...„По мнѣнiю многихъ, вина Чичагова, въ отношенiи къ князю Кутузову, заключается въ томъ, что онъ умѣлъ постигнуть его совершенно“.

Д. В. Давыдовъ говоритъ (т. I, стр. 111):

„Ермоловъ, счедидецъ Березинскихъ событій, представилъ свѣтлѣйшему записку, въ которой имъ были рѣзко изложены истинныя, по его мнѣнью, причинныя благополучнаго отступленія Наполеона. Онъ поднесъ ее во время прѣзда въ Вильну князя, сказавши ему при этомъ случаѣ: „голубчикъ, подай мнѣ ее, когда у меня никого не будетъ“. Эта записка, переданная князю вскорѣ послѣ того и значительно оправдывавшая Чичагова, была, вѣроятно, умышленно затеряна свѣтлѣйшимъ“.

Въ то-же время, въ Вильнѣ, кн. Кутузовъ сказалъ у себя за обѣдомъ въ отвѣтъ на гостя: за здоровье побѣдителя! — „Ахъ, не все сдѣлано! Если бы не адмиралъ, то простой исковскій дворянинъ сказалъ-бы: „Европа, дыши свободно“! (Богдановичъ, т. 3, стр. 298). Эта рѣчь характеризуетъ фельдмаршала: хитро и не честно.

Въ Сборникѣ писемъ генерала Дубровина есть, на стр. 451, одно, адресованное Лонгинову отъ неизвѣстнаго (16 января 1813 г., изъ Бромберга.) Этотъ неизвѣстный пишетъ:

„Я вижу, что въ Петербургѣ совсѣмъ не отдають справедливости Чичагову“

Движеніе его къ Борису прямо, оставляя Сакена занимать Шварценберга, прекрасно и пресмѣло. Мало изъ тѣхъ, кои его бранять, пошли-бы съ 30,000 прямо въ зубы къ Вонапарте, у коего было до 80,000. Березина, можно сказать, доканала французовъ. Всѣ французы говорятъ, что погубила ихъ совершенно встрѣча съ молдавской арміей у Березинѣ“.

Лордъ Терконецъ, состоявшій при арміи, писалъ къ лорду Р. Вильсону (Сборникъ Дубровина) еще 6 ноября:

„Если будемъ имѣть неудачу, то, конечно, не отъ недостатка ревности въ нашемъ главнокомандующемъ (Чичаговѣ)“.

Лордъ Вильсонъ, въ свою очередь, писалъ императору послѣ переправы, обвиняя во всемъ Кутузова, но не Чичагова.

Множество было документовъ и лаяцъ, оправдывавшихъ адмирала, даже и самъ государь не винилъ Чичагова (многіе историки ошибаются, будто императоръ измѣнилъ свои личныя отношенія къ адмиралу), но общая молва, заставившая въ началѣ войны избрать Кутузова главнокомандующимъ, въ концѣ недостойнымъ образомъ запятала Чичагова, возводя на него обвиненія во всѣхъ ошибкахъ другихъ генераловъ. Министры и сановники, хотя можетъ быть въ душѣ чувствовали и понимали, что адмиралъ не такъ многу виновать, но имъ было выгодно сбросить его съ вьдестала и отдалить отъ государя. Адмиралъ не падлъ ни безчестныхъ, ни глупыхъ. Характеристично выраженіе Н. М. Лонгинова о П. В. Чичаговѣ въ письмѣ его къ С. Р. Воронцову, отъ 7 марта 1812 г. (кн. 23 Арх. кн. Вор., стр. 94):

„Слышно, что при государѣ будутъ находиться, кромѣ военнаго министра и Беннингсева, графы Румянцовъ и Кочубей, также Чичаговъ, который для двухъ первыхъ будетъ то, что употребленіе электрическаго огня для укрѣпленія силъ ослабѣвшихъ частей“.

Если Кутузовъ уничтожилъ записку Ермолова и продолжалъ умышленно обвинять Чичагова, когда онъ однимъ словомъ могъ оправдать его предъ всею Россіей, и это лежало на его обязанности, то, разумѣется, старанія многихъ другихъ, въ томъ числѣ генерала Чаплица, не могли измѣнить убѣжде-

ній, вкоренившись въ обществѣ. Записка его хранилась въ архивѣ Главнаго Штаба, но въ то время ей не придали никакого значенія.

Чаплицъ, одинъ изъ доблестнѣйшихъ героевъ нашихъ 1812 года и храбрѣйшихъ кавалерійскихъ генераловъ, пользовался общимъ уваженіемъ и былъ въ высшей степени скромнымъ и совѣтливымъ человѣкомъ. Онъ служилъ въ арміи Торماسова и познакомился съ Чичаговымъ только со дня принятія послѣднимъ командованія обѣими соединенными арміями, слѣдовательно, за нѣсколько десятковъ дней до переправы. Можно было-бы скорѣе ожидать отъ него нерасположенія къ главнокомандующему-моряку; что онъ, подобно многимъ другимъ, взвалитъ всю вину на Чичагова, чтобы избавиться отъ тѣхъ упрековъ, которые посыпались въ частности и на него, но честный характеръ генерала Чаплица вполне выразился въ его запискѣ. Онъ возсталъ противъ этого гнуснаго направленія закидыванія грязью своего начальника, для оправданія собственныхъ ошибокъ, и лишь поясняетъ самые факты, какъ складывались обстоятельства, побуждавшія къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ и рѣшеніямъ со стороны адмирала и его самого.

Записки генерала Чаплица и письма къ П. В. Чичагову въ оргпнагѣ писаны на французскомъ языкѣ; приводимъ ихъ въ возможности точномъ, почти подстрочномъ, переводѣ.

Изъ писемъ Чаплица къ Чичагову видно, что первый желалъ написать еще другую записку, исключительно съ цѣлью оправдать адмирала, но, какъ намъ извѣстно, на многія подобнаго рода просьбы, Чичаговъ отвѣчалъ всегда отказомъ, убѣжденный, что время и исторія ему безъ того отдадутъ полную справедливость.

Л. М. Чичаговъ.

I.

Я часто старался изслѣдовать причины, воспрепятствовавшія столькимъ маршаламъ и отличнымъ французскимъ генераламъ оправдать блестящими дѣяніями репутацію, снисканную уже признанными ихъ дарованіями, и выводъ моихъ размышленій убѣдилъ меня, что вина въ томъ можетъ быть приписана лишь главнокомандующему, отъ коего всегда зависитъ оцѣнить достоинства офицера и поставить его въ положеніе, въ которомъ онъ могъ-бы выказать свои способности. Если я не ошибаюсь въ этомъ предположеніи, то военныя дарованія наши (буде таковыя есть у насъ) подчинены выбору, дѣлаемому нашими начальниками, и довѣрію, которымъ имъ угодно насъ удостоивать. Во мнѣ никогда не было настолько высокоумія, чтобы воображать, будто служба безъ меня не можетъ обойтись; однако же считаю себя

въ правѣ надѣяться, что, съ усердіемъ исполняя мои обязанности, не долженъ опасаться быть забытымъ, или менѣе отличеннымъ противу другихъ. Это правило кажется мнѣ тѣмъ болѣе справедливымъ, что оно основывается на чести моего государства, на справедливости моего монарха и на послѣдствіяхъ, которыя суть неизбѣжный результатъ безукоризненнаго поведенія.

Въ началѣ кампаніи 1812 года, сдѣлавшейся интересною не только для военнаго, но одушевлявшей всякаго честнаго чловека, я былъ поставленъ въ самое досадное, когда либо испытанное мною, положеніе.

Задолго до кампаніи, по повелѣнію Его Величества Государя Императора, я получилъ начальствованіе надъ сильнѣйшей кавалерійской дивизіей, бывшей тогда въ Россіи; но вскорѣ замѣтилъ, что нѣкоторые полки требовали особенныхъ заботъ, и съ того же времени я, вмѣстѣ съ командирами, занялся приведеніемъ ихъ въ состояніе дѣлать почести и опасности войны.

Когда армія расположилась въ Луцкѣ, я былъ назначенъ начальникомъ 4-го кавалерійскаго корпуса и имѣлъ удовольствіе быть опредѣленнымъ къ командованію авангардомъ арміи князя Багратіона. По роковому предопредѣленію, мнѣ особенно присущему, этотъ генераль получилъ приказаніе располагать ввѣренными мнѣ полками, равно и генералами, состоявшими подъ моимъ начальствомъ, за исключеніемъ, однако же, меня самого, еще не находившагося даже въ спискахъ генераловъ.

Не смотря на мои попытки узнать о готовившемся мнѣ назначеніи, я не нашелъ никого, кто могъ бы сообщить мнѣ объ этомъ.

Первая мысль, по несчастію, мнѣ пришедшая въ голову, и на которой я остановился, заключалась въ томъ, что питаютъ сомнѣніе въ истинной моей приверженности. Это впечатлѣніе было слышкомъ прискорбно, чтобы оно не возмутило моей души, и, признаюсь, съ той минуты мое существованіе стало мнѣ въ тягость, тѣмъ, что утратило для меня всю привлекательность. Однако-же, будучи твердъ въ моихъ правилахъ, я успокоился духомъ, но тѣло — пострадало: одна нога у меня отнялась и я былъ принужденъ слечь въ постель. Тѣмъ не менѣе, когда генераль Тормасовъ получилъ въ послѣдствіи приказаніе ввѣрить мнѣ 8-ю дивизію, я заставилъ умолкнуть свои страданья и, не обра-

щая вниманія на слабость моего здоровья, повиновался одной ревности къ службѣ моему государю, чтобы немедленно вступить въ исправленіе должности. Вскорѣ послѣ того мы получили приказъ о выступленіи.

Главнокомандующему генералу Тормасову предстояло сначала наблюдать за двумя пунктами: первый былъ къ сторонѣ Владиміра (Волинскаго), гдѣ крѣпость Замосць, хотя и занятая слабымъ гарнизономъ, могла быть поддерживаема патриотическимъ порывомъ жителей, которые, въ случаѣ необходимости, въ состояніи были облегчать его намѣренія, стѣсняя наши дѣйствія, — отнятіемъ провіанта и лазаретныхъ обозовъ, за ними слѣдовавшихъ. Для сего генераль Тормасовъ былъ принужденъ оставить небольшой отрядъ въ Владимірѣ, съ приказаніемъ наблюдать за непріателемъ и не давать имъ никакого хода. Вторая задача по повелѣнію его величества состояла въ наступательныхъ дѣйствіяхъ противу непріателя, находившагося тогда въ Брестъ-Литовскѣ и въ Кобринѣ. Вслѣдствіе этого генераль Тормасовъ назначилъ князя Щербатова съ его дивизіею, подъ начальство генерала графа Ламберта, которому далъ приказаніе слѣдовать вдоль по Бугу, направляясь къ Бресту, Булкову и Кобрину. Генераль графъ Ламбертъ, вмѣстѣ съ княземъ Щербатовымъ отлично выполнилъ возложенное на него порученіе. Онъ овладѣлъ Брестъ-Литовскомъ, отбросилъ находившіеся тамъ два саксонскіе эскадрона и взялъ много плѣнныхъ. Тогда онъ продолжалъ свой путь до Булкова, въ 28 верстахъ отъ Кобрина. Главнокомандующій, взявъ кратчайшую дорогу и не встрѣтивъ никакого препятствія, очутился въ тотъ же день въ 20 верстахъ отъ этого города, а я съ авангардомъ находился на 10 верстномъ разстояніи впереди Кобрина. Долгъ службы и мое усердіе заставили меня въ тотъ же самый день разузнать о непріателѣ и, взявъ съ собою маіора Павлоградскаго полка Остроградскаго, котораго нашель впереди, я замѣтилъ, что непріатель былъ съ этой стороны въ совершенной безопасности и даже ничего не зналъ о приближеніи нашей арміи. Мое наблюденіе подтвердилось двумя патрулями, коихъ я велѣлъ захватить. Отъ нихъ я узналъ: о приближеніи генерала Ревье, въ подерѣпленіе генералу Кленгелю, находившемуся тогда въ Кобринѣ; о томъ, что у генерала Кленгеля должно быть 4,000 человекъ и 12 орудій, а у гене-

рала Ренне 11,000 человекъ, при соответствующемъ числѣ пушекъ. Подвигаясь впередъ, я узналъ еще отъ помѣщика одной деревни, что генералу Кленгелю дано приказаніе держаться въ Кобринѣ, потому что генералъ Ренне полагалъ придти во-время, чтобы его поддержать; но такъ какъ успѣвшіе спастись изъ Бреста извѣстили его, что наши силы, приближающіяся къ Кобрину, гораздо значительнѣе, нежели его, то это обстоятельство заставитъ Кленгеля покинуть Кобринѣ. По моемъ возвращеніи поздною ночью, я поразмыслилъ и рѣшилъ отрѣзать генерала Кленгеля отъ генерала Ренне и лишить его всякаго сообщенія съ этимъ корпусомъ, тѣмъ болѣе, что я былъ увѣренъ, что главные силы арміи придутъ ко мнѣ на помощь, въ случаѣ если-бы корпусъ Ренне отважился идти на защиту генерала Кленгеля, а съ другой стороны генералъ графъ Ламбертъ, которому я сообщилъ о моемъ намѣреніи, чрезъ нарочнаго, не замедлитъ своимъ прибытіемъ. Хотя я и имѣлъ приказаніе отъ главнокомандующаго не отдаляться отъ него съ моимъ авангардомъ, а ожидать генерала графа Ламберта, я долгомъ своимъ счелъ, однако-же, дѣйствовать немедленно, дабы не упустить случая къ удачному захвату непріятели. Легко было предвидѣть, что съ той минуты, какъ генералъ Кленгель увидитъ себя атакованнымъ корпусомъ генерала графа Ламберта, онъ будетъ принужденъ очистить городъ, чтобы присоединиться къ генералу Ренне, находившемуся тогда въ Городцѣ, и я рѣшился дѣйствовать въ твердомъ убѣжденіи, что иначе этотъ отрядъ можетъ ускользнуть у насъ изъ рукъ. Однажды рѣшившись, я увѣдомилъ главнокомандующаго о положеніи, въ которомъ находился непріятель, и тронулся въ походъ, пославъ впередъ нѣсколько эскадроновъ съ майоромъ Остроградскимъ, чтобы отвлечь непріятели, а самъ съ остальными, пользуясь лѣсомъ, прилегающимъ къ городу, достигъ дороги въ Городецъ, гдѣ встрѣтилъ уже весь обозъ, много свота и музыкантовъ королевскаго полка, сопровождаемыхъ однимъ эскадрономъ. Послѣ внезапной атаки все это досталось мнѣ въ руки. Эта добыча доказывала, что мой расчетъ былъ вѣренъ и что генералъ Кленгель, дѣйствительно, долженъ былъ покинуть Кобринѣ. Послѣ того я приложилъ все стараніе, чтобы стать на пути такъ, чтобы перерѣзать ему дорогу съ противоположной сторонѣ рѣки Муховець, и переправилъ въ бродъ на тотъ берегъ

казачій полкъ и нѣсколько эскадроновъ, чтобы пресѣчь имъ всѣ проходы. Въ это время майоръ Остроградскій отвлекалъ гарнизонъ учащенными атаками и поддерживалъ огонь непріятеля, думавшаго сначала, что иныхъ силъ, кромѣ этихъ, нѣтъ. Лишь только непріятель замѣтилъ, что мои войска уже на дорогѣ въ Городецъ, то генералъ Кленгель попытался пробиться, пославъ впередъ кавалерію, при нѣсколькихъ пушкахъ. Самъ онъ готовъ былъ слѣдовать за ними и для этого выставилъ двѣ пушки противъ моихъ войскъ, а кавалеріи велѣлъ дефилировать. Не теряя времени, я отдалъ приказаніе двумъ эскадронамъ павлоградцевъ атаковать пушки и кавалерію и имѣлъ счастье ихъ обратить въ бѣгство и вогнать въ городъ. Оба мои эскадрона на плечахъ непріятеля ворвались въ городъ; для поддержанія ихъ я приказалъ 13-му егерскому полку идти туда-же и стѣснить непріятеля, имѣвшаго для защиты всего два орудія. Подъ командою капитана Бракера, былъ открытъ сильный огонь, такъ какъ непріятель защищался съ замѣчательною храбростію и уступалъ позицію, оспаривая ее съ мужествомъ. Однако-же, подъ конецъ, онъ былъ принужденъ уступить городъ храбрости нашихъ войскъ и сосредоточить свои силы въ небольшомъ укрѣпленіи, построенномъ Карломъ XII. Я находился въ городѣ, когда туда прибылъ адъютантъ главнокомандующаго съ увѣдомленіемъ, что послѣдній желаетъ меня видѣть и что самъ онъ находится по сосѣдству. Это было въ ту минуту, когда стѣсненный непріятель поднималъ бѣлый флагъ. Поэтому я поспѣшилъ отправиться въ главнокомандующему, чтобы отдать ему подробный отчетъ о дѣлѣ, которое казалось мнѣ оконченнымъ. Намѣреніемъ моимъ, при движеніи на Кобринъ, было отвлечь саксонцевъ въ такой мѣрѣ, чтобы имъ понадобилась помощь австрійцевъ, въ чемъ я совершенно успѣлъ. Австрійскій императоръ не долженъ былъ мнѣ этого простить, а также и князь Шварценбергъ, за ускользнувшій изъ его рукъ фельдмаршальскій жезлъ; присоединясь къ саксонцамъ, онъ имѣлъ бы надъ нами перевѣсъ, будучи сильнѣе насъ, и исходъ дѣла не могъ быть сомнителенъ. Но каково-же было мое удивленіе, когда, по прибытіи моемъ къ главнокомандующему, Тормасовъ, ни мало не распрашивая о результатѣ моего предпріятія, сталъ упрекать меня за то, что я попалъ на нѣсколько сотенъ несчастныхъ съ

одною пушкою, чтобы затѣять бой, и присовокупилъ къ этому, что выигрышь не равняется проигрышу.

Этотъ родъ выговора удивилъ меня до того, что я не зналъ, что со мною; удивилъ тѣмъ болѣе, что я полагалъ, будто я заслужилъ его одобреніе. Находясь въ этомъ непріятномъ положеніи, я былъ принужденъ доказать главнокомандующему, что по положительнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня, о которыхъ я ему сообщилъ, силы непріятели были достаточно значительны, чтобы заслуживать нападенія съ моей стороны, въ чемъ самъ онъ убѣдится впослѣдствіи, и что пушекъ было болѣе одной, ибо я самъ взялъ ихъ пять.

Послѣ этого объясненія, главнокомандующій выразилъ мнѣ желаніе отправиться посмотреть на городъ, и я его повелъ туда, дабы онъ могъ убѣдиться собственными глазами въ сущей правдѣ моего донесенія. Едва вошли мы въ городъ, какъ генераль Марковъ, пославшій въ него одинъ батальонъ, увѣдомилъ насъ, что укрѣпленіе сдается. Главнокомандующій поздравилъ его предомною съ этой побѣдой, но генераль Марковъ былъ такъ честенъ, что отклонилъ поздравленіе, сознаваясь, что успѣхъ дѣла отнюдь не принадлежитъ ему, а что мнѣ одному обязаны удачею предпріятія. Не смотря на эти обстоятельства, главнокомандующій не соизволилъ дать мнѣ удовлетворенія и не допустилъ меня заключить капитуляцію съ остатками сдавшихся. Я не могъ понять причины этой новой непріятности; имѣя привычку свято соблюдать долгъ службы и пользу моего государя, я думалъ, что можно быть виновнымъ только тогда, когда не стараешься изъ всѣхъ силъ соблюдать пользу службы и честь войскъ, а слѣдовательно, и чести главнокомандующаго.

Положеніе плѣнныхъ достаточно доказало, что на это дѣло стоило отважиться, и впослѣдствіи главнокомандующій былъ восхищенъ его успѣхомъ. Награды, которыя государь пожаловалъ за это дѣло, подтвердили, какое пріятное впечатлѣніе оно произвело ¹⁾).

Я старался всѣми силами изслѣдовать причину моей неми-

¹⁾ Императоръ пожаловалъ Торماسову орденъ св. Георгія 2-й ст. и 50 тысячъ рублей. Графъ Ламбертъ получилъ саблю, украшенную алмазами, съ надписью: „За храбрость“.

лости и узналъ, наконецъ, чрезъ генераль-квартирмейстера, что главнокомандующему было угодно приберечь успѣхъ этого дѣла для генерала графа Ламберга. Не знаю, справедливо-ли это завленіе; но если оно согласно съ истиною, то невыгодно для государя, когда рискуютъ скорѣе потерять удачное дѣло, нежели допустить выиграть его не тому лицу, къ которому благоволятъ.

Я всегда былъ близокъ къ генералу графу Ламберту, моего военныя достоинства мнѣ извѣстны, и мы съ нимъ никогда не домогались инаго сопернованія, кромѣ того, чтобы насъ цѣнили за нашу ревность къ пользамъ службы, что и оказалось въ продолженіе кампаніи; стало быть, мое наступленіе подъ Кобринымъ не могло быть вызвано желаніемъ отнять у него честь этого дѣла; оно, напротивъ, подготовило-бы ему успѣхъ, если-бы генераль графъ Ламбергъ находился тогда ближе къ мѣсту дѣйствія. Не знаю, какую выгоду могъ имѣть въ виду главнокомандующій Тормасовъ, возвѣщая, что въ этомъ дѣлѣ принимала участіе вся его армія. Мнѣ кажется, что гораздо похвальнѣе, если авангардъ, состоящій изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, беретъ въ плѣнъ три тысячи и захватываетъ 8 орудій, нежели одержать эту побѣду корпусомъ арміи въ 30 тысячъ человекъ; отблескъ славы падаетъ, во всякомъ случаѣ, на главнокомандующаго.

Зная основательно то стѣсненное положеніе, въ которомъ мы находились, я счелъ-бы себя виновнымъ въ величайшей небрежности, если-бы, по нерѣшительности моей, не воспрепятствовалъ непріятелю очистить Кобринъ и избѣгнуть битвы, тѣмъ болѣе, что первая удача всегда производитъ самое выгодное впечатлѣніе на войска, начинающія кампанію.

Если-бы, не теряя времени, воспользовались этимъ обстоятельствомъ и двинулись на встрѣчу генералу Ренье, находившемуся въ Городцѣ, какъ я увѣдомлялъ, отрѣзавъ ему отступленіе къ Слониму, гибель этого корпуса была-бы неизбежна. Не знаю побудительныхъ причинъ главнокомандующаго, но доказано, что какъ только мы потеряли нѣсколько дней, генераль Ренье выигралъ у насъ нѣсколько маршей и могъ тогда дать возможность придти князю Шварценбергу и дѣйствовать, въ свою очередь, наступательно противъ насъ. Не останавливаюсь на этомъ событіи; его лучше докажетъ историческій обзоръ, подробно разби-

рающій движенія армій по числамъ и мѣсяцамъ. Весьма печально и весьма бѣдственно для армій, которая въ первую минуту была въ состояніи истребить значительный корпусъ, подвергнуться внезапному нападенію и быть опровергнутою, не смотря на дѣло графа Ламберта подъ Пружанами съ Саксонскою арміею, мое— въ Сегневицахъ съ австрійцами и на общее сраженіе, данное въ Городечнѣ, съ равнымъ успѣхомъ; затѣмъ, видѣть себя въ необходимости отступать, покидать области, которыя она могла удерживать за собою, и быть принужденной подвергаться неудачамъ и находиться на волосъ отъ загона въ пинскія болота. Мнѣ удивительно посчастливилось въ Выжвѣ, въ жаркомъ дѣлѣ съ австрійцами; я бился тамъ въ теченіе 18 часовъ подъ-рядъ и находился одинъ для удержанія движенія австрійской арміи и для защиты нашей; наконецъ, армія генерала Тормасова была принуждена перейти чрезъ Стырь и занять позицію въ Лузовѣ.

Во время этого движенія, подъ моимъ управленіемъ находились всѣ посты на Стырѣ, на протяженіи 120 верстъ; можно было опасаться, чтобы непріятель не предпринялъ переправы черезъ рѣку; мы поджидали прихода Молдавской арміи, которая, при первыхъ-же извѣстіяхъ, тронулась въ походъ, однако-же, срокъ прибытія ея на берега Стыря еще не былъ извѣстенъ.

Достаточно бросить взглядъ на позицію арміи главнокомандующаго Тормасова, чтобы ясно увидѣть, насколько для него было существенно необходимо держаться на этой позиціи до прибытія адмирала Чичагова.

Тогда-то я получилъ не только приказаніе, но мнѣ было вмѣнено въ особенную обязанность оберегать всѣ вѣрныя мнѣ пункты. Генераль Тормасовъ въ первыя-же минуты заставилъ меня приложить старанія, чтобы, по крайней мѣрѣ, десять дней удержаться на позиціи, и обѣщаль, что если я въ этомъ успѣю, то вся слава будетъ принадлежать мнѣ. Вслѣдствіе этого я употребилъ всѣ усилія и держался 24 дня, до прибытія Молдавской арміи. Этимъ временемъ генераль графъ Ламбертъ внезапно напалъ на одинъ полкъ (Орелли) и истребилъ его, а я имѣлъ весьма посредственную удачу, захвативъ нѣсколькихъ плѣнныхъ.

Никогда и никто не испытывалъ той живѣйшей радости, каковую извѣдали мы, узнавъ о приближеніи арміи адмирала Чичагова. Должно признаться, что единственно рѣдкимъ достоинствамъ

этого генерала принадлежала заслуга прибытія къ намъ на помощь съ такою удивительною быстротою, безъ остановокъ предъ препятствіями, которыя ему пришлось преодолевать, какъ, на примѣръ, переправы черезъ рѣки, сдѣлавшіяся опасными вслѣдствіе разливовъ; въ короткій промежутокъ времени онъ совершилъ длиннѣйшій путь изъ Бухареста въ Луково. Единственно этому быстрому соединенію обязаны мы успѣхами нашей арміи, можетъ быть, вліяніемъ на успѣхи великой арміи. Во всякомъ случаѣ должно сознаться, что онъ спасъ честь нашей арміи, не дозволялъ отбросить насъ на Кіевъ, а что главнѣе того, всѣ эти превосходныя губерніи не достались въ руки непріятелю.

Если-бы я писалъ пояснительную записку, то, можетъ быть, долженъ былъ-бы остановиться на минуту на бездѣйствіи, оказанномъ австрійскою арміею, соединившеюся на Стырѣ; но, по-видимому, она убѣдилась, что взятіе Москвы, о которомъ намъ было возвѣщено пушечною пальбою, произведенною на всѣхъ пунктахъ, почти прекратило войну. Не знаю, впрочемъ, могло-ли движеніе князя Шварценберга впередъ принести пользу Наполеону, но вѣрно то, что для австрійской арміи оно не имѣло никакихъ благопріятныхъ послѣдствій. Такъ какъ намѣреніе мое заключается единственно въ томъ, чтобы дать вѣрное понятіе о касающемся до меня лично и желая сохранить мою меморію, я обхожусь молчаніемъ множество обстоятельствъ, покрывшихъ войновъ нашихъ славою.

Наконецъ, 3-го (15-го) сентября произошло благополучное соединеніе армій и оба наши военачальника согласились снова начать дѣйствія наступательныя; перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ; обѣ наши соединительныя арміи приняли болѣе грозный видъ и непріятель это замѣтилъ при первомъ же движеніи. Онъ началъ отступать, а мы стали его преслѣдовать. Можно было-бы сдѣлать много примѣчаній о неудобствахъ, съ которыми это движеніе было сопряжено для насъ, но результатъ былъ всегда въ нашу пользу. Князь Шварценбергъ выказалъ при этомъ отступленіи многія дарованія; онъ сумѣлъ вторично спасти генерала Ренье. У нашей арміи было два авангарда: одинъ подъ начальствомъ графа Ламберта, другой — подъ моимъ. Генералъ Ламбертъ приложилъ всѣ старанія къ преслѣдованію непріятеля, то-же дѣлалъ и я съ своей стороны; онъ имѣлъ нѣсколько удач-

ныхъ дѣлъ подъ Брестъ-Литовскомъ, а я, въ свою очередь, захватилъ плѣнниковъ, овладѣвъ двумя эскадронами неподалеку отъ Булкова; если-бы не произошло недоразумѣнія, то я не только истребилъ-бы небольшой отрядъ австрійскаго генерала, но могъ бы и его самого взять въ плѣнъ.

Близъ Любомля главнокомандующій Тормасовъ получилъ, чрезъ генерала Чернышева, повелѣнiе сдать начальствованiе своей армiи адмиралу, а самому отправиться въ великую армiю, и съ этого времени адмиралъ Чичаговъ былъ главнокомандующимъ надъ обѣими соединенными армiями. Онъ прибылъ ко мнѣ въ Булковъ и приказалъ сдѣлать общее движенiе на Брестъ-Литовскъ; непрiятель былъ выгнанъ и городъ сданъ въ наше распоряженiе. Затѣмъ, вслѣдствiе непредвидѣннаго обстоятельства, генералъ Марковъ, командовавшiй корпусомъ, былъ посланъ въ великую армiю, а я назначенъ на его мѣсто; однѣ движенiя войскъ слѣдовали за другими и мой корпусъ получилъ приказанiе занять позицiю между Каменкою и Брестомъ, чтобы прикрывать Пружанскую дорогу и отбросить непрiятеля къ герцогству Варшавскому. Часть нашей армiи преслѣдовала непрiятеля, а главныя ея силы остановились въ Брестѣ для отдыха. Наконецъ, князь Шварценбергъ, по операцiонному плану императора Наполеона, старался, съ своей стороны, занять обѣ соединенныя армiи, увлекая ихъ къ герцогству Варшавскому.

Въ это время прибылъ генералъ Сакенъ. Его старшинство, долговременная служба, равно и военныя дарованiя давали ему право на начальствованiе; его назначили командиромъ корпуса, которымъ я командовалъ. Этотъ заслуженный воинъ былъ огорченъ, видя меня, такимъ образомъ, лишеннымъ власти, а я былъ въ восхищенiи служить подъ его начальствомъ. Нѣтъ ничего лучше, какъ служить подъ начальствомъ человѣка, котораго уважаешь. Въ то время я желалъ одного, это—чтобы меня употребляли въ дѣло, не различествуя какой величины отрядъ будетъ подъ моей командой и какой дастъ мнѣ онъ титулъ; я не имѣлъ другаго желанiя, какъ выказать государю усердiе, одушевлявшее меня.

Случай къ тому не замедлилъ представиться. Такъ какъ корпусъ генерала Сакена составлялъ лѣвое крыло нашей армiи и вся Литва находилась на разстоянiи выстрѣла отъ него, то онъ

былъ поставленъ въ необходимость имѣть положительныя данныя о состояніи этого княжества. Черезъ посредство моихъ лазутчиковъ и тѣхъ способовъ, которыми мнѣ удалось снискать расположеніе жителей, оказавшихъ мнѣ великое довѣріе, я узналъ, хотя и косвенно, что полкъ генерала Конопки формируется въ Слонимѣ, а другіе полки—формируются въ его окрестностяхъ; кромѣ того, что австрійскій генералъ Мооръ (Moore), отброшенный храбрымъ генераломъ графомъ О'Руркомъ, находился въ Мостахъ съ 2,000 человекъ и что генералъ Домбровскій стоялъ вдалекѣ. Эти данныя подали мнѣ поводъ испросить позволеніе у генерала Савена (которому я сообщилъ всѣ полученныя мною свѣдѣнія) двинуться на Слонимъ. Вслѣдствіе этого, генералъ Савенъ исходатайствовалъ у адмирала согласіе на небольшое движеніе впередъ, для выясненія себѣ положенія непріятеля. Пользуясь этимъ дозволеніемъ, я совершилъ наступленіе и захватилъ генерала Конопку въ плѣнъ, равно какъ его офицеровъ и почти всѣхъ лицъ, составлявшихъ 3-й гвардейскій уланскій полкъ; кромѣ того, я овладѣлъ полковою казною и другими военными трофеями. Это движеніе и совершенное истребленіе гвардіи произвело всеобщую панику. Всѣ полки, расположенныя въ окрестностяхъ, обратились въ бѣгство, а архивы Гродно и другихъ городовъ были перенесены въ Вильно. При этомъ я освободилъ свыше 15,000 рекрутовъ (конскриптовъ) и однимъ ударомъ парализовалъ формированіе полевыхъ въ Литвѣ, что могутъ засвидѣтельствовать адмиралъ, всѣ военные и жители. Не смотря на то, что я вполне созналъ необходимость обладанія для насъ Слонимомъ лишь по его взятіи, однако-же, могли судить о важности его значенія, котораго до той минуты я не могъ предвидѣть. Послѣдствія доказали намъ, что городъ этотъ былъ не только необходимъ для военныхъ операцій, но что, кромѣ того, долженъ былъ служить средоточіемъ, изъ котораго мы могли разузнавать о всѣхъ движеніяхъ непріятеля. Иное освѣщеніе было придано нашимъ планамъ, и однажды утвердись на этомъ посту, я находился какъ-бы въ положеніи слѣпаго, которому возвращено зрѣніе.

До взятія Слонима намъ не представлялось никакого средства съ точностію знать движенія непріятеля; мы не имѣли понятія о силахъ, поставленныхъ на всей операціонной линіи, о

положеніи, въ которомъ находилась непріятельская армія, и даже относительно движенія нашей собственной. Занятіе этого поста, избавляя насъ отъ затрудненій, доставило мнѣ возможность получать свѣдѣнія о тѣхъ частностяхъ, которыя могли намъ пригодиться. Лишь по собраніи необходимыхъ данныхъ замѣтилъ я непростительную ошибку, сдѣланную непріателемъ: онъ не занялъ Слонима болѣе значительными силами, дабы съ большою устойчивостью защищать этотъ важный постъ, также какъ и свою операціонную линію. Въ этомъ городѣ созналъ я возможность овладѣть непріятельскою операціонною линіею и могъ разсчитать выгоды отъ того послѣдствія для Россіи и для окончанія этой кампаніи.

Не зная намѣреній адмирала и постоянно считая себя подчиненнымъ генерала Сакена, я подалъ ему рапортъ, съ извѣстіемъ о взятіи въ плѣнъ Конопки и о моихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ; въ то же время я указалъ ему на необходимость удержанія за нами Слонима. Въ это время я получилъ приказаніе возвратиться на прежнее мое мѣсто, такъ какъ я очутился отъ главной арміи на разстояніи болѣе 30 миль и могъ, подвергаясь опасности, быть отрѣзаннымъ, или разбитымъ; затѣмъ генералъ Савенъ, находившійся въ Пружанахъ, тоже по полученіи приказанія направиться на Брестъ-Литовскъ, для дѣйствія противу двухъ соединенныхъ непріятельскихъ армій, не былъ въ силахъ болѣе меня поддерживать. Предвидя однако-же вредныя послѣдствія, которыя повлекли бы за собою очищеніе этого поста, я счелъ долгомъ сообщить мои соображенія и, принимая отвѣтственность на себя, рѣшился держаться до новаго приказанія. Генералъ Савенъ, не смотря на переměну своего назначенія, пожелалъ поддержать мои представленія и послалъ мой подлинный рапортъ къ адмиралу Чичагову. Послѣдній, видя, что расчетъ сдѣланъ на прочныхъ основаніяхъ, склонился на мою просьбу и былъ столь добръ, что прислалъ мнѣ не только письмо, въ которомъ одобрялъ мои поступки, но еще и приказъ, дававшій мнѣ право дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, съ тою однако-же предосторожностью, чтобы не подвергать опасности славу нашихъ войскъ. Ссылаюсь на адмирала Чичагова, который отдастъ справедливость усердію, выказанному мною къ исполненію его приказанія. Вслѣдствіе онаго я держался шесть не-

дѣль, будучи удаленъ за тридцать миль отъ арміи, устроилъ изъ предосторожности магазины отъ Пружанъ до Слонима, на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, на которыхъ армія должна была имѣть дневки на своемъ маршѣ, и въ томъ предположеніи, что она можетъ быть поставлена въ необходимость остаться на нѣкоторое время въ этомъ городѣ, я приказалъ наполнить преимущественно магазины въ Слонимѣ, чтобы удовлетворить всѣмъ нуждамъ нашихъ войскъ. Эта предосторожность значительно содѣйствовала сохраненію нашей арміи, ускоряя переходы, которые могъ совершать адмиралъ, находившій заготовленія въ этомъ пунктѣ.

Адмиралъ Чичаговъ, одушевляемый усердіемъ къ точному исполненію повелѣній государя императора, обманулъ князя Шварценберга, противопоставивъ его арміи лишь генерала Сакена, самъ же со всею возможною быстротою направился для занятія Слонима.

Съ момента его прибытія туда, военныя дѣйствія противу главной непріятельской арміи приняли лучшій оборотъ.

По первому плану, предположенному адмираломъ, я съ своимъ авангардомъ направился на Дворже, Новогрудекъ и Свиржинъ, гдѣ долженъ былъ находиться непріятель. Главная армія, авангардомъ которой командовалъ графъ Ламбертъ, должна была слѣдовать большою дорогою, по направленію къ Несвижу. Я уже сдѣлалъ два перехода, какъ получилъ приказаніе отступить и возвратиться въ Слонимъ, а генералу Воинову было поручено совершить это движеніе со своимъ корпусомъ. Перемѣна произошла вслѣдствіе того, что князь Шварценбергъ замѣтилъ, какъ адмиралъ Чичаговъ, выставивъ противъ него одного лишь генерала Сакена, съ половиною своей арміи взялъ дорогу на Слонимъ, и чтобы воспрепятствовать его дальнѣйшему пути, онъ направилъ на этотъ городъ свой летучій корпусъ.

На основаніи сего, адмиралъ поручилъ мнѣ образовать его арьергардъ, приказавъ при этомъ слѣдить за нимъ и, удерживая австрійцевъ, маскировать его движеніе. Я принялъ всѣ мѣры къ обезпеченію его дѣйствій и движеній для соединенія арміи и имѣлъ счастье исполнить это съ болѣею легкостію, нежели смѣлъ надѣяться. Я ясно видѣлъ, что генералъ Сакенъ, замѣтивъ, съ своей стороны, что князь Шварценбергъ заманиваетъ его корпусомъ генерала Ренье и хочетъ поставить армію въ затрудни-

тельное положеніе, употребить всѣ усилія для истребленія этого генерала, — и что движеніе Сакена должно остановить князя Шварценберга. Все это дало мнѣ возможность предугадать, что мнѣ удастся съ легкостью отбросить непріятели за Ружаны и Волковискъ и усиленными маршами присоединиться къ главной арміи въ Несвижѣ. Должно сознаться, что генераль Сакенъ не переставалъ маневрировать у насъ въ тылу, самымъ энергичнымъ и разумнымъ образомъ, въ продолженіе всей этой кампаніи. Было бы здѣсь умѣстнымъ отдать справедливость нѣкоторымъ лицамъ гражданскаго вѣдомства Слонимскаго повѣта, за оказанныя мнѣ ими услуги; я долженъ сознаться, что безъ ихъ содѣйствія я не имѣлъ бы возможности совершить столь быстро мое присоединеніе къ главной арміи, не находя ничего на пути, по которому она прошла. Въ особенности я обязанъ окружному начальнику Бронскому и еще одному господину, имени котораго не помню, и беру смѣлость обратить вниманіе его императорскаго величества на этихъ достойныхъ гражданъ; слонимскій равнинъ точно также заслуживаетъ отличія, ибо онъ помогалъ мнѣ, подвергая опасности свою жизнь, съ усердіемъ вѣрноподданнаго государя императора.

По прибытіи въ Несвижъ, распоряженія адмирала состояли въ томъ, чтобы: генераль графъ Ламбертъ, поддерживаемый силами главной арміи, совершилъ движеніе чрезъ Свержинъ и Кайдановъ на Минскъ, тогда какъ генераль Воиновъ на лѣвомъ флангѣ, а я на правомъ, дѣлали видъ, будто хотимъ отрѣзать непріятели, стоявшаго тогда въ Кайданахъ и Минскѣ; кромѣ того, въ случаѣ, если бы этотъ городъ достался намъ, чтобы я продолжилъ мой маршъ, наблюдая направленіе между Игуменомъ и Борисовымъ, и заставилъ генерала Домбровскаго переправиться черезъ рѣку Березину.

Лишь благоразумнымъ распоряженіямъ главнокомандующаго и дѣятельности генерала графа Ламберта обязаны мы успешнымъ пораженіемъ непріятели подъ Свержиннымъ, Кайдановымъ и взятіемъ Минска. Разъ этотъ городъ былъ въ нашихъ рукахъ, послѣдующія движенія вплоть до рѣки Березины не могли не имѣть желаемого успѣха. Наконецъ, внезапная и полная отваги атака генерала графа Ламберта была причиною, что Борисов-

скій тетъ-де-понъ достался во власть нашей арміи, а непріятель очистилъ берега Березины.

Вскорѣ по полученіи извѣстія о взятіи Борисова и послѣ того, какъ генераль графъ Ламбертъ имѣлъ несчастье быть раненымъ, адмираль Чичаговъ возложилъ на меня предводительство обоихъ авангардовъ. Адмираль со своею главною квартирою находился тогда въ Антополѣ. По полученнымъ извѣстіямъ непріятель былъ замѣченъ у насъ въ тылу и находился въ Пещеницѣ, это обстоятельство требовало разслѣдованія. Адмираль возложилъ эту обязанность на меня, съ приказаніемъ возвратиться сколь возможно скорѣе, чтобы принять начальствованіе надъ авангардомъ. Не говорю о причинахъ, ибо ненавижу сплетни.

Краткость этой записки не дозволяетъ мнѣ входить во всѣ подробности; мнѣ легко было-бы изобличить злыхъ и недоброжелательныхъ людей и разубѣдить тѣхъ, которые не вѣдали истины или увлеклись предубѣжденіями и порицали того, который по своему усердію и ревностному желанію осуществить планъ, начертанный его императорскимъ величествомъ, боялся одного, — это пропустить моментъ, въ который слѣдуетъ сразиться со врагомъ и исполнить свой священный долгъ, не заботясь о собственной жизни и чести, дабы выполнить повелѣнія своего государя.

Адмираль рѣшился перейти Борисовскій мостъ, думая, что непріятельская великая армія находилась еще за Днѣпромъ и что, дѣлая движеніе впередъ, онъ могъ присоединиться къ графу Витгенштейну между Днѣпромъ и Березиною. Вслѣдствіе этихъ предначертаній произошла ошибка послѣ взятія Борисова, — ошибка, имѣвшая столь мало важныя послѣдствія и оказавшаяся тѣмъ болѣе простительною, что адмираль предпочелъ предписать ее скорѣе себѣ, нежели допустить, чтобы винили кого либо другаго.

Ланжеронъ былъ уже на противоположномъ берегу рѣки. Графу Ланжерону, генералу Воинову и князю Щербатову нѣтъ извиненій, но генераль Сабанѣвъ, какъ лице, принадлежавшее штабу, заслуживалъ быть преданнымъ военному суду.

Возвращаясь къ дѣлу, а именно къ тому времени, когда наступила для нашей арміи самая важная эпоха кампаніи 1812 года. Нахожусь въ нѣкоторомъ затрудненіи, желая выставить обстоятельства, тогда сложившіяся, въ ихъ настоящемъ свѣтѣ,

ибо въ мой намѣренія не входитъ ни оцѣнка заслугъ адмирала, ни разборъ дѣйствій тѣхъ, которые пренебрегли исполненіемъ своего долга; предоставляю эту задачу историкъ, довольствуясь справедливымъ изображеніемъ состоянія вещей, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились, нисколько не отдаляясь отъ моего поста.

Адмиралъ перешелъ мость со всѣми частями, находившимися на другомъ берегу рѣки, на половину его сжегъ и занялъ высоты напротивъ города. Этого рода неудача не только не повредила намъ, но, по моему, имѣла выгодныя послѣдствія, ибо дала намъ возможность слѣдить за операціями непріятели и знать его движенія. Самъ адмиралъ не зналъ обо всѣхъ счастливыхъ событіяхъ, побудившихъ непріятели къ столь поспѣшному отступленію.

Въ тотъ же вечеръ Чичаговъ, замѣтивъ приближеніе непріятели, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы остановить его наступленіе. Дѣло было въ томъ, чтобы сначала узнать о главномъ пунктѣ, на который непріятель направлялъ свои операціи, и это было самою трудно-разрѣшимую задачею. Мы думали сначала, одну минуту, что болѣе разумнымъ дѣломъ со стороны непріятели было-бы форсировать минскую дорогу, и чтобы воспрепятствовать тому, адмиралъ рѣшился занять съ главными силами своей арміи теть-де-понъ и направить различные отряды по его правую и лѣвую сторонамъ. Мнѣ былъ предоставленъ выборъ и я взялъ сторону Брилей; тогда генералъ графъ О'Руркъ былъ назначенъ для наблюденія надъ правою стороною и для движенія къ городу Березину. Я тотчасъ же отправился въ Брилямъ, пославъ одинъ кавалерійскій отрядъ къ Зембину, подъ командою генерала Уманца, дабы онъ наблюдалъ за Пещеницей, а другой къ Веселову, состоявшій изъ егерскаго полка, 4 орудій и двухъ казачьихъ полковъ, подъ командою генерала Корнилова; остальные войска находились со мною на Брильскихъ высотахъ.

Движенія непріятели приняли рѣшительный характеръ; операціи нашей главной арміи и той, которая находилась подъ начальствомъ графа Витгенштейна, намъ были неизвѣстны, не смотря на то, что я приложилъ къ тому всѣ старанія и посылалъ мои рапорты этому главнокомандующему. Одинъ унтеръ-офицеръ гвардейскаго уланскаго полка привезъ мнѣ пакетъ, который я сталъ читать, не обративъ вниманія, что онъ былъ предназначенъ

главнокомандующему; замѣтивъ это лишь по его прочтеніи, я узналъ, такимъ образомъ, что въ немъ заключалось извѣщеніе адмиралу, что онъ долженъ, наблюдая за непріятельскою арміею, препятствовать ей взять дорогу на Игумень. Я уже сказалъ, что инструкція, данная адмиралу, ограничивалась приказаніемъ употребить всѣ усилія къ истребленію непріятельской арміи и потому онъ успѣшилъ исполнить приказаніе генераль-фельдмаршала всѣхъ армій, тѣмъ болѣе, что извѣщеніе, полученное имъ отъ графа Витгенштейна, было такового же содержанія. Поэтому, онъ сдѣлалъ движеніе вправо, оставивъ графа Ланжерона при тетъ-де-понѣ Борисова. Все это происходило 12 (24) ноября. Къ вечеру того же дня, я былъ почти увѣренъ, что непріятель приложитъ всѣ старанія, чтобы совершить переправу на тѣхъ пунктахъ, которые я занималъ, или близъ Брилей, или близъ Веселова, ибо я видѣлъ, спрятавшись за кустарниками на берегу рѣки, собственными глазами, какъ французы обзрѣвали этотъ постъ и подъ предлогомъ водопоя лошадей, которыя были все тѣ же, они мѣняли людей, дѣлавшихъ наблюденія. Въ это время я получилъ отъ графа Ланжерона приказаніе покинуть посты Зембина, Веселова и Брилей, и сколько возможно скорѣе перейти на позицію, занятую тогда имъ самимъ. Однако же, удостовѣрившись въ необходимости держаться на этихъ мѣстахъ, я осмѣлился остаться, о чемъ и донесъ генералу графу Ланжерону, сообщая ему мои замѣчанія и испрашивая дозволенія сохранить за собою мой постъ. Послѣдовавшее затѣмъ второе приказаніе предписывало мнѣ двинуться съ нѣкотораго рода отвѣтственностью за мое промедленіе и явиться тотчасъ-же для занятія поста, первоначально мнѣ назначеннаго. Видя себя въ столь отчаянномъ положеніи, но опираясь на мое убѣжденіе и одобреніе со стороны адмирала, я рѣшился, рискуя подвергнуться отвѣтственности, удержать за собою позицію, до возвращенія моего адъютанта, котораго я послалъ въ адмиралу съ увѣдомленіемъ о моихъ дѣйствіяхъ.

Къ вечеру 13 (25) ноября я замѣтилъ необыкновенное движеніе въ войскахъ; громадныя костры обнаруживали скопленіе большихъ массъ, но такъ какъ занимаемая мною позиція была ниже непріятельской, то я не могъ правильно судить о ней и для этого, въ ночь съ 13 на 14, приказалъ переправиться вплавь

300 казакамъ, подъ командою полковника Мельникова, чтобы выслѣдить дѣйствія непріятеля и привести мнѣ нѣсколько плѣнныхъ, или, за неимѣніемъ таковыхъ, помѣщика, или управителя (старосту) деревни, расположенной на противоположномъ берегу рѣки. Полковникъ Мельниковъ превосходно выполнилъ возложенное на него порученіе; онъ не только взялъ многихъ плѣнныхъ, но привелъ ко мнѣ еще и управителя деревни, лежащей на сторонѣ Веселова. Отъ плѣнныхъ я узналъ, что вся армія находится между Старымъ и Новымъ Борисовымъ; что имъ неизвѣстно, гдѣ должна произойти переправа; что они ожидаютъ, однако-же, общаго движенія на 14 число. Управитель, въ свою очередь, сказалъ мнѣ, что непріятель распорядился постройкою двухъ мостовъ, и онъ полагаетъ, что они будутъ наведены у Брилей, или у Веселова. Я получилъ эти свѣдѣнія въ часъ по полуночи съ 13 (25) на 14 (26). Морозы наступили такъ внезапно, что болота отвердѣли какъ поляны и по рѣкѣ пошелъ ледъ. Положеніе мое сдѣлалось критическимъ и надобно было остановиться на какомъ нибудь рѣшеніи.

Я рассчиталъ, что, владѣя Зембиномъ, буду имѣть достаточно времени, чтобы сжечь мостъ, а уничтоживъ плотины, отрѣжу путь непріятелю.

На что могъ я надѣяться въ этомъ случаѣ? У меня не было достаточно силъ, чтобы не дозволить непріятелю построить мостъ и даже въ случаѣ, еслибы онѣ были значительнѣе, мѣстность не представляла удобствъ въ воспрепятствованію ихъ намѣренію, ибо высоты находились на ихъ сторонѣ, а болота по берегамъ рѣки совершенно замерзли; кромѣ того, я подвергался опасности быть опрокинутымъ и принужденнымъ открыть дорогу на Минскъ, бывшую, по моему мнѣнію, единственною пригодною непріятелю, ибо, достигнувъ этого пункта, онъ могъ легче приблизиться къ арміи князя Шварценберга, а соединясь они спокойно дошли-бы до Вильно, гдѣ находились большіе, всякаго рода, магазины, что оживило-бы и подкрѣпило ихъ силы, а насъ, пожалуй, принудило-бы окончить кампанію.

Это соображеніе побудило меня вернуть отрядъ изъ Зембина и привязать ему занять постъ у Брилей, гдѣ я въ различныхъ мѣстахъ расставилъ много орудій, чтобы мѣшать построенію моста.

14 (26) ноября, въ 7 часовъ утра, непріятель двинулъ свои колонны; застрѣльщики начали переходить на мою сторону, а ихъ опрокинулъ, а работавшіе надъ мостомъ были отброшены назадъ моими пушками. Черезъ четверть часа непріятель поставилъ на высотахъ 50 орудій большого калибра. Эта огромная батарея заставила меня покинуть всѣ мои посты и, чтобы не подвергать людей бесполезно опасности, я поставилъ ихъ въ лѣсу, находившемся вблизи позиціи. Непріятель переправилъ небольшія силы, которыя были атакованы и опрокинуты.

Тотчасъ по окончаніи постройки моста, маршалъ Удино перешелъ первый и напалъ на меня; я отстаивалъ мою позицію шагъ за шагомъ до вечера, не смотря на превосходство его силъ, и имѣлъ счастье остановить его предъ деревнею Студялкою, которую я занялъ; мною было захвачено 380 плѣнныхъ, между которыми были 8 офицеровъ и одинъ капитанъ гвардіи.

Послѣ остановки непріятеля, генералъ графъ Ланжеронъ прибылъ съ своего поста ко мнѣ; я ему доложилъ обо всемъ происшедшемъ и сдалъ плѣнныхъ, отъ которыхъ онъ узналъ, что вся армія императора Наполеона сюда собирается.

На другой день 15 (27) числа, адмиралъ, увѣдомленный моимъ адъютантомъ и убѣдясь въ истинѣ моихъ наблюденій, рѣшился приказать войскамъ идти назадъ и лично прибыть ко мнѣ на аванпосты. По его пріѣздѣ, я отдалъ ему подробный отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ и онъ приказалъ мнѣ атаковать непріятеля на зарѣ, присовокупивъ еще, что поддержать меня всѣми своими силами. Покуда, присоединивъ къ отряду нѣсколько полковъ, онъ отдалъ ихъ въ мое распоряженіе и обѣщалъ остальные силы корпуса такъ поставить, чтобы онъ слѣдовали за мною въ колоннахъ для поддержки.

Въ силу приказанія адмирала, я сдѣлалъ свои распоряженія, раздѣливъ мои войска на три части. Первая, подъ командою генерала Рудзевича, должна была тѣснить и опрокинуть французскіе аванпосты. Вторая и третья, назначенныя для поддержки первой, должны были слѣдовать въ колоннахъ, съ нѣкоторымъ количествомъ кавалеріи, подъ начальствомъ генераловъ Корнилова и Мещеринова. Артиллерія была разставлена на большой дорогѣ, четырехъ орудійными батареями, подъ прикрытіемъ Павлоградскаго и двухъ драгунскихъ полковъ. Четвертая ко-

лонна, состоявшая изъ егерскихъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ, одного казачьяго и четырехъ орудій, подъ командою полковника Красовскаго, должна была слѣдовать берегомъ Березины, лѣсомъ, чтобы помогать моему движенію и охранять мой правый флангъ, на случай какихъ либо покушеній со стороны непріятели. Послѣ таковой диспозиціи войска тронулись въ путь.

Генераль Рудзевичъ, не смотря на упорство непріятели, опрокинулъ его первую цѣпь, и наши войска, поддерживаемыя генералами Корниловымъ и Мещериновымъ, всюду имѣли успѣхъ. Замѣтно было замѣшательство на всѣхъ пунктахъ непріятельской линіи и наши войска быстро подавались впередъ; полковникъ Красовскій достигъ дистанціи, съ которой онъ могъ дѣйствовать своею батареею и обстрѣливать насыпь, прилегавшую къ мосту. Этотъ огонь сдѣлался жестокимъ и много причинилъ вреда непріятели. Все шло хорошо и не знаю, каковъ былъ-бы исходъ дѣла, если бы я не былъ внезапно смущенъ обстоятельствами, которыя и принужденъ разъяснить. Когда я имѣлъ счастье видѣть главнокомандующаго на моихъ аванпостахъ и онъ отдалъ мнѣ приказаніе атаковать непріятели; то спросилъ у него: должно-ли предстоящее дѣло быть ведено мною, или вѣмъ либо другимъ? Онъ увѣрилъ меня, что прибудетъ самъ, чтобы поддерживать меня всѣми своими силами, но что дѣйствовать надобно будетъ по диспозиціямъ, имъ одобреннымъ.

Вслѣдствіе этихъ диспозицій, остальные войска, выстроясь въ колонны, должны были слѣдовать издалека и оставаться въ массѣ, покуда въ нихъ не настоитъ надобности.

16 (28) числа герцогъ Реджіо-Удино двинулся на насъ и сраженіе началось. Князь Понятовскій и герцогъ Эльхингенскій Ней были принуждены принять участіе въ дѣлѣ. Въ началѣ его, чрезъ адъютанта адмирала, я получилъ извѣстіе, что колонны тронулись въ путь и слѣдуютъ за мною; это меня успокоило, такъ какъ я былъ увѣренъ, что буду поддержанъ всѣми силами.

Каково же было мое удивленіе, когда вдругъ я услышалъ за собою крикъ „ура!“, барабанный бой и увидѣлъ рассыпавшихся людей, въ видѣ застрѣльщиковъ. Я послалъ справиться, какія это войска и мнѣ отвѣтили, что крики доносились изъ колоннъ, посланныхъ въ рассыпную въ лѣсъ. Я возвратился къ войскамъ, предлагалъ, приказывалъ, наконецъ наставлялъ, что-бы ихъ опять

построили въ колонны, но всѣ начальники отвѣчали, что они дѣйствуютъ по приказаніямъ, ими полученнымъ. Вслѣдствіе этого я постарался найти генерала Воинова, которому сообщилъ какія неудобства предвидятся мною и должны неизбѣжно произойти отъ такихъ распоряженій. Генераль отвѣтилъ мнѣ, что это приказаніе отдалъ генераль Сабанѣевъ и уже невозможно поправить зло; поэтому я повсюду искалъ генерала Сабанѣева, но за невозможностью его найти и зная, что дѣло требуетъ моего присутствія впереди, я отправился къ своему посту.

Да будетъ мнѣ дозволено сдѣлать одно замѣчаніе: мнѣ извѣстна степень подобающаго уваженія каждому чину; знаю я, точно также, насколько долженъ быть уважаемъ начальникъ штаба; знаю и то, что онъ самое приближенное лицо къ главнокомандующему; но вмѣстѣ съ тѣмъ, сомнѣваюсь, чтобы, находясь въ дѣлѣ, было возможно для пользы службы отдавать приказанія, не сообщая ихъ командующему генералу и не переговоривъ съ нимъ, для соглашенія въ дѣйствіяхъ. Въ данномъ случаѣ не идетъ рѣчь о личномъ самолюбіи, но я совѣтую только самую существенную вещь,—то есть общее согласіе.

Мысль генерала Сабанѣева: ввести непріятеля въ заблужденіе, заставивъ его думать, что у насъ весьма значительныя силы, могла быть столь-же сообразна съ обстоятельствами, сколько и счастливо задумана, но ее иначе слѣдовало привести въ исполненіе. Не знаю, впрочемъ, можетъ-ли когда существовать случай, вызывающій необходимость разрознивать резервъ, чтобы устранишь непріятеля.

Велѣно было бить въ барабаны, но не разсыпаться.

Послѣ дѣла я узналъ, что адмираль приказалъ войскамъ, для поддержанія авангарда, слѣдовать въ колоннахъ и съ барабаннымъ боемъ. Если бы этотъ приказъ былъ въ точности исполненъ, послѣдствія были-бы прекрасныя, тѣмъ болѣе, что погода стояла сухая, холодная, и звукъ барабановъ, разносясь по лѣсу, могъ причинить большой гулъ и произвести впечатлѣніе на непріятеля. Но, повидимому, начальникъ главнаго штаба полагалъ, что его мысль удачнѣе, приказавъ кричать ура и бѣжать въ разсыпную.

По мѣрѣ приближенія къ центральному пункту расположенія непріятеля, дѣйствія наши затруднялись; французы, слышавъ

крики, барабанный бой, и, имѣя въ своемъ распоряженіи плоскую возвышенность у Брилей, съ которой были видны наши движенія, открыли на угадъ адскій огонь, до того опустошительный, что, разсѣвая деревья, они наносили обломками значительный вредъ нашимъ людямъ. Однако, не смотря на наше положеніе, мы продолжали подаваться впередъ, до двухъ часовъ дня, и были уже очень близко къ главнымъ силамъ непріятельской арміи, какъ вдругъ, желая остановить наши успѣхи, французы пустили на нѣсколькихъ пунктахъ кавалерію въ атаку и начали наступленіе колонной пѣхоты.

Эта кавалерійская атака произвела тѣмъ сильнѣйшее дѣйствіе, что солдаты, которые должны были поддерживать меня, будучи разсыпаны по лѣсу, начали стрѣлять въ тылу, такъ что я попалъ между двухъ огней и это породило нѣкоторое замѣшательство.

Я долженъ сознаться, что непріятельская атака была внезапная, и мнѣ самому пришлось лично участвовать въ битвѣ, равно какъ моимъ адъютантамъ и ординарцамъ. Генераль Воиновъ получилъ сильную контузію: подъ нимъ, также какъ подо мною и подъ княземъ Меншиковымъ, были убиты лошади; я получилъ ударъ по головѣ, что не помѣшало мнѣ продолжать дѣло. Князь Щербатовъ былъ окруженъ и отрѣзанъ непріателемъ; его выручилъ эскадронъ павлоградцевъ, бывшій при мнѣ. Особенно удивительно, что въ столь достопамятный день непріятель имѣлъ надъ нами перевѣсъ благодаря своей кавалеріи, что съ нашею же конницею мнѣ удалось возстановить порядокъ, продолжать дѣло и, въ добавокъ, все это происходило въ лѣсу.

Непріятель захватилъ нѣсколькихъ плѣнныхъ изъ числа тѣхъ, которые разсыпались по лѣсу, точно также какъ и мы, съ нашей стороны; но мы вовсе не были ни опрокинуты, ни преслѣдуемы, какъ то утверждаютъ различныя реляціи, и если наша потеря простиралась до 2,000 человекъ, то уронъ непріятеля былъ гораздо значительнѣе. Доказательствомъ успѣха атаки служить еще и то, что было убито и ранено столько отличныхъ непріятельскихъ генераловъ, а по сознанію плѣнныхъ—два корпуса, употребленные въ началѣ этого дѣла, были совершенно истреблены. Маршалъ герцогъ Реджіо, генераль Ле-Гранъ, генераль Заіончевъ и генераль Домбровскій были ранены, равно и генераль Клапаредъ и Княжевичъ.

Заключеніе дѣла при Березинѣ.

Не знаю, съ какой точки зрѣнія долженъ я смотрѣть на дѣла 14-го (26-го) и 16-го (28-го) ноября, но дабы правильно отнестись къ себѣ и быть въ состояніи дать вѣрное понятіе тому, кто пожелалъ бы прочитать эту записку, мнѣ слѣдуетъ отважиться развить планъ государя и расчеты главнокомандующаго.

За нѣсколько времени до обоихъ дѣлъ, я имѣлъ честь говорить съ главнокомандующимъ и нашелъ его проникнутымъ мудростью плана и увѣреннымъ, что успѣхъ зависѣлъ единственно отъ исполненія его въ точности всѣми соучастниками, т. е. отъ прибытія генерала графа Витгенштейна и отряда генерала Эртеля. Слѣдовательно, дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы ускорить дѣйствія и овладѣть мостомъ у Борисова, гдѣ несомнѣнно должно было произойти соединеніе.

Я вполне сознавалъ, что разъ произойдетъ это соединеніе, то наша армія будетъ достаточно сильна, чтобы нанести рѣшительный ударъ арміи Наполеона.

Адмиралъ, полный энергіи, поспѣшилъ, чтобы занять Борисовскій мостъ; можно судить о его удивленіи, когда, по своемъ прибытіи, онъ не нашелъ ни корпуса генерала графа Витгенштейна, который могъ быть занятъ тогда другими дѣлами, ни генерала Эртеля, избавившагося уже отъ генерала Домбровскаго и который не могъ болѣе встрѣтить препятствій, разрѣшающихъ ему не исполнить полученныхъ имъ приказаній.

Вся сила адмирала ограничивалась 15,000 человекъ пѣхоты и отъ 8 до 9,000 человекъ кавалеріи, и съ этою-то слабою арміею онъ былъ поставленъ въ необходимость препятствовать переправѣ.

Если-бы знали съ точностью тотъ пунктъ, который будетъ избранъ непріятельскою арміею для ея переправы, адмиралъ могъ-бы употребить всѣ свои войска и рѣшиться пожертвовать всѣмъ, чтобы за дорогую цѣну продать непріятелю счастье пробить себѣ дорогу; но надобно было имѣть надзоръ повсюду и надъ всѣми пунктами, и, слѣдовательно, стараться образовать различныя отряды. Онъ находился въ этомъ критическомъ положеніи, когда прибыло письмо графа Витгенштейна.

До этого времени главнокомандующій Чичаговъ не имѣлъ никакихъ сношеній ни съ графомъ Витгенштейномъ, ни съ главной арміей; ему невозможно было судить о движеніяхъ непріятеля, ибо онѣ были скрыты самимъ непріятелемъ. Какимъ же образомъ могъ онъ постигнуть, какое направленіе принимаетъ его армія? Адмиралу по этому ничего не оставалось дѣлать, какъ приблизиться къ тѣмъ, которые могли дать ему точныя на то указанія. Съ минуты движенія адмирала вправо, что оставалось дѣлать намъ? Будучи увѣренъ, что непріятель наведетъ мостъ предъ занимаемымъ мною пунктомъ, я дѣйствовалъ-бы непослѣдовательно и какъ офицеръ, мало знакомый со своимъ ремесломъ, если бы, ради дешевой славы, вздумалъ серьезно оспаривать то, чего никонимъ образомъ поддержать не могъ и рискуя истребленіемъ всѣхъ полковъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ. Слѣдовательно, мнѣ надлежало рѣшиться на то, что мнѣ подобало, и беречь своихъ людей, чтобы отставать Борисовскую дорогу до прибытія адмирала, въ чемъ я и имѣлъ удовольствіе успѣть.

Когда адмиралъ прибылъ на аванпосты, чтобы повидаться со мною, я нашелъ его крайне огорченнымъ тѣмъ, что планъ государя императора не могъ быть приведенъ въ исполненіе, въ виду невѣроятности успѣха малыми силами, которыми онъ располагалъ, и что атака, назначенная на слѣдующее утро, не могла быть удачною и остановить непріятельскую армію, даже предполагая, что графъ Витгенштейнъ въ то же время сдѣлаетъ усиліе, чтобы напасть на непріятеля. Поэтому-то я и предложилъ адмиралу производить атаки и развлекать непріятеля до двухъ часовъ, а послѣ этого начать атаку колонною съ резервами. Если-бы это удалось, мы имѣли-бы существенную выгоду, въ противномъ случаѣ не рисковали-бы ничѣмъ, ибо намъ пришлось-бы сражаться со всѣми нашими силами не болѣе двухъ часовъ времени, въ виду краткости дня, и лѣсъ помогъ-бы нашему отступленію. Такой планъ мнѣ нравится, такъ какъ я былъ увѣренъ, что графъ Витгенштейнъ, со своей стороны, задумываетъ движеніе, которое облегчитъ наши дѣйствія, что, въ концѣ-концовъ, онъ и сдѣлалъ. Адмиралъ одобрилъ планъ и прибавилъ, чтобы я отдѣлилъ еще одинъ малый отрядъ на нашъ лѣвый флангъ для постоянного наблюденія надъ Зембинскою дорогою, дабы мы могли

имѣть свѣдѣнія о непріятельскихъ войскахъ, этимъ путемъ идущихъ.

Все изложенное убѣждаетъ въ томъ, что адмиралъ уже тогда считалъ немислимымъ совершенно истребить французскую армію, когда внутри Россіи полагали это возможнымъ; но онъ хотѣлъ нанести непріятельской арміи такого рода уронъ, который могъ быть ей гибельнымъ, а впоследствии довести ее до полного разстройства, въ чемъ мы и успѣли. Считаю обязанностью прибавить еще, что операціонный планъ былъ такъ разумно составленъ, что, не смотря на всѣ сдѣланныя ошибки, французская армія, отгѣсненная на другую сторону Березины, уже считала себя погибшею, имѣя еще подъ ружьемъ 95,000 человекъ и находясь на разстояніи 3 или 4 переходовъ отъ нашей главной арміи; этимъ обязаны только точному исполненію плана адмираломъ.

Что же изъ этого слѣдуетъ и какой приговоръ произнесетъ безпристрастный военный? Что все сіе было слѣдствіемъ крайней точности, приложенной адмираломъ къ исполненію повелѣній своего государя, и самоотверженія войскъ, находившихся подъ его предводительствомъ.

Наперекоръ малосвѣдующимъ людямъ доказано, что переправа черезъ Березину никогда не изгладится изъ памяти французской націи и, тогда какъ наши войска приобрѣли въ ней славу, для непріятельской арміи она будетъ лишь печальнымъ воспоминаніемъ о потерѣ такихъ отличныхъ офицеровъ и о траурѣ, въ который облеклись всѣ семьи послѣ нея. Переправа послужитъ еще урокомъ для военныхъ, какъ доказательство, что одною храбростью солдата, признаннымъ мужествомъ офицеровъ, военными дарованіями маршаловъ и генераловъ нельзя поддержать армію при перемѣнѣ счастья, но лишь нравственная сторона ее создаетъ дисциплину и не ради внѣшности, чтобы тяготѣть надъ человѣкомъ, но по принципу чести, который возвышаетъ душу надъ невгодами, сближаетъ и связываетъ насъ для борьбы и заставляетъ блюсти честь государя, народа, арміи, а не частныхъ лицъ.

Преслѣдованіе непріятеля до Вильно и внѣ границы.

Въ то время, когда еще шло дѣло при Березинѣ, адмиралъ отдалъ приказаніе графу О'Рурку собрать всѣ малые отряды, разбросанные вправо отъ него, и идти съ ними къ тому мѣсту, на которомъ находился онъ самъ.

Въ силу этихъ распоряженій я направился на Брили, гдѣ мы провели ночь, армія слѣдовала за нами и при ней находился адмиралъ Чичаговъ вмѣстѣ со своею главною квартирою. Въ Бриляхъ главнокомандующій словесно приказалъ мнѣ преслѣдовать непріятеля съ величайшимъ усиленіемъ, дабы его утомить и истребить, и тамъ же онъ освѣжилъ мои силы многими полками, въ которыхъ я имѣлъ надобность для экспедиціи подобнаго рода.

Доброта адмирала простиралась далѣе моихъ просьбъ: онъ далъ мнѣ генерала графа О'Рурка, столь извѣстнаго своею храбростію и неутомимою дѣятельностію. Этотъ генералъ, во все продолженіе преслѣдованія, не переставалъ выказывать мнѣ величайшую свою преданность службѣ.

Вслѣдствіе приказаній адмирала, я выступилъ на слѣдующій день, и хотя нашелъ мостъ въ Зембинѣ разрушеннымъ, но это препятствіе меня ни на минуту не остановило. Я дошелъ до Зембина и прослѣдовалъ-бы еще далѣе, если бы не былъ стѣсненъ войсками генерала Платова, шедшими по тому же направленію; это доказываетъ, что уничтоженіе моста не могло воспрепятствовать непріятелю, также какъ и намъ, двигаться по этой дорогѣ.

Въ слѣдующій и послѣдующій дни мнѣ одинаково мѣшали и я не могъ протѣсниться. Единственная выгода, которую я извлекъ, заключалась въ томъ, что на второй день моя кавалерія имѣла счастье напасть на непріятельскую и захватить нѣсколько штандартовъ и между ними одинъ кирасирскій, съ надписью: „Аустерлицъ, Прейсишъ-Эйлау, Ваграмъ“. Я имѣлъ честь отослать его къ Чичагову чрезъ князя Меншикова, флигель-адъютанта его императорскаго величества, препоручая ему увѣдомить адмирала, что я не въ состояніи буду исполнить его желанія, если меня будутъ стѣснять въ моихъ предпріятіяхъ.

Непріятель остановилъ насъ въ Плещеницѣ своею кавалеріею и артиллеріею. Графъ О'Руркъ произвелъ атаку нѣсколь-

кими эскадронами павлоградцевъ и опрокинулъ непріятеля; холодъ усилился и хотя мы захватили много пушекъ и значительное число плѣнныхъ, но преслѣдованіе совершалось все-таки медленно. Тогда я счелъ своею обязанностію написать рапортъ въ главнокомандующему, чтобы побудить его въ отелоненію этихъ неудобствъ, и отправилъ его съ маіоромъ Храповицкимъ, офицеромъ, столь же знающимъ, насколько усерднымъ и дѣятельнымъ.

Адмиралъ настигъ насъ лично, впереди Молодечны, гдѣ непріятель пріостановилъ наше движеніе, и я получилъ приказаніе одинъ оставаться при авангардѣ и преслѣдовать непріятеля.

Надѣюсь, что если я съ этого времени позволялъ себѣ лишь нѣсколько часовъ отдыха, то у непріятеля ихъ было еще менѣе; преслѣдуемый, тревожимый, изнуренный усталостью и бессонницами, онъ постоянно несъ потери въ своихъ войскахъ, остававшихся на дорогѣ.

Въ началѣ моего преслѣдованія я старался собирать этихъ несчастныхъ, для отсылки ихъ въ главную квартиру, но по мѣрѣ моего движенія впередъ, я сообразилъ ихъ бѣдственное положеніе; число ихъ постоянно возрастало и съ тѣхъ поръ я не трудился даже брать ихъ въ плѣнъ, чтобы не отвлекать людей и не ослаблять своихъ силъ.

Я болѣе не останавливался до Сморгонъ, безпрестанно захватывая пушки, обозные фургоны и телѣги, и лишь близь этого мѣстечка у меня оспаривали дорогу, противопоставляя много пушекъ и пѣхоты.

Чтобы не терять времени, я внезапно направилъ на непріятеля кавалерійскую атаку, которую графъ О'Руркъ повелъ превосходно; не смотря на оказанное мнѣ сопротивленіе, дѣло окончилось разбитіемъ непріятеля; мы взяли 68 пушекъ и 2,800 человекъ плѣнныхъ съ ихъ оружіемъ.

Въ Сморгоняхъ я узналъ, что императоръ Наполеонъ рѣшился покинуть армію и удалился въ сопровожденіи небольшого кавалерійскаго конвоя подъ начальствомъ полковника Вонсовича; еще узналъ, что дивизія генерала Луазона, бывшая въ полномъ своемъ составѣ, прибыла изъ Вильно въ Сморгоны, чтобы прикрывать отступленіе усталыхъ и обезсиленныхъ французовъ.

Эта новость меня смутила и, думая, что мнѣ трудно будетъ вытѣснить непріятеля и даже продолжать мое преслѣдованіе

съ тою же силою, я увѣдомилъ адмирала о моемъ затруднительномъ положеніи и просилъ даже прислать генерала Мишѣ на случай, если найду препятствія въ Вильно; въ то же время я производилъ розыски, чтобы найти дорогу въ сторону, дабы могъ отрѣзать непріятеля и атаковать его съ фронта.

Такъ какъ дорога до Сморгонъ шла лѣсомъ, а морозъ закопалъ всѣ болота, мнѣ удалось съ двухъ сторонъ послать легкія войска въ тылъ непріятелю.

Генералы: Мещериновъ, Корниловъ, Уманецъ; полковники: графъ Левашевъ, Полторацкій, Красовскій, а главнымъ образомъ—графъ О'Руркъ, также и войска помогали мнѣ превосходно. Непріятельскій отрядъ былъ одновременно атакованъ съ фронта и съ тыла и до того ошеломленъ, что его совершенно истребили. Послѣ того мы преслѣдовали до Сморгонскихъ высотъ, на которыхъ находилась батарея изъ двѣнадцати орудій большого калибра въ упряжи и съ зажженными фитилями. Артиллеристы, видя себя, такимъ образомъ, окруженными, спросили, гдѣ находится ихъ аріергардъ, и въ это время войска наши вошли въ городъ, который удивился увида ихъ.

Я встрѣтилъ маркиза де-Кастри, адъютанта маршала Экмюльскаго, который спросилъ у меня, гдѣ находится ихъ авангардъ, а я, въ свою очередь, спросилъ, что случилось съ ихъ генералами. Въ этотъ же день я взялъ въ плѣнъ генерала Россиньола, чловека заслуженнаго и весьма разумнаго, множество экипажей, безчисленное количество пушекъ и массу плѣнныхъ.

Въ Сморгонахъ и Ошмянахъ наши войска почти совершенно истребили дивизію генерала Луазона, и съ этой поры преслѣдованіе сдѣлалось легче; я ускорялъ его изъ всѣхъ силъ и мнѣ не оставалось инаго рѣшенія, ибо иначе пришлось-бы умирать съ голоду, совершая это преслѣдованіе по дорогамъ вполнѣ раззореннымъ, гдѣ я не могъ надѣяться заpastись самымъ необходимымъ.

Наконецъ, послѣ быстрыхъ переходовъ, не останавливаемыхъ ни холодомъ, ни недостаткомъ въ провіантѣ и фуражѣ, войска наши вступили почти на плечахъ непріятеля въ предмѣстіе Вильно. Генералъ Ласкинъ, посланный мною съ отрядомъ, на такъ называемый Черный трактъ, прибылъ одновременно съ полковникомъ Сеславинимъ. Завязался упорный бой; непріятель

былъ такъ быстро тѣснимъ и наши пушки оказали столь поразительное дѣйствіе, что не только дорога къ Остро-Брамѣ была преграждена экипажами, пушками и лошадьми, но число мертвыхъ тѣлъ возрасло до такой степени, что я былъ принужденъ употребить три дня на расчистку дороги, чтобы по ней могъ проѣхать въ городъ главнокомандующій.

Въ тотъ же день я нашелъ случай ознакомить жителей города съ положеніемъ французовъ и возвѣстить имъ, что ихъ преслѣдуютъ войска его императорскаго величества, а потому городу необходимо остерегаться быть разграбленнымъ и разореннымъ.

Опасаясь, чтобы отчаянное положеніе непріятельской арміи не заставило ее сдѣлать какія нибудь насилія, отъ которыхъ могъ-бы пострадать городъ, я отозвалъ войска изъ предмѣстій и графъ О'Руркъ поставилъ ихъ наблюдать.

Ночью ко мнѣ пришелъ одинъ изъ жителей, желавшій узнать была ли эта атака произведена нашею арміею или партизанскими отрядами. Когда я его увѣрилъ, что арміею, онъ отправился ообщить эту вѣсть городу, причемъ я посоветовалъ ему предложить жителямъ баррикадироваться въ ихъ домахъ и держать непріятеля въ повиновеніи.

На другой день, на разсвѣтѣ, я съ моими войсками приближился къ Остро-Брамѣ, гдѣ завязалось дѣло, въ которомъ у меня вышло 300 человекъ убитыми и ранеными. Непріятельскія войска находились еще въ городѣ, когда, въ десять часовъ, было найдено мѣсто, гдѣ поврежденный частоколь облегчалъ входъ въ него.

Разъ это открытіе было сдѣлано, я направилъ къ тому мѣсту часть нашей пѣхоты, давъ ей въ предводители господина Малиновскаго, офицера главнаго штаба, съ приказаніемъ войти въ городъ, не слишкомъ углубляясь внутрь, дабы не завязывать дѣло, но только показаться. Тотчасъ же непріятель увидѣлъ, что ему остается только поспѣшить выступленіемъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ выходилъ изъ города, я подвигался впередъ и занялъ его.

Такъ совершилось взятіе Вильно, и городъ не могъ быть взятъ иначе, хотя генераль Теттенборнъ и имѣлъ притязаніе на то, будто бы онъ взялъ городъ съ 200 казаковъ и двумя эскадронами гусаръ.

Если кому дозволено приписывать себѣ честь этой побѣды, то конечно мнѣ, во первыхъ, потому, что я преслѣдовалъ непріятеля и не переставалъ его тревожить, а во вторыхъ, у меня были достаточныя силы, чтобы угрожать ему.

Однако же я никогда не имѣлъ смѣлости говорить, будто я взялъ городъ; но утверждаю, что я занялъ его. Слѣдующее донесеніе, отправленное мною къ адмиралу, лучше выяснитъ это дѣло. „Спѣшу поздравить васъ со взятіемъ Вильно, которое я имѣлъ счастье уберечь. Я нашелъ госпитали наполненные больными, много плѣнныхъ, до пятнадцати пушекъ, большое количество всякаго рода запасовъ, 11 или 12 главныхъ магазиновъ, наполненныхъ провіантомъ, и взялъ въ плѣнъ множество должностныхъ лицъ, разнаго рода, и захватилъ секретныя бумаги, но еще того болѣе нашелъ грязи, наводняющей улицы“. Вѣрно то, что если я не приписываю себѣ заслугу взятія города, то, по крайней мѣрѣ, могу имѣть притязаніе на честь его сохраненія, ибо мнѣ было гораздо затруднительнѣе спасти всѣ магазины, съѣстные припасы, всякаго рода запасы и даже городъ, наводненный такимъ множествомъ народу, — нежели взять его, ибо непріятель былъ такъ добръ, что его очистилъ. Я былъ принужденъ три дня подъ рядъ оставаться подъ ружьемъ и защищать имущество жителей, а также и магазины. Мнѣ удалось отыскать казну, секретныя бумаги и я, по приказанію адмирала, отдалъ ихъ главнокомандующему князю Кутузову, съ исправнымъ спискомъ денежныхъ суммъ, бывшихъ въ распоряженіи городского управления, а также и съ двумя боченками серебра, принадлежавшими непріятелю.

Предполагая, что я отказываюсь отъ чести взятія великаго числа плѣнныхъ, между которыми было много заслуженныхъ генераловъ, огромнаго числа пушекъ, значительной добычи, отъ самаго занятія Вильно, думаю однако же, что могу надѣяться на то, что никто не отважится мнѣ въ чести преодоленія препятствій, противопоставленныхъ мнѣ климатомъ и совершенною невозможностью добыть продовольствіе. Эти препятствія послужили главнымъ извиненіемъ непріятельской арміи.

Въ моемъ перѣ нѣтъ достаточныхъ силъ для начертанія въ ея истинномъ свѣтѣ ужасной картины страждущаго челоуѣчества, которая отъ Березинской переправы до Вильно представ-

лялась моимъ глазамъ. Воспоминаніе о ней для меня слишкомъ прискорбно, чтобы я могъ хладнокровно наложить все на бумагѣ; предоставляю этотъ трудъ перу болѣе привычному къ написанію во всей силѣ образа бѣдствія и отчаянія. Я ограничусь единственно замѣткою, что послѣ защиты правъ моего государя, я не могъ отказать въ чувствахъ жалости къ тѣмъ несчастнымъ, на которыхъ съ этой минуты я смотрѣлъ уже не какъ на враговъ, но какъ на жертвы, принесенныя непомерному властолюбію.

Наконецъ, послѣ взятія Вильно, непріятель былъ вытѣсненъ и въ теченіи четырехъ дней совершенно прогнанъ за черту нашихъ предѣловъ. Такъ-то наши войска, покрытыя славою, сумѣли защитить священныя права ихъ вѣры, ихъ государя и, глубоко тронутые милостію Превѣчнаго, мы пропѣли молебень въ свидѣтельство нашей признательности.

Заключеніе.

Результатъ этой кампаніи представляетъ вообще весьма любопытные факты для исторіи нынѣшняго вѣка. Съ одной стороны, видимъ счастливаго воина, рознесеннаго на степень государя, слѣпо полагающагося на свое счастье и стремящагося всѣми своими силами къ завоеванію и покоренію отдаленнѣйшихъ странъ; видимъ, какъ онъ будто въ дремотѣ относится къ послѣдствіямъ и не обращаетъ никакого вниманія ни на свою операціонную линію, ни на правила осторожности, настоятельно требующія мѣропріятій спокойныхъ и разумныхъ.

Съ другой стороны является во всемъ своемъ блескѣ государь великодушный, благодѣтельный и справедливый, одушевляемый самыми рѣдкими чувствами, совѣщающійся лишь со способами, основанными на глубочайшей мудрости, для отклоненія роковаго удара, который готовился нанести его имперіи величайшій врагъ его народа. Эта мудрость внушила государю нашему планъ, увѣчавшійся самымъ блестящимъ успѣхомъ.

Военная исторія можетъ вывести изъ сего много умовазключеній; самое же главное, (къ образованію существеннаго правила), заключается въ изслѣдованіи не только крупныхъ ошибокъ того,

который, поработивъ почти всю Европу, задумалъ покорить своей власти Россійскую имперію,—но и въ разборѣ, во всей подробности, причинъ истребленія прекраснѣйшей, закаленной въ бояхъ, когда либо существовавшей въ Европѣ арміи.

Выводъ ясно докажетъ, что армія погибла не отъ морозовъ и голода, но источникъ всѣхъ золъ таился въ нравственной порчѣ ея вождя, распространившейся чрезмѣрно и на всѣхъ прочихъ.

Съ той минуты, когда политическія снисхожденія допустили хищенія и несправедливости, личная выгода послужила основою и сдѣлалась главнымъ двигателемъ каждаго человѣка, уничтоживъ всякіе начатки дисциплины; императоръ Наполеонъ это замѣтилъ, но слишкомъ поздно; нѣсколько случаевъ правосудныхъ взысканій не могли помочь злу и пришлось бы ломать то, что наиболѣе было выгодно и содѣйствовало его видамъ. Его интересы этого не дозволили, и, съ этого времени, армія, самая почтенная, въ отношеніи воинской славы и блеска, развратилась до того, что уже и не вѣдала никакой мѣры. Она могла противустоять опасностямъ, ибо храбрость была ей свойственна, но не могла устоять предъ лишеніями, къ которымъ не привыкла; наконецъ, начала бороться за средство къ существованію, а такъ какъ правосудіе и порядокъ исчезли совершенно, то сильный одолѣлъ слабого и произошло то, что каждый, для добычи необходимаго, покидалъ свои ряды, и вслѣдствіе этого, при несчастіи, никого не оказалось на своемъ мѣстѣ.

Послѣ взятія Сморгонъ французы спрашивали у меня, гдѣ находится ихъ авангардъ, а я, въ свою очередь, спрашивалъ у нихъ, гдѣ остались ихъ генералы?

Одной дивизіи Луазона, недавно прибывшей въ Сморгонь, при томъ числѣ пушекъ, которыя были при ней, и выгодной позиціи, занимаемой ею, было бы достаточно, чтобы остановить не только меня, но и всю нашу армію и дать время войскамъ, предшествовавшимъ дивизіи, вступить въ Вильно и здѣсь, собравшись съ силами, выиграть у насъ нѣсколько дней.

Этого печальнаго примѣра достаточно, чтобы доказать каждому, что войска должны быть руководимы правилами чести и что во всѣхъ случаяхъ необходимо не дозволать имъ злоупотреблять ихъ силою, когда правительство доставляетъ въ избыткѣ

все необходимое; точно также должно наблюдать строгимъ окомъ, чтобы во всемъ былъ порядокъ.

Словомъ сказать, недостатокъ въ необходимомъ разстраиваетъ порядокъ гражданскій, но когда армія получаетъ все отъ щедротъ государя, всякое злоупотребленіе въ войскахъ должно быть подвергаемо взысканію, и не существуетъ того случая, который могъ бы дозволять своевольныя наглости, даже въ непріятельскихъ земляхъ.

Выгоды и прибыли, добываемыя войною, должны быть точно также наградою отъ государя за усердную службу, а не находиться въ распоряженіи частнаго лица, ибо вообще солдатъ, хорошо содержимый, кормленный и одѣтый—храбръ; разбогатѣвъ, онъ становится нерадивымъ и кончаетъ тѣмъ, что дѣлается трусомъ.

Генералъ Чаплинъ.

Письма генерала Чаплица къ адмиралу П. В. Чичагову.

I.

Пирмонтъ. ? августа, 1814 г.

Сожалѣю, что у меня нѣтъ необходимыхъ бумагъ для истиннаго изображенія всѣхъ движеній арміи, которою ваше превосходительство изволили командовать; я увѣренъ, что могъ бы тогда съ военной точки зрѣнія представить публикѣ дѣйствія, столь сильно повліявшія на успѣхъ кампаніи 1812 г., и не имѣлъ бы нужды прибѣгать къ уверткамъ, чтобы разубѣдить публику и привести въ скупеніе людей зложательныхъ.

Если ваше превосходительство признаете меня за человека способнаго изложить вѣрнѣе вашу кампанію, тогда пришлите мнѣ копии съ инструкцій, полученныхъ вашимъ превосходительствомъ отъ государя императора, и всѣ повелѣнія, до военныхъ операцій относящіяся, равно и журналъ приказовъ по разнымъ корпусамъ; тогда, по этимъ даннымъ, я занялся бы изображеніемъ картины военно-исторической.

Несправедливое обращеніе съ нашей арміей и предубѣжденное отношеніе къ разбору нашихъ дѣйствій меня вынудили оспаривать мнѣнія, явившіяся слѣдствіемъ заблужденій, въ которыя были введены наши судьи; одни указывали на ошибочныя движенія, другіе, еще того менѣе послѣдовательныя, досадовали на то, что Наполеонъ не былъ вѣтъ въ плѣнъ, заявляя громкогласно, что у него не было достаточно силъ для сопротивленія намъ. По истинѣ они были крайне удивлены, узнавъ, что численность его войскъ превосходила вчетверо число нашихъ, особенно въ ту минуту, когда его воображали себѣ бѣгущимъ во главѣ горсти людей безоружныхъ и упавшихъ духомъ. Но не частнымъ лицамъ произносить свой приговоръ надъ событіями историческими; публика можетъ быть введена въ обманъ лишь на минуту, она всегда кончаетъ тѣмъ, что восторгается людьми, съумѣвшими это заслужить.

Буду ожидать отвѣта вашего превосходительства касательно этого предмета и если таковой получу, то такимъ же образомъ пришлю къ вамъ копию съ моего очерка, составленнаго съ цѣлью заставить замолчать тѣхъ, которые невѣдомо Березинское дѣло и которые осмѣливаются посягать на добрую славу достойныхъ людей.

Въ эту минуту я только что получилъ ваше письмо чрезъ посредство г. барона Бюлера; благосклонный вашъ отзывъ обо мнѣ меня осласливилъ, потому что мое честолюбіе я всегда полагалъ въ томъ, чтобы заслуживать одобреніе моихъ начальниковъ.

Мнѣ, какъ человѣку, сражавшемуся подъ вашимъ начальствомъ, отрадно сознание, что, одушевляемъ будучи ревностью вашею, я исполнилъ свой долгъ со всѣмъ тѣмъ восторгомъ, которымъ вы такъ хорошо умѣете вдохновить. Примите, ваше превосходительство, мою чувствительнѣйшую благодарность за всѣ знаки довѣрія и уваженія, которыми вы меня почтили: дань моей признательности будетъ неразлучна съ благополучіемъ вашимъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и отиѣннымъ уваженіемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою Чаплица.

P. S. Такъ какъ очеркъ кампаніи не можетъ быть оконченъ безъ указанія на движеніе вашей арміи отъ ея выступленія изъ Бухареста до присоединенія къ корпусу генерала Тормазова, я прошу ваше превосходительство постараться прислать мнѣ обзоръ этихъ дѣйствій, со всѣми приказами, данными тогда начальникамъ разныхъ корпусовъ, равно и копіями съ инструкцій, вашимъ превосходительствомъ полученныхъ. Существенно нужно все это пробѣжать, чтобы доказать съ одного взгляда, насколько ваша точность была необходима и какую выгоду доставила она арміи генерала Тормазова, подвергавшагося тогда всеневно опасности быть опрокинутымъ къ Кіеву. Единственно прибытіе ваше исправило весьма важную ошибку генерала Тормазова, который, вмѣсто того, чтобы пользоваться своимъ удачнымъ дѣломъ подъ Кобринимъ,—взятіемъ въ плѣнъ генерала Клингера, имѣя возможность истребить корпусъ генерала Ренье, рисковалъ, вслѣдствіе своей нерѣшительности, лишиться своего корпуса и быть принужденнымъ отступить къ Кіеву.

II.

Ваше превосходительство, вы были столь добры, что сообщили мнѣ записки француза о березинской переправѣ, при чемъ вамъ угодно было, чтобы я сдѣлалъ къ нимъ мои примѣчанія.

Краткость времени, которымъ я могъ располагать въ бытность мою въ Лондонѣ, и счастье бесѣдовать съ вами помѣшали мнѣ удѣлить все необходимое вниманіе подробностямъ, изложеннымъ авторомъ на воззрѣніе читателя, считаю однако-же долгомъ обратить ваше вниманіе на одно событіе, о которомъ авторъ отзывается слишкомъ легко, тогда какъ оно, по существу своему, слишкомъ важно, чтобы не быть представленнымъ въ своемъ истинномъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что авторъ стоитъ на томъ, что народной молвы не слу-

шазеть, а однако-же должно обвиняеть и даже унижаетъ генерала Конопку, потерпѣвшаго поражение скорѣе изъ-за своей храбрости, нежели по недостатку осторожности.

Оперативныя дѣйствія на городъ Слонимъ должны быть разсматриваемы военнымъ историкомъ какъ дѣйствія приготовительныя къ операціямъ, слѣдовавшимъ одна за другою, обѣщая самыя благоприятныя результаты для нашей арміи. Успѣхъ на этомъ пунктѣ, одновременно со взятіемъ Полоцка и Тарутинскій дѣломъ, могъ весьма легко поколебать самыя рѣшительныя побѣдители и заставить ихъ опасаться за столь пространныя операціонныя линіи.

Толчекъ, который я счужѣлъ дать войскамъ, мною предводительствованнымъ, подъ вашимъ начальствомъ, ихъ малочисленность, показанная мною неприятелю, и быстрота, съ которою я совершилъ послѣдніе переходы (ибо я употреблялъ лишь 30 часовъ на переходъ пространства въ 80 верстъ), только и могли дать рѣшительный перевѣсъ, а отнюдь не небрежность неприятеля, растянувшаго тогда свои аванпосты на разстояніи до 24 верстъ.

По прибытіи моемъ, я нашелъ твердо стоявшаго неприятеля и если бы я не ускорилъ моего марша и не зналъ мѣстности, чтобы пересѣчь ее напрямикъ, то дѣло не могло бы имѣть важныхъ послѣдствій; я сбилъ неприятеля съ дороги, дѣйствуя одновременно на нѣсколькихъ пунктахъ почти всѣми моими силами и безконечно преслѣдуя его.

Въ этомъ сраженіи генераль Конопка не сдѣлалъ иной ошибки, кромѣ той, что, домогаясь дешевой славы, произвелъ нѣсколько выстрѣловъ, чтобы ознакомить съ пальбою людей молодыхъ, недавно имъ набранныхъ. Не въ Слонимѣ, какъ то утверждаетъ авторъ, взялъ я въ плѣнъ этого генерала, но только лишь послѣ преслѣдованія за городомъ болѣе 15 верстъ могъ я истребить его корпусъ и самого взять въ плѣнъ.

Этотъ отличившійся генераль имѣлъ несчастье скомпрометировать свою репутацію и нанести, быть можетъ, существенный вредъ той цѣли, которой онъ добивался, такъ какъ это дѣло, если ваше превосходительство примоните, нагнало паническій страхъ на Литву; мнѣ удалось въ одинъ день истребить четыре полка, которые формировались, а также и всѣхъ рекрутовъ, назначенныхъ къ набору въ различныя войска: этотъ паническій страхъ произвелъ столь сильное впечатлѣніе, что всѣ архивы изъ Гродно и изъ другихъ городовъ были немедленно перевезены въ Вильно. Этотъ же самый страхъ далъ мнѣ еще возможность исполнить ваши приказанія, а именно держаться нѣсколько недѣль на 200 верстномъ разстояніи отъ главнаго корпуса арміи, бывшаго подъ вашимъ начальствомъ. Тогда этотъ корпусъ былъ поставленъ въ необходимость маневрировать противу войскъ, предводимыхъ княземъ Шварценбергомъ и генераломъ Ренье; это движеніе, сдѣланное цѣлою вашей арміей, обмануло князя Шварценберга, думавшаго, что онъ имѣеть дѣло со всею

армію, тогда какъ подъ конецъ ему противостоялъ лишь корпусъ генерала Сакена.

Приводя это обстоятельство, я желаю обратить на оное вниманіе вашего превосходительства и дать вамъ случай поразмыслить о событіи великой важности, дурно изображенномъ авторомъ, но рѣшившимъ взятіе Минска и движеніе на Березину.

Если-бы я менѣе зналъ ваше превосходительство, я не отважился бы, можетъ быть, говорить о дѣлѣ, столь близко меня касающемся, но вы, генералъ, умѣющій такъ хорошо отличать людей, усердно служившихъ своему государю, вы, не ищущій иной славы, кромѣ желанія добиться всегда счастливаго исхода для отечества, вы, конечно, поревнуете о приданіи блеска событію, столь существенно важному, къ которому другіе отнеслись съ такою легкостью.

Будучи увѣренъ въ вашемъ образѣ мыслей, генералъ, я обращаюсь къ вамъ съ полною откровенностію, чтобы остановать вниманіе ваше на приписаніе рукописи, въ коемъ авторъ, повидимому, обвиняетъ меня. Не знаю, были-ли ваше превосходительство извѣщены о томъ критическомъ положеніи, въ которомъ я находился, когда ваше превосходительство, согласно съ волею главнокомандующаго всѣми арміями, направились на Игумень; вѣрно то, что я получилъ въ это-же время приказаніе графа Ланжерона, въ коемъ онъ принуждалъ меня покинуть постъ, мною тогда занимаемый, и слѣдовать за нимъ, чтобы прибыть на тотъ пунктъ, который ваше превосходительство желали занять. Сообразуясь съ движеніями непріятеля и будучи увѣренъ въ одобреніи вашемъ, я увидѣлъ себя вынужденнымъ сдѣлать возраженіе генералу графу Ланжерону, дабы онъ дозволялъ мнѣ наблюдать за этою мѣстностью; однако, не смотря на это возраженіе, тогда столь необходимое, я получилъ второе приказаніе, въ коемъ значилось, что по полученіи онаго я долженъ покинуть это мѣсто; не смотря на то, я держался своего рѣшенія и увѣдомилъ васъ, что непріятель готовится совершить переправу и что я почитаю обязанностію сохранить мой постъ до полученія вашего приказанія.

На другой день я увидѣлъ, что непріятель готовится къ постройкѣ моста, а такъ какъ морозъ былъ уже тогда довольно силенъ и, кромѣ того, рѣка была не широкая, то нѣсколько стрѣлковъ переправились на нашъ берегъ; я употребилъ всѣ усилія, чтобы ихъ опрокинуть, и, не смотря на ихъ ружейный огонь, мнѣ удалось отбросить ихъ и они понесли большой уронъ. Тогда непріятель, собравъ всѣ свои силы, разставилъ 40 орудій большого калибра, по возвышенностямъ, командовавшимъ мѣстностью, и открылъ огонь, безъ котораго ему было бы трудно выбить меня. Никонимъ образомъ нельзя винить меня въ томъ, что я не построилъ батарей, куда могъ располагать моею позицію, и авторъ неправильно понялъ мою защиту, ибо мои орудія не только дѣйствовали, но и все время причиняли большой вредъ, пока могли оставаться

на позиціи; батареи, составленныя единственно изъ легкой артиллеріи, покинули свои мѣста лишь подъ отвѣсными выстрѣлами непріятельскихъ орудій. Если бы у меня были пушки также большаго калибра, я не могъ бы употреблять ихъ, ибо почва занимаемой мною позиціи не была устойчива и, вѣсто того, чтобы намъ причинять вредъ непріятелю, послѣдній кончалъ бы тѣмъ, что сблизъ бы ихъ у насъ.

Въ доказательство, насколько авторъ плохо зналъ истинныя обстоятельства дѣла, скажу, что я въ этотъ самый день лишился офицера, которому оторвало ногу, и нѣсколькихъ канонировъ, и былъ принужденъ отступить, вслѣдствіе чего маршалъ Удино легко могъ занять позицію съ этой стороны.

Однако же, не смотря на перевѣсъ въ силахъ, я продержался 14 часовъ, оспаривая у непріятеля каждый шагъ, и не смотря на самыя упорныя стычки, онъ не могъ выбить меня изъ позиціи, которую я долгомъ почиталъ занимать до прибытія вашего превосходительства.

Авторъ сдѣлалъ еще одну ошибку, утверждая, что съ обѣихъ сторонъ было убито и ранено лишь 200 человекъ; я самъ имѣлъ несчастіе потерять въ этотъ самый день многихъ достойныхъ офицеровъ и свыше 500 человекъ убитыми и ранеными: взялъ въ плѣнъ болѣе 200 (ряд. ?) и 8 офицеровъ, между которыми находился гвардейскій капитанъ. Потеря непріятеля была гораздо значительнѣе нашей, въ чемъ ваше превосходительство сами убѣдились по числу убитыхъ и раненыхъ, найденныхъ на полѣ сраженія.

Позвольте замѣтить, генералъ, что эта война выходила изъ ряда обыкновенныхъ; честный человекъ, истиннымъ усердіемъ одушевляемый, не домогался наградъ, но всей своей мощью содѣйствовалъ правому дѣлу, чтобы быть въ состояніи удостоиться отличія предъ своимъ государемъ и своими соотечественниками.

Несправедливость, вложелательство и, быть можетъ, частныя выгоды нѣкоторыхъ лицъ, не имѣвшихъ иной цѣли, кромѣ той, чтобы себя выказать, были причинами ссужденія всѣхъ вашихъ дѣйствій.

Публика, желавшая тогда лишь истребленія непріятеля, будучи введена въ заблужденіе, повѣрила этому невыгодному слуху; есѣ дѣйствія вашего превосходительства подверглись нареканію и вслѣдствіе этого, лица, служившія подъ вашимъ начальствомъ, должны были естественно быть принесены въ жертву.

Авторъ рукописи, вѣсто того, чтобы придерживаясь главнымъ образомъ изображенія похода, вашимъ превосходительствомъ совершеннаго, въ его истинномъ свѣтѣ, слишкомъ сильно нападаетъ на генерала Брониковскаго, чтобы оцѣнивать дѣйствія ваши, какъ они того заслуживаютъ; онъ старается доказать, что если бы всякій иной былъ на мѣстѣ этого офицера, то города Минскъ и Борисовъ не были-бы взяты; слѣдовательно онъ не придаетъ никакого достоинства движеніямъ, исполненнымъ вашимъ корпусомъ. Если-бы онъ

занился просто доказательствами движеній различныхъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ по распоряженіямъ вашего превосходительства, каждый легко убѣдился бы въ томъ, что не было никакого средства удержаться въ Кайдановѣ, въ Минскѣ и въ Борисовѣ.

Генераль графъ Ламбертъ дѣйствовалъ на большой дорогѣ, поддерживаемый десяти тысячнымъ корпусомъ, шедшимъ по его слѣдамъ, подъ предводительствомъ вашимъ; я самъ достигъ праваго фланга, а генераль Вокновъ—лѣваго; слѣдовательно, это направленіе вашего корпуса должно было неприимѣннымъ образомъ сбить съ позиціи небольшой отрядъ, выдвинувшійся впередъ, а по его разсѣяніи городъ Минскъ, подвергшійся атакѣ и съ обѣихъ сторонъ фланкируемый, не могъ болѣе быть защищаемъ.

Авторъ полагаетъ, что генераль Домбровский могъ-бы поддержать тетъ-де-понъ у Борисова, если-бы генераль Брониковскій принялъ свои настоящія мѣры. Не знаю, имѣлъ-ли генераль Брониковскій власть заставить маршала Удино предтти въ Борисовъ, но разъ, если его тамъ не было, то и тетъ-де-понъ не могъ быть защищаемъ генераломъ Домбровскимъ. Графъ Ламбертъ, направляясь по прямой линіи къ Борисову, принудилъ генерала Домбровскаго занять этотъ пунктъ, тогда какъ я, по приказанію вашего превосходительства, дѣлалъ видъ, будто пересѣкаю ему дорогу, двигаясь между Игуменомъ и Борисовымъ. Слѣдовательно, успѣхомъ этого дѣла обязаны разумнымъ распоряженіямъ, а не ошибкамъ, которыя будто-бы надѣлалъ генераль Брониковскій, какъ то утверждаетъ авторъ.

Нѣтъ болѣе несчастія, какъ понести пораженіе отъ своего панегирика, а оно именно такъ и случается, при недостаткѣ точныхъ свѣдѣній о самыхъ существенныхъ вещахъ; по моему, авторъ судить отнюдь не съ военной точки зрѣнія; онъ слишкомъ мало освѣщаетъ ту ничтожную вѣроятность, которую имѣла армія, вашимъ превосходительствомъ предводимая, стать лицомъ къ лицу къ непріятелю для его уничтоженія“.

Сообщ. въ 1884 г. Л. М. Чичаговъ.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ его воспитателю К. К. Мердеру.

1833—1834 гг.

XXII ¹⁾.

Царское Село. 26-го августа 1833 г.

Наконецъ, вы насъ успокоили, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, письмомъ вашимъ еще изъ Бадена, въ которомъ вы пишете, что на другой день вы ѣдете въ Веве. Слава Богу, что у васъ большихъ припадковъ не было. Каждое утро и каждый вечеръ молю Всевышняго, чтобы Онъ возвратилъ васъ, мой милый другъ, совершенно здоровымъ; надѣюсь, что мои молитвы и всѣхъ васъ знающихъ будутъ услышаны.

Въ прошедшую субботу я остановился на томъ, что папа къ намъ возвратился совершенно неожиданно наканунѣ вечеромъ. Субботу провелъ онъ съ нами, совершенно какъ бы онъ не уѣзжалъ, но, къ сожалѣнію, онъ ночью же отправился уже сухимъ путемъ въ Шведъ, недалеко Стетина, для свиданія съ королемъ прусскимъ.

Воскресенья провели мы совершенно какъ прошлогоднія. Послѣ обѣдни мы хотѣли немного поохотиться.

Для того мы отправились въ Пулково, гдѣ охота находилась, ибо наканунѣ они застрѣлили 7 волковъ въ Каменкѣ. Пріѣзжаемъ туда и ничего не находимъ; это мнѣ удивительно какъ напомнило прошлый годъ.

Вечеромъ въ этотъ же день былъ вечеръ, на которомъ танцовали.

Въ понедѣльникъ, по приказанію папа, мы ѣздили осматривать кирасирскія казармы. Петя и Поля къ намъ пріѣхали вечеромъ, такъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1886 г., т. XLIX, февраль, стр. 399—410, т. L, май, стр. 359—370. Драгоценныя письма въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II, въ бытность его наследникомъ престола, къ К. К. Мердеру напечатаны съ подлинниковъ (46 писемъ): На оборотѣ многихъ изъ нихъ адресъ: „безцѣнному Карлу Карловичу“.

Ред.

какъ и въ суб. 22-го числа у насъ было 2 урока: одинъ фортификаціонный, а другой Арсеньева.

Вмѣстѣ съ этимъ былъ у развода, потомъ у обѣдни, потомъ за большимъ обѣдомъ и, наконецъ, на балу, на которомъ было очень весело.

Въ среду у насъ не было ничего особеннаго.

Въ четвертокъ мы ѣздили въ самый проливной дождь, въ Красное село, на практическое артиллерійское ученье. Я самъ наводилъ нѣсколько разъ и попадалъ; при этомъ мы осматривали и лабораторную часть; передъ нами дѣлали всѣ снаряды. Послѣ этого мы осматривали съ г. Христиани минныя работы, и передъ нами саперы сдѣлали маленькій участокъ сапы. Окончивъ все, мы пофриштыкали въ нашемъ домѣ, и, поблагодаривъ всѣхъ, отправились обратно въ Царское село, но не успѣли еще доѣхать до церкви, какъ вдругъ увидѣли Артамона, котораго папа отослалъ изъ Митавы; онъ мнѣ далъ письмо отъ него, которое я имѣлъ удовольствіе вручить мамѣ. Вчера у насъ погода поправилась, и мы воспользовались ею, чтобы побѣдять верхомъ. Мы побѣхали фриштыкать на павловскую ферму, съ моими тремя братцами, (при этомъ очутились) въ канавѣ, гдѣ я имѣлъ удовольствіе слетѣть вмѣстѣ съ лошадыю въ грязь. А. А. испугался, но я совершенно не ушибся, у меня была новая лошадь Ростопчинская, которая часто спотыкается на переднія ноги. Сегодня поутру мама беретъ меня на фриштыкъ къ Плещеевой, а на вечеръ я приглашенъ къ Кочубеевъ на балъ, по случаю именинъ Натали Кириловны.

Спѣшу окончить письмо, ибо уже 8 ч.

Прощайте, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, мама, сестрицы и всѣ наши вамъ кланяются. Мое почтеніе всѣмъ вашимъ. Цѣлую и обнимаю васъ искренно отъ всего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

XXIII.

Елагинъ. 6-го сентября 1833 г.

Благодарю васъ, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, за ваше письмо изъ Берна отъ 14-го августа, оно пріѣхало ко мнѣ 29-го и я считаю его самымъ лучшимъ подаркомъ для моихъ именинъ. Мы всѣ удивляемся, что вы не получаете нашихъ писемъ, хотя я каждую субботу вамъ писалъ; я не могъ писать только послѣднюю, ибо у меня не было ни минуты времени, и оттого я вамъ пишу сегодня, въ среду. Мы сердечно радуемся, что ваше здоровье поправляется. Я видѣлъ Мальцова, который намъ сказалъ, что онъ васъ нашелъ лучше, не-

жали до болѣзни, то-же самое сказалъ г. Жилль, вчера прїѣхавшій на пароходѣ. Мы ежеминутно ожидаемъ нашего добраго Василя Андреевича (Жуковского). Мама была очень рада, узнавъ, что вы гостили у почтенной М. И. Вильдерлицъ. Съ послѣдняго раза, какъ я вамъ писалъ, много кое-чего прошло. Въ субботу поутру завтракалъ у именинницы Плещеевой, въ Павловскѣ, гдѣ все попрежнему, а вечеромъ былъ на балу у К. Кочубея, въ честь Натали Кириловны, и я очень много веселился.

Въ воскресенье утро мы провели какъ обыкновенно, но на охоту не ѣздили, а просто верхомъ, въ графскую Славянку и въ Павловскѣ. Я получилъ отъ Альфре маленькую англійскую собачку, которая было убѣжала, но ее поймали. Вечеромъ въ этотъ день мы играли съ Петею и съ другими гостями въ казаки и чеченцы, на башнѣ, а потомъ былъ въ собраніи у мама. Въ понедѣльникъ вечеромъ прїѣхалъ нашъ милый принцъ Ольденбургскій съ Игнатьевымъ. Они намъ также дали о васъ извѣстія. Вообразите, я уже...

Къ сожалѣнію, я не могу продолжать письмо, ибо почта ѣдетъ.

Прощайте, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, мама, сестрицы, братцы и всѣ наши вамъ кланяются.

Обнимаю и дѣлаю васъ мысленно отъ глубины сердца. Александръ.

XXIV.

Царское село. 15-го сентября 1833 г.

Мы всѣ чрезвычайно удивлены, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, что вы все еще не имѣете отъ насъ извѣстій, мы себѣ это не можемъ объяснить. Прошедшую субботу я не могъ вамъ писать, ибо мнѣ точно не было времени, но я о васъ, мой милый другъ, очень думалъ; прошлый годъ пришелъ мнѣ на память, дай Богъ, чтобы подобнаго никогда не случилось. Въ этотъ день у насъ былъ балъ дѣтскій и фейерверкъ, и Костя щеголялъ въ черкесскомъ мундирѣ, ему подаренномъ папа.

Я вамъ, однако, ничего не сказалъ о 30 авг. Мы провели этотъ день совершенно какъ прошлаго года, но съ тою разницею, что были на Елагинѣ. Погода была чудеспѣйшая, настоящая июльская. Я ѣхалъ съ мама и съ Мери и съ (не разобрано) въ золотой каретѣ. Мама подарила мнѣ настоящую черкесскую лошадь, на которой я уже ѣздилъ нѣсколько разъ.

Но какой несчастный случай произошел у насъ въ прошедшее воскресенье! Мы поѣхали смотрѣть маленькое ученіе конвойныхъ линейныхъ казаковъ, которые вездѣ насъ сопровождаютъ; они были раздѣлены на двѣ части, одна на другую наскочила и командиръ ихъ, поручикъ Разсвѣтаевъ, былъ раненъ, недалеко отъ меня, пулею въ ногу насквозь, но, слава Богу, рана не опасна. Благодарю Бога, что Онъ меня отъ этого спасъ.

Осень у насъ довольно хороша; мы стрѣляли нѣсколько разъ въ цѣль, и сегодня по утру ходили на дупелей, но ни одного не убилъ. Я вамъ сегодня письма не доканчиваю, ибо мы ждемъ папа нынѣшнюю ночь, и я желаю, чтобы вы узнали объ его возвращеніи чрезъ мое письмо.

XXV.

16-го сентября, по утру.

Ожиданіе наше не сбылось, ибо папа не пріѣхалъ, но мы все-таки надѣемся его сегодня увидѣть. Вѣроятно, я вамъ въ будущемъ письмѣ объ этомъ напишу.

Прощайте, мой милый другъ, мое почтеніе Сарѣ Николаевнѣ и поклонъ всѣмъ вашимъ. Мама, сестрицы и братцы поручили мнѣ вамъ поклониться, равно какъ и А. А., В. А. Жуковский, который къ намъ пріѣхалъ въ воскресенье совсѣмъ здоровымъ; вы можете себя представить, какъ я былъ обрадованъ.

Всѣ наши вамъ также кланяются.

Прощайте еще разъ, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, обнимаю и цѣлую васъ искренно отъ всего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

XXVI.

Царское село, 22-го сентября 1833 г.

Въ прошедшую субботу писалъ я къ вамъ, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, что мы уже утромъ ожидали, но онъ ¹⁾ пріѣхалъ вечеромъ, только что мы успѣли выйти въ собраніе. Онъ, слава Богу, совсѣмъ здоровъ и пріѣхалъ сюда изъ Модлина въ 3 дня и 16 часовъ. Онъ смотрѣлъ тамъ всю дѣйствующую армію, которой онъ былъ чрезвычайно доволенъ. Онъ былъ также въ Варшавской цитадели, но не въ городѣ.

Изъ Мюнхена, Греца онъ привезъ мнѣ пару чудеснѣйшихъ пи-

¹⁾ Императоръ Николай.

столетовъ и штудеръ, который я уже и пробовалъ. Прошедшее воскресенье мы провели совершенно попрежнему и были на охотѣ, на которой однако-же, ничего не затравили и не видѣли. Вечеромъ былъ маленькій балъ. На этой недѣлѣ у насъ начались маленькіе частныя экзамены для Василія Андреевича и сегодня былъ у Арсеньева, которымъ онъ доволенъ. Папа и мама поѣхали вчера въ городъ, и мы ждемъ ихъ теперь каждую минуту.

Третьяго дня получилъ и я ваше письмо отъ 5-го сентября, въ которомъ вы говорите, что провели 30-ое число въ Женевѣ съ гж. Вильгорской. Я показывалъ оное папа, и онъ поручилъ мнѣ васъ поблагодарить за чувства ваши къ нему. Мы всѣ радуемся, что сильныхъ біеній сердца съ вами съ самаго отъѣзда изъ Берлина не было. Мы любопытны узнать, мой милый другъ, отчего вы ѣдете теперь въ Римъ на зиму, а не попрежнему—въ Ниццу. Не могу я вамъ, право, изъяснить на словахъ того нетерпѣнія, которое я чувствую, думая о вашемъ возвращеніи. Я бы желалъ, чтобы вся зима прошла точно также скоро, какъ теперь недѣли текутъ. Сегодня я письмо здѣсь оканчиваю, но завтра я буду продолжать.

XXVII.

23-го сентября (1833 г.).

Папа и мама вчера вечеромъ пріѣхали сюда и было собраніе, на которомъ теперь большею частью съ горъ катаются. Сегодня вечеромъ долженъ быть нѣмецкій театръ, новая какая-то актриса будетъ играть.

Г. Жиль къ вамъ также пишетъ сегодня. Теперь у насъ все пошло попрежнему, но васъ одного не достаетъ, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ. Я одною только мыслию утѣшаюсь, что наша разлука для вашей пользы и что, возвратившись, вы уже будете совершенно здоровы. Прощайте, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, мое почтеніе всѣмъ вашимъ.

Мама, сестрицы, братцы вамъ кланяются, равно какъ и В. А. Ж., А. А. Б., С. А. Ф., П. Д. Жиль, Экспаръ, Ю. Ф. Бар., Ш. К. Дун. и В. И. Дуб. и всѣ васъ любяще.

Обнимаю васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

XXVIII.

Царское село, 30-го сентября 1833 г.

На дняхъ получилъ я, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, письмо ваше отъ 10-го сентября, въ которомъ вы говорите, что у васъ опять было біеніе сердца въ тотъ же день, какъ прошлаго года тутъ, но слава Богу, что оно прошло безъ кровопусканія; какъ бы я желалъ, чтобы оно было послѣднее.

На этой недѣлѣ у насъ были экзамены передъ Василиемъ Андр. Онъ иными былъ доволенъ, но другіе могли бы быть лучше.

Я ни минуты не имѣю времени, чтобы продолжать сіе письмо. Итакъ, прощайте, мой милый другъ, всѣ наши вамъ кланяются.

Обнимаю васъ мысленно. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

XXIX.

Царское село, 7-го октября 1833 г.

Послѣднее письмо ваше, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, насъ еще болѣе успокоило и обрадовало. Дай Богъ, чтобы отъ винограднаго леченія вы совсѣмъ поправились.

Въ чувствахъ вашихъ ко мнѣ я давно увѣренъ и тѣмъ больше желаю, чтобы вы къ намъ возвратились, другъ мой, дабы сіи чувства не раздражали ваше сердце. Вы можете себя представить, какъ я жду сію минуту, когда намъ можно будетъ снова обнять другъ друга, уже не въ мысляхъ, а на яву.

Однако, я долженъ вамъ рассказать о томъ, что у насъ было на этой недѣлѣ. Мы оставались тутъ, и В. А. (Жуковский) былъ, кажется, доволенъ экзаменами.

Папа и мама со всѣмъ здѣшнимъ обществомъ ѣздили на три дня въ Гатчину на охоту. Въ четвергъ они возвратились, и мы поѣхали смотрѣть минные опыты Шильдера въ Красномъ селѣ, которые удивительно какъ усовершенствовались.

Сегодня папа ѣдетъ въ Петербургъ на парадъ тамошняго гарнизона. Но я на немъ не буду. Время меня торопитъ и я долженъ кончить. Прощайте, мой милый другъ. Папа, мама, сестрицы, принцъ Ольденбургскій и всѣ наши вамъ кланяются. Обнимаю васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

Мое почтеніе всѣмъ вашимъ.

XXX.

Царское село, 14-го октября 1833 г.

Черезъ послѣднее письмо ваше, мой милый безцѣнный другъ, и чрезъ г. Викулина, видѣвшаго васъ въ Веве, узнали мы, что виноградъ вамъ приноситъ пользу, дай Богъ, чтобы вы послѣ этого со-всѣмъ выздоровѣли. Снятіе винограда должно быть весьма любопытно, особливо для того, который никогда этого не видалъ. Слышала я, что Устиновъ васъ веселитъ, и радуюсь этому. Мы видѣли его стихи на вашихъ дѣтей.

Петя и Поля, какъ вы уже вѣрно знаете, ѣздить каждое воскресенье съ нами верхомъ и были нѣсколько разъ на охотѣ, но ничего не находили. Въ прошедшее воскресенье былъ парадъ кирасирамъ и гусарамъ, я былъ въ первомъ взводѣ и папа былъ обоими очень доволенъ.

Вчерашній день вамъ напоминаетъ, я думаю, прошедшій годъ; новорожденный Миша очень выросъ и скоро будетъ ходить. Сегодняшній день имѣетъ также воспоминаніе, но печальное. Не могу о ней хладнокровно вспомнить, она меня такъ любила. Павловскъ, нашъ милый Павловскъ, сколько въ немъ для насъ милыхъ воспоминаній, тамъ все попрежнему, но души не достаесть¹⁾.

Помните въ 1828 году, въ этотъ день, она была уже нездорова, и съ какою радостью она встрѣтила папа, возвращавшагося изъ Турціи. Этотъ день для васъ еще тѣмъ памятенъ, что васъ произвели въ генералы. Время однако-же меня торопитъ. Прощайте, мой милый безцѣнный другъ. Папа, мама, сестрицы и братцы и всѣ васъ любящіе вамъ кланяются.

Обнимаю и цѣлую васъ искренно отъ всего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

Мое почтеніе всѣмъ вашимъ.

¹⁾ Цесаревичъ воспоминаетъ о своей бабушкѣ—Императрицѣ Маріи Тео-доровнѣ род. 14-го окт. 1759 г. умерла въ окт. 1828 г. Ред.

XXXI.

Царское село. 21-го октября 1833 г.

Ваши припадки, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, насъ снова обезпокоили насчетъ вашего здоровья, но, слава Богу, что они были не сильны. Вы ѣдете на зиму въ Римъ, надѣюсь, что это пребываніе ваше въ Италіи васъ совершенно поправитъ, молю о семъ каждое утро, каждый вечеръ Всевышняго, и надѣюсь, что наши всеобщія моленія будутъ Имъ услышаны.

Письмо ваше, милый другъ, пручалъ я папа. Нынѣшній годъ мы остаемся долѣе въ Царскомъ селѣ, что для меня весьма пріятно. Въ будущую среду хотятъ, однако, уже возвратиться, и мы будемъ жить въ Аничковскомъ. Мы всѣ, слава Богу, здоровы, и желаемъ отъ всего сердца вашего скорого возвращенія и выздоровленія.

Прощайте, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ. Папа, мама и всѣ наши вамъ кланяются.

Обнимаю васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

XXXII.

С.-Петербургъ. 27-го октября 1833 г.

Пишу къ вамъ, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, уже не изъ нашего милаго Царскаго села, а изъ Аничковскаго дворца, гдѣ мы одной ногой живемъ въ первомъ этажѣ, а другой—въ третьемъ. Сплю я въ нашихъ старыхъ комнатахъверху, а учимся въ комнатахъ покойнаго графа Модена, и именно въ бывшей его гостиной. Мы переѣхали сюда въ среду 25-го числа, послѣ обѣда. Осенью нынѣшняго года мы никакъ не можемъ жаловаться. Погода намъ благопріятствовала до самаго послѣдняго дня, въ которъй мы даже успѣли поѣздить верхомъ, не смотря на маленькій морозъ. Наканунѣ, т. е. 24-го числа, мы ѣздили на панихиду въ Павловскъ. День этотъ и особливо ночь мнѣ весьма памятна, и я не могу вспоминать хладнокровно о нашей милой grand-maman, которая и васъ такъ любила. Слезы у меня неволью катятся изъ глазъ, когда я вспоминаю о счастливомъ времени, которое мы провели съ ней въ миломъ Павловскѣ. Зачѣмъ оно такъ скоро прошло и не можетъ больше воротиться! Теперь все перемѣнилось, даже и мы, мой милый другъ, не вмѣстѣ.

Прежде и мысль мнѣ въ голову не приходила, что мы когда нибудь будемъ разлучены. Зато, какъ намъ будетъ сладостно снова быть вмѣстѣ, прижать васъ къ моему сердцу и видѣть васъ опять у себя, а не въ Германіи, ни въ Италіи. Даѣ Богъ, чтобы зима, которую вы проведете въ Римѣ, васъ совершенно возстановила. Какъ я бы желалъ, чтобы зима наступающая прошла бы какъ сонъ, чтобы лѣто наступило и мы были вмѣстѣ.

Время наше мы проводили въ Царскомъ селѣ очень весело. Занятія по обыкловенію, а вечеромъ въ собраніи у мама, тутъ уже со-всѣмъ другое, и чрезвычайно до этихъ поръ скучно. Вчера мы ѣздили смотрѣть выставку картинъ въ Академіи художествъ, тамъ есть много прелестныхъ картинъ, особенно Брюлова, Шедрина и новаго художника Лебедева. Сожалѣлъ я очень, что вы ее не можете видѣть. Каждую минуту ожидаемъ мы отъ васъ писемъ. Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Сарѣ Николаевнѣ, Машенькѣ и Хотинскому. Папа, мама, сестрицы и братцы вамъ кланяются, такъ какъ и А. А., С. А., Ф. П., Л., В. А. Ж., Л. Р. Ек., Ю. Ф. Б. Ш., К. Д., В. И. Д., гг. учителя и мои товарищи.

Прощайте, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, цѣлую и обнимаю васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ Александръ.

XXXIII.

С.-Петербургъ. 4-го ноября 1833 г.

Вашъ новый припадокъ, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, передъ отъѣздомъ вашимъ въ Италію, насъ снова чрезвычайно испугалъ, но слава Богу, что онъ былъ такъ слабъ и обошелся безъ кровопусканія.

У насъ тутъ все устроено попрежнему: и прогулка, и фехтованіе, и верховая ѣзда, и гимнастика, и время удивительно какъ живо летитъ. Мы надѣемся получить отъ васъ письмо изъ Рима, даѣ Богъ, чтобы счастливо доѣхали. Вы знаете, мой милый другъ, какъ я васъ люблю, и потому не будете удивляться, что я съ такимъ нетерпѣніемъ жду снова лѣта, чтобы быть съ вами. Время меня торопить, и я долженъ непремѣнно кончить. Папа и мама и всѣ наши вамъ кланяются, мое почтеніе всѣмъ вашимъ. Прощайте, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, обнимаю васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ вѣрный другъ Александръ.

XXXIV.

С.-Петербургъ. 11-го ноября 1833 г.

Вотъ уже скоро двѣ недѣли, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, какъ мы не имѣемъ отъ васъ писемъ. М. Гаксфордъ одна получила письмо отъ Сары Николаевны изъ Милана, черезъ что мы узнали, что вы счастливо туда доѣхали. Надѣюсь теперь скоро имѣть отъ васъ извѣстiя уже изъ Рима. У насъ осень нынѣшняго года что-то весьма долго продолжается, снѣгу вовсе нѣтъ. На этой недѣлѣ мы праздновали двухъ именинниковъ—дядю и брата.

Въ этотъ день мы были въ Михайловскомъ дворцѣ у обѣдни, потомъ въ экзерцирхаузѣ былъ церковный парадъ Московскому полку. Въ 3 ч. былъ полковой обѣдъ, т. е. офицерамъ сего полка, также въ Михайловскомъ дворцѣ, и, наконецъ, вечеромъ было открытiе новаго Михайловскаго театра, близъ дворца. Русскую пьесу играли довольно глупую: Знакомые и незнакомцы, и балетъ—Амуръ въ деревнѣ. Театръ этотъ весьма хорошо и мило отдѣланъ. Вчера была въ Зимнемъ дворцѣ свадьба Ф. А. Безобразова съ К. Хилковой. Мы всѣ, слава Богу, здоровы, хотя у меня былъ маленькiй кашель.

Желалъ бы продолжать письмо, но не могу, ибо почта немедленно отправляется.

Папа и мама и всѣ наши вамъ кланяются. Обнимаю и цѣлую васъ отъ всего сердца, мой милый другъ. Вашъ навсегда Александръ.

XXXV.

С.-Петербургъ. 18-го ноября 1833 г.

Ждемъ каждую минуту, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, отъ васъ писемъ, ибо вотъ уже три недѣли, какъ мы не имѣемъ отъ васъ извѣстiй, что насъ очень беспокоитъ. Вы, вѣроятно, уже въ Римѣ и пользуетесь хорошою погодою, чтобы осмотрѣть примѣчательныя мѣста, которыхъ тамъ такъ много, тогда какъ мы тутъ въ своихъ комнатахъ, и видимъ только, какъ дымъ прямымъ столбомъ поднимается къверху, при 11 градусовъ мороза. Прошедшую субботу вода была такъ высока, что она во многихъ мѣстахъ показалась на улицахъ, и даже была здѣсь въ нашей банѣ, но къ счастью она скоро начала опускаться и вреда большаго не сдѣлала.

Занятiя у насъ идутъ попрежнему, но, къ сожалѣнiю, нѣкоторые

уроки на нынѣшней недѣлѣ я не хорошо зналъ, что мнѣ крайне при-
скорбно, ибо папа этимъ былъ недоволенъ. Чувствую, что мнѣ еще
очень трудно взять верхъ надъ собою, но надѣюсь, что послѣ нѣсколь-
кихъ усилій оно сдѣлается мнѣ легче и что тогда я буду всегда хо-
рошо и съ любовью исполнять мою обязанность, которая, конечно,
теперь мала, но будетъ со временемъ великая. Итакъ, надѣюсь, что
при возвращеніи вашемъ, мой милый другъ, вы меня найдете совсѣмъ
другимъ во всемъ дурномъ.

Прощайте, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ. Мое почтеніе
всѣмъ вашимъ. Папа, мама, сестрицы и братцы и всѣ васъ любящіе
вамъ кланяются. Обнимаю и цѣлую васъ мысленно отъ всего сердца.
Вашъ навсегда Александръ.

XXXVI.

С.-Петербургъ, 25-го ноября 1833 г.

Вы можете себѣ представить, милый, безцѣнный Карлъ Карло-
вичъ, нашу всеобщую радость при полученіи вашего письма отъ 28-го
октября изъ Флоренціи; мы изъ него увидѣли, что вы, благодаря
Бога, здоровы, и надѣетесь быть черезъ 5 дней въ Римѣ. Я вамъ
уже писалъ, мой милый, какъ мы о васъ беспокоились. Папа спра-
шивалъ меня каждое утро и каждый вечеръ, не имѣю ли я отъ васъ
писемъ, и поручилъ мнѣ, еще передъ своимъ отъѣздомъ, поклониться
вамъ, мой милый другъ. Вы, вѣроятно, удивитесь, что я говорю пе-
редъ своимъ отъѣздомъ, мы сами были въ такомъ положеніи
третьяго дня. Никто ничего не зналъ, какъ вдругъ папа намъ объ-
явилъ вечеромъ, въ 8 ч. въ четвергъ, что онъ ѣдетъ въ Москву ночью;
такъ и сбылось, и на другой день въ городѣ никто этому вѣрить не
хотѣлъ, тѣмъ паче, что папа былъ въ тотъ же вечеръ въ театрѣ. Мы,
слава Богу, здоровы и все еще въ Аничковскомъ дворцѣ. Съ четверга
у насъ установилась зима и санная дорога, но, вѣроятно, не надолго,
ибо уже таетъ.

Прощайте, мой милый, безцѣнный Карлъ Карловичъ, почта сей-
часъ ѣдетъ. Мама, сестрицы и братцы вамъ кланяются, равно какъ
и В. А., А. А., С. А., Л. Р., Ф. П., Ю. Ф. Б., Ш. К. Д., В. И. Д. и
мои товарищи. Мое почтеніе всѣмъ вашимъ. Обнимаю и цѣлую васъ
отъ всего сердца. Вашъ навсегда Александръ.

XXXVII.

С.-Петербургъ, 2-го декабря 1833 г.

На вынѣшней недѣлѣ получили мы, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, первое ваше письмо изъ Рима; слава Богу, что вы себя хорошо чувствуете и что припадки съ вами рѣже встрѣчаются. Въ прошедшемъ письмѣ писалъ я вамъ, что папа поѣхалъ въ Москву, а сегодня онъ уже возвратился и, слава Богу, здоровъ, и поручилъ мнѣ вамъ поклониться. Вы писали Семену Алексѣевичу, чтобы мы присылали вамъ письма черезъ курьеровъ, но такъ какъ они рѣдко ѣздить, то я вамъ пишу еще черезъ почту. Зима у насъ порядочная стоитъ, второй день что 15°; мы ходимъ гулять попрежнему, а я обыкновенно одѣваю казакскій чокмень. Мы, слава Богу, все здоровы и вашимъ все кланяемся. Прощайте, мой милый другъ, обнимаю и цѣлую васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ навсегда Александръ.

XXXVIII.

С.-Петербургъ, 9-го декабря 1833 г.

Послѣднія письма ваши, милый, безцѣнный Карлъ Карловичъ, насъ снова чрезвычайно перепугали насчетъ вашего здоровья, но, слава еще Богу, что вы обошлись безъ кровопусканія. Я вполне раздѣляю надежду вашу на Всевышняго и увѣренъ, что Онъ услышитъ всеобщія молитвы наши и возвратитъ васъ къ намъ совершенно здоровымъ. Это послѣднее письмо ваше получилъ я 5-го числа, послѣ того какъ я присутствовалъ при принятіи новаго турецкаго посла, Ахметъ-паши. 6-го числа былъ поутру, какъ обыкновенно, выходъ, на которомъ папа былъ въ казакскомъ мундирѣ, а дамы все въ русскихъ сарафанахъ, что было прелестно. Вечеромъ былъ балъ въ Бѣлой залѣ, на которомъ я чрезвычайно веселился. Поздравляю васъ напередъ съ Рождествомъ, ибо письмо мое, я думаю, пріѣдетъ къ вамъ не прежде сего времени; какъ мнѣ горестно, мой милый другъ, что я долженъ буду начать новый годъ безъ васъ; вотъ уже скоро годъ, какъ вы сдѣлались нездоровы, не могу хладнокровно думать о семъ ужасномъ времени, воспоминаніе о немъ мнѣ раздражаетъ сердце. Какъ за то будетъ для насъ пріятно и какъ мы будемъ счастливы, когда мы снова будемъ вмѣстѣ.

Я представляю себѣ, какъ вы будете вспоминать о насъ, осо-

бенно 14-го числа и потомъ 24-го, въ то время, когда мама будетъ раздавать намъ тутъ подарки. Однако, я перестану огорчать васъ и себя этими воспоминаніями. Прощайте, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, Папа, Мама, сестрицы и братцы вамъ кланяются, равно какъ и А. А., В. А., С. А., Л. Р., Ф. П., Ю. Ф. Б., Ш. К. Д. В. И. Д. и мои товарищи Мое почтеніе всѣмъ вашимъ. Обнимаю и цѣлую васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ навсегда Александръ.

Александръ Александровичъ нашъ былъ произведенъ 6-го числа въ генераль-лейтенанты.

XXXIX.

С.-Петербургъ, 16-го декабря 1833 г.

Послѣднее письмо ваше, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, получили мы во вторникъ 13-го числа; изъ него мы узнали, что вы, благодаря Бога, послѣднее время хорошо себя чувствовали; дай Богъ, чтобы оно такъ продолжалось, и я имѣю притомъ теперь еще большую надежду увидѣть васъ совсѣмъ здоровымъ; мнѣ сегодня еще ночью снилось, что вы возвратились уже совсѣмъ здоровымъ и что мы попрежнему снова вмѣстѣ. Дай Богъ, чтобы сонъ этотъ какъ можно скорѣе исполнился и на яву.

14-го числа я много о васъ думалъ, и вы можете себѣ представить, какъ мнѣ было жаль, что васъ въ первый разъ не было на молебнѣ. Боже мой, какъ время летитъ, какъ подумаю, что тому уже восемь лѣтъ, какъ вы были сдѣланы флигель-адъютантомъ. Поздравляю васъ, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, съ наступающимъ новымъ годомъ; какъ мнѣ снова прискорбно, что я начну его безъ васъ и что не вы мнѣ подарите книгу для моего журнала. Дай Богъ, мой милый другъ, чтобы вы его лучше провели, нежели 33-й, который вѣчно останется въ душѣ моей, ибо это первое, могу сказать, несчастье, которое я испыталъ въ жизни моей.

Прошу васъ поздравить съ тѣмъ же Сару Николаевну и всѣхъ вашихъ. Прощайте, мой милый другъ, письмо ваше вручилъ я папа, и онъ вамъ кланяется, равно какъ и мама, сестрицы и братцы.

Обнимаю и цѣлую васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ навсегда Александръ.

XL.

С.-Петербургъ, 30-го декабря 1833 г.

Вотъ уже послѣднее письмо, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, которое я вамъ пишу въ этомъ году; какъ я бы желалъ, чтобы оно было совсѣмъ послѣднее и чтобы мы были снова вмѣстѣ. Вы можете себѣ представить, мой милый другъ, какъ я о васъ думалъ во время нашего Weihnachts Abend. Я получилъ много хорошихъ подарковъ. Книги, ружье и фарфоровыя вазы, все было попрежнему и на прежнихъ мѣстахъ, одного только васъ и не доставало. Въ самое Рождество, по утру, была обыкновенная церемонія и молебень, которая чрезвычайно тронула добраго принца Оранскаго. Войско играло новую музыку на «Боже Царя храни», сочиненную Львовымъ, адъютантомъ Бекендорфа. Это придадо еще больше торжества. Вечеромъ въ этотъ же день танцовали у мама, въ ротондѣ, и я очень веселился. На другой день, не смотря на сильный морозъ, мы гуляли пѣшкомъ съ молодымъ принцемъ Оранскимъ, съ которымъ я совершенно познакомился. Къ обѣду были приглашены кадеты, съ которыми мы играли весь вечеръ. Въ третій день были живыя картины у Елены Павловны, представленныя сестрицами и двоюродными сестрицами. Всѣ были ими восхищены. Послѣ этого опять танцовали. Въ четвертъ уроки начались у насъ; однако, вечеромъ мы маскировались съ молодымъ принцемъ, который насъ очень забавляетъ. Вчера былъ балъ въ Аничковскомъ и я очень веселился. Завтра будутъ у насъ опять кадеты.

Прощайте, мой милый другъ, папа, мама, сестрицы и всѣ васъ любящiе вамъ кланяются. Мое почтенiе всѣмъ вашимъ.

Обнимаю и цѣлую васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ Александръ.

XLI.

С.-Петербургъ, 20-го января 1834 г.

Вы можете себѣ представить, мой милый другъ, какъ мы всѣ радовались, узнавъ изъ послѣдняго письма вашего, что вотъ уже три недѣли, какъ съ вами не было припадковъ; дай Богъ, чтобы они никогда не возвращались и чтобы вы могли къ намъ какъ можно скорѣе возвратиться уже совсѣмъ здоровымъ. Порученiе ваше къ папа я исполнилъ. Онъ вчера съ мама и съ принцемъ Оранскимъ поѣхалъ въ Петергофъ и сегодня они должны возвратиться. Въ прошедшую субботу мы ѣздили смотрѣть Murette de Portici, и сегодня опять поѣдемъ.

Оно мнѣ чрезвычайно напоминало Берлинъ. Сегодня поутру ходили мы слушать придворныхъ пѣвчихъ. Они пѣли новое «Боже Царя храни», которое удивительно какъ хорошо, и въ эту минуту, какъ я вамъ пишу, Вѣльгорскій это играетъ на фортепіанахъ, а молодой принцъ Оранскій аккомпанируетъ его. Вотъ слова:

Боже царя храни!
Сильный державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный!
Боже Царя храни!

Вы, вѣрно, любопытны знать, каковъ молодой принцъ Оранскій. Въ немъ есть много хорошаго, но онъ весьма бываетъ необдуманъ въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Прощайте, однако, мой милый другъ. Сестрица и всѣ наши вамъ кланяются. Мое почтеніе вашимъ. Обнимаю и цѣлую васъ мысленно. Отъ всего сердца вашъ навсегда Александръ.

XLII.

С.-Петербургъ, 10-го февраля 1834 г.

Въ прошедшее воскресенье получилъ я отъ васъ, мой милый, бездѣльный Карлъ Карловичъ, письмо ваше и маленькую мозаику каменной, за которую васъ отъ всего сердца благодарю. Сегодня получилъ я еще другое письмо, изъ котораго узналъ, что припадки, благодаря Бога, не возвращались; дай Богъ, чтобы съ этимъ и все кончилось и чтобы вы могли провести хоть конецъ лѣта со мною. Черезъ мѣсяцъ уже будетъ годъ, какъ мы съ вами въ разлукѣ,—памятный для меня день во многихъ отношеніяхъ и который я буду помнить всю жизнь. Это было первое испытаніе, которое на меня наложилъ Всемогуцій Отецъ.

Занятія у насъ, кажется, идутъ хорошо, по крайней мѣрѣ, я нахожу въ нихъ удовольствіе, къ чему мнѣ было чрезвычайно трудно пріучить себя, какъ вы сами это знаете. Я, благодаря Бога, здоровъ, но мама, вотъ уже недѣля, какъ страдаетъ головной болью. Съ молодымъ принцемъ Оранскимъ было весьма непріятное приключеніе: ему качелями свернуло совѣмъ ноготь съ пальца и онъ очень страдаетъ, однако, они хотятъ ѣхать во вторникъ. У А. А. родился сынъ Павелъ.

Прощайте, мой милый другъ, папа, мама, сестрицы и всѣ васъ любящія вамъ кланяются. Обнимаю и цѣлую васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ навсегда Александръ.

XLIII.

С.-Петербургъ, 17-го февраля 1834 г.

Вотъ уже цѣлая недѣля, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, какъ мы не имѣемъ отъ васъ писемъ. Мы это приписываемъ оставкѣ за рѣками; вездѣ, говорятъ, началась весна, даже у насъ уже вторая недѣля все постоянныя оттепели; послѣ ужасныхъ холодовъ, это непостоянство погоды причиною, что многіе у насъ больны. Мама также простудилась и двѣ недѣли страдала ужасными головными болями. Теперь ей лучше. Во вторникъ мы разстались съ принцами Оранскими, они оба очень были огорчены, и отецъ нарочно поручилъ мнѣ вамъ поклониться. Я, слава Богу, совсѣмъ здоровъ и занимаюсь попрежнему, однако, съ бѣльшею охотою. Извините мнѣ, мой милый другъ, что я вамъ такъ мало пишу, но у меня сегодня очень много работъ. Итакъ, прощайте. Папа, мама, сестрицы, братцы вамъ кланяются. Мое почтеніе всѣмъ вашимъ. Обнимаю и цѣлую васъ отъ всего сердца. Вашъ навсегда Александръ.

XLIV.

С.-Петербургъ, 24-го февраля 1834 г.

Послѣднее письмо ваше, милый безцѣнный Карлъ Карловичъ, получилъ я въ прошедшее воскресенье, поутру. Мы всѣ радовались, что вы, благодаря Бога, чувствуете себя хорошо, дай Богъ, чтобы это такъ и продолжалось и чтобы вы какъ можно скорѣе возвратились, ибо не могу вамъ выразить, мой милый, какъ мнѣ сердце разрываетъ эта мысль, что вы не будете тутъ къ 17-му апрѣлю, столь важному для меня дню. Ибо вы, я думаю, знаете, что я буду присягать въ день Пасхи, т. е. 23-го апрѣля, сперва какъ наследникъ, а потомъ какъ военный, и до этого дня осталось только 8 недѣль, но боюсь васъ, мой милый, этой мыслью огорчить и потому перейду къ тому, что у насъ дѣлается. Весна настоящая, снѣгу почти нѣтъ и за Неву начинаемъ бояться. Мы гуляемъ попрежнему, ѣздимъ верхомъ, фехтуемъ. На нынѣшней недѣлѣ, въ среду, мы ѣздили смотрѣть новую трагедію «Пожарскій», сочин. Кукольниковъ. Въ ней есть многія хорошія мѣста и особливо послѣдняя сцена, гдѣ избираютъ Михаила Романова и потомъ поютъ «Боже Царя храни» по новой музыкѣ.

Съ завтрашняго дня у насъ начинается масленица, а вечеромъ

будеть дѣтскій балъ у Елены Павловны, по случаю рожденія Мар. Мих., а въ Зимнемъ дворцѣ большой. Прощайте, мой милый другъ. Папа, мама, сестрицы и всѣ васъ любящіе вамъ кланяются. Мое почтеніе всѣмъ вашимъ. Обнимаю и цѣлую васъ отъ всего сердца. Александръ.

LXV.

С.-Петербургъ, 3-го марта 1834 г.

Пишу къ вамъ, мой милый, безцѣнный Карлъ Карловичъ, поутру сегодня, ибо вечеромъ будетъ у насъ дѣтскій маскарадъ, на подобіе прошлогодняго, и потому думаю, что у меня не будетъ много времени, тѣмъ болѣе, что мы эти послѣдніе дни масляницы ведемъ довольно безпорядочную жизнь.

Третьяго дня, вечеромъ, папа меня взялъ съ собою въ русскій театръ, въ «Горе отъ ума», что я въ первый разъ видѣлъ и очень смѣялся, оттуда мы съ нимъ еще заѣхали во французскій театръ, гдѣ мама была, и тамъ еще видѣли конецъ одной пьесы, ужасно отвратительной.

Вчера у насъ было много гостей и кадетъ въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ мы и обѣдали, и катались съ горъ, точно какъ прошлаго года, не смотря на то, что горы уже много пострадали отъ солнца, однако, мы очень веселились. Вчера же вечеромъ былъ у Волконскаго на балу и танцевалъ тамъ до втораго часу и потому сегодня такъ поздно всталъ. Завтра предстоитъ «dejeuner dansant», который, вѣроятно, продолжится отъ 2 ч. до 12 ч. в. Жду съ большимъ нетерпѣніемъ вашего письма сегодня вечеромъ или завтра поутру. Изъ послѣдняго вашего письма мы видѣли, что вы, слава Богу, здоровы; дай Богъ, чтобы это такъ продолжалось. Прощайте, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ. Папа, мама, сестрицы и всѣ васъ любящіе вамъ кланяются. Мое почтеніе вашимъ. Обнимаю и цѣлую васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ навсегда Александръ.

XLVI.

С.-Петербургъ, 10-го марта 1834 г.

Вотъ уже и 11-е марта, мой милый безцѣнный Карлъ Карловичъ. вотъ уже годъ, какъ мы въ разлукѣ. Воже мой, какъ время летитъ! Этотъ день я буду вѣчно помнить, это было первое испытаніе, наложенное на меня Богомъ, иначе я не могу этого считать. Въ нашей разлукѣ я одной только мыслью утѣшаюсь, что она для вашей пользы, чтобы возвратить вамъ ваше здоровье; дай Богъ, чтобы такъ и сбылось, и чтобы въ будущій годъ мы уже были вмѣстѣ. Сегодняшній день также для насъ памятенъ, какъ я помню, какъ я радовался, когда несъ къ вамъ отъ папа генералъ-адъютантскіе эполеты и аксельбанты. Представляю себѣ живо ту минуту, когда мнѣ можно будетъ васъ прижать къ сердцу; какъ бы я желалъ, чтобы эта минута была недалеко по той самой причинѣ, про которую я вамъ писалъ въ послѣднемъ письмѣ.

Изъ вашихъ послѣднихъ писемъ, мой милый другъ; мы съ радостью видѣли, что здоровье ваше поправляется; не могу вамъ изъяснить, какъ каждое подобное письмо всѣхъ насъ радуетъ, всѣхъ тѣхъ, которые васъ искренно любятъ.

Мама также вспомнила этотъ день и поручила вамъ сказать, что она надѣется, что вы возвратитесь къ намъ уже лѣтомъ совершенно здоровымъ. Не могу вамъ выразить, какое на меня сдѣлало впечатлѣніе это 11-е марта; оно нѣкоторымъ образомъ меня пережбило. Прощайте, мой милый другъ, папа, мама, Мих. Пав., принцъ Ольд., сестрицы, братцы, Вас. Андр., Алекс. Ал., С. А., Фед. Петр., Л. Ром., Ю. Ф. Бар., Шер. К. Дун., В. И. Дуб., Мими, всѣ гг. учителя и мои товарищи вамъ кланяются. Мое почтеніе Сарѣ Николаевнѣ, которая, я увѣренъ, въ этотъ день обо мнѣ вспомнитъ, и всѣмъ вашимъ. Обнимаю и цѣлую васъ мысленно отъ всего сердца. Вашъ навсегда Александръ.

Примѣчаніе. Считаемо необходимымъ оговорить, что напечатанное въ февральской книгѣ „Русской Старинѣ“ 1886 г., на стр. 404, письмо отъ 14-го апрѣля должно быть помѣщено ниже, въ письмахъ 1834-го года. Письмомъ этимъ оканчивается рядъ писемъ цесаревича Александра Николаевича къ его „безцѣнному другу Карлу Карловичу“. Мердеръ, къ величайшему горю его августѣйшаго воспитанника, скончался въ Римѣ 24 марта 1834 г. Ред.

ФЕТХ-АЛИ-ШАХЪ И ЕГО ДЪТИ.

Историческій очеркъ Ад. П. Берже ¹⁾.

1762—1834.

Это было въ Тегеранѣ. Въ одинъ июльскій день, когда полуденный зной значительно спалъ и въ воздухѣ замѣтно стала разливаться прохлада, я приказалъ осѣдлатъ лошадь и отправился за городъ. Я ѣхалъ на этотъ разъ съ цѣлью посѣтить Нигаристанъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ загородныхъ дворцовъ, построенный Фетх-Али-шахомъ.

Подѣхавъ къ саду, я черезъ полуразрушенныя ворота вступилъ въ главную аллею. Она тянется на довольно большое протяженіе и, упираясь на самой серединѣ въ прекрасную ротонду съ обширнымъ бассейномъ, раздѣляется на-двое. За ротондою боковыя аллеи опять сходятся въ главную, которая оканчивается у самаго дворца, стоящаго въ концѣ сада.

Дворецъ со всѣми къ нему пристройками довольно обширенъ. Изъ имѣющихся въ немъ двухъ залъ особенное вниманіе обращаетъ на себя тронная своєю стѣнописью. Прямо противъ входа изображенъ на стѣнѣ Фетх-Али-шахъ съ нѣсколькими стоящими

¹⁾ Между множествомъ статей и сообщений Ад. П. Берже, помѣщенныхъ въ „Русскій Старинѣ“ 1872—1886 гг., напечатаны двѣ обширныя его монографіи: А. С. Грибоѣдовъ какъ дипломатъ, 1827—1829 гг. („Русская Старина“ 1874 г., т. XI, изд. 1876 г., т. XVII) и Смерть А. С. Грибоѣдова („Русская Старина“ 1872 г., т. VI). Въ той и другой статьѣ часто упоминается о Фетх-Али-шахѣ, царившемъ въ то время въ Персіи. Помѣщаемъ здѣсь характеристику этого восточнаго владыки, напечатанную Ад. П. Берже въ 1860 годахъ въ одномъ изъ тифльскихъ изданій. Перепечатываемъ эту статью съ поправками покойнаго Ад. П. Берже.

Ред.

по сторонамъ его сыновьями; на боковыхъ же стѣнахъ знатнѣйшіе вельможи Ирана и нѣсколько европейцевъ, въ числѣ послѣднихъ Малькольмъ, сэръ Узлей и Моріеръ, авторъ Хаджи-Бабы.

Съ правой стороны отъ главнаго фасада есть низкій проходъ подъ сводомъ, ведущій на небольшой дворикъ, сообщающійся съ другимъ—большимъ, на которомъ находятся гаремныя помѣщенія. На первомъ дворикѣ, противъ устроеннаго посреди бассейна, возвышается искусственная подъ сводомъ и весьма крутая гора, вершина которой сообщается съ гаремомъ. О гаремныхъ собственно помѣщеніяхъ сказать нечего: это небольшія комнаты, ничѣмъ не отличающіяся одна отъ другой и состоящія изъ голыхъ стѣнъ, безъ всякихъ украшеній.

Что касается дворцоваго сада, то онъ принадлежитъ къ лучшимъ, какіе мнѣ случалось видѣть въ окрестностяхъ Тегерана. Роскошныя деревья, доставляющія чудную тѣнь, и разлитое въ воздухѣ благоуханіе отъ безчисленныхъ цвѣтовъ дѣлаютъ его безподобнымъ пріютомъ среди пустышной мѣстности отъ палящаго зноя Иранскаго солнца. Я долго бродилъ по запущеннымъ его аллеямъ и только привычка персіянъ съ первыми сумерками запираеть городскіе ворота могла меня заставить покинуть это очаровательное мѣсто.

Теперь Нигаристанъ забыть. Но за то въ былое время онъ служилъ однимъ изъ тѣхъ лѣтнихъ мѣстопребываній Фетх-Алишаха, гдѣ онъ такъ любилъ предаваться самымъ неожиданнымъ прихотямъ чувственныхъ наслажденій, которыя поглощали, можно сказать, всѣ его мысли, все его существо.

Во время пребыванія его въ Нигаристанѣ, описанный мною выше дворикъ съ бассейномъ обыкновенно устилался богатѣйшими коврами, и повелитель Ирана, сидя предъ бассейномъ и не выпуская изъ рукъ кальяна, со всею отличавшею его страстностью слѣдилъ за своими женами, которыя, скатываясь съ горы въ бассейнъ, одна передъ другою старались очаровать его сердце. Гора въ этихъ случаяхъ покрывалась дорогимъ бархатомъ.

Но прошли годы: всеокрушающее время наложило печать разрушенія на Нигаристанъ и только потѣхи его соорудителя, живя въ устахъ народа, служатъ и по нынѣ сюжетомъ для разсказовъ.

Знакомый съ Фетх-Алишахомъ по описанію путешественни-

ковъ, по рассказамъ старожиловъ-очевидцевъ и по безчисленнымъ историческимъ документамъ, я, однако же, нигдѣ еще не встрѣчалъ полной исторіи его жизни. Такой трудъ, безъ сомнѣнія, былъ бы въ высшей степени важенъ и это преимущественно въ виду той исторической судьбы, которая въ началѣ нынѣшняго столѣтія такъ тѣсно соединяла Персію съ нашими Закавказскими владѣніями. Но пока еще нѣтъ ничего цѣлаго,—всякое свѣдѣніе, сколь бы ничтожно оно ни было, не будетъ лишено интереса. Въ этомъ убѣжденіи и набросанъ настоящій очеркъ.

Фетх-Али-шахъ родился въ 1762 году, былъ сынъ Хусейн-Кули-хана и родной племянникъ Ага-Мамед-хана, родоначальника нынѣ царствующей династіи Каджаровъ. Имѣя не болѣе 3-хъ лѣтъ отъ роду, Фетх-Али лишился отца и жилъ при матери въ Астрабадѣ. Дядя его находился въ то время въ Иракѣ и велъ ожесточенную войну съ приверженцами Керим-хана Зенда († 1779). Война эта была еще далеко не окончена, когда онъ получилъ извѣстіе о непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ него брата его Риза-Кули-хана. Обстоятельство это заставило Ага-Мамед-хана поспѣшить въ Мазандеранъ. Прибывъ въ Астрабадъ, онъ взялъ къ себѣ Фетх-Али и младшаго его брата, родившагося недолго спустя послѣ смерти отца.

Между тѣмъ Ага-Мамед-ханъ, разбитый Риза-Кули-ханомъ, ретировался въ Сары, гдѣ и заперся. Но послѣ удачной осады со стороны противника долженъ былъ сдаться и, согласно волѣ его, поселиться въ Сефид-Кугѣ, гдѣ былъ порученъ надзору тамошнихъ старшинъ. Впослѣдствіи ему удалось оттуда высвободиться и вмѣстѣ съ Фетх-Али уйти въ Иракъ и тамъ снова поднять оружіе противъ Зендовъ и на этотъ разъ съ большимъ успѣхомъ. Съ усмиреніемъ зендскаго племени Ага-Мамед-ханъ уже не имѣлъ болѣе соперниковъ въ Персіи и потому, оставивъ правителемъ Фарса Фетх-Али, самъ отправился во вновь избранную свою столицу Тегеранъ и тамъ короновался. Вскорѣ послѣ того онъ выступилъ въ походъ противъ грузинскаго царя Ираклія II, раззорилъ Тифлисъ, а въ 1796 году объявилъ войну Ибрагим-хану Карабагскому. Передъ выѣздомъ изъ Тегерана онъ потребовалъ къ себѣ тамошняго губернатора Мирзу-Мамед-хана Каджара ¹⁾, которому и объявилъ о назначеніи наслѣдни-

¹⁾ Отецъ знаменитаго Асиф-уд-доула Алаяр-хана.

комъ персидскаго престола племянника своего Фетх-Али. Поручивъ послѣдняго его попеченіямъ, онъ предупредилъ его, что въ награду за эту услугу наслѣдникъ Фетх-Али долженъ будетъ жениться на его дочери ¹⁾).

Въ 1796 году Ага-Мамед-ханъ былъ убитъ въ Шушѣ и Фетх-Али, получивъ о томъ извѣстіе, оставилъ Ширазъ и, явившись въ Тегеранъ, при содѣйствіи Мирзы-Мамед-хана, безъ всякихъ затрудненій вступилъ на престолъ.

Фетх-Али-шахъ или, какъ его обыкновенно называлъ Ага-Мамед-ханъ и какъ онъ извѣстенъ въ официальныхъ документахъ—Баба-ханъ, по сказанію очевидцевъ былъ небольшого роста, имѣлъ выразительные глаза, вообще былъ очень красивъ, но въ особенности отличался бородою, считавшеюся самою длиною въ цѣлой Персіи. Государственными дѣлами Фетх-Али-шахъ занимался мало, чтобы не сказать, что вовсе ими не занимался. Но отличительною чертою его характера была непомерная жадность къ деньгамъ. Страсть эта развилась въ немъ до громаднѣхъ размѣровъ. И какъ императоръ Титъ считалъ потеряннымъ тотъ день, въ который онъ не могъ сдѣлать кому либо добра, такъ точно и Фетх-Али-шахъ съ грустью вспоминалъ день, въ который ничего не положилъ въ свой кошелекъ. Предоставивъ все управленіе государствомъ своимъ сыновьямъ и назначивъ ихъ въ губернаторы разныхъ провинцій, онъ, не входя въ самый образъ ихъ дѣйствій и мало заботясь объ участи своихъ подданныхъ, изнывавшихъ подъ бременемъ безграничнаго деспотизма, требовалъ отъ нихъ только денегъ. Но въ послѣдніе годы царствованія Фетх-Али-шаха, сыновья его, ожидавшіе со дня на день кончины отца, прекратили отправленіе денегъ, такъ что на одномъ правителѣ Фарса считалось недоимки въ 600,000 тумановъ (6.000,000 р. сер.). Такое поведеніе послѣдняго, нѣтъ сомнѣнія, навлекло на него гнѣвъ отца, который и выступилъ противъ непокорнаго сына. Но походъ этотъ имѣлъ для Фетх-Али-шаха весьма грустный исходъ: онъ занемогъ въ Испаганѣ, гдѣ и умеръ

¹⁾ Впослѣдствіи, дѣйствительно, наслѣдникъ Фетх-Али-шаха Аббас-Мирза женился на его дочери: отъ этого брака родился Мамед-Мирза, слишкомъ хорошо намъ извѣстный, чтобы о немъ здѣсь распространяться.

отъ истощенія силъ 13-го октября 1834 года, на 72 году отъ рожденія.

Упомянутая выше страсть къ деньгамъ была, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слѣдствіемъ той бѣдности, которою сопровождалось его дѣтство. Рассказываютъ, что у матери его не было никакихъ средствъ и что она зачастую не знала чѣмъ покрыть расходъ на дневную пищу. Какъ бы то ни было, но мнѣ кажется, что легче всего объяснить склонность Фетх-Али-шаха къ деньгамъ тѣми громадными расходами, которые поглощались его гаремомъ. Нигдѣ на Востокѣ полигамія не развилась въ такой силѣ, какъ въ Персіи. Въ Турціи она несравненно слабѣе. У насъ, на Кавказѣ, рѣдкій мусульманинъ имѣетъ двухъ женъ; о трехъ нечего и говорить. Это объясняется, съ одной стороны, недостаточностью привилегированнаго сословія, которому, очень понятно, подражаютъ прочія низшія сословія, а съ другой, нравами и образомъ жизни служащаго люда, большинство котораго исповѣдуетъ христіанство, вліяющее болѣе или менѣе на мусульманское населеніе.

Что касается собственно Фетх-Али-шаха, то можно положительно сказать, что со времени Ислама ни одинъ вѣщценосецъ, подобно ему, не могъ похвалиться такимъ громаднымъ гаремомъ, и мы имѣемъ полное право назвать его—и разумѣется, только въ этомъ отношеніи—Соломономъ ¹⁾ новѣйшаго времени. У Фетх-Али-шаха было слишкомъ 360 женъ, — цифру, которую иные возводятъ до 500.

Любимая жена его была дочь кебабчи (продавца жаренаго мяса на базарахъ), получившая отъ него титулъ таджи-доулетъ, т. е. вѣнецъ государства. Но выше всѣхъ по красотѣ и по происхожденію стояла очаровательная Ага-бегюм-Ага, дочь Ибрагим-хана Карабагскаго. Когда въ Тегеранъ прибыло отъ англій-

¹⁾ Склонность къ утѣхамъ чувственнымъ поработила и Соломона—мудрѣйшаго изъ дарей. Онъ имѣлъ 700 женъ и 300 наложницъ, хотя это было запрещено особымъ закономъ (Второзаконія гл. XVII; ст. 17). Между женами Соломона первая упоминается дочь Фараона (3 кн. Царствъ, XI, 1); онъ женился на ней, когда еще былъ вѣренъ истинному Богу. Можетъ статься, что она сперва признала съ нимъ этого Бога, но послѣ, пользуясь его слабостію, обратилась къ отечественной язмыческой религіи. (См. Церковно-Библейскую Исторію Филарета, изд. 1844 г., стр. 272 и 273). Ад. Б.

скаго короля Георга первое посольство, онъ привезъ, между прочимъ, письмо королевы съ богатѣйшимъ подаркомъ къ старшей женѣ шаха. Сначала были въ недоумѣнїи, которую изъ женъ признать старшею, но въ собравшемся по этому поводу особенномъ засѣданїи первенство осталось за Ага-бегюмою. Она получила подарокъ и сама написала отвѣтъ королевы.

При такомъ изобилїи женъ, нѣтъ сомнѣнїя, что и потомство Фетх-Али-шаха должно было быть очень многочисленное. И дѣйствительно, число его сыновей, дочерей и внуковъ нѣкоторые доводятъ до 1,000 ¹⁾.

Я помѣщаю здѣсь въ особой таблицѣ исчисленїе сыновей и дочерей Фетх-Али-шаха съ нѣкоторыми биографическими замѣтками, насколько я имѣлъ возможность ихъ собрать, и надѣюсь, что оно займетъ читателей, а въ особенности интересующихся новѣйшею исторїею Персїи.

Ад. П. Берже.

Дѣти Фетх-али-Шаха.

а) СЫНОВЬЯ.

1) Аббас-Мирза.

Наслѣдникъ престола.

Умеръ 10-го октября 1833 г. въ Маш'эдѣ.

2) Мамед-Али-Мирза.

Былъ правителемъ Кирманшаха и умеръ въ 1820 году.

3) Мамед-Кули-Мирза.

Съ титуломъ „краса государства“.

При отцѣ былъ правителемъ Мазандерана, а теперь живетъ въ Хамаданѣ.

4) Мамед-Вали-Мирза.

Былъ правителемъ: въ продолженїе 16 лѣтъ Хоросана, и 7 лѣтъ—Езда. Нынѣ живетъ въ Тегеранѣ.

¹⁾ У барона Федора Корфа, посѣтившаго Персїю въ 1834—1835 гг., число потомковъ Фетх-Али-шаха опредѣлено цифрою 935. (См. его Воспоминанїя о Персїи. Спб., 1838, стр. 139).

5) Хусейнъ-Али-Мирза.

Сначала царствованія Фетх-Али-шаха до восшествія на престолъ Мамед-шаха былъ правителемъ Фарса и въ первые годы царствованія Мамед-шаха скончался въ Тегеранѣ.

6) Хасан-Али-Мирза.

Съ титуломъ „геройство державы“.

При отцѣ былъ трижды правителемъ Тегерана, а потомъ Хорасана и Кермана. Послѣ смерти Фетх-Али-шаха его ослѣпили и привезли въ Тегеранъ, а оттуда отправили въ Адзербейджанъ. При Наср-эд-дин-шахѣ его опять привезли въ Тегеранъ, гдѣ онъ скончался.

7) Мамед-Таги-Мирза.

Съ титуломъ «мечъ державы».

При отцѣ былъ правителемъ Буруджирда. Въ началѣ царствованія Мамед-шаха его привезли въ Тегеранъ, а оттуда отправили въ Адзербейджанъ.

8) Али-Наги-Мирза.

Съ титуломъ «подпора державы».

При отцѣ былъ правителемъ Казвина, въ царствованіе Мамед-шаха привезенъ въ Тегеранъ, а оттуда отправленъ въ Адзербейджанъ. Изъ Адзербейджана онъ съ Али-шахомъ бѣжалъ сначала въ Россію, потомъ въ Англію, а оттуда перешагъ въ Кербелай.

9) Шейх-Али-Мирза.

Съ титуломъ «глава вѣщепосцевъ».

При отцѣ былъ правителемъ Меланра и Тусеркана, а при Мамед-шахѣ отправленъ въ Адзербейджанъ.

10) Али-Шахъ.

Съ титуломъ «тѣнь шаха».

При отцѣ былъ губернаторомъ Тегерана, а при Мамед-шахѣ отправленъ въ Адзербейджанъ, откуда вмѣстѣ съ Али-Наги-мирзою бѣжалъ.

11) Абдулла-Мирза.

Съ титуломъ «обладатель».

При отцѣ былъ правителемъ Хамса, потомъ смѣненъ и въ продолженіе всего царствованія Мамед-шаха жилъ въ Тегеранѣ.

12) Мамед-Риза-Мирза.

При отцѣ недолгое время былъ правителемъ Гиляна, а потомъ жилъ въ Тегеранѣ.

13) Имам-Верди-Мирза-Ильхани.

При отцѣ былъ начальникомъ придворной стражи, а въ царствованіе Мамед-шаха арестованъ и отправленъ въ Адзербейджанъ, откуда бѣжалъ съ Али-шахомъ.

14) Махмуд-Мирза.

При отцѣ былъ правителемъ Нехавенда, потомъ смѣненъ, а при Мамед-шахѣ арестованъ и отправленъ въ Адзербейджанъ, гдѣ и умеръ.

15) Хайдер-Кули-Мирза.

При отцѣ правитель Гюль-Паигана, потомъ былъ смѣненъ и отправленъ въ Тегеранъ.

16) Хумаюп-Мирза.

Послѣ Махмуд-мирзы правитель Нехавенда, смѣненъ при Мамед-шахѣ и привезенъ въ Тегеранъ.

17) Аллах-Верди-Мирза.

При отцѣ былъ правителемъ Бастама, а въ началѣ царствованія Мамед-шаха бѣжалъ въ Стамбуль и въ 1260 (1844) году умеръ въ Дамаскѣ.

18) Исмаил-Мирза.

Сначала правитель Тершява, потомъ Бастама, а въ царствованіе Мамед-шаха арестованъ и отправленъ въ Тавризъ.

19) Ахмед-Али-Мирза.

Жилъ постоянно въ Тегеранѣ, гдѣ и умеръ при Наср-эд-дин-шахѣ.

20) Али-Риза-Мирза.

Жилъ постоянно въ Тегеранѣ и умеръ въ Меланрѣ, куда ѣздилъ при Наср-эд-дин-шахѣ.

21) Кей-Кобад-Мирза.

До 1275 (1858) года жилъ постоянно въ Тегеранѣ.

22 и 23) Бехрам-Мирза и Шапур-Мирза.

До самой кончины жили въ Тегеранѣ.

24) Мелик-Касим-Мирза.

При Фетх-Али-шахѣ и Мамед-шахѣ жилъ постоянно въ Адзербейджанѣ; при вступленіи на престолъ Наср-эд-дин-шаха былъ правителемъ названной провинціи и скончался нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ Тавризѣ. Мелик-Касим-мирза принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ персіянъ: онъ довольно хорошо говорилъ по французски (которому учился у нѣкой *madame Lamarginière*) и по англійски; извѣстился на языкѣ русскомъ, которому выучился у нашихъ бѣглецовъ, а также армянскомъ и халдейскомъ, такъ какъ имѣлъ женъ и при нихъ служанокъ изъ этихъ племенъ. Кромѣ того онъ имѣлъ очень порядочныя свѣдѣнія въ медицинѣ, заимствовавъ ихъ у американскихъ миссіонеровъ въ Урміи. Въ особенности же Мелик-Касим-мирза имѣлъ репутацію отличнаго охотника. Мамед-шахъ въ теченіе своего царствованія приглашалъ его раза три или четыре въ Тегеранъ собственно для охоты.

- 25) **Мавучехр Мирза.**
Жилъ постоянно въ Тегеранѣ, гдѣ и скончался.
- 26) **Хурмуз-Мирза.**
При отцѣ былъ въ теченіи одного года правителемъ Соудж-булака. (Курдистанъ). Онъ скончался при Мамед-шахѣ въ Шимрунѣ.
- 27) **Мелик-Ириджд-Мирза.**
Жилъ постоянно въ Тегеранѣ; при Мамед-шахѣ получилъ назначеніе старосты въ мечеть Имама-Ризы въ Меш'эдѣ. Въ настоящее время также живетъ въ Тегеранѣ.
- 28) **Кей-Кавус-Мирза.**
При отцѣ былъ правителемъ Бума, а впоследствии переѣхалъ на жительство въ Тегеранъ.
- 29) **Шах-Кули-Мирза.**
Состоялъ въ свитѣ отца и въ этомъ званіи умеръ.
- 30) **Мамед-Мехти-Мирза.**
Постоянно жилъ въ Тегеранѣ, гдѣ и умеръ.
- 31) **Кей-Хосроу-Мирза.**
Считался въ свитѣ отца и въ этомъ званіи умеръ.
- 32) **Кеюмерз-Мирза.**
Съ титуломъ «отецъ царей».
Жилъ постоянно въ Тегеранѣ при Наср-эд-дин-шахѣ. Считается начальникомъ кадзарскаго племени.
- 33) **Джехан-Шах-Мирза.**
Жилъ въ Нехавендѣ въ зависимости отъ Хумаюн-мирзы и умеръ въ 1251 (1835) году въ Тегеранѣ. Джехан-Шах-мирза извѣстенъ обиліемъ оставленныхъ дѣтей.
- 34) **Судейман-Мирза.**
Жилъ въ Тегеранѣ, а въ царствованіе Мамед-шаха бѣжалъ въ Кербелай, гдѣ въ 1261 (1845) году былъ убитъ кочующими арабами.
- 35) **Фетх-Улла-Мирза.**
Съ титуломъ «лучъ государства».
При Фетх-Али-шахѣ былъ правителемъ Хамса. Нынѣ живетъ въ Тегеранѣ.
- 36) **Мелик-Мансур-Мирза.**
Жилъ постоянно въ Тегеранѣ и только иногда ѣздилъ въ Адзербейджанъ къ брату своему Мелик-Касим-мирзѣ.
- 37) **Бехмен-Мирза.**
Съ титуломъ «свѣтъ государства».
При отцѣ былъ правителемъ Семнана и Дамгана, а нынѣ живетъ въ Тегеранѣ.

- 38) Султан-Мамед-Мирза.
Съ титуломъ «мечъ государства».
Нѣкогда правитель Испагана. При Наср-эд-дин-шахъ былъ въ Кербелан, откуда возвратился въ Тегеранъ, гдѣ живетъ и понинѣ.
- 39) Султан-Селим-Мирза.
Постоянно жилъ въ Казвинѣ.
- 40) Султан-Мустафа-Мирза.
Постоянно жилъ въ Тегеранѣ
- 41) Сейф-Улла-Мирза.
Жилъ постоянно въ Тегеранѣ; при Мамед-шахъ былъ сдѣланъ правителемъ Семнана, а въ настоящее время опять живетъ въ Тегеранѣ.
- 42) Яхья-Мирза.
При отцѣ былъ правителемъ Гиляна, а въ послѣднее время царствованія Мамед-шаха поселился на жительство въ Тегеранѣ.
- 43) Мамед-Эмин-Мирза.
Постоянно жилъ въ Тегеранѣ.
- 44) Сахиб-Кран-Мирза.
Въ царствованіе Фетх-Али-шаха былъ начальникомъ артиллеріи; нынѣ живетъ въ Тегеранѣ.
- 45) Первив-Мирза.
Жилъ постоянно въ Тегеранѣ до назначенія его въ 1275 (1858) году правителемъ Себзеvara.
- 46) Мамед Хади-Мирза.
Постоянно жилъ въ Тегеранѣ.
- 47) Феррух-Сіер-Мирза.
Съ титуломъ «свѣтильникъ государства».
При Фетх-Али-шахъ былъ правитель Хамадана, а нынѣ старостою мечети въ Кумѣ. (Въ мечети этой находится гробница Фатмы, сестры Имама-Ризы, погребеннаго въ Меш'эдѣ).
- 48) Али-Кули-Мирза.
Съ титуломъ «опора государства».
Живетъ въ Тегеранѣ и занимаетъ должность начальника даруль-фенуна (сѣдалище наукъ)—высшаго учебнаго заведенія.
- 49) Султан-Ахмед-Мирза.
Съ титуломъ «плечо царства».
Постоянно жилъ въ Тегеранѣ и при Фетх-Али-шахъ носилъ только званіе Кашанскаго губернатора, безъ всякой власти.
- 50) Камран-Мирза.
До самой смерти жилъ въ Тегеранѣ.

51) Аббас-Кули-Мирза.

Въ царствованіе Фетх-Али-шаха и Мамед-шаха жилъ въ Тегеранѣ частнымъ человѣкомъ; при Наср-эд-дин-шахѣ же во время управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Мирзы-Садыка, племянника покойнаго перваго министра Мирзы-Ага-хана, былъ назначенъ правителемъ Халхала.

52) Аман-Улла-Мирза.

Постоянно жилъ въ Тегеранѣ, гдѣ и умеръ.

53) Нур-Улла-Мирза.

Жилъ постоянно въ Тегеранѣ, гдѣ въ 1250 (1834) году и скончался.

54) и 55) Джелал-Эд-Дин-Мирза и Султан-Хусейн-Мирза.

Постоянно жили въ Тегеранѣ.

56) Хан-Баба-Джехансуз-Мирза.

Постоянное пребываніе имѣлъ въ Тегеранѣ; при Наср-эд-дин-шахѣ пожалованъ въ чинъ полковника.

57) Оуренг-Мирза.

Постоянно жилъ въ Тегеранѣ.

б) Дочери-Фетх-али-шаха:

1) Хумаюн-Султан-Ханумъ.

Въ супружествѣ за Мамед-Ибрагим-ханомъ, сыномъ Мехти-Кули-хана и внукомъ Мамед-Хасан-хана, дяди Фетх-Али-шаха.

2) Алиэ-Бегюм-Ханумъ.

Въ супружествѣ за Касим-ханомъ, сыномъ Сулейман-хана Каджара, двоюроднаго брата по матери Ага-Мамед-хана. Она скончалась еще въ царствованіе отца.

3) Зейнаб-Ханумъ.

Жена Сулейман-хана Каджара.

4) Марьям-Ханумъ.

Жена Аллах-Яр-хана, дяди Мамед-шаха.

5) Туфгун-Ханумъ.

Жена Муса-хана, сына Мехти-Кули-хана Каджара.

6) Гоухер-Мелик-Султанъ.

Въ первомъ бракѣ была за Мамед-Эмин-ханомъ, сыномъ Мамед-Хасан-хана и внукомъ Джан-Мамед-хана Каджара. Онъ былъ убитъ кн. Мадатовымъ въ началѣ послѣдней Персидской войны. Послѣ его

смерти Гоухер-Мелик-Султанъ вышла за Мирва-Абдул-Басима каймакама, казненнаго Мамед-шахомъ при вступленіи на престоль. Гоухеръ-Мелик-Султанъ скончалась въ 1853 году въ дер. Зинджанабъ отъ холеры.

7) Фахр-Уд-Доулэ-Фахр-Джан-Ханумъ.

Жена Мирзы-Мамед-хана (брата Фетх-Али-шаха), съ которымъ послѣдствіи разошлась.

8) Зейнаб-Ханумъ.

Жена Мамед-Багир-хана, сына Хусейн-Кули-хана, брата Фетх-Али-шаха.

9) Умма-Сэлэмэ-Ханумъ.

Жена Зейнал-Абедин-хана, сына Хусейн-Кули-хана, брата Фетх-Али-шаха.

10) Зія-Ус-Селтэнэ.

Была женою министра иностранныхъ дѣлъ Мирзы-Мас'уда, а послѣ его смерти вышла вторично за Хусейн-хана-Ниваи-уд-доулэ.

11) Шах-Султан-Ханумъ.

Жена Мамед-Садик-хана, сына Мехр-Али-хана и внука Муртуз-Кули-хана.

12) Гоухер-Шад-Ханумъ.

Жена Али-Мамед-хана, сына Мамед-хана Каджара.

13) Иззет-Ниса-Ханумъ.

Жена Муса-хана, сына Хусейн-Кули-хана, брата Фетх-Али-шаха. Послѣ смерти его Иззет-Ниса-ханумъ вышла за Хаджи-Мирза-Агаси, перваго министра Мамед-шаха.

14) Хамдэм-Султан-Шахзадэ-Бегюмъ.

Жена Мамед-Садик-хана, сына Хусейн-Кули-хана, брата Фетх-Али-шаха. Послѣдствіи она развелась съ нимъ и вышла за Зеки-хана-Нури, визиря Фарскаго. Она скончалась въ царствованіе отца, во время путешествія въ Мекку.

15) Султан-Бегюм-Ханумъ.

Жена Мамед-хана, сына Мехти-Кули-хана Каджара. Она скончалась въ царствованіе отца.

16) Шемс-Баз-Ханумъ.

Жена Мирзы-Муса-хана, сына Мирзы-Безирга каймакама.

17) Исмет-Доулэ.

Жена Ибрагим-хана-назыря, сына Хаджи Мамед-Хусейн-хана, бывшаго перваго министра при Фетх-Али-шахѣ.

18) Валіэ-Хюсен-Джехан-Ханумъ.

Жена Аман-Улла-хана, валія Курдистанскаго.

- 19) Сөрви-Джехан-Ханумъ.
Жена Ага-хана, сына Шах-Халиль-Улла-мехеллати.
- 20) Таджли-Бегюмъ.
Жена Наср-Улла-хана, сына Ибрагим-хана.
- 21) Гоухер-Ханумъ.
Жена Рустем-хана, сына Ибрагим-хана. Послѣ смерти его Гоухер-ханумъ вышла за Шах-Рукха, другаго сына Ибрагим-хана.
- 22) Мах-Бегюм-Ханумъ.
Жена Гуламъ-Хусейн-хана супехдара, сына Юсуф-хана Гюрджи.
- 23) Сахиб-Султан-Ханумъ.
Жена Мирзы-Мамед-хана, сына Хусейн-Кули-хана, брата Фетх-Али-шаха. Она при Мамед-шахѣ развелась съ мужемъ.
- 24) Мелик-Султан-Ханумъ.
Жена Мехти-Кули-хана, сына Хусейн-хана сердара (Эриванскаго).
- 25) Шамс-Уд-Доулэ-Хуршид-Кулахъ.
Жена Низам-уд-доулэ, сына Мирза-Али-Мамед-хана, внука эмин-уд-доулэ Абдулла-хана, бывшаго садри-азама при Фетх-Али-шахѣ.
- 26) Мурассэ-Ханумъ.
Жена Мамед-Кули-хана (*grand maître des cérémonies*), сына Аглах-Яр-хана, дяди Мамед-шаха, по матери.
- 27) Кейсер-Ханумъ.
Жена Сулейман-хана, сына Мамед-Али-хана Авшара.
- 28) Феррух-Султан-Ханумъ.
Жена Мирзы-Гулам-шаха, сына Мир-Али-Наги-хана Финдрискинскаго, потомка Мирзы-Абдуль-Касима.
- 29) Хуршид-Ханумъ.
Жена Аббас-Кули-хана, сына Али-Мурад-хана Хамсэйскаго.
- 30) Сара-Султан-Ханумъ.
Жена Джехангир-хана, внука Хусейн-Кули-хана Авшара.
- 31) Зюбейда-Ханумъ.
Жена Али-хана, сына Рустем-хана, внука Мамед-Хусейн-хана Карагезлу.
- 32) Алиэ-Султан-Ханумъ.
Жена Али-хана мир-ахура, сына Иса-хана Семнанскаго, брата Зюльфикар-хана.
- 33) Шах-Джехан-Ханумъ.
Жена Мирзы-Абдуль-Баки (начальникъ астрономовъ), сына Хаджи-Ага-Еезюрга Гилянскаго.
- 34) Дирехшендэ-Гоухер-Ханумъ.
Жена Мирзы-Исмаиль-хана, сына Мирза-Ханлара Мазандеранскаго, государственнаго секретаря Фетх-Али-шаха.

- 35) **Моулуд-Султан-Ханумъ.**
Жена Риза-Кули-хана, сына Исмаил-хана, сердаря Тилайскаго.
- 36) **Ферзанэ-Ханумъ.**
Жена Хасан-Али-хана (trésorier en chef de S. M. le Shah), сына Дост-Али-хана, занимавшаго ту же самую должность при Фетх-Али-шахъ.
- 37) **Ага-Бегюм-Ханумъ.**
Жена Мирзы-Али-хана садр-уль-момалика, сына Молла-Али Аскара мулла-баши.
- 38) **Мах-Нуш-Леб-Ханумъ.**
Жена Мирзы-Наби-хана, эмир-низамы при Мамед-шахъ.
- 39) **Рухсарэ-Бегюм-Ханумъ.**
Она вышла замужъ за Мамед-хана эмири тумана, отца Мамед-Хасан-хана сердаря; послѣ его смерти за Мамед-Али-хана Макинскаго и, наконецъ, въ третій разъ за Амр-Аслан-хана, правителя Гилянскаго.
- 40) **Бедр-Джехан-Ханумъ.**
Жена Мухб-Али-хана Макинскаго.
- 41) **Мехр-Джехан-Ханумъ.**
Жена Мамед-Хасан-хана, сына Мамед-Касим-хана кулар-агасы.
- 42) **Бозм-Ара-Ханумъ.**
Жила при отцѣ и замужемъ не была.
- 43) **Мах-Табан-Ханумъ.**
Жена Мамед-Хусейн-хана, сына Мирзы-Наби-хана эмири-дивана.
- 44) **Мелик-Задэ.**
Замужемъ не была.

Сообщ. 2-го янв. 1886 г. Ад П. Берже.

КАВКАЗЪ И ЕГО ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Н. Н. Муравьевъ, кн. А. И. Барятинскій и гр. Н. И. Евдокимовъ

1854 — 1864 гг.

I.

Въ одной изъ главъ своихъ кавказскихъ воспоминаній генер. отъ инфантеріи М. Я. Ольшевскій касается трехъ лицъ: князя А. И. Барятинскаго, генерала Н. Н. Муравьева и графа Н. И. Евдокимова (см. „Русскую Старину“ 1880 г., кн. II).

Съ глубочайшимъ вниманіемъ и нѣсколько разъ прочиталъ я упомянутую статью. Какъ очевидецъ, по службѣ стоявшій недалеко отъ высшаго начальства, а слѣдовательно видѣвшій и знавшій многое изъ того, что происходило въ послѣдній періодъ Кавказской войны, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько поясненій къ тому, что сказалъ о помянутыхъ лицахъ генералъ Ольшевскій и что мнѣ лично хорошо извѣстно.

Вполнѣ и безусловно присоединяюсь къ мнѣнію автора о по войномъ и незабвенномъ на Кавказѣ князѣ Александрѣ Ивановичѣ Барятинскомъ, горячо любимомъ всѣми войсками и населеніемъ. Какъ полководецъ, онъ вполнѣ оправдалъ возложенное на него горячо любимымъ его монархомъ порученіе о покореніи Кавказа и оказанное ему полное довѣріе. Ему безусловно принадлежитъ въ исторіи самое видное мѣсто въ дѣлѣ покоренія всего Кавказа.

Мнѣ показалось нѣсколько страннымъ, что почтенный авторъ силится увѣрить кого-то, будто сомнѣвающагося въ томъ, что

планъ покоренія восточной части Кавказа принадлежалъ князю Барятинскому. Смѣю полагать, что усиліе это напрасно, такъ какъ изъ современниковъ никто въ этомъ не сомнѣвался. Есть еще въ живыхъ нѣкоторые изъ кавказскихъ генераловъ, утверждающіе, что когда осенью 1856 года князь Барятинскій ѣхалъ изъ Петербурга на новый постъ главнокомандующаго въ г. Тифлисъ, р. Волгою и Каспійскимъ моремъ, онъ вызвалъ съ лѣваго крыла кавказской линіи генерала Евдокимова въ г. Темиръ-ханъ-шурю и тамъ былъ рѣшенъ имъ въ главныхъ чертахъ планъ покоренія восточной части Кавказа при дѣятельномъ участіи послѣдняго. Это признавали естественнымъ, такъ какъ Евдокимовъ зналъ тотъ край лучше, чѣмъ баронъ Врангель, командовавшій въ немъ войсками и присутствовавшій на совѣщаніи, да и самъ князь Барятинскій, а свѣтлый умъ Николая Ивановича давно уже изучилъ какъ сильныя, такъ и слабыя стороны непріятеля, что все вполне было извѣстно и князю Барятинскому.

Затѣмъ, выполненіе этого плана вообще, особенно въ самой трудной его части, а именно: въ покореніи Большой и Малой Чечни, въ занятіи съ боя, съ неимоверными трудностями, длиннаго и почти неприступнаго Аргунскаго ущелья, въ которомъ, во многихъ мѣстахъ, по словамъ графа Евдокимова, многу отъ него слышаннымъ, приходилось взрывать скалы и расчищать путь для движенія войскъ съ артиллеріею и обозомъ; потомъ, во взятіи штурмомъ укрѣпленной резиденціи Шамиля — аула Веденя, чѣмъ было нанесено Шамилю окончательное пораженіе и въ дѣйствительности лишило его власти и вліянія на горцевъ, а также въ дальнѣйшемъ движеніи за бѣжавшимъ Шамилемъ въ Дагестанъ, что все такъ рельефно и подробно описано генер. Ольшевскимъ, — принадлежало безусловно уму, энергіи, желѣзной волѣ и непоколебимой твердости графа Евдокимова — это всѣмъ современникамъ было вполне извѣстно, также какъ и то, что все это признавалъ и самъ князь Барятинскій, исходатайствовавшій Евдокимову необыкновенныя награды, а именно: орденъ св. Георгія 3-й степ., брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, званіе генераль-адъютанта, золотую саблю съ алмазными украшеніями и, наконецъ, графское достоинство.

Въ высочайше утвержденномъ гербѣ новопожалованному графу изображены въ щитѣ: на правой сторонѣ, въ красномъ полѣ,

полуразрушенная батарея, а на лѣвой, въ голубомъ полѣ, золотая земледѣльческая борона. Щитъ съ лѣвой стороны поддерживаетъ филинъ, а съ правой—черкезь въ полномъ вооруженіи, имѣя въ правой рукѣ значекъ, на красномъ полѣ котораго изображено лѣвое орлиное крыло, внизу же щита, на красной лентѣ, самъ покойный государь соизволилъ начертать девизъ: „съ бою“, означавшій полученіе графскаго достоинства съ бою.

Извѣстно, что Вѣдень былъ взятъ 1-го апрѣля 1859 года, чему исполнилось 25 лѣтъ 1-го апрѣля 1884 года. Вдова графиня Александра Александровна Евдокимова пожелала освятить память этого, въ свое время важнаго, событія, приношеніемъ къ стопамъ государя императора поздравленія съ тогдашнимъ успѣхомъ нашего оружія. На это военный министръ прислалъ ей телеграмму слѣдующаго содержанія:

— „Письмо ваше я имѣлъ счастье всеподданнѣйше представить государю императору. Его величество поручилъ мнѣ благодарить васъ за поздравленіе по случаю двадцати-пяти-лѣтней годовщины взятія Вѣденя и изволилъ при этомъ съ благодарностію вспомнить о герояхъ Кавказской арміи, которые, подъ предводительствомъ покойнаго вашего мужа, прославили въ этотъ день русское оружіе однимъ изъ достославнѣйшихъ подвиговъ“.

Возвращаясь къ упомянутому проекту князя Барятинскаго о покореніи восточнаго Кавказа, я долженъ сказать, что всѣмъ извѣстно, что отъ составленія самыхъ прекрасныхъ и основательныхъ плановъ до ихъ выполненія — разстояніе весьма большое, такое большое, что нерѣдко эти планы остаются безъ всякихъ послѣдствій, а отъ неумѣлаго ихъ исполненія даже происходитъ большой вредъ. Примѣровъ тому военная исторія представляетъ не мало. Хотя почтенный авторъ въ своей статьѣ видимо желаетъ ослабить значеніе важныхъ и трудныхъ подвиговъ графа Евдокимова ссылкой на дѣлаемые ему будто-бы изъ Тифлиса бумажныя указанія и на выраженное яко-бы недовольствіе со стороны князя Барятинскаго за медленные дѣйствія, въ чемъ можно и не сомнѣваться, такъ какъ подобныя, весьма трудныя, предпріятія и не могутъ достигаться съ такою быстротою, какая казалась возможною въ Тифлисъ, а не на мѣстѣ дѣйствія, съ почти неодолимыми преградами, представляемыми самою природою и отчаяннымъ и упорнымъ сопротивленіемъ не-

пріятеля, боровшагося за свою жизнь; однако, все это, тѣмъ не менѣе, не можетъ умалить подвиговъ графа Евдокимова, разъ, что онъ выполнилъ планъ и вполнѣ достигъ предположенной цѣли, то всецѣло и относится къ нему лично и къ войскамъ, имъ предводимымъ. Есть еще въ живыхъ современники этого событія, которые утверждаютъ, что безъ Евдокимова князь Барятинскій никогда бы не достигъ такихъ блестящихъ и рѣшительныхъ результатовъ въ покореніи восточнаго Кавказа, потому что другаго такого генерала, какъ Евдокимовъ, по уму, энергіи, твердости характера и умѣнью выполнять подобныя предпріятія, въ распоряженіи князя Барятинскаго не оказывалось.

Въ высочайшей грамотѣ на имя графа Евдокимова, 17-го апрѣля 1859 года, сказано:

„Двухлѣтніе безпримѣрные труды храбрыхъ войскъ гѣваго крыла Кавказской линіи побѣдоносно увѣнчались взятіемъ сильно укрѣпленнаго аула Ведена. Овладѣніе этимъ мѣстомъ, которое, въ теченіи 14 лѣтъ было пребываніемъ главнаго предводителя непокорныхъ намъ горскихъ племенъ,—упрочиваетъ прибрѣтенные оружіемъ нашимъ услѣхи во вновь завоеванной странѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была доселѣ главная опора враждебной намъ силы, возводятся нынѣ штабъ-квартира Куринскаго пѣхотнаго полка. Относя столь отличное выполненіе предводительствуемыми вами войсками предначертанной для нихъ цѣли военныхъ дѣйствій къ боевой вашей опытности и превосходной воинской распорядительности, я пожаловалъ васъ, за взятіе Ведена, кавалеромъ ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-й степени, и въ воздаяніе долговременной, отличной боевой службы вашей на Кавказѣ и важныхъ воинскихъ заслугъ, сему краю оказанныхъ, возвелъ васъ указомъ, сего же числа правительствующему сенату даннымъ, въ графское Россійской имперіи достоинство съ исходящимъ потомствомъ“.

Нужно еще прибавить, что изъ современныхъ графу Евдокимову генераловъ, по происхожденію и по образованію выше его стоявшихъ, по признанію самого князя Барятинскаго, ни одинъ не соответствовалъ для выполненія его столь труднаго плана. Смѣю надѣяться, что съ этимъ согласится и самъ почтенный авторъ, генер. Ольшевскій. Заслуга князя Барятинскаго становится тѣмъ болѣе важною, что онъ не только составилъ основательный планъ, но и умѣлъ выбрать для выполненія его способнаго генерала, что не всегда и не всякому главнокомандующему удавалось.

Князь Барятинскій и графъ Евдокимовъ, одинъ — потомокъ древней великокняжеской династіи, а другой сынъ—крестьянина,

взятого по набору въ службу и дослужившагося оберъ-офицерскаго чина, изъ чего, однако, нѣтъ никакого повода презрительно называть его человѣкомъ будто-бы темнаго происхожденія, какъ то дѣлаетъ, въ присворбію, авторъ,—были оба чисто-русскіе люди и сослужили великую службу своему отечеству, покоривъ ему весь обширный сѣверный Кавказъ, равный многимъ изъ царствъ земныхъ, отдѣльно взятыхъ. Этимъ намъ, русскимъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ гордиться, что мы обязаны такимъ великимъ подвигомъ своимъ кровнымъ русскимъ героямъ, а не иноземнаго происхожденія. Изъ этихъ героевъ первый былъ представителемъ царской власти, а послѣдній—представителемъ того твердаго и незыблемаго гранитнаго фундамента, который называется русскимъ народомъ и изъ среды котораго вышли его герои-подвижники славы и величія дорогаго нашего отечества.

Дождутся-ли когда историческіе дѣятели на Кавказѣ—князь Бярятинскій и графъ Евдокимовъ—постановки памятниковъ, достойныхъ ихъ великихъ дѣлъ — сказать трудно. Оба они при жизни своей имѣли такъ много завистниковъ и враговъ, изъ коихъ не мало еще понынѣ здравствуютъ; оба они такъ недавно еще сошли въ могилу, что безпристрастная оцѣнка ихъ заслугъ пока невозможна, такъ какъ ненависть къ нимъ, особенно къ послѣднему, очевидно, еще и доселѣ далеко не остыла.

Изъ лицъ, недавно писавшихъ о графѣ Евдокимовѣ, М. И. Венюковъ полагаетъ поставить ему памятникъ за Лабою на Фарсѣ, а г. Зиссерманъ—въ Виденѣ или въ г. Грозномъ, гдѣ нанесено имъ Шамилю окончательное пораженіе. Это мнѣніе болѣе основательное. Но принимая во вниманіе, во-первыхъ, что указанная мѣста довольно глухія, мало вѣтъ изъ Россіи посѣщаемыя, а во вторыхъ, что западный Кавказъ покоренъ имъ самостоятельно, по собственному своему плану, кажется мнѣ приличнѣе поставить ему памятникъ въ г. Пятигорскѣ, какъ центральномъ пунктѣ на сѣверномъ Кавказѣ, куда стекаются посѣтители на минеральныя воды со всей Россіи и гдѣ находится его могила на видномъ мѣстѣ у соборнаго храма, какъ ниже описано. Что касается князя Бярятинскаго, то ему всего приличнѣе поставить памятникъ въ городѣ Тифлисѣ, на лучшемъ и видномъ мѣстѣ, а именно: на Гунибской площади, наименован-

ной такъ въ память плѣненія княземъ А. И. Барятинскимъ Шамила на горѣ Гунибѣ. Такъ думаютъ многіе изъ старыхъ соратниковъ князя Барятинскаго.

II.

О генералѣ Муравьевѣ М. Я. Ольшевскій въ Запискахъ своихъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“, такъ выразился: „Болѣе же всѣхъ радовались (увольненію Муравьева и назначенію князя Барятинскаго) служащіе, которые подавлены были холодною надменностью и ненормальнымъ упрямствомъ Н. Н. Муравьева“. Далѣе продолжаетъ: „Въ октябрѣ оба главнокомандующіе ѣхали по разнымъ направленіямъ. Старый выѣхалъ изъ Ставрополя тихо, скромно, безъ малѣйшаго сочувствія со стороны своихъ подчиненныхъ; самъ же онъ покидалъ Кавказъ съ сожалѣніемъ, какъ честолюбецъ, лишаящійся такой огромной власти и почестей“.

Будучи въ то время дежурнымъ штабъ-офицеромъ бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, я самымъ положительнымъ образомъ удостовѣряю, что выше сказанное авторомъ объ отъѣздѣ Н. Н. Муравьева изъ Ставрополя ошибочно; утверждаю это тѣмъ съ большимъ основаніемъ, что я лично принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ въ Ставрополѣ и въ проводахъ изъ него Н. Н. Муравьева съ семействомъ. Напротивъ, Н. Н. Муравьевъ былъ встрѣченъ въ Ставрополѣ и провоженъ изъ него, чрезъ день, до селенія Московскаго, за 30 верстъ отъ города, съ полнымъ сочувствіемъ и почетомъ.

При пріѣздѣ въ городъ, его встрѣтили: многочисленное городское общество, съ городскимъ головою, съ хлѣбомъ-солью, а также всѣ военные и гражданскіе чины и наличные дворяне съ губернскимъ предводителемъ, при чемъ былъ поставленъ у квартиры его почетный караулъ съ музыкою. Послѣ приѣма, тутъ же предводитель дворянства и городской голова, отъ имени своихъ сословіи, обратились съ просьбою къ Николаю Николаевичу удостоятъ принять отъ нихъ на другой день парадный обѣдъ, въ честь его, въ залахъ дворянскаго собранія, чтобъ проводить дорогаго гостя, по русскому обычаю, съ хлѣбомъ-солью. Николай Николаевичъ, видимо тронутый такимъ вниманіемъ,

съ удовольствіемъ изъявилъ на это согласіе. Въ этомъ обѣдѣ приняли участіе: губернаторъ генер.-лейт. Волоцкой, атаманъ линейнаго войска генер.-маіоръ Рудзевичъ и всѣ бывшіе въ городѣ военные и гражданскіе чины, а также много купечества и дворянъ, такъ что за столъ сѣло не менѣе трехсотъ персонъ.

Николай Николаевичъ пріѣхалъ къ обѣду съ супругою и двумя дочерьми дѣвцами; его встрѣтили у параднаго подъѣзда: губернаторъ, атаманъ, губернский предводитель дворянства и городской голова, съ хоромъ музыки, заигравшей маршъ. За обѣдомъ было выпито не мало тостовъ за здоровье дорогаго гостя и его семейства съ самымъ сердечнымъ пожеланіемъ ему добраго здоровья и счастливаго пути; при чемъ выражалось непритворное сожалѣніе о томъ, что онъ такъ скоро оставляетъ Кавказъ, такъ какъ всѣ благомыслящіе люди русскіе ожидали отъ Муравьева, какъ государственнаго мужа обширнаго ума и высокихъ нравственныхъ качествъ, по окончаніи войны, много полезнаго для этого богатаго и обширнаго края. Обѣдъ длился долго. По окончаніи его, всѣ бывшіе за столомъ встали съ своихъ мѣстъ и большою толпою почтительно проводили Н. Н. съ семействомъ до экипажа. Вечеромъ въ городѣ была иллюминація съ вензелемъ Муравьева. Предъ самымъ отъѣздомъ послѣ обѣда, къ Николаю Николаевичу обратился городской голова и всѣ бывшіе на обѣдѣ купцы съ просьбой принять отъ нихъ, на другой день, обѣдъ въ селеніи Московскомъ, за 30 верстъ отъ города по почтовому московскому тракту, а всѣ прочіе поддерживали эту просьбу заявленіемъ, что они всѣ желаютъ проводить дорогаго гостя до того же селенія. Николай Николаевичъ съ видимымъ удовольствіемъ на все это изъявилъ свое согласіе. Къ отъѣзду Н. Н. Муравьева были вытребованы изъ ближайшихъ станицъ четыре казачьихъ сотни 3-й ставропольской бригады, съ своими офицерами, въ полной парадной формѣ и съ развѣвающимися сотенными значками; утромъ, въ день отъѣзда Н. Н. изъ Ставрополя, эти сотни были выстроены предъ его квартирою, къ которой собралось не менѣе тридцати разныхъ экипажей, открытыхъ колясокъ, фэтоновъ, тарантасовъ и просто перекладныхъ, въ которыхъ сидѣло по нѣсколько человѣкъ, собравшихся провожать Н. Н. до селенія Московскаго. День былъ теплый, осенній, солнечный, великолѣпный. Весь этотъ кортежъ, за двумя

экипажами Муравьева, изъ коихъ въ одномъ легкомъ дорожномъ фаэтонѣ сидѣлъ самъ Н. Н., а въ другомъ, каретѣ—помѣщалась его супруга съ дочерьми, двинулся въ путь въ 9 часовъ утра. Какъ извѣстно, отъ г. Ставрополя до селенія Московскаго дорога идетъ по возвышенному горному плато, совершенно ровному, и была на ту пору сухая. Какъ только обогнули лѣсную вершину р. Ташлы, Холодный родникъ, верстахъ въ трехъ отъ города, казаки начали джигитовку съ стрѣльбою и продолжали ее, съ разными варіаціями и малыми перерывами для отдыха, до самаго селенія Московскаго.

На половинѣ пути произошелъ было не совсѣмъ пріятный случай. Во время разгара джигитовки, одинъ казакъ неподалеку отъ экипажа Н. Н. скакалъ во весь карьеръ. Вдругъ лошадь споткнулась о какой-то выдавшійся изъ земли камень и полетѣла черезъ голову, а съ нею, конечно, и всадникъ, котораго она вдобавокъ еще придавила при паденіи. Всадникъ оказался безъ чувствъ. Экипажи Муравьева и всѣхъ другихъ остановились. Многіе бросились къ упавшему казаку, лежавшему распростертымъ на землѣ. Николай Николаевичъ неторопливо вышелъ самъ изъ экипажа, приказалъ раздѣть казака, досталъ изъ бокового кармана своего скуртука ланцетъ, который онъ, повидимому, постоянно носилъ съ собою, открылъ казаку съ одной руки собственноручно кровь; черезъ нѣсколько минутъ человекъ очнулся и открылъ глаза.

— „Ну, теперь опасности нѣтъ; можно ѣхать далѣе“, — сказалъ Муравьевъ, и весь кортежъ двинулся далѣе, а казакъ оставленъ былъ на попеченіе пяти его товарищей, доставившихъ его благополучно домой, безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, благодаря своевременно открытой крови.

По приѣздѣ въ селеніе Московское, гдѣ уже были накрыты столы къ обѣду, въ довольно просторномъ домѣ одного обывателя, а частію на дворѣ, на открытомъ воздухѣ, вблизи самаго дома, всѣ тотчасъ разсѣлись по мѣстамъ. Обѣдъ прошелъ съ тѣми же тостами и сердечными изліяніями къ отъѣзжавшему и его семейству, какъ и въ Ставрополѣ. Наконецъ, обѣдъ кончился; всѣ встали съ мѣстъ, и кромѣ губернатора, атамана и предводителя дворянства, съ которыми Н. Н. простился въ комнатѣ, всѣ прочіе выстроились на дворѣ въ одну линію. Муравьевъ

вышелъ изъ дома, обошелъ всѣхъ провожавшихъ, благодарилъ за вниманіе и расположеніе къ нему нѣкоторыхъ, ближе ему извѣстныхъ, обнималъ и цѣловалъ, другимъ просто подавалъ руку.

Затѣмъ, прощанье кончилось, Муравьевъ съ семействомъ сѣлъ въ экипажи, еще разъ снялъ шапку, раскланялся со всѣми, снова благодарилъ за радушные проводы и, наконецъ, сказалъ:

— „Еще разъ прощайте! теперь я поѣду въ Россію уже какъ частный человѣкъ“.

Экипажи двинулись, а мы всѣ закричали дружно и продолжительно: ура!

Вотъ какъ выѣхалъ изъ Ставрополя Н. Н. Муравьевъ.

На сѣверномъ Кавказѣ многіе его любили за его правду и прямоту характера, чисто русскіе, тогда какъ въ Закавказскомъ краѣ, облагодѣтельствованномъ его предмѣстникомъ разными широкими милостями, напротивъ, относились къ нему холодно по той простой причинѣ, что Муравьевъ на подобныя милости былъ очень скупъ..., а былъ онъ скупъ потому, что съ народными деньгами, именуемыми казенными, онъ обходился такъ, какъ Петръ Великій, который говаривалъ, что онъ за каждый рубль, взятый съ народа на нужды государственныя, обязанъ дать отчетъ Богу.

Въ подтвержденіе этой бережливости Н. Н. Муравьева, приведу нѣсколько примѣровъ, лично мнѣ извѣстныхъ.

Какъ извѣстно, Муравьевъ прибылъ на Кавказъ, въ гор. Ставрополь, зимою въ февралѣ 1855 года. Отсюда онъ объѣхалъ, для подробнаго осмотра регулярныхъ войскъ казачьяго вооруженнаго населенія и знакомства съ враемъ, большую часть Кавказской линіи, а также и передовыя линіи: Лабинскую, Кабардинскую, Военно-Грузинскую и Сунженскую, прошелъ съ отрядомъ Малую и часть Большой Чечни до укрѣпленія Воздвиженскаго и крѣпости Грозной, а оттолъ проѣхалъ до моста на р. Терекъ у Николаевской станицы, отколъ возвратился во Владикавказъ и отправился далѣе въ Тифлисъ по Военно-Грузинской дорогѣ. Поѣздка эта длилась около мѣсяца.

На пятый день по выѣздѣ изъ Ставрополя чрезъ Прочный-окопъ, на Кубани, и Лабинскую станицу, на Лабѣ, поѣздъ нашъ направился вверхъ по этой рѣкѣ и прибылъ на ночлегъ въ укрѣп-

леніе Каладжинское, построенное на значительныхъ высотахъ Каладжинскихъ, надъ самою Лабою, омывающею эти высоты у ихъ подножія. Въ этомъ укрѣпленіи, по окончаніи войны упраздненномъ, былъ расположенъ тогда линейный баталіонъ полковника Кишинскаго.

Переночевавъ въ домѣ баталіоннаго командира, Муравьевъ на другой день утромъ осмотрѣлъ баталіонъ, произвелъ ему ученье, затѣмъ, обошелъ казармы, лазареты, цейхгаузы, мастерскія, кухни, отвѣдалъ пищу и къ 12 часамъ возвратился въ квартиру. Обогрѣвшись немного въ комнатѣ, вышелъ онъ на площадку передъ домою, съ которой открывался видъ на далекое пространство вверхъ и внизъ по Лабѣ и въ Залабинскую сторону. День былъ ясный, солнечный. Муравьевъ желалъ, хотя въ подзорную трубку, осмотрѣть мѣстность выше Каладжей, верстъ 7 по Лабѣ, на которой предположено было построить мостъ, необходимый для военныхъ сообщеній, о чемъ ему было доложено наканунѣ этого дня. Съ нимъ вышли на площадку: командовавшій войсками генералъ Козловскій, начальникъ праваго фланга генералъ Евдокимовъ, завѣдывавшій Кавказскимъ линейнымъ казачьимъ войскомъ, начальникъ штаба полковникъ Мейеръ, начальникъ Лабинской линіи полковникъ Войцицкій, наконецъ, полковникъ Кишинскій и вся свита, въ числѣ коей былъ и я, какъ старшій адъютантъ при Мейерѣ.

Осмотрѣвъ въ трубу мѣстность по указанію рукою генерала Евдокимова и сказавъ, что онъ хорошо видитъ и мѣстность, и частію приготовленный на берегу рѣки лѣсной матеріалъ для моста, Муравьевъ началъ такой разговоръ съ генералами Козловскимъ и Евдокимовымъ:

Муравьевъ: „Скажите, Викентій Михайловичъ, сколько на этотъ мостъ назначено суммы по инженерной смѣтѣ?“

Козловскій: „Двадцать четыре тысячи, ваше высококопр—во“.

Муравьевъ: „А кто будетъ строить мостъ?“

Козловскій: „Инженеръ, состоящій при Николаѣ Ивановичѣ (Евдокимовѣ)“.

Муравьевъ: „А за какую сумму вашъ инженеръ (обращаясь къ Евдокимову) полагаетъ возможнымъ построить мостъ?“

Евдокимовъ: „За дѣвѣнадцатъ тысячъ ваше высококопр—во“.

Муравьевъ: „Ну, а вы сами, Николай Ивановичъ, какъ находите эту сумму—достаточною?“

Евдокимовъ: „Я полагаю, что мостъ можно построить за шесть тысячъ.“

Муравьевъ: „Очень хорошо. А откуда берете лѣсной матеріалъ?“

Евдокимовъ: „Лѣсной матеріалъ заготавливается войсками изъ этихъ (показывая рукою) близъ лежащихъ лѣсовъ и перевозится къ мѣсту на полковыхъ казенныхъ подъемныхъ лошадяхъ“.

Муравьевъ: „Очень хорошо. А мастеровыхъ нанимаете вольнонаемныхъ, за какую плату?“

Евдокимовъ: „Мастеровые наряжаются на работы также изъ полковъ, положенные по штату“.

Муравьевъ: „Прекрасно. Стало быть, остается купить только желѣза для связей и винтовъ. А какой динны будетъ мостъ?“

Евдокимовъ: „Семьдесятъ сажень“.

Муравьевъ: „А по какой цѣнѣ продается у васъ тутъ на линіи желѣзо?“

Евдокимовъ: „Не выше трехъ руб. за пудъ“.

Муравьевъ (Немного подумавъ): „Значить на такой мостъ потребуется желѣза пудовъ 200“. (Небольшая пауза). „Знаете что, Николай Ивановичъ: я буду просить васъ, чтобъ этотъ мостъ былъ построенъ за шесть сотъ рублей“.

Евдокимовъ (громко): „Слушаю-сь, ваше высокопр—ство“.

И мостъ, дѣйствительно, былъ построенъ за 600 руб.

Послѣ этого Муравьевъ направился въ домъ, а за нимъ и всѣ прочіе, тотчасъ сѣли за обѣдъ, а по окончаніи его немедленно выѣхали обратно на Кубань. Къ этому нужно прибавить, что до Муравьева и послѣ него не мало строилось такихъ же мостовъ и укрѣпленій, такими же точно средствами и по такимъ же точно инженернымъ смѣтамъ, какъ выше описано, и никто въ то время и не думалъ ограничивать или сокращать расходъ на эти предметы такъ, какъ это дѣлалъ Муравьевъ, что всѣхъ, особенно заинтересованныхъ въ этихъ сооруженіяхъ, можно сказать, поразило.

Почтенный М. Я. Ольшевскій долженъ помнить хорошо, что въ дѣйствовавшемъ корпусѣ на кавказско-турецкой границѣ, подъ начальствомъ князя Василя Осиповича Бебутова, до при-

бытія Муравьева, были подняты цѣны на всѣ предметы продовольствія какъ интендантствомъ, такъ и частными начальниками — до баснословной высоты, т. е. въ нѣсколько разъ выше цѣнъ нормальныхъ, существовавшихъ до начала военныхъ дѣйствій, хотя войска наши еще не переступали границы, а были, такъ сказать, у себя дома, около г. Александрополя. Замѣчательно, что каждая война начинается прежде всего войною своихъ же противъ казны, т. е. противъ народнаго достоянія, и обнаруживаетъ самую возмутительную картину разнузданнаго грабежа ея, весьма чувствительно отзывающагося на народномъ благосостояніи очень долгое время. Эту дѣйствительность, въ свое время, въ числѣ немногихъ, понималъ вполнѣ Н. Н. Муравьевъ.

Какъ только прибылъ Муравьевъ въ Закавказскій край и ознакомился съ положеніемъ дѣлъ, онъ безотлагательно принялъ самыя энергическія и дѣятельныя мѣры къ лучшему обезпеченію войскъ продовольствіемъ и къ возможному сокращенію на него расходовъ, какъ извѣстно составляющихъ всегда самую огромную трату казны. Онъ убѣдилъ подрядчиковъ доставлять провіантъ по возможно умѣреннымъ цѣнамъ, а мѣстныхъ губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ, подѣ угрозой строгой отвѣтственности по законамъ военнаго времени, обязалъ оказывать подрядчикамъ личными своими дѣйствіями возможныя пособія къ отысканію у мѣстныхъ жителей хлѣба и склоненію ихъ на продажу за умѣренную цѣну. Когда мы съ генераломъ Рудзевичемъ пріѣхали въ Эривань, то не нашли дома губернатора генерала Назарова, который разъѣзжалъ по губерніи для исполненія этого самаго порученія.

Что касается фуражнаго довольствія всѣхъ лошадей кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и всякаго рода подъемныхъ, что обыкновенно лежитъ на обязанности и попеченіи всѣхъ частныхъ начальниковъ,—то для этого Муравьевъ установилъ таксу справочныхъ цѣнъ самую умѣренную, не превышавшую 15% выше цѣнъ нормальныхъ до войны и, такимъ образомъ, сбавилъ цѣну на овесъ или ячмень за четверть примѣрно съ 20 р. до 4-хъ и 5 руб. Такая мѣра вызвала, конечно, громкій ропотъ со стороны многихъ (но не всѣхъ) полковыхъ, батарейныхъ и другихъ командировъ, говорившихъ во всеуслышаніе, что они откажутся принять на свое попеченіе фуражное довольствіе. Но

Муравьевъ былъ непреклоненъ. Онъ приказалъ объявить, что если кто изъ командировъ откажется отъ фуражнаго довольствія своей части, то такового онъ немедленно уволить отъ должности, а на мѣсто его найдеть другаго, такого, который согласится поставлять это довольствіе по цѣнамъ, имъ утвержденнымъ. Всѣ знали, что Муравьевъ словъ на вѣтеръ бросать не любитъ, а потому всѣ недовольные поворчали, посудили, порядили, а отказываться отъ довольствія никто не осмѣлился. Полагая однако, что можетъ быть въ этомъ ропотѣ есть и доля правды, Муравьевъ посылалъ наказнаго атамана бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, генераль-маіора Рудзевича, въ декабрѣ 1855 года, для осмотра двухъ сборно-линейныхъ казачьихъ полковъ этого войска, расположенныхъ: одного около г. Александрополя, а другаго неподалеку отъ г. Эривани, по армянскимъ селеніямъ, и одной конно-артиллерійской батареи въ молдаванскомъ селеніи Воронцовѣ, — и поручилъ ему, при этомъ, на мѣстѣ по деревнямъ собрать секретно самыя точныя свѣдѣнія о существующихъ цѣнахъ на фуражъ и сдѣлать выводъ: достаточно ли на это назначенныхъ утвержденною имъ таксою цѣнъ?

И въ эту поѣздку, какъ и въ прежнія, Рудзевичъ взялъ меня съ собою. Въ то время я былъ еще старшимъ адъютантомъ въ чинѣ есаула. Я переодѣлся въ самую простую одежду и, подъ видомъ покупателя фуража, собралъ справки о цѣнахъ на него какъ на рынкахъ въ самомъ Александрополѣ и въ Эривани, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ. Мы сдѣлали изъ этихъ цѣнъ выводы, изъ коихъ оказалось, что сумма, назначенная Муравьевымъ на фуражъ, не только достаточна для покупки, но даже можетъ быть отъ нея еще и небольшое сбереженіе. Такіе выводы наши подтвердилъ прежде всѣхъ командиръ 1-го сборно-линейнаго казачьяго полка подполковникъ Петровъ (бывшій въ послѣднее время командиромъ 8 армейскаго корпуса и недавно скончавшійся въ Одессѣ), стоявшій съ полкомъ около Александрополя. Рудзевичъ, конфиденціально объяснивъ ему безпокойство главнокомандующаго на счетъ фуражнаго довольствія, просилъ его сказать откровенно: достаточно ли на это отпускаемой суммы или нѣтъ? Благородный Петровъ, какъ честный человекъ, объяснилъ, что не только этой суммы достаточно, но что изъ нея въ теченіи года составила у него экономія до четырехъ

тысячъ руб., которые онъ расходуетъ на снаряженіе бѣднѣйшихъ казаковъ одеждою и на покупку верховыхъ лошадей вмѣсто упавшихъ или убитыхъ, частію же издерживаетъ и на свое представительство, по ограниченности отпускаемаго ему содержанія и столовыхъ, по обязанности принимать у себя въ военное время всѣхъ офицеровъ (въ то время оклады были значительно менѣе противъ того, что отпускалось въ 1876—1877 гг.). То же самое и въ тѣхъ же выраженіяхъ подтвердили атаману потомъ и командиръ 2-го полка подполковникъ Казбекъ (умершій) и батареинный командиръ подполковникъ Есаковъ (нынѣ генералъ-майоръ, состоящій при войскахъ Кавказскаго военного округа). Обо всемъ этомъ было доложено Рудзевичемъ Муравьеву по возвращеніи въ Тифлисъ и онъ совершенно на этотъ счетъ успокоился.

Я бы могъ привести еще нѣсколько примѣровъ, подобныхъ описанному; но полагаю, что и сказаннаго вполне достаточно для того, чтобъ обрисовать вѣрно характеръ Муравьева по отношенію въ расходамъ казенныхъ денегъ.

Послѣдствіемъ такихъ мѣропріятій было то, что „почти въ двухлѣтнее управленіе свое Кавказомъ“ Муравьевъ, по его собственнымъ словамъ, сказаннымъ атаману генералу Рудзевичу въ Ставрополѣ, при прощальномъ визитѣ, „и имѣя на своихъ рукахъ войну съ Турціею, не только обошелся тѣми бюджетными средствами на военные и внутренніе расходы, какіе обыкновенно давались правительствомъ предшественнику его, князю Воронцову, въ мирное время, не только не требовалъ никакихъ денежныхъ добавленій, но еще, изъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ, пополнилъ долговъ, сдѣланныхъ за время управленія Кавказомъ князя Воронцова, полмилліона рублей, а уѣзжая изъ Тифлиса, сдать подъ квитанцію въ главное казначейство одинъ милліонъ рублей золотою монетою экономіи“.

Это я записалъ точныя слова Н. Н. Муравьева, которыя слѣдуетъ записать въ исторіи Кавказа золотыми буквами.

Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что Муравьевъ еще сдѣлалъ значительную денежную помощь 13-й и 18-й дивизіямъ къ устройству всѣхъ ротныхъ солдатскихъ артелей, совершенно разоренныхъ походами.

Вотъ каковъ былъ Н. Н. Муравьевъ, высоко-честный, вполне безкорыстный человекъ и глубоко религіозный христіанинъ, чуж-

дый всякаго тщеславія. Онъ принадлежалъ къ тому историческому семейству Муравьевыхъ, которое извѣстно всей Россіи своею высокою репутаціею. Такими людьми Россія только можетъ гордиться ¹⁾).

III.

Николай Ивановичъ Евдокимовъ.

Перехода къ описанію покоренія западнаго Кавказа, почтенный М. Я. Ольшевскій, къ глубокому присворбію, сдѣлалъ о покойномъ графѣ Николаѣ Ивановичѣ Евдокимовѣ такіе отзывы, въ которыхъ какъ бы проглядываетъ желаніе умалить значеніе важныхъ заслугъ его отечеству, вопреки явной ихъ очевидности и при томъ вполне признанныхъ покойнымъ государемъ, какъ это доказывается, кромѣ приведенной выше высочайшей грамоты 17 апрѣля 1859 года, относящейся къ покоренію восточнаго Кавказа, еще и другою, ниже приведенною, 15 іюня 1864 года, которою удостоилъ покойный государь графа Евдокимова послѣ покоренія западнаго Кавказа. Обращаясь же къ нравственной сторонѣ графа Евдокимова, авторъ заводитъ рѣчь издали, по слухамъ, на основаніи молвы, о томъ, что когда майоръ Евдокимовъ, еще молодой человѣкъ, былъ койсубулинскимъ приставомъ въ Дагестанѣ, гдѣ онъ впервые проявилъ особенно-отважную храбрость и получилъ двѣ тяжелыхъ раны, и гдѣ, замѣтимъ, авторъ въ то время, назадъ тому 43 года, вовсе не былъ, онъ, Евдокимовъ, будто бы выказалъ себя „небезкорыстнымъ“ дѣятелемъ, „хотя и умѣлъ приобрѣсти расположеніе и уваженіе дагестанцевъ за знаніе туземнаго языка и свою храбрость“.

На дѣлѣ оказывается, что и корысти-то, въ то время, не отъ кого и не чѣмъ приобрѣтать было. Извѣстно, что дагестанцы,

¹⁾ О Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ на стр. „Русской Старинѣ“ помѣщено нѣсколько характеристическихъ очерковъ, освѣщающихъ не только достоинства, но и недостатки этого историческаго, вполне достопамятнаго, русскаго дѣятеля. Настоящій очеркъ служитъ весьма важнымъ дополненіемъ къ этой характеристикѣ.

живущіе среди скалистыхъ, громадныхъ, голыхъ и бесплодныхъ горъ, народъ крайне бѣдный, но отважный; у нихъ, правда, есть кой-какой хлѣбъ, да зубы брѣшкіе и оружіе острое, а при такихъ условіяхъ „небезкорыстныхъ“ дѣйствія уже нѣкоимъ образомъ не могли вызвать въ нихъ уваженіе и расположеніе къ своему приставу, а скорѣе всего проявились бы въ нихъ чувства противоположныя. Въ этомъ тѣмъ болѣе нельзя сомнѣваться, что въ тѣ времена нерѣдко случались чисто-фанатическія убійства дагестанцами русскихъ людей, среди бѣлаго дня, какъ, напри- мѣръ: генераловъ Лисаневича, Грекова, раненіе генерала Джемардыдзе, убійство полковника Пастухова, окружнаго начальника и другихъ, даже до недавняго времени. Все это, очевидно, доказываетъ только, что съ дагестанцами и близкими къ нимъ сосѣдями, чеченцами, въ средѣ коихъ свили гнѣзда самыя враждебныя намъ мусульманскія ученія, чего вовсе не было у другихъ горцевъ, нужно было обращаться весьма осторожно и осмотрительно. До корыстныхъ ли тутъ выгодъ, когда нужно было зорко беречь свою собственную особу отъ фанатическихъ злодѣевъ и изувѣровъ, питавшихъ къ русскимъ самую адскую ненависть, поддерживаемую ихъ духовенствомъ? Оказывается, такимъ образомъ, что уваженіе и расположеніе дагестанцевъ, особенно въ то крайне смутное время, было прибрѣтено Евдокимовымъ не только храбростію и знаніемъ ихъ языка, что, понятно, сближало его съ горцами, но умнымъ и толковымъ ихъ управленіемъ; между тѣмъ таковое не всякому приставу удавалось, особенно при незнаніи туземнаго нарѣчія, причемъ безкорыстіе являлось само собою, какъ дополненіе къ тому. Объ Евдокимовѣ въ то время (я это очень хорошо помню, потому что былъ уже офицеромъ и полковымъ адъютантомъ) на всемъ Кавказѣ, даже на Кубани, не смотря на ея отдаленность, всѣ заговорили и именно какъ о человѣкѣ необыкновенно храбромъ, очень умномъ и находчивомъ, что все вмѣстѣ взятое и двинуло Евдокимова быстро впередъ по службѣ.

Слѣдя далѣе за возвышеніемъ, по службѣ уже генераль-маіора Евдокимова, М. Я. Ольшевскій говоритъ, что: „во время командованія Евдокимовымъ правымъ флангомъ Кавказской линіи (гдѣ опять-таки авторъ въ то время не служилъ) о Николаѣ Ивановичѣ еще болѣе утверждается понятіе, какъ о начальникѣ,

не упускавшемъ изъ вида случая и не разбиравшемъ средств... и что эта слабость его извѣстна была будто бы и князю Барятинскому“.

Я слышалъ мнѣніе нѣкоторыхъ генераловъ, читавшихъ эту статью и служившихъ подъ командою Николая Ивановича на правомъ флангѣ; они утверждаютъ, что ни разу ни отъ кого не слышали такого обвиненія. Въ случаѣ надобности мнѣ дозволено выставить ихъ имена въ доказательство.

Оказывается слѣдовательно, что и послѣднее, такое же, какъ и первое, голословное обвиненіе относится уже и ко времени, къ намъ близкому, и въ мѣсту дѣйствія на Кубани, когда вся дѣятельность генераль-маіора Евдокимова происходила на глазахъ многихъ еще находящихся въ живыхъ моихъ сверстниковъ и даже старшихъ меня по лѣтамъ и по чинамъ генераловъ.

Такъ какъ читатели, не бывшіе на Кавказѣ въ то время, не имѣютъ яснаго понятія о томъ, что такое былъ правый флангъ Кавказской линіи и какую роль на немъ игралъ Евдокимовъ, то я прежде всего считаю необходимымъ познакомить ихъ съ этимъ въ нѣсколькихъ строкахъ для ясности дѣла.

Правымъ флангомъ Кавказской линіи называлось пространство: отъ границы бывшаго Черноморскаго казачьяго войска въ верхъ по р. Кубани, чрезъ Прочный окопъ и Баталпашинскъ до Каменнаго моста или до границы владѣнія карачаевскаго народа, намъ покорнаго, поселеннаго почти у подножія Эльборуса, откуда эта рѣка беретъ начало. Это пространство заключало въ себѣ около 400 верстъ. Вся эта линія занята была казачьими станицами и постами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и полевыми укрѣпленіями, и называлась Кубанскою кордонною линіею, подраздѣлявшеюся на четыре кордонныхъ участка: Усть-Лабинскій, Прочноокопскій, Ставропольскій и Баталпашинскій, которыми начальствовали командиры казачьихъ линейныхъ бригадъ 1, 2, 3 и 4 бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, поселенныхъ на этой рѣкѣ. Далѣе, за Кубанью, такіе же передовыя линіи были: Лабинская, простиравшаяся по этой рѣкѣ на 150 верстъ, и Малолабинская, на 50 верстъ. Всѣ эти линіи въ военномъ отношеніи, со всѣми расположенными на нихъ войсками, подчинялись начальнику праваго фланга, который въ свою очередь, былъ подчиненъ командовавшему войсками на Кавказской

линии. Начальникъ праваго фланга былъ въ то же время и командиромъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, состоявшей изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ: Кубанскаго и Ставропольскаго. Права бригаднаго командира, по отношенію къ этимъ полкамъ, ограничивались, собственно, только строевою частію. Вся же денежная и матеріальная часть подлежала и подлежитъ полному и непосредственному вѣдѣнію и ревизіи начальника дивизіи.

Такия же точно права только въ наружномъ осмотрѣ исправнаго состоянія частей войскъ имѣлъ начальникъ праваго фланга и по отношенію ко всѣмъ войскамъ, на вѣренномъ ему флангѣ расположеннымъ. Если онъ усматривалъ какую-либо неисправность въ строевыхъ частяхъ для выполнения прямой обязанности военнаго дѣла, то долженъ былъ относиться объ этомъ къ прямому ихъ начальству; самъ же никакихъ мѣръ относительно матеріальнаго исправленія войскъ принимать не имѣлъ ни малѣйшаго права, кромѣ личнаго указанія на это командирамъ частей. Заготовленіе провіанта и содержаніе госпитальной части производилось интендантскимъ вѣдомствомъ самостоятельно, безъ малѣйшаго вмѣшательства начальника праваго фланга.

Заготовленіе фуражнаго довольствія для лошадей всѣхъ родовъ оружія лежало исключительно на попеченіи командировъ частей и подлежало ревизіи, какъ и вся матеріальная часть, дивизионнымъ генераламъ, наказнымъ атаманамъ казачьихъ частей и проч.

Инженерныя работы, которыхъ вообще въ то время на правомъ флангѣ было немного, производились этимъ вѣдомствомъ также самостоятельно.

Словомъ, начальникъ праваго фланга былъ исключительно военнымъ полевымъ начальникомъ, не связаннымъ и не развлекаемымъ никакими хозяйственными заботами и дѣлами. Главною его обязанностію было: бдительное охраненіе кордонною стражею всѣхъ линій, ему подчиненныхъ, отъ вторженій непріятеля, и безопасность всѣхъ нашихъ поселеній какъ на этихъ линіяхъ, такъ и позади ихъ лежащихъ. Онъ обязанъ былъ посредствомъ лазутчиковъ изъ преданныхъ намъ мирныхъ горцевъ вывѣдывать о намѣреніяхъ непріятеля. Если онъ получалъ свѣдѣніе о значительномъ сборѣ горцевъ для нападенія на какое-либо населенное мѣсто или на кордонную линію, онъ обязанъ былъ

быстро собирать отряды и отвлечь неприятеля либо своими набѣгами на жилища горцевъ, для нанесенія имъ возможнаго вреда, или предупредить неприятеля на ожидаемомъ къ нападенію пунктѣ, либо, наконецъ, преслѣдовать его открытою силою и стараться поразить или нанести возможный вредъ.

Начальнику праваго фланга отпускалась экстра-ординарная сумма для приѣма горцевъ и для уплаты лазутчикамъ, посылаемымъ въ горы, за ихъ услуги. Но сумма эта отпускалась въ безотчетное распоряженіе, никакому контролю не подлежала, да по существу своего назначенія и подлежать не могла; о ней слѣдовательно и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что она была относительно не велика и простиралась до 3,000 рублей въ годъ, да и изъ этой суммы онъ обязанъ былъ давать еще субсидіи на наемъ лазутчиковъ частнымъ бордоннымъ начальникамъ.

Наконецъ, постоянной милиціи изъ покорныхъ туземцевъ, бывшей въ нѣкоторыхъ областяхъ съ преобладающимъ туземнымъ населеніемъ, въ составѣ полковъ или сотенъ, которые можно было по временамъ содержать гораздо въ меньшемъ противъ штата числѣ, по усмотрѣнію ближайшихъ надъ нею начальниковъ, а получать содержаніе сполна штатное,—въ то время на правомъ флангѣ вовсе не было. Обыкновенно при случавшихся движеніяхъ нашихъ отрядовъ въ горы собирали на время, отъ 10 до 15 дней, полусотню или сотню на весь отрядъ конныхъ милиціонеровъ и то преимущественно знающихъ хорошо дороги, въ качествѣ проводниковъ, за что производилась имъ особая плата изъ той же экстра-ординарной суммы, а по возвращеніи изъ экспедиціи тотчасъ распускали ихъ по домамъ.

Никакихъ постоянныхъ зимнихъ экспедицій въ то время, а слѣдовательно и заготовленія для нихъ сѣна, вовсе не было.

Итакъ, вотъ все, что принадлежало къ обязанностямъ, правамъ и власти начальника праваго фланга. Онъ былъ чисто военный полевой начальникъ и никакихъ отношеній къ матеріальной части войскъ не имѣлъ. Спрашивается: въ чемъ же именно авторъ находитъ виновнымъ генерала Евдовимова, будто бы не упускавшаго изъ вида случая и не разбиравшаго средствъ?... Разъясненіе этого тажкаго обвиненія на имя покойнаго героя, предъ общественнымъ мнѣніемъ всей Россіи, желательно въ видахъ исторической правды и при томъ не въ ту-

манныхъ фразъ, въ какихъ авторъ прибѣгаетъ, а въ точномъ, опредѣленномъ и доказательномъ сообщеніи, такъ какъ изъ всего выше изложеннаго самому автору очень хорошо извѣстнаго, невозможно усмотрѣть ни одного случая или предмета, который могъ бы генераль Евдокимовъ эксплуатировать въ свою личную выгоду,—человѣкъ, вообще отличавшійся прямотушіемъ, честными правилами и твердымъ характеромъ, что могутъ засвидѣтельствовать находящіеся еще въ живыхъ его современники и сослуживцы.

Въ опроверженіе утвержденія автора о томъ, что будто-бы указанныя имъ слабости графа Евдокимова были извѣстны и князю Барятинскому, я помѣщаю, въ концѣ настоящаго очерка, рядъ подлинныхъ писемъ кн. А. И. Барятинскаго къ Н. И. Евдокимову; здѣсь же привожу, съ согласія вдовы покойнаго, графини Александры Александровны, двѣ очень выразительныя выдержки изъ помянутыхъ собственноручныхъ писемъ князя Барятинскаго. Въ первомъ письмѣ, на сообщеніе графа объ успѣхахъ покоренія западнаго Кавказа, князь отвѣчалъ:

— „Благодарю моего Бога, что онъ внушилъ мнѣ мысль довѣриться вамъ“.

А во второмъ, послѣ смерти героя, къ вдовѣ его, князь А. И., между прочимъ, писалъ:

— „Цѣня высокія заслуги графа Николая Ивановича, въ которому я сохранилъ, какъ вамъ извѣстно, сердечно-дружескую память“...

Какъ все это явно противорѣчитъ тому, что авторъ приписалъ князю Барятинскому, обладавшему самыми возвышенными чувствами и правилами, чисто-рыцарскою деликатностію и безграничною добротою. Кто же изъ старыхъ кавказцевъ повѣритъ, чтобы князь занимался какими-то мелочными бумажными указаніями и замѣчаніями, какъ утверждаетъ авторъ, столь несогласными съ его открытымъ, благороднымъ характеромъ и прямотушіемъ?

Слѣдуя тому же способу ниспроверженія заслугъ графа Евдокимова по покоренію западнаго Кавказа, какой примѣнялъ къ покоренію восточнаго Кавказа, М. Я. Ольшевскій говоритъ:

„Но заслуга отечеству князя Барятинскаго не огравичивается покореніемъ восточнаго Кавказа и плѣненіемъ Шамиля. По его энергическому почину и благоразумнымъ распоряженіямъ, какъ главнокомандующаго, приступлено было къ завоеванію и западнаго Кавказа.“

„Не по распоряженію ли князя Барятинскаго направлены въ 1860 году въ Кубанскую область всѣ свободныя войска, а въ особенности стрѣлковыя баталіоны всей арміи? А отъ сосредоточенія такой массы нарѣзнаго оружія и хорошихъ стрѣлковъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій и совершилось скорое покореніе западнаго Кавказа.

„Не по желанію ли и даже настоятельному его требованію вступилъ въ командованіе войсками, на западномъ Кавказѣ находящимися, графъ Евдокимовъ, и не по предназначеніямъ ли князя Александра Ивановича началъ онъ тамъ свои энергическія дѣйствія въ то время, когда генералъ Филипповъ назначенъ былъ, въ концѣ 1860 года, послѣ Д. А. Милютина, начальникомъ главнаго штаба арміи?

„Не по почину ли князя Барятинскаго приведена въ исполненіе строгая, но, увы, необходимая мѣра, породившая много толковъ и порицаній — это насильственное переселеніе горцевъ въ Турцію и водвореніе на западномъ Кавказѣ христіанскаго населенія“.

Прежде чѣмъ приступать къ объясненію предшествовавшихъ покоренію западнаго Кавказа обстоятельствъ, я остановлюсь нѣсколько на починѣ въ этомъ дѣлѣ, которому авторъ придаетъ большое значеніе.

Извѣстно, кажется, что во всякомъ дѣлѣ важнѣе не починъ, а конецъ, который даетъ ему вънецъ по народной пословицѣ. Въ починахъ для покоренія западнаго Кавказа у насъ недостатка не было. Стоитъ только вспомнить проекты: Паскевича, Вельяминова, Воронцова, Ханъ-гирея, Брунд и многихъ другихъ, лежащіе и до нынѣ въ архивахъ. Да нѣсколько крупныхъ экспедицій въ горы, напримѣръ: Даргинскую, Ичверинскую и подъ Ахульго, окончившіяся для насъ первыя двѣ — полнѣйшимъ пораженіемъ и значительною потерей войска, а послѣдняя хотя и взятіемъ штурмомъ скалы, на которой стояло Ахульго, прежняя резиденція Шамиля, но также не принесла намъ никакой пользы, а только повлекла за собою также большую потерю войска. Но еще хуже было предпринято съ тою же цѣлію устройство пресловутой Черноморской береговой линіи, чѣмъ думали въ то время тоже покорить горцевъ. Эта линія стоила Россіи не менѣе 200 милліоновъ деньгами, да погибло на ней въ теченіи 12 лѣтъ отъ зловреднаго климата до 50 тыс. войска. Что же изъ всего этого вышло? Въ виду вступленія въ Черное море англо-французскаго флота, мы принуждены были поспѣшно снять гарнизоны съ этой линіи, иначе они попали бы въ плѣнъ, а укрѣпленія бросить навсегда!

Итакъ, кажется, ясно, что недостатка въ починахъ не было.

Къ присворбію, изъ этихъ починовъ никакой пользы не вышло, не смотря на громкія имена предводителей, пока не явился на сцену опытный, необыкновенно твердый и искусный генералъ, вышедшій изъ народной среды,— правда безъ ученаго образованія, но за то съ хорошимъ практическимъ самообразованіемъ и такимъ значительнымъ умственнымъ развитіемъ, которое вполне было прилично его высокому положенію,— котораго князь Барятинскій, можно сказать, отыскалъ и употребилъ въ дѣло, давшее самые блистательные результаты въ покореніи восточнаго и западнаго Кавказа. Кто возьметъ смѣлость отрицать это?

Я сказалъ, что князь Барятинскій отыскалъ Евдокимова, потому что до него послѣдній былъ обыкновеннымъ смертнымъ, какъ и всѣ другіе, а князь Барятинскій, найдя „золотой самородокъ“, какъ онъ самъ говорилъ, да и лучшіе люди изъ современниковъ такимъ признавали Евдокимова, выдвинулъ его не только въ генералъ-адъютанты, но и въ графы.

И не въ сосредоточеніи массы нарѣзнаго оружія, какъ авторъ говоритъ, дѣло заключалось, такъ какъ и этою массою надо было толково и умѣло распорядиться. Къ слову еще сказать, что и стрѣльбовое дѣло тогда стояло въ Кавказскихъ войскахъ не очень высоко по той причинѣ, что за лѣтними и зимними экспедиціями, въ которыхъ войска находились почти круглый годъ, имъ не было времени заниматься этимъ дѣломъ такъ, какъ занимаются въ настоящее время. Къ тому же очевидцы свидѣтельствуютъ, что графъ не разъ говорилъ: „для покоренія края нужны не винтовки, а топоры и лопаты“. А потому стрѣлки, въ ужасу рутинистовъ, рубили лѣса наравнѣ съ гладкоствольными, расчищали просѣки, прокладывали и разрабатывали дороги и освѣщали недоступныя горныя тущобы. Изъ всего этого становится яснымъ, что дѣло заключалось вовсе не въ начинѣ и не въ массѣ нарѣзнаго оружія, а въ другомъ, о чемъ наша рѣчь будетъ впереди.

Выше, въ 1-й гл. этой статьи, я уже высказалъ, какія важныя заслуги оказалъ отечеству незабвенный князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Смѣю по этому полагать, что покойный фельдмаршалъ вовсе не нуждается въ чьей-либо похвалѣ или защитѣ. При томъ почтенный авторъ умолчалъ вовсе о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали покоренію западнаго Кавказа.

А эти обстоятельства, до начала военных дѣйствій, уже по выѣздѣ князя Барятинскаго въ Петербургъ, до того осложнились и обострились, вовсе не отъ горцевъ, а отъ своихъ же собственныхъ ошибокъ, въ которыхъ не былъ участникомъ только одинъ графъ Евдокимовъ, что только такой твердый, осмотрительный и рѣшительный человѣкъ могъ преодолѣть всѣ возникшія затрудненія и повести самостоятельно дѣло покоренія, а вмѣстѣ и колонизацію этого края съ такою быстротою и успѣхомъ, какихъ не ожидалъ даже самъ покойный государь Александръ II, какъ это выражено буквально въ его рескриптѣ, ниже приведенномъ.

Въ концѣ августа 1860 года, князь Барятинскій прибылъ въ г. Владикавказъ и прожилъ въ немъ около мѣсяца для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ. Эти вопросы были слѣдующіе: 1) покореніе западнаго Кавказа; 2) заселеніе его христіанскимъ населеніемъ; 3) новая организація Кубанской и Терской областей, названія коихъ были присвоены бывшимъ предъ тѣмъ правому и лѣвому крыламъ Кавказской линіи, безъ всякой, однако, внутренней организаціи въ правительственномъ отношеніи и даже безъ всякаго на практикѣ территориальнаго раздѣленія, и 4) предположенное, въ связи съ этимъ, раздѣленіе бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска въ такомъ порядкѣ, чтобъ первыя шесть бригадъ этого войска, поселенныя отъ верховьевъ р. Кубани до границы Черноморіи, со всѣми передовыми линіями, слились съ Черноморскимъ казачьимъ войскомъ и образовали одно Кубанское казачье войско; остальная часть бывшаго Кавказскаго войска, поселенная по Малѣѣ, Поддумку и по Тереку, со всѣми передовыми линіями, получила наименованіе Терскаго казачьяго войска. Такимъ образомъ, по мысли князя Барятинскаго, казаки, поселенные въ Кубанской и Терской областяхъ, получили бы наименованіе по двумъ главнымъ на Кавказѣ историческимъ рѣкамъ, Кубани и Тереку, прославленнымъ ихъ подвигами. Это точныя слова князя Барятинскаго.

Для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, были вызваны во Владикавказъ командовавшіе войсками Кубанской и Терской областей генералъ Филипсонъ и графъ Евдокимовъ, наказной атаманъ Кавказскаго войска генералъ Рудзевичъ и исправлявшій должность наказнаго атамана Черноморскаго войска ген. Кусакъ.

Такъ какъ въ это время Рудзевичъ находился въ отпуску

въ Крыму, то во Владикавказъ отправился завѣдывавшій войскомъ начальникъ штаба генералъ Попандопулло и взялъ съ собою меня, какъ дежурнаго штабъ-офицера, бывшаго тогда въ чинѣ подполковника. Во все время происходившихъ во Владикавказѣ совѣщаній, присутствовалъ и управлявшій военнымъ министерствомъ Д. А. Милютинъ, только-что предъ тѣмъ назначенный на эту постъ изъ начальниковъ главнаго штаба Кавказской арміи.

На этихъ совѣщаніяхъ подлежалъ рѣшенію, конечно, первый и самый главный вопросъ о покореніи западнаго Кавказа.

По словамъ лицъ, близко стоявшихъ къ главнокомандовавшему, окончательное совѣщаніе это происходило только между четырьмя лицами: княземъ Барятинскимъ, Филипсономъ и графомъ Евдокимовымъ, въ присутствіи Милютина.

Князь предложилъ Филипсону первому высказать свое объ этомъ мнѣніе, какъ мѣстному начальнику. Филипсонъ изложилъ свой планъ, подробностей котораго, чрезъ 24 года, я точно не помню; но у меня сохранилась копія съ его письменнаго мнѣнія, которое онъ въ началѣ того же 1860 года представилъ князю Барятинскому, послѣ извѣстнаго покоренія абадзеховъ, о народахъ, населявшихъ западный Кавказъ, въ виду предстоявшихъ тогда рѣшительныхъ дѣйствій къ покоренію этого края. Это мнѣніе, несомнѣнно, Филипсонъ поддерживалъ и развивалъ и при происходившемъ окончательно во Владикавказѣ совѣщаніи. Я не стану приводить всего этого мнѣнія, довольно пространнаго, а ограничусь только слѣдующими заключительными его словами:

— „Выше сказано, говоритъ Филипсонъ, что стратегическихъ пунктовъ въ этомъ край нѣтъ ¹⁾, а потому остается или прибѣгнуть къ немедленному способу прорубанія просѣкъ и возведенію ряда укрѣпленій, или вести истребительную войну. Успѣхи наши могутъ фанатизировать эти племена, надревле не знавшія надъ собою власти; отчаяніе можетъ родить новые элементы для народной борьбы, которая съ каждымъ шагомъ впередъ будетъ для насъ труднѣе, потому что мы будемъ удалаться отъ основанія нашихъ дѣйствій и болѣе углубляться въ самыя вѣдра горъ. Тотъ-же самый Магометъ-Аминъ, который теперь усердно дѣйствуетъ въ нашу пользу для своей собственной,

¹⁾ Эти слова не принадлежали Филипсону, а выражены были Вельяминовымъ, который въ отвѣтъ своемъ на прозьбу Паскевича въ 1834 году сказалъ въ первый разъ, что Кавказъ не имѣетъ въ себѣ такихъ стратегическихъ пунктовъ, овладѣвъ которыми можно было бы покорить всю эту страну; при чемъ привелъ нѣсколько примѣровъ изъ войнъ Наполеона I-го на Пиринейскомъ полуостровѣ.

можесть стать въ головѣ фанатизированнаго народа и повторитъ всю кровавую драму Шамиля, только въ болышихъ размѣрахъ. Слѣдуетъ вспомнить, что здѣсь народы не разрознены и не разноплеменные; край не подвергался никакимъ бѣдствіямъ войны или фанатическаго деспотизма, и что размѣры театра войны огромны. Наконецъ, нельзя не принять въ соображеніе, что дѣйствія наши въ этой части Кавказа входятъ до нѣкоторой степени въ соображенія европейской политики. Быстрое покореніе восточной половины Кавказа, составлявшей до сего времени главный театръ нашихъ дѣйствій противъ горскихъ племенъ, не могло не возбудить опасеніе Англій, что окончаніе войны на Кавказѣ дастъ Россіи огромныя военныя средства, которыхъ употребленіе, можетъ быть, и противно интересамъ Англій. Поэтому естественно, что англійское правительство, не признающее правъ Россіи на этотъ край, будетъ съ нетерпѣніемъ выжидать случая раздуть угасающее на Кавказѣ пламя войны, а при какомъ-бы то ни было переворотѣ въ Европѣ (возможность, а, можетъ быть, и близость котораго нельзя отвергать) англичанамъ легко будетъ подать горцамъ дѣйствительную помощь и тогда война приметъ совсѣмъ другіе размѣры.

„Блестательные успѣхи прошлаго года въ восточной сторонѣ Кавказа и впаденіе Шамиля имѣли сильное вліяніе на народъ западной половины. Остается желать, чтобы ожесточенная война въ сей послѣдній годъ, подъ знаменемъ религіознаго фанатизма и при содѣйствіи европейскаго союзника, не произвела когда-нибудь вреднаго вліянія на народы Чечни и Дагестана.

„Таковъ возможный ходъ дѣлъ въ этомъ край, предполагая самыя неблагоприятныя для насъ обстоятельства. Конечно, вмѣсто всѣхъ предвидимыхъ затрудненій можетъ возникнуть непредвидимая случайность, которая дастъ дѣлу совсѣмъ другой оборотъ. Пылкій и легкомысленный характеръ полудикихъ горцевъ допускаетъ такое предположеніе, но на это нельзя разсчитывать и потому желательно заранѣе изыскать болѣе надежныя средства для избѣжанія затрудненій. По моему убѣжденію, эти средства должны состоять въ томъ, чтобы немедленно обратить всѣ наши свободныя военныя способы противъ шапсуговъ и продолжать рѣшительныя средства до тѣхъ поръ, пока они покорятся безусловно и ихъ земля будетъ прочно занята. Въ продолженіи этого времени не слѣдуетъ дѣлать у покорившихся народовъ никакихъ рѣзкихъ нововведеній, которыя бы повлекли къ какому нибудь враждебному для насъ волненію, а напротивъ, стараться лаской и заботами объ ихъ матеріальныхъ интересахъ показать имъ осязательно выгоды ихъ настоящаго положенія. Время и привычка будутъ сильными нашими союзниками, и помогутъ намъ безъ потрясеній довести эти народы до гражданскаго благоустройства. Для этого естественно необходимо проложить удобныя военныя пути чрезъ землю абадзеховъ, обезпечить ихъ укрѣпленіями и ввести у нихъ управленіе, вполне соответствующее видамъ нашего правительства. Но все это необходимо также и въ землѣ шапсуговъ съ тою разницею, что, дѣйствуя исключительно противъ сего послѣдняго народа, мы ограничиваемъ театръ войны мѣстностью, сравнительно болѣе доступною, а сопротивленіе—одними средствами шапсуговъ. Даже убыхи не примутъ въ этой войнѣ дѣятельнаго участія ¹⁾. Этотъ народъ, самый виновтвенный въ западной половинѣ Кавказа и занимающій непреступныя горныя и дѣсныя трущобы, уже началъ переговоры о принесеніи покорности на тѣхъ же осно-

¹⁾ Эта иллюзія очень скоро разсѣялась.

ваніяхъ, какъ принесли ону абадзехи. Легко можетъ быть, что этотъ первый шагъ поведетъ къ болѣе прочнымъ результатамъ. Вліяніе Магометъ Амна и примѣры союзныхъ имъ абадзеховъ могутъ быть въ этомъ случаѣ столько же полезны, какъ и удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей убыховъ, какъ то: свободной торговли и дозволенія поѣздокъ въ Турцію съ невысказываемою, но во всякомъ случаѣ для насъ безвредною (?), цѣлію.

„Предоставленное однимъ своимъ средствамъ, народонаселеніе шапсуговъ въ 150 т. душъ можетъ оказать упорное сопротивленіе, но есть всякая вѣроятность, что этотъ народъ не рѣшится доводить дѣло до послѣдней крайности, особливо если убѣдиться, что безусловная покорность натухайцевъ повела къ благосостоянію. Есть много причинъ надѣяться, что постройка сильнаго укрѣпленія въ центрѣ земли шапсуговъ на сѣверной сторонѣ хребта и особливо зимняя экспедиція, направленная нѣсколькими отрядами по одному общему плану, заставитъ шапсуговъ покориться.

„Этимъ фактически кончатся вѣковая борьба на Кавказѣ и явится міру единственный въ исторіи примѣръ покоренія оружіемъ 800 т. горцевъ, воинственныхъ, бѣдныхъ, многіе вѣка не знавшихъ надъ собою власти иноплемennыхъ и иновѣрныхъ.

„Принесеніе шапсугами присяги на подданство императору всероссійскому положить конецъ недоброжелательному ослабленію какою либо иностранною державою правъ Россіи на кавказскихъ горцевъ и ихъ землю. Тогда мы свободно можемъ приняться за постепенное упроченіе нашего владѣтельства въ этомъ богатомъ, дѣйствиномъ краѣ, за развитіе въ немъ благосостоянія и цивилизаціи“.

Въ этомъ заключительномъ словѣ вылился весь Григорій Ивановичъ Филипсонъ, любезный, умный, краснорѣчивый, добрый, наклонный къ мечтательности, но идеалистъ, мало прагматичный и, не смотря на довольно долгую службу на западномъ Кавказѣ и на бывшей Черноморской береговой линіи, мало знавшій характеръ тѣхъ горскихъ народовъ этой части Кавказа, которыхъ онъ собирался покорять не столько оружіемъ, сколько, по его словамъ, лаской и заботами объ ихъ матеріальномъ благосостояніи, устраненіемъ рѣзкихъ у нихъ нововведеній и надѣясь на время и привычку, какъ на сильныхъ союзниковъ, которые помогутъ намъ безъ потрясеній довести эти народы до гражданскаго благоустройства (изумительная иллюзія!). Тогда какъ горцы уважали только одну силу и ей одной покорялись; ласки же и прочіе гуманныя мѣры со стороны непріятеля — считали его слабостію.

Но не прошло и года со времени данной абадзехами Филипсону присяги о покорности и начатыхъ шапсугами переговоровъ о томъ же, какъ всѣ эти народы снова измѣнили: первые — своей присягѣ, а послѣдніе прекратили переговоры. Итакъ, всѣ мечты Филипсона, выше въ его краснорѣчивомъ словѣ выражен-

ныя, разлетѣлись, какъ дымъ! Видно по всему, что онъ твердо вѣрилъ въ покорность абадзеховъ и на этомъ основалъ весь свой планъ, выше приведенный.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что князь Барятинскій и графъ Евдокимовъ, послѣ рѣшительнаго и блистательнаго въ два года покоренія восточнаго Кавказа и плѣненія Шамиля, не могли ни въ какомъ случаѣ принять изложенный планъ Филипсона, по смыслу котораго кавказская война опять должна была тянуться нескончаемо тѣмъ же обычнымъ путемъ, какъ это было прежде. Не могли потому, что, какъ извѣстно, и самъ покойный незабвенный государь Александръ II горячо желалъ и настаивалъ на рѣшительномъ окончаніи этой вѣковой войны во чтобы ни стало. Наконецъ, быстрое окончаніе борьбы съ горцами важно и нужно было, чтобъ поднять значеніе Россіи въ глазахъ Европы и всего свѣта послѣ недавно конченной тогда весьма неудачной и раззорительной для насъ Крымской войны. А всему этому планъ Филипсона рѣшительно противорѣчилъ.

Спрошенный затѣмъ графъ Евдокимовъ, доказавъ ошибочность плана Филипсона, изложилъ свое предположеніе, по которому военныя операціи должны быть начаты съ верховьевъ рѣкъ Лабы и Бѣлой, чтобъ вытѣснить постепенно и послѣдовательно абадзеховъ, а за ними шапсуговъ, убуховъ и прочихъ въ направленіи къ Черному морю и, при несогласіи ихъ выселиться на степныя пространства Ставропольской губерніи, изгнать ихъ въ Турцію, а весь этотъ обширный край заселить русскимъ народомъ. Безъ этого, какъ утверждалъ графъ Евдокимовъ, завоеваніе западнаго Кавказа не будетъ полнымъ и окончательнымъ, такъ какъ Турція всегда можетъ попрежнему высылать къ горцамъ своихъ эмисаровъ для подстрекательства противъ насъ и доставлять имъ и снаряды, и оружіе. Одновременно съ началомъ предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій съ верховьевъ Лабы и Бѣлой, поставить отрядъ у впаденія р. Джубы въ море или въ другомъ мѣстѣ, для отвлеченія шапсуговъ и другихъ племенъ отъ пособія абадзехамъ.

Таковъ былъ, въ главныхъ чертахъ, планъ графа Евдокимова, планъ, вполне противоположный плану Филипсона, выше приведенному.

Князь Барятинскій, вовсе не знавшій лично этого обширнаго

края ¹⁾), вполне согласился съ предположеніемъ графа Евдокимова, такъ какъ очевидность пользы для насъ, отъ приведенія его въ исполненіе, была настолько ясна, что устраняла всякое сомнѣніе въ правильности взгляда на это дѣло его составителя, — а доказанные уже энергія, умъ, опытность и непреклонная твердость графа Евдокимова ручались вполне за точное выполненіе имъ своего плана.

Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, послѣ всего этого, что М. Я. Ольшевскій изобразилъ, въ данномъ случаѣ, графа Евдокимова, человѣка безпредѣльно преданнаго своему государю и отечеству, возвеличеннаго и облагодѣтельствованнаго царскими милостями, какъ какого нибудь лѣниваго офицера, котораго надо было понукать къ дѣлу, увѣряя, что будто бы только по настоятельному требованію князя Барятинскаго Евдокимовъ вступилъ въ командованіе войсками Кубанской области и будто бы по предначертаніямъ перваго началъ онъ тамъ свои энергическія дѣйствія, тогда какъ князь Барятинскій, какъ выше сказано, вовсе не зналъ этого края, а слѣдовательно и никакихъ опредѣленныхъ предначертаній своихъ не могъ давать въ руководство графу Евдокимову.

Все это личное разсужденіе генер. Ольшевскаго вполне опровергается послѣдующимъ разсказомъ о дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ событіяхъ.

На другой день утромъ собравшимся на совѣтъ лицамъ князь Барятинскій, по высочайше предоставленной ему власти, объявилъ, что Филипсонъ назначается начальникомъ главнаго штаба кавказской арміи, а на мѣсто его графъ Евдокимовъ начальникомъ Кубанской области, командующимъ войсками, въ ней расположенными, и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго казачьяго войска, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ начальника Терской области и командующаго въ ней войсками, — словомъ, ему былъ подчиненъ весь сѣверный Кавказъ и предоставлена была полная воля располагать всѣми военными силами и средствами по его усмотрѣнію. По вопросу о заселеніи западнаго Кавказа христіанскимъ населеніемъ, преимущественно казачьимъ, принято было безусловно мнѣніе Филипсона, предполагавшаго

¹⁾ Бытность князя молодымъ человѣкомъ, въ чинѣ корнета, на восточномъ берегу Чернаго моря, въ одной изъ Вельяминовскихъ экспедицій, гдѣ онъ получилъ тяжелую рану, не могла дать ему этого знанія. И. Ж.

начать усиленные переселенія прежде всего цѣлыми казачьими полками, во второй линіи отъ рѣки Кубани поселенными, а именно: 1 Хоперскимъ, 1 Ставропольскимъ, 1 Кубанскимъ и 1 Кавказскимъ, которые были сформированы въ 1832 году изъ обращенныхъ въ казачье сословіе государственныхъ крестьянъ Ставропольской губерніи ¹⁾.

Но этотъ проектъ Филипсона, какъ увидимъ далѣе, потерпѣлъ, при первомъ же приступѣ къ его выполненію, полное поражение по своей непрактичности и по встрѣченному упорному сопротивленію со стороны назначенныхъ въ первую очередь къ переселенію казаковъ 1-го Хоперскаго казачьяго полка, которые требовали, чтобы имъ былъ объявленъ царскій указъ, безъ котораго они на переселеніе не пойдутъ, а такового указа предварительно испрошено не было, по упущенію самаго Филипсона, какъ начальника главнаго штаба, полагавшаго, что главнокомандующій имѣетъ полное право на подобныя дѣйствія, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ такого права отъ государя ему оставлено не было.

Это мнѣніе объ ошибкѣ Филипсона я лично слышалъ отъ самаго князя Барятинскаго въ 1863 году въ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ я представлялся ему въ качествѣ депутата отъ Кубанскаго казачьяго войска, имѣвшаго счастье поднести покойному государю вѣрноподданнической адресъ отъ этого войска по случаю возникшихъ въ Польшѣ смуть. Поводомъ же къ разговору объ этомъ были разспросы князя о дѣлахъ на Кавказѣ, причемъ онъ, обративъ вниманіе на мои эполеты и увидѣвъ, что я состою уже въ чинѣ полковника, спросилъ:

— „Вы до сихъ поръ дежурнымъ штабъ-офицеромъ?“

— „Нѣтъ, ваше сіятѣйство, я теперь командиръ 4 (хоперской) бригады, въ которой, до моего назначенія, 1-й полкъ отказался идти на переселеніе“.

¹⁾ Г. Зиссерманъ, въ своихъ возраженіяхъ М. И. Венюкову, который проектъ заселенія 1861 года приписалъ Забудскому, говорить, что этотъ проектъ былъ будто бы составленъ графомъ Евдокимовымъ еще въ 1860 году и доложенъ имъ лично въ Тифлисѣ князю Барятинскому. Оба они на этотъ счетъ ошибаются. Ниже я подробно говорю: какъ, почему и когда проектъ: „Положеніе о заселеніи западныхъ предгорій“ былъ составленъ и представленъ по начальству и одобренъ высочайшимъ рескриптомъ прямо графу Евдокимову. „Русскій Архивъ“ 1884 г., кн. 5. И. Е.

Съ этого и начался разговоръ о переселеніи, причемъ я подробно объяснилъ весь ходъ бывшаго возстанія казаковъ, а князь выразилъ мнѣніе, что „Филипсонъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ ошибку, ибо, какъ начальникъ штаба, онъ обязанъ былъ испросить особое высочайшее повелѣніе, причемъ и никакого отказа со стороны казаковъ не было бы“.

На дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ было рѣшено территориальное раздѣленіе Кубанской и Терской областей, причемъ границею между ними назначена была р. Кума, вытекающая изъ главныхъ предгорій, именуемыхъ Кумъ-баши, вблизи Эльборуса, этой самой высочайшей точки на всемъ горномъ краѣ кавказскомъ, до того пункта ниже г. Георгіевска, гдѣ эта рѣка вошла въ Ставропольскую губернію.

Затѣмъ состоялось образованіе казачьихъ войскъ Кубанскаго и Терскаго, въ выше обозначенныхъ предѣлахъ, о чемъ тамъ же, во Владивавказѣ, отданъ былъ приказъ въ силу предоставленныхъ государемъ полномочій на такія преобразованія главнокомандовавшему. Въ этомъ приказѣ атаманами новообразованныхъ войскъ были назначены: Кубанскаго — графъ Евдокимовъ, а подъ нимъ исправлявшимъ эту должность на мѣстѣ въ г. Екатеринодарѣ — начальникъ штаба генералъ Кусаковъ, а Терскаго — исправляющимъ должность наказнаго атамана генералъ Попандопулло, бывшій начальникомъ штаба упраздненнаго Кавказскаго линейнаго войска. Наказный атаманъ послѣдняго, генералъ Рудзевичъ, получилъ назначеніе состоять въ распоряженіи главнокомандовавшаго дѣйствующею арміею въ Польшѣ, гдѣ онъ служилъ прежде.

По рѣшеніи такимъ образомъ всѣхъ вопросовъ, прежде всѣхъ выѣхалъ въ Петербургъ новый военный министръ Д. А. Милютинъ и, вонечно, доложилъ объ этомъ государю, а чрезъ три дня отправился въ Тифлисъ и главнокомандовавшій; новые атаманы также выѣхали въ своимъ мѣстамъ, — а вскорѣ затѣмъ переѣхали на новые посты генералъ Филипсонъ — изъ Ставрополя въ Тифлисъ, а графъ Евдокимовъ изъ Владивавказа въ Ставрополь, оставивъ на прежнемъ мѣстѣ помощника князя Святополка-Мирскаго для управленія Терскою областію и войсками, въ ней расположенными.

Сообщ. И. С. Еравцовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВЪ РУССКОЙ АМЕРИКѢ

1867—1868 гг.

Изъ записокъ очевидца.

V¹⁾.

Внезапность уступки русскихъ колоній.—Послѣдній главный правитель.— Жители колоній въ минуту передачи.— Одна изъ причинъ уступки колоній американцамъ.— Новое управленіе.— Первое дѣло русскихъ передъ американскими судьями.— Затруднительное положеніе главн. правителя колоній.— Вновь содѣланные республиканцы.— Положеніе православія въ территоріи Аляска.

Продажа или, точнѣе сказать, уступка с.-з. береговъ Америки Соединеннымъ Штатамъ случилась какъ-то внезапно; по крайней мѣрѣ, мѣстные жители и кучка русскихъ людей, служившихъ русско-американской компаніи, ничего не знали объ этомъ до фактическаго появленія американцевъ; да и вообще мѣстные жители имѣли смутное понятіе, что на землѣ существуютъ другія государства, кромѣ русскаго, представлявшася ихъ воображенію какимъ-то гигантскимъ мѣомъ, представителемъ котораго былъ главный правитель колоній, надъ которымъ была еще высшая власть, какое-то главное правленіе, гдѣ-то далеко, въ Петербургѣ. Главный правитель колоній была власть исполнительная, двигающая, карающая, безапелляціонная. Онъ могъ cadaго собственнымъ судомъ и властью сослать на любой изъ острововъ, поручивъ ему какія либо ничтожныя обязанности, и продержатъ тамъ нѣсколько лѣтъ, подъ вліяніемъ наисквернѣйшаго климата, скудной пищи, въ сообществѣ звѣрей и туземныхъ полудикихъ и даже совсѣмъ дикихъ обывателей, предоставивъ судьбу его всевозможнымъ случайностямъ. Къ чести русскихъ правителей колоній нужно замѣтить, что такіе случаи бывали рѣдки; къ тому же, будучи назначаемы только на пятилѣтіе, болѣе заботились о своемъ кармафѣ за счетъ русско-американской компаніи и не притѣсняли своихъ сподвиж-

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1866 г., томъ XLIX, мартъ, стр. 549—560.

никовъ, сознавая какъ ихъ беззащитное положеніе, такъ и собственные свои интересы. Жители Ново-Архангельска и колоній въ 1868 году вообще не различались ни по сословіямъ, ни по національности, и хотя въ сводѣ законовъ Россійской имперіи существовали узаконенія о колошіяхъ руссійско-американской компаніи въ с.-з. Америкѣ, но жизнь дѣйствительная шла своимъ чередомъ. Народонаселеніе раздѣлялось на почетныхъ, полупочетныхъ, валовыхъ, креоловъ, алеутовъ и другихъ туземныхъ полузависимыхъ и независимыхъ дикарей. Изъ почетнымъ, начиная съ главнаго правителя колоній и его помощника, оба русскаго флота штабъ-офицеры, принадлежали: правитель компанейской конторы съ помощникомъ, секретарь главнаго правителя, два военные доктора, человекъ 12 командировъ судовъ (большею частью шкипера изъ финляндцевъ) съ ихъ помощниками, мѣстный бухгалтеръ и корреспондентъ съ помощниками, прикащики компанейскихъ магазиновъ, два учителя, смотритель мастерскихъ, парусный мастеръ, два оберъ-офицера сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, духовенство, состоящее изъ преосвященнаго епископа ново-архангельскаго, протоіерей, благочиннаго американскихъ церквей и миссій, двухъ священниковъ и дьяконовъ, а также двухъ, трехъ стариковъ русскихъ, давно отслужившихъ и оставшихся въ колоніяхъ доживать вѣкъ свой на иждивеніи компаніи. Это была интеллигенція колоній, ютившаяся въ Ново-Архангельскѣ на островѣ Ситха. Женскій персоналъ состоялъ изъ женъ, привозимыхъ мужьями изъ Россіи, креолокъ, вышедшихъ замужъ за русскихъ на мѣстѣ ихъ служенія, двухъ повивальныхъ бабокъ и начальницы приходящей школы дѣвочекъ. Какъ звѣзда первой величины, блистала жена главнаго правителя колоній или губернаторша, какъ называли ее, нынѣ уже умершая княгиня Марія Владиміровна МаксUTOва. Полупочетными были управляющіе отдѣльными островами и писаря ихъ, креолы, занимавшіе незначительныя должности, церковный причтъ ниже дьяконскаго, два фельдшера и нѣсколько пенсіонеровъ, получающихъ малую пенсію; остальной контингентъ составляли, кромѣ туземныхъ жителей, «валовые» или рабочіе и цѣховые матросы, а также 300 человекъ солдатъ сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, собственно говоря, долженствовавшихъ охранять территорію Аляски отъ нашествія иноплемешныхъ, но за невозможностью выполнить свое военное назначеніе, выполняли разныя обяза-

ности обыкновенныхъ рабочихъ, мирно спрятавъ мундиры до окончанія выслуженнаго плтилѣтія и обратнаго возвращенія на берега восточной Сибири. Все это населеніе, составлявшее малую часть Россійской имперіи, исторически случайно поселившееся на осколкахъ земнаго шара, если такъ можно выразиться, въ самомъ уголкѣ с.-з. Америки, изображало какъ-бы отдѣльное чисто семейное государство, изолированное отъ всего цивилизованнаго міра, которое мало заботилось и думало о цивилизованномъ мірѣ вообще и Россіи въ частности; былъ-бы только ромъ, водка и продовольствіе, да шкуры морскихъ бобровъ, котиковъ, лисицъ, соболей и другихъ пушныхъ звѣрей, ежегодно увозимыхъ изъ колоній куда-то въ Россію и Англію. Все это было основой существованія русскихъ колоній въ Америкѣ и потому весьма естественно, что, наконецъ, существованіе ихъ стало невозможно и колоніи были проданы, образовавъ собой новый штатъ Америки, «Территорію Аляска». Вскорѣ затѣмъ Курильскіе острова, находившіеся въ вѣдѣніи той же російско-американской компаніи, отошли къ японцамъ взамятъ южной части острова Сахалина и вошли въ составъ Японской имперіи.

Послѣ формальной передачи русскихъ колоній, разомъ рухнули русскіе традиціи, порядки и обычаи. Наступило новое управленіе. Кожанныя деньги російско-американской компаніи, выдѣлываемыя въ С.-Петербургѣ, обмѣнялись на золотыя и серебряныя доллары, вытѣснивъ счетъ на ассигнаціи, который существовалъ въ колоніяхъ до 1868 года и давно уже былъ замѣнецъ въ Россіи на серебро и только упорно держался въ русскихъ колоніяхъ въ Америкѣ ¹⁾).

Послѣдній главный правитель колоніи, капитанъ 1-го ранга, князь Дмитрій Петровичъ Максutowъ и сподвижники его по управленію краемъ утратили свое значеніе. Образовалась временная военная власть въ лицѣ американскаго генерала Девисъ и тутъ же рядомъ гражданская—въ лицѣ избраннаго судьи, который рѣшалъ общественныя дѣла жителей, въ составѣ присяжныхъ, которыхъ брали прямо съ улицы. Также явился первый единственный рослый полицменъ гражданскаго вѣдомства, ходившій въ свѣтло-синей шпичели съ небольшой палкой въ рукахъ,

¹⁾ Чтобы перевести 1 руб. на ассигнаціи нужно было умножать на 7 и дѣлить на 2, такимъ образомъ 1 руб. въ Россіи составлялъ 3 руб. 50 коп. колониальныхъ.
М. В.

вмѣсто оружія. Первое русское дѣло, столкнувшееся съ новыми порядками, было дѣло главнаго правителя съ прикащикомъ американской компаніи Павловымъ, принявшимъ американское гражданство. Павловъ не хотѣлъ сдавать отчетовъ во ввѣренномъ ему имуществѣ и частію растратилъ его. Князь Максутовъ подалъ судѣ жалобу и имѣлъ неосторожность просить комиссара русскаго правительства, капитана 1-го ранга Пещурова, прибывшаго для передачи колоній, быть защитникомъ интересовъ компаніи. Павловъ взялъ защитникомъ Морфи, адвоката американца, прибывшаго въ Ситху съ прочими янками, заплативъ ему сто долларовъ. Первый въ территоріи Аляска адвокатъ сталъ выяснять присяжнымъ (они были всѣ американцы) приблизительно слѣдующее: „вы, говорилъ онъ присяжнымъ, граждане свободной республики, помните, что теперь территорія Аляска есть часть дорогаго намъ отечества; что передъ вами предстоятъ бывший губернаторъ русскій и его подданный (sic) ¹⁾, бывший простымъ служащимъ пушной компаніи, представителемъ которой былъ князь Максутовъ; вы знаете, конечно, что въ Россіи люди съ привилегіями и высокопоставленные не пользуются тѣми же правами, какъ другіе подданные, не имѣющіе этихъ привилегій“. Затѣмъ въ длинной рѣчи онъ, выяснивъ присяжнымъ общественное положеніе того и другаго, а равно какъ до настоящей эпохи эксплуатировались въ этомъ краѣ люди и даже звѣри, закончилъ тѣмъ, что „Америка прольетъ свѣтъ свободы и чести въ вновь пріобрѣтенной странѣ и жители территоріи увидятъ, что авторитеты въ свободной странѣ не имѣютъ мѣста, что законы Америки для каждаго гражданина равны, а потому онъ полагаетъ, что присяжные, взвѣсивъ всѣ эти доводы, оправдаютъ его клиента и не допустятъ, чтобы бывший русскій губернаторъ имѣлъ возможность выиграть неправое дѣло въ Америкѣ“. Присяжные судьи, — люди, взятые съ улицы, простые рабочіе, безъ всякаго образованія и воспитанія, только что пріѣхавшіе для наживы и эксплуатаціи края, совершенно незнакомые съ русскими традиціями и дѣлами бывшей російско-американской компаніи, тутъ же, не выходя изъ комнаты, оправдали г. Павлова, и бывший главный правитель торжественно провалилъ совершенно правое дѣло, къ великому соблазну имѣвшихъ къ нему

¹⁾ Сей адвокатъ, вѣроятно, совершенно не зналъ Россіи.

претензію другихъ обывателей. Вообще положеніе послѣдняго правителя русскихъ колоній сдѣлалось довольно затруднительнымъ. Нужно было разсчитывать людей, распродавать имущество американской колоніи и въ короткое время ликвидировать дѣла русскихъ людей, копошившихся на непривѣтливыхъ берегахъ с.-з. Америки цѣлое столѣтіе. Служилый русскій людъ, почуявъ вѣяніе новой жизни, какъ-то очумѣлъ. Курьезовъ было немало. Когда стало извѣстнымъ, что русскимъ подданнымъ, въ силу трактата съ Америкой, предоставлялось право сдѣлаться американскими гражданами, то нужно было быть самому на мѣстѣ, чтобы судить о томъ какъ грустно и смѣшно было видѣть русскихъ субъектовъ, не знавшихъ ни англійскаго языка, ни государственнаго строя и исторіи Соединенныхъ Штатовъ, половину и болѣе жизни своей прожившихъ на харчахъ російско-американской компаніи, которые торжественно клялись, что будутъ вѣрны своему новому отечеству, будутъ свято поддерживать законы и существующій государственный строй республики и навсегда отрѣшаются отъ вѣрноподданства естественному своему государю и отечеству и вообще отъ монархическаго государственнаго благоустройства. Истые русскіе люди остались русскими; перемѣнившіе же національность состояли изъ обрусѣвшихъ финляндцевъ, русскихъ нѣмцевъ и нѣсколькихъ лицъ, хотя и русскаго происхожденія, но родившихся въ с.-з. Америкѣ. Всѣ эти лица за мѣсяцъ тому назадъ считали за счастье видѣть свою фамилію въ списокѣ приглашенныхъ къ главному правителю по четвергамъ на вечеръ, расписываясь на листѣ, что читали приглашеніе, и затѣмъ смиренно тереться чуть не въ сѣняхъ у него, и вдругъ... они республиканцы по убѣжденію! Надо ли пояснять, какъ истые развитые янки, зная эти обстоятельства, смотрѣли на вновь испеченныхъ соотечественниковъ. Этому минуло уже 17 лѣтъ, и миръ праху твоему былое, прошлое!

Вмѣстѣ съ отжившей свой вѣкъ свѣтскою властью главнаго правителя, въ русскихъ колоніяхъ существовала еще власть духовная, религіозная. На окраинѣ селенія, на берегу Тихаго океана, въ двухэтажномъ деревянномъ домѣ, рядомъ съ независимыми дикими колюжами или, какъ запросто называли ихъ, колошами, мирно обиталъ пресвященный епископъ Павелъ ново-архангельскій, въ годъ формальной передачи колоній прибывшій туда для управленія камчатско-курильско-алеутской епархіей. Тутъ же

помѣщалось духовное правленіе и жилъ благочинный американскихъ церквей и миссіи, протоіерей отецъ Павелъ Кедроливанскій, два священника и причтъ. Положеніе духовной миссіи было еще затруднительнѣе, чѣмъ свѣтской власти. Средства миссіи были незначительныя и хотя алеуты всѣ номинально были православныя и религіозны, но въ сущности столь неразвиты, бѣдны, дики, разбросаны незначительными селеніями по островамъ обширной территоріи, что продолжать миссію распространенія православія на алеутскихъ островахъ стало невозможнымъ. Во время эксплуатаціи края русскими, компанейскія суда и пароходы только разъ въ годъ провозили по колоніямъ священника, который на ходу совершая фактически уже состоявшіеся браки, крестя давно родившихся, отпѣвая давно истлѣвшихъ, вмѣстѣ съ судномъ оставлялъ мѣстность.

Управляющему островомъ предоставлялось вмѣстѣ съ торговыми дѣлами компаніи слѣдить за дальнѣйшимъ духовнымъ развитіемъ и религіозностью туземцевъ, подавая имъ собой примѣръ благочестія и цѣломудрія, а потому само собой разумѣется, что, при переходѣ колоній въ руки америкашцевъ, миссіа распространенія православія въ бывшихъ русскихъ колоніяхъ окончательно рухнула.

Только что прибывшій, въ минуту формальной передачи колоній, преосвященный епископъ Павелъ долженъ былъ возвратиться обратно въ Сибирь, а духовенство перенесло свой центръ тяжести въ С.-Франциско, въ Калифорнію, гдѣ послѣдній изъ благочинныхъ русскихъ колоній, отецъ Павелъ Кедроливанскій, сложилъ свою голову, будучи поднятъ на улицѣ съ проломленною головою. Миръ праху его! Это была одна изъ свѣтлыхъ и честныхъ личностей среди блага духовенства въ русскихъ колоніяхъ. Ново-архангельскій деревянный соборъ, въ честь Михаила Архангела, былъ упраздненъ, а досчатыя часовни, разбросанныя по островамъ территоріи Аляска, стали разрушаться и уничтожаться вмѣстѣ съ туземнымъ населеніемъ, которое, постепенно вымирая, даетъ дорогу болѣе сильному и способному племени. Изъ русскихъ остались очень немногіе, да и тѣмъ не особенно повезло въ Америкѣ, гдѣ практическіе американцы на каждомъ шагу далеко опережали ихъ въ практическомъ приспособленіи къ жизни и обстоятельствамъ.

М. И. Вавиловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОХОДЪ РУССКОЙ АРМІИ ВЪ ИНДІЮ.

Проектъ состав. генер.-лейт. Евгений Егоровъ

въ 1855 г.

Записка эта принадлежит перу покойнаго отца моего, инженеръ-генералъ-лейтенанта Евгенія Андреевича Егорова, и найдена въ бумагахъ его, послѣ его смерти. Она помѣчена его рукой 1855 годомъ. Заглавія она не имѣетъ; я дагъ ей, сообразуясь съ ея содержаніемъ, таковое: „Проектъ похода въ Индію“. Почему она не была напечатана въ свое время — мнѣ неизвѣстно. Полагаю, однако, что и теперь, не смотря на то, что протекло тридцать лѣтъ со времени ея написанія, она все-же представляетъ не малый интересъ, какъ по живой и яркой характеристикѣ англійской колони-зационной политики въ Индостанѣ, такъ и по тому положенію, въ которомъ находилась въ то время Россія относительно Англій,—положенію, мало въ чемъ съ тѣхъ поръ измѣнившемуся.

„Проектъ похода въ Индію“ можетъ показаться, пожалуй, слишкомъ смѣлымъ и грандіознымъ, но, какъ будетъ видно изъ его содержанія, Россіи представлялась возможность, еще въ 1850-хъ годахъ, нанести своей соперницѣ на востокѣ такой чувствительный ударъ, послѣ котораго послѣдней пришлось бы значительно понизить тонъ и умѣрить навсегда свои нескончаемыя требованія по вопросу объ урегулированіи границъ нашихъ въ Азіи; возможность же выполненія такого похода и присутствіе всѣхъ благоприятныхъ къ тому условій въ разсматриваемую эпоху—несомнѣнны. Во всякомъ случаѣ, эта посмертная записка, въ связи съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ на востокѣ, должны пробудить серьезныя размышленія о вѣшной политикѣ нашей вообще и пожелать ей болѣе опредѣленнаго и точнаго установленія.

Біографическія свѣдѣнія о составителѣ печатаемаго здѣсь проекта см. въ „Русской Старинѣ“, изд. 1886 г., томъ XLIX, февраль, стр. 411—413.

А. Е.

Было время, когда Россія, по врожденному ей великодушію и рыцарскому благородству чувствъ, упуская изъ виду собственную свою пользу, почитала обязанностью помогать матеріально и нравственно всякому, просащему у нея помощи государству. Время это, въ исторіи русскаго народа, можно назвать нашествіемъ великодушія, которое не менѣе монгольскаго стоило Россіи крови и несмѣтныхъ пожертвованій. Самоотверженіе ея доходило до того, что она, для спасенія европейскихъ державъ, воевала со всею Европою и внесла въ предѣлы свои войну со всѣми ея ужасами: пожары, раззореніе городовъ и самой столицы государства, поруганіе церквей и святыни народной—все было принесено въ жертву этому неслыханному великодушію. И что-жь? Виѣсто дружбы и признательности за всю эту вопіющую кровь и самоотверженіе, ей всегда и вездѣ платили неблагодарностью, клеветою, ругательствами и самою ожесточенною войною. Послѣ столь долгихъ и тяжелыхъ опытовъ и разочарованій, пора, наконецъ, пощадить неповинную кровь русскаго народонаселенія, такъ щедро до сихъ поръ проливавшуюся за жизнь и благоденствіе враговъ Россіи, и обратить должное вниманіе на участь собственныхъ сыновъ ея и ихъ поколѣнія; пора возстать намъ отъ постыднаго рабства чужеземнаго и оградить вѣру и отечество наше отъ лжеучителей и напльва безнравственныхъ бродягъ западнаго происхожденія. Не корысть, не честолюбіе, не расширеніе границъ государства, и безъ того уже обширнаго, но чувство само-сохраненія должно побуждать насъ къ принятію мѣръ противъ замысловъ враговъ нашихъ и къ ослабленію, по возможности, средствъ, которыя они употребляютъ на нашу явную погубель. Мы имѣемъ на то право,—въ этомъ состоитъ наша обязанность къ Богу и отечеству.

Вникнувъ въ политику главнѣйшихъ государствъ Европы, мы увидимъ, что всѣ ея пружины, всѣ усилія и замыслы устремлены постоянно къ тому, чтобы уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить Россію, убить ея производительныя силы и лишить ее возможности не только дѣйствовать, но даже думать наравнѣ съ европейскими державами. Главный двигатель всѣхъ этихъ замысловъ—Англія; она чутьемъ бульдога ощущаетъ, что владычество ея въ Остѣ-Индіи никѣмъ не можетъ быть такъ сильно и удобно потрясено, какъ Россією, которая, со времени Петра Великаго, не переставала устремлять туда, хоти изрѣдка, свое вниманіе и которая, по самому географическому положенію своему, изъ всѣхъ государствъ твердой земли, какъ бы особенно предназначена служить складкою торговли между Европою и Среднею Азією. Главнымъ препятствіемъ къ этому были только дикость прилегающихъ къ ней азіатскихъ народовъ и жадность англичанъ, не желающихъ ни съ кѣмъ дѣлиться своими выгодами. Слѣдственно, обязанность и естественное стремленіе Россіи должно быть направлено къ уничтоженію этихъ препятствій и измѣненію порядка вещей, отъ котораго она терпитъ въ настоящемъ и еще болѣе будетъ

торѣтъ въ будущемъ, если не приметъ скорѣйшихъ и дѣятельныхъ мѣръ противъ британскаго властолюбія.

Присутствіе англійскаго флота въ Черномъ морѣ, занятіе, съ согласія Англіи, дунайскихъ княжествъ Австрію, послѣ срока, опредѣленнаго парижскимъ трактатомъ, торжественно подписаннымъ этими державами, возмутительныя рѣчи Пальмерстона и безсмысленные, но злобные вопли англійскихъ писателей—не даютъ ли повода къ заключенію, что, съ прекращеніемъ грома оружія, не прекратилась еще война Англіи противъ русскаго народа; а потому, случай нанести ей ударъ въ Индостанѣ представляется самъ собою въ настоящее, весьма для того благоприятное, время. Для лучшаго объясненія этого предположенія, обратимъ прежде вниманіе на то, какимъ образомъ самое либеральное государство въ мірѣ, какъ величаетъ себя Англія, управляетъ подвластными ей народами въ Индостанѣ и пользуется ли она тамъ ихъ любовью и сердечной привязанностью.

Имперія Индо-британская занимаетъ пространство, равное половинѣ Европы; народонаселенія на немъ исчислено: въ подвластныхъ Англіи народахъ—до 105 милліоновъ жителей, и въ народахъ, покровительствуемыхъ ею, — до 47 милліоновъ, кромѣ пріобрѣтеній ея въ Явѣ, на берегу моря. Теперь здѣсь считается 220 королевствъ, княжествъ и главныхъ владѣній, платящихъ дань Остъ-Индской компаніи, кромѣ маленькихъ князьковъ или второстепенныхъ владѣтелей, связанныхъ съ нею различными обязательствами. Покровительство съ одной и совершенная покорность съ другой стороны,—вотъ главное основаніе этихъ обязательствъ.

Либеральная англійская политика въ Индіи всегда имѣла одно направленіе и изъ какой бы точки она ни брала свое начало, всегда достигала одной цѣли, а именно: убѣдить природныхъ владѣтелей, что, какъ для собственной своей защиты отъ возстанія ихъ подданныхъ, такъ и для отраженія внѣшнихъ непріятелей, они должны, по необходимости, принять предлагаемое имъ компаніею войско, подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ, содержать его, натурально, на свой счетъ и платить положенное жалованье изъ своихъ доходовъ. А какъ нѣкоторыя провинціи, выведенныя изъ терпѣнія жестокими налогами и безчеловѣчными поступками своихъ правительствъ, а часто подстрекаемыя самими англичанами, дѣйствительно подымали знамя бунта, который усмирить весьма трудно національною милиціею, между тѣмъ, какъ англійское регулярное войско, а особенно пѣхота и артиллерія, наводятъ большой страхъ на народъ и туземную милицію, то владѣтельными особы, полагая найти въ этомъ предложеніи личную выгоду, защиту и безнаказанность своихъ звѣрскихъ поступковъ, равно прочность и огражденіе ихъ престоловъ, безъ сопротивленія принимали къ себѣ это вспомогательное войско (contingent), котораго число всегда увеличивалось по обстоятельствамъ, непремѣнно того требовавшимся, потому что владѣтельный князь или его правительство,

подъ защитою компаніи, не опасаясь болѣе своихъ подданныхъ, не имѣли надобности и щадить ихъ. А по увеличеніи вспомогательныхъ войскъ, національная милиція распускалась, какъ уже ненужная; наконецъ, приходило время, когда такимъ образомъ всѣ военныя силы этихъ государствъ попадали въ руки англичанъ. Но какъ въ то-же время, благодаря дурному управленію индійскихъ правительствъ, по мѣрѣ увеличенія этихъ войскъ, средства къ ихъ содержанию истощались, то необходимость заставляла оставаться болѣе и болѣе въ долгу у компаніи. Чтобы обезпечить уплату этого долга, владѣтели принуждены были уступать ей часть своихъ земель, которыхъ предѣлы нечувствительно увеличивались. Независимо отъ того, нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримеръ, аудскій король и проч., нашлись въ необходимости предоставить англичанамъ часть своей власти по гражданскому управленію, какъ средства къ обезпеченію скорѣйшаго сбора податей. Изъ этихъ двухъ ролей уступокъ рождалось всегда одно общее, постепенное стремленіе лишить незамѣтнымъ образомъ природныхъ владѣтелей гражданской и правительственной власти такъ-же, какъ они уже допустили лишить себя военной. Такими невинными средствами владѣтельные князья превращались въ политическіе нули. Это положеніе дѣлъ они оставляли своимъ наслѣдникамъ, которые еще болѣе теряли свое значеніе,—и, наконецъ, династія прекращалась.

Англичане, убѣжденные на опытѣ, что система эта весьма полезна и имѣла всегда вѣрные результаты, никогда не дупускали употреблять ее при всякомъ удобномъ случаѣ въ теченіи болѣе 40 лѣтъ. Какъ скоро у нихъ рождалось непреодолимое желаніе проглотить какое нибудь новое государство, то они, вмѣсто завоеванія его оружіемъ, что потребовало бы усилій и излишнихъ издержекъ, при томъ могло-бы произвести дурное впечатлѣніе и даже тревогу въ сосѣднихъ владѣніяхъ, довольствовались тѣмъ, что навязывали обреченному на жертву правительству свой союзъ и вспомогательную силу, съ обязательствомъ платить компаніи условленную сумму денегъ, что въ настоящемъ смыслѣ составляло подать. Это значило посадить зародышъ разрушенія, подвести мину подъ укрѣпленія осажденнаго города. Потомъ, показывая видъ равнодушія и притворной умѣренности, терпѣливо ожидали послѣдствій. Имъ было очень хорошо извѣстно, что затрудненіе при покрытіи наложенной подати, введетъ ихъ, мало по малу, въ управленіе государствомъ, а потомъ непременно доставитъ случай и совсѣмъ захватить его въ свои руки. Такого рода система имѣла еще и ту выгоду для правительства, въ полномъ смыслѣ слова адскаго, что набрасывала завѣсу на всѣ скрытныя пружины его честолюбія. Лишая собственности законнаго владѣтеля, оно имѣло видъ дѣлать ему одолженіе: его избавляли, наконецъ, отъ трудовъ управленія, которое сдѣлалось невыносимо тягостнымъ. Это услужливость ростовщика, который, для уплаты долговъ, продаетъ ваше имѣніе и пускаетъ васъ по міру.

Владѣтельныхъ князей, которые находятся теперь подъ покровительствомъ

Остѣ-Индской компаніи или въ ея зависимости, можно раздѣлить на четыре разряда:

1) Владѣтели, независимые въ отношеніи внутренняго управленія ихъ государствъ, но не въ отношеніи политическомъ; сюда принадлежатъ король лагорскій съ 5-ю милліонами жителей.

2) Владѣтели, которыхъ государства управляются министромъ изъ туземцевъ, по избранію англійскаго правительства и состоящаго подъ непосредственнымъ покровительствомъ его представителя или агента, имѣющаго постоянное мѣстопробываніе при дворѣ владѣтельнаго князя. Къ этому разряду принадлежитъ низамъ Гайдерабада (бывшее королевство Голкондское) и Декана. Въ его владѣніяхъ 12 милліоновъ жителей; доходу съ нихъ получается до 75 милліоновъ франковъ. Этотъ низамъ обязался въ 1812 году трактатомъ имѣть у себя при самой столицѣ 10 тысячъ вспомогательнаго войска, за содержаніе котораго онъ задолжалъ компаніи значительную сумму, почему и принужденъ былъ уступить ей прекраснѣйшія провинціи свои въ Мейсоръ съ тѣмъ, чтобы доходами съ нихъ сама компанія покрывала издержки на содержаніе этого войска. А чтобы избавить, сверхъ того, низама отъ излишнихъ доходовъ, которыхъ онъ не зналъ бы куда дѣвать, его принудили содержать еще, для наблюденія за внутреннимъ порядкомъ въ государствѣ, отрядъ въ 12 тысячъ человекъ туземцевъ подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ. На содержаніе этого отряда, министръ его высочества долженъ ежегодно представлять 300,000 фунтовъ стерлинговъ британскому резиденту, который принялъ на себя трудъ распредѣленія ихъ по своему усмотрѣнію. А какъ сумма эта, по соображенію резидента, оказалась недостаточной для содержанія сказаннаго отряда и притомъ случались еще различныя требованія со стороны компаніи, то гайдерабадское правленіе должно было постоянно прибавлять къ этой суммѣ еще до 300,000 ф. стерлинговъ, т. е. 7,500,000 франковъ въ годъ, отчего оно пришло въ такое положеніе, что всѣ ея земли въ скоромъ времени поступаютъ въ полное владѣніе компаніи.

3) Владѣтели, которыхъ государства управляются подъ ихъ именемъ самимъ англійскимъ резидентомъ или агентомъ по его выбору, и

4) Владѣтели, лишенные земель. Они состоятъ на пенсіи и пользуются подобающимъ ихъ званію уваженіемъ.

Но здѣсь, весьма естественно, рождается мысль, что необразованное народонаселеніе Индостана, вѣроятно, много выиграло въ отношеніи его быта и умственнаго образованія, перейдя изъ рукъ варварскихъ правителей подъ управленіе христіанскаго и притомъ самаго либеральнаго народа въ мірѣ. Науки, художества, земледѣліе, мануфактурная промышленность должны получить тамъ, конечно, необыкновенное развитіе при чрезвычайной щедрости природы, богатой растительности и плодородной почвѣ земель. Посмотримъ, что говорятъ очевидные свидѣтели, какъ, наприимѣръ, графъ Варренъ, котораго

отецъ былъ 25 лѣтъ въ англійской службѣ въ Остѣ-Индіи; самъ онъ родился въ Мадрасѣ и служилъ 9 лѣтъ въ англійскихъ остѣ-индскихъ войскахъ, находился въ кампаніяхъ и извѣдалъ всѣ остѣ-индскія владѣнія по всѣмъ направленимъ, въ качествѣ англійскаго офицера; слѣдственно, могъ видѣть вещи съ настоящей точки зрѣнія и судить о нихъ безъ всякаго пристрастія.

„Спросите, говоритъ онъ, у райота, сидящаго на порогѣ полуразвалившейся хижины свсей, въ которой семейство его, покрытое рубищемъ и насѣкомыми, валяется въ грязи, незащищаемое даже отъ вліянія атмосферы; спросите у хлѣбопашца, живущаго какъ рабочая скотина,—любятъ-ли они англичанъ? они вамъ отвѣтятъ, указывая на нищету свою: „могу-ли я любить руку, которая осудила меня на такое существованіе“. Спросите у ткача безъ работы, который смотритъ на продажу передъ его дверями англійскихъ перкалей и кружевъ; спросите у прежнихъ земонарѣевъ, т. е. у древнихъ фанталій зажиточнаго и уважаемаго прежде класса людей, изъ которыхъ выжали все, что можно было выжать, и потомъ бросили безъ пропитанія; спросите у индійца вообще: любятъ ли онъ этихъ пришельцевъ, исповѣдающихъ различную съ нимъ религію и презирающихъ вѣру отцовъ его,—племя, по его мнѣнію, проклятое, употребляющихъ въ пищу скверныхъ животныхъ,—которые невоздержность, увеселенія и привычки производятъ въ немъ отвращеніе, и которое привело къ нему пороки и болѣзни, до тѣхъ поръ вовсе неизвѣстныя, отъ всѣхъ вы получите одинъ отвѣтъ, выражающій ненависть къ иностранцамъ“.

Въ сердцахъ мусульманъ, здѣсь обитающихъ, англійское правленіе, своими постановленіями и дѣйствіями, поселило къ себѣ также ненависть и презрѣніе.

Прежніе владѣтели татарскаго происхожденія жили въ великолѣпныхъ дворцахъ и издерживали огромныя суммы, какъ для собственныхъ своихъ прихотей, такъ и на постройку храмовъ, дорогъ, мостовъ и проч. Изъ этихъ денегъ доставалась часть и бѣдному классу людей. Тогда были устроены огромныя плотины для задержанія воды, послѣ бывающихъ здѣсь лѣтомъ проливныхъ дождей; вода эта служила къ орошенію полей во время засухи. Теперь, при правленіи компаніи, все это пришло въ разрушеніе до того, что поля риса и другихъ продуктовъ, служащихъ главною пищею народа, совершенно выжигаются палящими лучами солнца и голодъ часто истребляетъ бѣдное народонаселеніе края. Капитанъ англійской службы Бестъ, какъ личный свидѣтель, сдѣлалъ исчисленіе, что въ 1833 году, въ одномъ округѣ Гунтура, Мадрасскаго президентства, изъ 518,318 душъ умерло съ голоду въ четыре мѣсяца до 150,000 человекъ! Между тѣмъ, компанія собираетъ ежегодно значительныя суммы на устройство плотинъ, путей сообщенія и другихъ общественныхъ построеній.

Съ другой стороны, парламентъ, для удовлетворенія ненасытной жадности своихъ великобританскихъ фабрикантовъ, издалъ законъ, обязывающій индійскихъ подданныхъ принимать въ свои гавани всѣ англійскія мануфактурныя

произведенія, съ пошлиною не болѣе 2-хъ или 3-хъ процентовъ на 100, тогда какъ индійскія произведенія допускаются въ Великобританіи съ пошлиною отъ 30 до 1000% на сто! Это имѣло послѣдствіемъ совершенный упадокъ нѣкогда столь знаменитыхъ мануфактурныхъ издѣлій Индіи и лишило несчастныхъ ремесленниковъ дневнаго пропитанія. Даже ввозъ въ Великобританію простыхъ произведеній земля и щедрой природы Остъ-Индіи почти вовсе запрещенъ, для обогащенія Канады и другихъ колоній. Въ удовлетвореніе жадности антильскихъ колонистовъ, кофе, хлопчатая бумага, шерсть, льняное сѣмя, шелкъ, кошениль, должны платить 100, 200, 300 % на 100; наконецъ, на табакъ, самое богатое произведеніе индійской почвы, наложено пошлины болѣе 3000 на 100! Однимъ словомъ, заставляя индійцевъ питать англійскую промышленность потребленіемъ ея товаровъ, имъ прегражденъ путь къ сбыту своихъ произведеній. Слѣдственно, искусный промышленникъ, торпѣливый земледѣлецъ, отличный ткачъ принуждены оставить свою работу и, не имѣя другихъ средствъ къ существованію, приведены въ нищету и умирають съ голоду.

Если ко всѣмъ этимъ правительственнымъ распоряженіямъ прибавить личное обращеніе англичанъ, которые надменными и презрительными выходками и въ Европѣ оставляють по себѣ вездѣ непріятное впечатлѣніе, не изглаживаемое даже и золотомъ, которое они разсыпають въ путешествіяхъ, то въ Индіи, особенно, увѣренность въ безнаказанности позволяетъ имъ производить такіа насильства и угнетенія, которыя заставляють краснѣть за нихъ человѣчество.

Когда побѣдитель съ побѣжденнымъ находятся въ такомъ отношеніи, что несправедливость и высокомеріе съ одной, а страхъ и ненависть съ другой стороны, то любви здѣсь существовать уже не можетъ. А потому, могущество англичанъ въ Индіи основано единственно на страхѣ. У сипаевъ этотъ страхъ имѣеть очень большіе глаза, потому что народъ этотъ глубоко убѣжденъ въ своемъ безсиліи свергнуть британское иго безъ помощи европейцевъ, чувствуя преимущества своихъ побѣдителей въ отношеніи физической силы, храбрости, познаній и способностей вообще. Притомъ, порядокъ и благоустройство англійскаго войска и артиллеріи, которымъ счастье постоянно благопріятствовало во всѣхъ ихъ индійскихъ экспедиціяхъ до послѣдняго гибельнаго для нихъ похода въ Авганистанъ. Наконецъ, непреклонная воля англичанъ и преувеличенное понятіе о неистощимости средствъ компаніи къ приобрѣтенію денегъ и людей по ея желанію, все это вмѣстѣ представляется индійцамъ какою-то гидрой, у которой, если отрывать сто головъ, то на мѣсто ихъ немедленно вырастутъ другія для того, чтобъ ихъ проглотить. Сипаи совершенно убѣждены, что всякое возстаніе съ ихъ стороны послужитъ къ ихъ истребленію, что всѣ ихъ легіоны будутъ разбиты однимъ регулярнымъ полкомъ европейцевъ.

Индійцы вообще хорошо сложены и имѣють прекрасныя черты лица; но

члены ихъ слабы и безсильны, грудь какъ будто вдавлена между плечей, руки и ноги чахоточныя, безъ мускульныхъ выпуклостей, а потому они боятся всякой рукопашной схватки съ европейцами. Во время сраженія они слѣдуютъ за своими европейскими офицерами, какъ бараны за пастухомъ, безъ всякаго увлеченія, но единственно изъ страха остаться назади; почему всѣ сраженія въ Индiи всегда рѣшаются на разстоянiи пушечнаго выстрѣла. Сипаи созданы дѣйствовать и наносить вредъ непріятелю, когда онъ разбитъ картечью и обращенъ въ безпорядочное бѣгство. Тогда они въ своей сферѣ; но какъ скоро противникъ рѣшится атаковать ихъ стремительно, хотя бы съ несравненно меньшими силами, сипаи не устоятъ ни минуты, покажутъ ему тылъ и разбѣгутся во всѣ стороны. Такъ говорятъ о нихъ всѣ безпристрастные очевидцы и самыя англійскія газеты. Были примѣры, что одинъ слабый регулярный батальонъ въ 500 человекъ разбивалъ 20 тысячъ сипайскаго войска.

Таковъ вообще, съ нѣкоторыми исключенiями, характеръ индiйскаго народа. Къ тому должно еще присоединить, что здѣсь существуетъ множество сектъ, раздѣляющихъ этотъ народъ на различныя вѣрованiя, и что онѣ питаютъ такую ненависть другъ къ другу, что одна секта не прикасается даже къ другой. Хотя и бывають иногда частныя возстанiя въ нѣкоторыхъ провинцiяхъ, особенно между мусульманами, однако-жъ они не имѣютъ общей для всего края цѣли и не берутъ начала въ любви къ отечеству; а потому, не находя сочувствiя въ сосѣднихъ владѣнiяхъ, падаютъ сами собой или уничтожаются однимъ или двумя полками, нерѣдко сформированными изъ людей того же края. Для всеобщаго возстанiя необходимо нужно единство мысли и совокупленiе большихъ массъ народонаселенiя, не раздѣленныхъ между собою никакою ненавистью, чего никогда не позволить въ Индiи различiе вѣрованiй. Если-бы двѣ какiя нибудь секты составили заговоръ, то можно быть увѣреннымъ, что одна изъ нихъ измѣнитъ другой прежде наступленiя рѣшительной минуты. Такъ случилось во время возмущенiя въ Бенгалорѣ въ 1833 и въ Кейкнудѣ въ 1839 годахъ.

Итакъ, очевидно, что Англія не должна ничего опасаться со стороны этихъ народовъ до тѣхъ поръ, пока они предоставлены самимъ себѣ, безъ посторонняго для нихъ влiянiя.

Но если бы другой великанъ, равносильный Англiи, явился на берегахъ рѣки Индуса и, развернувъ военное знамя, сказалъ этому подавленному поколѣнiю: „Народы и владѣтели Индостана! Именемъ Аллаха и царя русскаго мы пришли освободить васъ отъ ненавистнаго ига англичанъ,—пришли не покорять, а возвратить вамъ похищенное. Мусульмано, райпуты, маграты, политары, рай и набобы, возстаньте на изгнаніе чужеземцевъ, завладѣвшихъ вашими престолами, землями, золотомъ, мануфактурами,—пролившихъ столько крови вашей для собственнаго обогащенiя,—вступите въ ваши прежнія права и владѣнiя!“ О, тогда обстоятельства совершенно измѣнятся; тогда! всѣ эти,

по наружности, разъединенные народы, какъ песчинки степей ихъ, гонимыя вихремъ, вздымаясь, понесутся подъ знамена своихъ избавителей. Одно уже столкновение этихъ двухъ великановъ произведетъ внезапную бурю и потрясетъ политическую атмосферу Индіи. Раздѣленные прежде частицы начнутъ теперь, по закону притяженія, притягиваться, соединяться на всѣхъ точкахъ, одною общею всѣмъ идеею,—и горе тому, на кого будетъ направлено ихъ нападеніе. Въ странѣ, раздробленной на безчисленное множество партій, безъ общей политической связи, готовой всегда подчиниться новому побѣдителю, наполненной всякаго рода бродягами, ищущими случая присоединиться ко всякому явившемуся предводителю,—въ такой странѣ первое успѣшное дѣло, первая раздѣленная добыча послужатъ къ быстрому образованію цѣлыхъ легионовъ. И чѣмъ дольше продолжится борьба, тѣмъ болѣе новые конфедераціи будутъ возрастать, укрупняться и, наконецъ, составятъ одну несокрушимую массу народа. Однимъ словомъ, день, когда русская армія станетъ на берегахъ рѣки Инда, будетъ послѣднимъ днемъ Остъ-индской компаніи.

Но чтобы всѣ эти расужденія не показались воздушными замками или игрою одного воображенія, мы можемъ впередъ вычислить, почти математически, сопротивленіе, которое въ состояніи противопоставить завоевателю великобританское правительство.

Предположимъ, что русская армія расположилась въ верхней части р. Индуса передъ Пешеваромъ или Дера-Измаэль-Ханомъ; посмотримъ, какую наибольшую силу она можетъ встрѣтить при первомъ нападеніи на Индію. Мы опредѣлимъ эту силу по той, которую лордъ Эленборо считалъ необходимымъ развернуть, чтобы поразить воображеніе индійцевъ и возстановить высокое мнѣніе о могуществѣ британскаго правительства въ Индіи, прежде бѣдственныхъ потерь его въ Агганистанѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что лордъ Эленборо употребилъ для этого всевозможныя усилія, потому что англійское могущество, уничтоженное въ то время, имѣло крайнюю нужду возстать во всемъ своемъ величіи, чтобы устрашить вселенную. Итакъ, чтобы прикрыть отступленіе на Кабулъ и собрать остатки первыхъ неудачъ, англоиндійское правительство двинуло четыре арміи: двѣ дѣйствующія и двѣ резервныя. Первая дѣйствующая армія генерала Поллока въ Жюмалабадѣ, состояла изъ двухъ дивизій, силою обѣ въ 14,500 человекъ; вторая, подъ начальствомъ генерала Нотса, въ 21,500, въ двухъ дивизіяхъ; резервныя арміи имѣли 18,600 человекъ. Всѣ же четыре арміи заключали въ себѣ до 55,000 человекъ европейцевъ и туземной милиціи.

Если къ этому добавить 6,000 разбитыхъ въ Кабулѣ, то окажется, что Англія доказала возможность, въ случаѣ необходимости, сосредоточить на сѣверо-западной границѣ Индіи армію въ 61,000 человекъ подъ ружьемъ, въ числѣ которыхъ до 15,000 европейцевъ. Имѣеть-ли она средства выставить болѣе, если-бы русское войско явилось когда нибудь на этой границѣ? Можно

положительно отвѣчать, что при настоящемъ ея военномъ устройствѣ она не только болѣе, но даже и показаннаго числа 61,000 чел. выставить не въ состояніи, и вотъ почему именно: для сформированія резервныхъ армій, о которыхъ мы говорили выше, потребовалось бросить безъ защиты нѣкоторые весьма важные пункты: города Лудіаняхъ и Кернуль, гдѣ было сложено огромное количество провіанта, оставались каждый подъ прикрытіемъ только одного баталіона туземцевъ. Баррейли, находящійся въ цѣптрѣ народонаселенія авганскаго племени, буйнаго и многочисленнаго, прикрывали только 2 баталіона туземной пѣхоты и 2 эскадрона иррегулярной кавалеріи. Изъ гарнизоновъ многихъ другихъ городовъ нельзя было взять ни одного человѣка, такъ что изъ мадрасскаго и бомбейскаго президентствъ взяли все, что только можно было взять,—и это для нападенія на авганское не регулярное войско. При нравственномъ же впечатлѣніи, которое произведетъ намѣстнѣе русской арміи, такіе слабые гарнизоны были бы уже недостаточны для содержанія края въ повиновеніи, и тогда никакъ нельзя будетъ отважиться оставить все, сколько нибудь, важные пункты, безъ особеннаго наблюденія.

Изъ этого слѣдуетъ, что если допустить самый усиленный и раззорительный для компаніи составъ арміи 1842 года, т. е. въ 50,000 европейцевъ и 263,000 туземцевъ—всего въ 313,000 человѣкъ, которыхъ содержаніе стоило ежегодно 63.000,000 франковъ, то англо-индійское правительство и тогда не въ состояніи выдвинуть на Индусъ болѣе 50,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 13,000 европейцевъ. Здѣсь могутъ возразить, что въ такомъ опасномъ положеніи Великобританія вышлетъ вооруженную милицію и часть своихъ регулярныхъ войскъ, не находящихся въ Ирландіи. Но самое большее число, какое она можетъ такимъ образомъ набрать и выслать моремъ, на столь огромное разстояніе, составитъ не болѣе 15 т. человекъ, 20 т. человекъ; предположивъ, что большая часть этого подкрѣпленія уснѣетъ придти во время для принятія участія въ первомъ сраженіи, мѣстное правленіе, во всякомъ случаѣ, не можетъ ввести въ дѣло болѣе 25 т. европейцевъ и 35 т. туземной милиціи, всего до 60 т. человекъ, даже не оставивъ у себя въ тылу никакого резерва и распредѣливъ въ индійскихъ владѣніяхъ только самое необходимое число войскъ для удержанія ихъ въ повиновеніи и обезпеченія продовольствія арміи.

Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что Англія безъ системы конскрипціи производитъ наборы свои весьма медленно и съ большими издержками на волонтеровъ, которыхъ потомъ еще надобно нѣсколько мѣсяцевъ обучать, чтобы сдѣлать солдатами, а потому подкрѣпленіе изъ Англіи не можетъ подоспѣть прежде года и даже еще позже.

Не смотря на то, допустимъ, что, при усиленныхъ средствахъ, европейцевъ будетъ на лицо въ первомъ дѣлѣ 23 т. человекъ, и поставимъ противъ нихъ 30 т. русскихъ штыковъ; положимъ, что силаевъ будетъ въ строю отъ 25 до 30 т. Сосравуясь съ тѣмъ, что было о нихъ сказано выше, мы сдѣ-

даемъ имъ много чести, если употребимъ противъ нихъ 15 т. русскихъ солдатъ; на 11 т. кавалеріи англійской и туземной вмѣстѣ будемъ считать столько же русской кавалеріи; на артиллерію англійскую, вмѣстѣ съ туземной, положимъ 3 т. артиллеристовъ; затѣмъ 1000 человекъ инженеровъ, саперовъ и пионеровъ и, наконецъ, нѣсколько сотенъ линейныхъ казачковъ, не беря въ разсужденіе помощи, которую, по настоящимъ обстоятельствамъ, можно ожидать, какъ мы увидимъ ниже, отъ Персіи и отъ Авганистана.

Итакъ, для совершенія этого великаго предпріятія, потребуется до 61 т. русскаго войска, съ которымъ можно пройти Индостанъ отъ Аттока до мыса Коморина, безъ всякихъ особенныхъ препятствій и затрудненій.

Здѣсь, для большаго подтвержденія этихъ соображеній, любопытно сравнить выводъ нашихъ исчисленій для атакующей арміи съ планомъ Наполеона I, найденномъ въ его бумагахъ. Онъ долженъ былъ исполниться послѣ счастливаго похода въ Россію.

Планъ Наполеона I для экспедиціи въ Индію сухимъ путемъ:

„35 т. русскихъ войскъ спустятся по Волгѣ до Астрахани, сядутъ здѣсь на суда и отправятся для занятія Астерабада, гдѣ будутъ ожидать французскую армію.

„35 т. французовъ спустятся на судахъ по Дунаю до его устья; оттуда они будутъ перевезены въ Таганрогъ на русскихъ корабляхъ: они подымутся потомъ сухимъ путемъ по берегу Дона до Пятизбанской, оттуда пойдутъ въ Царицынъ на Волгѣ, по которой спустятся на судахъ до Астрахани; наконецъ, водою достигнутъ на соединеніе съ русскими въ Астерабадѣ. Такимъ образомъ, французскій корпусъ придетъ туда безъ изнуренія.

„Изъ Астерабада оба корпуса вмѣстѣ двинутся на Индусъ“.

Изъ этого видно, что Наполеонъ считалъ свою армію въ 70 т. человекъ, но въ то время она встрѣтила бы несравненно большія препятствія, нежели теперь; одна изъ нихъ особенной важности: Авганистанъ, котораго географія тогда была совершенно неизвѣстна и котораго непріязненные племена наполнили бы всѣ неизслѣдованные еще пути сообщенія арміи дикими гверильясами, между тѣмъ, какъ теперь они возстанутъ, какъ одинъ человекъ, при одномъ воззваніи отмстителя, кто бы онъ ни былъ. Они не забыли и долго не забудутъ недавняго еще злодѣянія англичанъ въ Кабулѣ и Жюллалабадѣ, и съ радостью возьмутся за оружіе къ уничтоженію ненавистнаго племени. Потомъ, тогда еще существовали на Индійскомъ полуостровѣ троны независимыхъ владѣтелей, которыхъ англо-индійское правленіе счужло бы искусно бросить на жертву между собой и новымъ завоевателемъ. Теперь всѣ эти троны развалились и остатки ихъ обратились въ прахъ. Англійское правительство въ Индіи, на всемъ ея пространствѣ, не оставило себѣ ни одной опоры; оно теперь само должно держаться въ равновѣсіи на волнующемся пескѣ пародной ненависти.

Съ другой стороны, непріязненные дѣйствія англичанъ противъ Персіи и отправление изъ Бомбея въ Персидскій заливъ войска, для принужденія ея оставить Кабуль, поставяетъ теперь шаха между двухъ огней, а потому онъ съ радостью не только приметъ въ свои предѣлы русскія войска, но и доставить имъ всевозможныя средства при переходѣ ихъ черезъ его владѣнія. Персіане, обезпеченные со стороны Афганистана, получаютъ возможность съ большою силою, при незначительной помощи русскихъ, отразить высадку англичанъ около Бушира, что послужитъ сильною диверсіею для русскаго наступательнаго корпуса. Если же английскіе отряды, посланные въ Персидскій заливъ, чувствуя невыгодность своего разбѣженія, возвратятся къ главнымъ своимъ силамъ на Индусъ, то персіане, прикнувъ къ русскому корпусу, будутъ служить ему подкрѣпленіемъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя не согласиться, что настоящее время такъ благоприятно и представляетъ столько очевидныхъ выгодъ къ сокрушенію колоссальнаго владычества Остъ-индской компаніи, что, кажется, само Провидѣніе, утомленное злодѣйствами англичанъ, указываетъ всевозможныя средства къ ихъ прекращенію.

Съ корпусомъ такого состава, какъ мы сказали, русскому генералу можно будетъ дать сраженіе англо-индской арміи, при первой съ нею встрѣчѣ, гдѣ того позволитъ мѣстоположеніе, и стремительно атаковать ее, принявъ только въ соображеніе, что для равновѣсія въ силахъ, противъ регулярныхъ войскъ англичанъ, должно быть выставлено, если не болѣе, то по крайней мѣрѣ равное число войскъ, съ надлежащимъ резервомъ. Если же онъ будетъ имѣть дѣло съ сипаями, то послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ орудій можетъ смѣло атаковать эту сволочь, не считая ихъ числа, и лишь бы нападеніе сдѣлано было рѣшительно и дружно,—они не выдержатъ удара, бросятъ оружіе и разбѣгутся съ тѣмъ, чтобы въ другой разъ уже не показываться. Одни европейскіе офицеры умрутъ или достанутся въ плѣнъ побѣдителю.

Что касается до продовольствія наступающей арміи, то въ персидскихъ предѣлахъ она не будетъ имѣть въ немъ недостатка; но вступленія же въ Пенджабъ, русскому генералу нужно только имѣть мѣшокъ съ золотомъ; снѣ падетъ и тамъ пособіе въ народной ненависти къ англичанамъ. Притомъ-же здѣсь находятя громадныя комиссаріаты, превосходно устроенныя съ давнихъ временъ и служившіе всѣмъ прежнимъ завоевателямъ Остъ-Индіи. Эти комиссаріаты будутъ готовы къ его услугамъ при первомъ востребованіи. Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ:

Въ Индіи есть кочующая каста или племя людей, извѣстныхъ тамъ подъ именемъ „ламбадій“ или „бриджарій“—это то же, что у насъ цыгане. Эти бриджары кочуютъ по всему Индійскому полуострову, разбиваютъ довольно большой лагерь въ одно мѣстѣ, потомъ уходятъ въ другое и, такимъ образомъ, встрѣчаются вездѣ. Они-то, преимущественно, ведутъ торговлю зерновымъ хлѣбомъ во всемъ Индостанѣ. На спинахъ своихъ воловъ или верблю-

довъ они проносятъ лѣбъ на огромныя разстоянія и съ такимъ конвоемъ, который можно принять за цѣлую армию. Бриджары никогда не живутъ въ домахъ, но всегда въ лагерѣ, довольно правильно устроенномъ. При нападеніи на нихъ, они храбро защищаютъ свою собственность. Во время войны, они являются всегда въ обѣ воюющія стороны; разстройство и беспорядокъ привлекаютъ ихъ туда, какъ чутые плотоядныхъ животныхъ на поле сраженія. Они стекаются сюда со всѣхъ сторонъ, пристають къ той или другой сторонѣ, вообще же къ обѣимъ, если онѣ пожелають воспользоваться ихъ услугами; всегда готовы дѣйствовать за деньги, и служатъ вѣрно—до послѣдней копѣйки. Соблюдя строгій нейтралитетъ въ отношеніи къ воюющимъ, они имѣютъ только въ виду продать свои зерна и наняться для перевозки тяжестей къ тому, кто ихъ лучше заплатитъ.

Казалось бы, что Англія, располагающая всѣми средствами въ краѣ, могла бы ихъ откупить—но это гидра съ милліономъ головъ. Хотя различныя касты бриджаръ, въ случаѣ нужды, помогаютъ одна другой, но у нихъ нѣтъ никакого взаимнаго обязательства; интересы ихъ подобны, но несколько не связаны между собой. Матеріально нѣтъ возможности откупить ихъ всѣхъ; а какъ тѣ, которые не подкуплены, немедленно же перейдутъ къ непріятелю, то объ этомъ нечего и думать—это то-же, что желать осушить океанъ. Изъ всѣхъ кастъ Индіи, каста бриджаръ самая жестокая, грубая, дикая; они приносятъ еще людей въ жертву своимъ богамъ. Но въ то-же время это самый крѣпкій и неутомимый народъ: какіе бы усиленные переходы ни дѣлала армія, которую они продовольствуютъ, она всегда найдетъ ихъ въ назначенномъ пунктѣ. Бриджары имѣютъ еще странный предрасудокъ: никогда не пьютъ изъ рѣкъ или прудовъ, почему они полезны при переходѣ арміи по степямъ. Если хотя капля воды находится въ окрестности, они ее достанутъ, на какой-бы то ни было глубинѣ. Во время военныхъ дѣйствій, лордъ Корнваллисъ Велингтонъ и другіе военачальники прибѣгали къ помощи бриджаръ и даже при быстрыхъ переходахъ предпочитали ихъ медленной системѣ англійскаго комисаріата. Равнымъ образомъ и въ перевозкѣ тяжестей, помимо помощи бриджаръ, съ деньгами и при хорошемъ обращеніи съ жителями, никогда не будетъ остановки.

Англійскіе журналы въ Индіи и, за ними, великобританскіе писатели приводятъ публику въ заблужденіе, повторяя, что атакующей арміи трудно перейти черезъ Индусъ, защищаемый съ лѣваго берега англичанами; но тѣ, которые тамъ служили, особенно въ послѣднія войны, совершенно убѣждены въ томъ, что на разстояніи до 150 верстъ между Дера-Измаилъ-Ханомъ и Атоккомъ трудно остановить переправы непріятеля, особенно при тихомъ теченіи этой рѣки и множество бродовъ и отмелей, которыя находятся на этомъ пространствѣ. Притомъ же и глубина ея—отъ 12 до 15 футовъ—не болѣе. Линія эта оказывается самою выгодною для операціоннаго базиса въ сравненіи съ остальнымъ теченіемъ Индуса еще и потому, что напротивъ лежатъ

безпрерывною полосою плодородныя страны съ достаточнымъ количествомъ воды и что, направляясь сюда, армія оставитъ въ сторонѣ песчаныя степи Райпутана. Здѣсь же переправлялись всѣ предшествовавшіе завоеватели Индіи.

Можно бы было опасаться, что наибольшія затрудненія встрѣтятся въ самомъ началѣ похода отъ Астрахани до Кабула. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это было дѣйствительно справедливо, но англичане сами сгладили эти препятствія безчеловѣчною экспедиціею своею въ Афганистанъ въ 1843 году.

Разсмотримъ главные этапы на пути слѣдованія русской арміи:

1) Изъ Астрахани на судахъ или изъ Грузіи сухимъ путемъ въ Астерабадъ. Здѣсь особенныхъ препятствій встрѣтиться не можетъ и мѣста эти уже совершенно извѣстны. Персія же, какъ было объяснено, приметъ русскую армію съ радостью и предоставитъ ей всѣ средства въ своей землѣ, особенно если обѣщать ей присоединить послѣ побѣды какой-нибудь кусокъ земля къ ея владѣніямъ и посредничеству въ безконечныхъ ея ссорахъ съ Турціею. Она будетъ помогать искренно и усердно. Ея верблюды, волаы и лошади приносятъ большую пользу въ походѣ.

2) Изъ Астерабата въ Гератъ, по прекраснѣйшей и плодосвѣтнѣйшей долины Герн-Рудъ не представитъ никакихъ затрудненій ни въ продовольствіи, ни въ чемъ.

3) Изъ Герата въ Кандагаръ. Во время пребыванія въ Гератѣ: англійскаго посланника съ 1839 по 1841 годъ частыя передвиженія обововъ и артиллеріи доказали возможность сообщенія и заставили привести дорогу между этими двумя городами въ отличное состояніе.

4) Изъ Кандагара въ Кабулъ. Экспедиція генерала Нотта въ 1842 году показала, какіе источники продовольствія находятся въ этой странѣ и съ какими удобствами можетъ проходить здѣсь армія даже и тогда, когда народонаселеніе края было ей непріязненно.

5) Наконецъ, неужели въ Кабулѣ завоеватель Индіи встрѣтитъ сопротивленіе со стороны авганъ? Нѣтъ, они съ восторгомъ примутъ того, кто придетъ доставить имъ случай отгнать за себя англичанамъ. Авганы, какъ жители Корсики или испанцы, приобрѣли мрачную извѣстность своею насльдственной ненавистью. Съ рыцарскимъ жаромъ въ сердцахъ понесутся они на новымъ завоевателемъ, какъ во времена Тимура и Надира, пожнать богатства и мщенію на поляхъ Индостана.

6) Изъ Кабула въ Пешеваръ, Лагоръ и Дели,—мѣста вообще плодородныя и съ удобными сообщеніями.

На послѣднемъ пути придется имѣть нѣсколько сраженій, а именно: на Индусѣ, въ Лудіанѣ на Сетледжѣ и на прославленныхъ битвами поляхъ Панипута. Но англо-индійская армія, по мѣрѣ приближенія къ Дели, будетъ уже уменьшена до половины; большая часть силъ ея погибнетъ и разбѣжится при первыхъ сраженіяхъ, а англичанъ останется, конечно, не болѣе 10 или 12 тысячъ подъ ружьемъ.

Въ Дели должно будетъ на время остановиться для возстановленія сокрушеннаго трона Великаго Могола и водруженія его знамени. Это значитъ затронуть слабую струну, которая произведетъ сильное потрясеніе въ сердцахъ 16.000,000 магометанъ, народа самаго воинственнаго въ Индіи. А чтобы приобрести также привязанность индійцевъ, стоитъ только поднять священное знамя Бенареса, гдѣ живутъ въ заточеніи всѣ лишенные земель законные владѣтели Индіи, и возвратитъ имъ похищенные престолы. Между тѣмъ, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, немедленно разослать во всѣ концы прокламаціи. Курьеры для распространенія ихъ явятся сами во множествѣ. Факиры и ихъ товарищи будутъ служить ревностными проповѣдниками восстанія, которое распространится такимъ способомъ по всему полуострову съ быстротою электричества. Надобно только, чтобы темою этихъ прокламацій было: независимость Индіи и уничтоженіе британскаго правительства.

Изъ Дели, вмѣсто Калькуты, выгоднѣе принять направленіе чрезъ Агру, Гвалиюръ и Кандейшъ на Бомбей, возстановляя справа и слѣва разбитые англичанами престолы и формируя конфедераціи изъ прилегающихъ сюда самыхъ предприимчивыхъ племенъ въ Индіи, райпутовъ и магратовъ.

Занятіе Бомбея нанесетъ смертельный ударъ британскому владычеству. Это его точка опоры въ Индіи; отсюда имѣетъ оно главное пароходное сообщеніе съ Европою. Отнять Бомбей—значитъ отрѣзать всѣ сообщенія, уничтожить всѣ средства, всѣ жизненные силы остъ-индской компаніи,—это то-же, что отрубить голову у змѣи, тѣло которой еще будетъ трепетать нѣсколько времени, но уже только въ конвульсіяхъ и предсмертныхъ страданіяхъ.

Изъ Бомбея стоить протянуть руку низаму гайдерабадскому и онъ не замедлитъ свергнуть тягостное иго, его уничтожающее; затѣмъ возстанетъ Майсаръ и его жители будутъ готовы нести побѣдителей на себѣ до самаго Мадраса, который нужно будетъ осаждать—но какъ это очень посредственное укрѣпленное мѣсто, то осада его не можетъ продолжиться на долгое время. Наконецъ, отсюда въ Калькуту армія пройдетъ триумфальнымъ маршемъ. Здѣсь, правда, находится одна изъ самыхъ сильныхъ и обширныхъ крѣпостей, но она имѣетъ тотъ важный недостатокъ, что для защиты ея нужно до 15 тыс. человекъ гарнизона, продовольствовать которыхъ будетъ весьма затруднительно, по причинѣ небезопаснаго плаванія по рѣкѣ, особенно, если она будетъ находиться подъ выстрѣлами непріятели.

Занятіе Калькуты положитъ конецъ владычеству Остъ-Индской компаніи.

Для большаго успѣха въ этой войны, слѣдуетъ еще замѣтить, что въ Индіи, отъ пачала февраля до конца мая мѣсяца, бываютъ невыносимы жары. Солнце въ это время, вмѣсто свѣта и теплоты, разливаетъ въ атмосферѣ цѣлое море огня и раскаленная природа, кажется, горитъ, какъ бы въ пожарѣ. Тогда человекъ ищетъ только спасенія въ домахъ, запираемыхъ такъ, чтобы ни малѣйшій свѣтъ не могъ въ нихъ проникнуть. Ощущеніе, которое производятъ на него этотъ жаръ, такъ тягостно, что, кажется, вся кровь подни-

мается въ голову, дыханіе останавливается; усталость и изнеможеніе овладѣваютъ всѣмъ тѣломъ,—и онъ не въ состояніи ни мыслить, ни двигаться, ни дѣйствовать. Къ концу мая, воздухъ дѣлается тихъ и удушливъ; затѣмъ наступаютъ жестокія бури; дождь льетъ рѣкою, сначала періодически, изрѣдка, потомъ чаще, а къ половинѣ іюня онъ уже почти не прекращается: идетъ тридцать, сорокъ часовъ непрерывно и, притомъ, не тонкими, изломанными и едва замѣтными нитями, какъ въ нашемъ климатѣ вообще, но прямыми, параллельными линіями, а часто и сплошною массою воды низвергается, какъ водопадъ, съ ужасной силой и ожесточеніемъ. Овраги и малѣйшіе ручейки дѣлаются быстрыми рѣками, и всякое сообщеніе прекращается. Утлыя глиняныя хижины несчастныхъ жителей расплываются подъ дѣйствіемъ этой непрерывной водяной лавы; кровли падаютъ и погребаютъ подъ собою цѣлыя семейства или же оставляютъ ихъ безъ пристанища, отчего они вымираютъ во множествѣ. Это самое гибельное время для всего народонаселенія, не исключая и тѣхъ, которые живутъ въ великолѣпныхъ дворцахъ и окружены роскошью и богатствомъ. Самые отвратительныя гады выползаютъ тогда изъ затопленныхъ норъ своихъ и ищутъ спасенія въ жилищахъ людей; безчисленно множество разныхъ породъ ужей, ящерицъ и скорпионовъ поднимается по лѣстницамъ, вползаетъ въ дома, проникаетъ во всѣ комнаты и покрываетъ собою стѣны, полы и потолки, такъ что ночью безъ огня нельзя сдѣлать ни одного шага, не наступивъ на какое нибудь ядовитое животное, которое ужалитъ васъ смертельно. До всего должно дотрогиваться съ осторожностью: можно получить язву въ сапогѣ, въ рукавѣ платья, и всякая вещь дѣлается смертоносною.

Наконецъ, къ исходу августа, муссонъ прекращается, и отъ начала сентября до самаго февраля, въ теченіи 5-ти мѣсяцевъ, наступаютъ здѣсь для жизни и растительности самая благотворная погода: воздухъ дѣлается прохладнымъ, природа очаровательно—все тогда дышетъ жизнью и наслажденіемъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что весь періодъ времени, отъ начала февраля до сентября мѣсяца, можно считать для передвиженія войскъ и военныхъ дѣйствій не только неудобнымъ, но даже гибельнымъ на Индостанскомъ полуостровѣ. А потому, походъ наступающей арміи должно сообразить такъ, чтобъ она могла придти на Индусъ въ концѣ августа мѣсяца, и между тѣмъ, какъ англійскія войска, въ борьбѣ съ муссономъ, не успѣютъ еще сосредоточиться и послѣть для воспрепятствованія переправамъ на этой рѣкѣ, русскій корпусъ вступитъ безъ всякаго сопротивленія въ Индію и совершитъ предстоящій походъ въ самое благопріятное время года.

1855 г.

Евгеній Егоровъ,
инженеръ генералъ-лейтенантъ.

Примѣчаніе. Проектъ похода русской арміи въ Индію былъ читанъ авторомъ покойному М. Д. Скобелеву, когда этотъ послѣдній пріѣзжалъ изъ Минска (гдѣ онъ былъ корпуснымъ командиромъ) въ Вобруйскъ для насъ пектированія войскъ. Михаилъ Дмитриевичъ былъ въ восторгѣ отъ проекта ген-лейт. Егорова.

Сообщ. А. Е. Е.—въ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ

въ 1857—1875 гг.

Воспоминанія Н. А. Бѣловсерской.

[Окончаніе].

VIII ¹⁾.

Осенью 1867-го года я окончательно переселилась въ Петербургъ, вслѣдствіе необходимости пріискать какой-либо заработокъ, какъ для собственнаго существованія, такъ и воспитанія своихъ дѣтей. До этого мнѣ никогда не приходило въ голову, что можетъ явиться подобная необходимость, и она застала меня врасплохъ. И въ это, тяжелое для меня время, мнѣ пришлось еще разъ и окончательно убѣдиться въ неизмѣнной дружбѣ и расположеніи Н. Ив.; онъ отнесся ко мнѣ съ самымъ сердечнымъ участіемъ и съ своей стороны оказалъ возможную нравственную поддержку. Къ счастью, я почти тотчасъ нашла уроки, но тутъ же сказались недостатки домашняго воспитанія; я знала много ненужнаго и не знала самыхъ элементарныхъ вещей. Это стало для меня еще очевиднѣе, когда я начала готовиться на званіе домашней учительницы. Н. Ив. самъ вызвался приготовить меня изъ всеобщей и русской исторіи, читалъ мнѣ лекціи, задавалъ уроки и имѣлъ терпѣніе подробно требовать отъ меня въ нихъ отчета. Но мнѣ не пришлось воспользоваться полученнымъ дипломомъ; я скорѣй рѣшила бросить частные уроки, которые давали хотя выгодный, но слишкомъ невѣрный заработокъ, и взялась за переводы. Тутъ опять встрѣтились новыя затрудненія: знаніе языковъ оказалось недостаточнымъ; къ тому-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XI, мартъ, стр. 609—636; т. L, май, стр. 327—338.

же выборъ книги зависѣлъ не отъ меня и, вслѣдствіе этого, требовались самыя разнообразныя свѣдѣнія. Я пришла въ отчаяніе и обратилась за разрѣшеніемъ мучившихъ меня сомнѣній къ Н. Ив.; онъ не только ободрилъ меня, но заявилъ, что на первое время будетъ поправлять мои переводы и чтобы я безъ всякихъ церемоній обращалась къ нему со всѣми затрудненіями. Хотя онъ позволилъ мнѣ являться къ нему во всякое время, но въ этомъ не было надобности, потому что каждое воскресенье и всѣ праздники, по его настойчивому желанію, я обѣдала у него съ сестрой ¹⁾ и дѣтьми и оставалась до 11 часовъ вечера.

Въ тѣ времена мудрено было соскучиться въ обществѣ Н. Ив.; при этомъ мы встрѣчали въ его домѣ такое искренное и радушное гостепріимство, что не чувствовали ни малѣйшаго стѣсненія. Къ моимъ дѣтямъ Н. Ив. былъ неизмѣнно ласковъ ²⁾, а Татьяна Петровна баловала и откармливала ихъ до послѣдней возможности, такъ что я приходила въ ужасъ отъ количества всякихъ лакомствъ, которыми она наполняла ихъ карманы. Между прочимъ, для нихъ и Татьяны Петровны, время отъ времени, бралась ложа въ балетъ или русскую оперу, и самъ Н. Ив. отправлялся съ ними. Всякая неудача съ нами или болѣзнь кого-нибудь изъ насъ вызывали самое теплое участіе со стороны Н. Ив. и его матери. У меня сохранилась записка Н. Ив., написанная имъ при извѣстіи о моей неожиданной болѣзни:

«Быль-ли докторъ?... Бога ради, не утруждайте себя работою. Пока вы не оправитесь, я васъ не оставляю. Мнѣ такъ сегодня стало жаль васъ, что я не могу успокоиться. Вашъ неизмѣнно Н. К.»

(Безъ года и числа).

Съ осени 1868 года я стала еще чаще бывать въ домѣ Н. Ив., и вскорѣ мои посѣщенія сдѣлались почти ежедневными въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по слѣдующему поводу:

У Николая Ив. неожиданно разболѣлись глаза; при своей крайней впечатлительности, онъ представлялъ себя ослѣпшимъ, говорилъ, что не

¹⁾ З. А., впоследствии вышедшая замужъ за Н. О. Кульжинскаго. Н. Ив. останавливался у нихъ въ Екатеринославѣ въ 1872 г., по случаю предпринятой имъ поѣздки на мѣста Запорожской Сѣчи, о которой будетъ сказано ниже.

²⁾ Но вообще Н. Ив. не признавалъ никакихъ правилъ педагогики; и разъ съ самымъ серьезнымъ видомъ рассказалъ моему маленькому сыну, что ему во снѣ являлся патріархъ Никонъ и объявилъ, что «Тараса нужно высѣчь!» и мальчикъ, какъ я узнала потомъ, находился нѣкоторое время въ безпокойствѣ по этому поводу.

пережить такого несчастья и насильственно прекратить свою жизнь. Отчаяние его было тѣмъ сильнѣе, что онъ былъ весь поглощенъ своимъ сочиненіемъ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» и не надѣялся кончить его по болѣзни глазъ. Тогда же Николай Ив. предложилъ мнѣ работать у него съ 10 утра до 11 вечера; онъ хотѣлъ было, чтобы я приходила съ 9 часовъ, но, въ виду моего упорнаго отказа, согласился на уступку одного часа, хотя при этомъ попрекнулъ «барскими привычками».

Сначала я приходила работать въ опредѣленные дни, затѣмъ ежедневно, кромѣ большихъ праздниковъ.

Мои обязанности въ первое время заключались въ чтеніи вслухъ, различныхъ справокъ и писаніи подъ диктовку. Все это оказалось далеко не легкимъ при моей полной неумѣлости. Нужно было научиться не читать лишняго; также довольно трудно было съ надлежащей быстротой наводить справки въ книгахъ, помѣщавшихся въ нѣсколькихъ шкапахъ, на шкапахъ и особыхъ полкахъ, и которыя были всегда въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Н. Ив. принималъ дѣятельное участіе въ поискахъ, бранилъ себя за неакуратность или утверждалъ, что у него похитили книгу, приходилъ въ отчаяніе, если это было какое нибудь рѣдкое сочиненіе, и говорилъ, что «невозможно работать при такихъ условіяхъ». Но въ большинствѣ случаевъ книга отыскивалась и, обыкновенно, на самомъ не подходящемъ мѣстѣ. Что же касается писанія подъ диктовку, то потребовалась такая быстрота, о какой я не имѣла прежде ни малѣйшаго представленія.

Когда я освоилась съ этой домашней работой, Н. Ив. сталъ поручать мнѣ дѣлать извлеченія и собирать матеріалъ въ бібліотекахъ. Помню, что въ первый разъ я принесла ему цѣлую тетрадь выписокъ, хотя на дѣлѣ требовалось не болѣе двухъ страницъ.

Но Н. Ив. не позволилъ себѣ ни малѣйшей насмѣшки, ни уничтожающаго взгляда ученаго мужа, пораженнаго несообразительностью обыкновеннаго смертнаго, и просто, въ короткихъ словахъ, объяснилъ, какъ дѣлаются подобныя выписки. Съ такимъ же терпѣніемъ отнесся онъ къ моимъ первымъ попыткамъ чтенія на церковно-славянскомъ и латинскомъ языкахъ, которые зналъ превосходно, и скоро достигъ того, что я стала читать довольно бѣгло на томъ и другомъ языкѣ, хотя по латынѣ не понимала ни слова ¹⁾).

¹⁾ Одно время Н. Ив. убѣждалъ меня учиться съ нимъ вмѣстѣ греческому языку, который онъ хотѣлъ возобновить въ своей памяти, такъ какъ учился ему въ ранней молодости, затѣмъ въ крѣпости. Дѣло сначала пошло успѣшно, но потомъ грамматика надѣла намъ обоемъ, особенно мнѣ, и Н. Ив. рѣ-

Когда весь матеріалъ былъ собранъ, Н. Ив. принимался за диктовку безъ черновой и какихъ либо отмѣтокъ, которыя, повидимому, были для него вовсе не нужны при его необычайной памяти; диктовалъ, не останавливаясь, и съ такой быстротой, что листъ печатный въ день и больше не составляли рѣдкости. Казалось, что его глаза, задумчиво устремленные вдаль, читали написанныя страницы готовыхъ связанныхъ мыслей и фактовъ, облеченныхъ въ живые образы.

На ряду съ необычайной быстротой работы не менѣе изумительна была неутомимость Н. Ив. Онъ вставалъ обыкновенно въ 6 часовъ, иногда даже раньше, и совершалъ свою утреннюю прогулку по Васильевскому острову или на Пряжку, но послѣднее только въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужно было обдумать какой нибудь сложный и историческій вопросъ, и это было у него своего рода привычкой. Выборъ Пряжки Н. Ив. объяснялъ уединенностью мѣста. Въ десять часовъ утра я уже заставала Н. Ив. въ кабинетѣ и тотчасъ-же садилась за письменный столъ. Работа продолжалась безостановочно до четырехъ часовъ, кромѣ получасоваго промежутка, занятаго завтракомъ, который по поспѣшности, съ какой мы ѣли и пили чай, напоминалъ станцію желѣзной дороги. Ровно въ четыре часа, минута въ минуту, мы садились за обѣдъ, потому что въ домѣ Н. Ив. для всего были строго соблюдаемые часы. Тотчасъ послѣ обѣда мы принимались за шахматы; но партія никогда не длилась болѣе десяти минутъ: у Н. Ив. не доставало терпѣнія на обдумываніе ходовъ, и онъ не разъ говорилъ, что изъ-за этого игра съ шахматными знатоками для него равняется пыткѣ. Затѣмъ мы обходили или, вѣрнѣе, обѣгали кварталъ, а зимой, въ дурную погоду, доѣзжали въ саняхъ по Большому проспекту до Гавани и обратно и опять до 11 часовъ вечера садились за работу, прерываемую только вечернимъ, непродолжительнымъ чаемъ, или приходомъ гостей. Впрочемъ, послѣднее случалось довольно рѣдко; это былъ обыкновенно кто либо изъ прїѣзжихъ, мало знакомыхъ или же, наконецъ, по какому нибудь дѣлу. Болѣе близкіе люди приходили, болѣею частью, въ опредѣленные дни. Праздники не соблюдались, кромѣ Рождества, Новаго года, Пасхи и второй половины страстной недѣли, на которой Н. Ив. всегда говѣлъ, соблюдая при этомъ строжайшій постъ.

Разумѣется, только при такомъ правильномъ, усиленномъ трудѣ,

шилъ бросить изученіе греческаго языка; но при этомъ вспомнилъ пророческія слова И. И. Срезневскаго, сказанныя въ 1839, во время ихъ совмѣстнаго посѣщенія Хоршева монастыря, что „Н. Ив. еще не разъ пригнется за греческій языкъ и никогда окончательно не изучитъ его“. Н. В.

могъ Н. Ив. оставить послѣ себя такое множество учено-литературныхъ сочиненій. Онъ такъ сжился съ работой, что мнѣ ни разу не приходилось слышать, чтобы онъ жаловался на усталость, хотя послѣдняя несомнѣнно сказывалась въ сильной головной боли, которая иногда заставляла его, противъ воли, бросать работу на цѣлый день. Но и тутъ полная бездѣятельность была немислима для него ¹⁾. Онъ большею частью заставлялъ меня читать одну изъ вновь приобретенныхъ имъ историческихъ книгъ, сообщалъ свои взгляды, припоминалъ мнѣ другія писателей по тому-же вопросу, выказывая при этомъ свою замѣчательную память и начитанность. Въ знаніи церковной исторіи весьма немногіе изъ неспеціалистовъ могли сравниться съ нимъ. Не менѣе интересовала его исторія религій и человѣческихъ вѣрованій вообще; онъ сопоставлялъ мною различныхъ народовъ, объяснял ихъ смыслъ, и если его толкованія, быть можетъ, иногда были слишкомъ произвольны, то всегда полны поэзіи. Оно не сочувствовалъ школѣ новѣйшихъ нѣмецкихъ миеологовъ, находилъ ихъ построения искусственными и въ своихъ объясненіяхъ ограничивался теоріей символика.

Нерѣдко отъ миеолога Н. Ив. непосредственно переходилъ къ поэзіи. Помню разъ, по поводу Прометея, онъ припомнилъ „Кавказъ“ Шевченко и продекламировалъ его наизусть отъ первой строфы до послѣдней. Шевченко былъ его любимымъ поэтомъ и всего ближе говорилъ его сердцу, хотя онъ высоко цѣнилъ Гёте, Байрона, Мицкевича, Пушкина. Современная поэзія и беллетристика сравнительно мало занимали его, но тѣмъ не менѣе онъ отдавалъ должную справедливость таланту Гончарова, Тургенева, Л. Толстаго, Островскаго и др. Что касается Некрасова, то онъ отвергалъ въ немъ всякое поэтическое дарованіе, а Щедрина оставилъ до конца непонятнымъ для него.

¹⁾ Въ одинъ изъ такихъ дней, (это было почти въ началѣ моей работы у Н. Ив.), вмѣсто занимавшаго его въ то время сочиненія, онъ сталъ диктовать мнѣ свою „Автобіографію“ (напеч. въ «Русской Мысли» 1886 г.) и окончилъ ее въ нѣсколько пріемовъ. Задолго передъ тѣмъ онъ не разъ высказывалъ желаніе написать ее, во избѣжаніе возможнаго впоследствии искаженія главнѣйшихъ фактовъ его жизни. Но я отговаривала его отъ этого: мнѣ казалось, что онъ всегда успеетъ составить свою автобіографію, тѣмъ болѣе, что съ нею я невольно соединяла непріятную для меня мысль объ его смерти. Насколько занимала Н. Ив. его автобіографія, можно видѣть изъ того, что еще въ 1861 г. онъ сдѣлалъ попытку написать ее. Эта краткая автобіографія, занимающая всего пять писанныхъ страницъ, хранится въ Слб. Публичной библіотекѣ, въ отдѣленіи рукописей. Въ ней, между прочимъ, сообщены нѣкоторыя подробности о пребываніи Н. Ив. въ московскомъ и воронежскомъ пансіонахъ и о тогдашнихъ гимназическихъ и университетскихъ преподавателяхъ, а также приведенъ перечень его работъ до 1861 г. Н. В.

Трудно сказать, что было тому причиной: привычка-ли уноситься мыслями и жить въ прошломъ, гдѣ его богатая фантазія находила живые образы и цѣльныя картины, не нарушенныя мелочами и противорѣчіями дѣйствительной жизни; воспитаніе-ли на иныхъ художественныхъ образцахъ; или же кабинетная жизнь, на которую онъ былъ осужденъ поневолѣ, въ особенности, послѣ случайнаго прекращенія лекцій?

Между тѣмъ, общій ходъ русской общественной жизни не переставалъ интересовать Н. Ив. и преимущественно все то, что касалось образованія, народныхъ школъ и учебной части вообще. Такъ, напримѣръ, въ пору усиленія классицизма, онъ внимательно читалъ все, что появлялось въ печати по этому вопросу. Н. Ив. не былъ врагомъ классическаго образованія и находилъ необходимымъ основательное знакомство съ древней греческой и латинской литературой, но возставалъ противъ способа преподаванія, почти исключительно обращеннаго на долбленіе грамматическихъ формъ, а также противъ количества употребляемыхъ на это часовъ, въ ущербъ всякому другому знанію. Ему также казалось непонятнымъ дѣленіе гимназій на классическія и реальныя; онъ видѣлъ въ этомъ неизбежное насло-ваніе способностей дѣтей, въ силу тѣхъ или другихъ практическихъ соображеній или личныхъ вкусовъ родителей. Онъ находилъ наиболѣе рациональнымъ, при условіяхъ русской жизни, устройство Уваровскихъ гимназій съ общимъ образованіемъ, давшимъ, сравнительно, наибольшій процентъ видныхъ дѣятелей въ области литературы и науки.

Какъ человѣкъ 1840-хъ годовъ и идеалистическихъ стремленій, Н. Ив. не могъ сочувствовать все болѣе и болѣе усиливавшемуся преобладанію практическаго направленія въ нарождающемъ поколѣніи и недостатку общаго развитія и образованія. Онъ, главнымъ образомъ, приписывалъ это тому обстоятельству, что слишкомъ мало стали обращать вниманія на распространеніе философскихъ знаній среди молодежи, и въ этомъ отношеніи отдавалъ предпочтеніе прежнему университетскому преподаванію.

И прежде, и въ описываемое время Н. И—ча, ни въ какомъ случаѣ, нельзя было упрекнуть въ недоброжелательномъ отношеніи или равнодушіи къ молодежи. Если онъ подчасъ сухо встрѣчалъ посѣщавшихъ его юношей, то причина этого прежде всего заключалась въ томъ, что онъ вообще не терпѣлъ новыхъ знакомствъ, которыя всегда стѣсняли и тяготили его, и мнѣ иногда казалось, что онъ до конфузливости чувствуетъ себя неловко съ ними. Но стоило ему встрѣтить въ собесѣдникѣ недюженный умъ и основательныя знанія, чтобы онъ сразу измѣнилъ тонъ и принялъ самое живое участіе въ разго-

ворѣ. Особенно интересовали его молодые ученые, занимавшіеся русской исторіей; онъ готовъ былъ часами бесѣдовать съ ними. Тотчасъ же по уходѣ такого посѣтителя, онъ принимался за чтеніе поднесенной ему диссертациі или же писалъ о немедленной присылкѣ послѣдней Д. Е. Кожанчикову, который, нерѣдко въ ущербъ себѣ, издавалъ такого рода сочиненія. Если диссертациа казалась Н. И. талантливою, онъ съ увлеченіемъ говорилъ о ней нѣсколько дней сряду, пророчилъ блестящую будущность автору, живо интересовался его судьбой и дальнѣйшими трудами и искренно сокрушался, если его предсказаніе оказывалось ошибочнымъ. Чувство зависти было совершенно чуждо Н. Ив., не только по отношенію къ молодымъ начинающимъ ученымъ, но и къ тѣмъ, которые успѣли составить себѣ почетное имя въ наукѣ; онъ умѣлъ быть справедливымъ даже къ своимъ завѣдомымъ врагамъ.

Относительно своихъ собственныхъ ученыхъ заслугъ и знаній, Н. Ив. былъ въ высшей степени скромнень и даже никогда не говорилъ о нихъ. Только однажды, когда онъ писалъ первый томъ своей «Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», онъ похвалялся, что «въ былыя времена никто въ Россіи не зналъ лучше его исторію удѣльно-вѣчеваго уклада»¹⁾, но тутъ-же добавилъ, что «уже многое улетучилось изъ его памяти». Также никогда не вспоминалъ онъ о похвалахъ, расточаемыхъ ему въ печати, но внимательно прочитывалъ все, что говорилось противъ него, и безъ ложнаго стыда сознавался въ своихъ ошибкахъ. То-же было и относительно погрѣшности въ выноскахъ, въ которыхъ, по словамъ Н. И., его не разъ ловили. Но такія погрѣшности были неизбежны при необычайной быстротѣ работы и томъ увлеченіи, съ какимъ Н. Ив. отдавался занимавшему его историческому сюжету, такъ что онъ невольно забывалъ подчасъ подтвердить свои слова своевременными выносками или не въ состояніи былъ настолько сосредоточить на нихъ свое вниманіе, чтобы сдѣлать ихъ съ надлежащею точностью.

Работа нерѣдко настолько поглощала Н. Ив., что бывали дни, когда онъ ни о чемъ другомъ не могъ ни думать, ни говорить. Онъ подробно излагалъ свои взгляды и полученные выводы относительно того или другого историческаго лица или занимавшей его эпохи не только близкимъ, но подчасъ и мало знакомымъ людямъ; внимательно выслушивалъ всѣ возраженія, и этимъ какъ бы провѣрялъ самого себя. Искреннее стремленіе къ возможно безпристрастному, объектив-

¹⁾ Цѣлое сочиненіе его объ этомъ періодѣ русской исторіи погибло во время его ареста въ Кіевѣ.

ному изложенію исторіи никогда не покидало его. Онъ не проводилъ намѣренно какихъ-либо предвзятыхъ тенденцій или политическихъ убѣжденій въ томъ или другомъ направленіи и считалъ ихъ одинаково неумѣстными какъ въ историческихъ, такъ и въ чисто художественныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Онъ изображалъ историческія лица и описывалъ событія такими, какими они дѣйствительно представлялись ему въ данный моментъ, на основаніи тѣхъ или другихъ данныхъ, не руководствуясь никакими посторонними соображеніями.

Точно также относился Н. Ив. къ фактамъ дѣйствительной жизни и судилъ о нихъ всегда искренно, но слишкомъ часто, подъ вліяніемъ непосредственнаго впечатлѣнія и минутнаго настроенія, придавалъ имъ ту или другую окраску, не стѣняясь истекавшими отсюда противорѣчіями. Такимъ образомъ, нерѣдко случалось, что въ промежутокъ нѣсколькихъ дней онъ однимъ говорилъ одно, другимъ совершенно противоположное, и этимъ естественно навлекалъ со стороны людей, недостаточно знавшихъ его, упрекъ въ хитрости и неискренности. Между тѣмъ, его художественная натура, какъ бы помимо его вѣдома, казалась, искала такихъ противорѣчій, и онъ становился на ту или другую точку зрѣнія, нерѣдко противную его собственному, только что высказанному, взгляду. И въ этомъ, быть можетъ, лишь проявлялся его творческій талантъ.

Только впоследствии я поняла, что можно быть безукоризненно честнымъ, какимъ былъ всю жизнь Н. Ив., не принадлежа ни къ какой партіи, ни къ какому лагерю. Но въ болѣе молодые годы я не могла помириться съ рѣзкими противорѣчіями въ мнѣніяхъ Н. Ив. и съ его миролюбивымъ отношеніемъ ко многимъ явленіямъ русской жизни, что я приписывала отсутствію въ немъ твердыхъ убѣжденій. Это доставило мнѣ не мало тяжелыхъ минутъ, вѣроятно, крайне непріятныхъ и для Н. Ив., потому что онъ видѣлъ во мнѣ проявленіе того, что было для него всего ненавистнѣе: насилуваніе мнѣній и деспотизмъ. Споры наши нерѣдко доходили до формальныхъ ссоръ; мы говорили другъ другу невозможныя вещи, особенно Н. Ив., при своей природной, ничѣмъ не сдерживаемой, вспыльчивости, такъ что разъ я совсѣмъ собралась уйти и объявила, что отказываюсь работать у него. Случалось, что наши голоса возвышались до такихъ нотъ, что въ дверяхъ показывалось испуганное лицо Татьяны Петровны, а иногда она даже не рѣшалась войти, и потомъ говорила, что стояла у закрытыхъ дверей и слушала въ ожиданіи, что «добромъ не кончится».

Н. Ив. обыкновенно стигалъ первый и предлагалъ мнѣ мировую; и такъ какъ въ то время еще никакія личныя недоразумѣнія не

примѣшались къ этимъ ссорамъ, то мы непосредственно принимались за работу, какъ ни въ чемъ не бывало, и на нѣкоторое время избѣгали новыхъ столкновений.

Но были двѣ стороны въ характерѣ Н. Ив., гдѣ онъ неизмѣнно оставался однимъ и тѣмъ же, а именно: отвращеніе отъ всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило, и глубокая религіозность. Особенно не терпѣлъ онъ того, что называлъ «либеральнымъ деспотизмомъ», и объяснял это впечатлѣніями своего дѣтства, когда ему, (а вѣроятно и Татьянѣ Петровнѣ), не мало приходилось терпѣть отъ деспотическаго вольнодумства отца, судя по тому раздраженію, съ какимъ онъ всегда говорилъ объ этомъ. Но вообще Н. Ив. избѣгалъ всякихъ разговоровъ о своемъ раннемъ дѣтствѣ, даже совѣмъ умолчалъ о немъ въ своей автобіографіи, напечатанной въ «Русской Мысли» (гдѣ разсказъ собственно начинается съ десятилѣтняго возраста), и только изрѣдка при случаѣ онъ приводилъ ту или другую черту¹⁾. Тѣмъ-же впечатлѣніямъ дѣтства, быть можетъ, слѣдуетъ приписать и неизмѣнную религіозность Н. Ив. Религія, уже въ ранніе года, получила для него тѣмъ большее значеніе, что представляла прелесть запрещеннаго плода. Еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ бѣгалъ тайкомъ отъ отца къ заутрени; въ религіи находилъ онъ утѣшеніе въ своихъ дѣтскихъ, а впослѣдствіи въ болѣе серьезныхъ невзгодахъ жизни; она удовлетворяла его художественному чувству. Церковное пѣніе, зажженные свѣчи, молящаяся толпа, торжественность богослуженія, православные обряды были для него полны поэзіи. Такъ, въ праздники и въ заутреню Свѣтлаго Воскресенья, употребляя выраженіе Н. Ив., «ради стройнаго пѣнія и благолѣпія церковнаго», онъ предпринималъ далекое путешествіе въ греческую церковь, гдѣ встрѣчался съ греческимъ архимандритомъ, котораго особенно любилъ и уважалъ. Всенощную Н. Ив. обыкновенно слушалъ на Васильевскомъ острову, въ которомъ-либо изъ архіерейскихъ подворій. Не довольствуясь этимъ, онъ иногда передъ сномъ цѣлыми часами молился вслухъ, удивляя этимъ свою мать, которая, при всей своей набожности, не понимала восторженнаго чувства своего сына, ни слезъ умиленія, которыя въ этихъ случаяхъ слышались въ его голосѣ. Она считала все это умѣстнымъ для монаха и весьма возможно, что при другихъ условіяхъ

¹⁾ До сихъ поръ единственнымъ источникомъ, изъ котораго будущій біографъ Н. Ив. можетъ почерпнуть свѣдѣнія объ его дѣтствѣ, можетъ служить въ высшей степени любопытная статья Ф. Щербини «Къ біографіи Н. Ив. Костомарова», помѣщенная въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1885, № 144.

жизни Н. Ив. кончилъ-бы монашествомъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не разъ приходило это въ голову, когда онъ живыми поэтическими красками описывалъ «прелесть иноческаго житія».

IX.

Въ своей частной жизни Н. Ив. былъ въ высшей степени консервативенъ, начиная съ квартиры. Такъ, онъ прожилъ много лѣтъ сряду на Васильевскомъ острову, въ домѣ Карманова, по 9 линіи, не смотря на всѣ неудобства и на то, что, вслѣдствіе постройки въ непосредственномъ сосѣдствѣ женской Васильеостровской гимназіи, окно его спальни было закрыто наглухо стѣной и образовалась тѣма крошечная, отъ которой пришлось зажечь неугасимую лампаду. Затѣмъ, когда домъ Карманова перешелъ въ другія руки и новый хозяинъ вздумалъ надстроить еще этажъ, то стѣны въ квартирѣ Костомаровыхъ были выложены внутри кирпичами. Вслѣдствіе этого явилась сырость, которой доктора отчасти приписали опасную болѣзнь Н. Ив. въ 1875 году, хотя однимъ изъ нихъ болѣзнь была объяснена иначе ¹⁾. Но и это не могло убѣдить Н. Ив. перемѣнить квартиру, такъ какъ, по его убѣжденію, у него нигдѣ не могло быть такого превосходнаго кабинета. Равнымъ образомъ, Н. Ив. никогда не мѣнялъ слугъ безъ крайней необходимости. Перваго слугу его, Фому, я мало помню, но двое послѣднихъ, Миронъ и Василій, хорошо врѣзались въ моей памяти. Н. Ив. неизмѣнно ласково обращался съ ними, называлъ по имени и отчеству, съ искреннимъ участіемъ относился къ ихъ семейнымъ заботамъ и огорченіямъ, безусловно вѣрилъ въ ихъ честность и правдивость ²⁾. Оба подъ конецъ своей службы у Н. Ив. немилосердно пили, но онъ снисходительно относился къ этой слабости и только при случаѣ уговаривалъ ихъ отстать отъ пьянства, въ виду явнаго вреда для здоровья. Помню, какъ однажды Василій пришелъ

¹⁾ См. статью Д. А. Мордовцова „Историческія поминки по Костомаровѣ“ въ „Русской Старинѣ“ 1885, іюнь, стр. 631—632.

²⁾ Такъ, напримѣръ, разъ весной, Н. Ив. встрѣтилъ полуодѣятаго нищаго и безъ дальнѣйшихъ размышленій снялъ съ себя пальто и отдалъ ему, а затѣмъ не на шутку огорчился, когда Василій, вѣроятно недовольный такою щедростью, рассказалъ, полчаса спустя и, какъ мнѣ показалось, не выходя изъ дому, что видѣлъ собственными глазами, какъ нищій отнесъ подаренное пальто въ пивную. Но у Н. Ив. не явилось и тѣни сомнѣнія относительно правдивости разсказа.

Н. Б.

въ гостинную, смежную съ кабинетомъ, и сталъ ловить мерещившихся ему чертей между листьями стоявшихъ тамъ тропическихъ растений. Н. Ив. тотчасъ бросилъ работу и, безъ малѣйшаго раздраженія въ голосъ, сталъ ласково успокоивать дрожавшаго съ головы до ногъ старика. Послѣ того Василій еще долго жилъ у Н. Ив. и, наконецъ, опасно заболѣлъ отъ продолжительнаго и чрезмѣрнаго употребленія вина и умеръ въ больницѣ.

Перемяна слуги, хотя-бы изъ-за такой, вполне уважительной, причины, доставила бы не малое огорченіе Н. Ив., не только какъ потеря близкаго существа, но и со стороны нарушенія обычнаго строя жизни, которая текла ровно и однообразно безъ малѣйшихъ внѣшнихъ переменъ. Тѣмъ же порядкомъ проходили тѣ или другіе праздники, неизмѣнно соблюдались заведенные разъ на всегда въ домѣ малороссійскіе обряды и обычаи. Также скромно изъ года въ годъ справлялись зимой именины Татьяны Петровны и болѣе торжественно именины Н. Ив. 9-го мая, и тогда собирався довольно многочисленный кружокъ его друзей и наиболѣе уважаемыхъ имъ лицъ. Недѣли за двѣ передъ тѣмъ, между Н. Ив. и его матерью шли оживленные переговоры о томъ, какъ лучше устроить ужинъ, какого вина купить къ 9 маю; и въ этотъ день всегда подавалось старое венгерское и наливки, присланныя Н. Ив. изъ Малороссіи его почитателями. Именины всегда удавались, потому что, при искреннемъ радушіи хозяевъ, подборъ гостей былъ таковъ, что никто не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія.

Вторникъ оставался попрежнему назначеннымъ вечеромъ у Н. Ив., и тогда домъ его былъ открытъ для всѣхъ, желавшихъ видѣть его. Помимо постороннихъ и мало знакомыхъ лицъ, на вторникахъ можно было встрѣтить близкихъ пріятелей и друзей Н. Ив.; отсутствіе одного изъ нихъ было всегда замѣчено имъ и въ подобныхъ случаяхъ онъ припоминалъ на другой день—не подалъ ли онъ, съ своей стороны, повода къ этому. Составъ друзей измѣнялся по причинамъ, независящимъ отъ Н. Ив., и большею частью, вслѣдствіе отъѣзда того или другого изъ нихъ изъ Петербурга. Въ описываемое время наиболѣе близкими людьми къ Н. Ив. были: Д. Л. Мордовцевъ и Е. А. Вѣловъ, съ которыми онъ сошелся еще въ Саратовѣ, Ф. К. Неслуховскій, его университетскій товарищъ, и жена послѣдняго, акад. А. Н. Савичъ, г-жа Киркоръ, С. В. Максимовъ, Вашкевичъ, Н. Ив. Катенинъ, Д. Е. Кожанчиковъ, Д. Лебединецъ, свящ. С. И. Опатовичъ и другіе, а немного позже Н. Н. Ге и его жена А. П., послѣ ихъ возвращенія изъ-заграницы. Каждый изъ этихъ близкихъ людей могъ посѣтить Н. Ив. во всякое время, съ полною увѣренностью встрѣтить какъ съ его стороны, такъ

и Татьяны Петровны, самый радушный приемъ. Тѣмъ не менѣ друзья Н. Ив., какъ я упоминала выше, (кромя вторниковъ), приходили, хотя и не всё регулярно, но въ опредѣленные дни, а именно въ воскресенье и, если не ошибаюсь, иногда въ пятницу. Обыкновенно на этихъ вечерахъ, гдѣ собирался тѣсный кружокъ, присутствовала и Татьяна Петровна. Хотя она почти не вмѣшивалась въ разговоръ, но держала себя съ тактомъ и слушала такъ внимательно, съ такой доброй улыбкой, что ея присутствие никого не могло стѣснять. Если что либо ей было непонятно въ разговорѣ, то она пользовалась первой удобной минутой, когда мы оставались вдвоемъ, чтобы спросить у меня объясненій.

Но изъ всѣхъ друзей и въ это время, и послѣ, всего чаще бывалъ Д. Л. Мордовцевъ, котораго Н. Ив. особенно любилъ. Воскресенье, а также всякій праздникъ былъ для него потерянь, если почему либо Д. Л. не являлся къ обѣду или не могъ остаться на вечеръ. Онъ былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ для Н. Ив., при своей неисчислимой веселости, остроуми, начитанности и знаніи русской исторіи. Разговоръ ихъ былъ настолько живъ и разнообразенъ, что можно было всегда слушать его съ одинаковымъ интересомъ и не замѣтить, какъ проходили часы за часами. Татьяна Петровна любила Д. Л. не меньше, чѣмъ ея сынъ, какъ любила всѣхъ, къ кому былъ расположенъ Н. Ив., потому что жила для него и его жизнью въ полномъ значеніи этого слова.

Такъ, напримѣръ, Татьяна Петровна, послѣ трагической смерти своего мужа, по ея собственнымъ словамъ, отказалась отъ вторичнаго замужества, ради сына, котораго баловала безгранично и находила всегда правымъ, даже тогда, когда онъ былъ изгнанъ изъ пансіона за шалости. «Мать посердилась на меня, — пишетъ Николай Ивановичъ, по этому поводу въ своей автобіографіи, — а еще болѣе на содержателей пансіона; я остался въ деревнѣ до августа и почти ничего не дѣлалъ, а только много читалъ»... Послѣ ареста Н. Ив. въ 1847 году Татьяна Петровна отправилась вслѣдъ за сыномъ въ Петербургъ, гдѣ прожила цѣлый годъ, не пропуская ни одного дозволеннаго свиданія съ нимъ въ крѣпости и въ III-мъ отдѣленіи, доставляла ему требуемыя имъ книги, что, по ея словамъ, стоило ей подчасъ не малаго труда, потому что книги были, большею частью, на иностранныхъ, совершенно неизвѣстныхъ для нея, языкахъ. Затѣмъ она послѣдовала за сыномъ въ ссылку, и дѣлала все это просто, не придавая никакого значенія приносимымъ ею жертвамъ, судя по тому, какъ она впоследствии просто говорила о своей тогдашней жизни въ Петербургѣ и Саратовѣ.

Н. Ив., съ своей стороны, горячо и искренно любилъ мать, но своеобразною любовью. Онъ всегда сильно беспокоился и терялъ голову, когда Татьяна Петровна чувствовала себя нездоровой; и разъ, не получая отъ нея извѣстій, чуть не вернулся изъ-за границы, не доѣхавъ до мѣста назначенія, какъ видно изъ вышеприведеннаго письма Н. Ив. ко мнѣ 1864 года. Равнымъ образомъ, онъ былъ безконечно доволенъ, когда Н. Н. Ге написалъ весьма удачный портретъ Татьяны Петровны, повѣсилъ послѣдній въ своемъ кабинетѣ и говорилъ, что отдастъ его въ сельскую школу, которую думалъ впоследствии основать въ своемъ родномъ селѣ и назвать именемъ матери. Время отъ времени онъ старался оказать матери вниманіе тѣмъ или другимъ способомъ и, между прочимъ, всегда самъ ѣздилъ въ тогдашній англійскій магазинъ или голландскія лавки покупать ей платье къ именинамъ, платилъ дорого, но обыкновенно матери оказывалось или слишкомъ мало, или черезчуръ много, и онъ не на шутку огорчался, когда Татьяна Петровна позволяла себѣ какое нибудь замѣчаніе по этому поводу. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ настолько избалованъ ею съ ранняго дѣтства, что, повидимому, не придавалъ ни малѣйшаго значенія ея неуспыннымъ заботамъ о немъ и поблажкѣ его всевозможнымъ, иногда, едва исполнимымъ, фантазіямъ. Онъ всегда принималъ все это, какъ нѣчто должное, и не считалъ нужнымъ стѣснять себя въ чемъ бы то ни было, ради ея спокойствія.

Но то, что со стороны могло казаться страннымъ въ ихъ отношеніяхъ, было вполне естественно и понятно для нихъ самихъ, тѣмъ болѣе, что въ ихъ характерахъ было много общихъ чертъ. У обоихъ была та-же безискусственная простота въ сношеніяхъ съ людьми и доходящая до наивности довѣрчивость къ людямъ, одинаковая, иногда ничѣмъ не мотивированная, раздражительность, быть можетъ обусловленная чрезмѣрною природною впечатлительностью обоихъ и, наконецъ, та-же стойкость въ привычкахъ и установленномъ разъ навсегда порядкѣ жизни. Если между ними была разница, то она заключалась въ томъ, что Татьяна Петровна была сдержаннѣе, тактичнѣе и хладнокровнѣе, вообще трезвѣе смотрѣла на жизнь и не разъ говорила, что Н. Ив. «горячностью весь въ отца».

Каждое желаніе Н. Ив. было для нея закономъ, въ чемъ я могла вполне убѣдиться, посѣщая ихъ почти ежедневно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ, наприимѣръ, Татьяна Петровна въ угоду сыну собственноручно сбивала для него сливочное масло, усердно хлопотала о томъ, чтобы во всякое время года была живая домашняя птица и рыба къ столу и безпрестанно выходила на кухню, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда Н. Ив. придумывалъ какое нибудь новое, такъ ска-

зять, «историческое» кушанье. Помню, между прочимъ, разъ онъ напелъ гдѣ-то въ росписи кушаньевъ царя Алексѣй Михайловича солянку изъ осетрины съ визигой и шафраномъ ¹⁾. Солянка появилась на столѣ и заслужила одобреніе Н. Ив. къ немалому удовольствію Татьяны Петровны, на лицѣ которой появилась довольная улыбка, какъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отдавалъ должную справедливость ея кулинарному искусству или почему-либо припоминалъ какой нибудь эпизодъ изъ ихъ прошлой совмѣстной жизни. Равнымъ образомъ, для нея было большимъ огорченіемъ, когда Н. Ив. оставался недоволенъ обѣдомъ или находилъ что либо несвѣжимъ, чего никогда не было въ дѣйствительности и, что прямо зависѣло отъ его дурнаго расположенія духа или нездоровья. Впослѣдствіи я примѣнилась въ этихъ случаяхъ и, не дожидаясь его замѣчаній, расхваливала обѣдъ или же начинала разговоръ о какомъ нибудь историческомъ вопросѣ, въ это время занимавшемъ Н. Ив., и онъ настолько увлекался имъ, что ѣлъ машинально, и, повидимому, даже не сознавалъ, что сидитъ за столомъ.

Татьяна Петровна никогда не обѣдала вмѣстѣ съ нами, и, какъ мнѣ казалось, въ силу одного изъ многихъ малороссійскихъ народныхъ обычаевъ, введенныхъ въ домашнемъ обиходѣ Н. Ив., какъ въ способъ соблюденія постовъ, такъ и чествованія тѣхъ или другихъ праздниковъ. Между прочимъ, въ Благовѣщеніе Н. Ив. всегда выпускалъ на волю живую птицу, заранѣе купленную для этой цѣли. Но разъ случилось, что Васька, любимый сѣрый котъ Н. Ив., необходимый членъ его семьи, важно расхаживавшій изъ комнаты въ комнату, всегда украшенный наряднымъ ошейникомъ, сшитымъ «дѣвницей изъ гавани» ²⁾, соблазнился новымъ лакомствомъ, отворилъ кѣтку, стояв-

¹⁾ По ихъ же рассказамъ Татьяна Петровна приготовляла въ Саратовѣ какой-то необыкновенный медъ, по рецепту Олеарія, который ей былъ сообщенъ Николаемъ Ивановичемъ.

²⁾ Звали ее Дарьей Карловной, но почему-то въ домѣ Н. Ив. она была известна только по имени «дѣвница изъ гавани». Это была типичная гаванская чиновница, дочь благородныхъ и болѣе тѣмъ бѣдныхъ родителей; жила она въ подвалѣ, не разъ въ годъ затопляемомъ водой, являлась неизмѣнно съ большимъ сакъ-вожжемъ и носила зимой классическій клѣтчатый салопъ. Ей было лѣтъ за сорокъ, говорила она басомъ и отрывисто, отличалась мужскими, при этомъ крайне развязными, манерами и не упускала ни одного случая, чтобы услужить въ домѣ тѣмъ или другимъ способомъ. Но въ то-же время она умѣла расписывать такими яркими красками свою безысходную бѣдность, что Татьяна Петровна щедро надѣляла ее деньгами при всякомъ ея посѣщеніи, а также всевозможными кухонными остатками, такъ что сакъ-

шую на столѣ, и задушилъ птицу. Но онъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія Василемъ и приведенъ къ Н. Ив., который тутъ же рѣшилъ судить его по всей строгости закона. Судъ состоялся въ слѣдующее воскресенье, въ кабинетѣ Н. Ив., который взялъ на себя обязанность прокурора; Д. Л. Мордовцевъ вызвался быть адвокатомъ кота; Татьяна Петровна, мои дѣти и «дѣвица изъ гавани» представляли собой присяжныхъ. Я изображала публику и въ то-же время стенографа. На столѣ поставлена была открытая клѣтка, въ видѣ вещественнаго доказательства совершеннаго преступленія. Василий стоялъ въ сторонѣ и держалъ подсудимаго на рукахъ.

Когда всѣ заняли свои мѣста, Н. Ив. началъ свою обвинительную рѣчь, въ которой распространился о злой и порочной породѣ котовъ вообще, подтверждая свои слова примѣрами изъ греческой и римской исторіи, а затѣмъ перешелъ къ своему коту Васекѣ. Онъ упрекалъ послѣдняго въ черной неблагодарности послѣ всѣхъ нѣжныхъ заботъ о немъ, нарядныхъ ошейниковъ и пр., и добавилъ, что по его мнѣнію подсудимый заслуживаетъ строгаго наказанія, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ никакихъ прямыхъ поводовъ совершить преступленіе.

Защитительная рѣчь Д. Л. начиналась съ заявленія, что во всемъ виноватъ самъ г. прокуроръ, что котъ съ раннихъ лѣтъ получилъ дурное воспитаніе въ его домѣ, въ смыслѣ развитія кровожадныхъ инстинктовъ, потому что видѣлъ чуть ли не ежедневно, какъ на его глазахъ рѣзали живыхъ птицъ, убивали рыбу. Между прочимъ, Д. Л. провелъ и ту мысль, что котъ могъ быть вовлеченъ въ преступленіе дурными примѣрами хищничества, какіе встрѣчалъ въ томъ или другомъ видѣ среди русскаго общества ¹⁾.

Рѣчь защитника была настолько убѣдительна, что присяжные единогласно признали подсудимаго оправданнымъ, и котъ Васекъ, почувствовавъ себя на свободѣ, стремглавъ бросился изъ комнаты.

воляжъ «дѣвица изъ гавани» надувался отъ нихъ какъ пузырь и она таинственно уносила его подъ полой своего салопа. О характерѣ дѣвицы изъ гавани и безграничной довѣрчивости Татьяны Петровны можно судить изъ того, что дѣвица увѣрила однажды свою покровительницу, что у послѣдней «незаконный» паспортъ и что знакомый ей чиновникъ исправитъ его за 25 рублей. Татьяна Петровна отдала паспортъ, который былъ возвращенъ ей недѣлю черезъ три, но съ какими исправленіями—не могу сказать, потому что не видѣла его. Узнала я объ этомъ случайно, вслѣдствіе того, что Татьяна Петровна заняла у меня 25 р. тайно отъ Н. Ив. (вѣроятно по совѣту «дѣвицы») и возвратила мнѣ ихъ изъ слѣдующей получки отъ него денегъ на хозяйство.

Н. В.

¹⁾ Къ сожалѣнію, объ рѣчи, записанная мною съ возможною точностью, пропала безслѣдно, и мнѣ пришлось привести ихъ содержаніе по памяти.

Н. В.

Само собой разумѣется, что подобныя проявленія благодушнаго настроенія не были особенно частыми въ трудовой жизни Н. Ив., при неизбѣжныхъ невзгодахъ, частомъ нездоровьи и послѣ тяжелыхъ испытаній прошлаго, которыя не могли не отразиться на его характерѣ. Если постоянная работа спасала его отъ минутъ отчаянія, то не могла спасти отъ печальныхъ размышленій, которыя заставляли его иногда лежать или сидѣть часами безъ дѣла, вели къ крайней раздражительности и вспышкамъ безпричиннаго гнѣва.

Но стоило Н. Ив. выѣхать изъ Петербурга, отрѣшиться отъ среды, гдѣ, по его собственному выраженію (въ одномъ изъ вышеприведенныхъ писемъ), его «раздражительность обыкла разыгрываться», чтобы сдѣлаться неузнаваемымъ. Все правилось и занимало его; въ немъ пробуждался присущій ему малороссійскій юморъ; онъ забывалъ о своихъ мнимыхъ и дѣйствительныхъ болѣзняхъ, принималъ дѣятельное участіе во всякомъ разговорѣ; готовъ былъ при случаѣ, который въ остальное время прошелъ бы для него незамѣченнымъ, разразиться дѣтскимъ неудержимымъ смѣхомъ. Въ такомъ хорошемъ расположеніи духа я видѣла Н. Ив. лѣтомъ 1869 года, когда онъ вторично пріѣхалъ къ намъ въ усадьбу (Бѣлозерскаго уѣзда), своевременно извѣстивъ насъ объ этомъ письмомъ. Я выѣхала къ нему на встрѣчу, въ Кириловъ, съ А. Н. Веселовскимъ и моимъ братомъ, бывшимъ слушателемъ Н. Ив. во время его недолгаго профессорства въ спб—скомъ университетѣ; Н. Ив. былъ, видимо, доволенъ нашимъ вниманіемъ, рассказывалъ анекдоты о настоятелѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, съ которымъ ѣхалъ вмѣстѣ на пароходѣ, изъ Череповца до Горницъ, и вель долгую бесѣду. Этотъ настоятель доходилъ до крайности въ своей ненависти къ женщинамъ, въ которыхъ видѣлъ корень всего зла на землѣ, придумывалъ разныя стѣсненія, чтобы лишить ихъ возможности посѣщать управляемый имъ монастырь, откуда изгналъ между прочимъ всѣхъ кошекъ, толковалъ о безполой душѣ и т. д.

Когда Н. Ив. немного отдохнулъ съ дороги, мы отправились вмѣстѣ съ нимъ въ Оералоптьевъ монастырь (за 18 верстъ отъ Кириллова), гдѣ теперь устроена приходская церковь. Отъ упраздненнаго монастыря сохранилась всего одна стѣна съ кельей, въ которой былъ заточенъ Никонъ. Затѣмъ, по возвращеніи оттуда, Н. Ив. осматривалъ вмѣстѣ съ А. Н. Веселовскимъ и моимъ братомъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Здѣсь къ нему подошелъ послушникъ, съ виду совсѣмъ дряхлый старикъ, и спросилъ: «Н. Ив., вы, кажется, не узнаете меня?» Оказалось, что это былъ его прежній университетскій товарищъ, Аванасій Ивановичъ Ромашевъ, посаженный за что-то въ 1846 году въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ провелъ около двадцати лѣтъ,

въ одиночномъ заключеніи, по забывчивости III-го отдѣленія. Наконецъ въ 1865 году о немъ случайно вспомнили и отправили въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ его ожидали новыя испытанія отъ чужестранца настоятеля, и онъ съ горя запилъ горькую. Н. Ив. былъ тронутъ до слезъ разсказомъ Ромашева и, пользуясь своимъ случайнымъ знакомствомъ съ архимандритомъ монастыря, тотчасъ отправился къ нему, чтобы просить его объ облегченіи участи своего стараго товарища ¹⁾).

Затѣмъ мы отправились всѣ вмѣстѣ, опять-таки по невозможной проселочной дорогѣ, въ нашу усадьбу (за 45 верстъ отъ Кириллова), гдѣ Н. Ив. прожилъ около трехъ недѣль и, повидимому, нисколько не тяготился постояннымъ шумомъ, неизбѣжнымъ при многочисленной семьѣ, состоящей болѣе, чѣмъ изъ 20 душъ взрослыхъ и дѣтей. Все время въ немъ не было замѣтно ни малѣйшихъ признаковъ скуки; онъ толковалъ о научныхъ вопросахъ съ А. Н. Веселовскимъ, гулялъ безъ усталы, не отставая въ этомъ отношеніи отъ моихъ братьевъ, изъ которыхъ двое были тогда студентами. Разъ поздно вечеромъ, когда спалъ дневной жаръ, они отправились пятеромъ верхомъ, въ томъ числѣ и А. Н. Веселовскій, въ сосѣднюю усадьбу гг. Петровыхъ, Мотому (за 15 верстъ отъ насъ), гдѣ въ это лѣто не жилъ никто изъ хозяевъ. Здѣсь они расположились на террасѣ пить чай; Н. Ив. самъ вертѣлъ испорченную шарманку, игравшую «Барыню», много говорилъ, припоминая при этомъ различные анекдоты, которые онъ всегда мастерски разсказывалъ.

Такимъ же беззаботно-веселымъ и довольнымъ жизнью я видѣла Н. Ив. за годъ передъ тѣмъ, въ нашу трехдневную поѣздку въ Новгородъ весной 1868 года, когда онъ познакомилъ меня съ главнѣйшими новгородскими древностями, а затѣмъ еще во время двухъ-мѣсячнаго совмѣстнаго путешествія въ Крымъ лѣтомъ 1870 года.

¹⁾ Благодаря заступничеству Н. Ив., Ромашевъ пользовался съ тѣхъ поръ особеннымъ благоволеніемъ настоятеля, который предоставилъ ему льготу выходить изъ монастыря во всякое время. Ромашевъ умеръ въ апрѣлѣ 1873 года, въ земской больницѣ, принявъ передъ смертью большое постриженіе и былъ торжественно похороненъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Отъ него остались записки, которыя онъ при жизни передалъ моему брату; написаны онѣ такъ безсвязно, что почти нельзя сомнѣваться въ извѣстной степени умственного расстройства несчастнаго страдальца; въ нихъ разсказана какая-то семейная исторія, между прочимъ, упомянуть Бенкендорфъ и т. п.

X.

Привожу въ общихъ чертахъ описаніе нашего путешествія въ Крымъ ¹⁾, потому что считаю его крайне характернымъ, въ смыслѣ обрисовки многосторонней, глубоко поэтической природы Ник. Ив., благодаря которой для него на каждомъ шагѣ открывался новый источникъ наслажденія и неисчерпаемаго интереса. Онъ одинаково увлекался природой, историческими памятниками, остатками живописи, преданіями, народными суевѣріями, и во всемъ находилъ поэзію. Любилъ онъ природу и понималъ ея внутреннюю красоту болѣе всѣхъ, кого я знала. Онъ могъ часами наслаждаться тѣмъ или другимъ прекраснымъ видомъ, сидѣть на морскомъ берегу и прислушиваться къ мѣрному прибою волнъ или слѣдить за причудливыми очертаніями проходившихъ мимо облаковъ. Историческіе памятники не были для него мертвымъ матеріаломъ, подтверждающимъ тѣ или другіе научные факты и гипотезы; они непосредственно дѣйствовали на его воображеніе, вызывали передъ нимъ живыя картины и образы прошлаго. Также внимательно прислушивался онъ къ народнымъ повѣріямъ, называя ихъ «поэзіей неразвитаго человѣка», и любилъ до такой степени этого рода рассказы, что они никогда не утомляли его. Не менѣе занимала его бесѣда съ незнакомыми людьми о вопросахъ современной жизни, мѣстныхъ условіяхъ и проч., такъ что мнѣ всего труднѣе было бы сказать, чѣмъ собственно не интересовался Н. Ив. во время путешествія.

Мы отправились изъ Петербурга 28 мая 1870 и ѣхали почти безъ остановокъ до Таганрога, потому что Н. Ив. спѣшилъ на морскія купанія, бывшія главною цѣлью поѣздки. Только въ Харьковѣ мы воспользовались трехчасовымъ промежуткомъ отъ одного поѣзда до другаго, чтобы осмотрѣть городъ.

Н. Ив., видѣвшій Харьковъ слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, нашелъ въ немъ большую переměну, не только съ вѣшной стороны, но и въ томъ отношеніи, что онъ сталъ совершенно великорусскимъ городомъ. По его словамъ, «это можно было предвидѣть, такъ какъ малороссійское племя вездѣ оказывается одинаково безучастнымъ къ тому, что составляетъ сущность города, и все ушло въ сельскую жизнь». По этому поводу Н. Ив., садясь въ вагонъ, припомнилъ слѣдующій анекдотъ:

¹⁾ Отъ крымскаго путешествія у меня сохранились дорожныя замѣтки, которыми я теперь и пользуюсь. Н. В.

«Вхаль хохоль съ возомъ. Встрѣчается москаль:—Хохоль, подвези меня, я усталъ, боленъ.—Сідай! сказалъ хохоль.—Имъ пришлось вхать черезъ лѣсъ. Кричать кукушка.—Хохоль, сказалъ москаль, что это кричить?—Зозуля, отвѣчаетъ тотъ.—Сгони ее, я боленъ, она мнѣ мѣшаетъ.—Хохоль слѣзъ съ воза и побѣжалъ въ лѣсъ. Москаль ударилъ по лошади и закричалъ тому вслѣдъ: „гоняй себѣ, хохоль, зозулю по лѣсу!»

— «Такъ-то, сказалъ въ заключеніе Н. Ив., хохоль предоставилъ москалю все развитіе экономическаго богатства края, а самъ и до сихъ поръ гоняеть въ лѣсу зозулю!»—Но тутъ онъ замолчалъ и сдѣлался задумчивымъ. По обѣимъ сторонамъ дороги видѣлись живописныя малороссійскія села, съ бѣлыми хатами, вербами и вишневыми садиками. День былъ праздничный. Малороссы неподвижно сидѣли на присѣбахъ и вели бесѣду; кое гдѣ мелькали дѣвчата съ цвѣтами на головахъ. Все это живо напомнило Н. Ив. давно покинутую имъ родину. Онъ заплакалъ и выразилъ мгновенное желаніе все бросить, покинуть Петербургъ, поселиться въ хуторѣ и «доживать віку» среди вишневыхъ садовъ и «рідныхъ пісень». Но это желаніе было настолько невыполнимо для него во всѣхъ отношеніяхъ, что онъ вскорѣ забылъ о немъ, по мѣрѣ того, какъ одни путевыя впечатлѣнія смѣнялись другими. Въ дорогѣ, противъ своего обыкновенія, Н. Ив. охотно вступалъ въ разговоръ съ незнакомыми людьми, къ какому бы слою общества они не принадлежали, потому что, при его глубоко демократической натурѣ, въ этомъ отношеніи для него не существовало различій. Если онъ встрѣчалъ мѣстнаго жителя, то закидывалъ его всевозможными вопросами, свидѣтельствовавшими объ его неизмѣнной любознательности, или же наблюдалъ за окружающими его пассажирами и выводилъ заключенія о характерѣ, привычкахъ и степени ума наиболѣе типичныхъ изъ нихъ.

Въ Таганрогѣ намъ пришлось прожить около трехъ сутокъ, въ ожиданіи парохода, хотя трудно было найти городъ, менѣе соответствующій вкусамъ Н. Ив., какъ по отсутствію всякихъ признаковъ умственной жизни, такъ и своими исключительно коммерческими интересами. Глядя на торговый и рабочій людъ всевозможныхъ національностей, копошившійся на пристани, онъ не разъ повторялъ извѣстные стихи покойнаго Щербина, обращенные къ Таганрогу:

«У моря, гдѣ однимъ расчетомъ
 «Живуть и души, и умы,
 „Что звали древніе болотомъ
 „И моремъ называемъ мы“...

Наконецъ, явился пароходъ и мы отправились въ Θεοδοσίю, а черезъ сутки уже стояли передъ Керчью. Н. Ив. предложилъ мнѣ воспользоваться стоянкой парохода, чтобы хотя бѣгло осмотрѣть городъ, полный историческихъ воспоминаній. Мы прежде всего зашли въ церковь Іоанна Предтечи; по словамъ Н. Ив., это было одно изъ древнѣйшихъ зданій въ Россіи, уже существовавшее въ XIII вѣкѣ, хотя его первоначальный видъ измѣнился позднѣйшими пристройками. Церковь была очень мала, съ арками и столбами на колоннахъ, и глубоко вошла въ землю.

Отсюда мы поѣхали на такъ наз. «царскій» курганъ. Поля были всѣ зеленыя, благодаря дождливому лѣту; и самъ курганъ былъ одѣтъ травой и полевыми цвѣтами. Онъ представлялъ собой громадную насыпь, покрывавшую каменную галлерею и усыпальницу со сводомъ, гдѣ собраны были каменные находки, открытыя въ разныхъ мѣстахъ. Здѣсь сторожъ сообщилъ намъ объ участи другаго извѣстнаго кургана «золотаго», видѣннаго Н. Ив. лѣтъ двадцать тому назадъ. Его уже не существовало—камни изъ него ушли на городскія постройки.

На вопросъ Н. Ив. о директорѣ керченскаго музея, сторожъ отвѣтилъ, что г. Люценко находится на раскопкѣ кургана, въ двухъ верстахъ отъ «царскаго». Мы поспѣшили туда, взобрались на гору и увидѣли распластанннй начетверо огромный курганъ; середина была вся снята и представляла гладкую площадку. Люценко любезно встрѣтилъ насъ, самъ повелъ по кургану и сообщилъ о сдѣланныхъ въ немъ открытіяхъ ¹⁾. Н. Ив. слушалъ его рассказъ съ напряженнымъ вниманіемъ и съ своей стороны задавалъ ему различные вопросы. Сходя съ кургана, мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы полюбоваться роскошнымъ открывавшимся отсюда видомъ. На далекомъ пространствѣ, насколько можно было окинуть простымъ глазомъ, тянулась безконечная вереница кургановъ и холмовъ, перерѣзанныхъ въ двухъ мѣстахъ моремъ; вдали нестрѣлъ городъ, съ макушками церквей, блестящими на заходящемъ солнцѣ, и съ красивыми группами деревьевъ.

Люценко пригласилъ насъ осмотрѣть музей, который оказался довольно бѣднымъ, потому что лучшія вещи отвозятся въ Петербургъ

¹⁾ По снятіи верха на твердомъ грунтѣ найдены были, подъ грудой углей и пепла, сожженныхъ кости, повидимому, женщины, такъ какъ тутъ было много мелкихъ золотыхъ и бронзовыхъ вещей превосходной греческой работы, часть которыхъ сплавилась; кромѣ того здѣсь лежали черепки разбитыхъ вазъ съ рисунками этрусскаго стіля, съ изображеніемъ евреей и вавхическихъ сценъ. Въ другомъ мѣстѣ того-же кургана открыты остатки старыхъ стѣнъ и человѣческіе остовы, которые Люценко относилъ къ очень древнимъ временамъ.

и оставлены менѣ важныя или дублеты. Простившись съ Люценко, мы проѣхали по городу, который, какъ извѣстно, спльно пострадалъ въ крымскую войну отъ неприятельскихъ ядеръ, но съ тѣхъ поръ совсѣмъ обстроился, такъ что слѣды раззоренія были незамѣтны. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы вернулись на пароходъ, гдѣ мы остались до самого отхода, потому что на слѣдующее утро шелъ проливной дождь и невысмыслимо было ѣхать въ городъ. Въ видѣ развлечения, мы слѣдили за нагрузкой парохода, который, наконецъ, двинулся въ путь и послѣ шестичасоваго плаванія доставилъ насъ къ берегу Феодосіи. Здѣсь Н. Ив. твердо рѣшился прожить двѣ недѣли, въ виду превосходнаго морскаго купанья, но въ дѣйствительности остался всего десять дней и то съ трудомъ, потому что трудно найти болѣе однообразное и скучное мѣсто. Городъ былъ настолько малъ, что мы въ слѣдующій день по приѣздѣ исходили его вдоль и поперекъ; днемъ онъ былъ почти пустъ, за городомъ тѣмъ болѣе; на улицахъ только приходилось видѣть торговый и рабочій людъ, да нищихъ. При полномъ отсутствіи зелени, все кругомъ носило печальный сѣровато-коричневый колоритъ. Городской садъ былъ тогда почему-то запертъ для публики; и только кое-гдѣ по улицамъ и на единственномъ бульварѣ красовались молодые вновь посаженные прутки. На третій-же день Н. Ив. не могъ видѣть равнодушно этого бульвара, гдѣ по вечерамъ толпилась публика, расхаживая взадъ и впередъ подъ звуки плохой музыки. Такимъ образомъ, мы изо дня въ день гуляли по горѣ, гдѣ уцѣлѣли развалины генуэзской цитадели, но такое однообразіе не могло не наскучить, а кругомъ города голыя скалы, берегъ также обнаженный. Пыль и пыль вездѣ, а по воздуху съ ранняго утра до ночи носились взадъ и впередъ безсчетныя стаи стрижей и отъ ихъ монотоннаго щебетанія точно стонъ стоялъ надъ городомъ и видимо разстраивалъ нервы Н. Ив.

Отъ окончательной скуки насъ спасало чтеніе и знакомство съ П., бывшимъ одесскимъ профессоромъ, въ это время занимавшимъ въ Феодосіи мѣсто предѣдателя земской управы, и его братомъ, приѣхавшимъ изъ Петербурга. Передъ отъѣздомъ изъ Феодосіи мы совершили въ ихъ обществѣ двухдневное путешествіе въ Судакъ. Ѣхали мы не по почтовой дорогѣ, а выбрали проселочную, наиболѣе живописную, не разъ выходили изъ коляски и шли пѣшкомъ. Мои спутники были въ наилучшемъ расположеніи духа и оживленный разговоръ не прекращался всю дорогу. При этомъ мы истребляли невѣроятное количество вишенъ, которыми были переполнены встрѣчавшіяся арбы, а на станціяхъ пили молоко, къ ужасу брата П., который пророчилъ самыя дурныя послѣдствія отъ такого способа питанія. Но всѣ мы

остались цѣлы и невредимы, и ничто не нарушило общаго веселаго настроенія. Сначала, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ отъ Феодосіа, дорога была утомительно однообразна, но вскорѣ мы вступили въ горную полосу и прекрасные виды смѣнялись одни другими. Первою мѣстностью въ этомъ родѣ былъ Коктебель—ущелье, окруженное скалами; другая — Кизилташъ, куда мы направились изъ Отузской долины, поднимаясь все выше въ горы.

На одномъ изъ холмовъ кизилташскаго ущелья стоялъ монастырь, обратившій на себя особенное вниманіе Н. Ив. Онъ основанъ извѣстнымъ проповѣдникомъ, архіепископомъ Иннокентіемъ, который хотѣлъ возобновить здѣсь память Стефана Суражскаго ¹⁾. По замѣчанію Н. Ив., «Кизилташскій монастырь, при своей тогдашней скудости и простотѣ, могъ дать наглядное понятіе о нашихъ монастыряхъ XIV и XV вв., когда они зачинались въ дѣбряхъ и пустыняхъ отшельниками, жившими трудомъ и не знавшими житейскихъ удобствъ». Братьи было всего десять человекъ; они существовали обработкой небольшого участка земли, принадлежащаго монастырю; самъ игумень помѣщался въ тѣсной и бѣдной лачугѣ безъ полу.

Дорога отъ монастыря шла густымъ боромъ. На съѣздѣ съ высокой крутой горы мы увидѣли, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, высокий черный крестъ, обвитый дикимъ виноградомъ, который живописно спустился съ ближайшаго дерева; тутъ-же лежали на землѣ обгорѣлыя кареги. Мѣсто это, по своей загадочности, настолько заинтересовало Н. Ив., что онъ велѣлъ ямщику остановиться и вышелъ изъ экипажа. Оказалось, что это былъ памятникъ, воздвигнутый преждему игумену Кизилташскаго монастыря, Паренію, убитому, какъ говорили, мѣстными татарами, которые поволокли его тѣло на одну изъ сосѣднихъ горъ и сожгли, а пепелъ развѣяли по вѣтру. Пареній исчезъ, долго ничего не знали о немъ, наконецъ, попали на слѣдъ, по догадкамъ добрались до убійцъ и повѣсили ихъ, не добившись отъ нихъ признанія.

Этотъ трагическій рассказъ, въ связи съ мрачнымъ характеромъ предполагаемаго мѣста убійства, произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Н. Ив., что нѣкоторое время онъ ни о чемъ другомъ не могъ ни думать, ни говорить, хотя боръ остался далеко позади насъ и мы выѣхали на открытую поляну, освѣщенную солнцемъ и буквально усѣянную цвѣтами, которыми такъ богатъ восточный берегъ Крыма. Передъ нами былъ Судакъ или, вѣрнѣе, Судацкая долина, потому что

¹⁾ Сосѣдняя скала носитъ названіе Суражской; кромѣ того, въ горѣ есть источникъ въ пещерѣ, куда, по преданію, святой удалялся для молитвы.

здѣсь не видно было и подобія города, а только разбросанныя тутъ и тамъ дачи и двѣ большихъ татарскихъ деревни съ минаретами, плоскими крышами и типичнымъ населеніемъ. Гостинницъ еще въ то время не было, но, по счастью, П. имѣлъ въ Судаки знакомаго, который на ночь помѣстилъ насъ въ домъ своихъ родственниковъ, (сколько помнится, Капнистовъ), которые въ это время были въ отсутствіи. Домъ былъ не великъ, но крайне уютный и изящный по внутреннему убранству и всей обстановкѣ. Передъ домомъ до самаго моря тянулся садъ, съ роскошными южными деревьями и цвѣтами.

На слѣдующее утро Н. Ив. поднялся едва-ли не раньше всѣхъ, и сталъ торопить нашъ отъѣздъ, такъ какъ намѣревался осмотрѣть развалины древней крѣпости Сольдаи, которая отстояла версты за двѣ отъ Судацкой долины. Мы прибыли въ небольшую нѣмецкую колонію, расположенную у подошвы крутой и очень высокой горы, по скату которой, надъ самымъ моремъ, лѣпились остатки стѣнъ съ башнями. Взбираться на гору, подъ жаркимъ полуденнымъ и, вдобавокъ, южнымъ солнцемъ, показалось мнѣ такимъ мученіемъ, что я предпочла остаться внизу и мои спутники отправились безъ меня на развалины. Они прошли вверхъ вдоль стѣнъ, осмотрѣли башни и остатки старой церкви, съ слѣдами фресокъ, но даже Н. Ив. не рѣшился дойти до верхняго костра (широкой башни); прямо по окраинѣ не было никакой возможности туда вскарабкаться; удобнѣе было съ южной стороны, но и оттуда пришлось бы ползти на четверенькахъ.

Изъ Сольдаи мы двинулись въ обратный путь другой дорогой черезъ гору Таштъ. Но здѣсь намъ недолго пришлось любоваться видомъ горъ, которыя все болѣе и болѣе отдалялись отъ насъ. Чѣмъ ближе къ Θεодосіи, тѣмъ обнаженнѣе становилась степь; только попадавшіяся по дорогѣ помѣстья нѣсколько нарушали однообразие; они были точно острова зелени среди голыхъ полей.

Было уже совсѣмъ темно, когда мы вѣхали въ городъ.

На слѣдующій день вечеромъ мы сѣли на пароходъ, который ровно въ десять часовъ отплылъ въ Ялту. Была теплая, южная ночь. Далеко за полночь сидѣли на палубѣ пассажиры; ихъ говоръ сливался въ одно съ шумомъ воды и пароходныхъ колесъ. Наконецъ, пассажиры стали удаляться въ каюты, одинъ за другимъ. Н. Ив. былъ въ числѣ немногихъ, оставшихся на палубѣ. Еще долго свѣтилось звѣздами темное небо надъ чернымъ моремъ; но вотъ звѣзды начали пропадать, небо становилось все блѣднѣе, стало блѣднѣть и море; обозначился берегъ, хотя разглядѣть его издали не было возможности: все сливалось въ массу неясныхъ очертаній.

Въ Ялтѣ мы прожили около недѣли; время проходило скоро среди

прогулокъ, чтенія, бесѣды со знакомыми и незнакомыми людьми, которые считали долгомъ явиться къ Н. Ив. ¹⁾, и, наконецъ, поѣздокъ по окрестностямъ. Мы осмотрѣли Орианду, Ливадію, посѣтили обѣ Массандры, Ай-даниль, Никитскій садъ и пр. Во время посѣщенія одной изъ Массандръ съ нами случилось небольшое приключеніе, не мало смутившее насъ. Наступалъ полдень; мы сильно проголодались послѣ двухчасовой прогулки, и Н. Ив. обратился къ извозчику съ вопросомъ: нѣтъ-ли гдѣ по близости гостинницы, гдѣ-бы можно было позавтракать? Извозчикъ, который или не понималъ вопроса, или хотѣлъ во что бы то ни стало дать отдыхъ своимъ лошадямъ, указалъ на гору, гдѣ видѣлся небольшой домъ. Мы тотчасъ-же отправились туда. Хозяинъ, французъ, встрѣтилъ насъ очень любезно, по требованію Н. Ив. въ самомъ непродолжительномъ времени явился на столъ завтракъ и вино. Хозяинъ разговорился съ Н. Ив.; оказалось, что онъ уже давно въ Россіи и даже женился на русской. Запла рѣчь о политикѣ; французъ оживился и объявилъ, что угостить насъ такимъ краснымъ виномъ, какое врядъ-ли намъ удастся пить въ Крыму. Поданное вино, дѣйствительно, оказалось превосходнымъ; но когда мы встали изъ-за стола и спросили, сколько стоитъ завтракъ, по счастью довольно скромный, то хозяинъ объявилъ, «что ничего не стоитъ, потому что мы у него въ гостяхъ». Это былъ главный винодѣлъ князя Воронцова, который сразу понималъ наше заблужденіе и прекрасно выдержалъ роль содержателя гостинницы. Намъ оставалось только извиниться за невольную невѣжливость и поблагодарить за радушное гостепримство.

Изъ Ялты мы перебрались въ Алупку, гдѣ прожили всего долѣе, потому что Н. Ив. считалъ ее лучшимъ мѣстомъ въ Крыму и находилъ, что по массѣ, разнообразію и свѣжести зелени она превосходить самыя прославленныя мѣстности Италіи. Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-либо прекраснѣе двухъ обширныхъ садовъ Алупки и дворца, построеннаго въ мавританскомъ вкусѣ, съ башнями, минаретами и галереями, обвитыми мѣстами до крыши густымъ плющомъ, вьющимися бѣлыми розами и другими ползучими растеніями. Отъ фасада идетъ уступами къ морю уставленная цвѣтами терраса, съ бѣлой мраморной лѣстницей и скамьями, такими-же бѣлыми львами и вазами. И дворецъ и террасу нужно видѣть при лунномъ освѣщеніи; въ памяти такъ и воскресаютъ фантастическіе рассказы о вол-

¹⁾ Въ числѣ ихъ былъ два раза у Н. Ив. К. Д. Ушинскій, который, не подозрѣвая своей близкой кончины, хвалился необыкновенной пользой, какую ему принесъ вумисъ и, повидямому, былъ въ наилучшемъ расположеніи духа.

шебныхъ замкахъ. Рельефно обрисовывался на темномъ небѣ, въ видѣ огромной, черной массы, величественный, молчаливый дворецъ; еще свѣтлѣе, по сравненію съ нимъ, казалась открытая терраса, за которой растиался цѣлый лѣсъ разнообразной зелени, окаймленный моремъ.

Каждый вечеръ съ восходомъ луны мы выходили на террасу и просиживали часами на верхнихъ ступеняхъ бѣлой мраморной лѣстницы. Къ намъ обыкновенно присоединялся главный садовникъ Воронцова, обрусѣвшій нѣмецъ, представлявшій крайне типичную личность, передъ которой преклонился бы Жанъ-Жакъ Руссо, такъ какъ трудно было встрѣтить человѣка, болѣе близкаго къ природѣ. Дѣтство его протекло въ воронцовскихъ садахъ, гдѣ онъ наследовалъ должность своего отца. Тутъ были всѣ его привязанности и все его честолюбіе: никакое другое существованіе не привлекало его; онъ съ ужасомъ думалъ о возможности какой либо перемѣны. Жилъ онъ въ саду, въ каменномъ домѣ, обитомъ сверху до низу виноградомъ, гдѣ и намъ было отведено помѣщеніе ¹⁾. Онъ исчезалъ съ ранняго утра до наступленія сумерокъ, и если намъ случалось встрѣтить его въ теченіи дня, то всегда въ саду, за той или другой работой.

Естественно, что такая очаровательная мѣстность, какъ Алупка, не была свободна отъ суевѣрій. Въ саду было мѣсто, гдѣ по преданію, переходящему отъ старыхъ къ новымъ, появлялась тѣнь татарки, погребенной возлѣ дороги, о чемъ свидѣтельствовала деревянная нарѣзанная дощечка, обычная на татарскихъ могилахъ. Ходили слухи, что нѣкоторые видѣли, какъ татарка переходила дорогу и садилась у фонтана, называемаго «Лѣнвивымъ», что она хватала кого-то за плечи, когда этотъ ѣхалъ на лошади, и пр. Разказы эти живо заинтересовали Н. Ив. и онъ при всякомъ удобномъ случаѣ разспрашивалъ мѣстныхъ татаръ: кто такая была погребенная татарка и что съ нею случилось? Но татары многозначительно молчали, тѣмъ болѣе, что изъ религіознаго уваженія къ умершимъ они не любятъ разсказывать о нимъ людямъ не ихъ вѣры. Наконецъ, къ величайшему удовольствію Н. Ив., отыскался малороссъ, по имени Карпо, который былъ сообщительнѣе другихъ. Онъ безусловно вѣрилъ, что татарка дѣйствительно бродитъ около своей могилы, но не могъ сообщить о

¹⁾ Этими помѣщеніемъ мы были обязаны ходатайству извѣстнаго пейзажиста Арсенія Ив. Мещерскаго у вн. Воронцова, который, кромѣ того, предоставилъ въ распоряженіе Н. Ив. свою библиотеку, находящуюся при дворцѣ. Въ библиотекѣ мы проводили наиболѣе жаркіе часы дня, такъ какъ здѣсь была всегда прохлада и полнѣйшая тишина, нарушаемая только [шескомъ] ближайшаго фонтана въ саду и отдаленнымъ шумомъ морскаго прибоя.

ней никакихъ подробностей и только сказалъ, что «она колись повислась!» Но при этомъ таинственно замѣтилъ, что, кромѣ татарки, въ алупкинскихъ садахъ ночью блуждаетъ что-то мохнатое на подобіе медвѣдя; отъ него онъ самъ «утикавъ». Появлялись также какія-то громадныя человѣческія ноги; верхняя часть этого человѣкообразнаго привидѣнія терялась вверху, выше самыхъ высокихъ деревьевъ. Передъ крымской войной особенно посѣщали Алупку привидѣнія и въ замкѣ по ночамъ происходилъ стукъ. Въ верхнемъ саду былъ татарскій домикъ и тамъ, говорилъ Карпо: «хтось по ночамъ стука, свистить и на скрипку грае»... Н. Ив. былъ въ восхищеніи отъ простодушныхъ разсказовъ Карпо и слушалъ ихъ съ такимъ серьезнымъ видомъ, какъ будто нисколько не сомнѣвался въ правдивости слышаннаго. Но какъ ни хороша была Алупка, пришлось разстаться съ нею, потому что Н. Ив. не хотѣлъ отступать отъ заранѣе составленнаго маршрута. Изъ Алупки мы отправились въ Севастополь сухимъ путемъ черезъ Байдарскія ворота, которыя издали казались окошкомъ въ зеленой верхушкѣ горы. Мы остановились подъ самыми воротами, гдѣ на правой сторонѣ жила Анна Семеновна, жена шоссейнаго сторожа, и славилась умѣньемъ готовить кофе. Это была старуха лѣтъ 60, уроженка Подольской губерніи, говорящая по малороссійски съ примѣсью разныхъ вычурныхъ словъ, употребляющихъ частое обращеніе съ господами. Ея кофе, дѣйствительно, оказался превосходнымъ. Н. Ив., похваливъ ея искусство, просилъ угостить кофеемъ ямщика. Но тутъ Анна Семеновна неожиданно разгнѣвалась и закричала съ свирѣпымъ видомъ: «ему? кохвею! мужику! знаетъ вишь толкъ въ кохвей, водки ему треба—ото ёго! Его мужицкому горлу кохвей пить!» Затѣмъ, она гордо приподняла голову и добавила: «я царей пріймала у себѣ и царскихъ синовъ и имъ кохвей варила!»... При этомъ Анна Семеновна была такъ типична въ своемъ благородномъ негодованіи, что Н. Ив. видимо любовался ею, и потомъ не разъ вспоминалъ о ней.

Отъ Байдаръ мы направились къ Балаклавѣ; мѣстность замѣтно становилась все пустыннѣе и безлюднѣе. Старая Балаклава была сожжена; на ея мѣстѣ было тогда бѣдное греческое поселеніе, расположенное вдоль бухты, гдѣ стоялъ соединенный неприятельскій флотъ. Н. Ив. разговорился съ однимъ грекомъ, содержателемъ чего-то въ родѣ гостиницы, и подробно разспрашивалъ его о крымской войнѣ, которую тотъ хорошо помнилъ, тѣмъ болѣе, что, благодаря ей, дошелъ до полного раззоренія. Не довольствуясь его разсказами, Н. Ив. отправился осматривать Балаклаву, гдѣ еще оставались три французскихъ барака, рядъ свай отъ военной пристани неприятеля и чуть замѣтные слѣды проложенной имъ для себя желѣзной дороги. Затѣмъ

мы съѣли въ лодку и проплыли бухту до моря; на скалахъ и на гешуэзскихъ развалинахъ, видѣвшихся съ лѣвой стороны, по скату горы еще сохранились крупныя черныя надписи названій стоявшихъ здѣсь непріятельскихъ судовъ. Все это представляло интересъ для Н. Ив. и живо занимало его.

Путь отъ Балаклавы до Севастополя былъ тогда въ высшей степени однообразенъ; кругомъ растиалось огромное, сѣрое, пыльное пространство; нигдѣ ни деревца, ни зеленой травки. Только кое-гдѣ встрѣчались груды камней и обнесенные оградой памятники надъ убитыми. Еще болѣе поразилъ Н. Ив. Севастополь. Мы вѣхали въ него длинной безмолвной улицей, состоящей изъ полуразрушенныхъ домовъ безъ крышъ, оконъ и дверей, и только у взморья стали замѣтны признаки жизни. Въ то время обстраивалась только западная сторона, но и тутъ рядомъ съ возобновленными домами лежали развалины, кучи камня и щебня. Улицы были покрыты бѣлой каменной пылью, которая при малѣйшемъ вѣтрѣ поднималась цѣлыми облаками.

На слѣдующее утро, не смотря на палящій зной и пыльную дорогу, мы отправились пѣшкомъ, по совершенно открытому полю, на Малаховъ курганъ. Путь показался мнѣ безконечнымъ; у меня не разъ являлось желаніе вернуться назадъ, но для Н. Ив. въ этихъ случаяхъ не существовало усталости; онъ подсмѣивался надо мной и упреками въ недостатокѣ патриотизма заставлялъ меня дойти до конца. Малаховъ курганъ представлялъ тогда большой, весь изрытый сверху до низу, холмъ, въ которомъ все еще находили множество ядеръ и пуль. Н. И., кромѣ историческаго интереса, получилъ здѣсь удовлетвореніе и съ художественной стороны, такъ какъ съ кургана открывался великолѣпный видъ на городъ и окрестности.

Но лучшимъ развлеченіемъ въ Севастополѣ было тогда катаніе на баркасахъ, тѣмъ болѣе любопытное, что лодочниками были старыя моряки и рассказывали о видѣнныхъ ими событіяхъ крымской войны. Съ однимъ изъ такихъ путеvodителей, котораго Н. Ив. не уставалъ разпрашивать, мы осмотрѣли большое кладбище павшихъ при защитѣ Севастополя и находящуюся тутъ же, едва отстроенную въ то время, пирамидальную церковь. Затѣмъ мы поплыли водой въ Инкерманъ, мимо мѣстъ, ознаменованныхъ кровопролитіемъ въ крымскую кампанію, видѣли Федюхины высоты, Черную рѣчку, въ русло которой вѣхали изъ моря. По обѣимъ сторонамъ рѣчки въ горахъ были разсѣяны ряды пещеръ, принадлежавшихъ, по мнѣнію археологовъ, древнѣйшимъ обитателямъ Крыма, которыя тотчасъ же обратили на себя вниманіе Н. Ив. Онъ приказалъ лодочнику причалить къ берегу, подробно осмотрѣлъ нѣсколько пещеръ, хотя это было не вполне

удобно, потому что безпрестанно приходилось наклонять спину и даже чуть-ли не вползать въ нѣкоторыя пещеры. Затѣмъ мы опять сѣли въ лодку, хотя Н. Ив. не переставали занимать пещеры; онъ серьезно беспокоился объ ихъ дальнѣйшей участи, тѣмъ болѣе, что на противоположномъ берегу многія изъ нихъ были уже наполовину уничтожены добываніемъ камня на постройки.

Изъ Севастополя же мы отправились на развалины Херсонеса; Н. Ив. осматривалъ ихъ шагъ за шагомъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, интересовался всякой мраморной плитой, кускомъ древней колонны и высказывалъ по этому поводу свои соображенія. Также подробно были осмотрѣны имъ остатки круглой стѣны отъ старой церкви, гдѣ, по объясненію сопровождавшаго насъ монаха, совершилось крещеніе св. Владимира. Вокругъ этой стѣны закладывался новый храмъ.

Кромѣ того, мы совершили еще двѣ экскурсіи изъ Севастополя; одна изъ нихъ была въ Бахчисарай, другая въ Чуфуть-Кале.

Н. Ив. не удалось осмотрѣть жилище хановъ такъ подробно, какъ онъ желалъ этого, потому что ключи были у грубаго полушьянаго солдата, который не давалъ останавливаться ни на чемъ и, выкрикнувъ: «комната такая! было здѣсь то-то!», спѣшилъ далѣе и быстро провелъ насъ по дворцу. Все имѣло довольно грязный видъ, быть можетъ, вслѣдствіе того, что во время крымской войны здѣсь помѣщался лазаретъ, и съ тѣхъ поръ почти не сдѣлано было никакихъ поправокъ. По мнѣнію Н. Ив., «внѣшній видъ Бахчисарайскаго дворца, кромѣ фонтановъ, до которыхъ русскіе цари не были охотники, живо напоминалъ московскія постройки XVI и XVII вв., изображенныя на картинахъ, приложенныхъ къ изданію различныхъ путешествій того времени». Н. Ив. видѣлъ въ этомъ доказательство, до какой степени московская старина прониклась азіятчпной. Ему также казались сомнительными кресты, будто бы изображенные въ комнатахъ дворца, въ память мнимой Маріи Потоцкой, потому что «это могли быть, по его словамъ, не болѣе, какъ верхушечныя украшенія, случайно принявшія форму, напоминающую крестъ».

Несравненно подробнѣе удалось Н. Ив. осмотрѣть могилы хановъ и ханшъ въ мечетяхъ и находившееся при нихъ кладбище, обсаженное, преимущественно, плодовыми деревьями. Татаринъ смотритель кладбища сорвалъ два яблока и просилъ меня «принять ихъ въ даръ отъ усопшихъ».

Въ Чуфуть-Кале мы отправились верхами, въ сопровожденіи проводника татарина. Путь нашъ лежалъ черезъ Успенскій монастырь и древнее еврейское кладбище, которые были поочередно осмотрѣны

Н. Ив. Что касается Чуфуть-Кале, то онъ представлялъ видъ мертваго города, точно разрушеннаго непріятелемъ, хотя въ дѣйствительности онъ былъ, мало по малу, покинутъ населеніемъ, которому наскучило скудное существованіе на безплодныхъ горныхъ вершинахъ. Въ городѣ было тогда всего двѣ семьи. Мы зашли къ зятю извѣстнаго караимскаго раввина Фирковича. Онъ принялъ насъ радушно, показалъ древнюю синагогу и находившіяся при немъ родъ музея, пещеру, служившую нѣкогда тюрьмой, и памятникъ, называемый «могилой ханской дочери». Послѣдній особенно заинтересовалъ Н. Ив., благодаря связанной съ нимъ легендѣ ¹⁾.

Съ горы мы сошли пѣшкомъ и Н. Ив. опять-таки осматривалъ находившіяся здѣсь пещеры, которыя сохранились лучше Инкерманскихъ. Сильно соблазнило его отправиться въ Мангучь-Кале, отстоящій отъ Бахчисарая верстъ за 20 верховой ѣзды, но дождливая погода заставила его отказаться отъ этого намѣренія.

Послѣ Севастополя, мы провели нѣсколько дней въ Евпаторіи далеко не привлекательной по своему плоскому обнаженному берегу, но съ превосходнымъ морскимъ купаньемъ.

Въ началѣ августа мы прибыли въ Одессу, которая въ это время была совершенно поглощена франко-прусской войной; о ней только и толковали; телеграммы покупались нарасхватъ. Н. Ив. взялъ себѣ номеръ въ одной изъ гостинницъ, которая, по его словамъ, въ смыслѣ комфорта, не уступала лучшимъ европейскимъ гостинницамъ; я остановилась у моей сестры М—дкѣ, незадолго передъ тѣмъ переѣхавшей съ мужемъ въ Одессу изъ Москвы. Н. Ив. ежедневно бывалъ у насъ. Жары стояли тогда невыносимыя, и повтому наши прогулки, большею частью, ограничивались городскими садами и бульваромъ на морскомъ берегу, куда мы отправлялись вечеромъ, проводили тамъ нѣсколько часовъ и съѣдали огромное число порцій мороженнаго.

Затѣмъ Н. Ив. отправился въ Петербургъ; я пріѣхала двумя недѣлями позже его, и онъ на слѣдующій же день засадилъ меня за работу, такъ какъ спѣшилъ окончаніемъ печатавшагося въ то время поваго, исправленнаго имъ, изданія Богдана Хмельницкаго.

Выборъ темы для новаго труда никогда не затруднялъ Н. Ив. Она являлась у него сама собой, во время предъидущей работы, и

¹⁾ По надписи, вырѣзанной на памятникѣ, это была дочь Тохтамышъ-хана, † въ 1437 году. Легенда гласила, что она влюбилась въ христіанина и бѣжала съ нимъ, но послѣдній былъ убитъ во время погони, и она съ отчаянія бросилась со скалы въ пропасть. Отецъ велѣлъ похоронить ее на томъ мѣстѣ, откуда она бросилась.

онъ еще до ея окончанія подробно развивалъ планъ своего будущаго сочиненія. Мелкія статьи и рецензіи Н. Ив. всегда составлялъ между дѣломъ и, большею частью, оканчивалъ ихъ въ нѣсколько часовъ. Точно также «Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей» писалъ онъ необыкновенно быстро: она не могла затруднять его при превосходномъ знаніи древней русской исторіи. Ему оставалось только дополнять свои свѣдѣнія новыми матеріалами, частью бывшими у него дома, отчасти въ Академической библиотекѣ, и кое-что перечитывать для возобновленія нѣкоторыхъ фактовъ въ своей памяти. Время отъ времени появлялись на столѣ хранящіеся въ ящикахъ кипы листовъ, съ различными выписками, сдѣланными Н. Ив. еще во время ссылки въ Саратовъ, которые онъ тщательно раскладывалъ передъ собой. Но многіе изъ нихъ были такъ неразборчиво написаны, что не только я, но и самъ Н. Ив., не смотря на всѣ усилія, не могъ разобрать ихъ. Замѣчательно, что его почеркъ, невообразимый въ молодости, съ годами становился все болѣе и болѣе отчетливымъ и похожимъ на почеркъ Татьяны Петровны, которая, вѣроятно, была его первой учительницей чистописанія.

Не затрудняло Н. Ив. и то условіе, что «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей» представляла для него совершенно новый родъ работы, въ смыслѣ вполнѣ популярнаго общедоступнаго изложенія. Изъ мрака прошлаго постепенно воскресали одни за другими живые люди съ характерными особенностями эпохи и ихъ собственной личности, съ современной обстановкой; событія логически истекали изъ тѣхъ или другихъ положеній. Иногда Н. Ив. настолько увлекался изображаемыми имъ историческими дѣятелями, что, казалось, переживалъ ихъ ощущенія и становился на ихъ точку зрѣнія. Въ то-же время художественный тактъ никогда не измѣнялъ ему; онъ изображалъ данное лицо именно такимъ, какимъ оно представлялось ему, безъ намѣренной подтасовки или извращенія фактовъ. Нѣкоторыя біографіи, по прочтеніи, нравились самому Н. Ив., и въ эти дни я видѣла его особенно спокойнымъ и довольнымъ.

Хотя зрѣніе Н. Ив. къ этому времени настолько возстановилось, что онъ могъ обойтись безъ моихъ услугъ, но онъ рѣзко прекращалъ всякій разговоръ по этому поводу. Совмѣстная работа сдѣлалась для него одной изъ привычекъ, въ которыхъ, какъ я не разъ упоминала, онъ отличался необыкновенною устойчивостью: мое удаленіе составило бы на время серіозную помѣху для его работы, пока онъ снова не привыкъ бы къ перемѣнѣ. Всякій разъ, когда у меня являлась забота о будущемъ или поползновеніе покинуть Петербургъ и уѣхать въ провинцію, гдѣ раза два я имѣла возможность получить мѣсто

начальницы женской гимназiи, онъ придумывалъ различные доводы, чтобы отговорить меня отъ подобнаго намѣренiя. При этомъ онъ обыкновенно говорилъ, что «мнѣ вѣроятно въ тягость работа у него», ставилъ на видъ, что много разъ слышалъ отъ меня противное, и, въ заключенiе, увѣрялъ, что пока онъ живъ, я всегда буду имѣть у него работу ¹⁾. Если у меня за неимѣнiемъ досуга накоплялись переводы, которые я не успѣвала кончить къ назначенному времени, не смотря на усердную работу по ночамъ, и я просила Н. Ив. дать мнѣ отпускъ на нѣсколько дней, то никогда не получала его. Н. Ив. предлагалъ мнѣ принести къ нему на слѣдующiй день безпокойшiй меня переводъ, откладывалъ свою работу и диктовалъ его мнѣ съ невѣроятной быстротой, такъ что два—три спѣшныхъ листа всегда были отосланы къ сроку въ типографiю. Хотя переводы Н. Ив. не всегда отличались буквальною точностью, но были написаны такимъ живымъ языкомъ и главныя мысли были переданы настолько вѣрно, что я не считала себя вправѣ дѣлать какiя-либо измѣненiя, съ цѣлью большей точности. Лѣтомъ, когда я уѣзжала въ деревню, то Н. Ив., по своей безконечной добротѣ ко мнѣ, держалъ за меня корректуру и всегда извѣщалъ своевременно, если происходила какая-либо задержка.

Одно изъ такихъ писемъ сохранилось у меня:

«Безцѣнная барыня. Что вы молчите? Здоровы ли вы? Благополучно ли добрались? Я безпокоюсь о васъ, потому что очень васъ люблю и предаю вамъ до безконечности навсегда. Вы обѣщали писать, но вотъ 10-е число, а отъ васъ нѣтъ вѣсти.

Вашъ Н. Костомаровъ.

«Кольба ²⁾ корректуры мнѣ не присылали, хотя я требовалъ отъ Звонарева. Пожалуйста, не поминайте о Калугѣ ³⁾, вы тамъ не уживетесь, здѣсь лучше вамъ будетъ».

1871 г. (безъ числа).

Не смотря на упрекъ въ молчанiи, которымъ нерѣдко Н. Ив. начиналъ свои письма ко мнѣ, я никогда не оставляла его безъ отвѣта, кромѣ какiхъ-либо особенныхъ, независящихъ отъ меня, причинъ.

¹⁾ Н. Ив. сдержалъ слово: наша совмѣстная работа, главнымъ образомъ, прекратилась не по его винѣ, и это не имѣло никакого отношенiя къ нашей послѣдующей ссорѣ.

²⁾ „Исторiя человѣческой культуры“. Соч. Ф. Кольба, два тома. Спб. Изд. С. В. Звонарева, 1872.

³⁾ Незадолго передъ тѣмъ мнѣ было предложено мѣсто начальницы женской гимназiи въ Калугѣ.

Письма къ нему никогда не затрудняли меня. Онъ не требовалъ отъ нихъ ни учености, ни особеннаго остроумія; я писала все, что мнѣ приходило въ голову, разсчитывая заранѣе на его снисходительность. Писала я къ нему часто и по другой причинѣ: мнѣ не хотѣлось тревожить его своимъ молчаніемъ и подать поводъ къ различнымъ предположеніямъ, тѣмъ болѣе, что къ прежнимъ, такъ сказать, «принципальнымъ» ссорамъ, съ теченіемъ времени, примѣшались и чисто личныя причины взаимнаго неудовольствія.

Случилось, что весной 1872 года мы поссорились какъ разъ наканунѣ моего отъѣзда въ деревню; я уѣхала подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ и долгое время намѣренно не писала Н. Ив., пока не получила слѣдующаго письма, которое глубоко тронуло меня. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, высказываетъ предположеніе, что я хочу «разнакомиться» и разойтись съ нимъ, хотя ничего подобнаго не могло быть на дѣлѣ, потому что разрывъ такой долгой неизмѣнной дружбы былъ немислимъ, безъ весьма серьезныхъ поводовъ для этого, а таковыхъ еще не было въ то время.

«Многоуважаемая Надежда Александровна.

«Вы, я вижу, хотите разнакомиться со мною. Не дѣлайте этого, прошу васъ, добрѣйшая Надежда Александровна. По крайней мѣрѣ, выслушайте меня терпѣливо. Ссориться и расходиться намъ не изъ чего, а слѣдуетъ только устранить тотъ пунктъ, единственный пунктъ, служившій поводомъ пререканій; вѣдь, кромѣ него, не было ничего, по поводу чего вы бы имѣли въ отношеніяхъ вашихъ ко мнѣ какуюнибудь непріятность. Медики говорятъ: *sublata causa tollitur effectus* (устраните причину, слѣдствія сами собою устранятся). А такъ какъ нравственная связь, соединяющая меня съ вами, для меня чрезвычайно дорога, то для ея сохраненія даю вамъ крѣпкое честное слово никогда не касаться этого пункта въ самомъ широкомъ его значенія, и что я сдержу свое слово, можетъ служить ручательствомъ то, что, по возвращеніи моемъ изъ Варшавы, мы цѣлый годъ были пріятельски знакомы, но я не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека и не сдѣлалъ-бы никогда, если-бъ вы сами не начали объ этомъ разговоръ. То-же будетъ съ моей стороны и на будущее время. Дѣйствительно, наши понятія въ этомъ различны, а я человекъ слишкомъ откровенный, прямой, рѣзкій и притомъ нервный: часто способенъ наговорить такое, о чемъ самъ пожалѣю. Послѣдній день, когда мы видѣлись, убѣдилъ меня вполне, что гораздо благоразумнѣе устранить поводы и вопросы, ведущіе къ выраженіямъ, которыя приносятъ обоюдныя огорченія, чѣмъ расходиться. Послѣднее было бы для меня крайнимъ нравствен-

нымъ ударомъ, да я думаю, что и для васъ я не совѣмъ чужой: по крайней мѣрѣ вы буквально говорили мнѣ слѣдующее: Всѣ были ко мнѣ настолько расположены, насколько я имъ доставляла удовольствіе; одни вы оказали мнѣ вполне безкорыстное расположеніе и словомъ, и дѣломъ. Поэтому, добрѣйшая Надежда Александровна, я прошу васъ, извините и простите мнѣ, если, быть можетъ, въ горячности у меня вырвалось какое-нибудь выраженіе, отъ дѣйствительнаго смысла котораго я отказался тутъ-же; человѣку ошибаться свойственно, и вы сами не изъяты отъ ошибокъ; огорчаютъ людей поступками, да и тѣ прощаются, а выраженія менѣе поступковъ. При томъ же впередъ ничего подобнаго быть не можетъ, такъ какъ, устранивши означенный пунктъ, никакого повода не будетъ. Поступайте, какъ хотите, будьте какихъ угодно убѣжденій, мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Я отнюдь не претендую на какое нибудь право исключительной дружбы для себя: могутъ быть особы, въ десять разъ болѣе достойныя вашей дружбы—я доволенъ буду и тѣмъ, если вы мнѣ удѣлите хотя небольшую частицу вашего добраго расположенія, и объ этомъ я васъ прошу. Мое многолѣтнее неизмѣнное расположеніе къ вамъ уполномочиваетъ меня просить васъ не лишать меня этой частицы.

«Пришлите скорѣе часть Мэна ¹⁾ (облѣпивъ нѣсколькими марками въ простомъ письмѣ); я хочу поработать надъ нимъ для васъ. Вы такъ много терпите, такъ трудитесь, жизнь ваша преисполнена такихъ лишеній, что я считаю долгомъ всѣми средствами облегчать ее и избѣгать всего того, что можетъ васъ чѣмъ нибудь огорчить».

Іюля 5-го 1872 г.

Не знаю, успѣлъ ли Н. Ив. получить мой отвѣтъ на это письмо до своего отъѣзда въ Екатеринославъ, откуда онъ отправился на осмотръ мѣстъ бывшей Запорожской сѣчи.

Въ Екатеринославѣ Н. Ив. остановился въ домѣ Н. О. Кульжинскаго, который, узнавъ объ его намѣреніи посѣтить бывшую Запорожскую сѣчь, предложилъ ему въ спутники молодого въ то время инженера К. К. Яковлева ²⁾, и тотъ съ полною готовностью отпра-

¹⁾ „Древнее право, его связь съ древней исторіей общества и его отношеніе къ новѣйшимъ идеямъ“, Г. С. Мэнъ, переводъ Н. Бѣлозерской, Спб., изд. Д. Е. Кожанчикова, 1873.—Н. Ив. предлагалъ мнѣ прислать часть Мэна для перевода, но переводъ былъ тогда почти оконченъ, такъ что я не воспользовалась добрымъ предложеніемъ Н. Ив., о чемъ и написала ему, выразивъ при этомъ мою искреннюю благодарность.

²⁾ Въ настоящее время управляющаго Баскунчакской желѣзной дороги.

вился вмѣстѣ съ Н. Ив. Я обратилась къ г. Яковлеву за свѣдѣніями объ этой поѣздкѣ Н. Ив., и онъ обязательно сообщилъ мнѣ въ письмѣ отъ 20-го августа нынѣшняго года, которое и помѣщаю почти цѣликомъ:

«Многаго я, къ сожалѣнію, сообщить не могу, пишетъ К. К. Яковлевъ, потому что эта поѣздка была совершена болѣе десяти лѣтъ тому назадъ и протекшее время успѣло изгладить изъ памяти не только подробности, но и многое изъ болѣе или менѣе главнаго.

«Какъ помнится, въ іюлѣ 1872 года, Николай Ивановичъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ, съ цѣлью посѣтить мѣста бывшей Запорожской сѣчи. Я познакомился съ нимъ въ первый разъ въ семействѣ Кульжинскихъ и былъ приглашенъ для сопровожденія его въ этой поѣздкѣ. Это приглашеніе было принято мною съ радостью и, дня черезъ два, мы выѣхали на почтовыхъ, изъ Екатеринослава въ Никополь и далѣе по Днѣпру, до деревни Копыловки, останавливаясь по временамъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, по своему историческому значенію, обращали на себя вниманіе Николая Ивановича. Названія этихъ мѣстъ, а тѣмъ болѣе какихъ либо деталей, я не могу припомнить. Въ общемъ вспоминаю, что Николай Ивановичъ встрѣчалъ съ восторгомъ всякое мѣсто, гдѣ, по признакамъ, жили въ былое время запорожцы, и передъ нхъ памятниками, (таковыхъ мы видѣли всего три), говорилъ короткія, но воодушевленные рѣчи. Но его хорошее настроеніе духа часто нарушалось видомъ тамошнихъ хохловъ и бесѣдами съ ними. Ему было досадно, что онъ уже не видѣлъ тѣхъ крѣпкихъ тѣломъ и характеромъ запорожцевъ, а вмѣсто нихъ прозябало выродившееся и, какъ будто, забитое поколѣніе, не знавшее даже о томъ, какая слава жила до нихъ въ этихъ мѣстахъ. Въ особенности возмутила его одна среднихъ лѣтъ хохлушка, въ огородѣ которой стоялъ памятникъ одного изъ знаменитыхъ запорожскихъ атамановъ, когда она на вопросъ: знаетъ-ли чей этотъ памятникъ? меланхолически и отрицательно покачала головой. На о—въ Хортицу, лежащій противъ г. Александровска и также бывший нѣкогда временнымъ пребываніемъ запорожцевъ, Николай Ивановичъ не пожелалъ ѣхать, въ виду поселившихся тамъ нѣмцевъ, (на островѣ находится нѣмецкая колонія).

«Обратно въ Екатеринославъ мы ѣхали берегомъ Днѣпра отъ колоніи Кичкасъ до самаго Екатеринослава. Этотъ путь былъ избранъ Николаемъ Ивановичемъ съ цѣлью осмотра пороговъ. Въ продолженіе этого пути, мы останавливались по нѣскольکو часовъ на всякомъ порогѣ, любясь беспорядочными горами, какъ будто брошенныхъ въ рѣку, каменныхъ массъ, и, прислушиваясь къ журчанью воды, различному на разныхъ порогахъ.

«На одномъ изъ пороговъ, кажется Ненасытецкомъ, произошелъ довольно комическій случай. День былъ томительно жаркій и Николаю Ивановичу захотѣлось выкупаться въ нѣкоторомъ разстояніи, выше порога. Чтобы не попасть на глубокое или съ сильнымъ теченіемъ мѣсто, онъ обратился къ мѣстному, стоявшему тутъ-же на берегу хохлу съ вопросомъ: можно-ли и не опасно-ли тутъ купаться? Хохоль предобродушно и успокоительно отвѣчалъ, что можно. Николай Ивановичъ успѣшилъ раздѣться, но медлилъ входить въ воду, желая нѣсколько остыть. Когда же рѣшился спросить еще разъ хохла: «а може утонешь?» тотъ отвѣтилъ: «а може и утонешь!» При этомъ онъ началъ рассказывать длинную исторію о томъ, какъ тутъ глубоко, какъ скоро бьетъ вода, и нѣкоторые, не предполагая опасности, по виду гладкой и чистой поверхности воды, бросались въ рѣку и наносились на камни порога и пр. Конечно, послѣ словъ хохла: «може и утонешь!» и дальнѣйшихъ рассказовъ, Николай Ивановичъ, раздосадованный, успѣшилъ опять одѣться.

«Впослѣдствіи онъ никогда не могъ забыть упомянутыхъ словъ разсудительнаго хохла, такъ что, когда мнѣ случалось бывать въ Петербургѣ у Николая Ивановича, онъ всегда встрѣчалъ словами: «Купаться можно?»—«Можно.»—«А може утонешь?»—«А може и утонешь!»

«Не могу еще не упомянуть о томъ, что Николай Ивановичъ всю дорогу во время нашего путешествія по Днѣпру выказывалъ особенную мнительность, если только это не была его постоянная черта. Ему все казалось, что онъ захвораетъ, и что даже боленъ. Мнѣялъ онъ бѣлье чуть-ли не на каждой станціи и только послѣ моихъ словъ, что при пыльной дорогѣ нѣтъ въ этомъ никакой пользы и что, наконецъ, при такомъ порядкѣ и чистаго бѣлья ему не хватитъ на все время путешествія, — сдѣлался сговорчивѣе. Пища, — какую мы имѣли возможность достать: молоко, яйца, иногда курица, — казалась Николаю Ивановичу не свѣжею и первымъ его дѣломъ, лишь только что подавалось на столъ, было браковать и обсуждать: не вредно-ли будетъ ѣсть поданное, потому что яйца слишкомъ круты или сыры, курица какъ будто не дожарена или пережарена, молоко же, вѣроятно, налито въ нечистый горшокъ, а потому точно съ отзывомъ. Я вначалѣ старался убѣждать Николая Ивановича въ противномъ, но впослѣдствіи убѣдился, что примѣръ дѣйствовалъ на него лучше убѣжденій. Бывало какъ подадутъ кушанье въ хохлацкой-ли хатѣ или на почтовой станціи и Николай Ивановичъ сядетъ вдали отъ стола и скептически смотреть, говоря, что «этого нельзя ѣсть—захвораетъ», я безъ разговоровъ принимаюсь за ѣду и своимъ аппетитомъ подзадориваю его. Спустя нѣкоторое время, Николай Ивановичъ подвигается къ

столу поближе и, смотря на меня, спрашиваетъ: «неужели вы находите, что вкусно и ничего съ вами не сдѣлается?» — «Отличнѣйшая вещь, Николай Ивановичъ, въ дорогѣ! да я, признаться, и боюсь, чтобы не захворать, ежели не ѣсть». — Послѣ этого Николай Ивановичъ подвигался къ столу еще ближе и произносилъ тихимъ голосомъ, какъ будто про себя: «а что? развѣ попробовать немного и мнѣ!» и принимался утѣлять свой голодъ, послѣ чего прибавлялъ: «лица-то, дѣйствительно, какъ будто ничего, только молоко навѣрно налито въ нечистый горшокъ». Если дѣло происходило на почтовой станціи, содержимой евреями, то онъ вопросительно добавлялъ, смѣясь: «а они, чай, уже позабыли красные чоботы, въ какіе рядили ихъ прежде запорожцы?»...

«Вотъ все, что могу я сообщить вамъ о поѣздкѣ Николая Ивановича въ мѣста Сѣчи и вообще по Днѣпру», говоритъ въ заключеніе К. К. Яковлевъ въ своемъ письмѣ.

Зиму 1872—1873 года Николай Ивановичъ преимущественно посвятилъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». За четвертымъ слѣдовалъ пятый выпускъ; опять выступали одно за другимъ хорошо знакомыя для Николая Ивановича историческія лица, начиная съ Богдана Хмѣльницкаго, его преемниковъ, Стеньки Разина, видныхъ представителей духовенства въ XVII вѣкѣ и кончая царемъ Оедоромъ Алексѣевичемъ и царевной Софьей. Наступила очередь Петра I; но тутъ послѣ первыхъ четырехъ, сравнительно быстро написанныхъ листовъ, работа пошла все медленнѣе. Трудность задачи видимо заботила Николая Ивановича, тѣмъ болѣе, что, начиная съ XVIII вѣка, русская исторія была хорошо изучена имъ только по частямъ; ему недоставало цѣльной общей картины. Не разъ онъ приходилъ въ отчаяніе и съ обычною своею впечатлительностью увѣрялъ, что «погружѣлъ и слишкомъ старъ, чтобы написать что либо порядочное». Тѣмъ не менѣе онъ усердно принялся за собраніе матеріала; былъ написанъ еще одинъ печатный листъ, но къ лѣту дѣло не пошло далѣе этого.

Не подвинулось оно и въ слѣдующую зиму (1873—74), хотя осенью, послѣ моего возвращенія изъ деревни, Н. Ив. сдѣлалъ еще попытку (впрочемъ, также неуспѣшную) продолжать Петра. Наконецъ, онъ поручилъ мнѣ перебрать одного за другимъ всѣхъ иностранцевъ время Петра I въ публичной библіотекѣ, по отдѣлу Rossica, и говорилъ, что самъ займется пересмотромъ старыхъ дѣлъ въ сенатѣ и государственномъ архивѣ, если будетъ туда допущенъ. Но изъ этого ничего не вышло: отдѣлъ Rossica былъ достаточно исчерпанъ, могъ дать

мало новаго и самъ по себѣ не имѣлъ никакого значенія, потому что Н. Ив., съ своей стороны, охладѣлъ къ Петру и все болѣе и болѣе увлекался задуманнымъ имъ Кудеяромъ.

Такимъ образомъ, наша совмѣстная работа сдѣлалась довольно рѣдкою, потому что Н. Ив., противъ своего обыкновенія, (кромѣ Кудеяра) мало писалъ въ это время ¹⁾. Я приходила къ нему большею частью съ тою цѣлю, чтобы представить отчетъ о моей работѣ въ публичной библиотекѣ, сдать сдѣланныя выписки и получить новыя указанія, затѣмъ, время отъ времени, Н. Ив. приглашалъ меня къ себѣ, прочитывалъ тѣ или другія сцены изъ Кудеяра и отдавалъ мнѣ его по частямъ для переписки.

Хотя въ эту зиму, вслѣдствіе приведенныхъ причинъ, мнѣ несравненно рѣже приходилось бывать въ домѣ Н. Ив., но я не могла не замѣтить печальной перемены въ его отношеніяхъ къ матери. Ихъ прежнія мелочныя ссоры изъ за неудачнаго завтрака или обѣда, невинной старческой воркотни Татьяны Петровны или дурнаго расположенія духа самого Н. Ив., приняли болѣе серьезный характеръ и нерѣдко вели къ крайне неприятнымъ сценамъ. Послѣднія всегда немедленно прекращались съ моимъ приходомъ, и хотя я могла только изъ отрывочныхъ словъ догадываться о поводѣ къ нимъ, но мнѣ было всегда жаль Татьяну Петровну, и я невольно брала ея сторону. Конечно, Н. Ив. имѣлъ полнѣйшее право сказать мнѣ, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, но вмѣсто этого, въ большинствѣ случаевъ, у него являлось глубокое раскаяніе. Онъ просилъ у матери извиненія и всепрощающая Татьяна Петровна опять чувствовала себя довольною и счастливою; я никогда не забуду ея полугрустной, доброй улыбки въ эти минуты.

Между тѣмъ общій строй жизни оставался тотъ-же. Ничто не нарушало обычнаго порядка дня; прислуживала знакомая фигура Василія; въ праздники коть Васька расхаживалъ въ новомъ нарядномъ галстухѣ. Близкіе знакомые и друзья Н. Ив. и его матери встрѣчали въ ихъ домѣ тотъ-же радушный приемъ. Также собирались гости по вторникамъ, и тѣмъ-же порядкомъ прошли: канунъ Рождества, Новый годъ, Пасха и другіе праздники. Въ именины Татьяны Петровны,

¹⁾ Такъ, съ конца 1873 до 1875 имъ были написаны только: „Отвѣтъ на новыя бранныя посланія г. Погодина“; „Письмо къ редактору“ (Замѣтка въ „Голосѣ“ по поводу ошибокъ, допущенныхъ Гатцукомъ въ его біографіи); „Петръ Могилъ передъ судомъ послѣдователей нашего времени“; „Историческая поэзія и новыя ея матеріалы“. См. „Историч. Вѣстникъ“ 1885, кн. 6, стр. 677 — 687, ст. Д. Д. Языкова: Учено-литературная дѣятельность Н. И. Костомарова.

попрежнему, приглашенъ былъ небольшой кружокъ друзей и болѣе многочисленный—9 мая, въ именины Н. Ив., которыя были при мнѣ въ послѣдній разъ отпразднованы въ Петербургѣ весной 1874 года и прошли также весело и оживленно, какъ всегда.

Наступила осень. Н. Ив., если не ошибаюсь, отдалъ мнѣ, по моему возвращенію въ Петербургъ, конецъ Кудеяра для переписки и, кромѣ того, пригласилъ меня работать у себя: онъ приготовлялъ тогда свою статью «Историческая поэзія и новыя ея матеріалы». Но началъ-ли онъ писать ее при мнѣ, не помню, потому что это время представляется мнѣ какъ бы сквозь сонъ. Вскорѣ послѣ того я заболѣла возвратнымъ тифомъ, который продержалъ меня болѣе двухъ мѣсяцевъ въ постели. Когда дѣло пошло къ выздоровленію, мнѣ сообщили объ опасной болѣзни, такъ долго грозившей жизни Н. Ив.; услышала я и подробный разсказъ о смерти Татьяны Петровны отъ моихъ родныхъ и друзей Н. Ив., бывшихъ свидѣтелями ея послѣднихъ минутъ. Даже въ смерти какъ бы сказалась судьба этой преданной женщины, жившей только для своего любимаго единственнаго сына. На ея болѣзнь не могло быть обращено исключительнаго вниманія, потому что всѣ заботы были сосредоточены на Н. Ив., котораго въ это время находился въ безнадежномъ состояніи, да и сама Татьяна Петровна не придавала никакого значенія своему нездоровью, судя по тому, что все время была на ногахъ и почти передъ самой кончиной разговаривала о постороннихъ вещахъ. Умерла она, 1 февраля 1875 года и, какъ мнѣ говорили, въ обѣденное время, около пяти часовъ.

Не успѣлъ еще похолодѣть ея трупъ, какъ уже былъ поднятъ вопросъ о необходимости скорѣе удалить ее изъ дому, чтобы не беспокоить Н. Ив. Ее вынесли въ гостиную и положили на диванъ; одинъ кабинетъ отдѣлялъ ее отъ спальни Н. Ив., двери которой были заперты на это время, и гдѣ онъ лежалъ неподвижно, съ закрытыми глазами, такъ что было невѣдомо, находится-ли онъ въ безпамятствѣ или слышитъ то, что дѣлается вокругъ него. Гостиная была едва освѣщена двумя свѣчами, зажженными на столѣ передъ диваномъ и лампадой, горѣвшей у изголовья покойницы, передъ образомъ. Двое людей осторожно внесли столъ и поставили на немъ принесенный гробъ, въ который и положили тѣло Татьяны Петровны. Немногіе присутствовали при этомъ, такъ какъ даже не было времени извѣстить кого либо. Пришелъ священникъ Опатовичъ съ причетникомъ; шопотомъ прочтены были молитвы и также тихо, безъ малѣйшаго шума, спесли покойницу съ лѣстницы, освѣщенной бѣловатымъ свѣтомъ полной луны. Здѣсь присоединилось еще нѣсколько человекъ,

случайно узнавшихъ о кончивъ Татьяны Петровны, которые ожидали конца церемоніи въ квартирѣ Котенина, жившаго на одной площади съ Н. Ив. и неуспѣшно заботившагося о немъ во время его болѣзни. Одни проводили гробъ Татьяны Петровны до ближайшихъ улицъ, другіе дальше, но провожалъ-ли кто ее до церкви Смоленскаго кладбища, кромѣ священника, не могу сказать навѣрное.

На слѣдовавшихъ затѣмъ панихидахъ и въ день похоронъ было уже много народу: друзья, знакомые и почитатели Н. Ив., имѣвшие возможность присутствовать при этомъ, слѣшили отдать послѣдній долгъ его матери ¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ началось мало-по-малу выздоровленіе Н. Ив. и онъ уѣхалъ въ Малороссію съ своей будущей женой, А. Л. Кисель, пріѣхавшей во время его болѣзни, которой онъ сдѣлалъ предложеніе еще лѣтомъ 1873 года.

Осенью, когда они вернулись въ Петербургъ, Н. Ив. пригласилъ меня работать у него на прежнихъ условіяхъ. Я сочла это для себя неудобнымъ, хотя трудъ мой, былъ хорошо вознаграждаемъ, потому что Н. Ив. обыкновенно платилъ мнѣ треть получаемаго имъ гонорара за печатный листъ. Но меня отчасти пугало повтореніе прошлой зимы, когда, во время увлеченія Н. Ив. Кудеяромъ, я въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ оставалась почти безъ всякаго заработка, и поѣтому я съ своей стороны выразила желаніе работать по-прежнему. Н. Ив. на-ставивъ на прежнихъ условіяхъ, писалъ, что усердно примется за Петра I, я стояла на своемъ, и такимъ образомъ наша совмѣстная работа прекратилась навсегда.

Вскорѣ послѣ того произошло странное недоразумѣніе, которое до сихъ поръ остается для меня непонятнымъ. Въ это время Н. Ив. хлопоталъ о продажѣ втораго изданія первыхъ выпусковъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей» и, между прочимъ, обратился къ покойному М. О. Вольфу. Послѣдній въ разговорѣ случайно упомянулъ о первомъ изданіи и назвалъ его «изданіемъ г-жи Бѣлозерской», тогда какъ въ дѣйствительности оно было пріобрѣтено моей сестрой Э. А. Кульжинской, и только часть денегъ была внесена мной. Естественно, что Вольфъ упомянулъ только мою фамилію, какъ болѣе извѣстную ему, но или онъ выразился недостаточно ясно, или Н. Ив. забылъ о моемъ денежномъ участіи въ изданіи, навѣрное сказать не могу, какъ бы то ни было, изъ этого произошло слѣдующее:

¹⁾ Н. Ив. купилъ себѣ мѣсто на Смоленскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилой матери, но шесть или семь лѣтъ тому назадъ мѣсто это было продано черезъ кладбищенскую контору.

Н. И., къ моему крайнему изумленію, вообразилъ, что я присвоиваю себѣ его трудъ и, сообразно съ этимъ, написалъ мнѣ рѣзкое письмо. Я отвѣтила еще болѣе рѣзкимъ письмомъ и не отвѣтила вовсе на его второе или третье, болѣе примирительное, письмо.

Послѣ этого мы не видѣлись нѣсколько лѣтъ, пока, весной 1883 г., не встрѣтились случайно въ русскомъ отдѣленіи Публичной Библиотеки.

Я была поражена той перемѣной, какая произошла въ наружности Н. Ив.; я не представляла его себѣ такимъ слабымъ и дряхлымъ: онъ какъ будто волочилъ за собою ноги. Мнѣ стало безконечно жаль его, досадно на себя, что я могла такъ долго сердиться на него и оставаться въ ссорѣ съ нимъ. Я подошла къ нему и мы помирились.

Съ этихъ поръ я стала опять бывать въ домѣ Н. Ив., но, не смотря на неизмѣнно пріятный пріемъ, какъ съ его стороны, такъ и со стороны Алины Леонтьевны, бывала рѣдко. Мнѣ тяжело было видѣть Н. Ив. совсѣмъ не такимъ, какимъ я знала его въ былые годы. Прѣжняя живость и веселость проявлялись въ рѣдкіе моменты; онъ сдѣлался вялымъ и молчаливымъ, засыпалъ во время разговора и чтенія, которое, по его желанію, продолжалось часами: когда уставала читать Алина Леонтьевна, ее замѣнялъ Д. Л. Мордовцевъ. Забота о здоровьѣ, теперь, повидимому, преимущественно занимала Н. Ив.; прѣжнія мимолетныя, подчасъ безумныя, вспышки гнѣва смѣнились мелочною старческою придирчивостью. Свойственная ему раздражительность замѣтно усиливалась вмѣстѣ съ болѣзью, которая могла заставить потерять терпѣніе и человѣка болѣе терпѣливаго, чѣмъ Николай Ивановичъ.

Еще тяжелѣе было видѣть его въ послѣднюю зиму, когда болѣзнь приняла характеръ медленной агоніи, и съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ я убѣждалась, что силы все болѣе и болѣе оставляютъ его. Въ одинъ изъ послѣднихъ разговѣ, когда я видѣла его, если не ошибаюсь, ведѣли за двѣ до кончины, онъ испытывалъ такія невыносимыя мученія, что, не смотря на свою глубокую религіозность, дошелъ до полнаго отчаянія и ропота на судьбу и высказывалъ желаніе возможно скорой смерти. Она не долго заставила себя ждать.

Н. А. Вілозерская.

С.-Петербургъ.
1886 г.

КОНЕЦЪ.

ЗАПИСКИ ЛЕОНИДА ЛЬВОВИЧА ЛЕОНИДОВА.

Первыя представленія трагедія „Смерть Іоанна Грознаго“.

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ на страницахъ „Русской Старини“ отрывокъ изъ записокъ заслуженнаго уважаемаго артиста императорскаго с.-петербургскаго театра Л. Л. Леонидова. Почти полъ-вѣка (1838—1886) Леонидъ Львовичъ служитъ русскому театру. Нѣсколько поколѣній русскаго общества съ удовольствіемъ встрѣчали его въ произведеніяхъ Шекспира, Шиллера, Мольера, кн. Шаховскаго, Грибоѣдова, Хмельницкаго, Ободовскаго, Кукольника, Полеваго, Загоскина, Геденова, Суханова и друг., и всегда посѣтители театра отдавали и отдають полную справедливость дарованію, любви къ дѣлу и добросовѣстности нашего маститаго артиста.

Давно слѣдовало Л. Л. Леонидову приняться за записки и воспоминанія о пережитомъ, видѣнномъ и смышленномъ въ его почти полувѣковой артистической дѣятельности.

Уступая нашей просьбѣ, Леонидъ Львовичъ подѣлился съ читателями „Русской Старини“ настоящимъ отрывкомъ изъ его записокъ. Ред.

I.

Я жъ хочу
Не слыть, а быть. Для собственной своей
Чинить хочу для совѣсти, и самъ
Свое себѣ спасибо говорить.
А что болтать они про это будутъ,
То для меня равно, какъ если дождь
По крышѣ бьетъ.

Гр. А. К. Толстой. [Посадникъ].

Въ 1860-хъ гг. я былъ большимъ почитателемъ произведеній графа Алексѣя Константиновича Толстаго. Его драмы, поэмы, пѣсни, повѣсти, помѣщаемыя въ «Современникѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Русской Бесѣдѣ», интересовали меня до зачитыванія.

«Иоанна Дамаскина», «Грѣшницу», «Шибанова» и много другихъ я знавалъ наизусть и долго мечталъ представить на сценѣ въ передѣлкѣ его «Князя Серебрянаго».

Когда я, наконецъ, прочелъ въ печати «Смерть Иоанна Грознаго», то такъ былъ восторженно доволенъ этой трагедіей, что заявилъ окружающимъ меня товарищамъ: «если бы цензура пропустила ее для сцены и мнѣ досталась бы роль Грознаго, то я готовъ за нее пожертвовать своимъ бенефисомъ». На что мнѣ отвѣчали: «къ чему такая жертва? Пусть только разрѣшать пьесу, роль отъ васъ не уйдетъ, по занимаемому вами амплу и контракту. И самая внѣшность ваша: величественная поступь, голосъ, увлеченіе, доходящее до ярости—все это данныя, доказывающія, что, кромѣ васъ, никто въ нашей труппѣ не въ силахъ исполнить такой роли».

На это лестное и утѣшительное для меня заключеніе я замѣтилъ моимъ собесѣдникамъ, что не все такъ дѣлается, какъ бы слѣдовало, и что мы, казенные артисты, не приглашаемся на совѣщанія для назначенія дѣйствующихъ лицъ, а исполняемъ предписаніе инспектора труппы или уполномоченнаго отъ дирекціи автора.

Много ролей, совершенно подходящихъ къ моему амплу, проходило мимо меня, соблазняя своею заманчивою эффектною удачникомъ артистовъ, которые брались за нихъ смѣло, съ увѣренностью въ торжествѣ, но, попытавъ свои слабыя силы, возвращали ихъ на мою долю достаточно потрепанными. А на поблекшемъ матерьялѣ труденько наводятъ сценическій блескъ, безъ предварительныхъ рекламъ.

Лучшая реклама—это первое впечатлѣніе; оно сильно дѣйствуетъ не только на массу зрителей, но и на критиковъ и на присяжныхъ рецензентовъ.

Припомните самого Бѣлинскаго...

Какимъ восторженнымъ выходилъ онъ изъ театра послѣ первыхъ представленій съ Мочаловымъ и Щепкинымъ, и какъ охладѣвалъ въ послѣдующихъ.

Съ какимъ апатичнымъ хладнокровіемъ разбиралъ онъ Каратыгина и Сосницкаго, въ тѣхъ же роляхъ, и какъ восторгался ими, смотря представленіе пьесъ, въ которыхъ не играли московскіе артисты?

Ясный выводъ молодого увлеченія, прошедшихъ воспоминаній съ настоящимъ сравнительнымъ представленіемъ.

Да, первое впечатлѣніе—большой эффектъ, а хорошая новая роль—капиталь и слава актера.

Мнѣ вообще фортуна не благоволила въ составѣ новаго репертуара.

Одиннадцатилѣтнее пребываніе мое въ Москвѣ заставило меня переиграть почти все за Мочалова. И когда я предлагалъ, избѣгая не резоннаго сравненія, оставить за мною только тѣ пьесы, которыя по моей молодости болѣе ко мнѣ подходятъ, мнѣ отвѣчали: «вы откомандированы сюда на роли Мочалова и не имѣете права отказываться отъ нихъ».

И послѣ, можно сказать, прочно завоеваннаго артистическаго положенія въ Москвѣ, и въ томъ же самомъ составѣ репертуара, переводятъ меня въ Петербургъ, на ампуа бывшаго премьера и съ тѣмъ же казеннымъ заключеніемъ: «вы назначены на роли Каратыгина и не можете отказываться отъ нихъ».

А Шекспира не даютъ. Лиръ и Гамлетъ отъ меня отходятъ, тогда какъ Гамлета я игралъ съ большимъ успѣхомъ при Мочаловѣ и Аполлонъ Григорьевъ изъ Москвы помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» серьезную статью по поводу моего Гамлета.

Положимъ, что критика и администрація никогда не сходятся...

Но вѣдь она, въ лицѣ инспектора, видитъ ясно изъ охлажденія публики, что старый напыщенный П. М. Ободовской, поэтично-ходульный Н. В. Кукольникъ и заигранный Н. А. Полевой уже отжили свое время. Что со смертью государя Николая Павловича сошелъ со сцены героическій интересъ, и публика, и пресса ждуть представленій разнохарактерныхъ. Что нужно обновлять сцену новыми переводами классиковъ и романтиковъ, съ Шекспиромъ во главѣ, держаться болѣе историческаго репертуара...

Но мои сѣтованія оставались безъ вниманія. И мнѣ частенько приходилось бить себя по карману, при посспектакльномъ гонорарѣ, отказываясь отъ избитыхъ ролей моего репертуара, дѣлая это изъ угожденія прессѣ и вполне сочувствуя современному направлешию. А потому новая историческая роль въ трагедіи была бы для меня кладомъ...

Не думаю только, чтобы онъ дался мнѣ, не находя къ себѣ

расположенія жестокой Мельпомены, за всю мою пламенную любовь къ ея драматическому искусству.

И продолжая бесѣду, съ юными товарищами, въ сомнительномъ настроеніи, я прочелъ имъ изъ Толстаго:

„Бываютъ дни, когда злой духъ меня тревожить
И шепчетъ на ухо неясныя слова,
И къ небу вознестись душа моя не можетъ,
И отягченная склоняется глава.
И онъ, не вѣдая ни радости, ни вѣры,
Въ меня вдыхаетъ злость—къ кому, не знаю самъ,
И живымъ зеркаломъ могучіе размѣры
Душаво придаетъ ничтожнымъ мелочамъ.
Въ кругу моихъ друзей со мной сидитъ онъ рядомъ,
Веселость имъ у насъ надолго отнята,
И сердце онъ мое напхтываетъ ядомъ,
И рѣчи горькія влагаетъ мнѣ въ уста,
И все, что есть во мнѣ порочнаго и злаго,
Клубится и растетъ, все гуще и мрачнѣй,
И застилаетъ тьмой сіянье дня роднаго,
И неба синеву, и золото полей,
Въ пустыню грустную и въ ночь преобразуя
Все то, что я люблю, чѣмъ вѣрю и живу я“.

А по прошествіи нѣкотораго времени я узнаю, что трагедія Толстаго прочтена въ комитетѣ, пропущена цензурой и разрѣшена дирекціей съ полной обстановкой въ бенефисъ юнаго актера, который уже и списался съ авторомъ, и ожидаютъ только его приѣзда для назначенія ролей. Начало положено. За кулисами переполохъ.

— Отчего пьеса не ставится въ казенный спектакль, а въ первый бенефисъ начинающаго свою карьеру актера, что до сего времени дѣлалось только за особыя заслуги?..

Много было разныхъ толковъ, а выводъ одинъ, что и въ художествѣ, зависящемъ отъ публичнаго суда, нужно искать административной протекціи... Или просто, значить, не судьба!

II.

Великъ актеръ, когда онъ, спрявъ искусство,
 Искусство школою своей одушевляяъ, —
 И выражая страсть по мѣрѣ силы чувства,
 Роль человѣчно представляяъ...

Въ тѣ же годы, при уничтоженіи театральной цензуры при дирекціи, у гг. рецензентовъ и фельетонистовъ поднялся самый яростный бой, въ обличительномъ тонѣ, о казенщинѣ, чиновничествѣ и въ особенности о бесполезности драматической школы, какъ рутины.

Традиціи—шаблонная игра—рутина. Ампуа—выборъ ролей актерами — рутинна. Выѣшность и пластика — старая избитая школа—рутина.

Въ основаніи русскаго искусства должно играть вдохновительно — нервами, цутромъ, имѣя въ себѣ артистическую жилку и литературное образованіе. Однимъ словомъ, дѣло дошло до того, что кружокъ писателей и обличительной литературы, при подобномъ сумбурѣ во взглядахъ на театральное дѣло, затѣялъ устраивать любительскіе спектакли, съ цѣлью уничтоженія рутины и классицизма школы...

Но кто видѣлъ эти представленія изъ истинныхъ почитателей искусства, тотъ помнить, какое впечатлѣніе уносилось изъ зрительной залы. Помнить, что одного образованія для сценическаго представленія недостаточно, нуженъ—павыкъ и талантъ. Мало только повяъ—необходимо умѣть и выразить. Быть похожимъ на то лицо, какое изображаетъ авторъ, а не свое собственное, по личному убѣжденію. Что, при уважаемомъ стремленіи любителей къ театральному искусству, имъ нужна школа и школа.

Конечно, не разумѣя при этомъ непремѣнно театральное училище, но вообще выработка дикціи, пластики и своего посильнаго ампуа, т. е. жанра подходящихъ ролей.

У каждаго знаменитаго актера есть школа, или послѣдовательная, или своя прирожденная, которую онъ, совершенствуя, вводитъ въ театральное искусство. Все обдуманно, затвержено, ловко приспособлено, изящно исполнено и вдохновеніемъ оживлено; все

это дается школою, безъ которой и талантливые подражатели остаются плохими актерами.

Сценичное увлеченіе минутною страстью, при выдерживаніи характера только эффектными мѣстами, поражающими публику,— такіе актеры и актрисы дѣлаются иногда мѣстными любимцами, но въ число знаменитостей не попадаютъ никогда, если у нихъ нѣтъ строгой заученой школы и выработаннаго амплуа европейскаго репертуара.

И тою же самою школою должно вразумлять выпешдшее на театральные подмостки цуτρο, и успокаиваетъ его нервы, не дозволяя ему жилиться надъ непосильною ролюю.

Тогдашніе обличительные рецензенты и театральнѣй литературный комитетъ составили два лагерьа сценичнѣй протекціи, какъ для выбора пьесъ, такъ и для назначенія ролей.

Въ одномъ предводительствовадь Аполлонъ, а въ другомъ невидимая сила.

Вотъ въ этотъ-то злополучный сезонъ и пріѣзжаетъ новомодный авторъ съ своею трагедіей «Смерть Іоанна Грознаго».

Ознаменовалось это событіе закулиснымъ переполохомъ. Не входя въ дальнѣйшія объясненія, постараюсь въ краткихъ словахъ отмѣтить былинну прошедшаго, такъ ожидаемаго мною, представленія.

Извѣстно, что трагедія эта начинается собравшеюся думою для избранія новаго царя, ярыя пренія которой прекращаетъ Борисъ Годуновъ, сказывая, что не время выбирать новаго царя, когда земля въ неустройствѣ, и уговариваетъ всѣхъ немедленно слѣдовать всею думою къ настоящему царю и просить его не оставлять ихъ... Внимая такому мудрому совѣту, всѣ отправляются къ Іоанну Васильевичу Грозному. При театральномъ дворѣ, пишущемъ и играющемъ, тоже составилась дума о назначеніи роли царя, при современномъ взглядѣ на искусство, съ уничтоженіемъ амплуа.

Многіе заявили желаніе, избѣгая рутины, выписать новое лице изъ провинціи или предлагали даже пригласить кого нибудь изъ любителей.

Царь Грозный, по прозекту автора, описывается величественно-дороднымъ, большаго роста, а по преданію и сказаніямъ:

земля стонала отъ поступи его и трепетала лѣсъ отъ могучаго его голоса.

Но такъ какъ виѣшность—рутина, то она и не входила въ соображеніе избирателей и они предавались свободному выбору, кто кому болѣе нравился, не думая вовсе о томъ—сладить ли онъ, во первыхъ, со стихами... По мнѣнію режиссера Е. И. Воронова, предполагалось слѣдующее назначеніе дѣйствующихъ лицъ:

Грозный	Леонидовъ,
Годуновъ .	Самойловъ,
Захарьинъ	Григорьевъ,

или

Грозный	Самойловъ,
Годуновъ .	Степановъ,
Захарьинъ	Леонидовъ,

а Нильскому, какъ бенефицианту, назначалась маленькая роль князя Сипцаго.

Но такъ какъ дирекція сложила съ себя всякое распоряженіе и передала полную власть автору для общей обстановки его трагедіи, то и ожидалось его назначеніе... Послѣ различныхъ толковъ, пересудъ, безъ всякаго участія актеровъ (развѣ секретно виѣ кулись) вышло сначала предписаніе автора только на двѣ главныя роли:

Грознаго	Самойлову,
Годунова	Васильеву 2-му.

Труппа раздѣлилась на двѣ половины—трагизмъ отошелъ въ сторону, комизмъ выдвинулся впередъ.

О реальномъ направленіи тутъ и помину не было, потому что назначенныя личности не подходятъ къ описанію ихъ характеристикъ ни по фигурѣ, ни по жанру, ни по средствамъ голоса...

Въ особенности Борисъ, который и представительностью, и мягко ласкающею рѣчью побѣждалъ своихъ враговъ, вдругъ назначается актеру, дебютировавшему въ фарсѣ: «Андрей Степанычъ Бука».

Словомъ была птичка невеличка.

Вопросъ тутъ сдѣлался серьезный,
 Не снилася такая штука,
 Какъ будетъ дѣйствовать Царь Грозный,
 Когда Борисъ—комичный Бука.

И разрѣшился этотъ вопросъ тѣмъ, что г. Самойловъ 1-й отказался отъ роли, не смотря на свой контрактъ, требующій первыхъ ролей. Причина отказа не выяснилась, но рѣзкимъ отношеніемъ актера къ дѣлу разносторонне усилилась.

Многіе очень порадовались наступающей разладицѣ и поддерживали ее еще болѣе, подстрекая смѣльчаковъ изъ кружка любителей.

Я упоминаю объ этомъ, вслѣдствіе того, что мнѣ предлагали заявить автору о моихъ правахъ, чтобы роль на самомъ дѣлѣ не перешла, по мнимой необходимости, актеру частной сцены... о чемъ очень усердно поговаривали. Но я, по привычкѣ не навязывать своихъ услугъ ни авторамъ, ни дирекціи, не пошелъ на это предложеніе, оставаясь въ ожиданіи чего-то болѣе курьезнаго, по словамъ нашего главнаго режиссера.

Новое пораженіе охватило труппу назначеніемъ разсерженнымъ авторомъ ролей:

Грознаго
Годунова

Васильеву 2-му,
Нильскому.

Дѣло въ такомъ составѣ перешло въ театральное фойе, гдѣ впервые артисты, подъ сурдиной разладицы, прослушали чтеніе графа А. К. Толстаго и сухо разошлись. О репетиціяхъ вспоминать хорошаго нельзя, такъ какъ онѣ шли подъ комическимъ началомъ.

На одной только изъ нихъ было у меня маленькое объясненіе съ авторомъ, имѣвшее сенсацию въ сочувствующихъ мнѣ лицахъ, какъ намекъ на странное веденіе имъ обстановочнаго дѣла не въ пользу его трагедіи, что подтвердилось первымъ представленіемъ, въ которомъ курьезный Грозный потерпѣлъ фіаско.

Кто же, говорятъ, врагъ самъ себѣ? Это талантливый актеръ, довѣрившійся восхваленіямъ своихъ почитателей и принявшій на себя непосильный трудъ исполненія неподходящей къ нему роли.

Всѣ рецензіи газетъ, раздраженные рѣзкостью отказа отъ роли премьера труппы, принимали самый снисходительный тонъ къ исполненію г. Васильевымъ 2-мъ, но, при полномъ убѣжденіи его несостоятельности и неумѣніи владѣть стихомъ, предложили ему тотчасъ же отказаться отъ роли и она перешла вскорѣ къ В. В. Самойлову. Но и онъ оказался не на своемъ мѣстѣ, при всемъ своемъ артистическомъ стремленіи и напряженномъ

ожиданіи благоволящей къ нему публики, не сладилъ съ сильнымъ характеромъ роли и не выдержалъ своего характера въ отказѣ отъ нея. За то доказалъ негѣпость своего контракта на всѣ первыя роли, безъ обозначенія ампула.

Подобныя условія есть зло, какъ для искусства, такъ и для актера, такъ и для управляющаго труппою, находящагося зачастую въ затруднительномъ положеніи при выборѣ дѣйствующихъ лицъ подобными контрактами.

При переходѣ моемъ изъ Москвы, по предложенію главнаго режиссера А. А. Яблочкина, чтобъ не быть требовательнымъ одиѣхъ эффектныхъ ролей, у меня былъ написанъ контрактъ на роли по средствамъ и способностямъ. Это давало возможность сохранять ансамбль пьесы. Я вполне сочувствовалъ благому начинанію на пользу искусства, но только оно не долго продолжалось.

Новые премьеры, на старый ладъ, заключали контрактъ на всѣ первыя, т. е. эффектныя роли, съ увеличеніемъ своего оклада. И дирекція на это соглашалась. Для Шекспира, Шиллера и вообще для героическаго репертуара надобно имѣть особыхъ актеровъ и актрисъ. Если же въ труппѣ таковыхъ не находится, то не слѣдуетъ ставить подобныхъ пьесъ. А пользоваться силою контракта, для постановки трагедій и драмъ, есть провинціальная необходимость, а уже никакъ не можетъ быть допущена на столичной образцовой сценѣ, гдѣ на каждую роль должно быть подобрано типичное лицо съ его средствами и внѣшностью, какъ идутъ представленія на лучшихъ иностранныхъ сценахъ.

Да и во всякомъ предпріятіи, а въ сценичномъ въ особенности, великое дѣло умѣть подобрать подходящихъ способныхъ дѣйствующихъ лицъ, а не такихъ, которыя за все берутся для своего интереса, при проспектальномъ гонорарѣ. Что ужъ никакъ нельзя назвать безкорыстною любовью къ искусству и приписать ихъ ежедневныя представленія къ стремленію его процвѣтанія.

III.

Закономъ слѣдуетъ признать
И помнитъ авторовъ заставить,
Что легче пьесу написать,
Чѣмъ хорошо ее обставить.

Въ одно прекрасное для моего воспоминанія утро, неожиданно, негаданно, доложили мнѣ, что пожаловалъ графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой. Визитъ знаменательный.

— Милости просимъ, ваше сіятельство! Прошу покорнѣйше садиться. Вотъ кресло! Вотъ папиросы къ вашимъ услугамъ...

— «Не беспокойтесь, пожалуйста!»

— Какъ прикажете величать васъ: своимъ дорогимъ гостемъ или экстреннымъ посѣтителемъ?

— «Цѣль моего визита, уважаемый Леонидъ Львовичъ, принести вамъ мою признательность за превосходное исполненіе вами въ моей трагедіи роли Захарьина-Юрьева и просить васъ обратиться вашъ талантъ на изученіе Грознаго. Я вполнѣ убѣдился, что ваши сценическія данныя болѣе всѣхъ подходятъ къ представленію личности царя... Да и стихомъ правильно владѣть никто кромѣ васъ въ труппѣ не умѣетъ. Это мнѣніе всѣхъ, дѣящихся драматическое дѣло».

— Велика честь, графъ! Только, мнѣ кажется, немного поздно. Первое впечатлѣніе представленіемъ вашей трагедіи сдѣлано не совсѣмъ удовлетворительное въ двухъ лицахъ, и взятыя по избитымъ слѣдамъ третьему на возстановленіе роли—не будетъ ли это съ моей стороны рискованно? По пословицѣ: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь, а я могу потерять своего Захарьина, въ которомъ меня и публика, и критика, и вы сами удостоили очень лестнымъ отзывомъ.

— «Напрасно вы сомнѣваетесь въ успѣхѣ. Я почти увѣренъ, что ваше появленіе послѣ неудачныхъ предшественниковъ возбудитъ всеобщій интересъ и выигрышъ будетъ на вашей сторонѣ. И риска я не нахожу,—на первую роль на всѣхъ театрахъ избираются по нѣсколько актеровъ».

— Извините меня, графъ Алексѣй Константиновичъ! Я долженъ попросить у васъ позволенія быть откровеннымъ и выска-

затѣ вамъ чистосердечно мой взглядъ на ходъ вашего трагическаго дѣла.

— «Сдѣлайте одолженіе... Я всегда бываю внимательнымъ къ мнѣнію другихъ, а тѣмъ болѣе желаю получить свѣдѣнія отъ заслуженнаго артиста».

— Если я не ошибаюсь, мнѣ кажется, вы очень предубѣждены противъ дирекціи и всего состава нашей труппы.

— «Почему вы такъ думаете?»

— А вотъ позвольте мнѣ, насколько я счумѣю, объяснить вамъ мое предположеніе. Мы всѣ ожидали васъ съ полною радостью; ожидали для возстановленія драматическаго искусства, начинающаго заблуждаться въ новомъ направленіи. Мы были убѣждены, что вы не изъ числа тѣхъ авторовъ, которые ставятъ свои произведенія въ угоду театральному начальству для излишняго пользованія проспектакльнымъ гонораромъ... Мы думали, что дѣло пойдетъ классически, по научно-изслѣдованнымъ образцамъ европейскихъ театровъ.

Получивъ отъ васъ программу или проектъ постановки, мы еще тверже полагались на наши надежды; еще тверже ждали отъ васъ себѣ защиты въ неблагопріятныхъ заключеніяхъ современныхъ рецензій о нашихъ слабыхъ сценическихъ силахъ.

Постановка исторической трагедіи на столичной сценѣ — событіе въ театральномъ мірѣ; оно встрѣчается всѣми любителями драматическаго искусства съ возрастающимъ всеобщимъ интересомъ. Вопросъ дѣлается новостію дня. Кто появится въ главныхъ роляхъ? Кому должно отличиться въ сезонѣ? И вдругъ узнаютъ, что въ трагедіи затѣвается комедія, которую нашъ премьеръ отказывается играть. И его роль царя Грознаго передается другому актеру, нисколько не подходящему ни по виѣшности, ни по средствамъ; а Бориса Годунова назначаютъ юному бенефицианту, когда въ труппѣ имѣются болѣе солидныя силы. Это сдѣлалось для всѣхъ неудобопонятнымъ. Вы не удостоили главныхъ дѣйствующихъ въ труппѣ лицъ своимъ совѣщаніемъ, а обратились къ противной ей партіи и выборомъ не подходящихъ исполнителей въ вашей трагедіи вооружили противъ себя уважающихъ васъ артистовъ.

Ваше неудачное назначеніе породило невыгодный для вашей пьесы переполохъ за кулисами, въ публикѣ, въ рецензентахъ.

Даже генеральныя репетиціи вмѣсто того, чтобы служить рекламой серьезному представленію, выносили насмѣшливыя заключенія по русской пословицѣ: каковъ попъ, таковъ и приходъ— всѣъ нигуда не годятся.

Это просто великолѣпная декорационная панорама со всѣми атрибутами древней Руси, а вовсе не трагедія.

Вотъ что мы слышали за кулисами и что переходило и въ публику.

По моему практическому мнѣнію, отказъ актера отъ роли, неподходящей къ его амплуа, не только уважителенъ, но и полезенъ искусству, потому что другой можетъ найтись для исполненія ея, хотя бы пришлось его выписывать. Я не допускаю тутъ каприза отъ того, что каждый артистъ дорожитъ хорошею ролью.

Извините меня, графъ Алексѣй Константиновичъ, но я осмѣлюсь повторить вамъ, что если-бы вы удостоили узнать причину отказа актера и обратились къ совѣту нашего режиссера Е. И. Воронова, который, какъ специалистъ, знаетъ дѣло и не знаетъ лицепріятія, тогда бы ваша трагедія прошла на тѣхъ твердыхъ основаніяхъ, на которыхъ шли народныя сцены подъ его направленіемъ, имѣвшія большой успѣхъ. И это успокоило бы васъ, потому что вы сомнѣвались даже и въ знаніи ролей актерами и намекнули объ этомъ имъ въ своемъ проэктѣ.

— «Да это напоминаніе не было лишнимъ. Жаль только, что я мало на немъ настаивалъ. Первое условіе порядочнаго исполненія—есть знаніе ролей буквально».

— Мы, ученики школы Шаховскаго, это очень хорошо знаемъ и стараемся сохранять сценическія правила: не выходить изъ авторской рамки и затверживать твореніе его слово въ слово.

— «Не всѣ и не всегда»!

— И не во всѣхъ пьесахъ, можно сказать... Это ужъ болѣе зависитъ отъ бенефисной дребедени съ привлекательною афишею современныхъ передѣльвателей... Но, насколько мнѣ извѣстно, мои товарищи, какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ, съ которыми дружно дѣлятъ лавры сценичныя А. Н. Островскій, въ его пьесахъ они употребляютъ всѣ старанія, не только заучить въ точности каждое слово любимаго автора, но даже сохранять его тонъ, что, по моему, есть излишество однообразія въ интонаціи и

составляетъ монотонность въ исполненіи. Но я никогда и нигдѣ не читалъ о нетвердости актеровъ въ его представленіяхъ, а ихъ, кажется, не мало на нашемъ современномъ репертуарѣ. Впрочемъ, знать роль и умѣть говорить стихами на сценѣ — дѣло, имѣющее большую рознь и для него требуется особая школа образованія.

— «Совершенно справедливо, но я въ вашихъ словахъ не нахожу никакого съ моей стороны предубѣжденія противъ всѣхъ, а признаю только малое знакомство съ составомъ труппы».

— Вотъ объ этомъ-то я и говорю; вотъ это-то малое или лучше сказать, неудачное знакомство и нарушило всѣ наши планы и надежды къ возстановленію искусства и подвергло насъ критическому нареканію о нашей несостоятельности для большаго драматическаго дѣла.

Даже многопочитаемый историкъ Н. И. Костомаровъ, отдавая должную справедливость великолѣпнѣйшей постановки, рѣшился заявить печатно, говоря о Грозномъ, отложивъ въ сторону его внѣшность, что такъ неумѣло владѣть стихомъ ни одинъ любитель себѣ не позволилъ бы...

Это была для всѣхъ насъ кровная обида! Она скорбно таятся въ душѣ каждаго добросовѣстнаго артиста, а ихъ у насъ не мало. И послѣ такого неблагоприятнаго всеобщаго впечатлѣнія, произведеннаго вашей трагедіей, двумя актерами, вамъ угодно, чтобъ я рискнулъ испытать себя возстановленіемъ главной роли. Извините меня, графъ, я не нахожусь въ числѣ случайныхъ баловней публики и потому очень трусливъ въ выборѣ ролей.

— «Напрасно, данныя всѣ на вашей сторонѣ... Еще есть время, вы подумайте. Самойловъ ничего не сдѣлалъ изъ роли и, какъ я слышалъ, очень тяготится ея исполненіемъ»...

— Да, такая сильная характеристичная личность для него затруднительна. Но вы въ немъ потеряли лучшаго Бориса Годунова, раздѣляя вполнѣ мнѣніе нашего главнаго режиссера.

Послѣ обычныхъ привѣтствій другъ другу, мы разстались съ авторомъ, при непремѣнномъ его желаніи — видѣть меня въ своей трагедіи въ главной роли.

IV.

Въ продолженіе сезона, въ одно изъ представленій на Александринскомъ театрѣ драмы Лажечникова «Опричникъ», гдѣ я исполнялъ роль Іоанна Грознаго, графъ Алексѣй Константиновичъ, послѣ четвертаго акта, пришелъ ко мнѣ въ уборную и вновь еще настоятельнѣе повторилъ свою просьбу о его трагедіи. Бесѣдуя съ нимъ о его предложеніи, я объяснилъ ему, что много о немъ думалъ и старался по возможности его себѣ усвоить; но сомнѣніе въ успѣхѣ, послѣ моихъ предшественниковъ, не покидаетъ меня. Роль суроваго царя не относится къ числу симпатичныхъ и нужно имѣть нѣкоторый реваншъ для удачі ея дальнѣйшихъ представленій. А потому, чтобъ выиграть потерянное здѣсь впечатлѣніе и облегчить мою задачу, невозможно ли будетъ предложить дирекціи меня въ роли Грознаго на московской сценѣ, гдѣ думаютъ ставить эту пьесу. Тамъ въ настоящее время нѣтъ актера, подходящаго къ такой личности, ни по внѣшности, ни по силѣ средствъ сценичныхъ. Предполагаютъ С. В. Шумскаго, но это будетъ опять въ родѣ здѣшней неудачи. Болѣе подходитъ И. В. Самаринъ, какъ первый драматическій любовникъ, или изъ молодыхъ Н. С. Вильде, однимъ словомъ артисты, не заявившіе себя преимущественно въ комическомъ элементѣ. А Шумскій комикъ—это опять курьезъ. Комикъ серьезный, но не грозный! Я знаю его какъ умнаго и добросовѣстнаго сценическаго дѣятеля, онъ не возьметъ за непосильный трудъ, неподходящей къ его средствамъ роли. Итакъ, не угодно ли будетъ вамъ, графъ, предложить дирекціи откомандировать меня въ Москву для постановки вашей трагедіи. Въ Москвѣ я служилъ одиннадцать лѣтъ и пользовался всегда ласковымъ вниманіемъ публики; появленіе мое въ новой роли можетъ возбудить особый интересъ...

И если она по вашимъ предложеніямъ пройдетъ удовлетворительно, то я могу въ ней гастролировать въ Москвѣ и Петербургѣ, до того времени, пока не явится здѣсь или тамъ новое лице съ болѣшими данными для исполненія Грознаго.

Это я проэктирую по примѣрамъ иностранныхъ театровъ и бывшихъ на нашихъ сценахъ.

Въ Москвѣ энергичный П. С. Мочаловъ, какъ истинный артистъ, не имѣлъ у себя контракта на всѣ первыя роли, не гонялся за проспектабельной платой и держался излюбленнаго имъ репертуара...

А потому на роли: «Велизарія» — Ломоносова, Эссекса — «Разбойники», Уголино—«Донъ-Карлосъ», «Людовика XI»—Кина и многія другія командировался я до моего обратнаго сюда перехода. Стало быть, особаго затрудненія я тутъ не нахожу и мое предложеніе не можетъ показаться въ глазахъ моихъ товарищей чѣмъ-то странно выдающимся или какой-то не общепринятою новостью. Графъ Толстой почти согласился на мое предложеніе, но оно не было приведено въ исполненіе. Я жестоко ошибся въ моихъ предположеніяхъ, вспоминая прошлое и присовокупляя его къ настоящему ходу дѣла. Мой сердечный С. В. Шумскій, откинувъ въ сторону старое правило, что нѣтъ дурныхъ ролей, а есть плохіе актеры,—ухватился за новое, что не талантъ нуженъ для сцены, а эффектные роли для блестящей карьеры...

И позабывъ прискорбную неудачу П. М. Садовскаго въ «Король Лиръ», о чемъ мы съ нимъ частенько бесѣдовали и горестно обвиняли за своего собрата Аполлона Григорьева, подбившаго его на этотъ комическій скандалъ. Зная также очень хорошо, что этотъ же талантливый Аполлонъ, имѣя страсть оригинальничать, подбилъ и П. В. Васильева на грозное фіаско и уговаривалъ его сыграть Гамлета и Минина, да предшествующая неудача спасла артиста отъ вторичнаго позора.

Все это зналъ Сергѣй Васильевичъ, заявляя, что никто не сладитъ съ такой сильной ролью, кромѣ Леонидова, но не выступилъ по голосу совѣсти, рыцаремъ чести—отданіемъ справедливыхъ правъ другому, болѣе чѣмъ ему принадлежащихъ... И въ силу увеличеннаго окладомъ своего контракта на всѣ первыя роли, не могъ отказаться и проигралъ роль, не доставляя ни себѣ, ни автору, ни цѣнителямъ искусства артистическаго удовольствія. Вотъ ужъ во-истинну можно сказать: странная судьба этой роли въ отношеніи ея ко мнѣ. Авторъ заявляетъ, что никто въ труппѣ болѣе меня не подходитъ къ ней; директоръ и главный режиссеръ раздѣляютъ его мнѣніе, какъ специалисты; товарищи мои со своими представителями—гг. Самойловымъ и Шум-

скимъ—держать мою сторону, что они сами лично мнѣ передавали, а роль все-таки проходила мимо меня, въ закулисныхъ потемкахъ, и заставила мое уязвленное артистическое самолюбіе рѣшительно отказаться отъ предложенія дирекціи замѣнить г. Самойлова въ послѣдующихъ представленіяхъ, и еще тверже держаться за моего добраго и благороднаго Никиту Романовича Захарыина-Юрьева до тѣхъ поръ, пока трагедія не сошла совсѣмъ съ репертуара.

Вездѣ, гдѣ не уважаются правила, тамъ въ интересѣ любимцы, а потому въ моей сценичной карьерѣ подобныхъ эпизодовъ очень много бывало, въ Москвѣ и Петербургѣ, но я ихъ старался забывать въ средѣ моихъ товарищей, а этотъ изъ всѣхъ болѣе вопіющій о протекціонной безалаберности, и потому я внесъ его въ мои воспоминанія.

V.

На слѣдующій сезонъ получилъ я приглашеніе отъ графа Алексѣя Константиновича такого содержанія:

«Многоуважаемый Леонидъ Львовичъ! Завтра, въ пятницу, ровно въ 8 ч., я читаю мою новую трагедію: „Царь Федоръ Ивановичъ“, въ которой мнѣ-бы хотѣлось предложить вамъ роль Ивана Петровича Шуйскаго. Эта роль героическая, соответствующая вашей природѣ и вашему таланту.

«Не откажите пожаловать на чтеніе; вы этимъ много обяжете истинно преданнаго вамъ. А. Толстой».

14-го марта.

Конечно, я не преминулъ съ полною моею готовностью явиться къ назначенному часу на Гагаринскую набережную. Прослушавъ прекрасное чтеніе авторомъ его исторической трагедіи, я вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе, что изъ всего имъ написаннаго въ стихахъ и прозѣ это лучшее, что онъ сдѣлалъ.

Но я опять остался въ мучительномъ сомнѣніи относительно цензуры, не взирая на вліяніе автора на сильныхъ міра сего, и безпокойство мое оправдалось... Мнѣ не удалось воспользоваться дарованіемъ любимаго мною поэта, исполненіемъ въ его новой трагедіи личности, написанной, уже имѣя меня въ виду, и сродной моему характеру—героическаго Ивана Петровича Шуйскаго...

Неудача вторично обрушилась на меня въ твореніяхъ графа Толстаго; пьеса, пройдя всѣ инстанціи, не была разрѣшена къ представленію и я съ большою грустью разстался съ Алексѣемъ Константиновичемъ, сперва на продолжительное время, а потомъ и навсегда.

Въ 1874 г. я видѣлся съ нимъ въ Карлсбадѣ, а въ 1875-мъ онъ умеръ у себя въ имѣніи, Черниговской губерніи, гдѣ и похороненъ.

Но поэтъ не актеръ, который, какъ умеръ, такъ исчезъ, а потому въ 1877 году онъ опять является на нашей сценѣ и опять въ пользу, но уже заслуженнаго актера г. Нильскаго, съ новою драмою: «Посадникъ», въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ и прозѣ. Роль Посадника Глѣба Мироныча прошла съ большимъ успѣхомъ въ моемъ исполненіи.

Печать почти единогласно отнеслась къ моему исполненію съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ. Чтобъ не быть голословнымъ въ достоинствѣ своихъ прежнихъ заслугъ и не приписывать себѣ кихихъ-то мечтательныхъ отличій, возьмемъ въ доказательство отзывъ фельетона «Голоса», гдѣ въ полномъ разборѣ пьесы говоритъ невѣдомый мнѣ псевдонимъ С. Р. слѣдующее: «Г. Леонидовъ особенно благородствомъ манеры живо напомнилъ эпоху Каратыгина, Мочалова и классическую школу, которой самъ онъ служитъ однимъ изъ послѣднихъ представителей.

«Онъ, къ счастью, кажется, вовсе утратилъ пѣкоторую, свойственную старой школѣ, напыщенность и много выигралъ въ простотѣ. Какъ на образецъ этой простоты, можно указать на его сцены съ Мамелфой и Василько во второмъ актѣ. Вы чувствуете прямо музыку этой стройной рѣчи поэта, не слыша неволи стиха. А все искусство въ томъ и есть, чтобъ не ударять на стихъ съ силою какого-то молота, заглушающаго смыслъ, и не прятать музыки стиха умышленно, ради мнимой и не вѣрно понимаемой художественной простоты рѣчи».

Вотъ въ очень лестномъ для меня сопоставленіи съ нашими знаменитостями краткій, но вполне утѣшительный, отзывъ о моей сценической дѣятельности, служащій подтвержденіемъ словъ покойнаго автора о владѣніи мною стихомъ и сохраненіи его изящества на сценѣ.

Многіе актеры натурального направленія, для приданія стиху разговорной рѣчи, стараются скрадывать, какъ бы не договаривать его окончанія—но такою ошибкою они нарушаютъ его гармонию и не пополняютъ идеальной поэзіи автора.

Классическое изученіе стиха гармоніи не нарушаетъ, стараясь по характеру роли придавать ей и ея рѣчи всевозможную простоту.

Въ заключеніе моихъ записокъ и въ подтвержденіе мною сказаннаго, относительно драматическаго искусства, приведу для примѣра общія замѣчанія незабываемаго мною сценическаго драматурга.

«При неустановившейся еще у насъ критики, при отсутствіи общепризнанной теоріи драматической игры, артисты наши бываютъ постоянно сбиваемы самыми разнородными взглядами не только на ихъ исполненіе, но и на основныя правила искусства.

«Коренной законъ, долженствующій руководить исполнителей всякой серьезной драмы, тотъ же самый, какъ и для драматическаго поэта: онъ предписываетъ взаимное проникновеніе идеализма и реализма или, простыми словами, соединеніе правды съ красотой.

«Полная и голая правда есть предметъ науки, а не искусства.

«Исполнитель серьезной роли не долженъ забывать, что, при ограниченности драматической рамы, каждое его движеніе, каждая его интонація имѣютъ значеніе; онъ не долженъ позволять себѣ ничего лишняго и не долженъ упускать ничего изъ существеннаго; однимъ словомъ, онъ долженъ проникнуться идеей, имъ представляемой, и постоянно держаться на ея высотѣ, имѣя въ виду идеальную, а не реальную правду.

«Я настаиваю на этомъ законѣ такъ положительно потому, что онъ найденъ не мной, а Аристотелемъ. Къ нему же стали всѣ великіе критики нашего времени, въ томъ числѣ Лессингъ и Гете, и въ этомъ смыслѣ онъ можетъ, по справедливости, назваться закономъ европейскимъ.

«Въ заключеніе скажу, что какому бы искусству мы себя ни посвятили, оно никогда не дается даромъ, и что если нѣтъ художника безъ вдохновенія, то одно вдохновеніе не составляетъ художника.

«Какія бы ни были природныя дарованія живописца, зодчаго,

ваятеля, музыканта или поэта, если они не подвергнуть себя самой строгой дисциплинѣ, они не возвысятся надъ посредственностью. Успѣхъ же, приобретаемый ими иногда на счетъ честнаго исполненія дѣла, есть стыдъ, а не торжество.

«Первая степень драматическаго артиста—это буквальное изученіе своей роли; вторая - присвоеніе себѣ передаваемаго характера въ малѣйшихъ подробностяхъ съ отбрасываніемъ всего, что не составляетъ его сущность; третья — согласованіе своей роли съ прочими ролями пьесы и держаніе себя на подобающемъ градусѣ яркости, ни выше, ни ниже».

То есть, чтобъ изучались три единства драматическаго дѣла. Первое—буквальное знаніе своей роли, второе—присвоеніе себѣ передаваемаго характера, а не представленіе самого себя безъ авторскаго идеальнаго указанія, третье — согласованіе съ прочими ролями ансамбля и умѣнье держать себя съ подобающимъ къ роли апломбомъ.

Чтобы вдохновенные Мочаловы являлись въ искусственно-научныхъ примѣрахъ, а не въ юбкахъ; чтобъ подражательные Щепкины держались указаннаго имъ пути, — ампула, и не унижались до шутовскаго величія.

Въ этихъ дисциплинарныхъ правилахъ искусства видадь я большихъ русскихъ актеровъ, истинныхъ художниковъ, не выходящихъ изъ идеальнаго исполненія авторскихъ личностей, это В. А. Каратыгинъ, И. И. Сосницкій и А. Е. Мартыновъ...

Видадь ихъ и въ Шекспирѣ:

Гамлетъ	Каратыгинъ,
Полоній	Сосницкій,
Могильщикъ	Мартыновъ.

Всегда на своихъ мѣстахъ по средствамъ, таланту и на своемъ ампула, по убѣжденію въ правилахъ. Въ этомъ триумвиратѣ трагедія, драма и комедія сходились у срединнаго артистачеловѣка разнообразныхъ жанровъ, типовъ и характеровъ. Всѣ они составляли цѣлые спектакли, поражающіе своею неузнаваемостью по гримировкѣ. Перваго изъ нихъ чествовало московское дворянство въ своемъ собраніи роскошнымъ пиромъ съ заздравнымъ кубкомъ въ 2 тысячи рублей, въ знакъ особаго небывалаго уваженія къ таланту и труду, и русскіе художники за гра-

ницею; другаго привѣтствовала петербургская пресса впервые на Руси, съ вѣнкомъ отъ литературы, почетнымъ обѣдомъ; а третью золотую середину величалъ въ двухъ юбилеяхъ весь театрално-любительскій міръ Москвы, Петербурга и провинцій и увѣнчалъ его славу на память потомству артистическимъ мраморнымъ бюстомъ, выставленнымъ, съ особаго разрѣшенія, въ царскомъ залѣ Александринскаго театра... Память ихъ для меня священна, потому что у нихъ я учился любить, изучать и уважать драматическое искусство.

1.

Что видѣлъ, слышалъ я, того забыть не могъ,
Разумность Гамлета и величавость Лира;
Принцъ съ королемъ «отъ головы до ногъ»
Заставлялъ меня разучивать Шекспира.

2.

Въ комедіи родной я видѣлъ тьму различій,
Неузнаваемыхъ, типичныхъ, добрыхъ, злыхъ;
И Репетиловъ-леви, и лисій Городничій,
И свѣтскій Шаховской во образахъ живыхъ...

3.

Я изучалъ тогда приемы въ модномъ топѣ,
И водевильный толкъ въ комическомъ лицѣ;
Онъ поражалъ меня Мольеромъ въ «Гарпагонѣ»,
И ловкимъ юношей, и въ бытовомъ кунцѣ!..

Л. Л. Леонидовъ.

С.-Петербургъ.
1886 г.

ГАВРИЛЪ ЯКИМОВИЧЪ ЛОМАКИНЪ.

Автобиографическія записки съ примѣчаніями В. В. Стасова.

IX ¹⁾.

Концерты и попытки сохранить капеллу.

Узнавъ о предположеніи распустить хоръ, благотворительное общество спѣшило воспользоваться послѣднимъ его дыханіемъ, чтобы собрать деньги для лазарета раненыхъ. Съ высшихъ сферъ присылали нѣсколько разъ къ Ломакину освѣдомиться о его здоровьѣ, разстройство котораго не позволяло ему и думать о музыкѣ, а въ послѣднее посѣщеніе В. П. Опочинина Ломакинъ рѣшительно объявилъ ему, что хоръ распускается и мальчики черезъ 3 дня отправляются въ Малороссію.

— «Но нѣтъ-ли возможности остановить отправку мальчиковъ?» попытывался Опочининъ, довѣренный и родственникъ графини Гейденъ, вице-президентши этого комитета.

У Ломакина мелькнула мысль удержать хоръ отъ паденія хоть на короткое время и онъ, послѣ отрицанія, сказалъ Опочинину при прощаніи:

— «Впрочемъ, есть одно средство остановить отправку мальчиковъ, если ея высочество великая княгиня Евгенія Максимилановна попроситъ графа Сергѣя Дмитриевича отсрочить отправку, то, вѣроятно, онъ ей не откажетъ. Прощайте».

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд 1886 г., т. XLIX, мартъ, стр. 645—666; т. L, май, стр. 311—326.

В. П. Опочининъ схватился за это средство. Не теряя ни минуты, доложилъ, кому слѣдуетъ, сказанное Ломакинымъ, и результатъ не замедлилъ проявиться. На слѣдующій же день, изъ конторы графа Серг. Дмитр. Шереметева (старшаго сына гр. Дмитрія Николаевича) является посолье съ объявленіемъ, что мальчики задерживаются для какого-то концерта, и кто-то просить Ломакина, какъ можно скорѣе, надняхъ устроить этотъ концертъ. Отвѣтъ Ломакина былъ тотъ, что ему нѣтъ никакой возможности заниматься теперь музыкой съ большимъ ухомъ. Во всякомъ случаѣ концертъ не можетъ состояться такъ скоро. Нужно свывать распущенныхъ пѣвчихъ, составить программу, переписывать партіи, свѣтаться и пр., для чего нужно по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, а чтобы поправиться Ломакину,—и три недѣли. «О, это невозможно, говорить посланный, пѣвчимъ выдано жалованье только до 1-го января и дѣтей оставили только до 1-го. Концертъ долженъ быть непременно не позже декабря». Ломакинъ утверждалъ, что невозможно, а между тѣмъ графъ Серг. Дм. общалъ великой княгинѣ, что хоръ будетъ пѣть.

Ломакинъ начинаетъ подумывать объ отъѣздѣ въ Гатчину, велѣлъ продавать экипажи, мебель, ноты. Привели артельщиковъ укладывать зеркала, посуду, хрусталь. Въ Гатчинѣ въ его домѣ начали дѣлать приспособленія къ зимнему житью; однимъ словомъ, онъ покорился необходимости разставаться съ теплымъ гнѣздомъ. Тяжело и грустно, но для его истерзанныхъ нервовъ и большого уха нужны покой и отдыхъ, и надежда на благотворное дѣйствіе гатчинскаго воздуха смягчала горечь событій.

Въ знакомыхъ своихъ онъ встрѣтилъ много участія, сожалѣнія и желанія утѣшить, какъ утѣшаютъ въ катастрофахъ. Многіе искренно жалѣли о хорѣ и о его недолговѣчности, собирались что-то сдѣлать, чтобы его спасти отъ гибели, выдумывали разные способы: кто предполагалъ его содержать на акціяхъ, концертами, кто увѣрялъ, что государь возьметъ или наслѣдникъ, наконецъ, правительство должно поддержать. Приѣзжалъ даже одинъ капиталистъ, отъ имени градоначальника генерала Трепова, съ предложеніемъ взять его на свое содержаніе, и, Богъ знаетъ, чего только не передумали, однако, не выдумали для него прочнаго будущаго, а въ настоящемъ его существованіе еще держалось на ниточкѣ. Концертныя дѣла завязались. Явились къ Ломакину главноуправляющіе двухъ графскихъ конторъ, люди деликатные на этотъ разъ. Предложили ему остаться въ квартирѣ, сколько ему угодно, но просили его убѣдительно устроить концертъ какъ можно скорѣе.

Слуховой органъ Ломакина былъ еще въ раздраженіи, все продолжался шумъ, дѣлали спринцованія, мазанье и проч., но онъ попробовалъ заняться выборомъ пѣсь духовнаго содержанія съ латинскимъ текстомъ, съ оркестромъ и безъ оркестра.

Устранялся концертъ въ лютеранской церкви. Тамъ должна исполняться музыка классическая церковная, и, чтобы приготовиться къ концерту, столь серьезному и въ короткое время, нужно было усиленно потрудиться. Видя себя вновь владыкою хора, Ломакинъ встрепенулся, забылъ свои недуги и принялся за дѣло. Проходя вдохновенныя сочиненія Палестрины, Баха, Моцарта, онъ и самъ вдохновлялся. Новыя красоты открывались для него въ этихъ твореніяхъ, и фантазія его создавала такіе оттѣнки, которые придавали особенную прелесть исполненію. За нѣсколько дней передъ концертомъ, в. к. Евгенія Максимиліановна велѣла позвать къ себѣ Ломакина и лично просила его дирижировать въ концертѣ. Первымъ словомъ ея было: «Какъ я рада, что вы выздоровѣли»; потомъ о хорѣ, сожалѣніи, желанія и пр.

Наконецъ, наступаетъ день концерта. Онъ состоялся въ лютеранской церкви, съ участіемъ Лавровской и капеллы графа Шереметева, въ пользу барачковъ. Все было полно. Органъ, оркестръ и пѣвчіе помѣщались на хорахъ. Помнится, исполняли грандіозное, знаменитое сочиненіе Листа съ органомъ и хоромъ. Лавровская своимъ густымъ, симпатичнымъ голосомъ пропѣла «Осанна» Бетховена съ такою высокою простотою и вкусомъ, какіе именно приличны были для этой божественной музыки. Всѣ голоса хора сливались въ одну густую, гармоническій звукъ, переходящій изъ едва слышнаго *pianissimo* въ постепенно возрастающее *fortissimo*, что производило потрясающее впечатлѣніе на публику, выражающееся тихими восклицаніями и движеніями, такъ какъ апплодисментовъ не было.

Въ церкви было слабое освѣщеніе, всѣ сидѣли чинно, лицомъ къ алтарю и задомъ къ хорамъ, внимательно, казалось, слушали религіозную музыку гениальныхъ авторовъ, исполненную лучшими артистами. Эта тишина, полусвѣтъ, звуки органа и чудное пѣніе съ хоръ, все это придавало величественный характеръ концерту. Въ отдаленіи была устроена для царской фамиліи ложа, и та была полна. Въ ней была: цесаревна, великія княгини Елена Павловна, Александра Петровна, Евгенія Максимиліановна и фрейлины.

По окончаніи концерта, въ эту ложу была позвана г-жа Лавровская, украсившая концертъ своимъ чуднымъ пѣніемъ, и Ломакинъ, въ лицѣ котораго соединился хоръ, для полученія лестной бла-

годарности за участіе въ концертѣ. Такимъ образомъ, онъ прошелъ съ честью и славою, поселивъ во всѣхъ еще болѣе сожалѣнія о хорѣ.

По возвращеніи съ концерта домой, Ломакину подали карточку генераль-адъютанта Исакова. Черезъ нѣсколько минутъ послышался звонокъ и Н. В. Исаковъ явился самъ. Хотѣлось ему переговорить съ Ломакинымъ о важномъ дѣлѣ, покойно, въ сторонкѣ, а между тѣмъ видить — суета, гости, обѣдать собираются; поэтому онъ заявилъ только о своемъ намѣреніи попробовать сохранить хоръ графа, а о способахъ и средствахъ нужно потолковать обстоятельно, и для этого пригласилъ къ себѣ Ломакина на слѣдующій день.

Озадачилъ его генераль Исаковъ своимъ визитомъ, а въ особенности тою идеею, которая привела его къ Ломакину. Какой ему интересъ спасти шереметевскій хоръ? Куда онъ его пристроить, чѣмъ будетъ содержать 60 человѣкъ? Впрочемъ, генераль Исаковъ тутъ же сказалъ, что желаетъ оставить его на три пробные мѣсяца сначала, въ продолженіе которыхъ надѣется выработать что либо положительное и прочное для существованія хора.

Ник. Вас. Исакова всѣ знали за человѣка мощнаго, разумнаго; ему можно вѣрится, съ нимъ можно дѣло вести, онъ не проронитъ словечка даромъ, не сдѣлаетъ шагу безъ основанія.

Отправился къ нему Ломакинъ, принялись оба горячо за этотъ вопросъ. Потребовались генералу Исакову разныя свѣдѣнія о хорѣ: сколько стоитъ содержаніе малолѣтнихъ въ годъ, въ мѣсяцъ; большихъ отдѣльно; сколько службъ, какія обязанности. Разныя подробности желалъ онъ знать. Его разспросы были удовлетворены. Послѣ свиданія началась переписка. Чуть ли не каждый день присылалъ генераль Исаковъ съ курьеромъ, въ толстыхъ тетрадяхъ, свои соображенія, предположенія, фантазіи и вопросы, на которые нужно было отвѣчать по пунктамъ. Видно, дѣло сильно интересовало его, если онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ и писалъ послѣднимъ, весьма неразборчивымъ, почеркомъ проекты о сохраненіи хора. Главнымъ исходнымъ пунктомъ его былъ политехническій музей (созданный имъ), который онъ втягивалъ принять участіе въ судьбѣ хора и взять его подъ свое покровительство. Онъ сообразилъ, какая сумма нужна на содержаніе пѣвчихъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, сколько можно дать концертовъ, чтобы выручить ту сумму, которую намѣревался занять, а въ этотъ срокъ работать объ устроеніи будущности хора. Планъ благоразумный, но комитетъ политехническаго музея бралъ неохотно хоръ подъ свою фирму, а снабдить его займомъ въ 5,000 р. положительно отказался.

Съ этой стороны не было успѣха; но на что генераль Исаковъ сразу обратилъ вниманіе и что было нужнѣе всего, это помѣщеніе для малолѣтнихъ, и его-то онъ успѣлъ выхлопотать у графа Шереметева съ 1-го февраля по 1-е мая.

Будучи въ короткихъ отношеніяхъ съ графомъ Шереметевымъ, генераль Исаковъ съ самаго начала разсчитывалъ на его содѣйствіе, тѣмъ болѣе что къ его же пользѣ могли клониться всѣ эти мѣры къ сохраненію хора. Такъ какъ дѣйствительно этотъ предметъ близко касался графа, онъ поспѣшилъ исполнить просьбу Н. В. Исакова, сдѣлавшись, такимъ образомъ, участникомъ его и поддержкою своего собственнаго хора, присужденнаго общимъ совѣтомъ къ разрушенію. Генераль Исаковъ не упустилъ изъ виду просить и графиню-вдову и опекуна малолѣтняго графа, Янькова, о позволеніи малолѣтнимъ пѣвчимъ занимать то-же помѣщеніе въ ихъ домѣ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, на что графиня согласилась, а опекунъ завернулъ крючекъ.

— «Я долженъ заботиться объ интересахъ графчика, говорилъ онъ,—и поэтому за его часть требую плату. Кромѣ того, тамъ остается въ пользованіи мальчиковъ мебель, посуда, бѣлье, книги; все это должно быть оцѣнено и оплачено».

Объ этомъ докладывается генералу Исакову, и онъ не осудилъ опекуна. «Онъ вправѣ такъ дѣйствовать,—говоритъ онъ,—заплатите ему его часть, а остальное имущество купить». Вотъ рѣшеніе генерала Исакова, который уполномочиваетъ Ломакина покончить съ этими затрудненіями, чтобы о нихъ болѣе не было и рѣчи.

Оцѣнка квартиры и имущества продолжалась очень долго; а капелла сдана была Ломакину съ величайшими затрудненіями, не смотря на официальные бумаги комитета политехническаго музея, на которыхъ подписывались члены: генераль Зеленый, тайный совѣтникъ Ермаковъ и другіе. Въ чемъ они подписывались, это было, по правдѣ сказать, не совсѣмъ понятно, но это дѣлалось по инициативѣ генерала Исакова, чтобы придать болѣе важности и существенности дѣлу. Комитетъ принимаетъ какое-то участіе въ капеллѣ, распоряжается ею, ходатайствуетъ о ней, но не обязуется дѣлать ни малѣйшей затраты на нее, возлагая, вѣроятно, надежды на концерты, которые хоръ долженъ давать въ свою пользу.

Между тѣмъ, срокъ, назначенный графомъ С. Д. Шереметевымъ для его содержанія, истекалъ: 1-го февраля распустятъ хоръ и дѣтей отправятъ. Ломакинъ сообщилъ генералу Исакову о неопредѣленности его положенія. Жить дѣтямъ есть гдѣ, но содержать ихъ нечѣмъ, а нужно съ 1-го февраля принять дѣтей на свою отвѣтственность. Ге-

нераль Исаковъ находится въ затрудненіи, но не дѣлаетъ никакого намека на то, на что рассчитываетъ наиболѣе. Ломакинъ, котораго мысль о сбереженіи хора задѣла уже заживое, готовъ былъ поставить на карту свой собственный капиталъ; онъ не заставилъ долго задумываться генерала Исакова, давъ почувствовать, что если нѣтъ другаго исхода, то онъ самъ позаботится о содержаніи хора въ теченіи трехъ пробныхъ мѣсяцевъ.

Генераль Исаковъ успокоился, ему только того и нужно было, и разговора о средствахъ болѣе не было. Къ наслѣдникамъ графа Шереметева было написано, что комитетъ Политехническаго музея беретъ подъ свое покровительство хоръ бывшій графа Д. Н. Шереметева на три пробные мѣсяца и просить наслѣдниковъ только не отказать въ помѣщеніи, а для содержанія малолѣтнихъ нашелся неизвѣстный благодѣтель, который пожертвовалъ 3,000 р.

Читающіе эту бумагу недоумѣвали, кто бы такой былъ этотъ неизвѣстный, таинственный благодѣтель, и, что забавнѣе всего, это, что Ломакинъ самъ болѣе другихъ приходилъ въ недоумѣніе касательно этого пожертвованія, зная, что ни отъ кого ничего не получалъ для своихъ нитомцевъ.

Такимъ образомъ, капелла, хотя временно, уцѣлѣла отъ распаденія.

Въ началѣ января 1872 года совершилось открытіе бараконъ. На освященіи ихъ присутствовали Государь Императоръ, Императрица и всѣ члены, жертвовавшіе на учрежденіе бараконъ, въ томъ числѣ графиня Шереметева, вдова покойнаго графа Д. Н. Шереметева. Тутъ, въ первый разъ послѣ смерти его, императрица увидѣла графиню и выразила ей свои чувства сожалѣнія о преждевременной смерти графа, котораго любили и уважали всѣ члены императорской фамиліи, какъ перваго вельможу и какъ человѣка добрѣйшей души, благочестиваго и благодѣтельнаго. Между прочимъ, заговорила императрица о хорѣ и объ общаніи графа, при его жизни, дать хоръ на два концерта, изъ которыхъ одинъ уже былъ, а второй желала бы ея величество устроить въ пользу бараконъ.

Графиня Шереметева была такъ счастлива вниманіемъ императрицы, что общала ей оставить хоръ на январь мѣсяць для концерта. Возвращаясь съ освященія, графиня Анна Григорьевна тотчасъ послала за Ломакинымъ, рассказала ему трогательное участіе, выраженное императрицею въ ея горестной потерѣ, тотчасъ сообщила о проектѣ новаго духовнаго концерта, для котораго она оставляетъ пѣвчихъ еще на одинъ мѣсяць, и просила составить репертуаръ.

Съ репертуаромъ этого концерта было много затрудненій. Импе-

ратрица желала русское духовное пѣніе, но оно запрещено указомъ для концертовъ. Одна придворная капелла имѣла это право; однако, для императрицы нѣтъ препятствій: разрѣшили пѣть церковное пѣніе. Ломакинъ составилъ репертуаръ изъ лучшихъ вещей Бортнянскаго, своихъ и другихъ, разучилъ, и все было готово. Но Морицъ, секретарь императрицы, неизвѣстно по какимъ причинамъ, откладывалъ, а графиня Блудова, по просьбѣ графини Шереметевой, торопилась, чтобы не перешло время за январь. Видя отсрочки и препятствія, она поручаетъ устройство концерта, помимо Морица, Обрѣзкову, распоряжается отъ имени императрицы, и въ ту-же ночь были напечатаны афиши, билеты и заявленія въ газетахъ. На утро графиня Блудова присылаетъ съ торжествомъ извѣстить Ломакина, что все сдѣлано и концертъ въ залѣ Городской Думы назначенъ черезъ пять дней, въ угоду графинѣ Шереметевой и къ ужасу Морица, который имѣлъ какія-то уважительныя причины дѣйствовать иначе.

Въ тотъ день онъ прислалъ Ломакину письмо, въ которомъ предупредилъ, что нужно исключить изъ приготовленнаго программу три пѣсы, а наканунѣ концерта исключилъ еще двѣ, и вмѣсто приготовленныхъ концертныхъ пѣсь пѣли мелкія молитвы, не входящія въ составъ программы. Духовенство, собравшееся во множествѣ и обѣщавшее себѣ насладиться вдоволь духовнаго концертнаго пѣнія, ошиблось въ расчетѣ и было недоволено, хотя то, что пѣлось, было выполнено безукоризненно. Императрица намѣревалась посѣтить концертъ, почему и ложа была особенно устроена для нея, но въ тотъ день умерла фрейлина Бартенева и это помѣшало императрицѣ быть въ концертѣ.

Публики было много, сборъ большой, благотворительный. Нарышкинъ сдѣлалъ за свой билетъ значительное пожертвованіе, такъ что для бараконъ онъ принесъ желаемую пользу, но въ музыкальномъ отношеніи онъ былъ неудовлетворителенъ.

Черезъ нѣсколько дней Ломакинъ получилъ изъ канцеляріи ея величества повѣстку, въ которой онъ приглашался явиться къ ней въ Зимній дворецъ, въ назначенный день, въ 12 часовъ. Отправился Ломакинъ въ царскія палаты. Облитый золотомъ кабинетъ императрицы поразилъ его и привелъ въ восторгъ. Едва успѣлъ онъ оглядѣться, вышла императрица Марія Александровна; подала ему ручку, которую онъ глубоко почтительно поцѣловалъ, изъявила сожалѣніе, что не могла быть въ концертѣ, поблагодарила такъ просто, такъ ласково, что совершенно ободрила Ломакина.

Тотчасъ рѣчь зашла о хорѣ графа, императрица назвала его

лучшимъ въ Петербургѣ, выразила искреннее сожалѣніе о его неопредѣленной судьбѣ, но надѣялась на генерала Исакова.

— «Онъ хлопочетъ о немъ, сказала императрица,—такое пѣніе можетъ сдѣлать большую пользу для народа и благотворно подѣйствовать на нравственность, которая, къ сожалѣнію, въ упадкѣ». Потомъ выразила сожалѣніе, что Ломакинъ оставилъ женскія заведенія, спросила о намѣреніяхъ его въ отношеніи себя, удивилась, что онъ собирается уѣхать изъ Петербурга, но не проронила ни одного словечка утѣшенія, а только возложила на генерала Исакова надежду на счетъ спасенія хора. При прощаніи, императрица еще поблагодарила съ улыбкой и оставила неизгладимое пріятное воспоминаніе Ломакину о ея милостивомъ пріемѣ.

Черезъ мѣсяць императрица прислала Ломакину драгоценный подарокъ съ милостивымъ рескриптомъ.

Такъ насталъ февраль, а хоръ не распускался, хотя добрые люди тайкомъ и хлопотали о размѣщеніи мальчиковъ по разнымъ хорамъ, кого въ почтамтскій, кого къ митрополиту и къ Исакію, по контрактамъ, засвидѣтельствованнымъ въ волостномъ правленіи слободы Алексѣевки. Даже условія съ родителями заключены были, оставалось только развести мальчиковъ по мѣстамъ ихъ назначенія.

Со всѣми этими условіями и контрактами явился смотритель малолѣтнихъ, г. Мареничъ, въ контору графа Шереметева, объявилъ главному управляющему, что дѣло кончено, нужно разобрать мальчиковъ, а остальныхъ отправить въ Малороссію. Г. Ладыженскій (главноуправляющій), зная, что мальчики оставлены на три мѣсяца, съ согласія графа Сергѣя Дмитриевича, въ недоумѣніи присылаетъ къ Ломакину съ этимъ извѣстіемъ о контрактахъ, въ надеждѣ, можетъ быть, поставить его въ безвыходное положеніе и заставить отказаться отъ удерживанія мальчиковъ.

Но Ломакинъ слишкомъ дорожилъ существованіемъ хора, чтобы уступить этимъ противодѣйствіямъ, и началъ придумывать средства какъ бы уничтожить условія. Затѣмъ онъ не медля сообщилъ этотъ сюрпризъ генералу Исакову, который обѣщалъ просить графа Сергѣя Дмитриевича вступить за свой хоръ. Ладыженскій приходитъ къ Ломакину встревоженный, спрашиваетъ не затѣвать никакихъ исторій, потому что дѣло зашло слишкомъ далеко. «Въ Алексѣевку уже давно сообщено, говоритъ онъ, что пѣвчіе болѣе не принадлежать графу, всѣ обязательства и сношенія прекращены и уничтожены, родители малолѣтнихъ заключили новыя условія съ митрополитомъ, съ директоромъ почтамта и пр., оставьте ихъ».

А Ломакинъ повтораеъ: «это ничего, можно еще уничтожить условія. Генералъ Исаковъ напишетъ всѣмъ митрополитамъ и директорамъ, что хоръ остается у графа на прежнемъ основаніи, лишь бы графъ телеграфировалъ въ Алексѣевку, что малолѣтніе остаются у него, въ домѣ, и никакія новыя условія не считаются дѣйствительными».

— «Да идетъ-ли теперь графу вмѣшиваться въ ваши затѣи?» говоритъ Ладыженскій, «отказавшись отъ капеллы и уничтоживши всѣ сношенія съ родителями?»

— «Это ничего не значить, настаиваетъ Ломакинъ, графу угодно, положимъ, опять имѣть капеллу, онъ и пишетъ, что дѣти остаются у него въ домѣ, какъ при покойномъ отцѣ, и никто не смѣетъ ихъ взять отъ него».

Ладыженскій какъ будто сдавался на этотъ доводъ.

— «Да вотъ еще вопросъ, сказалъ онъ въ раздумѣ, князь Касаткинъ (управляющій покойнаго графа) не рѣшается сдать вамъ малолѣтнихъ. Имущество еще запечатано, нужно звать полицейскихъ, снять печать, повѣрить все, сдѣлать оцѣнку, а все-таки не знаютъ, какъ и кому сдать: дѣло запутанное, ховяина нѣтъ, не знаешь, кому принадлежитъ право принять капеллу и кто будетъ ее содержать?»

— «Я беру капеллу на свою отвѣтственность, сказалъ Ломакинъ, кому же она ближе, какъ не мнѣ? Я куплю все ихъ имущество и буду содержать малолѣтнихъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, а тамъ, можетъ быть, найдется хозяинъ. Графу же будетъ принадлежать домъ, и капелла останется. Вѣдь легко разогнать всѣхъ, а послѣ трудно будетъ собрать. Теперь главное, прошу васъ, уговорите графа написать въ Алексѣевку».

Въ эту минуту звонокъ, графъ присылаетъ звать Ладыженскаго къ себѣ. Онъ получилъ отъ генерала Исакова письмо, и слѣдуетъ исполнить его просьбу объ удержаніи дѣтей. Генералъ Исаковъ одновременно писалъ митрополиту и директорамъ, что графъ Шереметевъ оставляетъ дѣтей у себя и что капелла вовсе не распускается.

Такимъ образомъ, отстояли мальчиковъ, созвали и большихъ пѣвчихъ, и классы возобновились. Начали готовить репертуаръ къ другимъ концертамъ.

X.

Поѣздка съ хоромъ въ Москву.

Задумалъ Ломакинъ ѣхать съ капеллою въ Москву.

Давно была у него эта мысль, но только теперь открылась возможность ее осуществить. Кстати же нужно добывать средства къ поддержанію капеллы, и эта необходимость придала еще болѣе энергіи Ломакину дѣйствовать.

Съ каждымъ классомъ наука подымалась выше; казалось, онъ давалъ хору новое образованіе, открывалъ новыя тайны искусства, изощрялъ вкусъ, слухъ, доводилъ до небывалыхъ тонкостей выраженія, и съ этимъ запасомъ сокровищъ хотѣлось ему махнуть съ хоромъ въ Бѣлокаменную.

Это было, конечно, рискованное дѣло. Легко подумать, но трудно выполнить, и когда Ломакинъ сообщалъ другимъ свои замыслы, то ихъ принимали за дикую фантазію. Даже въ Москвѣ родные не совѣтовали пускаться на подобный рискъ.

Тронуться съ мѣста съ шестидесятью человекѣми, провезти, содержать, помѣстить ихъ тамъ, все это дорого обойдется, а невѣдомо еще, окупятся-ли издержки концертами. Страшновато, но у Ломакина загорѣлось сильное желаніе ѣхать съ хоромъ въ Москву, и препятствій не существовало въ его умѣ.

Генераль Исаковъ, узнавши о намѣреніи Ломакина, одобрилъ его и началъ содѣйствовать всѣми способами къ облегченію труднаго подвига. Онъ написалъ ко всѣмъ московскимъ властямъ, предвозвѣстивъ о прибытіи капеллы, бывшей графа Шереметева, а теперь спасаемой имъ отъ распадѣнія, просилъ покровительства, содѣйствія, сочувствія. Ломакинъ, съ своей стороны, писалъ своимъ друзьямъ, между прочими, Николаю Рубинштейну и кв. Трубецкому, знавшимъ его съ дѣтства, о своемъ намѣреніи и получилъ отъ нихъ самыя заманчивыя приглашенія, дружескую готовность помогать во всемъ. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхавшіе изъ Москвы Ник. Григ. Рубинштейнъ и князь Трубецкой успѣшили видѣться съ Ломакинымъ.

Съ теплымъ участіемъ разсуждали они о судьбѣ хора, о поѣздкѣ въ Москву, и придавали этому событію особенную важность. Ник. Рубинштейнъ излагалъ свои воззрѣнія на будущность хора, изобрѣтая разные способы пристроить полный хоръ графа въ Москвѣ,

пересчитывалъ всѣхъ тамошнихъ крупныхъ капиталистовъ, которые не задумались бы взять хоръ на свое содержаніе, лишь бы не упустить случая сдѣлать такое прибрѣтеніе для Москвы. Онъ дѣлалъ предположенія, какія службы могутъ давать доходъ хору, и одинъ изъ самыхъ большихъ ресурсовъ, по его мнѣнію, былъ храмъ Спасителя, постройка котораго приводилась въ то время къ окончанію. Дѣлали они съ кв. Трубецкимъ намеки и на консерваторію, гдѣ они были оба директорами, и всѣми средствами желали перевести этотъ богатый рассадникъ искусства въ Москву. Спорили о томъ, какой концертъ дать первымъ: русскій или латинскій? Рубинштейнъ утвердительно говорилъ, что на латинскій не пойдутъ, потому что большинство публики московской состоитъ изъ народа не музыкальнаго, а главное, предупреждалъ Ломакина, не пріѣзжать въ Москву безъ формальнаго разрѣшенія министра двора Адлерберга давать духовные концерты.

За этимъ Ломакинъ опять обратился къ генералу Исакову, который считался пріятелемъ графа Адлерберга. Потомъ принялись хлопотать объ отпускѣ въ Москву покоющихъ въ хорѣ чиновниковъ. Нужно было просить директоровъ объ увольненіи ихъ на 10 дней, а за хористовъ театральныхъ, т. е. шереметевскихъ же пѣвчихъ, находящихся на службѣ при театрѣ, нужно было просить директора театровъ Гедеонова и капельмейстера Направника. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его ходатайства было недостаточно, Ломакинъ брался за то-же средство: просилъ генерала Исакова, и онъ разсылалъ, кому нужно, свои письма, съ именами пѣвчихъ.

Но, не смотря на то, препятствія возставали непреодолимая.

Первое и самое главное препятствіе: это положительный отказъ министра двора въ позволеніи давать концерты во время театральнаго сезона (изъ опасенія подрыва театрамъ). Этого одного казуса было довольно, чтобы отложить поѣздку до поста. Кромѣ того, и чиновниковъ, и театраловъ начальство не отпускало. На первыхъ же порахъ прекратились всѣ сборы, но ученіе и репетиціи продолжались, и горячность къ поѣздкѣ не остывала въ Ломакинѣ. Дожидались поста.

Заблаговременно началъ Ломакинъ настаивать, чтобы генералъ Исаковъ выхлопоталъ у графа Адлерберга разрѣшеніе давать въ посту свѣтскіе и духовные концерты въ Москвѣ. Графъ обѣщавъ давно генералу Исакову, но медлилъ выдать официальную бумагу. А Ломакину нужно было ѣхать въ Москву предварительно, прінскать помѣщеніе для пѣвчихъ, посмотреть заль, эстраду, назначить день концерта, иначе займутъ всѣ дни; ознакомиться съ людьми, съ которыми

придется имѣть дѣло, и приготовить москвичей къ прїѣзду капеллы. Ломакинъ возобновилъ прошенія къ директорамъ объ отпускѣ чиновниковъ. Кто противился, того генераль Исаковъ атаквалъ усиленными, настоятельными просьбами. Пора ѣхать, а разрѣшенія отъ министра все нѣтъ. Программы давно ему доставлены, а отвѣта не дожидаться. Видятся они на балу у наслѣдника, и генераль Исаковъ не преминулъ напомнить министру о разрѣшеніи, и услышалъ утвердительныя обѣщанія:

— «Пришлю, братецъ, непременно пришлю».

Но ничуть не бывало; дни проходятъ, ожиданія напрасны, а между тѣмъ время дорого, дѣло теряетъ. Могутъ разобрать всѣ дни въ Собраніи, а безъ бумаги отъ министра нельзя ничего предпринять. Въ безпокойствѣ и бездѣйствіи пропадаютъ полторы недѣли. Наконецъ, генераль Исаковъ теряетъ терпѣніе и убѣждаетъ Ломакина отправиться въ Москву для приготовления всего нужнаго, безъ бумаги, которая, какъ онъ надѣется, не замедлитъ быть прислана, такъ какъ онъ получилъ даже письмо отъ гр. Адлерберга, съ увѣреніемъ, что его желаніе будетъ исполнено.

Успокоенный Ломакинъ отправился налегкѣ въ Москву, для полученія разныхъ свѣдѣній и соображеній.

Тамъ уже все было подготовлено: помѣщеніе пѣвчимъ прискано, залъ дворянскаго собранія къ его услугамъ въ любой день второй недѣли поста; всѣ старые друзья: Н. Рубинштейнъ, князь А. Трубецкой, князя Оболенскіе, Инсарскій и др. встрѣтили Ломакина какъ нельзя радушнѣе. Каждый давалъ совѣты, предлагалъ услуги, рекомендовалъ людей. Генераль Дурново, по просьбѣ генерала Исакова, принялъ на себя всѣ хлопоты по устройству концерта; Инсарскій, директоръ почтамта, съ своей стороны отрядилъ надежнаго чиновника; Рубинштейнъ рекомендовалъ своего; И. Г. Покровскій, добрый родственникъ Ломакина, тоже всѣми силами помогалъ и хлопоталъ, хотя и былъ противъ этого предпріятія, боясь неудачи.

Казалось, что Ломакину оставалось только становиться на эстраду со своимъ хоромъ и пѣть.

Возвратясь черезъ три дня въ Петербургъ съ большими надеждами на Москву, Ломакинъ тотчасъ спросилъ: «Прислано-ли форменное разрѣшеніе?» Его не было. Наконецъ, помучившись порядочно, получилъ его и успокоился, полагая, что препятствія болѣе не будутъ.

Видѣлся здѣсь Ломакинъ съ московскимъ митрополитомъ Макаріемъ, который принялъ его ласково, далъ словесное позволеніе пѣть въ концертахъ, что угодно, а письменное позволеніе совѣтывалъ испро-

сить у московскаго викарнаго Леонида, который находился въ дружеской перепискѣ съ генераломъ Исаковымъ. Вѣроятно, до него уже дошли слухи о предположенныхъ латинскихъ концертахъ Ломакина, такъ какъ онъ въ письмѣ своемъ къ генералу Исакову проводилъ мысль о вредѣ, который можетъ сдѣлать слишкомъ изящное пѣніе съ латинскимъ текстомъ московскимъ хорамъ, и писалъ еще что-то подобное, отъ чего генералъ Исаковъ пожималъ плечами.

Объявляя каждому встрѣчному о своемъ намѣреніи ѣхать съ хоромъ въ Москву, Ломакинъ набрелъ на одного доброжелательнаго чловѣка, который далъ ему мысль, въ видахъ экономіи, попытаться испросить въ главномъ совѣтѣ желѣзныхъ дорогъ разрѣшеніе перевезти хоръ за уменьшенную цѣну, по примѣру другихъ подобныхъ случаевъ. Ломакинъ воспользовался этимъ совѣтомъ, зашелъ въ главное отдѣленіе желѣзныхъ дорогъ, взялъ нужныя свѣдѣнія, и, пришедши домой, написалъ просьбу, кому слѣдуетъ, о перевозѣ капеллы въ Москву и обратно по военному тарифу.

Эта попытка имѣла успѣхъ. Совѣтъ разрѣшилъ сдѣлать по его просьбѣ, и тутъ же дали ему справку, съ которою онъ могъ заявить на станціи московской желѣзной дороги, что Ломакину разрѣшено совѣтомъ главнаго общества перевезти капеллу по военному тарифу.

Тамъ всѣ чиновники сочувственно отнеслись къ этому заявленію, показали ему вагоны, записали число, обѣщали все приготовить, только ожидали официальной бумаги изъ совѣта, которую обѣщано прислать въ тотъ же день.

Будучи обезпечены съ этой стороны, пѣвчіе начали собираться, укладываться, условливаться, чтобы всѣмъ собраться къ 7-ми часамъ утра на станцію московской желѣзной дороги.

Дѣятельность и энергія Ломакина были въ сильно возбужденномъ состояніи. Онъ обо всемъ хлопоталъ, ѣздилъ, покупалъ, за всѣхъ просилъ, устраивалъ, бодро переносилъ неудачи, непріятности, безъ которыхъ не обходилось ни одного дня.

Наконецъ, въ февралѣ 1872 г. совершилось давно желанное событіе. Насталъ день отъѣзда въ Москву. Ломакинъ встаетъ въ 5 часовъ, въ 7 часовъ отправляется на станцію. Дѣтей привезли, большіе собираются, вагонъ для помѣщенія капеллы приготовленъ, время приближается ѣхать, но ихъ не сажаютъ въ вагоны. Отчего? Да форменной бумаги изъ совѣта общества не получено, а безъ нея никто не имѣетъ права выдать билеты.—Какъ? что дѣлать? Ломакинъ, пораженный этою неожиданностью, увѣряетъ начальника станціи, что ему обѣщано, вѣрно забыли прислать, бѣжитъ къ кассиру, упрощиваетъ. Вѣдь всѣ видѣли справку изъ совѣта, но ея недостаточно, нужна оф-

фициальная бумага. Боже мой! Уже звонокъ. Придется остаться, а всё 60 человекъ въ сборѣ. На другой день въ Москвѣ будутъ ожидать экипажи, концертъ назначенъ на слѣдующій день по приѣздѣ, уже публикація сдѣлана. Все разстроивается, или придется платить за всѣхъ полную плату. У Ломакина мелькнула мысль обратиться къ директору Кенигу, который живетъ, къ счастью, въ томъ же зданіи наверху, не можетъ ли онъ помочь? Ломакинъ бѣжитъ къ нему. Тотъ еще спитъ, не добудятся. Ломакинъ ждетъ какъ на иголкахъ, каждая минута—пытка, директоръ не выходитъ. Наконецъ, минутъ черезъ 10, выходитъ, выслушиваетъ въ чемъ дѣло, сначала отговаривается неимѣниемъ права безъ совѣта дозволить; но вспомнивъ, что знаетъ лично Ломакина съ хорошей стороны, не счелъ слова его за обманъ; повѣрилъ, что совѣтъ пришлетъ бумагу, которая его оправдаетъ, и рѣшился написать наскоро нѣсколько словъ для кассира. Въ эту минуту пѣвчіе въ нетерпѣннн и недоумѣннн прибѣжали къ Ломакину и ожидаютъ: чѣмъ же это кончится? Уже два звонка было. Ломакинъ даетъ поспѣшно одному изъ нихъ бумажку директора. «Бѣгите скорѣе къ кассиру, просите, чтобы выдалъ скорѣе билеты».

Тотъ думалъ, что сію минуту и выдадутъ, но нѣтъ, кассиръ отказываетъ, закрываетъ окно, ужъ поздно, два звонка было, не успѣтъ перештемпелевать 60 билетовъ. «Да и понять нельзя, что директоръ Кенигъ написалъ», говоритъ кассиръ. Ломакинъ опять въ отчаяніи.

— «Послушайте, говоритъ онъ кассиру,—вѣдь утопающаго спасаютъ, а не топятъ. Спасайте же насъ, вы видите, въ какомъ мы мучительномъ положеніи, и вы не хотите насъ вывести изъ него, тогда какъ это отъ васъ зависитъ».

Главный кондукторъ и другіе приняли участіе, уговаривали кассира:

— «Я задержу поѣздъ на 10 минутъ, выдавайте билеты», сказалъ оберъ-кондукторъ. Это подвинуло кассира, онъ выдалъ билеты.

Пѣвчіе схватили, побѣжали къ вагонамъ, успѣлись какъ попало, 3-й звонокъ, свистокъ и поѣздъ тронулся.

Ломакинъ перекрестился. «Слава Богу! отравились».

Измученный этими неприятными хлопотами, онъ возвратился домой, чтобы самому собраться въ путь съ часовымъ поѣздомъ. Тутъ ожидала его телеграмма отъ генерала Дурново, которая вновь озадачила его. Первый концертъ назначался духовный русскій, а Дурново увѣдомлялъ, что преосвященный Леонидъ не дозволяетъ духовнаго концерта.

Нужно было переимѣнить программу на латинскую музыку, что составитъ громадную разницу въ сборѣ. Музыкальной публки тамъ мало, какъ говорилъ Рубинштейнъ; преобладающій классъ купечество, прикащики, народъ чисто русскій, религіозный. Пойдутъ ли они

слушать Баха да Палестрину, о которыхъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія? Потому генералъ Дурново писалъ, что для пользы дѣла нужно переимѣнить день. Не успѣешь ни отдохнуть, ни опомниться, въ тотъ же вечеръ спѣвка, на другое утро концертъ, да къ тому же не духовный. Не успѣешь развезти билетовъ. Не знаешь, въ чемъ заключается польза дѣла, а невыгода очевидная. Ну, что дѣлать, нужно покоряться обстоятельствамъ.

Отправляется Ломакинъ на желѣзную дорогу и тутъ встрѣчается одинъ чиновникъ изъ пѣвчихъ, опоздавшій утромъ, и жалуется, что его отрѣшили отъ должности совсѣмъ, за то, что слишкомъ настойчиво просили о его отпускѣ черезъ самого директора. Ближайшее его начальство обидѣлось и выдало ему подорожную въ Вятку, вмѣсто Москвы. Вотъ какія еще шутки дѣлаются. Это было весьма неприятно Ломакину, тѣмъ болѣе, что онъ былъ причиною отставки бѣднаго чиновника, и чтобы загладить свою невольную вину, Ломакинъ взялъ на себя обязанность ходатайствовать объ опредѣленіи его на другую должность, чѣмъ и утѣшилъ бѣднаго чиновника-артиста.

Дорога была покойная, а на душѣ—тревога. Не спалось Ломакину, и, углубленный въ мрачныя думы, не замѣтилъ онъ, какъ приблизился къ Москвѣ. Ѣхавши съ вокзала, встрѣтилъ онъ по московскимъ улицамъ нарядныя линейки, запряженныя тройками лихихъ лошадей, украшенныхъ ленточками и бубенчиками. Въ нихъ отвозили шереметевскихъ пѣвчихъ въ гостинницу, куда заѣхалъ и Ломакинъ, чтобы посмотрѣть, какъ и гдѣ ихъ помѣстили. Нумера оказались грязноватые, маленькіе, постели отталкивающія; однимъ словомъ, впечатлѣніе произведено было на всѣхъ неприятное. Одинъ изъ лучшихъ басовъ, вѣроятно, привыкшій къ комфорту и характера строптивого, увидѣвъ такую обстановку, не вытерпѣлъ и уѣхалъ, ничего не сказавъ, въ Петербургъ, что было весьма неприятно Ломакину.

Однако, чай подали въ гостинницѣ отличный, съ свѣжими баранками, калачами и булками; за обѣдомъ свѣжую дичь, и вообще все было вкусно и хорошо приготовлено, что и уничтожило предубѣжденіе петербургскихъ гостей.

Г. Я. Ломакинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Замѣтка о родословіи А. П. Волинскаго.

Въ Запискахъ Порошина, прилож. къ изд. «Русской Старины», 1881 г., на стр. 69 и 70, почтенный авторъ приводитъ разговоръ графа Никиты Ивановича Панина, съ другими лицами, въ присутствіи великаго князя Павла Петровича о дѣлѣ Волинскаго:

— «Графъ Никита Ивановичъ сказывалъ, что и Григорій Николаевичъ Тепловъ по оному дѣлу чуть было несчастливъ не былъ. Онъ, будучи тогда студентомъ, росписывалъ дерево для родословной Артемья Петровича. Несчастному Волинскому и то въ государственное преступленіе вѣнено было, что онъ велѣлъ написать свою родословную и велъ родъ свой отъ князя Дмитрія Волинца, извѣстнаго по Мамаеву побойшу; заключено, что тѣмъ будто причитался онъ въ свойство къ фамиліи Романовыхъ. Сіе изъ самыхъ тягчайшихъ его преступленій было! Но какъ Тепловъ доказалъ, что онъ разчерчивалъ только по приказу, не зная ничего, что призванъ для того былъ къ Волинскому, и Еропкинь тутъ назначилъ карандашемъ какъ чертить ему, то освобожденъ, а Еропкинь взять и вмѣстѣ съ Волинскимъ казненъ. Еще казненъ съ ними Хрущовъ, потому что умевъ былъ и Волинскому пріятель».

Упомянутое родословное дерево, работы Теплова, сохранилось по нынѣ, въ совершенно исправномъ видѣ; я помню это дерево въ своемъ дѣтствѣ, въ домѣ М. М. Волинскаго въ Москвѣ, и въ послѣдній разъ его видѣлъ въ 1882 году, въ имѣніи С. М. Селифонтова, въ сельцѣ Артемьевѣ, Мышкинскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Сельцо Артемьево, богатая усадьба, перешло къ Селифонтову отъ Волинскихъ.

Изъ этого документа, какъ равно изъ родословной книги, составленной кн. А. В. Лобановымъ-Ростовскимъ и изданной ред. «Русской Старины» въ 1873 году, видно, что Артемій Петровичъ Волинскій дѣйствительно происходилъ, въ XI колѣніи, отъ князя Дмитрія Михайловича Боброкъ-Волинскаго, который извѣстенъ былъ не только славнымъ участіемъ въ Куликовской битвѣ, но также и женитьбой своей, во второмъ бракѣ, на сестрѣ великаго князя Дмитрія Иоанновича Донскаго, княжѣ Аниѣ Ивановнѣ, чрезъ что какъ онъ, такъ и его ближайшіе потомки состояли въ родствѣ съ царствующимъ домомъ.

Д. Ниловъ.

С.-Петербургъ.
1 февраля 1886 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОФЕЙНЯ ВЪ МОСКВѢ

въ 1830—1840 гг.

Воспоминанія А. Д. Галяхова.

II ¹⁾.

Перехожу къ М. С. Щепкину—второму гениальному артисту, въ теченіе сорока лѣтъ доставлявшему московской публикѣ эстетическое наслажденіе ²⁾). Въ 1855 году праздновался пятидесятилѣтній юбилей его, почти совпадавшій съ столѣтнимъ юбилеемъ учрежденія русскаго театра (30 августа 1856 г.), почему слова С. П. Шевырева въ привѣтственной рѣчи юбиляру: „изъ этого столѣтія вы отхватили на свою долю цѣлую половину, да еще съ годомъ“, вызвали сильное сочувствіе присутствующихъ. Это былъ представитель истаго артиста-художника. Онъ превышалъ Мочалова тѣмъ, что въ его игрѣ постоянно соединялись оба условія сценическаго искусства: высокой непосредственный талантъ, которымъ преимущественно пользовался трагикъ, и постоянное изученіе своей профессіи, остававшееся у трагика въ пренебреженіи. Сознавая силу своего природнаго дара, котораго хватало бы съ избыткомъ больше, чѣмъ на цѣлый десятокъ врупныхъ комическихъ актеровъ, Щепкинъ не успокоивался на этомъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., томъ I, апрѣль, стр. 181—198.

²⁾ Онъ поступилъ на московскую сцену въ 1823 г., умеръ въ 1863 г.

А. Г.

сознаніи, но хотѣлъ учиться и учиться, возвышаться, совершенствоваться въ своемъ дѣлѣ. Хотя и богатый житейскимъ опытомъ, онъ положилъ обѣтомъ помочь своему малообразованію не школой, о чемъ уже поздно было думать, а содѣйствіемъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ, которые и приняли его въ свой кругъ охотно и дружески. Этотъ кругъ имѣлъ самое благотворное вліяніе на артиста. Вотъ собственныя слова Михаила Семеновича ¹⁾: „Я не сидѣлъ на скамьяхъ студентовъ, но съ гордостью скажу, что много обязанъ московскому университету въ лицѣ его преподавателей: одни научили меня мыслить, другіе—глубоко понимать искусство“. Особенную благодарность питалъ онъ въ Грановскому, „поднимавшему его нравственно, укрѣплявшему въ немъ постоянно упорную и неутомимую любовь къ труду и искусству“ ²⁾. Другимъ, столько же важнымъ для него, совѣтникомъ былъ С. Т. Аксаковъ, горячій любитель и авторитетный знатокъ драматическаго искусства. Благодаря такимъ выгоднымъ условіямъ и обстоятельствамъ, въ сценической игрѣ Щепкина равноправно сочетались оба ея фактора — вдохновеніе, всегда присущее высокому природному таланту, и обдуманность, какъ плодъ зоркаго наблюденія за самимъ собою и за своею обязанностью передъ публикой. Онъ отличался неизмѣрною добросовѣстностью. Мы уже говорили о его неизмѣнномъ повтореніи ролей накануне спектаклей, хотя бы онъ и зналъ ихъ твердо. Для чего онъ это дѣлалъ? Для того, чтобы видѣть, не ускользнуло ли отъ него что-нибудь прежде, на первыхъ представленіяхъ, или не умничалъ ли онъ прежде, вмѣсто того, чтобы сыграть роль проще ³⁾. Можно-ли было не любить и не уважать такого артиста?

Значеніе Щепкина въ исторіи нашего театра—несомнѣнное и капитальное. Въ сценическомъ искусствѣ онъ совершилъ такую же реформу, какой наша поэзія обязана Пушкину: онъ сообщилъ ему естественность и простоту, уничтоживъ господ-

¹⁾ Сказанныя на прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему въ 1853 году, передъ отъѣздомъ его за границу.

²⁾ Отвѣтная рѣчь Щепкина на привѣтствія въ 50-ти лѣтній его юбилей.

³⁾ Письмо Щепкина къ Шумскому, 1848 г.

А. Г.

ствовавшую до того, въ большей или меньшей степени, ходульность, которая проявлялась во всемъ — въ голосѣ (дикціи), мимикѣ, жестикуляціи, походкѣ. Онъ пошелъ дальше знаменитаго французскаго трагика Тальмы, обратившаго главное вниманіе на костюмировку, требовавшаго отъ нея соответствія мѣсту и времени дѣйствія, равно какъ и національности дѣйствующихъ лицъ. Благодаря примѣру Щепкина, какъ слѣдуетъ артисту держать себя на сценѣ во всѣхъ отношеніяхъ, театръ производилъ сильное впечатлѣніе на публику. Публика любовалась зрѣлищемъ какъ бы истинной жизни, присутствовала какъ бы среди дѣйствительныхъ, а не представляемыхъ лицъ; забывала, что она все-таки состоитъ подъ обаяніемъ вымысла, машинъ, декорацій. Искусственность исчезала, уступивъ мѣсто природѣ; актеры и говорили, и ходили, и выражали ощущенія по-человѣчески, не прибѣгая къ утрировкѣ и котурнамъ. — Кромѣ естественности, репертуаръ Щепкина отличался разносторонностью. Не одни чисто-комическіе сюжеты входили въ него: онъ заключалъ въ себѣ и драмы, исполненныя чувства; своей игрой въ послѣднихъ — живой и трогательной — Щепкинъ возбуждалъ чрезвычайную симпатію къ представляемому лицу, извлекая слезы состраданія. Да и въ сферѣ исключительно комической — какое многообразіе! Комедіи Мольера, „шумный рой комедій“ кн. Шаховскаго, пьесы Ковалкина (Воспитаніе или вотъ приданое) и Загоскина (Богатонъ или провинціалъ въ столицѣ, Благородный театр); наконецъ „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“. Не говорю о пьесахъ на малорусскомъ языкѣ (напримѣръ Москаль-чаривникъ), въ которыхъ невозможно было подражать ему; о множествѣ водевилей — оригинальныхъ и переводныхъ — Ленскаго, Писарева, Хмѣльницкаго и другихъ, особенно если въ нихъ занималъ какую нибудь роль Живокини: тогда отъ начала до конца пьесы слышался веселый смѣхъ, но не пустой или глупый, а умный, возбуждаемый остроуміемъ и талантомъ водевилистовъ. При воспоминаніи же о „Ревизорѣ“ и „Горѣ отъ ума“ овладѣваютъ мною два противоположныя чувства. Въ этихъ трагедіяхъ, — по оригинальному слову кн. В. Ѳ. Одоевскаго, который причисляетъ въ нимъ также „Недоросля“ и „Свои люди — сочтемся,“ такъ какъ всѣ онѣ по своему содержанію изъ области

комическаго переходятъ въ область трагизма, — искусство Щепкина достигло своего апогея. Можно сказать, что артистъ какъ бы отождествился съ Фамусовымъ и Сквозникомъ-Дмухановскимъ. По крайней мѣрѣ, я не въ силахъ представить себѣ ихъ иначе, какъ въ образѣ Щепкина. Вотъ они какъ живые и никогда не умрутъ въ моемъ воспоминаніи: вотъ управляющій казеннымъ мѣстомъ—Павель Аванасьевичъ; вотъ и городничій Антонъ Антоновичъ, онъ-же Онуфрій. Я ихъ знаю лично, я коротко съ ними познакомился! Таково первое пріятное ощущеніе, мною испытываемое. Но мысль, какъ же будутъ узнавать ихъ теперь, безъ Щепкина, современные посѣтители театра, печалитъ меня. Со смертью его, они также сошли въ могилу. Они могли еще воскресать по временамъ на московской сценѣ, благодаря уму и таланту Самарина, съ большимъ успѣхомъ замѣщавшаго и Мочалова и Щепкина. А теперь, когда уже нѣтъ и этого послѣдняго, остальнаго изъ „славной стаи“ московскихъ артистовъ, воспитаннаго на образцовыхъ примѣрахъ, на благородныхъ преданіяхъ нашего театра; теперь, при наличномъ составѣ русской театральной труппы, смотрѣть „Горе отъ ума“ и „Ревизора“ значитъ любоваться паденіемъ искусства, профанировать его, вошунствовать надъ нимъ.Итакъ, сходите со сцены наши образцовыя комедіи, онѣ же и трагедіи—опускайте занавѣсъ, расходитесь зрители: спектакль отмѣняется по случаю смерти Фамусова и Сквозника-Дмухановскаго.

Щепкинъ до того дорожилъ естественностью и простотою сценической игры, что онъ и въ другихъ родахъ искусства, напримѣръ въ литературѣ, чуть замѣчалъ противоположныя тому качества и отвращался отъ нихъ съ негодованіемъ или скорбью. Какъ ни былъ онъ близокъ къ Гоголю, какъ ни благоговѣлъ передъ его талантомъ, но „Развязка Ревизора“ —это преднамѣренное, хитроумное и ни съ чѣмъ несообразное толкованіе смысла комедіи (Ревизоръ)—сильно возмутило его, и онъ въ письмѣ къ автору (1847 г.) выразилъ свое недовольство:

„Прочтя ваше окончаніе „Ревизора“¹⁾, я бѣсился на самого себя, на свой близорукій взглядъ, потому что до сихъ поръ я

¹⁾ Т. е. „Развязку Ревизора“.

изучалъ всѣхъ героевъ „Ревизора“, какъ живыхъ людей; я такъ много видѣлъ знакомаго, роднаго, я такъ свыкъся съ Городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіе десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще—это было бы дѣло безсовѣстное. Чѣмъ ихъ вы мнѣ замѣните? Оставьте мнѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всѣми слабостями, какъ и вообще всѣхъ людей. Не давайте мнѣ никакихъ намековъ, что это-де не чиновники, а наши страсти; нѣтъ, я не хочу этой передѣлки: это люди, настоящіе живые люди, между которыми я выросъ и почти состарѣлся. Видите ли какое давнее знакомство! Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человекъ въ одно сборное мѣсто, въ одну группу; съ этими въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, — и вы хотите ихъ отнять у меня. Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ!—не дамъ, пока существую. Послѣ меня передѣлывайте ихъ хоть въ возловъ; а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ и Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ ¹⁾).

Но какъ бы ни былъ силенъ талантъ, не можетъ онъ однакоже господствовать во всѣхъ видахъ своей специальности. Такъ случилось и съ Михайломъ Семеновичемъ. Явились новыя піесы, которыя не совсѣмъ приходились ему по сердцу и отъ которыхъ онъ долженъ былъ отойти въ сторону, уступивъ первенство другому артисту. То были произведенія нашего знаменитаго драматурга А. Н. Островскаго. Трудно опредѣлить истинную причину такого нерасположенія со стороны неизмѣннаго служителя искусству. Можетъ статься, онъ мало зналъ тотъ общественный слой, къ которому принадлежать дѣйствующія лица означенныхъ піесъ; можетъ статься, не находилъ въ этихъ лицахъ истиннаго комизма или изображеніе этого комизма казалось ему слишкомъ реальнымъ. Трудно указать истинную тому причину, хотя мнѣ извѣстно, что въ комедіяхъ, слѣдовавшихъ за первой, „Свои люди—сочтемся,“ которая сразу отвела автору почетное мѣсто въ исторіи нашей драматической литературы, Щепкинъ, согласно впрочемъ съ другими москвичами партіи западниковъ, видѣли отраженіе славянофильства и какъ бы служеніе ему. Такъ, по край-

¹⁾ Записки и письма М. С. Щепкина. Изд. 1864.

ней мѣрѣ, имъ казалось. Этотъ взглядъ отчасти высказанъ въ моемъ письменномъ привѣтствіи юбиляру. Исчисливъ пьесы, въ которыхъ талантъ комика выказывался въ наибольшемъ свѣтѣ, я замѣтилъ: „но тамъ, гдѣ не было правдиваго изображенія дѣйствительности, или гдѣ вѣрно-поэтическое ея изображеніе служило орудіемъ невѣжественныхъ цѣлей; тамъ, гдѣ представленіе пошлой и темной жизни возводилось въ нравственный идеаль, тогда какъ оно должно противопоставляться нравственности—тамъ не было и достойныхъ ролей для васъ. Вы отворачивались отъ такихъ пьесъ съ презрѣніемъ, вы не хотѣли въ нихъ играть. Игра ваша не была лестью упавшему вкусу публики, не была органомъ предосудительныхъ ей внушеній ¹⁾).

Уважаая талантъ А. Н. Островскаго, Щепкинъ осуждалъ, однакожъ, „Грозу“. Когда онъ прочелъ отчетъ мой объ этой драмѣ, написанный по порученію Академіи Наукъ, то пришелъ въ огорченіе и недоумѣніе, что и выразилъ въ слѣдующемъ письмѣ ко мнѣ (15 ноября 1860 г.).

— „На старости лѣтъ, въ настоящее время я въ самомъ страдательномъ положеніи. Всю свою жизнь я изучалъ драматическое искусство, руководствовался всѣми великими творцами по этой части и выслушивалъ мнѣнія современныхъ мнѣ мыслящихъ людей, и даже начиналъ думать, что я кое-что смыслю, и это было для меня наградой за 50-ти-лѣтвій трудъ, потому что я теперь еще учусь. И что же? представьте мое положеніе! на дняхъ я убѣдился, что я совершенный невѣжда въ этомъ дѣлѣ или, скорѣе, человекъ отсталый. Я прочелъ въ журналѣ „Искусство“ отчетъ академіи о преміи за „Грозу“, опредѣленной г. Островскому по вашему разбору, который меня удивилъ. Вы очень тонко и осторожно выставили ея достоинства. Не менѣе другихъ уважаая г-на автора, мнѣ было обидно читать указанія достоинства этой пьесы, тогда какъ на лучшія мѣста вы не обратили вниманія. Напримѣръ, какъ не удивляться этой сценѣ, гдѣ русская женщина выросла такъ высоко, что публично признаетъ, что она? Какъ вы не указали на эту крошечную барыню съ двумя лакеями, которая произноситъ свой судъ надъ чернымъ народомъ? все это напоминаетъ древній хоръ, а здѣсь это именно принадлежитъ уже автору, потому что въ дѣйствительности этого нѣтъ. Наконецъ, какъ вы упустили изъ виду два дѣйствія, которыя происходятъ за кустами? Уже самою новостію они заслуживали быть замѣченными. А что, если бы это было на сценѣ? вотъ бы эффектъ былъ небывалый! Видите ли,

¹⁾ Юбилей М. С. Щепкина (Москвитиникъ 1855 г., № 21 и 22). Другія два письменныя привѣтствія посланы М. Н. Катковымъ и П. Н. Бударцевымъ. А. Г.

какой я отсталый человекъ, что придерживаюсь къ такимъ мелочамъ! Совсѣмъ тѣмъ пожалѣйте объ моемъ тупоуміи; а можетъ быть тутъ примѣшивается и самолюбіе. Позвольте мнѣ остаться при моемъ невѣжествѣ и смотреть на искусство своими старыми глазами. Простите меня за излишнюю болтливость — это болѣзнь старости, а притомъ мнѣ нужно было высказаться: кому-жъ я могъ передать все, что у меня было на душѣ, какъ не вамъ? Вѣдь вы своимъ разборомъ толкнули меня на такую болтовню. Знаю, что вы не поставите мнѣ въ большой проступокъ то, что я не совсѣмъ согласенъ съ вами въ отношеніи моего искусства, и можетъ быть при встрѣчѣ укажете мнѣ на мои ошибки; а вы знаете, что я никогда не гнѣвался учиться. Прощайте, будьте здоровы и не сердитесь на старика, который все такъ-же васъ любитъ. Весь вашъ Михаилъ Щепкинъ“.

Въ вофейную Михаилъ Семеновичъ являлся почти ежедневно, и его приходъ былъ для всѣхъ настоящимъ праздникомъ. Онъ немедленно вторгался въ бесѣду или, лучше, заводилъ ее и велъ интереснѣйшимъ образомъ. По свойственной всѣмъ москвичамъ слабости, онъ любилъ спорить — и спорилъ горячо, но не раздражительно, съ единственною цѣлью уяснить предметъ, допускавшій различные на себя взгляды. Самолюбія, тщеславія, желанія поставить на своемъ, потому только, что это — свое, а не чужое, у него не было и въ помысленіи. Такое искреннее отношеніе къ предмету спора нравилось всѣмъ намъ и сильно привлекало къ артисту. Мы видѣли, что онъ вѣренъ данному имъ самимъ себѣ обѣту — учиться и весь вѣкъ учиться, доискиваться истины, не впадать въ обманъ и заблужденіе. Другой, сильнѣйшей приманкой для насъ служили рассказы Щепкина изъ его богатой опытностью жизни. Они и по своему содержанію, и по мастерству рассказчика, были въ своемъ родѣ интереснѣйшими повѣстями. Положенные на бумагу, они на половину теряли свое значеніе. Даже беллетристическая обработка нѣкоторыхъ изъ нихъ Герценомъ далеко уступала оригиналу, т. е. живой, устной рѣчи. Она не производила на читателей такого душевнаго впечатлѣнія, какое испытывали мы, слушатели, въ небольшой комнатѣ, вокругъ стола, не спускавшіе глазъ съ нашего рапсода. Причина обаянія заключалась въ томъ, что каждый рассказъ Щепкина былъ собственно не рассказомъ, не повѣствованіемъ, а живымъ представленіемъ, воскресеніемъ былаго. Онъ какъ бы игралъ пѣсу — одинъ за всѣхъ дѣйствующихъ въ ней лицъ. Что трудно, даже невозможно, передать на бумагѣ словами, онъ легко

и живо давалъ о томъ знать интонаціей голоса, мимикой, жестиами, слезами,—если сцена выходила трогательной, смѣхомъ,—если сцена становилась забавной. И у насъ, слушавшихъ, вслѣдъ за нимъ то выступали слезы, то раздавался смѣхъ.

Отъ серьезнаго до забавнаго одинъ только шагъ. Мнѣ вспоминается при этомъ комическій финалъ одного изъ рассказовъ Щепкина. Между посѣтителями кофейной находился какой-то чиновникъ, котораго мы провали тупорылымъ. Онъ, конечно, изъ любопытства, постоянно торчалъ у дверей той комнаты, которую какъ бы присвоили себѣ артисты и близкіе ихъ знакомые. Намъ, особенно Ленскому, не нравилось такое непрошенное участіе посторонняго лица въ нашей компаніи. Когда Щепкинъ кончилъ рассказъ, Ленскій крикнулъ слугу:

— „Человѣкъ, трубку!“¹⁾

Чиновникъ, не разлышавъ и думая, что обращаются къ нему, подходитъ и спрашиваетъ:

— Что вамъ надобно?

— „Ничего“.

— А я думалъ, что вы меня зовете!

— „Помилюте, развѣ вы человѣкъ? Какъ я смѣю называть васъ такимъ именемъ?“²⁾

Постановка на сцену пьесъ новаго вида не могла обойтись безъ новаго лицедѣя, который долженъ былъ познакомить публику съ бытомъ, въ нихъ изображеннымъ, съ лицами, въ нихъ выведенными. То и другое—лица и быть ихъ—коротко извѣстные многимъ, съ другой стороны оставались въ полной неизвѣстности также для многихъ, удаленныхъ отъ той среды, гдѣ преимущественно зараждались и развивались типы самодурства. Благодаря даровитости русской породы, такимъ исполнителемъ явился съ провинціального театра въ Москву Провъ Михайловичъ Садовскій—малообразованный, но своеобразный, гениальный талантъ. Рѣдкіе изъ актеровъ такъ быстро поднимаются на избранной ими карьерѣ, сразу обнаруживая свое высокое искусство, такъ досконально изучаютъ свѣчи и обычаи тѣхъ лицъ, въ представленіи

¹⁾ „Человѣкъ“—въ смыслѣ слуга, лакея.

²⁾ Въ смыслѣ высшаго творенія, разумнаго существа.

которыхъ заключается ихъ главное амплуа, и такъ вѣрно, мастерами воплощаютъ ихъ существенныя черты въ своей собственной персонѣ. И тѣмъ болѣе казалось это удивительнымъ, что незамѣтно было особеннаго труда въ артистѣ для достиженія такихъ успѣховъ въ своемъ дѣлѣ. Сценическій талантъ тѣмъ по преимуществу заявляетъ свою силу, что нерѣдко, вопреки всякаго чаянія, создаетъ роли, то есть выдвигаетъ на первый планъ то, что, при чтеніи піесы, казалось или не важнымъ или, по крайней мѣрѣ, второстепеннымъ. Такъ Садовскій создалъ Любима Торцова (въ комедіи: „Бѣдность—не порокъ“) и Расплюева (въ „Свадьбѣ Кречинскаго“). Правда, такихъ субъектовъ, какъ первый, въ прежнее время въ Москвѣ (не знаю какъ теперь) было не мало. Спившись съ кругу, они—не чуждые ни способностей, ни добраго сердца—теряли всякое чувство приличія, не думали скрываться отъ публики въ своемъ зазорномъ видѣ; напротивъ, въ этотъ-то именно моментъ они и любили являться въ людномъ мѣстѣ, наиболѣе въ Гостиномъ дворѣ, гдѣ проказали и юродствовали на потѣху сидѣльцевъ и проходящихъ. Нѣкоторые изъ нихъ были грамотны, и потому, встрѣчаясь съ проходящими, декламировали передъ ними какіе-нибудь стихи, на примѣръ:

Мужайся, стой и дай отвѣтъ
(Подражаніе Іову),

или:

Постой, дочь вѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца.
(Эдипъ въ Афинахъ).

Первый стихъ обращался къ кавалеру, два вторыхъ къ дамѣ, причемъ чудодѣй закрывалъ глаза, какъ слѣпой. Но не смотря на то, что не было недостатка въ подобныхъ лицахъ для образца, требовалось большое искусство, чтобы обратить ихъ въ типы: Садовскій не скопировалъ ихъ, а возвелъ въ перлъ созданія. Любимъ Торцовъ сталъ нарицательнымъ именемъ, благодаря столько же автору, сколько и артиста, если еще не больше. Что же касается до Расплюева, то игра Садовскаго изумила всѣхъ, кто имѣлъ случай познакомиться съ піесой до постановки ея на сцену. „Свадьба Кречинскаго“, талантливое сочиненіе

г. Сухово-Кобылина, не разъ читалась въ одномъ изъ знакомыхъ мнѣ домовъ и никто изъ присутствовавшихъ не воображалъ, чтобы сказанная роль могла обратить особенное на себя вниманіе. Вышло напротивъ: артистъ поставилъ Расплюева на такое видное мѣсто, что онъ раздѣлялъ успѣхъ съ успѣхомъ главнаго лица—Кречинскаго. Садовскій раскрылъ передъ зрителями и міръ купечества и міръ подъячихъ, сыгравъ Подкалюзина, Русакова, Краснова, Беневоленскаго, Юсова... кто ихъ до того не зналъ, тотъ уже послѣ представленія на сценѣ никогда не забывалъ, а кто зналъ — тотъ восхищался мастерствомъ воспроизведенія. Надобно связать, что пьесы А. Н. Островскаго разыгрывались на Московской сценѣ въ совершенствѣ ¹⁾, вполне удовлетворявшемъ публику. Мнѣ памятенъ спектакль, когда дали: „Не въ свои сани не садись“. Каждое лицо было до того естественно, безуворизненно въ исполненіи своей роли, что, право, вымыселъ переставалъ быть вымысломъ, становясь дѣйствительностью. Не говоря уже о Русаковѣ (Садовскомъ), какъ хорошъ былъ Васильевъ I, представлявшій молодаго купца Бородинна! Едва ли кто могъ потомъ замѣстить его въ этой роли ²⁾. Потомъ дочь Русакова — истая купеческая дочка, даже ходившая какъ бы на гусиныхъ лапкахъ—носками вмѣстѣ, пятнами врозь. Далѣе сестра Русакова (Акимова), помѣшанная на молодыхъ полкованныхъ кавалерахъ, потому что они—„образованность“, и съ презрѣніемъ относящаяся къ кавалерамъ своего собственнаго рода и званія, такъ какъ они—„необразованность“. А содержатель трактира Маломальскій (Степановъ) — лице невидное, но мастерски представленное! А супруга его Анна Антоновна (Сабурова — старшая), устраивающая у себя свиданіе дочери Русакова съ кавалеристомъ Вихоревымъ! Съ какой неподражае-

¹⁾ Не такъ какъ въ Петербургѣ, гдѣ и артисты и публика знаютъ нюансовъ, но не имѣютъ надлежащаго понятія о томъ родѣ купеческаго и мѣщанскаго быта, который изображенъ г. Островскимъ. Тоже и въ другихъ сферахъ: въ „Ревизорѣ“, напримѣръ, даже такой артистъ, какъ Сосницкій, представлялъ не городничаго, а скорѣе столичнаго ловкаго частнаго пристава.

²⁾ Вотъ еще крупный, незамѣнимый для многихъ ролей артистъ. Я видѣлъ въ Петербургѣ его брата, артиста тоже съ дарованіемъ, но гораздо менѣе сильнымъ.

мой экспрессіей произносила она, обращаясь къ нему, слово „Амуръ!“ Это слово, по всей справедливости, должно занять мѣсто рядомъ съ знаменитыми изреченіями французскихъ классическихъ трагедій: „Moi!“ (въ Медеѣ), „Qu'il pougut“ (въ Гораціи) и другими подобными, потому что оно производило такой же эффектъ.

Репертуаръ Садовскаго не ограничивался пьесами, о которыхъ мы говорили. Талантъ его и въ другихъ видахъ комедіи проявлялся съ такимъ же искусствомъ. Въ Ревизорѣ онъ былъ наилучшій Осипъ изъ всѣхъ Осиповъ, хотя и до него Орловъ исполнялъ эту роль съ большимъ успѣхомъ. Равнымъ образомъ, трудно представить себѣ болѣе пригоднаго и соответствующаго пьесѣ Подколесина (въ Женитьбѣ Гоголя): по крайней мѣрѣ моего воображенія не хватаетъ на это. А это видѣлъ его въ Жеронтѣ (Скапиновы проказы), тотъ убѣдился, что и театръ Мольера нашель въ немъ превосходнаго себѣ истолкователя. Но какъ по пословицѣ: „На всякаго мудреца довольно простоты“, такъ и на нашего артиста нашло однажды затменіе. Увлекаемый, какъ ходилъ слухъ, внушеніями молодой редакціи „Москвитянина“, онъ вздумалъ попробовать свои силы въ трагедіи, и для своего бенефиса (если не ошибаюсь) выбралъ „Лира“. Конечно, всѣ мѣста въ театрѣ были раскватаны, сборъ вышелъ полный, но короля Лира не видали, а видѣли не то Подхалюзина, не то Русакова. Короче, нашъ геніальный артистъ сѣлъ не въ свои сани.

Здѣсь я долженъ снова вызвать на сцену Ленскаго. Незадолго до Лира или вскорѣ послѣ него, одинъ изъ двухъ братьевъ Щепиныхъ давалъ концертъ на скрипкѣ, почти ничего ему не принесшій. Ленскій, встрѣтивъ Садовскаго въ кофейнѣ, на другой день бенефиса, поздравляетъ его съ успѣхомъ:

— „Ты, любезный другъ, гораздо больше выигралъ на Лирѣ (лирѣ), чѣмъ Щепинъ на скрипкѣ“.

Въ кофейнѣ Садовскій бывалъ часто. Здѣсь-то я познакомился съ нимъ и находилъ большое удовольствіе въ его бесѣдѣ. Итальянская опера, два сезона дававшая въ Москвѣ свои представленія (1842—43), сильно насъ интересовала. Онъ до того пристрастился къ ней, что зналъ всѣ аріи двухъ пьесъ: „Лючія“ и „Лукреція Боржіа“. Говорю „зналъ“ въ томъ смыслѣ, что онъ

могъ вѣрно пропѣть ихъ, что и дѣлалъ не однажды въ той комнатѣ, которая была резиденціей нашего кофейнаго кружка. Въ той же комнатѣ онъ забавлялъ насъ разказами не о томъ, что съ нимъ самимъ было, а о томъ, чего вовсе не было. Вымыслы эти походили на сцены Горбунова, съ тою разницей, по моему мнѣнію, что они разсказывались Садовскимъ артистичнѣе, представительнѣе. Слушавшіе воспринимали ихъ впечатлительно и живо, помня не одно содержаніе разсказаннаго, но и самый образъ разсказчика: его голосъ, выраженіе лица, жесты... Одинъ изъ разсказовъ Садовскаго былъ исполненъ въ Москвѣ, у И. С. Тургенева, послѣ обѣда, даннаго имъ своимъ пріятелямъ и близкимъ знакомымъ: тутъ находились и профессоръ (Грановскій, Кудрявцевъ), и артисты (Щепкинъ, Шумскій, Садовскій), и нѣкоторые литераторы. Дѣйствующимъ въ разсказѣ лицомъ былъ пьяный, въ которому лѣтомъ, въ сильную жару, привязалась муха и не давала ему покоя. Напрасно старался онъ поймать ее и призывалъ на помощь своего товарища Николая. Наконецъ, показалося ему, что онъ схватилъ ее и держитъ въ кулакѣ. Съ радостью, осторожно раздвигаетъ онъ пальцы одинъ за другимъ и видитъ — пустую ладонь. Радость мгновенно смѣняется выслодосадной миной и онъ грустнымъ тономъ, уморительно произноситъ: „улетѣла“. Въ другомъ разсказѣ, татаринъ изломаннымъ русскимъ языкомъ, съ жаромъ и сердито, изливаетъ свой гнѣвъ на какого-то барина, который обидѣлъ или, какъ онъ выражается, огорчилъ двѣнадцатилѣтняго его сына. Онъ грозитъ притануть обидчика къ суду, пойти съ своей жалобой далеко — даже „на сената“. Пикантность разсказа заключалась въ сущности обиды: надобно было и придумывать слова, и мѣнять ихъ ударенія, чтобы не вдругъ и не прямо смутить слушателей скандаломъ. Купцы часто фигурировали въ этихъ вымышленныхъ разсказахъ. Одинъ, напримѣръ, важно повѣствовалъ объ отреченіи Наполеона перваго отъ престола въ Фонтенебло, причемъ послѣднее слово произносилось имъ на русскій ладъ. Другіе толковали объ имени и отчествѣ ихъ любимаго аэтера или по ихъ произношенію аэтера (Прова Михайловича Садовскаго). „Михайловичъ — разсуждали они — это понятно: значить, отца его звали Михайломъ; но что такое „Провъ?“ и почему Провъ, а не Провій? Вѣдь

въ календарѣ напечатаны оба имени: которое же изъ нихъ настоящее? и т. д. Мастерски былъ рассказанъ случай изъ деревенскаго быта. Крестьянинъ угощалъ въ своей избѣ кума. Тотъ и другой были навеселѣ. Хозяинъ находился въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и восхвалялъ свое житье-бытье: всего у него было вдоволь, все чисто и въ порядкѣ; жена молодая и красивая, которая въ это время лежала на печи; мужъ указывалъ на нее гостю, лукаво ему подмигивая; подъ столомъ, гдѣ они пировали, возилась дочь — двухлѣтняя дѣвочка, на которую отецъ смотрѣлъ чадолюбивыми глазами, потому что она была такая умная и вострая. Но вдругъ среди такого елейнаго настроенія духа самодовольный крестьянинъ начинаетъ морщиться и заглядывать подъ столъ, гдѣ его умница учинила нѣкій пассажъ. Взглянувъ искоса на кума и видя, что этотъ ничего не замѣчаетъ и не ощущаетъ, онъ ударилъ его по плечу: „ничего, кумъ, кушай себѣ на здоровье; это не наше съ тобою дѣло“.

Живокини былъ рѣдкій, образцовый буфѣ — одинъ изъ тысячи буфѣвъ. При первыхъ звукахъ его голоса, раздававшихся иногда за кулисами, публика уже приходила въ пріятное волненіе, чувствовала себя хорошо настроенною. Когда же появлялся онъ, то вмѣстѣ съ нимъ врывались веселье и смѣхъ, и наполняли всю сцену, не давая мѣста ничему другому. Видѣть его и оставаться равнодушнымъ или въ дурномъ расположеніи духа было невозможно. Въ немъ все было комично: выраженіе лица. тѣлодвиженія, движенія. Онъ могъ обходиться безъ рѣчей, повода только глазами или выдѣлывая что-нибудь руками, — и вызывать громкія рукоплесканія. Поэтому играющіе съ нимъ въ одной пьесѣ, особенно актрисы, старались не глядѣть на него, чтобы не расхохотаться. Только Щепкинъ, никогда не выходившій изъ своей роли, оставался равнодушнымъ къ его забавной комикѣ. Публика чрезвычайно любила Живокини. Взыскательная иногда по отношенію къ другимъ актерамъ, она постоянно была къ нему снисходительна: можно ли сердиться на того, кто веселитъ васъ, возбуждая искренній смѣхъ, смѣхъ до слезъ? Она прощала ему даже нетвердое знаніе своихъ ролей, потому что онъ уморительно умѣлъ маскировать небрежное отношеніе къ своей обязанности. Вмѣсто забытыхъ имъ словъ пьесы, онъ придумывалъ свои, которыя иногда были лучше подлинныхъ и произ-

водили большій эффектъ. Иногда же обращался съ какою-нибудь рѣчью къ суфлеру, какъ-будто такъ слѣдовало по его роли. Вообще онъ позволялъ себѣ многое, на что другіе не рѣшались. Увѣренный въ пристрастіи къ нему публики, онъ подчасъ заигрывалъ съ нею во время самого спектакля: обращался къ партеру съ какимъ-нибудь вопросомъ, напримѣръ: какъ ему нравится пѣса? или взывалъ къ райку, прося засѣдающихъ тамъ театральныхъ репортеровъ похвалить его игру въ газетномъ отзывѣ. Сколько комедій и водевилей одолжены ему своимъ успѣхомъ. Какъ онъ былъ хорошъ въ пѣсахъ: „Стряпчій подъ столомъ“ „Что имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ“, „Левъ Гурьичъ Синичкинъ!“

Скажу нѣсколько словъ о Бантышевѣ. Онъ занялъ мѣсто Булахова, обладавшаго очень пріятнымъ, симпатичнымъ теноромъ. Мнѣ рѣдко удавалось его слышать, но Бантышева я очень хорошо зналъ и какъ пѣвца, и какъ постоянного посѣтителя кофейни, гдѣ онъ любилъ играть на биліардѣ. Извѣстность свою и расположеніе публики прибрѣлъ онъ преимущественно успѣхомъ въ оперѣ „Аскольдова могила“, гдѣ исполнялъ роль Торопки и превосходно пѣлъ знакомую всѣмъ москвичамъ пѣсню: „Ужъ какъ вѣтъ вѣтерокъ“. Пѣса эта давалась очень часто; ее любили, потому что отъ нея вѣяло роднымъ, русскимъ. Разыгрывалась она превосходно; особенно нравилась сцена похищенія изъ терема. Даже италянскіе пѣвцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, отнеслись съ похвалою объ игрѣ и голосѣ Бантышева, хотя самую пѣсу называли не оперой, а водевилемъ. Бантышевъ принадлежалъ къ такъ называемымъ покладистымъ натурамъ. Онъ былъ спокойнаго, ровнаго темперамента: ни съ кѣмъ не любилъ спориться, никогда не горячился и не выходилъ изъ себя — совершенный антиподъ Ленскому. Онъ любилъ слушать толки о литературѣ и театрѣ, хотя самъ не принималъ въ нихъ участія. Послѣ одной изъ такихъ бесѣдъ, въ которой часто слышались слова: „нормальный“, „норма“, онъ говоритъ: „мнѣ очень понравилось все, что вы говорили, только одного я не понялъ: зачѣмъ вы такъ часто вспоминали оперу „Норму“. Это—фактъ, а вотъ это—вѣроятно выдумка. Въ оперѣ Мегиюля „Иосифъ“ Бантышевъ исполнялъ главную роль. Простудившись наканунѣ ея представленія, онъ увѣдомилъ о томъ театральную дирекцію та-

кою запискою: „завтра не могу играть „Прекраснаго Іосифа“, потому что я Осипъ (осицъ)“.

Выше было упомянуто о Самаринѣ. Прибавлю еще нѣсколько о немъ свѣдѣній. Онъ воспитывался въ московской театральной школѣ, когда Николай Ивановичъ Надеждинъ преподавалъ тамъ русскую словесность. Профессоръ называлъ его своимъ любимымъ ученикомъ за любознательность и прилежаніе. Самаринъ былъ юнѣйшій изъ актеровъ, посѣщавшихъ кофейню; началъ же онъ посѣщать ее послѣ своего перваго, очень успѣшнаго дебюта, въ какой-то драмѣ, гдѣ игралъ роль мальчика, обличившаго злоумышленниковъ въ поджогѣ гостинницы. Другою, болѣе плодотворною для него школою служили образцы сценическаго искусства — Мочаловъ, Щепкинъ, Сабуровъ, Живокини... то былъ цвѣтушій періодъ московскаго театра, уже имѣвшаго свою почтенную исторію. Самаринъ съ любовью воспользовался всѣмъ, что вело къ развитію его таланта и выработалъ изъ себя такого артиста, который равно подвизался въ двухъ драматическихкихъ родахъ — комедіи и трагедіи, удовлетворяя публику даже въ однѣхъ роляхъ съ Щепкинымъ и Мочаловымъ: достаточно сказать, что онъ замѣщалъ перваго въ Фамусовѣ и Сквозникѣ-Дмухановскомъ, а втораго—въ Гамлетѣ и Чацковѣ. Много лѣтъ послѣ ихъ смерти онъ съ честью и блестящимъ успѣхомъ поддерживалъ славныя преданія объ ихъ геніальности.

Этимъ я оканчиваю мои воспоминанія или, вѣрнѣе, поминанье. Именно поминанье! Изъ всѣхъ служителей Мельпомены и Талии, которые выступаютъ въ моемъ разсказѣ, ни одного не осталось въ живыхъ. Всѣ отошли къ отцамъ. Миръ ихъ праху и глубокая имъ благодарность за тѣ высокія наслажденія, которыя они намъ доставляли, которыя услаждаютъ и улучшаютъ нашу жизнь, и которыя останутся неизмѣннымъ достояніемъ челоуѣка до тѣхъ поръ, пока онъ не лишится способности смѣяться и плакать.

Но что же случилось съ литературной кофейней? Какова ея дальнѣйшая исторія? Пусть на этотъ вопросъ отвѣчаютъ другіе. Я зналъ ее въ лучшую пору ея существованія—въ тридцатые и сороковые годы. Какова она была послѣ—мнѣ неизвѣстно. Думаю, что она упразднилась, какъ упраздняется многое, по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ. Вѣроятно, обычные посѣтители

появлялись въ ней рѣже и рѣже: иной переселился въ Петербургъ или въ провинцію; другой обзавелся семействомъ и предпочелъ домашній очагъ общественному заведенію; третьему она просто присмотрѣлась и наскучила. Но какъ-бы то ни было — такъ или иначе, а для меня она — преданье старины хотя и глубокой (принимая въ расчетъ мѣру человѣческаго вѣка), но дорогой и милой, которую я и помянулъ „памятью сердца“.

А. Д. Галаховъ.

3-го апрѣля 1886 года.
С.-Петербургъ.

Народныя пѣсни, сообщ. П. В. Шейномъ.

Въ сообщеніи мною народныхъ бѣлорусскихъ пѣсень на стр. „Русской Старины“, изд. 1886 г., въ мартовской кн., верались нижеслѣдующіе опечатки и недосмотры:

стр.	строка.	напечатано:	читай:
674	11 (сверху)	нхм	нмъ
675	7 (сверху)	на	па
тамъ же 19 (снизу)		заміуши	залиуш
676	20 (сверху)	сяверы	сяверы.
тамъ же 4 (снизу)		зѣбѣць	зѣбсьць.
тамъ же	”	кавыла	кавала.
677	3 (снизу)	Я цябе знаю ня...	Я цябе знаю, ня...

На стр. 678, въ примѣч., въ 3 строкѣ снизу, пропущена запятая послѣ слова: литерами.
П. В. Шейнъ.

Къ Запискамъ Д. И. Кишіани.

(„Русск. Стар.“ 1886 г., кн. III).

опечатки:

стр.	строка.	напечатано:	читай:
529	18 сверху	человѣка	чиновника.
536 и слѣд.		. Грабаригъ	Грабаричъ.

Д. К.

Къ разсказу С. А. Ярошъ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г., книга мартъ, стр. 581—586, напечатанъ разсказъ С. А. Ярошъ: „Иванъ Тимошеевичъ Богородскій“, читай: „Иванъ Степановичъ Богородскій“.

Тамъ-же напечатано: кругомъ въ военныхъ госпиталяхъ бунтъ, читай: кругомъ въ военныхъ поселеніяхъ бунтъ.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ при полученіи вѣсти о
кончинѣ своего воспитателя.

Между бумагами, сохраняющимися у меня, я нашелъ письмо Семена Алексѣевича Юрьевича къ моей бабушкѣ, Маріи Ивановнѣ Гоксфордъ. Письмо это потому представляетъ интересъ, что С. А. Юрьевичъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) сообщаетъ г-жѣ Гоксфордъ о впечатлѣніи, произведенномъ смертію моего отца на великаго князя Александра Николаевича. Такъ какъ записки Карла Карловича уже напечатаны, то письмо это, мнѣ кажется, было бы на мѣстѣ на стр. многоуважаемой „Русской Старины“.

Ив. К. Мердеръ.

Царское село. 6-го мая 1834 г.

Какъ мнѣ пріятно, милостивая государыня Марья Ивановна, сообщить вамъ, что государь императоръ приказалъ оставить для Сары Николаевны ¹⁾, на лѣто въ Царскомъ селѣ, квартиру, которую вы занимали въ прошломъ году. Узнавъ объ этомъ, милый нашъ великій князь (Александръ Николаевичъ) ходилъ осматривать ее, чтобы удостовѣриться, что она можетъ быть пригодна для семейства вашего, особенно по возвращеніи Сары Николаевны. Въ Китайской деревнѣ всѣ квартиры уже распредѣлены, а въ цыркулѣ не нашлось ни одной, которая была бы удобнѣе и обширнѣе вашей.

Не могу безъ особеннаго чувства рассказать вамъ, какъ пораженъ былъ великій князь неожиданною для него вѣстію о кончинѣ незабвеннаго, безцѣннаго своего друга и наставника, единственнаго Карла Карловича.

Въ среду, въ 8 часовъ вечера, государь императоръ, по прибытіи въ Царское село, сообщилъ ему самъ эту слишкомъ чувствительную для нѣжнаго сердца его, — столь горячею любовію привязаннаго къ

¹⁾ Вдова К. К. Мердера.

своему другу,—эту слишкомъ горестную вѣсть. Я сидѣлъ въ это время за работой, въ той самой комнатѣ, которую занималъ нѣкогда Карлъ Карловичъ, — какъ внезапно вбѣгаетъ ко мнѣ великій князь въ сильномъ разстройствѣ — въ слезахъ, рыдая, бросается онъ на колѣна передъ диваномъ. Въ первый моментъ, я какъ бы не вдругъ понялъ причину сего внезапнаго отчаянія, — но мнѣ не нужно было долго догадываться о причинѣ, — рыданія великаго князя объяснили мнѣ оную,—и, вмѣсто утѣшенія, я смѣшалъ слезы мои съ его слезами. Давъ время облегчить слезами столь сильный порывъ сердечной скорби — я поднялъ великаго князя;—обнимая меня, онъ сказалъ:

— «Не понимаю, какъ вы могли скрывать отъ меня свои чувства и какъ я не могъ догадаться объ ожидавшей меня горести. Боже мой! я все надѣялся, что скоро увижу моего безцѣннаго Карла Карловича».

Слезы и рыданія прерывали нѣсколько разъ слова его. Объяснивъ волю государя императора, чтобы удалить отъ него всякое подозрѣнiе о семъ горестномъ для всѣхъ насъ событiи, и собственно мнѣ данное его величествомъ приказанiе скрывать скорбь мою,—я не могъ не сказать, что эта скорбь была тѣмъ тяжелѣе для моего сердца и мучительнѣе — ибо не могла быть ни съ кѣмъ раздѣлена. Послѣ нѣкотораго размышленiя великій князь присовокушилъ.

— «Какъ хорошо, однакожъ, сдѣлали, что не сказали мнѣ... передъ присягой моей».

Поуспокоившась нѣсколько, онъ припомнилъ, что Карлъ Карловичъ въ первый разъ почувствовалъ пагубную болѣзнь свою въ этой самой комнатѣ и на этомъ самомъ диванѣ въ первый разъ открывали ему кровь, чтобы облегчить сильное бiенiе сердца.

Это было 9-го сентября 1832 года, въ 4 часа пополудни.

На слѣдующiй день, въ четвергъ, я прочиталъ великому князю письма Александра Васильевича,—новыя слезы, новыя рыданiя. Когда дошло до желанiя Сары Николаевны, чтобы тѣло покойнаго было перевезено въ Петербургъ, онъ весьма тому обрадовался и сказалъ, что государь отнюдь не будетъ противу сего.

Сегодня его величество изволилъ расспрашивать меня о великомъ князѣ — и когда я сообщилъ описанныя мною выраженiя чувствъ скорби его, которая до сихъ поръ ясно обнаруживается и на лицѣ его и въ его дѣйствiяхъ, равно и то, что онъ часто и долго стоитъ, погружаясь въ размышленiя, передъ портретомъ незабвеннаго Карла Карловича, — его величество изволилъ сказать мнѣ:

— «Я весьма этимъ доволенъ; таковыя чувства его мнѣ весьма прiятны; надобно, чтобы онъ чувствовалъ свою потерю».

На дняхъ, т. е. въ среду или четвертокъ, надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ: мы должны быть на парадѣ, — лично дополню на словахъ, чего не досказалъ вамъ на бумагѣ, о миломъ нашемъ великомъ князѣ и о прекрасномъ его сердцѣ. Да сохранить Богъ его съ такими чувствами на всегда для счастья многихъ, многихъ. С. Юрьевичъ.

Петръ Михайловичъ Еропкинъ,

гофъ-интендантъ, архитекторъ

† 27-го іюня 1740 г.

Вѣра Васильевна Еропкина—прямой потомокъ названнаго здѣсь Еропкина, славнаго своими способностями и образованіемъ и одного изъ энергическихъ строителей города Петербурга, весьма обязательно сообщила намъ большой фотографическій снимокъ съ живописнаго его портрета.

Оригиналъ портрета былъ исполненъ, по заказу Петра Михайловича, въ Парижѣ, въ бытность Еропкина тамъ въ 1707 году. Костюмъ на молодомъ «пленцѣ» и ученикъ Петра Великаго свѣтло гороховаго цвѣта съ золотыми шнурами, бѣлый воротничекъ, маленькія золотыя пуговицы, пудренный парикъ.

Гравюра исполнена по фотографіи художникомъ Г. И. Грачевымъ.

Ред.

Собраніе портретовъ іерарховъ Россійской церкви.

Я имѣю очень большое собраніе фотографическихъ карточекъ преосвященныхъ архіереевъ, какъ уже скончавшихся, такъ и находящихся въ живыхъ. Собраніе это заключаетъ въ себѣ 277 портретовъ. Многія изъ фотограф. карточекъ, снятыя, по моему заказу, съ старыхъ портретовъ, хранящихся въ архіерейскихъ домахъ, составляютъ, по истинѣ, большую рѣдкость. Въ коллекціи есть снимки съ портретовъ всѣхъ патріарховъ и многихъ архіереевъ, занимающихъ видное мѣсто въ исторіи русской церкви, каковы напр.: Антонія Рафальскаго, Амвросія Зертось-Каменскаго, Антонія Амфитеатрова, Амвросія Подобѣдова, Варлаама Шогнацкаго, Данила Наттока, Амвросія Орнатскаго, Иринея Нестеровича, Иринея Клементьевскаго, Амвросія Протасова, Александра Павловича, Михаила Голубовича, Антонія Зубко, Юсіфа Сѣмашко, Григорія Постникова, Филарета Дроздова, Филарета Гумилевскаго, Иннокентія Смирнова, Иннокентія Борисова, Иннокентія Веніамина, Георгія Конисскаго, Дмитрія Муретова, Евгенія Болховитинова, Игнатія Семенова, Игнатія Желязовскаго, Юсафа Горленко, Іакова Вечеркова, Іоны Василевскаго, Лазаря Барановича, Іоанна Максимовича, Макарія Булгакова, Маркелла Попеля, Платона Городецкаго, Смарагда Крыжановскаго, Стефана Яворскаго, Сильвестра Кулябки, Филарета Амфитеатрова, Хрисанфа Рѣтневцева, Феодосія Угличскаго, Василя Лужанскаго и многихъ другихъ.

Имѣю честь покорнѣйше просить уважаемую редакцію «Русской Старины» напечатать это заявленіе: быть можетъ найдется лицо, которое пожелаетъ издать имѣющееся у меня собраніе, напр. въ видѣ альбома, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изображенномъ лицѣ.

Мой адресъ: Вильна, заслуженному преподавателю А. Н. Сергѣеву, 2-я гимназія.

Алексѣй Сергѣевъ.

Примож. къ „Русск. Стар.“ 1886 г.

ПАМЯТНИКЪ НА ОВЩЕЙ МОГИЛѢ
ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩЕВА

† 27-го юня 1740 г.

СООРУЖЕНЪ ПО ПОЧИНУ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ СТАРИНА“
ВЪ 1885 г.

ПАМЯТНИКЪ НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩЕВА

[† 27-го іюня 1740 г.]

сооруженный въ 1885 г.

Предпринятое по почину редакціи журнала «Русская Старина» и при сдѣйствіи нѣкоторыхъ почитателей памяти русскихъ дѣятелей возстановленіе исторической могилы кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго, гофъ-интенданта Петра Михайловича Еропкина и совѣтника Андрея Ѳедоровича Хрущова получило уже свое осуществленіе, и въ настоящее время въ Петербургѣ, за оградой церкви преподобнаго Сампсонія Страннопримца, на Выборгской сторонѣ, красуется величественный монументъ, который послужитъ увѣковѣченіемъ памяти этихъ трехъ государственныхъ дѣятелей XVIII столѣтія.

Приведенная нынѣ къ концу патріотическая мысль о постановкѣ памятника требуетъ заключительнаго своего описанія; но вмѣстѣ съ изложеніемъ исторіи этого, можно сказать, общественнаго сооруженія будетъ не безынтересно напомнить нѣкоторыя данныя о томъ храмѣ, близъ котораго находится общая могила трехъ русскихъ дѣятелей, погибшихъ по злобѣ и проискавъ иноземца Бирона.

I.

Церковь Самсонія Страннопримца, на Выборгской сторонѣ, составляетъ одну изъ историческихъ достопримѣчательностей нашей столицы.

Храмъ этотъ воздвигнуть по волѣ императора Петра Великаго, который, разбивъ 27-го іюня 1709 г. подъ Полтавой шведскія войска, въ воспоминаніе этой побѣды и въ благодарность Богу за нее, заложилъ, въ ноябрѣ 1709 года, на Выборгской сторонѣ, деревянный храмъ во имя преподобнаго Самсонія, чествуемаго православною церковью 27-го іюня. Церковь была освящена въ 1710 году и при ней, по повелѣнію Петра I, было устроено кладбище. Это было первое въ Петербургѣ городское кладбище, такъ какъ до того времени тѣла умершихъ погребались у приходскихъ церквей, а иногда при собственныхъ домахъ. По преданію, кладбище предназначалось, главнымъ образомъ, для странниковъ и пришельцевъ, которыми по преимуществу населялась вся такъ называемая Петербургская сторона, и этимъ объясняется избраніе столь отдаленнаго отъ центра города мѣста постройки храма, посвященнаго при томъ преподобному Самсонію, бывшему страннопримцемъ. Тѣмъ не менѣе Самсоніевское кладбище сдѣлалось мѣстомъ упокоенія не только умершихъ православныхъ жителей Петербурга, но и христіанъ другихъ исповѣданій, для погребенія которыхъ при кладбищѣ было выдѣлено особое мѣсто.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ времени съ 26-го октября 1732 г. по 19-е января 1734 г., въ теченіи котораго на Самсоніевскомъ кладбищѣ, по приказанію начальства, погребали только покойниковъ своего прихода, оно съ самаго основанія своего служило общимъ кладбищемъ для всего Петербурга, и такое значеніе кладбище сохраняло за собою до самаго закрытія его, совершившагося въ концѣ прошлаго столѣтія.

Построенная Петромъ Великимъ деревянная церковь, въ которой ежегодно совершалось празднованіе памяти Полтавской побѣды, вскорѣ пришла въ ветхость, а потому, въ годъ кончины великаго основателя столицы (1725 г.), былъ заложенъ, близъ деревянной церкви, новый каменный храмъ, сооруженный попеченіемъ мѣстнаго причта—кунца Лапшина и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Прежняя же деревянная церковь была разобрана въ 1737 году, и на мѣстѣ бывшаго въ ней престола устроена небольшая, сохранившаяся до настоящаго времени, каменная часовня.

Новый храмъ былъ освященъ въ 1733 и 1740 годахъ, по мѣрѣ окончанія работъ въ трехъ придѣлахъ, устроенныхъ во имя Сампсонія Страннопримца (главный алтарь), архистратига Михаила (южный) и Иоанна Богослова (сѣверный).

Внѣшній видъ храма не представляетъ собою никакихъ особенностей въ архитектурномъ отношеніи. Составляя удлинненный четырехугольникъ, окруженный съ восточной стороны для главнаго алтаря, и имѣя по бокамъ наружныя галлерей, устроенныя, какъ кажется, безъ особаго предназначенія, храмъ этотъ имѣетъ глухой деревянный пятиглавый куполь, съ искусственными окнами, мало впрочемъ гармонирующій прочной постройкѣ каменнаго зданія; только большая каменная колокольня, выступающая до панели Большаго Сампсоніевскаго проспекта и соединенная съ церковью деревянною крытою галлерею, даетъ нѣкоторое величіе и украшеніе всему храму.

Внутренняя сторона храма представляется довольно обширною. Главная, восточная, ея часть, съ большимъ стариннымъ иконостасомъ, посвящена преподобному Сампсонію, другіе же два придѣла устроены въ западной части храма, съ правой и лѣвой сторонъ, между которыми находится арка для входа въ главную часть храма. Надъ этой аркой на стѣнѣ нарисованъ портретъ Петра Великаго, который изображенъ стоящимъ въ лагерной палаткѣ, съ непокрытой головой, въ рыцарскомъ одѣяніи и въ царской порфирѣ.

Въ храмѣ находятся слѣдующіе священные предметы: 1) часть ризы Господней, хранящаяся въ особомъ серебряной ковчегѣ, 2) частицы мощей: святителей Моисея, Иоанна, Никиты и Евѣмія Новгородскихъ, преподобнаго Антона Римлянина, Макарія Египетскаго, Анастасія Персіянина, Теодора Тирона, Евстафія, Плакиды, Иоанна Златоустаго и Аванасія; 3) кусочекъ камня изъ-подъ стопъ Господнихъ съ горы Елеонской и 4) земля изъ Виледемской пещеры.

Надъ входомъ въ церковь, на желѣзной доскѣ, изображенъ крестъ, окруженный словами: «Симъ побѣдиши», а надъ крестомъ сдѣлана слѣдующая надпись:

«Святый храмъ сей построенъ повелѣніемъ благочестивѣйшаго Государя Императора Петра Великаго, въ воспоминаніе побѣды надъ шведскими войсками, подъ Полтавою, лѣта 1709, іюня 27 дня».

Изъ числа могилъ, сохранившихся до настоящаго времени при церкви Сампсонія, обращаютъ на себя вниманіе могилы слѣдующихъ лицъ: секретаря тайной канцеляріи Ив. Ѳеодор. Набокова († 1758 г.), арміи секундъ-маіора Ив. Никол. Набокова († 1760 г.), генералъ-аншефа и дѣйствительнаго камергера Вас. Ермола. Скворцова († 1769 г.), протопресвитера Петербургскаго Троицкаго собора Иоанна

Симонова († 1740 г.), петербургскаго купца Мих. Яков. Грязновскаго-Лапшина († 1769 г.), усердѣйшаго попечителя и «директора» храма, прокурора государственной с.-петербургской губернской коллегіи Ѳедора Вас. Везобразова († 1775 г.), нѣсколько могилъ изъ фамиліи Челищевыхъ и другія. Первые трое погребены внутри храма, а остальные перечисленные лица—въ церковной оградѣ.

Какими соображеніями руководствовались бывше распорядители Сампсоніевскаго кладбища при избраніи мѣстъ для погребенія болѣе или менѣе важныхъ усопшихъ лицъ, остается, конечно, неизвѣстнымъ, но нельзя не обратить вниманія на то, что секретарь тайной канцеляріи, тѣло котораго нашло приютъ въ храмѣ, удостоился болѣе чести, чѣмъ протопресвитеръ одного изъ важнѣйшихъ столичныхъ соборовъ, или усердѣйшій попечитель храма, съ почетнымъ титуломъ «директора», останки которыхъ были погребены лишь въ церковной оградѣ.

Перечисленные нами могилы, не считая другихъ весьма немногихъ,—это почти единственные остатки, сохранившіеся до нашего времени отъ большаго столичнаго кладбища, существовавшаго болѣе полувѣка. Другихъ признаковъ отъ древняго петербургскаго некрополиса къ нашему времени не осталось. При церкви Сампсонія считается теперь земли 10,000 кв. сажень, изъ которыхъ половина отдается въ наймы подъ огородъ; нужно полагать, что болѣе большая часть этой земли и составляла прежнее кладбище ¹⁾).

Заканчивая краткое описаніе Сампсоніевскаго храма, не можемъ не остановиться на значеніи числа 27 іюня, связаннаго съ этимъ храмомъ: въ этотъ день празднуется побѣда подъ Полтавой 1709 года, въ память которой основанъ самый храмъ; совершается чествованіе преподобнаго Сампсонія, имени котораго посвященъ главный престолъ; наконецъ, въ тотъ же день почилъ невольною смертію защитникъ русскихъ интересовъ: Волинскій, Еропкинъ и Хруцовъ, погребенные близъ того же храма.

¹⁾ Приведенныя нами свѣдѣнія о Сампсоніевскомъ храмѣ почерпнуты изъ „Историко-статистическихъ свѣдѣній о С.-Петербургской епархіи“; изд. с.-петербургскаго епархіальнаго статистическаго комитета; вып. седьмой; С.-Петербургъ, 1883 г. Считая со времени освященія, 18-го августа 1740 года, главнаго престола во имя Сампсонія Странноприимца, оказывается, что въ 1890 году исполнится храму 150 лѣтъ. Было бы весьма желательно встрѣтить ко дню этого юбилея изданіе подробнаго описанія историческаго храма и его кладбища съ возможно полнымъ перечисленіемъ, по церковнымъ метрикамъ, именъ болѣе или менѣе важныхъ лицъ, погребенныхъ на этомъ кладбищѣ.

II.

Общая могила трехъ жертвъ злобы Бирона находится въ южной сторонѣ Сампсоніевскаго храма, близъ воротъ церковной ограды.

Первый памятникъ на этой могилѣ былъ сооруженъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, дѣтьми казеннаго А. П. Волинскаго, когда они были возвращены изъ ссылки, на другой же годъ послѣ его казни, признанной съ высоты монаршаго престола несправедливою. Памятникъ этотъ состоялъ изъ каменной плиты въ 1½ аршина длины и около ¾ арш. ширины, — размѣръ, далеко не соотвѣтствовавшій пространству трехъ могилъ. На этой плитѣ выбита слѣдующая надпись:

Во имя въ триѣ лицехъ
еднаго Бѣга,
здѣ лежитъ Артемі
Петровичъ Волинскі
котороі жизни своея
имѣлъ 51 годъ
преставися июня
27 дня 1740 году
ту же погребены
Андрей Феодоровичъ
Хрущовъ и Петръ
Еропканъ.

Существовала ли тогда общая могила въ большемъ размѣрѣ или она ограничивалась размѣрами надгробной плиты — неизвѣстно. Въ царствованіе Екатерины II, которая торжественно провозгласила въ особой запискѣ о невинности казеннаго кабинетъ-министра и которая оказывала особое вниманіе его дѣтямъ, было сдѣлано обновленіе общей могилы, состоявшее въ томъ, что на плитѣ былъ установленъ доколь изъ желтоватаго плитняка съ желобчатой на немъ колонкой изъ сѣраго гранита, на которой была укрѣплена урна изъ бѣлаго мрамора; на этой урнѣ была впрѣзана мелкими буквами, въ двѣ строки, такая же надпись, какая выбита на плитѣ. Въ такомъ именно видѣ памятникъ изображенъ на рисункѣ, приложенномъ къ т. XXXVIII «Русской Старины» (май 1883 г., стр. 470).

Со смертію послѣдняго прямаго представителя фамилій Волинскихъ, генераль-маіора Михаила Михайловича Волинскаго († 1837 г.), этотъ дворянскій родъ прекратился; родная его племянница, дочь Сергѣя Мих. Волинскаго, Наталья Сергѣевна († 1826 г.) вступила

въ бракъ съ генераль-маіоромъ Мих. Петр. Селифонтовымъ, сынъ котораго, Сергѣй Михайловичъ Селифонтовъ, питая благоговѣйную память къ своему предку-страдалицу, возбудилъ ходатайство о постройкѣ на могилѣ А. П. Волынскаго и его страстотерпцевъ часовни, предполагая сохранивъ могильную плиту въ цѣлости и ввести ее во внутрь часовни, въ которой имѣлъ въ виду устроить иконостасъ съ изображеніемъ св. Артемія и апостоловъ Андрея и Петра, а вмѣстѣ съ тѣмъ ревнитель памяти Волынскаго просилъ о присоединеніи фамиліи послѣдняго къ своей. Но въ осуществленіи этихъ предположеній С. М. Селифонтовъ встрѣтилъ какія-то затрудненія и, не обладая необходимою энергіею, не могъ осуществить своихъ желаній. Послѣ его смерти осталась вдова его Софья Петровна и малолѣтняя дочь Наталья Сергѣевна, донныя здравствующія.

Этимъ единственнымъ нынѣ представительницамъ рода Волынскихъ принадлежитъ честь значительнаго содѣйствія къ осуществленію мысли о сооруженіи памятника на общей могилѣ Волынскаго и его страстотерпцевъ.

Въ 1883 году, т. е. въ то время, когда возникла мысль о восстановленіи общей могилы, памятникъ представлялся на ней въ слѣдующемъ жалкомъ видѣ: отъ урны, украшавшей колонку, осталась лишь небольшая полушарообразная часть, лежавшая просто на колонкѣ ничѣмъ неприкрѣпленной, съ остатками надписи въ пять—шесть словъ; самая колонка пообвалилась; нижній цоколь осмылся; плита дала трещины, а надпись на ней мѣстами поистерлась. Этотъ остатокъ памятника былъ огороженъ грубою деревянною, безъ всякой окраски, низкою загородкою въ двѣ перекладины, которая была установлена въ позднѣйшее время.

Такое печальное положеніе исторической могилы послужило поводомъ къ помѣщенію на страницахъ «Русской Старины» описанія могилы съ нѣкоторыми, имѣющими съ нею связь, историческими данными и съ приложеніемъ рисунка памятника ¹⁾).

Вслѣдъ за появленіемъ этой статьи въ редакціи «Русской Старины» была получена отъ двухъ лицъ небольшая сумма, въ видѣ почина къ подпискѣ на возобновленіе памятника. Присоединивъ къ ней и съ своей стороны денежный взносъ, редакція обратилась къ родичамъ и потомкамъ жертвъ жестокости Бирона, равно къ русскимъ ревнителямъ старины и почитателямъ памяти А. П. Волынскаго, съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ на этотъ предметъ. Такое приглашеніе встрѣтило въ нѣкоторой части русскаго общества сочувствіе,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, т. XXXVIII, стр. 464—471.

и въ редакцію упомянутого историческаго журнала стали поступать, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, денежные взносы.

Первоначально предполагалось, привести въ порядокъ памятникъ, обнести его желѣзною или чугуною рѣшеткою и возстановить урну съ воспроизведеніемъ на ней надписи. Но эта скромная мысль была замѣнена болѣе обширнымъ планомъ, именно предположеніемъ объ устройствѣ новаго памятника, такъ какъ независимо отъ успѣшнаго поступленія взносовъ, изъ которыхъ самымъ существеннымъ было пожертвованіе 1,000 рублей, присланныхъ С. П. Селифонтовою (вдова потомка рода Волинскихъ), оказалось, что въ средѣ с.-петербургской городской управы уже прежде возникала мысль о приведеніи въ порядокъ исторической могилы, и въ этомъ отношеніи со стороны бывшаго городского головы, дѣйств. ст. совѣт. Ивана Ил. Глазунова, и камергера двора Его Величества, дѣйств. ст. совѣт. С. С. Благово, были сдѣланы нѣкоторые распоряженія, вложившіяся къ уборкѣ общественнаго ретирадника, находившагося въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы Волинскаго.

При такомъ сочувствіи къ начатому дѣлу возобновенія общей могилы, редакція «Русской Старины» обратилась къ нѣкоторымъ художникамъ съ просьбою составить проектъ памятника; при чемъ было высказано желаніе, чтобы главные части существовавшего тогда памятника, именно старинная плита и колонка вошли въ составъ новаго монумента.

На это приглашеніе отозвались профессоръ М. А. Щуруповъ и академикъ Н. Л. Бенуа, которые доставили въ редакцію рисунки памятниковъ, воспроизведенные на страницахъ «Русской Старины» (томъ XLII, стр. 220 и 406).

Для рассмотрѣнія полученныхъ проектовъ и вообще для обсужденія и рѣшенія вопроса о постановкѣ памятника, редакторъ «Русской Старины», Михаилъ Ив. Семейскій образовалъ кружокъ или комитетъ, въ составъ котораго вошли слѣдующія лица: И. И. Глазуновъ, С. С. Благово, академики: Н. Л. Бенуа и М. О. Микѣшинъ; профессора: археологической живописи—Ѳ. Г. Солнцевъ, архитектуры—М. А. Щуруповъ и исторической живописи—В. И. Якобій; художники: А. Н. Трусовъ, А. Н. Ковако и А. А. Баринновъ и сотрудники журнала «Русская Старина»: И. И. Ореусъ, Н. Г. Крыловъ и И. Н. Божеряновъ. Впослѣдствіи въ составъ этого комитета были приглашены: академикъ А. М. Опекушинъ, настоятель прихода Сампсонія, священникъ о. А. А. Владимиірскій, и сотрудникъ «Русской Старины» М. И. Городецкій.

Въ собраніяхъ этихъ лицъ были рассмотрѣны проекты и

эскизы памятника, при чемъ было рѣшено соорудить памятникъ на могилѣ Волынскаго и его страстотерпцевъ по проекту профессора М. А. Шурупова.

При обсужденіи вопроса о матеріалѣ для памятника было признано неудобнымъ устройство его изъ гранита, какъ потому, что гранитъ, вѣвѣтривающійся на воздухъ при здѣшнемъ климатѣ, не гарантируетъ прочности и долговременности сооруженія, такъ, главнымъ образомъ, и вслѣдствіе недостаточности собранныхъ средствъ на изготовленіе памятника изъ этого матеріала. Поэтому, на совѣщаніи 20-го октября 1884 г., было отдано предпочтеніе предложенію отлить монументъ изъ цинка съ нарощеніемъ на него мѣди, и затѣмъ рѣшено поставить его на гранитный, правильной формы, пьедесталь. Но и это предположеніе было впослѣдствіи измѣнено въ томъ отношеніи, что самый памятникъ рѣшено отлить изъ бронзы.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію памятника въ законченномъ видѣ, не лишнимъ будетъ сгруппировать здѣсь имена жертвователей этого сооруженія, появившіяся, по мѣрѣ поступления взносовъ, во многихъ книгахъ «Русской Старины».

Вотъ эти имена въ алфавитномъ порядкѣ фамилій:

Л. О. Абагуровъ.	М. И. Городецкій.	А. Н. Никитичъ.
П. А. А—въ.	А. В. Дашковъ.	В. Поповъ.
Братья Андриановы.	И. И. Домонтовичъ.	М. И. Семеvскій.
В. С. Балашевъ.	В. М. Еропкинь.	С. П. Селифонтова.
П. П. Баресковъ.	Сергій Жегаловъ.	Н. С. Селифонтова.
Н. Л. Бенуа.	Г. А. Залюбовскій.	И. А. Тарасевичъ.
Ад. П. Берже.	В. С. Иконниковъ.	П. Г. Татаринъ.
Г. В. Брякувъ.	Д. И. Иловайскій.	Д. Д. Траскивъ.
И. Н. Божеряновъ.	Н. А. Кирилловичъ.	Протоіерей П. В. Трачевскій.
П. М. Божеряновъ.	Н. П. Конопатовъ.	В. Ф. Тхоржевскій.
Д. А. Бузатовъ.	Свящ. Н. Коровшевъ.	С. В. Унковскій.
К. А. Варгунинъ.	Д. А. Борсаковъ.	Илья Федоровскій.
В. А. Васильевъ.	Ив. Котларевскій.	П. Х.
А. П. Вахрушинъ.	А. С. Дацинскій.	А. А. Чумиковъ.
С. П. Волосатова.	Г-нъ Ломоносовъ.	Г-нъ Шестаковъ.
Г-нъ Гаринъ.	П. К. Лонгиновъ.	Н. К. Шильдеръ.
Е. Г. Гвоздиковъ.	К. К. Миллеръ.	М. И. Шляпинъ.
И. И. Глазуновъ.	Т. М.	Г-нъ Якушкинъ ¹⁾ .
В. Е. Головинъ.	И. К. Назаровъ.	

¹⁾ Размѣръ взноса каждаго изъ сихъ лицъ и послѣдовательность ихъ поступленія можно видѣть въ «Русской Старинѣ» т. ХL, стр. 271, 498, 724; т. ХLІ, стр. 224, 460, 666; т. ХLІІ, стр. 221, 407, 671; т. ХLІІІ, стр. 448, 676; т. ХLІV, стр. 194, 444, 624; т. ХLV, стр. 244, 477, 716; т. ХLVI, стр. 228, 448, 663; т. ХLVIІ, стр. 466; т. ХLVIІІ, стр. 453, 454.

Всего 55 лицъ, пожертвовавшихъ одну тысячу девятьсотъ рублей двадцать пять копѣекъ (1900 р. 25 к.).

Независимо отъ денежныхъ взносовъ, должно упомянуть о слѣдующихъ пожертвованіяхъ и предложеніяхъ:

Художникъ А. Н. Трусовъ выразилъ готовность, въ случаѣ необходимости, отлить монументъ изъ цинка, предложивъ при этомъ значительную уступку противъ дѣйствительной стоимости такого сооруженія.

Академики М. О. Микѣшинъ и А. М. Опекушинъ заявили готовность выгнать бесплатно барельефъ, предположенный по проекту М. А. Щурупова.

С.-Петербургскій первой гильдіи купецъ Я. А. Брусовъ пожертвовалъ гранитный пьедесталъ для монумента.

Полковникъ А. Н. Ковако предложилъ безвозмездно исполнить на своемъ гальванопластическомъ заведеніи, если это понадобится, гербъ и барельефъ на памятникѣ.

Владѣлецъ кузнечно-слесарнаго заведенія П. Н. Собенниковъ принялъ на себя безвозмездное изготовленіе изъ кованаго жѣлѣза рѣшетки вокругъ памятника, рисунокъ которой исполнилъ, также бесплатно, профессоръ Ѡ. Г. Солдцевъ.

Серебряныхъ и бронзовыхъ дѣлъ мастеръ А. Н. Соколовъ вызвался отлить памятникъ, барельефъ и всѣ украшенія къ нему изъ бронзы, за цѣну значительно меньшую противу той, за какую во всякомъ другомъ случаѣ былъ бы принятъ таковой заказъ.

Профессоръ М. А. Щуруповъ не только исполнилъ бесплатно проектъ памятника, но и принялъ на себя, также безвозмездно, весь трудъ по наблюденію за его отливкой и постановкой.

III.

19-го февраля 1885 г. было получено разрѣшеніе подлежащей власти на устройство памятника по составленному профессоромъ М. А. Щуруповымъ и окончательно одобренному проекту, а 9-е марта того же года было заключено съ мастеромъ Императорской академіи художествъ А. Н. Соколовымъ условіе объ отливкѣ памятника, для котораго барельефъ безвозмездно былъ изготовленъ академикомъ А. М. Опекушинымъ. Съ іюня мѣсяца начались на могилѣ каменные работы подъ наблюденіемъ М. А. Щурупова, именно устройство фундамента и свода подъ памятникъ.

При производствѣ земляныхъ работъ для фундамента былъ обна-

руженъ въ могилѣ одинъ гробъ изъ дубоваго дерева, въ видѣ большаго ящика, и рядомъ съ нимъ доски отъ другихъ гробовъ. Въ большомъ гробѣ найдено много костей и одна задняя часть черепа, съ плотно прилипшей къ нему рогожей. Въ черепѣ—какъ ни странно это встрѣтить, спустя около 150 лѣтъ послѣ погребенія—оказался высохшій мозгъ, сохранившійся во всей своей формѣ. Кромѣ того, въ могилѣ найденъ каблукъ отъ сапога и желѣзная скобка.

Памятникъ былъ окончательно изготовленъ и установленъ на мѣстѣ въ декабрѣ 1885 года.

15-го марта 1886 г. настоятель церкви Самсонія отецъ Владимірскій, въ присутствіи ред. «Русской Старины» М. И. Семейскаго, строителя памятника проф. М. А. Щурупова, В. В. Еропкиной (потомокъ П. М. Еропкина † 27-го іюня 1740) и нѣкоторыхъ другихъ лицъ—отслужилъ на могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова, предъ новымъ памятникомъ, панихиду.

Итакъ, теперь, по Большому Самсоніевскому проспекту, смотря черезъ церковную прозрачную ограду, каждому нельзя не замѣтить величественнаго монумента, который увѣковѣчитъ общую могилу трехъ радѣтелей русской земли, павшихъ отъ руки Бирона.

Приложенные къ настоящей статьѣ два рисунка, воспроизведенные съ натуры нашимъ талантливымъ художникомъ-граверомъ, В. В. Матѣ, и имъ выгравированные на деревѣ, даютъ наглядное понятіе объ этомъ сооруженіи; въ поясненіе этихъ рисунковъ считаемъ нужнымъ дополнить ихъ слѣдующимъ описаніемъ памятника.

Пирамидальный темно-бронзовый монолитъ, вышиною въ пять аршинъ, установленъ на гранитномъ пьедесталѣ, окруженномъ массивною, выкованною изъ желѣза, рѣшеткою. Верхняя часть монолита, съ полукруглымъ фронтономъ, заканчивается по бокамъ валютами, обращенными вверхъ; средняя же часть фронтона совмѣщаетъ въ себѣ рельефный гербъ А. П. Волынскаго; такъ какъ гербъ состоитъ изъ одного лишь креста, который, какъ бы по предопредѣленію судьбы, знаменуетъ тяжелый крестъ, посланный на долю Волынскаго, то составитель проекта признавалъ соотвѣтственнымъ помѣстить этотъ гербъ въ верхней части памятника, замѣнивъ имъ обыкновенный надмогильный крестъ.

Средняя часть монолита, съ лицевой его стороны, отведена подъ барельефъ, на которомъ изображены: фигура, представляющая богиню исторіи, указывающую правою рукою на удаляющагося змія, какъ аллегорію зла, а въ правой рукѣ держащую вѣнокъ и бумажный свитокъ; на свиткѣ начертано слѣдующее:

«Волинскій былъ добрый и усердный патриотъ и ревнителемъ къ полезнымъ поправленіямъ своего Отечества».

(Слова императрицы Екатерины II, 1765 г.).

—
 „И пусть падеть! Но будетъ живъ
 „Въ сердцахъ и памяти народной
 „И онъ, и пламенный порывъ...
 —

„Снимъ отечества! въ слезахъ,
 „Ко храму древнему Самсона!
 „Тамъ за оградой, при вратахъ,
 „Почіесть прахъ врага Бирона...
 —

(Дума «Волинскій», К. О. Р., 1822 г.).

Въ правой сторонѣ барельефа изображенъ на колоннѣ горящій свѣ-
 тильникъ, какъ олицетвореніе правды, а колонна обвита оливковою
 вѣтвью въ знакъ примиренія съ прошлымъ. Между колонной и уда-
 ляющимся зміемъ начертано: «27 іюня 1740 г.».

Къ нижней части монолита, съ лицевой стороны, примыкаетъ
 саркофагъ, ниже котораго, съ обѣихъ сторонъ, выступаютъ меньшіе
 два саркофага. Эта часть памятника указываетъ, что онъ поставленъ
 на трехъ могилахъ.

Подъ среднимъ саркофагомъ находится надпись:

Артемій Петровичъ

ВОЛЫНСКОЙ

род. 1689 † 27 іюня 1740.

Боковыя стороны монолита украшены потухающими факелами,
 обращенными огнемъ внизъ.

Въ боковой части правой стороны помѣщенъ рельефный гербъ
 Еропкина, съ княжеской короной и мантией¹⁾; гербъ состоитъ изъ
 меча и пушки, на которомъ сидитъ птица.

¹⁾ Родоначальникъ дворянъ Еропкиныхъ, Аванасій Евстафьевичъ Ероп-
 кинъ—потомокъ (въ XVI колѣнѣ) князя Ростислава—Михаила Мстиславо-
 вича Смоленскаго († 1166 г.), который происходитъ отъ Рюрика (въ IX
 колѣнѣ). Въ Общемъ Россійскомъ Гербовникѣ гербъ Еропкиныхъ описанъ
 такъ: въ серебряномъ полѣ, на зеленой травѣ, стоитъ обращенная вправо
 черная пушка на золотомъ лафетѣ; на пушкѣ сидитъ райская птица, а
 вверху надъ птицею изображенъ горизонтально мечъ, сстріемъ вправо; на

Въ боковой части лѣвой стороны помѣщенъ рельефный гербъ Хруцова ¹⁾).

Подъ этимъ гербомъ сдѣлана надпись:

Петръ Михайловичъ
ЕРОПКИНЪ.

Род. 1689 г. † 27 іюня 1740 г.

Въ боковой части лѣвой стороны начертано:

Андрей Ѳеодоровичъ
ХРУЦОВЪ

† 27 іюня 1740 г.

На задней сторонѣ монолита, въ самомъ верху, выгравировано небольшое изображеніе прежняго памятника въ томъ его видѣ, какъ онъ представленъ въ «Русской Старинѣ», т. XXXVIII, стр. 470, а за нимъ слѣдуетъ надпись, воспроизведенная крупнымъ печатнымъ шрифтомъ со старинной каменной плиты и дословно приведенная нами выше, въ главѣ II; подъ этою надписью выгравированъ черепъ съ двумя крестообразными костями (такъ называемая «Адамова голова»). Еще ниже выгравирована курсивомъ слѣдующая надпись:

«Памятникъ на общей могилѣ здѣсь погребенныхъ, 27-го іюня 1740 года, кабинетъ-министра, генераль-аншефа и оберъ-егермейстера Артемія Петровича Волынскаго, совѣтника Андрея Ѳеодоровича Хруцова и архитектора Петра Михайловича Еропкина (гоф.-интенд.) сооруженъ въ 1885 году, по почину ред. журнала «Русская Старина», многими почитателями памяти этихъ историческихъ русскихъ людей и на пожертвованье Н. П. Селифонтовой (изъ рода Волынскаго)» ²⁾).

При постановкѣ монолита, во внутрь могилы подъ каменный сводъ помѣщена колонка, составлявшая главную часть прежняго памятника; старая же плита съ надписью положена во внутрь бронзоваго монумента.

гербъ княжеская мантія и російско-княжеская шапка. См. „Россійскую Родословную книгу“ кн. П. Долгорукова, часть I, стр. 144, и часть IV, стр. 8—11.

¹⁾ Въ маѣ 1886 г. гербъ этотъ еще не былъ приврѣпленъ на мѣстѣ.

²⁾ Въ этой надписи предполагалось („Русск. Стар.“, т. XLII, стр. 409, и т. XLV, стр. 243) помѣстить имена лицъ, по почину, заботами и издвигеніемъ которыхъ сооруженъ памятникъ, но отъ этой мысли пришлось отказаться за недостаткомъ мѣста для воспроизведенія всѣхъ именъ жертвователей.

М. Г.

IV.

Мы привели выше имена лицъ, которыя, въ большей или меньшей степени, принимали участіе въ постановкѣ памятника, но еще не сказали ничего о произведенныхъ расходахъ на этотъ предметъ.

Выше указано, что общая сумма денегъ, собранныхъ на сооруженіе памятника Волынскаго, Еропкина и Хрущова—была 1,900 руб. 25 коп.

Эта сумма израсходована слѣдующимъ образомъ:

Мастерской А. Н. Соколова на отливку бронзоваго монолита, барельефа и проч. къ нему украшеній.	1,610 ¹⁾ р. — „
Профессору М. А. Шурупову на наемъ каменщиковъ для исполненія работъ по устройству фундамента и свода подъ памятникъ, вмѣстѣ съ матеріаломъ для сего (бутовая плита 70 руб.)	: 120 „ — „
Профессору М. А. Шурупову (1-го мая 1886 г.) на расходы по окраскѣ желѣзной рѣшетки, покрытіе буквъ въ надписяхъ чернью, новую отбронзирровку памятника и проч. расходы по окончательной обдѣлкѣ памятника	170 „ 25 к.
Итого	1,900 р. 25 к.

Такимъ образомъ вся сумма 1,900 руб. 25 коп., пожертвованная на устройство памятника поименованными выше 55-ю лицами, израсходована на это сооруженіе безъ остатка.

Считаемъ необходимымъ упомянуть здѣсь, что на такую, сравнительно небольшую, сумму не могъ бы быть сооруженъ монументъ въ томъ солидномъ и прочномъ видѣ, въ какомъ онъ красуется теперь на общей могилѣ трехъ вполне достопамятныхъ русскихъ людей, если бы А. Н. Соколовъ не удовольствовался значительно пониженной цѣною за отливку памятника изъ бронзы, а также если бы не была оказана существенная помощь Я. А. Брусовымъ, пожертвовавшимъ гранитный пьедесталь; М. А. Шуруповымъ, безвозмездно составившимъ проектъ памятника и паблюдавшимъ за исполненіемъ его; А. М. Опекушинымъ, изготовившимъ также безвозмездно, барельефъ; П. Н. Собенниковымъ, безплатно сдѣлавшимъ желѣзную рѣшетку, и Ѡ. Г. Солнцевымъ, изготовившимъ рисунокъ этой рѣшетки. На все это

¹⁾ Изъ нихъ 75 руб. находятса (въ мая 1886 г.) у М. А. Шурупова впрядъ до окончанія г. Соколовымъ всей работы, т. чеканки герба Хрущова и проч.

потребовались бы столь значительныя суммы (по приблизительному исчисленію профессора Щурупова, выполненіе составленнаго имъ проекта обошлось бы около 4,700 руб.), что отъ постановки такого солиднаго сооруженія пришлось бы отказаться и ограничиться устройствомъ памятника значительно меньшаго размѣра и при томъ не безъ ущерба для красоты и прочности его. Поэтому, вмѣстѣ съ благодарностію всѣмъ вообще лицамъ, по почину, иждивеніемъ и заботами которыхъ устроенъ монументъ, особенной признательности заслуживаютъ: А. Н. Соколовъ, профес. М. А. Щуруповъ, акад. А. М. Опекушинъ, Я. А. Брусовъ, П. Н. Собенниковъ, проф. Э. Г. Солнцевъ и, въ особенности, С. П. Селифонтова, мать и опекуна малолѣтней Н. П. Селифонтовой изъ рода Волынскихъ, внесшая главнѣйшую долю пожертвованія на это сооруженіе.

На страницахъ «Русской Старины» неоднократно появлялись статьи, замѣтки и другіе матеріалы, касающіеся личности А. П. Волынскаго, вотъ главнѣйшіе изъ нихъ: «А. П. Волынскій, 1711 — 1725 г., матеріалы для его біографіи», П. П. Ламбина и С. И. Турбина (т. V, стр. 934—951); «А. П. Волынскій и его конфиденты», профес. Д. А. Корсакова (т. XLVIII, стр. 17—54); письмо Волынскаго къ А. Д. Кантеміру, 1738 г. (т. XV, стр. 211). Объ А. Э. Хрущовѣ появлялись лишь краткія замѣтки и родословныя свѣдѣнія (т. XXXVIII, стр. 472—476, т. XXXIX, стр. 194). Что касается личности П. М. Еропкина, портретъ котораго впервые изданъ «Русской Стариной» (іюнь, 1886 г.), то о немъ упоминалось въ изслѣдованіяхъ, относящихся ко всѣмъ тремъ страстотерцамъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ напомнить, что на страницахъ «Русской Старины» были помѣщены біографическія данныя объ одномъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей по сооруженію памятника на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова—маститомъ профессорѣ архитектуры—М. А. Щуруповѣ (т. XLII, стр. 408—424). Съ біографическими свѣдѣніями о другомъ сотрудникѣ этого сооруженія—нашемъ талантливомъ скульпторѣ А. М. Опекушинѣ—мы, когда представится случай, не преминемъ познакомить читателей «Русской Старины».

М. И. Городецкій.

С.-Петербургъ,
19-го апрѣля 1886 г.

БАРЕЛЬЕФЪ НА ПАМЯТНИКѢ
ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА,
СООРУЖЕНЪ ВЪ 1885 Г.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ОДИНЦОВЪ

† 16-го апрѣля 1886 г.

16-го апрѣля 1886 г. скончался въ С.-Петербургѣ членъ Александровскаго комитета о раненыхъ — генераль отъ инфантеріи Алексѣй Алексѣевичъ Одинцовъ, на 83 году отъ рожденія.

Выпущенный, въ самомъ началѣ 1823 года, изъ 1-го кадетскаго корпуса прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Литовскій полкъ, покойный принадлежалъ къ числу старѣйшихъ офицеровъ нашей арміи. Въ рядахъ помянутаго полка онъ былъ свидѣтелемъ варшавскаго возстанія, въ ночь на 17-е (29) ноября 1830 года, и участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, окончившихся подавленіемъ мятежа. Переведенный въ 1842 году лейбъ-гвардіи въ гренадерскій полкъ, А. А. Одинцовъ состоялъ нѣкоторое время баталіоннымъ командиромъ въ этомъ полку, затѣмъ назначенъ с.-петербургскимъ плац-маіоромъ, а съ 1853 года вторымъ комендантомъ въ С.-Петербургѣ—уже въ чинѣ генераль-маіора, въ который произведенъ за два передъ тѣмъ года, съ зачисленіемъ по арміи.

Въ достопамятную эпоху освобожденія крестьянъ, когда для совершенія этого великаго историческаго дѣла, по желанію Царя-Освободителя, твердо, неуклонно и безобидно, потребовались дѣятели, горячо сочувствующіе освободительной мысли и для обѣихъ заинтересованныхъ въ реформѣ сторонъ безпристрастные—Алексѣй Алексѣевичъ назначенъ былъ на постъ начальника Нижегородской губерніи, особенно трудный въ то время. Предшествовавшая его дѣя-

тельность достаточно ознакомила его со всѣми подробностями и условіями великой реформы, потому что во всѣхъ предварительныхъ дѣйствіяхъ по ея осуществленію онъ участвовалъ или по назначенію отъ правительства, или по выбору дворянъ; такъ, онъ былъ послѣдовательно членомъ спб. губернскаго комитета объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, членомъ временной комиссіи изъ с.-петербургскихъ дворянъ-помѣщиковъ для обсужденія мѣръ къ предстоящему введенію положенія о крестьянахъ и членомъ отъ правительства въ спб. губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи.

Въ Нижегородской губерніи, подъ личнымъ руководствомъ генерала Одинцова, крестьянское преобразование совершилось вполне успѣшно и безъ малѣйшихъ замѣшательствъ. Черезъ три года потомъ введены земскія, а послѣ того новыя судебныя учрежденія,—и за все время губернаторства Алексѣя Алексѣвича въ Нижнемъ Новгородѣ между помннутыми учрежденіями и губернской администраціею не возникало ни пререканій, ни столкновеній. Безъ сомнѣнія, этому не мало способствовалъ личный характеръ Алексѣя Алексѣвича—всегда спокойный и благожелательный, не исключавшій, однакожь, твердости и настойчивости въ томъ, что покойный считалъ исполненіемъ служебнаго или нравственнаго долга. За то люди всѣхъ сословій губерніи искренно уважали и любили своего губернатора. Это чувство выразилось, между прочимъ, въ поднесеніи А. А. Одинцову, съ высочайшаго разрѣшенія, званія почетнаго гражданина Нижняго Новгорода и въ учрежденіи стипендій его имени въ Кулабинскомъ ремесленномъ училищѣ и въ мѣстной губернской гимназіи,—въ этой послѣдней уже пять лѣтъ спустя послѣ перехода его на службу въ Петербургъ. Самъ Алексѣй Алексѣвичъ былъ сердечно привязанъ къ Нижнему Новгороду и изъ всего долголѣтнаго служебнаго своего поприща болѣе всего цѣнилъ дѣятельность на посту нижегородскаго губернатора. По его кончинѣ, найденъ въ бумагахъ его запечатанный пакетъ на имя дѣтей, съ порученіемъ немедленно вскрыть его; въ немъ оказалась собственноручно написанная покойнымъ бумага, гдѣ, въ числѣ разныхъ распоряженій, не юридическаго, а нравственнаго свойства, заключалась просьба къ дѣтямъ, чтобы на его могильномъ памятникѣ, послѣ означенія времени рожденія и кончины, вырѣзана была слѣдующая надпись: «Съ 1861 по 1873 годъ былъ начальникомъ Нижегородской губерніи и

имѣлъ счастье ввести въ ней всѣ благія преобразованія Царя-Освободителя Александра II-го».

Покойный Государь милостиво цѣнилъ и награждалъ службу генерала Одинцова въ Нижнемъ Новгородѣ, о чемъ свидѣлствуютъ четыре высшія награды, ему за это время пожалованныя—чинъ генераль-лейтенанта и ордена св. Владимира 2 ст., Бѣлаго Орла, и наконецъ, при самомъ назначеніи его членомъ комитета о раненыхъ, орденъ св. Александра Невскаго, по случаю празднованія пятидесятилѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ. При нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ, Алексѣй Алексѣевичъ удостоенъ, 30 августа 1881 г., производства въ генералы отъ инфантеріи.

Въ послѣдніе годы жизни здоровье Алексѣя Алексѣевича стало измѣнять ему чаще и чаще. Особенно разстроилось его зрѣніе; но мысль оставалась ясна; сочувствіе къ умственнымъ интересамъ не пропадало; ко всѣмъ онъ относился съ прежнимъ радушіемъ, благорасположеніемъ, готовностію на услуги. За то всякій, кто его зналъ, (а такихъ было много!), любилъ его искренно. «Умираю съ спокойною совѣстію,—пишетъ онъ въ упомянутой выше бумагѣ,—и съ надеждою, что ни у кого не оставляю по себѣ чувства неприязни... Вѣрилъ всегда въ Бога и безсмертіе души и старался дѣйствовать по правиламъ Евангелія Іисуса Христа. Прошу похоронить меня просто, на кладбищѣ при церкви Благовѣщенія въ Новой деревнѣ. Катафалка (балдахина) какъ въ церкви, такъ и на дроги не ставить. Кромѣ новодеревенскаго священника съ причтомъ, другихъ не приглашать... Желалъ-бы, чтобы оставшіяся послѣ меня Записки о моей жизни были напечатаны въ «Русской Старинѣ», или въ другомъ подобномъ изданіи»... «Всегда сохранялъ глубокую признательность къ многочисленнымъ моимъ сослуживцамъ, сотрудникамъ, друзьямъ и знакомымъ за особенное благорасположеніе ихъ ко мнѣ, каковымъ не всегда пользуются и люди болѣе меня того достойные».

Погребеніе А. А. Одинцова происходило 20 апрѣля, въ оградѣ Новодеревенской приходской церкви. Желаніе его быть преданнымъ землѣ безъ всякой мірской пышности, съ христіанскою простотою, исполнено въ точности: по случаю воскреснаго дня, въ которой,—на основаніи правилъ воинскаго устава,—войска не наряжаются въ погребальныя церемоніи, не было ни войскъ, ни стрѣльбы. Балдахина тоже не было и обрядъ отгѣванія и погребенія совершенъ однимъ

новодеревенскимъ причтомъ. Бывшіе временнообязанные крестьяне Алексѣя Алексѣевича с. Новой деревни пожелали на рукахъ снести гробъ отъ дома на Литейной, гдѣ жилъ покойный, до мѣста его вѣчнаго упокоенія, т. е. на разстояніи болѣе шести верстъ, и исполнили это чередуясь между собою. Вообще погребеніе это носило отпечатокъ какой-то умилительной задушевности и трогательной простоты... Симпатичный образъ добраго, честнаго и любящаго старика навсегда сохранится въ воспоминаніи всѣхъ его знавшихъ.

Выраженное А. А. Одинцовымъ желаніе о впечатаніи оставленныхъ имъ Записокъ о его жизни будетъ свято исполнено.

Н. А.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1886 г.

ТОМЪ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТР.

I. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII вѣвѣ.

Составилъ Гельбигъ, секретарь саксонскаго посольства при Екатеринѣ II. Перев. съ нѣмецкаго изд. 1809 года, съ предисловіемъ и примѣч., В. Б.

1—180

Францъ Лефортъ (15).—Меншиковъ (22).—Екатерина Алексѣевна I (35).—Шафировъ (48).—Георихъ Остерманъ (54).—Иванъ Остерманъ (70).—Павелъ Ягужинскій (71).—Ягужинскій II (76).—Девьеръ (76).—Бейде (80).—Анна Крамеръ (83).—Монсъ де-ла Круа (85).—Кайзерлингъ, рожд. Монсъ (88).—Балкъ, рожд. Монсъ (99).—Балкъ (91).—Глюкъ (92).—Вильбуа, рожд. Балкъ (93).—Вильбуа (94).—Олсуфьевъ I (95).—Василій Олсуфьевъ II (96).—Василій (97).—Макаровъ (98).—Шульцъ (99).—Геннинъ (99).—Древникъ I (100).—Древникъ II (101).—Шепелевъ (101).—Райзеръ (103).—Елачинъ (103).—Шлатеръ (104).—Фридрихъ Ашъ (104).—Абрамъ Ганнибалъ (105).—Карлъ Скавронскій (105).—Скавронская (109).—Христіана Гендрикова (110).—Симонъ Гендриковъ (110).—Анна Ефимовская (111).—Михаилъ Ефимовскій (111).—Фикъ (113).—Ернстъ Вирровъ (114).—Карлъ Вирровъ II (133).—Густавъ Вирровъ III (134).—Эяллеръ (125).—Собакнинъ (126).—Лестоуъ (137).—Шварцъ (150).—Грюнштейнъ (151).—Алексій Разумовскій I (151).—Кирилъ Разумовскій II (151).—Шубинъ (153).—Бергеръ (161).—Карлъ Сиверсъ I (167).—Сиверсъ II (167).—Лянинъ (168).—Розжинскій (169).—Ермолай Скворцовъ (169).—Чоголковъ (170).—Чулковъ (171).—Иванъ Черкасовъ (172).—Олофъ (173).—Похлорацкій (174).—Иванъ Шуваловъ (175).

- стр.
- II. Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, первого, по времени, морского министра. Род. 1767, † 1849 г. Съ предисловіемъ, примѣчаніями и замѣтками Л. М. Чичагова. 221—252; 463—486
- III. Записки Дмитрія Ивановича Кипіани съ 1820 г. Гл. II, 11—13 267—286
- IV. Литературная кофейня въ Москвѣ въ 1830—1840 гг. Воспоминанія А. Д. Галахова . 181—198; 691—706
- V. Воспоминанія Константина Константиновича Арсеньева объ Училищѣ Правовѣдѣнія, 1849—1855 гг. 199—220
- VI. На Дунаѣ и въ Севастополѣ, 1854—1855 гг. Изъ записокъ П. В. Алабина. 383—400
- VII. Севастополь и его защитники въ 1855 г. По поводу записокъ генерала Духонина. Изъ записокъ Н. А. Крыжановскаго 401—435
- VIII. Послѣдніе дни въ русской Америкѣ, 1867—1868 гг. Изъ записокъ очевидца. Гл. V. Сообщ. М. И. Вавиловъ. 593—598
- IX. Гавріилъ Якимовичъ Ломакинъ. Автобіографическія записки, съ примѣчаніями В. В. Стасова. Гл. VII—VIII. 311—326; 675—689
- X. Записки Леонида Львовича Леонидова. Первая представленія трагедіи графа А. К. Толстаго: „Смерть Іоанна Грознаго“ 655—674

Историческіе и біографическіе очерки. Переписка, рассказы, матеріалы, замѣтки.

	СТР.
I. Указъ Петра I-го о привлеченіи сербовъ на русскую службу, 1723 г. Сообщ. графъ Г. А. Милорадовичъ	436
II. Замѣтка о родословіи Артемія Петровича Волинскаго. Сообщ. Д. Нилъвъ.	690
III. Петръ Михайловичъ Еропкинь, гоф-интендантъ, архитекторъ, † 27 июня 1740 г. Замѣтка .	709
IV. Еропкины. Добавленіе и поправки къ родословію этой фамиліи. («Русск. Ст.» изд. 1886 г., т. XLIX, стр. 561—570). Сообщ. В. В. Еропкина .	221
V. Памятникъ на общей могилѣ Волинскаго, Еропкина и Хруцова въ С.-Петербургѣ, † 27-го июня 1740 г. Очеркъ исторіи этой могилы и сооруженія на ней памятника въ 1885 г. Сост. М. И. Городецкій	711—724
VI. Царствованіе императора Павла, 1796—1801 г. Выписки изъ поденныхъ придворныхъ записокъ. .	339—356
VII. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства, 1800 г.	451—458
VIII. Отечественная война въ рассказѣ генерала Чаплица. 1812 г. Сообщ. Л. М. Чичаговъ	486—522
IX. Письма генерала Чаплица къ адмиралу П. В. Чичагову, 1814 г. Сообщ. Л. М. Чичаговъ	523—530
X. Командиры кавказской арміи въ ихъ приказахъ, 1804—1828 гг. Сообщ. Ад. П. Берже	371—380
XI. Письмо императора Николая графу Сакену, 1825 г.	357
XII. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, его письмо къ Булгакову, 1826 г. Сообщ. И. С. Ремезовъ .	437
XIII. Поминаніе гр. Аракчеева въ 1828 г. Сообщ. А. Д. Самгинъ	459—460
XIV. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ его воспитателю К. К. Мердеру, 1833—1834 гг. Сообщ. Ив. К. Мердеръ .	359—370; 531—548
XV. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ при полученіи вѣсти о кончинѣ своего воспитателя, 1834 г. Сообщ. Ив. К. Мердеръ .	707—709

	СТР.
XVI. Фетх-Али-шахъ и его дѣти. Историческій очеркъ Ад. П. Берже, 1762—1834 гг.	549—562
XVII. Антошь Григорьевичъ Рубинштейнъ, встрѣча съ нимъ въ 1839 году. Сообщ. I. В. Лохвицкій	440—441
XVIII. Приказъ маюра Мызникова 19-го января 1844 г. Сообщ. Байхаровъ	381—382
XIX. Николаевская желѣзная дорога. Замятки къ очерку ея сооруженія. Сообщ. А. И. Штукенбергъ	448—448
XX. Походъ русской арміи въ Индію. Проектъ состав. генералейт. Евгений Егоровъ въ 1854 г. Сообщ. А. Е. Егоровъ	599—614
XXI. Кавказъ и его военачальники: Н. Н. Муравьевъ, кн. А. И. Барятинскій и гр. Н. И. Евдокимовъ, 1854—1864 гг. Очеркъ. Сообщ. И. С. Кравцовъ. Гл. I—III.	563—592
XXII. Филареть Дроздовъ, митрополитъ московскій, по матеріаламъ, собраннмъ ред. «Русской Старины», 1782—1867 гг. Гл. XI.	253—266
XXIII. Митрополитъ Филареть Дроздовъ. Замятка Ред. по поводу сообщенія А. А. Титова: Разсказъ митрополита Филарета объ его отношеніяхъ къ Иннокентію («Русск. Стар.» 1886 г., мартъ)	462
XXVI. Собраніе портретовъ іерарховъ Россійской церкви. Сообщ. Алексій Сергѣевъ.	710
XXV. Алексій Алексѣевичъ Одинцовъ, † 16-го апрѣля 1886 г.	711
<hr/>	
Поправки и опечатки	441, 462 и 706

Исторія русской литературы.

I. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Письмо его 1829 г. Сообщ. Н. Буковскій.	442
II. Николай Васильевичъ Гоголь. «Ревизоръ» Н. В. Гоголя, 1836—1836 гг. Замятка	438—439
III. Тимошея Николаевичъ Грановскій, † въ октябрѣ 1855 г. Портретъ его, сообщенный г-жею Фроловою.	222
IV. Николай Ивановичъ Пироговъ. Домъ и церковь въ селѣ Вишнѣ, имѣніи Н. И. Пирогова.	439
V. Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ. 1. Записка его объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, 1855 г. Часть вторая. (Окончаніе). Сообщ. В. И. Семевскій	287—310

СТР.

2. К. Д. Кавелинъ въ Военно-Юридической Академіи
1879 г. Сообщ. П. Ѳ. Лузановъ . . . 461—462
3. К. Д. Кавелинъ. Въ разсказу о его погребеніи, 1885 г.
Сообщ. профес. Д. А. Корсаковъ 358
- VI. Николай Ивановичъ Костомаровъ.
Н. И. Костомаровъ въ 1857—1875 г. Воспоминанія Н. А.
Вѣлозерской. Гл. VII—X. (Окончаніе) . 327—338;
615—654

ПОРТРЕТЫ И РИСУНКИ.

- I. Портретъ Петра Михайловича Еропкина, въ 1707 г.
(† 1740 г.). Гравиров. художникъ Г. И. Грачевъ.
(См. стр. 461).
- II. Портретъ Тимоѳея Николаевича Грановскаго, 1855 г.
Гравиров. художникъ В. В. Матѣ.
(См. стр. 192).
- III. Портретъ Ивана Сергѣевича Аксакова. Гравюру испол-
нилъ художникъ И. И. Матюшинъ, по фотографіи С. Л.
Левицкаго, снятой въ 1883 г.
(См. стр. 221).
- IV. Видъ дома и церкви въ селѣ Вишнѣ, въ имѣніи Н. И.
Пирогова. Гравироваль художн. А. М. Даугель.
(См. стр. 439).
- V. Памятникъ на общей могилѣ Волинскаго, Еропкина и Хру-
цова, † 27-го іюня 1740 г., сооруженный по почину ре-
дакціи журнала „Русская Старина“ въ 1885 г., и барельефъ
на семь памятникѣ. Гравюры исполнены въ Экспедиціи
заготовленія государственныхъ бумагъ.
(См. стр. 710 и 724).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Кругъ церковнаго знаменнаго пѣнія, въ шести частяхъ, изд. издивеніемъ потом. поч. гражд. А. И. Морозова. Спб. 1884, ч. I, II и III, 1885, ч. IV и V. (На оберткѣ IV-й книги „Русской Старини“ изд. 1886 г.).
2. Сочиненія В. А. Жуковскаго, съ портретомъ, грав. И. П. Пожалостиннымъ. Изд. восьмое (И. И. Глазунова), исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 1885 (Тамъ-же).
3. Историко-критическій комментарий въ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго. (Сборникъ критикъ). Пять выпусковъ. Сост. В. Зелинскій. М. 1885 г. (Тамъ-же).
4. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Исслѣд. Дм. Цвѣтаева. 462 + LIX. М., 1886. (На оберткѣ V-й книги „Русской Старини“ изд. 1886 г.).
5. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XLVIII. Спб. 1885. Стр. 660. (Тамъ-же).
6. Архивъ князя Воронцова. Кн. XXXII. М. 1886. 530 стр. (Тамъ-же).
7. Книги законныя, содержащія въ себѣ въ древнерусскомъ переводѣ византійскіе законы земледѣльческіе, уголовныя брачныя и судебныя. Издавъ вмѣстѣ съ греческими подлинниками и съ ист.-юр. введеніемъ А. Павловъ. Спб. 1885. (Тамъ-же).
8. Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго дворянства. Л. В. Пляшевича. Х. 1885. 166 + 36 in 4. (Тамъ-же).
9. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Н. Каптерева. М. 1885. 2 т. (Тамъ-же).
10. Очеркъ юридическаго быта Мордвы. В. Майнова. Спб. 1885. 267 стр. (Тамъ-же).
11. Историческое размысленіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., біографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. Спб., 1876. (878 стр.) (На оберткѣ VI-й книги „Русской Старини“ изд. 1886 г.).
12. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. По поруч. мин. ин. дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Т. VII. Трактаты съ Германіей. 1811—1824. Спб. 1885. 440 стр. (Тамъ-же).

зоваться удобнымъ случаемъ, чтобы исполнить свой давнишній долгъ относительно нашего извѣстнаго библиографа и въ то же время выразить надежду, что императорская академія наукъ признаетъ полезнымъ принять на себя изданіе указателя къ его капитальному труду, что было бы не малымъ облегченіемъ для лицъ, желающихъ пользоваться имъ. До сихъ поръ наследованіе А. Н. Неустроева, встрѣтившее въ свое время такое общее и вполне заслуженное сочувствіе, остается единственнымъ въ своемъ родѣ, такъ какъ всѣ попытки въ этомъ направленіи остались или недоконченными, или же отличались отсутствіемъ системы и не были чужды другія погрѣшностей. Если и являлись изслѣдованія, отвѣчающія требованіямъ новѣйшей науки, то они касались только извѣстныхъ изданій, какъ А. А. Куника (объ изданіяхъ имп. акад. наукъ съ 1726 по 1852), или одного какого нибудь журнала и періода и, преимущественно, съ литературной и историко-критической стороны, какъ монографіи: Боремова, Лонгинова, Мезова, Пекарскаго, Добролюбова и др. Трудъ А. Н. Неустроева исключительно библиографическій и представляетъ ту особенность, что почтенный наследователь, при строгомъ соблюденіи избранной имъ системы, представляетъ по возможности полную хронологическую роспись изданій и сборниковъ за 1703—1802 гг., въ которой помѣщено описаніе 138 газетъ, журналовъ и сборниковъ. При этомъ онъ не ограничился однимъ перечнемъ наименованій, но поставилъ себѣ задачи: 1) указать внѣшній видъ и порядокъ выхода каждаго изданія; 2) отыскать имена редакторовъ и сотрудниковъ; 3) опредѣлять время появленія и срокъ существованія каждаго изъ періодическихъ изданій восемнадцатаго столѣтія; 4) вылить какія предлагались условія при подпискѣ и какая была программа; 5) объяснить историческую судьбу каждаго изданія; 6) открыть по возможности явные подписи и, наконецъ, 7) указать всѣ послѣдующія изданія извѣстнаго журнала, сборника или газеты, если только эти изданія были. Но и при такомъ обиліи и разнообразіи данныхъ, связанныхъ съ такой задачей и составившихъ 55 печатныхъ

листовъ убористаго шрифта, весь трудъ, отъ начала до конца, исполненъ съ одинаковой добросовѣстностью. Въ то же время соблюдена вездѣ такая точность, что по отзыву академика А. Ф. Бычкова въ упомянутомъ отчетѣ «данныя, сообщаемыя г. Неустроевымъ, оказались при проверкѣ постоянно точными, за исключеніемъ незначительныхъ невѣрностей».

Между тѣмъ точность далеко не принадлежитъ къ числу достоинствъ большинства нашихъ, даже краткихъ, библиографическихъ указателей, и вслѣдствіе этого, какое неудовольствіе испытываетъ каждый, находя, при справкахъ, хотя бы три или четыре ошибки, чѣмъ, конечно, подрывается вѣра ко всему изданію. Къ такимъ ошибкамъ можно отнести тѣмъ възсмателнѣе, что едва-ли кому изъ нашихъ библиографовъ приходилось преодолѣвать тѣ затрудненія, какія встрѣчалъ А. Н. Неустроевъ въ своихъ изысканіяхъ. Такъ, напримѣръ, ни въ одномъ изъ существующихъ книгохранилищъ не оказалось полнаго собранія повременныхъ изданій и сборниковъ XVIII вѣка, но неутомимый библиографъ не остановился передъ этимъ препятствіемъ, непреодолимымъ при меньшей энергіи и настойчивости. Чтобы имѣть подъ рукой возможно полное экземпляры повременныхъ изданій прошлаго столѣтія, онъ обратился къ содѣйствію частныхъ лицъ, не исключая и иногородныхъ, имѣвшихъ библіотеки, и достигъ того, что въ его трудѣ остались сравнительно весьма немногіе пробѣлы. Передъ исчисленіемъ статей каждаго изданія, онъ помѣстилъ вступительную статью. Въ этихъ статьяхъ собрано весьма много любопытныхъ фактовъ, рисующихъ не только взглядъ издателей на журнальное дѣло и ихъ отношенія къ читателямъ, но также и умственный уровень публики. Такимъ образомъ трудъ А. Н. Неустроева представляетъ драгоценный источникъ для историка общественной жизни Россіи въ XVIII столѣтіи, а для русскихъ библиографовъ онъ можетъ служить образцомъ при такого рода изслѣдованіяхъ, какъ по тщательной и добросовѣстной обработкѣ, такъ и строгому проведенію извѣстной системы.

Н. В.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка продолжается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Невскій просп., противъ Гостиного двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 2 кн. (56 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (42 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семеновій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый.

І ЮЛѢ.

1886 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в. Сост. Гельбигъ	1	VII. Матвій Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, † 21 февраля 1886 г. Очеркъ. Сообщ. В. Е. Якушкинъ	151
II. Нѣмецъ и французъ въ запискахъ своихъ о Россіи въ 1839 г. Перев. и сообщ. Н. К. Шильдеръ.	21	VIII. Андрей Ивановичъ Подолинскій: 1. Звѣѣ, кievская быль, 1827 г.— 2. Письма его, 1884 г.	173 и 195
III. Записки Дмитрія Ивановича Киплаш, съ 1820 г.	55	IX. Александръ Ивановичъ Назарскій, † 1833 г. Сообщ. Ел. Фаренникова .	203
IV. Воспоминанія М. И. Венюкова, 1850—1856 гг..	81	X. Плевенское сѣдѣніе 1877 г. Очеркъ Н. К. Шильдера .	213
V. Императоръ Николай Павловичъ. Эпизодъ изъ его жизни. Сообщ. Ѡ. Д. Рудаковъ	105	XI. Стихотворенія: Н. М. Языкова (171), — Н. А. Добролюбова (209), — Признаніе въ любви армейскаго офицера (243).	
VI. Кавказъ и его военачальники, 1854—1864 гг. Очеркъ. Состав. Н. С. Кравцовъ. (Окончаніе).	109	XII. Александръ Николаевичъ Островскій, † 2-го іюня 1886 г..	245
		XIII. Библиографическій списокъ.	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ М. И. Муравьева-Апостола, гравир. И. И. Матюшинъ.

Подписчики «Русской Старины» могутъ получить за одинъ руб. — **Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей** (второе собраніе), *сорокъ гравюръ, исполненныхъ лучшими рус. художниками. (Осталось не много экземпляровъ).*

Напечатана новая книга: **Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей въ 50 гравюрахъ академика Л. А. Сѣрякова** (второе изданіе), цѣна шесть руб. Подписчики «Русской Старины» могутъ получить эту книгу за два руб. съ перес.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1886.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1886 г.

Материалы для истории народного просвещения в России. Самоучки. Собр. И. С. Ремезовъ, съ приложениемъ 4-хъ портретовъ. Спб., 1886. (Цѣна 1 р. 50 к.).

Наша отечественная литература, едва ли, не всего бѣднѣе изслѣдованіями по истории народного просвещения в России; поэтому мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе перваго выпуска «Самоучекъ», такъ какъ ихъ жизнеописанія могутъ содѣйствовать разъясненію многихъ вопросовъ въ данномъ направленіи. Настоящій трудъ представляетъ двойной интересъ для нашей читающей публики. Такъ, съ одной стороны, мы видимъ передъ собою трудъ человека, близко знакомаго съ состояніемъ народного просвещения в России, который совершенно безкорыстно посвятилъ двадцать лѣтъ изъ своей жизни на изданіе народныхъ книгъ¹⁾. Съ другой стороны, жизнеописанія «Самоучекъ» представляютъ наглядную картину неудержимаго стремленія ихъ къ просвещенію, въ борьбѣ со всевозможными внѣшними препятствіями, — въ видѣ невѣжества окружающей среды, семейнаго деспотизма и пр. и, наконецъ, отсутствія строгой системы въ организаціи школьнаго дѣла и разрозненности начальной школы съ средними и высшими учебными заведеніями.

И. С. Ремезовъ, представляя, одна за другой, характеристики русскихъ самородковъ, находитъ въ нихъ одиѣ и тѣ же типичныя свѣтлыя и темныя черты. Къ свѣтлымъ чертамъ онъ относитъ выдающіяся блестящія способности автодикатовъ, побуждающія ихъ упорно стремиться къ просвещенію и пробивать себѣ дорогу безъ посторонней помощи, и затѣмъ твердую волю, которая все болѣе и болѣе закаляется въ борьбѣ. Темными чертами ихъ характера онъ считаетъ извѣстную односторонность взглядовъ при неизбежныхъ проблѣвахъ въ знаніяхъ и нерѣдко слишкомъ преувеличенное мнѣніе о своихъ си-

лахъ, на ряду съ недостаточнымъ уваженіемъ къ труду другихъ. Въ то же время самый фактъ появленія самоучекъ И. С. Ремезовъ приписываетъ ненормальному состоянию современнаго окружающаго ихъ общества. «Если, говоритъ онъ въ предисловіи, народу и естественно гордиться блестящими способностями своихъ соотечественниковъ-самоучекъ, то обществу, во всякомъ случаѣ, автодикаты служатъ жемчужнымъ укоромъ въ недостаточной заботливости о народномъ образованіи и невниманіи къ тѣмъ социальнымъ недугамъ, которые препятствуютъ распространенію просвѣщенія».

Само собою разумѣется, что для составленія жизнеописаній «Самоучекъ» приходится преодолѣть не мало всякихъ затрудненій. Чѣмъ ниже слой общества, изъ котораго вышелъ автодикатъ, тѣмъ тяжелѣе для представителя образованнаго класса прослѣдить шагъ за шагомъ вынесенную имъ борьбу и собрать разрозненныя свѣдѣнія объ его дѣятельной жизни. Но И. С. Ремезовъ вполне успѣшно выполнилъ эту задачу и представлялъ рядъ любопытныхъ характеристикъ, написанныхъ живымъ языкомъ. Въ составъ настоящаго перваго выпуска, кромѣ Посошкова, вошли: Булибинъ, Ступинъ, Слѣпушкинъ и Семеновъ; послѣдніе четыре біографіи уже были въ разное время изданы авторомъ отдѣльными книжками, въ видѣ общедоступныхъ разсказовъ для народнаго чтенія.

Къ каждому изъ жизнеописаній, помещенныхъ въ первомъ выпускѣ «Самоучекъ», приложенъ тщательно составленный списокъ статей о данномъ лицѣ, а также четыре портрета, къ сожалѣнію, впрочемъ, не удовлетворительные. В. Н.

Очеркъ города Вологды по писцовой книгѣ 1627 года. Историческое изслѣдованіе А. Е. Мерцалова. Вологда, 1885. (Оттискъ изъ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1885 г.).

Мѣстныя историческія изслѣдованія вообще имѣютъ огромное значеніе для науки: только при значительномъ количествѣ такихъ частныхъ работъ возможно получить обстоятельное изложеніе исторіи нашего внутренняго быта, такъ какъ изслѣдова-

¹⁾ См. «Русская Старина», августъ 1882 г.: «Къ исторіи изданія народныхъ книгъ, 1862—1882 гг. (о дѣятельности И. С. Ремезова).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 года.

1886 г.

ЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.

1886.

МАТВЕЙ ИВАНОВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ

РОД. 25 АПРѢЛЯ 1793 Г. † 21 ФЕВРАЛЯ 1886 Г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

РУССКІЕ ИЗВРАННИКИ И СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

въ XVIII-мъ вѣкѣ.

ЛХІІІ. ДМИТРІЙ ВОЛКОВЪ ¹⁾.

Другу исторіи ничего, конечно, не можетъ быть пріятнѣе, какъ если онъ, усталый отъ чтенія подробностей о цѣлой массѣ незначительныхъ или злыхъ выскочекъ, встрѣчаетъ иногда человѣка, который возвышается, благодаря своимъ дарованіямъ, оказывается необходимымъ государю и его министрамъ, полезнымъ націи, и ошибки котораго, относящіяся по большей части лишь къ образу его жизни, служатъ, кажется, лишь къ тому, чтобы выставить еще болѣе совершенство его главныхъ качествъ. Въ этомъ случаѣ историкъ уподобляется путнику, который долго бродилъ по печальнымъ и безплоднымъ путямъ, по дикимъ и необдѣланнымъ мѣстностямъ, или по песчанымъ пустынямъ и, наконецъ, вступаетъ на тропинку, по которой можетъ продолжать свой путь съ удобствомъ и удовольствіемъ, и гдѣ окрестности, своими небольшими уклоненіями отъ красоты природы, становятся тѣмъ болѣе очаровательными.

Дмитрій Волковъ ²⁾, русскій простолюдинъ, былъ случайнымъ образомъ такъ счастливъ, что получилъ весьма порядочное образованіе. Прослуживъ въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ и доказавъ всюду свою годность, онъ, въ царствованіе императрицы Елизаветы, поступилъ секретаремъ въ такъ называвшуюся тогда конференцію ³⁾. Здѣсь онъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. L, апрѣль, стр. 1—180.

²⁾ Существуетъ дворянская фамилія Волковыхъ и есть актеръ, котораго зовутъ Волковъ и о которомъ мы будемъ еще говорить. Но тотъ Волковъ, о которомъ идетъ рѣчь, не родня ни тѣмъ, ни другому.

³⁾ Конференціей называлось то, что зовется теперь совѣтъ. Петръ III уничтожилъ ее, но названію только.

былъ очень полезенъ. Не было ни одной политической тайны при русскомъ дворѣ, въ которую онъ не былъ бы посвященъ. Всѣ донесенія въ конференцію и всѣ поступающія въ нее бумаги Волковъ долженъ былъ, прежде чѣмъ эти бумаги представлялись императрицѣ, переработывать такимъ образомъ, чтобы онѣ были въ состояніи поддерживать въ императрицѣ ненависть къ Пруссіи. Во время семилѣтней войны, онъ, благодаря своей страсти къ картамъ, оказался въ такомъ затруднительномъ положеніи, что даже его высокий умъ не могъ спасти его. Онъ вдругъ исчезъ и покинулъ, самымъ недостойнымъ образомъ, свою жену, дѣтей и, во всякомъ случаѣ, весьма блистательную карьеру. Такъ какъ онъ изготавлялъ иностранные паспорта, то полагали, что онъ взялъ себѣ паспортъ и отправился въ Берлинъ, чтобы тамъ измѣннически продать государственныя тайны русскаго двора. Этими были очень озабочены и обратились къ посланникамъ дружественныхъ дворовъ въ Берлинъ, чтобы разыскать его тамъ. Какъ только до слуха Волкова, скрывавшагося въ одномъ изъ темныхъ притоновъ, дошли эти подозрѣнія, онъ явился, чтобы, по крайней мѣрѣ, съ этой стороны спасти свою честь. При дворѣ были рады вновь увидѣть его и искупили его возвращеніе уплатою его карточныхъ долговъ. Вскорѣ послѣ этого онъ поссорился съ графомъ Бестужевымъ и разоблачилъ его планъ объ устраненіи великаго князя отъ престолонаслѣдія, что и было причиною возвращенія русскіхъ войскъ изъ Пруссіи. Вслѣдствіе этого обстоятельства Бестужевъ палъ; Волковъ же, не получивъ никакого выдающагося мѣста, остался главною личностію въ русскомъ кабинетѣ.

Петръ III, благодарный Волкову за услугу, оказанную ему въ прежніе годы, оказывалъ ему большое довѣріе и возлагалъ на него важныя порученія. Императоръ ничего не предпринималъ безъ совѣта и рѣшенія Волкова и, можно сказать, что этому человѣку принадлежить значительная доля въ славныхъ и благодѣтельныхъ дѣяніяхъ монарха. Онъ былъ настолько правдивъ, что предъувѣдомилъ своего государя о возмущеніи, которое готовилось противъ него. Проницательный умъ Волкова развѣдалъ почти весь планъ возмущенія, но несчастный государь былъ настолько увѣренъ въ своей безопасности, что пренебрегъ совѣтами своего друга, вѣрнымъ указаніямъ котораго долженъ былъ бы слѣдовать.

Екатерина II знала предприимчивость Волкова и его преданность ея манъ, гу. Она приказала поэтому арестовать его и не раньше освободила, какъ уже вполне утвердившись. Она знала его пригодность, но не хотѣла держать его около себя. Говорятъ, будто эта государыня удалила отъ себя многихъ умныхъ людей, не желая показать

даже и вида, будто она управляетъ при ихъ помощи. Какъ бы ни было, извѣстно, однако, что Волковъ удаленъ отъ двора и получилъ мѣсто въ Оренбургѣ. Но при посредствѣ своихъ друзей его скоро вернули. Его назначили полиціймейстеромъ и, наконецъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и губернаторомъ Петербурга — мѣсто, которымъ онъ до самой своей смерти управлялъ весьма разумно. Когда въ Москвѣ свирѣпствовала чума, онъ былъ посланъ туда и, благодаря его цѣлесообразнымъ распоряженіямъ и неуспыннымъ трудамъ, эта ужасная болѣзнь была сдержана и подавлена ¹⁾. Его всюду употребляли, потому что при всѣхъ обстоятельствахъ онъ предлагалъ наиболѣе разумныя мѣропріятія. Такъ, въ 1772 году, онъ былъ назначенъ ѣхать съ Орловымъ на конгрессъ въ Фокшаны, но долженъ былъ остаться еще въ Москвѣ, гдѣ его присутствіе оказалось крайне необходимымъ.

Намъ неизвѣстны ни годъ его смерти, ни ближайшія подробности о его семьѣ.

Волковъ обладалъ просвѣщеннымъ умомъ, говорилъ очень хорошо на многихъ языкахъ, хотя не выѣзжалъ изъ Россіи, хорошо зналъ свое отечество, зналъ человѣческое сердце и вообще былъ свѣтлая голова, когда либо рождавшаяся въ Россіи. Онъ всегда занимался политическими дѣлами и могъ поэтому знать, насколько это возможно для иностранца, сильныя и слабыя стороны остальныхъ европейскихъ государствъ и судить объ ихъ взаимныхъ естественныхъ и политическихъ отношеніяхъ. Всѣ, кто зналъ Волкова, хвалятъ его какъ мужа, отца и друга.

Примѣчаніе переводчика. Дмитрій Васильевичъ Волковъ, 1718—1785. П. С. З., № 18333; А. Г. С., I, ч. 2, 409; Бумаги Петра В., II, 77; Ре-скриптъ Елизаветы (Воронцовъ, II, 630); Бумаги о побѣгѣ Волкова (Воронцовъ, VII, 497); Донесеніе о поимкѣ Волкова (Воронцовъ, XXV, 200); Письма Волкова (Архивъ, 1874, II, 336; „Русск. Стар.“ 1874, XI, 479; 1877, XVIII, 372, 576, 744; XIX, 137; Воронцовъ, XXIV, 117); Доклады Волкова (Сборникъ, X, 329, 364); Дипломат. документъ (Сборникъ, III, 466; XII, 12, 172, 182, 341; XVIII, 34, 114, 345, 422); Комиссія Уложенія (Сборникъ, IV, 56, 314; XXXII, 171; XXXVI, 10; XLIII, 210); Мѣсяцесловъ съ росписью на 1774 г.; Финансов. документъ (Сборникъ, XXVIII, 45); Письма Екатерины II (Архивъ, 1870, 546; Оснади. вѣкъ, I, 67, 75, 77, 79, 87); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 278; X, 327, 328; XXVII, 5, 25); Письма Шувалова (Бесѣда, 1869, II, 22; Архивъ, 1870, 1401); Воронцовъ, II, 287, 365; IV, 106; V, 24; VI, 314; VII, 53), 551; Минихъ, 95; Порошинъ, 346; Catherine, 319, 320; Castera, I, 190, 196, 227, 271, 294, 322, 355; Щербатовъ, 674; Болотовъ, II, 225, 231; Russie, 128

¹⁾ Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 283).

139; Шаховской, 134, 163; Рассказы Львовой („Русская Старина,“ 1880, XXVIII, 339); Вейдемейеръ, Дворъ, I, 10; Баятышъ-К., Словарь, I, 322; Списки, 222, 311; Лонгиновъ, Пособники Екатерины II (Оснадд. вѣкъ, III, 352); Рудакова, Д. В. Волковъ („Русск. Стар.,“ 1874, IX, 168); М. И. Семеvскій, Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи (Отеч. Зап. 1867, VII); Лонгиновъ, Записка (Архивъ, 1863, 397); Соч. Державина, изд. Грота, IX, 630; Соловьевъ, Птенцы Петра В. (Русск. Вѣсти, 1861, I, 105); П. Т. Волкова („Русск. Стар.,“ 1873, VIII, 94); Неггманн, V, 146; Соловьевъ, XXIV, 97; XXV, 9, 14, 34, 39, 242; XXIX, 125, 169, 174.

В. В.

ЛXIV. БРЕССАНЪ.

Царствованіе Петра III уже и тѣмъ выдается съ хорошей стороны, что въ теченіи шести мѣсяцевъ оказался только одинъ ¹⁾ „избранный“ человекъ, составившій при немъ свое благополучіе. И это даже благополучіе было весьма умѣренно и его получилъ человекъ достойный, соединявшій и необыкновенныя познанія въ своей спеціальности, и рѣдкую честность.

Брессанъ, родомъ изъ Монако, въ Италіи, провелъ часть молодости во Франціи, гдѣ получилъ очень хорошее образованіе и приобрѣлъ полезныя свѣдѣнія въ камеральныхъ наукахъ, въ искусствахъ и торговлѣ. Какъ человекъ бѣдный, онъ искалъ счастья въ чужихъ странахъ и нашелъ его въ Россіи, гдѣ тогда царствовала Елизавета и куда онъ попалъ совершенно случайно. Здѣсь онъ выдавалъ себя за француза, зная, что это служить хорошею рекомендаціей въ странѣ, которая тогда только что начинала цивилизоваться. Его предложили великому князю Петру въ камердинеры. Петръ взялъ его и былъ имъ чрезвычайно доволенъ. Ему тѣмъ болѣе пріятно было услышать, что Брессанъ собственно итальянецъ, что онъ неохотно отказывался отъ своего предразсудка считать всѣхъ французовъ легкомысленными и ненадежными. Мало-по-малу честный Брессанъ заслужилъ полное довѣріе своего государя.

Какъ только Петръ вступилъ на тронъ, онъ озаботился дать Брессану хорошее назначеніе и вознаградить его преданность. Онъ сдѣлалъ его голштинскимъ камергеромъ и бригадиромъ, директоромъ

¹⁾ Волковъ, о которомъ говорилось въ предыдущей статьѣ, хотя и возвысился при Петрѣ III, но уже въ царствованіе Елизаветы завѣдывалъ важными дѣлами.

гобелѣновой фабрики ¹⁾ въ Петербургѣ, президентомъ мануфактурь-коллегии, директоромъ всѣхъ зависимыхъ отъ коллегіи фабрикъ и, наконецъ, русско-императорскимъ статскимъ совѣтникомъ.

Во время восшествія на престолъ Екатерины II Брессанъ далъ блистательное доказательство своего присутствія духа и своей вѣрности императору. Въ это ужасное утро сторонники императрицы признали, что для успѣха ихъ предпріятія было бы хорошо прервать сообщеніе съ Ораніенбаумомъ, чтобъ Петръ III не былъ извѣщенъ до времени о ходѣ возстанія. Чтобъ исполнить это, они хотѣли занять Калинкинъ мостъ, ведущій на дорогу въ Ораніенбаумъ. Они такъ и сдѣлали, выставивъ на мосту отрядъ войска и тѣмъ прервавъ по немъ всякое сообщеніе. Но Брессанъ упредилъ ихъ. Какъ только онъ услышалъ, что вспыхнуло возстаніе и узналъ о поведеніи императрицы, поступки которой давно уже казались ему подозрительными, онъ написалъ императору записочку, въ которой излагалъ ходъ дѣла, насколько это было ему извѣстно. Эту записочку онъ отдалъ своему вѣрному слугѣ, переодѣлъ его мужикомъ, посадилъ въ крестьянскую маленькую таратайку въ одну лошадь и послалъ его въ Ораніенбаумъ, съ строгимъ наказомъ, отдать записку только въ руки императора. Едва этотъ переодѣтый мужикъ порѣхалъ мостъ, какъ явились войска, чтобъ занять его. Брессанъ исполнилъ свою обязанность, но Петръ III не исполнилъ своей. Онъ получилъ записочку своего вѣрнаго слуги, но у него не доставало предпримчивости, которая должна бы воодушевить его, чтобъ послѣдовать совѣтамъ своего друга.

По смерти Петра III Брессанъ потерялъ все. Онъ ступевался. Впрочемъ, мы не знаемъ ничего о судьбѣ этого хорошаго человѣка.

Примѣч. переводчика. Александръ Ивановичъ де-Брессанъ, Финансовыя документы (Сборникъ, XXVIII, 51, 87); Catherine, 176, 182, 224; Castéra, I, 241, 250; Rulhière, IV, 381, 423; Воронцовъ, V, 477; Лонгинъ о вѣ, Пособники Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, III, 353); Herrmann, 296. В. В.

¹⁾ Гобелѣновая фабрика въ Петербургѣ еще существуетъ и достигла большаго совершенства, но стоитъ казны большихъ денегъ. Павелъ I болѣе всѣхъ тратилъ на нее.

LXV. ГРИГОРІЙ ОРЛОВЪ I.

Маловажныя, въ началѣ почти незамѣтныя, обстоятельства были издавна рычагомъ самыхъ важныхъ событій. Нерадивость русскаго государственнаго министра графа Панина ¹⁾, положившаго въ карсупру не читая, поданную ему во время карточной игры депешу изъ Константинополя съ примирительными предложеніями Порты, и забывшаго о ней, привела къ первой турецкой войнѣ въ царствованіе послѣдней русской императрицы; насмѣшливыя донесенія русскаго дипломата въ Стокгольмѣ, забавлявшія Екатерину II и взбѣсившія Густава III, когда онъ узналъ о нихъ, вооружили Швецію противъ Россіи во время второй турецкой войны; а одинъ взглядъ этой императрицы, полный печали и разсѣянія, брошенный ею изъ окна, еще великою княгиней, и подхваченный, стоявшимъ насупротивъ, красивымъ Орловымъ, произвелъ впоследствии самыя неожиданныя событія....

Фамилія Орловыхъ не прусскаго происхожденія, какъ утверждали; она принадлежитъ къ стародворянскимъ родамъ русскаго государства. Намъ, однако, неизвѣстно, объясняется-ли ея происхожденіе малевскимъ городомъ Орловымъ, при рѣкѣ Вяткѣ, Казанской губерніи, или другими небольшими мѣстечками Орловыми, или же оно болѣе знаменито.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ графомъ Алексѣемъ Орловымъ, которыя, быть можетъ, ради опредѣленія ранга, были составлены въ слишкомъ выгодномъ смыслѣ, отецъ ихъ, Григорій Орловъ, занималъ въ царствованіе Петра I мѣсто почти полковника стрѣлцаго войска; будучи 53 лѣтъ, онъ женился на дѣвицѣ Зиновьевой, дѣвушкѣ 16 лѣтъ, и прижилъ съ нею девять сыновей. Четверо изъ нихъ умерли, вѣроятно, дѣтьми; но пятеро хорошо намъ извѣстны. Они носили имена: Ивана, Григорія, Алексѣя, Федора и Владиміра. О каждомъ будетъ сказано отдѣльно.

¹⁾ Никита Панинъ былъ умнѣ, правдивѣ, пріятель, добросердеченъ и неподкупенъ. Онъ былъ гофмейстеромъ великаго князя Павла и принималъ участіе въ лишеніи Петра III престола. Это очень омрачаетъ хошшія качества Панина, которыя умаляются также и тѣмъ, что онъ былъ очень слабъ и лѣнивъ или, лучше сказать, небреженъ. Екатерина II сдѣлала его графомъ; онъ умеръ въ санѣ фельдмаршала.

Три старшіе брата, изъ которыхъ Григорій былъ вторымъ, вступили въ шляхетскій кадетскій корпусъ, гдѣ получили очень хорошее военное образованіе и особенно изучили главнѣйшіе иностранные языки, нѣмецкій и французскій. Изъ корпуса Григорій вышелъ въ гвардейскій пѣхотный полкъ, но вскорѣ, вѣроятно, по собственному желанію, былъ переведенъ въ артиллерію. Онъ былъ красивѣйшій мужчина сѣвера и это преимущество содѣйствовало ему къ приобретенію мѣста адъютанта при генералъ-фельдцейхмейстерѣ. Въ это время, вслѣдствіе открывшейся его связи съ одною дамою, онъ имѣлъ непріятности и уже почти лишился было свободы, но это прошло ему еще благополучно. Григорій и его три брата, такъ какъ къ нимъ присоединился уже и Ѳеодоръ, жили въ полномъ согласіи. Они продали довольно порядочное имѣніе своего отца и проживали капиталъ, вращаясь всегда въ веселомъ, но неизысканномъ обществѣ, ведя картанную игру и своими выходками заставляя говорить о себѣ и при дворѣ, и въ городѣ. Состояніе ихъ было прожито и на мѣсто его явились долги. Такъ какъ они скоро потеряли кредитъ, то положеніе четырехъ братьевъ стало довольно опаснымъ, но ихъ спасали умъ и счастливая карточная игра.

Когда, въ царствованіе Елизаветы, взятый во время семилѣтней войны русскими въ плѣнъ прусскій графъ Шверинъ ¹⁾ долженъ былъ прибыть въ Петербургъ и затруднялись въ выборѣ людей, которые соединяли бы приличную вѣшность съ рѣшимостью и мужествомъ, кому-то вспало на мысль, что Григорій Орловъ, бывший уже офицеромъ, могъ бы быть пригоденъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ онъ обладаетъ всѣми требуемыми качествами и, сверхъ того, ничего не дѣлаетъ, кромѣ безчинства въ публичныхъ домахъ Петербурга. Григорій, дѣйствительно, получилъ это назначеніе. Прибывъ съ графомъ Шверинимъ, которому назначили для житья воронцовскій, нынѣ строновскій, домъ, на углу Проспекта и Мойки, Орловъ поселился въ небольшомъ домѣ ²⁾ по близости, чтобъ всегда быть подъ рукою.

Въ этой же мѣстности стоялъ тогдашній зимній дворецъ, въ которомъ помѣщалась императорская фамилія. Рассказываютъ за достоверное, что Екатерина послѣ одной изъ непріятнѣйшихъ сценъ, которыя она имѣла иногда съ императрицей или съ своимъ супру-

¹⁾ Если мы не ошибаемся, это тотъ самый Шверинъ, который умеръ оберъ-штабмейстеромъ и былъ любимцемъ Фридриха II.

²⁾ Это крайній угловой домъ въ Морской, рядомъ съ домомъ Завадовскаго, принадлежавшій некогда графу Шанину. Когда Орловъ поселился въ маленькомъ домѣ, онъ принадлежалъ придворному банкиру Кнутзену.

гомъ, открыла, чтобъ освѣжиться, окно и ея взглядъ упалъ на Орлова. Это мгновеніе рѣшило все. Съ этого времени Григорій Орловъ дѣлается не только известнымъ великой княгинѣ, но и пріобрѣтаетъ ея благосклонность.

Финансы этой цесаревны, какъ супруги наследника престола, были очень ограничены. Она не могла удовлетворять расточительности приближенныхъ къ ней Орлова и его братьевъ, и была въ затруднительномъ положеніи. Это положеніе стало особенно затруднительно въ первые шесть мѣсяцевъ 1762 года, когда важныя обстоятельства потребовали большихъ издержекъ. Примѣры удавшихся заговоровъ изъ новѣйшей исторіи русскаго двора возбуждали въ Екатеринѣ мысль о возможности подобнаго предпріятія. Эта мысль о переворотѣ была сообщена Григорію Орлову и отсюда произошелъ формальный проектъ. Братья Орлова принимали въ этомъ живѣйшее и существенное участіе; Орлова квартира стала теперь мѣстомъ заговора. Братья Орлова приняли на себя трудъ переманить гвардію на сторону императрицы, между тѣмъ какъ сама государыня предоставила своей подругѣ, княгинѣ Дашковой¹⁾, привлечь нѣкоторыхъ придворныхъ вельможъ къ интересамъ Екатерины. Для этого требовалась только ловкость, для привлеченія же гвардіи нужны были также и деньги. Чтобъ имѣть въ своемъ распоряженіи большія суммы, пришли къ мысли добыть поручику Григорію Орлову вакантное тогда мѣсто казначея при артиллерійскомъ вѣдомствѣ. Императрица рекомендовала его черезъ третьи руки. Генераль Пурпуръ²⁾, бывшій въ то время его начальникомъ, возражалъ, правда, что негодится столь значительную кассу довѣрять столь молодому и во всякомъ случаѣ не вполне порядочному человѣку; однако, и онъ замолчалъ, наконецъ, когда услышалъ, что рекомендація исходитъ изъ высшихъ сферъ. Обладаніе значительными суммами дало Григорію Орлову возможность дѣйствовать въ пользу императрицы. Петръ III утомлялъ и раздражалъ войска прусскими военными упражненіями; Орловы разжигали это недовольство войскъ и раздавали солдатамъ, отъ

¹⁾ Эта дама, рожденная Воронцова, была сестрой фаворитки Петра III и обоихъ великихъ государственныхъ мужей Семена и Александра Воронцова. Она жила еще въ концѣ 1790-хъ годовъ, но держалась вдали отъ двора и отъ дѣлъ. Эта женщина обладала большимъ умомъ, очень многими познаніями и непревосходимою пріятностью въ обращеніи, но также и нѣкоторою долей притязательности, особенно невыносимой для императрицы.

²⁾ Пурпуръ былъ тогда генераль-маіоръ и за такую большую угодиливость получалъ все-таки только чинъ генераль-лейтенанта. Онъ жилъ еще въ 1779 г. и былъ только кавалеръ ордена св. Анны.

имени императрицы, небольшія суммы. Одною рукою они сѣяли во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ сѣмя недовольства императоромъ, а другою раздавали благодаренія императрицы. Такимъ образомъ, они приобрѣли въ свою пользу, прежде всего, два баталіона Измайловскаго полка, бывшаго подъ командою Кирилла Разумовскаго, который подъ рукою объявилъ уже себя за императрицу.

Извѣстно, что революція должна была произойти лишь тогда, когда императоръ отправился бы въ походъ противъ Даніи, но что ее произвели ранѣе, потому что Пассекъ, одинъ изъ заговорщиковъ, проболтался въ пьяномъ видѣ и былъ уже арестованъ. Къ счастью для предпріятія, все уже было готово и страшная завѣса могла быть поднята въ каждое мгновеніе безъ всякой опасности. Это и было сдѣлано по поводу ареста Пассека. Заговорщики рѣшились начать дѣло, не спрашивая императрицы. Еще въ ту же ночь Алексѣй Орловъ поѣхалъ въ Петергофъ за императрицей. Григорій остался въ городѣ, картежничалъ и бражничалъ всю ночь напролетъ съ извѣстнымъ Перфильевымъ ¹⁾, имѣвшимъ отъ Петра III порученіе наблюдать за приверженцами Екатерины, которые не были ему вполнѣ неизвѣстны ²⁾. Орловъ проигралъ Перфильеву въ эту ночь нѣсколько тысячъ рублей. Подъ утро, когда уже никакія усилія Перфильева не могли быть опасны, онъ его отпустилъ, а самъ отправился въ гвардейскіе полки, и все было готово прежде, чѣмъ императрица прибыла въ Петербургъ. Григорій поѣхалъ ей на встрѣчу; онъ закричалъ ей, что все готово! Поспѣшили къ гвардіи, революція началась и имѣла желанный успѣхъ.

Въ тотъ же вечеръ, императрица, во главѣ довольно значительной арміи, отправилась, верхомъ, по дорогѣ въ Петергофъ, чтобы тамъ, поработеніемъ Петра III ³⁾, въ случаѣ, если-бъ онъ вздумалъ оказать сопротивленіе, окончить революцію. Григорій былъ въ свитѣ государыни. Только на другой день поутру прибыли въ Петергофъ. Изъ Петергофа Орловъ съ Измайловымъ ⁴⁾ отправился въ Ораниенбаумъ, но не добился свиданія съ императоромъ. Жалкимъ отреченіемъ императора окончилась революція.

Въ этотъ же день всѣ возвратились въ Петербургъ. Вечеромъ былъ приемъ во дворцѣ Лѣтнаго сада, и при этомъ-то обнаружилось

¹⁾ Перфильевъ былъ тогда гвардейскимъ офицеромъ; понятно, что позже онъ имъ никогда не былъ.

²⁾ Донгиновъ, Первые пособники Екатерины II (Арх., 1870, 966). В. В.

³⁾ Коксъ, XIX, 49.

В. В.

⁴⁾ Михаилъ Измайловъ былъ собственно при дворѣ императора, когда измѣнилъ ему. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ жилъ еще, будучи дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Андрея.

для всѣхъ придворныхъ то обстоятельство, которое до того было для нихъ тайною. За день до этого Орловъ ушибъ колѣно. Такъ какъ онъ не могъ стоять, то сидѣлъ въ креслѣ и, что особенно знаменательно, рядомъ съ трономъ. Когда вошли генералы, Орловъ извинился, что не можетъ встать; немного времени спустя, эти же генералы должны были вставать передъ нимъ. Дѣлу была придана еще большая огласка. Орловъ занялъ много комнатъ въ императорскомъ Зимнемъ дворцѣ, близъ новой государыни и, по примѣру великихъ предшественницъ Екатерины, императрицы Анны и Елизаветы, былъ торжественно представленъ всему двору, еще при жизни Петра III, какъ избранникъ и приближенный къ государынѣ.

Награды за важныя услуги, оказанныя Григоріемъ Орловымъ, начались съ того, что императрица дала ему камергерскіе ключи и орденъ св. Александра Невскаго. Затѣмъ вскорѣ послѣдовали графское достоинство ему и его братьямъ и почетныя должности, именно: генераль-адъютантъ императрицы, генераль-директоръ всѣхъ укрѣпленій, шефъ кавалергардовъ, полковникъ конной гвардіи и президентъ суда надъ новыми переселенцами. Наконецъ, онъ сталъ генераль-фельдцейхмейстеромъ, кавалеромъ русской голубой ленты и различныхъ иностранныхъ орденовъ и имперскій князь. Онъ былъ, сверхъ того, долгіе годы единственный русскій, имѣвшій счастье носить въ петличкѣ портретъ своей государыни. Этотъ портретъ былъ украшенъ огромнымъ брилльянтомъ, такъ называемымъ плоскимъ алмазомъ, имѣвшимъ форму сердца. Что его богатства измѣрялись миліонами, понятно само собою. Къ этому присоединяется еще великолѣпный штегельмановскій дворецъ ¹⁾ въ Петербургѣ, на Мойкѣ ²⁾, императорскія дворцовыя имѣнія, Гатчина ³⁾ и Ропша ⁴⁾, гдѣ умеръ Петръ III, и весьма значительныя земли въ Лифляндіи, Эстляндіи и особенно въ Россіи.

Могущество Орлова равнялось уже власти государя. По запискамъ за свою подписью онъ могъ брать изъ всѣхъ императорскихъ кассъ до 100.000 рублей. Но его значеніе должно было еще болѣе возвыситься. Екатерина и онъ хотѣли сочетаться бракомъ. Въ 1762 и 1763 годахъ былъ весьма искусно распушенъ слухъ объ этомъ брачномъ проектѣ, чтобъ разузнать мнѣніе націи и двора. Этому неоспоримому доказательству ослѣпленія императрицы воспротивились графы Бестужевъ, Воронцовъ и Панинъ, три лица, ставшія въ рус-

¹⁾ Позже въ немъ жилъ графъ Ангальтъ; наконецъ — Костюшко. Кто теперь обитаетъ въ немъ, мы не знаемъ.

²⁾ Сборникъ, XVII, 258. В. В.

³⁾ Гатчина — прекрасный замокъ и садъ, съ небольшимъ городкомъ — принадлежитъ теперь вдовствующей императрицѣ (Маріи Фёдоровнѣ).

⁴⁾ Ропша — деревня съ замкомъ и садомъ — была Орловымъ продана армянину Лазареву. У него купилъ ее Павелъ I.

ской исторіи одинъ — опозореннымъ, другой — извѣстнымъ, третій — прославленнымъ. Такъ какъ этому проекту не суждено было осуществиться, то Орловъ, въ видѣ возмездія, былъ возведенъ въ княжеское достоинство, дипломъ на которое императрица, однако, удержала еще у себя.

Этотъ избранникъ, виновный въ большой небрежности относительно управленія разнообразными, требовавшими постоянныхъ занятій, должностями, особенно же надзора за переселенческимъ вѣдомствомъ, всегда, однако, съ первой минуты своего знакомства съ императрицей, выказывалъ неизмѣнную ей преданность. Его предупредительности, его рѣшимости и его мужеству обязана императрица тѣмъ, что были открыты и уничтожены три заговора противъ нея.

Но если со стороны Орлова все еще продолжалась, лишь на мгновение прерываясь, вѣрная преданность, то со стороны Екатерины склонность уступила свое мѣсто рѣшительному равнодушію. Самъ избранникъ далъ къ этому поводъ грубымъ, всегда весьма своевольнымъ, поведеніемъ въ своей частной жизни. Орловъ не имѣлъ понятія о приличіи. Екатерина поняла, какъ было хорошо, что не состоялся ея бракъ съ Орловымъ. Она стала подумывать, какъ бы удалить его, ставшаго уже ей въ тягость. Случай къ этому скоро представился: въ 1771 г. чума въ Москвѣ такъ свирѣпствовала, что тамъ умерло 150,000 душъ и нуженъ былъ человекъ высокаго положенія, который постарался бы прекратить бѣдствіе мудрыми мѣрами. Сама императрица представила своему избраннику что такъ какъ онъ всю войну мирно прожилъ въ Петербургѣ, то теперь поѣздкой на короткое время въ Москву и своими тамъ усиліями, онъ могъ бы стяжать живѣйшую благодарность націи. Графъ Орловъ выѣхалъ въ Москву съ многочисленною свитою; его сопровождалъ очень искусный хирургъ Тодте ¹⁾. Предусмотрительными и цѣлесообразными мѣрами этого человека, особенно же тайнаго совѣтника Волкова, не только было задержано дальнѣйшее развитіе болѣзни но даже гнѣзда заразы были искоренены ²⁾. Орловъ возвратился въ Петербургъ, но долженъ былъ выдержать карантинъ. Когда онъ появился въ Петербургѣ, его приняли съ лицемѣрною радостью. Въ честь его была выбита медалъ, на которой онъ, какъ второй Курцій,

¹⁾ Тодте былъ дурно вознагражденъ за свои безконечныя хлопоты. Онъ получилъ всего лишь 200 рублей.

²⁾ Описаніе моровой язвы въ Москвѣ съ 1770 по 1772 г. Москва, 1775 (по всевысочайшему повелѣнію); П. Алексѣевъ, Московскій бунтъ 1771 г. (Архивъ, 1863, 491); Мухановъ, Москва въ 1771 г. (Архивъ, 1866, 320); Бураги о моровой язве въ Москвѣ 1771 г. (Воронцовъ, XVI, 449); Бюлеръ. Записка о москов. чумѣ 1771 г. (Россія, 1875, III, 78). В. В.

пригаетъ въ происподнюю. Въ Царскомъ Селѣ ему была воздвигнута, по обычаю римлянъ, мраморная триумфальная арка. Эта арка, какъ бывало иногда и въ древнія времена, была не знакомъ побѣды, но назначалась къ тому, чтобъ напоминать потомкамъ о великихъ гражданскихъ заслугахъ.

Императрица и ея друзья, ставшіе теперь противниками Орлова, думали только объ удобномъ поводѣ удалить его навсегда, и поводъ вскорѣ былъ найденъ. Въ Фокшанахъ, небольшомъ городѣ Валахіи, на границѣ Молдавіи, долженъ былъ открыться конгрессъ для окончанія турецкой войны. Было предложено Орлову принять на себя переговоры о мирѣ и этимъ путемъ вторично заслужить благодарность націи. Гордость ослѣпила его; онъ не видѣлъ западни, ему разставленной, и попалъ въ сѣти. Приготовленія къ путешествію могущественнѣйшаго государя не могли быть сдѣланы съ большими издержками. Онъ имѣлъ маршаловъ, камергеровъ, камеръ-юнкеровъ, пажей, императорскихъ слугъ и великолѣпные экипажи. Соответственно этому были кухня, погребъ и все остальное. Драгоценности на его костюмѣ достигали чудовищной цѣны. Впрочемъ, понятно, что графъ Орловъ участвовалъ въ переговорахъ только своимъ именемъ, работа же была возложена на другихъ. Тѣмъ не менѣе, цѣль его поѣздки не была достигнута. Онъ велъ себя съ такимъ высокомеріемъ, что возмущалъ всѣхъ; онъ дурно обходился даже съ турками.

Онъ былъ еще въ Фокшанахъ, когда, въ сентябрѣ 1772 года, узналъ, что, по рекомендаціи его врага, графа Панина, императрица приблизила ко двору офицера Васильчикова. Орловъ разсвирѣпѣлъ при этомъ извѣстіи. Онъ тотчасъ же бросился въ кибитку¹⁾, парой, и день, и ночь летѣлъ въ Петербургъ. Онъ полагалъ, что можетъ неожиданно явиться въ Петербургъ, но здѣсь догадывались о его поспѣшности и приняли мѣры. На встрѣчу ему былъ посланъ курьеръ съ письмомъ императрицы. Она писала ему, что „нѣтъ надобности выдерживать карантинъ, но она предлагаетъ ему избрать пока Гатчинну мѣстомъ своего пребыванія“. Курьеръ, везшій ему это письмо встрѣтилъ его на дорогѣ. Орловъ былъ близокъ къ отчаянію. Было бы несправедливо назвать это чувство оскорбленною любовью; это былъ только стыдъ видѣть себя обойденнымъ и обидчивое честолюбіе—не быть болѣе первымъ повелителемъ въ государствѣ. Это событіе произвело совершенно различныя и странныя дѣйствія. Въ Гатчинѣ Орловъ предавался бѣшенству и его гнѣвъ былъ сдѣланъ безвреднымъ, благодаря той силѣ, которая была ему противопостав-

¹⁾ Кибитка—совершенно простая, но очень легкая на ходу—повозка, употребляемая обыкновенно курьерами.

лена. Въ Петербургѣ же императрица, при всемъ сознаниіи окружавшаго ея могущества, выражала такую боязливость, что приходилось думать, будто столь мужественный вѣкогда характеръ совсѣмъ покинулъ ее. Когда Панинъ, желая ее успокоить, назвалъ этотъ страхъ бесполезнымъ, она сказала ему: „Вы его не знаете — онъ способенъ извести и меня, и великаго князя“. Это заявленіе императрицы заставляеть до вѣкоторой степени догадываться, что Екатерина знала гнѣвъ Орлова. У двери въ свою спальню она приказала сдѣлать желѣзный засовъ и камердинеръ Захаровъ долженъ былъ сторожить у двери съ заряженными пистолетами. Позже, узнавъ объ этомъ, Орловъ горько упрекалъ Екатерину за эти предосторожности.

Между тѣмъ, гнѣвъ Орлова въ Гатчинѣ выражался въ самыхъ отчаянныхъ вспышкахъ. Дворъ нашель (какое доказательство собственной слабости!) болѣе сообразнымъ съ собственною безопасностью войти съ нимъ въ переговоры. Отъ него потребовали только, чтобъ онъ велъ себя мирно и уступилъ другому свое мѣсто. Въ числѣ лицъ съ значеніемъ и вѣсомъ, посланныхъ къ нему, чтобъ завязать переговоры, находился и Бецкій, давнишній другъ его, но никто не могъ получить отъ него ни малѣйшей уступки. Тогда было послано ему съ тайнымъ совѣтникомъ Адамомъ Васильевичемъ Алсуфьевымъ миллионъ рублей... Дѣло въ томъ, что государыня сама назначила ему въ день ангела и въ день рожденія вмѣстѣ 200,000 рублей; но этихъ денегъ Орловъ никогда не бралъ и въ десять лѣтъ накопилось два миллиона рублей, изъ которыхъ, слѣдовательно, Екатерина оставалась теперь ему должна одинъ миллионъ. Орловъ, когда ему привезли миллионъ, сказалъ, что „не требуетъ болѣе ничего, зная, что это было бы слишкомъ тяжело для государства“. Впрочемъ, этотъ шагъ императрицы не произвелъ никакого особеннаго дѣйствія. Три послѣдніе мѣсяца 1772 года были страшною четвертью года какъ для Екатерины, такъ и для Орлова. Орловъ доказалъ, что врагъ, даже и въ оковахъ (въ это время онъ былъ и врагъ, и въ оковахъ), можетъ быть страшенъ. Императрица выражала постоянную и преувеличенную боязливость; она никакъ не могла понять, что человѣкъ, котораго даже не допускають къ ней, не можетъ быть опасенъ; Орловъ, напротивъ, проявлялъ въ своемъ поведеніи всѣ симптомы бѣшеннаго. Его бѣшенство было тщетно, такъ какъ противъ него было выставлено все верховное могущество двора. Такъ какъ онъ не хотѣлъ ничему подчиниться, то нашли необходимымъ прибѣгнуть къ угрозамъ — но какое мужество потребовалось для этого! Онъ долженъ сложить съ себя всѣ должности и сохранить только титулы; онъ можетъ путешествовать въ Россіи и за ея предѣлами, гдѣ ему угодно, только не смѣеть вѣзжать

въ Петербургъ и Москву; долженъ возвратить портретъ императрицы. За это ему хотѣли дать пенсію въ 150,000 рублей и 100,000 руб. на постройку дома въ одномъ изъ его имѣній. Если же онъ не принималъ бы дѣлаемыхъ ему предложеній, то его хотѣли сослать въ Ропшу..... На всѣ эти предложенія Орловъ отвѣчалъ отрицательно. Онъ тотчасъ же снялъ брилліанты съ портрета и отдалъ ихъ обратно; самое же изображеніе удержалъ, говоря, что отдастъ его только въ руки императрицы. Понятно, что она никогда не имѣла мужества потребовать портрета, и была очень рада, что и онъ не настаивалъ на этомъ. «Объ отставкѣ, скавалъ онъ, его могутъ увѣдомить указомъ». Указъ тотчасъ же и послѣдовалъ. «Что же касается, прибавилъ онъ, его будущаго мѣстопребыванія, то онъ ничѣмъ не желаетъ связывать себя, но, по окончаніи карантина, явится въ Петербургъ». Тѣмъ не менѣе угрозу Ропшей не исполнили.

Наконецъ, сдѣлана была еще попытка уговорить его, чтобы онъ удалялся. Къ нему отправился графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ ¹⁾, предложилъ ему ѣхать на воды, путешествовать и, именемъ императрицы, требовалъ категорическаго отвѣта. Орловъ началъ болтать о вещахъ, не относившихся къ дѣлу, но, въ концѣ концовъ, заявилъ, что будетъ дѣлать то, что ему вздумается. Чернышевъ возвратился, ничего не достигнувъ, но увѣрялъ, что замѣтилъ въ Орловѣ очевидное помѣшательство. Тогда послали къ нему доктора. Едва докторъ вошелъ въ комнату, Орловъ закричалъ ему:

— „А, ты, конечно, принесъ мнѣ то бургонское вино, которое такъ любилъ“.....

Тогда императрица написала ему, что „она слышала, что онъ нездоровъ и поэтому даетъ ему разрѣшеніе переѣхать воздухъ и отправиться въ путешествіе“. Вѣроятно, и ему наскучило уже его мѣстопребываніе. Онъ отвѣчалъ ей въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ, что „онъ вполне здоровъ и желаетъ только имѣть счастье представить императрицѣ устныя и убѣдительныя тому доказательства и получить разрѣшеніе завѣдывать, какъ прежде, всѣми дѣлами“. Но императрица не согласилась на устную бесѣду. Она послала ему дипломъ на княжеское достоинство, наименовала его свѣтлѣйшимъ и просила его избрать для жительства одинъ изъ ея загородныхъ дворцовъ. Орловъ переѣхалъ въ Царское Село, и переѣхалъ охотно, такъ какъ оно на половину пути приближало его къ резиденціи. Орловъ жилъ въ Царскомъ Селѣ нѣкоторое время, жилъ роскошно,

¹⁾ Графъ Чернышевъ былъ тогда президентомъ военной коллегіи. Онъ умеръ будучи генералъ-фельдмаршаломъ и московскимъ генералъ-губернаторомъ.

тратя (громадна средства), и ежедневно собиралъ вокругъ себя много знатныхъ обывателей Петербурга.

Но, однажды, въ декабрѣ 1772 г., онъ исчезъ изъ Царскаго Села, явился въ Петербургъ и вошелъ въ комнату императрицы. Въ началѣ, отъ страха, она едва не упала въ обморокъ, но вскорѣ овладѣла собой, такъ какъ Орловъ держалъ себя непринужденно, какъ старинный другъ. Они обошлись другъ съ другомъ очень хорошо и формально примирились. Орловъ провелъ всю зиму въ Петербургѣ, просилъ опять занятій и императрица возвратила ему всѣ прежнія должности его въ государствѣ.

Государыня старалась теперь подарками, какъ говорится, задобрить его — принципъ, которому она всегда слѣдовала съ оставшими избранниками. Такъ, напр., она дала ему, между прочимъ, 6,000 крестьянъ, 150,000 пенсим и изготовленный во Франціи серебряный сервизъ, стоившій 250,000 рублей. Но самымъ дорогимъ подаркомъ былъ Мраморный дворецъ ¹⁾. Князь Орловъ съ своей стороны сдѣлалъ императрицѣ такой подарокъ, который постоянно будетъ напоминать этого избранника, пока русскій дворъ сохранитъ свой нынѣшній блескъ. Онъ купилъ знаменитый большой брильянтъ ²⁾, купить который было не по средствамъ императрицы, заплатилъ за него 460,000 рублей и подарилъ его государынѣ; но еще болѣе прославилъ онъ свою эпоху постройкою на свой счетъ прекраснаго арсенала въ Петербургѣ.

Но ощущеніе, что онъ уже не всемогущій человекъ, какимъ былъ прежде, вызвало въ немъ безпокойство, которое никакимъ образомъ не могло быть побѣждено. Ему вдругъ вздумалось поселиться въ Ревелѣ. Онъ испросилъ на это разрѣшеніе императрицы, которая съ радостью дала его и предложила ему для житья свой небольшой за-

¹⁾ Постройка Мраморнаго дворца начата въ 1770 г. и окончена въ 1783 г. на императорскія средства. Даря дворецъ Орлову, Екатерина сдѣлала надпись: „зданіе изъ благодарности“. Нижняя часть его изъ гранита, верхняя — сѣраго мрамора съ красными колоннами, оконныя рамы — бронзовыя, позолоченныя, въ окнахъ зеркальныя стекла, стропила желѣзныя, крыша мѣдная. Екатерина II выкупила дворецъ у наследниковъ Орлова. Когда великій князь Константинъ Павловичъ женился, онъ поселился въ немъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ влосчастному Станиславу Понятовскому, который въ немъ и умеръ. Теперь онъ опять принадлежитъ великому князю Конст. Павловичу.

²⁾ Первое извѣстное свѣдѣніе объ этомъ большомъ брильянтѣ, украшающемъ теперь русскій скинтриъ, гласитъ, что онъ находится въ числѣ сокровищъ извѣстнаго шаха Надира. Послѣ многихъ превратностей судьбы, онъ былъ привезенъ армянскими купцами въ Петербургъ и былъ застрахованъ въ 110,000 гульденовъ. Часть покушной цѣны, 460,000 рублей, князь Орловъ уплатилъ немедленно, другую же во время своего путешествія.

мокъ близъ города, Катериненталь ¹⁾). Едва прибывъ туда, онъ вдругъ задумалъ путешествовать. Онъ отправился во Францію, но оставался тамъ недолго и возвратился въ Петербургъ.

Тамъ сцена уже перемѣнилась—мѣсто Васильчикова занялъ Потемкинъ, на рѣшительность котораго императрица могла болѣе разсчитывать, и потому менѣе боялась князя Орлова. Этотъ, хорошо понимая, что ему уже нечего дѣлать при дворѣ, покинулъ мѣсто, ставшее ему невыносимымъ, и отправился въ Москву, обычное мѣсто-пробываніе многихъ недовольныхъ въ царствованіе Екатерины.

Не смотря на то, онъ все еще путешествовалъ взадъ и впередъ, являлся ко двору и, наконецъ, женился въ Петербургѣ ²⁾). Съ этого момента замѣтно возвращеніе спокойствія въ его сердце. Онъ предпочиталъ теперь частную жизнь своему прежнему бурному и блестящему существованію. Князь Орловъ отправился съ своею супругою путешествовать, но имѣлъ несчастье очень скоро потерять ее. По смерти жены, которая умѣряла его порывы, онъ возвратился въ Петербургъ въ 1782 году. При видѣ мѣстностей, въ которыхъ онъ жилъ нѣкогда какъ повелитель, явилось прежнее безпокойство духа.

Своими откровенными и собственно необдуманнми выраженіями онъ увеличилъ число своихъ противниковъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что враги Орлова дали ему разрушительнаго яда; его крѣпкая натура хотя и противодѣйствовала вліянію яда, насколько могла, но все же слѣды его дѣйствія обнаружались въ нѣкоторомъ разстройствѣ умственныхъ способностей. По счастью, это настроеніе смѣнилось у него спокойствіемъ, которое лишь изрѣдка прерывалось. Вопреки своимъ прежнимъ привычкамъ, онъ сталъ теперь одѣваться хотя также роскошно, но въ древнерусскіе костюмы. Хотя онъ часто говорилъ очень разумно, но всегда чрезвычайно свободно. Враги его, въ тайнѣ радовавшіеся такому странному и для него крайне опасному поведенію, открыто сожалѣли, что горестъ по поводу смерти его супруги имѣла такіа печальныя для него послѣдствія, но не упустили случая намекать императрицѣ на неосторожныя рѣчи ея избранника. Не смотря на то, Екатерина ничего болѣе не сдѣлала, какъ дала ему понять, что его значеніе пало. Орловъ, имѣвшій еще разсудка настолько, чтобъ замѣтить, что его вліяніе ежедневно умалается, и не выносившій этой потери, началъ все болѣе страдать душевно. Онъ и прежде часто разговаривалъ съ императрицей довольно свободно, но теперь сталъ говорить неосто-

¹⁾ Катериненталь—императорскій садъ съ домомъ—находится въ $\frac{1}{4}$ часахъ отъ Ревеля.

²⁾ Княгиня Екатерина Николаевна (1758—1781), рожд. Зиновьева.

рожныя рѣчи громко и въ присутствіи всего двора. Такъ, по случаю паденія графа Панина, котораго онъ прежде ненавидѣлъ, теперь же измѣнилъ свое о немъ мнѣніе, онъ сказалъ императрицѣ, что она, окруженная недостойными людьми, не хорошо сдѣлала, удаливъ отъ себя этого честнаго человѣка. Князь сказалъ всему двору, что онъ знаетъ, что долженъ вскорѣ умереть, такъ какъ онъ все еще сохраняетъ нѣкоторую долю честности, но что онъ желалъ бы дожить до возвращенія великаго князя изъ заграницы. Легко понять, что враги Орлова не дозволили ему дожить до этого весьма близкаго срока. Нѣсколько дней спустя послѣ этой сцены, болѣзнь приняла такой острый характеръ, какого прежде никогда не имѣла. Въ минуты припадка умопомѣшательства, онъ представилъ всему двору страшное зрѣлище

Крѣпкая натура Орлова не поддавалась еще нѣкоторое время, но вскорѣ изнемогла. Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1783 г. въ полномъ отчаяніи.

Таковъ былъ конецъ человѣка, который свою роль въ большомъ свѣтѣ началъ поручикомъ, жилъ въ теченіи десяти лѣтъ какъ (властная особа), хотя (таковымъ) не былъ, и умеръ сумасшедшимъ. Орловъ былъ красивѣйшій избранникъ Екатерины. Онъ былъ болѣе умомъ, чѣмъ свѣдущъ, болѣе легкомысленъ, чѣмъ золъ, болѣе расточителенъ, чѣмъ благотворителенъ; онъ былъ рѣшителенъ и мужественъ. Въ послѣдніе года своей жизни онъ выказывалъ чрезвычайную честность. Или чувство это было подавлено въ молодости его легкомысліемъ, его склонностью къ сладострастію, расточительности и гордости, или же эту перемену въ немъ должно приписать влиянію его достойной супруги, или тому обстоятельству, что при меньшемъ значеніи онъ имѣлъ менѣе поводовъ извращать свой характеръ.

Княгиня Орлова была урожденная Зиновьева, изъ того же дворянскаго рода, изъ котораго происходила мать Орлова. Она была фрейлиной императрицы, когда вышла за Орлова. Тотчасъ послѣ свадьбы она стала статсъ-дамой и получила орденъ св. Екатерины. Подарки, полученные ею отъ императрицы, соответствовали и ея высокому званію, и великодушію государыни. Изъ всѣхъ подарковъ назовемъ только золотой туалетъ, такой высокой цѣны и такой прекрасной работы, что, быть можетъ, немногія владѣтельныя принцессы могутъ похвалиться подобнымъ уборнымъ столикомъ. Вообще, княгиня Орлова славилась какъ женщина прекрасныхъ принциповъ, умѣвшая своимъ мудрымъ влияніемъ придавать печальнымъ, недозвольнымъ и вспыльчивымъ капризамъ своего супруга такое направленіе,

которое было благотѣльно и для него, и для его окружающихъ. Эта достойная женщина умерла чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы, въ Лозаннѣ, куда отправилась для поправленія своего здоровья.

...Такъ въ 1762 г. родился . графъ Бобринскій 18 (29) апрѣля ¹⁾). Тотчасъ послѣ рожденія дитяти, Шкуринъ взялъ ребенка къ себѣ и воспитывалъ его до опредѣленія въ кадетскій корпусъ. Въ это время всѣмъ уже стало извѣстно подъ рукою, что это сынъ Г. Г. Орлова. Сама государыня (являла особое къ нему вниманіе). Она охотно замѣчала, что Рибасъ, его воспитатель, и Бецкій, директоръ корпуса, отличаютъ ребенка отъ его товарищей. Дѣло зашло такъ далеко, что, по выходѣ его изъ корпуса, всѣмъ вельможамъ двора и даже иностраннымъ посланникамъ дано было знать, что устройство праздниковъ въ честь Бобринскаго будетъ принято особенно благосклонно. Фамилію свою онъ получилъ отъ помѣстья Боберь или Бобринъ, которое было для него куплено; сверхъ того, на его имя былъ положенъ миллионъ рублей въ судный банкъ. Такъ какъ этотъ молодой человекъ, во время своего путешествія, особенно же въ Парижѣ, гдѣ онъ открыто (указывалъ на свое происхожденіе), дѣлалъ долги, то они уплачивались изъ его капитала, и впослѣдствіи онъ получалъ только 30,000 руб. ежегодно, которые онъ проживалъ въ Ревелѣ, куда сослала его недовольная имъ императрица. Тамъ жилъ онъ въ началѣ 1790-хъ годовъ и мы слышали, что онъ находился еще въ Ревелѣ, когда Павелъ I, въ самомъ началѣ своего царствованія, въ 1797 году, вызвалъ его ко двору. Этотъ государь очень отличалъ его, возвелъ въ графское достоинство, сдѣлалъ его генералъ-майоромъ и далъ ему орденъ св. Анны. Всѣми этими отличіями императоръ придавалъ извѣстную достовѣрность слухамъ, которые самъ Бобринскій распространялъ о своемъ рожденіи. Гдѣ онъ находится въ настоящее время, мы не знаемъ. Императрица, сильно любившая его ребенкомъ, не могла его терпѣть, когда онъ возмужалъ — немилость, которой онъ подпалъ, вѣроятно, вслѣдствіе своего поведенія. Бобринскій не похожъ лицомъ на своихъ родителей, но наследовалъ отъ отца его дикій нравъ.

Другого сына Орлова звали Галактеонъ, совершенно простымъ именемъ. Его, какъ маленькаго неизвѣстнаго любимчика, видѣли въ комнатахъ Орлова и императрицы. Онъ былъ офицеромъ. Его отправили въ Англію, для полученія образованія, гдѣ излишества убили его еще въ юныхъ годахъ.

¹⁾ Д. О. Кобеко, Дѣти князя Г. Г. Орлова (Архивъ, 1884, II, 209). В. В.

Третій сынъ назывался Оспеннымъ, такъ какъ отъ него была взята оспенная матерія для великаго князя Павла. Онъ умеръ еще нажемъ, въ Петербургѣ.

Говорятъ, будто на счетъ императрицы воспитывались въ Петербургѣ, въ женскомъ пансіонѣ, двѣ дочери Г. Г. Орлова, но съ достоинствомъ можетъ быть принята только одна. Она впоследствии вышла за нынѣшняго генерала графа Буксгевдена ¹⁾. Еще въ началѣ 1790-хъ годовъ она была прелестною блондинкою и славилась, какъ превосходная жена.

Въ 1792 году въ Петербургѣ рассказывали слѣдующій анекдотъ: Лѣтъ 20 назадъ, быть можетъ, въ 1770 или 1771 г., одинъ итальянецъ привезъ въ Шамбери и помѣстилъ въ монастырь ребенка, щедро уплативъ его содержаніе за 20 лѣтъ впередъ. Этотъ ребенокъ родился въ Гатчинѣ и при немъ находились бумаги, которыя могли быть вскрыты лишь черезъ 20 лѣтъ. Такъ и было сдѣлано, и оказалось, что за ребенкомъ обезпечены 30,000 руб., хранящіеся въ Петербургѣ. Въ 1792 г. сардинское посольство получило приказъ потребовать эти деньги. Догадывались, что это дитя Орлова и одной придворной дамы, которая еще нѣсколько лѣтъ назадъ жила незамужнею въ Петербургѣ. Достоверно, что при дворѣ въ названное выше время утверждали, что эта дама находится въ интересномъ положеніи и что вскорѣ затѣмъ эта дама лежала въ родахъ.

Лѣтомъ слѣдующаго 1793 года было узвано о существованіи еще одной дочери князя Орлова, жившей въ обстановкѣ, вовсе не соответствовавшей блестящей жизни ея отца. Однажды императрица пошла одна гулять по царскосельскому саду. Вдругъ изъ за куста выпрыгиваетъ молодая женщина, бросается ницъ и обнимаетъ колѣни императрицы. Дѣвушка рассказываетъ, что она дочь князя Орлова, подкрѣпляетъ свои слова письменными документами, жалуется, что находится въ тяжкой бѣдности и молить объ улучшеніи ея положенія. Императрица общала и дѣйствительно обезпечила ее приличнымъ содержаніемъ на всю жизнь. Между тѣмъ, императрица страшно испугалась при этомъ случаѣ и, чтобъ избѣжать впредь подобныхъ

¹⁾ Буксгевденъ—одинъ изъ лучшихъ русскихъ генераловъ. Свою военную карьеру онъ началъ кадетомъ въ первую турецкую войну и особенно отличился при взятіи Бендеръ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно давалъ доказательства своего военного искусства и личной храбрости. Онъ соединяетъ съ талантами и отличныи характеръ. Онъ теперь графъ, генераль-аншефъ, генералъ-губернаторъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи и кавалеръ всѣхъ русскихъ орденовъ.

появленій, было запрещено показываться въ саду въ тѣ часы, когда тамъ гуляла Екатерина.

Примѣчаніе переводчика. Григорій Григорьевичъ Орловъ, 1734—1783. П. С. З., № 13657, 18333; А. Г. С., I, ч. 1, 2, 7, 9, 10, 13, 34, 64, 74, 156, 163, 165, 250, 262, 336, 357, 359, 420, 425, 443, 445; Рескрипты и письма Екатерины II (Сборникъ, II, 286); Бумаги Екатерины II (Сборникъ, VII, 108, 111, 113, 115, 197, 290; X, 392; XIII, 34, 168, 232, 238, 254, 258, 270, 273, 298, 306, 344; XXIII, 57, 252, 274, 285, 390; XXVII, 35, 54, 208; XLII, 475, 479, 480; Комиссія Уложенія (Сборникъ, IV, 53, 73, 78; XIV, 112, 243; XXXII, 4, 291; XXXVI, 21, 22, 30, 54, 57; XLIII, 395); Реестръ пожалованій въ день коронаванія (Сиб. Вѣдом., 1762, № 80); Реестръ насколько сего 1762 году іюня отъ 28 дня безденежно роспито питей („Русск. Стар.“, 1883, XXXVII, 682); Письма Орлова (Архивъ, 1869, 581; 1882, I, 404; Воронцовъ, XXVII, 3; Соловьевъ, XXIX, 177); Письма Волкова (Архивъ, 1874, II, 336); Переписка Екатерины II („Рус. Стар.“, 1876, XVI, 247, 447); Письма Безбородко (Сборникъ XXVI, 235, 256); Воронцовъ, VII, 654; XVI, 146, 449, 454; XXI, 80, 82, 105, 181; Дипломатич. документы (Сборникъ, XII, 78, 107, 125, 177, 202, 352, 385, 492; XVIII, 416, 467; XIX, 15, 17, 20, 28, 133, 299, 311, 335, 353, 390, 463, XXII, 69, 75, 447, 488; XXXVII, 179, 229, 385, 449, 586, 612); Лордъ Мальмсбюри о Россіи (Архивъ, 1874, II, 151, 869); Финансовыя документы (Сборникъ, XXVIII, 188, 202, 297, 313); Письма Гримма (Сборникъ, XXXIII, 100, 187); Храповицкій, 82; Порошнѣвъ, 39, 285, 535, 537; Державинъ, 446; Болотъ, I, 840; II, 214, 274, 625; III, 33, 1023; Гарновскій, XV, 494; Хвостовъ, 555; Позь, 99; Щербатовъ, 676; Тьебо, XXIII, 590; Rulhière, 350, 415; Castéra, I, 204, 216, 219, 233, 262, 269, 272, 300, 323, 330, 334, 380, 403, 418; II, 46, 174, 251, 278, 452; Russie, 198, 203, 205, 213, 227, 266, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 279, 288, 299, 302, 303, 332, 333, 335, 339, 376, 378; Masson, 100; Записки шведскаго дворянина (Россія, 1890, XI, 526); Magcard, Zimmermanns Verhältnisse mit Catharina II, Bremen, 1803, 307; Зиновьевъ, 239; Карабановъ, II, 498; III, 40; IV, 380, 382; V, 139, 772; Барсуковъ, Князь Г. Г. Орловъ (Архивъ, 1873, I); Кн. Г. Г. Орловъ („Русск. Стар.“, 1871, III, 676, 1872, V, 132, 135; 1873, VIII, 693, 700, 705, 828); Лонгиновъ, Сатирич. каталогъ при дворѣ Екатерины II (Архивъ, 1871, 2039; №№ 3, 31, 32, 33, 34, 35); Барышниковъ, Изъ семейнаго архива села Витебита (Архивъ, 1870, 932, 941, 945, 949, 952); Blum, Sievers Denkwürdigkeiten, I, 379; Карновичъ; Богатства частныхъ людей, 305; Бюлеръ, Эпизоды изъ царствованія Екатерины II (Русск. Вѣстн., 1870, II, 1); Сочиненія Державина, изд. Грота, IX, 709; Корсаковъ, Стогоннии воцаренія Екатерины II (Истор. Вѣстн., 1884, XV, 237); Извѣстіе о восшествіи на престолъ Екатерины II (Россія, 1877, I, 225, изъ The Academy, 1875, April); Reimers, I, 301; Вейдемейеръ, Дворъ. I, 11; Бантышъ-К., Словарь, IV, 49; Списки, 112, 214; Долгоруковъ, II, 317; Карабановъ-Долгоруковъ, 125, 130, 194; Артемьевъ, Медальныя комитеты (Зап. археол. общества, III, 199); Heggmann, V, 284, 323, 565, 669; VII, 609, 613, 623, 629; Соловьевъ, XXV, 108; XXVIII, 338, 339, 343, 430; XXIX, 168, 189, 191; Сантовъ, 99.

В. В.

НѢМЕЦЪ И ФРАНЦУЗЪ ВЪ ЗАПИСКАХЪ СВОИХЪ О РОССИИ

въ 1839 г.

1839 году особенно посчастливилось: французскій туристъ и нѣмецъ, состоящій на голландской службѣ, одновременно удостоили наше отечество своимъ посѣщеніемъ и завѣщали потомству впечатлѣнія, выданные знакомствомъ съ великою имперіею. Случайно оба автора встрѣтили и бесѣдовали въ Россіи съ тѣми же лицами, были свидѣтелями тѣхъ же празднествъ и потому сообщаемыя ими свѣдѣнія взаимно другъ друга дополняютъ.

Въ свое время путевыя замѣтки французскаго туриста, аристократа и клерикала, возбудили много неудовольствія въ русскомъ обществѣ; даже официальныя сферы утратили, при появленіи этого труда, свойственное имъ тогда ненарушимое олимпійское спокойствіе. Между прочимъ, и такія даровитыя личности, какъ Ф. И. Тютчевъ, осудили книгу: «La Russie en 1839» самымъ безпощаднымъ и рѣзкимъ образомъ. Стоитъ припомнить здѣсь этотъ отзывъ нашего поэта.

— «Вышеупомянутое сочиненіе, говоритъ Тютчевъ, служитъ новымъ доказательствомъ того умственного безстыдства и духовнаго растлѣнія (отличительныя черты нашего времени, особенно во Франціи) благодаря которымъ позволяютъ себѣ относиться къ самымъ важнымъ и возвышеннымъ вопросамъ болѣе нервами, чѣмъ разсудкомъ; дерзаютъ судить весь міръ менѣе серьезно, чѣмъ бывало относились къ критическому разбору водевиля ¹⁾».

Другой поэтъ нашъ В. А. Жуковскій еще строже осудилъ автора «La Russie en 1839».

Въ письмахъ Булгакову онъ говоритъ слѣдующее: «Читалъ ли ты собаку Кюстина? Вѣрно, читалъ. Я не хочу знать, что ты думаешь о его похвальномъ словѣ русскому народу въ 4 томахъ in 8°. Но вотъ

¹⁾ „Русскій Архивъ 1873 г. Записка Ф. И. Тютчева: „Россія и Германія 1844“.

что желаю знать, видѣлъ ли ты его самого, когда онъ былъ въ Москвѣ? Я самъ былъ въ Москвѣ въ его время, ибо это было въ эпоху Воронинской годовщины, но я о немъ не слыхалъ ¹⁾».

«Дневникъ путешествія въ Россію въ 1839 году» Фридриха Гагерна постигла иная участь. Онъ появился въ печати лишь въ 1857 году и прошелъ незамѣченнымъ въ многотомной біографіи этого генерала, составленной его братомъ Гейнрихомъ Гагерномъ: «Das Leben des Generals Friedrich von Gagern» (Leipzig. 3 B., 1857), потонувъ безслѣдно въ массѣ приложений къ этому объемистому труду. Дневникъ Гагерна не обратилъ до сихъ поръ на себя вниманіе въ русской исторической литературѣ.

Безпристрастная историческая критика должна, однако, признать, что, не смотря на неблагопріятныя отзывы о Россіи обоихъ путешественниковъ, составленныя ими записки исполнены для русскихъ читателей высокаго интереса. Ошибочныя сужденія ихъ обусловлены отчасти западно-европейскими предрасудками, отчасти же непониманіемъ явленій открывшагося передъ ними новаго міра, съ чуждыми имъ стремленіями, вѣрованіями и идеалами. Рядомъ съ повѣствованіями, искажающими смыслъ многихъ событій, встрѣчаются мѣтко подмѣченныя явленія тогдашней жизни и удачныя характеристики главныхъ историческихъ дѣятелей этой эпохи; нерѣдко оба путешественника воспроизводятъ цѣлыя разговоры, служащія прекрасною характеристикой описываемаго времени и русскаго общества. Въ настоящее время, когда прошлая жизнь Россіи не скрыта болѣе отъ вниманія изслѣдователей нашей старины, все это не должно долѣе оставаться чуждымъ исторической любознательности современнаго поколѣнія.

Н. Е. Шмалдеръ.

¹⁾ Не лишена также интереса слѣдующая замѣтка, встрѣчающаяся въ дневникѣ извѣстнаго писателя Варнгагена фонъ-Энзе (29 го сентября 1843 г.): «Камергеръ Т. привезъ мнѣ поклонъ изъ Москвы и Петербурга ... О Кюстина въ отзывѣ своемъ довольно спокойно; поправляетъ, гдѣ требуется, и не отрицаетъ достоинствъ книги. По его словамъ, она произвела въ Россіи огромное впечатлѣніе: вся образованная и дѣльная часть публики согласна съ мнѣніемъ автора; книгу почти вовсе не бранятъ, напротивъ, еще хвалятъ ея тонъ. Будто бы даже самъ генералъ Бенкендорфъ откровенно признался императору, что „monsieur Custine n'a fait que formuler les idées que tout le monde a depuis longtemps sur nous, que nous avons nous-mêmes“. Однакоже, императоръ крайне недоволенъ тѣмъ, что авторъ какъ-бы старался вездѣ отдѣлять интересы государя отъ интересовъ его народа».

Не есть ли этотъ камергеръ Т. самъ Ф. И. Тютчевъ, въ такомъ случаѣ любопытно сопоставить его отзывъ о книгѣ Кюстина въ 1843 г. съ вышеприведеннымъ отзывомъ его 1844 года.

ФРИДРИХЪ ГАГЕРНЪ, „ДНЕВНИКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО РОССИИ ВЪ 1839 Г.“

(Journal meiner Reise nach Russland im Jahre 1839).

Въ 1839 году Нидерландскій король назначилъ полковника Гагерна состоять при принцѣ Александрѣ ¹⁾, для сопровожденія его во время поѣздки по Россіи ко двору императора Николая. Принцъ посѣтилъ С.-Петербургъ, Москву, лагерь русскихъ войскъ при Бородинѣ и Варшаву.

Дневникъ, составленный Гагерномъ, по возвращеніи въ Голландію, конечно, не предназначался для печати, и потому отзывы и впечатлѣнія, записанные этимъ даровитымъ, высоко образованнымъ человѣкомъ, заслуживаютъ тѣмъ большаго съ нашей стороны вниманія.

Передъ отъѣздомъ Гагерна, принцъ Оранскій, взявши подробныхъ инструкцій, обратился къ нему только съ нижеслѣдующими словами:

— «Я просилъ императора доставить вамъ случай осмотрѣть въ подробности русскихъ драгунъ; представьте мнѣ, по возвращеніи, объ этомъ донесеніе».

Принцесса Оранская (великая княгиня Анна Павловна) обошлась съ Гагерномъ любезнѣе, и послѣ обѣда вступила съ нимъ въ разговоръ о Россіи и предубѣжденіяхъ, которыя питаютъ за границею противъ ея отечества. Бесѣда ея заключилась слѣдующими словами:

— «Je suis bien aise, que vous ayez l'occasion de voir par vos yeux; je vous recommande mon fils; je sais que je ne puis mieux le confier; j'espère qu'il plaira en Russie; il est le filleul de l'empereur Alexandre, il lui ressemble sous beaucoup de rapports, et je crois que c'est encore un titre pour être bien reçu en Russie» ²⁾.

¹⁾ Старшій сынъ принца Оранскаго и в. кн. Анны Павловны. Род. въ 1817 г. 19 февр. Скончался на островѣ Мадерѣ въ 1849 году. II. III.

²⁾ Принцъ Оранскій отличался крайнею расчетливостію, если не скупоствію. Гагернъ жалуется въ своемъ дневникѣ на плохую обстановку путешественниковъ, въ финансовомъ отношеніи, на невозможныя дорожныя издержки и пр. Любопытенъ также слѣдующій рассказъ, дополняющій собою эту обстановку. Передъ отъѣздомъ Гагернъ ожидалъ приглашенія на балъ въ принцу Оранскому. Но онъ не удостоился этой чести. «Вмѣсто меня было

Не лишнее будетъ представить здѣсь характеристику принца Александра Оранскаго, сдѣланную Гагерномъ: «Это былъ молодой человекъ 21 года; здоровый, сильный, хорошо сложенный, не избалованный, не питавшій еще страстныхъ увлеченій къ женщинамъ. Черты лица его—совершенно нѣмецкаго — не имѣли отличительнаго выраженія, хотя характеръ его уже вполнѣ обрисовывался ими. Нельзя не признать въ немъ холодность, настойчивость до упрямства, здравый смыслъ (если онъ не стѣсненъ предубѣжденіями), наблюдательность, желаніе учиться—съ одностороннимъ предпочтеніемъ ко всему военному гордость, даже тщеславіе, высокое мнѣніе о себѣ и ничѣмъ не сдерживаемый эгоизмъ. Въ немъ замѣчается совершенное отсутствіе теплоты... Событія и послѣдствія бельгійской революціи пробудили въ немъ такую склонность къ деспотизму и ненависть къ свободнымъ учрежденіямъ, что передъ ними блѣднѣютъ всѣ воспоминанія, составляющія основаніе славы Оранскаго дома».

Путешественники отправились въ дорогу ночью, съ 23-го на 24-е іюля, и по достиженіи Любека въ 76 часовъ, они совершили моремъ переѣздъ изъ Травермюнде въ Кронштадтъ. Обратимся теперь къ самому разсказу Гагерна и приведемъ изъ него нѣкоторыя выдержки ¹⁾.

Н. К. Шмьдъръ.

приглашено нѣсколько покойниковъ къ этому *festin de piere*. Случилось оно слѣдующимъ образомъ: принцъ Оранскій не имѣетъ гофмаршала, но имѣетъ привычку лично въ домѣ всѣмъ распоряжаться, а также приглашеніями. Для этой цѣли онъ пользуется старыми списками, въ которыхъ скончавшіеся еще не вычеркнуты и вновь прибывшія лица не отмѣчены; при этомъ руководствуется совѣтами фурьера. Я былъ очень радъ тому, что обо мнѣ позабыли».

¹⁾ Приведемъ здѣсь также отзывъ Гагерна о сочиненіи Кюстина, выказанный имъ въ 1843 г. въ письмѣ къ отцу:

— «Я прочелъ съ интересомъ сочиненіе: „La Russie en 1839“. Я не нашелъ въ немъ ничего новаго, но встрѣтилъ подтвержденіе моихъ собственныхъ взглядовъ. Онъ страдаетъ только излишнею декламаціею и католическими предубѣжденіями».

Н. III.

ПРІЗЪДЪ ВЪ РОССІЮ.

29-го числа, утромъ, мы увидѣли островъ Борнгольмъ и Готландскій материкъ, а 30-го числа Ревельское побережье. Вскорѣ затѣмъ мы замѣтили русскіе фрегаты и въблизи островъ Голланда встрѣтили весь русскій флотъ, 26 вымпеловъ, въ числѣ которыхъ находились три 80-ти пушечныхъ трехъ-дечныхъ корабля,—прекрасное и величественное зрѣлище! Въ 1814 году я видѣлъ англійскій флотъ въ устьѣ р. Шельды, и съ тѣхъ поръ не встрѣчалъ большаго числа судовъ. Мы проѣхали черезъ русскій флотъ, который встрѣтилъ принца королевскимъ салютомъ.

Графъ X. ¹⁾ высказалъ довольно откровенно свое мнѣніе объ этомъ флотѣ: это дорогая игрушка императора и, собственно говоря, не имѣетъ цѣли (?). Большую часть времени года онъ замкнутъ льдами Финскаго залива; онъ не можетъ выйти изъ Балтійскаго моря и не въ состояніи выдержать борьбы съ англійскимъ флотомъ. Эта критика показалась мнѣ слишкомъ рѣзкою. Прежде всего русскій балтійскій флотъ содѣйствуетъ къ удержанію Швеціи въ зависимости; затѣмъ, присутствіемъ его достигается и другая немаловажная выгода; господство надъ балтійскимъ побережьемъ флота, въ соединеніи съ русскою арміею.

30-го числа, въ 11 часовъ ночи, мы подошли къ Кронштадту, но таможня препятствовала войти въ гавань. Мы воспользовались ночью, чтобы облечь себя въ полную парадную форму, въ ожиданіи прибытія, рано утромъ, адъютанта императора, который бы повезъ насъ въ Петергофъ.

Едва разсвѣтало, какъ появилась императорская паровая яхта, на которой находились кронштадтскій комендантъ адмиралъ Беллингаузенъ и графъ Сухтеленъ (генералъ свиты императора), равно какъ и г. Геверсъ, нидерландскій повѣренный въ дѣлахъ, за отсутствіемъ посланника графа Шимельпенинкъ.

¹⁾ Одинъ изъ русскихъ пассажировъ на пароходѣ, сопутствовавшихъ Гагерну; ранѣе онъ упоминаетъ, что это полякъ, зять графа Н. Н. Ш.

Петергофъ, Ораніенбаумъ, Марли и Монплезиръ.

31-го іюля. Мы высадились въ петергофской гавани, гдѣ находились двѣ линейки, которыя повезли насъ черезъ паркъ въ Cottage, въ мѣстопребываніе императорской фамилии. Въ паркѣ мы увидѣли почернѣвшіе лѣса большой иллюминаціи, сожженной по случаю бракосочетанія в. кн. Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ.

Едва успѣли мы выйти изъ экипажей у Cottage, какъ подъѣхалъ императоръ въ коляскѣ и весьма любезно поздоровался съ принцемъ Александромъ. Императоръ обратился также весьма милостиво ко мнѣ и къ Риго ¹⁾, и затѣмъ всѣ мы вошли въ Cottage. Императоръ тотчасъ-же повелъ принца Александра къ императрицѣ; остальные—графъ Сухтеленъ, Риго и я, оставались въ пріемной, гдѣ находилась также графиня Гауке, фрейлина императрицы. Вскорѣ затѣмъ мы были приглашены къ императрицѣ, и представлены ей, равно какъ и великимъ княжнамъ Ольгѣ Николаевнѣ и Александрѣ Николаевнѣ.

Затѣмъ начался рядъ визитовъ съ принцемъ Александромъ къ ново-брачнымъ къ в. кн. Маріи Николаевнѣ и къ герцогу Лейхтенбергскому; въ Ораніенбаумъ къ в. к. Михаилу и в. кн. Еленѣ Павловнѣ, сестрѣ герцогини Насаусской; наконецъ, къ наслѣднику, который жилъ въ фермѣ, гдѣ была въ томъ же домѣ приготовлена квартира для принца Александра.

Мы (т. е. Риго и я) жили вблизи, въ такъ называемой maison gothique, гдѣ помѣщались также эрцъ-герцогъ Альбрехтъ, сынъ эрцъ-герцога Карла, и его многочисленная свита.

Принцъ обѣдалъ сегодня за семейнымъ столомъ у в. к. Маріи Николаевны; мы оба, Риго и я, съ графомъ Сухтеленомъ, сдѣлали визитъ министру императорскаго двора князю Волконскому и обѣдали затѣмъ за гофмаршальскимъ столомъ. На этомъ обѣдѣ гостей принималъ гофмаршалъ князь Николай Долгорукій; я встрѣтилъ тамъ, между прочимъ, оберъ-шталмейстера князя Василя Долгорукова, оберъ-церемоніймейстера князя Головкина и множество адъютантовъ императора, начиная отъ генераль-лейтенантовъ и кончая подпоручиками, между которыми находились Паткуль, Розенъ, Толстой и др. Гофмаршальскій столъ былъ сервированъ въ Петергофскомъ дворцѣ, построенномъ еще Петромъ Великимъ.

¹⁾ Другой спутникъ Александра.

Послѣ обѣда мы совершили съ Сухтеленемъ прогулку по парку и посѣтили Марли и Монплезиръ, которыя полны еще воспоминаніями о Петрѣ Великомъ. Его гардеробъ, его палки, привезенная вмѣ изъ Голландіи посуда и фарфоръ сохраняются въ Марли и показываются иностранцамъ.

Послѣ этой прогулки мы посѣщали въ *maison gothique* и были весьма рады отдохнуть, послѣ довольно утомительнаго путешествія.

Прежде чѣмъ продолжать мое повѣствованіе, я сдѣлаю характеристику членовъ императорской фамиліи или, вѣрнѣе, передамъ впечатлѣніе, произведенное ими на меня. Впослѣдствіи я буду имѣть еще неоднократно случаи дополнить эту характеристику отдѣльными чертами.

При русскомъ дворѣ императоръ Николай самое выдающееся лицо, не только потому что онъ государь, но и по своей личности, которая весьма замѣчательна, даже если привести къ голой правдѣ похвалы, которыя лезть столь щедро расточаетъ могущественному монарху міра.

Императоръ очень красивый человѣкъ, профиль его отличается благородствомъ и величественностію. Безчисленное множество имѣющихся портретовъ его весьма похожи, хотя и представляютъ его слишкомъ молодымъ. Было время, когда императора, можетъ быть, справедливо называли красивѣйшимъ мужчиною въ своемъ государствѣ; но если вѣчто подобное было вѣрно въ продолженіе около двадцати лѣтъ, то наступаетъ, наконецъ, время, когда оно перестаетъ быть истиною, и я надѣюсь, что императоръ смотритъ безъ большаго сожалѣнія на приближеніе времени, когда придется сложить съ себя вѣнецъ красоты. Привычка императора появляться въ одинъ и тотъ же день въ пяти и даже въ шести мундирахъ—есть (недостатокъ). Но при той необыкновенной дѣятельности, которая всѣми за нимъ признана, онъ, какъ говорятъ, находитъ время на все. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я видѣлъ его большею частію въ дорогѣ или занятымъ (военными экзерциціями).

Что же касается до характера императора Николая, то я намѣренъ высказать все то, что я слышалъ объ этомъ отъ безпристрастныхъ лицъ—похвалу и порицаніе; я лично не могу имѣть объ этомъ никакого мнѣнія.

Императоръ проявляетъ необыкновенную дѣятельность и энергію, самъ дѣлаетъ и наблюдаетъ многое, входитъ даже въ подробности; со времени вступленія своего на престолъ, онъ далъ государству такой толчекъ,

и многія отрасли правленія сдѣлали такіе успѣхи, что совершенно за темнили царствованіе Александра. Но при этомъ его упрекають въ томъ, что внимательство его переходитъ часто въ суровость, что онъ слишкомъ требователенъ (*qu'il tend trop les cordes*), а между тѣмъ не искореняетъ главныхъ недостатковъ.

Въ немъ хватать, что онъ охотно выслушиваетъ правду со стороны лицъ, пользующихся его довѣріемъ. Среди лицъ, чистосердечно высказывающихъ ему истину, называютъ: графа Орлова, графа Бенкендорфа, прусскаго полковника Рауха. При многихъ слабостяхъ императоръ отличается открытымъ, рыцарскимъ характеромъ; онъ не таитъ въ себѣ долго подозрѣнія (въ чемъ упрекають императора Александра Павловича), а если полагаетъ имѣть на то причину, велитъ тотчасъ изслѣдовать дѣло и является строгимъ судьей.

Очень тягостный и непріятный недостатокъ для его приближенныхъ, это его обыкновеніе переходить отъ большой фамиліарности въ отталкивающей гордости и являться въ одинъ и тотъ же день для одного и того же лица совсѣмъ различнымъ человекомъ, то другомъ, то императоромъ.

Желаніе себя выказать въ малыхъ и ничтожныхъ вещахъ доходить у него даже до крайности. Къ величайшимъ его слабостямъ принадлежитъ утомительная страсть къ военнымъ экзерциціямъ и маневрированію, хотя онъ лично того убѣжденія, что не годится въ полководцы. Если съ величайшею осторожностью выражаются при русскомъ дворѣ о самомъ императорѣ, то относительно этого сознаются всѣ его адъютанты, что парады, лагеря и полевые маневры имъ (очень тяжелы).

Императоръ хорошій супругъ и отецъ; въ особенности съ императрицею обращается онъ съ величайшею внимательностью и нѣжностью.

Императрица Александра Федоровна имѣетъ болѣзненный видъ; нервы ея весьма разстроены; ея движенія и ея разговоръ отличаются чѣмъ-то отрывистымъ. При этомъ одѣвается она какъ молодая. Ея профиль, хотя немного суровый, все еще прекрасенъ. Императрица пользуется большою любовью за свою доброту и за то, что дѣйствуетъ всегда на государя успокаивающимъ образомъ; поэтому опасаются ея утраты. Она очень любитъ императора...

Наслѣдникъ цесаревичъ, какъ говорятъ, отличается большимъ добродушіемъ. Нѣкоторые не признають за нимъ достаточной энергіи, чтобы держать бразды правленія столь твердою рукою, какъ его отецъ. Здоровье его, какъ говорятъ, пострадало отъ многихъ утомительныхъ путешествій, которыя онъ долженъ былъ предпринять еще въ

юношескомъ возрастѣ, въ обществѣ своего отца, и грудь его нѣсколько слаба.

Второй сынъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, очень уменъ, онъ предназначается для флота. Оба младшіе сыновья еще дѣти.

Всѣ три великія княжны весьма красивы, но совершенно не похожи другъ на друга.

Старшая, великая княгиня Марія Николаевна, супруга герцога Лейхтенбергскаго, мала ростомъ, но чертами лица и характеромъ вылитый отецъ. Профиль ея имѣетъ также большое сходство съ профилемъ императрицы Екатерины въ годы ея юности. Великая княгиня Марія любимица своего отца, и полагаютъ, что, въ случаѣ кончины императрицы, она приобрѣла бы большое вліяніе. Вообще, кто можетъ предвидѣть будущее въ этой странѣ? Великая княгиня Марія Николаевна обладаетъ, конечно, многими дарованіями, равно какъ и желаніемъ повелѣвать; уже въ первые дни замужества она приняла въ свои руки бразды правленія.

Герцогъ Лейхтенбергскій красивый молодой человекъ; хвалятъ также и его характеръ...

Вторая великая княгиня Ольга Николаевна любимица всѣхъ русскихъ; дѣйствительно, невозможно представить себѣ болѣе милого лица, на которомъ выражались бы въ такой степени кротость, доброта и снисходительность. Она очень стройна, съ прозрачнымъ цвѣтомъ лица и въ глазахъ тотъ необыкновенный блескъ, который поэты и влюбленные называютъ небеснымъ, но который внушаетъ опасеніе врачамъ. Въ Петербургѣ носился слухъ, что она предназначена въ супруги эрцъ-герцогу Альбрехту, сыну эрцъ-герцога Карла; но во все время моего пребыванія я ничего не могъ замѣтить, что подтверждало бы это предположеніе.

Самая младшая великая княгиня Александра 13 лѣтъ, и въ ней еще есть что-то дѣтское; она очень жива, шаловлива и общается * быть красивойшей среди сестеръ. Она часто дразнила принца Александра.

Братъ императора, великій князь Михаилъ, которому я былъ особенно рекомендованъ принцемъ Оранскимъ, и который зналъ меня еще со времени нашихъ лагерныхъ сборовъ при «Reuен», принималъ меня постоянно весьма милостиво. Виѣшность его непривлекательна; въ немъ есть что-то мрачное и суровое, но въ сущности его можно назвать «le bourgeois bienfaisant»; о немъ рассказываютъ случаи, гдѣ онъ проявилъ прекрасныя черты великодушія. Онъ начальникъ гвардейскаго корпуса и всей артиллеріи, но имѣетъ мало вліянія, — и въ

дѣйствительности императоръ самъ командуетъ гвардіей. Великій князь Михайль иногда очень остроуменъ. Въ дѣлахъ, какъ говорятъ, онъ также мало имѣетъ вліянія, да и здоровье его страдаетъ. Въ Петербургѣ у него свой собственный дворецъ, лѣтомъ же онъ живетъ въ Ораніенбаумѣ или въ Павловскѣ.

Его супруга, великая княгиня Елена, урожденная принцесса Вюртембергская, и сестра герцогини Нассау, была очень красива, даже, можно сказать, красива теперь (1839 г.). Она весьма умна. Ей также ставятъ въ упрекъ, что она не всегда владѣетъ своимъ остроуміемъ и живостью, поэтому ее боятся. Когда я былъ представленъ ей въ Ораніенбаумѣ, она сказала:

— «О, вы Нассаусецъ, я хорошо знаю ваше семейство; вашего отца я часто встрѣчала при Нассаускомъ дворѣ, онъ пожилой, но очень живой человѣкъ; у васъ есть еще братъ въ Дармштадской палатѣ; не правда-ли, вѣдь это вашъ братъ?»

При этомъ я долженъ упомянуть, что вскорѣ послѣ моего приѣзда я замѣтилъ, что политическія воззрѣнія моихъ отца и брата хорошо извѣстны при русскомъ дворѣ и такъ какъ меня окрашивали въ тѣ-же политическіе цвѣта, то я могъ какъ бы читать на всѣхъ лицахъ вопросъ: «какъ могло случиться, что такого избрали въ спутники принца Александра?»

Въ теченіе моего пребыванія это отчужденіе все болѣе и болѣе уменьшалось. Почему? Частью это будетъ видно изъ продолженія моего разсказа, главною же причиною могло быть лишь то, что люди, о которыхъ положительно знаешь, чего можно ожидать отъ нихъ, во всякомъ случаѣ покойнѣе, чѣмъ совершенно неизвѣстныя величины. Что я не опасаясь признать свой цвѣтъ, въ этомъ скоро можно было убѣдиться, и многимъ это нравилось.

Петербургъ.

1го августа. Принцу Александру на все время пребыванія его въ Россіи въ должности адъютанта и постоянного провожатаго назначенъ былъ генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ. Онъ долженъ былъ заботиться о всѣхъ нашихъ нуждахъ. Такъ какъ онъ былъ нашимъ путеводителемъ и совѣтникомъ, то постараюсь его обрисовать.

Пятидесятилѣтній, но красивый, хорошо сохранившійся, человѣкъ, изящный и все еще со всѣми притязаніями юности, легкомысленный, расточительный, добродушный, чистосердечный и открытый, онъ вполнѣ *galant homme*, не смотря на тщеславіе, съ которымъ онъ выставляетъ свои успѣхи у женщинъ. Одинъ другъ его юности, который, судя по

его манерамъ и вѣщности, уже совершенно старый человѣкъ, обращаясь къ нему, всегда называетъ его: *mon cher sous-lieutenant*. Онъ голландскаго происхожденія; отецъ его, инженеръ, вступилъ на русскую службу при Екатеринѣ, былъ у ней въ большой милости и, какъ начальникъ главнаго штаба и посланникъ въ Стокгольмѣ, оказалъ государству важныя услуги. Къ хорошимъ качествамъ Сухтелена принадлежить уваженіе къ памяти отца и брата, которые уже умерли. Онъ любитъ говорить: «*Mon père et mon frère étaient des hommes d'un si grand mérite, que je suis doublement honteux de n'en avoir aucun*». Я скоро сталъ къ нему въ самыя лучшія отношенія.

Мой первый дружескій разговоръ съ нимъ былъ слѣдующій. Онъ замѣтилъ: «вашъ принцъ поздно пріѣхалъ, ему слѣдовало-бы пріѣхать къ бракосочетанію великой княгини Маріи. Государю очень неприятно, что къ этому торжеству не явился ни одинъ изъ принцевъ родственныхъ домовъ; онъ это поставилъ бы очень высоко, также и потому, что этотъ бракъ находилъ оппозицію въ самой Россіи и не нравился иностраннымъ дворамъ».

Я отвѣчалъ: «принцъ Александръ не могъ бы уѣхать отъ свадьбы своего брата, которая была одновременно со свадьбой герцога Лейхтенбергскаго». Въ подобномъ-же родѣ послѣ говорили со мной совершенно откровенно другія придворныя лица, на примѣръ, князь Николай Долгорукій.

Къ 1 августа императоръ Николай отправился къ флоту, чтобы произвести ему маневры. Такъ какъ принцъ Александръ пожелалъ сопровождать его, но государь не хотѣлъ согласиться на это, потому что принцъ былъ еще утомленъ путешествіемъ, то мы должны были воспользоваться днями отсутствія императора, чтобы осмотрѣть Петербургъ, гдѣ для этой же цѣли находился эрцгерцогъ Альбрехтъ.

Такимъ образомъ, къ 1 августа мы отправились въ Петербургъ и остановились въ новомъ Зимнемъ дворцѣ, вновь выстроенномъ послѣ пожара въ невѣроятнo короткое время, почти въ томъ же самомъ видѣ, какъ прежде; фасады не изъ красивѣйшихъ, и здѣсь главнымъ было желаніе идти наперекоръ стихіи, отважившейся разрушить императорскій дворецъ. Вообще русскіе очень рады, когда они могутъ похвалиться: «мы имѣемъ самое большое», что бы то ни было—дворецъ, театръ или крѣпость; или еще: «никогда столь большое зданіе не было возведено въ столь короткое время». Величина и скорость для нихъ значать больше, чѣмъ доброкачественность и красота (?). Наполеонъ справедливо замѣтилъ о нихъ: «*soulevez l'épiderme et vous trouverez le tartare*». Невыгодныя послѣдствія столь большой поспѣшности повсюду видны въ Зимнемъ дворцѣ: сырыя, нездоровыя

стѣны, всѣ комнаты дѣтомъ много топились для просушки, поэтому уже во многихъ апартаментѣхъ стало невозможно жить (1839 г.).

Должно-ли мнѣ начать разсказывать о нашихъ поѣздкахъ по Петербургу и дать описаніе всѣхъ достопримѣчательностей, которыя мы осмотрѣли?

Оно было-бы слишкомъ скучно и всякій путеводитель можетъ лучше исполнить это. Я только кратко перечислю, что, нѣкоторымъ образомъ, намъ было разрѣшено осмотрѣть.

Прежде всего мы обошли Зимній дворецъ, который такъ великъ, что въ немъ легко запутаться. Болѣе красивымъ и изящнымъ являются тамъ апартаменты императрицы въ мавританскомъ вкусѣ; образцомъ здѣсь послужила Альгамбра; образцомъ русской пышности можетъ служить здѣсь зимній садъ, въ особенности-же маленькія перегородки или красивыя деревянныя рѣшетки, по которымъ вѣется свѣжій плющъ; ванная комната императрицы тотъ-же зимній садъ.

Въ ея комнатахъ мы замѣчаемъ нѣкоторыя воспоминанія о Пруссіи, такъ, напримѣръ, большую ширму, на которой представленъ во весь ростъ прусскій гренадеръ изъ гвардіи великановъ Фридриха-Вильгельма I.

Потомъ мы осмотрѣли Эрмитажъ, гдѣ такъ многое оживляетъ въ памяти частную жизнь императрицы Екатерины. Картинная галерея Эрмитажа особенно богата произведеніями художниковъ нидерландской школы: Рембранта, Рюисдаля, Вуверманса.

Въ Зимнемъ дворцѣ находится фельдмаршальская зала; въ ней висятъ портреты Потемкина (въ его молодости), Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича, Паскевича. Еще два мѣста не заняты, кто назоветъ ихъ имена?

Передъ этимъ дворцомъ на большой, нестесанной гранитной глыбѣ стоитъ конная статуя Петра Великаго съ простою надписью: «Петру Первому Екатерина Вторая».

Изъ церквей мы видѣли Казанскій соборъ нѣсколько своеобразной архитектуры; полукруглая колоннада образуетъ входъ въ церковь. Въ соборѣ находится массивный серебряный иконостасъ, даръ казаковъ изъ отбитой у французовъ добычи, которые сами награбили это се ребро изъ церквей. Потомъ осмотрѣли новый Исакіевскій соборъ, построенный французскимъ архитекторомъ Монферраномъ; соборъ коринфскаго ордера, гранитныя колонны 42 футовъ высотой, сводъ купола изъ желѣза. Зданіе обезображено четырьмя небольшими колокольнями на четырехъ углахъ; эти колокольни, мнѣ кажется, требуются греческимъ обрядомъ, потому что, какъ архитектурныя украшенія, они не были бы, конечно, употреблены строителемъ. Этотъ господинъ Монферранъ должно быть очень интересный человѣкъ; на массу пріобрѣ-

тенныхъ отъ большихъ построекъ денегъ онъ ведетъ разгульную жизнь, и въ домѣ его собираются всѣ иностранные художники.

Лѣса Исакиевскаго собора еще стояли; Монферранъ повелъ насъ на верхъ, и съ этой высоты намъ представилась прелестнѣйшая панорама Петербурга.

Петербургъ, въ отношеніи главныхъ улицъ, выстроенъ расходящимися линіями, которыя всѣ направлены къ крѣпостной башнѣ. Громадный городъ, но, конечно—тепличное произведеніе ; населеніе его составлено изъ всѣхъ націй. Перестань Петербургъ быть столицей огромнаго государства, онъ очень скоро пришелъ бы въ упадокъ. Климатъ въ высшей степени нездоровый, къ этому присоединяется возможность наводненія, противъ котораго нѣтъ никакихъ средствъ защиты. Вообще Петербургъ можетъ правиться только раг рѣflexion, именно, когда подумаешь, что все это созданіе одного столѣтія.

Послѣ обѣда мы сдѣлали визитъ эрцгерцогу Альбрехту, его не застали, а черезъ полчаса самъ онъ отдалъ намъ визитъ. Это еще молодой человѣкъ, не очень привлекательной наружности, съ австрійской висячей губой, но своей простотой и любезностью скоро вселившій во всѣхъ русскихъ убѣжденіе, что voilà un véritable grand seigneur. Составлявшіе его свиту, князь Карлъ Лихтенштейнъ, генераль Pigé de-Bihain, майоръ графъ Грюнне, капитанъ баронъ Вернгардтъ и ротмистръ Крааль, были нашими хорошими знакомыми во все время пребыванія въ Россіи, и я еще часто буду упоминать о нихъ. То обстоятельство, что раньше я служилъ въ Австріи, много способствовало нашему сближенію.

Послѣ посѣщенія эрцгерцога, мы отдали визитъ принцу Ольденбургскому и графу Нессельроде, но ни одного изъ нихъ не застали дома.

Затѣмъ мы совершили прогулку на острова. Эти острова представляютъ собою петербургскій пратеръ или champs-élysées, но печальная растительность, состоящая изъ березъ и елей, елей и березъ, все не такого свойства, чтобы вызвать восхищеніе. При этомъ климатъ садоводство не удастся, не смотря ни на какія старанія.

Кромѣ растительности, и человѣческая раса здѣсь также очень безобразна. Длинные бороды, придающія всегда лицу мужчинъ характеръ и выраженіе, нѣкоторымъ образомъ, скрадываютъ у нихъ безобразіе, но среди простаго народа не замѣтишь сноснаго женскаго лица, всѣ не только безобразны, но еще и очень рано старѣются.

Русскіе бородатые кучера съ ихъ длинными армяками и низкими круглыми шапками, дрожки съ ихъ упряжью часто были уже описы-

ваемы; они тѣмъ болѣе относятся къ картинѣ мѣстной жизни, что въ Петербургѣ почти каждый ѣздитъ.

Мы закончили день въ Каменно-островскомъ театрѣ, гдѣ французскіе актеры представили довольно сносно «Ecole des vieillards».

2 августа. День рожденія принца Александра; по принесеніи ему нашихъ поздравленій мы продолжали нашъ объѣздъ Петербурга. Сегодня мы видѣли:

Домикъ Петра Великаго, ему придали видъ часовни, въ которой великаго человѣка почитаютъ, какъ святаго (?).

Крѣпость и въ ней Петропавловскій соборъ, заключающій въ себѣ гробницы императорской фамилии. Особенность ихъ составляютъ памятники, имѣющіе видъ гробовъ, покрытые богатыми матеріями и стоящіе посреди церкви, а не подъ сводами. Настоящія могилы находятся подъ этими памятниками.

Въ этой-же крѣпости мы видѣли первый русскій корабль, построенный самимъ Петромъ Великимъ, по крайней мѣрѣ онъ прикладывалъ къ нему свои руки. Этотъ корабликъ есть зачатокъ русскаго морскаго могущества.

Затѣмъ мы отправились въ главный штабъ, очень громадное учрежденіе, во главѣ котораго находится ген. Шубертъ. Здѣсь мы видѣли чертежную, въ которой исполняются планы по системѣ Лемана, затѣмъ сѣтъ треангуляціи, произведенной въ русской имперіи. Генералъ Шубертъ говорилъ, что нельзя было продолжать треангуляцію далѣе по степямъ, прежде всего по недостатку тамъ матерьяла для постройки сигналовъ и обсерваторій; при этомъ я вступилъ съ нимъ въ небольшой споръ о возможности и полезности употребленія маленькихъ земляныхъ пирамидъ, которыя могли бы служить сигналами въ степяхъ. Онъ закончилъ словами: это стоило-бъ испытать.

Къ особенностямъ Петербурга принадлежитъ деревянная мостовая, которая устроена мѣстами на широкихъ улицахъ. Это не что иное, какъ еловые куски, образующіе шестиугольники и пригнанные другъ къ другу, какъ ячейки; ѣздить по нимъ очень мягко и удобно, но они очень дороги, такъ какъ ихъ часто нужно возобновлять.

Сегодня мы возвратились обратно въ Петергофъ и посѣтили по пути графа Орлова, живущаго на полдорогѣ, въ Стрѣльнѣ, въ своей новой готической дачѣ.

Графъ Орловъ, потомокъ одного изъ фаворитовъ императрицы Екатерины, пользуется большимъ значеніемъ у государя; онъ довѣренный совѣтникъ въ политическихъ вопросахъ и, какъ таковой, пользуется большимъ влияніемъ, чѣмъ графъ Нессельроде, болѣе заботящійся о текущихъ дѣлахъ департамента иностранныхъ дѣлъ. Орловъ

употреблялся въ важныхъ дипломатическихъ миссияхъ; онъ заключилъ Ункларъ-Скалессійскій трактатъ; его послали въ Гагу, чтобы побудить короля къ принятію статей лондонской конференціи.

Большая милость, которую онъ пользуется, начинается съ очень опаснаго возмущенія военныхъ поселеній близъ Новгорода. Нужно было быстро усмирить его; для этого былъ посланъ графъ Орловъ, пѣлющій внушительную наружность. Онъ оставилъ позади себя своихъ адъютантовъ и одинъ, въ полной парадной формѣ, появился среди возмущившихся. Приказавши выступить зачинщикамъ, онъ говорилъ съ ними отъ имени императора очень энергически. Когда одинъ изъ нихъ хотѣлъ заговорить своевольно, Орловъ ударилъ его кулакомъ и командовалъ прочимъ: направо кругомъ! Все повиновалось словамъ команды, и возмущеніе прекратилось.

Графъ Орловъ, кромѣ этого присутствія духа и своего умѣстнаго краснорѣчія, славится еще той чистосердечностью, съ которою онъ высказываетъ государю истину.

Впрочемъ, Орловъ невыносимо высокомеренъ и трудно представить себѣ его надменный видъ. Въ этомъ его превосходить при русскомъ дворѣ одинъ графъ Чернышевъ, военный министръ, у котораго ко всему этому присоединяется тщеславіе бывшаго красавца и хвастливость, съ которою онъ рассказываетъ о своихъ довольно незначительныхъ подвигахъ въ 1813 году.

Тотчасъ по прїѣздѣ въ Петергофъ, мы вмѣстѣ выкупались въ большомъ бассейнѣ, гдѣ нашли много придворныхъ. Купанье очень освѣжило насъ въ эту душливую жару; я не помню, чтобы гдѣ нибудь въ моей жизни я перенесъ такую жару, какъ въ этомъ году въ Петергофѣ. Послѣ купанья, пообѣдали за гофъ-маршальскимъ столомъ въ обществѣ австрійцевъ. Скюртку съ эполетами, фуражка, безъ сабли—служать обыкновенной формой въ Петергофѣ, если не бываетъ особаго приказа.

Затѣмъ былъ вечеръ у старой графини Разумовской, вдовы, разорившейся, какъ говорятъ, на праздникахъ и постройкахъ. Ея новая дача въ готическомъ стилѣ была великолѣпно иллюминирована; императорская фамилія присутствовала на торжествѣ. При этомъ я въ первый разъ услышалъ пѣніе графини Росси (Генриетты Зонтагъ); познакомился я съ нею еще въ Гагѣ, но никогда не слышалъ ея пѣнія. Государь заговорилъ со мною и говорилъ довольно долго объ организаціи русскихъ драгунъ; принцъ Оранскій письменно просилъ его доставить мнѣ случай ближе познакомиться съ этимъ родомъ оружія.

Кромѣ того, я познакомился сегодня съ принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ, супругомъ принцессы Нассауской, который справедливо

высоко цѣнится въ Россіи, потому что онъ занимается болѣе важными, чѣмъ другіе, дѣлами, именно, улучшеніемъ правосудія и администраціи. Лицо принца серьезно и задумчиво, даже почти съ выраженіемъ болѣзненности. Супруги его не было, она нездорова. Воздавши должное принцу Ольденбургскому, я долженъ присовокупить, что онъ былъ со мной необыкновенно холоденъ во все время моего пребыванія; кажется, онъ со мной заговорилъ только одинъ разъ, случайно это или преднамѣренно—я рѣшить не могу.

Потомъ я увидѣлъ графа Воронцова, одесскаго генераль-губернатора, находящагося въ отпуску при дворѣ. Мать его была англичанка, и самъ онъ также воспитывался въ Англіи. Онъ выдѣляется среди прочихъ русскихъ пріятными чертами лица, привлекательнымъ обращеніемъ и любезностью.

Петергофъ. Красное Село. Дудергофъ. Никольское.
Александровское. Ропша. Павловскъ.

3-го августа. Сегодня день тезоименитства великой княгини Маріи. Сначала парадъ кадетскому корпусу, въ присутствіи государя; онъ самъ командовалъ, и они прошли церемоніальнымъ маршемъ. Затѣмъ обѣдня, а въ заключеніе всего *baize-main* у великой княгини. Здѣсь увидѣлъ я въ первый разъ генерала Жюини, англійскаго генерала лорда Anglesen (который при Ватерлоо, подъ именемъ лорда Uxbridge, потерялъ ногу), съ его тремя сыновьями, графа Брагэ etc. Послѣ *baize-main*, Риго, секретарь нидерландскаго посольства Геверсъ и я отправились съ визитами и оставляли свои карточки. Дорогой мы повстрѣчали австрійскаго генерала, котораго не тотчасъ узнали; это былъ самъ императоръ въ австрійскомъ генеральскомъ мундирѣ, ѣздившій съ визитомъ къ эрцгерцогу Альбрехту. Эти *changements de décoration* случаются съ императоромъ очень часто; часъ спустя, онъ появился въ прусскомъ мундирѣ, такъ какъ сегодня день рожденія короля прусскаго.

Во время моихъ разъѣздовъ, я замѣтилъ въ Петергофѣ большое число новыхъ готическихъ домовъ. Готическій стиль теперь à l'ordre du jour; всѣ богатые русскіе люди желаютъ имѣть готическіе дома, которые, однако, строятся чисто по русски, именно, цѣлкомъ изъ дерева; зубцы, архитектурныя украшенія—все деревянное. Подобный домъ стоитъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей и годится на 20, самое

большое на 30 лѣтъ. Мотовство, блескъ безъ прочности, недолговѣчныя постройки и измѣнчивость вкуса характеризуютъ русскихъ (дворянъ). Никто не строитъ для своихъ дѣтей: никто не можетъ знать, какъ долго будетъ нравиться жить въ Петергофѣ? Вотъ почему строятъ изящные карточные домики въ готическомъ стилѣ.

Сегодня я обѣдалъ за гофъ-маршальскимъ столомъ и имѣлъ очень интересный разговоръ съ моимъ сосѣдомъ, генералъ-адъютантомъ Шильдеромъ¹⁾; онъ нѣмецъ и начальникъ инженеровъ гвардейскаго корпуса. Сухтеленъ сказалъ о немъ: *c'est un fou plein de génie*.

Генералъ Шильдеръ сказалъ мнѣ: «я знакомъ съ южными русскими губерніями, берегами Дуная и съ Турціей; прекрасныя страны, если бы только цивилизація могла тамъ прочно утвердиться! но зависть державъ всему препятствуетъ. Долго такъ оставаться не можетъ; изъ густо населенныхъ частей Европы выселяются къ антиподамъ, между тѣмъ, какъ такія близкія и такія плодородныя страны остаются незаселенными. Турецкая имперія падаетъ и не можетъ продержаться болѣе 25 лѣтъ. Такъ какъ тогда ни одна изъ державъ не дозволитъ другой занять Константинополь, то онъ, вѣроятно, обратится въ маленькую республику, подъ покровительствомъ великихъ державъ, какъ Краковъ или Гамбургъ. Другого выхода я не вижу». Такъ говорилъ генералъ Шильдеръ.

Потомъ онъ продолжалъ: «я вполне понимаю, какимъ образомъ могла голландская армія потерпѣть неудачу подъ Брюсселемъ; тотъ, кто знакомъ съ народной войной, никогда не произнесетъ суроваго приговора. Видѣлъ же я въ Польшѣ, какъ немного недоставало, чтобы польскій мятежъ подломилъ великую русскую силу. Было дано три кровопролитныхъ сраженія; имѣи Хлопицкій болѣе рѣшительный политическій характеръ, не медли онъ и не колеблись, преслѣдуя онъ одержанные успѣхи до того мгновенія, когда Литва взволновалась, а третій (литовскій) армейскій корпусъ готовъ былъ измѣнить,—Польша и Литва были-бъ для насъ потеряны. И самый штурмъ Варшавы удался потому только, что поляки были твердо убѣждены, что мы не рискнемъ на него, и вслѣдствіе этого третья часть ихъ арміи была отдѣлена по ту сторону Вислы».

Этотъ же взглядъ развивали мнѣ потомъ другіе: одинъ сказалъ при этомъ: «къ счастью, пруссаки построили намъ черезъ Вислу ослиный мостъ». Но ослимъ-то былъ не тотъ, кто имъ воспользовался!

¹⁾ Генералъ Шильдеръ скончался (11) 23-го іюня 1854 года подъ Силестріей послѣ ампутаціи. Ред.

Генераль Шильдеръ, котораго я часто потомъ встрѣчалъ, относился ко мнѣ всегда съ величайшею откровенностью.

Сегодня былъ придворный балъ. При русскомъ дворѣ праздники слѣдуютъ одинъ за другимъ, но рѣдко узнаете заранее, что происходитъ—гдѣ, какъ, въ какой формѣ быть? Все это дѣлается извѣстнымъ обыкновенно часа за два, и тогда постоянно поднимается тревога и торопливость, чтобы знать все это въ точности. Въ особенности на дачахъ мѣста увеселеній мѣняются постоянно, и въ болыпинствѣ случаевъ самъ государь назначаетъ ихъ въ послѣдній моментъ. Здѣсь совсѣмъ не необычайно, что должно переодѣваться разъ пять или шесть въ день. Многие предполагаютъ, что это дѣлается не изъ прихоти, но преднамѣренно; хотятъ не дать отдохнуть и постоянными волненіями и развлеченіями воспрепятствовать заниматься политикой или много говорить о ней.

Я говорилъ уже, что обращеніе государя съ государыней отличается постоянно величайшею внимательностью; это счастливый бракъ. Одна придворная дама сказала мнѣ: *chez l'empereur la lune de miel dure toujours.*

Императрица любитъ окружать себя красивыми женщинами, составляющими украшеніе ея двора.

Въ Россіи обычай, чтобы во время собраний и баловъ мужа не обращали бы вовсе вниманія на своихъ женъ; только при возвращеніи домой они опять сходятся.

На балу я долго разговаривалъ съ генераломъ Чичеринымъ, командовавшимъ при Кульмѣ конными гренадерами. Во время ужина моими сосѣдами были г-жа Баранова, обергофмейстерина, и генераль Адлербергъ (ея братъ), въ юности товарищъ игръ императора, а теперь его генераль-адъютантъ. Онъ пользуется вліяніемъ и употреблялся государемъ въ требующихъ довѣрія дѣлахъ.

На балу я видѣлъ также Bailli Татищева, русскаго посла при вѣнскомъ дворѣ, онъ самый противный, отвратительно противный изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною въ жизни людей, но тѣмъ не менѣе онъ очень уменъ и хитеръ. Я съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ держитъ себя князь Лихтенштейнъ относительно русскіхъ вельможъ: просто, учтивъ и очень скромнъ—онъ отклоняетъ всякую фамильярность.

4 августа. Воскресенье. Сегодня былъ церковный парадъ кадетамъ, стоявшимъ лагеремъ близъ Петергофа; ими командовалъ снова самъ императоръ; въ общемъ они выглядятъ хорошо и бодро, хотя ихъ держать строго. Существуетъ нѣсколько кадетскихъ корпусовъ для различныхъ родовъ оружія: пѣхоты, артиллеріи, флота. Молодые люди изъ первыхъ фамилій вмѣстѣ съ тѣмъ назначаются пажами, но этому отли-

цію рожденіе способствуетъ, какъ говорятъ, гораздо менѣе, чѣмъ хорошее поведеніе. Такъ, напримѣръ, лучшіе ученики морскаго корпуса назначаются товарищами великаго князя Константина. Послѣ церемоніальнаго марша была литургія. Сегодня въ церкви мнѣ указывали на одного генералъ-адъютанта, еще молодаго человѣка, который, какъ повѣренный императора, засѣдаетъ въ святѣйшемъ синодѣ и имѣетъ *totum suspensivum*, чѣмъ подавляются обыкновенно въ самомъ зародышѣ всѣ пререканія духовенства.

Сегодня былъ въ Петергофѣ большой обѣдъ, на которомъ присутствовали государь и императорская фамилія. При этомъ случаѣ мнѣ припоминается, что я еще не называлъ красивѣйшихъ придворныхъ дамъ, но я ограничусь при этомъ только замужними, а о фрейлинахъ послѣ. Красивѣйшими суть: г-жи Крюденеръ, Пашкова, урожденная Баранова, княгиня Юсупова, Бутурлина, потомъ еще Баратынская (но не Барятинская), армянка по рожденію, принцесса Абомеликъ, чисто восточной красоты, черные глаза и шелковистыя рѣсницы которой напоминаютъ намъ байроновскіе идеалы. Дамскіе туалеты очень просты, но свѣжи и изящны; модные цвѣта бѣлый и лиловый.

За столомъ моимъ сосѣдомъ былъ Толстой, гофмаршалъ принца Ольденбургскаго; онъ много говорилъ о французской арміи, которую онъ видѣлъ недавно и воздавалъ ей должное.

— Elle n'est pas très belle en ce moment, mais avec le caractère national français toute armée est bientôt excellente lorsqu'elle est bien commandée.

Русскіе всегда охотно хвалятъ все съ высоты своего величія; они думаютъ: *qui envidet minor*.

За обѣдомъ я ѣлъ прославленную стерлядь, волжскую рыбу, величиною со щуку; доставленная къ императорскому столу, говорятъ, стояла отъ 300 до 400 рублей; она должна быть очень вкусна, но это уже переходитъ мое пониманіе, и мой языкъ говорилъ мнѣ только одно, что это дѣйствительно рыба.

Вечеромъ въ Петергофѣ былъ французскій спектакль, на который мы получили именныя билеты. Пьесы были слѣдующія: *Le protégé et la chinoise*. Играли превосходно, но во время второй пьесы молодыя дамы должны были удалиться; она изъ новыхъ парижскихъ пьесъ—*il y a beaucoup de licence et même beaucoup d'indécence*. Первыми актерами были m-g et m-e Алланъ изъ парижскихъ театровъ.

Послѣ театра я совершилъ большую прогулку по парку съ генераломъ Будбергомъ, назначеннымъ къ эрцгерцогу Альбрехту, какъ Сухтеленъ къ нашему принцу. Я разговаривалъ съ нимъ о восточной войнѣ и о турецкой кавалеріи, но немногому отъ него научился.

Будбергъ, какъ мнѣ кажется, болѣе придворный, чѣмъ солдатъ, и слыветъ за согладатя. Мы оба всегда чувствовали взаимную антипатію.

5 августа. Утромъ мы посѣтили кадетскій лагерь, потомъ бумажную и гранильную фабрики, обязанныя своимъ возникновеніемъ императору Александру. Самое замѣчательное тамъ—малахитовыя вазы; мнѣ кажется, что онѣ приготовляются въ одной только Россіи. Затѣмъ мы выкупились и пообедали за гофъ-маршальскимъ столомъ. Сосѣдами моими были графы Воронцовъ и Грюнне. Послѣдній говорилъ много о Венгріи и графъ Szecheny, котораго я зналъ еще въ 1813 году адъютантомъ Шварценберга. Вечеромъ поѣздка въ *maison rustique*, гдѣ собралась императорская фамилія; потомъ совершили прогулку по берегу моря, прекрасно освѣщеннаго заходящимъ солнцемъ и сверкавшаго какъ бы отъ электрическихъ искръ. Затѣмъ въ Монплезирѣ былъ ужинъ подъ открытымъ небомъ. Монплезиръ—дача у моря, изъ которой Екатерина вмѣстѣ съ Орловымъ отправилась въ Петербургъ, чтобъ произвести переворотъ, доставившій ей престолъ. Еще теперь указываютъ ту комнату, гдѣ стояла ея постель, и то мѣсто, гдѣ она сѣла въ лодку. Государь привѣтливо заговорилъ со мной; за столомъ онъ имѣлъ сосѣдкой г-жу Крюденеръ, а я графиню Гаукэ ¹⁾, фрейлину, дочь польскаго генерала Гаукэ, бывшаго польскимъ военнымъ министромъ и убитаго въ Варшавѣ въ 1830 году во время востанія. Ночью мы отправились въ Красное Село, гдѣ намъ было отведено прежнее помѣщеніе императора Александра.

6 августа. Рано утромъ въ 4 часа былъ маневръ и артиллерійская стрѣльба въ цѣль изъ 20 батарей; о мѣткости трудно было судить; все чисто военно-техническое я соединю въ одинъ мемуаръ, такъ какъ это не каждого интересуетъ.

Сегодня я видѣлъ массу иностранцевъ, между ними также прежняго учителя герцога Лейхтенбергскаго, баварскаго капитана Шу (Schuh), сдѣлавшаго мѣткое замѣчаніе, что русскіе хотя и показываютъ армію свою, но при этомъ допускаютъ видѣть лишь то, что имъ кажется хорошимъ. Шу жаловался, что его часто вводили въ заблужденіе, въ особенности, когда онъ желалъ ближе познакомиться съ администраціей и продовольствіемъ арміи.

Сегодня обѣдало за гофъ-маршальскимъ столомъ очень много; сосѣдомъ моимъ былъ опять генералъ Шильдеръ. Вечеромъ маневры, при

¹⁾ Мать нинѣшняго болгарскаго князя Александра Батенбергскаго.

чемъ конно-пionеры въ семь минутъ навели понтонный мостъ на 8 понтоннахъ. Затѣмъ по этому мосту пронеслась галопомъ одна батарея, при чемъ мостъ такъ раскачался, что одинъ зарядный ящикъ провалился въ воду вмѣстѣ съ ѣдовымъ. Его съ трудомъ спасли, но лошади потонули. Вечеромъ была заря, къ чему сигналъ поданъ ракетами. Затѣмъ пробили вечернюю зорю болѣе чѣмъ 600 барабановъ и флейтъ, но очень согласно. Всѣ русскіе офицеры очень вѣжливы съ нами; я познакомился съ генераломъ Кнорингомъ, который командовалъ всею гвардейскою кавалеріей. Императоръ очень много думаетъ о своемъ маневрированіи; онъ говоритъ: «я ввелъ лагеря и большіе полевые маневры; при императорѣ Александрѣ видѣли только парады». Императоръ неутомимъ; адъютанты его должны бы проявлять ту же дѣятельность.

Интереснымъ для меня знакомствомъ была встрѣча съ киргизскимъ княземъ Большой Орды, прибывшимъ предложить императору свои услуги. Онъ явился съ двумя сыновьями, со своимъ братомъ, съ главнымъ судьей и съ секретаремъ. Князь и его второй сынъ, говорятъ, очень умны; никогда я не считалъ возможнымъ встрѣтить на чисто монгольской фizioноміи такой отпечатокъ ума и хитрости. Отношенія киргизской орды къ Россіи очень своеобразны. Киргизы еще кочевники живутъ они то на русской, то на китайской границѣ; кочуютъ по степи, живя въ палаткахъ, называемыхъ кибитками, очень удобно устроенныхъ; богатство ихъ состоитъ изъ лошадей; существуютъ они скотоводствомъ и отчасти разбоемъ; не платятъ ясака, но дѣлаютъ время отъ времени подарокъ лошадьми. Русскій императоръ велѣлъ выстроить для князя дворецъ, въ которомъ тотъ живетъ дня два въ году, изъ уваженія и вѣжливости. Затѣмъ императоръ назначилъ для него тѣлохранителей, которыми командуетъ русскій офицеръ; офицеръ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ надсмотрщикъ и контролеръ.

Въ случаѣ похода противъ остиндской компаніи, киргизы могутъ имѣть громадное значеніе для Россіи. Изъ различныхъ дорогъ, которыми можетъ пойти русская армія, одна ведетъ черезъ Хиву и Балкъ на Бухару, и многіе, хорошо знающіе страну и всѣ обстоятельства, отдають предпочтеніе этому пути. Въ случаѣ его выбора, киргизы, какъ легкая кавалерія, могли бы оказать большую помощь, при конвоированіи и прикрытіи каравановъ и снабженіи перевозочными средствами, такъ какъ они владѣютъ массою верблюдовъ.

Я забылъ упомянуть, что киргизы ведутъ съ Россіей черезъ Оренбургъ большую торговлю, запрещено только продавать имъ оружіе. Киргизы по происхожденію и языку татары; одежда ихъ состоитъ изъ пирамидальной шапки, послужившей, кажется, образцомъ островонеч-

ныхъ шутовскихъ колпаковъ, кафтана, широкихъ шароваръ и остро-конечныхъ сапогъ. Они ѣздятъ очень скоро на легкихъ, такъ называемыхъ венгерскихъ, сѣдлахъ; ихъ лошади взнуздываются только трензелемъ, очень быстры и крѣпки.

7 августа. Утромъ въ 4 часа былъ большой маневръ гвардейской кавалеріи, а именно трѣхъ дивзіямъ, двумъ легкимъ, одной тяжелой, итого 12 полкамъ, въ составѣ почти 8,000 человекъ. Первая шеренга кирасиръ вооружена пиками, конные гренадеры и драгуны имѣютъ ружье на перевязи. Императоръ самъ руководилъ всѣми движеніями.

Послѣ маневра я посѣтилъ генерала Шильдера, который рассказывалъ мнѣ о турецкомъ походѣ; онъ былъ опять вполне откровененъ: императоръ испыталъ неудачу при командованіи арміею; онъ самъ сознаетъ теперь, что онъ не созданъ для него и едва-ли опять рѣшится принять его. Императоръ придаетъ этому религиозный оттѣнокъ: *que ce n'est pas la volonté de Dieu qu'il se distingue à la tête de ses armées*. Онъ въ полѣ хотѣлъ поддерживать педантическую правильность и методичность; такъ, напримѣръ, онъ запрещалъ солдатамъ, носящимъ длинныя шинели, доходившія до самыхъ лодыжекъ, затыкать въ мѣшки концы ихъ, что они привыкли дѣлать, чтобы удобнѣе маршировать.

Послѣ обѣда генералъ Шильдеръ показывалъ еще свои *fontons cylindriques*, покрытые непромокаемою тканью. Вечеромъ пили чай въ Дудергофѣ. Дудергофъ—мѣстный Монбланъ, т. е. высотой около 400 футовъ. Гора, видимая на большомъ разстояніи, замѣчательна своею прекрасною растительностью, далеко превосходящею окрестную, чего я не умѣю вполне объяснить; по всей вѣроятности эта гора имѣетъ особенную почву. На этой горѣ находится швейцарскій домикъ, принадлежащій государынѣ, которая сама принимала гостей, а молодыя великія княжны предлагали намъ, иностранцамъ, молоко и фрукты съ любовью, заставлявшей позабыть придворный этикетъ. Потомъ опять присутствовали въ лагерѣ при вечерней молитвѣ и зорѣ, послѣ чего большинство присутствовавшихъ разѣхались.

Я просидѣлъ нѣсколько часовъ съ однимъ офицеромъ, хорошо знающимъ шведскія дѣла, и услышалъ въ этотъ вечеръ нѣсколько интересныхъ подробностей, такъ, напримѣръ, о рожденіи Густава IV. Король Густавъ III былъ очень *débauché*; одинъ изъ его фаворитовъ, Мунки, былъ, съ вѣдома короля, отцомъ Густава IV. Всѣ Мунки въ извѣстномъ возрастѣ становились глупѣе, то-же самое случилось съ Густавомъ IV.

Тотъ же самый офицеръ высказывалъ въ слѣдующихъ словахъ свое неудовольствіе на нѣмцевъ, находящихся въ русской арміи: «нѣмцы нелюбимы въ нашей арміи, всего же менѣе курляндцы и лифляндцы;

они интриганы, эгоисты и держатся другъ за друга, какъ звенья одной цѣпи. Въ арміи имъ дано прозвище «Lieber Bruder», потому что такимъ образомъ называютъ они другъ друга. Большой ошибкой является то, что имъ покровительствуютъ; это пробуждаетъ много зависти и неудовольствія. Нѣмцы суть «ремешки» и педантичные «экерцирмейстеры»; мы, русскіе, ненавидимъ прусскія экерцирции, какъ заразу; этимъ сраженія все-таки не выиграешь».

«Правда—нѣмцы служатъ пунктуально, имѣютъ образованіе, но они горды, скупы, боязливо осторожны, чтобы никогда не сказать ни слова, могущаго не понравиться, и водворись однажды нѣмецъ въ какомъ-либо полку, скоро все его семейство со всѣми двоюродными братьями будетъ тамъ обезпечено».

«Русскіе обладаютъ другимъ характеромъ; они необразованнѣе и обращаются часто со своими подчиненными съ безпощадною суровостью, но на другой день все это опять заглядятъ, привѣтливо обратившись къ солдатамъ. Русскіе воруютъ, но они не копятъ денегъ и живутъ открыто; они болѣе естественны и, при извѣстномъ *laisser aller*, не руководствуются холоднымъ расчетомъ».

Затѣмъ говорилъ онъ о бракѣ наследника съ принцессой Дармштадтской. Такъ какъ самъ императоръ прожилъ въ счастливомъ бракѣ, то ему хочется, чтобы каждый сынъ заключилъ бы подобный же. Наследникъ имѣетъ очень хорошій характеръ и очень строго воспитанъ, громадная отвѣтственность лежала на воспитателѣ его, генералѣ Бавелинѣ.

Наконецъ, наступила полночь, но была чудная, южная ночь, очень рѣдкая въ Россіи.

8 августа. Утромъ былъ маневръ всей гвардіи, 48 батальонамъ и 3 кавалерійскимъ дивизіямъ, въ общемъ участвовало отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ. Государь велѣлъ драгунамъ спѣшиться и сражаться въ пѣшемъ строю; потомъ былъ совершенъ переходъ черезъ рѣчку. Въ русской арміи заведены извѣстные боевые порядки для дивизій, какъ пѣхотныхъ, такъ и кавалерійскихъ; эти порядки имѣли номера, а также названья, какъ-то: растянутый, тѣсный, маскированный, резервный, о чемъ подробности въ своемъ мѣстѣ.

Русская пѣхота очень хорошо маршируетъ, и вся эта масса была собрана вмѣстѣ, чтобы полковыми колоннами пройти церемоніальнымъ маршемъ; всего было четыре ряда пѣхоты, каждый изъ 12 батальоновъ въ сомкнутыхъ колоннахъ, затѣмъ кавалерія и артиллерія также въ сомкнутыхъ колоннахъ, такъ что вся гвардія занимала по фронту пространство около 700 шаговъ, а въ глубину около 600 шаговъ. Когда

императоръ двинулъ всю эту массу впередъ, онъ обратился къ иностранцамъ, сказавъ: *voyez, messieurs, ceci est très remarquable, voyez comme tout s'est formé en un clin d'oeil.*

Императоръ самъ командовалъ и самъ также обращался къ войскамъ для выраженія имъ своего одобренія. Отвѣты солдатъ заучены и всегда состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же словъ, напр.: «спасибо, ребята!» Отвѣтъ: «рады стараться».

Живое воображеніе императора Николая во время маневровъ рисуетъ ему, быть можетъ, выигранное сраженіе.

Молодой Розенъ, флигель-адъютантъ императора, рассказывалъ мнѣ сегодня, какъ пользуется государь своими адъютантами во время маневровъ. Онъ подзываетъ одного изъ нихъ и говоритъ: «видите ли тамъ сильныя непріятельскія массы, угрожающія обходомъ правому крылу генерала N? Быстро произведенная перемѣна фронта можетъ спасти его! Приведите ему тотчасъ же на помощь дивизію X, прежде чѣмъ онъ не уничтоженъ.» Будучи высказано прозою, оно значитъ: «я предполагаю, что правому крылу генерала N угрожаетъ сильный непріятель; N долженъ произвести поэтому перемѣну фронта; дивизія X должна подкрѣпить его». Вообще говорятъ, что и въ другихъ случаяхъ воображеніе императора рисуетъ ему то, чего не существуетъ; у него это унаслѣдовано отъ императора Павла.

Потомъ я слышалъ многое о лошадяхъ и тѣхъ чудовищныхъ цѣнахъ, которыя платятъ за нихъ въ Россіи; самая обыкновенная цѣна (?) за очень красивую и сильную лошадь 2.500 рублей; особенно красивыя и хорошо выѣзженныя лошади стоятъ до 5.000, даже до 8.000 рублей.

Императоръ ѣздитъ преимущественно на англійскихъ лошадяхъ. Лучшіе русскіе конскіе заводы большею частью не существуютъ, потому что отъ неблагоразумныхъ скрещиваній они пришли въ упадокъ. Еще существуютъ Орловскій (принадлежащій графинѣ Орловой-Чесменской) и императорскій Яновскій въ Польшѣ.

Возвратясь въ Петергофъ, мы хотѣли выкупаться, но купальня была занята прекраснымъ поломъ. За оберъ-гофмаршальскимъ столомъ соседомъ моимъ съ одной стороны былъ австрійскій генералъ Пирэ, съ другой же баронъ Розенъ. Многие изъ адъютантовъ высказывали, что маневры весьма утомительны. *C'est bien heureux pour l'Europe que l'Empereur trouve plaisir à choisir ses champs de bataille si près de Petersbourg, tandis qu'il pourrait en faire changer à l'Europe.* На сегодняшній вечеръ ожидали тревоги въ кадетскомъ лагерѣ, но она была отиѣнена. День закончился небольшимъ фейерверкомъ.

9 августа. Утромъ писалъ письма; затѣмъ отправился съ принцемъ на бумажную и гранильную фабрики для совершенія нѣкоторыхъ покупокъ, а послѣ въ швейцарскій домикъ, выстроенный по приказанію императора Павла, и гдѣ вписываютъ свои имена всѣ побывавшіе тамъ иностранцы. Обѣдъ за гофъ-маршальскимъ столомъ; сосѣдями моими были русскій статскій совѣтникъ, поэтъ Жуковскій и австрійскій ротмистръ Краль. Краль рассказывалъ о совершившихся въ австрійской арміи перемѣнахъ. Послѣ обѣда была охота на фазановъ, затѣмъ ужинъ въ Никольскомъ, въ русской крестьянской избѣ; здѣсь уже неоднократно принималъ гостей самъ императоръ, въ качествѣ русскаго инвалида. Сегодня опять онъ былъ очень пріятливъ. Здѣсь же находилась также принцесса Ольденбургская и подозвала меня. Такъ какъ она хорошо знала, что я уже не въ прежнихъ отношеніяхъ съ ея отцомъ, герцогомъ Нассаускимъ, то разговоръ долженъ былъ выйти принужденнымъ и недовкимъ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ больше ея, такъ какъ скоро послѣ этого она наложилла глубокій трауръ, вслѣдствіе кончины своего отца.

Послѣ ужина была тревога въ кадетскомъ лагерѣ; подъ командой императора кадеты выступили изъ своего лагеря съ пушками и на половинѣ дороги къ Ораніенбауму выставили аванпосты. Мѣсто, которое назначилъ императоръ, было близъ одной дачи... Императоръ провелъ всю ночь—на аванпостѣхъ. Я былъ пѣшкомъ, въ сопровожденіи генерала Кавелина, воспитателя наследника; онъ очень учтивый человѣкъ, отъ котораго я узналъ много интереснаго, но только не объ аванпостной службѣ, но о народномъ образованіи, о промышленности и о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, которые дѣлаетъ въ Россіи цивилизація. Я долженъ былъ улыбнуться, когда онъ говорилъ о «*aptitudes et les dispositions naturelles de la nation russe*», и на мой вопросъ: «*dans quelle branche des sciences ou d'industrie ont-ils fait le plus de progrès?*» онъ отвѣчалъ: «*dans toutes les branches, car ils ont surtout le génie de l'imitation*». Le génie de l'imitation—новый со-всѣмъ родъ геніальности!

10-го августа. Риге одинъ отправился въ Петербургъ по денежнымъ дѣламъ; а я сдѣлалъ въ Ораніенбаумѣ визитъ великому князю Михаилу, который продержалъ меня дѣлныхъ два часа; къ нему я проѣзжалъ черезъ аванпосты кадетовъ. Разговоръ съ великимъ княземъ шелъ о кавалеріи, драгунахъ и артиллеріи. Обо всемъ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Я могу замѣтить, что великій князь Михаилъ не считаетъ безусловно прекраснымъ твореніе императора—драгуновъ. Всѣ комнаты великаго князя наполнены солдатами подъ стекломъ—деревянными, раскрашен-

ними—это вовсе не военные сцены и картины, а простое изображение всѣхъ русскихъ мундировъ, такъ сказать родъ военного моднаго журнала или кабинета естествознанія.

Я сидѣлъ возлѣ великаго князя Михаила на диванѣ, и онъ въ теченіи нашего разговора выкурилъ пару сигаръ. При прощаніи, онъ сказалъ мнѣ: «у насъ будутъ еще нѣсколько дней полевые маневры, на которыхъ я долженъ присутствовать, какъ посредникъ; по окончаніи этого вы должны посѣтить меня въ Павловскѣ».

Относительно слова «посредникъ» я замѣчу здѣсь, что императоръ при всѣхъ полевыхъ маневрахъ, гдѣ должны были дѣйствовать два отряда одинъ противъ другаго, назначалъ двухъ извѣстныхъ генераловъ посредниками, т. е. безпристрастными судьями. Они носили зеленныя вѣтви на шляпахъ, но ихъ обязанности сводились къ нулю, потому что самъ императоръ все рѣшалъ и всѣмъ руководилъ.

Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ, потомъ охота на медвѣдей. Объ этомъ я долженъ рассказать. М-ше X. стрѣляетъ хорошо, поэтому она одна изъ всѣхъ дамъ участвовала въ охотѣ. Стрѣлки стояли около одной башни, куда были приведены два ручныхъ медвѣдя, долго уже сберегавшихся въ клеткѣ для этого удовольствія. Медвѣди, когда они находились вблизи м-ше X., были убиты ею. Вечеромъ Риго говорилъ объ этой охотѣ съ одной русской дамой: «je ne savais pas que les dames russes vont à la chasse des ours». Дама отвѣчала: «Oh! cela n'est pas du tout russe, cela est de Munich».

Вечеромъ было собраніе у императрицы; играли въ небольшія игры, при чемъ принимала въ нихъ участіе императорская фамилія. Нельзя быть проще и привѣтливѣе. Я долго разговаривалъ съ г-жей Барановой, которая упрекала меня за мой серьезный видъ и острила надъ этимъ.

Домой я отправился «en ligne» (чисто русскій экипажъ, въ которомъ похвалить развѣ то, что тамъ могутъ сидѣть много лицъ) съ лордомъ Paget, сыновьями маркиза Anglesy; мы жили подъ одной и той-же крышей въ maison rustique. Эти три брата мнѣ понравились; старшій—лордъ Paget tout court lieutenant-colonel des gardes anglaises (blues)—прекрасный молодой человекъ; другой—лордъ Clarence Paget capitaine de vaisseau очень уменъ; лицо его отражаетъ это. Я сталъ довольно близокъ съ нимъ, мы часто бывали сосѣдями за столомъ, и онъ долженъ былъ высказать мнѣ свое мнѣніе о русскомъ флотѣ. Третій же—лордъ Edward Paget еще молодой человекъ. Меня радовала ихъ англійская непринужденность и откровенность, часто граничившая съ наглостью, но мнѣ это нравилось. Почти всегда являлись они къ столу въ износившихся или оборванныхъ мундирахъ и

отзывались очень грубо о ганноверскомъ королѣ, какъ только могъ бы говорить крайне радикальный листокъ...

11-го августа. Было воскресенье; былъ длинный разговоръ съ N, котораго я встрѣтилъ въ паркѣ. Онъ рассказывалъ мнѣ всякую всячину, между прочимъ, объ императорѣ Александрѣ. Императоръ Александръ былъ воспитанъ Лагарпомъ и сдѣлался un peu idéologue (слово, которое любятъ употреблять русскіе). Лагарпъ внушилъ ему въ особенности ненависть (?) къ дворянству и аристократіи. То-же замѣчается отчасти у императора Николая, однако, онъ старается поднять историческія фамиліи или, лучше сказать, не дать имъ совершенно пропасть; такъ еще недавно было съ Суворовымъ, состояніе котораго пришло въ разстройство.

Администрація въ упадкѣ; правосудіе продажно; безъ денегъ и вліянія не найдете для себя справедливости. Въ Россіи нѣтъ майоратовъ, какъ въ Польшѣ; они не запрещены, но не въ обычаѣ. Строгая цензура; примѣръ этому я нашелъ сегодня въ русской грамматикѣ Таппе. Въ концѣ этой грамматикѣ находится русская исторія in пусе, гдѣ самые извѣстные факты или совершенно умалчиваются, или совершенно искажаются... Затѣмъ, зашелъ разговоръ о конфискаціи польскихъ имѣній. Нѣкоторые изъ русскихъ генераловъ, между прочимъ, Чернышевъ, получили изъ нихъ надѣлы. Мы отправились въ Красное село, позавтракали тамъ, а затѣмъ сѣли на лошадей, чтобы поздно ночью, съ императоромъ во главѣ авангарда, отправиться на рекогносцировку непріятели. Иностранные посланники, принимавшіе въ этомъ участіе, вовсе не очарованы всѣмъ этимъ. Домой я возвращался рядомъ съ графомъ Воронцовымъ и лордомъ Клариккардомъ. Клариккардъ сказалъ Воронцову: «То mogtow we shall have an other exhibition?» «Good god, yes!» было отвѣтомъ, сопровождаемымъ глубокимъ вздохомъ ¹⁾.

Киргизскій князь опять былъ на маневрахъ; при этомъ случаѣ я узналъ, что онъ можетъ доказать свое происхожденіе въ прямой линіи отъ Чингизъ-хана.

Маневры производятся гдѣ попало; всѣ причиненные этимъ убытки оцѣниваются и вознаграждаются.

Такъ какъ въ слѣдующіе дни должны были происходить маневры втораго корпуса (отпечатанную диспозицію я имѣлъ въ рукахъ), мы рано поужинали въ Александровскомъ и отправились затѣмъ на покой.

¹⁾ „Завтра у насъ будетъ другая выставка?“—„Да, о милостивый Боже!“

12-го августа. Продолженіе маневра, преслѣдованіе непріятеля, кавалерійскія атаки въ карре и т. п. Наша главная квартира была въ той самой Роншѣ, гдѣ скончался Петръ III.

Во время сегодняшняго маневра я ближе познакомился съ генераломъ Жомини; онъ признался мнѣ, что приглашенъ не былъ и не имѣеть никакой квартиры; это приводило его въ сильное смущеніе, такъ какъ на этихъ дняхъ онъ хотѣлъ откланяться, чтобы, по полученіи отпуска, отправиться въ Парижъ. Онъ жаловался на эгоизмъ русскихъ; будь онъ главнокомандующій, никто бы не стѣснился дать ему мѣсто на одну или двѣ ночи. Я предложилъ ему подѣлиться моею комнатою, на что онъ, наконецъ, послѣ долгихъ отговорокъ, и согласился. Такимъ образомъ, я прожилъ съ нимъ два дня въ одной комнатѣ и пользовался возможностью поболтать съ нимъ.

Разговоры были длинны и разнообразны; о самыхъ интересныхъ мнѣ хочется упомянуть. Но прежде всего опишемъ наружность этого человѣка: сухощавый карликъ, профиль его имѣеть сходство съ вольтеровскимъ, желтый цвѣтъ лица, маленькіе, черные, живые глаза, чисто французскія манеры и французская живость.

Жомини разсказалъ мнѣ о началѣ своей карьеры. Онъ былъ швейцарскимъ подполковникомъ, безъ должности, во французской арміи, но въ началѣ кампаніи 1805 года находился, какъ волонтеръ, при главной квартирѣ маршала Нея. Передъ Ульмскимъ дѣломъ Мюрать, подъ начальствомъ котораго состоялъ Ней, предписалъ послѣднему движеніе, совершенно несоотвѣтствовавшее инструкціямъ Наполеона и всѣмъ началамъ стратегіи. Ней повиновался и донесъ объ этомъ рапортомъ Наполеону; однако, Жомини убѣдилъ своего генерала измѣнить диспозицію Мюрата и маневрировать боже въ духъ Наполеона, т. е. удержать занятымъ лѣвый берегъ Дуная. Какъ только Наполеонъ получилъ первое донесеніе о неправильномъ движеніи Нея, онъ, какъ сломя голову, сопровождаемый однимъ лишь адъютантомъ, прискакалъ къ Нею, не смотря на ужасныя дороги и погоду, чтобы поправить дѣло. Велика была его радость, когда онъ услышалъ, что это уже сдѣлано, и онъ воздалъ большую похвалу тому, кто былъ причиной, что ошибка исправлена, когда не было еще слишкомъ поздно. Такимъ-то образомъ выдвинулся Жомини.

Затѣмъ Жомини разсказалъ мнѣ какъ формировались французскіе драгуны. Именно, въ лагерѣ при Булонь, когда еще серьезно думывали о высадкѣ въ Англію, Наполеонъ спѣшилъ одну кавалерійскую дивизію, чтобы посадить на суда, пользоваться ею сначала въ пѣхотномъ строю, а потомъ въ Англіи снабдить ее, при удобныхъ

обстоятельствахъ, лошадами. Начавшаяся австрійская война заставила его дать этимъ войскамъ другое назначеніе. При Эльхингенѣ драгуны сражались посредственно, потому что ихъ командиръ, генералъ Hautroult, не отличался храбростію. Наполеонъ часто имѣлъ пристрастіе къ красивымъ людямъ съ воинственною наружностію; поэтому въ данномъ случаѣ и еще нѣсколько разъ онъ вдавался въ обманъ относительно ихъ. Позднѣе Гонуль обратился къ дипломатіи.

Затѣмъ Жомини сталъ говорить о булонскомъ лагерѣ. Наполеонъ приказалъ производить линейное ученіе не болѣе, какъ одной только дивизіи (12 батальоновъ), чтобы вселить въ солдатъ увѣренность и умѣнье маневрировать. О большихъ полевыхъ маневрахъ Наполеонъ и слышать ничего не хотѣлъ. *Napoléon n'aimait les manoeuvres de guerre et n'en faisait pas faire. Cela donne de fausses idées au soldat; cela lui apprend à céder à la supériorité du nombre. Comment voulez-vous qu'il y ait l'image de la guerre lorsque l'élément principal—le moral n'y est pas représenté.*

Я спросилъ его о его взглядѣ на восточный вопросъ. Отвѣтъ его былъ вполне чистосердеченъ: *l'uniforme que je porte m'empêche de vous répondre.* Послѣ онъ далъ мнѣ понять, что какъ разъ теперь онъ представилъ государю мемуаръ о восточныхъ дѣлахъ. Содержаніе его я могъ угадать: русско-французскій союзъ и, такимъ образомъ, общее господство надъ Европой. *Quo semel est imbuta etc. 1).*

Теперь уже 25 лѣтъ какъ Жомини находится на русской службѣ, но онъ остался французомъ и не знаетъ ни единого русскаго слова. Жомини, какъ я уже говорилъ раньше, былъ очень разговорчивъ, какъ большинство старыхъ людей, раньше игравшихъ важную роль, а теперь удаленныхъ отъ дѣлъ. Онъ часто возвращался къ разговору о востокѣ, и всегда пресвѣчивался въ немъ «*le partage*». Потомъ я заговорилъ о турецкомъ походѣ, въ которомъ онъ участвовалъ, и онъ рассказывалъ о безконечныхъ трудностяхъ турецкаго похода, которыя могутъ быть сведены въ три пункта: 1) убійственный климатъ; 2) дурныя дороги и недостатокъ въ водѣ; 3) трудность продовольствія.

Климатъ такъ пагубенъ для европейцевъ, что очень скоро появляются болѣзни, которыя большую часть арміи приводятъ въ госпиталь или же въ могилу,—диссентерія и чума. Русская армія, въ продолженіе двухъ турецкихъ походовъ 1828 и 1829 годовъ, потеряла

1) Q. Horatii Flacci Epistolae I, II, 69. Quo semel est imbuta recens, servabit odorem testa diu (чаша, изъ которой разъ было выпито, надолго сохраняетъ тотъ первый запахъ).

115,000 человекъ, изъ которыхъ 100,000 человекъ отъ болѣзней. Армія почти разложилась, когда пришла къ Адрианополу.

Дороги мало годны для перевозки, и тѣ дѣлаются бездонными въ дурную погоду; кромѣ того, вездѣ недостатокъ воды, такъ что мѣста для лагеря указываются и обусловливаются немногими ручьями и источниками.

Затѣмъ трудно продовольствие, требующее огромныхъ перевозочныхъ средствъ. Въ странѣ ни на что нельзя рассчитывать. Турки привыкли къ умѣренности и лишениямъ, которыхъ не можетъ перенести сѣверный житель.

Генералъ Жомини говорилъ откровенно также о способѣ государя заниматься: «Il veut tout décider lui même et cependant il ne peut pas tout connaitre, ni tout voir. Il est donc obligé de se faire présenter des résumés sur lesquels il se décide. Il n'est pas facile de faire ces résumés avec la précision nécessaire, et de présenter les questions en peu de mots sous leur véritable point de vue. D'ailleurs cela prête à toute sorte de partialité et de malveillance. Celui qui a fait le résumé, peut toujours trouver une excuse pour les omissions ou le faux jour, sous lequel il a présenté une affaire. Exemples tirés des affaires personnelles au g^l. Jomini». Я замѣтилъ скоро, что Жомини не въ ладахъ съ военнымъ министромъ Чернышевымъ.

Я долженъ еще упомянуть, что на сегодняшнемъ маневрѣ генералъ Бенкендорфъ упалъ въ одномъ оврагѣ съ лошади и былъ ею придавленъ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ генерала Бенкендорфа, а раньше не имѣлъ случая съ нимъ познакомиться. Онъ мнѣ не понравился; казалось, онъ избѣгалъ меня. Лицо его выразительно, и о немъ самомъ я слышалъ лишь хорошее. Онъ шефъ жандармовъ и начальникъ тайной полиціи; эту трудную и непріятную обязанность онъ выполняетъ, какъ говорятъ, съ большою добросовѣстностью и искусствомъ. Говорятъ, что онъ многихъ предупреждаетъ, никогда не возбуждаетъ у государя подозрѣнія по поводу незначущихъ доносовъ, но скорѣе его успокоиваетъ. Онъ принадлежитъ къ лицамъ, которыя высказываютъ и смѣютъ высказывать императору истину.

13-го августа. Сегодняшній день—день отдыха; по случаю русскаго праздника водосвятія. Оно совершается два раза въ годъ, лѣтомъ и зимою, и было исполнено съ большою торжественностью на большомъ пруду въ Ропшѣ. Греческіе священники съ длинными бородами и въ богатыхъ облаченіяхъ издали имѣютъ очень внушительный видъ. Послѣ

освященія я предпринялъ съ маіоромъ Браушицъ длинную прогулку по прекрасному рошшинскому саду, во время которой встрѣтили государя. Роща принадлежит императрицѣ. Былъ большой придворный обѣдъ. Сосѣдками моими за столомъ была княгиня Барятинская, рожденная графиня Келлеръ, и гувернантка великой княжны Ольги Николаевны, англичанка, какъ мнѣ кажется.

Во время обѣда принцъ Александръ сидѣлъ рядомъ съ великой княжной Ольгой; она была съ нимъ очень пріятлива.

Вечеромъ придворный балъ и ужинъ. Я сыгралъ партію въ шахматы съ однимъ старымъ русскимъ генераломъ; на ужинѣ моимъ сосѣдомъ былъ англійскій генералъ Arbutnoth; онъ служилъ въ Америкѣ, т. е. въ Канадѣ противъ Соединенныхъ Штатовъ.

Я долженъ еще разъ упомянуть о предупредительной вѣжливости большинства русскихъ офицеровъ; во всѣхъ чинахъ и за весьма рѣдкими исключениями они учтивы съ иностранцами и стараются придти съ ними въ соприкосновеніе. Но они очень любятъ, когда самъ иностранецъ заговорить съ ними.

Генералъ Arbutnoth много говорилъ объ Англіи и о герцогѣ Веллингтонѣ; онъ старѣется. Самъ Arbutnoth кажется мнѣ не первой молодости и недостаточно хитрымъ, чтобы быть англійскимъ развѣдчикомъ.

14-го августа. Большой маневръ и большое сраженіе, при чемъ поилъ дождь; мы остались подъ ливнемъ. Такъ какъ всѣ эти маневры похожи другъ на друга, мнѣ не хочется останавливаться на нихъ. Я ѣздилъ повсюду, чтобы увидѣть различныя диспозиціи, при этомъ мнѣ нѣсколько разъ замѣчали: «Eh bien, colonel, est-ce que vous n'en avez pas encore assez des manoeuvres?»

Я долженъ разсказать здѣсь небольшое *intermezzo*. Въ одномъ низкомъ и тернистомъ кустарникѣ казаки атаковали линію черкесовъ. Одинъ черкесь свалился съ лошади и лежалъ безъ чувствъ. Товарищи положили его на спину, одинъ изъ нихъ плюнулъ ему въ лицо, между тѣмъ какъ другой, держа въ рукѣ кинжалъ, описалъ вокругъ него на землѣ кругъ. Послѣ этой церемоніи они положили упавшаго въ лазаретную фуру; мало-по-малу онъ пришелъ въ себя. Великій князь Михаилъ, случившійся при этомъ паденіи, воскликнулъ: «Нава—voilà ces hordes barbares dont on dit qu'elles vont se ruer sur l'Europe. En attendant elles se ruent sur elles-mêmes». Когда черкесь былъ положенъ, великій князь Михаилъ спросилъ у фельдшера: «quomodo

valet?» Но простякъ фельдшеръ сдѣлалъ нѣмой поклонъ, — онъ не понималъ латинской фразы.

Во время маневра вмѣстѣ съ прусскимъ маіоромъ Браушицъ я посѣтилъ двѣ крестьянскія избы. Какая нищета! Въ одной изъ нихъ я нашелъ прекрасную, да, замѣчательно прелестную молодую женщину, единственную красивую крестьянку, видѣнную мной въ Россіи, но, очевидно, иностраннаго происхожденія; настоящая бѣлокурая головка мадонны.

Государь до ночи остался подъ ливнемъ, чтобы дожидаться результатовъ движенія, котораго онъ не могъ видѣть. Только что онъ получилъ донесеніе, что такая-то колонна пришла на такую-то высоту и вслѣдствіе этого непріятель отступилъ, какъ онъ воскликнулъ: «Je m'y attendais, voilà le résultat que je voulais obtenir; l'affaire est gagnée, retourneons au quartier général».

За столомъ я былъ сосѣдомъ князя Волконскаго и его сына. Онъ говорилъ со мною довольно откровенно объ англійской политикѣ и ясно далъ замѣтить свою ненависть. Князь Волконскій — министръ императорскаго двора; его титула находятся въ придворномъ альманахѣ, который я привезъ съ собою. Онъ занималъ этотъ постъ еще при императорѣ Александрѣ, и ему поставлено въ заслугу, что онъ ввелъ большую бережливость при дворѣ.

Послѣ обѣда, въ сопровожденіи генерала Жюини, я осмотрѣлъ рошшинскія теплицы, очень большія и пользующіяся славой, что доставляютъ превосходнѣйшіе фрукты. У русскихъ считается роскошью имѣть за столомъ во всякое время изобиліе въ рѣдчайшихъ фруктахъ; ананасы, виноградъ, вишни, персики, земляника, дыни не должны переводиться во весь годъ. Плоды эти частью получаютъ изъ теплицъ, частью доставляются изъ южныхъ провинцій съ огромными издержками за провозъ.

Вечеромъ былъ придворный концертъ и ужинъ; м-ше Росси исполняла нѣмецкія пѣсни. За ужиномъ я сидѣлъ противъ одного русскаго полковника, удивительно похожаго на императора Александра; его зовутъ Ребенбаумъ.

15-го августа. Мы отправились въ путь подъ ужаснымъ ливнемъ, чтобы присутствовать при большомъ сраженіи, которое должно было быть дано сегодня; но по случаю отвратительной погоды маневръ былъ отмѣненъ. Мы отправились домой; два часа спустя, по окончаніи дождя,

войска прошли передъ Ропшинскимъ дворцомъ. Я удивился, когда, не смотря на размокшую почву, увидѣлъ ихъ проходящими церемониальнымъ маршемъ стройно, скорымъ шагомъ и въ веселомъ расположеніи духа. Я замѣтилъ только, что было при этомъ мало офицеровъ, самое большое по 6 или 8 на батальонъ.

Вообще въ гвардіи офицеровъ мало; трудно найти ихъ въ достаточномъ количествѣ, потому что для этого надобно значительное состояніе. Пѣхотный гвардейскій офицеръ, по крайней мѣрѣ, долженъ имѣть 5,000 руб., кавалерійскій 15,000 руб. дохода, а кавалергардскій еще болѣе. Эти господа не стѣсняютъ себя; у всякаго нѣсколько экипажей, и многіе воспользовались ими, чтобы предъ дефилированьемъ отправиться домой. Обозъ гвардейскихъ полковъ невѣроятенъ, онъ представляетъ необозримый рядъ телегъ.

Обѣдъ и завтракъ у императрицы. Не смотря на свое слабое здоровье, она охотно присутствуетъ при маневрахъ и въ эти дни нѣсколько разъ совершенно промокла. Утромъ, передъ завтракомъ, графиня Росси пропѣла опять нѣсколько нѣмецкихъ пѣсень.

Мои сосѣдками за столомъ были фрейлина Фредериксъ и г-жа Нелидова. На завтракѣ была г-жа Пашкова — грекгазна — очень живая красавица.

Вечеромъ вернулись въ Петергофъ. Въ Ропшѣ у насъ было нѣсколько театрално-одѣтыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, которыя убрали комнату. Такъ какъ нашъ отъѣздъ еще нѣсколько отсрочился, то мы были свидѣтелями, какъ эти пастушки снимали свои наряды и одѣвали будничную ветошь. Въ Россіи почти все бьетъ на виѣшность, отъ разукрашенныхъ деревень и декорацій князя Потемкина-Таврическаго до этихъ ропшинскихъ пастушекъ.

16-го августа. Утромъ было спокойно; Риго и я воспользовались имъ, чтобы взглянуть на нѣмецкія колоніи въ Петергофѣ, основанныя императоромъ Александромъ. Дома деревянные, построенныя по одному и тому же плану, и содержатся чисто. Лѣтомъ колонисты отдають обыкновенно въ наемъ комнаты двѣ иностранцу. Нѣмецкій языкъ у нихъ еще чистъ и пріятенъ, но воспоминанья о родицѣ исчезли, такъ какъ уже наступило второе и третье поколѣніе; императоръ Александръ вызвалъ этихъ колонистовъ не изъ Германіи, но изъ внутреннихъ колоній въ Россіи. Они лютеране, имѣютъ пастора и, если вѣрить ихъ словамъ, довольны своимъ положеніемъ; они должно быть вюртембергскаго происхожденія; разведеніе овса и картофеля —

главные виды ихъ промышленной дѣятельности; новые поселенцы въ теченіи 10 лѣтъ свободны отъ податей и воинской повинности; для дѣтей устроена нѣмецкая школа. Дома, которые приказалъ построить императоръ Александръ, стоили 7,000 рублей вмѣстѣ со службами. Лошадь для земледѣля стоитъ 200—250 рублей.

Дружественное отношеніе къ эрцъ-герцогу Альбрехту увеличивается. Онъ жалуется, что принцъ Александръ не хочетъ вовсе говорить съ нимъ по нѣмецки. Принцъ Александръ даетъ замѣтить свою ненависть ко всему нѣмецкому: *Dans ma famille je ne regarde comme en pays ennemi, par consequent j'entends toujours parler allemand.* Онъ объявляетъ, что хочетъ остаться въ Берлинѣ только три дня.

Перев. и сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

ЗАПИСКИ ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА КИПЦАНИ

съ 1820 г.

14¹⁾.

Князь Воронцовъ выѣхалъ изъ края.—Николай Андреевичъ Реадъ.—Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій —Борисъ (Морицъ) Эммануиловичъ Индреніусъ. — Щербининъ.—Князь Бебутовъ въ Азіатской Турціи. — Порядокъ управленія.—Неизбѣжная правда.—Безъ вины виновать.

Другая поговорка: *la vérité ou le silence!*

А если промолчать невозможно?

Можно попасть въ бѣду: другаго исхода нѣтъ.

Дѣло, о которомъ собираюсь говорить здѣсь, было въ 1854 г.

Князь Воронцовъ выѣхалъ изъ края. За него командовалъ войсками и правилъ должностью намѣстника генералъ отъ кавалеріи Николай Андреевичъ Реадъ.

Начальникомъ главнаго штаба былъ генералъ-адъютантъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій (впослѣдствіи генералъ-фельд-маршалъ).

Помощникомъ его генералъ-лейтенантъ Борисъ Эммануиловичъ Индреніусъ (нынѣ членъ финляндскаго сената—Морицъ Индреніусъ).

Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, командуя дѣйствующимъ въ Азіатской Турціи корпусомъ, совершалъ тамъ историческіе

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1896 г., т. XLIX, мартъ, стр. 517—538; т. L, май, стр. 267—286.

подвиги—разгромленія турецкихъ армій—одной подъ Башь-кады-
клярюмъ, а другой подъ Кюрюкь-Дарюю ¹⁾).

Должность его въ Тифлисѣ исправлялъ генераль-лейтенантъ
Юсифъ Антоновичъ Реутъ.

Директоромъ канцеляріи намѣстника былъ уже Михаилъ Пав-
ловичъ Щербининъ.

А рабъ Божій—тотъ же правитель дѣлъ совѣта.

Поименовавъ лица, остается очертить порядки, которыхъ они
держались.

Прежде всего—по совѣту.

Засѣданія совѣта главнаго управленія происходили обычно-
венно по четвергамъ и начинались, какъ вездѣ, чтеніемъ журнала
предшествовавшаго засѣданія.

Совѣтъ былъ учрежденіемъ чисто гражданскимъ, но на раз-
смотрѣніе его передавались иногда дѣла и военнаго вѣдомства,
по подрядамъ и поставкамъ, въ особенности когда торги на
такія операціи производились въ казенной палатѣ.

По субботамъ у намѣстника бывалъ приемъ просителей, при
чемъ, для ближайшихъ разъясненій или для дачи тутъ же спра-
вокъ, присутствовали въ приемной залѣ всѣ отдѣльные началь-
ники и военнаго, и гражданского вѣдомства. Въ числѣ ихъ фи-
гурировалъ всегда и правитель дѣлъ совѣта, какъ начальникъ
его канцеляріи, могшій давать детальныя объясненія по дѣламъ
совѣта.

Однажды поступило въ совѣтъ предложеніе главнаго штаба
разсмотрѣть, по приказанію командующаго войсками, представ-
леніе казенной палаты о послѣдствіяхъ произведенныхъ въ ней
торговъ на перевозку по краю артиллерійскихъ снарядовъ, при
чемъ сообщалась и такая воля генерала Реада: чтобы совѣтъ
разсмотрѣлъ сдѣланныя внѣ торговъ заявленія другихъ лицъ,
прошенія которыхъ тутъ же передавались, и, пригласивъ въ свое
присутствіе какъ торговавшихся въ казенной палатѣ, такъ и
заявившихъ свои предложенія внѣ торговъ, произвести между
ними соревнованіе и заключеніе свое представить установлен-
нымъ порядкомъ.

¹⁾ За это второе дѣло онъ удостоился награды, безпримѣрной послѣ Петра
Великаго: въ чинѣ генераль-лейтенанта получилъ Андрея Первозваннаго.

Докладъ объ этомъ совѣту былъ сдѣланъ въ первый же четвергъ, при чемъ введены въ присутствіе и всѣ указанныя лица, но соревнованія между ними не состоялось: торговавшіеся въ казенной палатѣ наотрѣзъ отказались отъ пониженія объявленныхъ тамъ цѣнъ, а конкуренты ихъ не имѣли уже повода понижать свои.

Совѣтъ нашелъ торги произведенными правильно и постановилъ: довести объ этомъ до свѣдѣнія господина командующаго войсками, но при этомъ присовокупить, что пріемъ подобныхъ заявленій виѣ торговъ, какъ и производство такихъ соревнованій, совѣтъ считаетъ неправильнымъ и для интересовъ казны невыгоднымъ, такъ какъ этимъ роняется значеніе торговъ вообще и должное къ нимъ довѣріе.

Журналъ объ этомъ былъ бы подписанъ черезъ недѣлю и тогда же я могъ сообщить это опредѣленіе главному штабу выпискою изъ журнала, а до того, и именно черезъ день, мнѣ предстояло явиться къ пріему просителей.

Просители расположены вдоль стѣнъ залы. Генералъ Реадъ подходитъ къ нимъ сопровождаемый княземъ Барятинскимъ, Идреніусомъ и Щербининымъ и, отбирая письменныя прошенія, выслушиваетъ словесныя и тутъ же передаетъ каждому изъ своей свиты относящееся до него порученіе.

Всѣ остальные присутствующіе, а въ ихъ числѣ и я, занимаемъ средину залы.

Вдругъ зовутъ меня.

Подхожу и предъ группою властей вижу группу лицъ третьяго дня бывшихъ въ совѣтѣ, за которыми оставалась перевозка снарядовъ по торгамъ. Они жаловались, что отъ хожденія послѣ торговъ и отъ замедленія въ ихъ утвержденіи они несутъ большіе убытки, такъ какъ за залогомъ, которые лежатъ тамъ непродуцительно, они платятъ проценты.

Спросили меня и я тотчасъ доложилъ, какъ было дѣло и что постановилъ совѣтъ.

Изъ этого объясненія Реадъ увидѣлъ, что совѣту дано его именемъ, но безъ его вѣдома, предложеніе и предложеніе неправильное.

— Кто подписалъ бумагу? ставитъ мнѣ ребромъ вопросъ генералъ Реадъ.

Никакой тут молчокъ немислимъ, никакое даже уклоненіе немислимо и отвѣчаю, указывая на тутъ же стоявшихъ:

— „Князь Александръ Ивановичъ и Борисъ Эммануиловичъ!“

Реадъ посинѣлъ и, бросивъ всѣхъ, поспѣшилъ на-право, въ свои апартаменты.

Князь Барятинскій побагровѣлъ и пошелъ на-лѣво, въ свой кабинетъ.

Индреніусъ поблѣднѣлъ, понурилъ голову и послѣдовалъ за Барятинскимъ.

Всѣ чувствуютъ, что случилось что-то неладное.

Заходилъ учащенными шагами Щербининъ чрезъ залу, отъ Реада къ Барятинскому и обратно, и опять, и опять.

— Что вы надѣлали, что вы надѣлали? шепнулъ онъ мнѣ разъ, пробѣгая мимо меня.

Оказалось, что Реадъ остался крайне недоволенъ, что передаютъ отъ него приказанія, которыхъ онъ никогда не давалъ. Не зналъ онъ, что это практиковалось вообще вездѣ. Но нельзя не сознаться, что, не смотря на невозмутимое спокойствіе, которое постоянно выражалось на лицѣ у генерала Реада, въ этотъ разъ онъ вспылилъ рѣзко.

Попросили меня къ Барятинскому.

— Очень жаль, что вы не предупредили меня, найдя неправильность въ моей бумагѣ!

— „Я не имѣлъ никакого права, князь, находить неправильность въ официальной отъ васъ бумагѣ, а если дадите мнѣ это право на будущее время“...

— Ну, на будущее время, надѣюсь, этого не будетъ.

Вотъ и вышло, что можно оказаться безъ вины виноватымъ.

И князь Барятинскій не забылъ мнѣ этой вины. Но объ этомъ рѣчь еще предстоитъ.

15.

Генералъ Муравьевъ подъ Карсомъ.—Наступленіе Омеръ-паша на гурійскій отрядъ; отступленіе этого отряда.—Сожженіе провіанта.—Бомандировка кн. В. О. Бебутова.—Паника въ Имеретіи.—Обезпеченіе отряда продовольствіемъ.—Отступленіе Омеръ-паша.—Невозможность наступленія на него.—Гурія.—Стойкость гурійцевъ.—Муравьевъ въ Тифлисѣ.—Объѣдъ у него.—Вступленіе въ должность директора канцеляріи.

Въ концѣ 1855 года генералъ-адъютантъ Н. Н. Муравьевъ, осаждая Карсъ, былъ, такъ сказать, наванунѣ рѣшенія судьбы этой крѣпости.

Должность намѣстника въ Тифлисѣ исправлялъ тогда князь В. О. Бебутовъ.

Знаменитый Омеръ-паша, для отвлеченія нашихъ силъ отъ Карса, надвигался со стороны Чернаго моря, изъ Абхазіи по Мингреліи.

Гурійскій нашъ отрядъ отступалъ предъ его силами отъ Ингура въ Техуру, отъ Техура въ Абапѣ, отъ Абаши въ Цхенисцхали и расположился, перейдя эту рѣку, дома, въ Имеретіи.

Склады нашего провіанта на Марони и въ Орпиріи сожжены нами, чтобъ не достались неприятелю; въ Гуріи и Мингреліи—ни единого уже нашего солдата.

Паника въ Имеретіи такъ сильна, что съ праваго берега Ріона, въ Кутаисѣ, всѣ казенныя и частныя пѣнности перевезены на лѣвый берегъ; въ городѣ остаются только способные носить оружіе, остальные или разбѣхались, или спѣшили разбѣхаться.

Надобно было остановить триумфальное шествіе Омеръ-паша; надобно было поднять духъ ретировавшихся баталіоновъ, обезпечить ихъ продовольствіемъ, разсѣять панику; словомъ, исправить всѣ эти дегаты.

Муравьевъ возложилъ это на князя Бебутова, оставляя за нимъ и исправленіе должности намѣстника.

Такъ какъ князь Бебутовъ облегался, такимъ образомъ, въ званіе главнаго начальника гурійскаго отряда, то понятно, что

нуженъ былъ ему начальникъ штаба и былъ назначенъ таковымъ оберъ-квартирмейстеръ главнаго штаба генераль маіоръ Н. Н. Карлгофъ; нуженъ былъ директоръ походной канцеляріи и былъ назначенъ таковымъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. И. Кишіани—все еще правитель дѣлъ совѣта; встаети—онъ же и походнымъ казначеемъ; нужны были и другіе чины: адъютанты, офицеры генеральнаго штаба и пр.,—назначены и они.

Всѣ они прибыли въ Кутаисъ 1-го января 1856 года и дня черезъ три двинулись въ м. Хони, въ окрестностяхъ котораго были расположены наши баталіоны, числомъ, если не измѣняетъ память въ дѣлѣ не моей спеціальности, 22 или 23.

Первымъ распоряженіемъ князя Бебутова было тотчасъ же направить оттуда 7 баталіоновъ въ Сурамъ, въ склады провіанта.

Обезпеченію остальныхъ баталіоновъ десятидневнымъ продовольствіемъ, безъ чего нельзя было ихъ двигать, какъ говорили, посвящено было около трехъ недѣль неуспѣшной дѣятельности.

Ненастье, по времени года, и безъ того ставило нашему отряду преграду въ наступленію, а мингрельскія топи, среди которыхъ застряла армія Омеръ-паши, мѣшали и ей уходить отъ насъ съ желаемою поспѣшностью; такъ и не удалось намъ свидѣться съ нею, хотя разстоянія между нами оставалось на какой-нибудь ружейный выстрѣлъ.

Переправились было мы съ этою цѣлью черезъ Цхенисцхали, въ м. Бандзу, но, послѣ непродолжительныхъ объясненій съ тамошними мингрельскими властями, вернулись назадъ; тамъ нечего ужъ было дѣлать. Затѣмъ отправились въ Моранъ и Оршири, гдѣ князь Бебутовъ лично разспрашивалъ очевидцевъ и дѣятелей сожженія провіанта; осмотрѣлъ остатки обгорѣлыхъ бунтовъ и, уяснивъ себѣ, какъ было дѣло, сдѣлалъ съ мѣста надлежащее донесеніе главнокомандующему.

Затѣмъ поѣхали въ Гурію. По дорогѣ въ Озургеты Бебутовъ осматривалъ части туземнаго вооруженія, благодарилъ ихъ и восхвалялъ за молодецкую стойкость въ вѣрности государю императору и въ охраненіи своей родины отъ вторженія непріятеля; возобновлялъ, при неумолкаемыхъ крикахъ ура! ободряющее привѣтствіе вездѣ, гдѣ встрѣчалъ милиціонеровъ, въ особенности въ самомъ Озургетѣ—и вернулись оттуда вполнѣ успокоенные.

Омеръ-паша, между тѣмъ, успѣлъ добраться до Редуть-Кале и уплыть оттуда.

Паника исчезла; все пришло въ порядокъ и въ началѣ февраля 1856 года возвратились въ Тифлисъ.

Тамъ былъ уже покоритель Карса, но въ должность намѣстника вступилъ не раньше, какъ по приѣздѣ Бебутова.

Въ это время я успѣлъ схватить, какъ тогда говорилось, простуду и заболѣть довольно серьезно. Послѣ благопріятнаго поворота болѣзни, наступившаго на 9-й или 12-й день, растворяется дверь въ мою комнату и входитъ какой-то господинъ, совершенно мнѣ незнакомый.

— Кого вамъ? спрашиваю едва слышнымъ голосомъ.

— „Осмѣлюсь спросить, вы генералъ Кипіани?“

Я невольно улыбнулся и отвѣтилъ: — т. е. дѣйствительный статскій совѣтникъ? да.

— „Его высокопр—ство Николай Николаевичъ изволятъ просить васъ сегодня къ себѣ кушать, въ три часа“.

Съ нѣкоторою ироніею прошу его доложить его высокопр—ству въ какомъ я нахожусь положеніи.

— „Они знаютъ, что в. прев—ство изволите быть больны, но все-таки просятъ“.

Посланный этотъ былъ камердинеръ Муравьева.

— Спрошу доктора,—отвѣтилъ я,—и если позволить...

Камердинеръ ушелъ; это было часовъ въ 10 утра.

Меня пользовалъ тогда Соломонъ Артемьевичъ Амировъ, теперь тайный совѣтникъ (и уже покойникъ).

— Ничего, сказалъ онъ, опасности нѣтъ уже никакой! закутайтесь въ шубу и отправляйтесь.

Что такое?! Какое дѣло до меня грозному Муравьеву?! Но кто могъ отвѣтить на это, кромѣ его самого!

Одѣли меня кое-какъ блѣднаго, слабого, закутали и отправили.

Съ трудомъ поднялся я по парадной лѣстницѣ въ пріемную.

Входитъ князь Георгій Мухранскій, мой дорогой князь Георгій, заступившій въ совѣтъ мѣсто Розова, впоследствии сенаторъ и статсъ-секретарь,—также къ обѣду.

За нимъ генералъ Лукашъ, тифлисскій губернаторъ. Еще кто-то, еще кто-то! Наконецъ, самъ хозяинъ. Общій серьезный, привѣтъ всѣмъ,—и дальше.

Пригласили насъ въ столовую.

За столомъ — сдержанная бесѣда, среди которой, чувствуя, что больше всего на меня устремляются взоры хозяина.

— Вотъ этого покушайте немного, говорить онъ мнѣ; отъ этого воздержитесь! вотъ этого выкушайте рюмочку; будетъ вамъ полезно!

Рюмочка хорошаго хересу и ставанчикъ кахетинскаго, дѣйствительно, сдѣлали свое дѣло: къ концу обѣда я настолько уже чувствовалъ себя въ силахъ, что сталъ принимать нѣкоторое участіе въ застольной бесѣдѣ.

Послѣ обѣда, въ гостиной, намѣстникъ указалъ мнѣ рядомъ съ собою мѣсто на софѣ и сказалъ, что хочетъ поговорить со мною, если мнѣ это будетъ не трудно, о Шарвашидзе.

Надобно сказать, что въ сентябрѣ предыдущаго 1855 года, когда Омеръ-паша собирался еще съ силами въ Сухумъ, я былъ командированъ въ Мингрелію собрать, подъ величайшимъ секретомъ, данныя къ разрѣшенію вопроса: измѣнилъ ли Россіи владѣтель Абхазіи, князь Михайлъ Шарвашидзе, или нѣтъ? Не нахожу никакой надобности доказывать, что на освѣщеніе добытыхъ мною свѣдѣній не имѣло вліяніе личное мое чувство, чувство безотчетнаго желанія, чтобъ отвѣтъ получился отрицательный; тогда какъ положительный отвѣтъ могъ послужить узоромъ той власти, которой я служилъ и которая, поэтому, была для меня дорога, священна.

Но все, что я узналъ, выслушивая въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, — и тѣхъ, кого интересовала судьба князя Шарвашидзе, и тѣхъ, которые индифферентно относились къ нему, и тѣхъ, наконецъ, кто не скрывалъ своего желанія, чтобъ Шарвашидзе оказался измѣнникомъ, — у меня сложилось убѣжденіе, что Михайлъ Шарвашидзе дѣйствовалъ все время, даже находясь подъ властью Омеръ-паши, по крайнему разумѣнію своего долга, какъ вѣрнопопданный государю императору и какъ генералъ-адъютантъ его величества.

Подробное мое донесеніе объ этомъ было представлено въ октябрѣ 1855 г. и, конечно, было извѣстно Муравьеву.

Но онъ хотѣлъ и лично отъ меня узнать всѣ подробности, основанія и выводы, которые приводились въ моемъ секретномъ донесеніи.

А въ пройденной мною до сихъ поръ школѣ духа было у меня достаточно уроковъ, чтобъ усвоить непреложное себѣ правило — прямо и смѣло высказывать свои убѣжденія, — въ особенности, когда спрашиваютъ объ этомъ.

Муравьевъ спорилъ со мною, дѣлалъ замѣчанія, способныя сбить съ толку всякаго, не твердо знающаго свой предметъ; но я былъ уже недосыгаемо далекъ отъ подобострастія, которое только и встрѣчалъ Муравьевъ въ наибольшей части своихъ подчиненныхъ. Я хорошо зналъ, что говорилъ.

На другой день навѣстилъ меня, все еще, конечно, больного князь Василій Осиповичъ и съ торжествующимъ видомъ объявилъ, что Николай Николаевичъ назначаетъ меня директоромъ своей канцеляріи!

— Какъ? а Щербининъ?

— Вы развѣ еще не слышали? Щербининъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ.

— А Крузенштернъ, вице-директоръ? Нельзя же обойти безъ причины вице-директора.

— Крузенштерна Муравьевъ очень любитъ; онъ близкій ему человѣкъ. Вѣдь онъ былъ при немъ вездѣ директоромъ походной канцеляріи. Они поговорили между собою и Крузенштернъ получить назначеніе, которымъ будетъ очень доволенъ.

— Какъ же я то, князь? Развѣ я въ силахъ принять теперь такую должность?

— Ничего! Богъ поможетъ.

Вечеромъ навѣщаетъ меня Щербининъ и оба изливаемся во взаимныхъ поздравленіяхъ съ лестнымъ повышеніемъ.

Крузенштернъ другъ ему и потому онъ за него только тогда успокоился, когда Муравьевъ сказалъ, что представить его въ члены совѣта.

Дня черезъ два, въ половинѣ февраля, получилъ я предписаніе намѣстника вступить въ исправленіе должности директора его канцеляріи, а въ Петербургъ пошло представленіе объ утвержденіи меня въ этой должности и о назначеніи Крузенштерна членомъ совѣта.

Въ какомъ смыслѣ было составлено это представленіе, — не знаю, не видалъ.

На другой день намѣстникъ, отобравъ отъ Щербинина и

Крувенштерна порученія, оставшіяся у нихъ невыполненными, тутъ же при нихъ передалъ мнѣ и велѣлъ занести въ памятную книжку, по которой я долженъ былъ отдавать ему отчетъ въ исполненіи его приказаній.

Затѣмъ продиетовалъ еще множество другихъ порученій, изъ которыхъ одно слѣдовало исполнить какъ можно скорѣе, во всякомъ случаѣ въ тотъ же день; остальные завтра и послѣ завтра.

— Когда вамъ угодно будетъ принять меня съ докладомъ по этому слѣшному дѣлу? Онъ будетъ готовъ у меня часа черезъ полтора.

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ мнѣ показалось, съ удивленіемъ и сказалъ:

— Какъ я могу назначить когда! Все время у меня занято государевою службою. Ну! ищите, ловите меня, когда будете готовы, и доложите, когда поймаете.

— Вы думаете, что у директора вашей канцеляріи найдется столько свободнаго времени, чтобъ гоняться за вами и ловить васъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ мнѣ, немного помолчавъ и пристально глядя мнѣ въ глаза. Нѣтъ, не думаю. Для васъ всегда буду готовъ! Можете входить ко мнѣ прямо, во всякое время, кто-бъ у меня ни былъ и чѣмъ бы я ни былъ занятъ!

Ровно черезъ 1½ часа вхожу съ готовою бумагою и застаю у него экзарха Грузіи (нынѣ высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій—Исидоръ).

— Новый директоръ моей канцеляріи, представляетъ меня намѣстникъ; затѣмъ, прося у него извиненія, беретъ мою бумагу, прочитываетъ ее и, подписавъ,

— Не ожидалъ такъ скоро! сказалъ онъ какъ бы невольно.

На другой день около 11 часовъ утра являюсь съ грудю дѣлъ и бумагъ къ докладу.

Размѣры этой груды вѣроятно подѣйствовали на него непріятно и онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я доложилъ ему дѣла только государевы, такъ какъ для другихъ у него нѣтъ времени.

— Здѣсь у меня всѣ дѣла только государевы,—всѣ служебныя; другихъ никакихъ нѣтъ.

— Ну, такъ давайте!

Садится самъ къ столу, но мнѣ не предлагаетъ. Тогда я придвигаю себѣ кресло, говоря: извините, стоя мнѣ невозможно докладывать!—и сажусь.

— Пожалуйста, пожалуйста!

Столовые его часы показывали ровно 11, когда начался докладъ.

Однѣ бумаги онъ заставилъ читать, содержаніе другихъ словесно объяснять; такъ шло дѣло, какъ вдругъ, по случаю одного изъ предметовъ доклада, онъ задалъ мнѣ неожиданный вопросъ.

Не разъ говорили и Щербининъ, и Индреніусъ, что у Николая Николаевича была привычка вдругъ задавать докладчику неожиданный вопросъ и если не получалъ тотчасъ отвѣта, то признавалъ докладъ недостаточно приготовленнымъ и приказывалъ откладывать такія дѣла въ слѣдующему разу.

Такъ отъ доклада къ докладу отлагалось множество дѣлъ и по штабу, и по канцеляріи, и постоянно жаловались на накопленіе дѣлъ по милости такихъ капризовъ.

Я зналъ это и попросилъ позволенія отвѣтить на его вопросъ моимъ вопросомъ.

— Ну-те!

— Дѣло, которое я докладываю, не заключаетъ въ себѣ данныхъ къ отвѣту на вашъ вопросъ; но я могу скоро добыть ихъ, а теперь предположите, что полученные мною свѣдѣнія дадутъ отвѣтъ отрицательный. Можетъ ли онъ имѣть вліяніе на ходъ этого дѣла?

— Нѣтъ!

— А если отвѣтъ получится положительный?

— Нѣтъ!

— Зачѣмъ же приостанавливать движеніе дѣла? Оно пусть идетъ, а свѣдѣнія я могу доставить вамъ и послѣ.

— Не нужно! я удовлетворенъ! Дайте подписать бумагу!

Пошло затѣмъ все безостановочно.

Кончился докладъ въ 12¹/₂ часовъ.

— Вашъ докладъ продолжался только 1¹/₂ часа! я вами доволенъ.

Я кланяюсь.

— А вы! мною довольны?

— Совершенно!

— А Михаилъ Павловичъ (Щербининъ) вѣрно повлепалъ на меня, спрашиваетъ Николай Николаевичъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа и не ожидая возраженія.

— Немножко повлепалъ!

— Ну, я на это не сержусь.

На слѣдующій день еще одинъ такой же докладъ и затѣмъ намѣстникъ выѣхалъ въ Ставропольскую губернію, оставивъ меня работать съ княземъ Василиемъ Осиповичемъ Бебутовымъ.

Въ служебномъ мірѣ Тифлиса скоро узнали о необыкновенномъ явленіи, что Муравьевъ сказалъ комплиментъ своему новому директору; значить Кипіани проченъ на мѣстѣ.

И льстятъ ему, и юлятъ предъ нимъ. А онъ работаетъ себѣ въ канцеляріи съ 6 часовъ утра до 3 пополудни и съ 5 до 11 вечера каждый день, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ.

— Онъ загубитъ себя въ канцеляріи, говорятъ одни.

— Онъ теперъ вся сила, говорятъ другіе. Развѣ только Бебутовъ надъ нимъ, да и тотъ души въ немъ не чааетъ.

А тотъ все сидитъ въ канцеляріи, да работаетъ; дѣлъ слишкомъ много. Только одного Адольфа Петровича Берже застаеиъ онъ въ канцеляріи и оставляетъ тамъ уходя.

Такъ говорили чиновники въ Тифлисѣ, пока не возвратился въ маѣ намѣстникъ изъ Ставрополя.

Возвратился и на другой же день доставили ему съ почты изъ Петербурга отказъ въ утвержденіи Кипіани и приказъ о назначеніи директоромъ Крузенштерна.

Не видалъ я въ глаза и этой бумаги.

Пришлось вспомнить Вологду и приложить къ устамъ палецъ безмолвія.

— „Какой же я намѣстникъ, если не могу выбрать себѣ директора“,—сказалъ Муравьевъ и просилъ разжалованнаго по китайскому способу ¹⁾ не убиваться.

— Убиваться я отъ этого не буду; но не могу не скорбѣть, что васъ это огорчаетъ.

— Благодарю, благодарю!

Пожалъ онъ мнѣ крѣпко руку и отпустилъ обратно въ канцелярію совѣта.

¹⁾ Извѣстно, что въ Китаѣ лишаютъ чиновъ не разомъ, а по одному, по два, судя по роду преступленія.

16.

На мѣсто Муравьева князь Барятинскій.—Надежды его.—Совѣщанія.—Казенные вопросы.—Крѣпостное право.—Сюрпризъ.—Назначеніе членомъ совѣта намѣстника.—Отчетъ за два года его управленія.—Инвентарное описаніе имуществу владѣтеля Мингрелія.—Пререканія по опеку съ мѣстными властями и ея протесты.—Разсмотрѣніе ихъ въ кавказскомъ комитетѣ.—Гибель князя Барятинскаго.

Въ августѣ 1856 года Муравьевъ отозванъ и на его мѣсто, командуя войсками на Кавказѣ и исправляющимъ должность намѣстника кавказскаго, назначенъ генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

Наконецъ, достался этотъ важный постъ человѣку, не выжившему изъ лѣтъ, какъ нѣкоторые изъ его предшественниковъ, а молодому; всего какихъ нибудь, 38 лѣтъ и. что еще важнѣе, другу дѣтства царствующему императору Александру II (1856 г.).

Не могъ онъ не питать свѣтлыхъ надеждъ на продолжительность своей дѣятельности въ краѣ, съ которымъ сроднился съ юныхъ лѣтъ; не могъ не рассчитывать, что придется отдыхать подъ старость въ тѣни деревъ, имъ самимъ насажденныхъ, и видѣть осуществленіе начинаній, которыми переполнены его мысли.

Въ такихъ и еще болѣе свѣтлыхъ ожиданіяхъ встрѣчалъ его и край.

Грузинское дворянство дало ему, въ первые же дни его приѣзда въ Тифлисъ, въ ноябрѣ 1856 г. балъ, расписанный и иллюстрированный въ журналахъ, даже парижскихъ.

Въѣздъ его въ Тифлисъ составлялъ такой триумфъ, съ которымъ нельзя было, казалось, сравнить въѣзда въ 1854 году князя Бебутова послѣ Башъ-Кадывляра и Кюрюкъ-Дара и котораго нельзя было забыть при въѣздѣ М. Т. Лорисъ-Меликова въ 1878 году, послѣ взятія Карса, хотя ихъ встрѣчали какъ дѣйствительныхъ триумфаторовъ.

Ликованіе было общее и смотрѣли всѣ на князя Барятинскаго, какъ на providѣніе.

Неужели есть основаніе въ поговоркѣ: „ликованіе сначала, разочарованіе подъ конецъ?“

Никакого!

Новый намѣстникъ сталъ дѣйствовать, какъ бы слѣдуя со-
вѣту знаменитаго грузинскаго поэта Руставели:

„Выслушай сотню совѣтовъ и поступи по внушенію сердца!“

Онъ сталъ приближать къ себѣ всѣхъ бывшихъ тогда на виду въ Тифлисѣ дѣателей на военномъ или на гражданскомъ по-
прищѣ и вызывать ихъ взгляды и мнѣнія въ простой, интимной
бесѣдѣ, не придавая ей никакого оффиціального характера.

Изъ туземцевъ чаще всего были приглашаемы: князь Иванъ
Константиновичъ Мухранскій, бывший у Муравьева въ опалѣ за
сожженіе въ Орпари провіанта, въ бытность начальникомъ гурій-
скаго отряда; братъ его, князь Георгій, впоследствии сенаторъ и
статсъ-секретарь; князь Александръ Давидовичъ Орбеліани, гу-
бернскій тогда предводитель дворянства, — и авторъ этихъ
строкъ, тотъ же скромный правитель дѣлъ совѣта.

Говоря съ нами о различныхъ, болѣе или менѣе доступныхъ
намъ, предметахъ, онъ поручалъ то каждому изъ насъ отдѣльно,
то всѣмъ вмѣстѣ сообща, разработку разныхъ вопросовъ, касав-
шихся тогдашней злобы дня или существенныхъ интересовъ края.

Были, такимъ образомъ, затронуты вопросы:

О возстановленіи Иракліевскаго канала для орошенія Кара-
язской степи водами р. Арагвы.

О распространеніи образованія посредствомъ открытыхъ и
закрытыхъ учебныхъ заведеній.

О преобразованіи, которое вызывалось современнымъ состоя-
ніемъ судоустройства и судопроизводства.

О средствахъ къ размежеванію края.

О мѣрахъ къ улучшенію взаимныхъ отношеній между помѣ-
щиками и крестьянами (чтобъ надвигавшаяся крестьянская ре-
форма не захватила врасплохъ).

И нѣсколько другихъ вопросовъ.

Въ особенности ему желательно было отсюда начать крестьян-
скую реформу, и собственно это дѣло поручилъ князю Григо-
рію Дмитріевичу Орбеліани разработать вмѣстѣ со мною и пред-
ставить ¹⁾.

¹⁾ Мы представили князю Барятинскому, въ началѣ 1858 г., наши сооб-
раженія, которыя онъ одобрилъ и надѣялся провести;—но впоследствии они
были оставлены безъ вниманія. Рѣчь объ этомъ впереди. Д. Ж.

Мѣсяца черезъ два по вступленіи князя Барятинскаго въ управленіе краемъ, а именно, въ послѣднихъ числахъ января 1857 г., я докладывалъ дѣла въ совѣтъ. Во время засѣданія входитъ дежурный чиновникъ и объявляетъ, что князь намѣстникъ изволилъ требовать меня къ себѣ теперь же.

Всѣ переглянулись; въ теченіи чуть-ли не 12-ти лѣтъ моей службы въ совѣтъ ни разу еще не было такого случая, чтобъ меня требовали изъ присутствія совѣта.

Передаю доклады, съ разрѣшенія предсѣдателя, старшему дѣлопроизводителю и сіѣшшу явиться къ князю.

— Сегодня у васъ засѣданіе и я отвлекъ васъ отъ дѣла, — такъ встрѣтилъ меня намѣстникъ;—но, извините,—получена объ васъ бумага, которую... Алексѣй Ѳеодоровичъ! (Крузенштернъ), дайте эту бумагу!—Вотъ! прочтите!

Читаю... высочайшую грамоту на пожалованіе мнѣ Станислава 1 ст.

Сюрпризъ!

Князь Барятинскій остался доволенъ, увидѣвъ, что я этого не ожидалъ.

— Не правда ли, награда тогда и хороша, когда не ожидаешь? Я пробормоталъ что-то такое, чтобъ выразить свою благодарность.

— Надѣюсь, сегодня на вечеръ будете со звѣздою!

По четвергамъ бывали у него вечера, на которые мы съ женою, какъ принадлежавшіе тогда къ Тифлисскому высшему кругу, были приглашены разъ навсегда.

Но въ совѣтъ въ тотъ день я ужъ не возвращался. Мнѣ было какъ-то не удобно возвѣстить членамъ совѣта, въ числѣ которыхъ шестеро или семеро еще не имѣли этого ордена, — что вотъ-моль: вы еще не имѣете, а я, хоть и вашъ доядичицъ, но получилъ ленту черезъ плечо!

Одинъ изъ нихъ явился на вечеръ раньше насъ. Милый хозяинъ встрѣчаетъ его и поздравляетъ съ монаршею милостью.

— Съ какою, ваше сіят—во! спрашиваетъ тотъ, вдругъ взбужденный восторгомъ.

— Какъ? развѣ вы еще не знаете? Дмитрій Ивановичъ получилъ ленту! Вѣдь онъ вашъ!

— Ахъ, ваше сіят—во!....

Мѣсяца черезъ три послѣ того говоритъ мнѣ князь: „мнѣ нужны ваши совѣты и я желаю назначить васъ членомъ моего совѣта. Вы ничего не имѣете противъ этого?“

— Помилуйте, ваше сіят—во!

— Ну, такъ, прошу васъ вступить теперь же въ должность, въ ожиданіи высочайшаго утвержденія. Вотъ вамъ и мое предложеніе объ этомъ.

Такъ съ апрѣля 1856 г. я принадлежу къ сонму избранныхъ и вполне довольныхъ своею судьбою:—я членъ совѣта главнаго управленія намѣстника кавказскаго.

Въ началѣ 1858 г. говоритъ мнѣ князь:

— Теперь вы, конечно, не такъ заняты, какъ были прежде. Я хочу дать вамъ одно большое, очень большое порученіе.

— Прикажете, князь!

— Я желаю, чтобъ вы мнѣ составили всеподданнѣйшій отчетъ за два года моего управленія.

Это меня крайне озадачило.

— Но, ваше сіят—во, я ничего не знаю изъ общаго хода дѣлъ.

— Потребуйте, чтó вамъ будетъ нужно, отъ Алексѣя Федоровича (Крузенштерна). Онъ имѣетъ приказаніе исполнять всѣ ваши требованія.

Послѣ этого никакія' отговорки не были мыслимы; надобно было заняться.

Занялся, но на собраніе всѣхъ, необходимыхъ для отчета, свѣдѣній требовалось времени не менѣе года; стало быть ни что не мѣшаетъ окинуть пова взглядомъ нѣкоторыя другія событія, ведущія къ разъясненію дѣла, которое служитъ предметомъ настоящаго разсказа.

Въ то время, когда правительница Мингреліи находилась въ Москвѣ при коронаціи императора Александра II, въ Мингреліи произошло крестьянское движеніе. По этому введены были туда наши войска и учреждено временное непосредственное управленіе.

Это повлекло за собою отозваніе въ 1857 г. въ Петербургъ всего владѣтельскаго семейства, для соотвѣтственнаго воспитанія малолѣтняго владѣтеля Николая; а чтобъ здѣсь сохранить на это время его достояніе, повелѣно было учредить надъ имуществомъ его опеку.

Избраніе опекуновъ предоставлено было родительницѣ владѣ-

теля; а назначеніе ихъ—намѣстнику. Составленіе же инвентарнаго описанія имѣнію, для передачи опеки, возложено на члена совѣта намѣстника кавказскаго—Кипіани ¹⁾, который, совмѣстно съ особо назначенными лицами: отъ намѣстника, отъ Кутаискаго генераль-губернатора, отъ совѣта мингрельскаго временнаго управленія и отъ бывшей правительницы, — произвелъ это описаніе въ концѣ 1857 г., и въ началѣ 1858 г. представилъ намѣстнику.

Между тѣмъ бывшая правительница избрала въ опекуны трехъ лицъ и въ числѣ ихъ того-же Кипіани.

По послѣдній тогда-же рѣшительно отказался отъ этого званія.

Вошедшія въ инвентарное описаніе имущества, по минимальной ихъ разцѣнкѣ, должны были давать около 80 т. руб. годоваго дохода, но опекуны, въ ожиданіи передачи имъ инвентарнаго описанія, не могли не довольствоваться тѣмъ, что поступало по показаніямъ мѣстныхъ агентовъ. А разсмотрѣніе инвентарнаго описанія, по необъяснимымъ причинамъ, тянулось въ совѣтѣ болѣе двухъ лѣтъ.

Изъ отчета за 1858 г. бывшая правительница усмотрѣла, что отъ расходовъ по администраціи имѣнія осталось только 277 рублей.

Не зная причины, она вновь обратилась въ Кипіани съ просьбою принять на себя охрану имущества малолѣтнихъ ея дѣтей.

Письмо объ этомъ, въ которомъ она взывала къ его чувствамъ, какъ человѣка, какъ христіанина, Кипіани представилъ въ подлинникѣ князю Барятинскому, высказавъ при этомъ слѣдующее:

— Вашему с—ву извѣстно, что въ 1857 г. я рѣшительно отказался отъ званія опекуна. Теперь заелинаютъ меня моими дѣтьми не отказываться болѣе. Такъ какъ я имѣю честь быть членомъ вашего совѣта, то, безъ вашего наставленія, не рѣшаюсь отвѣтить княгинѣ.

— Скажите мнѣ откровенно, какія причины заставляютъ васъ отказываться?

¹⁾ Часто приходится говорить о себѣ въ 3-мъ лицѣ; но того требуетъ, не говоря о приличіи, удобство изложенія. Д. Е.

— Причинъ у меня собственно три. Первая: въ эти два года опекуны не имѣли въ рукахъ описанія, которымъ бы могли руководствоваться. Отъ этого въ отбываніи повинностей произошли безпорядки; кромѣ того, мнѣ извѣстно, что въ Мингрелии водворяется мнѣніе, что владѣтель окончательно устраненъ и имѣніе его пойдетъ въ казну; а въ такомъ случаѣ всѣ того убѣжденія, что лучше допустить частные захваты, чѣмъ передать казнѣ, какъ это было въ Гуріи. Поэтому опекуну нельзя не ожидать антагонизма даже со стороны властей тамошнихъ.

— До совершеннолѣтія владѣтеля, — отвѣтилъ мнѣ на это князь, — не надобно допускать никакого вопроса, возвратится онъ или нѣтъ. Это дѣло будущаго. Имѣніе его, во всякомъ случаѣ, надобно сохранить. Если онъ возвратится, а оно будетъ растратчено, то представится вѣдь нелѣпость: будетъ онъ роптать, что имѣніе его растратили въ то самое время, когда онъ находился подъ крыломъ самого государя императора. А если не возвратится и имѣніе поступитъ въ казну, то и казна вѣдь будетъ требовать его по вашему же инвентарю.

— Противъ этихъ истинъ никакое возраженіе немыслимо. Но вторая моя причина: при существующемъ въ Мингрелии настроеніи умовъ, могутъ представляться такіе случаи, въ которыхъ опекунъ не долженъ будетъ забывать, что онъ членъ вашего совѣта, а членъ вашего совѣта, — что онъ опекунъ, т. е. я хочу сказать, что антагонисты всегда будутъ находить возможность видѣть въ дѣйствіяхъ опекуна чего не долженъ бы дѣлать агентъ правительства, и на оборотъ. А это не повредитъ ли моему служебному положенію?

— Цѣль и у опеки, и у правительства одна и та-же: сохранить имѣніе лица, считающагося подъ непосредственнымъ верховнымъ покровительствомъ. Поэтому я не знаю, что вы можете сдѣлать, что не соответствовало бы званію члена моего совѣта? А если будете встрѣчать на мѣстѣ чье либо противодѣйствіе, пишете прямо мнѣ; я вамъ правая рука.

— Тогда не существуетъ и второй причины!

— Очень радъ. А третья?

— Опекуну нельзя лично не обозрѣвать имѣнія, а для этого необходимо пріѣзжать туда, по крайней мѣрѣ, мѣсяца на 2, на 3 въ годъ. Можно ли это члену вашего совѣта?

— Развѣ такъ много будетъ у васъ тамъ дѣла, что не будетъ возможности хоть урывками заглядывать въ мои дѣла, если буду вамъ поручать брать ихъ съ собою?

— Возможность эту я всегда буду находить.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ разрѣшаю эти поѣздки. Значить и третья причина устранена?

— Совершенно.

— Надобно, чтобъ имѣніе маленькаго владѣтеля было въ хорошихъ рукахъ и потому я прошу васъ не отказываться.

— О, о! ваше сіятельство!

— Такъ вы согласны?

— Согласенъ.

— Ну, такъ напишите объ этомъ княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ, напишите сегодня же, и письмо доставьте во мнѣ, я отправлю съ курьеромъ.

Написалъ и доставилъ.

Затѣмъ, наступило время заняться отчетомъ.

Отчетъ былъ, между тѣмъ, изготовленъ къ 1859 году. Такъ какъ къ тому времени совершилось преобразование главнаго управленія намѣстника кавказскаго и, по мысли самого князя Барятинскаго, вмѣсто одной канцеляріи изъ 5-ти отдѣленій было образовано 5 министерскихъ департаментовъ, съ 3-мя и 4-мя отдѣленіями каждый, а именно: департаменты общихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ, судебный и контрольный, то я заручился заключеніями директоровъ по тѣмъ отдѣламъ отчета, которые составляли ихъ спеціальность, и такъ представилъ эту работу.

Докладывалъ этотъ отчетъ въ теченіи десяти дней каждое утро отъ 9 до 11 часовъ и удостоился такого одобренія, что когда княгиня Дадіанъ сообщила официально, что она избираетъ въ званіе опекуна Кипіани и проситъ назначить его, князь Барятинскій объявилъ мнѣ, что назначаетъ меня опекуномъ, но отъ себя не отпуститъ, пока самъ не выѣдетъ изъ Тифлиса.

У него былъ уже готовъ планъ покончить съ Шамилемъ и князь Александръ Ивановичъ собирался въ походъ.

Дальнѣйшая судьба одобреннаго во всѣхъ частяхъ и перепи- саннаго уже на-бѣло отчета мнѣ неизвѣстна.

По выѣздѣ князя въ Дагестанъ, я отправился въ Мингрелію, гдѣ и други, и недруги, кромѣ только кутаисскаго генераль-губернатора, встрѣтили меня какъ врага существующему порядку.

Не здѣсь мѣсто подробностямъ о томъ, почему и какое противодѣйствіе встрѣтилъ я въ мѣстныхъ чиновникахъ всякому моему требованію и заявленію по охраненію частныхъ имущественныхъ интересовъ малолѣтняго владѣтеля; а для бѣлаго очерка этого противодѣйствія достаточно будетъ сказать, что при спойномъ, не заинтересованномъ взглядѣ на дѣло, оно и теперь, когда составляетъ уже достояніе довольно стараго прошлаго, и теперь оно представится наглымъ до крайней невѣроятности и глубоко оскорбляющимъ чувство уваженія къ власти, которой служимъ.

Управлявшій тогда (въ 1859 г.) Мингрелію генераль Колубакинъ 1-й (нынѣ покойный) не призадумался даже официально донести, что владѣтель Мингрели не долженъ разсчитывать на полученіе дохода болѣе 13 съ чѣмъ-то тыс. руб. въ годъ.

Мнѣ пришлось, вопреки малѣйшему желанію и противъ собственной природы, вдаться въ протесты и жалобы на уѣздныя власти—предъ областною, на нее—предъ генераль-губернаторомъ и на генераль-губернатора—предъ намѣстникомъ.

Но правая рука князя Бяратинскаго, обѣщанная мнѣ, поднялась противъ меня и противъ кутаисскаго генераль-губернатора; тотъ былъ настолько счастливъ, что могъ оставить свой постъ, а мнѣ сложить съ себя званіе опекуна не позволили.

— Ваше с — во,—обратился я къ князю Бяратинскому,— послѣ вашего рѣшенія я уже не понимаю моихъ обязанностей, а обязанностей, которыхъ не понимаешь, нельзя исполнять. Поэтому прошу позволить мнѣ сложить съ себя званіе опекуна.

— Такъ я и думалъ! но прошу васъ этого теперь не дѣлать. Можете черезъ годъ или мѣсяцевъ черезъ 8.

— А за это время имущество, которое номинально я охраняю, окончательно улетучится и въ отвѣтъ буду вѣдь я одинъ и предъ Богомъ, и предъ закономъ, и предъ моими дѣтьми! Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, княгинѣ сообщить обо всемъ, такъ какъ по опеѣ я подчиненъ ей.

— Ей можете сообщить все, все, что угодно.

Сообщилъ ей въ Петербургъ о положеніи дѣлъ.

Она, вонечис, взтѣлась и поручила В. П. Семёнову, бывшему члену нашего совѣта и попечителю Кавказскаго учебнаго округа, составить жалобу для внесенія въ Кавказскій комитетъ.

Между тѣмъ, чрезъ намѣстника, и меня потребовали въ Петербургъ, и намѣстникъ приказалъ ѣхать.

— Исполняя приказаніе, я долженъ ѣхать; но, ваше с—во, если меня будутъ тамъ спрашивать о дѣлѣ, я вѣдь ничего другаго сказать не могу, какъ то же самое, что имѣлъ честь докладывать и объяснять вашему с—ву.

— Побѣжайте съ Богомъ и дѣлайте, какъ знаете—я мѣшать вамъ не буду. Княгиня я самъ посоветовалъ дѣло свое перенести въ государственный совѣтъ или въ Кавказскій комитетъ. Я своего рѣшенія перерѣшить не могу, а если тамъ рѣшать въ ея пользу, я въ претензіи не буду.

Пріѣхалъ я въ апрѣлѣ 1860 г. въ Петербургъ. Записка Семёновымъ была уже тамъ составлена и вскорѣ поступила въ Кавказскій комитетъ.

Дѣло тянулось цѣлый годъ.

Въ теченіи этого времени меня лично разспрашивали о подробностяхъ дѣла: управлявшій дѣлами комитета Вл. Петровичъ Бутковъ, членъ комитета графъ Дм. Н. Блудовъ и предсѣдатель князь Алексѣй Ѳед. Орловъ. Объясненія мои основывались, конечно, на данныхъ, которые были уже на виду, въ дѣлѣ.

Въ апрѣлѣ 1861 года послѣдовало высочайше утвержденное мнѣніе Кавказскаго комитета, коимъ всѣ поволебленныя имущественныя права владѣтеля Мингреліи восстановлены, а поддержанныя княземъ Барятинскимъ дѣйствія мѣстныхъ властей рѣшительно отстранены.

Князь Барятинскій сдѣлалъ мнѣ необычайную честь, приписавъ моему вліянію это рѣшеніе, и прислалъ изъ-за границы въ Тифлисъ приказаніе: „послѣ этого Кипіани не можетъ оставаться членомъ моего совѣта! Доложите князю Григорію Дмитріевичу Орбеліани — назначить на его мѣсто С * * * “.

Такъ закончилась въ 1862 г. моя правительственная служба; но кончилось и намѣстничество на Кавказѣ князя Барятинскаго: исчезли дымомъ въ 1862 году свѣтлыя мечты и упованія 1856 года.

17.

Финансовая система барона Гана. — Мысль Н. П. Безака. — Преобразование гражданского управления. — Имущественныя права высшаго мусульманскаго сословія. — Личныя права. — Кръпостное право въ Грузіи.

Передъ самымъ концемъ правительственной моей службы, мнѣ пришлось, чиновнику изъ туземцевъ, выдержать еще одну борьбу съ чиновниками изъ коренныхъ русскихъ, по поводу несогласимаго различія въ нашихъ взглядахъ на долгъ службы.

Въ концѣ 1830-хъ и въ началѣ 1840-хъ годовъ была въ Тифлисѣ, въ полномъ разгарѣ своихъ дѣйствій, коммисія сенатора барона Гана. Подготовляя задуманную на широкихъ началахъ новую финансовую систему, коммисія должна была затронуть и разработать множество различныхъ вопросовъ, составлявшихъ почву для этой системы, и вдалась въ обширную работу, которая главной цѣли не достигла, но выдвинула нѣсколько дѣлъ, которыя сами по себѣ потребовали сложной и продолжительной работы.

Такимъ образомъ, на кульминаціонномъ пунктѣ собственно финансовой Гановской системы появилась и окончательно установилась простая, ясная и для всѣхъ удобопонятная мысль бывшаго предсѣдателя Тифлисской казенной палаты Николая Павл. Безака — натуральныя подати замѣнить денежною, т. е. подати, поступавшія произведеніями земли, замѣнить денежными окладами по крайне умѣренной разцѣнкѣ.

Вся громадная работа — предпосланія повсемѣстнаго кадастра финансовой системѣ, оказалась уже излишнею.

Но за то ребромъ стали вопросы:

- 1) о преобразованіи гражданского управления краемъ;
- 2) объ опредѣленіи имущественныхъ правъ высшаго мусульманскаго сословія;
- 3) объ опредѣленіи личныхъ правъ хановъ, бековъ, агаларовъ и мемеховъ;

4) объ опредѣленіи предѣловъ крѣпостнаго права, существовавшаго въ Грузіи, и т. п.

Преобразование управленія совершилось въ 1840 году.

Въ то же время приступлено было къ разработкѣ и другихъ дѣлъ.

Важность и трудность ихъ будетъ видна изъ бѣлаго разсказа, который привожу здѣсь по второму предмету, а затѣмъ приведу въ другомъ мѣстѣ таковой же бѣглый разсказъ и о крѣпостномъ правѣ въ Грузіи.

По второму и третьему предметамъ были учреждены при главномъ управленіи особые комисіи и комитеты, въ которыхъ сужденія и словопренія бесплодно тянулись до самаго прибытія въ Тифлисъ намѣстника графа Воронцова.

Высокой его репутаціи, какъ государственнаго человѣка и весьма опытнаго администратора, не поколебать даже и * * *, но и Воронцовъ не легко совладалъ бы съ этимъ дѣломъ, если-бъ не очутился его ближайшимъ сотрудникомъ генералъ Ладинскій, человѣкъ не менѣе благонамѣренный, но ближе знакомый съ прошлымъ этого края и, по малороссійской своей натурѣ, умѣвшій работать горячо и упорно.

Въ 1845 году Петръ Антоновичъ Ладинскій принялъ дѣло въ свои руки и пошло оно безостановочнымъ уже ходомъ

Нѣсколько разъ восходило оно чрезъ Кавказскій комитетъ на высочайшее разсмотрѣніе и графъ Воронцовъ имѣлъ радость получить въ концѣ 1846 года, въ Шемахѣ, и торжественно возвѣстить собравшимся тамъ бекамъ всемилостивѣйшій рескриптъ, которымъ даровались и окончательно устанавливались высшему мусульманскому сословію право собственности на земли и истекающія изъ этого права урегулированныя отношенія между владѣльцами и поселянами.

Это провозглашеніе царской милости до того успокоило все мусульманское наше населеніе, что оно въ войну 1853—1856 годовъ, не смотря на религіозный характеръ, который ей придавали, дралось за насъ противъ своихъ единовѣрцевъ.

Но по пословицѣ — царь жалуется, да псарь не хочетъ, — нашлись люди, которые задались, подъ эгидою довольно своеобраз-

ной преданности долгу службы, доказать непригодность явленных закавказскому мусульманству милостей и добиться их отмены.

Для приведения въ дѣйствіе новаго положенія, построеннаго на началахъ обнародованнаго рескрипта, въ Шемахѣ была учреждена особая коммисія изъ высшихъ лицъ губернскаго управленія, но она только тормозила дѣло.

Въ оправданіе дѣйствій этой коммисіи надобно сказать, однако-жь, что ей преподано было въ исполненію Положеніе въ его окончательной законодательной редакціи, но не было сообщено ни мотивовъ, породившихъ Положеніе, ни свѣдѣнія о нѣкоторыхъ детальныяxъ вопросахъ, требовавшихъ еще обсужденія.

Если-бъ въ персоналѣ шемахинской коммисіи и не было никакихъ элементовъ, враждебныхъ новому порядку, то однихъ уже этихъ недомолвокъ было достаточно, чтобъ начать возбуждать вопросъ за вопросомъ.

И дѣйствительно, недоразумѣнія коммисіи нагромождались и, при отсутствіи уже изъ края генерала Ладинскаго, спеціальнаго знатока этого дѣла, осложнялись до такой степени, что самъ Воронцовъ сталъ колебаться, какъ повести дѣло такъ, чтобъ предотвратить крайность отмены того, что разъ рѣшено верховною властью и рѣшено окончательно, по самомъ подробномъ и тщательномъ обсужденіи дѣла.

Преемникъ Ладинскаго, князь В. О. Бебутовъ, имѣлъ счастливую мысль доложить намѣстнику, что шемахинская коммисія не въ состояніи будетъ уяснить себѣ дѣла до тѣхъ поръ, пока не преподается ей подробная инструкція, изъ которой бы она могла видѣть, что подлежитъ безповоротному исполненію и что дальнѣйшей разработкѣ.

Дали коммисіи эту инструкцію и дѣло пошло въ ней уже безостановочно.

Подлежавшее исполненію—исполнено мало-по-малу въ теченіи 12 лѣтъ, а подлежавшее разработкѣ—разработано, представлено въ главное управленіе и въ 1859 году подвергнуто здѣсь подробному разсмотрѣнію совѣта.

Въ составѣ совѣта былъ тогда Вас. Ив. Смиттенъ, бывшій

до того членомъ въ шемахинской комисіи, какъ вице-губернаторъ тамошній. Онъ взялъ на себя подробную разработку этого дѣла и внесъ свой докладъ въ совѣтъ, въ 1860 году, въ бытность мою по дѣламъ мингрельской опеки въ Петербургѣ. Но въ совѣтъ, по заявленію князя Георгія Мухранскаго, что дѣло это никому такъ подробно не знакомо, какъ отсутствующему члену Кипіани, который составлялъ и инструкцію для шемахинской комисіи,—рѣшено было дожидаться моего возвращенія; а между тѣмъ докладъ В. И. Смиттена подвергнуть предварительному разсмотрѣнію всѣхъ остальныхъ членовъ совѣта.

Возвратился я въ апрѣлѣ 1861 года.

Приступили къ разсмотрѣнію дѣла въ совѣтъ. Для наибольшаго обезпеченія правильности этого разсмотрѣнія, былъ приглашенъ предсѣдатель тифлисскаго коммерческаго суда,—юристъ, составившій себѣ въ Тифлисъ, какъ судебный дѣятель, превосходную репутацію.

Направленіе доклада В. И. Смиттена обозначалось съ первыхъ-же строкъ. Докладчикъ шелъ прямо къ полному ниспроверженію всего того, что устанавливалось высочайшимъ рескриптомъ 1846 года; къ отиѣнѣ того, что 15 лѣтъ тому назадъ было рѣшено верховною законодательною властью и что одно только и могло водворить порядокъ во взаимныхъ отношеніяхъ между сословіями многочисленнаго мусульманскаго населенія и вѣру въ святость и прочность рѣшеній высшей власти.

Слѣдовало ожидать, что докладъ встрѣтитъ отпоръ всѣхъ остальныхъ членовъ совѣта. Но въ началѣ они почти всѣ оказались болѣе или менѣе поколебленными, или по крайней мѣрѣ готовыми поддержать докладчика, и мнѣ одному пришлось начать борьбу за принципъ, который я считалъ для себя неуклонно-обязательнымъ, — за безповоротность того, что разъ рѣшено властью, которой, какъ верховной, служу сознательно.

Обсужденію этого дѣла въ совѣтѣ было посвящено восемнадцать засѣданій. Въ послѣднемъ изъ нихъ за мнѣніе Смиттена остался только Ив. Алекс. Бартоломеи; остальные всѣ были уже на моей сторонѣ.

Но чего мнѣ это стоило?

По провозглашеніи рѣшенія, Бартоломен обратился ко мнѣ съ такою любезностью:

— „Такъ распинаться за мусульманъ, это непристойно“.

— А идти противъ рѣшенія верховной власти и идти только потому, что оно въ пользу мусульманъ, хотя и никакихъ другихъ исповѣданій ни въ чемъ не касается,—это уже не непристойно, а прямо безнравственно.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Бартоломей сошелъ въ могилу съ нумизматическаго своего поприща ¹⁾ чуть ли не александровскимъ кавалеромъ.

Д. И. Кипіани.

¹⁾ И. А. Бартоломен былъ военный генералъ, но единственная его спеціальность была нумизматика.

Д. Е.

ВОСПОМИНАНІЯ М. И. ВЕНЮКОВА

1850—1856 гг.

— «Славный человекъ вашъ батарейный командиръ», говорилъ мнѣ въ августѣ 1850 года, въ Петербургѣ, дежурный штабъ-офицеръ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, полковникъ Семеновъ, выдавая дорожную и прогоны до С—ва, — «отличный человекъ! Эдакихъ командировъ, какъ Сергѣй Ивановичъ Н**, днемъ съ огнемъ поискать по арміи, такъ найдешь немного. Съ нимъ служить вамъ будетъ и легко, и приятно».

— Очень радъ, полковникъ, слышать это, и слышу уже не отъ васъ первыхъ. Но, говорятъ, Сергѣй Ивановичъ старый полковникъ и скоро получить бригаду.

— Ну, когда еще получить! а вамъ лишь бы приучиться къ службѣ подъ его руководствомъ. Служака онъ хороший, а какъ человекъ еще лучше: образованный, добрый, честный и благородный. Онъ у васъ въ батареѣ все равно какъ отецъ въ семьѣ.

Такъ потому въ батареѣ, дѣйствительно, и звали иногда Набимова; только, для вящей нѣжности, не отцомъ, а папашей. И въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ почти всѣ достоинства отца-командира: большіе, черные усы и нахмуренныя брови, молодую жену, благородный, прямой и нежестокій нравъ, московскую коляску на лежачихъ рессорахъ, усердіе къ службѣ какъ разъ въ пору, т. е. безъ педантизма, большія жирныя эполеты на сюртукѣ, изъ - подъ котораго дома постоянно видѣлся бѣлый жилетъ, вѣжливость къ офицерамъ и вниманіе къ вѣрнымъ ему «строевымъ чинамъ», т. е. къ солдатамъ и лошадямъ, изъ которыхъ послѣдніе считались лучшими по дивизіи. Но онъ былъ человекъ все-таки стараго покроя: не шутя сердился и кричалъ, если полупудовые банники всѣхъ восьми орудій при заряданіи поворачива-

лись не всё въ одинъ и тотъ же моментъ, если уносныя лошади втораго орудія не галоцировали слегка при прохожденіи церемоніаломъ мимо начальства, если ѣздовые натирали лошадямъ спины и пр., за что и сѣкалъ тѣхъ, которыхъ считалъ виновными, ибо раны на конской спинѣ признавалъ болѣе важными, чѣмъ на людской. А внѣ фронта онъ выторговывалъ у провіантскаго вѣдомства возможно высокія цѣны на овесъ, солому и сѣно, и получалъ необходимыя «придачи» изъ комиссаріата за пріемъ посредственныхъ холста, суконъ, сапожнаго товара и пр. Ѣздилъ по городу и даже въ уѣздъ, разумѣется, на казенныхъ лошадяхъ, а въ составѣ домашней прислуги имѣлъ изъ фронта деньщика, кучера и повара, да еще всякій день вѣстоваго. Курилъ трубку, спалъ послѣ обѣда, игралъ въ карты вечеромъ и рассказывалъ иногда скабрзные анекдоты, слегка лишь стѣсняясь присутствіемъ дамъ; словомъ, во всемъ былъ истинный отецъ-командиръ тогдашняго образца.

Вотъ къ этому-то папашѣ явился я, въ концѣ сентября 1850 г., въ С—вѣ, куда батарея только что вернулась изъ Малороссіи. Вооруженный длиннымъ черешневымъ чубукомъ, черезъ который усердно всасывалъ дымъ Жуковскаго вакштафа, онъ привѣтствовалъ меня по-товарищески, не далъ докончить обычной фразы: «г-нъ полковникъ, честь имѣю явиться», и тутъ-же объявилъ, что меня, какъ младшаго прапорщика, по обычаю, ждетъ профессура въ батарейной школѣ. «Фронтowychъ ученій теперь, по осени и зимою, у насъ мало, и вы это время можете не заниматься ими. Кстати, пользуясь свободою, выучитесь ѣздить верхомъ, такъ какъ въ корпусѣ васъ, конечно, этому не учили. На первый разъ я велю вамъ сѣдлать одну опытную батарейную лошадь, а тамъ вы должны будете приобрести и собственную».

Итакъ, вотъ программа моей жизни на цѣлые полгода, т. е. до весны 1851 года: учить въ школѣ рекрутъ азбукѣ, арифметикѣ и письму, да учиться самому ѣздить верхомъ, сначала на пожилой батарейной клячѣ, а потомъ на собственномъ верховомъ конѣ. Немного! О какихъ-либо не только «высшихъ», а просто научныхъ вопросахъ, хотя бы относящихся только до артиллеріи,—ни полслова!.. Я, впрочемъ, и не претендовалъ на это, а тотчасъ же справился, гдѣ помѣщается школа, сколько въ ней учениковъ и въ какіе часы бываютъ занятія. За работу я взялся рьяно и даже съ «высшими» надеждами: способствовать духовному развитію молодыхъ солдатъ, сдѣлать ихъ хоть сколько нибудь людьми, а не пѣшками. Многие юноши, начиная жить для такъ называемой «общественной пользы», конечно, задавались такими идеальными цѣлями и честно вѣрили, что онѣ достижимы.

Владиміръ Ленскій, у Пушкина, однако, въ восемнадцать лѣтъ уже «пѣлъ» (по тогдашнему обычаю) «поблекшій жизни цвѣтъ», т. е. былъ разочарованъ въ своихъ святыхъ «геттингенскихъ» мечтаніяхъ, которымъ не мѣсто было въ аракчеевской Россіи; его преемникъ и тоже Владиміръ, пріятель Герцена, Бельтовъ, «ровно 14¹/₂ лѣтъ не дослужилъ до пряжки», которая, полѣвка тому назадъ, давалась за 15 лѣтъ: служба, даже въ министерствѣ, ему опротивѣла черезъ полгода, потому что въ ней многое оскорбляло сознаніе, совѣсть и честь человѣка свѣжаго. Мое увлеченіе батарейнымъ профессорствомъ кончилось еще ранѣе, мѣсяца черезъ три. Вотъ какъ это произошло. Вступивъ въ завѣдываніе школою, я, разумѣется, не позволялъ себѣ ни бить моихъ учениковъ, ни даже бранить ихъ или наряжать ихъ на лишнюю службу за неуспѣхи, такъ что моя педагогія не знала совсѣмъ наказаній. Точнѣе: за лѣнь или тупость какого-нибудь двадцатипятилѣтняго вахлака, отъ роду не знавшаго аза въ глаза, наказуемъ былъ я, ибо усиленно старался объяснить ему то, что было выше его понятій или даже противно его желаніямъ. Этотъ идеализмъ подалъ поводъ одному старшему меня товарищу-офицеру сказать мнѣ, что я напрасно тружусь: батарейная-де школа вовсе не имѣетъ цѣлью обучить и развить всѣхъ рекрутъ, а довольно съ нея будетъ, если въ годъ она приготовитъ трехъ-четырехъ кандидатовъ для дивизионной школы, которая снабжаетъ батареи фейерверкерами. Но это практическое замѣчаніе не убѣдило меня, и я возразилъ, что надѣюсь изготовить не четырехъ только кандидатовъ, а двадцать, если только они въ то же время, по поведенію и успѣхамъ по фронту, окажутся достойными повышенія. Упускать же случай дать начала развитія возможно большому числу людей мнѣ казалось недобросовѣстнымъ, хотя бы потому, что вѣдь у этихъ людей отнято лучшее благо жизни—свобода, и нужно-же чѣмъ-нибудь вознаградить ихъ за это. Собесѣдникъ мой сначала только улыбнулся на эту «идеалистическую выходку», т. е. на честный порывъ молодого сердца, а потомъ, положивъ руку мнѣ на плечо, прибавилъ: «Эхъ, батенька! не вы первый, не вы послѣдній являетесь съ такими теоріями. Бросьте ихъ! Солдаты вы перепортили, изъ олуховъ умныхъ людей не создадите, а службѣ будетъ ущербъ, особенно если станете вѣжничать съ учениками, а не держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Для военной службы гораздо лучше неразумяющій болванъ, чѣмъ умникъ, лучше номеръ, умѣющій ворочать пальникомъ или банникомъ, чѣмъ тотъ-же номеръ, разсуждающій, что лучше бы заряжать орудіе вотъ такимъ манеромъ. И бить солдатъ по временамъ нужно, чтобы они постоянно находились подъ страхомъ, не заражались вольнодумствомъ и без-

прекословно слушались. Вспомните Фридриха Великаго, который хоть и былъ либераль, пріятель Вольтера, но, объясняя достоинства своей арміи одному знакомому, говорилъ: «Вотъ эти люди, каждый отдѣльно, не могутъ не питать ко мнѣ ненависти, а всѣ вмѣстѣ боятся меня и слушаются. Многие изъ нихъ готовы бы были, вѣроятно, убить меня, а когда они подъ ружьемъ, въ строю, и знаютъ, что сзади стоитъ фельдфебель съ палкою, то дрожать передо мной и даже становятся на часы, чтобы охранять меня отъ убійцы. Мало того: стоитъ мнѣ скомандовать—и они пойдутъ умирать за меня, зря, беззавѣтно, потому что вѣдь цѣлей войны они не понимаютъ, а вѣрять мнѣ и капиталамъ моимъ на-слово, что умирать имъ за меня слѣдуетъ. Чѣмъ это достигнуто? Конечно, болѣе всего палкою». Эта теорія въ устахъ 26-лѣтняго человѣка (замѣчу, изъ нѣмцевъ, хотя и православныхъ) показалась мнѣ возмутительной, и я, ошеломленный, не нашелся даже сказать, что вѣдь въ концѣ концовъ дисциплинированные фридриховскіе пруссаки были биты на-голову недисциплинированными французами въ 1792 году, а только замѣтилъ: «ну, вы бейте солдатъ, если это вамъ нравится, а я не стану».—«Ваше дѣло», отвѣчалъ съ новой, уже злой, усмѣшкой товарищъ-наставникъ; «впрочемъ, фендрихамъ вѣдь и по уставу Петра Великаго предоставляется даже плакать и умолять о пощадѣ, когда солдатъ дерутъ».

Вѣроятно, этотъ разговоръ былъ доведенъ ретивымъ къ службѣ поручикомъ до свѣдѣнія отца-командира. И вотъ, дня черезъ три-четыре послѣ него, дежурный по батарее фейерверкеръ принесъ мнѣ такую записку: «Прошу прапорщика Венюкова наказать, въ своемъ присутствіи, на батарейной гауптвахтѣ, писаря Зеленчука ста ударами розогъ. Полковникъ Набимовъ».—Это «честные служаки» хотѣли начать приученіе меня къ службѣ и излеченіе отъ юношескаго идеализма. Съ своей уставной стороны они, конечно, были правы, ибо «отечество», т. е. официальные его представители, требовали такого режима и не стыдились видѣть въ русскихъ военно-уголовныхъ законахъ XIX столѣтія прогоненіе сквозь строй черезъ шесть тысячъ человѣкъ, что составляло ужасную квалифцированную смертную казнь... Но мнѣ-то было всего восемнадцать лѣтъ отъ роду, и борьба безсердечнаго «долга» съ совѣстью не могла не быть во мнѣ страшною. Думаю, что молодая дѣвушка, обязанная по крайней нуждѣ или волѣ родителей совершить первое нравственное паденіе, не можетъ чувствовать болѣе сильныхъ негодованія и ужаса, чѣмъ были мои негодованіе и ужасъ. Я поблѣднѣлъ, какъ полотно, холодъ пробѣжалъ у меня по всей кожѣ, зубы и руки тряслись, какъ въ лихорадкѣ, и въ головѣ былъ шумъ, какой слѣдуетъ обыкновенно за паденіемъ на нее

какого-нибудь тяжелого тѣла. Придя на гауптвахту, я нашелъ уже готовыми розги и палачей, такъ что наказаніе началось черезъ какія-нибудь 30—40 секундъ послѣ того, какъ я переступилъ порогъ и сказалъ: «ну!» Писарь и не думалъ просить меня о чемъ-нибудь, а раздѣлся и легъ... «Будеть!» сказалъ я, наконецъ, голосомъ, вырвавшимся изъ груди: «довольно!» хотя наказуемый едва ли за это время успѣлъ получить и пятнадцать ударовъ. Вмѣсто того, чтобы идти самому къ Набимову для доклада объ исполненіи его «служебнаго порученія», я велѣлъ сдѣлать этотъ докладъ дежурному фейерверкеру, а самъ вернулся домой, сбросилъ съ себя шинель и сюртукъ и грохнулся на кровать, въ подушку лицомъ... Такъ вотъ она военная служба, и еще самая «благородная», артиллерійская!... И это на цѣлую жизнь?!... Только минутъ черезъ десять я началъ приходить въ себя, когда горячія слезы и рыданія облегчили стѣсненную грудь. Въ ближайшее воскресенье, вопреки обычаю, я не пошелъ обѣдать къ Набимову.

Кажется, что съ этой поры мой почтенный, «честнѣйшій и благороднѣйшій» отецъ командиръ и составилъ себѣ убѣжденіе, что изъ меня никогда хорошаго строеваго служаки не выйдетъ (сказать по правдѣ, онъ едва-ли ошибался, хотя генералъ Гейманъ, впоследствии, увѣрялъ меня въ противномъ). И отношенія его ко мнѣ стали замѣтно официальнѣе, холоднѣе, почти въ той же пропорціи, какъ данные мною писарю 15 ударовъ къ недодааннымъ 85-ти. По крайней мѣрѣ, на слѣдующей недѣлѣ онъ, зайдя въ школу, не подаль мнѣ руки, называлъ меня прапорщикъ Венюковъ, вмѣсто обычнаго Михайлъ Ивановичъ, а изъ школяровъ двухъ изъ самыхъ лучшихъ обругалъ по базарному за то, что они были плохо выбриты (что, собственно, до меня не относилось). Но этого ему было, повидимому, мало, и онъ, кажется, рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ напомнить «балаваннымъ» мною школярамъ (22—26 лѣтнимъ), что они не должны забывать о розгахъ, хотя бы хорошо учились и въ школѣ прилично себя вели. По крайней мѣрѣ, вотъ что случилось недѣли черезъ двѣ, передъ самыми святками. Я только что расположился передъ доской съ мѣломъ въ рукахъ, чтобы объяснять начинавшимъ ¹⁾ нумерацію, какъ замѣтилъ, что одного изъ нихъ нѣтъ. — А гдѣ Киселевъ? спросилъ я фейерверкера, моего помощника. — «Онъ, ваше благородіе, арестованъ». — За что? — «Да, говорятъ, сапоги укралъ у товарища». — «Нѣтъ, онъ не укралъ совсѣмъ, пояснили школяры, а надѣлъ чужіе сапоги на время, пока чинились его собственные. У него

¹⁾ Въ школѣ были солдаты разныхъ степеней начальнаго образованія.

товарищъ по жилью, старый солдатъ, былъ въ лазаретѣ, вотъ онъ и надѣлъ его пару, потому что своя была худа. А тутъ какъ разъ больной выздоровѣлъ, вернулся и, увидавъ, что его сапоги въ носкѣ, сталъ требовать денегъ за ношеніе. Киселевъ и соглашался отдать, да послѣ, потому что въ ту минуту у него не было ни гроша, а хозяинъ настаивалъ сейчасъ и потомъ пожаловался фельдфебелю; тотъ доложилъ полковнику: Киселева и засадили...». Жаль!.. И я началъ было чертить на доскѣ палочки и писать цифры, заставляя повторять за собой ихъ названія. Вдругъ дверь отворилась и въ школу вошелъ старшій офицеръ батареи, обыкновенно въ нее не заглядывавшій. И едва я успѣлъ отвѣтить на его поклонъ, какъ въ школѣ появились четыре ефрейтора съ розгами, а вслѣдъ за ними, въ сопровожденіи дежурнаго фейерверкера, вошелъ Киселевъ. Онъ былъ худъ, блѣденъ, очевидно, провелъ ночь безъ сна, и красные, воспаленные глаза его свидѣтельствовали столько же объ испытанныхъ уже нравственныхъ страданіяхъ, сколько и о боязни предстоявшихъ физическихъ терзаній и общественнаго позора.—«Вотъ, ребята, сказалъ при этомъ громко главно командиръ, обращаясь ко всей школѣ:—васъ готовятъ въ бомбардиры, ефрейторы и фейерверкеры, а между тѣмъ среди васъ завелся ворышка. Ну, потачки ему не будетъ, а вы смотрите, какъ его будутъ драть, да мотайте на усъ». И наказаніе началось. Сначала истязуемый, гордый своей внутренней правотой, сдерживался, какъ сдерживались многіе мученики, безвинно страдавшіе; потомъ онъ громко закричалъ, прося пожалѣть его и помиловать, а, наконецъ, насколько было силъ, отъ боли, связать нѣсколько словъ, сказалъ капитану: «ваше высокоблагородіе! бѣдность моя причиною, что я не имѣю другой пары сапогъ и потому долженъ былъ надѣть чужіе ¹⁾). Ей-богу-же я честный человекъ... Ахъ, мать родная! зачѣмъ ты меня несчастнаго родила на свѣтъ?!...» Наказаніе скоро кончилось; но двѣ размазанныя лужи крови остались на полу, а вся спина Киселева представляла одну синебагровую язву, которая потомъ, конечно, обратилась въ ряды гноившихся струпуевъ. Что чувствовало его оскорбленное, униженное внутреннее существо, я хорошо догадывался; но по силѣ бездушнаго правила: «position oblige» не могъ сказать ему сочувствен-

¹⁾ Онъ могъ бы сказать и не бѣдность его, а жадность ближайшихъ къ нему приставниковъ, ибо двѣ пары обуви по закону всегда должны находиться при солдатѣ, но онъ былъ неопытный рекрутъ и этого закона не звалъ. Вообще о правахъ солдатъ начальство скрывало отъ нихъ, ограничиваясь вдолбленіемъ имъ въ головы черезъ спину понятій объ ихъ обязанностяхъ.

наго слова и долженъ былъ оставаться безучастнымъ зрителемъ совершеннаго надъ нимъ звѣрства. Мое положеніе требовало, чтобы я «хранилъ его достоинство», то-есть не унижался до разрѣшенной уставами Петра жалости и соответственныхъ ей «сентиментальныхъ сценъ»; а что послѣ даннаго случая мнѣ это благородное званіе могло опротивѣть, то какое-же дѣло было до этого кому-нибудь, не исключая и Киселева?... И на что-бы ему пригодились мои запоздалыя утѣшенія?...

Послѣ святокъ я сталъ посѣщать школу лишь изрѣдка, изъ опасенія наткнуться опять на порку. Мало того, вмѣсто исполненія въ ней долга нравственнаго, вначалѣ такъ меня увлекавшаго, я сталъ ограничиваться долгомъ служебнымъ, практическимъ, т. е. заниматься съ одними лучшими учениками, которыхъ обыкновенно принято спрашивать на экзаменѣ. Частнымъ образомъ я зналъ, что одинъ изъ нихъ, да еще самый лучший по успѣхамъ, особенно по письму, былъ когда-то конторщикомъ у богатаго барина и сданъ былъ въ солдаты за постоянныя плутни; совѣсть требовала загородить ему дорогу въ фейерверкеры или писаря, въ званіи которыхъ онъ, конечно, не преминулъ бы взяться за старое; но я старался заглушить этотъ докучливый голосъ, потому что вѣдь Абрамовъ, хоть и опытный плутъ, былъ казовымъ кондомъ школы, да и за время службы въ воровствѣ еще не былъ пойманъ, а только занимался изподтишка ростовщичествомъ, конечно, на украденныя въ барской конторѣ деньги. Какое мнѣ было дѣло вмѣшиваться въ нравственные вопросы, когда опытъ показалъ, что эти вопросы рѣшаютъ мимо меня? Да и что мнѣ нравственность набимовской батарей? Сегодня я въ ней, а завтра могу быть переведенъ и въ другую, ну хоть къ Печонкину... И думая разъ такъ передъ уходомъ въ школу, я какъ-то случайно взглянулъ на себя въ зеркало и громко сказалъ самому себѣ: подлостями, братъ, занимаешься, учишься жить!

Но экзаменъ въ школѣ, бывшій передъ передъ святой недѣлей, сошелъ хорошо, и вѣншіе поводы къ укорамъ совѣсти прекратились. Только иногда, по утрамъ, когда, проснувшись, я еще лежалъ въ постели, налетало невзначай представленіе объ усѣченномъ тѣлѣ Киселева, о его крикѣ: «ей-Богу же я честный человѣкъ!» и о малодушіи, которое не позволило мнѣ вступить за него и объяснить, что поступокъ его былъ вовсе не воровствомъ, а слѣдствіемъ простодушія. Тогда меня что-то какъ бы укалывало въ сердце, я вскакивалъ съ постели и въ какомъ то припадкѣ не то бѣшенства, не то ироніи, говорилъ себѣ, глядя въ зеркало: «ну, да вѣдь ты не призванъ исправлять ошибки людей, такъ сиди и молчи! вѣтъ, даже не молчи, а

поддакивай: «точно такъ, вы справедливы, полковники!»..... и благо ти будетъ, и долголѣтень будешь на землѣ!»

Этого рода пароксизмы, на языкѣ психіатровъ, какъ извѣстно, называются первыми приступами сумасшествия; и я теперь почти удивляюсь, какъ въ самомъ дѣлѣ я тогда, т. е. въ бытность въ С—вѣ, не сошелъ съ ума. Впрочемъ, одинъ несомнѣнный признакъ ненормальной психической жизни я приобрѣлъ тамъ навсегда, это именно любовь къ одиночеству. Я, въ корпусѣ бывавшій душою товарищескихъ кружковъ или, по крайней мѣрѣ, дѣятельнымъ ихъ членомъ, меньше чѣмъ черезъ годъ по выходѣ изъ него сталъ прятаться отъ большинства товарищей, не довѣряться имъ и открыто презирать то, что у большинства ихъ ходило за житейскіе догматы. Въ то же время я усвоилъ привычку насмѣхаться надъ людьми помощью приведенія ихъ началъ къ нелѣпости (*reductio absurdum*), привычку, которая, конечно, доставила мнѣ въ жизни кучу враговъ.

Въ сторону, однако, личные, да еще психологическіе вопросы! Лучше перейду къ окружавшей меня средѣ и ея обычаямъ, нравамъ и вкусамъ, ея душевнымъ желаніямъ, надеждамъ, идеаламъ и дѣятельности. Джонъ Стюартъ Милль, если-бы посѣтилъ С — въ въ 1850-хъ годахъ, конечно, не затруднился бы сказать, что тамъ не было ничего, кромѣ *conglomerated mediocrity*, которой онъ отводилъ такое широкое мѣсто на землѣ. Но я готовъ потребовать отъ него «смягчающихъ обстоятельствъ». Разумѣется, въ С—вѣ, какъ уѣздномъ городѣ, да еще не очень далеко отъ столицы, и не могло быть того, что нынѣ, на французско-нижегородскомъ языкѣ, зовется «интеллигенціею», а тогда, на простомъ нижегородскомъ, называлось «хорошо образованнымъ обществомъ». Лучшіе представители мѣстнаго дворянства жили въ Москвѣ, иногда по деревнямъ, но вовсе не въ городѣ. Тамъ «образованными» людьми могли назваться лишь тѣ, кто кончилъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и читалъ ежемѣсячные русскіе журналы, а этого немного. Да и такихъ людей на 10—15 тысячъ населенія приходилось до крайности мало, человекъ 15—20. Это были мы, артиллерійскіе офицеры, исправникъ, тоже бывшій артиллеристъ, городничій, бывшій гусарь, два путейца, два три доктора, военныхъ и гражданскихъ, да, быть можетъ, учителя уѣзднаго училища, въ «общество», впрочемъ, не принимавшіеся по «неотесанности», точнѣе, по бѣдности. Далѣе уже начинались дѣйствительно дикія, непроходимыя, грязно-болотистыя дебри мелкаго уѣзднаго чиновничества, жившаго взятками, да «именитаго» купечества, едва знавшаго русскію грамоту, хотя начинавшаго обучать по-немногу сынковъ «по агледки», ради вящихъ барышей по фабричному дѣлу въ будущемъ.

Наконецъ, массу населенія составляла дѣйствительно масса, сплошь сѣрая, до неотличимости недѣлимыхъ, какъ куча насѣкомыхъ въ верещагинскомъ бухарскомъ клоповникѣ. Разумѣется, что въ этомъ обществѣ, даже въ самыхъ высшихъ слояхъ его, не могло быть и рѣчи о политическихъ интересахъ, волнующихъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, сходные съ С—вымъ по размѣрамъ Невшатель или Сіонъ, хотя и эти статистическія труппы могутъ служить мѣстами ссылки для людей вполне современныхъ. С—ское общество безучастно относилось даже къ вопросамъ чисто житейскимъ или гуманитарнымъ. И это не потому только, что людей, безпокоившихся подобными вопросами, въ самыхъ столицахъ принято было удалять на Кавказъ или за Уралъ, но и просто потому, что въ С—вѣ поднимать такіе вопросы было некому. Я, по крайней мѣрѣ, не помню, чтобы тамъ возникали толки хоть о такихъ невинныхъ вещахъ, какъ суды присяжныхъ, даже просто публичные суды, или чтобы заявлялись желанія видѣть судебную власть независимую отъ администраціи; не помню, чтобы кто-нибудь сомнѣвался въ правѣ городничихъ, квартальныхъ, исправниковъ, становыхъ сѣчь кого имъ вздумается и сколько вздумается, изъ сѣраго люда; не помню, чтобы кто-нибудь позволялъ себѣ дѣлать хоть отдаленные намеки на необходимость уничтоженія крѣпостнаго права. Самое большее, что въ послѣднемъ отношеніи проскользало въ рѣчь, это упреки такимъ крѣпостникамъ-пріобрѣтателямъ, какъ нашъ бригадный командиръ, Павлинъ Матвѣевичъ Якимовичъ-Якимовскій ¹⁾, который держалъ крестьянъ на барщинахъ и въ то же время бралъ съ нихъ оброкъ. Да и то, какіе это были упреки?—«О! онъ строгій хозяинъ: у него денежка любить счеты!» Это, пожалуй, могло даже считаться и похвалою ²⁾. Затѣмъ: въ чемъ состояли явленія общественной жизни, признаки образованности?—А во-первыхъ, въ «нѣмецкомъ» покроѣ платья и въ нѣсколькихъ «французскихъ» словахъ, произносимыхъ часто не кстати; во-вторыхъ, въ барской праздности, хожденіи по воскресеньямъ на пироги, хожденіи, въ теченіе всей недѣли, «на

¹⁾ Фамилія выдуманная.

²⁾ И, должно быть, считалось, да не въ С—вѣ только, а и въ большихъ городахъ. Пріобрѣтателемъ, въ самомъ деревенскомъ смыслѣ слова, Якимовичъ остался до конца дней. Начавъ свою карьеру съ того, что обыгралъ на Кавказѣ одного развозившаго жалованье интенданта, такъ что тотъ застрѣлился, онъ продолжалъ создавать свое благосостояніе грабешемъ крестьянъ и картами, въ которые еще обыгралъ одного кутилу-аристократа. Впослѣдствіи онъ игралъ на биржѣ черезъ посредство одного изъ своихъ подчиненныхъ, управлявшаго большимъ казеннымъ хозяйственнымъ учрежденіемъ.

огоньки», т. е. на карточные вечера или даже на танцы, если въ домѣ, какъ у исправника Писцова, имѣлись фортепяно и барышни; въ-третьихъ, кто былъ помоложе, убивалъ время за чтеніемъ чего попало и какъ попало, безъ анализа прочитаннаго, для того только, чтобы при случаѣ сказать, что вотъ я то-то читалъ. Объ исторіи литературъ, даже русской, въ с—скомъ «образованномъ» обществѣ имѣлись самыя смутныя понятія; объ исторіи наукъ — никакихъ. Писатели цѣнились со слуховъ, иногда очень нелѣпныхъ. Такъ, исправница, сорокалѣтняя институтка, была увѣрена, что Лермонтовъ — почти злодѣй, и потому не позволила читать его двадцатилѣтнимъ дочерямъ, когда я какъ-то снабдилъ послѣднихъ книгою (даже смирднскимъ изданіемъ, тщательно «вычищеннымъ» цензурою). Въ получавшихся, въ немногихъ экземплярахъ, толстыхъ журналахъ, напр., въ «Современникѣ», больше всего читались гаерскія статьи Иногороднаго Подписчика и Новаго Поэта, при чемъ первыя признавались верхомъ бонтонности, а послѣднія — остроумія; затѣмъ слѣдовали романы какого-нибудь Волярлярскаго; научныя-же статьи имѣли четырехъ—пять читателей во всемъ городѣ. Былъ какой-то общій культъ къ Гоголю, но очень смутный, и никто не думалъ прилагать идей его къ анализу собственной жизни, а тѣмъ болѣе къ ея исправленію. О Гоголѣ только говорили: «жаль, что онъ сошелъ съ ума», объ И—рѣ: «жаль, что онъ ушелъ за границу и что поэтому сочиненія его запрещены въ Россіи» и проч. Даже при смерти Гоголя случившейся въ 1852 г., въ близкой Москвѣ, с—ское образованное общество интересовалось не столько оцѣнкой вліянія этого писателя на современниковъ, сколько фарсомъ актера Ленскаго, который, во время похоронъ, увидавъ у Спасскихъ воротъ нечистоты, будто-бы сказалъ:

И у Спасскихъ воротъ
Видѣвъ русскій народъ:
Гдѣ онъ молится и вѣритъ, я проч.

О томъ, кто замѣнять сошедшихъ съ поприща Гоголя и друг. писателей и нужно-ли еще ихъ замѣнять для поддержки начинавшаго развиваться самосознанія въ русскомъ обществѣ? объ этомъ въ С—вѣ не говорили, а въ самыхъ крайнихъ принадлежкахъ литературнаго азарта спорили о томъ: была-ли графиня Ростопчина, авторъ баллады «Насильственный Бракъ»¹⁾, наказана розгами или нѣтъ? Нѣкоторые утверждали, «изъ достовѣрныхъ источниковъ», что при «внушеніи» автору находился Дубельтъ или даже самъ графъ Бенкендорфъ. О Закревскомъ, высѣвшемъ и

¹⁾ См. эту балладу въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 296—299.

сославшемъ изъ Москвы какого-то моднаго у барынь парикмахера-француза, отзывались, что «графъ—молодецъ», и даже о Цинскомъ, Лужинѣ и Берингѣ находили возможность сказать сочувственное слово. Это въ С—вѣ я узналъ впервые слова пѣсенки, которую московскіе будочники и пожарные распѣвали на загородныхъ гуляньяхъ:

Гдѣ порядокъ только нуженъ,
Тамъ вездѣ нашъ бравный Лужинъ.

Чтеніе толстыхъ журналовъ и кое-какихъ книгъ изъ вашей же бригадной библіотеки было все, чѣмъ удовлетворялись умственные и эстетическіе вкусы образованнаго с—скаго общества; но не тѣ, которые серьезно интересовались прочитаннымъ, составляли передовыхъ людей, душу общества. Послѣдній эпитетъ сполна могъ быть присвоенъ анекдотистамъ. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ городничій Апуловъ, большой весельчакъ и обжора. Онъ иногда удачно смѣялся надъ именитымъ купечествомъ своего города, передразнивалъ виднѣйшихъ его представителей и мѣтко характеризуетъ ихъ. О скаредѣ первой гильдіи, старикѣ Солодѣйкинѣ, онъ, напримѣръ, говорилъ, что будто тотъ «до сихъ поръ не можетъ простить Іудѣ Искаріоту, что онъ продешевилъ, взявши только тридцать сребрениковъ: нужно бы гораздо дороже». Въ дѣлѣ рассказыванья анекдотовъ за Апуловымъ слѣдовалъ нашъ папаша На—въ, при чемъ предметомъ его насмѣшекъ служилъ обыкновенно батарейный же командиръ въ нашей бригадѣ, В**, враль ex-professo. Набимовъ увѣрялъ, что В** однажды, въ оправданіе себя передъ начальникомъ дивизіи въ заподаніи шитья мундировъ, тогда какъ стоявшая въ одномъ съ нимъ городѣ, К—ѣ, батарея Печенкина была обмундирована, говорилъ: «ваше превосходительство! да помилуйте: иначе и быть не можетъ! У Печенкина батарейная швальня расположена на болѣе восточномъ меридианѣ: у него потому и солнце ранѣе всходитъ, стало быть, портные садятся ранѣе за работу». И начальникъ дивизіи, Сухозанеть, будто бы отвѣчалъ: «да, развѣ что такъ? а то вамъ, полковникъ, было бы стыдно!» — Тому же В** Н** приписывалъ рассказъ, что будто «въ его прежней батарее служила лошадь, у которой въ венгерскую войну пушечное ядро рикошетиrowало на лбу и на крупѣ, и она при этомъ только помотала ушами. Ядро же, прибавлялъ съ вѣщимъ жаромъ В**, представьте! — упало послѣ этого прямо въ пустое гнѣздо стоявшаго сзади заряднаго ящика, да тамъ и осталось, такъ что батарейный командиръ велѣлъ записать его на приходъ»... И ничего, весь С—въ смѣялся, прибавляя, какой отличный рассказчикъ Сергѣй Ивановичъ: самъ вѣдь не улыбнется! — Я прибавлю, что этому рассказчику было за сорокъ лѣтъ.

Но анекдоты анекдотами, а жизнь жизнью. Первые могли быть временами забавны; вторая была, почти без перерывовъ, скучна или точнѣе тягостна, отъ отсутствія содержанія. Эту-то пустоту людямъ, не игравшимъ въ карты, не строившимъ казенныхъ мостовъ съ цѣлью скорѣйшаго ихъ разрушенія ¹⁾, или не занимавшимся скупкой овса по базарамъ, писаніемъ бумагъ въ канцеляріяхъ и соотвѣтственными ему собираніемъ взятокъ и сѣченіемъ правыхъ и неправыхъ, особенно первыхъ, — приходилось наполнять почти исключительно чтеніемъ. Я, какъ и часть моихъ сослуживцевъ, читалъ много и все, что попало, отъ Писемъ о химіи Либиха до Писемъ объ изученіи природы Герцена, отъ виргилиевой Энеиды до Физиологии Валентина и Гуфляндова *Enchiridium Medicum*, отъ историческихъ статей Грановскаго до Астрономіи Гершеля, отъ Пропилей Леонтьева до *Paul et Virginie* Бернардена-Сень-Пьера и Картины природы Гумбольдта. Все это было недурно; но недостатокъ объѣма мыслей о прочитанномъ, отсутствіе людей, способныхъ дѣльно отвѣчать на возникавшіе вопросы, рѣшать сомнѣнія, давать совѣты, дѣлали работу на половину безплодную. Моя жадность къ чтенію, и притомъ самому разнообразному, грозила изъ меня сдѣлать une *bibliothèque renversée*, какъ говорилъ когда-то графъ Двбичъ про молодого, начитаннаго, но не успѣваго ни на чемъ сосредоточиться, офицера генеральнаго штаба Гасфорда (впоследствии одного изъ лучшихъ генераль-губернаторовъ западной Сибири). Желая сколько нибудь упорядочить свои занятія, дать себѣ отчетъ въ результатахъ умственнаго труда, я пробовалъ по нѣкоторымъ вопросамъ составлять небольшія статьи, разумѣется, чисто компилятивныя. Это приучило меня къ систематическому изложенію мыслей; но, конечно, замѣтки мои бывали, по большей части, не въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки, хотя одна изъ нихъ была напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» того времени. Нѣсколько другихъ были положены мною самимъ подъ спудъ; и просматривая ихъ теперь, я вижу, что 35 лѣтъ тому назадъ легче было писать языкомъ чисто русскимъ, чѣмъ нынѣ; только не знаю,

¹⁾ Какъ это дѣлали жившіе въ С—вѣ путейцы, которые, взявъ съ подрядчика публично, при закладкѣ моста черезъ разливъ подгородной рѣки, 6,000 рублей, допустили его потомъ строить „по усмотрѣнію“, отъ чего мостъ вышелъ такъ непроченъ, что его весною 1851 г. снесло. Инженеры при этомъ благоразумно задержали у себя квитанцію въ приемъ, которую должны были выдать подрядчику еще 1-го марта, и тѣмъ спасли отъ отвѣтственности себя, но раззорили строителя, который долженъ былъ мостъ замѣнить дамбою.

отъ чего это происходило: мысли-ли въ молодой головѣ были ясные, или формы тогдашняго литературнаго языка вообще были чище. Вѣроятно, что то и другое.

Но скромныя занятія естествознаніемъ, да еще почти исключительно по книгамъ, не могутъ одни удовлетворять человѣка въ 18—19 лѣтъ отъ роду, если онъ отъ природы не созданъ узкимъ специалистомъ или не получилъ образованія чисто ремесленнаго. Другіе вопросы, антропологическіе, социальныя, философскіе неуступно тревожатъ сердце и голову. Освобождаясь, благодаря физикѣ, химіи, геологіи, зоологіи, отъ понятій о сверхъестественномъ происхожденіи земныхъ вещей, хочешь узнать истинныя, дѣйствительныя законы развитія человѣчества, смыслъ его прошлыхъ судебъ, современныя общественныя вопросы, поставленныя жизнью на очередь, и вѣроятное или хоть возможное рѣшеніе ихъ. Неотразимая прелесть идей, всюду и всегда дающихъ толчекъ политическому прогрессу, глубоко проникаетъ при этомъ въ душу, создаетъ идеалы общечеловѣческаго счастья и, благодаря юношески-живому кровообращенію и юношеской неопытности, заставляетъ вѣрить въ возможность скораго осуществленія ихъ. Исторія идей конца XVIII столѣтія какъ бы подсказываетъ: «на-дѣйся! и твои идеалы осуществятся!»... Этимъ гуманнымъ стремленіямъ организма всего труднѣе было найти хоть какое нибудь удовлетвореніе или даже сочувственный откликъ въ эпоху, слѣдовавшую въ Россіи за парижскою революціей 1848 года. Живыхъ друзей приходилось замѣнять книгами, да и тѣ разыскивать не безъ труда, иногда замѣнять рукописями, въ изобиліи, впрочемъ, ходившими по рукамъ. За то и впечатлѣніе этихъ печатныхъ и рукописныхъ произведеній ума было всеобъемлюще, проникало въ самыя скрытыя углы сердца и воображенія.

Одна весенняя ночь 1851 года, которую я сполна посвятилъ чтенію романа «Кто виноватъ?», мнѣ особенно памятна: въ теченіе ея я пережилъ больше, чѣмъ во многіе годы потомъ. И когда въ семь часовъ утра, сложивъ книгу и полный вызванными ею идеями, я пошелъ на ученье, въ батарейный паркъ,—окружавшее меня показалось мнѣ чѣмъ-то болѣзненнымъ, какимъ-то угаромъ, отъ котораго, чтобы не умереть, нужно было, во чтобы ни-стало, вырваться на свѣжій воздухъ, въ ширь науки и гуманной общечеловѣческой дѣятельности... Память о такихъ моментахъ жизни и въ поздней старости оживляетъ усталый организмъ священнымъ огнемъ любви къ человѣчеству и вѣрой въ его прогрессъ, безъ которыхъ самая жизнь есть тягостное, ни на что ненужное прозябаніе.

Кто виноватъ?, Записки доктора Крупова, переписка Бѣлинскаго съ Гоголемъ, историческія статьи Грановскаго, Кудрявцева и нѣк. другихъ, я увѣренъ, сохранились въ памяти многихъ моихъ сверстниковъ, то есть русскихъ людей, молодость которыхъ совпадала съ самой серединой XIX-го столѣтія. И никто не станетъ отрицать благотворнаго вліянія ихъ и критическихъ статей Бѣлинскаго, а также произведеній Тургенева, Гончарова и друг. на свое развитіе...

Слишкомъ два года прошли для меня среди одинокихъ и потому небогатыхъ результатами научныхъ занятій, которыя только раздражали мой умственный голодъ, далеко не удовлетворяя его. Въ это время болѣе счастливые сверстники трудились въ университетахъ и академіяхъ, приобрѣтали прочныя и современныя понятія обо всемъ, дѣлились своими мыслями съ образованной и симпатичной средой. Мнѣ же, видимо, предстояло заглохнуть, и эта мысль не только раздражала меня, но часто доводила до какого-то тупаго отчаянія. Напрасно старался я найти хоть какой-нибудь сочувственный исходъ изъ разъ охватившей меня среды ¹⁾: умъ мой не находилъ ничего, а охлаждаемое имъ воображеніе только распалаялось потомъ слякѣе. О выходѣ въ отставку и поступленіи въ университетъ нечего было и думать: родные, дававшіе хоть какія-нибудь скудныя пособія офицеру, рѣшительно не дали бы ничего студенту. Поступить въ военную академію,—на что двухлѣтняя служба во фронтѣ открывала мнѣ право,—казалось мнѣ какимъ-то нравственнымъ паденіемъ, ибо я чувствовалъ неодолимое отвращеніе отъ сухозанетовскихъ теорій и практики высшаго военнаго образованія и боялся интригъ, для которыхъ тогда академія считалась—справедливо-ли, вѣтъ-ли—дѣйствительно высшею школою въ цѣлой Россіи. Пристроиться въ Москву, въ дивизионную фейерверкерскую школу учителемъ хоть ариметики, было невозможно безъ протекціи, да и мѣста въ этой школѣ были всѣ заняты: слѣдовательно, стать вольнослушателемъ московскаго университета было также нельзя. Что же было дѣлать? Я ломалъ надъ этимъ вопросомъ голову и ждалъ случая, не представляя себѣ ясно, въ чемъ могъ бы

¹⁾ Говорю это не ради безусловнаго порицанія этой среды, которая была едва ли не лучше многихъ другихъ. По крайней мѣрѣ, когда я, въ концѣ 1862 года, прибылъ въ Петербургъ и сошелся со старыми корпусными товарищами, попавшими въ гвардію, то увидѣлъ, что они во многомъ были ниже моихъ собратій, полевыхъ артиллеристовъ. Сдѣлать у нихъ сѣвали иногда „по усиленному окладу“, крестъ-на-крестъ, въ 4 руки, чего у насъ не бывало.

М. В.

онъ состоятъ и откуда придти. Это былъ фатализмъ мусульманина, сопровождавшійся, конечно, и мусульманской апатіей.

Случай,—этотъ, по Фридриху Великому, всерѣшающій за majesté le Nazard,—однако, пришелъ, и вотъ какимъ образомъ:

Послѣ моего охлажденія къ батарейной школѣ и вообще къ службѣ, начальство мало тревожило меня, и если дѣлало выговоры, то по крайней мѣрѣ никого не сѣкло въ моемъ присутствіи и никого не поручало мнѣ сѣчь. Фронтковыя обязанности были, конечно, мнѣ не по душѣ; но въ артиллеріи ихъ не много. Притомъ часть ихъ,—и самая важная, стрѣльба,—иногда увеселяла меня. Какъ младшій офицеръ въ батареѣ, я, при стрѣльбѣ, назначаемо былъ «въ цѣль», то есть къ валу, для записыванья снарядовъ, попавшихъ въ цѣль (мишень или городокъ), и при этомъ получалъ совѣтъ, наставленіе или намекъ на желаніе начальства, чтобы попавшими оказались столько-то снарядовъ. Достигалось это такимъ образомъ: у сопровождавшаго меня солдата были въ сумѣ топоръ и три-четыре гранаты. Если дѣло шло о прицѣльной стрѣльбѣ, и мало ядеръ попадало въ мишень, то я приказывалъ ему, при осмотрѣ послѣдней, сдѣлать въ ней пробивну обухомъ, и затѣмъ заставлялъ барабанщика «бить походъ», то есть возвѣщать на батарею, стоявшую за версту, что ядро въ цѣль попало. При навѣсной стрѣльбѣ дѣло бывало еще проще, ибо городка съ батареи, за валомъ, видѣть нельзя, и мы могли подкладывать въ него лишнія гранаты, изъ принесенныхъ въ сумѣ, и тоже бить походъ. А оказывалось ихъ мало для полученія «отличной» отиѣтки за искусство поражать навѣснымъ огнемъ скрытаго неприятеля,—у Набимова былъ еще ресурсъ, очень оригинальный и тоже поступавшій въ мое распоряженіе на время стрѣльбы. То была его лягавая собака, приученная находить снаряды, которые падали не очень далеко отъ городка. Какъ только она замѣчала таковой, то немедленно неслась къ нему во всю прыть, и солдату оставалось подобрать найденный снарядъ и бросить его въ городокъ. Всю эту махинацію я научился продѣлывать скоро и для глазъ наблюдающаго начальства (напр., бригаднаго командира) вполне незамѣтно, почему меня и посылали въ цѣль постоянно, даже когда въ батареѣ появился младшій меня офицеръ. Къ этой комической сторонѣ стрѣльбы присоединялась еще другая, тоже меня забавлявшая. По закону, каждый взводный командиръ, въ томъ числѣ, стало быть, и я, долженъ былъ вести журналъ стрѣльбы своихъ двухъ орудій и потомъ представлять его, чрезъ батарейнаго и другихъ командировъ, самому высшему начальству, т. е. генераль-фельдцейхмейстеру. Но иногда положенной

стрѣльбы вовсе не бывало, изъ экономіи пороха и снарядовъ, которые береглись для смотровъ, и тогда ужъ приходилось сочинять все: число выстрѣловъ, выпущенныхъ и попавшихъ, величину отката орудія, уголъ возвышенія его и даже погоду, т. е. вѣдро или дождь, тишину или вѣтеръ, и при томъ именно по такому-то направленію. Въ этой высоко-комической подтасовкѣ фактовъ прапорщики, впрочемъ, играли лишь второстепенную роль, именно: они лишь переписывали то, что имъ давали старшіе офицеры батарей, которые для того, чтобы все было шито и крыто, въ концѣ лагерей обыкновенно держали конгрессъ и сочиняли погоду, дистанціи, число выстрѣловъ и пр., такъ чтобы все, по цѣлой дивизіи (14 батарей), было однообразно... Меня эти штуки, повторяю, забавляли; но, разумѣется, недолго; а во вторые лагеря, т. е. въ 1852 году, возбуждали досаду и еще болѣе усиливали во мнѣ нерасположеніе къ этого рода занятіямъ...

Въ эти вторые лагеря,—какъ всегда, подъ Москвой, на Ходынкѣ,—и произошелъ тотъ случай, благодаря которому я, наконецъ, энергически рванулся въ другую сферу! Дѣло было такъ. Какъ-то вечеромъ, прочтя росписаніе занятій на завтрашній день и видя, что они начнутся не раньше 8 часовъ, я долго читалъ въ постели и на другое утро рассчитывалъ встать не раньше семи. Вдругъ лакей разбудилъ меня въ четыре, а пришедшій съ повѣсткой фейерверкеръ объявилъ, что нужно идти къ батареѣ при шарфѣ и въ каскѣ, потому что «будутъ наказывать бѣглаго». Наказывать... то-есть гонять сквозь строй. Этого изобрѣтенія нѣмцевъ, перенесеннаго въ Россію вмѣстѣ съ петровскою цивилизаціею и популяризированнаго особенно Аракчеевымъ, я дотогѣ еще не видывалъ, и вся кровь бросилась мнѣ къ горлу и сердцу отъ представленія, что я, наконецъ, увижу его. Подойдя къ батареѣ, я уже нацѣлъ тамъ всѣхъ прочихъ ея офицеровъ и дивизионнаго аудитора, державшаго въ рукахъ приговоръ. Былъ и бригадный докторъ для опѣнки, можетъ-ли наказуемый послѣ одной «прогулки по зеленой аллеѣ» выдержать вторую, третью и т. д., или же нужно будетъ отдохнуть, т. е. вылечить истерзаннаго человѣка и потомъ, мѣсяца черезъ два, терзать его вторично, до полученія имъ полнаго числа прописанныхъ ударовъ. Вотъ приговоръ прочли, вотъ шеренги солдатъ раздвинули и дали каждому по хлысту, вотъ осужденному привязали руки къ баннику, вотъ повели его, подъ заглушающій его крики бой барабановъ... Я отвернулся, закрылъ глаза заткнувъ уши и невольно спросилъ себя: что же мы, именующе себя послѣдователями Христа, оставляемъ ему для его страшнаго суда? или, вѣря такому на словахъ, мы дерзко отрицаемъ его въ дѣйствитель-

ности? Въ довершеніе — вдали стоялъ священникъ съ дарами на-всякій случай»...

Послѣ участія, хотя невольнаго, въ экзекуціи, я рѣшилъ оставить фронтовую службу. Внутри у меня это рѣшеніе возникло какъ-то само собою, въ минуту прихода домой съ кроваваго арѣлища; и я тотчасъ-же, съ недостававшей прежде энергіей, приступилъ къ его исполненію. День экзекуціи былъ суббота. Немедленно послѣ окончанія служебныхъ занятій, я одѣлся по-городски и ушелъ въ Москву, пѣшкомъ, изъ экономіи денегъ на извозчика. Тамъ, у Сухаревой башни, т. е. верстъ за 12 отъ лагеря, у меня жилъ дядя, старшій, александровскій воинъ, очень любившій меня. Его жена, добрая московская барыня, любила меня еще болѣе, такъ что собиралась даже меня женить. Я взволнованнымъ голосомъ объяснилъ имъ все, что накипѣло у меня на душѣ, и просилъ совѣта:

Тетка совѣтовала поступить въ военную академію, говоря, что это, сверхъ обезпеченія карьеры, привлечетъ меня въ Петербургъ, въ среду образованнаго общества, а еще важнѣе того—сдѣлаетъ меня извѣстнымъ людямъ вліятельнымъ. Я отвѣчалъ, что чувствую отвращеніе къ штабнымъ интригамъ и очень боюсь ихъ, что при томъ жизнь офицеровъ генеральнаго штаба есть жизнь бродячая, мѣшающая серьезнымъ ученымъ занятіямъ, и что, наконецъ, штабные офицеры, «моменты», какъ ихъ тогда насмѣшливо называли, вовсе не пользуются уваженіемъ въ арміи, какъ я имѣлъ уже случай не разъ замѣтить.

— «Правда твоя! сказалъ при этомъ дядя, человекъ высоко-честной души. Ну, такъ вотъ что. Попробуй ты пристроиться при одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ репетиторомъ. Должность невзрачная, но она тебя приведетъ въ Москву или въ Петербургъ, а тамъ ты осмотришься и увидишь: стать ли тебѣ преподавателемъ въ корпусѣ или же окончательно выбрать другую дорогу, т. е. гражданскую или литературную. Въ Москвѣ, а особенно въ Петербургѣ, это сдѣлать легко».

— Но какъ же быть въ данную минуту? Въ московскихъ кадетскихъ корпусахъ меня никто не знаетъ, а ѣхать въ Петербургъ хлопотать, безъ увѣренности въ успѣхѣ, нѣтъ средствъ.

— «А вотъ тебѣ и средство, сказала тетка:—здѣсь теперь Ростовцевъ; онъ живетъ недалеко отсюда, на Срѣтенкѣ; напиши ему письмо и отнеси самъ. Онъ—человекъ добрый, да и любить, чтобы его просили; а что еще важнѣе—любить исполнять просьбы: изъ тщеславія или по душевной теплотѣ, я ужъ не знаю, а любить».

Эта мысль понравилась мнѣ; мы немедленно вдвоемъ съ дядей сочинили письмо, коротенькое, почтительное, но нисколько не унизи-

тельное для моего самолюбія, льстившее Ростовцеву въ предѣлахъ приличія и выразившее надежду, что онъ не откажетъ въ сочувствіи моимъ научнымъ стремленіямъ. Я, не жалѣя болѣе денегъ, тотчасъ послалъ извозчика въ лагерь съ запискою о доставкѣ мундира и на другой день, въ 10 час. утра, явился на квартиру Ростовцева. Его, по счастью, не было, и я сдалъ письмо камердинеру, что избавило меня отъ личныхъ объясненій съ генераломъ, который хоть и считался добрымъ и образованнымъ, но съ прапорщикомъ, казалось мнѣ, не могъ говорить иначе, какъ надменно-покровительственнымъ тономъ, что, вѣроятно, оскорбило бы меня, смутило и заставило бы сказать глупость или дерзость.

— «Гдѣ же его превосходительство? спросилъ я только у лакея, и можно-ли будетъ еще сегодня его увидѣть? потому что завтра я буду уже на службѣ, въ лагерѣ».

— «Не трудитесь: они сегодня дома не будутъ. Теперь они въ Шереметевской больницѣ у обѣдни, потомъ пойдутъ въ кадетскій лагерь, подѣ Коломенскимъ, а послѣ изволятъ кушать у генераль-губернатора».

Я немедленно бросился, самъ не зная зачѣмъ, въ Шереметевскую больницу: видѣлъ тамъ Ростовцева во всемъ блескѣ генераль-адъютантскаго востюма, и онъ мнѣ показался тутъ, въ Москвѣ, еще болѣе важнымъ, чѣмъ я зналъ его въ Петербургѣ; даже росту какъ будто прибавило вершка на два. Затѣмъ, въ какомъ-то радостномъ чаду, съ какой-то внутренней, хоть ни на чемъ не основанной, увѣренности, что дѣло сдѣлано, я побѣжалъ еще разъ на Срѣтенку или на Лубянку, купилъ на послѣдніа деньги портретъ Гумбольдта, и принеся его въ домъ дяди, шутя ва него молился: «отче Александре, вонми гласу моленія моего и пріими мя, недостойнаго, въ число учениковъ твоихъ». Мое веселое расположеніе духа быстро сообщилось всѣмъ домашнимъ и, вмѣсто того, чтобы смѣяться надо мною, эти добрые люди поздравляли меня съ грядущимъ успѣхомъ, т. е. скорымъ переселеніемъ въ Петербургъ.

Пообѣдавъ у дяди, направился я опять, пѣшкомъ, въ лагерь, и на другое утро, какъ встрепанный, пошелъ рано по-утру на стрѣльбу, при чемъ самъ замѣтилъ, что моя точка зрѣнія на службу фактически измѣнилась. Видя возможность выхода изъ строя, я, какъ всякій незакрѣпощенный, сталъ охотнѣе имъ заниматься, громче командовать, скакать смѣлѣе у орудій, хотя они могли раздавить меня, если бы лошадь моя споткнулась, и пр. Журналъ стрѣльбы моего взвода, по возвращеніи съ Ходынки въ С—въ, я написалъ, по общимъ статистическимъ даннымъ старшаго офицера, безъ помарокъ и подскобокъ,

а для годового, личного экзамена вновь сочинилъ цѣлую серію отвѣтовъ, хотя обычное право позволяло мнѣ уклониться. Объ этомъ экзаменѣ стоить сказать два слова. Молодые артиллерійскіе офицеры, до штабсъ-капитанскаго чина, обязаны были (въ началѣ 1850-хъ годовъ) всѣ, поголовно, представлять каждый годъ, зимою, семь собственно-ручно-написанныхъ отвѣтовъ на заданныя, будто бы начальствомъ, вопросы изъ алгебры, геометріи, тригонометріи, аналитики, механики, артиллеріи и фортификаціи. Эти отвѣты, писанные на отдѣльныхъ листахъ, сдавались въ бригадный штабъ, оттуда шли въ дивизионный, оттуда въ Петербургъ, къ генераль-фельдцейхмейстеру, далѣе къ поручику гарнизонной артиллеріи, И—ну, и, наконецъ, въ мелочныя лавочки по Сергіевской улицѣ, гдѣ служили для обертыванія колбасъ и селедокъ. По дорогѣ поручикъ И—нъ дѣлалъ по нимъ отмѣтки въ общемъ спискѣ офицеровъ, чтобы видѣть, что всѣ свое «дѣло» сдѣлали. Отчасти благодаря этой комедіи, артиллеристы и считались людьми образованными. По закону, сочиненіе отвѣтовъ лежало на каждомъ офицерѣ, но на дѣлѣ сочиняли ихъ и представляли, непременно въ двухъ экземплярахъ, только новоспеченные прапорщики, которые еще не успѣвали забыть корпусную мудрость; потомъ, со втораго года службы, каждый имѣлъ уже традиционное право требовать отъ бригаднаго адъютанта готовыхъ отвѣтовъ, изъ числа составленныхъ молодежью въ предыдущіе годы. И если онъ забывалъ требовать, то адъютантъ присылалъ ему самъ, написавъ карандашемъ мѣсяцъ и число, къ которому копіи должны быть сданы. Невозможно думать, чтобы это, общее по всей русской артиллеріи, научное надувательство въ давно прошедшую старину не было извѣстно высшимъ властямъ въ Петербургѣ, точно такъ, какъ не могли они не знать подлинной исторіи журналовъ стрельбы; спрашивается: кого же тутъ обманывали? Своихъ, очевидно, было нельзя, а потому я готовъ думать, что чужихъ, т. е. Европу: смотри моля, какую военно-ученую силу мы имѣемъ противъ тебя. Но Европа, сколько помнится, даже тогда боялась лишь численности русской арміи, а не техническаго ея образованія.

Для лучшей характеристики артиллеристовъ того времени приведу еще нѣсколько преданій, хранившихся между офицерами и возбуждавшихъ видимое сочувствіе ихъ. Аракчеевъ, установившій письменные экзамены въ наукахъ, хотѣлъ еще ввести въ кругъ занятій офицерства черченіе разныхъ предметовъ вооруженія и снаряженія артиллеріи. Это особенно не нравилось артиллеристамъ, и они стали въ рѣшительную оппозицію всеильному временщику. Даже офицеры тѣхъ ротъ, которыя были расположены около Грузина, по воен-

нымъ поселеніямъ, рѣшились не исполнять приказа. Одинъ пустры́й штабсъ-капитанъ особенно наущалъ товарищей быть настойчивыми въ исполненіи разъ принятаго рѣшенія, и дѣйствительно, къ назначенному сроку никто ничего не представилъ. Аракчеевъ, разсвѣрѣпѣвъ, потребовалъ всю публику на расправу къ себѣ. Пришли, всѣ стоять ни живы, ни мертвы, но съ пустыми руками. Вдругъ входитъ злокозненный штабсъ-капитанъ, съ огромною папкою, видимо наполненной чертежами. Начинаются упреки, въ полголоса, за измѣну; штабсъ-капитанъ молчитъ, хотя до ушей его долетаетъ очень неелестная брань. Вотъ появляется Аракчеевъ и начинаетъ пушить ослушниковъ, называя ихъ заговорщиками и даже бунтовщиками. Уставъ браниться, временщикъ обращается, наконецъ, къ штабсъ-капитану и говоритъ: «вы одни, любезный, исполнили мою волю; покажите же, что вы сдѣлали». Штабсъ-капитанъ торжественно выступаетъ впередъ и объясняетъ графу, что для раскладки его чертежа нуженъ большой столъ, котораго нѣтъ въ пріемной. Приказываютъ принести, а въ ожиданіи его установки всѣ сгораютъ отъ нетерпѣнія. Наконецъ, столъ поставленъ, папка развернута. Начинается медленное сниманіе листовъ оберточной бумаги, одинъ за другимъ, но безъ малѣйшаго признака чертежа. Аракчеевъ торопитъ. «Сейчасъ, ваше сіятельство: вотъ онъ!» И глазамъ публики открывается огромный кругъ, замазанный углемъ. «Это что же такое?» спрашиваетъ Аракчеевъ.—А это, ваше сіятельство, разрѣзъ пушечнаго ядра въ большомъ масштабѣ. Такъ какъ у меня математическихъ инструментовъ нѣтъ, кушить не на-что, то я не знаю, каковъ именно масштабъ, ибо кругъ начерченъ помощью карандаша, привязаннаго ниткой къ булавкѣ; но полагаю, что онъ болѣе настоящей величины по діаметру въ семь разъ, а по площади въ сорокъ девять. Затусовать его мнѣ то-же было нечѣмъ, ибо въ Грузинѣ ни туши, ни кисточекъ найти мнѣ не удалось; такъ вотъ я замазалъ его углемъ. Разумѣется, въ залѣ раздается общій, хотя подавленный, хохотъ, а Аракчеевъ, не зная, что дѣлать отъ злобы, молча уходитъ въ кабинетъ. Сообразивъ потомъ, что офицерамъ въ самомъ дѣлѣ не всегда бываетъ можно владѣть инструментами и даже находить рисовальную бумагу и тушь, онъ отказывается отъ своего приказа, а офицеры благословляютъ легендарнаго штабсъ-капитана. «Такъ и всегда слѣдуетъ поступать съ самодурами, когда имъ вадумается фантазировать на чужой счетъ», говорятъ они даже въ 1852 году¹⁾,

¹⁾ И не только говорятъ, а даже дѣйствуютъ, въ предѣлахъ возможности. Вотъ примѣръ. Въ концѣ 1840-хъ годовъ, бывшій начальникъ дивизіи, Сухожанецъ, разъ прислалъ на гауптвахту одной батареи своего денщика съ запиской, чтобы ему была дана тысяча розогъ и чтобы „шекура была спущена

т. е. через четверть столѣтїа послѣ удаленїа Аракчеева съ исторической сцены ¹⁾).

Это анекдотъ изъ аракчеевскаго цикла; а вотъ преданїа о князѣ Яшвилѣ, бывшемъ начальникѣ артиллерїи. Прїѣзжаетъ князь въ Калугу, гдѣ была собрана для учебныхъ занятїй многочисленная артиллерїа; идетъ смотровая стрѣльба по батарейно, и такъ-какъ самъ инспекторъ стоитъ у орудїй, то выпустить сколько-нибудь лишнихъ зарядовъ, для увеличенїа числа попавшихъ въ цѣль, нельзя. Мало того; за городкомъ наблюдаетъ адъютантъ князя, такъ что и подбросить гранатъ со стороны тоже нельзя. Что тутъ дѣлать? Тѣмъ болѣе, что практика неудачна. Батарейный командиръ рѣшается на послѣднее героическое средство: взорвать бочку съ порохомъ, стоящую на столбѣ среди городка. Вѣдь одинъ такой взрывъ можетъ поправить всю предшествующую неудачу. Онъ мигаетъ номеру съ пальникомъ въ первомъ орудїи; тотъ тыкаетъ огнемъ въ землю, будто для того, чтобы страхнуть золу, и черезъ секунду бочка разрывается съ грохотомъ. Вся батарея въ восторгѣ, но только не командиръ и ближайшіе сосѣди его, стоявшїе около Яшвила. Лошадь послѣдняго вскочила на дыбы и чуть-было не сбросила самого князя. Въ чемъ дѣло? — А въ томъ, что князь стоялъ какъ-разъ надъ бороздою, въ которой скрывался стопинъ (хлопчато-бумажная прядь, осипанная пороховою мякотью), воспламененный пальникомъ и воспламенившїй бочку. Шнуръ былъ очень толстъ и, для вѣрности, сильно опудренъ; онъ далъ небольшой взрывъ подъ самымъ носомъ у княжеской лошади, и та испугалась. Штука была слишкомъ груба и нахальна, чтобы князь Яшвилъ не разразился бранью. Мало того: въ припадкѣ гнѣва онъ сбиль съ начальника дивизїи, генерала Х—а, не только треугольную

съ головы до пятокъ⁴. Офицеръ, зная, что генералъ самъ осматриваетъ послѣ наказанїа высѣченныхъ по его приказанїю людей, не смѣлъ прямо отказать отъ исполненїа повелѣнїа и дѣйствительно расписалъ деньщика отъ плечъ до пятокъ, но достигъ этого лишь 200-ми ударами, справедливо опасаясь, что тысяча могла причинить смерть, за которую слѣдовалъ бы судъ, а ему подъ судъ, конечно, не хотѣлось, да и убивать человѣка казалось жестокимъ... Оппозиція дикому повелѣнїю въ данномъ случаѣ была лишь частичною, съ компромиссомъ.

М. В.

¹⁾ Едва ли надо говорить, что въ тридцать минувшихъ лѣтъ все измѣнилось къ лучшему въ русской артиллерїи, какъ и въ рядахъ всей русской арміи; великія реформы незабвеннаго и гуманнѣйшаго изъ русскихъ Государей Александра II, осуществленныя на дѣлѣ его достойными сподвижниками, вдохнули совершенно новую жизнь въ русское войско, и теперь оно достойно, во всѣхъ отношенїяхъ, стоитъ въ первомъ ряду лучшихъ арміи всего цивилизованнаго міра.

Ред.

плану, но и парикъ. Генераль, оскорбленный этимъ, вступился за себя и за своихъ подчиненныхъ. «Что-же вы, ваше сіятельство, горячитесь? Неужели вамъ неизвѣстны обычаи смотровой стрѣльбы? Вѣдь отъ успѣха этой стрѣльбы, какъ бы онъ достигнуть ни былъ, зависитъ у насъ аттестація всей службы батарейнаго командира, да и цѣлой батареи: какъ же вы хотите, 'чтобы они не провладывали стопина отъ позиціи до городка? Лучше бы вамъ просто ударить испугавшуюся лошадь вашу нагайкою и не замѣтить причины ея испуга».....

Не знаю, что говорили и дѣлали далѣе очевидцы казуса, но потомство, т. е. мои современники, въ началѣ 1850-хъ годовъ, держались теоріи X—а, и чтобы не быть пойманными новымъ Яшвилемъ, всегда дѣлали смотровую стрѣльбу не по батареино, а цѣлой дивизіей (96 или даже 112 орудій). Поднимуть громъ такой, что хоть бы подъ Бородинымъ или Лейпцигомъ, да и выпустить, вмѣсто восьми зарядовъ изъ каждаго орудія, штукъ по пятнадцати, послѣ чего, конечно, всѣ мишени избиты и городокъ заваленъ снарядами. Я самъ былъ, въ 1852 году, свидѣтелемъ такой сцены. Немедленно послѣ стрѣльбы 6-ой дивизіи въ присутствіи Сухозанета ¹⁾, генераль этотъ подѣхалъ къ мишенямъ и сталъ спрашивать у насъ, цѣнныхъ офицеровъ, сколько попало снарядовъ въ мишень каждой батареи? Такъ какъ пересчитать дыры было легко, то никто изъ насъ и не вралъ. Да и надобности не было, потому что мы знали, что официально выпускалось по 8 выстрѣловъ на орудіе, слѣдовательно, 50—55 выстрѣловъ съ цѣлой батареи, попавшихъ въ мишень, были уже успѣхомъ «отличнымъ», а постольку дыръ отыскивалось безъ труда. Но вотъ одинъ доблудчикъ говорить генералу: у насъ въ мишени 62.—«А сколько выпущено?» — Не знаю, ваше превосходительство: за дымомъ не было видно. — Вслѣдъ затѣмъ къ мишени подѣзжаетъ батареинный командиръ и на вопросъ Сухозанета, сколько было сдѣлано выстрѣловъ? отвѣчаетъ: «пятьдесятъ шесть. Я старался стрѣлять рѣдко, да мѣтко: у меня и заряды остались послѣ отбоя». — Да, слишкомъ ужъ мѣтко, полковникъ, замѣчаетъ Сухозанетъ: 56 выстрѣловъ сдѣлали и 62 раза попали..... Но пойманный на мѣстѣ преступленія командиръ не сконфузился. «Должно быть, сосѣди помогли, ваше превосходительство!» сказалъ онъ съ усмѣшкой, хорошо понимая притомъ все коварство

¹⁾ Бывшаго въ то время начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи, въ Варшавѣ, но пріѣзжавшаго въ Москву, для инспектированія артиллерійскихъ войскъ и учрежденій. Впослѣдствіи онъ былъ военнымъ министромъ.

этихъ словъ, намекавшихъ на неискусство сосѣдей. Генералъ не сказалъ ему уже ни слова, а только разсыпался въ похвалахъ всѣмъ вообще.

— «Ну, говорилъ онъ съ отличавшимъ его искусственнымъ (а можетъ быть и естественнымъ) пафосомъ: узнаю мою бывшую дивизию! Она хоть и носитъ номеръ шестой, но всегда будетъ первой, пока останется вѣрна старымъ преданіямъ. Молодцы вы, господа! и всѣмъ пріятно будетъ узнать отъ меня о вашей полезной и честной службѣ и о вашихъ успѣхахъ».

Мудрено-ли, что такіе порядки въ царствованіе Александра II, отошедшіе въ область старины, возбуждали въ началѣ 1850 гг. негодованіе въ людяхъ неподдѣльно честныхъ и что одинъ изъ нихъ, гренадерской артиллеріи штабсъ-капитанъ У—ій, рѣшился бросить строй, не смотря на то, что считался отличнѣйшимъ офицеромъ?— «Поступилъ я на службу (тогда-то, туда-то и пр.),—да и самъ не радъ: приходится безпрестанно фальшивить, иногда даже дѣлать прямиа подлости; а потому прошу меня изъ службы уволить, да и впредь въ оную никогда не принимать»... Такъ-какъ онъ настаивалъ, чтобы эта просьба достигла до высшихъ властей именно въ такой странной формѣ (въ разсчетѣ, вѣроятно, что послѣдняя обратитъ на себя вниманіе кого слѣдуетъ и поведетъ къ улучшенію служебныхъ порядковъ), то батареинный и бригадный командиры пропустили ее. И только начальнику дивизіи, г.-л. Стаховичу, удалось склонить У—аго взять неловкую бумагу назадъ; но и то какимъ способомъ?—угрозой посадить автора въ сумасшедшій домъ...

Теперь бы можно мнѣ поставить точку къ моимъ «артиллерійскимъ» воспоминаніямъ; но сказавъ довольно много о людяхъ, нужно же упомянуть, хоть въ двухъ словахъ, о скотахъ, то есть о лошадяхъ, которыя въ артиллеріи значуть не мало. Лошади въ нашей дивизіи были вообще хороши, а въ частности въ нашей батареѣ, какъ я уже упомянулъ,—отличныя. Папаша Н**, будучи человѣкомъ небѣднымъ (по женѣ), кормилъ лошадей до-отвалу, да и при ремонтировкѣ покупалъ дѣйствительно хорошихъ. Оттого начальство выставяло скотскую часть нашей батареи на-показъ всякимъ именитымъ гостямъ, особенно иностраннымъ. Помню, разъ посѣтилъ нашъ лагерь пожилой прусскій полковникъ, самъ командиръ позиціонной батареи. Его поставили впереди набимовской палатки и начали проводить передъ нимъ нашихъ коней. Онъ былъ въ восторгѣ и, хлопая своими длинными руками по колѣнямъ, безпрестанно восклицалъ: «arabische Pferde, arabische Pferde! какаа разница съ нашими мекленбургскими водозаами!» И въ самомъ дѣлѣ, лошади тротировали, дѣлали лансады, храпѣли и вообще вели себя совершенно показнымъ манеромъ. Только

простодушный Oberst не видѣлъ, что сзади палатки каждой изъ нихъ подкладывалась подъ-хвостъ щепоть соли съ перцемъ и давался ударъ по ногамъ арапникомъ.

О быстротѣ движеній нашихъ артиллерійскихъ лошадей рассказывались чудеса; особенно при внезапной ихъ запряжкѣ въ орудіе и выѣздѣ на позицію по тревогѣ. Не смотря на то, что конюшни артиллеріи находились въ Хорошовѣ, версты за четыре отъ лагеря, батареи никогда не опаздывали въ строй по тревогѣ. Дѣлалось это, впрочемъ, очень некитрымъ способомъ. Съ утра самъ корпусный штабъ по секрету увѣдомлялъ, что сегодня въ такомъ-то часу ожидается тревога, и всѣ семьсотъ лошадей артиллеріи, въ полной сбруѣ, немедленно переходили изъ Хорошева во Всесвятскую рощу, находившуюся на лѣвомъ флангѣ лагеря. Едва барабанщикъ вложилъ палки на барабанъ, какъ ѣздовые летѣли къ своимъ батареямъ, при чемъ, приличія ради, не всѣ вдругъ, а сначала болѣе отдаленныхъ отъ рощи частей, такъ что запречь и выскакать на позицію передъ Петровскимъ паркомъ успѣвали всѣ почти одновременно. Наѣзжія петербургскія власти бывали просто въ восторгѣ и громко заявляли, что «да! въ случаѣ чего, эти съумѣютъ постоять за себя, не потеряютъ головы и зададутъ неприятелю трѣпку прежде, чѣмъ онъ придетъ въ себя». Только съ генераломъ Безакомъ, начальникомъ штаба артиллеріи, такія штуки были невозможны, но вѣдь онъ наѣзжалъ въ 5—6 лѣтъ одинъ разъ, а добродѣтельнаго его принципа, генерала Гилленшмидта, мы обманывали также, какъ и иностранныхъ гостей.

М. И. Венюковъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

эпизодъ изъ его жизни.

Настоящій разсказъ записанъ по моей просьбѣ многоуважаемымъ **Ө. Д. Рудаковымъ**, шестое трехлѣтне служавшимъ мировымъ судьей въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи. Помѣщаю этотъ разсказъ на страницахъ журнала „Русской Старинѣ“, сохранившей, между прочими драгоценными историческими свѣдѣніями, множество чертъ изъ жизни и царствованія рыцаря монарха.

Октябрь 1885 г.

Д. А. Булатовъ.

В. п—ство Дмитрій Александровичъ (Булатовъ)! По давнишней нашей дружбѣ и особенной моей любви къ вамъ, я исполняю ваше желаніе имѣть, наложеннымъ на письмѣ, разсказъ о малороссіянинѣ, получившемъ по замѣчательному случаю паспортъ. При семъ нахожу не лишнимъ пояснить: все, что касается высочайшаго смотра, я сообщаю вамъ, какъ очевидецъ, — разсказъ-же о малороссіянинѣ передаю со словъ, слышанныхъ мною впоследствии.

Ө. Д. Рудаковъ.

I.

Въ сентябрѣ 1832 года его императорскимъ величествомъ государемъ императоромъ Николаемъ I-мъ былъ назначенъ высочайшій смотръ 4-му резервному кавалерійскому корпусу, которымъ командовалъ, въ то время, генералъ отъ артиллеріи, впоследствии графъ, **Алексѣй Петровичъ Никитинъ**. Войска собраны были въ г. Чугуевѣ, гдѣ находилась квартира начальника корпуса и принадлежащихъ къ оному военныхъ поселеній. Псковскій кирасирскій полкъ, подъ командою полковника **А. Г. Сомова**, какъ принадлежавшій къ сказанному корпусу, прибылъ, также какъ и другіе кирасирскіе полки, для назначеннаго смотра и расположился подъ г. Чугуевомъ въ поселеніи, называвшемся Коробочка. Имѣя честь служить, въ то время, кор-

нетомъ этого, знаменитаго по 1812 году, полка, я былъ назначенъ на пѣшіе ординарды для встрѣчи его императорскаго величества.

Въ два часа пополудни, на площади г. Чугуева, гдѣ красовался, такъ называемый, дворецъ корпуснаго командира, у широкой лѣстницы и параднаго входа въ домъ, собрались ординарцы отъ всѣхъ полковъ и частей войскъ корпуса, а также и почетный карауль. По росписанію приѣздъ назначенъ былъ въ 4 часа. Государь императоръ прибылъ въ 6 часу, въ коляскѣ, запряженной шестерикомъ. Быстро спустившись изъ экипажа, его величество поздоровался съ карауломъ и, привѣтствовавъ начальниковъ и ординарцевъ, направился со свитой генераловъ во дворецъ. При входѣ на лѣстницу государь, обратившись къ начальнику корпуса, произнесъ: «Опоздалъ немного! дорогой была задержка». На слѣдующій день былъ смотръ войскамъ и маневры. Николай Павловичъ былъ веселъ, доволенъ, а по окончаніи пустилъ своего коня маршъ-маршъ и, отскакавъ сажень болѣе ста отъ выстроившагося, въ сжатія колонны, корпуса, проговорилъ замѣчательно далеко слышнымъ голосомъ: «Господа генералъ, штабъ и оберъ-офицеры ко мнѣ!» Я, находясь правымъ фланговымъ офицеромъ полка и колоннъ, на моемъ великолѣпномъ ворономъ 7-ми вершковомъ Селимѣ, и офицеръ лѣваго фланга прыскакали къ царю первыми, за нами прибыли вскорѣ и всѣ приглашенные. Государь удостоилъ всѣхъ прибывшихъ неоднократнымъ наклоненіемъ головы и царскимъ словомъ: «благодарю, спасибо, очень вамъ всѣмъ благодаренъ». Впослѣдствіи всѣ офицеры, участвовавшіе на маневрахъ подъ Чугуевомъ, получили въ награду, по волѣ императора, полугодовое жалованье.

Отбывъ смотръ, полки возвратились въ мѣста своего постоянного расположенія и нашъ полкъ прибылъ въ Старобѣльскій уѣздъ, штабъ полка, въ слободу Осиную. Меня полковникъ оставилъ при штабѣ. Почти всю осень и зиму, при свиданіи офицеровъ, сводился разговоръ на чугуевскіе маневры. Всѣ были въ восторгѣ отъ величественной особы царя, отъ его взгляда, голоса, его изящной и замѣчательно ловкой ѣзды верхомъ и отъ его безошибочнаго распоряженія, во время маневрированія, войсками. Въ началѣ зимы я засталъ у нашего полковаго командира полковника Серпуховскаго уланскаго полка, ѣхавшаго изъ Чугуева въ отпускъ. Полковникъ рассказывалъ многое, подтверждающее очарованіе, произведенное на войска императоромъ Николаемъ I-мъ во время смотра. Мнѣ пришла въ голову мысль спросить полковника: не извѣстно-ли ему — вслѣдствіе какой задержки государь опоздалъ прибытіемъ въ Чугуевъ? Полковникъ улыбнулся и отвѣчалъ: «О! эта задержка очень интересна: я вамъ могу рассказать о ней, какъ слышанной отъ лицъ, сопровождавшихъ царя, и чиновниковъ чугуевскаго казначейства.

II.

Императоръ Николай Павловичъ, подъѣзжая въ коляскѣ, запряженной шестерикомъ, къ Чугуеву, пожелалъ свернуть съ большой дороги, по проѣзду къ госпиталямъ. При поворотѣ, на мостикѣ, черезъ канаву дороги, оказался стоящимъ высоко нагруженный возъ малороссіянина. Проѣздъ около воза былъ невозможенъ. Фельдъегерь, бывший при государѣ, и ямщикъ попытались очистить путь, но безуспѣшно. У ярма были сломаны засовы, а потому пара дюжихъ воловъ, лежавшихъ тоже на мостикѣ, впереди воза, съ отпавшимъ на землю ярмомъ, — помогать не могли. Государь вышелъ изъ коляски, на немъ была въ накидку шинель, направился къ малороссу, который подстрогивалъ ножомъ запасные засовы для ярма и закричалъ хлопотавшимъ подвинуть возъ:

«Да трывайте лышень трохи! заразы справимъ».

Императоръ, приближаясь къ малороссу, спросилъ: «Что у тебя на возу?»

Малороссіянинъ окинулъ взглядомъ государя, приподнялъ, на головѣ, изъ черныхъ смушекъ шапку, надѣлъ ее на затылокъ и, продолжая строгать, отвѣчалъ: «Здоровъ булъ, ваше благородые! Виноградъ».

— «Куда-же ты везешь?»

— «Да до слободы, пане».

— «Домой?»

— «Э, ни, продать».

— «Что-же не въ городъ, тамъ теперь много приѣзжихъ военныхъ?»

— «Се мы чуяли, тамъ кажутъ, що и царь будѣ, та одже нельзя».

— «Отъ чего-же нельзя?»

Малороссъ опять оглядѣлъ государя, улыбнулся, вздохнулъ и, примѣривъ засовъ къ ярму—проговорилъ: «Казавъ нельзя, воно-жъ такъ и ё».

— «Да почему-же! скажи?»

— «Ни къ чѣму мнѣ казать, ни вамъ слушать. Вы, ваше благородые, мнѣ не поможешь!»

— «А можетъ быть и помогу».

— Малороссіянинъ покачалъ головою: «Ни! мнѣ панъ комысаръ чиловикъ свѣй, да и тѣй не поможе!»

— «Вотъ какъ! а попробуй, скажи!»

Малороссіянинъ подвинулся ближе къ императору и, понизивъ голосъ, произнесъ: «Бачь,—шкода зробилась: паспортъ загубивъ!»

— «Потерялъ?» спросилъ государь. «Егё».

— «Ну, этому можно помочь, а какъ тебя звать?»

— «Да маты казала Ничипаръ, пане».

Императоръ обратился къ кому-то изъ сопровождавшихъ его адъютантовъ и сказалъ: «Напишите, что я желаю, дабы потерявшему паспортъ малороссіянину Никифору былъ выданъ вмѣсто потеряннаго таковой-же безвозмездно».

Когда записка была готова, государь подписалъ внизу Николай I-й. Затѣмъ, обратясь къ малороссу, который, въ это время уже справилъ засѣвы ярма, оставилъ и впрягъ воловъ, сказалъ: «Подойди ко мнѣ, вотъ тебѣ записка, въ казначействѣ у меня есть знакомые, родные, отдай ее казначею и тебѣ выдадутъ паспортъ».

— «Добрже дякую, ваше благородые! А маботь чы не можно подяковать пана виноградомъ?»

— «Нѣтъ, ты скорѣ очисти дорогу и я тебѣ буду благодарен!»

— «Аж ось, заразы, пане!» и малороссъ крикнулъ на воловъ: гоць, гоць, геть, геть, добѣ! Волю дружно сдвинули возъ съ мостика сперва прямо, а потомъ свернули направо. Государь уѣхалъ.

Малороссіянинъ, проводивъ глазами уѣхавшую коляску, снялъ шапку, перекрестился, положилъ полученную записку въ шапку и, надѣвъ ее на подбритую голову, закричалъ воламя: побе, побе, геть! Воли обогнули полукругъ налѣво, а проѣхавъ тотъ-же мостикъ, спустились на большую дорогу и пошли съ возомъ къ Чугуеву. Городъ, во ожиданіи приѣзда высокаго посѣтителя, имѣлъ парадный видъ. Малороссъ Никифоръ, подѣхавъ со своимъ возомъ къ дому, гдѣ помѣщалось, во второмъ этажѣ, казначейство, остановилъ своихъ воловъ у крыльца, надѣлъ на ярмо вязку съ сѣномъ и, снявъ шапку, сталъ входить по лѣстницѣ въ казначейство. Какой-то молодой чиновникъ, отворивъ дверь прѣмной и увидавъ невзрачную фигуру малоросса, закричалъ, «куда ты, хохоль, чѣртова голова, лезешь?—пошелъ прочь!» Малороссъ остановился на серединѣ лѣстницы и произнесъ: «якійсь панъ, хлавъ по великому шляху, казавъ що у ёго ё тутечка родичи и давъ мыни записочку, такъ подывытесъ, що воно такѣ?» Чиновникъ, взглянувъ мелькомъ на записку и увидавъ необыкновенную подпись, схватилъ бумагу и побѣжалъ съ ней въ казначейство. Какъ уже тамъ и что было, но не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ служащіе вышли посмотреть на малоросса и казначей подалъ ему паспортъ. Малороссіянинъ, сильно удивленный, взявъ паспортъ, проговорилъ:

«Отъ се-жъ на вдыво выжу! Що се за не добра маты! Создателю! Було першъ казначееви гроши, карбованаго дашъ, та и тогда ще пашпорта нема: а се ихавъ якійсь то панъ по великому шляху, давъ мыни записочку, пашпортъ ё, що воно такѣ?»

Да знаешь-ли кто тебѣ далъ записку? спросилъ казначей.

— «Ни, а хто?»

— «Императоръ!»

— «Якъ! самъ царь! его императорско величество! отъ же я дуренъ! дуренъ! Такъ отъ-же вамъ тій пашпортъ», сказалъ малороссъ, протягивая къ казначею руку съ паспортомъ, «возьмите его лишень назадъ, винъ мыни не треба, виддайте мыни ту мою записочку, бо я съ тымъ паспортомъ тылки до города, а съ тымъ грамоткой, записочкой, я скрызъ свѣтъ проиду, ажъ отъ самага Батурина та до Киева».

Ө. Д. Рудаковъ.

КАВКАЗЪ И ЕГО ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Н. Н. Муравьевъ, кн. А. И. Барятинскій и гр. Н. И. Евдокимовъ

1854 — 1864 гг.

IV ¹⁾.

По прибытіи въ Ставрополь, первымъ дѣломъ графа Евдокимова было назначеніе комитета для раздѣленія Кавказскаго линейнаго казачьяго войска и образованія новыхъ войскъ Кубанскаго и Терскаго. При этомъ нужно было составить новыя штаты войсковыхъ правленій и войсковыхъ дежурствъ обоихъ новыхъ войскъ, раздѣлить пропорціонально народонаселенію денежныя капиталы, войсковыя доходы и расходы, разныя оброчныя статьи, стипендіи въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и т. п. Этотъ комитетъ былъ составленъ подъ предсѣдательствомъ новаго атамана Терскаго казачьяго войска, генерала Попандопулло, изъ слѣдующихъ лицъ: дежурнаго штабъ-офицера штаба, командовавшаго войсками, полковника Цавни, старшихъ членовъ войсковыхъ правленій: черноморскаго — полковника Лазебникова, кавказскаго — подполковника Булгарина, и дежурнаго штабъ-офицера того же войска, подполковника Кравцова, т. е. меня. На меня же была возложена, сверхъ того, и обязанность дѣлопроизводителя.

Комитетъ въ теченіи двухъ недѣль быстро кончилъ порученное ему важное дѣло. Всѣ предположенія его графъ Евдокимовъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1886 г., т. L, июль, стр. 563—592.

вполнѣ одобрилъ и при своемъ рапортѣ представилъ на усмотрѣніе главнокомандовавшему. Бумаги эти графъ Евдокимовъ поручилъ мнѣ отвезти въ Тифлисъ и представить начальнику главнаго штаба, на тотъ конецъ, что если бы что либо потребовалось по усмотрѣнію главнокомандующаго измѣнить или дополнить въ означенныхъ предположеніяхъ или штатахъ, чтобъ я могъ это сдѣлать тамъ же въ Тифлисѣ, такъ какъ времени до 1 января 1861 года оставалось немного.

Въ Тифлисѣ всѣ изложенныя предположенія и новыя штаты были быстро рассмотрѣны генераломъ Филипсономъ, доложены главнокомандовавшему и утверждены княземъ Барятинскимъ безъ всякихъ измѣненій. Вслѣдъ за тѣмъ они были обнародованы при приказѣ по арміи, въ которомъ, по высочайше предоставленной главнокомандовавшему власти, повелѣвалось привести ихъ въ исполненіе съ 1 января наступающаго 1861 года и открыть того же числа новыя войсковыя учрежденія. Все это въ точности и было исполнено.

Приведя это дѣло къ концу, такъ какъ безъ этого нельзя было приступить къ выполненію другихъ предположеній, графъ Евдокимовъ занялся другимъ, гораздо важнѣйшимъ дѣломъ, именно: переселеніемъ казаковъ на новыя линіи.

Въ январѣ 1861 г. онъ предписалъ командиру 4-й бригады полковнику Алвину объявить 1-му Хоперскому казачьему полку, въ составъ которой входило 6 станицъ, о предстоящемъ ему весною того же года переселеніи на новыя линіи, со всѣми семействами и имуществомъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ казаки приготовились къ выступленію. Съ тѣмъ вмѣстѣ строевой 1-й Хоперскій полкъ, находившійся на полевой службѣ за Лабою, былъ отпущенъ въ свои дома, въ виду предстоящаго ему переселенія.

Въ исходѣ января начали носиться неясныя слухи о нежеланіи казаковъ идти на переселеніе. Въ началѣ марта явилась въ графу Евдокимову депутація отъ 1 Хоперскаго полка, которая объявила какое огромное раззореніе долженъ понести весь полкъ отъ переселенія его въ одинъ разъ, въ полномъ составѣ, и просила разсрочить переселеніе на три года. Графъ не могъ дать такого разрѣшенія и позволилъ депутаціи отправиться съ этою просьбою въ Тифлисъ къ главнокомандующему. Князь Барятинскій былъ въ это время уже такъ тяжело болѣвъ, что не

могъ вставать съ постели, тѣмъ не менѣе онъ принялъ депута- товъ, выслушалъ ихъ просьбу и объявилъ, что они должны не- премѣнно идти на переселеніе всѣмъ полкомъ, такъ какъ на это есть воля государя императора. Возвратившись изъ Тифлиса, де- путаты заявили бригадному командиру, чтобъ имъ былъ объяв- лень царскій указъ о переселеніи, безъ чего полкъ не пойдетъ на новыя линіи, потому что начальство переселять ихъ не мо- жетъ безъ воли царя, если же на то его воля, то они готовы идти хоть на край свѣта, хотя бы имъ пришлось въ конецъ раз- зориться. Одновременно съ этимъ и отъ черноморскихъ трехъ станицъ, назначенныхъ на переселеніе въ полномъ составѣ, были присланы графу Евдокимову просьбы, въ которыхъ приводились тѣ же причины, какія выражали и хоперскіе казаки, и представ- лялись такія же просьбы о разрочѣ переселенія. Но гораздо серіознѣе было заявленіе, поданное генералу Кусакову, а имъ представленное графу, представителей черноморскаго дворянства, въ которомъ они, опираясь на жалованныя грамоты императрицы Екатерины II, находили подобное переселеніе вовсе несоглас- нымъ съ ихъ правами. Желая устранить возникающія затруд- ненія, графъ Евдокимовъ приказалъ послать къ штабу Хоперскаго полка въ Александровскую станицу три баталіона пѣхоты, 4 ору- дія полевой пѣшей артилеріи и 4 эскадрона драгунъ, въ видѣ угрозы и для понужденія казаковъ къ переселенію. А самъ по- скакалъ въ Екатеринодаръ для разъясненій и внушеній протес- товавшимъ черноморскимъ дворянамъ. Но тамъ на всѣ его разъ- ясненія, черноморцы отвѣчали одно и то-же, что было ими прежде заявлено. Выведенный изъ терпѣнія ослушниками и выѣзжая обратно въ Ставрополь, графъ Евдокимовъ приказалъ Кусакову арестовать 10 штабъ и оберъ-офицеровъ, наиболѣе вліятельныхъ, и отправить ихъ въ ставропольскій тюремный замокъ. Мѣра эта произвела во всей Черноморіи самое удручающее впечатлѣніе, но вовсе не въ пользу переселенія.

Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Ставрополь, какъ получилъ до- несеніе съ курьеромъ, что лишь только посланныя войска въ станицу Александровскую приблизились къ ней, какъ все казачье населеніе пришло въ неописанное волненіе, а на другой день къ утру все мужское населеніе всего полка, способное носить ору- жіе и вооруженное, стремительно собралось въ полковой штабъ

и выставило противъ прибывшихъ войскъ два конныхъ полка шести-сотеннаго состава и два пѣшихъ баталіона четырехъ-ротнаго состава, въ полномъ боевомъ порядкѣ, подъ предводительствомъ своихъ выборныхъ начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ, самыхъ храбрыхъ и распорядительныхъ урядниковъ, изъ коихъ были назначены одинъ общій и всѣ частные начальники, такъ какъ офицеры всѣ не приняли въ этомъ участія.

Въ то же время ходили слухи, что все казачье населеніе, отъ Каспійскаго моря до Чернаго, всѣми этими событіями было сильно возбуждено.

Въ виду столь критическаго положенія и опасаясь, чтобъ какое нибудь недоразумѣніе или ничтожный случай не возбудилъ кровавой развязки въ Александровѣ между казаками и регулярными войсками, графъ Евдокимовъ тотчасъ командировалъ туда князя Святополка-Мирскаго, съ приказаніемъ: 1) регулярныя войска тотчасъ возвратить къ своимъ мѣстамъ, и 2) всѣмъ хоперскимъ казакамъ объявить, что онъ, графъ Евдокимовъ, отменяетъ вовсе переселеніе цѣлымъ полкомъ, чтобъ они разошлись немедленно по домамъ, занялись обыкновенными своими полевыми хозяйственными дѣлами, а что на переселеніе весною 1862 года будетъ испрошено особое высочайшее повелѣніе, которое и будетъ имъ объявлено въ свое время.

Такое же повелѣніе съ курьеромъ было послано и въ Екатеринодаръ для объявленія черноморскимъ станицамъ.

Отъ такой развязки гора упала съ плечъ казаковъ; всюду они, и въ Александровѣ, и во всѣхъ прочихъ станицахъ, отслужили тотчасъ благодарственное моленіе о здравіи государя и объ оставленіи ихъ на своихъ мѣстахъ.

Еще до совершенія этихъ событій, князь Барятинскій, весною, тяжело больной, выѣхалъ въ Петербургъ и болѣе на Кавказъ не возвращался, а генералъ Филипсонъ, получивъ назначеніе сенаторомъ—тоже выбылъ въ Россію.

Сдѣлавъ донесеніе объ изложенныхъ происшествіяхъ въ Тифлисѣ командовавшему арміею князю Орбеліани, графъ Евдокимовъ тотчасъ приступилъ къ совѣщанію и составленію предположенія о заселеніи западнаго Кавказа христіанскимъ населеніемъ, преимущественно казачьимъ, но на другихъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, какія предложилъ генералъ Филипсонъ и которыя оказались на

практикѣ невыполнимыми. Переселеніе цѣлыми полками представляло дѣйствительно мѣру насильственную и крайне разорительную для всего казачьяго населенія. Графъ Евдокимовъ избралъ для этого другую систему, именно: нарядъ требующагося каждый годъ числа семействъ на переселеніе, посредствомъ уравнительнаго назначенія со всего населенія Кубанскаго казачьяго войска, живущаго на правой сторонѣ Кубани, на всемъ ея теченіи, на старой линіи, а въ станицахъ этотъ нарядъ долженъ былъ производиться по жребію, частію по приговору обществъ людей неодобрительнаго поведенія, причемъ семействамъ, доставшимся по жребію на переселеніе, предоставлялось право нанимать вмѣсто себя другія семейства, по взаимному согласію, лишь бы нанимающееся семейство числомъ членовъ своихъ было равное или почти равное тому, которое нанимаетъ. Вызывались также и охотники, которымъ обѣщана была и потому точно выполнена добавка земли по 5 десят. на каждую мужскую душу въ личное потомственное владѣніе, независимо отъ обыкновенныхъ душевыхъ надѣловъ, составляющихъ общинное землевладѣніе. Такая система практиковалась предъ тѣмъ 20 лѣтъ при заселеніи передовыхъ линій: Лабинской, на военно-грузинской дорогѣ, и Сунженской, только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ; съ нею народъ былъ уже знакомъ и она не представляла для него такихъ ужасающихъ бѣдствій и разоренія, какъ переселеніе цѣлыми полками. При этой системѣ дома, сады, рощи, хутора и прочее имущество переселенныхъ продавалось своимъ же станичникамъ за выгодную цѣну; сверхъ того оставшіеся на мѣстахъ дѣляли складчину подворную деньгами и давали пособія переселяющимся, большею частію гораздо превышавшія пособія отъ правительства.

Составленіе объ этомъ представленія высшему начальству и Положенія о заселеніи предгорій западнаго Кавказа графъ Евдокимовъ возложилъ на начальника штаба своего, генерала Забудскаго, придавъ ему меня помощникомъ, такъ какъ въ то время я состоялъ въ его распоряженіи.

Оба мы были люди молодые, энергичные и въ тому же были въ дружескихъ отношеніяхъ. Мы раздѣлили предстоящій трудъ на двѣ части: Забудскій принялъ на себя изложеніе общихъ мѣръ и средствъ, на то потребныхъ, въ связи съ выполненіемъ

военныхъ операцій, я же—спеціальное изложеніе наряда, переселенія, водворенія на новыхъ мѣстахъ, льготъ, пособій и т. п. Всѣ эти предположенія въ тогдашнее горячее время были составлены, провѣрены, обсужены и подписаны графомъ Евдокимовымъ въ теченіи одной недѣли; работали мы день и ночь,—и съ курьеромъ представлены въ г. Тифлисъ, а оттоль съ фельдъегеремъ отправлены въ Петербургъ.

Послѣ этого прошло полтора мѣсяца и въ іюлѣ того же 1861 года присланъ былъ прямо изъ Петербурга въ Ставрополь съ фельдъегеремъ къ графу Евдокимову именной высочайшій рескриптъ отъ 24 іюня, въ которомъ въ главныхъ чертахъ была одобрена представленная имъ система переселеній и повелѣвалось привести ее въ исполненіе; причемъ переселяемымъ пожаловано было пособіе на новое водвореніе болѣе чѣмъ вдвое противъ прежняго, а именно, вмѣсто 71 р. по 150 р. на каждое семейство.

Для выслушанія этого высочайшаго повелѣнія, безъ малѣйшаго промедленія, были собраны въ ст. Михайловскую, близъ г. Ставрополя, на 1-е августа, депутаты отъ шести линейныхъ бригадъ, въ числѣ 60 штабъ и оберъ-офицеровъ и 240 нижнихъ чиновъ—стариковъ. При объявленіи этого рескрипта присутствовалъ и я, уже въ качествѣ командира 4-й бригады, съ 40 депутатами отъ 14 станицъ, составлявшихъ эту бригаду. Въ командованіе ею, на мѣсто смѣненнаго полковника Алкина, я вступилъ только 13-го іюля 1861 года, всего за двѣ недѣли до объявленія рескрипта, а посланъ я туда былъ графомъ Евдокимовымъ, какъ уроженецъ изъ старыхъ хоперскихъ казаковъ, извѣстный народу, а потому графъ и выразилъ мнѣ надежду при отправленіи, что я съумѣю не только водворить нарушенный тамъ порядокъ въ 1-мъ полку, но и сдѣлать нарядъ съ возмущившихся станицъ на переселеніе хотя и по жребію, но въ трое большій, чѣмъ въ старыхъ станицахъ, непричастныхъ бунтѣ.

Все это я и выполнилъ въ точности, не безъ затрудненій, но выполнилъ.

Объявленіе высочайшаго рескрипта было совершено при множествѣ стекшагося съ окрестныхъ станицъ казачьяго населенія въ торжественной обстановкѣ, послѣ богослуженія въ мѣстной церкви, а потомъ послѣ благодарственнаго молебствія на пло-

щади, противъ бывшаго атаманскаго дома; причемъ графъ Евдокимовъ лично обносилъ предъ всѣми депутатами высочайшій рескриптъ и приглашалъ грамотныхъ казаковъ посмотрѣть собственноручную подпись его величества. Послѣ этого Евдокимовъ тутъ же передалъ подлинный рескриптъ генералу Иванову, назначенному только предъ тѣмъ для управленія Кубанскимъ казачьимъ войскомъ, въ качествѣ его помощника, на мѣсто генерала Кусакова, получившаго другое назначеніе, для таковаго же торжественнаго объявленія въ г. Екатеринодарѣ всѣмъ черноморскимъ станицамъ.

Это торжественное объявленіе высочайшей воли закончилось, по русскому обычаю, угощеніемъ — обѣдомъ всѣхъ присутствовавшихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ въ атаманскомъ домѣ, а нижнихъ чиновъ на площади передъ нимъ въ раскинутыхъ нарочито палаточныхъ наметахъ, причемъ многократно провозглашались тосты за здравіе государя при неумолкаемыхъ кликахъ ура!

Всѣ казаки послѣ этого вздохнули свободно.

V.

11-го сентября 1861 года покойный государь, высадившись въ Тамани, посѣтилъ Темрюкъ, Екатеринодаръ, укрѣпл. Григорьевское, Усть-Лабу, Майкопъ, лагеря отрядовъ близъ укр. Камветы и станицы Царской, гдѣ въ урочищѣ Мамрюкъ-очай, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ почевалъ государь въ палаткѣ, стоитъ нынѣ отлитый изъ бронзы бюстъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II.

Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ и въ этой самой палаткѣ покойный графъ Евдокимовъ имѣлъ счастье, 18 сентября, докладывать покойному императору свой планъ покоренія западнаго Кавказа.

Графъ Евдокимовъ доложилъ государю, что онъ распредѣляетъ военныя дѣйствія на пять лѣтъ.

На это государь возразилъ, что врядъ ли западныя державы дадутъ ему столько времени для окончанія его задачи.

Тогда графъ отвѣтилъ, что срокъ этотъ онъ назначаетъ въ виду могущихъ встрѣтиться неожиданныхъ препятствій, но что онъ надѣется кончить ранѣе, хотя теперь и не можетъ точно опредѣлить времени окончанія войны. Изложивъ затѣмъ, въ главныхъ чертахъ, планъ поворенія (съ которымъ читатель уже знакомъ изъ описаннаго мною выше совѣщанія у князя Барятинскаго во Владивавказѣ), графъ присовокупилъ:

— „Осмѣливаюсь доложить вашему величеству, что, по окончаніи войны, на войска, ее довершившія, нельзя уже будетъ рассчитывать,—потому что всѣ силы ихъ пойдутъ на завершеніе дѣла, и они окажутся неспособными къ продолженію службы“.

Государь при этихъ словахъ порывисто всталъ и воскликнулъ:

— „Что ты говоришь, Николай Ивановичъ? Вѣдь это ужасно!“

Графъ отвѣчалъ:

— „Государь! я полагаю лучшимъ и болѣе выгоднымъ потерять на это одно нынѣшнее поколѣніе, чѣмъ, затянувъ медленными дѣйствіями войну, терять постепенно, какъ то дѣлалось до послѣдняго времени, ежегодно значительныя силы, не достигая конечной цѣли“.

— „Ну, будь по твоему“,—печально отвѣтилъ государь.

При этомъ же довладѣ государь затронулъ вопросъ о бывшихъ беспорядкахъ въ 1 Хоперскомъ полку, тоже вышеописанныхъ въ 3 гл. этой статьи. На это графъ отвѣчалъ, что, „считаетъ себя виновнымъ въ нихъ и не можетъ себѣ этого простить, ибо, будучи уроженцемъ той мѣстности и зная хорошо быть казавовъ, онъ поддался удобному предложенію (Филипсона) переселенія массами всего населенія, не вникнувъ ближе въ интересы переселяемыхъ“.

Весь этотъ разговоръ показываетъ графа Евдокимова человекомъ прямодушнымъ, рѣшительнымъ и твердо идущимъ къ намѣченной цѣли. Извѣстно также всѣмъ, что, принявъ на себя вину за беспорядки по переселенію, онъ ничуть въ нихъ не былъ виноватъ.

Все это изложеніе основано на дословной передачѣ бывшаго начальника штаба графа — генерала Забудскаго, въ тотъ же день, со словъ самого графа нѣкоторымъ высвоставленнымъ лицамъ, изъ коихъ нѣкоторыя еще находятся въ живыхъ и могутъ все это подтвердить въ точности.

На другой день государь выехалъ далѣе въ верховья Лабы, осматрѣлъ по пути только-что начавшую водворяться станицу Андрюковскую и, проѣхавъ еще нѣсколько старыхъ станицъ, на ночлегъ прибылъ въ ст. Лабинскую, гдѣ была представлена его величеству депутація отъ шести линейныхъ казачьихъ бригадъ, въ числѣ 60 штабъ и оберъ-офицеровъ и 240 старыхъ заслуженныхъ урядниковъ и казаковъ, тѣхъ самыхъ, которые были 1 августа въ ст. Михайловской при объявленіи высочайшаго рескрипта о переселеніи.

При этомъ случаѣ государь обнаружилъ замѣчательную память и большое пониманіе народнаго духа. Завидѣвъ еще издали стоявшаго въ ряду депутатовъ стараго гвардейскаго своего конвоя урядника Поцвирова Бѣломечетской станицы, болѣе 10 лѣтъ жившаго въ отставкѣ и обросшаго сѣдою бородою, государь, съ видимымъ удовольствіемъ, узналъ его и обратился къ нему съ такимъ привѣтомъ:

— „А! здравствуй, Поцвировъ; очень радъ тебя видѣть! какъ ты поживаешь?“

— Слава Богу, ваше величество, — отвѣчалъ Поцвировъ. — Позвольте узнать, продолжалъ онъ, какъ здоровье ея величества государыни императрицы?

— „Она здорова, слава Богу, и приказала всѣмъ вамъ кланяться“, — отвѣчалъ государь. — „А ты помнишь Калаушина?“ — снова спросилъ государь.

Урядникъ Калаушинъ Баталпашинской станицы служилъ камеръ-казаконъ при покойной императрицѣ и умеръ отъ чахотки.

— Какъ не помнить, ваше величество, — отвѣчалъ Поцвировъ.

— „Онъ, бѣдный, все хвораетъ; жаль его, хорошій человекъ; онъ тоже всѣмъ старымъ сослуживцамъ кланяется“, — снова сказалъ государь.

Этотъ разговоръ, похожій на разговоръ двухъ давно не видавшихся сосѣдей, съ передачею поклоновъ, въ чисто народномъ духѣ, могущественнѣйшаго монарха съ простымъ казакомъ видимо тронулъ до глубины души всѣхъ депутатовъ, отвѣчавшихъ на эти милостивыя слова громогласнымъ и продолжительнымъ „ура!“

Послѣ отъѣзда его величества и по прибытіи въ дома депу-

татовъ, только и было рѣчи о томъ, какимъ милостивымъ разговоромъ удостоилъ государь Пощвирова.

Всему этому я былъ очевидецъ, какъ имѣвшій счастье представлять депутатовъ по приказанію графа Евдокимова и сопровождавшій довольно близко государя по протяженію всего длиннаго фронта депутатовъ, загнутаго глаголемъ до самой квартиры его величества.

На слѣдующій день государь изволилъ отправиться по Лабинской и Кубанской линіямъ въ г. Екатеринодаръ, а потомъ по пути осмотрѣлъ линію Адагумскую и укрѣпленія: Крымское, Неберджайское и Константиновское, гдѣ его величество сѣлъ на пароходъ „Тигръ“ и отплылъ въ Крымъ.

Во все время этого путешествія на западномъ Кавказѣ, государь былъ одѣтъ въ казачью форму собственнаго его величества конвоя, что видимо было пріятно для всего казачьяго населенія, которое почитало это милостивымъ знакомъ монаршаго къ нему вниманія.

Въ это же путешествіе государь, и въ Екатеринодарѣ, и въ ст. Лабинской, простилъ всѣхъ казаковъ, принимавшихъ участіе въ происшедшихъ безпорядкахъ по переселенію, арестованныхъ повелѣлъ освободить и начатыя о нихъ дѣла прекратить и предать забвенію.

10-го мая 1862 года высочайше утверждено Положеніе, представленное графомъ Евдокимовымъ, какъ выше сказано, въ 1861 году, о заселеніи казаками предгорій западнаго Кавказа, въ основаніе котораго вошелъ приведенный выше высочайшій рескриптъ на имя графа Евдокимова, отъ 24-го іюня 1861 года.

VI.

Не смотря на возникшія затрудненія по колонизаціи, въ 1861 году все-таки было поселено по предгоріямъ 11 станицъ, въ числѣ 1,763 семействъ ¹⁾.

Новое положеніе, въ основаніе коего легли гуманныя начала, разныя облегченія, льготы и пособія, двинуло дѣло заселенія западнаго кавказа, вмѣстѣ съ военными успѣхами нашихъ войскъ, весьма быстро.

Послѣ высочайшаго путешествія, зимою съ 1861 на 1862 г., войска наши очистили отъ туземнаго населенія всѣ предгорія Черныхъ горъ между Лабой и Бѣлой, долину между Черными горами и главнымъ хребтомъ, и часть земель натухайцевъ, отъ р. Адагума до Чернаго моря.

Въ 1862 году поселено 28 станицъ, съ 4,387 семействами.

Въ 1863 году—20 станицъ, въ числѣ 3,541 семейства. Послѣ такихъ результатовъ въ колонизаціи, въ 1864 году, на сѣверномъ склонѣ во власти горцевъ осталось только пространство между рр. Илемъ и Пшимемъ, и весь южный склонъ хребта отъ Бзыбы до Константиновскаго укрѣпленія.

Въ 1864 году колонизація Закубанскаго края приняла усиленные размѣры и съ этою цѣлію въ томъ году возведено 24 станицы и поселено въ нихъ 4,417 семействъ.

Въ 1865 году на дополненіе станицъ, водворенныхъ въ предыдущіе годы, переселено еще 1,500 семействъ.

Такимъ образомъ, съ 1861 г. по 1865 годъ включительно на западномъ Кавказѣ было водворено русскаго населенія около 90 станицъ и поселовъ, и въ нихъ до 16,000 семействъ. Въ это число вошло офицерскихъ семействъ Кубанскаго войска—147, казачьихъ бывшаго Черноморскаго войска—3,850, Кавказскаго

¹⁾ Весь ходъ колонизаціи мнѣ вполнѣ извѣстенъ; но для большей вѣрности всѣ свѣдѣнія о числѣ переселенныхъ заимствованы мною изъ монографіи почтеннаго изыскателя кавказской старины—Юсифа Викентьевича Бентковского: „Заселеніе западныхъ предгорій Кавказа“. Эту монографію онъ составилъ по архивнымъ источникамъ ставропольскаго военнаго архива.

линейнаго—4,490, Терскаго—51, Донскаго—1,008, Азовскаго—1,051, Оренбургскаго—425, Уральскаго—83; женатыхъ нижнихъ чиновъ Кавказской арміи—1,014; всѣ прочіе переселенцы были изъ мѣщанъ и крестьянъ разныхъ городовъ и губерній.

Въ общемъ итогѣ колонизація западнаго Кавказа совершилась вполне удачно, благодаря гуманнымъ началамъ Положенія 1862 года, составленнаго графомъ Евдокимовымъ, замѣнившимъ спѣшныя и крутыя мѣры первоначальныхъ распоряженій.

Описаніе военныхъ дѣйствій за тотъ же періодъ времени не входитъ въ настоящій мой очеркъ, вызванный Записками генер. отъ инфантеріи М. Я. Ольшевскаго. Но я не могу оставить безъ разъясненія того обстоятельства, которое приводитъ г. Ольшевскій въ своей статьѣ, а именно: что будто бы „отъ одного сосредоточенія всѣхъ свободныхъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, а въ особенности всѣхъ стрѣльбовыхъ баталіоновъ, представлявшихъ массу нарѣзнаго оружія, и совершилось быстрое покореніе западнаго Кавказа“.

Все это, конечно, такъ, хотя вовсе не такъ просто совершилось. Но авторъ проходитъ полнѣйшимъ молчаніемъ участіе въ этомъ покореніи Кубанскаго и частію Терскаго казачьихъ войскъ, участіе, которое было главною причиною быстрого покоренія, конечно, въ совокупности съ войсками регулярными.

Кубанское казачье войско выставило въ составъ дѣйствовавшихъ отрядовъ отъ верховьевъ Лабы и Бѣлой до берега моря у Анапы, на пространствѣ около 500 верстъ, 24 полка отличной конницы, силою въ 20 тыс. всадниковъ, и 10 пѣшихъ пластунскихъ баталіоновъ, силою въ 10 тыс. пѣшкы, всего никакъ не менѣе 30 тыс., снабженныхъ не казною, а на свой счетъ, ударнымъ нарѣзнымъ оружіемъ. Всѣ эти части составляли въ тѣхъ-же отрядахъ авангарды, рекогносцировочныя колонны и развѣдочныя партіи, а также охраняли всѣ передовыя линіи цѣпью постовъ и пикетовъ; они шли постоянно впереди регулярныхъ войскъ, составлявшихъ главную силу, и ихъ нарѣзной огонь первый поражалъ непріятеля. А если къ этому добавить еще, что позади главныхъ нашихъ силъ тянулись безчисленныя волонны переселенческихъ транспортовъ тѣхъ же кубанскихъ казаковъ, для водворенія на показанныхъ мѣстахъ казачьихъ станицъ, закрѣпившихъ за нами очищенную отъ непріятеля страну, въ которой,

однако, горцы рыскали мелкими партіями во всѣхъ направле- нійхъ для нанесенія намъ возможнаго вреда,—то будетъ ясно, что не только войска регулярныя, не только строевыя казачьи части, но и все переселяемое населеніе несли огромнѣйшіе труды, лишенія и нужды на это покореніе страны,—о чемъ не можетъ имѣть яснаго понятія только тотъ, кто не видалъ всего этого на мѣстѣ и до котораго это дѣло вовсе не касалось.

По ходатайству графа Н. И. Евдокимова главнокомандовавшій Кавказскою арміею великій князь Михаилъ Николаевичъ, вѣр- ный цѣнитель этихъ трудовъ и жертвъ кубанскихъ казаковъ, исло- датайствовалъ высочайшее пожалованіе за покореніе западнаго Кавказа Кубанскому казачьему войску большаго Георгіевскаго знамени и 14 коннымъ полкамъ—Георгіевскихъ же полевыхъ знаменъ, что, какъ извѣстно, составляетъ высшую военную на- граду частямъ войскъ; всѣ прочіе полки и баталіоны получили другія соотвѣтственныя награды.

Извѣстно также, что въ концѣ втораго года военныхъ дѣй- ствій, когда абадзехи, изгнанные изъ верховьевъ Лабы и Бѣлой, и изъ долинъ между Черными горами и главнымъ хребтомъ, уви- дѣли, что за главными силами русскихъ войскъ тянутся безчис- ленные переселенческіе транспорты, которые и водворяются на прежнихъ, имъ принадлежавшихъ, мѣстахъ, они совершенно пали духомъ, а за ними: шалсуги, убыхи, бжедухи, натухайцы и прочіе. Всѣ эти народы поняли тогда, что для нихъ остается одно спасеніе — уходить въ Турцію. Они обратились къ графу Евдокимову съ просьбою: не препятствовать имъ переселяться въ Турцію. Графъ не только уважилъ эту просьбу, но и обѣщаль съ своей стороны полное къ тому содѣйствіе.

Съ этою цѣлію посланы были по всему побережью Чернаго моря разные агенты нанимать всѣ свободныя суда для перевозки горцевъ. Отправленіе ихъ пошло быстро, судовъ разныхъ типовъ, отъ пароходовъ до турецкихъ кочермъ, явилось множество; пере- селенцы горскіе отправлялись и въ Константинополь, и въ Си- нопъ, и въ Трапезондъ, наконецъ, приставали къ азіатскому берегу, гдѣ случалось, на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ.

Счетъ отправляющимся переселенцамъ хотя и былъ веденъ, но далеко не полный, такъ какъ горцы отправлялись и помимо

того на всѣхъ судахъ, какія только приставали къ нашимъ берегамъ.

Полагали въ то время приблизительно, что всѣхъ горцевъ переселилось въ Турцію болѣе 500 тыс. душъ обоого пола, изъ коихъ, надо полагать, пятая часть потонула въ Черномъ морѣ на турецкихъ кочермахъ, переполненныхъ переселенцами, и умерла отъ сильно распространившагося тифа.

Послѣ покоренія западнаго Кавказа, осталось въ Кубанской области всего горскаго населенія только 80 тыс. душъ обоого пола. Изъ нихъ давно поворныхъ абазинскаго и ногайскаго племени 40 тыс. въ Баталпашинскомъ уѣздѣ, поселенныхъ въ верховьяхъ Кубани и по рр. Большому и Малому Зеленчукамъ и Уруцу, а остальные 40 тыс., изъ вновь покоренныхъ абадзеховъ и другихъ племенъ, находятся въ Майкопскомъ и Закубанскомъ уѣздахъ. Все это горское населеніе вполне обезоружено и водворено между казачьими станицами; оно составляетъ въ общемъ народонаселеніи Кубанской области нынѣшняго времени, достигающемъ почти милліона душъ, едва $\frac{1}{12}$ часть и даже менѣе.

Съ 22-го по 24-е февраля 1864 года, Даховскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Геймана, совершилъ переходъ чрезъ главный хребетъ на южную сторону въ долину Туапсе и занялъ бывшее укрѣпленіе Вельяминовское, на берегу Чернаго моря. Здѣсь Гейманъ разбилъ нѣсколько партій убыховъ и шапсуговъ, которые затѣмъ покорились, и занялъ бывший фортъ Головинскій.

25-го марта 1864 г. Даховскій же отрядъ Геймана занялъ бывшее укрѣпленіе Навелинское при устьѣ р. Сочи, чѣмъ и кончились военныя дѣйствія.

21-го мая 1864 года въ устью р. Сочи, съ моря, на пароходѣ отъ Сухума, прибылъ главнокомандовавшій Кавказскою арміею великій князь Михаилъ Николаевичъ со свитою и съ частію войскъ, а съ сѣверной стороны главнаго хребта графъ Евдокимовъ; было совершено торжественное благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и всему храброму всероссійскому воинству и объявлено окончаніе Кавказской войны.

Въ концѣ іюня 1864 года въ Есентуви, въ 18 верстахъ отъ Пятигорска, гдѣ графъ Евдокимовъ пользовался есентуевскими минеральными водами, курьеръ доставилъ ему пожалованный по-

войнымъ императоромъ Александромъ II орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 2-й степени со звѣздою, при нижеслѣдующей высочайшей грамотѣ 15-го іюня того же года, изъ Киссингена.

„Нашему генералъ-адъютанту, генералу отъ инфантерій, начальнику Кубанской области и командующему войсками въ оной, графу Николаю Евдокимову.

„Представленное вами въ 1860 году и одобренное нами предположеніе о способѣ дѣйствій для скорѣйшаго окончанія войны на западномъ Кавказѣ увѣнчалось нынѣ блестятельнымъ успѣхомъ, превзошедшимъ даже ожиданія наши быстрымъ достиженіемъ дѣли, доказывающимъ основательность принятыхъ по соображеніямъ вашимъ мѣръ.

„Въ три года времени умиротворенный и совершенно очищенный отъ враждебнаго намъ туземнаго населенія западный Кавказъ, уже въ большей части своей, занятъ прочно водворенными русскими населеніями и долговременная кровопролитная война окончена, избавляя государство отъ огромныхъ жертвъ, въ теченіи полутора ста лѣтъ его обременявшихъ, и доставляя ему обширный и богатый край, который современемъ несомнѣнно съ избыткомъ вознаградитъ эти прежнія пожертвованія.

„Высокія заслуги ваши, оказанныя, какъ составленіемъ предположенія къ достиженію сей дѣли, такъ и отличнымъ исполненіемъ онаго, увѣнчавшимъ распорядительность вашу полнымъ успѣхомъ, а командуемая вами храбрая войска новою славою пріобрѣли вамъ право на особенную и искреннѣйшую нашу признательность.

„Въ изъявленіе оной и въ воздааніе вышеозначенныхъ заслугъ вашихъ, жалуюмъ васъ кавалеромъ императорскаго ордена нашего святаго великомученика и побѣдоносца Георгія второй степени, знака коего, при семъ препровождая, повѣщаемъ вамъ возложить на себя и носить по уставовленію. Пребываемъ въ вамъ императорскою нашею милостію навсегда благосклонны. Александръ.“

VII.

Окончивъ покореніе западнаго Кавказа, а съ нимъ и вѣковую кавказскую войну, графъ Н. И. Евдокимовъ, осенью 1864 г., отправился въ Петербургъ, чтобы имѣть счастье представиться благодѣтельствувавшему его незабвенному государю императору; былъ принятъ его величествомъ чрезвычайно милостиво и, согласно личной его просьбѣ, уволенъ на покой. Ему былъ предложенъ въ командованіе военный округъ, но онъ отъ всего отказался и выразилъ желаніе провести остатокъ жизни въ совершенномъ покоѣ. Графъ былъ пожалованъ шефомъ своего прежняго Дагестанскаго пѣхотнаго полка, который онъ самъ

сформировалъ, и назначенъ состоять при его императорскомъ высочествѣ главнокомандовавшемъ Кавказскою арміею. Н. И. Евдокимову было назначено содержаніе: пенсіи 10,000 руб. и жалованья со столовыми 8,000 р., всего 18,000 р.

У старыхъ хоперскихъ казаковъ есть пѣсни изъ временъ Кавказской войны:

Не сизм-то орлм
Сы-горъ солеталися,
Соѣзжалися князья горскіе
Въ княю Джембулатову...

Вѣсть объ удаленіи графа Евдокимова на покой быстро облетѣла весь сѣверный Кавказъ и вызвала всеобщее, искреннѣйшее, самое неподдѣльное, желаніе у всѣхъ устроить въ г. Ставрополѣ торжественный прощальный обѣдъ своему славному и доблестному предводителю Кавказскихъ войскъ.

Подобно „сизымъ-орламъ, сы-горъ солетавшимся“, еще до возвращенія графа изъ Петербурга недѣли за двѣ и болѣе, съѣхались въ Ставрополь всѣ рѣшительно военачальники славныхъ Кавказскихъ войскъ, сподвижники и сослуживцы графа, въ лицѣ дивизіонныхъ начальниковъ, бригадныхъ, полковыхъ, баталіонныхъ, батарейныхъ командировъ и прочихъ отдѣльныхъ начальниковъ, а съ ними отъ каждой части по 1 штабъ и по 2 оберъ-офицера и по нѣсколько челоувѣкъ унтеръ-офицеровъ, урядниковъ, рядовыхъ и казаковъ, все украшенныхъ георгіевскими крестами, такъ что однихъ частныхъ начальниковъ было до 100, а всѣхъ собравшихся не менѣе 400 генераловъ и офицеровъ и 1000 нижнихъ чиновъ.

30 декабря 1864 года графъ съ семействомъ возвратился изъ Петербурга въ Ставрополь. 2 января 1865 года состоялся торжественный обѣдъ въ залахъ городской думы, при чемъ за столами сѣло, съ приглашенными городскими гостями, не менѣе 600 особъ, а всѣмъ нижнимъ чинамъ были накрыты столы передъ домою городской думы въ палаточныхъ наметахъ. Всѣ были одѣты въ полную парадную форму съ эполетами, орденами, а генералы въ лентахъ и звѣздахъ. На временно устроенныхъ хорахъ было много городскихъ дамъ и другихъ зрителей. Два хора музыки играли во время стола. Все это, въ совокупности взятое, представляло самую торжественную, восхитительную картину. Послѣ

второго блюда начались торжественные тосты: первый, как всегда и вездѣ на всемъ обширѣйшемъ пространствѣ царства Русскаго, за драгоценное здоровье обожаемаго всѣми Монарха, освободившаго отъ рабства свой народъ и въ царствованіе котораго такъ счастливо кончилась полуторавѣковая война Кавказская. Второй за главнокомандовавшаго Кавказскою арміею, великаго князя Михаила Николаевича, съ достоинствомъ подвизавшагося на боевомъ поприщѣ при окончаніи войны. Оба эти тоста сопровождались и въ залахъ и на дворѣ продолжительными кликами „ура“ присутствовавшихъ за обѣдомъ, а также на хорахъ, передъ домомъ обѣдавшаго войска и собравшагося во множествѣ народа.

Настала очередь тоста за здоровье боеваго вождя кавказскихъ войскъ, графа Николая Ивановича Евдокимова. Водворилась полная тишина. Первую прекрасную, прочувствованную рѣчь, предварительно рассмотрѣнную и одобренную всѣми частными начальниками, произнесъ отъ имени всѣхъ войскъ — командиръ 1-й бригады Кубанскаго казачьяго войска полковникъ Зиссерманъ, самъ составитель этой рѣчи, извѣстный писатель и краснорѣчивый ораторъ. Когда онъ кончилъ и провозгласилъ торжественный тостъ за здоровье графа Евдокимова — восторженнымъ и продолжительнымъ кликамъ „ура“ не было конца.

На эту рѣчь графъ отвѣчалъ выраженіемъ глубокой и искренней признательности всѣмъ „слетѣвшимся сизымъ орламъ“, своимъ боевымъ храбрымъ сподвижникамъ, за оказанную ему высокую честь, благодарилъ отъ имени государя за вѣрную, честную и боевую службу и провозгласилъ торжественный тостъ за нихъ и за предводительствуемыя ими храбрыя Кавказскія войска здоровье. Тутъ кликамъ восторга не было предѣловъ! Затѣмъ послѣдовательно произносили рѣчи представители пѣхоты—этой основной нашей боевой силы, кавалеріи, регулярной и казачьей, и артиллеріи и даже, въ удивленію всѣхъ, произнесъ рѣчь представитель покорившихся горцевъ: онъ благодарилъ графа за дарованіе оставшимся на Кавказѣ его соотечественникамъ хорошихъ земель и полного спокойствія отъ долговременныхъ бранныхъ тревогъ. Коротко и умно.

Въ этотъ моментъ славный вождь Кавказскихъ войскъ графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ былъ въ апогеѣ его славы.

Имя его, по признанію самого монарха, озарилось ореоломъ величія боевыхъ его подвиговъ, и мы всё кавказцы, горячо любящіе свое отечество, вѣримъ глубоко, что это славное имя не будетъ никогда забыто въ памяти великаго русскаго народа и въ его историческихъ сказаніяхъ, доколѣ будетъ существовать на свѣтѣ этотъ могущественный народъ.

На другой день графъ далъ всёмъ бывшимъ на торжественномъ обѣдѣ балъ, продолжавшійся съ роскопнымъ ужиномъ и возобновившимися тостами и бурными кликами до 4-хъ часовъ утра. Затѣмъ всё распрощались съ своимъ славнымъ вождемъ и разъѣхались по своимъ мѣстамъ.

Такъ кончилъ свое боевое поприще кавказскій герой гр. Н. И. Евдокимовъ и такъ горячо и съ выраженіемъ самой глубочайшей и безпредѣльной къ нему преданности и признательности разстались съ нимъ его боевые сослуживцы и сподвижники — эти „сизые кавказскіе орлы“, память о которыхъ не умретъ никогда въ самомъ отдаленномъ потомствѣ.

Возможны ли были бы такіе единодушные, сердечные, никогда небывалые, можно сказать, историческіе проводы и прощаніе съ графомъ Евдокимовымъ всёхъ его сослуживцевъ, если бы они его глубоко не почитали? Въ этомъ блестящемъ сонмѣ кавказскихъ героевъ было не мало людей самостоятельныхъ, даровитыхъ, умныхъ и весьма образованныхъ. Слѣдовательно, никакого подобострастія въ этихъ проводахъ и тѣни не было, тѣмъ болѣе, что графъ возвратился изъ Петербурга частнымъ лицомъ, а не ихъ начальникомъ. Къ этому нужно добавить, что самъ авторъ Записокъ — отвѣтомъ на которыхъ служить настоящей очеркъ, глубоко уважаемый ветеранъ М. Я. Ольшевскій не только принималъ живое участіе въ этомъ прощальномъ обѣдѣ, но какъ старшій изъ генераловъ, по общей нашей просьбѣ, отъ имени всёхъ поднесъ графу Н. И. Евдокимову на память альбомъ съ фотографическими портретами всёхъ частныхъ начальниковъ, а въ томъ числѣ и свой собственный. Этотъ альбомъ графиня Александра Александровна Евдокимова подарила кавказскому музею въ Тифлисѣ.

Спустя 8 лѣтъ, проведенныхъ болѣею частію въ полномъ уединеніи около г. Пятигорска, въ устроенномъ имъ хуторѣ, названномъ „Новый Ведень“, на пожалованной ему землѣ, ниже

Желѣзноводска, — славный кавказскій герой, графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, скончался въ Пятигорскѣ 22 мая 1873 года. Онъ погребенъ съ подобающими воинскими почестями, подлѣ соборнаго городского храма, стоящаго на холмѣ, у начала городского бульвара, ведущаго къ пятигорскимъ минеральнымъ источникамъ. На его могилѣ супруга его, вдова графиня Александра Александровна, поставила прекрасный памятникъ, въ формѣ небольшой часовни, изъ сѣраго кавказскаго гранита; внутри его на восточной сторонѣ поставленъ въ золоченой рамѣ образъ Спасителя, предъ которымъ горитъ неугасаемая лампада, а на гранитной тумбѣ стоитъ мраморный грудной бюстъ покойнаго героя, очень схожій съ своимъ подлинникомъ; все это выполнено вполне художественно.

Въ юнѣ 1873 года прибылъ въ Пятигорскъ главнокомандовавшая Кавказскою арміею великій князь Михаилъ Николаевичъ. Въ то время подъ городомъ былъ лагерный сборъ всѣхъ четырехъ полковъ 38 пѣхотной дивизіи, съ шестью артиллерійскими батареями, двухъ драгунскихъ и одного казачьяго полковъ. На другой день своего пріѣзда великій князь отслужилъ панихиду на могилѣ покойнаго графа, на которой были всѣ генералы и частные начальники въ полной парадной формѣ, а также отъ всѣхъ частей войскъ по 1 штабъ-офицеру и по 2 оберъ-офицера, по 1 унтеръ-офицеру и по два рядовыхъ. По окончаніи панихиды его императорское высочество удостоилъ своимъ посѣщеніемъ графиню Александру Александровну Евдокимову, съ которою долго бесѣдовалъ.

Вслѣдъ за этимъ, во всѣхъ народныхъ календаряхъ, начиная съ 1874 года, въ числѣ скончавшихся замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, за май мѣсяць, между знаменитымъ историкомъ Карамзинымъ и краснорѣчивѣйшимъ духовнымъ витіемъ Иннокентіемъ, архіепископомъ Херсонскимъ, появилось новое имя: „Евдокимовъ, графъ, † 1873 года, покоритель Кавказа“. Коротко и ясно.

Въ заключеніе моего отвѣта, приведу свидѣтельство одного высокопоставленнаго лица, игравшаго въ свое время важную роль на Кавказѣ. Генералъ отъ инфантеріи Григорій Ивановичъ Филипсонъ, считавшійся въ свое время однимъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба и бывшій человекомъ дѣй-

ствительно высоких нравственных качествъ, находившійся въ послѣднее время съ графомъ, какъ извѣстно, въ холодныхъ отношеніяхъ, изъ-за критики послѣднимъ его проекта о покореніи западнаго Кавказа,—въ своихъ Запискахъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1883 годъ, отдавъ должную дань справедливости важнымъ заслугамъ графа Евдокимова, признался откровенно, что если бы ему, Филипсону, было поручено покореніе западнаго Кавказа, онъ никогда бы не могъ такъ быстро и съ такими рѣшительными и блистательными результатами этого выполнить, какъ сдѣлалъ то графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ.

VIII.

Сказанія современниковъ о графѣ Евдокимовѣ, игравшемъ такую выдающуюся роль въ покореніи сѣвернаго Кавказа, объ этомъ „золотомъ самородкѣ“, какъ очень мѣтко называлъ его кн. А. И. Барятинскій, начинаютъ появляться въ печати. Кромѣ статьи генерала Ольшевскаго въ „Русской Старинѣ“ 1880 года, въ февральской книгѣ, на которую я далъ, смѣю думать, весьма обстоятельный отвѣтъ въ первыхъ главахъ моей статьи,—находящійся въ отставкѣ полковникъ Зиссерманъ напечаталъ въ 5 и 6 тетрадахъ 1884 года и въ 1 и 2 тетрадахъ 1886 года сборника „Русскій Архивъ“, а также въ составленной имъ исторіи Кабардинскаго пѣхотнаго полка—свои воспоминанія. Все это во многомъ, какъ и статья генер. отъ инфантеріи Ольшевскаго, въ сожалѣнію, не отличается ни безпристрастіемъ, ни вѣрностію изложенія событій того времени и не даетъ, поэтому, цѣннаго матеріала для исторической правды относительно покойнаго кавказскаго героя ¹⁾).

...Извѣстно на Кавказѣ всѣмъ, что на изъявленную генералу Филипсону, въ 1859 году, покорность абадзеховъ, присягнувшихъ будто бы на вѣчное подданство нашему государю и подписав-

¹⁾ Мы опускаемъ далѣе изъ статьи г. Кравцова нѣсколько страницъ, включающихъ въ себѣ обзоръ служебной дѣятельности г. Зиссермана на Кавказѣ и характеристику его „Воспоминаній“. За И. С. Кравцовымъ остается право напечатать пропущенныя нами страницы въ томъ случаѣ, если разгорится у него полемика съ г. Зиссерманомъ. Ред.

шихся на присяжномъ листѣ, смотрѣли всѣ, а въ томъ числѣ и князь Барятинскій, съ полнымъ недоумѣемъ. Напротивъ, г. Зиссерманъ, въ примѣчаніи своемъ на посмертныя записки Филипсона, которыя поручала ему редакція „Русскаго Архива“ разсмотрѣть какъ компетентному судѣ кавказскихъ дѣлъ (какое заблужденіе!), выразилъ мнѣніе, въ ущербъ своему благодѣтелю графу Евдокимову, будто повореніемъ помянутаго народа были достигнуты важные результаты на западномъ Кавказѣ (какіе?), значительно облегчившіе его окончательное повореніе (въ чемъ?). Мнѣніе это вполне ошибочное, потому что г. Зиссерманъ мало служилъ въ Кубанской области и еще менѣе зналъ характеръ здѣшнихъ горцевъ, а всѣ свои умозаключенія основывалъ преимущественно на изученіи громкихъ реляцій на бумагѣ. Если бы правдивый Филипсонъ довелъ свои интересныя записки, прерванныя, въ прискорбію, внезапною его смертію, до этого времени, онъ навѣрное сказалъ бы самъ другое, какъ было дѣло. Не смотря на то, что главныя лица получили за это повореніе крупныя награды, никто, однако, не придавалъ этой покорности и присягѣ никакого серіознаго значенія. На то были весьма важныя и основательныя причины.

Въ 1847 году абадзехи изъявляли подобную же покорность и точно также присягали командовавшему тогда войсками генералу Заводовскому. И тогда Заводовскій съ подчиненными получили награды. Но абадзехи, съ своими союзниками, вскорѣ отложились и стали попрежнему воевать съ нами. Еще гораздо ранѣе они входили не разъ въ подобное же соглашеніе съ генераломъ Зассомъ и тоже измѣняли. Да иначе и быть не могло. Абадзехи всегда выставляли съ своей стороны два главныхъ условія: 1) чтобъ мы не ставили въ ихъ земляхъ крѣпостей съ нашими гарнизонами, и 2) чтобъ мы не вводили среди ихъ нашего управленія. Этыхъ условій, какъ само собою понятно, мы никогда и ни въ какомъ случаѣ принять не могли, хотя по наружности и принимали покорность абадзеховъ, какъ необходимый роздыхъ для своихъ утомленныхъ войскъ и хотя для временнаго спокойствія отъ набѣговъ горцевъ на наши передовыя линіи. Мы не могли имѣть союзниками такой многочисленный, воинственный и съ характеромъ крайне непостояннымъ народъ, владѣвшій при томъ на большомъ пространствѣ берегомъ Чернаго моря, ибо

это значило бы держать постоянно весь Кавказъ во всегдашнемъ напряженномъ и опасномъ положеніи. Между тѣмъ, приведенныя выше два условія были заявлены и при послѣдней покорности генералу Филипсону, а слѣдовательно такая покорность теряла всякое практическое для насъ значеніе. Можетъ быть, что эти условія не были включены въ присяжный листъ или были отвергнуты генераломъ Филипсономъ; но даже и при включеніи ихъ въ этотъ документъ, покорность горцевъ не могла отъ того сдѣлаться ни болѣе твердою, ни отличатся большимъ, чѣмъ прежде, постоянствомъ, котораго они никогда не проявляли. Генераль Есаковъ, бывшій тогда въ отрядѣ Филипсона, удостоивряетъ въ слѣдующемъ:

— „Я присутствовалъ при этихъ переговорахъ. Командовавшій войсками генераль Филипсонъ категорически объявилъ абадзехамъ, что вѣрности будутъ строиться гдѣ надобность уважать, но станицъ на ихъ землѣ селить не будутъ и, при этомъ, разъяснялъ имъ, что вѣрность, по минованіи надобности, можетъ быть упразднена, а станица всегда пускаетъ корни на вѣки“.

Изъ этого г. Есаковъ справедливо заключаетъ, что тогда еще не было говорено въ высшихъ сферахъ о заселеніи Залабинскаго края, или же оно скрывалось, чтобы имѣть вой-кавой отдыхъ войскамъ, какъ говорю я.

Въ своемъ планѣ о покореніи западнаго Кавказа, приведенномъ мною въ первыхъ главахъ моей статьи, Филипсонъ называетъ прежнюю покорность абадзеховъ въ 1847 году при Заводовскомъ грубымъ обманомъ. Но и покорность, ему принесенная спустя 12 лѣтъ, оказалась не болѣе искренною и твердою, а потому она и не привела ни къ чему полезному. Наконецъ, должно сказать еще, что если бы абадзехи, съ своими союзниками, дѣйствительно покорились на вѣчныя времена, а не маскировали это, какъ вскорѣ обнаружилось, тогда зачѣмъ потребовалось предпринимать покореніе ихъ графомъ Евдокимовымъ?

Подобно М. Я. Ольшевскому, но гораздо рѣшительнѣе, г. Зиссерманъ усиливается довазатъ мнимую основательность своихъ личныхъ разсужденій, вносящихся къ значительному умаленію заслугъ графа Евдокимова тѣмъ, что будто бы онъ дѣйствовалъ при покореніи западнаго Кавказа по какимъ-то старымъ проектамъ, другими лицами составленными еще въ 1857 году; что ни

мысль о выселеніи черкесовъ и колонизаціи этого края казачьимъ населеніемъ, ни даже самая система дѣйствій, къ этой цѣли направленная, не принадлежала Евдокимову и что все это было выработано за пять лѣтъ до назначенія его въ Кубанскую область. И это свое мнѣніе г. Зиссерманъ основываетъ, главнымъ образомъ, на изученіи имъ какихъ-то бумажныхъ фактовъ, а не на живомъ дѣлѣ¹⁾. При этомъ онъ вовсе умалчиваетъ о приведенныхъ мною въ первыхъ главахъ статьи двухъ высочайшихъ грамотахъ, въ которыхъ самъ покойный государь, въ выраженіяхъ самыхъ милостивыхъ, призналъ вполне важныя заслуги графа Евдокимова по покоренію всего сѣвернаго Кавказа.

Г. Зиссерманъ говоритъ, что проектъ о переселеніи казаковъ былъ составленъ графомъ Евдокимовымъ будто въ 1860 году, когда его еще не было въ Кубанской области, и доложенъ лично князю Барятинскому въ Тифлисѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было.

Не угодно ли теперь посмотрѣть, какая путаница происходитъ въ доказательствахъ г. Зиссермана. Выше онъ сказалъ, что даже мысль о колонизаціи западнаго Кавказа не принадлежала графу; въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ напротивъ, что проектъ о переселеніи казаковъ былъ составленъ Евдокимовымъ и доложенъ лично въ Тифлисѣ въ 1860 году. Путаница эта произошла отъ того, что все это составляетъ не болѣе, какъ вымыселъ автора.

Я вовсе не отвергаю существованія проекта 1857 года. Напротивъ, мнѣ не менѣе, чѣмъ г. Зиссерману, извѣстно, что въ то время писалось много подобныхъ проектовъ не только такими лицами, на которыхъ г. Зиссерманъ указываетъ, или какъ генералъ Филипсонъ, бывший, при всемъ его высочайшемъ умѣ, большимъ охотникомъ до такихъ проектовъ, но даже младшими лицами. Если бы, напримѣръ, генералу Филипсону дали волю, онъ, не долго думая, все гражданское населеніе на Кавказѣ превратилъ бы тогда же въ пѣшіе баталіоны. Это была его идея самая любимая, какъ это впрочемъ подтверждаетъ онъ и въ своихъ запискахъ, и, надо прибавить, сознаваемая даже въ то время другими, самая непрактичная идея. Не будь князь Воронцовъ, въ счастью, такъ устойчивъ въ своихъ взглядахъ на дѣло граж-

¹⁾ „Исторія Кабардинскаго пѣхотнаго полка“, т. III, стр. 372 и 433.

данственности вообще и на необходимость развитія ея на Кавказѣ въ особенности, мы навѣрное были бы свидѣтелями новаго превращенія гражданскаго населенія въ такое военное поселеніе, которое не далеко бы ушло отъ аравчеевскихъ. Вотъ каковы были вообще всѣ подобные проекты.

Такою же практичностью отличалась и большая часть проектовъ о покореніи Кавказа, какъ показало время и какъ примѣры тому я привелъ въ предыдущихъ главахъ моей статьи. Къ числу этихъ проектовъ должно отнести и тотъ проектъ 1857 года, на который такъ рѣшительно и вполне неосновательно опирается г. Зиссерманъ. Проектъ этотъ могъ ли отличаться вѣрностію, когда онъ былъ составленъ еще за два года до покоренія восточнаго Кавказа и плѣненія Шамиля, и при томъ составленъ лицами хотя и высокостоявшими у власти, но лично вовсе не знавшими западнаго Кавказа? Кто могъ предсказать, что покореніе восточнаго Кавказа совершится навѣрное? Развѣ Воронцовъ съ меньшею увѣренностію шелъ въ Дарго и что же изъ этого вышло? Но и съ практической стороны не большею вѣрностію отличался этотъ проектъ, предлагавшій: „всѣ плоскости и самыя лучшія мѣста въ Закубанскомъ и Залабинскомъ краѣ“ (шуточное дѣло!), упитанныя обильно русскою кровію и занятія частію уже прочно нашими казачьими поселеніями— „отдать полумилліонному враждебному намъ горскому населенію, а всѣхъ казаковъ поселить по обоимъ бесплоднымъ скатамъ кавказскаго хребта“, гдѣ даже въ близкихъ предгоріяхъ не созрѣваетъ никакой хлѣбъ, и изъ коихъ южный склонъ въ Черному морю отличается вообще большою крутизною, покрытою непроницаемымъ лѣсомъ, переплетеннымъ дикимъ виноградомъ и другими вьющимися растеніями, а также имѣетъ много глубочайшихъ крутыхъ балокъ и водомоинъ, гдѣ даже донныя нѣтъ никакихъ дорогъ. Хорошую же участь готовили бѣднымъ казакамъ за ихъ самоотверженную службу и всевозможныя лишенія. Вѣдь подобными планами, если бы стали приводить ихъ въ исполненіе, могли заварить въ Закубанскомъ краѣ такую кашу, которая оказалась бы гораздо круче отказа хоперскихъ и черноморскихъ казаковъ идти на переселеніе безъ воли царской, описаннаго въ третьей главѣ моего очерка по поводу составленнаго Филипсономъ такого же „практичнаго плана“.

Нѣтъ, я полагаю, что объ этихъ планахъ лучше ужъ теперѣ

молчать, чѣмъ хвалить ихъ, да еще не въ мѣру, какъ это дѣлаетъ г. Зиссерманъ.

Въ своемъ сочиненіи, указанномъ выше въ примѣчаніи, г. Зиссерманъ сказалъ, что „ни мысль о выселеніи черкесовъ и колонизаціи этого края, ни даже самая система дѣйствій, въ этой цѣли направленныхъ, не принадлежали графу Евдокимову, и что онѣ были выработаны за пять лѣтъ до назначенія графа въ Кубанскую область“.

Все это чистѣйшій вымыселъ автора.

Мысль о заселеніи Кавказа русскимъ населеніемъ также стара. какъ и самое начало этой войны, восходящее къ царствованію Іоанна Грознаго, назадъ тому три вѣка. Первоначально поселены были въ двухъ давно исчезнувшихъ городкахъ на р. Терекѣ, называвшихся Терки, стрѣльцы и казаки городовые и вольные, потомки которыхъ составляетъ до нынѣ Кизлярско-Гребенской полкъ. При Петрѣ Великомъ занята была на р. Сулакѣ крѣпость св. Креста и поселено въ нѣсколькихъ казачьихъ городкахъ 1,000 семействъ донскихъ казаковъ. При Аннѣ Іоанновнѣ крѣпость на Сулакѣ и прибрежныя къ Каспійскому морю покоренныя нами персидскія провинціи, по случаю чрезвычайно вреднаго климата и значительной смертности войска и народа, были отданы обратно Персіи, а гарнизонъ и все казачье населеніе сведены на лѣвый берегъ Терека, гдѣ и были водворены первый въ новопостроенной крѣпости Кизлярѣ, а послѣднее въ пяти станицахъ, изъ коихъ одна ниже Кизлара на устьѣ рѣки, а прочія вверхъ по ней. Въ царствованіе Екатерины Великой заселеніе Кавказа получило громадныя размѣры. По ея повелѣнію, въ 1763 году, колонизація наша двинулась вверхъ по Тереку отъ Гребенскихъ городковъ (станіцъ), переселившихся изъ горъ на лѣвую сторону этой рѣки еще въ 1711 году, до Моздока, и на этомъ пространствѣ водворено было шесть станицъ изъ переселенныхъ съ Волги 517 семействъ казаковъ, да съ Дона 100 семействъ и обращенной въ казаки же Моздокской легионной команды въ числѣ 335 нижнихъ чиновъ. Изъ этихъ поселеній образовался Моздокскій казачій полкъ. При этомъ самый Моздокъ былъ устроенъ и возведенъ на степень города съ крѣпостью. Въ 1775 году, по проекту князя Потемкина, утвержденному Екатериной II, занята линія Моздокская отъ г. Моз-

дока, чрезъ нынѣшній г. Ставрополь, на пространствѣ 500 верстѣ, до границы Донской у р. Средняго-Егорлыка, гдѣ были уже сторожевые посты войска Донскаго. На этой линіи поселены переселенные, опять таки съ Волги и Хопра, волжскіе и хоперскіе казаки, составившіе два казачьихъ полка. Въ 1785 году Екатерина II повелѣла: отъ г. Царицына до Кавказской линіи по степи, и отъ линіи Азовской до Черкасса стараго, стоявшаго на островѣ между рѣками Дономъ и Аксаемъ, построить почтовые дворы и приложить стараніе о заселеніи тѣхъ дорогъ, полагая одну станцію отъ другой отъ 15 до 30 верстѣ, а для безопасности селеній обносить ихъ земляными укрѣпленіями. Вслѣдъ за тѣмъ, на протяженіи всей этой Азовской линіи, позади и параллельно съ нею вачиналась и росла быстро русская гражданская колонизація. Въ 1792 году поселены съ Дона кубанскіе казаки, отъ Усть-Лабы, вверхъ по Кубани, чрезъ Прочный-окопъ до Темнаго лѣса и далѣе до редута Воровсколѣснаго, въ числѣ 1,000 семействъ, и составили Кубанскій казачій полкъ. Въ томъ же году переселены съ береговъ Днѣпра и Буга запорожцы на Таманскій полуостровъ и образовали изъ себя уже цѣлое Черноморское казачье войско, отъ устья Лабы, внизъ по Кубани до впаденія ея въ море, въ числѣ 40 куреней или станицъ. Въ то же самое время, Суворовъ устроилъ все теченіе Кубани, до верховьевъ ея у Баталпашинска, цѣпью укрѣпленій и сильныхъ постовъ, подготавливая мѣста для будущей колонизаціи.

Итакъ, вотъ что сдѣлано было въ одно царствованіе Екатерины ея славными полководцами и государственными дѣятелями Потемкинымъ и Суворовымъ. Все это очень хорошо знали и двигали въ томъ же направленіи кавказскія дѣла преемники ихъ по управленію этимъ краемъ, изъ коихъ ближайшіе въ нашему времени были: Ермоловъ, Паскевичъ, Розенъ, Головинъ, Нейдгартъ, Воронцовъ, Муравьевъ, Барятинскій и великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Изъ нихъ въ смыслѣ дальнѣйшаго движенія русской колонизаціи дѣйствовали: Ермоловъ—переселившій съ Азовской линіи Хоперскій полкъ на Кубань и Куму, а Волгскій полкъ на Малку и Подкумокъ, Головинъ — положившій начало Лабинской линіи за Кубанью, Воронцовъ — заселившій военно-гру-

зинскую дорогу и Сунженскую линію; въ началѣ управленія кн. Барятинскаго — занята Урупская линія и при немъ же была начата, а при великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ совершена графомъ Евдокимовымъ, въ три года, самая огромнѣйшая и послѣдняя колонизація, простиравшаяся до 90 станицъ и поселковъ и 16,000 семействъ переселенцевъ, преимущественно изъ казаковъ и частію гражданскаго населенія и женатыхъ нижнихъ чиновъ.

Итакъ, кому же приписать мысль о колонизаціи западнаго Кавказа?

Очевидно, приписать ее исключительно кому-либо нельзя, потому что всѣ дѣйствовали подъ неотразимымъ вліяніемъ той исторической необходимости, которая вынудила Россію дѣйствовать наступательно для завоеванія и упроченія за собою всего Кавказскаго перешейка, между Чернымъ и Каспійскимъ морями, имѣющаго политическую и при томъ мировую важность для безопасности нашего обширнаго отечества. Оцѣнка этого великаго событія, по справедливому замѣчанію генерала Филипсона, въ его посмертныхъ Запискахъ, еще вперед!..

Я уже доказалъ выше и подробно, въ первыхъ главахъ моей статьи, что мысль объ изгнаніи черкесовъ въ Турцію принадлежала графу Евдокимову и никому болѣе, что онъ самъ выполнилъ ее въ точности и о чемъ тоже упоминается въ приведенной мною выше высочайшей грамотѣ.

Я не спорю, что можетъ быть кто-нибудь писалъ объ этомъ и ранѣе Евдокимова; охотниковъ до проектовъ во то время было много. Но графъ Евдокимовъ не только составлялъ объ этомъ свое предположеніе, одобренное самимъ государемъ Александромъ II, но и привелъ его въ точное исполненіе.

А въ этомъ и заключалась вся суть дѣла.

Говорили, что князю Барятинскому и графу Евдокимову даны были огромныя средства для покоренія Кавказа.

Это правда.

Но спрашивается, что бы сдѣлалъ съ этими средствами Филипсонъ на западномъ Кавказѣ, судя по его плану, заключительныя слова котораго приведены мною выше? Онъ началъ бы при покореніи горцевъ проводить гуманныя мѣры, какъ самъ говоритъ, а именно: лаской и заботами объ ихъ благосостояніи,

устраненіемъ рѣзкихъ нововведеній, дозволеніемъ свободныхъ поѣздокъ въ Турцію (удивительно! какъ это Филипсонъ, при его умѣ, не сознавалъ огромнаго вреда для Россіи отъ этихъ сношеній?) и надѣялся бы на время и привычку къ поворотности... Все это, какъ всякій даже и не военный читатель пойметъ, сулило очень долгую пѣсню; все это сопровождалось бы краснорѣчивыми реляціями въ родѣ тѣхъ, какими при императорѣ Николаѣ Павловичѣ морочилъ Петербургъ Раевскій съ Черноморской береговой линіи, какъ это описано въ Запискахъ самого же Филипсона, а дѣла оставались бы въ прежнемъ положеніи. Нѣтъ, нуженъ былъ рѣшительный и энергическій полководецъ, и его нашелъ князь Барятинскій въ лицѣ графа Евдокимова, блистательно оправдавшаго надежды императора Александра II и всей Россіи.

Что касается того, будто даже самая система дѣйствій, къ этой цѣли направленныхъ, т. е. къ заселенію края, не принадлежала графу Евдокимову, а была выработана за пять лѣтъ до назначенія его въ Кубанскую область, — то мнѣ остается, послѣ всего вышеназложеннаго, въ опроверженіе этихъ вымысловъ, только указать на эту выработанную систему, изложенную въ 3-й главѣ моего очерка, а также на то, какіе она дала результаты, почему была оставлена и замѣнена графомъ Евдокимовымъ, съ высочайшаго одобренія, другою системою, правда не новою, а практиковавшеюся до него 20 лѣтъ, но значительно видоизмѣненною имъ къ лучшему облегченію колонизаціи, а потому и давшею самыя быстрые и блистательныя результаты, отъ которыхъ самъ покойный Государь былъ въ восторгѣ.

Не лишнимъ будетъ разъяснить, что выше указанная новая система дѣйствій, направленная къ быстрой колонизаціи западнаго Кавказа, вполнѣ извѣстна была г. Зиссерману, потому что въ его командованіе 1-ю бригадою Кубанскаго казачьяго войска онъ же самъ приводилъ ее въ исполненіе назначеніемъ и отправленіемъ казачьихъ семействъ на переселеніе, точно также какъ и высочайшій рескриптъ, предварительно одобрившій эту систему, о коемъ я упоминалъ еще въ первыхъ главахъ моей статьи, былъ предъ глазами г. Зиссермана, потому что печатные экземпляры его были разосланы во всѣ полковыя и станичныя управления

для обнародованія всему населенію. Какъ же онъ рѣшается теперь говорить, что все это принадлежало другимъ лицамъ?

Съ необыкновенною развязностію низведя графа Евдокимова на степень простаго исполнителя какихъ-то чужихъ плановъ и обозвавъ его, безъ дальней церемоніи, человѣкомъ будто бы безъ всякаго образованія, происходящимъ изъ солдатскихъ дѣтей и даже хамомъ (слова г. Зиссермана!), авторъ вдругъ переходитъ въ сильный хвалебный, очевидно напускной, тонъ, выразивъ его такъ: „онъ былъ только геніальный, энергически непреклонный исполнитель и организаторъ подробностей выполненія чужаго плана“. Все это чистѣйшая фантазія, чтобы не сказать болѣе...

Странно, что г. Зиссерманъ геніальнымъ человѣкомъ называетъ того, кто по его же собственному опредѣленію былъ не болѣе, какъ простой исполнитель чужихъ плановъ. Геніальные люди всѣ, сколько ихъ не было на свѣтѣ, дѣйствовали самостоятельно, по личной инициативѣ. Евдокимовъ не былъ геній, но своею быстрою системою горной войны, давшей поразительно-блестательные результаты, привелъ въ восторгъ всю Россію; это былъ дѣйствительно великій русскій полководецъ своего времени, слава царствованія Александра II, „золотой самородокъ“, какъ мѣтко назвалъ его князь Барятинскій.

Упомянутая система горной войны заключалась, какъ всѣмъ старымъ кавказцамъ извѣстно, въ проложеніи чрезъ дремучіе лѣса, покрывавшіе предгоріе главнаго хребта и подступы въ нимъ, просѣкъ широкихъ, разработѣвъ дорогъ, освѣщеніи горныхъ трупцобъ и затѣмъ колонизаціи занятыхъ нами мѣстъ. Эту систему не Евдокимовъ выдумалъ; она являлась въ нашихъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ временно еще тогда, когда онъ былъ штабъ-офицеромъ. Но онъ ее усвоилъ и развилъ вполне, призналъ единственнымъ средствомъ въ покоренію Кавказа, до того, что не разъ говаривалъ, что для покоренія края нужны топоры и лопаты, потому что горцы никогда не могли стоять твердо противъ нашихъ войскъ въ открытомъ бою, за то въ своихъ горныхъ трупцобахъ, закрытыхъ лѣсами, они были опаснымъ для насъ непріателемъ и неоднократно наносили нашимъ войскамъ страшныя пораженія. Эта система, правда, была чрезвычайно обременительна для физическихъ силъ войскъ своими огромными работами и приводила ихъ въ большое изнуреніе, но другаго

средства не было, чтобъ войска могли свободно и безопасно проникать до жилищъ горцевъ и вытѣснять ихъ изъ оныхъ, или заставлятъ покориться безусловно.

Вполнѣ справедливо также и то, что повореніе графомъ Евдокимовымъ восточнаго Кавказа по плану князя Барятинскаго, составленному при участіи Евдокимова, а западнаго Кавказа по собственному своему плану—имѣло для Россіи великое міровое значеніе, что и не замедлило выразиться покореніемъ вскорѣ средней Азіи и дальнѣйшимъ туда движеніемъ, возбудившимъ зависть въ западной Европѣ и всполошившимъ Англію...

Вотъ почему очень умный генералъ Филипсонъ и сказалъ пророчески, что оцѣнка этого великаго событія — еще впереди! Онъ же самъ сознался, что если-бъ ему поручено было повореніе западнаго Кавказа, онъ никогда не выполнилъ бы этого такъ быстро и съ такими рѣшительными результатами, какъ достигъ того графъ Евдокимовъ. Все это доказываетъ, что Евдокимовъ обладалъ дѣйствительно свѣтлымъ, проницательнымъ природнымъ умомъ въ военномъ дѣлѣ, а прагматическою школою ему послужила продолжительная боевая служба его въ той же Кавказской войнѣ, причемъ онъ вполнѣ имѣлъ возможность изучить какъ сильныя, такъ и слабыя стороны всѣхъ горскихъ народовъ, боровшихся съ Россіею, а когда настало его время, порѣшилъ эту вѣховую войну безповоротно въ пять лѣтъ, тогда какъ до него, со времени Екатерины Великой, борьба тянулась сотню лѣтъ...

Перейду въ разсмотрѣнію сдѣланной г. Зиссерманомъ характеристики графа Евдокимова съ нравственной стороны.

IX.

На стр. 49 пятой тетради „Русскаго Архива“ 1884 г., приведу разсказъ М. И. Венюкова о постройкѣ какого-то моста не на мѣстѣ, яко-бы съ цѣлю предоставить выгоды инженерамъ, г. Зиссерманъ говоритъ: „все это остроуы: ремонтъ такого моста слишкомъ ничтожная работа, чтобъ соблазнить инженеровъ, имѣвшихъ другіе случаи пожирѣе для наживы, а самъ графъ Евдокимовъ, при желаніи, могъ положить себѣ въ карманъ достаточно казенныхъ денегъ и безъ такихъ не хитрыхъ измышленій. Онъ

это дѣйствительно и дѣлалъ — (это говорить г. Зиссерманъ), не составляя почти исключенія изъ всей плеяды превосходительныхъ отцовъ-командировъ; но только о немъ кричали больше, чѣмъ о другихъ; еще болѣе не прощали его дѣйствительно замѣчательныхъ способностей и несомнѣнно важныхъ заслугъ, столицею окулавшихъ тѣ десятки или сотни тысячъ казенныхъ денегъ, которыя онъ себѣ присвоилъ“.

На стр. 429, кн. 6, 1884 г. „Русскаго Архива“ г. Зиссерманъ продолжаетъ: „Если Евдокимовъ, предположимъ, пользовался за всю свою службу миллиономъ рублей (а въ выносѣ сказано: „въ дѣйствительности я не думаю, чтобы онъ хватилъ и половину милліона“), то, благодаря ему, окончаніе Кавказской войны даже однимъ годомъ ранѣе уже принесло намъ десять милліоновъ сбереженія“.

Нѣтъ, г. Зиссерманъ, не однимъ годомъ ранѣе кончилъ Евдокимовъ войну, которой и конца никто предвидѣть не могъ, а кладите на это прямо добрый десятокъ лѣтъ, а то, пожалуй, и болѣе, судя по приведенному мною выше плану Филипсона, считавшагося тогда на Кавказѣ лучшимъ генераломъ въ военномъ смыслѣ, да и это еще подлежало большому сомнѣнію. А если все это такъ, если Евдокимовъ избавилъ Россію отъ продолженія нескончаемой войны, отъ новыхъ потерь войсками и отъ расходовъ милліоновъ на двѣсти, то изъ-за чего же вы, г. Зиссерманъ, распинаетесь? Изъ-за чистоты нравственной? Но объ этомъ разсуждать вамъ уже вовсе не подобаешь....

Чѣмъ же г. Зиссерманъ подтверждаетъ вышеннеложенныя, столь тяжкія, обвиненія противъ графа Евдокимова?

Да рѣшительно ни чѣмъ.

Въ своихъ сказаніяхъ г. Зиссерманъ приводитъ фактъ, вполнѣ идущій въ разрѣзъ съ его же обвиненіями, а именно, что въ бытность въ Пятигорскѣ на водахъ узналъ, что графъ испытываетъ денежные затрудненія. Какъ же согласить все это, т. е. обвиненіе въ накопленіи большихъ капиталовъ и почти вслѣдъ за тѣмъ денежные затрудненія? И такъ, все это отзывается голословнымъ вымысломъ.

Въ одномъ изъ своихъ разсужденій относительно службы графа еще въ молодые годы въ Дагестанѣ, а потомъ во время командованія правымъ флангомъ Кавказской линіи, г. Зиссер-

манъ вторить г. Ольшевскому, выражаясь такъ, что „Евдокимовъ еще въ молодые годы началъ запускать руки въ казенный карманъ“. Любопытно знать: откуда это извѣстно автору, не бывшему тогда не только на Кавказѣ, но и на службѣ? А относительно праваго фланга, гдѣ опять-таки г. Зиссерманъ вовсе тогда не былъ, говорить, что запусканіе рукъ относилось вѣроятно (т. е. какъ же это вѣроятно?) все къ той же милиціи, какъ и на лѣвомъ флангѣ, къ постройкѣ мостовъ, къ заготовленію сѣна для зимнихъ экспедицій и проч. Противъ этого я могу сказать утвердительно, что все это неправда. Въ первыхъ главахъ моей статьи я далъ уже на это обстоятельный отвѣтъ г. Ольшевскому, а потому и не считаю нужнымъ повторять его г. Зиссерману, такъ какъ онъ сочиняетъ подобные рассказы съ чужаго голоса.

Что касается того, что графъ Евдокимовъ будто бы на правомъ флангѣ не пользовался сочувствіемъ и расположеніемъ подчиненныхъ, то и этого г. Зиссерманъ, какъ не бывший тогда вовсе на этомъ флангѣ, знать не могъ и говорить опять-таки неправду. Далѣе продолжаетъ:

„о немъ сочинялись анекдоты, принимавшіеся многими на вѣру и затѣмъ передавались уже какъ факты; вездѣ эти рассказы вызывали и смѣхъ, и злорадство, и презрѣніе, смотря по слушателямъ; а защитниковъ не являлось ни откуда. Чему же приписать такіа злорадображдебныя, презрительныя отношенія къ Евдокимову? Во первыхъ, низкое происхожденіе (высочка), что почти никогда не прощается людямъ, особенно если они своими талантами выдѣляются изъ толпы“. Далѣе: „потому и Евдокимову—вантонясту, хаму, не прощались ни его титулъ, ни его извѣстность“.

Все это, снова повторю я, составляетъ собственное сочиненіе г. Зиссермана, т. е. полнѣйшую неправду.

Не сочувствовали Евдокимову, правда, только такіе господа, какъ панъ Едлинскій, именно въ то время служившій на Лабинской линіи, гдѣ онъ командовалъ казачьимъ полкомъ, безмѣрно вутиль, упражнялся въ извѣстномъ всѣмъ его безстыдномъ и пошломъ краснорѣчьи, особенно на счетъ Заводовскаго и Евдокимова, и, надѣясь на покровительство князя Воронцова, развилъ свои выходки до того, что предпринялъ съ отрядомъ движеніе за Лабу, съ орудіею пальбою, будто бы противъ того самаго сборища горцевъ, скрывавшагося, по его словамъ, въ ближайшемъ лѣсу, но котораго, однако, изъ отряда никто не ви-

далъ и второе намѣревалось сдѣлать нападеніе на проѣзжавшаго предъ этимъ по Кубани наслѣдника цесаревича (покойнаго императора Александра II). Все это Іедлинскій сдѣлалъ злонамѣренно для того, чтобы обнаружить, будто командовавшій войсками генералъ Заводовскій и начальникъ праваго фланга генералъ Евдокимовъ обманули цесаревича, доложивъ ему, что сборище горцевъ намѣрено сдѣлать на него нападеніе при проѣздѣ по Лабинской линіи, куда яко бы они не хотѣли пускать наслѣдника по своимъ корыстнымъ видамъ, — вслѣдствіе чего поѣздка по Лабѣ была отмѣнена, а направлена по Кубани. Но Іедлинскій не зналъ одного, что это извѣстіе не было выдумано Заводовскимъ или Евдокимовымъ, а сообщено съ Черноморской кордонной линіи генераломъ Раппилемъ и что сборище горцевъ было, дѣйствительно, въ готовности сдѣлать нападеніе, но, узнавъ, о поѣздкѣ его высочества по Кубани — разошлось по домамъ, какъ это подтвердилось слѣдствіемъ, произведеннымъ присланнымъ изъ Петербурга жандармскимъ полковникомъ. За эту дерзкую выходку Іедлинскаго князь Воронцовъ, сопровождавшій также наслѣдника вмѣстѣ съ Заводовскимъ и Евдокимовымъ, приказомъ по арміи предписалъ арестовать Іедлинскаго и выдержать на гауптвахтѣ въ крѣп. Усть-Лабинской одинъ мѣсяць.

Позже, когда графъ Евдокимовъ былъ въ Кубанской области, ему не сочувствовали, кромѣ Іедлинскаго, подобныя же ему, очень, впрочемъ, немногіе, изъ аристократовъ, людей легкомысленныхъ. Другія же лица, также изъ молодыхъ аристократовъ, люди благоразумные, напротивъ, считали за особую честь состоять на службѣ лично при графѣ и отъ этого только выиграли и по службѣ, и въ общемъ мнѣніи, таковы были: флигель-адъютантъ гвардіи поручикъ князь Суворовъ, генеральнаго штаба капитанъ графъ Кутайсовъ и личнымъ его адъютантомъ гвардіи капитанъ Бутурлинъ, изъ коиъ два послѣдніе состоятъ нынѣ въ чинахъ генераловъ свиты его величества.

Возвращаясь опять ко времени пребыванія Евдокимова, на правомъ флангѣ, я долженъ сказать, что, будучи мѣстнымъ уроженцемъ праваго фланга изъ старыхъ хоперскихъ казаковъ и начавъ службу очень молодымъ, я въ 1840 году былъ офицеромъ и полковымъ адъютантомъ, а въ 1844 же году уже старшимъ адъютантомъ Кавказскаго линейнаго войска; именно съ этого

года я узналъ лично Евдокимова, когда онъ былъ назначенъ командиромъ Волжскаго казачьяго полка, вскорѣ преобразованнаго въ бригаду, а потому самымъ положительнымъ образомъ утверждаю, что Евдокимовъ былъ на счету у начальства какъ одинъ изъ лучшихъ бригадныхъ командировъ, память о которомъ до нынѣ сохраняютъ старые волжскіе казаки; что затѣмъ на правомъ флангѣ, а позже въ Кубанской области — Евдокимовъ пользовался самымъ глубокимъ уваженіемъ и искреннимъ расположеніемъ со стороны всѣхъ подчиненныхъ. Всѣ знаютъ, что онъ въ обращеніи былъ человекомъ спокойнымъ, серьезнымъ, но не холоднымъ, а обходительнымъ и вѣжливымъ; во всякое дѣло входилъ съ полнымъ вниманіемъ и отдавалъ приказанія точныя и опредѣлительныя. Въ службѣ, въ домашнемъ быту, или въ общественныхъ собраніяхъ, онъ былъ очень любезнымъ, гостепріимнымъ, ласковымъ и разговорчивымъ. Расположеніе и сочувствіе къ нему всѣхъ безъ различія слоевъ военныхъ и общественныхъ выразилось особенно рельефно и неподдѣльно въ данномъ ему прощальномъ обѣдѣ по окончаніи войны, описанномъ въ первыхъ главахъ моей статьи, на которомъ самъ же Зиссерманъ говорилъ первую прощальную рѣчь.

Всѣ многорѣчивые рассказы г. Зиссермана въ этомъ отношеніи о графѣ Евдокимовѣ — суть не болѣе, какъ вымыслы собственнаго его сочиненія, отличающіеся изумительнымъ злоязычіемъ.

А еще твердитъ г. Зиссерманъ, что онъ держится правила „ничего не выдумывать, не говорить положительно о томъ, чего не знаетъ“. Далѣе добавляетъ, что: „будетъ весьма благодаренъ, если кто изъ старыхъ кавказцевъ укажетъ на очевидныя измышленія“. Не знаю, будетъ ли г. Зиссерманъ доволенъ моими разъясненіями и опроверженіями? Но могу его увѣрить въ одномъ, что они вызваны его непомѣрными самовосхваленіями и злобными выходками противъ графа Евдокимова, что и вынудило меня на старости лѣтъ взяться за перо и дать автору хотя нѣкоторый отпоръ, чтобъ онъ былъ въ своихъ писаніяхъ болѣе осмотрительнымъ и правдивымъ, а не рассказывалъ „Азовскія басни донскому казаку“.

На стр. 431, тетради 6, 1884 г. „Русскаго Архива“, г. Зиссерманъ, говоря о пользованіи командирами частей яко-бы незаконными доходами, пояснилъ, что пользованіе выгодами отъ коман-

дованія полковъ не упустилъ никто: ни генеральный штабъ, ни аристократы, бѣдные и богатые, ни скороспѣлые карьеристы. По словамъ г. Зиссермана, до такой степени будто бы узаконилось и освятилось обычаемъ, что командованіе военною частью считалось „наградю, даваемою именно съ цѣлю доставить случай матеріальнаго обезпеченія за прежнюю полезную службу“.

Я позволяю себѣ питать надежду, что А. Л. Зиссерманъ не откажется отъ того, что онъ не одинъ разъ лично мнѣ разъяснялъ эту теорію, именно въ примѣненіи къ себѣ, утверждая, что графъ Евдокимовъ далъ ему 1-ю бригаду въ награду за прежнюю его полезную службу, „для доставленія матеріальнаго обезпеченія“. Не мало я дивился тогда таковой развязности г. Зиссермана...

Извѣстно, что командованіе регулярными частями, гдѣ вся матеріальная часть лежала на непосредственной личной отвѣтственности командировъ, было одно дѣло, за которое они сами исполнѣ и отвѣчали. На дѣлаемые имъ казенные отпуска деньгами и вещами, точно по нормальнымъ штатамъ опредѣленными, они не только обязаны были содержать свои части въ полной исправности, но и имѣть въ запасѣ экономіи отъ 10 до 15 и даже болѣе тысячъ рублей, для сдачи этой части новому командиру, на случай браковки какихъ-либо вещей, оружія, обоза и подъемныхъ лошадей. Если, за всѣмъ этимъ, были еще какія-либо сбереженія отъ означенныхъ казенныхъ отпусковъ, то казна въ то время даже не имѣла права требовать показанія этихъ сбереженій къ зачету и они дѣлались достояніемъ командира части, который, надо замѣтить, въ то время получалъ самъ содержаніе гораздо менѣе, чѣмъ въ половину противъ нынѣшнихъ окладовъ, а расходы несъ на представительство такіе же, какъ и нынѣшніе командиры, и даже гораздо болѣе по военному времени, о чемъ и самъ г. Зиссерманъ не разъ упоминаетъ.

Таковъ былъ общій тогда порядокъ, извѣстный самому государю, и армія отъ него вообще нисколько не страдала, напротивъ, единство власти въ частяхъ было поставлено, какъ и слѣдуетъ, гораздо тверже. Это признаютъ всѣ военные авторитеты того времени, а въ томъ числѣ и генералъ Филипсонъ въ своихъ посмертныхъ Запискахъ. А командиры частей избирались всегда изъ лицъ, выдающихся отличными способностями и заслугами.

Хороша была бы армія, если бы въ ней на такія важныя мѣста назначались лица исключительно съ цѣлю матеріальнаго обезпеченія, какъ совершенно несправедливо говоритъ авторъ. Достаточно привести нѣсколько именъ самыхъ боевыхъ генераловъ, бывшихъ полковыми или батарейными командирами, чтобъ изобличить г. Зиссермана въ явной невѣрности вымышленной имъ теоріи. Кто изъ кавказцевъ не знаетъ генераловъ: Полтинина, Круковского, Слѣпцова, Лабынцова, Кемферта, Баженова, Тихоцкаго, Петрова, Джомордидзе, Геймана, Левашова, Тергукасова, Грамотина, Авикова, Есакова, Кульстрема, Цытовича, Губскаго, Оглобжію, князя Захарія Чавчавадзе, князя Амилухварова, трехъ братьевъ Комаровыхъ, двухъ братьевъ Гурчиныхъ и весьма многихъ другихъ, изъ которыхъ я могъ бы составить огромный списокъ. Всѣ они составляли, а находящіеся и по нынѣ въ живыхъ составляютъ цвѣтъ и гордость русской арміи.

Не мало изъ такихъ командировъ достигло очень высокаго положенія, таковы были и есть: князь Аргутинскій, князь Барятинскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ, князь Орбелиани, два князя Святополки-Мирскіе, Радецкій, Козловскій и, наконецъ, графъ Евдокимовъ. Что же всѣ эти лица, по огульному мнѣнію г. Зиссермана, выше мною приведенному, были назначены въ полевые командиры не потому, что всѣ они были выдающихся отличныхъ дарованій, обладали примѣрнымъ мужествомъ, храбростію, честію и всѣми нужными воинскими качествами и добродѣтелями, чтобъ быть образцовыми командирами, а собственно и исключительно для доставленія имъ матеріальнаго обезпеченія? У кого изъ военныхъ людей повернется языкъ, чтобъ сказать такую нелѣпость? ¹⁾.....

Что касается разсказа, будто бы Д. А. Милютинъ, вскорѣ по назначеніи начальникомъ штаба, настаивалъ у князя Барятинскаго на удаленіи генерала Евдокимова, за дѣлаемые имъ будто бы злоупотребленія, то я рѣшительно утверждаю, что это чистѣйшій вымыселъ. Не таковъ человекъ былъ князь Барятинскій, чтобъ ему дѣлалъ такія указанія его начальникъ штаба, особенно противъ лица, избраннаго имъ для покоренія восточ-

¹⁾ Мы опускаемъ дагѣ подробности о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ командировъ казачьихъ полковъ и бригадъ.

наго Кавказа. Да и самъ Д. А. Милютинъ, по его высокому уму, благородству и деликатности, вовсе не былъ способенъ къ столь очевидно неумѣстнымъ домогательствамъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ по прїѣздѣ онъ и не имѣлъ возможности, въ короткое время, ознакомиться съ положеніемъ обширнаго Кавказскаго края, а еще менѣе узнать даже нравственныя качества главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ генераль Евдокимовъ.

На дальнѣйшія злоязычныя выходки г. Зиссермана относительно частной жизни графа Евдокимова нѣтъ даже надобности отвѣчать,—до того онѣ очевидно нелѣпы.

Х.

Считаемъ, однако, необходимымъ, съ своей стороны, сказать нѣсколько словъ о дѣятельности покойнаго графа Евдокимова, во время жительства его на пожалованномъ ему участкѣ земли близъ Желѣзноводска, въ количествѣ 9,070 десятинъ, на которомъ онъ устроилъ хуторъ „Новый Ведень“, въ память взятія имъ штурмомъ резиденціи Шамиля—Стараго Веденя. Это имѣніе онъ завѣщалъ вдовѣ генераль-маіора графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Доливо-Добровольской-Евдокимовой, родной племянницѣ графини, съ ея дѣтьми. Особа эта была воспитана въ семействѣ графа вмѣсто дочери и вышла замужъ за упомянутое лицо, въ которому, по просьбѣ графа, съ высочайшаго разрѣшенія, перешелъ и графскій титулъ съ потомствомъ.

Достигнувъ полной свободы, которой онъ, повидимому, такъ настойчиво домогался, графъ Евдокимовъ очутился безъ всякаго дѣла и скучалъ своею бездѣятельностію. Жилъ онъ скромно и, можно сказать, уединенно, за исключеніемъ рѣдкихъ посѣщеній мѣстныхъ и прїѣзжихъ знакомыхъ. Нужно было, слѣдовательно, соудать себѣ хоть какое-нибудь подобіе той выпучей дѣятельности, въ которой онъ провелъ всю свою долговременную службу. И вотъ онъ началъ устраивать свое имѣніе. Такъ какъ я жилъ въ станицѣ Баталпашинской на Кубани (нынѣ уѣздный городъ), въ 90 верстахъ отъ Пятигорска, мѣста жительства графа, то мнѣ нерѣдко приходилось съ нимъ видѣться. Долженъ объяснить, что я не считалъ себя въ числѣ приближенныхъ лицъ къ графу и не принадлежалъ къ тѣмъ, которые составляли всегдашнюю его обстановку. Я былъ изъ новыхъ его подчиненныхъ, будучи пере-

данъ графу послѣ раздѣленія, какъ выше сказано, въ концѣ 1860 года, Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, бывшимъ наказнымъ атаманомъ войска генераль-лейтенантомъ Рудзевичемъ, при которомъ я состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ войскаго дежурства. Не смотря на это, графъ относился ко мнѣ всегда съ довѣріемъ, что можно видѣть изъ тѣхъ порученій, какія онъ дѣлалъ мнѣ по службѣ, какъ о томъ не разъ я упоминалъ въ предыдущихъ главахъ моего очерка.

Въ началѣ своей новой хозяйственной дѣятельности, графъ совѣтовался со мною на счетъ постройки въ его имѣніи водяной мельницы на р. Кумѣ, протекающей черезъ его земли. Я далъ мнѣніе, чтобъ мельницу построить простую, обыкновенной конструкции, снастей на 6, стоимостью не болѣе 4 тыс. руб., чтобъ не дѣлать бесполезныхъ затратъ, на томъ основаніи, что въ то время никакихъ сколько-нибудь значительныхъ поселеній вблизи его земли не было, а слѣдовательно могли молоть хлѣбъ и обрушивать просо только татары ближайшаго аула Канглы, въ ограниченномъ количествѣ, не на продажу, а исключительно для своего потребленія. Графъ вполне одобрилъ мое мнѣніе. Но приступивъ къ постройкѣ мельницы, онъ выписалъ ученаго инженера-технолога, который постепенно склонилъ графа къ своему плану, при исполненіи котораго оказалось нужнымъ сдѣлать запруду рѣки изъ каменной плотины, со шлюзами, саженой въ 20, а потомъ, для большей прочности этой плотины, употребить чугуна до 10 тыс. пудовъ. Дѣло приняло исподволь широкіе размѣры, которымъ и характеръ графа, чисто-русскій, вполне соответствовалъ. И чрезъ два года явилась мельница каменная, двухъ-этажная, уже крупчатка, а не простая, съ разными новѣйшими приспособленіями, обошедшаяся до 80 тыс. руб., а молоть на ней было нечего. На такую мельницу требовался оборотный капиталъ до 15 тыс. руб., а графъ очень стѣснялся его дать, и мельница начала работать очень мало покупнаго хлѣба, а теперь, кажется, вовсе стоитъ безъ дѣла. Затѣмъ, онъ предпринялъ обводнить свою землю и сдѣлалъ на разныхъ балкахъ до 10 огромныхъ земляныхъ плотинъ для задержки дождевой и снѣговой воды. Въмѣсто того, чтобъ поставить хуторъ на берегу р. Кумы, какъ ему совѣтовали, графъ поставилъ его ближе къ Желѣзноводску, на небольшомъ ручьѣ остывшей желѣзной воды, оттолъ вытекающемъ, и сдѣлалъ на немъ два большихъ пруда. Вблизи нижняго пруда поставилъ каменный домъ съ нижнимъ въ землѣ помѣщеніемъ для прислуги и рабочихъ. Но чрезъ два

года вода из пруда проникла в нижний этаж и затопила его. Одновременно с этим он стал разводить фруктовый и виноградный сады на пространствах 70 десятин, выписывал для этого фруктовые деревья и виноградные лозы из Крыма, Кахетии и Кизляра. Наконец, устроил еще винокуренный завод, обошедшийся до 70 тыс. руб., и был рад, когда началось курение вина. Нужно заметить, что граф, после получения им тяжелых ран в Дагестане, когда он был еще майором, совершенно прекратил употреблять не только водку или вино, но даже и пиво, и пил обыкновенно чай, а за столом воду и в конце стола стакан чаю. Через год после устройства завода, он начал в нем разочаровываться. Вместо ожидаемых выгод, являлись в счетах дефициты, потому что искусные люди по этой части начали обрабатывать его завод самым возмутительным образом. То оказывалась уценка спирту, то усышка; надо думать, что было даже и прямое воровство, и так далее, а граф понимал это дело столько же, как китайскую грамоту. Сверх всего этого, он был большой любитель лошадей, хороший наездник и стрелок, а потому завел конный табун до 1,000 лошадей отличных пород, для чего к маткам местным кабардинским выписывал производителей жеребцов из Персии и из внутренних губерний. Имел стадо племенного рогатого скота подольской породы голов до 500 и, наконец, простых волошских овец до 12,000 голов, которых, впрочем, еще при жизни своей, продал, по моему совету, потому что другие хозяева имели от этого доход—и от продажи шерсти, и от приплода, а у графа дело это шло на убыток от дурного присмотра. Это, так сказать, только сжатый очерк хозяйственной деятельности графа, не вдаваясь в большие подробности.

Оба автора, о которых идет речь в моей статье, писавшие о графе Евдокимове, усиливаются навести читателя на ту мысль, что будто граф не упускал случая эксплуатировать подчиненных ему частных начальников в свою личную пользу. В опровержение этого ложного вымысла заявляю, что по просьбе графа, когда он был еще во власти, я построил ему на Кубани из купленного им самим соснового леса шесть изб для его нового имения близ Желзноводска, перевез их туда и покрыл железом. За все это граф заплатил мне, по представленному мною счету, 2,269 руб. 70 коп., выслав их при самом любезном письме 26-го сентября 1863 года из

Ставрополя. Письмо это, въ счастію, у меня сохранилось и препровождается въ редакцію „Русской Старины“, съ просьбою напечатать его въ примѣчаніи, какъ документъ, опровергающій неблаговидные про графа вымыслы ¹⁾.

Въ моихъ поѣздкахъ къ графу на хуторъ, я постепенно пришелъ къ тому убѣжденію, что все это въ обширныхъ размѣрахъ затѣянное хозяйство создано графомъ для того, чтобъ наполнить пустоту, образовавшуюся отъ оставленія имъ кипучей и многообразной дѣятельности служебной, и чтобъ развлечь себя хоть чѣмъ-нибудь отъ свѣдавшей его скуки и праздности, къ которой онъ не могъ привыкнуть. Но я этого графу нивогда не высказывалъ, напротивъ, нерѣдко поддакивалъ его предположеніямъ, чтобъ не огорчать. Разъ, однако, года за два до его кончины, въ бытность на хуторъ, послѣ завтрака въ 11 часовъ утра, мы вдводемъ пошли гулять по аллеямъ сада. Графъ началъ мало-по-малу разговоръ о своемъ хозяйствѣ и сталъ роптать на многіе безпорядки, неурядицу и большіе расходы. Я слушалъ со вниманіемъ. Когда же онъ пересталъ говорить, я рѣшился сдѣлать ему вопросъ:

— „Позвольте, ваше сіятельство, спросить васъ: для чего вы это свое хозяйство такъ широко распространяете и тѣмъ навлекаете себѣ такъ много хлопотъ и огорченій?“

При моемъ вопросѣ графъ быстро повернулся ко мнѣ, остановился и сказалъ:

— А что жъ мнѣ прикажете, почтеннѣйшій, дѣлать?

Итакъ, составленное мною раньше мнѣніе подтвердилось собственнымъ признаніемъ графа, что все это свое хозяйство онъ завелъ и распространилъ отъ нечего дѣлать.

Само собою понятно, что на такія широкія затѣи требовался и крупный капиталъ, котораго у гр. Н. И. Евдокимова, по всѣмъ видимымъ обстоятельствамъ, не было. Года чрезъ два не болѣе по водвореніи графа на хуторъ, въ бытность мою въ Пятигорскѣ,

¹⁾ „Примите мою искреннюю признательность, любезнѣйшій Иванъ Семеновичъ, за всѣ ваши услуги, оказанныя мнѣ въ дѣлахъ устройства моего хозяйства. Деньги по представленному вами счету, всего двѣ тысячи двѣсти шестьдесятъ девять рублей семьдесятъ копѣекъ, при семъ препровождаются чрезъ майора Аслинцева. Прошу увѣдомить меня о полученіи и принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ къ вамъ уваженіи и совершенной преданности. Покорнѣйшій слуга гр. Н. Евдокимовъ“.

26-го сентября 1863 г.
Ставрополь.

гдѣ я останавливался на квартирѣ у одного родственника, чело-
вѣка почтеннаго, котораго зналъ лично и графъ, онъ разсказалъ
мнѣ не безъ удивленія, что графъ нуждается въ деньгахъ и на-
чалъ занимать ихъ у разныхъ купцовъ и разночинцевъ за 12%
годовыхъ и при томъ занимать по тысячѣ и даже по 500 руб.
Я тоже былъ удивленъ этимъ разсказомъ, такъ какъ думалъ, что
графъ все-таки за службу свою сдѣлалъ какія-либо сбереженія.

Затѣмъ, отъ частныхъ лицъ, графъ перешелъ къ займамъ
въ Пятигорскомъ городскомъ банкѣ. Объ этихъ займахъ всѣ жи-
вущіе въ Пятигорскѣ знали и говорили гласно. Да и самъ
г. Зиссерманъ, вопреки своимъ обвиненіямъ, говорить, что, будучи
на водахъ, узналъ, что графъ впалъ въ денежные затрудненія.

Послѣ смерти графа оказалось частныхъ долговъ семнад-
цать тыс. руб., да въ банкѣ Пятигорскомъ 60 тыс. руб. и Став-
ропольскомъ 73 тыс. руб., всего 150 тыс. руб.

Къ этому надо прибавить, что, получая въ годъ содержанія
18 тыс. руб., онъ могъ половину его тратить на свое имѣніе,
такъ какъ другой половины могло быть вполне достаточно на
содержаніе дома, по скромному образу жизни его съ семействомъ.

Наконецъ, другой участокъ земли въ 7,000 десятинъ, пожа-
лованный графу за Кубанью, недалеко отъ г. Анапы, на берегу
Чернаго моря, на которомъ открыты были довольно обильные
источники нефти, онъ сдалъ было, года за два до своей кончины,
въ аренду на 30 лѣтъ какимъ-то предприимчивымъ спекулянтамъ,
съ платою впередъ за каждый годъ по 100 тыс. руб. Отъ этой
операціи онъ былъ въ большомъ восторгѣ и нерѣдко говорилъ,
что вотъ теперь-то онъ точно будетъ графъ, получая крупный
доходъ. Эти господа оказались, однако, просто аферистами: они
за первый годъ точно заплатили ему впередъ 50 тыс. руб., ко-
торыя онъ не преминулъ въ скоромъ времени бросить все въ ту же
бездонную бочку — свое отъ нечего дѣлать заведенное хозяйство, —
а на другой годъ отказались отъ аренды и создали еще хлопот-
ливый судебный процессъ для расторженія контракта.

Нужно замѣтить, что графиня не только не сочувствовала
завѣямъ графа, но даже была ими очень недовольна, отчего и на
хуторѣ, кажется, нигде не бывала.

Всѣ эти обстоятельства поставили графиню Александру Але-
ксандровну въ необходимость завѣщанное ей имѣніе за Кубанью,
съ нефтяными источниками, продать за 250,000 руб. Изъ этой
суммы она уплатила банковый и всѣ частные долги, какъ выше
сказано, въ количествѣ 150,000 руб., выдала по завѣщанію

сестрамъ графа 30,000 руб., постановеа памятника обошлась 15,000 руб., собственныхъ долговъ заплатила 10,000 руб., осталось у ней отъ этого имѣнія 45,000 руб. Этотъ счетъ печатается здѣсь мною по желанію графини А. А. Евдокимовой. Сверхъ того, графинѣ назначена половинная пенсія за службу мужа ея, въ количествѣ пяти тысячъ руб. въ годъ.

Все это факты достовѣрные, не подлежащіе сомнѣнію. Написались, конечно, досужіе люди, — безъ нихъ вѣдь нигдѣ нельзя обойтись, — утверждавшіе, что всѣ эти долги суть не болѣе, какъ маска. Но графъ Н. И. Евдокимовъ былъ вовсе не такой человекъ, чтобъ надѣвать, а еще менѣе носить маску, при нѣкоторомъ невольномъ униженіи въ роли заемщика, тѣмъ болѣе, что если у него и были какія-либо сбереженія, сдѣланныя на службѣ, то ими онъ могъ располагать какъ собственностію, по своему усмотрѣнію, безъ всякаго опасенія.

Недоволенъ г. Зиссерманъ и прекраснымъ памятникомъ, поставленнымъ на могилѣ графа его супругою. Какъ лютеранинъ, онъ, конечно, не понимаетъ, что такіе именно памятники и ставятся на могилахъ всѣхъ православныхъ людей, по духу смиренія и по обычаямъ православной вѣры. Памятники же въ формѣ бронзоваго бюста ставить у насъ не въ обычай. Если они и ставятся въ такой формѣ иногда монархамъ или полководцамъ, государственнымъ людямъ, знаменитымъ писателямъ, художникамъ и артистамъ, то такіе памятники далеко не всегда воздвигаются на могилахъ тѣхъ лицъ, для которыхъ они дѣлаются, а болѣею частію въ мѣстахъ общественныхъ и значительныхъ, на виду у всѣхъ, какъ выраженіе обще-государственнаго почета и признательности къ заслугамъ и талантамъ такихъ лицъ.

Князю А. И. Барятинскому и графу Н. И. Евдокимову, какъ историческимъ дѣателямъ на Кавказѣ, такихъ памятниковъ еще не поставлено, хотя, казалось бы, и пора объ этомъ подумать... Но что они будутъ поставлены, рано или поздно, благодарною Россіей, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Иванъ Сем. Крацовъ.

26-го іюля 1885 года,
г. Баташпашинскъ, Кубанской области.

МАТВѢЙ ИВАНОВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ - АПОСТОЛЪ.

Род. 25-го апрѣля 1793 г., † 21-го февраля 1886 г.

I.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, скончавшійся въ 1886 г. въ Москвѣ почти столѣтнимъ старцемъ, былъ замѣчательнъ не только своимъ преклоннымъ возрастомъ, но и по тому, что онъ видѣлъ, что испыталъ въ теченіи своей долгой жизни, и по своему характеру.

Родившійся при Екатеринѣ II, хорошо помнившій себя съ царствованія Павла I, участникъ отечественной войны и заграничныхъ походовъ, членъ Союза Благоденствія, сосланный въ 1826 г. въ Сибирь, гдѣ онъ и оставался во все время царствованія Николая I, но не безучастнымъ его зрителемъ, вернувшійся въ Россію въ 1856 году и прожившій затѣмъ еще 30 лѣтъ, продолжая сочувственно слѣдить за ходомъ русской общественной жизни, онъ до самаго конца сохранялъ неизмѣнными свои гуманныя убѣжденія, до самой смерти своей являлся достойнымъ представителемъ того кружка, въ которому принадлежалъ въ своей молодости.

Отецъ Матвѣя Ивановича былъ сенаторъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ (р. 1762, † 1851 г.), а мать его, Анна Семеновна († 1810 г.), дочь серба генераль-лейтенанта Черноевича. Когда родился Матвѣй Ивановичъ, отецъ его еще не имѣлъ фамиліи Апостолъ, которую онъ получилъ, съ высочайшаго соизволенія, лишь въ 1800 году, по смерти Мих. Даниловича Апостола¹⁾, его двоюроднаго брата.

¹⁾ Подробная записка о полученіи И. М. Муравьевымъ фамиліи Апостолъ сохранилась въ бумагахъ М. И., и была имъ, незадолго до его смерти, передана для напечатанія въ „Русскій Архивъ“. Кстати замѣтить: въ № 63

Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ былъ человѣкъ очень образованный, получившій воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ тогдашнихъ пансіоновъ, отлично знавшій языки, классическіе и новыя. Служа въ гвардіи, онъ своими литературными трудами обратилъ на себя вниманіе Екатерины, которая и назначила его состоять кавалеромъ при своихъ старшихъ внукахъ, в. кн. Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ. Иванъ Матвѣевичъ пользовался большимъ расположеніемъ Александра Павловича: Матвѣй Ивановичъ помнилъ у своего отца цѣлую кипу писемъ великаго князя въ нему. При Павлѣ I И. М. Муравьевъ-Апостолъ былъ назначенъ нашимъ посланникомъ въ Гамбургъ, гдѣ и жилъ съ семьей до 1800 г., когда вернулся въ Петербургъ, чтобы занять постъ вице-президента иностранной коллегіи. Съ воцареніемъ Александра I Иванъ Матвѣевичъ могъ, казалось, рассчитывать на особое расположеніе императора во имя прежнихъ отношеній. Но дѣло вышло не такъ. Когда составлялся заговоръ, Ив. М. тоже получилъ было отъ кого-то изъ заговорщиковъ приглашеніе принять въ немъ участіе и отказался: потому участники заговора счумѣли возстановить Александра I противъ Ивана Матвѣевича, который такъ никогда и не пользовался его милостью. Назначенный вскорѣ посланникомъ въ Мадридъ, Иванъ Матвѣевичъ оставался въ Испаніи до 1805 года, когда, при перемѣнѣ нашей политики, при сближеніи съ Наполеономъ, онъ былъ замѣщенъ барономъ Строгановымъ (Григ. Ив., потомъ графъ), и вернулся въ Петербургъ. Послѣ этого онъ уже не занималъ никакой видной и отвѣтственной должности и умеръ въ старости сенаторомъ. Своимъ невольнымъ досугомъ онъ воспользовался, чтобы возобновить свои литературныя занятія; изъ его трудовъ особенно извѣстны: переводъ Облаковъ Аристофана и Путешествіе по Тавридѣ.

Краткія свѣдѣнія о личности и жизни И. М. Муравьева-Апостола приведены мною для того, чтобы показать, въ какой средѣ и въ какой обстановкѣ пришлось расти его дѣтямъ.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, старшій изъ дѣтей Ивана Матвѣевича, родился 25-го апрѣля 1793 г. въ Петербургѣ. Нѣсколькихъ лѣтъ отъ роду онъ былъ перевезенъ родителями въ Гамбургъ, куда, какъ

„Московскихъ Вѣдомостей“ 1886 г. былъ напечатанъ довольно обстоятельный некрологъ Матвѣя Ивановича, однако, съ нѣкоторыми ошибками, такъ, на-примѣръ, крестною матерью М. И., была не Скворцова, какъ тамъ сказано, а А. К. Скороходова. Родословіе фамилій Муравьевыхъ и Муравьевыхъ-Апостоловъ напечатано в. кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ въ „Русской Родословной книгѣ“. Спб., изд. „Русской Старинѣ“, 1873 г., стр. 122, 235 и 375. В. Я.

сказано, отецъ его былъ назначенъ посланникомъ. Матвѣй Ивановичъ сталъ себя помнить именно со времени пребыванія въ Гамбургѣ. Извѣстно, какое покровительство оказывалъ Павелъ I французскимъ эмигрантамъ. Въ домѣ его гамбургскаго посланника часто бывали эмигранты; отъ нихъ маленькій Матвѣй наслушался объ ужасахъ революціонной Франціи, набрался роялистическихъ убѣжденій. Въ 1799 году, послѣ голландской экспедиціи, Ивану Матвѣвичу было поручено переговорить съ Дюмурье, обѣщать ему убѣжище въ Россіи; Дюмурье бывалъ въ домѣ у Муравьева; желая быть любезнымъ съ семействомъ представителя покровительствующей державы, онъ какъ-то съ ласкою приподнялъ шестилѣтняго Матвѣя, чтобы поцѣловать его, но маленький ярый роялистъ вырвался, воскликнувъ: «je deteste le traître de son roi et de sa patrie!»

Въ 1800 году Муравьевы перѣехали въ Петербургъ. Матвѣй Ивановичъ помнилъ, что онъ въ томъ же году видѣлъ Павла I: встрѣча эта особенно запечатлѣлась въ его памяти по случайному обстоятельству. Дѣло было 16-го ноября 1800 года, въ день именинъ Матвѣя Ивановича; Анна Семеновна возвращалась въ каретѣ съ своимъ сыномъ отъ обѣдни; на Литейной они встрѣтили императора, и имъ пришлось, согласно съ существовавшимъ тогда правиломъ, выйти для поклона изъ кареты, не смотря на сырость и грязь. По возвращеніи домой оказалось, что маленькій Матвѣй потерялъ въ грязи свой башмакъ. Матвѣй Ивановичъ нерѣдко вспоминалъ этотъ случай въ послѣдніе годы своей жизни или въ день своихъ именинъ, или когда заходилъ разговоръ о погодѣ, о поздней или ранней зимѣ.

Слѣдующее воспоминаніе Матвѣя Ивановича относится уже къ 1801 году. 12-го марта утромъ, послѣ чаю, онъ подошелъ къ окну и вдругъ спрашиваетъ у своей матери:—«Развѣ сегодня Пасха?»—Нѣтъ, что ты?—«Да что-же вонъ солдаты на улицѣ христосуются?»—Оказалось, солдаты поздравляли другъ друга съ воцареніемъ Александра I.

Матвѣй Ивановичъ былъ съ матерью на поклоненіи праху покойнаго императора. Онъ помнилъ, что гробъ былъ поставленъ очень высоко, такъ что лица никто не видѣлъ.

Вскорѣ послѣ этого, какъ мы знаемъ, И. М. Муравьевъ-Апостолъ перѣехалъ съ семьей въ Мадридъ. Матвѣй Ивановичъ сохранялъ нѣкоторыя воспоминанія о своей жизни въ Испаніи, гдѣ, впрочемъ, онъ оставался недолго. Испанская столица не представляла никакихъ средствъ для хорошаго воспитанія, и Муравьевы рѣшились отправить двухъ старшихъ сыновей, Матвѣя и Сергѣя ¹⁾, учиться въ

¹⁾ Біографію С. И. Муравьева-Апостола смотри въ «Русской Старинѣ» 1873 г., томъ VII, стр. 653, и поправки, сдѣланныя Матвѣемъ Ивановичемъ, тамъ же, томъ VIII, стр. 105.

Парижъ, гдѣ они и пробыли въ école secondaire до 1808 года. Тутъ, между прочимъ, Матвѣю Ивановичу пришлось видѣть коронацію Наполеона I. Новый императоръ посѣтилъ какъ-то ихъ школу, при чемъ онъ обратилъ вниманіе на то, что Сергѣй Муравьевъ былъ похожъ на него лицомъ: это сходство, дѣйствительно, можно замѣтить даже на одномъ изъ позднихъ портретовъ Сергѣя Ивановича.

Въ 1808 году Анна Семеновна пріѣхала въ Парижъ за сыновьями и вмѣстѣ съ ними отправилась оттуда въ Россію въ 1809 г. Когда, послѣ долгаго и не совсѣмъ безопаснаго путешествія, — Германія была тогда вся во власти французовъ, которые вели борьбу съ нѣмецкими партизанами, — когда они подѣхали, наконецъ, къ русской границѣ, оба брата Муравьевы кинулись обнимать сторожеваго казака: послѣ многолѣтняго пребыванія за границей, они возвращались въ Россію, преисполненные любви къ родинѣ. Когда они усѣлись снова въ карету, они услышали отъ матери поразительную для себя новость.

— «Я очень рада, сказала имъ мать, что долгое пребываніе за границей не охладило вашихъ чувствъ къ родинѣ; но готовьтесь, дѣти, я вамъ должна сообщить ужасную вѣсть; вы найдете то, чего не знаете: въ Россіи вы найдете рабовъ!»

Эти слова хорошо показываютъ намъ то направленіе, въ какомъ Муравьевы старались вести воспитаніе сыновей. Они боялись растлѣвающего вліянія рабства и воспользовались пребываніемъ за границей, чтобы скрыть отъ сыновей до времени даже существованіе въ Россіи крѣпостнаго права! Сдѣланное открытіе должно было произвести сильное впечатлѣніе на юныхъ братьевъ, и для насъ понятно, почему мысль объ освобожденіи крестьянъ, вообще забота о забытомъ простомъ народѣ сдѣлалась основой всей послѣдующей дѣятельности обоихъ братьевъ. Матвѣй Ивановичъ до конца дней своихъ считалъ, совершенно правильно, крестьянскій вопросъ основнымъ въ русской жизни, считалъ реформу 19 го февраля 1861 года краеугольнымъ камнемъ обновленной Россіи, видѣлъ въ ней исполненіе надеждъ и мечтаній своей юности, высоко чтилъ Александра II. Онъ всегда говорилъ о томъ, какъ счастливо молодое поколѣніе, что не знаетъ, чтъ такое крѣпостное право, всегда съ трепетомъ вспоминалъ о тѣхъ проявленіяхъ этого права, какихъ онъ былъ свидѣтелемъ въ своей молодости.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, братья Муравьевы поступили вскорѣ въ корпусъ путей сообщенія, но имъ не пришлось тамъ кончить курса. Готовившаяся борьба съ Наполеономъ заставила ихъ обоихъ поступить въ ряды войскъ. Въ началѣ 1812 г. Матвѣй Ивановичъ опредѣленъ подпоручикомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ,

съ которымъ онъ и дѣлалъ всѣ послѣдующіе походы противъ Наполеона. Первый разъ онъ былъ въ дѣлѣ при Бородинѣ; во время битвы онъ стоялъ подъ однимъ изъ знаменъ 3-го баталіона ¹⁾. За Бородино онъ былъ произведенъ въ прапорщики и кромѣ того, по выбору солдатъ, получилъ знакъ отличія военнаго ордена.

Матвѣй Ивановичъ всегда съ особеннымъ жаромъ вспоминалъ о двѣнадцатомъ годѣ; онъ придавалъ ему особенное значеніе въ нашемъ общественномъ развитіи. Матвѣй Ивановичъ любилъ рассказывать и объ отдѣльныхъ подробностяхъ 1812 года, о томъ: какаѣ была сначала погожая осень, дозволявшая имъ купаться еще въ октябрѣ, о внезапной перемѣнѣ погоды и т. д. Онъ самъ перенесъ на себѣ потому всю тяжесть зимняго похода, такъ какъ сдѣлалъ его въ одной солдатской шинели, ночуя на снѣгу и пр. Вспоминая объ этомъ, онъ не разъ высказывалъ убѣжденіе, что только глубокое патріотическое чувство помогло ему и его товарищамъ, изъ которыхъ иные были слабаго здоровья, безболѣзненно перенести всѣ труды этого похода.

Не буду говорить подробно ни о походѣ 1812-го года, ни о заграничныхъ походахъ: это время только что было такъ живо представлено намъ въ интересныхъ запискахъ Н. Н. Муравьева-Карскаго, писанныхъ еще въ то время, всего черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ самихъ событій, подъ свѣжимъ ихъ впечатлѣніемъ. Упомяну только, что Матвѣй Ивановичъ былъ раненъ подъ Кульмою пулею на вылетѣ въ правое бедро. По излѣченіи отъ раны, которая оказалась не опасною, но потомъ, однако, давала себя чувствовать Матвѣю Ивановичу въ теченіи всей его жизни, онъ участвовалъ въ блестящемъ концѣ похода—въ занятіи Парижа.

Въ 1814 году Матвѣй Ивановичъ вернулся съ полкомъ въ Петербургъ. Съ этого времени въ жизни Матвѣя Ивановича, какъ и въ жизни его полка, и въ жизни всего русскаго общества, начинается новая эпоха, полная особаго оживленія, основанная на стремленіяхъ къ лучшему. Эти стремленія къ лучшему должны были рѣзко столкнуться съ дѣйствительностью, завершиться кризисомъ. Эпоха эта для Семеновскаго полка кончилась извѣстною «семеновскою исторіею» въ 1820 году; для русскаго общества она кончилась 14-го декабря 1825 г. Матвѣй Ивановичъ былъ связанъ тѣсно и съ жизнью своего полка, и съ общественнымъ движеніемъ. Уже ударъ, разразившійся надъ дорогимъ Семеновскимъ полкомъ, болѣзненно отозвался на Матвѣѣ Ивановичѣ, какъ первое предостереженіе, какъ указаніе на прибли-

¹⁾ См. рассказъ самого М. И. Муравьева въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886 г., № 2, стр. 226.

жающую бурю; когда она разразилась въ 1825 — 1826 году надъ русскимъ обществомъ, она лишила Матвѣя Ивановича двухъ горячо любимыхъ братьевъ, а самого его кинула въ далекую тяжкую ссылку.

II.

Извѣстно, какое громадное вліяніе на развитіе русскаго общества имѣли военные походы 1812—1814 годовъ. Обыкновенно, когда говорятъ о важномъ значеніи этой эпохи, главнымъ образомъ имѣютъ въ виду заграничные походы, соприкосновеніе нашей арміи съ европейскими порядками, съ новыми людьми и новыми идеями; обращаясь собственно къ разившимся у насъ затѣмъ тайнымъ обществамъ, обыкновенно тоже ставятъ ихъ въ близкую, иногда непосредственную, связь съ европейскими, особенно нѣмецкими тайными обществами, приписываютъ послѣднимъ рѣшающее вліяніе и т. д. Матвѣй Ивановичъ смотрѣлъ иначе на это дѣло. Онъ самымъ положительнымъ образомъ приписывалъ 1812 году все послѣдующее возбужденіе въ нашемъ общественномъ сознаніи, такъ же какъ онъ отрицалъ особенную важность вліянія заграничныхъ походовъ, а тѣмъ болѣе заимствованія отъ нѣмецкихъ тайныхъ обществъ. Записки одного изъ декабристовъ, особенно близкаго къ Матвѣю Ивановичу, начинаются словами: «Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи ¹⁾».

Матвѣй Ивановичъ любилъ припоминать эти слова и часто говорилъ: «И. Д. совершенно правъ, начиная свои записки съ указанія на вліяніе 1812 года; именно 1812 годъ, а вовсе не заграничный походъ, создалъ послѣдующее общественное движеніе, которое было въ своей сущности не заимствованнымъ, не европейскимъ, а чисто русскимъ» ²⁾. Конечно, въ такомъ взглядѣ Матвѣя Ивановича была доля увлеченія, нѣкоторое преувеличеніе; конечно, въ запискахъ того-же декабриста дальше отмѣчено сильное вліяніе заграничныхъ походовъ, прямо указано, что уставъ Tugendbund'a послужилъ образцомъ для втораго устава Союза Благоденствія и пр.; но все-таки взглядъ Матвѣя Ивановича на этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ много правды, очень

¹⁾ Записки декабристовъ. I. Записки И. Д. Якушина. Л., 1862, стр. 3.

²⁾ Передаю по памяти слова эти, много разъ мною слышанныя отъ Матвѣя Ивановича; послѣ одного разговора я ихъ какъ-то записалъ, но, въ сожалѣнію, этой тетради у меня нѣтъ сейчасъ подъ руками. В. Я.

понятенъ лично для Матвѣя Ивановича и вообще очень интересенъ и характеренъ.

1812 годъ несомнѣнно имѣлъ очень сильное вліяніе на современниковъ; для Матвѣя Ивановича вліяніе это и оставалось господствующимъ; если дальнѣйшіе заграничные походы, въ свою очередь, повліяли на товарищѣй Матвѣя Ивановича, на русскую военную молодежь (да и на всю армію), показали имъ непривычные порядки, открыли имъ новые горизонты, то лично для Матвѣя Ивановича, воспитаннаго за границей, походы въ Германію и Францію не могли имѣть такого значенія; поэтому понятно, что онъ сохранилъ съ особою свѣжестью силу перваго впечатлѣнія, полученнаго въ 1812 году. Наконецъ, вѣдь 1812 годъ важенъ еще потому, что онъ создалъ то возбужденіе, которое сдѣлало нашу армію особенно воспримчивою къ европейскому вліянію во время заграничныхъ походовъ.

Матвѣй Ивановичъ былъ, можетъ быть, еще болѣе правъ, считая наше общественное движеніе 1820 годовъ явленіемъ чисто русскимъ. Во первыхъ, иностранныя заимствованія въ программахъ тайныхъ обществъ и пр. были незначительны и несущественны, а во вторыхъ, и это главное, какъ исходная точка этого движенія, такъ и поставленная конечная цѣль, такъ, наконецъ, и подробности въ его развитіи, все это было прямо русскимъ, своимъ, а не заимствованнымъ. Насколько-бы сильнымъ мы ни признавали европейское вліяніе въ этомъ вопросѣ, нельзя не видѣть, что указанное общественное движеніе исходило изъ данныхъ русской жизни, основывалось на тѣхъ русскихъ условіяхъ, которыя вызывали противъ себя естественный протестъ, имѣло цѣлью измѣнить и уничтожить эти условія.

Наше общественное движеніе 1820 годовъ нельзя объяснять однимъ европейскимъ вліяніемъ, напротивъ того, оно можетъ ясно быть понято лишь въ связи со всѣми условіями русской жизни того времени. Матвѣй Ивановичъ былъ, конечно, достовѣрнымъ и сознательнымъ свидѣтелемъ въ этомъ вопросѣ, и онъ постоянно указывалъ на зависимость современнаго ему движенія отъ жизненныхъ условій. Я помню, напр., слѣдующій случай.

Когда гр. Л. Н. Толстой собирался нѣсколько лѣтъ тому назадъ писать романъ о декабристахъ—(намѣреніе это было потомъ, какъ извѣстно, имъ оставлено, и написано,—или по крайней мѣрѣ напечатаны,—только нѣсколько первоначальныхъ очерковъ)—онъ приходилъ къ Матвѣю Ивановичу, для того чтобы разспрашивать его, брать у него Записки его товарищѣй и т. д. И Матвѣй Ивановичъ неоднократно тогда высказывалъ увѣренность, что гр. Толстой не сможетъ изобразить избранное имъ время, избранныхъ имъ людей: «для

того, чтобы понять наше время, понять наши стремления, необходимо выскнуть въ истинное положеніе тогдашней Россіи; чтобы представить въ истинномъ свѣтѣ общественное движеніе того времени, нужно въ точности изобразить всѣ страшныя бѣдствія, которыя таятѣли тогда надъ русскимъ народомъ; наше движеніе нельзя понять, нельзя объяснить внѣ связи съ этими бѣдствіями, которыя его и вызвали; а изобразить вполне эти бѣдствія гр. Л. Н. Толстому будетъ нельзя, не позволять, если бы онъ даже и захотѣлъ. Я ему говорилъ это». И Матвѣй Ивановичъ, повидимому, не рассчитывалъ, чтобы знаменитый романистъ обратилъ достаточное вниманіе на указываемую сторону дѣла, какъ онъ обвинялъ автора «Войны и мира» и въ совершенномъ непониманіи 1812 года, сильныя впечатлѣнія котораго были такъ свѣжи для Матвѣя Ивановича до самаго конца.

Отношеніе Матвѣя Ивановича къ 1812 году, значеніе, которое онъ приписывалъ отечественной войнѣ, очень характерны; на это особенно интересно указать въ виду того, что въ нашей исторической литературѣ недостаточно выяснено и отгѣнено влияніе этого знаменательнаго года. Во всякомъ дѣлѣ важно первое начало; двѣнадцатый годъ положилъ дѣйствительное начало послѣдующимъ важнымъ общественнымъ явленіямъ. Сильное возбужденіе патріотизма естественно вызвало и вообще усиленіе общественныхъ интересовъ и общественныхъ стремленій. Люди были выбиты изъ своей узкой колеи, оторваны отъ своихъ мелкихъ личныхъ интересовъ, какъ-бы освобождены отъ прежней своей придавленности, сразу поставлены въ средину широкаго и важнаго общественнаго, государственнаго, народнаго дѣла, и они были тогда въ этомъ дѣлѣ не слѣплыми орудіями, не пѣшками, а сознательными и одушевленными работниками. Сильное патріотическое одушевленіе охватило тогда нашихъ предковъ. Матвѣй Ивановичъ рассказывалъ, что еще до торжественнаго зачлененія Александра I-го не класть оружія, «доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ царствѣ», молодые гвардейскіе офицеры уже дали себѣ такую-же клятву: знаменитый рескриптъ не внесъ ничего новаго въ господствующее одушевленіе, онъ только царскимъ словомъ освятилъ общее настроеніе. Разъ любовь къ родинѣ была разбужена, она, конечно, не могла уничтожиться и по минованіи военныхъ обстоятельствъ; она должна была лишь видоизмѣниться, должна была обратиться отъ виѣшнихъ враговъ къ внутреннимъ бѣдствіямъ, ясно сознаннымъ во время самой войны. Возбужденіе, созданное 1812 годомъ, не могло бы улетѣть, даже не будь затѣмъ заграничныхъ походовъ. Любовь къ родинѣ, любовь къ народу, сближеніе съ нимъ не могли пройти безслѣдно. 1812 годъ былъ дѣломъ народнымъ, и

на этомъ дѣлѣ въ дружной работѣ встрѣтились и такъ называемое общество, и простой народъ. Любопытны слова какого-го солдата, передаваемыя однимъ современникомъ: «ну, слава Богу, вся Россія въ походъ пошла!» Дѣйствительно, походъ 1812 года былъ походомъ всей Россіи. Если его начальное значеніе для развитія нашего общества не вполне оцѣнено въ литературѣ, то, быть можетъ, еще менѣе выяснено значеніе его для народнаго сознанія, для послѣдовавшаго затѣмъ народнаго движенія, для волненій среди крѣпостныхъ. 1812 годъ былъ общимъ дѣломъ народа и общества, и не могъ не отразиться на томъ и на другомъ. Народъ единодушнымъ восстаніемъ въ 1812 году сильнымъ порывомъ спасъ родину, спасъ русское государство отъ гибели, отъ политическаго порабощенія; и вотъ послѣ этой торжественной побѣды значительной части народа приходилось вернуться въ прежнее крѣпостное рабство. Одного ужъ этого было достаточно, чтобы содѣять общественное движеніе.

Въ записной тетради Матвѣя Ивановича, относящейся къ началу 1870-хъ годовъ, сохранилась такая замѣтка: «Toutes les fois que je me retire du présent, que je retourne au passé, j'y trouve bien plus de chaleur... La différence des deux temps se résume d'un mot: on aimait. Nous étions les enfants de 1812. Sacrifier tous, même sa vie, pour l'amour de la patrie était l'impulsion du cœur. Il n'y avait pas d'égoïsme dans nos sentiments. J'en appelle Dieu en témoin!» Эта замѣтка очень характерна и для Матвѣя Ивановича, и для его времени.

Такимъ образомъ, повторяю, то значеніе, которое Матвѣй Ивановичъ приписывалъ 1812-му году, для насъ совершенно понятно и съ его личной точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія общей исторической.

Какъ-бы то ни было, событія 1812—1814 годовъ внесли небывалое оживленіе въ русскую жизнь, вызвали въ ней рядъ перемѣнъ. Понятно, что прежде всего и больше всего эта перемѣна отразилась на арміи, главной и непосредственной участницѣ всѣхъ предшествующихъ событій. Извѣстно изреченіе старыхъ фронтовиковъ: «война портитъ солдата». И тѣмъ болѣе должна была повліять на армію, «испортить» ее такая возбуждающая война, какою была наша борьба съ Наполеономъ, не говоря уже о сближеніи нашихъ солдатъ съ иностранными войсками, гдѣ они привыкали видѣть иные порядки, чѣмъ у себя. Трудно было послѣ походовъ 1812—1814 годовъ возстановить въ русской арміи сразу прежнюю дисциплину, и тѣмъ болѣе, что указанныя обстоятельства «испортили» не однихъ солдатъ, но и офицеровъ. Во многихъ полкахъ положеніе солдатъ, обращеніе съ ними

офицеровъ совершенно измѣнились; строгость ослабѣла, тѣлесныя наказанія стали рѣже и т. д. Такая переиѣна была всего замѣтнѣе, конечно, въ гвардіи, а изъ гвардейскихъ полковъ первое мѣсто тутъ занималъ Семеновскій полкъ, гдѣ служилъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, съ 1812-го года, и куда съ 1815-го года перешелъ и братъ его Сергѣй Ивановичъ.

По возвращеніи въ 1814-мъ году изъ похода, въ обществѣ офицеровъ Семеновскаго полка обнаружилась поразительная переиѣна; мѣсто прежнихъ кутежей и картъ заняли серіозные разговоры, чтеніе книгъ и газетъ; офицеры постоянно собирались или въ библиотекѣ, или въ устроенной при полку офицерской артели; отношеніе офицеровъ къ солдатамъ совершенно измѣнилось. Они старались сблизиться съ вѣрными имъ солдатами, войти въ ихъ нужды, своимъ вліяніемъ, а не строгостью, поддерживать дисциплину. Успѣхъ былъ полный и несомнѣнный. Хотя не только битые солдаты, но и всякія тѣлесныя наказанія были совершенно не въ употребленіи, Семеновскій полкъ, по отношенію къ дисциплинѣ и къ фронтовой службѣ, не оставялъ ничего желать и получалъ на смотрахъ высочайшія благодарности.

Но заведенные въ полку порядки все-таки не нравились сторонникамъ жестокой дисциплины (напр. Аракчееву), и подъ ихъ вліяніемъ, вмѣсто прежняго полковаго командира Потемкина, назначеннаго начальникомъ первой гвардейской дивизіи, въ Семеновскій полкъ былъ переведенъ полковникъ Шварцъ. Не буду входить въ дальнѣйшія подробности послѣдовавшей семеновской исторіи, которая въ общемъ хорошо извѣстна: этой исторіи посвящено нѣсколько статей, разсказовъ и воспоминаній на стр. «Русской Старины». Независимо отъ этого, даже такіе официальные или полуофициальные историки, какъ М. И. Богдановичъ, а за послѣднее время г. Диринъ, вполне показывали, что истинными причинами происшедшихъ въ полку въ 1820-мъ году безпорядковъ были непомѣрные требованія и притѣсненія со стороны полковника Шварца, введеніе имъ жестокихъ и несправедливыхъ наказаній, наконецъ, его возмутительное обращеніе съ солдатами. Слѣдствіе показало, что офицеры были совершенно непричастны происшедшимъ безпорядкамъ, которые вообще были усилены и раздуты неумѣльными дѣйствіями главныхъ начальниковъ.

Матвѣй Ивановича во время безпорядковъ не было въ полку: онъ былъ откомандированъ въ адъютанты къ малороссійскому генералъ-губернатору кн. Репнину. Но онъ хорошо зналъ подробности всего происшествія отъ товарищей и особенно отъ брата, который тогда же сообщилъ ему письменно обо всемъ. Во время послѣдовавшаго позднеѣ (1826 г.) ареста, бумаги Матвѣя Ивановича были тоже взяты, но

послѣ приговора вся личная переписка братьевъ Муравьевыхъ была возвращена изъ верховнаго уголовного суда сестрѣ ихъ, Е. И. Бибиковой, мужъ которой изъ непонятнаго страха затѣмъ ее уничтожилъ. Матвѣй Ивановичъ всегда съ ужаснымъ сожалѣніемъ вспоминалъ о погибшихъ тутъ письмахъ его покойнаго брата, но всего больше онъ жалѣлъ о письмѣ, которое передавало подробности семеновской исторіи. Тутъ была, между прочимъ, сохранена характерная подробность.

Сергѣю Ивановичу было поручено выводить изъ вѣрности семеновцевъ по-ротно, и когда онъ, по выводѣ послѣдней роты, явился къ полковнику Шварцу, то этотъ, растроганный, подвелъ Сергѣя Ивановича къ образу и сказалъ ему приблизительно слѣдующее:

— «Вогъ свидѣтель, я не виновенъ, что лишилъ Россію такого полка, я его не зналъ: мнѣ говорили, что это полкъ бунтовщиковъ, и я повѣрилъ, а я не стою послѣдняго солдата этого полка».

Матвѣй Ивановичъ былъ вообще недоволенъ существующими въ литературѣ разсказами о семеновской исторіи. По поводу послѣдняго изъ нихъ въ «Исторіи л.-гв. Семеновскаго полка» г. Дирина, Матвѣй Ивановичъ продиктовалъ свои воспоминанія о происшествіяхъ 1820-го года въ Семеновскомъ полку и рукопись эту передалъ въ полковую бібліотеку ¹⁾).

Ударъ, разразившійся надъ Старо-Семеновскимъ полкомъ, былъ очень чувствителенъ для Матвѣя Ивановича, хотя его въ то время уже не было въ полку. Онъ былъ горячо приваиванъ къ своему полку. Онъ всегда съ чувствомъ вспоминалъ о немъ, приговаривая: «ахъ, какой это былъ полкъ, какой былъ полкъ!»—и любилъ разсказывать о порядкахъ, существовавшихъ въ полку. И дѣйствительно, этотъ полкъ представлялъ нѣчто вполне особенное: не говоря уже о духѣ полка, онъ отличался совершенствомъ своего фронта, и это, при всей трудности тогдашнихъ уставовъ, было достигнуто безъ всякой строгости; тѣлесныхъ наказаній не было, солдата буквально не смѣлъ никто ударить. Даже теперь, черезъ 60—70 лѣтъ, много-ли найдемъ военныхъ частей съ такимъ образцовымъ порядкомъ?

Матвѣй Ивановичъ любилъ вспоминать одинъ случай. Онъ ѣхалъ по Сибири узникомъ, сосланнымъ на поселеніе. При остановкѣ въ какомъ-то городѣ часовой вдругъ кинулся его обнимать: оказалось, это

¹⁾ М. И. былъ такъ-же или еще больше недоволенъ нашими исторіями объ отечественной войнѣ, даже прямо говорилъ: „у насъ нѣтъ исторіи 12-го года!“ Упомянутый разсказъ, имъ продиктованный, отчасти касается такъ же и походовъ 1812—1814 годовъ. В. Я.

былъ семеновскій солдатъ, изъ числа сосланныхъ послѣ исторіи 1820-го года въ сибирскіе гарнизоны. Матвѣю Ивановичу пришлось еще позднѣе встрѣтиться съ старо-семеновскимъ солдатомъ: лѣтъ десять тому назадъ къ нему неожиданно явился бывшій случайно проѣздомъ въ Москвѣ старикъ, который служилъ при немъ въ старо-семеновскомъ полку, и девятидесятилѣтній солдатъ опять обнималъ своего восьмидесятилѣтняго офицера.

Передъ этимъ я упомянулъ, что Матвѣй Ивановичъ служилъ адъютантомъ у князя Репнина. Бстати будетъ передать случай, который припомнился мнѣ изъ разсказовъ Матвѣя Ивановича и который очень характеренъ и для начальника, и для подчиненнаго, быть можетъ, вообще для своего времени. Вскорѣ по назначеніи Матвѣя Ивановича адъютантомъ, кн. Репнинъ какъ-то обратился къ нему съ распоряженіемъ подавать лошадей; Матвѣй Ивановичъ позвонилъ и сказалъ вошедшему слугѣ, что князь хочетъ ему что-то приказать; Репнинъ повторилъ слугѣ свое приказаніе. Не смотря на это маленькое столкновеніе, кн. Репнинъ всегда оставался очень расположеннымъ къ Муравьеву, хотя, конечно, никогда уже не давалъ ему лавейскихъ порученій.

Обращаясь къ общественному движенію, ознаменовавшему вторую половину царствованія Александра I, я сдѣлаю лишь краткія указанія на участіе, какое въ немъ принималъ Матвѣй Ивановичъ; замѣчанія, сдѣланныя выше о смыслѣ и характерѣ этого движенія, достаточны для его общей оцѣнки.

III.

Матвѣй Ивановичъ, какъ и братъ его Сергѣй, были въ числѣ основателей перваго тайнаго общества, составившагося въ Петербургѣ въ 1816 году, будущаго «Союза Благоденствія». Съ тѣхъ поръ, въ теченіи почти 10 лѣтъ, Матвѣй Ивановичъ оставался дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества, не смотря на разныя пережѣны, въ немъ происходившія. Если онъ и не занималъ въ тайномъ обществѣ такого выдающагося мѣста, какъ братъ его Сергѣй, то все-таки онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ главнѣйшими дѣятелями тайнаго общества, былъ посвященнымъ участникомъ всѣхъ его дѣлъ и плановъ. Будучи одинъ изъ основателей «Союза Благоденствія» и стоя въ прямой связи съ Сѣвернымъ Обществомъ, Матвѣй Ивановичъ, живя затѣмъ на югѣ Россіи, былъ близокъ и со многими членами Южнаго Общества.

Декабрьская катастрофа 1825 г. застала Матвѣя Ивановича, тогда уже отставнаго подполковника, на югѣ; онъ гостилъ у своего брата Сергѣя и принималъ участіе въ возмущеніи Черниговскаго полка. Въ краткихъ воспоминаніяхъ онъ самъ разсказалъ о ходѣ этого возмущенія ¹⁾. 3-го января 1826 года произошла встрѣча возмущившихся черниговцевъ съ посланнымъ противъ нихъ отрядомъ. Видя невозможность неравной борьбы, Сергѣй Муравьевъ хотѣлъ остановить начавшуюся перестрѣлку, чтобы прекратить бесполезное кровопролитіе; но въ это время онъ упалъ, раненный картечью. Съ Муравьевыми былъ ихъ третій братъ Ипполитъ, которому еще не было 20 лѣтъ; только что послѣ блестящаго экзамена произведенный въ офицеры и назначенный въ штабъ второй арміи, онъ по дорогѣ заѣхалъ повидаться съ братьями, но засталъ ихъ ужъ во главѣ возмущенія. Не смотря на ихъ убѣжденія, Ипполитъ остался съ ними, желая раздѣлить ихъ участь. Когда онъ увидалъ паденіе брата Сергѣя, онъ застрѣлился изъ пистолета. Арестованные Матвѣй и Сергѣй Муравьевы насилу добились затѣмъ позволенія проститься съ трупомъ младшаго брата. Послѣ ареста Матвѣй Ивановичъ не былъ сначала разлученъ съ братомъ Сергѣемъ и могъ за нимъ ухаживать, какъ того требовала его рана. Но скоро ихъ разлучили. Послѣ допросовъ въ главномъ штабѣ 2-й арміи, они были отправлены въ Петербургъ и заключены въ Петропавловскую крѣпость. Ихъ со всѣми декабристами судили въ

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 0229.

верховномъ уголовномъ судѣ. Сергѣй Муравьевъ былъ отнесенъ къ первой категоріи, безъ разряда, и съ другими четырьмя товарищами приговоренъ къ четвертованію; Матвѣй Ивановичъ отнесенъ къ 1-му разряду, приговоренному къ смертной казни отсѣченіемъ головы. Известно, что по высочайшему повелѣнію четвертованіе безразрядныхъ было замѣнено повѣшеніемъ, а первому разряду смертная казнь вѣчною каторгою.

Такимъ образомъ, И. М. Муравьевъ-Апостолъ сразу лишился трехъ сыновей. Скорбь его о безвременно погибшихъ дѣтяхъ вылилась въ глубоко прочувствованной греческой элегіи. Переводъ ея:

«Три лавровыя дерева, предметъ гордости посадившаго ихъ, полныя силы и прелести юной красы, росли, сплетаясь вѣтвями и устрема верхи свои къ небу, стояли крѣпко, прямо и были славою отчизны».

«Но Зевсъ грянулъ Перуномъ—неслыханное дѣло!—въ деревья, посвященныя Фебу, и поразилъ ихъ до корня. Они потеряли красу свою и теперь повержены на той землѣ, которую должны были любить и защищать».

«Какая же участь того, кто ихъ посадилъ?... Осиротѣвшая глава его лежитъ подъ ихъ пепломъ!»..

Первый разрядъ декабристовъ, какъ упомянуто, подлежалъ, согласно высочайшему повелѣнію, ссылкѣ на вѣчныя каторжныя работы. Для Матвѣя Ивановича этотъ приговоръ былъ смягченъ: ему, вмѣстѣ съ пятью другими декабристами 1-го разряда, была назначена 20-тилѣтняя каторга; но и этому наказанію Матвѣй Ивановичъ не подвергся. Дѣло въ томъ, что въ бумагахъ его брата Сергѣя было найдено письмо Матвѣя Ивановича, гдѣ послѣдній умолялъ брата употребить все свое вліяніе, чтобы сдерживать порывы своихъ товарищей по тайному обществу, не допускать кровопролитія или покушенія противъ высочайшихъ особъ ¹⁾. За это письмо участь Матвѣя Ивановича была смягчена и онъ, по лишенію всѣхъ правъ состоянія, былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

На самомъ дѣлѣ оказалось, что участь Матвѣя Ивановича была тяжелѣе, чѣмъ участь его товарищей, осужденныхъ на каторгу. Хотя тѣ, обязанные известными работами, жили въ казематахъ Читы, а затѣмъ въ нарочно для нихъ выстроенномъ помѣщеніи въ Петровскомъ заводѣ, подъ довольно строгимъ надзоромъ, но они были всѣ

¹⁾ Письмо это потомъ тоже съ другими бумагами было возвращено Ек. И. Бибиковой и вмѣстѣ съ ними подверглось уничтоженію, какъ объ этомъ уже было сказано выше.

вмѣстѣ, они имѣли возможность читать, заниматься, получали книги, газеты и т. д. Въ известномъ смыслѣ Петровскій заводъ былъ для декабристовъ школою взаимнаго обученія. Они жили артелью, и тутъ-то и образовалась между ними живая, неразрывная связь (до ссылки далеко не всѣ они были знакомы другъ съ другомъ). Между тѣмъ Матвѣй Ивановичъ былъ въ Велюйскѣ, расположенномъ подь 63° 45' с. ш., состоявшемъ всего изъ трехъ десятковъ домовъ и нѣсколькихъ юртъ, въ одной изъ которой Матвѣй Ивановичъ и прожилъ три года. Одинокій и въ такой обстановкѣ, Матвѣй Ивановичъ, конечно, страдалъ гораздо больше, чѣмъ его товарищи, заключенные въ Петровскомъ заводѣ.

Въ 1829 году Матвѣй Ивановичъ, по ходатайству сестры своей Е. И. Бибиковой, былъ переведенъ въ Бухтарминскъ Семипалатинской области; тутъ его положеніе было гораздо лучше. Въ 1832 г. онъ здѣсь женился на племянницѣ таможеннаго начальника, М. К. Носовой.

Въ 1836 году Матвѣй Ивановичъ былъ переведенъ на жительство въ Ялutorовскъ, гдѣ онъ встрѣтился съ нѣсколькими товарищами декабристами. Отбывъ каторгу (срокъ которой былъ имъ сокращенъ высочайшимъ манифестомъ), декабристы были поселяемы въ разныхъ мѣстахъ Сибири по нѣскольку человекъ вмѣстѣ. Въ Ялutorовскѣ, кромѣ Муравьева, оказались: его однополчанинъ и товарищъ съ 1812 года И. Д. Якушкинъ, затѣмъ кн. Е. П. Оболенскій, И. И. Пущинъ, В. К. Тизенгаузенъ, Н. В. Басаргинъ, А. В. Ентальцевъ. Тутъ жизнь Матвѣя Ивановича потекла тихо и пріятно. Онъ особенно любилъ вспоминать двадцать лѣтъ, проведенныя въ Ялutorовскѣ.

Декабристы не были похоронены въ Сибири. Я только что говорилъ о томъ, что ихъ жизнь была чрезвычайно содержательна и въ каторжной артели. Разъѣхавшись на поселеніе, они во многихъ городахъ Сибири явились умственнымъ, оживляющимъ элементомъ. Они не были оторваны отъ жизни, они продолжали пристально слѣдить за событиями въ Европѣ и въ Россіи, обсуждали ихъ, отзывались на нихъ. Благодаря этому, они не застыли въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ и не пошли назадъ. Поэтому-то, по возвращеніи въ 1856 году въ Россію, декабристы явились въ русскомъ обществѣ не какъ нѣчто чуждое и отжившее, а какъ сила живая, оригинальная и—прибавлю—полезная; не говорю уже о тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли возможность и силы еще принимать самостоятельное участіе въ общественной жизни, какъ, напримѣръ, Ал. Н. Муравьевъ, назначенный нижегородскимъ губернаторомъ и оказавшій большія услуги крестьянскому дѣлу, или какъ тѣ изъ декабристовъ, которые послужили тому же дѣлу въ

качествѣ первыхъ мировыхъ посредниковъ или членовъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Вернушіеся декабристы большею частью носили на себѣ ясный отпечатокъ двадцатыхъ годовъ, сохраняли свои широкія гуманныя идеи, но это не мѣшало имъ любить и понимать новое время.

Обращаюсь къ Ялutorовску. Кружокъ декабристовъ, тутъ поселенныхъ, былъ особенно друженъ, особенно жизненъ и дѣятеленъ.

Въ Ялutorовскѣ декабристы не жили замкнутымъ кружкомъ; напротивъ того, они привлекали къ своему обществу всѣхъ, кого было можно. Они старались сблизиться съ ялutorовцами, вліять на нихъ, заботиться о нихъ; одинъ изъ декабристовъ устроилъ школу и т. д. Насколько имъ удалось оживить въ свое время Ялutorовскъ, можно видѣть изъ слѣдующаго свидѣтельства. Одинъ молодой медикъ, попавшій въ 1880 году городovýmъ врачомъ въ Ялutorовскъ, писалъ оттуда своему московскому пріятелю, что въ тихой и однообразной ялutorовской жизни наиболѣе живымъ элементомъ является воспоминаніе о времени пребыванія въ немъ декабристовъ, память о которыхъ до сихъ поръ тамъ свято хранится.

Немудрено, что Матвѣй Ивановичъ такъ любилъ ялutorовскій періодъ своей жизни. Онъ вообще вынесъ о Сибири самое отрадное воспоминаніе и любилъ ее, какъ ее любятъ обыкновенно только сибирскіе уроженцы, называлъ ее не иначе, какъ «наша Сибирь». Онъ, какъ и другіе декабристы, по возможности поддерживалъ свои отношенія съ сибирскими знакомыми, слѣдилъ за извѣстіями о сибирской жизни. Какъ всѣ старики, онъ часто вспоминалъ прошлое, и любимѣйшими его воспоминаніями были: 1812-й годъ, Семеновскій полкъ, люди и отношенія двадцатыхъ годовъ, а затѣмъ Сибирь и Ялutorовскъ.

IV.

Въ 1856-мъ году декабристамъ было разрѣшено вернуться въ Россію, имъ возвращены права состоянія. Матвѣй Ивановичъ поселился сначала въ Твери; въ 1860 году онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и оставался жить до самой смерти ¹⁾.

¹⁾ Лѣтомъ 1860 г. мы еще застали Матвѣя Ивановича въ г. Твери и провели у него, посѣтивъ этотъ городъ—цѣлый вечеръ. Это былъ бодрый, весьма словоохотливый и въ высшей степени интересный старикъ. Особенно замѣчательно было его отношеніе къ сотоварищамъ его по сибирской ссылке;

Какъ уже было сказано въ началѣ, Матвѣй Ивановичъ до кончины сохранялъ поразительную свѣжесть душевную и тѣлесную.

Матвѣй Ивановичъ очень много читалъ, покупая себѣ новыя книги или доставая ихъ изъ библіотеки. Любимѣйшее его чтеніе составляли историческія сочиненія, особенно, конечно, по новой русской исторіи. Семейными преданіями и личными воспоминаніями связанный съ царствованіями Екатерины II и Павла I, участникъ въ главныхъ событіяхъ александровской эпохи, внимательный и чуткій свидѣтель царствованій Николая I и Александра II, онъ съ глубокимъ, живымъ интересомъ читалъ историческіе матеріалы и изслѣдованія, которыя касались русской исторіи за послѣднія сто лѣтъ. Въ оставшейся послѣ него довольно обширной библіотекѣ, въ книгахъ до половины 1870-хъ годовъ часто встрѣчаются на поляхъ его замѣчанія и поправки. Позднѣе ему стало трудно писать, а за послѣдніе годы онъ пересталъ видѣть однимъ глазомъ и уже не могъ самъ читать. Тогда ему постоянно читали вслухъ. Цѣлый день проходилъ въ чтеніи. Съ утра прочитывалась газета, а затѣмъ принимались за книги.

Кромѣ историческаго чтенія, Матвѣй Ивановичъ не переставалъ слѣдить и за текущими общественными явленіями, читалъ выдающіяся новыя сочиненія по общественнымъ вопросамъ. Хотя, конечно, за послѣдніе годы для него главный интересъ былъ уже въ прошедшемъ, но онъ всетаки не былъ оторванъ отъ настоящаго и съ горячею любовью къ Россіи слѣдилъ за интересами дня.

Въ то время, когда онъ еще могъ писать, онъ дѣлалъ иногда въ записной тетради наброски воспоминаній о далекомъ прошломъ; на ряду съ этими воспоминаніями, тутъ-же встрѣчаются и замѣтки по современнымъ вопросамъ, выписки изъ статей, его заинтересовавшихъ, и т. д. Въ этой тетради мы встрѣчаемъ характерную замѣтку: когда въ 1872-мъ году были изданы новыя цензурныя правила, Матвѣй Ивановичъ не остался равнодушенъ къ судьбамъ нашей печати; онъ сдѣлалъ большую выписку изъ газетной статьи объ этомъ законѣ и въ концѣ записалъ: «2-го іюля смотрѣлъ выставку (политехническую)... подъ впечатлѣніемъ новаго закона о печати, изданнаго въ юбилейный годъ Петра I»...

Матвѣй Ивановичъ, понятно, любилъ вспоминать про старое.

память ихъ онъ чтитъ необходимо; стѣны его кабинета были покрыты множествомъ портретовъ его союзниковъ. Въ 1881 г., въ бытность въ Москвѣ, мы опять посѣтили Матвѣя Ивановича и наши въ немъ старца — сильно уже ослабѣвшаго, но только физически.

Р е д.

Память его на прошлое была изумительна. Что она его не обманывала, это можно было судить потому, что, рассказывая въ разное время объ одномъ и томъ-же, онъ одинаково передавалъ подробности рассказа; притомъ-же воспоминанія Матвѣя Ивановича касались часто такихъ историческихъ событій, въ которыхъ годы, имена можно было прѣвѣрять несомнѣнными справками.

Не смотря на физическую слабость послѣднихъ лѣтъ, отражавшуюся на общемъ состояніи, Матвѣй Ивановичъ еще поражалъ свѣжестью своей памяти на прошлое. Не дальше, какъ въ январѣ 1886-го года онъ продиетовалъ поправку относительно Бородина къ запискамъ Н. Н. Муравьева-Карскаго, напечатаннымъ въ «Русскомъ Архивѣ», и затѣмъ объяснялся о ней лично съ прѣвѣхшимъ для того къ нему г. Бартеневымъ.

Матвѣй Ивановичъ до самаго конца оставался вѣренъ своему прошлому, не только по свѣжему о немъ воспоминанію и по горячей любви къ этому прошлому и къ своимъ товарищамъ, но также и по вѣрности своимъ высокимъ и гуманнымъ принципамъ, которые нерѣдко сказывались даже въ мелочахъ.

Матвѣй Ивановичъ былъ большой любитель музыки и до послѣднихъ дней съ удовольствіемъ слушалъ игру на фортепиано, вѣрно оцѣнивая ея достоинство, постоянно узнавая пьесы знакомыхъ композиторовъ.

Матвѣй Ивановичъ долго сохранялъ и физическую крѣпость. Онъ постоянно гулялъ пѣшкомъ много и безустали. Я помню, еще въ 1872-мъ году мы провели съ нимъ буквально цѣлый день на политехнической выставкѣ, съ утра до вечера, почти не переставая ходить по ея раскиданнымъ отдѣламъ. Еще во второй половинѣ 1870-хъ годовъ его обыкновенною ежедневною прогулкою было пройти, по крайней мѣрѣ, отъ своей квартиры на Триумфальной Садовой по Тверской или по Малой Дмитровкѣ и затѣмъ по Тверскому бульвару до конца и обратно. Послѣдніе годы его ноги ему стали измѣнять, онъ уже не могъ гулять пѣшкомъ, а послѣдніе два года онъ и по комнатѣ ходилъ мало и то не иначе, какъ при чужой помощи. Кромѣ его прелонныхъ лѣтъ тутъ сказывалась еще кульмская рана въ ногу: у него прежде всего стала отказываться именно раненая правая нога. Какъ уже упомянуто, Матвѣй Ивановичъ сталъ въ то же время плохо видѣть, а подъ конецъ онъ уже и слышалъ нехорошо. Тяжесть этого положенія была по возможности всячески облегчена ему постоянными заботами его воспитанницы А. П. Сазановичъ, которую онъ еще маленькой дѣвочкой взялъ къ себѣ въ домъ.

Въ 1883-мъ году Матвѣй Ивановичъ принималъ нѣкоторое участіе въ двухсот-лѣтнемъ юбилеѣ Семеновскаго полка, столь имъ любимаго, при чемъ ему по этому случаю былъ возвращенъ бородинскій Георгіевскій крестъ; онъ присутствовалъ при праздникѣ въ Преображенской слободѣ и имѣлъ счастье быть представленнымъ Государю Императору, какъ старосеменовецъ и ветеранъ 1812-го года. Въ тотъ же день князь Черногорскій надѣлъ на Матвѣя Ивановича крестъ св. Данилы. Боязнъ усталости не позволила Матвѣю Ивановичу присутствовать на освященіи храма Спасителя, какъ онъ-бы желалъ. Онъ былъ счастливъ, что дожилъ до юбилея Семеновскаго полка, до торжества въ память 1812-го года.

Къ сдѣланной выше характеристикѣ Матвѣя Ивановича надо еще добавить одну черту: его необыкновенную доброту, его желаніе всякому помочь. Эта доброта, между прочимъ, опредѣленно выражалась въ помощи, которую онъ оказывалъ многимъ недостаточнымъ учащимся для достиженія ими средняго, высшаго и научнаго образованія. Его заботливость объ учащихся выразилась и въ его духовной, по которой онъ завѣщалъ московскому университету весьма значительный капиталъ, имѣя въ виду учебныя цѣли университета, желая оказать помощь недостаточнымъ студентамъ въ окончаніи курса и въ дальнѣйшемъ продолженіи научныхъ занятій.

Въ началѣ февраля 1886 г. въ положеніи Матвѣя Ивановича сдѣлалось замѣтно сильное ухудшеніе. Можно ужъ было бояться, что ему остается жить недолго. Въ половинѣ февраля его положеніе еще осложнилось острыми явленіями со стороны легкихъ и почекъ. Онъ скончался рано утромъ 21-го февраля, сохраняя полную память, хотя по слабости онъ уже наканунѣ почти не могъ говорить, и не доживъ только двухъ мѣсяцевъ до своей 93 годовщины.

Матвѣй Ивановичъ былъ похороненъ, согласно своему желанію, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ его горячо любимой матерью. На томъ же кладбищѣ лежатъ еще два декабриста, близкіе товарищи Матвѣя Ивановича,—князь С. П. Трубецкой († 1860) и Ал. Н. Муравьевъ († 1864 г.).

На заупокойной обѣднѣ, которая была отслужена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ на девятый день по кончинѣ Матвѣя Ивановича, присутствовалъ офицеръ Семеновскаго полка г. Гаевскій, пріѣхавшій возложить на могилу покойнаго роскошный вѣнокъ съ надписью на лентахъ: л. «г. Семеновскій полкъ — Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу». Вниманіе семеновцевъ къ памяти Матвѣя Ивановича было исполнѣ оцѣнено всѣми его близкими, хорошо знавшими, какъ Матвѣй Ивановичъ любилъ Семеновскій полкъ.

М. И. Муравьевъ-Апостолъ былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ и потому распорядился передачею своей фамилии одному изъ своихъ внучатныхъ племянниковъ—В. В. Коробьину.

Всѣ знавшіе Матвѣя Ивановича, даже за послѣдніе его годы, сохраняютъ, конечно, о немъ самое оградное и чистое воспоминаніе ¹⁾.

Сообщ. В. Ш. Якушкинъ.

Москва.
Мартъ 1886 года.

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь, что въ 23-му апрѣля 1886 г. изъ лицъ, пострадавшихъ за участіе въ общественномъ движеніи 1825 г., оставались въ живыхъ всего лишь трое: А. П. Бѣляевъ и П. Н. Свистуновъ — въ Москвѣ, и М. А. Назимовъ во Псковѣ.
Ред.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ

1831.

С. И. Кирѣвскій весьма обязательно сообщилъ вамъ альбомъ своего покойнаго отца И. В. Кирѣвскаго, въ которомъ вписано поэтомъ Н. М. Языковымъ—собственноручно—печатанное здѣсь стихотвореніе; оно обращено къ Ивану Васильевичу Кирѣвскому. Ред.

Поэтъ, вхожу я горделиво
Въ твой достопамятный альбомъ;
Въ немъ становлюсь краснорѣчиво:
Тепло и весело мнѣ въ немъ!
И вотъ тебѣ привѣтъ заздравный
На много лѣтъ, ночей и дней!
Живи и дѣйствуй православно
Во славу родины своей:
Ты взоръ и умъ трудолюбивый
Въ дѣла минувшія вперись,
И пересмотришь ихъ архивы,
И старину разговоришь,
И дашь намъ вѣсти не чужія
И думы вѣрныя объ ней:
Да чисто-русская Россія
Предъ нами явится виднѣй!
Иди, трудись—и дай мнѣ руку!
Не въ томъ вся жизнь и честь моя,
Что проповѣдую науку
Свободно шумнаго житья
И сильно-пьянаго веселья—
Ученье младости былой.—

Близка пора: мечты похмѣлья
Моей кометы удалой
Пройдутъ; на новую дорогу
Она свой гласъ перенесётъ
И гимнь отеческому Богу
Благоговѣнно запоетъ,
И древность русскую, быть можетъ,
Начнетъ она провозглашать.
Тогда—не правда-ль? мнѣ поможетъ
Твоей пріязни благодать!

Н. Языковъ.

1831 г. ноября 21.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ПОДОЛИНСКІЙ.

Э М Ъ Й.

КИЕВСКАЯ БИЛЪ

[1827 г.].

Маститый поэтъ Андрей Ивановичъ Подолинскій, столь еще недавно скончавшійся (4-го января 1886 г.), въ 1884 году сообщилъ намъ большое собраніе своихъ неизданныхъ поэтическихъ произведеній. Почти всѣ они были напечатаны нами въ январской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1885 г. Присоединяемъ къ нимъ его повѣсть, также до сихъ поръ неизданную и тогда-же самимъ авторомъ намъ сообщенную.

Ред.

Творецъ мечтательной Свѣтланы,
Кѣмъ созданъ мрачный Громобой,
Кѣмъ былъ воспѣтъ и плачь Минваны,
И древней Греціи герой,
Въ часы вечернихъ вдохновеній
Водилъ Харитамъ на показъ
Бѣсовъ и вѣдьмъ, и привидѣній,
Всю эту сволочь на Парнасъ;
И тамъ нечистыхъ силъ проказы
Въ балладахъ звучныхъ разсказалъ,
А послѣ намъ онъ передалъ
Всѣ эти чудные разказы...
Въ глухія ночи ихъ не разъ
Уградкой дѣвушки читали,
И съ книги свестъ не смѣя глазъ,
За каждой стѣлочкой трепетали..
Чуть шаркнетъ мышъ, чуть щелкнетъ дверь,
Душа замретъ и грудь забьется;
Но слуху всякому не вѣрь,
Давно пословица ведется.

Какъ всѣ поэты, нашъ пѣвецъ
 Не угнеталъ воображенья,
 И, въ страстномъ пылѣ увлеченья,
 Безбожно лгалъ онъ, наконецъ.
 Въ разсказѣ были я не могъ
 Такому слѣдовать примѣру,
 И, въ истину пятая вѣру,
 Я, какъ историкъ, буду строгъ.

I.

Да вѣжъ мнѣ не ходыты
 Въ лѣски по орѣшки,
 Да вѣжъ мнѣ мынулѣся
 Дивоцѣмъ сивпѣмъ.

Малорос. пѣсня.

Лѣтъ за тридцать или за сорокъ въ Кіевѣ жила бѣдная старушка, вдова отставнаго солдата. Ея тѣжина едва держалась на самой подошвѣ славной горы Скавики, была окружена заборомъ изъ драни, совершенно искривленнымъ отъ частаго паденія земли и песка, дождями смываемыхъ съ вершины. Силы старушки день ото дня истощались и, наконецъ, чтобы снискать хотя скудное пропитаніе, она должна была прибѣгнуть [къ легкому и разнообразному промыслу перекупки, т. е. къ мелочной торговлѣ плодами и овощами, привозимыми изъ окрестныхъ деревень.

Иногда носились невыгодные слухи, что у Иванычи,—подъ этимъ именемъ всѣ ее знали,—можно купить за безцѣнокъ и порядочныя вещицы, которыя Богъ-вѣсть какъ попадали ей въ руки; но кто уйдетъ отъ злословія, особенно женскаго? Я готовъ вѣрить, что Иваныча продавала свои старинныя наряды, долго заключенныя въ дубовомъ, желѣзномъ окованномъ, сундукѣ на колесцахъ, чтобы порадовать единственную дочь праздничною обновкою.

Всегда свѣжа, всегда румяна,
 Росла прелестная Ульяна,
 Старушки маленькая дочь;
 Росла—и выросла точь въ точь
 Подруга витязя Руслана.
 Не помню, какъ звалась она,
 Княжна Людмила или Свѣтлана?
 У Черномора колдуна
 Томилась эта же княжна,
 Въ саду купалась у фонтана,
 Потомъ была усыплена,

Потомъ опять пробуждена,
 Ну вспомнилъ? Мом Ульяна
 Въ чертахъ и голосъ весьма
 Ниѣла съ ней большое сходство,
 Души такое-жъ благородство
 И столько-жъ милаго ума.
 Порою, на Ульяну глядя,
 Украдкой любовалась мать
 И подѣлуями пугать
 Ее любилъ покойный дядя,
 Сѣдой, изгорбленный морякъ,
 Но балагуръ и весельчакъ.

Однообразно проходили дни старушки и ея дочери. Каждое утро Ульяна помогала матери переносить на рынокъ все приготовленное на тотъ день къ продажѣ. Тогда Иваныча, одѣтая въ нанковый халатъ льнянаго цвѣта, повязанная, прилично лѣтавъ, темными платкомъ, на которомъ прикѣплены были сѣвды нѣкогда золотомъ вышитыхъ узоровъ, садилась на свою скамью въ лѣнїи перекупокъ и, пристально наблюдая за огромною кучею сливъ или яблочьковъ, высыпанныхъ пирамидально на чистую рогожу, открывала неприятельскїя дѣйствїя противъ своихъ задорныхъ сосѣдокъ.хлопотъ у нея было не мало: не пропустить покушника, хвалить свой товаръ, вязать въ пучки вишни, отсчитывать десятками яблоки и сливы, стаканчиками отсѣривать ягоды или высушенныя сѣмена тыквы, лакомство малороссїянъ, увязывать въ узелокъ деньги и отступиваться, не теряя присутствїя духа, если открывался огонь за сосѣдними батареями.

Пособивъ матери, Ульяна возвращалась въ свою душную кижину и, придвинувъ ручныя пальцы къ окну, составленному, съ помощїю узенькихъ досточекъ, изъ разбитыхъ стеколъ, садилась за работу. Хотя солнце рѣдко заглядывало на ея труды, но никогда не ошибалась она въ цвѣтъ и быстро вгла мастерицы

Рождала розу и лилею,
 И, въ яркомъ отблескѣ шелковъ,
 Рядъ фантастическихъ цвѣтовъ
 На диво-бъ даже и Линнею...

Во всемъ околѣткѣ никто не вышивалъ лучше Ульяны и скоро слава ея разошлась по окрестнымъ деревнямъ. Сельскїя щеголихи чаще просили позволенїя нужей поклониться уютникамъ печерскимъ, а въ сущности для того, чтобы на перехватъ раскупать нарядные очники¹⁾, вышитыя Ульяною.

¹⁾ Очипокъ—головной уборъ малороссїйскихъ женщинъ.

Быстро проходило время въ занятіяхъ Ульяны и въ хлопотахъ ея матери. Вотъ наступила уже семнадцатая весна моея красавицы.

Лѣта, какъ дѣвушка ужъ скучно,
 Когда ужъ дѣвушка груститъ,
 И сердце съ мыслью неразлучно,
 И эту мысль отъ всѣхъ таятъ;
 Когда невольное волненіе
 Колеблетъ трепетную грудь,
 И слишкомъ часто сновидѣнья
 Рисуетъ ей кого нибудь;
 Какъ безъ причинъ она вздыхаетъ,
 Какъ безъ причинъ она смутна,
 И каждый день блѣдна, томна,
 Веселость дѣтскую теряетъ,
 Ну, словомъ, не тая грѣха,
 Какъ ждетъ дѣвица жениха.

Простодушная Ульяна не избѣжала общей участи и она призадумалась и у нея завала томная мысль на сердцѣ; встрѣтитъ-ли статнаго молодца на улицѣ, потушить глаза, скорыми шагами пойдеть въ свою горенку, сядеть за пальцы и напѣваетъ заунывную пѣсенку. Румянецъ не такъ уже ярокъ на ея щекахъ, сны смутнѣе и почти каждую ночь кто-то одинъ ей греется и, какъ-то несознательно, она кого-то ожидаетъ...

II.

Якъ танцюе пидъ сириницю,
 Такъ, хочъ побожуся,
 Немай лучше, немай враще,
 Якъ моя Настуся.

Малорос. пѣсня.

И дождалась!.. Наступилъ день ярмарки, пестрая толпа, одна за другою, потянулись на Кореневку и на площади, гдѣ построены были качели и разбиты палатки сбительщиковъ, не гдѣ-съ и горошинкѣ прокатиться,—такъ велико было стеченіе народа; „на ярмаркѣ люди щедрѣе, любятъ полакомиться“, подумала Иваныха и поплевалась съ своими корзинами. Съ нею, какъ помощница, пошла и дочь, но дѣвушка только хотѣлось повеселиться, да людей посмотреть и себя показать. Вотъ, наконецъ, и она въ толпѣ, любитъ живою картиною ярмарки.

Повсюду шумное веселье,
 Повсюду пѣнится вино,
 Оно на радость намъ дано,
 И человекъ добръ въ похмѣльѣ.

Между повозками крестьянъ
 Тѣснится съ лошадей цыганъ,
 Пестрѣютъ яркія обновки
 И у купчихъ, и у мѣщанъ,
 Лукаво смотрять въ балаганъ
 Жиды и толстыя жидовки,
 И съ ревомъ прыгаетъ медвѣдь,
 И вѣсать ягоды на мѣдъ
 Краснорѣчивыя торговки ¹⁾.
 Вездѣ попойка, крикъ и звонъ
 И музыка со всѣхъ сторонъ.

Веселость приличива, легко переходитъ отъ одного къ другому. Глядя на лица, оживленные удовольствіемъ, Ульяна забыла на время свою грустную думу; лицо ея прояснилось и увлеченная толпою она незамѣтно подошла къ намету изъ липовыхъ вѣтвей, подъ которымъ играла музыка и оживляла шумную пляску. Оркестръ былъ не великъ:

Волторнъ, труба, два скрипача,
 Да жидъ съ тарелками проворный
 Въ полъяна рѣзали съ плеча
 Какой-то танецъ презадорный;
 Иные въ пляскѣ сторяча
 Толпу густую разсѣкали;
 И въ ладъ, по музыкѣ, мелькали
 Верхушки головныхъ платковъ
 И помы длинныхъ сюртуковъ.

Между этими особенно отличался молодой человекъ, красивый и статный. Его ловкость доказывала, что онъ не въ первый разъ плясалъ подъ ярмарочными наметами, а по его свѣтлосинему сюртуку и шапкѣ изъ крымскихъ барашекъ было не трудно угадать, что онъ принадлежитъ къ одному изъ цеховъ кievскаго мѣщанства. Каждая дѣвушка охотно готова была стать съ нимъ въ пару; утомивъ одну, онъ выбиралъ другую, и вотъ дошла очередь и до Ульяны; онъ ее замѣтилъ, втѣснился въ толпу, взялъ ее за руку и началъ снова пробиваться къ музыкантамъ. Уже давно вглядывалась въ него Ульяна; теперь, разсмотрѣвъ его черты вблизи:

Смутилась вдругъ, затрепетала...
 Его лицо знакомо ей,
 Она не разъ его видала,
 Во мракѣ святочныхъ ночей,
 Когда о суженомъ гадала.
 Хотѣла вырваться, бѣжать,
 Но чтобы страннымъ поведеніемъ

¹⁾ Кievскія торговки имѣли обыкновеніе употреблять на вѣсахъ мѣдныя монеты; 8 пятаковъ составляли ровно фунтъ вѣса.

Сосѣдамъ повода не дать
 Къ догадкамъ, къ толкамъ, къ подозрѣньямъ,
 Рѣшилась—и пошла плясать.

Едва показалась она съ своимъ провожатымъ, на нее обратилось общее вниманіе; начала плясать и крики одобренія заглушали музыку. И точно, ни съ одною дѣвушкою не плясалъ онъ такъ ловко, ни одной изъ нихъ не было шлѣе.

Усталая, нѣсколько разъ хотѣла она оставить намѣтъ, но общія просьбы ее удержали. Молодой человѣкъ забылъ другія красавицы, одна Ульяна занимала его, она одна казалась ему достойною раздѣлять громкія похвалы и поощренія подгулявшихъ зрителей. Наконецъ, имѣльные музыканты вывели Ульяну изъ затрудненія, каждый захотѣлъ играть свое, они поссорились и дѣло дошло до драки.

Сверкая гнѣвными очами,
 Волторнъ съ трубою началъ бой,
 А скрипачи между собой
 Другъ друга жарили смычками,
 А жидъ? Нашъ жидъ не безъ ума,
 Войны не жалуютъ евреи,
 Вѣдь имъ не разъ ломали шею,
 Чуть-гдѣ случалась кутерьма,
 Трусливый, совѣстью нечистый,
 Онъ ускользнуть хотѣлъ тайкомъ,
 Но вслѣдъ за нимъ семинаристы
 Пустили глиной и пескомъ.

Во время такой суматохи, Ульянѣ, хотя съ трудомъ, удалось пробиться сквозь толпу, слушающую болѣе и болѣе. Страшный шумъ и хохотъ привлекалъ туда каждого, кто проходилъ мимо.

Но вотъ наша красавица опять подъ открытымъ небомъ.

Прохладный вѣтеръ дышетъ ей,
 Играя влажными кудрями,
 Лице горитъ еще сильнѣй,
 Напрасно машетъ рукавами
 На грудь усталую она;
 Впервые въ жизнь принуждена
 Въ толпѣ людей, рукой нескромной,
 Чтобы свободнѣе вдохнуть,
 Платочекъ шейный распахнуть;
 Но день погаснулъ въ тучѣ темной,
 А дѣвушкѣ въ вечерній часъ,
 Не такъ опасенъ дерзкій глазъ.

Но и прохлада вечера не освѣжаетъ ея полуобнаженной груди.

Ничто Ульянѣ не поможетъ,
 И жарко ей, и душно ей,

И грудь дрожащая не может
 Дышать спокойнѣй и вольнѣй.
 У свѣтскихъ дамъ совсѣмъ иное,
 Ихъ не преслѣдуетъ жара,
 Да если-бъ имъ томиться въ зноѣ,
 Къ чему-бъ годилась вѣра?..

Тѣмнѣть, толпы рѣдѣютъ на площади. „Пора домой“, думаетъ Ульяна и безпокойно оглядывается вокругъ, не увидитъ-ли своей матери; она отстала отъ нея въ тѣснотѣ вскорѣ послѣ прихода на ярмарку. Время отъ времени слышится ей звонкій голосъ Иванныи, но заглушаемый другими теряется опять и оставляетъ Ульяну въ неизвѣстности. Встревоженная, съ трепетомъ обѣгаетъ она площадь, а между тѣмъ

Одѣла звѣзды темный сводъ,
 Изъ-за Днѣпра луна выходитъ,
 И на пестрѣющій народъ
 Свой свѣтъ серебряный наводитъ;
 Пустьѣть площадь; ночь зоветъ
 Усталыхъ въ лоно сна и нѣги,
 И за телѣгами телѣги
 Протяжно двинулись впередъ;
 У опустѣлыхъ балагановъ
 Замолкнулъ шумъ и звукъ стекла,
 Туда къ ночлегу прибрела
 Толпа блуждающихъ цыгановъ;
 Качели праздны, второнихъ
 Уносить наскоро товары,
 Кругомъ потули самовары
 И смолкли пѣсни въ шалашахъ,
 И вотъ все тихо, лишь порохъ
 Заноситъ вѣтеръ стороною
 Далекій откликъ голосовъ,
 Да бой Кирилловскихъ часовъ.

Почти никого не видно болѣе на площади, а Ульяна до сихъ поръ ходитъ взадъ и впередъ призадумавшись; правда, ей было о чемъ позаботиться: вѣрно мать ее ищетъ, вѣрно она встревожена ея отсутствіемъ; болѣе же всего безпокоила дѣвушку мысль, какъ идти одной въ такую пору; случится дурная встрѣча и далеко-ли до бѣды? Вдругъ кто-то взялъ ее за руку, она оглянулась, потушила глаза и отдернула руку. Передъ нею стоялъ незнакомецъ, съ которымъ она такъ долго плясала подъ наметомъ.

„О чемъ ты задумалась, красавица? скавалъ онъ, люди расходятся, пора и тебѣ домой!“

„Я ищу матушки“, отвѣчала Ульяна; но голосъ ея дрожалъ и едва можно было его слышать.

„Ея нѣтъ, такъ я берусь проводить тебя до дому, возразилъ незнакомецъ, — а со мной не бойся, никто не обидитъ“.

Положеніе Ульяны было затруднительно. Что скажутъ сосѣдки, если увидятъ ее, сопровождаемую такимъ пригожимъ молодцомъ? Что можетъ случиться, если она пойдетъ одна? Наружность незнакомца говорила въ его пользу и казалось была порокою, что онъ не имѣетъ злаго умысла.

„Онъ должно быть добрый человекъ“, подумала Ульяна и рѣшилась принять его предложеніе. Они пошли, но никто изъ нихъ долго не прерывалъ молчанія. Статный провожатый, наконецъ, рѣшился спросить какъ ее зовутъ.

„Ульяна“, отвѣчала она, зарумянившись.

„Ульяна? Не дочь-ли вдовы Ивановки?“

„Да! Чему-жь ты удивился?“

„Я давно слышался о твоёмъ вышиваніи, а болѣе о твоей красотѣ, Ульяна; давно хотѣлъ видѣть тебя и только теперь случай свелъ меня съ тобою“.

Дѣвушка не знала что отвѣчать, она молчала, но сердце ея сильно билось, а лицо горѣло. Незнакомецъ замѣтилъ ея смущеніе и перешелъ къ другому разговору, который мало по малу сдѣлался живѣе и разнообразнѣе; веселость и добродушіе незнакомца очаровали Ульяну.

Досель безмолвна и стыдлива
Моя красавица была,
Теперь боязнь ея прошла,
Ульяна стала говорлива
И такъ, какъ рѣдко, весела.
Ея услужливый вожатый
Рука съ рукою съ нею шелъ,
И разговоръ замысловатый
Почти безъ умолку онъ велъ.
Къ тому-жь, по вѣрному извѣстью,
Морочилъ дѣвушку онъ лестью,
А лесть красавицамъ мила,
Какъ дѣтамъ новая игрушка,
Какъ сходитъ дружеской пирушка,
И какъ поэту похвала.

Болѣе и болѣе знакомилась Ульяна съ своимъ провожатымъ, но до сихъ сихъ поръ она не знала кто онъ. Наконецъ, превозмгло любопытство.

То зло, котораго начало
Таится въ темной старинѣ,
Винной Евой обладало
И въ пользу было Сатанѣ.
На нашей сумрачной планетѣ
Все этимъ зломъ заражено,
Оно гнѣздится въ модномъ свѣтѣ

И въ скромныхъ хижинахъ оно.
 Пора! довольно мы терѣли.
 Пора изгнать его отъ насъ,
 Но что а?.. вы-бъ не захотѣли
 Тогда дослушать мой разсказъ.

И Ульяна спросила незнакомца объ имени.

„Оно, вѣрно, не будетъ для тебя новымъ, отвѣчалъ онъ, весь городъ знаетъ ткача Петра“.

Дѣвушка оцѣпенѣла, морозъ пробѣжалъ по жиламъ и ноги подкосились. Его имя, точно, не было ей ново, она часто, съ ужасомъ, слышала разсказы матери и сосѣдокъ о ткачѣ Петрѣ; всѣ онѣ называли его атаманомъ киевскихъ повѣсь, головою разгульною и увѣрили Ульяну, что онъ для дѣвушекъ опаснѣе чумы; утверждали даже, что Петръ и съ недобрыми людьми, и съ злыми духами водилъ дружбу. Все это сдѣлало сильное впечатлѣнiе на Ульяну; она замерла отъ страха, будучи глазъ на глазъ съ человѣкомъ, одно имя котораго всегда ее пугало.

Однако-жъ Ульяна опомнилась, но, взглянувъ на Петра, вскрикнула и хотѣла бѣжать. Онъ ее остановилъ.

„Пусти меня“, умоляла красавица и силилась вырвать руку, за которую Петръ ее удерживалъ.

„Выслушай меня, Ульяна, сказалъ онъ, наконецъ, трепетавшей дѣвушкѣ, я вижу, что мое имя тебя испугало; вѣрно и до тебя дошли недобрые слухи, которые злые языки разнесли обо мнѣ по городу; ты имъ повѣрила, тѣмъ болѣе, что и твоя мать Иваныча говоритъ обо мнѣ дурно; но я разскажу тебѣ, за что она на меня злится. Вотъ видишь-ли, однажды, я гнался по улицѣ за жидомъ, на котораго давно у меня чесались руки; вдругъ, на поворотѣ, встрѣтилъ я твою мать и со всего разбѣга спихнулъ ее съ ногъ; она упала, корзинки отлетѣли въ сторону; какъ на зло наскочила толпа мальчишекъ, раскватала рассыпавшіяся яблоки и груши и съ насмѣшками проводила ее до дому. Этого случая не можетъ забыть Иваныча и, утверждая, что я съ умысломъ ее опрокинулъ, ни за что въ свѣтѣ не скажетъ обо мнѣ добраго слова. Ты видишь сама, Ульяна, такой-ли я повѣса, какъ тебѣ разсказали. Кажется, ни въ чемъ не можешь на меня пожаловаться...“

Ульяна хотѣла отвѣчать, но жилище ея было близко и мать, сидѣвшая на порогѣ, бросилась на встрѣчу. Увидѣвъ Петра, Иваныча вдругъ остановилась, глаза ея сверкнули, а губы посинѣли и задрожали.

„Ты зачѣмъ сюда, негодяй?“ закричала она, и отъ гнѣва не могла сразу продолжать своего прiвѣтствiя.

„Я проводилъ твою дочь, отвѣчалъ Петръ, и, кажется, заслужилъ твое спасибо“.

„Ульяна и безъ тебяшла-бы дорогу“, грубо возразила старука.
Петръ стоялъ и ни слова.

„Чего-жь ты еще ждешь? задыхаясь крикнула Ивановых и кинулась къ нему съ поднятыми руками. Убирайся отсюда, не то кликну сосѣдокъ и метлами укажемъ тебѣ дорогу! Будешь знать, какъ по ночамъ провожать дѣвушекъ! А ты“... примолвила она, обратясь къ Ульянѣ, и, не въ силахъ говорить болѣе, дернула ее за руку, толкнула въ хижину и захлопнула за собою дверь. Петръ подкрался къ окну и при свѣтѣ тусклаго огонька могъ рассмотреть, что происходило за дверью. Подлѣ печи стояла блѣдная Ульяна и горько плакала, а неугомонная Ивановых дѣлала ей съ жаромъ родительскія наставленія и подтверждала ихъ такими доказательствами, что коса и кудри красавицы растрепались, а блѣдныя щеки покраснѣли. Больно было Петру смотрѣть на эту картину, но пособить Ульянѣ онъ не могъ. Долго стоялъ онъ у окна, наконецъ, огонь въ хижинѣ потулъ и все стало тихо. Теперь только замѣтилъ Петръ, что мѣсяцъ уже высоко стоялъ на небѣ, и, задумавшись, побрѣлъ домой.

III.

Снылась мнѣ моя маты
Потороча въ ночи,
Въ поторочи черныя очи
И мушкетъ на плечи ¹⁾.

Магрос. пѣсня.

Когда Ульяна легла на свою жесткую постель, ей казалось, что во всю ночь не сомкнетъ она глазъ, такъ тяжело она дышала, такъ тревожно билось ее сердце. Петръ не выходилъ изъ ее мысли, злымъ толкамъ о немъ она уже не вѣрила, а съ нею же онъ былъ такъ скроменъ, такъ добръ, что она не могла отказать ему въ благодарности, а благодарность часто ведетъ къ чувству болѣе нѣжному. Долго волновало ее все случившееся въ этотъ день, наконецъ, мысли смѣшались, неволью сомкнулись рѣсницы и она вѣршико заснула.

¹⁾ Ульяна могла видѣть Петра и съ мушкетомъ на плечѣ въ дни городскихъ парадовъ 6 января и 1 августа. По магдебургскому праву, Кіевъ имѣлъ родъ національной гвардіи. Въ кавалеріи числилось купечество, мѣщанскіе дѣхи составляли пѣхоту. Кавалеристы были вооружены пистолетами и саблями, ихъ зеленый костюмъ богато блисталъ золотыми галунами, а прекрасныя ихъ лошади были роскошно убраны. Пѣхотинцы имѣли ружья и сабли. Эти парады отличались особенною живописностью. Отмѣнены при генералъ-губернаторѣ Левашевѣ.

И вотъ Ульяна видитъ сонъ:
 Одна идетъ она горою,
 Кругомъ все пусто, небосклонъ
 Завѣшенъ тучею густою.
 Вдругъ слышно пѣнье, тихій звонъ,
 И ходъ протяжный похоронъ
 Идетъ на встрѣчу. Тускло блещетъ
 Огонь кадиль, огонь свѣчей...
 Ульяна смотритъ, страшно ей.
 Какъ ластъ красавица трещеть.
 Поставленъ гробъ, толпа людей
 Кругомъ густѣетъ и тѣснится
 И все замолкнуло—но сощъ
 На гробъ крышка шевелится,
 Трещать, вздымается, падетъ,
 И Петръ, и блѣдный, и печальный,
 Одѣтый въ саванъ погребальный,
 Изъ гроба медленно встаетъ;
 Ульяна ахнула, упала,
 Земля подъ нею задрожала,
 И съ трескомъ рухнула гора...
 Но что-жь?—на берегу Днѣпра
 Очнулась радостно Ульяна...
 Блистаетъ утро, паръ тумана,
 Въ лучахъ денницы золотой,
 Свѣтлѣя, ходитъ надъ рѣкой;
 Все тихо,—вдругъ Ульяна слышитъ
 Знакомый голосъ—и Петра
 Внезапно видитъ средъ Днѣпра.
 Она къ нему—но вотъ колыхнетъ
 Волнами яростно рѣка,
 Напѣная влага закипѣла,
 Громъ грянулъ, буря налетѣла,
 И нагатились облака!
 Вали бѣгутъ—Ульяна стонетъ,
 Зоветъ Петра, но въ мигъ она
 Уже въ волнахъ погружена,
 Изъ силъ выбилась—и тонетъ..

Тутъ Ульяна почувствовала сильный холодъ и пробудилась; она во снѣ разметала одѣяло и свѣжесть утра безпрепятственно охватила ея распаленную грудь. Долго не могла она опомниться, ей казалось, что и ярмарка, и знакомство съ Петромъ—все это ей пригрезилось. Но тутъ замѣтила она на себѣ ясныя признаки вчерашняго гнѣва матери и, наконецъ, ей удалось отличить сонныя грезы отъ того, что съ нею случилось на яву. Она встала и вошла въ маленькій чуланъ, гдѣ спала ея мать, но Иванови уже не было; предоставляю читателю

угадать, почему старуха вышла въ это утро, не разбудивъ, по обыкновенію, дочери. Ульяна выглянула въ оконце, на улицѣ было свѣтлехонько.

Блѣднѣя въ утреннихъ парахъ
 Ночное гаснуло свѣтло,
 Зари сіянье золотило
 Сады и кровли на домахъ;
 Уже кругомъ сосѣдки встали,
 У каждой есть свои труды,
 Передъ Ульяною мелькали
 Иныя съ ведрами воды
 Шли на рѣку съ бѣльемъ, иныя,
 Крехта подъ пошею своей,
 Пискливый голосомъ другія
 Скикали утокъ, да курей.

Ульяна поспѣшила одѣться и, какъ бы несознательно, нарядъ ея въ этотъ день былъ тщательнѣе обыкновеннаго. Стройный станъ сжимала ситцевая, полосатая кофта, а обувью были черныя кожанныя башмаки на коркахъ¹⁾. При небольшомъ обломкѣ зеркала, вѣсенномъ, по обыкновенію, въ стѣну подлѣ окна, зачесала она свои русые локоны, а въ длинную, волнистую косу вплела розовую ленту. Одѣвшись, положила нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ образомъ Ахтырской Божіей матери и сѣла за работу. Но вышиванье ея шло медленнѣе обыкновеннаго, часто она задумывалась, выглядывала въ окно и въ неподвижной рукѣ ея игла оставалась въ бездѣйствіи. Солнце взошло уже высоко, а работа Ульяны мало подвигалась. Она не понимала, что съ нею сдѣлалось; ее томило какое-то неясное ожиданіе и никакъ не могла она принудить себя заняться внимательнѣе своимъ вышиваньемъ. Предчувствіе рѣдко обманываетъ: едва заблагоувѣстили къ вечернѣ, дверь осторожно отворилась и Петръ стоялъ передъ изумленною Ульяною.

„Зачѣмъ ты пришелъ сюда, Петръ! спросила она, наконецъ, въ полголоса, ради Бога, уйди скорѣе, ктонибудь тебя увидитъ, такъ и поидетъ обо мнѣ недобрая слава“.

„Не бойся, возразилъ онъ, всѣ теперь отдыхаютъ послѣ работы и никто не замѣтилъ, какъ я прокрался по улицѣ“.

Тутъ Петръ подошелъ ближе къ робкой красавицѣ, сѣлъ подлѣ нея на большомъ сундукѣ, покрытомъ выбойчатымъ одѣяломъ, и взялъ ее за руку.

„Скажи, не больна-ли ты, Ульяна, ты такъ блѣдна, такъ печальна; да правда, есть отъ чего, ты вчера столько плакала... я все видѣлъ и, не вѣришь, какъ мнѣ жаль было глядѣть на тебя. Когда у васъ погаснулъ огонь,

¹⁾ Высокіе каблучки.

я пошелъ домой, но не могъ вздремнуть во всю ночь, а сегодня, почти отъ зари, выжидалъ времени, въ которое могъ бы съ тобою увидѣться“.

Участіе Петра тронуло дѣвушку и она такъ умильно взглянула на него, что молодое сердце вздрогнуло.

„Какъ бы не замѣшкателься съ тобою на ярмаркѣ, молвила Ульяна, не было-бы мнѣ теперь горя, но за то“... Опомнившись вдругъ, она замолчала и, чтобы скрыть вспыхнувшій на щекѣ румянецъ, наклонилась къ пальцамъ, будто-бы хотѣла приняться опять за работу.

Петръ угадалъ ея мысль, но пощадилъ скромность простодушной дѣвушки. Онъ началъ вглядываться въ вышитые ею узоры, любовался ими и мало по малу ему удалось нѣсколько разсвѣять ея робость. Она стала смѣлѣе, правда, что

Порою вдругъ она склоняла
Стыдливо къ пальцамъ робкій взоръ,
Блѣднѣла, разомъ прерывала
Съ Петромъ веселый разговоръ,
Или когда теперь касалась,
Хоть невзначай, хотя слегка,
Его руки ея рука,
Она дрожала и смущалась,
Румянецъ щеки покрывалъ,
Но ужъ не страхъ ее смущалъ.

Незамѣтно шли часы, но Ульяна не могла забыть, что ея мать скоро возвратится, и Петру надо было уходить. „Прощай, сказалъ онъ, Ульяна, но не надолго, мы скоро опять увидимся!“

„Нѣтъ, Петръ, если ты, если ты меня жалѣешь, то уже сюда не придешь. Неравно застанетъ матушка, такъ и меня со двора стонить!...“

Петръ слышалъ эту просьбу, но чувствовалъ, что исполнить ее не можетъ. Время съ Ульяною такъ быстро, такъ хорошо проходило, что одна мысль отказаться отъ такой радости наводила тоску на сердце.

Долго Ульяна смотрѣла въ слѣдъ Петру, наконецъ, онъ скрылся на поворотѣ улицы и казалось вѣстѣ съ нимъ ушло и все ея веселье. неподвижно стояла она опершись на окно.

А между тѣмъ душа опять
Полна тревогою неясной,
Ульяна силится напрасно
Ея причину разгадать.
Невольный трепеть, думъ волненье,
И страхъ, и тайное смущенье,
Все это ново, чудно ей,
Какъ сила чаръ, непостижимо,
Еще для ней неизяснимо
Вліянье персе страстей;

Еще душа ея въ сомнѣньи
 Раздумью долго предана,
 Какъ по внезапномъ пробужденьи
 Отъ недоконченнаго сна.

Ульяна стояла въ томъ же положеніи, когда ея мать вошла въ хижину. Лице Ивановыхъ было сурово, молча взглянула она на работу дочери и упреки посыпались, когда она замѣтила, что за весь день почти ничего не вышито. Ульяна потушила глаза и молчала. Наконецъ, старуха утихла отъ усталости; между тѣмъ донъ блѣднѣлъ и скоро стало совершенно темно въ хижинѣ, въ которую вечерній свѣтъ не могъ проникнуть сквозь узкое и тусклое окно.

IV.

Колы-бъ була ты моя,
 Чого-бъ хотить въ свити!
 Малорос. пѣсня.

Какъ этотъ день, прошли и многіе другіе съ тою только разницею, что сварливая торговка начинала понемногу забывать случившееся на ярмаркѣ и ласковѣе обращались съ дочерью.

Петръ не измѣнилъ своему обѣщанію, онъ скоро посѣтилъ Ульяну и съ этихъ поръ свиданія ихъ стали чаще. Рѣдко проходилъ день, чтобы они не видѣлись. Каждый разъ нетерпѣливѣе ждали они свиданія и каждый разъ грустнѣе было ихъ разставанье. Оба имѣли свою тайну, но никто первый не рѣшался ее открыть. Смѣтливныя читательницы, вы давно разгадали ихъ чувства.

Отъ юныхъ дней знакомы вамъ:
 При встрѣчѣ съ другомъ тихій трепеть,
 Безъ друга грусть и по ночамъ
 Волненье грезъ и сонный лепеть;
 Любви невольно сердце ждетъ,
 У васъ одно: любовь и радость,
 И ваша вѣтренная младость
 Цитерскихъ сказокъ эпизодъ.
 Безъ думъ любви, безъ сновъ мятежныхъ
 Вамъ жизнь не въ жизнь, одна тоска,
 И сколько, сколько вздоховъ вѣжныхъ
 Уносятъ крылья вѣтерка!

Это волненіе, эта грусть понятны Петру, и Ульяна подозреваетъ уже ихъ настоящую причину, но о любви пока ни слова. Наконецъ, нечаянный случай рѣшилъ все. Однажды Петръ засидѣлся долѣе обыкновеннаго и не замѣтилъ, что уже начинало вечерѣть. Вдругъ дверь заскрипѣла и мать Ульяны вошла

въ хижину. Можно себѣ представить удивленіе и ужасъ старухи. Не въ силахъ выговорить ни слова, она стояла неподвижно, а глаза ея сверкали. Бросилась бы на Петра, но какой-то страхъ ее удерживалъ. Испуганная Ульяна была блѣдна, какъ холстяной платокъ, накинутый на ея шею; умоляющіе взоры ея обращались то къ матери, то къ Петру. Послѣдній и самъ долго не могъ опомниться, такъ затруднительно было его положеніе; вдругъ блеснула ему счастливая мысль воспользоваться малчаніемъ старухи и сдѣлать рѣшительный приступъ. Собравшись съ духомъ, онъ подошелъ къ ней и прямо въ ноги.

— „Виновать! воскликнулъ онъ умоляющимъ голосомъ, виновать, что пришелъ сюда безъ твоего вѣдома! Прости меня, Иваныха! Не погуби бѣднаго Петра, не думай, что у меня худое на умѣ. Иваныха! я люблю твою дочь, безъ нея мнѣ тошно жить на свѣтѣ. Слезался, дай намъ свое благословеніе“.

Въ то же время Ульяна громко зарыдала и сдѣлала невольное движеніе, будто-бы и она хотѣла приблизиться къ матери, но вдругъ старуха съ яростію оттолкнула Петра, выбѣжала изъ хижины и неистовымъ крикомъ начала сзывать сосѣдокъ.

„Уйди отсюда, Петръ, шепнула Ульяна, ради всѣхъ Святыхъ, уйди скорѣе, люди сбѣгутся, увидятъ тебя, такъ мнѣ житья ни отъ кого не будетъ“.

Петръ хотѣлъ остаться и во чтобы ни стало при всѣхъ повторить свои слова; но просьбы, но слезы Ульяны его склонили.

„Прощай-же, прощай, Ульяна! надолго, можетъ быть на вѣки!“ Съ жаромъ прижалъ онъ ее къ груди и долгій, горестный поцѣлуй запечатлѣлъ ихъ разлуку. Тутъ онъ бросился въ дверь, прыгнулъ черезъ заборъ и скрылся.

Давно-ль Ульянѣ безмятежной
Невняты были говоръ нѣжный,
Внезапный чудный блескъ очей
И смыслъ неконченныхъ рѣчей,
И что-жъ? Она послушна страсти,
Она ей слѣпо отдалась...
Такъ иногда, оставивъ снасти,
Нежданно бодрости лишась,
Въ день бурь, пловецъ на волю моря
Себя со страхомъ предастъ,
И шумный вихрь, съ волнами спора,
Ладью на скалы понесетъ...

Провзятельный крикъ сосѣдокъ, сбѣжавшихся на вопли Иваныхъ, превралъ горестныя размышленія Ульяны. Вся толпа тѣснилась въ хижину; Иваныха выбѣжала прежде. Смутно оглядывалась она кругомъ, нигдѣ не находила Петра и гнѣвъ ея усилился.

„Гдѣ ты, нечестый дукъ? Поважись! вскрикнула она, наконецъ, и начала осматривать всѣ углы своей темной хижины.

Ея дивій голосъ, таинственный смыслъ ея словъ навели такой страхъ на испуганныхъ сосѣдокъ, что онѣ, читая шепотомъ молитвы и крестясь, мало по малу всё разошлись. Между тѣмъ Иваныха начала высѣкать огонь, но въ дрожащей рукѣ ея огниво рѣдко попадало на камень; наконецъ, трутъ загорѣлся и желтая восковая свѣча, зажженная передъ образомъ, освѣтила изжину. Теперь только Иваныха замѣтила, что ея дочь была сильно испугана. Она къ ней подошла и вдругъ жаромъ повѣяло на старушку.

„Боже! что съ ней дѣлается? вскричала Иваныха. Ты горящи, Ульяна! погубишь тебя лукавый! Молись, молись скорѣе, бей поклоны Богородицѣ, Она насъ помилуе!“

И Ульяна пала на колѣни передъ святою иконою, она молилась горячо, но не объ изгнаніи нечистаго духа,—она молилась о возвращеніи ей прежняго душевнаго спокойствія.

И голосъ сердца, голосъ чистый
 Доходить къ яснымъ небесамъ,
 Какъ паръ прозрачный и душистый,
 Какъ храма свѣтлый эмиамъ.
 Опять спокойно и блистаетъ
 Ульяны томное чело,
 Какъ будто свыше осѣняетъ
 Ее незримое крыло,
 И благодатнымъ дуновеньемъ
 Въ ея груди потушенъ жаръ;
 Такъ гаситъ дождь своимъ паденьемъ
 На жатвѣ вспыхнувшій пожаръ!

Можетъ быть читатели, зная крутой нравъ Иваныхи, удивились теперешнему ея обращенію съ дочерью; но оно имѣло основаніе. Не сомнѣваясь, что Ульяна еще помнитъ ея наставленія въ день ярмарки, Иваныха никакъ не могла подумать, чтобы ея дочь осмѣлилась добровольно допустить къ себѣ Петра и была совершенно увѣрена, что бѣдная дѣвушка ни въ околована. Вотъ причина страха суевѣрной старухи, вотъ что спасло Ульяну отъ ея гнѣва.

Когда Ульяна перестала молиться, было уже поздно; чтобы избавиться отъ разспросовъ матери, постлѣшила лечь и притворилась спящею. Она была теперь спокойнѣе, но уснуть не могла во всю ночь и видѣла, какъ до самаго утра ея мать не гасила огня и нѣсколько разъ подходила къ ея кровати, шептала молитвы и со всѣхъ сторонъ осѣняла крестнымъ знаменіемъ. Ульяна понимала заблужденіе матери, но вывести ее изъ него значило вызвать на себя новую бурю.

V.

Ой, піду я утоплюся,
 Чи обь камень розмбьюся,
 Нехай чужи люде знають,
 Якъ съ коханья умирають.

Малорос. пѣсня.

На другой день Ульяна встала смутна и печальна; долгая бессонная ночь ее изнуряла и слѣды слезъ были замѣтны на ея блѣдныхъ щекахъ. Нѣсколько разъ начинала мать разспрашивать ее о вчерашнемъ посѣщеніи Петра, но дѣвушка такъ разсѣянно, такъ нескладно отвѣчала на всѣ ея вопросы, что она еще болѣе увѣрилась въ истинѣ своихъ догадокъ. Наконецъ, Ивановыхъ ушла, но прежде упростила ближайшихъ сосѣдокъ навѣдываться къ Ульянѣ, болѣзненное состояніе которой ее беспокоило.

Вотъ Ульяна опять одна. Въ рукѣ ея игла движется медленно, еще медленнѣе тянутся грустные часы ея одиночества. Въ жилищѣ и на улицѣ теперь все тихо, изрѣдка только стукнетъ дверь, Ульяна вздрогнетъ, хочетъ выбѣжать на встрѣчу, но дверь откроется и одна изъ почтенныхъ сосѣдокъ входитъ съ сухимъ привѣтствіемъ и низкимъ поклономъ, садится подлѣ и долго мучитъ бѣдную своими разспросами и рассказами. Наступилъ часъ, въ который обыкновенно бывали посѣщенія Петра, сильнѣе взволновалась грудь моей героини и тоска ея стала мучительнѣе.

Блѣднѣетъ день, вечерній звонъ
 Въ Ульянѣ издали доходить.
 Но что-жъ? Ульянѣ грустной онъ
 Одну тоску теверь наводитъ!
 Протяжный гулъ слышишь, слышишь,
 Петра не видно... Сердцу больно,
 И слезы брызнули невольно
 Изъ отуманенныхъ очей.
 „О, смолки, смолки, гулъ печальный,
 Ульяна мыслить: этотъ звонъ
 Мнѣ грусть, мнѣ страхъ наводитъ онъ,
 Какъ звонъ къ молатѣ погребальной“.

И благовѣсть къ вечерни замолкнулъ, а Петра нѣтъ. Опершись на руку, Ульяна неподвижна, и при слабомъ сіяніи вечера замѣтно нѣсколько капель слезъ на щекахъ и на пальцахъ безотрадной красавицы. Слезами начался ея день, горькими слезами онъ и кончился. За нимъ прошолъ другой, третій, прошло много дней, а другъ ея сердца не являлся.

„Что съ нимъ сталося? Ужюли никогда его не увижу?“ думала Ульяна и безнадежность день отъ дня мучила ее болѣе.

У всѣхъ влюбленныхъ свой приѣмъ,
Отъ нихъ Ульяна не отстала,
Томилась, окала, рыдала.
Рыдая, мать смущала днемъ
И ночью спать ей не давала;
Я бы подробнѣй описалъ
Тоску любви моей Ульяны,
Но тайны страсти разсказалъ
Пѣвецъ плѣнительный Татьяны,
Что въ умъ приходитъ, все старо,
Во всемъ знакомое встрѣчаю,
И въ нетерпѣніи бросаю
Мое безсильное перо.

Итакъ, оставляя ее на время, постараюсь познакомить читателя съ новымъ лицомъ, которое, впоследствии, будетъ имѣть большое вліяніе на ея участь.

VI.

Ой бачиться, що не плачу,
Самы слезы льються,
Отъ мизаго нема людей,
Одъ нелюбѣ шлються.

Малорос. пѣсня.

Черезъ нѣсколько хижинъ отъ убогаго жилища Ивановыхъ, по прямому направленію къ Днѣпру, жилъ мѣщанинъ Герасимъ Дудка, староста кожевеннаго цеха. Домъ его не былъ похожъ на окрестныя хижины, въ которыхъ, большею частію, поселились отставные солдаты, ихъ вдовы и бѣднѣйшіе изъ мѣщанъ. Обнесенный порядочнымъ заборомъ, съ тесовою крышею, на которой издали видны были двѣ трубы, узорчато раскрашенныя яркою желтою краскою, домъ старосты Дудки гордо возвышался между почернѣвшими и обросшими мхомъ сосѣдними кровлями; особенно придавали ему красоту и великолѣпіе крыльцо съ навѣсомъ на рѣзныхъ столбикахъ, окна въ шесть стеколъ и ставни, на которыхъ кіевскіе маляры истощали все свое искусство, изображая Адама и Еву въ раю, окруженныхъ звѣрями и птицами, древо познаніе добра и зла, потопъ и т. п.

Въ описываемое мною время въ Кіевѣ почти не было хорошихъ зданій, за выключеніемъ нѣкоторыхъ, принадлежащихъ монастырямъ, старинныхъ церк-

вей и духовной академіи. Многія, нынѣ населенныя, части города были во все необитаемы. Крепчатики, гдѣ теперь ¹⁾ просторная чистая площадь, деревянный театръ и рядъ порядочныхъ домовъ, былъ тогда совершенно пустъ и покрытъ болотною травою; въ дождливое время онъ наводнялся и сообщеніе стараго Кіева съ Печерскимъ, для пѣшеходовъ, становилось очень затруднительно. Лучшіе частные дома того времени, почти всѣ деревянные, можно было перечесть по пальцамъ и домъ Герасима Дудки, одинъ изъ красивѣйшихъ на Подолѣ, былъ въ этомъ числѣ.

Давъ нѣкоторое понятіе о жилищѣ моего новаго героя, спѣшу познакомить съ нимъ и лично. Герасимъ былъ дороденъ, но не великъ ростомъ, лицо его красноватое и полное, какъ восходящій мѣсяцъ, не имѣло никакого выраженія, не смотря на всѣ усилія Дудки, старавшагося придать себѣ какъ можно болѣе важности, особенно проходя по улицѣ, гдѣ почти каждый встрѣчный кланялся низко его свѣтловелену кафтани и смурой шапкѣ, съ яркою, малиновою верхушкою. Герасимъ былъ женатъ, но судьба не дала ему долгаго супружескаго счастья. Какъ-то на заговѣнье онъ созвалъ гостей; жена его, тароватая хозяйка, угощала ихъ такъ ревностно и съ такимъ самоотверженіемъ подавала первая пригѣръ за чарками варенуки, что на другой же день слегла въ постель и въ скоромъ времени ея гостепріимная душа простилась съ своею обрюзглою оболочкою.

Три ночи горестный супругъ,
 Въ кругу пяти-шести старухъ,
 Сидѣлъ и плакалъ надъ покойной,
 Поповъ и пѣвчихъ звалъ потомъ,
 И на кладбищѣ городскомъ
 Ее погребъ благопристойно.
 Крапа обычай, какъ законъ.
 Къ обѣду, послѣ похоронъ,
 Чтобы почли въ мирѣ кости,
 Сошлись поны, родня и гости;
 Усѣлись чинно всѣ за столъ,
 Толкъ объ умершей тихо шель,
 И каждый чарки поминальной
 Касался важно и печально,
 А послѣ,—до-пѣту лица,
 Пилъ многолѣтіе вдовца.

Обѣдъ кончился. Какъ добрый мужъ, Герасимъ, при прощаніи, искренно благодарилъ своихъ гостей за усердіе, и кто бы не повѣрилъ ихъ слезамъ,

¹⁾ Въ 1827 году.

ихъ вдохамтъ? Но увы! люди всегда и вездѣ тѣ же, и дорогіе гости бѣднаго Дудки вполне оправдали эту истину.

Едва шагнули за порогъ,
Слился ихъ говоръ въ шумъ нестройный,
И каждый находилъ въ покойной
Смѣшную странность иль порокъ.
Когда-бы ѣдкіе укоры
И нѣжной дружбы приговоры
Услышать мертвая могла,
Она-бъ со злости ожила!...

Оставивъ неблагодарныхъ; обратися къ Герасиму. Проходили дни, недѣли, мѣсяцы и хотя въ домѣ все было тихо, хотя никто не тревожилъ его на зарѣ грозными расправами съ домашнею челядью, никто не встрѣчалъ его упреками съ супружескаго ложа, если онъ поздно возвращался домой, но Дудка все еще былъ печаленъ, все еще съ искренней горестью вспоминалъ о покойницѣ.

Прошла зима, я слѣло вѣрю
Черствѣть сердце въ насъ зимой,
И начиналъ свою потерю
Позабывать Герасимъ мой;
Къ тому же время, врачъ упорный,
Оно насъ гнѣчить, какъ на зло...
Давно-ли, робкій и покорный,
Склонялъ я рабское чело
Съ мольбой любви у ногъ Лизеты,
Она смѣялась и, шутя,
Мнѣ говорила: „ты дитя!
Къ чему любовь? къ чему объѣты?
Любовь пройдетъ—пройдетъ тоска,
Забудешь слезы и моленья,
На образъ мой покровъ забвенья
Накинеть времени рука“...
Сбылось пророчество—разсудка
Надъ сердцемъ власть утверждена,
Въ забытой книгѣ незабудка
Недавно мною найдена,
Какой-то силой талисмана,
Пока любви пылала рана,
Владѣлъ иссохнувшій цвѣтокъ,
А нынѣ, что надъ сердцемъ могъ
Символь минувшаго бессильный,
Онъ грезъ любви не воскресилъ,
И равнодушно въ щель мой пыльный
Я книгу снова положилъ.

Кромѣ времени, нашего общаго утѣшителя, облегченію грусти вдовца много еще помогла утѣшительница другаго рода. Это была фляжка, уворочато рас-

писанная, попеременно наполняемая, по прихоти хозяина, то сливянкою, то вишневою, то желудочною настойкою. Дудка былъ въ числѣ тѣхъ людей, у которыхъ такія лекарства много способствуютъ къ исцѣленію души и тѣла; сила этихъ лекарствъ—погружать насъ въ забвеніе, а забвеніе не есть-ли благо неоцѣнимое? Минула, наконецъ, и зима, и лучи весенняго солнца

Снѣга расплавили окрестъ,
Вершины горъ священнымъ грѣя,
Гдѣ водрузила первый крестъ
Рука Апостола Андрея...
То былъ не памятникъ простой,
Но благодати вышей сѣмя,
Его не тронуло рукой,
Все-разрушающею, время;
Что годъ, что вѣкъ, оно росло
И разрасталось далеко,
И всю Россію обняло
Своею сѣнію широкой!...

Съ этихъ-то священнымъ горъ, гдѣ и по нынѣ памятникомъ великаго событія стоитъ пятиглавый храмъ Св. Андрея, растопленные снѣга били ключами, стекали на грязныя улицы и съ крутаго берега падали на ледяную еще поверхность Днѣпра. Наконецъ, и древній Бористень, разогрѣтый дыханіемъ весны, натужилъ свою богатырскую грудь, разорвалъ зимнія оковы и хлынулъ волнами на берега, какъ будто для того, чтобы возвратитъ имъ мутную влагу, нанесенную съ вершинъ горъ, и потомъ широко блистать во всей чистотѣ лазурью весенняго безоблачнаго неба.

Продолженіе и окончаніе повѣсти предполагались слѣдующія:

Дудкѣ приглянулась Ульяна; сталъ онъ за нею ухаживать. Мать не мѣшала, радуясь богатому жениху. Не смотря на просьбы и слезы Ульяны, шла уже рѣчь о присылкѣ сватовъ. Узналъ объ этомъ и Петръ, которому иногда удавалось украдкой повидѣться съ Ульяной. Оба горевали и придумывали средство избавиться отъ противнаго жениха. Между тѣмъ подошла осень, настали темныя ночи и неожиданно пронесся слухъ о появленіи каждую полночь огненнаго змѣя, летающаго надъ Цареконстантиновскою, мало и бѣдно еще обстроеною улицею, отъ Корюевки или Плоскаго къ Скавникѣ (Щекавицѣ). Многіе видѣли издали сверкающую безчисленными огненными глазами голову змѣя, несущуюся въ воздухѣ съ гремучимъ, длиннымъ хвостомъ, но никто не осмѣливался приближаться, всѣ бѣжали и прятались. И вдругъ змѣй ворвался къ Дудкѣ и по его грозному требованію, подкрѣпляемому нѣсколькими щипками, Дудка, чуть живой отъ страха, клятвенно отрекся отъ Ульяны и уже не смѣлъ болѣе къ ней показываться. Не оставилъ змѣй въ покоѣ и старуху, появлялся въ

ея дворѣ, шишѣлъ, гремѣлъ, стучалъ въ дверь и окна и угрожалъ унести Ульяну, если мать будетъ ее обижать и препятствовать ея добровольному выбору. Но старуха не поддавалась, относя все это къ дьявольскому искушенію и только читала громко молитвы и окуривала ладономъ себя и дочь, спавшую, къ ея удивленію, непробуднымъ сномъ. Мало по малу преувѣдченные рассказы о змѣѣ прозвали переполохъ по всему Подолу. Въ то время на Подолѣ квартировалъ артиллерійскій полковникъ Ф—въ. Дошли суевѣрные слухи и до него. Сметнуль онъ, что тутъ кроется или шалость, или дурное намѣреніе и рѣшился подстеречь змѣю. Выбравъ темную ночь, отправился онъ съ двумя—тремя солдатами, вооруженными палками, на Цареконстантиновскую деревянную мостовую. Ждутъ—и едва на Кирилловскихъ часахъ пробѣла полночь, вдали появилось сіяніе и огненный шаръ, съ длиннымъ гремящимъ хвостомъ, тихо понесся въ воздухъ, но какъ только сталъ приближаться, полковникъ, услышавъ ирѣрный стукъ о мостовую, крикнулъ: „бей, ребята, по ногамъ!“ Ударами огненный шаръ запрыгалъ по мостовой и разлетѣлся на части, хвостъ растянулся во всю длину и заохалъ. Голова оказалась, укрѣпленной на шестѣ, выдолбленной и высушенной огромной тыквой, съ множествомъ просверленныхъ съ передней стороны отверстій, а внутри уставленной нѣсколькими восковыми церковными свѣчами. Изъ длиннаго же хвоста, увѣшаннаго разными побрякушками, и закрывавшаго ходули, вытащили и самаго змѣя, связали этнѣ же хвостомъ безъ всякаго съ его стороны сопротивленія и отвели, какъ тогда называлось, на съѣзжую.

Утромъ потребовалъ къ себѣ арестованнаго полковникъ. Явился статный, красивый молодецъ, разумѣется, нашъ Петръ. Откровенно рассказалъ онъ, какое горе заставило его рѣшиться на такую продѣлку. Понравился полковнику и Петръ, и его молодечество. Велѣлъ онъ собрать о немъ свѣдѣнія; всѣ они были въ пользу Петра, честнаго и трудолюбиваго работника; полковникъ принялъ въ немъ живое участіе и лично отправился къ Ивановѣ. Старуха и слышать было не хотѣла его предстательства, но когда онъ пообщалъ, что будетъ самъ посаженнымъ отцомъ у ея дочери, этотъ почетъ и мысль, какую досаду и зависть возбудитъ онъ въ ея сосѣдкахъ и базарныхъ соперницахъ, такъ ей польстили, что она, скрѣпя сердце, не рѣшилась уже отказать въ своемъ согласіи. Чѣмъ кончилось,—досказывать лишнее.

Эта повѣсть основана на дѣйствительной кievской были явленія и попки змѣя въ описанномъ видѣ и такъ, какъ это выше изложено. Объ этомъ происшествіи престарѣлый уже полковникъ Ф—въ, родственникъ моей покойной матери, самъ ей рассказалъ.

А. И. Подолинскій.

1827 г.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ПОДОЛИНСКІЙ

† 1886.

Въ собраніи писемъ сотрудниковъ „Русской Старины“ за 1884 г. есть нѣсколько писемъ недавно скончавшагося поэта Андрея Ивановича Подолинскаго. Помѣщаемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ матеріалъ для его біографіи.

Ред.

Кіевъ, 7-го марта 1881 г.

М. г. Михайль Ивановичы!.. Мои замѣтки я буду доставлять по мѣрѣ силъ, а чтобы и теперь внести хотя небольшую лепту въ вашу сокровищницу, прилагаю стихотвореніе Батюшкова, о которомъ я упоминалъ ¹⁾. Но я весьма желаю и надѣюсь доставить въ «Р. Ст.» вкладъ гораздо капитальнѣе моихъ замѣтокъ. Это личныя воспоминанія моего отца о Кіевѣ и его бытѣ съ конца прошлаго столѣтія. Его сжатый рассказъ будетъ не лишнимъ дополненіемъ къ разнымъ разбросаннымъ свѣдѣніямъ о Кіевѣ и, кажется, заключаетъ многое, никѣмъ еще не упомянутое, напримѣръ, о духовныхъ и свѣтскихъ лицахъ, разновременно начальствовавшихъ, и о вліяніи ихъ на городъ и его жителей.

Мнѣ, однако-же, весьма бы хотѣлось воспользоваться этимъ случаемъ и сказать нѣсколько словъ о моемъ отцѣ, какъ о человѣкѣ и о бывшемъ видномъ служебномъ дѣятелѣ въ здѣшнемъ краѣ. Считаю это моимъ святымъ долгомъ въ глубокой признательности за все, чѣмъ я ему обязанъ, и за оставленное мнѣ имъ самое дорогое наслѣд-

¹⁾ Напечатано въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., томъ XLII, стр. 220.

Ред.

ство—честное и еще здѣсь незабытое и уважаемое имя. Когда буду въ состояніи это исполнить — опредѣлить не могу. Независимо отъ слабѣющаго зрѣнія, я постоянно страдаю застарѣлымъ груднымъ катарромъ, приводящимъ меня почти непрерывно въ большое изнеможеніе. Съ этимъ, однако-жь, кое-какъ борюсь, но есть болѣе важныя причины, часто заставляющія совсѣмъ опускать руки. Мой единственный сынъ, подававшій и во многомъ осуществившій въ научномъ отношеніи блестящія надежды, находится теперь въ заведеніи для душевно-больныхъ. При полученіи изъ Монпелье неожиданно поразившей насъ вѣсти о постигшемъ его бѣдствіи, жена моя тотчасъ же къ нему поѣхала, помѣстила его въ одномъ изъ лучшихъ заведеній близъ Парижа, часто приглашаетъ къ совѣщаніямъ тамошнихъ знаменитѣйшихъ специалистовъ и, не довольствуясь этимъ, посѣщаетъ больного ежедневно, проводитъ при немъ почти цѣлыя дни, а въ тяжкихъ случаяхъ и ночи, не смотря на собственное крайне разстроенное горемъ здоровье.

И вотъ я, при непрерывной тревогѣ и страхѣ за тѣхъ, кто мнѣ всего дороже, нахожусь въ постоянно колеблющемся настроеніи, смотря по часто получаемымъ мною извѣстіямъ. Въ такомъ положеніи трудно сосредоточить мысль на спокойномъ занятіи и я упоминаю объ этомъ собственно для того, чтобы, въ случаѣ моихъ продолжительныхъ замедленій, вы ихъ не приписали недостаточной твердости моего слова.

Полная чаша лется черезъ край, и я не могу не присовокупить нѣсколькихъ словъ о моемъ несчастномъ сынѣ. Это былъ человѣкъ отлично одаренный, красиваго и крѣпкаго сложенія, необыкновенно мягкаго сердца, чистой нравственности, даже безъ небольшихъ, обращающихся въ привычки, слабостей, и страстно предававшій научнымъ занятіямъ. Здѣсь (въ Кіевѣ) онъ кончилъ курсъ кандидатомъ по естественному факультету, затѣмъ изучалъ за границей медицину и получилъ въ Бреславлѣ докторскій дипломъ; возвратясь въ Кіевъ, выдержалъ лекарскій экзаменъ и почти окончилъ успѣшно экзаменъ на доктора, но внезапно его бросилъ. Этотъ, тогда непонятный, поступокъ объясняется только его теперешнимъ состояніемъ. Къ несчастью, молодое самолюбіе поддалось лести такъ называемыхъ друзей, безсовѣстно его эксплуатировавшихъ, и онъ, вполне обезпеченный, совершенно безкорыстно увлекся невозможными идеалами, далеко, однако-же, не доходя до крайностей. Онъ даже возставалъ противъ нихъ въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ, чѣмъ возбудилъ большой гнѣвъ Лаврова. Главнымъ его губителемъ былъ ***, овладѣвшій имъ еще въ Кіевѣ, а по отъѣздѣ моего сына за границу, подмѣтившій признаки его болѣзни и старавшійся увлечь его какъ можно глубже, что-

бы вѣрнѣе пользоваться его субсидіями для своихъ гнѣсныхъ изданій. Къ большому нашему горю, его семейная жизнь осложнилась такими трагическими сцѣпленіями, что ихъ въ пору было бы придумать какому-нибудь французскому сказочнику-романисту. Безъ этого, по увѣренію докторовъ, болѣзнь могла бы оставаться только въ зародышѣ. Государь милостиво разрѣшилъ возвращеніе моего сына въ Россію, но этимъ невозможно еще было воспользоваться. Богъ вѣсть и впредь.

Извините, что я, незнакомецъ, позволилъ себѣ распространиться въ такихъ подробностяхъ. Но мнѣ вѣрится, вы не найдете странной эту невольную говорливость.

Прошу принять увѣреніе въ моемъ истинномъ уваженіи, А. Подлинскій.

8-го марта 1884 г.

Вамъ, конечно, извѣстно, что почетные похороны Тургенева проявили многихъ завистниковъ; я бы счелъ для себя оскорбительнымъ быть включену въ ихъ число, тѣмъ болѣе, что мое искреннее сочувствіе къ памяти, въ особенности мнѣ симпатичнаго и уважаемаго, писателя, высказалось, какъ бы невольно, въ нѣсколькихъ строфахъ тотчасъ по прочтеніи описанія заслуженно отданныхъ ему и трогательныхъ почестей. Стихи эти можно еще было успѣть помѣстить въ мѣстныхъ газетахъ, но я не хотѣлъ..... Въ Петербургѣ же между тѣмъ о почившемъ много было высказано и они явились бы тамъ уже не своевременно. Я послалъ ихъ только къ жевѣ для сообщенія «Обществу русскихъ художниковъ», въ которомъ Тургеневъ, кажется, его основатель, состоялъ секретаремъ. Общество это встрѣтило ихъ болѣе нежели сочувственно и просило позволенія оставить мой автографъ для приобщенія къ его памяtnому альбому. Это на мгновеніе озарило мою мрачную жизнь мыслью, что мое небольшое дарованіе не совсѣмъ угасло и остается еще не безъ отзыва. Здѣсь (въ Кіевѣ) стихи эти прочтены были однимъ изъ профессоровъ въ факультетскомъ собраніи и приняты тоже сочувственно. Затѣмъ они остаются у меня подъ спудомъ, какъ и все, написанное послѣ выхода въ 1860 г. третьяго изданія моихъ стихотвореній.хлопоты по этому изданію принялъ на себя, незадолго до смерти, Николай Гер. Устряловъ, съ которымъ я сблизился, когда онъ — студентомъ — жилъ у профессора Толмачева, бывшаго въ то же время инспекторомъ университетскаго пансіона, гдѣ я оканчивалъ мое воспитаніе. По смерти Устрялова, я передалъ оставшіеся около 700 экземпляровъ Обществу Краснаго Креста. Получилъ благодарность, но дальнѣйшая судьба этихъ книгъ мнѣ неизвѣстна.

Съ 1868 г. я не появлялся въ печати. Сохраняя мои прежнія понятія о поэзій, я признавала себя неумѣстнымъ при овладѣвшемъ уже нашею литературою грубо-реальномъ направленіи. Но все же я бы не желала, чтобы мое уваженіе къ памяти Тургенева оставалось безгласнымъ, и какъ его имя принадлежитъ уже исторіи, то не найдете ли вы возможнымъ дать моему стихотворенію мѣсто въ «Русской Старинѣ», съ небольшою оговоркою относительно его запоздалости, и если вы это найдете удобнымъ, то прошу сказать два слова и я не замедлю его прислать въ ваше полное распоряженіе ¹⁾.

Мнѣ всего пріятнѣе было бы видѣть мое имя въ вашемъ изданіи.
А. Подолинскій.

Кіевъ, 18-го марта 1884 г.

М. г. Михаилъ Ивановичъ! Не усиливаюсь выразить то, что невыразимо. Спѣшу только принести вамъ искреннѣйшую благодарность. Ваши сочувственныя строки тронули меня до глубины души и навсегда останутся мнѣ дороги. Чѣмъ долѣ живешь, тѣмъ пустѣе становится вокругъ, тѣмъ ошутительнѣе холодъ видимаго равнодушія. Вотъ почему я такъ высоко цѣню всякое участіе, а вами высказанное въ особенности.

Благодарю васъ и за доброе желаніе укрѣпленія моихъ силъ. Какъ ни трудна моя жизнь, но все же я могу еще быть полезна для моихъ близкихъ. А ваши обязательные отзывы родили во мнѣ новое желаніе—успѣть сдѣлать то, чего я вовсе не имѣлъ въ виду. Все мое прошлое не выходитъ изъ самаго обыкновеннаго круга, и я считалъ бесполезнымъ писать свои воспоминанія. Но теперь, когда я привожу его на память, мнѣ кажется, мои записки могли бы быть не совсѣмъ безъ интереса въ вашемъ изданіи, не по моей личности, но по соприкосновенію съ современнымъ мнѣ обществомъ и со многими лицами, не исключительно извѣстными, но и съ такими, которыя по своимъ достоинствамъ заслуживаютъ добраго слова или имѣли какую-нибудь своеобразность. Прилагаю стихи, относящіяся къ Тургеневу ¹⁾. Но объ ихъ запоздалости необходимо бы сдѣлать замѣтку редакціи, полагаю, въ такомъ родѣ: «Намъ неизвѣстно, почему это стихотвореніе не появилось своевременно. Тѣмъ не менѣе авторъ не желалъ, чтобы его глубокое уваженіе къ памяти почившаго осталось вовсе не заявленнымъ».

¹⁾ Это превосходное стихотвореніе напечатано въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., томъ XLII, стр. 405—406. Ред.

Хотѣлось бы мнѣ сказать еще нѣсколько словъ о моемъ бѣдномъ сынѣ, но о немъ, какъ равно и о моихъ неизданныхъ сочиненіяхъ (есть и проза), до другаго раза. Писать много мнѣ трудно, а главное совѣстно злоупотреблять вашимъ участіемъ и временемъ.

Искренно васъ уважающій и преданный А. Подолинскій.

Какъ давно я томлюсь—вамъ скажутъ строфы, вызвавшіяся неожиданно въ одну изъ тѣхъ безконечныхъ ночей, когда напрасно домогаешься забыться. Помѣщаю ихъ внизу не для печати, а только для васъ. Каково бы ни было ихъ достоинство, вы увидите, что это не напукное стихотворство, а отавуку совершенной безнадежности:

Куда судьба меня заброситъ ¹⁾
 Не знаю я,
 Но ничего уже не проситъ
 Душа моя.

Напрасно я бы кинуть взгляды
 На Божій свѣтъ,
 Нигдѣ надежды и отрады
 Мнѣ въ мірѣ нѣтъ.

Сложить госкующія кости
 Пора давно,
 А на какомъ ни тѣтъ погостѣ
 Мнѣ все равно!

Январь 1882 г.

Послѣ бѣдствія, постигшаго нашего сына, я было совсѣмъ уже собрался выселиться къ нему за границу, не смотря на мое отвращеніе къ чуждому быту, испытанное, даже при семейной обстановкѣ, въ нѣсколькомѣсячное пребываніе въ Парижѣ. А. П.

Кіевъ, 3-го апрѣля 1884 г.

М. г. Михаилъ Ивановичъ! То, что я обѣщалъ вамъ прислать, требуетъ небольшой работы, но и она мнѣ теперь трудна. Покамѣстъ же я нашель, въ моемъ полузабытомъ складѣ, повѣсть, которая можетъ подходить къ вашему изданію, во первыхъ потому, что она основана на дѣйствительной быти изъ стариннаго кіевского быта, а во вторыхъ, что она написана мною еще въ 1827 году, въ самомъ началѣ моей литературной дѣятельности.

Въ послѣдніе годы въ нашихъ журналахъ печаталось много романовъ и повѣстей, но почти всѣ они съ предвзятыми тенденціями; ихъ

¹⁾ См. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., томъ XLII, стр. 436.

герои и героини, такъ называемые новые, а въ сущности ни къ чему годные люди, снимки одни съ другихъ, и даже картины природы повторяются фотографически. Послѣ этихъ произведеній, мнѣ показалось, что моя старина повѣяла на меня какою-то свѣжестью. Такое ли впечатлѣніе она произведетъ и на другихъ—это, конечно, вопросъ для меня неразрѣшимый.

Мой рассказъ, незатѣйливый по вымыслу, похожій на идиллію, веденъ просто, безъ всякихъ мудрствованій, и нѣтъ въ немъ особенн. что написано частью прозой, а частью стихами. А я не помню, чтобы въ нашей беллетристикѣ являлось что-нибудь въ такой формѣ.

Повѣсть осталась неоконченною, какъ и многое, что разновременно было мною начинаемо. Теперь я кое-что изъ нея выбросилъ, кое-что поисправилъ, а для удовлетворенія читателей, если таковые найдутся, изложилъ вкратцѣ предполагавшееся продолженіе и окончаніе былъ.

Вы бы весьма меня обязали, если-бы сказали мнѣ о ней откровенно ваше мнѣніе, каково бы оно ни было....¹⁾

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи. А. Подолинскій.

Кіевъ, 12-го апрѣля 1884 г.

М. г. Михаилъ Ивановичъ! Спѣшу предварить васъ, что дня черезъ два выѣзжаетъ въ Петербургъ мой давній, очень близкій пріятель Сергій Николаевичъ Гудимъ-Левковичъ, здѣшній губернаторъ²⁾. Такъ какъ вообще мнѣ трудно много писать, то я очень радъ этому случаю и просилъ его побывать у васъ и переговорить кое о чемъ, ко мнѣ относящемся.

Надѣюсь успѣть переслать съ нимъ записки моего отца, которыя однако-жъ не могутъ быть напечатаны ранѣе, чѣмъ мнѣ удастся составить мое о немъ предисловіе. Мою біографію, весьма, впрочемъ недлинную, перешлю вамъ по почтѣ, когда будетъ готова, а между тѣмъ Сергій Николаевичъ сообщитъ вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія и передастъ вамъ то, что, по вашему усмотрѣнію, быть можетъ, при моей біографіи пригодится. Одобреніе ваше моего стихотворенія къ Тургеневскимъ крѣпостнымъ мнѣ весьма лестно.

Искренно васъ уважающій А. Подолинскій.

¹⁾ Напечатано въ этой же, іюльской книгѣ «Русской Старины» изд. 1886 г., стр. 173—194.

²⁾ Скончался въ 1885 г. въ Кіевѣ.

Кіевъ, 18-го апрѣля 1884 г.

М. г. Михаилъ Ивановичъ! Исполняя высказанное вами въ письмѣ отъ 10 ч. желаніе, прилагаю мою біографическую замѣтку... Если уже вамъ угодно помѣстить мою біографію, то весьма бы обязали, составивъ ее на основаніи сообщаемыхъ матерьяловъ, пополнѣе, такъ какъ я увѣренъ, что послѣ того, что у васъ будетъ напечатано, писать мою біографію никто уже не задумаетъ!..

Сергій Николаевичъ Гудимъ-Левковичъ передастъ вамъ и записку моего отца, а также сообщитъ написанную мною въ февралѣ сатирическую шутку, чтобы узнать ваше мнѣніе, можетъ ли она быть напечатана? Никто бы не долженъ заподозрить въ ней кошунства, такъ какъ нѣсколько грѣшныхъ стиховъ не выходятъ изъ границъ того, что нерѣдко встрѣчается въ нашихъ народныхъ легендахъ и сказкахъ. Да и сюжетъ мой я заимствовалъ изъ помѣщенной въ «Кіевлянинѣ» въ первыхъ числахъ февраля этого года мѣстной народной легенды. Я воспользовался ею больше для того, чтобы коснуться кое-чего позорнаго и смѣшнаго въ нашемъ общественномъ строѣ. Эти дни писаніе меня утомило. Надобно отдохнуть—и тогда надѣюсь составить и прислать вамъ замѣтку о моемъ отцѣ и что еще успѣю.

Искренно васъ уважающій Андрей Подолинскій.

Клармъ, 9/10 іюня 1884 г.

М. г. Михаилъ Ивановичъ! Благодаря небольшой простудѣ, присоединившейся къ моему катарру, я до сихъ поръ такъ истомленъ, что съ трудомъ пишу вамъ, чтобы исполнить ваше желаніе относительно портрета. Давнымъ-давно я не дѣлалъ не только своего портрета, но даже и фотографіи, и собственно у себя не имѣю ни того, ни другаго. Мой единственный фотографическій портретъ былъ сдѣланъ еще въ 1859 г. и вышелъ вообще весьма неудаченъ: волосы похожи на парикъ, а въ рукѣ что-то въ родѣ табакерки, я же никогда парика не носилъ и табаку не нюхалъ; притомъ онъ состарилъ меня настолько, что почти могъ бы подходить ко мнѣ и теперь. Тѣмъ не менѣе эта фотографія, посланная мною Устрялову и имъ переданная Мюнстеру, по его просьбѣ, помѣщена въ литографированномъ Борелемъ снимкѣ въ изданной Мюнстеромъ въ 1860 г. «Галереѣ Русскихъ Дѣятелей». Впослѣдствіи всѣ портреты этого сборника были кѣмъ-то сняты на маленькія карточки и находились, въ

томъ числѣ и мой, въ продажѣ у разныхъ книгопродавцевъ и многихъ магазинахъ, гдѣ, быть можетъ, и теперь еще отыщутся. У меня же нѣтъ и этого, но если вы пожелаете, то, полагаю, въ Петербургѣ легко можете имѣть. Здѣсь же у жены моей нашелся портретъ несравненно лучший и совершенно вѣрный по бывшему сходству. Это фотографическій снимокъ съ акварельнаго портрета, сдѣланнаго въ Одессѣ художникомъ Медюсу въ 1847 г., т. е. когда я имѣлъ 41-й годъ отъ роду, и еще отъ времени до времени появлялся въ печати. Этотъ портретъ, хотя и не знаю его назначенія, посылаю съ удовольствіемъ, такъ какъ желаніе ваше его имѣть мнѣ во всякомъ случаѣ въ особенности пріятно ¹⁾. Сказать правду, существуетъ у меня еще одинъ небольшой портретъ, писанный масляными красками въ Петербургѣ, когда мнѣ было 17 лѣтъ. Но онъ находится въ Киевѣ, долго былъ заброшенъ и, по крайне жалкому виду, требуетъ многихъ поправокъ и возможнаго обновленія.

Искренно васъ уважающій А. Подолинскій.

Примѣчаніе. 4-го января 1886 года Андрей Ивановичъ Подолинскій скончался въ Киевѣ. Ред.

¹⁾ Портретъ этотъ Андрей Ив. Подолинскаго воспроизведенъ въ гравюрѣ на деревѣ при „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г., томъ XLV, январь, и во второмъ томѣ альбома: „Русскіе дѣятели въ портретахъ“ изд. ред. „Русской Старинѣ“, Спб. 1886 г. Ред.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КАЗАРСКІЙ

† 16-го іюля 1833 г.

Александръ Ивановичъ Казарскій, род. 1798 г., умеръ въ 1833 г., въ Николаевѣ,—обезсмертилъ себя въ гѣтониси русскаго флота геройскими подвигами: 14-го мая 1829 года, командуя на Черномъ морѣ 18-ти пушечнымъ бригадомъ „Меркурій“, онъ съ поразительнымъ безстрашіемъ и искусствомъ выдержалъ бой съ 110 и 74-хъ пушечными турецкими кораблями, предводимыми лучшими адмиралами непріятельскаго флота. Рѣшившись въ случаѣ ищбелн взорвать свое судно на воздухъ, доблестный Казарскій и его команда не только отбились отъ непріятеля, осыпавшаго его три часа ядрами и прочими снарядами, но заставили его отступить. Имя Казарскаго прогремѣло по всей Россіи. Императоръ Николай Павловичъ наградилъ Казарскаго и его сподвижниковъ: командиръ „Меркурія“ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта и проч. Въ апрѣлѣ 1831-го года Казарскій былъ уволенъ отъ командованія кораблемъ, и съ того времени состоялъ при Государѣ, исправляя разныя Высочайшія порученія, за которыя, въ томъ же 1831 году, произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Спустя два года, онъ совершенно неожиданно скончался.

Вотъ рассказъ лица, близко знавшаго Казарскаго, о послѣднихъ дняхъ его жизни.

Ред.

Я помню его, такъ рассказывала мнѣ моя матушка, какъ будто теперь вижу его передъ глазами: молодой человекъ, невысокаго роста, худенькій, съ темными голосами, пріятнымъ, умнымъ, подвижнымъ лицомъ. Когда бывало пріѣзжалъ онъ къ намъ, то не только я и мужъ были ему рады какъ родному, но и вся прислуга радовалась его пріѣзду. Всѣхъ онъ обласкаетъ, всю прислугу одѣлать подарками. Живой говоритъ, острякъ, шутникъ и любовный со всѣми, онъ не любилъ сидѣть на одномъ мѣстѣ. Какъ теперь вижу скорую его походку по комнатамъ, слышу живой, пріятный разговоръ, громкій смѣхъ и неус-

танное истребленіе изюма. Изюмъ былъ любимымъ его лакомствомъ; онъ постоянно носилъ при себѣ пакетикъ съ изюмомъ. Часто подтрунивалъ надъ жной, когда приходилось ему обѣдать у насъ въ постный день. Обѣдъ, обыкновенно, подавался изъ постныхъ и скоромныхъ блюдъ: для Алекс. Ив. и мужа скоромнсе, а для меня постное. И что-же? Бывало непремѣнно осворожить меня,—то ложкой невзначай попробуетъ мой супъ, то потихоньку опустить кусочекъ мяса въ мою тарелку, и хохочетъ отъ души, когда я этого не замѣчу и съѣмъ свой супъ. Но все это у него, всё его шутки выходили такъ милы, что сердиться никакъ нельзя было; чаще всего я сама бывало расхохочусь, и поднимется у насъ споръ о значеніи постовъ, о загробной жизни, о большихъ крестахъ. Ему не нравилось, кто крестится большимъ крестомъ, бессознательно маплетъ рукой до изнеможенія. Этотъ споръ о большомъ крестѣ, помню, былъ у насъ съ нимъ особенно горячій въ послѣдній его прѣздъ.

Незадолго передъ своею смертію онъ прѣхалъ къ намъ въ деревню и пробылъ болѣе сутокъ. Въ это время у насъ ловили рыбу и ему вздумалось попытать „свое счастье“, какъ онъ выразился. Сталъ просить мужа приказать забросить неводъ на его счастье. Позвали атамана ¹⁾, онъ самъ обратился къ нему: „Послушай, любезный! 25 р. на водку будетъ отъ меня: забросьте неводъ на мое счастье. Понимаешь, вся пойманная рыба будетъ моя, только когда неводъ начнутъ тянуть, тотчасъ дать мнѣ знать: я хочу самъ видѣть, сколько поймается рыбы“. Это было вечеромъ. На другой день, чуть свѣтъ, пришелъ атаманъ съ докладомъ: „Неводъ тянуть“. Мужъ мой велѣлъ подать лошадей и поѣхали на Бугъ. Съ нетерпѣніемъ ждешь Александръ Ивановичъ на берегу своего счастья, шутить, острить. Но какого было его, мужа и всѣхъ рыбаковъ изумленіе: вытянули неводъ совершенно пустой, тогда какъ прежде никогда это не бывало. Бугъ изобилуетъ рыбой. Казарскій смутился, долго не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ; рыбаки тоже въ немаломъ смущеніи. Таковъ случай былъ первый въ ихъ давней практикѣ въ долгіе годы рыбацества. Казарскій, придя въ себя отъ смущенія, скомандовалъ вытряхнуть неводъ, и къ его ногамъ упало около десятка самой мелкой рыбки, которую рыбаки обыкновенно выбрасывали обратно въ воду или оставляли на берегу какъ негодную мелюзгу.

— „Ну, братецъ, обратился Казарскій къ смущенному и огорченному атаману: спасибо за трулы; обѣщанные вамъ 25 р. получай на водку, только еще потрудись „мое счастье“ (онъ указалъ на рыбку) собрать и принести

¹⁾ Атаманы въ южныхъ губерніяхъ то же, что старосты въ сѣверныхъ губерніяхъ.

во дворъ; хоть плохенькое оно, т. е. мое счастье, но все же и имъ не надо брезгать!"

На обратномъ пути онъ всю дорогу больше молчалъ; видно было, что этотъ случай сильно его встревожилъ.

„Ну, незавидное мое счастье“, помолчавъ, обратился онъ къ моему мужу грустными тономъ. „Не по душѣ мнѣ эта командировка: предчувствія у меня недобрыя, ахъ! недобрыя!“

Мужъ старался его успокоить, но это ему не удавалось.

— „Сегодня я уѣзжаю, помолчавъ немного заговорилъ опять Казарскій, а васъ прошу пріѣхать ко мнѣ въ Николаевъ въ четвергъ: вы мнѣ тамъ много можете добрыми дружескими совѣтомъ—а въ случаѣ, не дай Богъ чего, а хочю вамъ передать многое“.

Мужъ мой далъ слово быть въ Николаевѣ непременно въ четвергъ. Пріѣхали домой; я ждала ихъ за чаемъ; атаманъ принесъ рыбку. Я, какъ взглянула на нее, долго не хотѣла вѣрить, что это все, и, когда убѣдилась въ правдѣ, чуть не заплакала, такъ мнѣ почему-то стало жаль бѣднаго Казарскаго. По его просьбѣ эту мелюзгу велѣла приготовить къ обѣду. За обѣдомъ онъ угощалъ меня своимъ „счастьемъ“ какъ хозяинъ; старался шутить, быть веселымъ, но это ему не удавалось; то и дѣло подергивались грустью его добрые, живые глаза. Мужъ мой сталъ трунить надъ нимъ, говоря: „Герой славной побѣды, и отъ такого пустаго случая падаетъ духомъ!“ Онъ на это молча улынулся, но, какъ говорится, сквозь слезы. Не стало болѣе слышно его пріятнаго, живаго разговора и звонкаго, задушевнаго смѣха! Послѣ обѣда Казарскій тотчасъ сталъ собираться къ отъѣзду въ Николаевъ, куда онъ былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, для ревизіи. Подали лошадей, онъ сталъ ходить шибко по комнатѣ; я взглянула на него и ужаснулась: его пріятное молодое лицо вдругъ какъ-то измѣнилось, постарѣло, брови сдвинулись, какъ у человѣка, переживающаго страшныя болѣзненныя мученія. Сколько десятковъ лѣтъ прошло, но это страдальческое лицо, какое я видѣла у Казарскаго при его отъѣздѣ въ Николаевъ, такъ и рисуется предо мной. Наконецъ, зазвенѣлъ колокольчикъ, лошади у подѣзда. Казарскій нервно вздрогнулъ и сталъ прощаться съ нами.

— „Помогите обо мнѣ, прошу васъ!“ проговорилъ онъ дрожащими голосомъ, цѣлуя у меня руку, и при этихъ словахъ я замѣтила, какъ онъ старался сморгнуть слезу съ рѣсницъ.

Увидя слезу героя и любимаго нашего друга, я не выдержала и разрыдалась! Обратившись къ мужу, онъ опять повторилъ свою просьбу—непременно пріѣхать въ четвергъ къ нему. На крыльцѣ простился съ прислугой, которая вся вышла провожать любимаго барина и дорогаго гостя. Еще разъ нервно обнявъ мужа, вскопчилъ въ коляску, лошади рванули, колокольчикъ зазвенѣлъ и экипажъ быстро пом-

чался со двора. Мы съ мужемъ долго стояли на крыльцѣ, провожая глазами нашего добраго друга до тѣхъ поръ, пока экипажъ скрылся за деревьями. Когда мы возвратились въ комнаты, намъ стало невыразимо грустно.... Хотя деревня наша была недалеко отъ Николаева, всего 25 верстъ, и черезъ три дня мы опять должны были встрѣтиться, но непонятное чувство тоски защемило мое сердце, точно я расставалась съ Казарскимъ на вѣки. То-же самое испытывалъ и мой мужъ. Тяжелое предчувствіе, которое такъ скоро оправдалось! Въ залѣ за окнѣ я увидѣла свернутый пакетъ съ извѣстіемъ. Подошла, взглянула и опять заплакала, опять стало невыразимо жаль нашего друга а почему жаль—не могла отдать себѣ отчета! Передъ разсвѣтомъ, помню отлично, въ четвергъ, человекъ сильно постучался въ дверь къ мужу. Этотъ необыкновенный стукъ разбудилъ и меня. „Что такое случилось?“ слышу голосъ мужа.

— „Верховой изъ Николаева: баринъ Казарскій умираетъ!“ послышался отвѣтъ за дверью. Не помня себя, я вскочила съ постели и стала наскоро одѣваться. Мужъ крикнулъ закладывать лошадей и, блѣдный какъ смерть, вошелъ въ спальню. „Ты уже знаешь? бѣдный, бѣдный! предчувствія сбылись: уходили негодая“—пока запрагали лошадей, мы съ мужемъ были готовы и ждали на крыльцѣ.

Всю дорогу лошади мчались въ карьеръ, мы сидѣли молча, не могли промолвить слово,—такъ тяжело было у каждаго на душѣ.

Пріѣзжаемъ и застаемъ такую печальную картину: бѣдный Казарскій лежитъ на диванѣ въ предсмертной агоніи. Я первая подошла къ нему. Онъ открылъ глаза и чуть слышно проговорилъ: „крестите меня“. Я взяла его холодную руку и стала крестить его. Стоявшая здѣсь же знакомая мнѣ дама объяснила, что онъ только чувствуетъ облегченіе, когда его крестятъ; пока ногъ, самъ все крестился, а потомъ просилъ ее, чтобы она крестила. „Крестите меня, крестите! мнѣ легче“... Подошелъ мужъ. Казарскій опять открылъ глаза, узналъ мужа и сталъ что-то говорить. Мужъ наклонился къ нему и едва могъ разобрать:

— „Мерзавцы погубили меня“.

Не прошло и получаса, какъ онъ въ страшныхъ судорогахъ испустилъ духъ! Я не переставала его крестить, пока рука его совсѣмъ не остыла. Потомъ сложила его руки, перекрестила своей рукой и, поцѣловавъ его въ лобъ, рыдая вышла изъ комнаты.

Это было 16-го іюня 1833 года.

Къ вечеру собралась на панихиду; я подошла къ покойнику, взглянула на него и невольно отшатнулась, такъ онъ былъ неузнаваемъ! Голова, лицо распухли до невозможности, почернѣли какъ уголь; руки опухли, почернѣли, аксалъбанты, эпюлеты все почернѣло! „Боже мой! что все это значитъ?“ — обратилась я съ вопросомъ къ нѣкоторымъ, стоявшимъ возлѣ.

— „Это такимъ сильнымъ ядомъ угостили несчастнаго“, услышавъ я въ отвѣтъ.

На слѣдующій день похороны. Помню, когда стали класть его въ гробъ, всѣ волосы упали на подушку. Нельзя было безъ сердечной боли смотреть на обезображенный трупъ страдальца. За гробомъ народу шло много, въ томъ числѣ вдовы, сироты, которымъ онъ такъ много помогалъ. Всѣ онѣ, рыдая о своемъ благодѣлѣ, кричали вслухъ: „убили, погубили нашего благодѣтеля! отравили нашего отца!“ Такъ печально окончилъ свою молодую жизнь доблестный воинъ, герой турецкой войны.

Много было потомъ толковъ о загадочной кончинѣ Казарскаго, вѣроятныхъ и невѣроятныхъ, правдоподобныхъ и неправдоподобныхъ. Говорили, что когда онъ пріѣхалъ въ Николаевъ, то остановился у одной нѣмки, которая имѣла чистенькія комнатки для пріѣзжихъ. Гостиница тогда еще не было въ Николаевѣ. Когда случалось ей подавать обѣдъ или ужинъ, онъ всегда просилъ ее самую попробовать каждое блюдо и тогда уже рѣшался ѣсть. Казарскій былъ предупрежденъ раньше, что посягаютъ на его жизнь; оно и понятно: молодой капитанъ 1-го ранга, флигель-адъютантъ былъ назначенъ ревизовать, а во флотѣ были тогда страшные безпорядки и злоупотребленія. Дѣлая по пріездѣ визиты, кому слѣдуетъ, Казарскій нигдѣ ничего не ѣлъ и не пилъ, но въ одномъ генеральскомъ домѣ дочь хозяина поднесла ему чашку кофе. Казарскій, рыцарски любезный съ дамами, не въ состояніи былъ отказать красавицѣ и принялъ отъ нея чашку; въ пріятномъ разговорѣ онъ не замѣтно, выпилъ весь кофе и черезъ нѣсколько минутъ почувствовалъ дурноту. Пріѣхавъ домой, Александръ Ивановичъ послалъ тотчасъ за докторомъ, но, какъ была молва, и докторъ оказался въ заговорѣ. Въмѣсто того, чтобы дать сейчасъ противоядіе, тѣмъ болѣе, что самъ больной кричалъ: „докторъ, спасайте: я отравленъ!“, эскулапъ посадилъ больного въ горячую ванну. Изъ ванны его вынули уже полумертвымъ. Были доносы, что Казарскаго отравили, но тогда сообщеніе съ Петербургомъ было трудное и долгое; лишь черезъ шесть мѣсяцевъ прибыла въ Николаевъ слѣдственная коммисія; открыли трупъ, вынули внутренности и говорили, что взяли ихъ въ Петербургъ—тѣмъ дѣло, кажется, и кончилось.

Помню предчувствіе старушки матери Казарскаго, когда въ 1829 году Казарскій прославился своимъ геройствомъ въ турецкую кампанію. Служа въ черноморскомъ флотѣ, ему на бригѣ „Меркурій“ удалось выдержать упорный бой и проскользнуть между двухъ огромныхъ турецкихъ кораблей. Этимъ славнымъ подвигомъ онъ спасъ себя и весь экипажъ брига, которымъ командовалъ.

Сосѣди и знакомые, узнавъ объ этомъ, пріѣхали поздравить старушку Казарскую. Принимая поздравленія, она горько плакала.

„О чѣмъ-же вы плачете? Вашъ сынъ прославился и осыпанъ царскими милостями: вы должны радоваться, а не плакать. Онъ теперь близко стоитъ

къ царю". — „То-то меня и не радуешь: близко царю, близко къ смерти“, отвѣчала старушка со вздохомъ. „Правда ваша, надо бы радоваться и благодарить Бога, но почему-то не могу радоваться, а больше хочется плавать. Чуетъ мое сердце что-то недоброе, а что—и сама не знаю. Какъ только услышала я о славномъ подвигѣ моего сына, не радостью забилось мое сердце, а горькою печалью, и стала я тосковать и бояться за него“. И старушка, говоря это, опять заплакала.

Предчувствіе материнскаго сердца о скорой потерѣ любимаго сына сказывалось въ невольныхъ слезахъ, въ ея глубокой скорби.

Александръ Ивановичъ Казарскій скончался 35 лѣтъ отъ роду.

Елизавета Фаренкиинова.

Измаилъ. 1835 г.

ПИСЬМО Н. А. ДОБРОЛЮБОВА КЪ С. ГАЛАХОВУ.

Къ вамъ такъ долго
Не писалъ я,
Чувству долга
Измѣняя я...
Но, надѣясь
На прощенье,
Снова смѣю-съ
Обращенье
Къ вамъ составить,
Вамъ теченье
Дѣлъ представить
Въ разсмотрѣнье.
Какъ живу я —
Поживаю,
Правду всю я
Сообщаю.

Я лечуся
Въ Старой Руссѣ
Отъ болѣзни.
Но, — хоть тресни,
Золотуха,
Точно муха,
Такъ пристала,
Что ей мало

Ваннъ соленыхъ,
 Кипяченыхъ;
 Нужны грязи...
 Въ этомъ разѣ
 Я терзаюсь,
 Подвергаясь
 Пачкотнѣ сей
 Разныхъ смѣсей...
 Мнѣ не сладко,
 Даже — гадко
 Такъ мараться
 И купаться
 (Какъ позорно!!)
 Въ грязи черной.
 Но здоровье,
 По присловью,
 Такъ пригоже,
 Что дороже,
 Чѣмъ все въ мѣрѣ.

Что намъ въ лирѣ,
 Что въ богатствѣ,
 Въ чистомъ братствѣ,
 Въ громкой славѣ
 И въ забавѣ,
 Что въ начальствѣ,
 Генеральствѣ,
 Сытныхъ яствахъ,
 Всѣхъ пріятствахъ,
 Если болѣтъ:
 Недоволенъ
 Свѣтомъ цѣлымъ,
 И за дѣломъ
 Не сидится,
 И не спится,
 Все хладѣть,
 Поблѣднѣютъ
 И ланиты,

Аппетиту
 Не дождешься,
 И все бьешься
 Безъ умолку
 И безъ толку!..

Да, болѣзни
 Нелюбезны.
 Это зная,
 Вамъ желаю
 Первымъ словомъ
 Быть здоровымъ:
 Въ чувствахъ тая,
 Посылаю
 Также въ даль я
 И Натальѣ
 Алексѣвнѣ
 Вседушевнѣ
 Тожъ желанье.
 Въ докончанье,
 Сердца въ жарѣ,
 И Варварѣ
 Алексѣвнѣ
 Вседушевнѣ
 Тожъ желаю;
 Прилагаю
 И Алешѣ
 Ту же пошу
 Благъ желанья.
 До свиданья.

Стихъ мой дрянный,
 Очень странный,
 Вы простите,
 Извините.
 Я мараю,
 Не желая

Затесаться
Въ рядъ поэтовъ
Въ родѣ Фетовъ,
Иль талантовъ,
Въ родѣ франтовъ
Соллогубовъ.

Добролюбовъ.

Сообщ. А. С. Галаховъ.

ПЛЕВНЕНСКОЕ СИДѢНІЕ

1877 г. ¹⁾.

I.

Генераль-адъютантъ Тотлебенъ вызванъ осенью 1876 г. императоромъ Александромъ въ Ливадію для приведенія въ оборонительное положеніе крѣпостей и укрѣпленій Черноморскаго побережья.—Тотлебенъ по высочайшему повелѣнію возвращается въ Петербургъ.—Отъѣздъ императора Александра въ дѣйствующую армію на Дунай.—Тотлебенъ отстраненъ отъ участія въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ.—Пребываніе лѣтомъ 1877 года въ Царскомъ Селѣ.—Осмотръ крѣпостей и укрѣпленій Балтійскаго побережья.—Плевненскія неудачи въ іюль и августъ 1877 г.—Тотлебенъ вызванъ въ сентябрѣ имп. Александромъ въ дѣйствующую армію.

. . Разстроенное здоровье вынудило генераль-адъютанта Тотлебена, лѣтомъ 1876 года, побывать за границу. Между тѣмъ событія на Востокѣ принимали все болѣе грозный оборотъ и война съ Оттоманскою Портою становилась неизбежною. 21-го сентября Тотлебенъ въ своемъ имѣніи въ Кейданахъ получилъ телеграмму, по которой императоръ Александръ вызывалъ его немедленно въ Ливадію. Эдуардъ Ивановичъ тотчасъ собрался въ путь и выѣхалъ изъ Кейданъ на слѣдующій день утромъ, 22-го числа, 27-го сентября онъ уже явился государю въ Ливадію.

Его величеству угодно было назначить Тотлебена главнымъ распорядителемъ обороны Черноморскаго побережья, подчинивъ ему также морскія силы.

Тотлебенъ принялся за дѣло съ обычною энергіею; всѣ необхо-

¹⁾ Изъ неизданнаго втораго тома историко-біографическаго труда свиты его величества ген.-маіора Н. К. Шильдера: „Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ“.

дныя оборонительныя мѣры были осуществлены съ необычайною быстротою, и къ 25-му октября все было готово къ встрѣчѣ ожидаемыхъ въ Черномъ морѣ враговъ.

Но радость Тотлебена продолжалась недолго; въ самый разгар дѣятельности защитника Севастополя онъ получилъ неожиданнымъ образомъ приказаніе отправиться въ Петербургъ; присутствіе его здѣсь признавалось государемъ необходимымъ... Съ сокрушеннымъ сердцемъ Тотлебенъ возвратился въ столицу; онъ предчувствовалъ уже тогда, что онъ будетъ отстраненъ отъ участія въ войнѣ съ Турціею.

Тотлебену не оставалось ничего другаго, какъ, скрѣпя сердце, съ покорностью суду бѣ, приняться за обычныя занятія по главному инженерному управленію, въ то самое время, когда на Балканскомъ полуостровѣ готовилось рѣшеніе вѣковой борьбы Россіи съ Оттоманскою Портой...

Здѣсь уместно сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ относился вообще Тотлебенъ къ предстоявшему тогда разрыву съ Турціею. Онъ не сочувствовалъ войнѣ, признавая борьбу съ Оттоманскою Портой преждевременнымъ предпріятіемъ. Тотлебенъ не переставалъ громко и ясно утверждать, что немедленно объявленная война принесетъ намъ одинъ вредъ и отодвинетъ Россію на пятьдесятъ лѣтъ назадъ, сокрушивъ разомъ всѣ успѣхи, одержанные ею въ послѣднее время и не обезпечивъ за Имперіею никакихъ положительныхъ выгодъ ни въ политическомъ, ни въ военномъ отношеніяхъ. По его мнѣнію, не слѣдовало начинать войны съ Турціею, не озаботившись предварительно созданіемъ вновь Черноморскаго флота, на который онъ смотрѣлъ какъ на вѣрный залогъ успѣшной и рѣшительной кампаніи противъ блистательной Порты. Для обезпеченія русскихъ интересовъ на Востокѣ, Тотлебенъ находилъ болѣе выгоднымъ и цѣлесообразнымъ пожертвовать теперь же милліоны 200 или 300 на устройство флота, на достройку крѣпостей и укрѣпленій на югѣ Россіи и на западной границѣ, на окончательную переорганизацию и перевооруженіе арміи и пр.; по исполненіи этой программы, рѣшеніе восточнаго вопроса, соотвѣтствующее политическимъ видамъ Россіи, представлялось для него уже только вопросомъ времени! ¹⁾.

Не сочувствовалъ также Тотлебенъ политикѣ, принятой Россіею въ отношеніи Сербіи и вообще славянской окраскѣ, приданной въ 1876 году восточному вопросу. Глубоко консервативный образъ мыслей его въ особенности возмущался допущенной правительствомъ

¹⁾ Припомнимъ здѣсь, что еще императрица Екатерина II писала: „у насъ прибываетъ силы отъ самаго времени“.

отправкой добровольцев; подобнымъ начинаніямъ онъ предпочиталъ даже прямое объявленіе войны Турціи, какъ средство, болѣе достойное величія Россіи. «Не видать и не слышать правительства», случилось не разъ повторять Тотлебену, при видѣ царствовавшей тогда политической неурядицы. Оказалось, что и теперь, согласно обыкновенію, Тотлебенъ шелъ противъ теченія и, не стѣсняясь, рѣзко осуждалъ съ искреннимъ убѣжденіемъ воззрѣнія, выдаваемые, какъ онъ говорилъ, сторонниками войны за настроеніе общественнаго мнѣнія; нельзя сказать, чтобы подобные взгляды, въ отношеніи къ столь жгучему дѣлу, какимъ былъ и останется для Россіи восточный вопросъ—содѣйствовали бы къ увеличенію числа его друзей...

19-го (31-го) октября 1876 года послѣдовалъ извѣстный русскій ультиматумъ Оттоманской Портѣ, остановившій дальнѣйшее вторженіе турокъ въ предѣлы побѣжденной Сербіи. Въ Константинополѣ собралась конференція, на которую султанъ отвѣчалъ своеобразнымъ контръманевромъ,—пушечная пальба возвѣстила изумленнымъ дипломатамъ о дарованіи какимъ-то оттоманамъ, изобрѣтеннымъ по этому случаю изворотливымъ Митхадомъ-пашею, конституціи на европейскій ладъ. Членамъ конференціи оставалось только разѣхаться, не добившись отъ турокъ желаемыхъ уступокъ. Между тѣмъ въ Россіи съ 1-го ноября 1876 года приступили уже къ мобилизаціи части вооруженныхъ силъ Имперіи, а именно, приведено на военное положеніе: 286 баталіоновъ, 363 эскадрона и сотни при 1,154 орудіяхъ, въ числѣ 460,000 человѣкъ. Изъ нихъ въ Кишиневѣ сформирована была дѣйствующая армія, въ составъ которой первоначально вошли только: 107 баталіоновъ, 149 эскадроновъ и сотенъ при 472 орудіяхъ, численностью около 193,000 человѣкъ! ¹⁾

Хотя, какъ выше упомянуто, Тотлебенъ не сочувствовалъ объявленію войны Турціи, но, въ виду принятаго разъ правительственнаго рѣшенія, онъ находилъ, что число мобилизованныхъ войскъ не соответствовало предположенной дѣли. Онъ указалъ, что мы на этотъ разъ снова впадаемъ въ обычную ошибку, повторяющуюся при каждомъ столкновеніи нашемъ съ Оттоманскою Портою съ замѣчательною послѣдовательностью. Какъ бы Турція ни была расштана въ эпоху

¹⁾ Сверхъ дѣйствующей арміи въ Одесскомъ округѣ, по охраненію прибрежья, состояло 48 баталіоновъ, 30 эскадроновъ и сотенъ, при 216 орудіяхъ, всего около 72,000 человѣкъ; въ Киевскомъ округѣ, какъ резервъ дѣйствующей арміи, находились: 52 баталіона, 24 сотни, 210 орудій, всего 73,000 человѣкъ. Дѣйствующій корпусъ на Кавказско-турецкой границѣ заключалъ въ себѣ: 79 баталіоновъ, 32 пѣшихъ сотни, 151 эскадронъ и сотенъ, 256 орудій, всего 122,000 человѣкъ.

1876 года, но тѣмъ не менѣе Тотлебенъ находилъ, что не слѣдуетъ пренебрегать врагомъ, упуская средство кончить кампанію однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Событія войны 1877 года подтвердили въ слѣдствіи справедливость мнѣнія высказаннаго по этому случаю Тотлебеномъ. Дѣйствительно, многія тревожныя минуты, прожитыя тогда Россією, не имѣли бы мѣста, если бы на нашей сторонѣ находился своевременно значительный перевѣсъ въ силахъ ¹⁾.

12-го апрѣля 1877 года послѣдовалъ высочайшій манифестъ о войнѣ противъ Оттоманской Порты, и русскимъ войскамъ приказано перейти турецкую границу. «Для исторіи открылось диковинное зрѣлище,—пишетъ графъ Соллогубъ въ неизданномъ дневникѣ о пребываніи императора Александра Николаевича въ арміи на Дунаѣ:—самодержца, дѣйствующаго противъ своего желанія, народа, дѣйствующаго противъ своихъ выгодъ, и завоевательныхъ дѣйствій, совершающихся безъ завоевательныхъ замысловъ».

Но обратимся теперь, при дальнѣйшемъ разсказѣ, къ запискамъ Тотлебена:

«Государь императоръ выѣхалъ изъ Петербурга, 21-го мая, со свитою, состоящею изъ военнаго министра, князя Суворова, Мезенцова, Радзивила, князя Витгенштейна, Вердера, Игнатьева и проч. и проч. Война объявлена 12-го апрѣля, 13-го наши войска перешли черезъ Прутъ. Я ожидалъ, что меня потребуютъ. Меня, однако же, оставили въ Петербургѣ ²⁾. Мнѣ поручили вооруженіе крѣпостей и портовъ Балтійскаго моря. Военный министръ придавалъ, повидимому, оборонѣ портовъ особенное значеніе, опасаясь разрыва съ Англією. Укрѣпленія эти въ предшествовашіе годы были приведены въ такое состояніе, что оставалось только усилить вооруженіе сообразно со средствами главнаго артиллерійскаго управленія, что, конечно, могло быть сдѣлано безъ меня по распоряженію главнаго инженернаго управленія, руководствуясь прежними моими положительными указаціями. Это былъ пустой предлогъ... Я въ теченіи лѣта оставался въ Петербургѣ, ѣздилъ въ Выборгъ, Свеаборгъ, Кронштадтъ и Динамиде, бывалъ на короткое время въ Кейданахъ, и жилъ попере-

¹⁾ Къ началу 1878 года составъ дѣйствующей арміи возросъ до 520,000 человекъ, въ составѣ 351 баталіона, 111 эскадроновъ и 160 батарей.

²⁾ Извѣстный бельгійскій инженеръ и военный писатель Бриальмонъ пишетъ по этому поводу въ біографическомъ очеркѣ жизни и дѣятельности графа Тотлебена слѣдующее: „La rude franchise de Todleben et sa sévérité pour ceux qui ne suivaient pas le droit chemin, lui suscitérent des ennemis c'est sans doute la cause pour laquelle il ne fut pas investi d'un commandement au début de la guerre de Turquie“.

мѣнно то въ Петербургѣ, то въ Царскомъ Селѣ, скучая отъ мало-важныхъ обыкновенныхъ занятій главнаго инженернаго управленія».

«Кампанія открылась самымъ блестящимъ образомъ. Переправа черезъ Дунай 15-го іюня, взятіе Никополя, занятіе Тырнова безъ сопротивленія, быстрый переходъ генерала Гурко чрезъ Балканы, занятіе Казанлыка, Ени и Ески-Загры, паническій страхъ, наведенный на турокъ въ Адрианополѣ,—произвели въ Петербургѣ всеобщій восторгъ. На Кавказѣ взятіе Ардагана, движеніе нашихъ войскъ къ Эрзеруму, послѣ занятія Баязета, все это показывало превосходство нашихъ силъ надъ турецкими. Многіе полагали, что кампанія будетъ окончена къ осени!»¹⁾

«Между тѣмъ получались постепенно менѣе благоприятныя извѣстія съ двухъ театровъ военныхъ дѣйствій. На Кавказѣ наши войска были остановлены, съ огромною потерею, подъ Зивинюмъ. Осада Карса шла безуспѣшна. Баязетъ былъ окруженъ турками, вынуждены были снять осаду Карса, съ трудомъ удалось выручить гарнизонъ Баязета, и вся армія должна была отступить за нашу границу. На Балканскомъ полуостровѣ турки съ превосходными силами перешли въ наступленіе противъ Гурки и заставили его отступить отъ южнаго склона Балканъ. Турки рѣзали болгаръ въ мѣстности, нами оставляемой. Мы пришли спасать болгаръ, а между тѣмъ они погибали вслѣдствіе нашей помощи! Войска наши едва въ состояніи были удерживаться на Шивкѣ при недостаткѣ воды и при всевозможныхъ лишеніяхъ. Это было первое послѣдствіе отсутствія благоразумнаго плана кампаніи, основаннаго на знаніи военнаго дѣла и на фактахъ военной исторіи».

«Операционная линія наша лишена была всякаго базиса. Всѣ крѣпости на Дунаѣ, въ томъ числѣ даже Русчукъ, оставлены были

¹⁾ Насколько затруднительно было въ то время положеніе турокъ, можно судить по телеграммѣ, отправленной изъ Константинополя Сандомъ-пашею въ Видинъ, Осману-пашѣ:

2-го іюля 1877 г.

«Дерзость непріятеля превосходить всякіе предѣлы: въ настоящую минуту отечество стоитъ на краю гибели, участь его находится въ рукахъ войскъ. Наступилъ моментъ оказать услугу народу и правительству, не щадя трудовъ, ни людей для спасенія отечества. Употребите всѣ усилія, чтобы прибыть скорѣе къ дѣлу дѣйствія».

Въ это время Османъ-паша, съ одобренія султана, уже принялъ рѣшеніе выступить 1-го іюля изъ Видина съ 19-ю баталіонами, 9-ю батареями и пятью эскадронами, для дѣйствія противъ праваго фланга русской арміи. (Описаніе военныхъ дѣйствій подъ Плевною въ войну 1877 года.—Сочиненіе маіора турецкой службы Таль-атъ).

въ рукахъ турокъ. Онѣ были у насъ на флангахъ и въ тылу. Сообщение черезъ Дунай не было обезпечено. Рущукъ не хотѣли и не считали нужнымъ брать. Осаждать крѣпости, которыя находятся на прямомъ пути сообщенія, считали предпріятіемъ устарѣлымъ, собственнымъ только одностороннимъ специалистамъ. Окапываться считалось трусостью. Войска бросали шанцевый инструментъ. Между тѣмъ, пользуясь удачнымъ переходомъ черезъ Дунай и нравственнымъ влияніемъ, произведеннымъ этимъ успѣхомъ на турокъ, при принятіи заблаговременныхъ мѣръ, вѣроятно удалось бы овладѣть Рущукомъ; въ этой крѣпости небольшой гарнизонъ со страхомъ ожидалъ приближенія нашихъ войскъ, въ особенности непосредственно послѣ паденія Никополя. Все это вздоръ говорили..... впередъ, впередъ».

«Генераль Циммерманъ занялъ Добруджу. вмѣсто того, чтобы направиться на Силистрію и овладѣть этою крѣпостью, онъ остановился на линіи Черноводы-Кистенджи и простоялъ тамъ до половины января. Послѣ овладѣнія Силистрією и Рущукомъ, Дунай, начиная отъ Никополя и до Галаца, былъ бы свободенъ для плаванія нашихъ судовъ и плотовъ. Это, конечно, имѣло бы огромное влияние на продовольствіе арміи, которое при отсутствіи этого водянago сообщенія становилось все болѣе и болѣе труднымъ. Румынская желѣзная дорога была въ весьма дурномъ состояніи, въ одинъ путь. Сообщение постоянно прекращалось и было вообще весьма неправильно. Огромные склады лежали на границѣ Бессарабіи въ Унгенахъ. Не было возможности отправить ихъ далѣе. Для постройки необходимыхъ мостовъ не было лѣса, а между тѣмъ въ Галацѣ лежали огромные запасы. При многосложности и формальности положенія о тылѣ арміи, составленномъ въ военномъ министерствѣ, при противодѣйствіи общества желѣзной дороги, съ которымъ не знали какъ справиться, безпорядокъ болѣе и болѣе возрасталъ. Вызвали генерала Дрентельна, человѣка весьма энергичнаго и дѣятельнаго. Онъ приходилъ въ отчаяніе, убѣдясь, что онъ безвластенъ, не имѣетъ никакихъ правъ и уполномочій, что приказанія полевого штаба сегодня такіа, завтра другія» . .

«8-го іюня бригада 5-й дивизіи была остановлена и разбита подъ Плевною, при входѣ въ городъ, который нѣсколькими часами ранѣе успѣли занять турки. Дѣло это произвело весьма невыгодное впечатлѣніе. . Къ западу даже не была направлена, какъ бы слѣдовало, кавалерія для рекогносцировокъ и собранія свѣдѣній о неприятелѣ. Османъ-паша съ 50,000 армією успѣлъ перейти изъ Видина въ Плевну, безъ того, чтобы у насъ о томъ имѣли свѣдѣніе. Съ другой, восточной, стороны Абдуль-Керимъ-паша съ значительными

силами приближался къ Разграду и Лому близъ Рущука. Такимъ образомъ наше наступленіе было рѣшительно остановлено съ фронта и угрожаемо съ обонхъ фланговъ. Обстоятельства становились все хуже и хуже».

«18-го іюля атака на Плевну генерала Криднера и генерала князя Шаховскаго была отбита съ огромною потерей. Панический страхъ распространился въ Систовѣ, гдѣ всѣ, даже болгары, бросились къ мосту. Болгары были въ отчаяніи. Даже главная квартира государя императора была встревожена при крикахъ: турки идутъ».

«Восточный отрядъ долженъ былъ постепенно отступить и перейти за Ломъ, Мехмедъ-Али-паша съ превосходными силами наступалъ. Наши войска едва въ состояніи были держаться за Ломомъ. При болѣе энергичномъ образѣ дѣйствій Мехмеда-Али-паши, онъ могъ бы овладѣть Бѣлою на Янтрѣ, раздѣливъ наши силы на двѣ части. . . . На Балканахъ Сулейманъ-паша отчаянно штурмовалъ наши позиціи на Шипкѣ. Десять штурмовъ его были геройски отбиваемы, однако-же съ значительными потерями, генераломъ Радецкимъ. Удержаніе позицій на Шипкѣ вслѣло на волоскѣ. Ежедневно опасались, что Сулейманъ-паша овладѣетъ этою позиціею и отброситъ наши войска къ Тырнову, который, въ свою очередь, былъ угрожаемъ съ востока. Съ другой стороны турки изъ Плевны послали отрядъ изъ восьми баталіоновъ, который укрѣнился въ Ловчѣ. Башибузуки заняли Сельви».

«Такимъ образомъ Радецкій былъ атакованъ съ фронта и турки подвигались впередъ на обонхъ его флангахъ, направляясь въ тылъ на Тырновъ и съ запада на Габрово».

«Князь Имеретинскій и генералъ Скобелевъ съ двадцатью баталіонами (2-й и 3-й пѣхотныхъ дивизій) съ трудомъ выбили восемь баталіоновъ турокъ изъ Ловчи. При этомъ были моменты, гдѣ они сомнѣвались въ возможности успѣха, не смотря на необыкновенную храбрость нашихъ войскъ, которая вслѣдствіе небывалаго огня турокъ, на разстояніи до двухъ верстъ, нѣсколько разъ были сильно поколеблены. Побѣда эта, при превосходствѣ силъ въ 2½ раза, стоила большихъ жертвъ. Пунктомъ этимъ удалось овладѣть лишь вслѣдствіе того, что подкрѣпленіе, посланное Османъ-пашею изъ Плевны, опоздало. Въ противномъ случаѣ турки удержали бы за собою Ловчу».

«Въ Плевнѣ Османъ-паша, въ виду нашихъ войскъ, обратилъ свою позицію въ сильно укрѣпленный лагерь, возводя съ неутомимою дѣятельностію укрѣпленія, превосходно примѣненные къ мѣстности. Онъ, однако, не ограничивался исключительно оборонительными дѣйствіями, но 20-го августа атаковалъ наши позиціи. Войска наши вынуждены

были отступить на десять верстъ до Пелишата и Сгалевицы. Здѣсь его остановили и заставили возвратиться въ Плевну. Нравственная сила турокъ до того возрасла, что они вездѣ начинали дѣйствовать наступательно».

«Въ концѣ августа прибыли къ Плевнѣ румынскія войска въ составѣ четырехъ дивизій, слишкомъ 30,000 человекъ. Изъ нашихъ войскъ тамъ находились:

4-й корпусъ:	2-я дивизія	8,000 чел.
	16-я дивизія	9,000 «
	30-я дивизія	8,000 «
9-й корпусъ:	5-я дивизія	6,000 «
	31-я дивизія	8,000 «
	3-я стрѣлк. бригада	2,000 «
	два саперн. баталіона	1,000 «

Итого 42,000 чел.

«Съ артиллеріею и кавалеріею до 50,000 человекъ. Слѣдовательно, около Плевны, въ которой находилось около 60,000 турокъ, было сосредоточено до 80,000 войскъ. Рѣшено было во что бы то ни стало овладѣть Плевною штурмомъ».

На этомъ, къ сожалѣнію, прерывается рукопись генераль-адыю-танта Тотлебена о военныхъ дѣйствіяхъ въ Европейской Турціи, за время, предшествовавшее прибытію его на Балканскій полуостровъ.

Но выше приведеннымъ отрывкамъ изъ этихъ записокъ легко представить себѣ душевныя муки, испытанныя защитникомъ Севастополя, когда для него окончательно выяснилось, что онъ не будетъ вызванъ на театръ военныхъ дѣйствій. Всегдашній врагъ бюрократизма и всякой канцелярщины, Тотлебенъ былъ осужденъ сидѣть сложа руки, развлекаясь ненавистной ему бумажной перепиской, когда на берегахъ Дуная рѣшалась участь Оттоманской Имперіи! Тщетно пишущій эти строки старался успокоить героя, удрученнаго горемъ, указывая на примѣръ Кутузова въ 1812 году, который, какъ человекъ, намѣченный рукою Провидѣнія, не смотря на временное бездѣйствіе, призванъ былъ въ минуту опасности спасти Россію... Но защитникъ Севастополя не вѣрилъ въ проводимую собесѣдникомъ его историческую параллель... Нравственныя огорченія возымѣли свое дѣйствіе... Тотлебенъ началъ хворать. Между тѣмъ неожиданная для всѣхъ развязка, въ Кутузовскомъ смыслѣ, уже приближалась. Въ концѣ августа послѣдовала такъ называемая «третья Плевна»; Османъ-паша снова восторжествовалъ, причемъ храбрыя

войска наши, одушевленные безграничнымъ самоотверженіемъ, понесли громадную потерю въ 16,000 человекъ. «Хотя успѣхъ далеко не оправдалъ ожиданій, но тѣмъ не менѣе благодарность сказалась всѣмъ. Никто не былъ привлеченъ къ отвѣтственности, никто не впалъ въ немилость. Никто не услышалъ упрека. Такъ было угодно Богу, и царская порфира широко раскинулась надъ погрѣшностями и недосмотрами»¹⁾).

Первые дни послѣ неудачнаго штурма Плевны, пишетъ одинъ изъ свидѣтелей нашего пораженія, генералъ Куропаткинъ, настроеніе войскъ было нѣсколько угнетенное. Сознаніе неудачи и громадность повесенныхъ потерь, сознаніе нашихъ ошибокъ легли на всѣхъ, въ особенности на начальствующихъ лицъ, тяжелымъ бременемъ. Переходъ въ наступленіе турокъ ожидался съ безпокойствомъ.

Необходимо было установить дальнѣйшій образъ дѣйствій и съ этой цѣлью 1-го сентября на плевненской позиціи состоялся военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ императора Александра, къ которому приглашены были великій князь главнокомандующій, военный министръ Д. А. Милютинъ, генералъ-адъютанты Непокойчицкій и князь Масальскій, генералы: Зотовъ и Левицкій.

Великій князь, съ разрѣшенія государя, предложилъ на обсужденіе совѣта вопросъ: рискнуть-ли остаться на занимаемыхъ позиціяхъ или рѣшиться на отступленіе за рѣку Осму?

Генералъ Зотовъ высказалъ мнѣніе о необходимости медленнаго отступленія къ тѣмъ самымъ позиціямъ, которыя занималъ западный отрядъ до 26-го августа. Князь Масальскій подалъ голосъ въ пользу предложенія генерала Зотова. Генералъ Левицкій оспаривалъ возможность рѣшенія вопроса въ предложенномъ смыслѣ; онъ говорилъ, что отступленіе теперь послѣ новаго пораженія невысказано, а, напротивъ того, слѣдуетъ сосредоточить къ Плевнѣ гвардію и гренадеръ и, стянувъ вокругъ Османа, такъ сказать, желѣзное кольцо, пресѣчь ему пути сообщенія съ Видиньмъ и Софіей и, при содѣйствіи блокады или осады, вынудить его, наконецъ, къ безусловной сдачѣ. Военный министръ Д. А. Милютинъ присоединился къ мнѣнію генерала Левицкаго и сталъ развѣивать детали этого плана. Тогда всѣ присутствующіе, начиная съ главнокомандующаго, заявили, что они вполне согласны съ мнѣніемъ генерала Левицкаго и военного министра, и государь императоръ призналъ этотъ взглядъ совершенно правильнымъ.

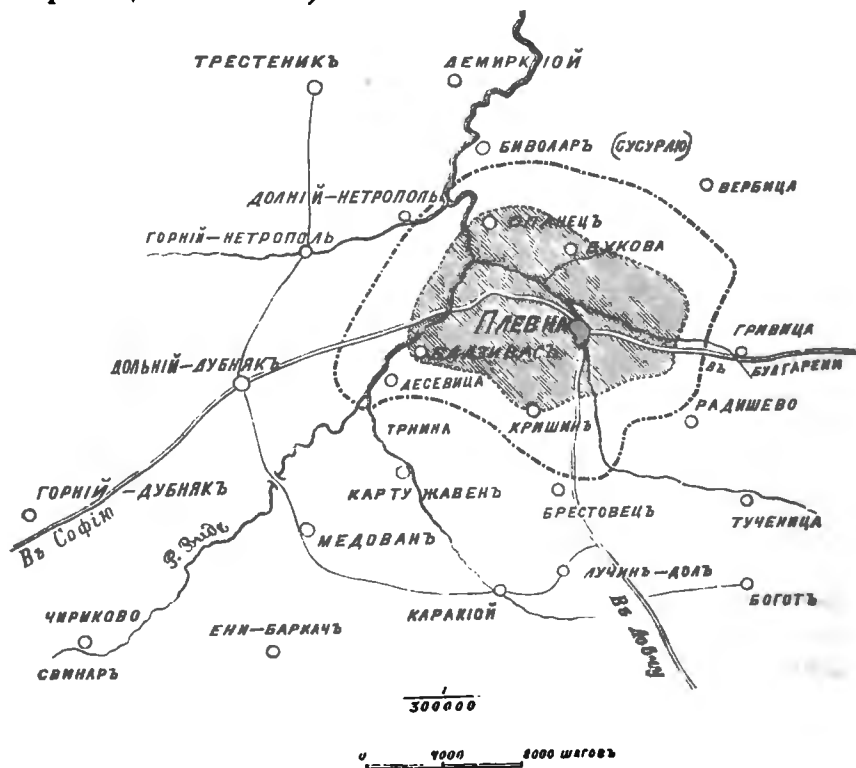
Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было вызвать изъ Петербурга генералъ-адъютанта Тотлебена, для совѣщанія по вопросу о дальнѣйшихъ дѣй-

¹⁾ Незданный дневникъ графа Соллогуба.

ствіяхъ противъ Плевны. 2-го сентября Эдуардъ Ивановичъ получилъ телеграмму военнаго министра, въ которой сказано было, что государь императоръ вызываетъ его на нѣкоторое время въ дунайскую армію. Въ такомъ же смыслѣ обратился къ нему великій князь главнокомандующій. «Вы мнѣ нужны», гласила телеграмма его высочества.

Сборы Тотлебена въ походъ были непродолжительны. Не смотря на нездоровье, онъ выѣхалъ изъ Петербурга 7-го сентября, въ сопровожденіи своего адъютанта полковника Мельницкаго; дорогою онъ простился съ женою и дѣтьми, поспѣвшимъ къ нему на встрѣчу изъ Кейданъ въ Вильно; 12-го сентября защитникъ Севастополя достигъ Букареста, пробывъ безостановочно въ дорогѣ пять сутокъ.

«Не въ первый разъ отправляюсь на войну, писалъ Тотлебенъ, 3-го сентября, своему семейству,—счастіе мнѣ всегда благопріятствовало. Будемъ же и на этотъ разъ надѣяться, что милосердый Богъ и теперь защититъ меня»¹⁾.

ПЛЕВНА, 1877 г.

¹⁾ См. въ приложеніяхъ выдержки изъ переписки генераль-адъютанта Тотлебена за время войны 1877—1878 годовъ.

II.

Генераль-адъютантъ Тотлебенъ въ Букарестѣ. — Встрѣча съ генераломъ М. Д. Скобелевымъ. — Прїѣздъ, 15-го сентября, въ главную квартиру дѣйствующей арміи: Горній Студень. — Военный совѣтъ 16-го сентября. — Первое посѣщеніе Тотлебеномъ, 18-го сентября, позиціи передъ Плевною. — Приказъ 22-го сентября великаго князя главнокомандующаго о назначеніи генераль-адъютанта Тотлебена помощникомъ начальника западнаго отряда князя Карла Румынскаго. — Положеніе дѣлъ въ западномъ отрядѣ съ 1-го по 22-е сентября. — Первоначальныя распоряженія Тотлебена и сформированіе штаба. — Событія подъ Плевною до занятія 12-го октября Софійскаго шоссе, т. е. до начала дѣйствительной блокады Плевненскаго укрѣпленнаго лагеря.

Не легко было отправляться на театръ военныхъ дѣйствій осенью 1877 года. Обстоятельства были въ высшей степени тревожны; нервное настроеніе русскаго общества достигло крайнихъ предѣловъ; рассказы же свидѣтелей недавнихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ, которые приходилось выслушивать дорогою, не могли дѣйствовать ободряющимъ образомъ на лицъ, направляющихся въ дѣйствующую армію. На долю Тотлебена также выпала горькая доля испытать эту нравственную пытку! Въ Букарестѣ онъ встрѣтилъ, между прочимъ, генераль-лейтенанта Михаила Дмитриевича Скобелева; юный плевненскій герой, основательно знакомый съ самого начала кампаніи съ положеніемъ дѣлъ въ арміи, пѣнилъ защитника Севастополя своими животрепещущими рассказами о послѣднихъ неудачахъ нашихъ подъ Плевною. Подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ всѣхъ слышанныхъ имъ неутѣшительныхъ вѣстей, Тотлебенъ переѣхалъ Дунай у Систова и 15-го сентября прибылъ въ Горній Студень, гдѣ помѣщались въ то время обѣ главныя квартиры: императорская и великокняжеская.

Къ величайшему прискорбію своему, Тотлебенъ нашелъ государя сильно измѣнившимся послѣ «третьей Плевны». Съ 9-го сентября императоръ Александръ занемогъ лихорадкою; нравственное состояніе духа его ухудшилось еще извѣстіемъ, что около 10,000 турокъ съ артиллерією, боевыми и продовольственными припасами пробрались въ Плевну, чрезъ нашу кавалерію, высланную къ Софійскому шоссе, на лѣвый берегъ р. Вида. Къ счастью, съ Кавказа получены были, по крайней мѣрѣ, болѣе радостныя извѣстія объ отбитіи турокъ на Аладжинскихъ высотахъ.

Тотлебенъ писалъ по этому поводу послѣ прибытія въ Горній Студень слѣдующее: «Государь имѣетъ весьма болѣзненный видъ. Гово-

рять, до сихъ поръ онъ чувствовалъ себя хорошо; его страданія скорѣ нравственнаго свойства. Нѣсколько дней тому назадъ онъ подвергся сильному припадку лихорадки и вслѣдствіе этого не можетъ выходить изъ комнаты. Онъ добръ и милостивъ какъ всегда — истинный рыцарь... Если-бъ всё были такими, какъ онъ, все бы пошло лучше».

16-го сентября императоръ Александръ собралъ военный совѣтъ, въ которомъ принималъ участіе прибывшій изъ Рущукскаго отряда наслѣдникъ цесаревичъ и генераль-адъютантъ Тотлебенъ. Рѣшено было обратить главныя силы дѣйствующей арміи противъ Плевны, чтобы покончить, наконецъ, съ этой неожиданной турецкой инженерной импровизаціей, и для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ послать Тотлебена въ западный отрядъ; но тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ письма его отъ 17-го сентября, будущія обязанности защитника Севастополя въ дунайской арміи не сразу вполне выяснились. Тотлебенъ пишетъ: «Завтра утромъ отправляю въ Плевну, чтобы сдѣлать на мѣстѣ необходимыя распоряженія. Мнѣ кажется, я понимаю, въ чемъ дѣло, и твердо убѣжденъ, что справлюсь съ турками, если только дадутъ мнѣ необходимую власть надъ войсками; однако, мнѣ предоставлено выступить только въ роли совѣтника—въ такомъ случаѣ я не многимъ помогу дѣлу, такъ какъ все зависитъ отъ исполненія. Въ Плевнѣ я останусь подольше и затѣмъ отправлюсь на Шипку. Не достааетъ единства власти въ командованіи».

18-го сентября Тотлебенъ прибылъ въ Порадимъ, и сопровождая великаго князя главнокомандующаго и князя Карла Румынскаго, приступилъ къ тщательному осмотру части позиціи впереди нашихъ выдвинутыхъ батарей. 20-го сентября Тотлебенъ продолжалъ осмотръ мѣстности, занимаемой румынскими войсками, а 21-го числа объѣхалъ позиціи лѣваго фланга западнаго отряда до р. Вида. Здѣсь Тотлебенъ снова встрѣтился съ генераломъ Скобелевымъ, вступившимъ, по возвращеніи изъ Букареста, 18-го сентября, въ командованіе 16-ю пѣхотною дивизіею. «Мощная воинственная фигура генерала, пишетъ очевидецъ, свѣжій веселый видъ его, нѣсколько ласковыхъ словъ къ войскамъ произвели сразу хорошее впечатлѣніе»¹⁾).

Послѣ объѣзда позиціи 21-го сентября Тотлебенъ обѣдалъ у М. Д. Скобелева. На этомъ обѣдѣ случайно присутствовалъ извѣстный нашъ историкъ Д. И. Иловайскій, который, въ своихъ воспоминаніяхъ о поѣздкѣ подъ Плевну въ 1877 году, посвятилъ нѣсколько

¹⁾ Генералъ Куропаткинъ: «Блокада Плевны».

строжъ описанію встрѣчи съ двумя выдающимися дѣятелями русско-турецкой войны, Тотлебенемъ и Скобелевымъ ¹⁾).

«Уже наступилъ темный вечеръ, пишетъ Иловайскій, когда Тотлебенъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. М. Д. Скобелевъ, дотогѣ державшій себя скромно и чинно, теперь далъ волю своимъ впечатлѣніямъ; а онъ, очевидно, былъ очень впечатлительнъ. Онъ принялся расточать похвалы Тотлебену, рассказывалъ, какъ они поутру дѣлали рекогносцировку позицій, какъ непріатели обратили на нихъ вниманіе и начали посылать имъ гранаты, и какъ держалъ себя при этомъ новый начальникъ, шутиво замѣтившій, что турки его привѣтствуютъ. Да, j'ai trouvé mon maître—повторялъ Михаилъ Дмитриевичъ извѣстную фразу Массены о Наполеонѣ I».

Ознакомившись съ мѣстностью подъ Плевною, равно какъ съ характеромъ турецкаго укрѣпленнаго лагеря и съ расположеніемъ войскъ западнаго отряда, Тотлебенъ высказался рѣшительно какъ противъ повторенія штурма, такъ и противъ приступа къ осадѣ; цѣлью дѣйствій онъ поставилъ: блокаду Плевны и плѣненіе непріательской арміи. Вѣстѣ съ тѣмъ Тотлебенъ пришелъ къ окончательному заключенію относительно настоящей необходимости усилить западный отрядъ вновь прибывающими въ Болгарію войсками гвардейскаго корпуса, а именно: тремя пѣхотными и одною кавалерійскою дивизіями. По присоединеніи этихъ войскъ, онъ полагалъ только возможнымъ прочно утвердиться на Софійскомъ шоссе и приступить къ дѣйствительной блокадѣ арміи Османа-паши.

Главнокомандующій, одобривъ предложенную идею полного обложенія Плевны, поручилъ исполненіе намѣченной цѣли дѣйствія генералъ-адъютанту Тотлебену, вѣривъ ему начальство надъ сосредоточенными здѣсь войсками. 22-го сентября, въ день отъѣзда его высочества въ Горный Студень, послѣдовалъ приказъ о назначеніи Тотлебена помощникомъ начальника западнаго отряда князя Карла Румынскаго, съ подчиненіемъ непосредственному его начальству русскихъ войскъ этого отряда. Генералъ Зотовъ возвратился къ командованію 4-мъ корпусомъ ²⁾!

Такимъ образомъ Тотлебенъ быстро перемѣнилъ роль безвластнаго совѣтника на отвѣтственнаго и полноправнаго распорядителя войсками, сосредоточенными подъ Плевною для окончательнаго сокращенія арміи Османа-паши.

¹⁾ «Поѣздка подъ Плевну въ 1877 году». Статя Д. И. Иловайскаго („Русская Старина“ 1888 г., № 2).

²⁾ До прибытія Тотлебена въ западный отрядъ, генералъ Зотовъ занималъ мѣсто начальника штаба князя Карла.

Романъ кончился; рискованныя предпріятія прекратились. Наступила пора трезвой исторіи, подь часъ утомительной и однообразной при отсутствіи героевъ дня и безъ произвольныхъ уклоненій отъ установленной программы. Поставивъ, какъ выше упомянуто, пѣлью дѣйствій западнаго отряда блокаду Плевны, Тотлебенъ поддерживалъ принятое разъ рѣшеніе съ желѣзною настойчивостью, до окончательной развязки плевненскихъ усложненій.

Не понравилась пассивная стоянка подь Плевной, главнымъ образомъ, М. Д. Скобелеву. Пылкій и предпримчивый характеръ его не могъ помириться съ новымъ положеніемъ дѣлъ; онъ находилъ, что, имѣя подь рукою 100,000 штыковъ (по прибытіи свѣжихъ войскъ), грѣшно стоять въ виду непріятели сложа руки, терпѣливо выжидая момента сдачи. Скобелевъ признавалъ поэтому принятое Тотлебеномъ рѣшеніе ошибочной комбинаціей и крайне разочаровался въ надеждахъ, возложенныхъ на боевую предпримчивость защитника Севастополя. Когда же Михайлъ Дмитріевичъ убѣдился, что съ прибытіемъ новаго начальника мы не переходимъ къ активнымъ дѣйствіямъ, онъ началъ проводить свои идеи въ главной квартирѣ, помимо и нисколько не стѣсняясь противоположными воззрѣніями своего непосредственнаго начальника. Подобный образъ дѣйствій Скобелева навсегда разстроилъ дружескія отношенія, установившіяся было между нимъ и Тотлебеномъ, со времени первой встрѣчи въ Букарестѣ. Продолжая высоко цѣнить военныя дарованія и опытность своего непримиримаго антагониста въ дѣлѣ плевненской блокады, Тотлебенъ, въ свою очередь, глубоко разочаровался въ немъ какъ въ человѣкѣ, и занесъ въ свой дневникъ нижеслѣдующій рѣзкій отзывъ: «Скобелевъ вполнѣ выказалъ себя какъ человѣкъ, который думаетъ только о своей славѣ, пренебрегая всѣми благородными и человѣческими чувствами»¹⁾.

Но возвратимся къ сентябрьскимъ событіямъ подь Плевной. Приступая къ очерку дѣятельности генераль-адъютанта Тотлебена за время блокады Плевны, слѣдуетъ предварительно разсмотрѣть фортификаціонную импровизацію Османа-паши, и затѣмъ представить краткій обзоръ дѣйствій западнаго отряда съ 1-го по 22-е сентября.

Значеніе Плевны въ войну 1877 года обусловилося присутствіемъ на позиціяхъ, окружающихъ городъ, значительной турецкой арміи,

¹⁾ Любопытно сопоставить этотъ отзывъ о Скобелевѣ съ другой характеристикой, сдѣланной генераломъ Зотовымъ въ своихъ запискахъ:

„Человѣкъ дѣльный, съ военнымъ взглядомъ и опытностью, но по моральнымъ качествамъ, кажется, ненадежный—страшный честолюбецъ, и должно быть не разборчивъ въ средствахъ для удовлетворенія своего честолюбія“. („Русская Старина“ 1886 г.).

которая, воспользовавшись выгодами мѣстности, устроила здѣсь обширный укрѣпленный лагерь, угрожая правому флангу нашей дѣйствующей арміи. Независимо отъ того, Плевна имѣла еще значеніе какъ городъ, занимавшій узелъ важныхъ дорогъ, направляющихся въ Видинь, Софію, Никополь, Систово и черезъ Ловчу въ Сельви, Габрово ¹⁾).

При постепенномъ расположеніи вокругъ Плевны укрѣпленій, турки имѣли, главнымъ образомъ, въ виду оборонять впереди лежащую мѣстность многояруснымъ ружейнымъ огнемъ. Укрѣпленія состояли изъ превосходно примѣненныхъ къ мѣстности траншей и ложементовъ въ нѣсколько линій. Опорными пунктами позиціи служили редуты.

По мнѣнію Тотлебена существенныя выгоды плевненскаго укрѣпленнаго лагеря заключались въ слѣдующемъ ²⁾: 1) въ протяженіи позиціи вокругъ Плевны на 36 верстъ; 2) въ конфигураціи высотъ, расходящихся вѣерообразно во всѣ стороны, имѣя центромъ Плевну. Расположенные въ этомъ центрѣ, въ разстояніи 4-хъ до 5-ти верстъ, резервы могли легко поддержать любую изъ угрожаемыхъ позицій, тогда какъ овраги и балки, становившіеся все глубже по мѣрѣ приближенія къ линіи обложенья, перерѣзывали сообщенія между нашими позиціями; 3) укрѣпленія представляли нѣсколько рядовъ укрѣпленныхъ линій, искусно примѣненныхъ къ мѣстности; 4) резервы могли быть располагаемы внѣ досягаемости нашей артиллеріи; 5) губительный и опустошительный огонь турецкой пѣхоты, которымъ до сихъ поръ не располагала еще никакая европейская армія.

Послѣ неудачъ, сопровождавшихъ неоднократныя штурмы плевненскихъ укрѣпленій, численность русско-румынскихъ войскъ въ западномъ отрядѣ, не смотря на понесенныя нами громадныя потери, простиралась все-таки до 80,000 человекъ при 350 орудіяхъ. Изъ нихъ 40 баталіоновъ не принимало участія въ дѣлѣ. Не смотря на эти огромныя силы, вдвое превосходившія армію Османа-паши, численностью въ 46,000 человекъ, заперевшуюся въ Плевненскомъ лагерѣ, западный отрядъ пребывалъ въ бездѣйствіи до 12-го октября, т. е. до прихода гвардіи,—такъ велико было нравственное впечатлѣніе, испытанное послѣ ряда пораженій, закончившихся отступленіемъ Скобелева 31-го августа.

Между тѣмъ, къ 1-му сентября, силы Османа-паши, до присоединенія къ нему подкрѣпленій, не превышали 30,000 человекъ; снаряды

¹⁾ Разстояніе отъ Плевны до Никополя 40 верстъ, до Ловчи 30 верстъ и до Орханіа около 100 верстъ.

²⁾ Письмо генераль-адъютанта Тотлебена къ бельгійскому генералу Бріальмону отъ 6 (18) января 1878 года.

у турокъ истощились, 10 эскадроновъ черкесовъ разбѣжались. Эти обстоятельства побудили Османа-пашу отправить, 2-го сентября, въ Константинополь телеграмму, въ которой онъ не скрывалъ отъ канцеляріи султана затруднительность своего положенія, не смотря на одержанныя побѣды: «Уповаю на помощь Бога и пророка, пишетъ Османъ, мы стараемся сопротивляться и побѣдить непріятеля... Снаряды и провіантъ у насъ на исходѣ... Снаряды и двадцать таборовъ, о которыхъ я недавно просилъ, еще не прибыли. Наши потери убитыми и ранеными за послѣднюю недѣлю сильно ослабили насъ и мы поставлены въ необходимость отступить, но исполнить отступление очень трудно, и въ случаѣ оставленія нами этого важнаго пункта весь сѣверный склонъ Балкановъ до Видина будетъ открытъ, что можетъ произвести неблагоприятное впечатлѣніе на нашихъ и на иностранцевъ. Бросить на произволъ непріятелей столько мусульманскихъ семействъ, которыхъ нельзя взять съ собою при отступленіи, было бы также несогласно съ намѣреніями и чувствами его величества. Эти соображенія заставили меня удержаться эту позицію. Пока Ловча не будетъ взята нами обратно, нашъ путь отступленія будетъ находиться въ постоянной опасности. При милости Божіей, послѣ того какъ непріятель будетъ прогнанъ, а императорскія войска будутъ приведены въ порядокъ, мы снова возьмемъ Ловчу. Для обезпеченія нашего отступленія и нашихъ сообщеній и для подвоза провіанта и боевыхъ припасовъ, кромѣ упомянутыхъ двадцати таборовъ, нѣсколько другихъ направить въ какой нибудь удобный пунктъ между Плевною и Орханіе. Здѣшніе черкесы совершенно разбѣжались, и мы ощущаемъ большую потребность въ кавалеріи».

Генералъ Куропаткинъ замѣчаетъ: «можно смѣло предполагать, что продолжай мы энергичныя наступательныя дѣйствія, они увѣнчались бы успѣхомъ». Но затѣмъ далѣе прибавляетъ: «Такой выводъ не трудно сдѣлать въ настоящее время, когда прошло семь лѣтъ послѣ описываемыхъ дѣйствій, когда въ рукахъ находятся всѣ документы, не только опредѣляющіе силу нашихъ войскъ, но и силу турецкихъ войскъ, когда всѣ наши и турецкія позиціи можно разсматривать и и взмѣрять въ кабинетѣ, по прекрасно исполненнымъ картамъ. Иначе представится этотъ выводъ, если мы перенесемъ въ дѣйствительную обстановку, при которой князю Карлу и генералу Зотову приходилось рѣшать вопросъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ западнаго отряда арміи ¹⁾».

Послѣднее замѣчаніе близкаго очевидца всѣхъ дѣлъ похъ Плевною и боеваго сподвижника Скобелева вполне справедливо; историческая

¹⁾ „Блокада Плевны“.

критика должна признать, что обстановка, при которой вождемъ нашимъ приходилось рѣшать вопросъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ послѣ «третьей Плевны», отнюдь не располагало къ энергичнымъ рѣшеніямъ. Даже генералъ Скобелевъ не вѣрилъ въ успѣхъ новаго штурма и требовалъ времени для приведенія разстроенныхъ частей въ порядокъ. Настроеніе духа Скобелева было, дѣйствительно, настолько удрученное, нервы его отъ перенесенныхъ тагостныхъ впечатлѣній оказались настолько потрясенными, что Михаилъ Дмитріевичъ почувствовалъ необходимость временнаго отдыха; онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Букарестъ... Если героическая натура Скобелева надломилась послѣ неудачнаго штурма, то что же сказать о другихъ обыкновенныхъ смертныхъ?... Генералъ Зотовъ былъ убѣжденъ, что всѣ войска введены въ бой и что, какъ на резервъ, онъ можетъ рассчитывать только на два полка: Серпуховскій и Коломенскій, находившихся 30-го августа въ главномъ резервѣ. Между тѣмъ, изъ 64-хъ русскихъ баталіоновъ 46 принимали участіе въ штурмѣ. Напротивъ того, силы турокъ крайне преувеличивались; мы ихъ считали до 60.000 человекъ и вообще склонны были думать, что на сторонѣ вепрiателя находится перевѣсъ въ силахъ ¹⁾. Къ тому же недовѣріе къ румынскимъ войскамъ послѣ штурма возросло у генерала Зотова до крайней степени, и въ своихъ расчетахъ онъ совершенно не принималъ во вниманіе присутствіе 40 румынскихъ баталіоновъ. Ко всему этому нужно присовокупить, что въ сентябрѣ начались дожди, туманы, даже ночные морозы; болѣзненность въ войскахъ усиливалась; кромѣ того, лазареты были переполнены ранеными; нѣкоторыя части войскъ потеряли отъ 30-ти до 50-ти процентовъ ²⁾.

Вечеромъ 2-го сентября по войскамъ западнаго отряда состоялась слѣдующая диспозиція: «Румынскимъ войскамъ по прежнему занимать ихъ настоящія позиціи, упирая свой лѣвый флангъ въ Гривидкій редутъ, который занять гарнизономъ отъ румынскихъ войскъ и назначить коменданта редута по усмотрѣнію генерала Черната. 9-му корпусу сосредоточиться на позиціяхъ правымъ флангомъ къ Гривидскому редуту, а лѣвымъ—къ дорогѣ изъ Целишата въ Плевну; 4-му корпусу занять Радишевскія высоты. На занятыхъ позиціяхъ всѣмъ поименованнымъ частямъ сильно укрѣпиться. Всѣ передвиженія начать съ шести часовъ вечера».

¹⁾ Когда внослѣдствіи къ Осману-пашѣ прибыли подкрѣпленія, Тотлебенъ полагалъ даже, что его противникъ располагаетъ въ Плевнѣ 80,000 арміею.

²⁾ Напр., изъ 2-й пѣхотной дивизіи былъ сформированъ одинъ четырехъ-баталіонный полкъ.

Къ 5-му сентября всѣ предписанныя передвиженія окончились; войска заняли указанное сосредоточенное расположеніе, сохраняя какъ говорилось, оборонительно-угрожающій видъ, и приступили къ укрѣпленію занятыхъ позицій. Турки также приступили къ дѣятельному усиленію своего укрѣпленнаго лагеря, они не пожалѣли лопаты и рыли землю неутомимо, усиливая старыя и устраивая, сообразно требованіямъ мѣстности, новыя укрѣпленія. На основаніи сдѣланнаго перемѣщенія войскъ западнаго отряда можно считать, что съ этого времени все пространство отъ лѣваго берега Тученицкаго оврага, по кругу къ западу черезъ р. Видъ и къ сѣверу, опять же за берега р. Вида у Рыбина, было недосягаемо для дѣйствія нашей пѣхоты. Это неохраненное пространство поручили наблюдать кавалеріи; съ этою цѣлью для дѣйствій на Софійскомъ шоссе назначенъ кавалерійскій корпусъ изъ 12-ти полковъ съ нѣсколькими конными батареями, подъ начальствомъ генерала Крылова; послѣднимъ распоряженіемъ имѣли въ виду блокировать Плевну массою конницы, брошенной въ тылъ непріятелю, но эта мѣра привела только къ воображаемому обложенію турецкой позиціи. Османъ-паша не замедлил воспользоваться столь выгоднымъ для него положеніемъ дѣлъ и тотчасъ приступилъ къ устройству прочной линіи сообщеній съ Орханіе по ряду укрѣпленныхъ пунктовъ (Дольній Дубнякъ, Горній Дубнякъ, Телишь); затѣмъ онъ могъ безпрепятственно усилить свою армию свѣжими войсками (отъ 12 до 30,000 человекъ) и ввезти въ Плевну транспорты съ боевыми и продовольственными припасами. Въѣсть съ тѣмъ, непріятель прибѣгнулъ еще къ пополненію запасовъ продовольствія при помощи фуражировокъ; для этой цѣли Османъ-паша сформировалъ особыя отряды, дѣйствія которыхъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; турки безпрепятственно вывезли въ свой лагерь запасы изъ Тринны, Дольнаго-Этрополя и обонхъ Дубняковъ.

6-го сентября румыны, по приказанію князя Карла, штурмовали Гривницкій № 2-го редутъ, но были отбиты. Новый штурмъ, произведенный мѣсяцемъ позже, 7-го октября, также не имѣлъ успѣха. Затѣмъ румыны принялись вести противъ этого редута постепенную и даже минную атаку, но ее не успѣли, однако, закончить ко дню выхода Османа-паши изъ Плевны.

8-го сентября генералъ Зотовъ собралъ военный совѣтъ съ цѣлью выяснитъ мнѣніе своихъ ближайшихъ помощниковъ ¹⁾, относительно

¹⁾ А именно: командиры корпусовъ, начальники дивизій, начальники штабовъ корпусовъ, начальники саперной бригады и командиры саперныхъ баталіоновъ. Всего въ совѣтѣ участвовало 14 человекъ.

предстоящаго способа дѣйствій противъ Шлевны до прихода подрѣпленій, ожидавшихся только въ половинѣ октября.

Генералъ Зофовъ предложилъ на обсужденіе членовъ совѣта слѣдующіе три вопроса: первый: дѣлать ли посредствомъ подступовъ наступленія противъ Плевненскаго укрѣпленнаго лагеря всѣмъ фронтомъ или частями его? Второй: какая система подступовъ предпочтительнѣе при подобной атакѣ? Третій: какихъ результатовъ можно при этомъ достигнуть?

Обсужденіе и заключеніе, сдѣланное членами совѣта по этимъ вопросамъ, чрезвычайно любопытны, потому что разъясняютъ обстановку, среди которой пришлось дѣйствовать Тотлебену ¹⁾.

Одно изъ мнѣній, высказанныхъ по первому вопросу, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ характеристика настроенія, вызваннаго гнетомъ пережитыхъ неудачъ. Вообще успѣхъ осады былъ признанъ членами совѣта сомнительнымъ, вслѣдствіе недостаточнаго числа войскъ, отсутствія необходимыхъ матеріаловъ, поздняго времени года; одинъ изъ членовъ выразилъ даже опасеніе, что мы, начавъ осаду и занявъ какіе либо пункты, были въ состояніи прочно утвердиться на нихъ!!! Подобное мнѣніе доказываетъ, насколько командиры потеряли въ ту пору вѣру въ себя и въ свои части.

¹⁾ Члены совѣта прежде всего свели счетъ наличному состоянію нашихъ войскъ подъ Плевной, коихъ оказалось до 34,000 человекъ, а румынскихъ войскъ, по свѣдѣніямъ штаба западнаго отряда арміи, считалось до 40,000 человекъ. Такимъ образомъ, по расчетамъ совѣта, численное превосходство находилось на сторонѣ румын! Между тѣмъ, численность послѣднихъ простиралась только до 25,000 человекъ.

Неудивительно, что, при существованіи подобныхъ расчетовъ, Тотлебенъ, по прибытіи къ Шлевнѣ, писалъ 22-го сентября: „потери 4-го и 9-го корпусовъ такъ велики, что оба они вмѣстѣ едва составятъ корпусъ“.

Въ дѣйствительности, въ западномъ отрядѣ, къ 15-му сентября, русско-румынскихъ войскъ находилось въ строю: въ пѣхотѣ 67,500 человекъ, въ кавалеріи 10,000, въ артиллеріи 8,800.

Изъ нихъ приходится:

Русскихъ войскъ:

въ 64-хъ баталіонахъ пѣхоты	45,000
въ 58-ми эскадронахъ и сотняхъ кавалеріи .	7,000
при 230 орудіяхъ (36 батарей).	7,000

Румынскихъ войскъ:

въ 42-хъ баталіонахъ пѣхоты	22,500
въ 32-хъ эскадронахъ .	3,000
при 108 орудіяхъ (18 батарей)	1,800

(При этихъ расчетахъ окончательная цифра выведена, считая 10% на нестроевыхъ и слабыхъ, какъ въ русскихъ, такъ и румынскихъ войскахъ).

На второй вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ, что, до приближенія къ неприятелю на 200 сажень, подступы слѣдуетъ вести летучею сапою безъ туровъ, которыхъ заготовить въ достаточномъ количествѣ невозможно, а далѣе—тихою сапою.

Относительно третьяго вопроса пришли къ заключенію, что успѣхъ осады Плевненскаго укрѣпленнаго лагеря слѣдуетъ признать весьма отдаленнымъ и сомнительнымъ.

10-го сентября генералъ Зотовъ представилъ начальнику главнаго штаба арміи генералъ-адъютанту Непокойчицкому, протоколы мнѣній членовъ собраннаго имъ военнаго совѣта и въ особомъ письмѣ присо-вокунилъ къ нимъ собственное заключительное мнѣніе по вопросу о веденіи постепенной осады Плевненскаго укрѣпленнаго лагеря, вы-сказанное, какъ онъ замѣчаетъ, со всею откровенностью!

«Послѣ трехъ тяжкихъ опытовъ атакою открытою силою Плевненскихъ укрѣпленій», пишетъ генералъ Зотовъ, «въ принципѣ я не отвергаю атаку Плевны помощью постепенныхъ подступовъ. Но для успѣха подобнаго рода атаки я поставлю условіемъ, независимо удобнаго времени года, чтобы атака эта была направлена на единственно важный стратегическо-тактический пунктъ плевненскаго лагеря, по направленію шоссе изъ Ловчи въ Плевну, на крайній правый флангъ неприятеля. Для веденія же этой атаки надобенъ особый корпусъ войскъ силою, по меньшей мѣрѣ, тысячъ въ 30, которымъ потребовалось бы увеличить силы западнаго отряда, который въ настоящемъ своемъ числительномъ составѣ не можетъ даже думать объ атакѣ въ вышеуказанномъ направленіи. Возможно ли такое усиленіе западнаго отряда, которымъ, по моему мнѣнію, обуславливается возможность веденія атаки на правый флангъ лагеря неприятеля, единственно могущій принудить послѣдняго къ оставленію Плевны, —это, ваше высокопр—во можете рѣшить лучше меня. Что же касается до постепенной атаки съ нынѣ занимаемыхъ нами позицій, которыхъ покинуть мы не можемъ ни подъ какимъ видомъ, не открывая неприятелю всего нашего базиса, то, вмѣстѣ съ членами совѣта, подписавшими протоколъ, я не только не вижу возможности иначе достигнуть результата атаки какъ путемъ крайне медленнымъ, но и не сомнѣваюсь въ успѣхѣ ея. Вашему высокопр—ву извѣстна медленность, съ какою производится укомплектованіе запасными рядами нашей арміи. Въ предыдущемъ письмѣ я имѣлъ честь докладывать вамъ объ убыли въ западномъ отрядѣ, которая теперь уже доходитъ въ одной пѣхотѣ до 200 человекъ въ день. А изъ сего легко уже предусмотрѣть, до чего можетъ дойти убыль эта, а значить и состояніе всего западнаго отряда, когда, съ ухудшеніемъ погоды, начнутся тяжелыя

осадныя работы, дневное и ночное сидѣніе въ траншеяхъ, перестрѣлки, ночныя вылазки, — наконецъ, атаки открытою силою, которыхъ ничѣмъ не избѣжишь. Да, наконецъ, чего мы въ заключеніе всего можемъ и достигнуть, добывая кровью каждую пядь земли. Только того, что за взятымъ однимъ укрѣпленіемъ будемъ находить другое; а въ благопріятѣйшемъ случаѣ, за взятіемъ Плевненскаго лагеря, встрѣтимъ за нимъ, верстахъ въ 30-ти, другой такой же укрѣпленный лагерь. Что-то подобное, судя по послѣднему донесенію генерала Крылова, уже турками и дѣлается въ окрестностяхъ Телиша. А потому все, что въ данную минуту и при нынѣшней нашей обстановкѣ возможно западному отряду предпринять, это укрѣпиться на нынѣ занимаемыхъ нами позиціяхъ, сохраняя оборонительно-угрожающій видъ, и попытаться массою конницы, нынѣ брошеною уже на тылъ непріятеля, блокировать его, не допуская до крайности свободный подвозъ къ нему жизненныхъ и боевыхъ запасовъ. Я не смѣю увѣрять, что такое рѣшеніе должно непрежѣнно привести непріятеля къ оставленію Плевны; но во всякомъ случаѣ, оставаясь никакъ не менѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ осада, предпринятая съ несоразмѣрно слабыми силами, въ то же время не представляетъ изъ себя ничего рискованнаго, а главное — не такъ ослабитъ и безъ того уже не густые ряды западнаго отряда. Съ настоящими же его силами — въ случаѣ нападенія непріятеля — я, съ Божіею помощію, сохраняю твердую надежду дать непріятелю такой же отпоръ, какой былъ ему данъ прошлаго 19-го августа. Въ заключеніе всего считаю долгомъ «добавить, что укрѣпленія нашихъ позицій въ общихъ очертаніяхъ закончены будутъ завтра. Дальнѣйшее же усиленіе ихъ не прекращу настойчиво вести до тѣхъ поръ, пока стоимъ на нихъ».

Во времени прибытія генераль-адъютанта Тотлебена подъ Плевну, расположеніе войскъ западнаго отряда, согласно послѣднимъ распоряженіямъ генерала Зотова, было вообще слѣдующее:

Румынская армія занимала Гривицкій № 1-го редутъ и позиціи, охватывавшія Гривицкій № 2-го редутъ съ востока и сѣвера.

9-й корпусъ занималъ четырьмя полками 31-й дивизіи позиціи отъ Гривицкаго № 1-го редута до дороги изъ Плевны въ Пелишати. Въ частномъ резервѣ корпуса, къ юго-востоку отъ д. Гривицы, стояли три полка 5-й пѣхотной дивизіи.

4-й корпусъ занималъ двумя полками 30-й пѣхотной дивизіи позиціи на Радішевской и артиллерійскихъ высотахъ и имѣлъ полкъ 30-й и три полка 16-й дивизіи въ частномъ резервѣ. Изъ послѣдней на два полка возложено было охраненіе лѣваго фланга позиціи фронтомъ къ сторонѣ Тученицкаго оврага.

Въ общемъ резервъ за Велико-княжеской горой стояли: 2-я пѣхотная дивизія, 3-я стрѣлковая бригада, полкъ 16-й дивизіи, полкъ 30-й дивизіи, всего 22 баталіона.

Для охраненія лѣваго фланга на плевно-ловченскомъ шоссе стояли три полка 9-й кавалерійской дивизіи. На правомъ флангѣ западнаго отряда въ д. Краово находились два полка румынской кавалеріи.

Затѣмъ на лѣвомъ берегу р. Вида, для дѣйствія по сообщеніямъ турокъ съ Софіею и Видиномъ, находился корпусъ русско-румынской кавалеріи, изъ 12-ти полковъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Крылова.

Когда Тотлебенъ вступилъ, 22-го сентября, при этихъ обстоятельствахъ въ командованіе войсками, сосредоточенными подъ Плевною, положеніе его было въ высшей степени трудное: «можно себя представить, писалъ Тотлебенъ, что пришлось мнѣ испытать въ эти дни, команду столь значительнымъ отрядомъ, не имѣя ни штаба, ни помощниковъ, и не зная мѣстности, имѣющей болѣе 7 миль протяженія». Вспоминая, впоследствии, прожитое въ западномъ отрядѣ время, онъ признавалъ его труднѣйшимъ изъ своей жизни, а это признаніе много значитъ для человѣка, пробывшаго одиннадцать мѣсяцевъ въ Севастополѣ!! «Нужно гораздо болѣе рѣшимости, писалъ Тотлебенъ, чтобы противиться безразсуднымъ предпріятіямъ и систематически слѣдовать зрѣло обдуманному плану, чѣмъ идти наобумъ на штурмъ, который весьма желателенъ неприятелю». Высказавшись рѣшительно, какъ выше упомянуто противъ повторенія штурма, Тотлебенъ оторвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и фортификаціонную послѣдовательную атаку; онъ цѣлью дѣйствій поставилъ блокаду Плевны и предложилъ систему тѣснаго обложенія, будучи убѣжденнымъ, что она приведетъ къ желаемому успѣху безъ значительныхъ потерь. Было не мало борьбы, но мнѣніе защитника Севастополя окончательно восторжествовало.

Хотя по поводу предположенныхъ Тотлебеномъ подъ Плевною дѣйствій пишутъ, что они не представляли ничего новаго, но подобный выводъ нельзя признать вполне справедливымъ. Новое было то, что въ минуту всеобщаго недоумѣнія явился, наконецъ, человѣкъ, чуждый всякаго увлеченія, который зналъ, чего онъ хотѣлъ, и неуклонно слѣдовалъ по избранной системѣ, отстраняя возможные уклоненія въ сторону и осторожно разсчитывая каждый шагъ впередъ; явился, наконецъ, толковый распорядитель и почувствовалась направляющая рука; вскорѣ все пришло въ порядокъ и всѣ дѣйствія западнаго отряда направлены къ твердо и ясно намѣченной цѣли... «Главная задача, писалъ Тотлебенъ, заключается въ томъ, чтобы не терять даромъ времени, быть дѣятельнымъ и благоразумнымъ, не измѣнять

каждую минуту своихъ плановъ, но съ энергіею приводить предложенныя намѣренія въ исполненіе».

Одною изъ первыхъ заботъ генераль-адъютанта Тотлебена было сформированіе штаба. Начальникомъ штаба онъ избралъ недавняго побѣдителя подъ Ловчей, генераль-лейтенанта свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго. «Это мой личный выборъ», писалъ Тотлебенъ по этому поводу. Затѣмъ помощникомъ князя Имеретинскаго назначенъ былъ генеральнаго штаба полковникъ Пфейферъ. Кромѣ того, въ составъ штаба вошли генеральнаго штаба: полковники князь Кавтакузенъ и Тихменевъ, капитанъ Разгоновъ, флигель-адъютантъ полковникъ Шильдеръ, военный инженеръ полковникъ Майеръ. Переводчикомъ состоялъ, бывший дипломатъ, унтеръ-офицеръ Татищевъ. Санитарная часть западнаго отряда была ввѣрена доктору Кехеру ¹⁾.

Къ наиболѣе важнымъ перемѣнамъ въ личномъ составѣ западнаго отряда, сопровождавшимъ вступленіе въ командованіе Тотлебена, слѣдуетъ отнести еще назначеніе генераль-адъютанта Гурко начальникомъ всей кавалеріи отряда, а затѣмъ, въ началѣ октября, и командующимъ войсками гвардіи.

Для своей главной квартиры помощникъ начальника западнаго отряда избралъ сначала д. Згалевцы; но по крайнему неудобству, сопряженному съ расположеніемъ здѣсь даже и такого скромнаго учрежденія, какимъ былъ плевненскій штабъ, — Тотлебену пришлось переселиться, 5-го октября, въ Порадимъ, гдѣ находилась уже главная квартира князя Карла Румынскаго.

Установленіе дѣйствительной блокады арміи Османа-пашы, т. е. прочное занятіе плевно-ловченскаго и софійскаго шоссе, Тотлебенъ признавалъ возможнымъ привести въ исполненіе только съ подходомъ къ Плевнѣ войскъ гвардіи. Поэтому, въ ожиданіи этихъ подкрѣпленій, войска западнаго отряда должны были оставаться на занимаемыхъ ими позиціяхъ, усиливая ихъ укрѣпленіями и новыми батареями. Тотлебенъ, своей стороны, продолжалъ производить подробныя рекогносцировки нашихъ и турецкихъ позицій, знакомясь основательно со всѣми мѣстными условіями. Въ заключеніе Тотлебенъ, въ сопровожденіи генерала Гурко, предпринялъ, 1-го октября, изъ Эски Бар-

¹⁾ Докторъ Кехеръ изложилъ въ послѣдствіи свои наблюденія по санитарной части въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Das Sanitätswesen bei Plewna“. (Двѣ части. Слб. 1878—1880). Заграницею это изслѣдованіе обратило на себя вниманіе военнаго міра и вызвало со стороны нѣмецкой критики самыя лестныя отзывы.

кача обширную рекогносцировку лѣваго берега Вида и окрестностей Горняго-Дубняка, чтобы дать окончательныя указанія относительно предстоящаго въ скоромъ времени занятія софійскаго шоссе.

Къ числу первоначальныхъ распоряженій Тотлебева подъ Плевною слѣдуетъ отнести подчиненіе всей боевой артиллерійской линіи одному лицу; завѣдующимъ ею былъ назначенъ генераль-маіоръ Моллеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тотлебенъ обратилъ особенное вниманіе на сосредоточенную артиллерійскую стрѣльбу, по заранѣ намѣченнымъ частямъ турецкой позиціи; для этой цѣли въ различное время дня производили по нѣскольکو залповъ. Занялись также положеніемъ новыхъ и исправленіемъ существующихъ дорогъ, устройствомъ телеграфныхъ линій, землянокъ и пр. Затѣмъ сложный вопросъ объ обезпеченіи продовольствія войскъ западнаго отряда причинялъ также Тотлебену не мало заботъ.

Къ сожалѣнію, въ концѣ сентября началось страшное ненастье: снѣгъ, холода, дожди. Дороги сдѣлались непроходимыми. Войска съ рѣдкимъ самоотверженіемъ переносили неизбежныя при этомъ положеніи дѣла лишенія; но число больныхъ стало возрастать; лошади падали. «Величайшимъ нашимъ непріателемъ является теперь дурная погода», отзывался тогда Тотлебенъ въ письмѣ отъ 30-го сентября изъ Згалевицы.

Въ то время, когда Тотлебенъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ подъ Плевною приближеніе войскъ гвардіи, рассчитывая на окончательное сосредоточеніе ихъ подъ Плевною, предположеніямъ его, относительно занятія Софійскаго шоссе, грозило совершенное видоизмѣненіе.

Общественное мнѣніе въ Константинополь было сильно возбуждено медленностію наступленія Мехметъ-Али противъ Русскаго отряда и, наконецъ, послѣ многихъ строгихъ приказовъ и неудовольствія, выраженнаго султаномъ, онъ былъ смѣщенъ. Главнокомандующимъ назначили Сулеймана-пашу, на рѣшительный и смѣлый образъ дѣйствія котораго возлагали большія надежды. Когда извѣстіе объ этомъ рѣшеніи Порты дошло до Горняго-Студня, государь, опасаясь, что Сулейманъ, желая оправдать оказанное ему султаномъ довѣріе, перейдетъ въ рѣшительное наступленіе съ превосходными силами и поставитъ лѣвый флангъ дѣйствующей арміи въ крайне тяжелое положеніе—намѣревался весь гвардейскій корпусъ, въ полномъ его составѣ, двинуть на усиленіе войскъ Русскаго отряда¹⁾. Но такъ

¹⁾ Впослѣдствіи оказалось, что смѣщеніе Мехметъ-Али и назначеніе Сулеймана-паши произвело на турецкую армію, сосредоточенную на Ломѣ, крайне неблагопріятное впечатлѣніе и послужило намъ въ пользу. Валев-

какъ 1-я и 3-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи уже приближались къ Плевнѣ и прошли Порадимъ, то чтобы не разстроить предположенныхъ Тотлебенемъ операций, было рѣшено: 2-ю пѣхотную и 2-ю кавалерійскую гвардейскія дивизіи двинуть немедленно къ Вѣлѣ въ распоряженіе Наслѣдника Цесаревича, а 1-ю и 3-ю гвардейскія дивизіи оставить временно подъ Плевной до прихода въ Болгарію гренадерскаго корпуса, которымъ предполагалось смѣнить гвардейскія дивизіи. Подобное рѣшеніе совершенно измѣнило положеніе дѣлъ въ западномъ отрядѣ, который получилъ бы только подкрѣпленія въ 24 баталіона, т. е. слишкомъ въ два раза меньше того числа войскъ, которое было первоначально назначено для усиленія отряда обложенія Плевны.

Въ виду этихъ обстоятельствъ Тотлебенъ поручилъ генералъ-адъютанту Гурко сѣздить въ Горній Студень, чтобы доложить главнокомандующему соображенія, по которымъ онъ признавалъ необходимымъ настоять на своихъ первоначальныхъ требованіяхъ для успѣшнаго исполненія предположеннаго плана. «Отъ меня требовали успѣховъ, пишетъ Тотлебенъ, не давая къ тому средствъ». Твердо рѣшивъ не предпринимать ничего, превышающаго силы западнаго отряда, Тотлебенъ изложилъ мнѣніе свое по этому предмету въ памятной запискѣ, переданной генералъ-адъютанту Гурко для доклада его высочеству главнокомандующему.

«До настоящаго времени, сказано въ запискѣ, наши войска занимали позиціи лишь съ сѣверо-восточной и южной стороны Плевны; съ западной стороны пространство за р. Видомъ наблюдалось одною кавалеріею, которая не была въ состояніи воспрепятствовать прибытію въ Плевну подкрѣпленій и транспортовъ съ продовольствіемъ. Для завершенія полнаго обложенія Плевны приказано занять теперь же Софійскую дорогу двумя гвардейскими пѣхотными дивизіями и выставить на Плевно-Ловченскомъ шоссе шесть стрѣлковыхъ баталіоновъ (4,000 штыковъ). По значительному разстоянію между вой-

гинъ Бекеръ-паша въ сочиненіи: «War in Bulgaria» (Война въ Болгаріи), рассказываетъ, что, бесѣдая по этому поводу съ высшими офицерами, они замѣтили, что Россія повидимому имѣетъ въ Константинополѣ друзей, которые могутъ уничтожать всѣ усилія, направленные къ достиженію военныхъ успѣховъ, и что высшія назначенія въ арміи давались тѣмъ, кто наиболѣе отличался неспособностью и мостилъ дорогу къ паденію Имперіи.

Бекеръ-паша признаетъ за Сулейманомъ одинъ только талантъ, это умѣніе писать депеши, направленные къ возвеличенію своей дѣятельности и энергіи; литераторы же въ Турціи составляютъ такую рѣдкость, что обыкновенно они приобрѣтаютъ чрезвычайную власть.

сками, занимающими Софійскую дорогу и расположенными противъ восточнаго фронта Плевны, этихъ шести баталіоновъ крайне недостаточно для поддержанія связи между вышеупомянутыми войсками. Вслѣдствіе этого, для обезпеченія отъ прорыва въ этомъ пространствѣ, признается необходимымъ:

1) занять немедленно на Плевно-Ловченскомъ шоссе Рыжую гору 16-ю пѣхотною дивизіею съ двумя армейскими стрѣлковыми баталіонами, поставивъ за ними въ резервъ цѣлую дивизію, безъ чего связь съ гвардіею вовсе не обезпечена;

2) за р. Видомъ занять:

а) Софійское шоссе двумя гвардейскими пѣхотными дивизіями,

б) пространство къ западу отъ р. Искера 2-ю гвардейскую кавалерійскую дивизію;

3) снабдить гвардейскія части, назначенныя для занятія Софійскаго шоссе, по крайней мѣрѣ, пятидневнымъ запасомъ сухарей и имѣть особый транспортъ для безостановочнаго пополненія этого запаса. Пятидневный запасъ этотъ въ случаѣ непогоды и затруднительности подвоза предполагается растянуть на десять дней, увеличивая при этомъ мясную порцію, для чего кавалеріи необходимо фуражировать за р. Искеромъ. Фуражировки на этомъ пространствѣ могутъ быть возложены лишь на гвардейскую кавалерію;

4) съ переводомъ 16-й пѣхотной дивизіи и двухъ стрѣлковыхъ баталіоновъ на Рыжую гору, мѣсто ихъ на восточномъ фронтѣ займетъ 2-я пѣхотная дивизія и такимъ образомъ общаго резерва для войскъ, расположенныхъ противъ восточнаго фронта, не будетъ».

«Для избѣжанія потери времени предполагается: 1) занять теперь же Рыжую гору 16-ю пѣхотною дивизіею и двумя стрѣлковыми баталіонами и здѣсь окопаться; въ резервъ за этими частями поставить 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, безъ чего на этой позиціи невозможно утвердиться, тѣмъ болѣе, что за Кришинскою высотой у непріятеля стоятъ сильныя резервы; 2) остальные части гвардіи оставить въ Ени-Баркачѣ; 3) разработать взамѣнъ существующей кружной и неудобной дороги на Раліево въ Эски-Баркачъ, другую на Ени-Баркачъ черезъ плато; 4) заготовить козлы, туры и фашины на случай необходимости устройства переправы черезъ р. Видь; 5) осмотрѣть дороги на Телишъ черезъ Чириково и черезъ Свинаръ».

«По прибытіи 2-й пѣхотной и 2-й кавалерійской гвардейскихъ дивизій, немедленно перейти на Софійскую дорогу; безъ этихъ подкрѣпленій мы рискуемъ быть разъединенными и разбитыми по частямъ».

4-го октября, по случаю приѣзда въ Горній-Студень генераль-адъютанта Гурко съ заявленіями Тотлебена, въ главной квартирѣ состоя-

лось совѣщаніе въ присутствіи императора Александра. На этомъ совѣтѣ принимали участіе великій князь главнокомандующій, военный министр и генераль-адъютанты Непокойчицкій и Гурко. Обсудивъ положеніе дѣлъ, государь окончательно рѣшилъ: оставить войска гвардіи въ полномъ ихъ составѣ въ распоряженіи Тотлебена; для подержанія же въ случаѣ нужды войскъ Рушукскаго отряда предназначался гренадерскій корпусъ, который слѣдовалъ въ Болгарію непосредственно за войсками гвардіи. 4-го же октября великій князь главнокомандующій обрадовалъ генераль-адъютанта Тотлебена нижеслѣдующею телеграммою: «Всѣ предложенія ваши высочайше одобрены; всѣ приказанія дѣлаются. Гурко сегодня вечеромъ выѣзжаетъ».

5-го октября вечеромъ генераль-адъютантъ Гурко пріѣхалъ въ Эски-Баркачъ (послѣ личнаго свиданія и совѣщанія съ Тотлебенемъ), а 6-го числа вступилъ въ командованіе всѣми войсками гвардіи. Погода начала поправляться; ненастье прекратилось. Въ западномъ отрядѣ стали дѣятельно готовиться къ предстоящей операціи: полному обложенію Плевны.

Наиболѣе заботъ продолжалъ доставлять Тотлебену вопросъ продовольственный; онъ говорилъ не разъ, что предпріятія и сопротивленіе непріятели тревожили его менѣе, чѣмъ недостатокъ продовольствія. «На наше интендантство я болѣе не надѣюсь, пишетъ Тотлебенъ 5-го октября. Все пустыя лишь обѣщанія... Невѣроятно, читаемъ дальше въ томъ-же письмѣ, какія затрудненія пришлось перевозить, прежде чѣмъ я завоевалъ себѣ свое настоящее положеніе; кажется, я достигъ желаемаго. Я прожилъ теперь труднѣйшее время моей жизни. Я надѣюсь, что съ Божіею помощію теперь все пойдетъ хорошо. По крайней мѣрѣ, все надлежащимъ образомъ обдуманно; графъ Мольтке говорить, что нужно сперва расчитать, а потомъ уже рискнуть. Первое сдѣлано; теперь же рискну».

Разсмотримъ теперь, что происходило у турокъ въ Плевнѣ, въ то время, когда у насъ готовились къ тому, чтобы стянуть вокругъ Османа-паши желѣзное кольцо и цѣлью нашихъ дѣйствій поставлено было плѣненіе его арміи.

Замѣтивъ сосредоточеніе вокругъ Плевны значительныхъ русскихъ силъ и предусматривая неминуемость полной блокады, у Османа-паши родилась мысль о своевременномъ отступленіи въ Орханію. Руководствуясь этими соображеніями, Османъ телеграфировалъ въ Константинополь, прося разрѣшенія отступить съ вѣрными ему войсками въ Орханію или къ Луковидѣ, вслѣдствіе приближенія зимы и недостатка въ продовольственныхъ и боевыхъ припасахъ. Но при обсужденіи этого предположенія въ совѣтѣ, большинство высказалось про-

тивъ него, не только потому, что съ отступленіемъ плевенскаго отряда русскіе получили бы возможность распространяться вдоль сѣвернаго склона Балкановъ, но и потому, что всё до сихъ поръ одержанные отрядомъ успѣхи требовали для своего развитія удержаніе позиціи ¹⁾! Султанъ согласился съ мнѣніемъ большинства и вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ особенное вниманіе на заблаговременное заготовленіе и отправленіе припасовъ въ Плевну для облегченія Осману-пашѣ задачи обороны. Защитникъ Плевны получилъ поэтому въ отвѣтъ отъ высшей военной инстанціи отказъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «принимая во вниманіе стратегическую важность города Плевны, отступление вѣрренной вамъ арміи признается невозможнымъ. Что-же касается вопроса о довольствіи войскъ какъ боевыми, такъ и жизненными припасами, то армія будетъ снабжена таковыми въ непродолжительномъ времени. Во всякомъ случаѣ отступление ваше немислимо» ²⁾.

Получивъ изъ Константинополя такое категорическое приказаніе, Осману-пашѣ оставалось только повиноваться.

Такимъ образомъ участь Плевны съ пріютившеюся въ ней арміею и вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшая судьба турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ были безповоротно рѣшены, но не въ пользу мусульманскаго міра и надеждъ, возбужденныхъ послѣдними турецкими побѣдами. То, что было тогда упущено турками, какъ они сами справедливо сознавали, не можетъ быть вознаграждено въ будущемъ даже въ продолженіе цѣлаго столѣтія!

Османъ-паша не замедилъ принять мѣры къ должному обезопасенію дорогъ между Орханіе и Плевной, въ видахъ свободнаго прохожденія по ней обозовъ и полкѣрвленій. Для обезпеченія транспортовъ отъ захвата, было сформировано два отряда: орханійскій и плевенскій, на обязанности которыхъ лежало сопровожденіе транспортовъ до извѣстнаго пункта, гдѣ отряды должны были мѣняться, т. е. передавать транспортъ одинъ другому. Вмѣстѣ съ тѣмъ Османъ-паша приказалъ, какъ выше упомянуто, укрѣпить три пункта на Софійскомъ шоссе; выборъ палъ на Дольній-Дубнякъ, Горній-Дубнякъ и Телишь.

Когда сосредоточеніе подъ Плевной гвардіи въ полномъ составѣ было рѣшено въ Горнемъ-Студнѣ, генераль-адъютантъ Тотлебенъ тотчасъ занялся окончательнымъ обсужденіемъ плана дѣйствій къ

¹⁾ „Сборникъ турецкихъ документовъ о послѣдней войнѣ“.

²⁾ Таль-атъ: Описаніе военныхъ дѣйствій подъ Плевной въ войну 1877 года.

предстоящему занятію Софійскаго шоссе; исполненіе этой операціи назначено было на 12-е октября.

Рѣшено главный ударъ съ гвардіей направить противъ центрального пункта турецкаго расположенія на Софійской дорогѣ, Горняго-Дубняка, выставивъ заслонъ противъ Дольняго-Дубняка и провозводя одновременно демонстративную атаку противъ Телиша. Въ тотъ-же день предположено исполнить цѣлый рядъ демонстративныхъ дѣйствій противъ Плевны; они имѣли цѣлью, во время наступленія гвардіи къ Софійскому шоссе, удержать войска Османа-паши въ мѣстахъ ихъ расположенія и тѣмъ обезпечить успѣхъ дѣйствій отряда, на который возложено будетъ нанесеніе туркамъ главнаго удара. Поэтому, одновременно съ движеніемъ гвардіи на лѣвый берегъ Вида, Тотлебенъ рѣшилъ занять на Плевно-Ловченскомъ шоссе Рыжую гору, частями 4-го корпуса, и Триніискія высоты (Воынская гора), частями 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ предписано на 12-е октября открыть со всѣхъ батарей линіи обложенія сильное бомбардированіе противъ плевненскаго укрѣпленнаго лагеря ¹⁾.

Первоначально Тотлебенъ имѣлъ еще въ виду занять 12-го октября первый кряжъ Зеленыхъ горъ и высоту западнѣе д. Брестовецъ, и, укрѣпившись на этой позиціи, держаться на ней до послѣдней крайности, но отнюдь не переходить въ наступленіе. По занятіи указанной позиціи, должны были немедленно озаботиться разработкою дороги черезъ Тученицкій оврагъ, для установки ближайшей связи съ войсками, расположенными съ восточной стороны Тученицкаго оврага. Хотя этимъ достигалось уменьшеніе круга обложенія и стѣсненіе турецкаго расположенія, но тѣмъ не менѣе, 11-го октября, Тотлебенъ рѣшился отнѣнить первоначальную диспозицію и ограничиться на Плевно-Ловченскомъ шоссе занятіемъ и укрѣпленіемъ одной Рыжей горы, не выходя далѣе впередъ; такимъ образомъ, на этотъ разъ благоразумная осторожность восторжествовала, къ величайшему огорченію генерала Скобелева. Побудительной причиною къ отнѣніи первоначальной диспозиціи послужило возведеніе турками новыхъ укрѣпленій на Зеленыхъ горахъ.

11-го октября великій князь главнокомандующій перенесъ свою главную квартиру на плевненскую позицію; вслѣдъ за этимъ предстояло еще прибытіе императорской главной квартиры изъ Горняго-Студня въ Порадимъ. Руководство дѣйствіями подъ Плевной, благо-

¹⁾ Въ приложеніяхъ помѣщена нами записка М. Д. Скобелева отъ 6-го октября 1877 года, относительно предполагавшихся имъ операцій противъ Зеленыхъ горъ.

даря близости двухъ главныхъ квартиръ, должно было сдѣлаться несравненно болѣе труднымъ... «Нерѣдко приходится, писалъ тогда Тотлебенъ, тратить попусту силы, необходимыя для успѣшнаго веденія дѣла. Тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, что съ Божіей помощію все пойдетъ хорошо, лишь бы не предпринимать безумныхъ штурмовъ».

Послѣ полудня, 11-го октября, Тотлебенъ, въ сопровожденіи начальника своего штаба, выѣхалъ изъ Порадима на позицію къ ставкѣ его высочества, для доклада окончательныхъ распоряженій, сдѣланныхъ по западному отряду на 12-е число, но прибывъ на позицію, онъ узналъ, что его высочество въ Порадимѣ; пришлось немедленно ѣхать обратно. Но, къ несчастію, Тотлебенъ не засталъ здѣсь главнокомандующаго, и предстояло вновь отправиться на позицію. Усталыя лошади добрались къ ставкѣ только къ солнечному закату; великій князь кончалъ уже обѣдать и тотчасъ удалился въ юрту для совѣщанія съ Тотлебеномъ.

Когда у главнокомандующаго кончился докладъ, совѣсъ стемнѣло; наступила холодная морозная ночь; полная луна освѣщала перѣздъ Тотлебена въ новую главную квартиру, переведенную изъ Порадима ближе къ позиціи въ д. Тучевницу. До поздней ночи здѣсь продолжалось еще совѣщаніе съ генералами: Зотовымъ, Новицкимъ (начальникъ штаба 4-го корпуса) и Скобелевымъ.

Н. К. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИЗНАНИЕ ВЪ ЛЮБВИ АРМЕЙСКАГО ОФИЦЕРА

въ 1840-хъ гг.

Я васъ люблю, какъ бранный пирь!
Люблю—какъ представенье къ чину,
Люблю—какъ прапорщикъ мундиръ,
Люблю—какъ любить дисциплину
Изъ нѣмцевъ ротный командирь!

Вашъ взоръ прекраснѣ парада,
Великолѣпнѣй, чѣмъ разводъ;
Улыбка ваша—вотъ награда
За то, что мой исправенъ взводъ.
Какъ звучный маршъ церемоньяльный
Вашъ голосъ дивенъ, полнъ обаявъ;
Вашъ умъ высоко - геніальный
И строгъ и точенъ какъ уставъ.
Какъ предъ начальствомъ въ строинномъ фронтѣ
Солдаты, вычистясь, стоять—
Такъ въ вашемъ ротномъ горизонтѣ
Зубѣнки, выровнясь, блестать.
Какъ полковой приказъ—вы святы.
Страшны—какъ корпуснаго гнѣвъ,
А сердца чувствами богаты—
Какъ львинымъ мужествомъ солдаты
И аммуниціей резервъ.

Нѣтъ! Никогда сигналъ горняста
Цѣпь штудерныхъ не рассыпалъ
Игрой отчетливой и чистой,
Какъ голосокъ вашъ серебрястый,
Пропѣвшій мнѣ любви сигналъ!
Предъ исполнительнымъ сигналомъ
Я оробѣлъ, смутился умъ—
Какъ казначей предъ генераломъ

Въ ужасный часъ повѣрки суммъ.
 Всѣ чувства сердца бьютъ тревогу,
 Подъ ваше знамя всѣ бѣгутъ...
 Но, нѣтъ маршрута на дорогу—
 Молю васъ, дайте мнѣ маршрутъ!
 Безъ хлѣбопековъ, квартирьеровъ,
 Я васъ прошу, хоть гдѣ выбудъ,
 Значен разставить жалонеровъ,
 Чтобъ шагъ былъ твердъ и вѣренъ путь.
 Тогда—ура! кричу съ отвагой,
 Рапортъ отъ сердца приношу—
 А самъ, съ олущенію шпагой,
 Благоволенія прошу.

Примѣчаніе. Эта шутка сообщена намъ въ 1875 г., въ числѣ прочихъ
 бумагъ, генер.-отъ-инфантеріи кн. Н. С. Г.—мъ.

Ред.

Замѣтки и поправки.

Къ пятой, майской, книгѣ „Русской Старини“ изд. 1886 г.

На страницѣ 336, строка 17, напечатано: Вилланова, читай Виланова.

Страница 370, строка 12 снизу, напечатано: Если наши будутъ довольны, читай: Если нами и проч.

На стр. 420, строка 16, вмѣсто *s'avanturer* слѣдуетъ *s'aventurer*.

На стр. 421, строка 4: около 16 тысячъ *шудовъ*. Не точно. 226,000 килограммовъ составляютъ всего не сполна 13,800 пудъ, что еще болѣе говорить въ пользу возраженій генерала Крыжановскаго.

Стр. 446, строка 4 снизу, напечатано: П. Т. фонъ-деръ-Паленъ, читай: П. П. фонъ-деръ-Паленъ.

К. Р.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОСТРОВСКІЙ

† 2-го іюня 1886 г.

Въ десятомъ часу пополуночи, 2-го іюня 1886 г., въ селѣцѣ Щельковѣ, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, внезапно скончался отъ разрыва сердца знаменитый нашъ драматическій писатель Александръ Николаевичъ Островскій.

Тяжесть этой величайшей въ послѣднее время утраты оцѣнена не только грамотной, но и неграмотной Россіей.

Произведенія этого писателя, занимавшаго въ продолженіе почти сорока лѣтъ самое почетное мѣсто въ ряду отечественныхъ литераторовъ, составляли лучшее, драгоцѣннѣйшее достояніе русскаго театра.

Преемникъ великаго Гоголя, А. Н. Островскій, по превосходному высоко художественному проникновенію всѣхъ нравственныхъ недостатковъ и достоинствъ русскаго человѣка, не зналъ себѣ соперника: онъ вывелъ на сцену множество самыхъ разнохарактерныхъ типовъ, и при томъ громадномъ влияніи, какое имѣеть театръ на развитіе народа, трудно представить себѣ все величіе заслугъ, оказанныхъ А. Н. Островскимъ горячо любимому имъ русскому народу своею художественно творческою дѣятельностью.

Пройдутъ вѣка—но многія изъ его произведеній не сойдутъ со сцены; на страницахъ же исторіи русской словесности они навсегда останутся предметомъ изученія...

Обращаемся къ нашему альбому редакціи «Русской Старинѣ» и извлекаемъ изъ II-го тома этой книги «Знакомые» (стр. 112) слѣдующую интересную страницу, весьма еще недавно собственно-

ручно вписанную нашимъ гениальнымъ драматургомъ замѣтку. Вотъ что писалъ А. Н. Островскій пять мѣсяцевъ тому назадъ:

— «Я родился 31-го марта 1823 года, въ Москвѣ. Изъ біографіи моей здѣсь, въ альбомѣ, я, разумѣется, могу сообщить только кой-что и то кратко.

«Въ жизни почти каждаго человѣка, кромѣ выдающихся событій и обстоятельствъ, рѣшающихъ судьбу его или, по крайней мѣрѣ, имѣющихъ вліяніе на будущность, бывають странныя случайности, какъ, напримѣръ, повторенія и совпаденія, особенно въ числахъ. По моему такія случайности — послѣднее дѣло въ біографіи, но все-таки онѣ имѣють интересъ.....

«Въ моей жизни случайно играла большую роль цифра 14. Самый памятный для меня день въ моей жизни: 14-ое февраля 1847 года. Почему этотъ день памятенъ мнѣ и дорогъ — Вы (Михаилъ Ивановичъ) это знаете. Съ этого дня я сталъ считать себя русскимъ писателемъ и, ужъ безъ сомнѣній и колебаній, повѣрилъ въ свое призваніе ¹⁾.

«Мои пьесы долго не появлялись на сценѣ. Въ бенефисъ Л. П. Босицкой, 14-го января 1853 г., я испыталъ первыя авторскія тревоги и первый успѣхъ. Шла моя комедія «Не въ свои сани не садись»; она первая изъ всѣхъ моихъ пьесъ удостоилась попасть на театральныя подмостки. Первое мое цѣльное и законченное произведеніе — «Семейная картина» напечатана 14-го марта 1847 г. въ «Московскомъ городскомъ Листкѣ», издаваемомъ Драшусовымъ.

«Памятно мнѣ также и 14-ое ноября, день открытія Артистическаго Кружка, объ устройствѣ котораго такъ дѣятельно хлопотали мы съ покойнымъ Н. Г. Рубинштейномъ. Артистическій Кружокъ, нѣкоторымъ образомъ, замѣнилъ театральную школу; онъ далъ московской сценѣ: М. П. Садовскаго, О. О. Садовскую и В. А. Макшеева; въ немъ же въ первый разъ познакомилась московская публика съ огромнымъ талантомъ П. С. Стрепетовой».

«А. Островскій».

«12-го декабря 1885 г.»

(Сиб.).

„Знакомые“, книга автографовъ, т. II, стр. 112.

¹⁾ Въ этотъ день Островскій, онъ какъ самъ намъ рассказывалъ, посѣтилъ въ Москвѣ С. П. Шевырева и тамъ, въ присутствіи А. С. Хомякова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, профессоровъ и писателей, Островскій прочелъ свои первыя драматическія сцены. — С. П. Шевыревъ обнималъ его съ глубоконскреннимъ чувствомъ восторга, вмѣстѣ съ А. С. Хомяковымъ, пріѣхавшимъ автора какъ человѣка, одареннаго громаднымъ талантомъ и призваннаго писать для отечественнаго театра. М. С.

тель, работающій въ столицахъ, часто не имѣетъ въ своемъ распоряженіи многихъ матеріаловъ, легко доступныхъ на мѣстѣ. Если вообще чувствуется большая потребность въ мѣстныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, то особенно слѣдуетъ это сказать объ экономической исторіи нашихъ городовъ, относительно которой мы до сихъ поръ почти вовсе не имѣемъ специальныхъ монографій. Въ виду того, что мѣстные работы частью остаются долго неизвѣстными тѣмъ ученымъ, которые могутъ въ нихъ особенно нуждаться, обращаемъ вниманіе читателей на чрезвычайно добросовѣстно составленную г. Мерцаловымъ брошюру, заглавіе которой выписано выше,—одна изъ цѣлаго ряда историческихъ очерковъ вологодской старины, предпринятыхъ авторомъ. Назовемъ еще слѣдующія его работы: 1) «Устюгъ Великій въ первой четверти XVII вѣка» (въ V т. «Вологодскаго Сборника»); 2) «Сравнительный очеркъ землевладѣнія въ одной крестьянской общинѣ отъ составленія писцовой книги 1628 г. до настоящаго времени» (въ IV т. «Вологодскаго Сборника» 1885 г.); 3) «Обозрѣніе Задносельской волости. Составлено по писцовой книгѣ 7136 г.» Вологда, 1885 г. 4) «Какъ отражалось «литовское раззореніе» на крестьянскомъ бытѣ того времени?» («Вологод. Губ. Вѣдом.» 1885 г., № 39). Мы видимъ такимъ образомъ, что г. Мерцаловъ съ большою энергіею и знаніемъ дѣла трудится надъ изученіемъ исторіи Вологодскаго края; пожелаемъ, чтобы указанные частные очерки были лишь подготовленіемъ къ общарному труду, посвященному прошлой жизни этой любопытной мѣстности.

В. И. С.

Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) въ XVI—XVIII стол., собран. въ разныхъ архивахъ и редактір. Д. И. Багалъемъ. Изд. ист.-филол. общ., сост. при Имп. харьк. унив. Харьковъ, 1886. 358 стр. Ц. 2 р.

Для настоящаго изданія собиратель воспользовался матеріалами моск. арх. мин.

юстиціи, харьковскихъ архивовъ и частныхъ собраній, а также сборникомъ документовъ Маслова, извлеченныхъ изъ того же архива мин. юстиціи. Изъ послѣдняго почерпнуты матеріалы, касающіеся служилыхъ людей, жалованья, городовъ, колонизаціи, повинностей, столкновеній въ степной Украйнѣ, воеводскаго управленія, землевладѣнія и пр.; далѣе слѣдуютъ матеріалы, извлеченные изъ арх. малорос. коллегіи, харьк. губ. правленія, казенной палаты, окружнаго суда; наконецъ, полученные изъ частныхъ рукъ.

Напечатанные матеріалы распределены издателемъ по слѣд. группамъ: 1) исторія колонизаціи; 2) исторія землевладѣнія; 3) исторія управленія; 4) исторія сословныхъ отношеній. Въ предисловіи авторъ охарактеризовалъ содержаніе изданныхъ матеріаловъ и сообщаетъ свѣдѣнія о документахъ мѣстныхъ архивовъ, важныхъ для исторіи края. Въ концѣ приложены указатели — именной и географической. Настоящій сборникъ составляетъ лишь приложеніе къ имѣющему выйти въ свѣтъ изслѣдованію—Степная окраина Московскаго государства въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, заслуживающему вниманія какъ по новизнѣ матеріаловъ, такъ и почти по совершенной необработанности самаго вопроса. Замѣтимъ кстати, что въ харьковскомъ календарѣ за 1885 и 1886 гг. были помѣщены статьи того же автора, посвященныя исторіи Харькова и бібліографіи края.

Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ. Т. II. Рига. 1886 года. Вып. IV.

Въ свое время мы указывали на этотъ трудъ, восполняющій весьма существенный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. Настоящимъ выпускомъ открывается 2-й томъ этого объемистаго изданія. Онъ посвященъ утвержденію нѣмецкаго господства въ земляхъ нынѣшней Курляндской губерніи до дѣлажа ихъ; отношеніямъ Ордена къ Жмуди и дѣятельности Миндовга; отношеніямъ къ Новгородской Руси и дѣятельности Довмонта въ связи съ тою же племенной борьбою.

В. С. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка продолжается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (56 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (42 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семеовскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый.

АВГУСТЪ.

1886 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и первого морского министра. Гл. III. Сообщ. Л. М. Чичаговъ	247	VI. Московскій университетъ въ воспоминаніяхъ А. Н. Леонасьева, 1843—1849 гг. Сообщ. Е. А. Аммонъ	357
II. По вопросу объ учрежденіи лоттерей. Докладъ императрицъ Екатерины II, 1771 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.	271	VII. Петръ Николаевичъ Нудряцевъ, проф. московск. универ., 1855 г. Сообщ. П. П. Копосовъ.	395
III. Филаретъ Дроздовъ, митрополтъ моск. Гл. XII—XIV. 277 и	304	VIII. Последняя польская смута, 1863 г. Разказы А. Вязмитинова и В. Л. Баратынскаго. 401 и 421	
IV. Императоръ Николай и король Фридрихъ - Вильгельмъ IV въ 1840 г. Изъ записокъ Федора Яковлевича Ширковича.	305	IX. Записки Дмитрія Ивановича Кипіани, съ 1820 г.	447
V. Елена Андреевна Ганъ (Зененда Р—ва), 1814—1842 гг. Гл. I—V. Біогр. очеркъ. Состав. Е. С. Некрасова	335	X. Гавріиль Якимовичъ Ломанинъ. Автобіогр. записки, съ прилѣч. В. В. Стасова. (Окончаніе).	467
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Гавріила Якимовича Ломанина, гравир. В. В. Матъ.		XI. Матеріалы, замѣтки и стихи: О. П. Тютчевъ, 1831 г. (355).—Графы Сиверсы (468).—Эпиграммы С. Соболевскаго (486).—Поправки и замѣтки (486).	
		XII. Библиографическій листокъ.	

Подписчики «Русской Старины» могутъ получить за одинъ руб. — **Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей** (второе собраніе), соросъ гравюръ, исполненныхъ лучшими рус. художниками. (Осталось не много экземпляровъ).

Напечатана и разсылается новая книга: **Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей въ 50 гравюрахъ академика Л. А. Сѣрякова** (второе изданіе), цѣна шесть руб. Подписчики «Русской Старины» могутъ получить эту книгу за два руб. съ перес.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1886.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1886 г.

Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, томъ X, 1853—1878 гт. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Спб. 1886.

Передъ нами десятый и послѣдній томъ «Полнаго собранія сочиненій кн. П. А. Вяземскаго», о которомъ уже было говорено въ «Русской Старинѣ» при появленіи первыхъ томовъ ¹⁾. Пользуемся случаемъ, чтобы указать на важное значеніе услугъ, оказанной гр. С. Д. Шереметевымъ превосходнымъ во всѣхъ отношеніяхъ изданіемъ автора, который, не смотря на свою шестидесятилѣтнюю литературную дѣятельность, сравнительно мало извѣстенъ современному обществу. Большинство знаетъ теперь кн. Вяземскаго только по имени и этимъ онъ, главнымъ образомъ, обязанъ своей близости къ нашимъ первокласснымъ писателямъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія: Карамзину, Пушкину, Баратынскому, Языкову, Жуковскому, Батюшкову и др. Самъ кн. Вяземскій вполне сознавалъ это, какъ видно изъ его рѣчи, произнесенной имъ 27 февраля 1866 г., въ «Обществѣ любителей словесности», по поводу празднованія пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, гдѣ онъ сказалъ, между прочимъ: «Чувствую, что привѣтствуете вы во мнѣ не столько мои литературныя заслуги, сколько мои литературныя связи».... Въ этихъ словахъ много правды; при этомъ онъ самъ, его современники и даже послѣдующія поколѣнія привыкли смотрѣть на него, какъ на поэта, тогда какъ кн. П. А. Вяземскій былъ менѣе всего поэтомъ. Уже въ началѣ его поэтической дѣятельности современные критики находили, что онъ «не совсѣмъ поэтъ» или «совсѣмъ не поэтъ». Въ этомъ еще больше убѣждаетъ насъ настоящее изданіе полнаго собранія сочиненій кн. Вяземскаго, въ которомъ стихотворенія занимаютъ наименьшее мѣсто, и, наконецъ, его собствен-

¹⁾ «Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго» т. I, Спб. 1878. См. «Русск. Стар.» 1879, т. XXIV, стр. 582. — Ibid, т. III, IV и V, «Русская Старина» 1881, т. XXXII, об. 11 кп.

ная автобіографія, помѣщенная въ первомъ томѣ.

Прозаическія сочиненія кн. Вяземскаго, отчасти написанныя на французскомъ языкѣ, не потеряли значенія и до сихъ поръ. Ему одинаково удавались какъ цѣльные очерки литературнаго движенія и общественной жизни извѣстнаго періода, такъ и характеристики отдѣльных историческихъ событій и лицъ, къ которымъ онъ относится съ исторической точностью и правдивостью. Въ настоящемъ «Полномъ собраніи его сочиненій» мы встрѣчаемъ множество критико-біографическихъ очерковъ извѣстныхъ литературныхъ и другихъ дѣятелей, разборы русскихъ журналовъ, русскихъ и иностранныхъ книгъ и выдающихся литературныхъ произведеній, какъ «Ревизоръ» Гоголя, «Война и миръ» Толстаго и пр. Равнымъ образомъ весьма любопытны, подчасъ мелочныя, но тѣмъ не менѣе характерныя подробности, сообщаемыя имъ при случаѣ о Карамзинѣ, Жуковскомъ, Пушкинѣ, Мицкевичѣ и др. Близкія дружескія отношенія съ ними не мѣшаютъ автору критически относиться къ ихъ произведеніямъ, которыхъ онъ является блестящимъ комментаторомъ, нередко слишкомъ строгимъ, даже желчнымъ, но вѣрнымъ по окончательнымъ выводамъ. Такимъ образомъ прозаическія произведенія кн. Вяземскаго, при интересномъ разнообразіи содержанія и массѣ сообщаемыхъ свѣдѣній, составляющихъ результатъ болѣе, чѣмъ шестидесятилѣтней литературной дѣятельности съ 1806 по 1878 годъ, представляютъ драгоценный матеріалъ для изученія общественной жизни, литературнаго движенія и исторіи просвѣщенія въ Россіи за этотъ періодъ времени.

Н. В.

Протоколы засѣданій Археологической комиссіи 1835—1870. Вып. I. Спб. 1885. 636 стр. Ц. 1 р.

До изданія «Лѣтописи занятій археологической комиссіи» (I-й вып. 1862), гдѣ стали помѣщаться протоколы комиссіи съ 1861 г., эти послѣдніе, съ самаго начала дѣятельности комиссіи, печатались въ Журн. Мин. Нар. Просв. и потому пользованіе ими далеко не представлялось столь удобнымъ. Предпринявъ изданіе протоколовъ,

Г. Ломакинъ

РОД. 1812 Г. † 9 МАЯ 1885 Г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1886 г.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ АДМИРАЛА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧИЧАГОВА,

перваго, по времени, морскаго министра.

ГЛАВА III ¹⁾.

Императрица Екатерина Великая, качества ея.—Въ какомъ состояніи она наша Россію и какъ готовилась къ царствованію.—Золотой вѣкъ Россіи.—Отсутствіе узаконеній политическихъ, реформы и вѣротерпимость.—Поднятіе чести народной.—Сподвижники Екатерины.—Памятникъ Петру I.—Администрація.—Дворъ Екатерины, отношенія ея къ иностранцамъ.—Перечень дѣяній.

Человѣкъ, могущій дѣлать все, даже не будучи гениемъ, можетъ дѣлать добро, когда того захочетъ, и съумѣетъ это сдѣлать. Это добро, безъ сомнѣнія, непрочно, потому что оно зависитъ отъ брэнной жизни человѣка, но тѣмъ не менѣе оно существенно при его жизни.

Люди гениальные рѣдки, и Екатерина II, столь справедливо прозванная Великою, была для Россіи однимъ изъ подобныхъ исключительныхъ явленій.

Если этой государынѣ не отдали заслуженной справедливости, то это доказываетъ только изобиліе умовъ поверхностныхъ. Самая существенная ей похвала—въ ея дѣяніяхъ и въ свидѣтельствованіи о нихъ въ одинаковой степени—русскихъ и просвѣщенныхъ людей чужихъ странъ. Между иноземцами, поклонниками Екатерины, были знаменитѣйшіе, великіе короли, мужи государственные и талантливѣйшіе писатели ея времени. Между первыми

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1886 г., т. L, июнь, стр. 463—488.

находимъ: Фридриха Великаго, Юсифа II, Густава III; между вторыми—принца де-Линь, Фокса; графовъ: Сегюра, Шуазеля, Вольтера, Дидеро; дипломатовъ: Кобенцеля и Стадіона—австрійскихъ; Штедингга—посланника шведскаго; лордовъ Геллена и Витворта—англійскихъ, наконецъ, ея министровъ, полководцевъ, всѣхъ—имѣвшихъ счастье быть приближенными къ ея особѣ и раздѣлять тотъ восторгъ, который она такъ хорошо умѣла внушать. Знаменитые вожди, Румянцевъ и Суворовъ, всегда питали къ ней чувства величайшаго восхищенія и глубочайшей преданности, до такой степени, что, при извѣстїи о ея кончинѣ, первый, зная участь, ожидавшую его родину, былъ сраженъ апоплексическимъ ударомъ, отъ котораго и не излечился, а второй—немедленно оставилъ службу и удалился въ свое помѣстье.

Тѣ-же люди, напротивъ, которые или не знали Екатерины, или не были способны понимать ее, или были воодушевлены навѣтами людей безсовѣстныхъ, другіе, изъ зависти къ ея величію, отнесшіеся по меньшей мѣрѣ равнодушно къ ея памяти—злословили ее, не смотря на все добро, ею содѣянное народу и состоявшее въ томъ, что она первая ввела въ Россію правительство европейское, пробудила въ народѣ чувства похвальныя и подготовила его, такимъ образомъ, къ воспринятію истинной цивилизаціи. Царствованіе въ особенности достопамятное тѣмъ, что оно предупредило зло, исторженіемъ скипетра изъ рукъ неумѣлыхъ, и принесло имперіи многія выгоды. Никогда въ Россіи не бывало столь великихъ военачальниковъ на сушѣ и на морѣ; столь искусныхъ министровъ и дипломатовъ; столь свѣдущихъ, въ истинныхъ выгодахъ страны — мужей государственныхъ; столь замѣчательныхъ и отличныхъ писателей и ученыхъ.

Тому, кто видѣлъ вблизи приснопамятное царствованіе этой великой государыни, невозможно безъ глубокаго негодованія слышать всѣ клеветы, которыя о ней распускаютъ. Это чувство еще усиливается, при видѣ того, что прибылью отъ своего злословія спекулируютъ не только презрѣнные памфлетисты и пасквильанты обоего пола, но что писатели серьезные, мнимые добросовѣстные философы, повторяютъ съ преувеличеніями тѣ-же бредни, чтобы щегольнуть своимъ краснорѣчіемъ, будучи, безъ сомнѣнія, обмануты сочиненіями первыхъ, или не умѣя почерпнуть свѣдѣнія изъ лучшихъ источниковъ. Впрочемъ, политическія заблужденія, оскорбленія и клеветы ничего не доказываютъ.

Донинѣ никто не дерзнулъ воздать Екатеринѣ достойную хвалу, потому что страхъ, внушаемый ея сыномъ и преемникомъ Павломъ I, удерживаетъ тѣхъ, которые желали-бы оправдать ея память отъ всѣхъ пошлыхъ, непрерывно расточаемыхъ, обвиненій. Но придетъ время, когда непреоборимая сила правды отмститъ за всѣ клеветы.

Всегда побѣдительница всѣхъ враговъ своего народа, Екатерина будетъ предметомъ признательности русскихъ и удивленія Европы. Она, среди варварства, обнаружила тотъ геній, которымъ блистали величайшіе государи въ самыя цвѣтуція эпохи цивилизаціи. Она выказала тѣмъ болѣе величія, что вмѣсто поддержанія или злоупотребленія власти произвола начала испытывать всѣ способы къ владычеству законовъ.

Никогда не восходила на престолъ женщина столь совершенная. Она совмѣщала въ себѣ всѣ качества, могущія дѣлать честь государю. Ея доброта, ея геній—превосходили все, до той поры виданное. Правленіе ея было столь же правосудно, сколь кротко. Политика ея была слишкомъ возвышена, чтобы она не видѣла тѣхъ выгодъ, которыя могли принести народу установленія, оказавшіяся необходимыми для извлеченія его изъ невѣжества и варварства, поддержанію которыхъ въ народѣ способствовали недостатокъ воспитанія и образованія.

Она нашла въ Россіи слишкомъ отсталые или дикіе обычаи; слишкомъ грубые нравы; въ большинствѣ слишкомъ мало развитыя умственныя способности; мало возвышенныя и слишкомъ разнородныя понятія, влѣдствіе разнообразія натуръ; нравственныя свойства вообще мало изощренныя путемъ сужденія и сравненія, понятія о приличіи слишкомъ смутныя. Вида все это, Екатерина не могла не сознать необходимости употребить все животворное вліяніе своего генія, облеченнаго великою властью, чтобы оплодотворить тѣ зачатки, которые варварство еще не подавило окончательно.

Она задалась мыслию прославить свое царствованіе, придать блескъ своему могуществу и быть, насколько оно возможно, благодѣтельницею народа. Поэтому она сдѣлала для него все, чего только требуютъ нужды общія, независимо отъ просвѣщенія и характера народовъ; все, что полезно во всѣхъ странахъ и доступно понятію всѣхъ.

Природа, всегда такъ скупо создающая людей геніальныхъ, очень щедра въ созданіи людей посредственныхъ. Тѣ изъ нихъ, которые рождаются въ высокихъ сферахъ, окруженные людьми, приспособленными къ раболѣпству, тѣ не могутъ приобрѣсти возвышенныхъ душевныхъ качествъ, требуемыхъ ихъ высокимъ положеніемъ. Отчужденные отъ причинъ внѣшнихъ, способствующихъ развитію дарованій и, получая воспитаніе, принаровленное исключительно къ ихъ состоянію, имѣютъ ли они возможность приобрѣсти необходимыя познанія.

Екатерина II, по натурѣ своей, была избавлена отъ этихъ недостатковъ и вступила на престолъ при лучшихъ условіяхъ. Рожденная съ исключительною организаціею и воспитанная въ Германіи, она принесла оттуда здравыя и либеральныя идеи политическія, до того времени невѣдомыя при русскомъ дворѣ. Сдѣлавшись супругою наследника престола имперіи, она имѣла благоразуміе, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ царствованія Елисаветы, посвящать всѣ досужія минуты, предоставляемая ей этикетомъ, размышленіямъ объ исторіи, политикѣ, законодательствѣ и о словесности вообще.

Такъ подготовлено было достопамятное царствованіе этой государыни. Она основала счастье своихъ подданныхъ на узаконеніяхъ, для нихъ совершенно новыхъ. Принимая въ своихъ узаконеніяхъ мѣры, превышавшія степень просвѣщенія ея подданныхъ, Екатерина пожелала измѣнить нравы, начертывая законы, вротость которыхъ должна была вліять на чувства, понятія, мнѣнія, привычки, а слѣдовательно и на характеръ ея подданныхъ. Это былъ золотой вѣкъ Россіи. Въ Петербургѣ были такъ же свободны, какъ въ Лондонѣ, а веселились не менѣе того, какъ веселятся въ Парижѣ. Здѣсь можно было пользоваться всѣми удовольствіями, которыя суть плоды цивилизаціи, съ тою же легкостью, но и съ меньшими издержками, нежели въ какомъ-либо другомъ государствѣ. Полиція была ни обременительна для государства, ни стѣснительна для жителей; она была соразмѣрена скромнымъ требованіямъ къ поддержанію порядка между людьми послушными и мало испорченными нравственно. Шпіонство, жандармерія и цѣлая орава чиновниковъ, въ одинаковой степени раззорительная и унижительная—легіоны безсовѣстныхъ паразитовъ были невѣдомы во времена Екатерины. Военныхъ заставъ

у каждаго городского воротъ не существовало, равно и паспортъ, являемыхъ и провѣряемыхъ при каждой перемѣнѣ мѣста жительства. Каждый уѣзжалъ и прѣзжалъ, какъ и куда хотѣлъ, и никто не думалъ ни дезертировать, ни убѣгать, какъ это случается тамъ, гдѣ свобода стѣснена этими тщетными предосторожностями, которыя связываютъ честныхъ людей и всегда отстрапляютъ людьми злонамѣренными.

Екатерина очень хорошо знала неистощимыя матеріальныя средства своей имперіи; но она вѣдала также, что они въ сущности сила недвижная, которая не можетъ служить основою могущества государства; что ей необходимо содѣйствіе силы нравственной, которая, сама по себѣ, заключается въ развитіи разума и въ его примѣненіи къ дѣламъ общественнымъ. Поэтому она прежде всего занялась пробужденіемъ народа отъ его апатическаго оцѣпенѣнія, въ которое его погрузило рабство. Она обладала рѣдкимъ даромъ выбирать людей: она призвала къ содѣйствію ей все, что было наиболѣе просвѣщеннаго въ Россіи, и тогда увидѣли, какъ въ ея столицу стеклись отличнѣйшіе и знаменитѣйшіе европейскіе таланты, во всѣхъ родахъ. Поощряемые ея примѣромъ—они, каждый со своей стороны, способствовали разсѣянію мрака, которымъ была покрыта страна, и благодаря ея усиліямъ, мало по малу, его замѣнило истинное просвѣщеніе.

Чтобы дать понятіе о настроеніи духа, ее оживлявшаго, приводимъ отвѣтъ государыни Дидеро, который сказалъ ей: „я напелъ душу свободнаго человѣка въ странѣ, называемой страню рабовъ, и душу раба въ странѣ, называемой страню людей свободныхъ“. Императрица отвѣчала: „до сихъ поръ я еще не слышала отъ васъ ничего, что было бы мнѣ столь пріятно“. Взаимно искреннія, эти слова свидѣтельствуютъ о тѣхъ счастливыхъ условіяхъ, въ которыя былъ тогда поставленъ народъ русскій. Поэтому-то взоры всего свѣта и были обращены на это яркое свѣтило сѣвера. Удивлялись, видя, какъ этотъ желѣзный скипетръ въ ея рукахъ сдѣлался легокъ и гибокъ.

Первый предметъ, которымъ она была поражена—это полнѣйшее отсутствіе узаконеній политическихъ. Она пожелала даровать ихъ Россіи, дабы они, знакомя царство съ таинствами формъ избирательныхъ, могли впоследствии дать возможность существованія представительства народнаго, и государыня соб-

ственноручно начертала наказъ, который долженъ былъ служить имъ основою.

Она раздѣлила имперію на многія великія губерніи, управление которыми ввѣрено было лицамъ, облеченнымъ весьма обширною властію, но всегда ограниченою данными имъ инструкціями. Создавая, такимъ образомъ, этого рода федерацію, сосредоточивавшуюся въ правительствѣ центральномъ, она обрѣла единственный способъ къ хорошему управленію этою обширною имперією.

Хорошо понимая, что возвышеніе достоинства человѣческаго придаетъ величіе государствамъ, она распространила преимущества, предоставленныя русскому дворянству ея предшественникомъ Петромъ III, которому она въ былое время содѣйствовала при этомъ благодатномъ распоряженіи.

Градскими узаконеніями („городовымъ положеніемъ“) она даровала права купцамъ и мѣщанамъ.

Забываясь, такимъ образомъ, о будущемъ, она не упускала изъ виду настоящаго и ознаменовала свое царствованіе уничтоженіемъ варварскихъ наказаній, каковы: пытка, отобраніе имѣній и т. п. Она оставила во всей неприкосновенности отмѣну смертной казни, согласно прежнему указу императрицы Елисаветы, всенародно объявила вѣротерпимость и, что еще того важнѣе, умѣла ее поддерживать.

Хотя необходимость вѣротерпимости вообще признана въ наше время, но въ ту эпоху она на самомъ дѣлѣ существовала лишь въ Америкѣ. Во Франціи жгли иногда еретиковъ; протестантская Англія отстраняла католиковъ отъ вѣкоторыхъ должностей. Испанія поддерживала инквизицію, а у другихъ народовъ терпима была лишь владычествующая религія. Екатерина поняла вѣротерпимость лучше, нежели который либо изъ ея современниковъ, за исключеніемъ короля-философа Фридриха II. Екатерина разрѣшила полную свободу совѣсти и богослуженія людямъ какихъ-бы то ни было сектъ или религіозныхъ убѣжденій и, для лучшаго обезпеченія этой свободы, отдѣлила духовную власть отъ свѣтской. Дѣла первой предоставлены были вѣдѣнію синода и духовенство было совершенно изъято отъ соучастія при разбирательствѣ дѣлъ гражданскихъ.

Вѣротерпимость, между многими другими выгодами, даетъ

еще ту, что, предоставляя свободное поле новымъ сектамъ, она можетъ, такъ сказать, служить термометромъ для сужденія о прогрессивныхъ или обратныхъ движеніяхъ народнаго духа. Каждый разъ, когда эти новыя секты стремятся къ упрощенію религіознаго вѣрованія,—это возвѣщаетъ прогрессъ; когда-же онѣ, напротивъ, обременяютъ богослуженіе суевѣрными и нелѣпыми церемоніями, то непремѣнно доказываютъ тѣмъ движеніе умовъ вспять. Единственное неудобство, являющееся иногда слѣдствіемъ вѣротерпимости, бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она облегчаетъ смѣшеніе племенъ высшихъ съ низшими. Но она-же, путемъ скрещиванія, можетъ способствовать ихъ улучшенію. Впрочемъ, подобныя случаи очень рѣдки и они, до извѣстной степени, могутъ быть обусловлены особыми правилами.

Хотя въ эпоху, въ которую я пишу мои записки, вѣротерпимость допущена почти повсемѣстно, но еще не согласились ни въ точномъ опредѣленіи смысла этого слова, ни въ поддержаніи принципа.

Въ Англіи религіозныя гоненія вызвали появленіе секты прогрессивной и если бы Карлъ I умѣлъ быть прозорливѣе и воспользоваться ею, онъ дѣйствовалъ бы совершенно иначе и удержался-бы на престолѣ.

Снятіе крестовъ съ церкви, насилія надъ тѣми, которые не снимаютъ шапокъ передъ процессіями, до нихъ не касающимися, препятствія къ погребенію актеровъ и къ смѣшаннымъ бракамъ—это-ли вѣротерпимость?

При мысляхъ о всѣхъ этихъ жестокостяхъ и дикостяхъ, о совершавшихся несправедливостяхъ и глупостяхъ, о стыдѣ ума человѣческаго при религіозныхъ диспутахъ въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы, нельзя достаточно и по достоинству оцѣнить государыню, умѣвшую, системою мудраго и либеральнаго правительства, миновать такое множество камней преткновенія и способствовать счастью и безопасности своихъ подданныхъ.

Прошу сравнить духъ терпимости и успѣхи просвѣщенія временъ Екатерины съ тѣмъ ихъ положеніемъ, до котораго они нынѣ доведены мѣрами стѣснительными и отсталыми. Это истинный возвратъ недуга, грубѣйшій и постыднѣйшій; а возвратъ болѣзни всегда опаснѣе первичнаго заболѣванія.

При всемъ своемъ уваженіи къ свободѣ совѣсти, Екатерина,

замѣтивъ неудобство существованія великаго множества обитателей и пожертвованныхъ имъ недвижимыхъ имѣній, въ соразмѣрности суетвѣрія народнаго, упразднила многіе монастыри.

Всегда доискивались съ точностью опредѣлить различные образы правленія, ставя каждое изъ нихъ въ особня условія существованія. Дѣло, однако-же, въ томъ, что для бытія народовъ существуетъ лишь одно необходимое условіе,—именно то, чтобы правительство сообразовалось съ натурою людей имъ управляемыхъ. Что же касается до сдѣланныхъ опредѣленій, они всѣ, донинѣ, основаны на гипотезахъ или произвольны, и одни живѣе другихъ. Во всѣхъ странахъ вообще и въ каждой въ особенности существуютъ честь и добродѣтели, равно какъ и люди достаточно малодушные, чтобы не умѣть переносить бѣдствія и даже благополучія политическаго своего существованія. Но ни одно изъ этихъ свойствъ не образуетъ основы, не слагаетъ принциповъ какого-либо правительства. Люди обязаны сплочиваться въ общества по безчисленному множеству различныхъ причинъ; потому что въ ихъ натурѣ и въ ихъ потребностяхъ жить въ обществѣ, взаимно помогать и покровительствовать другъ другу, за исключеніемъ случаевъ потребности, по временамъ, терзать и гнать другъ друга. Но однажды собравшись въ одно общество, люди подчиняются превратностямъ событій и послѣдствіямъ заблужденій ихъ ума или правильности ихъ сужденій. Они держатся вкупѣ какъ умѣютъ. Одни организуются болѣе или менѣе хорошо, другіе и вовсе не организуются, а общество, однако-же, всегда идетъ впередъ. Еще не бывало примѣра, чтобы два какіе-либо народа, при ихъ объединеніи въ общество и при ихъ формированіи, слѣдовали по одному и тому-же пути. Но до тѣхъ поръ, покада нація не дала себѣ или не получила правительства, наиболѣе соответствующаго натурѣ людей, ее составляющихъ, она находится въ ложномъ положеніи, тревожится и волнуется, покада, наконецъ, не найдетъ условій, необходимыхъ для своего спокойствія.

Императрица Екатерина, въ благородныхъ усиліяхъ своихъ настойчивая, сознала необходимость поднять на возможно высокую степень чувство чести народной. Она не ограничилась огражденіемъ отъ посягательства на личность и отъ всякаго униженія самолюбія людей,—она пожелала еще по правамъ ихъ вознести

на высоту другихъ народовъ, научить ихъ самоуваженію, внушить имъ также ту гордость души, которая есть источникъ достоинства человѣка и достоинства государствъ.

Получившіе образованіе элементарное, даже и тѣ могутъ замѣтить, что у каждой науки, у каждой отрасли познаній человѣческихъ, есть единственная основа—свѣдѣніе элементарное и первоначальное, ведущее ко всѣмъ другимъ. Это свѣдѣніе въ наукахъ то-же, что зародышъ въ произведеніяхъ природы, заключающій въ себѣ всѣ основныя части, необходимыя для развитія и образованія органическихъ тѣлъ. Науки самыя элементарныя являютъ то-же свойство. Для примѣра возьмемъ ариметику: находимъ, что основа ея—единица, что она есть познаніе первоначальное, элементъ, необходимый этой наукѣ. Отнимите эту единицу и вы разрушите всю науку, потому что другія цифры составлены изъ единицъ или частей единицы, безъ которыхъ ариметика была-бы обращена въ ничто. То-же самое и съ геометріею. Въ этой наукѣ точка ведетъ ко всему остальному; надобно исходить отъ точки, чтобы достигнуть до познанія этой науки, объемлющей землю и небеса. Смотрите на точку вмѣстѣ съ древними геометрами, какъ на часть линіи, или, согласно новѣйшему опредѣленію, какъ на оконечность линіи, во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы она существовала, ибо линія безъ оконечностей быть не можетъ, какъ не можетъ быть ни поверхностей безъ линій, ни тѣлъ безъ поверхностей. Отвергните точку и вы уничтожите всю геометрію. Самый кругъ, который есть искривленная линія, не могъ бы существовать безъ центра, который есть точка. Это-же самое примѣнимо и ко всѣмъ прочимъ наукамъ. Ньютонъ на единомъ открытіи силы притяженія основалъ астрономію, ознакомилъ съ системою міра и объяснилъ движеніе небесныхъ тѣлъ. Наука управлять людьми, быть можетъ, труднѣйшая изъ всѣхъ наукъ, можетъ ли она одна быть изъятіемъ изъ этого общаго закона, и единственная изъ всѣхъ—могла-ли бы она существовать безъ основы? Основа, единица, ростокъ, точка—и даже истинная точка опоры этой науки есть личная свобода. Отнимите эту основу и наука политики исчезнетъ. Самимъ животнымъ природа даровала эту свободу, безъ которой они не могли-бы существовать. Лишите людей личной свободы и вы поставите ихъ ниже животныхъ; вы уничтожите

самое чувство собственности—эту главную связь общества, этот источникъ силы государствъ; ибо какую собственностью можетъ обладать человѣкъ, не принадлежащій себѣ самому, не смѣющій мыслить или дѣйствовать иначе, какъ по волѣ другаго, которая всего чаще противна его собственной, его интересамъ и его благополучію.

Что сказали-бы о профессорѣ математики, не имѣющемъ понятія о томъ, что единица и точка суть основы этой науки?

Екатерина Великая, для достиженія своей цѣли, не ограничилась уваженіемъ личной свободы, но она еще и увеличила ея права, зная, что это первое основаніе начала силы и благополучія государства.

Оградивъ этими мѣрами спокойствіе внутреннее, она перенесла свое вниманіе на положеніе военныхъ силъ, охраняющихъ его со стороны внѣшней. Но дабы эта охрана была дѣйствительна, необходимо арміи быть святилищемъ чести. И въ силу такихъ соображеній, она достигла того, что возбудила это сознаніе въ высочайшей степени. Въ ея время ни одинъ офицеръ не могъ-бы перенести обиды, будучи обойденъ производствомъ, при которомъ произволь, взявъ верхъ надъ старшинствомъ, благоволилъ всего чаще лишь низости и интригѣ. Чувства деликатности были до того утончены, что одного опасенія навлечь на себя неудовольствіе государыни было достаточно, чтобы довести человѣка до отчаянія ¹⁾.

¹⁾ Адмиралъ А. С. Шишковъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ“ (Т. 1, стр. 27), что когда императоръ Павелъ ѣхалъ въ Ревель на „Эммануилъ“ и противный вѣтеръ мѣшалъ выѣзду изъ Кронштадта, то „великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, смотря на корабли и на построенныя на водѣ, для защиты рейда, двѣ крѣпости, Кроншлотъ и Цитадель, какъ на новыя для нихъ предметы, любопытствовали узнать обо всемъ. Они поймали молодого на фрегатѣ мичмана и дѣлали ему разные о томъ вопросы. Я подслушалъ однажды разговоръ ихъ и онъ показался мнѣ такъ достопримѣчательнъ, что я сохранилъ его въ моей памяти. Указывая на крѣпость они спросили у него: въ которую изъ нихъ сажаютъ арестованныхъ офицеровъ? Мичманъ, удивляясь ихъ вопросу и какъ бы оскорбись имъ, отвѣчалъ съ великою смѣлостію: „Что?! офицеровъ сажать подъ караулъ, въ крѣпость?! Да этого никогда не бывало и я впервые о томъ слышу“. Такъ велико было во времена Екатерины честолюбіе въ самыхъ юныхъ офицерахъ“.

Генераль Вороновъ, бывшій начальникомъ ревельскаго порта, мнѣ хорошо знакомый, былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ при одной мысли, что не угодилъ Екатеринѣ II, и отъ того умеръ. Поэтому-то государыня и говорила: „Я хвалю вслухъ, а журю втихомолку“. Младшій мой братъ, камеръ-юнкеръ, пріѣхалъ однажды очень поздно, вмѣсто назначеннаго служебнаго часа, и она не преминула сдѣлать ему выговоръ, но сдѣлала его подъ видомъ похвалы нашему отцу: „въ теченіи пятидесяти лѣтъ“, сказала она, — „онъ всегда исполнялъ свои обязанности съ величайшею точностью и тѣмъ оказалъ знатныя услуги своей родинѣ. Какъ было-бы досадно, если-бы дѣти его не слѣдовали столь прекрасному примѣру“. Присутствовавшіе при этомъ разговорѣ, но не слышавшіе ея словъ, вообразили, что братъ мой на высотѣ Таборы, тогда какъ онъ никогда не бывалъ ни въ такомъ смущеніи, ни въ такомъ горѣ, какъ въ эту минуту; даже когда впоследствии Павелъ I въ запальчивости разжаловалъ его, сослалъ, лишилъ камергерскаго ключа и подвергъ его надзору въ деревнѣ, во все продолженіе своего царствованія. И всѣ эти немилости были ему возмездіемъ за поступки похвальные.

Въ отношеніи принца Нассау, послѣ потеряннаго имъ сраженія, императрица Екатерина поступила какъ императоръ Марцелль обошелся со своими воинами, когда они, послѣ сраженія при Диррахіумѣ, сами явились, отдавая себя на муки и наказанія, а онъ болѣе утѣшалъ, нежели укорялъ ихъ.

Что-же касается до повышеній въ чины не въ очередь, то Екатерина слишкомъ хорошо знала бѣдственные послѣдствія, порождаемыя ими, какъ въ отношеніи нравственномъ, такъ и относительно происковъ и недостойныхъ протекцій. Въ началѣ ея царствованія, отецъ мой, по навѣтамъ своихъ враговъ, подвергся опалѣ. По старшинству производства, онъ стоялъ выше прочихъ офицеровъ, которымъ императрицѣ угодно было пожаловать чины. Она приказала доложить ей списокъ моряковъ: нѣсколько разъ его пересмотрѣла и сказала: „Этотъ Чичаговъ—тутъ, у меня подъ ногами“... Но она отказалась отъ подписи производства, не желая нарушить правъ того человѣка, на котораго, по ея мнѣнію, имѣла поводъ досадовать.

Когда генераль (аншефъ) Суворовъ, путемъ своихъ удивп-

тельныхъ воинскихъ подвиговъ, достигъ, наконецъ, званія фельд-маршала, она сказала генераламъ, старѣйшимъ его по службѣ и не повышеннымъ въ чинахъ одновременно съ нимъ: „что дѣлать, господа: званіе фельдмаршала не всегда дается; но иной разъ у васъ его и насильно берутъ“. Это можетъ быть единственный примѣръ нарушенія ею правъ старшинства при производствѣ въ высшіе чины, но на это никому не пришло даже и въ голову сѣтовать: настолько заслуга и высокое дарованіе фельдмаршала Суворова были оцѣнены обществомъ.

Систематическій обходъ старшинства, терпимый офицерами и арміею, допускаетъ существованіе людей безъ чести и безъ всякихъ возвышенныхъ чувствъ. Если люди отступились отъ драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ своихъ правъ и сокровищъ — отъ чести, если она не въ безопасности отъ посягательства, зачѣмъ имъ прочее? Можно ли жить, когда уязвлена честь?

Истинное сознаніе чести должно быть тѣсно связано съ причиною неизмѣнною, вѣчно почтенною, равно какъ и съ благоденствіемъ, спасеніемъ, любовью къ отечеству, народною славою; ибо всѣ эти чувства самыя прочныя и долговѣчнѣйшія изъ всѣхъ чувствъ человѣческихъ. Великій воинъ только тогда можетъ заставить преклоняться предъ собою, возбуждать восторгъ своими дѣяніями и поступками, когда подвиги его подъяты въ защиту не его личныхъ, но народныхъ интересовъ. Съ паденіемъ героя, къ колесницѣ котораго люди желали приковать себя, рушится и всякое къ нему чувство. А извѣстно всѣмъ, какъ могутъ падать люди.

Честь подраздѣляется на истинную, ложную и мѣстную, т. е. относительную. Первая примѣнима повсюду, вторая нигдѣ не у мѣста, а третья и туда, и сюда.

Если производство въ чины по собственному выбору было выгодно Бонапарту, знавшему почти всѣхъ своихъ офицеровъ, такъ какъ онъ самъ служилъ въ ихъ рядахъ и самъ, впрочемъ, былъ одаренъ великимъ тактомъ,—то правило это не примѣнимо во всѣмъ.

Во Франціи, со времени паденія Бонапарта, замѣчательнѣйшіе военные люди признали способъ производства по выбору слишкомъ уступчивымъ произволу, и маршалъ Гувіонъ Сен-Сиръ, въ бытность свою министромъ, издалъ постановленіе, въ

силу котораго наибольшая доля производствъ дѣлалась по старшинству, съ обязательствомъ довольно продолжительнаго пребыванія въ одномъ чинѣ. У каждой изъ этихъ системъ есть неизбежно свои неудобства, какъ и во всякихъ узаконеніяхъ человеческихъ. Однако-же производство по старшинству оправдывается многими примѣрами. Въ Англіи производство по выбору въ высшіе чины никогда не было принято, что не попрепятствовало англичанамъ торжествовать надъ всѣми ихъ врагами и на сушѣ, и на морѣ. Екатерина Великая слѣдовала этой системѣ и всегда одерживала побѣды во всѣхъ войнахъ, вмѣсто тѣхъ поражений, которыя случались послѣ нея, и, въ большинствѣ случаевъ, были слѣдствіемъ безпорядковъ, въ которыхъ производство по выбору имѣло наибольшую долю участія.

Честолюбіе въ эту эпоху приняло направленіе полезное и похвальное. Жаждали должностей, почестей, наградъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ желали ихъ и заслуживать. Графъ Н. Татищевъ, произведенный Екатериною въ чинъ майора гвардіи, коей она сама была полковникомъ, и пожалованный многими орденами, былъ впоследствии назначенъ начальникомъ милицій, сформированныхъ при императорѣ Александрѣ. Будучи доволенъ порядкомъ ихъ организаціи и дисциплины, императоръ рѣшилъ пожаловать ему орденъ св. Андрея Первозваннаго. Графъ Татищевъ, полагая, что онъ такового не заслужилъ, обидѣлся этимъ предложеніемъ и не хотѣлъ принять ордена; но императоръ принудилъ его къ тому. Я видѣлъ, когда онъ выходилъ изъ кабинета его величества, взбѣшенный и почти въ слезахъ, говоря: „что мнѣ отвѣтить, если меня спросятъ, за что я получилъ этотъ орденъ? Я не буду знать, что сказать, тогда какъ въ другихъ моихъ орденахъ могу всегда дать совѣстливый отчетъ“.

Я знаю много примѣровъ подобнаго рода отказовъ со стороны генераловъ; но впоследствии слишкомъ привыкли къ этого рода отличіямъ и орденамъ, по которымъ можно было вести счетъ въ мирное время большимъ маневрамъ, а въ военное—пораженіямъ.

Едва-ли можно указать въ арміи или во флотѣ хотя бы на одинъ случай произвольнаго наказанія или ареста по повелѣнію Екатерины. Къ нимъ приговаривали одни лишь военные суды и начальники; но тотчасъ послѣ ея кончины эти взысканія умножились до такой степени, что надъ выговорами смѣялись, а

офицеры даже нарочно заставляли сажать себя подъ арестъ, чтобы избавиться отъ парадовъ и учений и пользоваться лучшею пищею, противу ихъ обычнаго раціона.

Величіе и благородство чувствъ Екатерины сообщались всѣмъ ее окружающимъ. Ея отличій домогались потому, что они были заслуженныя. Отблескъ ея славы и великихъ ея качествъ отражался на приближавшихся къ ней. Мирабо сказавъ, что природою все предусмотрѣно—на всякій случай, на всякое время и для всякой мѣстности. Того-же мнѣнія была и Екатерина. Она знала, что каждая земля всегда довольно производитъ умовъ и характеровъ для достаточнаго удовлетворенія ея нуждъ; что если великія обстоятельства внушаютъ уваженіе массамъ, чувствами, свойственными всѣмъ вообще, то при таковыхъ обстоятельствахъ никогда не бываетъ также недостатка и въ отдѣльно взятыхъ личностяхъ; надобно только умѣть ихъ найти, образовать и примѣнить къ дѣлу, тогда какъ отыскивая характеры лишь въ чужихъ краяхъ, губятъ въ самомъ зародышѣ народную способность къ самоусовершенствованію.

Мудрымъ примѣненіемъ этого правила и благодаря своему удивительному такту въ выборѣ людей—рѣдчайшему и драгоценнѣйшему дару въ государяхъ, Екатерина достигла до того, что изъ сыновъ самой страны созидала мужей государственныхъ и искусныхъ министровъ, непобѣдимыхъ военачальниковъ, столь-же глубокомысленныхъ, сколько и ловкихъ дипломатовъ; наконецъ—ученыхъ, достойныхъ стоять на ряду съ учеными иноземными.

Эти люди, достойные сподвижники Екатерины, при ея безсмертныхъ и славныхъ трудахъ, придали живѣйшій блескъ ея царствованію и содѣйствовали превознесенію ея имперіи на высоту величія и благоденствія. Они составляли ея совѣтъ, главнымъ дѣятелемъ въ которомъ былъ князь Потемкинъ, человекъ геніальный, способный задумывать и осуществлять дѣла великія. Графъ Безбородко необыкновенною своею памятью, обширностью познаній и легкостью въ работахъ удивлялъ и изумлялъ всѣхъ его знавшихъ. Графъ Завадовскій былъ въ одинаковой степени краснорѣчивъ и уменъ. Соймоновъ и Марковъ отличались своимъ умомъ и свѣдѣніями. Князь Вяземскій обладалъ столь глубокимъ знаніемъ народнаго быта Россіи и источниковъ ея богатствъ—такою способностью къ труду, что одинъ могъ-бы

замѣнить пятерыхъ или шестерыхъ нынѣшнихъ министровъ. Въ его вѣдѣніи находились: юстиція, внутреннія дѣла, торговля, финансы и народное просвѣщеніе. При сотой долѣ нынѣшнихъ расходовъ дѣлали дѣла въ тысячу разъ лучше и въ тысячу разъ быстрѣе ¹⁾. При его управленіи—правосудіе не продавалось съ молотка и не томили имъ въ судахъ; оно своею медленностью не наводняло государственныхъ тюремъ, и послѣ смерти Екатерины, какъ то случилось послѣ царствованія Александра, не оказалось двадцати четырехъ тысячъ неисполненныхъ указовъ.

Военныя силы, соотвѣтственныя населенію, были соразмѣрны матеріальнымъ средствамъ имперіи, и благодаря генію князя Потемкина, были вооружены и экипированы лучше, нежели гдѣ-либо въ Европѣ. Ибо лишь послѣ долгихъ опытовъ, доказавшихъ превосходство этой экипировки надъ прочими, онъ рѣшился ее ввести въ наши войска. Всѣ его войны были увѣнчаны успѣхомъ, благодаря дарованіямъ генераловъ—Румянцева, Суворова, Рѣпина, Каменскаго, непреодолимому мужеству русскаго солдата и энтузіазму, внушаемому государынею. Князь Рѣпинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и искуснымъ дипломатомъ. Долгорукій, Ферзенъ, Михельсонъ, Миллеръ и многіе другіе генералы во всѣхъ войнахъ прославили царствованіе Екатерины.

Во флотѣ графъ Алексѣй Орловъ, хотя и случайно назначенный, обезсмертилъ русское оружіе подъ Чесмою. Адмиралы: Г. Спиридовъ, С. Мордвиновъ, В. Чичаговъ, отецъ автора этихъ записокъ, С. Грейгъ, А. Крузъ, Повалишинъ—отличались и одерживали побѣды во всѣхъ морскихъ войнахъ, которыя были тогда ведены Россіею.

Графъ Панинъ, Салтыковъ, Булгаковъ, Философовъ, Штакельбергъ, Воронцовъ, Марковъ и др. были дипломатами Екатерины. Они понимали и умѣли поддерживать народное достоинство и защищать истинные интересы имперіи, ввѣренные впоследствии рукамъ наемниковъ.

Геній Потемкина царилъ надъ всѣми частями русской политики и великая государыня могла лишь радоваться его умѣною содѣйствовать ей видамъ.

¹⁾ Все это министерство въ цѣломъ своемъ составѣ стояло государству 1.500,000 рублей, а когда я уѣхалъ изъ Россіи въ 1809, то на одно министерство было опредѣлено въ бюджетъ 25.000,000 рублей. П. Ч.

Безсмертный Эйлеръ былъ призванъ ею въ академію наукъ; Головинъ, Фусъ, Лексель были его учениками, и впоследствии сдѣлались его товарищами. Лепехинъ, Озерецковскій, Гурьевъ и многіе другіе были достойными членами и украшеніемъ этой академіи. Они своими трудами способствовали обогащенію ея лѣтописей, которыя были въ одинаковой степени предметами изслѣдованія и уваженія всей ученой Европы.

Не было недостатка въ царствованіе Екатерины ни въ писателяхъ, ни въ поэтахъ; таковы: Державинъ, Дмитриевъ, Фонвизинъ, Петровъ и др. Они появлялись какъ-бы волшебствомъ, чтобы достойнымъ образомъ прославлять высокія дѣянія, благотворительные подвиги, черты мудрости этой героини-законодательницы и передать ихъ отдаленнѣйшему потомству.

Участіе, приемлемое Екатериною въ успѣхахъ русской словесности, она простерла до того, что сочинила сама для своего Эрмитажа и театра нѣсколько небольшихъ комедій и оперъ, сохранившихся до нынѣ. Цѣлью этихъ пьесъ была обыкновенно критика нѣкоторыхъ преувеличенныхъ модъ и нѣкоторыхъ смѣшныхъ обычаевъ. Во время путешествія своего въ Крымъ она роздала лицамъ, ее сопровождавшимъ, разныя главы изъ Велизарія (Мормонтеля), одну изъ нихъ выбравъ для себя—и, такимъ образомъ, все сочиненіе было переведено на русскій языкъ.

Она очень скоро замѣтила недостатокъ обработки этого языка, который я самъ очень люблю, какъ большой патриотъ, но чтобы быть справедливымъ во всемъ, скажу, что онъ богатъ словами простонародными, выраженіями тривиальными, но очень бѣденъ въ отношеніи высокаго или поэтическаго слога. Слова чувство (sentiment), удивленіе (admiration), гений (génie), честь (honneur), способность (faculté), впечатлительный (impressionable); отгѣнки словъ: храбрость (bravoure), мужество (courage), доблесть (valeur). vaillance (неустранимость?)

не существуютъ, равно какъ и мпожество техническихъ терминовъ по части наукъ, искусствъ и естественной исторіи ¹⁾. Эта скудость такъ велика, что академія наукъ, желая дать перевести естественную исторію Бюффона, была принуждена отказаться отъ этого намѣренія послѣ первыхъ попытокъ. Тогда-то

¹⁾ Мы перевели эти слова—согласно современному языку. Д. Ч.

императрица рѣшилась основать руссiйскую академію, по образцу академіи французской, для обработки и усовершенствованiя языка.

Скипетръ деспотовъ тяжелымъ гнетомъ ложится на разумъ человѣческой и тогда языкъ подвергается тому-же принужденію, которое властелинъ налагаетъ на всѣхъ. Языкъ дѣлается льстивъ или скрытенъ; щедръ на ложь и на оговорки и впадаетъ въ смѣшную пошлость или замыкается въ преувеличенную сжатость. Ограничивается одами, хвалебными словами или безцѣтными сказками. Онъ бываетъ всегда извращенъ тою ролью, которую присужденъ играть предъ царедворцами, цензорами, шпионами и, въ особенности, передъ невѣждами. Скипетру Екатерины суждено было освободить языкъ отъ всѣхъ этихъ путъ и открыть ему широкое и раздольное поприще. Она учредила руссiйскую академію на основахъ въ равной степени мудрыхъ и либеральныхъ. До воцаренiя Екатерины II управленіе, установленное Петромъ I, было соблюдаемо при императрицахъ, его преемницахъ. Замѣнивъ суровости и жестокости Петра до извѣстной степени кротостью, Екатерина Великая первая начала вводить полезныя реформы и открыла пути къ истинной цивилизаціи.

Но одного царствованiя было недостаточно въ данномъ случаѣ, чтобы произвести дѣйствiя осязаемыя, и надобно было много времени для удовлетворительныхъ послѣдствiй, особенно въ такой странѣ, какъ наша, гдѣ до того времени не смѣли ни думать, ни выражать письменно своихъ мыслей; гдѣ полиція наблюдаетъ, цензура увѣचितъ и гдѣ сила начальства истребляетъ зародыши генія и разума. Поэтому-то въ русскомъ языкѣ и произошло очень мало измѣненiй. Было нѣсколько умовъ трудолюбивыхъ, но безъ вкуса, которые, роясь въ старыхъ книгахъ, пытались ввести въ обращеніе слова старинныя и давно забраванныя изящнымъ вкусомъ; но это были люди изъ разряда тѣхъ, о которыхъ Вольтеръ сказалъ: „вы, неумѣющіе думать, сочиняете (выдумываете) слова“. Малое число хорошихъ писателей произвело мало замѣтное дѣйствiе. Извѣстно, впрочемъ, что лишь писатели первоклассныя, когда они многочисленны и могутъ дать свободный полетъ своей мысли, умѣютъ различить со вкусомъ и деликатностью, чтò слѣдуетъ отринуть, измѣнить или прибавить въ языкъ и обработать его для изящныхъ оборотовъ фразъ, для драгоценныхъ, свѣтлыхъ идей, которыя впоследствии усваиваютъ

подъ вліаніемъ ихъ авторитета. Было въ Россіи несомнѣнно нѣсколько писателей, отличавшихся своимъ краснорѣчіемъ и дарованіемъ поэтическимъ, но какимъ узкимъ попріщемъ они должны были замкнуть свою дѣятельность и что они могли, на примѣръ, сказать въ царствованіе Павла I?

Въ этомъ случаѣ одна Екатерина ничего не могла сдѣлать.

Къ числу ея правъ на признательность Россіи, а также и ея самыхъ существенныхъ правъ на славу, надобно отнести всё ею основанныя полезныя заведенія: общественныя житницы, больницы, сиротскій и воспитательный дома, академіи, публичныя бібліотеки, университеты, семинаріи, школы; совѣстный, т. е. мировой, судъ; воздвигнутыя ею памятники и общественныя зданія: дворцы, храмы, банки, почты; всё созданныя ею города; поощренныя ею мануфактуры, освобожденную торговлю, наполнившую всё морскія гавани кораблями всѣхъ націй. Столько услугъ, благодарній и, быть можетъ, въ особенности, столь многочисленныя подвиги кротости и милосердія вознаграждали за отсутствіе свободы и заставляли предпочитать это сладостное рабство реформамъ болѣе быстрымъ, но преждевременнымъ, и менѣе обильными надежными результатами.

Во времена Екатерины вновь основанныя училища и преподаваніе въ нихъ были довѣрены ученымъ и писателямъ, которыхъ она умѣла привлечь въ свое царство и поощряла знаками уваженія и благоволенія. Аббать Николь учредилъ одно весьма полезное заведеніе; другіе нѣмецкіе профессора тоже, и изъ таковыхъ училище св. Петра въ Петербургѣ было весьма хорошее.

Безопасность и свобода, огражденныя высочимъ и либеральнымъ умомъ Екатерины, были самымъ вѣрнымъ поощреніемъ отличныхъ ученыхъ и литераторамъ. Послѣ ея кончины всё заведенія, посвященныя ею воспитанію дворянства въ особенности и юношества вообще, лишеныя поддержки ея генія и подчиненныя духу напральства, продолжали свое существованіе лишь за тѣмъ, чтобы удовлетворять этой пагубной маніи военщины—и въ отношеніи истиннаго просвѣщенія пришли въ совершенный упадокъ.

Екатерина, желая польстить самолюбію русскихъ и обезсмертить свое собственное царствованіе, приказала воздвигнуть памятникъ Петру I, въ имени котораго приобщила и свое пмя. При от-

крытіи монумента она приказала поставить рядомъ съ собою, на балконѣ сената, коменданта Резнера († 1788 г.), старца свыше ста лѣтъ, служившаго при Петрѣ. Онъ жилъ въ совершенной нищетѣ. Императрица повелѣла дать ему пенсію и квартиру.

Такъ какъ администрація есть не что иное, какъ разумное распредѣленіе дѣйствій правительства по всѣмъ органическимъ частямъ государства, то чѣмъ оно проще и чѣмъ ограниченнѣе число служащихъ, тѣмъ администрація ближе къ совершенству. Чѣмъ болѣе она согласуется съ характеромъ управляемыхъ, со степенью ихъ просвѣщенія и нуждами общества, тѣмъ она будетъ лучше. Первое правило при этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, производить величайшія послѣдствія самыми малыми средствами, и такъ поступала Екатерина по внутреннимъ дѣламъ. Одного министра, подъ именемъ генераль-прокурора, было ей достаточно и онъ замѣнялъ, по крайней мѣрѣ, шестерыхъ министровъ, завѣдующихъ этою отраслю государственнаго управленія въ другихъ странахъ. Для иностранныхъ дѣлъ у Екатерины былъ одинъ статсъ-секретарь, котораго было достаточно для всего, до политики относившагося. На канцлера имперіи возложено было завѣдываніе всѣми дипломатическими дѣлами. Что касается до судовъ, которые, по необходимости, должны были существовать, находясь подъ управленіемъ генераль-прокурора, вмѣстѣ съ департаментами сената, завѣдывавшими всѣми судебными и гражданскими дѣлами,—то она присоединила къ нимъ въ каждомъ городѣ учрежденные совѣстные суды, бывшіе мировыми судами, гдѣ рѣшалась большая часть тяжбныхъ дѣлъ, при посредничествѣ полюбовнаго соглашенія. Это было весьма важнымъ содѣйствіемъ къ упрощенію судопроизводства и къ уменьшенію числа тяжбныхъ дѣлъ.

Одною изъ полезнѣйшихъ мѣръ для государства, давшею возможность предупреждать неурожаи и помогать населеніямъ, страдающимъ отъ голода, было учрежденіе общественныхъ житницъ или хлѣбныхъ магазиновъ, которые государыня приказала построить во всѣхъ сельскихъ общинахъ. Взыскивая ежегодно съ вѣждаго земледѣльца весьма незначительный, обязательный вкладъ, эти магазины чрезъ нѣсколько лѣтъ были переполнены и представляли жителямъ неистощимый источникъ помощи противу бѣдствій голода. Этою системою впоследствии пренебрегли,

и до такой степени, что не только житницы не наполнились, но истощились, обратились въ развалины. Дорого заплатились за это небреженіе, когда наступилъ голодъ.

Екатерина никогда много не занималась костюмами и мундирами. Она была выше этихъ мелочей и у нея было чѣмъ инымъ позаняться. Англійскій король, легкомысленный Георгъ IV, ничего не смыслившій въ морскомъ дѣлѣ и неспособный цѣнить своихъ великихъ моряковъ, перемѣнилъ форму мундира, прославленнаго Нельсономъ, давъ морякамъ распитые галунами панталоны нѣмецкихъ улановъ и гусаровъ, при мундирахъ, похожихъ на испанскіе или датскіе. Екатерина, хотя и женщина, никогда не потратила ни единой свободной минуты на подобные пустяки.

До востшествія своего на престолъ она знала, что одною изъ причинъ негодованія русскихъ на ея предшественника было приписываемо ему намѣреніе лишить ихъ духа народнаго, стараніемъ ввести нѣмецкіе нравы и одѣянія. Хотя дворъ обыкновенно подаетъ тонъ, но она сознавала, что это несвоевременно ни для статскихъ, ни для военныхъ. Дозволивъ имъ носить одежду своихъ предковъ, она ограничилась измѣненіемъ костюма придворныхъ дамъ. Она не сочла для себя обязательнымъ придерживаться идеи Петра I, предписавшаго имъ нѣмецкій костюмъ; еще того менѣе не могло входить въ ея виды рядить ихъ деревенскими бабами, какъ это случилось послѣ нея. Что-бы сказали, если-бы французскій король принялъ для своего двора костюмъ нормандскихъ поселянцевъ? Чувство приличія, которымъ въ столь высокой степени обладала Екатерина, и ея умъ, цолетъ котораго былъ недосыгаемо выше подобныхъ мѣръ, побудили ее отдать предпочтеніе одѣянію, бывшему въ старину въ употребленіи у женъ боярскихъ. Этотъ нарядъ она умѣла такъ хорошо согласить со своими воззрѣніями, что кромѣ удовольствія, съ которымъ онъ былъ принятъ русскими, онъ сдѣлался однимъ изъ красивѣйшихъ и изящнѣйшихъ, бывшихъ въ эту эпоху въ употребленіи при прочихъ европейскихъ дворахъ.

Дворъ Екатерины, коего она была душею, сдѣлался однимъ изъ самыхъ вѣжливыхъ и блестящихъ. Если при немъ не со всѣмъ была изъята лезть, обыкновенно преподносимая женщиной,

то лестивныя рѣчи могли быть приняты за пріятныя комплименты, а это было уже смягченіемъ одного изъ большихъ недостатковъ.

Этотъ дворъ состоялъ изъ лучшихъ фамилій царства и изъ лицъ особенно замѣчательныхъ по своему образованію; камергеры, камеръ-юнкеры, пажи были выбраны изъ домовъ знатнѣйшихъ и оказавшихъ великія услуги государству.

Если императрица отличала отцовъ за то, что они были люди добродѣтельные, то отличала и дѣтей затѣмъ, чтобы поощрить ихъ быть таковыми-же.

Это былъ расадникъ, изъ котораго она брала людей способныхъ къ разнымъ должностямъ, по части дипломатической или административной. Она, такимъ образомъ, близко видя ихъ, была въ состояніи судить о ихъ способностяхъ и склонностяхъ. Эта благородная, драгоценная школа исчезла вмѣстѣ съ множествомъ другихъ учрежденій въ этомъ-же родѣ.

Привода выше имена мужей государственныхъ, министровъ и полководцевъ, прославившихъ царствованіе Екатерины, мы желали опровергнуть очень несправедливое, но весьма распространенное мнѣніе, будто-бы Россія поставлена въ необходимость брать къ себѣ на службу иностранцевъ всѣхъ націй, чтобы вѣрять имъ величайшіе интересы имперіи. Можно было видѣть, что Екатерина умѣла какъ-бы изъ-подъ земли вызывать нужныхъ ей людей.

Но, сказать по правдѣ, до ея царствованія и даже до царствованія Петра I, въ Россіи никогда не было недостатка въ людяхъ отличныхъ достоинствъ. У нея были свои Пожарскіе, Трубецкіе, Филареты, Гермогены и проч., а во времена Петра въ Россіи еще были: Теофанъ Прокоповичъ, Остерманъ, Шереметевъ, Голицынъ, Меншиковъ, Долгорукой, Апраксинъ; во времена Елисаветы: Разумовскій, Апраксинъ, Бестужевъ, Салтыковъ, Бутурлинъ, Ломоносовъ, Сумароковъ—и ихъ было вполне достаточно для службы отечеству и они доказали, что при сорока пяти милліонномъ народонаселеніи не можетъ быть недостатка въ людяхъ при умѣннѣ находить ихъ.

Здѣсь можетъ быть умѣстно привести отвѣтъ г. Бибикова, дядьки Павла I, въ бытность послѣдняго еще великимъ княземъ.

Проходя однажды чрезъ дворцовый Эрмитажъ, бывшій въ то-же время художественною галлереею императрицы, великій князь остановился передъ портретомъ Сюлли и, послѣ долгаго, внимательнаго на него взгляда, сказалъ г. Бибикову: „вотъ великій человекъ: нынѣ уже не отыщется подобныхъ Сюлли“.

Бибиковъ отвѣчалъ на это: „Были-бы Генрихи IV, ваше высочество, отыщутся и Сюлли!“

Когда иностранцы прїѣзжали въ Россію, Екатерина принимала ихъ съ замѣчательною благосклонностію.

Въ доказательство особеннаго расположенія императрицы Екатерины къ англійскому правительству разскажу, изъ множества другихъ примѣровъ, слѣдующій случай. Когда послѣ смерти капитана Кука прибыли въ Камчатку корабли его экспедиціи, комендантъ Охотска принялъ ихъ со всѣми почестями и возможнымъ радушіемъ. Ихъ снабдили всѣмъ, въ чемъ они могли имѣть нужду для своихъ кораблей и экипажей, и, сверхъ того, одарили всякаго рода провизіею изъ предметовъ роскоши, какъ-то: чаемъ, кофе, сахаромъ, и когда начальникъ эскадры Клэркъ, преемникъ капитана Кука, а затѣмъ Горъ, послѣ смерти Клэрка, обратились въ г. Бему, коменданту Охотска, чтобы узнать цѣну доставленныхъ имъ предметовъ, онъ отвѣчалъ, что ему дано повелѣніе отъ императрицы снабдить ихъ всѣмъ бесплатно.

Капитанъ Кукъ командовалъ кораблемъ „Рѣшимость“ (Resolution), Клэркъ кораблемъ „Открытие“ (Discovery). Они пытались проникнуть на тотъ берегъ Берингова пролива, но были постоянно останавливаемы сплошными льдами на необозримомъ пространствѣ. Тэйлоръ, тогда мичманъ, спасъ корабль „Рѣшимость“, первый слышавъ шумъ отъ прибоя о скалы у острововъ Алеутскихъ, туманомъ скрытыхъ изъ виду. Англичане едва успѣли бросить якорь, чтобы избѣжать совершеннаго крушенія. Этотъ самый Тэйлоръ, нынѣ адмиралъ, разсказывалъ мнѣ, какъ они были тронуты послѣ ихъ прибытія въ Камчатку. Онъ единственный человекъ изъ участниковъ экспедиціи, оставшійся въ живыхъ.

Относительно торговли императрица Екатерина отклонила предложеніе нѣсколькихъ англичанъ, коихъ уполномоченнымъ

былъ Брѣки, образовать индѣйскую компанію, какъ противную свободѣ торговли и правамъ ея подданныхъ—торговать, гдѣ они хотятъ.

Итакъ, дѣянія Екатерины заключаются въ слѣдующемъ:

- 1) Учрежденіе комиссіи для составленія законовъ.
- 2) Великое раздѣленіе имперіи и учрежденіе губерній.
- 3) Граматы, дарованныя дворянству, предоставлявшія имъ особыя права, и, между прочими, право избирать своихъ предводителей.
- 4) Городовое положеніе, даровавшее права купцамъ и мѣщанству.
- 5) Уничтоженіе пытки ¹⁾.
- 6) Присоединеніе къ казнѣ монастырскихъ имуществъ.
- 7) Основаніе Россійской академіи.
- 8) Учрежденіе почтъ и банковъ.
- 9) Построеніе воспитательныхъ заведеній, училищъ.
- 10) Созиданіе больницъ, благотворительныхъ заведеній, госпиталей, воспитательныхъ домовъ.
- 11) Проведеніе каналовъ по разнымъ направленіямъ имперіи.
- 12) Поощреніе торговли, промышленности, изящныхъ искусствъ и мануфактуръ.
- 13) Украшеніе Петербурга и Царскаго села.
- 14) Основаніе литейныхъ пушечныхъ заводовъ въ Петрозаводскѣ и въ Луганѣ, т. е. на сѣверѣ и на югѣ ²⁾.

¹⁾ Увлекаемый чувствами благоговѣнія къ памяти Екатерины, П. В. Чичаговъ нѣсколько заблуждается. Если при Петрѣ Великомъ существовали застѣпки и Преображенскій приказъ, при Аннѣ—„нехотимочный“ и легіоны палачей подъ начальствомъ А. И. Ушакова, то и при Екатеринѣ была Тайная экспедиція, съ неменѣе знаменитымъ Шешковскимъ. Наказаніе внукотъ, рваніе позреѣй (по выраженію истязуемыхъ: нюханье щипцовъ) и пытки существовали и при Екатеринѣ II и при ея преемникѣ. Честь и слава уничтоженія пытокъ въ Россіи неотъемлемо и неоспоримо принадлежитъ Александру I. Указъ объ уничтоженіи пытокъ былъ однимъ изъ первыхъ его указовъ при восшествіи на престолъ. Л. Ч.

²⁾ Въ Олонекской губерніи первый чугуноплавильный заводъ Кончезерскій (въ 50 верстахъ отъ Петрозаводска) былъ основанъ при Петрѣ Вели-

15) Сооруженіе Эрмитажа и (Каменнаго) театра.

Наконецъ, почти невозможно исчислить всѣ блага, содѣяныя императрицею Екатериною для русскаго народа, — однимъ словомъ, она истинная благодѣтельница Россіи!

П. В. Чичаговъ.

Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

комъ, въ 1707 году; Александровскій—при Екатеринѣ II въ 1774. Основателемъ Луганскаго завода (Екатеринославской губерніи, Славянскаго уѣзда) былъ англичанинъ Гайсконъ.

Л. Ч.

ПО ВОПРОСУ ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ЛОТТЕРЕИ.

Докладъ императрицѣ Екатеринѣ II

1771 г.

Ея императорскому величеству отъ нижеподписавшихся всеподданнѣйшій докладъ.

Всевысочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе имѣя, чтобъ намъ вмѣстѣ разсмотрѣть маркиза Мансіа, директора привилегированной въ областяхъ римской императрицы королевы такъ называемой генуэзской лоттерей, предложеніе о заведеніи въ имперіи в. в. подобной лоттерей, учиненное имъ какъ изъ Вѣны чрезъ сардинскаго министра графа де-Канала на имя генераль-аншефа графа Чернышева ¹⁾ предъ нѣкоторымъ временемъ письменно, такъ и нынѣ, чрезъ нарочно отъ него, маркиза Манси, съ товарищи, сюда присланнаго италіянскаго купца Филиппа Мелини, который, по прибытіи своемъ сюда, подалъ прошеорію, съ приложеннымъ при немъ планомъ для постановляемой, если соизволеніе в. и. в. будетъ, здѣсь лоттерей, и еще для формуляра на нѣмецкомъ и богемскомъ языкахъ, напечатанные о заведенной въ Прагѣ лоттерей увѣдомительные листы.

Вслѣдствіе чего мы, руководствомъ присланныхъ сюда отъ пребывающаго въ Вѣнѣ в. и. в. полномочнаго министра князя Голицына къ вице-канцлеру

¹⁾ Графа Захара Григорьевича Чернышева, подписавшаго и исправлявшаго этотъ докладъ.

Г. Р.

описаній и прочих его-же, князя Голицына, притѣчаній о учрежденіи и о привиллегіи оной въ областяхъ римской императрицы королевы дозволенной лоттерей, не преминули помянутое предложеніе во всѣхъ онаго подробностяхъ рассмотреть и нашли, что главные пункты состоятъ въ слѣдующемъ, а именно:

По прожекоріи.

Объществу италіянское общество:

1) На свой счетъ взять всѣ къ постановленію и содержанію оной лоттерейныя потребныя расходы.

2) Изъ доходовъ отъ игроковъ, но за вычетомъ на такое постановленіе и содержаніе расходовъ, заплатить вашему императорскому величеству двѣ трети.

3) Для безопасности какъ интереса в. и. в., такъ и платежа лоттерейныхъ выигрышей; дать на амстердамскихъ банкировъ поручительство въ 200 тысячъ рублей.

4) Просить оное общество привиллегію на 12 лѣтъ; о опредѣленіи одного министра при оной лоттерей въ генералъ-комиссары или президенты и чтобъ кромѣ главнаго въ С.-Петербургѣ лоттерейнаго дома учредить и другіе въ главныхъ имперіи городахъ съ архивнымъ при оныхъ секретаремъ и проч.

А по плану:

1) Что для разыгрыванія въ назначенный срокъ будутъ всегда употреблены 90 билетовъ съ № 1 по № 90, съ назначеніемъ на оныхъ только-же число убогихъ дѣвущекъ, слѣлавъ какъ о номерахъ, такъ и о помянутыхъ дѣвущкахъ, по сообщенной формѣ, для обнародованія, списокъ, а изъ означеннаго числа номеровъ при разыгрываніи въ публичномъ домѣ вынуты чрезъ мальчика будутъ только пять билетовъ, кои суть и выигрышныя, а каждая изъ дѣвущекъ, по жребію сихъ вынутыхъ пяти билетовъ, получать отъ лоттерейной каморы 15 рублей въ приданое.

2) Что желающимъ играть не предписано будетъ сколько за номеръ заплатить, и такъ могутъ бѣдные люди, взявъ одинъ или многіе изъ девяносто номеровъ, и по три копейки за каждый ставить, такъ какъ другіе по рублю, по 10 рублей или и болѣе, и можетъ всякъ по пропорціи своихъ поставленныхъ денегъ, если счастливъ будетъ, не только называемую такъ простую призу или *extrait simple*, состоящую въ 14 разъ болѣе поставки, но и весьма великую сумму выиграть, какъ напримѣръ, загадавъ на одинъ номеръ изъ пяти, что оказывается знатная приза или *extrait posthéré* 67 разъ

болѣе поставки; на два изъ пяти, что называется двойная приза или *Ambo*—240 разъ болѣе поставки; на три изъ пяти, что называется тройная приза или *Terno*, напримеръ, поставя 1 рубль, получишь 4,800 разъ болѣе поставки, и притомъ поставя же еще по рублю за каждый въ терно находящійся амбъ, конкъ есть въ ономъ три, то выигравшій имѣеть еще сверхъ того получить по 240 рублей за каждый амбъ, итого всего за терно и три амба 5,520 рублей и такъ далѣе. На четыре изъ пяти, что называется четвертая приза или *quaterno*, и на всѣ пять, что называется пятерная приза или *cinquina*, въ которой есть 10 амбъ и 10 тернъ, то, заплатя при поставкѣ 20 рублей, получится за 10 тернъ 48,000 и за 10 амбъ 2,400, итого всего 50,400 рублей; а если изъ загадавшихъ номеровъ выдутъ только два, то получатся только одинъ амбъ, 240 за 1 рубль; напротивъ чего, если кто загадалъ на два, на три или и болѣе изъ пяти, а выдетъ только одинъ номеръ, то тотъ уже ничего не получитъ, развѣ онъ заплатитъ за оный еще и особливо; и такимъ образомъ при прочихъ имениныхъ или знатныхъ поставкахъ поступлено будетъ.

3) Что платежъ выигрышей учиненъ быть долженъ по предъявленіи оригинальныхъ о учиненныхъ ставкахъ билетовъ, чрезъ 24 часа или уже по крайней мѣрѣ чрезъ шесть мѣсяцевъ, съ тѣмъ притомъ, что безъ предъявленія оригинального билета, равно какъ и тому, кто по прошествіи постановленнаго для платежа срока, хотя и съ такимъ билетомъ явится, никакой уже платежъ учиненъ не будетъ. Слѣдственно:

1) Ежели при сборѣ чинимыхъ отъ игроковъ денежныхъ ставокъ, для наблюденія при томъ вашего императорскаго величества интереса и съ стороны в. в. опредѣлены будутъ надежные и некорыстолюбивые люди, то нѣтъ никакого сумнѣнія, чтобъ сія лоттерей, безъ всякаго явнаго затрудненія, не приносила бы въ казну в. и. в. прибыльтокъ, ибо сія средствомъ соберутся подати со всякаго званія людей, даже и съ тѣхъ, которые ничего за себя не платятъ, не исключая изъ того и чужестранныхъ державъ подданныхъ, и то безъ наивысшаго понужденія или какого о отягощеніи роптанія.

2) Мало или много ли изъ имперіи в. в. высылаются деньги въ учрежденныя въ разныхъ чужестранныхъ земляхъ лоттерей, однако снѣтъ же средствомъ лучше всякаго запрещенія отнимется причина у людей всякаго званія, для покушенія своего счастья, на то поступить, когда оную лоттерей здѣсь имѣть будутъ.

Но какъ сія лоттерей обѣщаетъ за малыя ставки хорошіе и весьма знатныя

выигрыши, которые однако по пропорціи вынимаемыхъ только пяти изъ 90 само собою гораздо рѣдко по загадываніямъ выходить могутъ, при чемъ еще и лоттерейщики употребляютъ ту хитрость, что они, примѣтя, когда народъ, въ надеждѣ будущаго выигрыша, весьма много на одинъ номеръ сталъ становить, тотчасъ перестаютъ на такой номеръ болѣе давать билеты, чтобъ оный не гораздо многоцѣнный сдѣлался и чтобъ имъ не быть подорванными, называя то заключеніемъ такого номера или *ferme* и ничего, то публика, а особливо большая часть оной, состоящая изъ небогатыхъ, да при томъ, какъ во всякомъ государствѣ, еще жъ и изъ бѣднѣйшихъ людей, которые самую малую трехъ-копѣчную ставку сія лоттерея не отвергаетъ, прельстая на такіе сбѣщаемые выигрыши, безъ сумнѣнія, станеть по малу все, что собрать можетъ, въ оную носить, изъ чего и многіе непорядки воспослѣдствовать могутъ, о чемъ помянутый князь Голицынъ изъ Вѣны пишетъ слѣдующими словами: „Сколь отважно ни было бы продолжать игру, однако народъ о томъ много не помышляетъ, поступая на злополучіе ея, и такъ имѣтъ никакой бѣдой служанки, ни лакея въ здѣшнемъ государствѣ, который не отвѣдалъ бы одного или двухъ разъ въ мѣсяцъ счастья своего въ лоттерей. Есть изъ нихъ и такіе, которые бывають въ игрѣ горячи; они удвояють и передвояють свои ставки и кончатъ все продажей своихъ имѣній со влеченіемъ себя въ долги и наконецъ обкрадываніемъ своихъ господъ и госпожъ“. Что все и здѣсь вѣстимо быть можетъ, какъ тому примѣръ уже и былъ, во время учрежденной барономъ Лефортомъ здѣсь въ Россіи лоттерея, въ которую ставили не по три копѣйки, но по рублю; однако при ономъ случаѣ не токмо многіе сидѣльцы разорили хозяевъ своихъ, рабы и прочіе служители обкрадывали своихъ помѣщиковъ и господъ, но и хорошіе люди, разлакомившись малымъ выигрышемъ, себя и всѣхъ своихъ на вѣкъ разорили, хотя, правда, напротивъ того, есть и то, что нѣкоторые выигрышемъ изъ оной лоттерея и поправились, однако число сихъ послѣднихъ въ сравненіи съ первыми есть несравненно малое ¹⁾).

¹⁾ Послѣ этого въ проектѣ доклада были слѣдующія строки: «Слѣдовательно осмѣливаемся господаниѣше представить, что повидимому сіи обстоятельства, какъ и кн. Голицынъ изъ Вѣны пишетъ, не гораздо соответствовать могутъ съ истинною пользою народа, которая сопряжена съ короннымъ интересомъ». Фраза эта исключена, согласно предложенію графа З. Г. Чернышева, какъ видно изъ отмѣтокъ на проектѣ доклада. Г. Р.

И такъ, если в. ч. в. угодно сію лоттерейю для опыта завести въ имперіи в. в., то не соизволено ли будетъ всевысочайше опредѣлить одну особу какъ для вступленія съ присланнымъ сюда италянцемъ Филиппомъ Мелини о семъ дѣлѣ въ переговоры, такъ и для постановленія съ нимъ на мѣстѣ какъ контракта, такъ и привилегіи, которая жъ особа могла-бы потомъ и въ сходственность испрашиванія маркиза Мансиа съ товарищи остаться при главномъ правленіи оной генуэзской лоттерейи, съ тѣмъ особливымъ оной назначиваемою особѣ предписаніемъ, чтобъ при помянутомъ переговорѣ стараться:

1) Согласить помянутаго италянца Мелини, дабы для предпринимаемаго опыта оную лоттерейю на первый случай учредить не на 12, но на 6 или по крайней мѣрѣ на 8 лѣтъ.

2) Чтобъ для безопасности интереса в. и. в. и платимыхъ выигрышей общаеми въ поручительство на амстердамскихъ банкировъ 200,000 рублей были бы на постановляемый для лоттерейи срокъ отданы здѣсь акцептованными отъ надежныхъ амстердамскихъ банкировъ векселями, дабы такіа тамъ въ залогъ положенныя деньги могли-бы, по повелѣніямъ в. в., когда и гдѣ то потребно будетъ, безостановочно траскированы быть, что и сходствуетъ съ тѣмъ, что графъ Каналь именемъ маркиза Манси сначала писалъ.

3) Чтобы изыскавъ, если возможно будетъ, для предупрежденія вышеупомянутыхъ неудобствъ и для предписанія сему предіриятію предѣла, выгоднѣйшія средства, внести оныя въ пункты изготовляемой для лоттерейной компаніи привиллегіи, примѣняясь при томъ учиненному съ стороны римской императрицы королевы тамошней лоттерейной компаніи въ данной привиллегіи предписанію ¹⁾).

По чему всему толь вѣрнѣе усмотря сколь сія лоттерейя здѣсь для общества полезна или вредна быть можетъ, уже возможнѣе будетъ все для сей лоттерейи на мѣрѣ положенное в. и. в. на всевысочайшую апробацію всеподданнѣйше поднести.

На подлинномъ докладѣ написано слѣдующее:

— „Слава Богу, Мы не въ такомъ положеніи, чтобы для умно-

¹⁾ Стоявшія въ проектѣ доклада въ концѣ этого пункта слова «всеподданнѣйше при семъ приложенному» исключены, по мнѣнію графа Чернышева, полагавашаго «оставить это для опредѣляемой особы». Г. Р.

женія дохода казны нашей нѣсколькими стами тысячъ рублей,
Мы имѣли нужду народу давать поощреніе къ большому мотов-
ству и поводъ ко всѣмъ порокамъ, изъ того проистекающимъ,
и для того откажите италіанскимъ проекторамъ. Екатерина“.

Сообщ. Г. К. Рѣшкетскій.

1-го іюля 1771 года.
С.-Петербургъ.

ФИЛАРЕТЪ ДРОЗДОВЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ,

по матеріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“.

1782 — 1867.

XII ¹⁾.

Не смотря на неудачи, раскольники не останавливались въ своихъ домогательствахъ. Время отъ времени то отъ одной, то отъ другой старообрядческой общины подавались правительству просьбы за просьбами о дарованіи имъ права брать отъ православной церкви хорошихъ священниковъ, которые бы, находясь при ихъ часовняхъ и моельняхъ, были бы въ то же время въ полной независимости отъ епархіальнаго начальства. Въ этихъ просьбахъ, по словамъ П. И. Мельникова ²⁾, всёхъ настойчивѣе было общество московскихъ раскольниковъ. Такого-же рода ходатайство московскихъ раскольниковъ съ извѣстнымъ уже намъ проектомъ поступило и въ 1848—49 годахъ. Ходатайство вмѣстѣ съ проектомъ передано было на разсмотрѣніе с.-петербургскаго комитета, который поданный раскольниками проектъ о дарованіи имъ священниковъ отъ православной церкви, подъ условіемъ полной независимости ихъ отъ православныхъ архіереевъ, поручилъ разсмотрѣть и разобрать московскому митрополиту Филарету. Мо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVI, июнь, стр. 559—590; т. XLVII, июль, стр. 1—26; т. XLVIII, октябрь, стр. 143—166; декабрь, стр. 487—502; изд. 1886 г., т. L, май, стр. 253—268.

²⁾ Очерки поповщины, 1864 г.

сковскій первосвятитель, вѣроятно, подѣ опасеніемъ настойчивыхъ происковъ старообрядцевъ, съ большимъ вниманіемъ отнесся къ порученію петербургскаго секретнаго комитета. По этому поводу онъ не разъ совѣтовался съ своимъ другомъ, лаврскимъ намѣстникомъ архимандритомъ Антоніемъ, который, насколько только можно судить по письмамъ къ нему Филарета, кажется, склонился нѣсколько въ пользу проекта старообрядцевъ. Такъ можно думать на основаніи ихъ переписки: „Миръ вамъ, о. намѣстникъ, и братицъ, писалъ святитель московскій къ своему другу, отъ 25 іюля 1849 года. Мысль ваша о священникахъ для чуждающихся церкви занимаетъ меня, и жалѣю, что не передана она словомъ на мѣстѣ. Думаете ли вы, что можно дать на тѣхъ условіяхъ, на какихъ предполагаютъ брать? Какъ же согласить сіе съ правилами церковными? Какъ дать при увѣренности, что берутъ не для сближенія съ церковью, а дабы укрѣпить отчужденіе отъ нея? Покажите мнѣ, если вамъ представляется, способъ превратить путь стропотный въ правый?“¹⁾ Митрополитъ Филаретъ возсталъ противъ ходатайства раскольниковъ и написалъ обстоятельную записку, въ которой съ рѣдкой основательностію разобралъ ихъ проектъ. Копія съ этой замѣчательной записки находится въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“, съ которой мы печатаемъ этотъ документъ²⁾.

2.

Изложивъ предъ комитетомъ послѣдно мое по вопросамъ относительно раскола, даннымъ отъ петербургскаго секретнаго комитета, а могъ бы полагать обязанность члена исполненною.

Но когда комитетъ, въ засѣданіи 29 марта 1848 года, признавалъ трудность разсматриваемаго предмета, положилъ имѣть дальнѣйшее сужденіе

¹⁾ Письма м. Филарета къ архим. Антонію. Ч. II. № 705.

²⁾ Сравни „Душеполезное Чтеніе“ 1868 г. Ч. III. Октябрь, 87—110. Трудъ нашего сотрудника, составленный по матеріаламъ ред. „Русской Старины“—давно и вполне оконченъ, и значительная часть его уже набрана. Въ виду это мы не опускаемъ изъ сего труда тѣхъ мѣстъ и отзвонъ первосвятителя, которые мы находимъ въ сборникѣ, издаваемомъ подъ редакцію архіепископа Тверскаго и Кашинскаго Саввы. (Спб., 1885 г., томы I, II, III). Ниже приводимъ у насъ двѣ записки Филарета—напечатаны и въ помывутомъ сборникѣ (томъ III, стр. 285—299). Ред.

впредь, и особенно по вопросу: не надобно ли дозволить раскольникамъ поповщинскаго толка имѣть независимыхъ отъ духовнаго начальства священниковъ, и для сего войти съ раскольниками Рогожскаго кладбища въ секретное сношеніе, не могу не признать, что сіе опредѣленіе комитета вновь налагаетъ и на меня обязанность войти въ дальнѣйшее изслѣдованіе предположеннаго вопроса и представить мое мнѣніе.

Здѣсь, во первыхъ, требуетъ разсмотрѣнія вопросъ удобно ли и благонадежно ли входить съ раскольниками въ сношеніе и переговоры объ условіяхъ, на какихъ могли бы они принять священниковъ?

Духовенству входить въ сношеніе съ раскольниками для ихъ вразумленія и предлагать имъ средства сближенія съ церковію не только не препятствуетъ его характеръ, но это есть и обязанность его. Совсѣмъ иное дѣло входить въ таковыя сношенія отъ имени правительства. Власть законная, безъ предосужденія своему достоинству и благонадежно, можетъ входить въ сношеніе для соглашенія и договора только съ такимъ обществомъ, которое законно существуетъ. А входить въ договоръ съ обществомъ, отпадшимъ отъ законной власти, и законнаго существованія не имѣющимъ, недовольно сообразно съ достоинствомъ законной власти и можетъ быть вредно, потому что незаконное общество, входя въ переговоры съ законною властью, чрезъ сіе самое вѣноторнымъ образомъ приобретаетъ характеръ признаннаго сословія и притомъ получаетъ сознаніе, что въ немъ видятъ довольно силы противорѣчить и противостоять, и такимъ образомъ оно сдѣлаться можетъ болѣе неуступчивымъ, нежели было до переговоровъ. Посему неудобнымъ представляется испрашивать высочайшее дозволеніе на вступленіе въ переговоры съ раскольниками. Могущая оказаться съ ихъ стороны неуступчивость особенно неумѣстна была бы и не должна быть допущена при употребленіи высочайшаго имени.

Въ предположеніи, чтобы переговоры съ раскольниками были секретные, вѣноторнымъ образомъ заключается призваніе, что гласность сихъ переговоровъ имѣла бы неблагопріятныя послѣдствія. Но сохраненіе тайны въ семъ случаѣ слишкомъ ненадежно. Допущенные въ сношеніе раскольники будутъ интересованы сообщить о семъ сношеніи своимъ единомышленникамъ, и уже извѣстно по опыту, съ какою быстротою подобныя свѣдѣнія отъ немногихъ раскольниковъ распространяются между всѣми.

Притомъ предполагаемое сношеніе съ раскольниками не обѣщаетъ открыть со стороны ихъ что либо такое, что не было бы уже извѣстно. На какихъ условіяхъ желаютъ они имѣть священниковъ, сіе извѣстно изъ неоднократныхъ прошеній ихъ, правительствомъ неуваженныхъ.

Если нужно, то можно пересмотрѣть извѣстныя уже ихъ предположенія, безъ открытія новыхъ съ ними переговоровъ.

Извѣстно, что раскольники поповщинскаго толка желаютъ священниковъ, дѣйствительно служащихъ въ епарціяхъ или заштатныхъ, принимать сами по своему усмотрѣнію, съ обязанностію давать о нихъ знаніе гражданскому начальству и съ тѣмъ, чтобы принятые ими священники находились внѣ всякаго отношенія къ архіереямъ, судимы были за малыя вины самими раскольниками и ихъ же священниками, а за важныя вины раскольниками же отсылаемы были отъ службъ и отсылаемы были къ православному епархіальному начальству.

Къ сему необходимо присовокупить то, о чемъ раскольники предъ на-

чальствомъ умалчиваютъ, но чего отъ священниковъ неотмѣнно требуютъ, именно, чтобы въ богослуженіи не именовать государя императора благочестивѣйшимъ или благовѣрнымъ. Не нужно въяснять, какое въ семъ заключаютъ раскольники понятіе объ отношеніи государя къ истинной, по ихъ понятію, вѣрѣ и церкви.

За симъ естественно слѣдуетъ другой вопросъ: должно ли дать раскольникамъ священниковъ на изложенныхъ теперь условіяхъ?

По моему мнѣнію не должно. И хотя въ подтвержденіе сего представлены уже мною нѣкоторыя соображенія въ мнѣніи моемъ 29 марта 1848 года, однако, по значительной важности предмета, обязанностію почитаю представить еще слѣдующее:

I. Дать раскольникамъ священниковъ съ тѣмъ, чтобы сіи священники перешли въ расколъ, очевидно, было бы незаконно и вредно. Сіе признаютъ всѣ, и потому нѣкоторые думаютъ найти средство, чтобы священники поступали въ раскольникамъ на вышеназженныхъ условіяхъ, но въ расколъ не переходили. Средствомъ симъ почитаютъ требованіе отъ раскольниковъ, чтобы они, принимая священника, не совершали надъ нимъ такъ называемой исправы, то-есть мнѣшаго митропомазанія или провнсенія проклятія на ереси, въ томъ числѣ и на Никонову, то есть на православную церковь¹⁾, чѣмъ они думаютъ очищать священника, приходящаго къ нимъ, отъ нечистой, по ихъ мнѣнію, великороссійской церкви. Но не трудно предвидѣть, что раскольники или устранять отъ себя сіе требованіе какимъ нибудь уклончивымъ отвѣтомъ, или хотя не откажутся отъ онаго, но втайнѣ будутъ продолжать исправу, которую и нынѣ, по возможности, не допускаютъ до свѣдѣнія начальствъ. Секта не бываетъ вполнѣ чиста. Истина религіозная и нравственная суть лучи одного свѣта: гдѣ первая смѣшана съ заблужденіемъ, тамъ не чиста и послѣдняя. Секта своимъ недовольно свободнымъ положеніемъ думаетъ извинить употребленіе въ свою защиту лукавства предъ правительствомъ. Могутъ возразить, что священникъ не долженъ допустить надъ собою исправы. Но въ такомъ случаѣ раскольники могутъ отослать его подъ какимъ-нибудь предлогомъ или даже съ оклеветаніемъ, и нельзя поручиться, что изъ множества священниковъ въ Россіи не найдутъ они подобныхъ нынѣшнимъ бѣглымъ, которые послѣдуютъ ихъ прельщеніямъ, ибо и при апостолахъ бывали бѣды во іжебратіи. Если, такимъ образомъ, исключительная мысль дать раскольникамъ священниковъ, съ устраненіемъ исправы, оказывается неудобносполнимомъ, то остается въ полной силѣ общая мысль, что не должно давать.

II. Но если и предположить возможность устраненія исправы: переходъ священника къ раскольникамъ съ тѣмъ, чтобы не быть въ зависимости отъ іерархіи, чтобы зависѣть отъ нихъ и ими быть судиму, чтобы царя не именовать благочестивѣйшимъ и благовѣрнымъ, не есть ли уже переходъ священника въ расколъ?

III. Дать раскольникамъ священниковъ на вышеназженныхъ условіяхъ нельзя иначе, какъ съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ.

¹⁾ О предпочтеніи одного изъ связъ двухъ образовъ исправы было у раскольниковъ соборнице въ Москвѣ въ 1779 году. Полн. Историч. вѣвѣстіе о Старообрядчествѣ. Примѣч. митропол. Филарета. Ч. III.

39 правило апостольское говоритъ: безъ воли епископа своего пресвитери или діакони да ни творять ничтоже, тому бо суть поручени людіе Господни. Итакъ, отпустить къ раскольникамъ пресвитера для церковнаго дѣйствованія, независимо отъ епископа, значитъ поступить вопреки апостольскому правилу; значитъ ввести въ православную церковь лютеранскую стхію.

10 правило апостольское говоритъ: моляйся со отлученными самъ отлученъ да будетъ. Раскольники, очевидно, суть и отлучающіе сами себя, и отлученные отъ православной церкви. Итакъ, іерархія, отпустивъ священника молиться съ ними, сдѣлала бы и его, и себя виновными противъ апостольскаго правила.

IV. Чтобы не оставить какой-либо значительной стороны разсматриваемаго предмета неосмот; вѣною, предположимъ, что нѣкоторые скажутъ: священникъ можетъ, поступая къ раскольникамъ, не стрекаться въ сердцѣ отъ іерархіи и отъ вышеприведенныхъ церковныхъ правилъ, но только по наружности быть внѣ сношенія съ іерархією, и исполнять обряды раскольниковъ по снисхожденію къ ихъ предразсудкамъ. Это значило бы, что священникъ будетъ въ сердцѣ православнымъ, а въ глазахъ раскольниковъ и въ своихъ дѣйствіяхъ раскольникомъ; что онъ будетъ въ положеніи двусмысленномъ и двоедушномъ. Неужели не должно остеречься правительству, чтобы не направлять человѣка къ такому положенію, и особенно служителя вѣры, который, по апостолу, долженъ жить въ простотѣ (искренности) и чистотѣ Божіей (2 Кор. 1, 12).

Мое слово обращается къ секретному комитету и потому не нарушится тайна, ежели укажу по сему случаю на примѣръ, находящійся въ дѣлахъ петербургскаго секретнаго комитета 1821 или 1822 годовъ. Предложено было тамошнему комитету сдѣлать опытъ, послать къ раскольникамъ искусныхъ священниковъ, которые бы явились между ими не какъ посланные отъ церкви, но какъ бы пришедшіе къ нимъ по произволу и расположенные быть въ общеніи съ ними, и которые, войдя съ ними въ общеніе и снискавъ ихъ довѣріе, дѣлали бы имъ благопріятныя для православнаго внушенія. Благонравность сего предложенія увлекла комитетъ, онъ составилъ о семъ опредѣленіе, которое, между прочимъ, подписано было блаженныя памяти митрополитомъ Серафимомъ и удостоено утвержденія въ Божѣ почившаго государя императора Александра Павловича. Но когда митрополиту Серафиму предоставлено было привести сіе въ исполненіе, онъ увидѣлъ, что сего нельзя согласить съ церковными правилами и съ свойственною служителямъ вѣры искренностію дѣйствованія, предложилъ свое затрудненіе комитету; комитетъ воспріялъ дерзновеніе представить государю императору объ отнѣненіи сдѣланнаго и утвержденнаго опредѣленія, и благочестивѣйшій императоръ на сіе соизволилъ, уважая ненарушимость церковныхъ правилъ и честоту священно служительской совѣсти.

Итакъ, вышнее предположеніе о доставленіи раскольникамъ священниковъ уже принято было въ предшествовавшее царствованіе, и отнѣнено, какъ неудобноисполнимое. То, что теперь предполагается доставить раскольникамъ священниковъ не непосредственно отъ архіереевъ, но чрезъ руки гражданскаго начальства, не дѣлаетъ разности въ существѣ дѣла. Священники будутъ въ томъ двоедушномъ положеніи, въ которое не рѣшился поставить ихъ митрополитъ Серафимъ и архіереи, если не захотятъ притворяться непони-

мающими того, что понятно, должны будутъ или осудить, по правиламъ отходящимъ къ раскольниковымъ священниковъ, и слѣдственно дѣйствовать не въ смыслѣ пранительства, или остаться участниками нарушенія церковныхъ правилъ попущеніемъ нарушенія оныхъ.

V. Дать раскольниковымъ священниковъ на вышензложенномъ основаніи нельзя безъ того, чтобы не произвести въ управленіи и въ законодательствѣ запутанностей и затрудненій, не имѣющихъ исхода.

Напримѣръ, по правиламъ церковнымъ, священникъ имѣетъ право совершать таинство брака, но власть прекратить дѣйствіе сего таинства, то есть расторгнуть бракъ, принадлежитъ высшей іерархической степени епископа. Положимъ, что данъ раскольниковымъ независимый отъ епископа, священникъ, и что къ нему приходитъ прихожанинъ, по законной причинѣ, просить расторженія брака. Что будетъ дѣлать священникъ? Вопросъ сей не разрѣшимъ. Ни съ чѣмъ несообразно было бы дать раскольническому священнику власть епископскую, и даже больше епископской; потому что и епископъ не рѣшитъ расторженія брака самъ собою, но испрашиваетъ синодальнаго разрѣшенія. Положимъ, что раскольники возвратятъ епархіальному начальству бывшаго у нихъ священника, признавая его негоднымъ. Какъ будетъ судить его епархіальное начальство? Безъ изслѣдованія положиться на обвинительный извѣтъ раскольниковъ было бы незаконно, а изслѣдованіе, которое по закону надлежитъ произвести духовному начальству, въ ведоступномъ ему кругу раскольниковъ, невозможно. Можетъ случиться, что раскольники за внушенія, наклоняющія къ православію, составятъ сюпище къ оклеветанію и обвиненію священника и сдѣлаютъ епархіальное начальство орудіемъ своего мщенія.

Раскольники сами требуютъ, чтобы ихъ священники вели метрическія записи. Чаше или рѣже, но неизбѣжно случается, что метрическія записи оказываются невѣрными, а отъ сего подвергаются сомнѣнію права состоянія или право наследства. Дѣла сего рода судить епархіальное начальство. Но кто будетъ судить ихъ у раскольниковъ? Неужели учредится раскольническая консисторія? Кто будетъ утверждать ея рѣшенія? При томъ же раскольники не любятъ консисторіи. Ихъ старѣйшины простолюдныи любятъ составлять изъ себя управленіе, между прочимъ, и надъ ихъ священниками.

Такимъ образомъ открывается, что учрежденіе у раскольниковъ особыхъ священниковъ, независимыхъ отъ архіереевъ, потребовало бы новаго законоположенія о церковно-раскольническомъ устройствѣ и управленіи, во всякомъ случаѣ непримиримаго какъ съ правилами церковными, такъ и съ словомъ законовъ.

VI. Раскольники, получивъ священниковъ, зависящихъ отъ нихъ самихъ и независимыхъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, имѣли бы, во многихъ случаяхъ, выгоду предъ православными, потому что такіе священники своею зависимоścią отъ раскольниковъ были бы сильно понуждаемы угождать имъ съ пренебреженіемъ церковныхъ правилъ и законовъ, къ чему вело бы и отсутствіе надзора отъ духовной власти. Такъ, напримѣръ, бракъ несовершеннолѣтній, или въ другомъ отношеніи неправильный, легче совершить чрезъ раскольническаго, нежели чрезъ православнаго священника. Итакъ, мысль, что въ старообрядческой вѣрѣ больше удобства для разныхъ мірскихъ случаевъ, не была ли бы для невѣжествующихъ новымъ прельщеніемъ къ переходу въ расколъ, особенно при умноженіи священниковъ у раскольниковъ?

И наоборотъ, примѣръ зависимости священниковъ отъ мірянъ у раскольниковъ не распространялъ ли бы и въ православномъ народѣ расположеніе къ уклоненію отъ послушанія іерархіи и не ослаблялъ ли бы общей силы священноначалія?

VII. Если приведенныя доказательства защищаемого мною мнѣнія справедливы, каковыми они должны быть, какъ основанныя на церковныхъ правилахъ и законахъ, то необходимо заключить, что доказательства противоположнаго мнѣнія могутъ быть только благовидны, а не строго справедливы, потому что два противоположныя мнѣнія не могутъ оба вмѣстѣ быть справедливы.

VIII. Раскольники, стремясь къ неограниченной свободѣ дѣйствованія, стараются всякое ограниченіе ихъ дѣйствій представить въ видѣ притѣвленія и гоненія, и терпимость, не оберегаемая справедливостію, можетъ склониться на сей образъ воззрѣнія. Но если смотрѣть со стороны справедливости, то возбуждающее жалобы дѣйствіе правительства на раскольниковъ очень далеко отъ того, что въ древнія времена называли гоненіемъ. Если при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ строго поступлено съ раскольниками, запершимися въ Соловецкомъ монастырѣ, и при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ съ раскольниками, неистовававшими въ Кремлѣ и въ самомъ дворцѣ, это было укрощеніе мятежа, а не гоненіе. Если своевольно и противозаконно построенную раскольническую часовню не позволено починивать, а только позволено терпѣть до разрушенія силою времени, это не гоненіе, а снисхожденіе въ томъ, что незаконное не разрушено тотчасъ. Если запечатываютъ часовню за то, что она вопреки существующему заповѣдью перестроена, это не гоненіе, а неизбежное охраненіе закона, чтобы онъ не былъ презираемъ. Если раскольническаго священника берутъ къ суду за то, что совратилъ православнаго, это не гоненіе, а защищеніе господствующей церкви отъ сдѣланнаго на нее нападенія и даже снисхожденіе въ томъ, что бѣлаго не преслѣдовали за побѣгъ, а прибѣгли къ правосудію надъ нимъ только послѣ новаго преступленія. Если не дадутъ раскольникамъ священниковъ, независимыхъ отъ духовнаго начальства, раскольники не могутъ на сіе жаловаться, потому что не имѣютъ никакого права требовать священниковъ отъ церкви, къ которой сами принадлежать не хотятъ. Если бы у церкви, противъ ея правилъ, взяты были священники и отданы были на произволъ раскольникамъ, наименованіе гоненія или стѣсненія было бы здѣсь болѣе у мѣста, нежели во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ, но это было бы не въ отношеніи къ расколу, а въ отношеніи къ церкви.

Можно здѣсь указать на вѣтіе у раскольниковъ нѣкоторыхъ монастырей и обращеніе въ единоувѣрческіе. Но если бы кто возымѣлъ мысль винить сіе дѣйствіе правительства, то онъ долженъ былъ бы обвинить многіи подобныя дѣйствія благочестивыхъ защитниковъ православія, напримѣръ, онъ долженъ былъ бы обвинить императора Феодосія и святаго Григорія Богослова за то, что они отняли у аریانъ главный константинопольскій храмъ и императоръ ввелъ въ него Святителя подъ охраненіемъ воиновъ, какъ о семъ сказываетъ самъ св. Григорій. Если бы кто изъ православныхъ самовольно построилъ монастырь и безъ законнаго дозволенія постригъ въ немъ монаховъ, не уничтожила ли бы сіе законная власть, какъ скоро узнала бы? Неужели только своеволие православныхъ должно прекращать, а своеволие раскольниковъ надлежитъ оставлять неприкосновеннымъ?

IX. Избыточествующая терпимость можетъ въ слишкомъ большомъ размѣрѣ приложить къ настоящему дѣлу то неотрицаемое правило, что въ дѣлахъ вѣры и совѣсти всякое принужденіе должно быть устранено. Сводъ законовъ назначилъ приложенію сего правила снѣзаведливые предѣлы. Онъ повелеваетъ не преслѣдовать раскольниковъ за ихъ релігіозный образъ мыслей и криватное моленіе по ихъ обряду, но запрещаетъ публичное оказательство раскола и совращеніе православныхъ въ расколъ, оказывая чрезъ сіе защиту православной церкви. Предоставленіе раскольниковъ независимыхъ отъ іерархіи священниковъ принадлежало бы, конечно, не къ тому, что сводъ законовъ допускаетъ, а къ тому, что онъ запрещаетъ. Не сильнѣйшее было бы оказательство раскола формальное учрежденіе у раскольниковъ священниковъ, принадлежащихъ раскольниковъ, а не іерархіи? Въ сравненіи съ совращеніемъ въ расколъ мірянина не большее ли пріобрѣтеніе для раскола составляетъ пріобрѣтеніе православнаго священника въ собственное распоряженіе раскольниковъ?

И если признано, что въ дѣлѣ вѣры и совѣсти не должно быть принужденіе, то сіе, конечно, не для однихъ раскольниковъ, но и для православныхъ. А не было ли бы то дѣйствительнымъ принужденіемъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти, если потребовалось отъ православныхъ архіереевъ дать раскольниковъ священниковъ не по всегдашнимъ правиламъ и чину церковному, но вопреки онымъ, если бы архіерей сдѣлался только поставщикомъ священниковъ раскольниковъ и исполнителями наказаній надъ священниками, которыхъ раскольники найдутъ достойными осужденія.

X. Могутъ представить политическія соображенія, требующія того, чтобы по возможности удовлетворить раскольниковъ. Но политическія соображенія не требуютъ ли и того, чтобы предоставленіемъ раскольниковъ вольностей, какихъ не позволяютъ церковныя правила и какихъ не имѣютъ православныя, не нарушить мира церкви и не разстроить духа православнаго народонаселенія?

Политическія соображенія не требуютъ ли, чтобы не благопріятствовать стремленію раскольниковъ образовать изъ себя отдѣльное общество? А предоставивъ въ ихъ распоряженіе священниковъ и собственный надъ ними судъ и формальное образованіе приходовъ не значить ли благопріятствовать ихъ отдѣльности?

Политическія соображенія не требуютъ ли, чтобы не благопріятствовать усиленію господствующаго у раскольниковъ демократическаго начала, такъ какъ они дѣйствуютъ частію такъ называемыми попечителями, самовольно избранными, частію также самовольными совѣщательными собраніями, частію, въ особенныхъ случаяхъ, даже народными скопщиками? Но дать имъ священниковъ въ распоряженіе ихъ общества ¹⁾, независимыхъ отъ

¹⁾ Въ законѣ отношенія находятя у раскольниковъ священники къ старшійшинамъ и обществу, о томъ свидѣтельствуетъ наблюденіе надъ симъ предметомъ его сіятельства г. московскаго военнаго генералъ-губернатора, графа А. А. Закревскаго. Въ запискѣ его отъ 6 февраля сего 1849 года сказано: «довѣрію массы этой къ старшійшамъ своимъ до того неограничено, что въ глазахъ оной священникъ, не взирая на санъ свой, есть лицо второстепенное, которому они оказываютъ приверженность и уваженіе тогда только, когда соблюдаемые имъ обряды служенія одобряются старшійшинами». Примѣч. митропол. Филарета.

іерархіи, не значить ли вновь благопріятствовать демократическому началу подчиненіемъ ему начала іерархическаго?

Слово апостольское изъясняетъ иногда состояніе христіанства чрезъ уподобленіе войнству. Теперь встаетъ будетъ воспользоваться снмъ способомъ изъясненія для разсматриваемаго предмета.

Если бы военачальникъ, вида часть войска непокорною и при томъ нуждающеюся въ офицерахъ, и слыша желаніе непокорныхъ заимствовать себѣ офицеровъ изъ находящихся въ законномъ положеніи, съ изъятіемъ ихъ отъ законнаго начальства, кромѣ случая, когда непокорные возвратятъ ихъ, какъ негодныхъ, согласился на сіе, частію по надеждѣ, что вышедшіе изъ подъ власти офицеры приведутъ подъ власть непокорныхъ, частію по расчету, что недостойные офицеры разстроятъ общество непокорныхъ, какова была бы такая политика? Была ли бы сообразна съ достоинствомъ законнаго начальства, основательна и надежна? Не была ли бы предосудительна для дисциплины воинства, находящагося въ законномъ положеніи? Но такова точно была бы политика, которая дала бы раскольникамъ отъ духовнаго начальства священниковъ въ независимое отъ духовнаго начальства расворяженіе.

Если для основанія новой политики, въ отношеніи къ раскольникамъ, ищется примѣръ въ томъ, что правительство глазами политики смотритъ на переходы цѣлыми обществами въ православіе такихъ людей, которые и послѣ своего обращенія остаются также, какъ и прежде, малосвѣдущими или не свѣдущими въ евангельскомъ ученіи, то въ семъ случаѣ сравниваются предметы весьма разнородные, которыхъ потому сравненіе не общаетъ надежныхъ заключеній. При томъ, если разсмотрѣть внимательно политическій взоръ правительства, напримѣръ, на воссоединеніе съ православною церковію бывшихъ униатовъ, взоръ сей оказывается чистымъ и прямымъ; политика сія не въ противорѣчій ни съ церковными правилами, ни съ другими основаніями законнаго дѣйствованія. Когда все высшее и почти все подчиненное униатское духовенство, послѣ своихъ внутреннихъ совѣщаній и приготовленій, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ оно, приготовляя и свои пастыи къ воссоединенію, ввело уже въ своихъ церквахъ по древнему православному обычаю устроенные алтари и служеніе литургіи по чину и книгамъ, изданнымъ отъ святѣйшаго сичода, наконецъ, въ своемъ собраніи составило актъ о своей рѣшимости на воссоединеніе съ православною церковію и представило оный правительству, политика правительства, конечно, была довольна дѣломъ, столь благопріятнымъ государственному единству, но также довольна была и тѣмъ, что дѣло сіе произошло съ такою церковною правильностію, каковая только была когда либо соблюдаема въ подобномъ случаѣ. Если бы то, что при семъ поселане остались также, какъ прежде, малосвѣдущими въ христіанскомъ ученіи, почестъ заслуживающею обличенія уступкою истини политикѣ, то подобную вину надлежало бы возложить и на равноапостольнаго князя Владиміра, крестившаго кіевлянъ, и на самаго апостола Петра, который послѣ одной рѣчи къ іудеямъ о вѣрѣ Христовой тотчасъ крестилъ три тысячи своихъ слушателей, утвердись, конечно, не на недостаточномъ въ нихъ разумѣніи догматовъ, но на простомъ послушаніи вѣры.

Не такая уступка, и совсѣмъ иная политика требуется для предполагаемаго доставленія священниковъ раскольникамъ. Если, какъ изъяснился

одниъ изъ изслѣдователей сего предмета, ни приличіе, ни іерархическое достоинство не позволяютъ духовнымъ властямъ входить въ сношеніе съ раскольниками и назначать имъ поповъ, то какая же политика можетъ сіе исполнить, развѣ политика, не обращающая вниманія на приличіе, іерархическое достоинство, которая бы, мимо законности, взяла у духовныхъ властей священниковъ и отдала ихъ раскольникамъ? Нѣтъ сомнѣнія, что такая политика не въ духѣ благочестиваго правительства російскаго.

XI. Съ первыхъ годовъ текушаго столѣтія при избыточествующей вѣро-терпимости отпаденія отъ православія вообще умножились; и въ особенности расколы поповщинскій и беспоповщинскій возрасли въ числѣ послѣдователей, моленныхъ и раскольническихъ заведеній. Въ настоящее царствованіе, при ограниченіи терпимости справедливостію и предосторожностію, православіе приобрѣло отъ раскола, сколько извѣство по отчетамъ духовнаго вѣдомства, за одиннадцатъ лѣтъ 182.328 душъ, а всего за всѣ годы, конечно, не менѣе 200,000.

При предполагаемомъ обезпеченіи раскола священниками, безъ сомнѣнія, вновь умножатся отпаденія ¹⁾ и особенно надлежитъ опасаться, что поколеблются единовѣрцы, недавно примиренные съ православною церковію. Будутъ ли умѣренно дѣйствовать раскольники уже видно теперь. То, о чемъ комитетъ сей нынѣ разсуждаетъ, имъ уже извѣстно; но, получивъ только надежду на дозволеніе принимать священниковъ, они свой выборъ не съ заштатныхъ священниковъ начали и не съ незнатныхъ церковей, но съ московскаго кафедральнаго Архангельскаго собора. Сакеларія сего собора они пригласили быть священникомъ у нихъ на кладбищѣ.

Такимъ образомъ возобновленныя изслѣдованія обращаютъ меня къ прежде предложенному мною заключенію, что не представляется ни правильнымъ, ни удобнымъ, ни полезнымъ дать раскольникамъ отъ гражданскаго начальства священниковъ, независимыхъ отъ начальства духовнаго.

Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ отъ знающихъ положеніе раскольниковъ рогожскаго кладбища, въ значительномъ числѣ ихъ возникаетъ расположеніе, по смерти остающихся священниковъ, сблизиться съ православною церковію на существующихъ дониндѣ условіяхъ; и отрывается надежда, что одни образуютъ на самомъ кладбищѣ единовѣрческую церковь, а другіе присоединятся къ обще-православной церкви. Сельскіе раскольники, приглашаемые къ соединенію съ церковію, также не разъ отказывались, что ожидаютъ начатія сего отъ рогожскаго кладбища. Ничто, по моему мнѣнію, не препятствуетъ правительству продлить свою твердость въ настоящихъ правилахъ его дѣйствованія, въ ожиданіи сего недалекаго предѣла времени, и употребить стараніе воспользоваться онымъ.

Излагая сіе мнѣніе, я смотрѣлъ на подлежащій предметъ и старался не касаться сужденій объ ономъ другихъ, которымъ внимаю съ искреннимъ уваженіемъ и съ скорбію о томъ, что не могу съ убѣжденіемъ присоединиться къ онымъ. Но дабы молчаніе не послужило поводомъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, принужденнымъ себя нахожу объяснить, что не все при-

¹⁾ Особенно, если у раскольниковъ будетъ и литургія, что вѣроятно допустить гражданская власть, имѣя въ своемъ распоряженіи священниковъ, и что возбранить не такъ удобно будетъ, какъ возбраняется бѣглымъ священникамъ. Принятъ. митропол. Филарета.

звано неоспоримымъ, чего дѣйствительно не оспариваю. Такъ, напримѣръ, расколы поповщинскій и беспоповщинскій не такъ древни, какъ нѣкоторые думаютъ: расколъ поповщинскій не старѣе времени царя Алексѣя Михайловича, а беспоповщинскій еще моложе. Не точно мнѣніе, что раскольники беспоповщинскаго толка „не признаютъ наружнаго оказанія таинствъ“. Таинства крещенія и покаянія они признаютъ. Равнымъ образомъ, не точно и то мнѣніе, что они „не признаютъ каноническихъ правилъ“.

Непонятно для меня, что именно значить „приступать къ мѣропріятіямъ, возбуждающимъ тревогу совѣсти“, и въ какихъ именно дѣйствіямъ или предположеніямъ относится сіе сильное сужденіе, что „это было бы преступнымъ приготовленіемъ элементовъ къ пагубному нарушенію существующаго порядка“. Но какъ при паденіи гдѣ либо сильнаго удара, и стоящій въ сторонѣ невольнымъ движеніемъ устраняется далѣе, такъ я устраняюсь отъ наложеннаго сужденія, не имѣвъ съ моей стороны несчастія видѣть что либо близкое къ сему ни въ мѣрахъ, принятыхъ или предполагаемыхъ правительствомъ и начальствами, ни въ сужденіяхъ о сихъ мѣрахъ.

О томъ мнѣніи, что духовныя училища „далеко не соответствуютъ высокой цѣли своего назначенія“, также не вхожу въ сужденіе какъ о предметѣ, не входящемъ непосредственно въ настоящее дѣло и подлежащемъ поведенію святѣйшаго синода.

Филаретъ, м. московскій.

Читано въ засѣданіи 10-го октября 1849 года.

3.

Во мнѣніи, представленномъ мною комитету 29-го марта 1848 года, между прочимъ, предложено было призваніе для опыта бывшаго на рогожскомъ кладбищѣ, а нынѣ единовѣрческаго въ Черниговской епархіи священника Александра Арсеньева, который въ Москвѣ имѣлъ значительныхъ раскольниковъ духовными дѣтьми, и потому съ надеждою можетъ дѣйствовать для сближенія ихъ съ православною церковію¹⁾.

¹⁾ Упомянутый здѣсь Александръ Ивановичъ Арсеньевъ прежде былъ православнымъ священникомъ въ костромской епархіи. Приходъ у него былъ бѣдный, и Арсеньевъ нуждался въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ средствахъ. Прельщенный раскольниками, посулившими ему жизнь спокойную и не только безбѣдную, но даже роскошную, онъ бѣжалъ на рогожское кладбище въ 1817 году. Двадцать семь лѣтъ служилъ онъ на кладбищѣ и приобрѣлъ себѣ большое уваженіе въ средѣ раскольниковъ. Странная судьба семейства Арсеньевыхъ: служилъ онъ раскольникамъ въ то самое время, когда родной братъ его, Константинъ Ивановичъ, нашъ извѣстный ученый, преподавалъ исторію и статистику Россіи покойному государю Александру II. Александръ Ивановичъ Арсеньевъ былъ чловѣкъ съ отличными природными способностями, большой начетчикъ и отличался безупречною жванію, безукоризненною нравственностью, за то и пользовался

Опыт сей, при встрѣтившемся случаѣ, отчасти сдѣланъ. Нѣкоторые прихожане московской единовѣрческой церкви входили ко мнѣ прошеніемъ о переведеніи священника Арсеньева съ тою самою цѣлю, которую и я предполагалъ, и потомъ дали мнѣ знать о его прибытіи въ Москву въ отпускъ на два мѣсяца. На сіе было сказано мнѣ, чтобы пригласили священника Арсеньева войти въ сношеніе съ прежними духовными дѣтьми; и если окажется хотя нѣкоторый успѣхъ, подающій дальнѣйшую надежду, я буду споспѣшествовать опредѣленію его въ Москвѣ. Но просители послѣ сего ко мнѣ не являлись, и священникъ Арсеньевъ возвратился изъ Москвы гораздо прежде даннаго ему срока. На вопросъ мой, каковы были его сношенія съ прежними духовными дѣтьми и почему онъ спѣшилъ, онъ отвѣтствовалъ, что прежнія духовныя дѣти его обѣщались обратиться къ нему по смерти нынѣшняго ихъ духовника, и что ему въ Москвѣ нечего болѣе дѣлать. По другимъ свѣдѣніямъ, и единовѣрцы, и раскольники охладѣли къ нему по причинѣ открывшихся неблагопріятныхъ свѣдѣній о прежней жизни его на рогожскомъ кладбищѣ. Вѣроятно, въ семъ участвовала и надежда раскольниковъ получить священниковъ другимъ путемъ, болѣе соотвѣтственно ихъ желаніямъ.

Долгомъ почитаю довести о семъ до свѣдѣнія комитета, какъ о предметѣ, о которомъ прежде было предположеніе.

Филаретъ, м. московскій ¹⁾.

Читано въ засѣданіи 10 октября 1849 года.

онъ уваженіемъ и любовью старообрядцевъ. Духовныхъ дѣтей было у него больше чѣмъ у другихъ поповъ, особенно много было у него на духу женщинъ. Арсеньевъ былъ человѣкъ энергическій, рѣшительный; но въ то же время крайне самонадѣянный. Вслѣдствіе того, онъ нерѣдко нарушалъ условія, съ соблюденіемъ которыхъ правительствомъ дозволяло попомъ, дозволеннымъ правилами 1822 года, доживать вѣкъ свой на Рогожскомъ кладбищѣ. Въ 1833 году онъ переправилъ въ расколъ солдатку, вѣнчалъ свадьбы раише опредѣленнаго закономъ возраста, вѣнчалъ по раскольнически православныхъ и даже выдавалъ въ томъ письменныя свидѣтельства. Возникли дѣла и московскій совѣщательный о раскольникахъ комитетъ въ 1837 году постановилъ: „отослать Арсеньева на законное сужденіе къ костромскому преосвященному, въ епархію котораго онъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ бѣжалъ“. Для исполненія этого постановленія потребовали Александра Ивановича въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, но рогожцы отвѣчали полиціи, что Арсеньевъ находится въ отсутствіи, хотя отлучки рогожскихъ поповъ и были воспрещены закономъ. Дѣйствительно же Арсеньевъ не думалъ выѣзжать съ рогожскаго кладбища и жилъ спокойно въ своемъ домѣ, даже разѣзжалъ по Москвѣ въ каретѣ, но съ опущенными стопами на окнахъ. Такимъ образомъ скрытно, но, конечно, неизбежно для московской полиціи, проживалъ Александръ Ивановичъ цѣлыя семь лѣтъ, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ, наконецъ, по высочайшему повелѣнію 25 апрѣля 1834 года, былъ взятъ и отправленъ въ Кострому. Черезъ нѣсколько времени онъ, однако, обратился къ единовѣрцію и сдѣлавъ былъ протоіереемъ и благочиннымъ всѣхъ единовѣрческихъ церквей Черниговской епархіи. Связи свои съ рогожскимъ кладбищемъ онъ, однако, сохранялъ до самой смерти. Очеркъ поповщины П. И. Мельникова. «Русскій Вѣстникъ» 1866 годъ, май, стр. 54—55.

¹⁾ Изъ бумагъ редакціи „Русской Старины“.

Сдѣланный м. Филаретомъ и представленный здѣсь разборъ проекта раскольниковъ о дарованіи имъ священниковъ отъ православной церкви, но независимыхъ отъ прав. іерархіи, отличается большею полнотою и основательностію, чѣмъ разборъ, принадлежащій по всей вѣроятности также Филарету и написанный имъ въ 1838 году по поводу ходатайства екатеринбургскихъ старообрядцевъ. Филаретъ самъ придавалъ большое значеніе порученному ему с.-петербургскимъ секретнымъ комитетомъ дѣлу и отъ 11-го октября 1849 года сообщалъ своему другу, архимандриту Антонію, слѣдующее о достигнутыхъ составленною имъ запискою результатахъ. „Положите за меня, писалъ Филаретъ къ своему намѣстнику, земной поклонъ къ стопамъ преподобнаго Сергія. Хотя я и недостойнъ, однако, долженъ признать, что не совсѣмъ лишено покровительства дѣло, много озабочивавшее. Хотя мнѣніе не достигло общаго согласія, но и то уже больше ожиданія, что большая часть участвовавшихъ въ сужденіи поколебались въ противномъ мнѣніи, и больше или меньше признали справедливость предлагаемаго теперь, послѣ того, какъ прежде всѣ соединились въ противномъ“¹⁾).

Неудачи, какія терпѣли раскольники въ ходатайствахъ своихъ о дарованіи имъ отъ прав. церкви священниковъ, вызвали у нихъ попытки иного рода. У нихъ возникла мысль объ учрежденіи своей собственной іерархіи съ епископомъ во главѣ, чего они и достигли чрезъ устройство въ Австріи заграничной бѣлориничевой іерархіи, откуда они стали получать не только священниковъ, но и епископовъ. Митрополиту Филарету, прежде всѣхъ архіереевъ, пришлось считаться съ самозванными раскольническими епископами. Гражданскія власти въ данномъ случаѣ мало ему помогали, о чемъ очень много сѣтовала архипастырь и иногда повѣрялъ свои скорби архимандриту Антонію. „Оже іерархіи раскольнической, отъ незаконнаго источника, вопреки церковнымъ правиламъ происшедшей, писалъ владыка къ своему намѣстнику въ 1852 году, есть свѣдѣнія и были указанія, но не умѣютъ или не хотятъ найти злоупотребленія тѣ, которымъ сіе довѣряется... Еще бывшему генералъ-губернатору я сказалъ однажды, что изъ Буковины пришло раскольническій архиманд-

¹⁾ Письма м. Филарета къ архим. Антонію, част. II, № 712.

рить, и живетъ въ домѣ вдовы, имя рекъ. Онъ сказалъ, что справится, и потомъ сказалъ, что это домъ пустой, и что въ немъ кто-то былъ недѣли двѣ назадъ. Нынѣшнему сказалъ я, что раскольниковскій архіерей будетъ служить въ такомъ-то домѣ, въ такой-то день и часъ. Ничего не оказалось, по всей вѣроятности потому, что довѣренное лицо начальника было гораздо болѣе довѣреннымъ лицомъ раскольниковъ. Что тутъ дѣлать? Господу помолимся о заблуждающихся и о покровительствующихъ заблуждающимся“¹⁾.

Предлагаемъ вниманію читателей и другіе матеріалы по расколу или принадлежащіе митрополиту Филарету или написанные по его вызову.

4.

„Ваше превосходительство милостивый государь²⁾. Изъ входящихъ до меня по епархіальному начальству свѣдѣній открывается, что Богородскаго уѣзда, села Волны, крестьянинъ Василій Дмитріевъ Шемаркинъ, деревни Фоминной крестьяне: Федоръ Егоровъ Язевъ и Ларіонъ Никифоровъ Почининъ и деревни Мери крестьянинъ Матейъ Игнатьевъ Вшивкинъ изъ православія уклонились въ расколъ, къ чему могъ подать поводъ Язеву и Починину той-же деревни Фоминной крестьянинъ Павелъ Егоровъ Язевъ, который, оставши отъ православія и живъ съ нимъ въ сосѣдствѣ, непрестанно читаетъ имъ раскольниковскія книги, и чрезъ то увлекаетъ ихъ съ собою въ расколъ и имѣетъ дочь, около двухъ лѣтъ, крещенную въ расколѣ.

Къ возвращенію означенныхъ крестьянъ въ православіе, дѣлая по духовному вѣдомству зависящія отъ меня распоряженія, долгомъ постановилъ просить ваше превосходительство, чтобы о крестьянинѣ Павлѣ Егоровѣ Язевѣ, который, совратившись самъ, и другихъ увлекаетъ въ расколъ, читая имъ раскольниковскія книги, благоволено было распорядиться, чтобы находящіяся у него раскольниковскія книги были отобраны и представлены для разсмотрѣнія.

Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства милостиваго государя покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. московскій.

№ 26.

17-го іюня 1843 года.

Г. московскому гражданскому губернатору Н. Г. Сенинцу.

¹⁾ Письма м. Филарета къ Автоноію, часть. III, № 854 и слѣд.

²⁾ Три слѣдующіе (подъ нѣрами 4, 5 и 6) здѣсь одинъ за другимъ документы получены редакціею отъ А. Титова, скучившаго собраніе рукописей покойнаго П. П. Мельникова.

5.

„Его превосходительству, исправляющему должность московскаго гражданскаго губернатора, господину статскому совѣтнику, камеръ-геру и кавалеру Новосильцеву

Богородскаго исправника
Рапортъ.

Въ исполненіе предписанія его превосходительства господина московскаго гражданскаго губернатора, отъ 20-го іюня за № 341, отправлялся я въ деревню Фомину, въ домъ крестьянина Павла Егорова Язева, и по обыскѣ въ ономъ никакихъ книгъ у него не найдено; на спросъ-же мой, онъ отвѣчалъ мнѣ, что книги для чтенія онъ беретъ у раскольниковъ временно и читаетъ только для себя, и что дѣйствительно онъ отъ православія въ расколъ отпалъ уже 12-й годъ, находя оный лучшимъ, равно ввелъ въ оный свою жену и дѣтей; а когда я ему объяснилъ, что онъ долженъ попрежнему обратиться къ православію, то отвѣтомъ его было, что сіе случиться не прежде можетъ, когда обратятся въ оное всѣ раскольники.

Съ нимъ вмѣстѣ живутъ его родной отецъ и мать уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но отъ православія не отпали; когда я началъ спрашивать отца, почему онъ допустилъ сына своего къ расколу, онъ въ грубыхъ выраженіяхъ отвѣчалъ мнѣ, потому что „сынъ его ученый и лучше его знаетъ, что дѣлаетъ, а что онъ по старости не хочетъ самъ прилѣпляться къ расколу“, о чемъ вашему превосходительству донести честь имѣю.

Исправникъ Натучинъ.

№ 47.

23-го іюня 1843 года.

6.

„Ваше сіятельство милостивый государь! Благочинный Верейской округи, села Литвинова, священникъ Стефанъ Цвѣтковъ, по объясненію вѣдомства его, села Таширова, священника, донесъ мнѣ, что въ томъ селѣ появился раскольникъ Петръ Дмитріевъ, который неизвестно откуда пришелъ совращать его прихожанъ въ секту Неговщину или Спасово согласіе, и нѣкоторыхъ изъ прихожанъ села Таширова сталъ склонять къ своимъ мнѣніямъ, но священникъ, не давъ распространиться злу, преклонныхъ къ совѣту раскольника Дмитріева благоразумными мѣрами отвлекъ отъ заблужденія, а прочихъ прихожанъ просилъ, чтобы его, Дмитріева, поймать и представить, который, будучи пойманъ крестьяниномъ Спиридономъ Филиповымъ, представленъ приставу 2 стана Попову, который, по произведеніи о немъ слѣдствія, представилъ его, Дмитріева, какъ совратителя, въ Верейскій земскій судъ.

Довода о семъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, покорѣйше прошу васъ, милостивый государь, дабы благоволено было обратить вниманіе на

сего сектатора и къ воздержанію его отъ незаконныхъ дѣйствій принять законныя мѣры, и о послѣдующемъ меня увѣдомить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Филаретъ, митрополитъ московскій“.

№ 202.

4-го мая 1845 года.

Е. с. г. московскому военному
генералъ-губернатору.

Въ заключеніе собранія матеріаловъ о расколѣ мы помѣщаемъ еще одинъ документъ, хотя и несвязанный прямо съ личностью м. Филарета, но во всякомъ случаѣ любопытный потому, что онъ характеризуетъ взглядъ на расколъ лицъ, принадлежавшихъ въ совершенно другому направленію. Въ нашей редакціи имѣется черновой набросокъ записки о расколѣ, писанный рукою извѣстнаго К. С. Сербиновича и выражающій взглядъ на расколъ графа Протасова и его могущественной канцеляріи. Вотъ записка Сербиновича о расколѣ.

7.

„Искоренить расколы невозможно, что доказывается исторіею всѣхъ временъ и всѣхъ государствъ. Ереси начались почти съ началомъ христіанства, онѣ доказываютъ вѣру: гдѣ ея нѣтъ, тамъ индифферентизмъ.

Признать, узаконить расколъ тоже невозможно безъ потрясенія государственныхъ основъ, ибо главное начало (principe) его есть убѣжденіе въ незаконности вліянія правительства на дѣла церковныя, есть совершенная независимость церковнаго начала отъ государственной власти. Къ тому же нетерпимость раскола несовмѣстна съ нашими настоящими убѣжденіями по европейскимъ монархическимъ началамъ.

Что же остается дѣлать, если и то, и другое невозможно? Держать раскольниковъ въ видѣ толковъ, терпѣть ихъ духовное вѣрованіе съ двумя ограниченіями, въ законѣ указанными: 1) пока нѣтъ совращенія православныхъ; 2) пока нѣтъ наружнаго оказательства раскола въ соблазнъ православыимъ.

Какъ это исполнить? Гоненія личныя за вѣру несправедливы, вредны, дѣлаются даже невозможными. Долженъ измыслить одинъ законъ гражданскій—и нарушеніе двухъ вышеуказанныхъ ограниченій, и за преступленія гражданскія.

Старообрядцы не такъ безопасны для правительства, какъ представляется, ибо:

1) Старообрядцы составляютъ огромную массу; прочіе раскольники дѣлятся на тридцать и болѣе толковъ и потому никогда не составятъ значительнаго религіознаго общества;

2) Совершенная неподвижность религиозная и политическая и слѣдовательно непризнание права и законности власти, а только по необходимости факта;

3) Опасность духа пресвитеріанскаго и возможность обойтись без іерархіи, что поведетъ къ демократическимъ началамъ¹⁾;

4) Расположеніе секретное нашего духовенства непросвѣщеннаго къ старообрядчеству и темное преданіе о незаконности вліянія свѣтской власти на церковь посредствомъ синода;

5) Расколъ есть зло больше гражданское, чѣмъ духовное;

6) Единственное общество въ Россіи, явно находящееся внѣ законовъ и доселѣ находившее къ тому возможность;

7) Никакія религиозныя уступки не преклонять ихъ, ибо они не попробовали воли и не захотятъ подвергнуться власти. Мы имъ все уступаемъ, лишь бы они насъ не проклинали и признавали власть духовную въ нынѣшнемъ ея отношеніи къ власти гражданской;

8) Никакія частныя мѣры невозможны, а должно разбирать дѣло, какъ государственное, и принимать всѣ мѣры, чтобы не организовать у нихъ общества и не давать никакого центра и соединенія между разнообразными частями, стремиться всегда къ тому, чтобы они всегда оставались толкомъ, а никогда не дѣлались признанною или даже терпимою религіею, ибо нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть Россіи пойдетъ къ нимъ, и даже духовенство, что поколеблетъ политическое единство. Въ крайности даже лучше нѣкоторая терпимость бѣглыхъ поповъ, какъ людей, находящихся въ преслѣдованіи закона, смотрѣть съвозъ пальцы, какъ бы украдкою отъ закона, чѣмъ малѣйшее признаніе и видъ легальности.

Вообще думаютъ, что безпоповщина опаснѣе для государства; сомнѣвайтесь, ибо она дѣлится на тридцать толковъ и болѣе, сколько извѣстно, но вѣроятно гораздо болѣе подраздѣленій, ибо, какъ они лишаются священства и слѣдовательно закона писаннаго, то дѣлается столько толковъ, сколько отдѣльныхъ обществъ и наставниковъ, раздѣленія мнѣнія слѣдуютъ порывамъ личныхъ умствованій и страстей человеческихъ.

Противорѣчіе принимать поповъ, ставленныхъ только архіереями, и не терпѣть ихъ повновленія архіерею—можно растолковать только тѣмъ, что масса не можетъ обойтись безъ священниковъ и потому рѣшились держать бѣглыхъ поповъ, ибо больше или меньше они всегда нуждались въ нихъ, а сіе продолжается болѣе двухъ сотъ лѣтъ.

Старообрядцы, хотя признаютъ рукоположеніе архіерейское, не хотятъ упорно, чтобы ихъ священники зависѣли отъ архіереевъ, потому что они опасаются, что отъ сей зависимости скоро послѣдуетъ то, что ихъ будутъ мірскою властію принуждать дѣлать многія вещи, несоответственныя ихъ сану и старинному образу мыслей, какъ то: оспопрививаніе, леченіе или какія нибудь мірскія обязанности.

Церковь, въ смыслѣ божественнаго учрежденія, не нуждается въ союзѣ свѣтской власти, за которую много на землѣ страдала; но свѣтская власть

¹⁾ Мысль о стремленіи раскольниковъ къ демократизму составила основную идею правительственныхъ дѣйствиій царствованія Николая I. Она происходила отъ одного лишь книжнаго изученія раскола и отъ недостатка личнаго знакомства съ старообрядцами. П. И. Мельниковъ, Очерки поповщины. „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г., май стр. 72—73.

имѣть нужду въ союзѣ съ церковью, ибо отъ нея пріобрѣтаетъ свою главную силу.

Вся сила правительствъ состоитъ въ религіозномъ направленіи массъ, ибо люди верхнихъ слоевъ общества, не имѣющіе убѣжденій вѣры, не имѣютъ и монархическихъ убѣжденій. Народъ же православный въ Россіи не можетъ и постигнуть иного государя, какъ только православнаго, и никогда у насъ не признаетъ законною власть неправославную.

Не полезно священника дѣлать медикомъ, чиновникомъ или чѣмъ бы то ни было, ибо отъ того теряется характеръ священства. Этому нигдѣ примѣровъ нѣтъ. Священникъ приноситъ уже весьма большую пользу правительству, ежели поддерживаетъ религіозное чувство и церковные обычаи въ своемъ приходѣ, ибо тѣмъ поддерживаетъ единство вѣры, нераздѣльное съ единствомъ монархическимъ, и сохраняетъ моральную власть надъ народомъ.

1) Протестантское ¹⁾ направленіе въ образованіи духовенства въ первые тридцать лѣтъ сего столѣтія чрезвычайно способствовало увеличенію у насъ числа раскольниковъ и усиленію ихъ отчужденія отъ церкви.

2) Это же направленіе охледило къ священникамъ собственныхъ ихъ прихожанъ православныхъ, весьма уменьшило вліяніе блага духовенства на народъ, тогда какъ монашество еще пользуется этимъ вліяніемъ. Все сіе доказываетъ: 1) что протестантское направленіе не находитъ сочувствія въ народѣ и что народъ далекъ отъ того, чтобы слѣдовать тѣмъ пастырямъ, которые имѣютъ направленіе протестантское, и въ такомъ случаѣ, чтобы набѣгнуть вліянія реформъ, бросается въ объятія раскола; 2) что всякая мѣра, которая хотя бы и не прямо коснулась преданія или дисциплины церковной въ пользу протестантскихъ идей, непременно прибавила бы число и силу раскольниковъ, что и не разъ случалось.

1) L'éducation et la tendance protestante des prêtres dans les 30 premières années du siècle a puissamment contribué à multiplier les dissidents et à fortifier leur éloignement de l'Eglise.

2) Cette même tendance a refroidi leurs propres paroissiens orthodoxes et a bien diminué l'influence du clergé séculier sur le peuple russe, tandis que le clergé régulier l'a conservé intacte. Tout cela prouve 1° que le mouvement protestant n'a pas de chances dans le peuple, qui est loin de suivre ceux de ses pasteurs qui ont eu des tendances de réforme, et se jette alors dans les bras des dissidents pour leur échapper, 2° que toute mesure qui porterait même indirectement atteinte à la tradition ou à la discipline de l'Eglise en faveur des idées de réforme aura nécessairement pour contrecoup d'augmenter le nombre et la force des dissidents, c'est qui est arrivé bien souvent.

Правительство видитъ въ раскольникахъ смыновъ церкви, временно отъ нея отпадшихъ и впредь имѣющихъ съ нею воссоединиться.

Поэтому оно не признаетъ раскола, какъ самостоятельнаго, установившагося вѣроисповѣданія; оно терпитъ раскольниковъ въ надеждѣ на будущее ихъ воссоединеніе, ограничивая ихъ въ двухъ отношеніяхъ: воспрещеніемъ совращать православныхъ и вѣршихъ оказательствъ ереси.

¹⁾ Эта забытая мысль графа Протасова и его канцелярія. Съ нею графъ Протасовъ не разставался во все время своего оберъ-прокурорства. Записки Пальмера о русской церкви. „Странникъ“, 1883 годъ, мартъ, 491.

Изъ сего вытекаетъ два правила:

- 1) Всячески отстранять все, что можетъ придать расколу видъ законности.
- 2) Не препятствовать раскольникамъ: совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ и поступать въ ихъ частномъ быту согласно съ ихъ убъжденіями.

Смотрѣть въ гражданскихъ отношеніяхъ на обряды, совершаемые по раскольническимъ преданіямъ, съ той самой точки, съ которой на нихъ взираетъ православная церковь; поэтому не допускать раскольниковъ къ приобрѣтенію тѣхъ правъ, которыя сообщаются подъ условіемъ выполненія церковныхъ законовъ, ими вовсе не соблюдаемыхъ или соблюдаемыхъ по своему⁴.

ХІІІ.

Въ августъ 1851 года Россія праздновала двадцатипятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича. Главное празднованіе было въ Москвѣ, куда по этому случаю съѣхалась почти вся царская фамилія. Какъ разъ въ этому же времени окончена была постройкой Николаевская желѣзная дорога. Императорская фамилія тогда въ первый разъ проѣхала изъ Петербурга въ Москву по желѣзной дорогѣ. Для публики желѣзная дорога была открыта позднѣе—именно 1-го ноября 1851 года¹). Митрополитъ Филаретъ еще ранѣе того задумалъ ознаменовать празднованіе двадцатипятилѣтія со времени коронованія и священнаго миропомазанія (22 августа 1826 г.) государя, устройствомъ какаго нибудь священнаго предмета въ память этого событія. Поручивъ заблаговременно московскому фабриканту Сазикову приготовить золотое изображеніе голубя—символь третьяго лица Пресвятыя Троицы, съ императорскою поверхъ его короной и скипетромъ, а внизу съ хартією, на которой вырѣзаны молитвенныя слова, митрополитъ наканунѣ празднованія коронаціи, 21-го августа, представилъ этотъ даръ государю императору при всеподданнѣйшемъ письмѣ, въ которомъ изъяснилъ смыслъ и значеніе сего необычайнаго дара. Вотъ содержаніе сего письма:

„Благочестивѣйшій государь! Вѣрноподданное духовенство Московской церкви, признавая со всѣми вѣрноподанными благодаренія Провидѣнія Божія, ниспосланныя чрезъ ваше императорское величество въ совершившееся двадцати-пятилѣтіе вашего царствованія, принося предъ величество Божіе благо-

¹) Русскій Архивъ, 1876 г., кн. III, 175—177.

дарность свою въ молитвахъ, возымѣло притомъ желаніе ознаменовать оную приношеніемъ въ храмъ царскаго вѣнчанія и священнаго помазанія, и притомъ такъ, чтобы приношеніе сіе было и памятникомъ вѣрнопопданническихъ чувствованій для потомства.

Въ сихъ мысляхъ московское духовенство приноситъ въ соборный храмъ Пресвятыя Богородицы честнаго Ея Успенія златую дарохранительницу, устроенную въ образѣ голуби (каковая была и прежде, но утрачена въ бѣдственные дни), дабы она видима была въ алтарѣ надъ престоломъ, какъ знаменіе присутствія Святаго и освящающаго Духа.

Качество же памятника сообщаетъ сей утвари императорскій вверху вѣнецъ и скипетръ, и на хартіи молитва:

„Господи,
 благословивый
 двадцати-пяти-лѣтіе
 помазанника твоего
 Николая Перваго,
 благослови и грядущая лѣта его,
 къ миру церкви Твоея,
 ко спасенію людей твоихъ“.

Въ увѣренности, что изъявленіе вѣрнопопданническихъ чувствованій есть невозбранно, приготовленіе сдѣлано.

Впрочемъ, вѣрнопопданное московское духовенство на внесеніе сей утвари во храмъ всемирно и всеподданнѣйше дерзаетъ испрашивать всемогуществѣншаго вашего императорскаго величества соизволенія.

Благочестивѣйшій государь! вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій Филаретъ, митрополитъ московскій, со вѣрнымъ духовенствомъ. Августа 21-го дня, 1851 года.

Въ отвѣтъ на это всеподданнѣйшее письмо послѣдовалъ на имя митрополита Филарета, отъ 22-го числа, высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

Пресвященный митрополитъ московскій Филаретъ! Съ чувствомъ сердечнаго умиленія прочиталъ я ваше всеподданнѣйшее письмо, въ которомъ вы доводите до моего свѣдѣнія о желаніи московскаго духовенства принести въ соборный храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы златую дарохранительницу, въ воспоминаніе, что въ храмѣ этомъ, двадцать пять лѣтъ предъ симъ, Всевышній сподобилъ меня принять вѣнчаніе и священное помазаніе на прародительскій престолъ. Съ душевною благодарностію соизволяю на это приношеніе, видя въ немъ новое доказательство вѣрнопопданнической преданности и тѣхъ отличныхъ достоинствъ, которыя всегда украшали московское духовенство. Изъявляя вѣрному вамъ духовенству мое особенное благоволеніе, мнѣ пріятно возобновить вамъ искреннюю мою признательность за ваше высокое архиепископское служеніе православной церкви и отечеству.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю навсегда къ вамъ благоклонный.

„Николай“.

Въ Москвѣ.

Августа 22-го дня, 1851 года.

Высочайшій рескриптъ этотъ врученъ былъ митрополиту въ Успенскомъ соборѣ во время литургіи, когда онъ, во время чтенія Апостола, возсѣдалъ на горнемъ мѣстѣ.

Въ тотъ же день, при особомъ рескриптѣ, всемилостивѣйше пожалована была московскому владыкѣ драгоценная панагія, осыпанная алмазами, по случаю исполнившагося тридцатилѣтія служенія его на московской кафедрѣ и двадцатипятилѣтія въ санѣ митрополита ¹⁾).

Тотъ и другой рескриптъ препровождены были митрополитомъ къ намѣстнику Троицкой лавры, для храненія въ лаврской ризницѣ съ подобными ²⁾).

Въ связи съ только что рассказанными событіями находятся слѣдующія два письма митрополита Филарета, оба адресованныя имъ на имя оберъ-прокурора св. синода, графа Н. А. Протасова.

1.

Въ Москвѣ, августа 22, 1851 года.

„Сіятельныйшій графъ, милостивый государь! Не могу начать сего письма, не коснувшись глубочайхъ впечатлѣній отъ сихъ дней.

19-го дня, по нездоровью, я отказался отъ праздника въ Донскомъ монастырѣ ³⁾; но не могъ освободить себя отъ обязанности совершить священнослуженіе въ домовоі церкви, особенно побуждаемый къ молитвѣ мыслию, что въ сей день царское семейство въ первый разъ путешествуетъ по желѣзной дорогѣ.

Въ слѣдующій вечеръ провелъ я трудные часы, долго послѣ предсказаннаго срока не слышъ съ желѣзной дороги звуковъ, означающихъ прибытіе. Наконецъ, въ полночь обрадованъ былъ извѣстіемъ о благополучномъ прибытіи государя императора и семейства.

20-го дня было радостное срѣженіе ихъ въ Успенскомъ соборѣ. Выходя изъ собора, его величество изволилъ объявить мнѣ, что 22-го дня будетъ слушать молебное пѣніе въ семь же соборѣ. Итакъ, вотъ въ чемъ торжество, о совершившемся царскомъ двадцатипятилѣтіи! Какъ это христіански возвышенно! ⁴⁾. Забылъ было сказать, что высочайшая воля относительно краткаго прѣлѣтствія исполнена была мною, какъ только могъ я уразумѣть оную, и могу думать, что государь нашелъ оную исполненною.

¹⁾ Письма м. Филарет. къ архіеп. Тверскому Алексію, вѣд. Саввы, архіеп. Тверскаго, М., 1883, 84—87. „Московскія вѣдомости“, 1851 г., № 103.

²⁾ Письмо м. Филарета къ намѣстнику Антонію, часть III, № 826, отъ 21 октября 1851 года.

³⁾ 19-го августа въ день Донской Божіей Матери совершается крестный ходъ въ Кремль въ Донской монастырь.

⁴⁾ То же самое сообщеніе и въ подходящихъ выраженіяхъ сдѣлано митрополитомъ Филаретомъ и въ письмѣ къ намѣстнику Антонію отъ 23-го августа 1851 года. Часть III, № 821, стр. 101—102.

Потомъ, въ донесеніи, которое о такихъ случаяхъ подаетъ въ синодальную контору сакелларій, я уничтожилъ слово: рѣчь, и когда попечитель университета прислалъ просить у меня моей рѣчи, я отвѣчалъ, что не говорилъ рѣчи, а краткое привѣтствіе, которое не располагаю отдать для напечатанія, и именно просилъ не говорить въ вѣдомостяхъ, что я говорилъ рѣчь. Не знаю почему, на другой день слово рѣчь въ Вѣдомостяхъ явилось.

Сегодня величественно было шествіе государя императора съ семействомъ въ соборъ чрезъ Красное крыльцо и умилительно его моленіе въ соборѣ. Жалко, что вы не раздѣляли нашего утѣшенія. Порядокъ, сколько мнѣ кажется, былъ соблюденъ. Государь императоръ являлъ снисхожденіе. Передъ выходомъ изъ собора, похваливъ его величественную древность, позволилъ замѣнить, что нѣкоторые оклады иконъ позолоту возобновлены, а другіе требуютъ того-же. Будемъ о семъ заботиться, хотя это не безъ затрудненія, особенно въ отношеніи къ способамъ.

Для изъясненія милости государя императора ко мнѣ и ко вѣренному мнѣ духовенству нѣтъ словъ, кромѣ слова сердца къ Богу. Вчера, во время всеобщей, которую я совершалъ въ Успенскомъ соборѣ, получилъ я высочайшій рескриптъ, вашему сіятельству извѣстный, а сегодня, въ началѣ литургіи, также въ церкви, другой, состоявшійся по случаю моего всеподданнѣйшаго письма о приношеніи въ Успенскій соборъ отъ московскаго духовенства золотой дарохранительницы въ образѣ голубя надъ престоломъ, устроенной такъ, что сія утварь имѣетъ и характеръ памятника. Есть-ли успѣю, приложу сія акты при семъ, или же изволите найти ихъ при моемъ донесеніи св. синоду.

Нынѣшній же день утѣшился я полученіемъ благосклонна о письма вашего сіятельства. Не думалъ я, чтобы удостоилось воспоминавія мое немогущее двадцатипятилѣтіе, отъ котораго, не знаю, есть-ли какой плодъ церкви московской. Но когда недуманное сдѣлалось, искренно благодарю ваше сіятельство за милостивое ко мнѣ расположеніе. Господь да воздастъ вамъ своими благословеніями за дѣятельное попеченіе о пользахъ церкви и о утѣшеніи служащихъ ей.

Бесѣдовалъ я съ Константиномъ Стефановичемъ. Повѣрьте, что я очень скорблю о моей медленности по нѣкоторымъ дѣламъ, но постою и меня мнѣ необходимыми дѣлами, не умѣю быть исправнѣе. Желая и постараюсь¹⁾.

Усердно призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почте-

¹⁾ Дѣйствительно, митрополита Филарета синодъ положительно осаждалъ разного рода порученіями и по преимуществу самого затруднительнаго и щекотливаго свойства. «Больше даютъ дѣла, нежели хочеть и можетъ сдѣлать моя лѣность, — такъ писалъ м. Филаретъ къ своему намѣстнику Антонію въ письмѣ отъ 28-го февраля 1849 года, — одинъ архіерей затрудняется носить ли двоенцу стихарь, мнѣ присылають указъ, чтобы я отвѣчалъ ему на сіе затрудненіе. Одинъ губернаторъ замѣтилъ, что въ мѣстѣ замерзають люди, не находя пути въ село, я долженъ сказать: не звонить ли въ колоколъ. Въ обихѣ столицахъ хотять отдать откущика погребеніе; мнѣ приходится разбирать дѣло, и объяснять, что будетъ ропотъ на откущика и на начальство. Одинъ архіерей написалъ исторію русской церкви; меня спрашиваютъ, не надобно ли ее поправить, и дабы я не лѣнился отвѣчать, прибавляютъ, что о семъ знаетъ государь императоръ. А я все не умѣю снѣшить. Простите празднословіе». — (Письма Филарета къ Антонію, часть II, № 680).

ниемъ и преданностию имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя и благодѣтеля, покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. московскій⁴.

Помѣта: п. 23-го августа.

2.

Августа 23-го, 1851 года.

„Относительно дарохранительницы, принесенной отъ московскаго духовенства въ Успенскій соборъ, не излишнимъ считаю сообщить вашему сіятельству свѣдѣніе о ходѣ сего дѣла.

Мысль пришла мнѣ¹⁾. Я сообщилъ ее старшему духовенству и благочиннымъ, и спросилъ: желаютъ ли, чтобы она исполнена была отъ общаго нашего имени, отъ имени московскаго духовенства? Они обрадовались, и изъявили жаркое желаніе. Я отвѣчалъ, что сего для меня довольно, мнѣ только и нужно было знать общее желаніе: о средствахъ исполнить моя забота; пусть узнаютъ о семъ и прочіе и присоединятся къ сему желанію, въ чемъ и не сомнѣваюсь. Такъ поступилъ я, и не открылъ подписки для приношеній и не принялъ никакихъ приношеній (хотя совершенно увѣренъ былъ въ готовности на сіе духовенства, мнѣ вѣрнѣшаго), по той причинѣ, что сомнѣвался, имѣю ли право открыть подписку и принять приношенія, безъ высшаго разрѣшенія, а разрѣшенія испрашивать не было уже времени. Мысль мнѣ пришла не рано и едва оставалось довольно времени для работы, и я получилъ дарохранительницу отъ мастера уже 20-го дня, почему рапѣе 21-го и всеподданнѣйшаго письма не могъ представить; но видно Богъ благословилъ наше смиренное желаніе, и сердце цареву отверзлось къ намъ такъ милостиво, какъ не дерзали мы помыслить. Завтра, въ день святителя Петра, располагаюсь соборно принести Господу Богу благодарственное моленіе за милостивое царское слово къ московскому духовенству.

Филаретъ, м. московскій²⁾.

Митрополитъ Филаретъ высоко ставилъ то благосклонное вниманіе, какое выразилъ къ нему императоръ Николай Павловичъ, въ бытность свою въ Москвѣ въ августѣ 1851 года. Это происходило, главнымъ образомъ, отъ того, что графъ Протасовъ своими интригами надолго счумѣлъ охладить доброе чувство государя къ московскому первосвятителю. „Одно изъ пріятныхъ для меня воспоминаній прошедшаго года“, писалъ митрополитъ

¹⁾ Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ архимандриту Антонію, митрополитъ Филаретъ писалъ по этому самому поводу: «Благодарю васъ, что поддержали родившуюся у меня мысль о дарохранительницѣ и способствовали ея исполненію. 20-го дня получилъ я оную, 21-го представилъ о ней государю императору всеподданнѣйшее письмо; вечеромъ, находясь въ Успенскомъ соборѣ на всенощной, получивъ высочайшій рескриптъ и милость, а вчера во время литургіи другой, въ которомъ государь проявляетъ свое благоволеніе московскому духовенству. Завтра мы соборомъ благодаримъ Бога. Письмо къ Антонію отъ 23-го авг. 1851 г. Часть III, № 821, стр. 101—102.

²⁾ Оба письма Филарета къ Протасову печатаются со списковъ, полученныхъ редакціею отъ покойнаго Е. С. Сербиновича.

Филаретъ къ архіепископу Алексію въ концѣ 1851 года, „естъ то, что Богъ далъ мнѣ мысль, которая и вѣрнопопданническому чувству къ благочестивѣйшему государю соответственнымъ моему положенію образомъ удовлетворила, и всему собору вѣренныхъ мнѣ братій и сослужителей благое царское слово приобрѣла“ ¹⁾.

XIV.

Въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ въ Россіи, благодаря западной Европѣ, сталъ распространяться спиритизмъ, который въ то время назывался просто стологаданіемъ. Поклонниковъ моднаго увлеченія явилось множество, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Митрополитъ Филаретъ, вообще внимательно относившійся ко всѣмъ новымъ явленіямъ, очень скоро получилъ довольно подробныя свѣдѣнія о стологадателяхъ. Съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ Филаретъ былъ знакомъ лично, и вотъ въ какихъ чертахъ описываетъ онъ одного изъ нихъ въ своихъ письмахъ къ намѣстнику о. Антонію.

„Вы помните, пишетъ Филаретъ къ Антонію отъ 6 ноября 1854 году, что я рассказывалъ вамъ о помѣщикѣ стологадатель, которому я совѣтовалъ прекратить сіе занятіе, но который продолжалъ оное. Кромѣ любопытства, кажется, привязывало его къ сему то, что онъ по рецентамъ стола успѣшно лечилъ больныхъ. Но вотъ исходъ. Сегодня пришелъ ко мнѣ братъ его и рассказалъ слѣдующее. Стологадатель по наставленію стола лечилъ дѣвочку, но ей становилось хуже. Наконецъ, онъ спросилъ у стола, что это значить. Столъ сказалъ, что дѣвочка черезъ нѣсколько дней умретъ и потомъ черезъ три дня воскреснетъ. Дѣвочка умерла, но не воскресла, а стологадатель и сестра его, участвовавшая въ томъ-же, повредились въ умѣ. Больнаго привезли сюда, чтобы отдать ко врачу по роду болѣзни, но его крестьяне, которые его любятъ, боятся, что ему будетъ хуже отъ мысли о умоповрежденіи; думаютъ, что онъ испорченъ, и брата его не знаю зачѣмъ прислали ко мнѣ. Я совѣтовалъ повезти его къ преподобному Сергію“ ²⁾.

Поклонники спиритизма проникли даже въ духовныя академіи. „Духъ прелести дышетъ сильно, читаемъ мы въ письмахъ Филарета къ Антонію отъ 28 января 1854 г., Андрей Николаевичъ пишетъ ко мнѣ, что крестникъ его, еврей Левисонъ, профессоръ петербургской академіи, проповѣдуетъ царство Христово тысячекратнее на земли, и написалъ статью о столахъ, въ которой го-

¹⁾ Письма митрополита Филарета къ архіепископу Алексію, стр. 84.

²⁾ Письма м. Филарета къ Антонію, ч. III, № 1007.

ворить о путешествіи душъ изъ тѣла съ звѣзды на звѣзду на магнитной нити перваго духа“ ¹⁾).

Митрополитъ Филаретъ серьезно взглянулъ на стологаданіе и по вызову одного изъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ, скрытаго имъ подъ буквами В. Д. О., въ письмѣ къ нему отъ 29-го октября 1853 года разобралъ вредъ стологаданія съ религиозно-нравственной точки зрѣнія. Вотъ выписка изъ этого письма, спеціально посвященная разсмотрѣнію вреда стологаданія. Находящійся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“ списокъ съ этой выписки имѣетъ нѣкоторыя разночтенія съ выпискою, напечатанною у Н. В. Сушкова ²⁾.

„О стологаданіи печально слышать, что многіе, какъ дѣти на новую игрушку, бросились на оное, не подумавъ, что это за игрушка, и чѣмъ кончиться можетъ игра. Раздѣлю ваше мнѣніе, что занятіе сіе непозволительно.

Представимъ себѣ, что снѣгъ въ домѣ отца, имѣя свободу пользоваться всѣмъ, что ему нужно, и многимъ, что пріятно, недовольствуется снѣгъ, и встрѣтивъ хранилище, отъ котораго ему не дано ключа, поддѣлываетъ ключъ, и отправляетъ оное, положимъ, не для того, чтобы украсть, а только чтобы посмотреть, что тамъ скрыто? Не есть ли это неблагородно? Не должно ли быть совѣстно сыну? Не должно ли быть непріятно отцу? Вотъ судъ о всякомъ гаданіи или ворожбѣ, въ томъ числѣ и о стологаданіи, по самому простому взгляду на сіе дѣло.

Но если внимательно посмотримъ на опыты, судъ долженъ сдѣлаться строже.

Я не любопытствую, но общее любопытство, и въ нѣкоторыхъ желаніе знать истину и остережся отъ лжи и вреда приведенъ въ такое движеніе, что до меня сами собою доходятъ многія свѣдѣнія о стологадательныхъ опытахъ, и притомъ такими путями, что нельзя сомнѣваться о истинѣ сихъ свѣдѣній.

Столъ назначилъ, за нѣсколько мѣсяцевъ, день въ сентябрѣ, въ который должно случиться важное происшествіе, день прошель, и происшествія не случилось. Что если-бы, при вѣрѣ въ стологаданіе, вздумали сдѣлать какія нибудь распоряженія, соотвѣтственныя предсказанному происшествію? Это необходимо кончилось-бы стыдомъ, а могло кончиться и вредомъ.

Предъ однимъ страстнымъ стологадателемъ столъ оклеветалъ жену его. Теперь, говорятъ, борющійся съ подозрѣніемъ мужъ и оскорбленная жена проводятъ бессонныя ночи.

Сихъ немногихъ опытовъ довольно, чтобы понять, какъ много виновны и какъ ведутъ себя въ наказанію непокоряющіеся премудрому и благому Богу, запершему отъ насъ сокровенное и будущее, и покушающіеся отпереть оное поддѣльными ключами.

Но это не все. Стологадатели поняли, что дерево не можетъ понимать

¹⁾ Письма м. Филарета къ Антонію, часть III, № 971. Все это повтор. въ письмахъ къ Муравьеву, 446—448.

²⁾ Записки о жизни м. Филарета. Приложение, стр. 67—68.

вопросовъ и давать сообразные съ вопросами отвѣты. Посему они спрашивали, кто имъ отвѣчаетъ, и многіе изъ нихъ получили имена разныхъ умершихъ.

Теперь спрашивается: дѣйствительно ли стологадателямъ отвѣчаютъ души умершихъ, которыхъ имена имъ объявляются, или имена сіи употребляются ложно, и подъ ними скрываются нѣкіе неизвѣстные? Въ семь послѣднемъ случаѣ сіи неизвѣстные суть лжецы, приписывающіе себѣ чужія имена, но ложь не принадлежитъ чистымъ существамъ, отецъ жеи есть дѣволъ. Итакъ стологадатели должны осторожно размыслить, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и отъ кого хотятъ узнать сокровенное. Здѣсь можно вспомнить наставленіе преподобнаго Антонія Великаго относительно демоновъ: если выдають они себя за предсказателей, никто да не прилѣпляется къ нимъ.

Но если отвѣчающіе стологадателямъ суть дѣйствительно умершіе, то судъ о семь дѣлѣ давно произнесенъ самимъ Богомъ, чрезъ пророка Моисея, въ 18-й главѣ книги Второзаконія: да не навывкнеша творити по мерзостемъ языковъ твоихъ: да не обрящется въ тебѣ очищая сына своего и дщерь свою огнемъ, волхвуй волхвованіемъ и чаруй и птицеволшебствуй чародей, и обаяя обаваніемъ, утробоволхвуй, и знамено смотритель, и вопрошай мертвыхъ: есть бо мерзость Господеви всякъ творяй сія, сихъ-бо ради мерзостей потребитъ я Господь Богъ твой отъ лица твоего. Знають-ли сей судъ столовоолхвователи, вопрошающіе мертвыхъ? Помышляютъ-ли, какому строгому осужденію подлежатъ дѣла ихъ? Оно причисляется къ мерзостямъ, за которыя хананейскіе народы Богъ осудилъ на истребленіе.

Если бы кто изъ стологадателей сказалъ, что не домогается бесѣды съ мертвыми, а просто отъ стола получаетъ знаки въ разрѣшеніе вопросовъ любопытства или надобности, справедливость требуетъ сказать и сему: неправъ и ты. Ты не знаешь, кто тебѣ отвѣчаетъ, но знаешь, что дерево отвѣчать не можетъ, слѣдовательно ты долженъ заключить, что неизвѣстный тебѣ отвѣчающій есть огнь изъ тѣхъ, которые наименовали себя другимъ при подобныхъ опытахъ.

Въ четвертой главѣ пророчества Осіи читается слѣдующее изреченіе: въ знаменіихъ вопрошаху, и въ жезлѣхъ своихъ повѣдаху тѣмъ. Исте съ еврейскаго: народъ мой дерево свое вопрошаетъ, и жезлъ его отвѣчаетъ ему. Пророкъ показываетъ два вида гаданія: дровомъ и жезломъ. Подъ именемъ древа, безъ сомнѣнія, разумѣются деревянные идолы, отъ которыхъ неизвѣстными намъ приемами получаемы были отвѣты (Суд , XVIII. 5, 6); очевидно, дѣло это богопротивное, какъ соединенное съ идолопоклонствомъ. Подъ именемъ жезла отвѣчающаго разумѣется гаданіе: посредствомъ жезловъ, по примѣтамъ, на которую сторону они падаютъ, бывъ поставлены, или ложатся ли замѣченной стороною вверхъ или внизъ и проч., что называлось жезлогаданіемъ или жезловолхвованіемъ. Хотя въ семь второмъ видѣ гаданія не видно отношенія къ идолопоклонству, однако, онъ вмѣстѣ съ первымъ осужденъ пророкомъ, какъ пзмѣна истинному Богу: Духомъ блуженія прельстишася и соблудиша отъ Бога своего.

Отъ сего обвиненія не можетъ вернуться стологаданіе, какъ бы ни старалось оно изъяснить себя легкимъ и благовиднымъ образомъ.

Для тѣхъ, которые смотрятъ на стологаданіе, какъ на новое открытіе неизвѣстной до нынѣ силы въ природѣ, и на семь, можетъ быть, думаютъ основать для себя законное право продолженія надъ нею изслѣдованія, не

безнолезно замѣтить, что ихъ дѣлу не принадлежитъ честь не только разумнаго, но и случайнаго новаго открытія въ природѣ; они только какимъ-то образомъ пробрались въ область стараго языческаго суевѣрія. Тертуліанъ въ 22 главѣ своей апологіи христіанства, обличая мечты языческой магіи (*magia phantasmata*) и приписывая ихъ дѣйствию демоновъ, говоритъ: *per quos et cargae et mensae divinae consueverunt*; чрезъ нихъ и козы и столы обыкновенно производятъ гаданія. Онъ только не объясняетъ, какіе приемы употреблялись, чтобы столы способствовали гаданіямъ.

Скажетъ-ли кто, что его столъ говоритъ нѣчто достойное принятія, — не должно и симъ прельщаться. Духъ пытливый въ отроковидѣ города Филлипова говорилъ о Павлѣ и Силѣ, повидимому, достойное пріятія: сіи чловѣды рабы Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія (Дѣян., XVI, 17), но апостолъ не только не былъ симъ доволенъ, но и не могъ перенести сего съ терпѣніемъ, онъ изгналъ духа.

Простите, что я разговорился. Для васъ сіе не нужно, но можетъ быть симъ возбудится ваше вниманіе, чтобы ближнему, могущему принять, подать совѣтъ премудраго: вышнихъ себя не ищи, и крѣпльшихъ себѣ не испытуй; яже ти повелѣна сіа разумѣвай; нѣсть бо ти потреба тайныхъ. Во избытцѣхъ дѣлъ твоихъ не любопытствуй; ящшая бо разума чловѣческаго показана тебѣ суть. Многи бо прельсти мнѣнія ихъ и мнѣніе лукаво погуби мысль ихъ. Свр., III, 24.

На другой день по отсылкѣ въ С.-Петербургъ письма съ разсужденіемъ о стологаданіи, митрополитъ Филаретъ писалъ въ лавру архимандриту Антонію:

„Слышите, думаю, о ворожбѣ столами. Въ Петербургѣ, въ Парижѣ и въ Москвѣ столы говорятъ, что чрезъ нихъ говорятъ умершіе. Посылаю вамъ выписку изъ письма, которое мнѣ случилось писать о семъ въ Петербургъ; скажите мнѣ, какъ это вамъ покажется и не годится ли, чтобы сдѣлать сіе извѣстнымъ для остереженія могущихъ принять остереженіе? На сихъ дняхъ мнѣ попалась французская книга, къ которой пишется, что въ Америкѣ стологадатели считаются многими тысячами и соединены въ общества, и что столы проповѣдуютъ преобразование христіанства и государствъ таеъ, какъ мудрецы 1848 года“.

Между тѣмъ письмо Филарета о стологаданіи въ Петербургѣ имѣло большой успѣхъ. Авторъ письма отъ 10 ноября того-же года сообщалъ своему другу:

„Мнѣ пишутъ, что выписку изъ письма о стологаданіи слушала государыня цесаревна ¹⁾ и изъявила удовольствіе и велѣла благодарить меня и представить ей два списка, одинъ для нея, а другой, чтобы послать государынѣ императрицѣ въ Гатчино. Слава Богу, что ея высочество христіански видитъ вещи. Помолитесь, чтобы въ Гатчинѣ благимъ окомъ посмотрѣли и не прогѣвались на меня. При печатаніи выписки я перемѣнилъ нѣкоторыя выра-

¹⁾ Покойная государыня Марія Александровна.

женія, чтобы они не такъ прямо указывали на гадателей, изъ которыхъ одного мнѣ недавно назвали. Печатные экземпляры вамъ доставятся*.

Въ другомъ письмѣ отъ 14 декабря Филаретъ писалъ:

„О стологаданіи писала мнѣ изъ Петербурга Татьяна Борисовна ¹⁾, что многіе вразумились и оставили сіе. Но нельзя не опасаться, что люди, которые не суть чада послушанія, не оставятъ слѣдовать любопытству и страстямъ, и трудно угадать куда дойдутъ. К. С. М. ²⁾ прислалъ мнѣ на сихъ дняхъ книжку французскаго журнала подъ заглавіемъ: Мода, въ которомъ по странному смѣшенію дѣлъ и понатій пишутъ о дѣлахъ религіи и церкви. Въ сей книжкѣ напечатано письмо о вызываніи духовъ посредствомъ столовъ. Писатель говоритъ, что онъ повѣрилъ возможности сего только по строгому личному изслѣдованію. Рассказываетъ примѣръ, что посредствомъ стола одинъ за двѣнадцать лѣтъ умершій просилъ отслужить за него семь литургій“.

Напечатанная м. Филаретомъ выписка о стологаданіи разошлась до того быстро, что авторъ ея не могъ снабдить, хотя и обѣщалъ, такого дорогаго для него и довѣреннаго человѣка, каковъ былъ его духовникъ, намѣстникъ Лавры, архимандритъ Анатолій:

„Вы требовали, писалъ ему Филаретъ отъ 4 декабря 1853 г., выписки изъ письма о стологаданіи. Хотя было напечатано 1,200 экз., однако, у меня осталось уже очень мало и изъ сихъ еще нужно послать въ нѣкоторые уѣздные города. И потому нечего послать вамъ“ ³⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Филаретъ, митрополитъ Московскій.

Къ его жизнеописанію.

Когда доложили императору Николаю Павловичу замысловатый отвѣтъ Филарета, изъ котораго, однако-жъ, можно было заключить, что онъ затрудняется освятить триумфальныя ворота только потому, что на нихъ изображены іероглифы и разныя звѣрообразныя фигуры,

— „Понимаю, сказалъ государь, передайте-же ему, что я не Петръ Великій, а онъ не Митрофаній угодникъ, и распорядитесь, чтобы безъ всякой особой церемоніи военное духовенство исполнило этотъ обрядъ“.

Сообщ. І. В. Локвицкій.

Тихвинъ.

7-го февраля 1886 г.

¹⁾ Потемкина.

²⁾ Голицынъ.

³⁾ Письма м. Филарета къ Антонію, часть III, №№ 946, 949, 950 и 957.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ И КОРОЛЬ ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ IV

въ 1840 г.

Изъ Записокъ Федора Яковлевича Мирковича.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1840 года императоръ Николай Павловичъ, проѣздомъ изъ Кіева въ Варшаву, остановился въ Брестѣ-Литовскомъ для осмотра крѣпости. На встрѣчу государю прибыли въ Брестъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ, намістникъ въ Царствѣ Польскомъ, и вновь назначенный виленскій генералъ-губернаторъ генералъ Мирковичъ.

Въ кратковременное свое пребываніе въ Брестѣ, государь не ограничился осмотромъ казармъ, арсеналовъ и прочихъ заведеній крѣпости, но пожелалъ ознакомиться съ положеніемъ края и подробно разспрашивалъ новаго генералъ-губернатора о дѣлахъ, при чемъ высказывалъ и свои взгляды по многимъ важнымъ вопросамъ. Тогда же онъ возложилъ на генерала Мирковича порученіе отправиться въ Кенигсбергъ, для привѣтствованія короля прусскаго Фридриха-Вильгельма IV, по случаю торжества принсенія ему присяги.

Обстоятельства эти подробно описаны въ помещаемомъ здѣсь отрывкѣ изъ дневника генерала Мирковича, веденнаго имъ въ августѣ 1840 года.

Федоръ Яковлевичъ Мирковичъ, во время продолжительной своей служебной дѣятельности, былъ свидѣтелемъ и участникомъ многихъ событій первой половины текущаго столѣтія. Молодымъ офицеромъ съ совершилъ походы 1812 и 1814 годовъ; впоследствии былъ призванъ къ дѣятельности государственной, занимая должности вице-предсѣдателя дивановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи съ 1828 г. по 1834-й и виленскаго генералъ-губернатора — съ 1840 по 1850-й годъ. Кроме того, онъ принималъ живое участіе въ развитіи нашихъ военно-учебныхъ заведеній, будучи директоромъ 2-го кадетскаго корпуса съ 1834 по 1840-й годъ и подъ жнецъ своей жизни

членомъ совѣта и инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній. По всѣмъ этимъ отраслямъ своей дѣятельности Федоръ Яковлевичъ оставилъ записки и бумаги.

Федоръ Яковлевичъ Мирковичъ скончался 4-го мая 1866 г., на 78 году отъ рожденія, въ г. Луцѣ, и погребенъ въ Троицко-Сергіевой пустынь, близъ Спб.

М. М.

Г. Рига.
Мартъ 1886 года.

I.

13-го августа 1840. Съ ранняго утра все ждало фельдмаршала: почетный караулъ и всѣ военные. Я отправился къ княгинѣ Паскевичъ ¹⁾ въ 8 часовъ утра. Она уже была готова и тотчасъ меня приняла, около получаса разговаривала со мною и, между прочимъ, воснузася о предстоящемъ приѣздѣ императрицы въ Варшаву и о затрудненіи представить ей дамъ въ русскихъ платьяхъ. Въ 9 часовъ княгиня, видя, что фельдмаршала еще нѣтъ, сказала мнѣ: „j'étais sûre qu'il ne viendrait pas“, и отправилась въ дальнѣйшій путь. Я опять поѣхалъ домой ожидать извѣстія, чрезъ передоваго, о приѣздѣ князя. Въ 11 часовъ пришло это извѣстіе и всѣ собрались на квартиру фельдмаршала, для встрѣчи. По приѣмѣ почетнаго караула, князь направился въ свои покои и, увидѣвъ меня у лѣстницы, съ рапортомъ, поздоровался со мною, пожавъ мнѣ руку, и повелъ съ собою, по лѣстницѣ. Взойдя на верхъ и сказавъ нѣсколько словъ генералу Малиновскому, командующему корпусомъ, мнѣ и генераль-лейтенанту Берникову (начальнику дивизіи), принялъ въ залѣ ординарцевъ. Затѣмъ онъ всѣхъ отпустилъ, а меня позвалъ въ особую комнату и сталъ спрашивать о духѣ края и о дѣлахъ слѣдственной комиссіи.

Разговоръ его со мною былъ откровенный и пріязненный.

Князь высказывалъ свое мнѣніе о полякахъ и объяснялъ правила, коими онъ руководствуется, чтобы ихъ держать въ порядѣ.

¹⁾ Княгиня Паскевичъ ѣхала пѣз своихъ имѣній въ Варшаву и предполагала въ Брестѣ встрѣтить князя.

Оставивъ князя, я возвратился домой и принялся за пишу дѣлъ, меня ожидавшихъ, а полковнику Ушакову поручилъ доложить князю, что обѣдъ для него приготовленъ и что я прошу обѣдъ этотъ отъ меня принять. Вслѣдъ за симъ я получилъ отвѣтъ князя, что онъ благодарить за предложеніе и просить назначить обѣдъ въ 5 часовъ, а приглашенія къ обѣду сдѣлать по моему назначенію.

Около 2 часовъ, пока я сидѣлъ за бумагами, совершенно неожиданно, князь пришелъ ко мнѣ пѣшкомъ и пробылъ у меня съ полчаса; былъ очень любезенъ, разговорчивъ и особенно ко мнѣ внимателенъ. Въ 5 часовъ собрались къ фельдмаршалу обѣдать человѣкъ двадцать. Князь, спросивъ гдѣ ему садиться, посадилъ по правую сторону Малиновскаго, а по лѣвую меня.

За столомъ общаго разговора не было, но, подъ конецъ обѣда, князь, вспоминая о разныхъ сраженіяхъ, говорилъ пріятно и съ жаромъ. Когда всѣ разошлись по домамъ, я занялся новыми распоряженіями въ ожиданіи приѣзда государя императора, такъ какъ отъ фельдмаршала узналъ, что его величество и государь наслѣдникъ цесаревичъ изволятъ слѣдовать въ одно время съ императрицею.

14-го августа. Съ 7 часовъ до 9 я занимался дѣлами. Потомъ поѣхалъ къ фельдмаршалу, но не засталъ его дома; онъ пошелъ пѣшкомъ осматривать казармы. Догнавъ его, я съ нимъ обходилъ крѣпость и, возвратившись ко дворцу, мы узнали, что кухня государева уже приѣхала. Князь сталъ разспрашивать Жибона ¹⁾, когда онъ выѣхалъ, когда государь назначилъ свой выѣздъ, и соображать съ большою заботливостію, въ которомъ часу можетъ прибыть императоръ. По расчету выходило, что государь не можетъ приѣхать ранѣе седьмого часа, но заботливый князь пригласилъ насъ обѣдать къ себѣ въ часъ, въ полной формѣ, чтобы быть увѣреннымъ, что никто не опоздаетъ къ встрѣчѣ. Мы собрались къ столу въ назначенное время. Князь посадилъ меня съ правой стороны, а Малиновскаго съ лѣвой; обѣдъ шелъ очень скоро. Съ послѣднимъ блюдомъ одинъ изъ лакеевъ входитъ съ поспѣшностію и говоритъ: „Государь ѣдетъ!“ Фельдмаршалъ

¹⁾ Повара государя

вскочилъ, закричалъ: „шляпу!“ и побѣжалъ съ лѣстницы. Мы всѣ за нимъ; смотримъ во всѣ стороны, спрашиваемъ, кто привезъ извѣстiе, — никто ничего не знаетъ. Вышла фальшивая тревога. Однако, фельдмаршалъ и всѣ мы оставались съ полчаса на плацу въ ожиданiи.

Въ 6 часовъ государь изволилъ прiѣхать съ наследникомъ. Поздоровавшись съ фельдмаршаломъ и обнявъ его, онъ обошелъ почетный караулъ, поздоровался съ людьми, поклонился генераламъ и слѣдовалъ въ покои. Я стоялъ у крыльца, чтобы представить государю рапортъ. Его величество, принявъ рапортъ, изволилъ взять меня за руку, войти со мною до лѣстницы и спросить: „здоровъ ли ты? что у тебя дѣлается?“

Выслушавъ мои отвѣты, государь обратился къ фельдмаршалу, взявъ его подъ руку, взомель на верхъ и осматривалъ покои дворца, которыхъ еще не видѣлъ.

Потомъ остановился въ угловой комнатѣ съ наследникомъ и фельдмаршаломъ и позвалъ генерала Дена ¹⁾ и строителя укрѣпленiй инженернаго полковника.

Императоръ спрашивалъ въ полной подробности о крѣпостныхъ работахъ и разсматривалъ планы.

Между тѣмъ мы всѣ ожидали въ большой залѣ возлѣ той комнаты. Когда это кончилось, государь отпустилъ князя и пошелъ въ кабинетъ; всѣ разошлись и я собирался уйти, какъ вдругъ наследникъ изволилъ возвратиться въ залу и сказалъ: „генералъ Мирковичъ, пожалуйста къ государю“. Я вошелъ въ кабинетъ. Императоръ стоялъ посреди комнаты. Онъ подаль мнѣ руку и затѣмъ сѣлъ на диванъ, передъ которымъ стоялъ столъ съ чайнымъ приборомъ. Наследникъ сѣлъ съ боку, на стулѣ.

Государь предложилъ мнѣ чаю и тутъ начался слѣдующiй памятно мнѣ разговоръ.

— „Ну, рассказывай, что у тебя дѣлается?“

— „Слава Богу, государь, все благополучно, я уже объѣхалъ и осмотрѣлъ всю Минскую губернiю и большую часть Гродненской и вездѣ нашелъ все совершенно спокойно, въ чемъ получилъ и удостоенiя губернаторовъ. Слѣдственная коммисiя съ величайшимъ

¹⁾ Начальникъ инженеровъ армiи.

вниманіемъ преслѣдуетъ свое дѣло, но до сего времени ни одно замѣчательное лицо не подверглось сомнѣнію: кромѣ студентовъ и молодежи, никто тутъ не замѣченъ и кажется, что все это окончится школьничьимъ замысломъ. Духъ этихъ лицъ весьма нехорошъ, но слѣдовъ заговора или тайнаго общества никакихъ не усматривается“.

— „Слава Богу!“

„По моему мнѣнію, ваше величество, намъ заговоръ страшить нечего: поляки слишкомъ научены къ какому результату они ведутъ и, при всей легкомысленности ихъ, не легко будетъ къ тому ихъ подбить. Пропаганда ограничивается нынѣ распространеніемъ своихъ правилъ между молодежью, которую легче соблазнить и обмануть; но настоящіе замыслы поляковъ хитрѣе и опаснѣе: они рѣшились, особенно женщины, питать въ дѣтяхъ ненависть къ намъ и поддерживать мечты своей національности. Я считаю, что теперь, болѣе чѣмъ когда либо, правительство должно взять въ свои руки дѣло воспитанія и онимъ рѣшительно управлять. Открытыя заведенія не принесутъ плода. Министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало величайшія усилія для здѣшняго края, обставило свои заведенія отличными людьми (я вездѣ осматривалъ училища и вездѣ нашелъ людей достойныхъ), ввело русскій языкъ основательно, — но далѣе ничего не можетъ сдѣлать въ нравственномъ отношеніи, ибо то, что юношеству внушается въ классахъ, уничтожается въ родительскихъ домахъ и мы остаемся на той же точкѣ. Здѣсь необходимы закрытыя заведенія, отъ которыхъ только должно ожидать образованія новаго поколѣнія людей“.

— „Я съ тобою совершенно согласенъ, но гдѣ мнѣ взять денегъ? Я этого не могу никакъ сдѣлать; средства не позволяютъ. Пусть они дадутъ денегъ, я буду очень радъ имъ кадетскій корпусъ устроить“.

„Я желалъ только знать мнѣніе вашего величества. Въ согласіи дворянства я почти увѣренъ, ибо изъ разговоровъ съ ними видѣлъ, что они отъ этого не откажутся, и ежели позволите мнѣ дѣйствовать, я надѣюсь съ успѣхомъ исполнить ваше намѣреніе“.

— „Прошу тебя. Я увѣренъ, что это принесетъ пользу. Я нынѣ видѣлъ Полоцкій корпусъ. Прекрасный“.

„Вы изволили быть довольны, государь?“

— „Весьма и весьма доволенъ. Да вѣдь и ты, кажется, тамъ былъ. Какъ ты туда попалъ?“

„Я былъ въ Диснѣ, въ 30 верстахъ отъ Полоцка, и не утерпѣлъ, государь; любопытство меня взяло посмотрѣть на это заведеніе. Я туда пріѣхалъ неожиданно и нашелъ все въ совершенномъ порядкѣ“.

— „Да, дѣйствительно, корпусъ очень хорошъ“.

„Другое важное нынѣ обстоятельство въ краѣ—это уничтоженіе Литовскаго Статута и введеніе російскихъ гражданскихъ законовъ“.

— „Развѣ это еще не кончено?“

„Министру юстиціи я представилъ, государь, что препятствія къ тому никакого нѣтъ, но мнѣніе мое по предмету введенія Російскихъ законовъ различно отъ мнѣнія, представленнаго генераломъ Бибиковымъ ¹⁾, и разрѣшенія на то еще никакого не послѣдовало“.

— „Да, я помню. И я согласился съ твоимъ мнѣніемъ“.

Я поклонился государю и продолжалъ: „Въ добавокъ моего мнѣнія я послалъ министру и новые штаты“.

— „Что касается штатовъ, то мнѣ не изъ чего прибавлять; развѣ настоящихъ мало?“

„Мало, ваше величество. Всея прибавки по моимъ четыремъ губерніямъ требуется 28,000 руб. сер. Впрочемъ, ежели это стѣсняетъ государственную казну, то можно этотъ расходъ отнести на земскую повинность, что будетъ и правильно“.

— „А, это дѣло другое. Своихъ денегъ сколько они хотятъ. Я думаю, они меня жестоко ругаютъ. Я знаю, что они меня терпѣть не могутъ и злодѣйскіе замыслы ихъ безпрестанно противъ меня возобновляются. Вотъ нынѣ еще, въ Кіевѣ, задержали одного злодѣя, который шелъ на меня“.

Наслѣдникъ, который, вѣроятно, объ этомъ ничего не зналъ, вздрогнулъ и вскричалъ: какъ!

— „Да, продолжалъ государь, одинъ изъ сосланныхъ на Кавказъ поляковъ проникъ въ Кіевскую губернію съ своимъ намѣреніемъ и былъ захваченъ ихъ же помѣщикомъ, княземъ Четвертинскимъ, который его представилъ. Да я на это не смотрю;

¹⁾ Тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ.

я свое дѣло твердо продолжаю, до того времени, когда они меня поймутъ. Я считаю, что ежели-бы я иначе дѣйствовалъ, я бы взялъ на себя отвѣтъ передъ Богомъ, передъ Россією и передъ нимъ“ (указывая на наслѣдника).

Я старался государя успокоить, говоря, что въ характерѣ поляковъ болѣе легкомыслія, чѣмъ мести, что легкомысліе это, соединенное съ совершеннымъ невѣдѣніемъ силы, могущества и просвѣщенія Россіи, при всякомъ подстрекательствѣ, питаетъ ихъ мечты о возстановленіи Польши; что это должно само собою упасть, коль скоро они узнаютъ все свое ничтожество, сравнительно съ нами. „Въ доказательство сего, государь, доложу вашему величеству, что при объѣздѣ моемъ всей Минской губерніи и большей части Гродненской всѣ тѣ дворяне, которые были въ нашей службѣ, видѣли Россію и живутъ нынѣ въ своихъ имѣніяхъ или занимаютъ какія нибудь должности, совсѣмъ другаго образа мыслей, и я ихъ считаю людьми надежными“.

— „Можетъ быть, отвѣчалъ государь, но до сего времени стремленіе ихъ вездѣ одинаково. Ты не слышалъ, что въ Галиціи случилось? Тамъ открытъ обширный заговоръ и обнаружилось, что въ ономъ приняли участіе войска и нѣкоторыя знатныя фамиліи. Вотъ къ чему ведетъ умѣренность и послабленіе. Я въ Кіевѣ получилъ это извѣстіе и эрцгерцогъ просилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ на три дня въ Кіевъ, но я отвѣчалъ, что мнѣ недосугъ тамъ его ожидать, а ежели угодно ему, то можетъ пріѣхать въ Варшаву. Какъ ты нашелъ Минскую губернію и доволенъ ли губернаторомъ?“

„Я нашелъ, государь, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ совершенный порядокъ; губернаторъ, человекъ чрезвычайно дѣятельный, благонамѣренный, усердный и честный; одинъ въ немъ недостатокъ: онъ немного скоръ“.

— „Да, я за нимъ это замѣтилъ; у него это есть“.

„Что касается губерніи, то природа ее щедро надѣлила хлѣбородною землею, богатыми лѣсами и изобиліемъ водъ, но она еще очень пуста. Будь она въ рукахъ другихъ жителей, она была бы богатая. Но нынѣ во всѣхъ городахъ бѣдность, населеніе еврейское совершенно одолѣло христіанъ и кромѣ мелочной обманной ихъ торговли, никакой другой нѣтъ. Промышленность совершенно спитъ и никогда мѣстными людьми не

будеть пробуждена. Помѣщики хотя и занимаются своими имѣніями и фабриками сами, но всѣ ихъ произведенія переходятъ въ руки жалкихъ евреевъ, ибо купческаго сословія никогда въ Польшѣ не существовало, да и нынѣ онаго нѣтъ. Изъ всѣхъ городовъ Минской губерніи Пинскъ обратилъ на себя особенно мое вниманіе. Ежели Королевскій каналъ, соединяющій Муховець съ Пинною, а чрезъ нихъ Бугъ съ Припетью, будетъ доведенъ на будущій годъ до конца съ тѣмъ успѣхомъ, котораго по всѣмъ предположеніямъ можно ожидать, то Пинскъ въ рукахъ русскихъ сдѣлался бы другимъ Рыбинскомъ“.

— „Неужели ты нашелъ, что Пинскъ такой важный пунктъ?“

„Дѣйствительно, государь, Королевскій каналъ, составляя соединеніе двухъ морей, Чернаго и Балтійскаго, въ особенности замѣчательнъ тѣмъ, что не имѣетъ нивязкихъ шлюзовъ, уровень воды одинаковъ. Хотя вода въ каналѣ получается изъ болотъ, но, на случай засухи, два водопровода будутъ съ избыткомъ питать каналъ водою изъ озеръ, лежащихъ выше канала. Весь каналъ долженъ быть оконченъ нынче; на будущій годъ остается расчистка Муховца и Припети. Обозрѣвъ работы, я приказалъ полковнику Швиговскому прибыть сюда, на случай, ежели-бы вашему величеству угодно было знать подробности производства работъ“.

— „Очень хорошо сдѣлалъ, мнѣ весьма, это будетъ любопытно. А Пинскъ порядочный городъ?“

„Онъ лучший уѣздный городъ Минской губерніи; въ немъ болѣе 500 домовъ и улицы довольно правильно расположены, но большая часть народонаселенія—еврейское“.

— „Ихъ бы надо выжить и водворить тамъ русскихъ купцовъ. Обдумай, какъ бы это сдѣлать; можно дать нашимъ привилегіи, которыя бы ихъ пріохотили тамъ селиться“.

„Слушаю, ваше величество, я съ особеннымъ вниманіемъ этимъ займусь“.

— „А что дѣлается въ Вильнѣ? Есть ли новыя постройки?“

„Въ Вильнѣ не производится, государь, ничего замѣчательнаго, кромѣ отдѣлки двухъ казенныхъ домовъ: одинъ для корпуснаго командира, другой для штаба. Оба будутъ къ осени готовы. Я не могъ еще Вильною особенно заняться, такъ какъ я человѣкъ новый, работа огромная, а помощниковъ не имѣю.“

Правитель моей канцеляріи уже четвертый мѣсяцъ за границею; дежурный штабъ-офицеръ въ отпуску уже два мѣсяца, а нынѣ и губернатора не имѣю“.

— „Куда же дѣвался у тебя Долгорукій?“

„Онъ поѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ перемѣститься“.

— „Что такъ?“

„Онъ усталъ, государь; губернія эта тяжелая и требуетъ огромныхъ трудовъ. Князь Долгорукій не могъ ихъ долѣе выдержать“.

— „Да, это правда. Здѣсь дѣла побольше, да и граница къ тому же (близкая). Имѣешь ли ты когонибудь въ виду?“

„Нѣтъ, ваше величество, никого не имѣю въ виду и осмѣливаюсь просить о назначеніи человѣка опытнаго и достойнаго. Здѣсь постъ губернатора весьма важенъ“.

— „Мнѣ надо подумать; это я сдѣлаю уже по прибытіи въ Петербургъ. Между тѣмъ, ты вѣрно не ожидаешь, что я тебя хочу послать въ Кенигсбергъ къ королю. У нихъ, въ концѣ мѣсяца, тамъ будетъ совершенъ обрядъ присяги и я избралъ тебя, чтобъ отправить съ поздравленіемъ къ королю, какъ пограничнаго главнаго начальника. Я думаю, что завтра я успѣю написать письмо къ королю. Это порученіе доставить тебѣ случай съ нимъ познакомиться“.

Обрадованный этою неожиданною милостію государя, я въ изъявленіе моей готовности поклонился. Затѣмъ государь всталъ. Замѣтивъ, что его величество хотѣлъ меня отпустить, я принялъ смѣлость доложить объ Огинскомъ, и, напомнивъ государю его исторію и условіе, которому онъ поворился, я присовокупилъ, что по прибытіи его въ Вильну я посадилъ его подъ арестъ и назначилъ судъ. Государь изволилъ сказать:

— „Ну, что-жъ, такъ и надо; только приговоръ не исполнять и представить мнѣ“.

Тогда я присовокупилъ, что въ бытность мою въ Брестѣ я получилъ отъ виленскаго коменданта рапортъ и свидѣтельство о болѣзненномъ состояніи О..... Такъ какъ онъ и тѣломъ, и духомъ до крайности слабъ, то, во избѣжаніе возможности смерти его въ заключеніи и для отстраненія всякаго нареванія въ жестокое обращеніи съ нимъ, я предписалъ коменданту перевести его на квартиру. Государь на это съазалъ:

— „Хорошо сдѣлалъ, только—подъ строгимъ карауломъ“.
„Такъ я и предписалъ, ваше величество“.

Государь подалъ мнѣ руку и сказалъ: „Прощай. Я долго не спалъ, мнѣ немного надо отдохнуть. А кадетскій корпусъ постарайся устроить“. Наслѣдникъ тоже подалъ мнѣ руку и оба вошли въ опочивальню.

15-го августа. Заботы и волненіе долго не давали мнѣ заснуть, но въ 6 часовъ мнѣ надо было встать и въ 7 часовъ я былъ уже у графа Бенкендорфа, которому представилъ списокъ лицъ, которыя должны меня сопровождать въ Кенигсбергъ, и докладъ о назначеніи исправляющихъ должности генераль-губернатора и военнаго губернатора, во время моего отсутствія, для представленія государю. Переговоривъ съ графомъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, я пошелъ въ покои императора, для представленія его величеству утреннихъ рапортовъ. Тутъ собрались фельдмаршалъ, генералы и инженерные офицеры, находящіеся при строеніи крѣпости. Пока мы дожидались государя, фельдмаршалъ довольно долго разговаривалъ со мною о новыхъ волненіяхъ въ Галиціи и о полякахъ вообще, обвиняя ихъ въ лукавствѣ, въ притворномъ изъявленіи преданности. Въ примѣръ того, онъ привелъ, что въ варшавскихъ архивахъ найдены документы, доказывающіе связи и постоянное стремленіе къ возстановленію Польши такихъ лицъ, которыя были весьма близки къ трону и казались приверженными; что у нихъ былъ тайный комитетъ, учрежденный для направленія умовъ, и что найдены бумаги окружныхъ попечителей учебныхъ округовъ, въ которыхъ представлялись комитету вопросы, какъ имъ направлять воспитаніе юношества.

Императоръ вышелъ въ 8 часовъ, милостиво принялъ мой рапортъ, потомъ обратился къ коменданту и сказалъ:

— „Вчера, твой вечерній рапортъ былъ наполненъ ошибками и вздоромъ и даже, вмѣсто отъ 1-го батальона, у тебя написано отъ 6-го эшелоза; откуда ты это взялъ? Это доказываетъ, что ты подписываешь не читавши“. Потомъ, взявъ фельдмаршала, пошелъ къ экипажу, для осмотра крѣпости.

Всѣ слѣдовали за императоромъ и размѣстились въ приготовленныя коляски. Сперва мы отправились въ новый редюитъ. Го-

сударь изволилъ осматривать оный и часть зданія самъ опредѣлить для храненія пороха. Обратившись въ мою сторону, государь сказалъ:

— „Гдѣ мой военный губернаторъ? Тебѣ надо смотрѣть, чтобы комендантъ не ставилъ лишнихъ часовыхъ. Комендантъ здѣсь довольно безтолковъ. И чтобы онъ не смѣлъ прибавлять посты безъ сношенія твоего съ генераломъ Деномъ, а то у насъ все такъ: гдѣ надо двухъ поставить, тамъ не пожалѣютъ десять“.

Государь изволилъ хвалить постройку и оттуда слѣдовалъ въ главному валу пѣшкомъ. Внимательно осматривая работы, онъ останавливался нѣсколько разъ, чтобы повѣрить правильность направленія линий, указывалъ на сильныя и на слабыя мѣста крѣпости и хвалилъ чистоту и отдѣлку земляныхъ работъ. Потомъ обратилъ вниманіе на оборонительныя казармы и, изъявивъ свое удовольствіе за все, что было сдѣлано со времени послѣдняго его пребыванія въ Брестѣ, онъ сказалъ генералу Дену:

— „Жаль, что на будущій годъ я не могу продолжать постройку: у меня денегъ нѣтъ“. Потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ продолжалъ: — „Да, вотъ прекрасная мысль: Мирковичъ, давай мнѣ денегъ, а я тебѣ приготовлю зданіе для корпуса. Je ferais d'une pierre deux coups! На твои деньги я построю оборонительную казарму и въ ней размѣщу корпусъ. Какъ ты думаешь, согласатся они?“

„Не смѣю увѣрить, государь, но буду стараться. Я полагаю, что желаніемъ литовскихъ жителей было бы сохранить за Вильною значеніе главнаго центра образованія въ краѣ, такъ какъ нѣсколько столѣтій Вильна этимъ славилась.

— „Однако, это было бы хорошо“.

Графу Бенкендорфу, шедшему поодаль, эта мысль, повидимому, не понравилась. На вопросъ наследника: *Comment trouvez vous cette idée*, онъ отвѣчалъ:

„Je ne la comprends pas, monseigneur. Je ne sais; cela n'entre pas bien dans mes idées. Il me paraît que ce n'est pas conforme ni au caractère de l'empereur, ni à sa munificence; nous sommes accoutumés à le voir toujours généreux“.

Государь, слѣдуя по валу крѣпости, обратилъ взоръ къ сторонѣ города и, увидѣвъ огромную толпу евреевъ, слѣдовавшихъ внизъ за нимъ, остановился и спросилъ меня:

— „Чѣмъ они живутъ? Надо непременно придумать что съ ними дѣлать, и этимъ тунеядцамъ дать работу. Мнѣ надо ихъ выжить отсюда. Послѣдній разъ, какъ я былъ въ Одессѣ, встрѣтилъ я тамъ толпы шатающихся безъ дѣла цыганъ въ совершенной нищетѣ, нагіе, дѣвки восемнадцати лѣтъ голыя. Безобразіе и позоръ. Я говорю Воронцову ¹⁾: „что ты ихъ не приведешь въ порядокъ?“ Онъ мнѣ отвѣчаетъ: „Мнѣ съ ними не сладить. Всѣ мѣры, которыя я принималъ, остались безъ успѣха“.—Тамъ постой, я съ ними слажу. Всѣхъ бродягъ и тунеядцевъ приказалъ брать, за опредѣленную поденную плату, на работу. Черезъ мѣсяць все исчезло. Можно бы и съ этими подобнымъ образомъ поступить. Подумай-ка, какъ бы изъ нихъ составить рабочія роты для крѣпостныхъ работъ“.

Потомъ государь сошелъ съ вала и, сѣвъ въ коляску, отправился въ оборонительную казарму, въ одной части которой расположена была инвалидная рота, другая часть казармы была еще не отдѣлана. Государь хвалилъ постройку и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— „Ну, посмотри: развѣ тутъ не хорошо размѣстить корпусъ? Прекрасно и все готово“.

Потомъ государь вышелъ и, проходя въ комиссаріатъ, расположенный также въ казармѣ, увидѣлъ опять толпу евреевъ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— „Voyez, voyez donc votre bon peuple. A tous les coeurs bien nés que la patrie est chère!“

Комиссаріатомъ императоръ былъ отменно доволенъ и, дѣйствительно, управляющій комиссією Нейдгардтъ съ такою роскошью размѣстилъ склады и канцелярію, что можно думать, что находишься въ самомъ нарядномъ магазинѣ. Государь посѣтилъ арсеналъ, тоже расположенный въ казармѣ, отлично устроенный и снабженный всѣмъ на 20 тысячъ человѣкъ войска. Весьма довольный всѣмъ, государь благодарилъ фельдмаршала и сказалъ:

— „Теперь, ежели понадобится войско, я дамъ приказаніе Мирковичу собрать безсрочныхъ, и онъ мнѣ выведетъ 20 тысячъ готоваго войска въ мигъ“.

При проѣздѣ по городу, государь замѣтилъ было, что выставленные на домахъ числа лѣтъ, опредѣляющія срокъ ихъ

¹⁾ Губернаторъ Новороссійскаго края.

сломки, никакъ не отвѣчали дѣйствительной прочности этихъ домовъ, что явно доказывало злоупотребленія со стороны комиссіи, опредѣлявшей сроки. Онъ обратилъ на это вниманіе фельдмаршала и сказалъ:

— „Это надо передѣлать, тутъ видѣнъ явный подкупъ. Эти жиды кого не подкупятъ, назначь другую комиссію“.

Фельдмаршалъ предлагалъ во избѣжаніе новыхъ злоупотребленій сократить всѣ настоящіе сроки на 20 лѣтъ и тѣмъ дѣло скорѣе и безобиднѣе кончить. Но кажется, что государь на это не согласился. Изъ арсенала государь отправился въ новый госпиталь, только-что отдѣланный и въ которомъ только самая малая часть занята была больными. Строепіе это такъ понравилось государю, что, проходя по палатамъ, онъ сказалъ мнѣ:

— „*Mon cher, voilà notre affaire. Ужъ лучше этого ничего нельзя желать для корпуса. Посмотри, что за залы. Я думаю, у тебя сердце радуется*“. Потомъ, обратясь къ фельдмаршалу, продолжалъ:— „Иванъ Ѳедоровичъ, знаешь-ли? Вѣдь онъ успѣлъ слетать въ Полоцкъ. Вотъ кадетская кровь. За то я увѣренъ, сказалъ мнѣ государь, что къ 1-му мая 1841 года у меня здѣсь будетъ сотня кадетиковъ. Не правда-ли? Ты видишь, какъ у меня это уже воспламенилось; я чувствую, что это уже закипѣло. Посмотри, въ этихъ трехъ залахъ вѣрно размѣстятся роты и для четырехъ ротъ здѣсь будетъ достаточно мѣста. И всѣ принадлежности, все уже готово. *Achetez-moi cela. Il est vrai que je vous ferai un compte d'apothicaire, mais vous pouvez bien me payer pour faire construire une caserne, où je mettrai les malades*“.

Я увѣрялъ государя, что приложу все возможное стараніе въ успѣшному исполненію его желанія, и представлялъ тѣ надежды, которыя самъ имѣлъ, но увѣреній не давалъ.

Обѣздъ крѣпости кончился въ 11 часовъ и всѣ возвратились за государемъ во дворецъ. Мы нашли столъ уже готовымъ. Государь съ наслѣдникомъ прошли во внутренніе покои, мы всѣ остались въ залѣ. Въ ожиданіи обѣда, я переговорилъ съ гр. Бенкендорфомъ и В. Ѳ. Адлербергомъ о предстоящей моей поѣздкѣ въ Кенигсбергъ и спрашивалъ ихъ съ кѣмъ мнѣ тамъ вступить въ сношенія. Первый мнѣ указалъ на министра внутреннихъ дѣлъ Рохова, какъ на человѣка, къ намъ искренно расположеннаго и съ которымъ можно откровенно говорить;

второй—на генерала Линдгейма, адъютанта короля и его докладчика. Через четверть часа государь вышел и, сѣвъ за столъ, по правую руку посадилъ князя Ивана Федоровича, а мнѣ, указавъ лѣвую сторону, сказалъ:

— „Мирковичъ, садись возлѣ меня“.

За столомъ были: наслѣдникъ, генералы Денъ, Малиновскій, гр. Бенкендорфъ, Берниковъ, адъютантъ наслѣдника Адлербергъ и два инженерные полковника, строители крѣпости, всего 11 особъ. Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ не сѣлъ за столъ; онъ страдалъ глазами. Во время обѣда разговоръ былъ по большей части о работахъ крѣпости и о войскахъ. Государь рассказывалъ, гдѣ, какъ нашелъ войска, похвалилъ въ особенности 11-ю пѣхотную дивизію. Меня государь спросилъ:

— „Кто у тебя стоитъ въ Вильнѣ?“

— Нижегородскій полкъ, отвѣтилъ я.

— „Порядочный?“

Я не смѣлъ государю иначе отвѣтить, какъ порядочный.

Къ концу обѣда государь сказалъ намъ, что получилъ печальное извѣстіе изъ Петербурга: при артиллерійскихъ опытахъ генералъ Бонтанъ былъ убитъ и съ нимъ еще нѣсколько чело-вѣкъ, отъ взрыва гранаты. Столъ кончился въ полчаса. Государь торопился выѣхать въ 12 часовъ, чтобы въ ночь поспѣть въ Варшаву. Послѣ обѣда онъ пошелъ въ свой кабинетъ и черезъ четверть часа вышелъ съ письмомъ въ рукавъ, которое, отдавая мнѣ, изволилъ сказать:

— „Вотъ тебѣ письмо къ королю. Поѣзжай въ Кенигсбергъ. Король мнѣ пишетъ, что онъ сегодня туда отправляется, стало быть, ты поспѣешь въ торжеству, которое должно быть въ первыхъ числахъ сентября ихъ стила, и кланайся королю. Въ разговорахъ съ королемъ, ежели будешь имѣть случай, старайся внушить ему тѣ мысли о Польшѣ, которыя мы имѣемъ. Онъ слабъ, онъ предается тѣмъ влияніямъ, которыя его окружаютъ, и намъ не надо упускать ни одного случая, чтобы раскрывать ему истину. Однимъ словомъ, ты можешь съ нимъ говорить съ тою же откровенностію, какъ и со мною. Мы съ нимъ точно какъ братья. *Faites mes excuses à la reine de ce que je n'ai pas pu la voir à mon départ, mais ajoutez que je suis toujours son constant adorateur*“.

„Jusqu'à quand dois-je rester à Koenigsberg?

— „Vous resterez jusqu'à ce qu'on vous renvoie. Впрочемъ, ежели поспѣешь, то догони меня въ Динабургъ, а, въ противномъ случаѣ, пришли отвѣтъ въ Петербургъ“.

Потомъ государь спросилъ:

— „А гдѣ полковникъ путей сообщенія? Позови его сюда“.

Я тотчасъ послалъ за Швиковскимъ, который ожидалъ съ утра. Планъ былъ разложенъ на столѣ и полковникъ объяснилъ, со всею подробностію, производство работъ и удобства мѣстности, гдѣ природа все какъ нарочно устроила для соединенія двухъ рѣкъ. Во время разсказа государь нѣсколько разъ повторялъ: „Это прекрасно, это прекрасно“, и, обратясь къ фельдмаршалу, сказалъ:

— „Это во всѣхъ отношеніяхъ, и въ военномъ, и въ торговомъ, будетъ весьма важное сообщеніе; генералъ Мирковичъ полагаетъ, что при ономъ Пинскъ можетъ сдѣлаться другимъ Рыбинскомъ“.

Фельдмаршалъ молчалъ, потому что, накануне, разсуждая со мною о нашихъ водяныхъ сообщеніяхъ, онъ утверждалъ, что они всѣ никуда не годятся. Государь поручилъ Швиковскому собрать всѣ мѣстныя свѣдѣнія о торговлѣ и со своими предположеніями и замѣчаніями представить ко мнѣ.

Въ половинѣ перваго часа императоръ совсѣмъ былъ готовъ ѣхать. Прощаясь со мною, изволилъ взять за руку. Наслѣдникъ подошелъ ко мнѣ, также пожалъ мнѣ руку и поручилъ кланяться принцу Карлу.

Вотъ подробное описаніе пребыванія императора въ Брестѣ, которое для меня останется навѣкъ памятнымъ. Одному Богу, вѣдающему мою преданность царю, обязанъ я за царскія милости и довѣріе ко мнѣ!

Проводивъ государя до коляски, я пошелъ къ фельдмаршалу проститься. Онъ ѣхалъ вслѣдъ за императоромъ, а отъ него отправился домой готовиться къ отсылкѣ канцеляріи и людей въ Вильно и къ своему отъѣзду. Это продолжалось до 8 часовъ вечера. Наконецъ, сборы мои кончились и въ половинѣ девятаго я выѣхалъ съ адъютантомъ моимъ фонъ-Мевесомъ и двумя людьми, чрезъ Бѣлостокъ, въ Кенигсбергъ.

II.

16-го августа. Проѣхавъ ночью 125 верстъ, я прибылъ въ Бѣлостокъ въ половинѣ восьмага. Гоноропуло, по послѣднему маршруту, меня ждалъ только 18-го числа. Я велѣлъ ѣхать прямо къ нему; онъ еще спалъ. Засуетился весь домъ и весь городъ. Черезъ четверть часа вышелъ губернаторъ въ полной формѣ, съ рапортомъ и съ извиненіями, что не былъ предваренъ о моемъ прибытіи. Я его успокоилъ, объяснивъ, что я не для обозрѣнія губерніи пріѣхалъ, но проѣздомъ въ Пруссію, и что я тотчасъ отправляюсь далѣе; намѣренъ только попросить чашку чаю и собрать свѣдѣнія, какъ мнѣ проѣхать ближайшимъ трактомъ. Между тѣмъ, такъ какъ медленность составляетъ отличительную черту сего во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ почтеннаго человека, онъ меня весьма долго заставилъ ждать. Я воспользовался этимъ, чтобы съѣздить осмотрѣть дворецъ, перестраивающійся для женскаго института. Прекрасный нѣвогда сей дворецъ ¹⁾, съ великолѣпнымъ садомъ, представилъ мнѣ образецъ ничтожества человѣческаго величія; все тамъ измѣнилось и простота замѣнила великолѣпіе. Я нашелъ работы весьма отсталыми и понудилъ непременно окончить ихъ къ нынѣшней осени. Обойдя всѣ покои, я возвратился съ губернаторомъ къ нему на квартиру.

Намъ подали завтракъ и доставили мнѣ свѣдѣніе о ближайшемъ почтовомъ трактѣ въ Кенигсбергъ. Бѣлостокъ я нашелъ чистымъ, нѣмецкимъ городкомъ; тамъ совсѣмъ другое, чѣмъ въ Литвѣ. Все опротно, порядочно и какъ-то весело. Нѣкоторые изъ главныхъ губернскихъ чиновниковъ мнѣ представлялись послѣ завтрака, что меня на нѣсколько времени задержало; со всѣмъ тѣмъ я отправился изъ Бѣлостока въ 11 часовъ съ губернаторомъ, который желалъ меня проводить до границы. На заставѣ меня остановили только для прописки паспорта и я переѣхалъ въ Царство Польское, взявъ дорогу на Ломжу. Остановки мнѣ нигдѣ не было и въ Ломжу я пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера. Тутъ

¹⁾ Принадлежавшій графинѣ Браницкой, сестрѣ послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа.

я остановился напиться чаю и поужинать, и чтобъ вновь разспросить о почтовой дорогѣ на Кенигсбергъ. Меня направили на Лыкъ и я выѣхалъ въ 8 часовъ вечера.

17 августа 1840 г. Въ 5 часовъ утра я проѣхалъ чрезъ прусскую границу въ Богуржѣ. Съ польской стороны прописали паспортъ, а на прусской никто насъ не останавливалъ; дѣвченка отворила плагбаумъ, безъ всякаго разспроса. Въ Лыкъ я остановился напиться чаю и поѣхалъ далѣе чрезъ Арисъ и Рейнъ въ Растенбургъ, довольно большой городъ, гдѣ я хотѣлъ пообѣдать. Но въ трактирѣ ничего не нашелъ и долженъ былъ довольствоваться кофеемъ и *Buterbrod mit Schinken*. Дорога отъ Ломжи до Растенбурга была жестокая, особенно, начиная отъ прусской границы; я усталъ до крайности. Все проѣханное мною пространство Пруссiи я нашелъ ничѣмъ не лучше нашей Литвы: города и деревни очень неопрятныя, поля весьма обыкновенно обработанныя и дороги прескверныя, хотя и почтовые. Изъ Растенбурга направился я уже по шоссе въ Прейсишъ-Эйлау, куда прибылъ въ 10 часовъ вечера. Мнѣ оставалось двѣ почты до Кенигсберга. Разсчитавъ, что ежели я отправлюсь тотчасъ, то буду тамъ около двухъ часовъ ночи, самое невыгодное время, чтобъ искать квартиру и разбираться, я рѣшился остановиться на ночь въ Прейсишъ-Эйлау и отправиться далѣе на другой день, весьма рано, чтобъ въ Кенигсбергъ пріѣхать къ 9 часамъ утра. Къ тому же мнѣ отдыхъ былъ необходимъ; я уже нѣсколько ночей не спалъ. Мнѣ отыскали довольно неопрятную маленькую каморку, но была постель, и я, напившись чаю, заснулъ, какъ убитый.

18 августа. Меня разбудили въ 5 часовъ и я тотчасъ отправился, а въ 9 прибылъ въ Кенигсбергъ, спросилъ лучшую гостиницу и меня привезли въ *Deutsches Haus*. Лучшія комнаты всѣ были уже наняты, съ трудомъ мнѣ могли очистить двѣ комнаты сряду для меня и особо одну комнату для адъютанта, и то ненарядныя. Только что могли выбрать вещи изъ кареты, я послалъ адъютанта къ генералу Линдгейму, королевскому адъютанту, просить доложить королю о моемъ прибытіи, о порученіи, возложенномъ на меня императоромъ, и спросить прика-

занія, когда мнѣ явиться для врученія письма отъ государя. Фонъ-Мевесъ едва только засталъ Линдгейма, который отправлялся съ королемъ въ лагерь 1-го корпуса (генераль-лейтенанта Врангеля), гдѣ назначено было молебствіе, по случаю рожденія принцессы у принца Альберта, о чемъ извѣстіе получено вчера вечеромъ. Надо было ожидать возвращенія двора изъ лагеря.

Король прибылъ изъ Берлина вчера вечеромъ и былъ принятъ здѣсь чрезвычайно радостно. По пути слѣдованія короля дома были украшены флагами, зеленью и цвѣтами, самыя улицы были разукрашены гирляндами. Королева ѣхала въ каретѣ, а король—верхомъ съ правой стороны.

Въ 2 часа явился ко мнѣ гоффурьеръ съ приглашеніемъ отъ короля къ обѣду, въ три четверти третьяго. Въ назначенный часъ я отправился во дворецъ. Въ первой приѣмной комнатѣ встрѣтилъ меня гофмаршалъ фонъ-Мейеринкъ, который указалъ путь въ другую комнату; тамъ адъютанты короля генералы Линдгеймъ и Нейманъ провели меня въ кабинетъ его величества и, сказавъ, что король тотчасъ будетъ, оставили меня одного. Король немедленно вошелъ въ комнату, я подошелъ къ нему и сказалъ: „Sire, je suis chargé par S. M. l'empereur de présenter a votre majesté ses félicitations à l'occasion de la solennité qui doit avoir lieu à Koenigsberg et de remettre à votre majesté une lettre de sa part“. Король, принявъ письмо, сказалъ мнѣ: „Ah! c'est parfaitement aimable de la part de l'empereur, je l'en remercie beaucoup et je lui sais vraiment bien bon gré de m'avoir procuré le plaisir de vous connaitre. Vous êtes depuis peu gouverneur de Vilno?“ — „Depuis six mois, Sire.“ — „Et qu'est devenu Dolgorouky?“ — „Il est nommé gouverneur général des trois gouvernements, de la Petite Russie“. — Потомъ король спрашивалъ, когда я видѣлъ государя и гдѣ онъ; откуда я отправился; когда государь возвратится; сообщилъ мнѣ радостное извѣстіе о возстановленіи здоровья императрицы. Аудиенція моя продолжалась минутъ десять. Король мнѣ поклонился и я вышелъ опять въ адъютантскую, откуда меня провели въ салонъ королевы. Тамъ уже было персонъ 20, королева дѣлала cercle и съ каждымъ разговаривала. Гофмаршалъ представилъ меня. Я сказалъ королевы почти то же, что сказалъ королю. Она спросила меня о здоровьи императора и гдѣ онъ находится, и послѣ нѣсколькихъ еще вопросовъ

о дорогѣ, она прошла далѣе. Пока продолжался *cercle*, я тутъ же представился принцу прусскому (наслѣдному) Вильгельму ¹⁾, которому я напомнилъ, что имѣлъ счастье ему представляться въ Теплицѣ въ 1838 году. Принцъ Вильгельмъ былъ весьма ласковъ со мною и разговорчивъ. Когда разстарили двери въ столовую, королева пошла впередъ, за нею король и принцъ Вильгельмъ, потомъ дамы, коихъ было только четыре. Гофмаршалъ подошелъ ко мнѣ и, прося меня пройти, сказалъ: „*je prie V. E. de vous placer à côté de S. M. le roi; à votre gauche vous aurez m-lle de Marlitz*“. Во время стола король былъ весьма внимателенъ ко мнѣ и между прочимъ спросилъ: „*Dites moi un peu, qu'est ce qui est arrivé en Galicie? L'empereur m'en parle dans sa lettre, mais je n'ai pas bien compris*“. Тогда я воспользовался случаемъ, чтобъ объяснить его величеству все то, что слышалъ отъ государя, изложивъ ему сколько мало можно надѣяться на поляковъ, какъ ихъ стремленія къ волненіямъ постоянны и какой строгій надзоръ надо неослабно за ними имѣть. Послѣ обѣда опять былъ *cercle* съ полчаса. Затѣмъ члены королевской фамилии, поклонившись, прошли во внутреннія комнаты и всѣ разѣхались. Министръ внутреннихъ дѣлъ подошелъ ко мнѣ, рекомендовался и сказалъ, что ему весьма интересно со мною познакомиться, ибо сношенія наши будутъ весьма близки по многимъ дѣламъ.

Желая видѣть Кенигсбергъ, я пошелъ съ Мевесомъ по улицамъ пѣшкомъ, въ партикулярномъ платьѣ; народу на улицахъ было множество, особенно около дворца, весьма стариннаго чернаго зданія, воздвигнутаго еще во время тевтонскихъ рыцарей. По возвращеніи домой я получилъ отъ королевскаго шталмейстера увѣдомленіе, что ежели я располагаю быть завтрашній день на маневрахъ, то лошадь верховая будетъ меня ожидать тамъ, гдѣ назначено королевскимъ лошадямъ; я принялъ предложеніе и благодарилъ. А корпусный командиръ ген.-лейт. Врангель прислалъ мнѣ списокъ войскъ, диспозиціи для маневровъ и карты окрестностей Кенигсберга.

¹⁾ Братъ короля—а нынѣ императоръ германскій.

19 августа. Въ половинѣ девятаго отправился я съ Мевесомъ за заставу, гдѣ ожидали верховныя лошади. Король съ принцемъ Вильгельмомъ пріѣхали въ одно время съ нами. Король, послѣ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ, сказалъ мнѣ: „Vous ne connaissez pas encore notre Landwehr; c'est bien loin de vos troupes, mais le grand avantage c'est que cela ne coûte rien à la couronne“. Мы сѣли на коней и отправились къ войскамъ. Во время маневра я издали увидѣлъ генераль-адъютанта Мансурова ¹⁾, подѣхалъ къ нему и почти все время не разлучался съ нимъ, чтобы спросить обо всемъ, что мнѣ нужно было знать. Онъ мнѣ называлъ всѣхъ, объяснялъ ихъ должности и отношенія. Тутъ же онъ меня представилъ принцу Карлу, младшему брату короля, и принцу Августу, дядѣ короля, и другимъ главнымъ лицамъ, находящимся въ свитѣ. Маневръ кончился въ половинѣ втораго. Всѣ проводили короля до дворца и разъѣхались. По возвращеніи домой, я получилъ приглашеніе къ королю, на обѣдъ, въ три часа. Я воспользовался остающимся временемъ, чтобы сдѣлать необходимые визиты. Принцы Вильгельмъ и Карлъ меня приняли и отъменно были ласковы; спрашивали о моей службѣ и о нѣкоторыхъ изъ нашихъ русскихъ, которыхъ они знали. Корпусный командиръ г. Врангель и комендантъ города Коскуль приняли меня весьма радушно и вѣжливо. Президента области Шена я не засталъ дома. Къ тремъ часамъ я пріѣхалъ во дворецъ. Передъ обѣдомъ былъ обычный cercle. Принцъ Августъ подошелъ ко мнѣ и извинился, что не могъ меня принять, потому что, возвратившись съ маневровъ, онъ былъ раздѣтъ.

За обѣдомъ меня посадили противъ короля, возлѣ меня сидѣли Мансуровъ и Роховъ. Обѣдъ былъ въ томъ же порядкѣ, какъ и вчера. Принцы врови сидѣли по сторонамъ короля и королевы, дамы были тѣ же: гофмейстерина графиня Реденъ, наша кавалерственная дама, и гофъ-дамы Марлицъ, Редереръ и Варнекъ. Всѣ онѣ, какъ и королева, были въ траурѣ, который долженъ кончиться 9 сентября по ихъ стилю. Король былъ довольно разговорчивъ, королева, напротивъ, весьма молчалива.

Въ 5 часовъ я возвратился домой и засталъ у себя, къ удивленію моему, одного изъ моихъ виленскихъ жителей, коммерціи

¹⁾ Нашъ посланникъ при прусскомъ дворѣ.

совѣтника Адельсона, который пришелъ ко мнѣ съ почтеніемъ и съ приглашеніемъ переѣхать въ его домъ, такъ какъ онъ видѣлъ, что въ гостинницѣ мнѣ безпокойно. Я обѣщалъ подумать и на другой день дать ему отвѣтъ. Въ 6 часовъ я отправился продолжать мои визиты и былъ у адъютантовъ короля Линдгейма и Неймана, у генераль-адъютанта Нацмера, у губернатора Кенигсберга Яски и у министра внутреннихъ дѣлъ Рохова. Но засталъ дома одного Яски, съ которымъ бесѣдовалъ по нѣмцѣи. Это почтенный старикъ 72 лѣтъ. Отъ него я поѣхалъ къ Мансурову, у котораго провелъ остальное время вечера. Разговоръ съ нимъ былъ для меня отмѣнно интересенъ; онъ 15 лѣтъ живетъ между прусаками и знаетъ ихъ очень хорошо. Дома я нашелъ диспозицію на завтрашній маневръ.

20 августа. Ночь провелъ я весьма худо, стукъ и шумъ въ коридорѣ, ѣзда по улицѣ не дали мнѣ спать и я рѣшился принять предложеніе Адельсона; домъ его былъ на Kniphofsche Langgasse № 42. Маневры въ этотъ день продолжались особенно долго, я очень усталъ и рѣшился, не ожидая конца, отправиться домой. Я былъ удивленъ роскошью отдѣлки комнатъ моей новой квартиры. Хозяинъ, весьма богатый банкиръ, частью живетъ въ Вильнѣ и частью въ Кенигсбергѣ.

21 августа. Утромъ Мансуровъ заѣхалъ за мною, чтобъ отправиться на маневры. Мы поѣхали за городъ, на сборное мѣсто, гдѣ вчера окончился бой. Въ 9 часовъ пріѣхалъ король и начался маневръ. Маневры эти были все, что можно себѣ вообразить томительнаго. Засѣянные поля травой и не убранная жатва были препятствіемъ для дѣйствія массами; всѣ части съ обѣихъ сторонъ были такъ разбросаны, что никто не понималъ, чего желали командующіе противными сторонами. Пѣхота дѣйствовала только кое-гдѣ, застрѣльщиками; артиллерія стрѣляла съ двойныхъ разстояній; кавалерія дѣлала нѣсколько атакъ, но не бойкихъ. Однако, замѣчательно скоро выравнивалась и хотя движенія ея были безъ соблюденія чистоты, но она дѣйствовала довольно быстро. Ландверные кавалерійскіе полки въ особенности замѣчательны: посаженные на крестьянскихъ лошадяхъ, нанятыхъ на мѣсяцъ и сѣзженныхъ за двѣ недѣли до смотра, они дѣйствовали какъ

войска постоянныя. Король, увидѣвъ меня, изъявилъ сожалѣніе, что вчера я у него не обѣдалъ, и рассказывалъ, какъ онъ провелъ день. По окончаніи маневра, я сдѣлалъ еще нѣсколько визитовъ графинѣ Реденъ, гофмаршалу Ф. Мейеринку, министру Гумбольдту и кабинетъ-совѣтнику Мюллеру. Вечеромъ мы съ Мансуровымъ осматривали обсерваторію.

22 августа. День отдыха для войскъ и свободный для всѣхъ. По утру посѣтилъ меня мемельскій ландратъ Вагенъ, съ которымъ я въ перепискѣ, но котораго еще не зналъ; потомъ я сдѣлалъ прогулку пѣшкомъ, вдоль берега р. Прегель, осматривалъ купеческую верфь и торговые магазины. Главныя произведенія, привозимыя сюда изъ Литовскаго края, это пенька, хлѣбъ и отчасти конопляное масло. Консулъ нашъ Риттеръ связывалъ мнѣ, что нынѣ торговля эта ограничивается 300 ватагами, прибывающими почти исключительно изъ Столбцовъ, близъ Меречь; но что прежде она доходила до 2,000. Упадокъ торговли приписываютъ уменьшенію потребности въ тѣхъ произведеніяхъ. Биржа ничего не представляетъ замѣчательнаго. Вообще ни щегольства, ни роскоши нигдѣ не видать. Вездѣ простота, умѣренность и нечистота. Кенигсбергъ весь состоитъ изъ весьма старыхъ домовъ, въ три и два окна по фасаду и въ 4 и 5 этажей вышины, съ остроконечными крышами. Улицы до крайности узки. Форштаты, построенныя гораздо позже, имѣютъ улицы въ ширину петербургскихъ. Экипажей здѣсь очень мало держатъ, всѣ по большей части ходятъ пѣшкомъ по самой дурной мостовой.

Сегодня король отправился за 6 миль по берегу моря, гдѣ съ фамиліею обѣдалъ. Я получилъ приглашеніе на обѣдъ къ корпусному генералу Врангелю къ тремъ часамъ. Я засталъ тамъ принца Августа, который передо мною извинился, что не можетъ меня угостить, потому что онъ самъ здѣсь какъ на бивахѣ, безъ хозяйства, но звалъ меня къ себѣ въ Берлинъ. Хозяйка дома вышла съ двумя прекрасными своими племянницами, дочерьми отставнаго генераль-лейтенанта Врангеля, бывшаго адъютантомъ у покойнаго короля во время походовъ 1813 и 1814 годовъ. Этотъ генераль Врангель былъ передъ тѣмъ на водахъ, гдѣ познакомился съ русскими семействами гр. Канерина и адмирала Крузенштерна.

Старшая дочь была съ нимъ и рассказывала мнѣ, какъ она съ нашими дѣвками подружилась и какъ ей было весело. Все это семейство весьма почтенное и доброе. Хозяйка, окончивъ свой *segle*, дала руку принцу, чтобъ вести его къ столу; хозяйинъ взялъ свою старшую племянницу, а я—младшую. М-ше Врангель посадила меня возлѣ себя, съ правой стороны; принцъ сѣлъ по лѣвую. Во время стола разговоръ былъ очень живой и веселый. Обѣдъ и вина очень хорошия, прислуга въ щегольской ливреѣ и сервировка прекрасная. Корпусный генералъ въ Пруссiи имѣетъ казенный домъ, который можно назвать великолѣпнымъ, и 10 тысячъ талеровъ оклада, что его весьма обезпечиваетъ. Столъ, однако, продолжался около двухъ часовъ по слѣдующей причинѣ: принцъ Августъ имѣлъ привычку, положивъ себѣ кушанье на тарелку, начинать разговаривать и когда всѣ кончили и у всѣхъ переѣбли тарелки, тогда принцъ начиналъ ѣсть. Хозяйка во время обѣда меня занимала разговоромъ; по французски она говоритъ очень хорошо. Послѣ обѣда я познакомился съ графомъ Коницомъ, командиромъ 1-й пѣхотной дивизiи. Онъ командуетъ во время настоящихъ маневровъ сѣвернымъ корпусомъ.

23-го августа. Сегодня опять маневры, и я отправился на сборное мѣсто ожидать короля. Его величество прибылъ въ 9 часовъ, поздоровался со всѣми и пошелъ пѣшкомъ по валу, осматривать позиціи войскъ. Въ этотъ день, по диспозиціи, сѣверный корпусъ защищалъ Кенигсбергъ, а южный долженъ былъ атаковать. Долго мы ходили по валу, но никакъ непріятеля не видѣли. Наконецъ, началась ружейная перестрѣлка, и съ нашей стороны, съ валу, изъ 12 пушекъ жарили немилосердно.

Король меня спрашивалъ, что я дѣлалъ вчера и не получалъ ли извѣстій объ императорѣ. Отъ Рауха ¹⁾ король получилъ вчера извѣстіе о приключеніи, случившемся съ Бонтанъ. Я доложилъ о тѣхъ подробностяхъ, которыя слышалъ въ Брестѣ отъ государя. Смотрѣть было нечего; нигдѣ непріятеля мы не видѣли и разговаривали между собою, окруженные толпами городскихъ зрителей, растянутыхъ по всему валу, между стрѣлками. Я стоялъ съ Мансуровымъ въ пяти шагахъ отъ короля, какъ вдругъ

¹⁾ Прусскій посланникъ въ Петербургѣ.

неожиданное обстоятельство обратило наше вниманіе и удивило до крайности. Одинъ изъ простолюдиновъ, но порядочно одѣтый, проходя мимо короля, взглянулъ на него, снялъ шапку и, тотчасъ опять ее надѣвъ, сошелъ съ вала и шагахъ въ тридцати отъ короля остановился, чтобъ исполнить естественную надобность. Король смотрѣлъ на него сложа руки. Мы съ Максуровымъ взглянули другъ на друга и ожидали, что будетъ. Но никто не пошевельнулся, чтобъ прогнать этого человѣка. Полиція стояла равнодушно и король не отвернулся, а смотрѣлъ прехладнокровно на эту тенберовскую картину.

Наконецъ, нашему главнокомандующему наскучило ждать непріятеля и обрадовавшись, что явился одинъ непріятельскій батальонъ къ городскимъ воротамъ, приказалъ дать ружейный залпъ и потанулся со всѣми силами, чрезъ городъ, назадъ. Король, который присутствовалъ на маневрахъ не по вкусу, а по обязанности, для угожденія войску, почувствовалъ утомленіе, уѣхалъ во дворецъ въ половинѣ двѣнадцатаго, приказавъ продолжать маневры и предупредивъ, что чрезъ полтора часа онъ опять возвратится. Къ тому же онъ обремененъ дѣлами, которыми онъ лично занимается. Независимо отъ докладовъ, онъ самъ читаетъ всѣ получаемыя на его имя донесенія и кладетъ резолюціи. Маневры у него отнимали много времени. Въ 3 часа, по приглашенію, я отправился обѣдать къ королю. Сегодня представлялись ихъ величествамъ прибывшія изъ разныхъ мѣстъ депутаціи, для удостовѣренія въ принятіи народомъ и всѣми сословіями присяги. Всего было персонъ восемьдесятъ; обѣдали въ двухъ залахъ. Меня посадили опять противъ короля, между президентомъ Шеномъ и губернаторомъ Яски, съ которыми пришлось все время говорить по нѣмецки. Общество разѣхалось въ 5 часовъ, а въ 6 надо было опять собраться на спускъ одного купеческаго корабля, которому его хозяинъ далъ названіе: „Фридрихъ Вильгельмъ IV“. Въ назначенный часъ всѣ мы стали собираться; королевская фамилія прибыла въ 6½ къ балкону, для того устроенному, у парходной пристани. Тутъ я встрѣтился съ Гумбольдтомъ, котораго нѣсколько дней не видѣлъ, и воспользовался его необыкновенно пріятною и ученою бесѣдою. Корабль между тѣмъ былъ спущенъ отлично, всѣ были восхищены и скоро разошлись.

24-го августа. Съ утра я чувствовалъ себя не въ силахъ ѣздить верхомъ; ногу мою ломило ¹⁾ и я опасался сдѣлать усиліе. Поэтому я запискою предупредилъ Мансурова, что я не могу ѣхать на маневры и просилъ его, въ случаѣ вопроса короля, доложить его величеству о настоящей причинѣ. Я все утро просидѣлъ дома. На обѣдъ былъ приглашенъ въ генералу Врангелю и въ три часа къ нему отправился. Обѣдъ былъ такъ-же пріятенъ, какъ и въ первый разъ. Тутъ я познакомился съ дивизионнымъ начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоромъ Грабовымъ, котораго я еще не видѣлъ, такъ какъ онъ, какъ командующій южнымъ отрядомъ на маневрахъ, составлялъ противную сторону. Мансуровъ мнѣ сказалъ, что король поручилъ ему изъяснить мнѣ свое сожалѣніе о томъ, что я не былъ на сегодняшнемъ маневрѣ, потому что маневръ этотъ былъ интереснѣе всѣхъ предыдущихъ. По возвращеніи домой, я нашелъ приглашеніе отъ короля на завтрашній день къ столу въ обыкновенный часъ. Сегодня было собраніе членовъ университета и всего ученаго сословія въ честь Гумбольдта. Ему говорили привѣтственную рѣчь по случаю его пребыванія, въ первый разъ, въ Кенигсбергѣ.

25-го августа. Растагъ отъ маневровъ и для меня необходимый. Цѣлое утро я провелъ дома. Въ половинѣ третьяго я отправился къ королю на обѣдъ. Его величество, увидѣвъ меня, изъяснилъ сожалѣніе, что я вчерашняго дня не былъ на маневрѣ, присовокупивъ:

— „Je suis sûr que cela vous aurait fait grand plaisir, car c'était la manoeuvre la plus intéressante et on agissait plus au large“.

За столомъ я сидѣлъ противъ королевской фамиліи, какъ обыкновенно, и попалъ опять между Шеномъ и Яски. Шенъ, оберъ-президентъ восточной и западной Пруссіи, 65-ти-лѣтній старикъ, весьма умный и въ дѣлахъ опытный человекъ, но демократъ въ душѣ, хитеръ, военныхъ терпѣть не можетъ и партизанъ представительнаго правленія; онъ насъ весьма не жалуетъ, но скрываетъ это, по обстоятельствамъ. Сегодня у него званый вечеръ въ 7½ часовъ. Я отправился въ 8 и засталъ уже боль-

¹⁾ Генералъ Мирковичъ былъ сильно раненъ въ ногу подъ Бородинимъ.

шое собраніе. Онъ живетъ въ самомъ дворцѣ. Помѣщеніе, въ которомъ онъ насъ принималъ, состояло изъ трехъ небольшихъ комнатъ, весьма низкихъ, въ коихъ по большей мѣрѣ могло помѣститься до ста пятидесяти человѣкъ. Званыхъ же было 450 особъ. Можно себѣ вообразить, что это было. Гости безпрестанно прибывали, мы жались такъ, что къ 9 часамъ, передъ выходомъ королевской фамиліи, не было возможности пошевелиться. Духота и жара были нестерпимыя. Королю и королевѣ представляли депутатовъ и ихъ дамъ, и весь вечеръ состоялъ въ томъ. Королевская фамилія возвратилась въ свои покои въ 10 часовъ и мы всѣ отправились по домамъ по сѣверной, узкой лѣстницѣ. Дамы на этомъ вечерѣ всѣ были въ черныхъ, траурныхъ платьяхъ; жара сдѣлала ихъ весьма неавантажными: лица у нихъ были раскраснѣвшія, волосы развиты и распущенныя; всѣ въ поту. Они тянулись, чтобы заглядывать на королевскую фамилію, и представляли какое-то странное зрѣлище.

26-го августа. Въ 8 часовъ отправился я къ сборному мѣсту для большаго маневра соединеннаго корпуса противъ обозначеннаго противника. Дѣйствіе началось кавалерійскими атаками, которыми король былъ недоволенъ. Проѣзжая мимо меня, онъ мнѣ сказалъ самымъ спокойнымъ образомъ:

— „Quelle misérable attaque, elle me met vraiment au désespoir“.

Вообще его величество дѣлалъ много замѣчаній, и при окончаніи маневра, собравъ вокругъ себя всѣхъ начальниковъ, батальонныхъ и эскадронныхъ командировъ, съ четверть часа общалъ имъ то, что онъ находилъ неправильнымъ и нехорошимъ. Затѣмъ, король велѣлъ собрать всю кавалерію, которая прошла передъ его величествомъ по-взводно.

Во время маневра я былъ представленъ прибывшему ночью принцу Альберту ¹⁾. Я возвратился домой въ 2 часа, только чтобъ оправиться и переодѣться, а въ половинѣ третьяго отправился во дворецъ къ обѣду. Сегодня было необыкновенное явленіе. Въ числѣ гостей находился епископъ Познанскій Дунинъ, бывший въ изгнаніи и прощенный вслѣдствіе манифеста. Онъ

¹⁾ Братъ короля.

представлялся королю передъ обѣдомъ и королева сказывала, что онъ такъ оробѣлъ, что губы у него дрожали, когда онъ говорилъ съ его величествомъ.

Причина его изгнанія была слѣдующая. Издавна уже принято правиломъ, что, при смѣшанныхъ бракахъ лютеранъ съ католиками, дѣти мужскаго пола принимали вѣру отца, а дѣти женскаго пола — вѣру матери. Епископъ Дунинъ началъ этому сопротивляться и требовалъ, что ежели отецъ католикъ, то всѣ дѣти должны быть того же вѣроисповѣданія. Хотя его вразумляли тѣмъ, что что онъ далъ присягу въ непремѣнномъ исполненіи законовъ государства, но онъ, подстрекаемый своею сестрою и однимъ духовнымъ лицомъ изъ его окружающихъ, отвѣчалъ, что совѣсть ему воспрещаетъ слѣдовать даннымъ обѣщаніямъ и что никакая сила не можетъ его заставить перемѣнить мысли. Всѣ мѣры для приведенія его въ покорности были истощены и покойный король приказалъ ему оставить Познань и ѣхать въ крѣпость Кельнъ. Передъ возвращеніемъ въ паству, ему предложено было удалить то духовное лицо, которое имѣло надъ нимъ столь сильное вліяніе. Онъ это исполнилъ. Прибывъ въ Познань, онъ, однако, не сдѣлалъ визита тамошнему президенту Флотвелю, который объ этомъ донесъ. Когда епископъ явился въ Кенигсбергъ, ему объ этомъ напомнили, но онъ опять заупрямился, отзываясь, что президентъ его обидѣлъ. Тогда ему дали знать, что до обидѣ этихъ правительству дѣла нѣтъ, и что онъ долженъ оказать главному правительственному лицу въ краѣ подобающую ему честь, безъ чего онъ не будетъ представленъ королю. Епископъ Дунинъ исполнилъ и это требованіе и былъ представленъ королю.

Всю эту исторію рассказывалъ мнѣ министръ Роховъ, возлѣ котораго я сидѣлъ за столомъ.

По другую мою сторону былъ гр. Арнимъ, посоль при французскомъ дворѣ, съ которымъ я сегодня познакомился. Онъ здѣсь въ отпуску. Весьма пріятный человѣкъ.

27-го августа. Въ 9 часовъ утра назначенъ былъ большой парадъ. Король съ принцами и королева прибыли въ волясахъ. Его величество сѣлъ верхомъ, спросилъ Мансурова тутъ ли я, и когда меня увидѣлъ, милостиво со мною поздоровался, затѣмъ онъ поскакалъ къ фронту. Войска стояли въ двѣ линіи: въ первой — пѣхота въ колоннахъ по-батальонно, во второй — кавалерія

въ полковыхъ колоннахъ. Король объѣхалъ объ линіи шагомъ. Войска были отлично выровнены, всѣ въ новомъ и стойка превосходная. По объѣздѣ, король поскакалъ на середину и движеніе началось. Войска проходили два раза, сначала на разомкнутыхъ дистанціяхъ, потомъ въ колоннахъ. Парадъ былъ такъ хорошъ, что у насъ не всегда и гвардейскій корпусъ столь удачно отдѣливается. Люди одушевлены были особеннымъ желаніемъ угодить королю; все шло стройно и прекрасно. Во время парада король обратился ко мнѣ и сказалъ:

— „Comme je regrette que l'empereur ne soit pas ici. Cette parade lui aurait fait vraiment grand plaisir“.

По окончаніи парада мы поскакали за королемъ въ лагерь ландверной кавалеріи (версты двѣ отъ мѣста парада), чтобъ ожидать ея вступленіе. Когда это кончилось, мы поскакали въ другую сторону, тоже версты двѣ, чтобъ смотрѣть вступленіе пѣхоты. Насмотрѣвшись вдоволь, мы сѣли въ экипажи и отправились въ Кенигсбергъ, версты за десять.

Во дворцѣ, передъ обѣдомъ, я увидѣлъ только-что пожалованныхъ новыхъ кавалеровъ и поздравилъ ихъ съ полученными наградами. Командовавшій 1 корпусомъ генераль-адъютантъ Нацмеръ получилъ Чернаго Ора и произведенъ въ генералы отъ кавалеріи; генераль Врангель, командующій нынѣ корпусомъ, утвержденъ командиромъ корпуса и получилъ Краснаго Ора 1-й степени. Дивизионные генералы—гр. Коницъ и Грабовъ получили тотъ-же орденъ 2-й степени. Король изволилъ спрашивать меня о парадѣ и выразилъ мнѣ насколько онъ имъ былъ доволенъ. Послѣ обѣда принцъ Вильгельмъ подошелъ ко мнѣ и въ разговорѣ, между прочимъ, коснулся непріязненныхъ отношеній обоихъ народовъ, на границѣ, по причинѣ запретительной нашей системы, при чемъ замѣтилъ, что это тѣмъ болѣе прискорбно, что вражда можетъ распространиться далѣе, внутрь страны, и тогда могутъ возникнуть неудобства въ политическомъ отношеніи.

Въ 8 часовъ отправился я на вечеръ къ генералу Врангелю, на который приглашенъ былъ король и вся королевская фамилія. Трауръ еще продолжался и танцевъ не было. Чтобы занять гостей, хозяинъ устроилъ вокальный концертъ. Въ саду была иллюминація и военная музыка. Вечеръ кончился въ 10 часовъ.

Гостей было несравненно меньше, чѣмъ у Шена, и все было отборнаго вкуса.

28-го августа. По случаю предстоящаго завтра торжества, сегодня при дворѣ приема не было. Гумбольдтъ прислалъ мнѣ на память карту Хивы, составленную подъ его руководствомъ.

Въ 7 часовъ вечера я отправился на праздникъ, который давали королю представители трехъ сословій, собранные въ Кенигсбергъ, на ландтагъ трехъ провинцій: восточной и западной Пруссіи и княжества Познанскаго. Рядъ экипажей былъ такъ великъ и улицы такъ узки, что надо было сидѣть въ каретѣ болѣе часу, пока можно было добраться до подъѣзда. Я вышелъ изъ кареты и пошелъ пѣшкомъ, что многіе дѣлали. Праздникъ былъ данъ въ экзерциръ-гаузѣ, потому что въ городѣ нѣтъ большихъ залъ. По срединѣ этого экзерциръ-гауза устроена была открытая полукруглая палатка для короля. Въ ней на возвышеніи, обтянутомъ краснымъ сукномъ, поставлено было два трона. Палатка была изъ бѣлой кисеи съ наклеенными бумажными золотыми звѣздочками. По обѣимъ сторонамъ, въ длину экзерциръ-гауза и соединяясь съ среднею палаткою, были еще двѣ обширныя палатки, въ коихъ накрыты были столы для ужина. Эти палатки были также изъ кисеи, но полосатой, бѣлой съ голубымъ, и мѣстами украшены золотыми франжами. Освѣщеніе все было ламповое. Съ передней стороны манежа пристроена была огромная квадратная аван-зала, сажень 15 въ квадратѣ, съ хорами и эстрадами въ прекрасномъ вкусѣ. По правую сторону была устроена особая ложа для королевской фамиліи, а по обѣимъ сторонамъ галлерей—для почетныхъ гостей. Противъ ложи была сцена для живыхъ картинъ; на хорахъ помѣщались музыканты и пѣвицы. Все это было убрано и расписано отлично. Передъ аван-заломъ, для входа, устроена была круглая бѣлая палатка, посреди которой стоялъ бюстъ короля, окруженный цвѣтами. Король пріѣхалъ въ 8 часовъ и былъ встрѣченъ громогласнымъ ура. Онъ обошелъ съ королевою все помѣщеніе, любовался имъ, хвалилъ убранство и останавливался, чтобъ говорить съ почетнѣйшими гостями. Подойдя ко мнѣ, король сказалъ:

— „Lindheim m'a dit que vous voulez partir. (Я передъ тѣмъ просилъ доложить королю, что, желая застать императора въ Ди-

набургѣ, я прошу позволенія отправиться въ ночь 29-го числа, — дня, назначеннаго для Huldigung). J'en suis vraiment faché, mais je n'ose pas vous retenir. Ma lettre pour l'empereur est prête. Mais vous ne partirez pas avant la cérémonie“.

— Non, sire, j'aurai encore le bonheur de vous offrir les félicitations de la part de S. M. l'empereur“.

Потомъ король говорилъ о красотѣ залы, о жарѣ, о многочисленности собранія. Убранство палатокъ и декоративная часть были выполнены однимъ берлинскимъ драпировщикомъ, нарочито вызваннымъ въ Кенигсбергъ.

Въ половинѣ девятаго королевская фамилія отправилась въ свою ложу. Я слѣдовалъ со свитою. Давка была необыкновенная. Всѣ приглашенные, до четырехъ тысячъ особъ, столпились въ аван-залу, чтобъ смотрѣть на живыя картины. Не взирая на огромную высоту залы, было чрезвычайно жарко и душно, такъ что двухъ дамъ, упавшихъ въ обморокъ, на моихъ глазахъ, на силу могли вынести. Для живыхъ картинъ были избраны сюжеты изъ знаменитѣйшихъ эпохъ прусской исторіи. Всѣхъ картинъ было пять и каждая показывалась два раза. Въ промежуткахъ читалась поэма, объясняющая содержаніе картинъ. Все это было дѣйствительно прекрасно исполнено. По окончаніи представленія королевская фамилія слѣдовала къ ужину, обошла обѣ палатки, гдѣ уже гости заняли мѣста, и затѣмъ размѣстилась за приготовленнымъ для нея столомъ. Давка была такъ велика, что свита короля едва могла, и то съ большимъ трудомъ, идти за нимъ, однако, я пробился къ столу и сѣлъ съ познанскимъ оберъ-президентомъ за ужинъ. Къ концу ужина шли за здоровьемъ короля съ крикомъ: „Lebe hoch!“ Потомъ король пилъ за здоровье дававшихъ праздниѣ и благодарилъ за волшебное угощеніе. Въ 11 часовъ все кончилось. Король всталъ изъ-за стола, отправился во дворецъ и всѣ стали разъѣзжаться. Праздникъ этотъ, говорятъ, стоить 24 тысячи талеровъ.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА ГАНЪ.

(Зенеида Р—ва).

1814—1842.

Биографическій очеркъ.

Елена Андреевна Ганъ, писавшая въ концѣ 1830-хъ и началѣ 1840-хъ годовъ подъ псевдонимомъ Зенеиды Р—вой, такъ же быстро промелькнула въ литературѣ, какъ и Лермонтовъ, съ которымъ родилась и умерла почти въ одинъ годъ. Не смотря на краткую жизнь свою, подобно тому же Лермонтову, оставила въ произведеніяхъ яркій слѣдъ только что начавшаго развиваться сильнаго, самобытнаго таланта, отразивъ въ немъ свои женскіе достоинства и недостатки.

Полное собраніе ея повѣстей ¹⁾, вышедшее уже послѣ ея смерти, вызвало самыя лестныя, искренно-восторженныя отзывы всѣхъ органовъ тогдашней печати, независимо отъ направленій. И «Сѣверная Пчела», и «Москвитянинъ», и «Отечественныя Записки» Краевского... однимъ словомъ, и знаменитый литературный триумvirатъ во главѣ съ Сеньковскимъ, и его ярые враги — всѣ единодушно слѣшили воздать дань вниманія несомнѣнно большому таланту ²⁾; всѣ оплакивали преждевременную утрату этого «замѣчательнаго дарованія» ³⁾. Въ «Отечественныхъ Запискахъ», кромѣ множества мелкихъ замѣтокъ въ годичныхъ литературныхъ обзорѣніяхъ ⁴⁾, въ 1843 году о

¹⁾ Сочиненія Зенеиды Р—вой въ 4 томахъ. Спб. 1843 г.

²⁾ „Разборъ сочиненій Зенеиды Р—вой“: „Сѣверная Пчела“ 1843 г. № 227; „Москвитянинъ“ 1844 г. № 2; „Отеч. Записки“ 1843 г. Т. XXVI.

³⁾ Некрологи Зенеиды Р—вой: „Библиотека для Чтенія“ 1842 г. Т. LIII; „Отеч. Зап.“ 1842 г. Т. XXIII; „Сѣв. Пчела“ 1842 г. № 177.

⁴⁾ „Отеч. Зап.“ 1843 г. Т. XXX, XXXI...

повѣстяхъ Зененды Р—вой появилась большая статья Бѣлинскаго. Критикъ высказываетъ рѣшительно, что «не являлось еще на Руси женщины столь даровитой, не только чувствующей, но и мыслящей. Русская литература по праву можетъ гордиться ея именемъ и ея произведеніями»¹⁾.

Почти черезъ десять лѣтъ вспомнилъ о Зенендѣ Р—вой И. С. Тургеневъ. Въ критической статьѣ на повѣсть «Племянница», Евгени Туръ, онъ призналъ въ произведеніяхъ Елены Андреевны и горячее русское сердце, и опытъ жизни женской, и страстность убѣжденій. «Не отказала ей природа—говоритъ онъ—въ тѣхъ простыхъ и сладкихъ звукахъ, въ которыхъ счастливо выражается внутренняя жизнь»²⁾...

Казалось бы, личность такой выдающейся писательницы имѣла все право на заботливое вниманіе современниковъ и потомства. Но прошло болѣе 40 лѣтъ съ ея смерти, и до сихъ поръ никто ни слова не сказалъ объ ея жизни, никто не указалъ даже ея могилы, ни мѣста, гдѣ родилась она. Все это вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими воспоминаніями ея близкихъ неминуемо должно скоро поглотиться вѣчностью. Желая сберечь отъ забвенія хотя бы обликъ или силуэтъ талантливой, вполне симпатичной и для нашего времени писательницы, я обратилась съ просьбой къ ея роднымъ. Одна изъ дочерей Елены Андреевны—В. П. Желиховская³⁾, обязательно сообщила мнѣ—шяся свѣдѣнія о жизни матери и позволила просмотрѣть письма покойной къ ея сестрѣ—другу Екатерины Андреевны Виттъ. На основаніи этого матеріала, попробую набросать повѣсть жизни Зененды Р—вой, повѣсть ея собственнаго женскаго сердца, такъ ярко отразившагося въ ея произведеніяхъ, въ особенности въ лирическомъ паеосѣ ея повѣстей.

Е. Н.

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, часть 7-я, стр. 151.

²⁾ Соч. Тургенева. Посмертное изд. Ч. 1-я.

³⁾ В. П. Желиховская написала нѣсколько повѣстей, романовъ, драмъ (одна изъ нихъ удостоена преміи Вучича), дѣтскихъ рассказовъ и статей для народнаго чтенія.

I.

Въ то время, какъ графиня Ростопчиной минуло 16 лѣтъ, и она— полная сознанія своей красоты — окруженная поклонниками, занята въ Москвѣ приготовлениями къ предстоящимъ свѣтскимъ выѣздамъ, въ это время далеко отъ обихъ столицъ, въ провинціальной глуши, среди того пошлѣйшаго общества, которое навсегда увѣковѣчено Гоголемъ въ его «Мертвыхъ Душахъ» и «Ревизоръ» — среди такого общества подрастаетъ въ Екатеринославѣ другая писательница — Елена Андреевна Фадѣева. Ей всего 13 лѣтъ, но въ ея воображеніи уже носятъ образы древнихъ героевъ съ ихъ великими подвигами; Плутархъ, дѣянія великихъ людей, событія исторіи—составляютъ предметъ ея интереса; природа съ ея красотой, простой полевой цвѣтокъ съ своимъ ароматическимъ благоуханіемъ, причудливымъ уборомъ, со всѣмъ разнообразіемъ своей затѣливой постройки,— старинная потертая монета, найденный камешекъ съ какимъ-нибудь загадочнымъ отпечаткомъ — все привлекаетъ вниманіе любознательной дѣвочки. Чтеніе серіозной книги смѣняется музыкой, пѣніемъ, рисованіемъ, уходомъ за цвѣтами... Такое обиліе умственной пищи, эстетическихъ наслажденій объясняется исключительнымъ условіемъ дѣтства Елены Андреевны. У нея было величайшее богатство, незамѣнимое преимущество, котораго лишена была въ дѣтствѣ гр. Ростопчина, — у Е. А. Фадѣевой была замѣчательно умная мать—были ея заботы, ея ласки, ея любовь. Силою своего необычайнаго ума и—даже для нашего времени — замѣчательно солиднаго образованія, мать Елены Андреевны, Елена Павловна Фадѣева, сумѣла и въ захолустномъ Екатеринославѣ создать въ своемъ семейномъ уголкѣ особую атмосферу, гдѣ постоянно присутствовалъ литературный, художественный и даже научный интересъ. Это была несомнѣнно выдающаяся, необыкновенная женщина. Происходила она изъ рода князей Долгоруковыхъ, была старшая дочь князя Павла (онъ же и Иванъ) Васильевича Долгорукова и Гевриеты Адольфовны, рожденной Бандре-дю-Плесси¹⁾. Еще крошкой она была отдана на воспитаніе къ бабушкѣ Бандре и привезена въ ея имѣніе—село Ржищево Киевской губерніи. Здѣсь, вдали отъ свѣта прошли ея дѣтство и первая молодость. У бабушки была приятельница, которая жила тутъ же по сосѣдству — графиня

¹⁾ Въ „Запискахъ“ Е. А. Хвостовой она невѣрно называется „урожденная Монморанси“.

Дзялынская, женщина серьёзно-образованная, многосторонне-развитая. Она имѣла громадное вліяніе на развитіе дѣвочки. Интересъ къ ботаникѣ, исторіи, археологіи, желаніе какъ можно больше знать, добиться знаній безъ посторонней помощи,—все это развилось подѣ вліяніемъ умной и доброй сосѣдки... Такъ прожила Е. П. Долгорукая до 25 лѣтняго возраста, пока не явился нѣсколько запоздалый по тому времени женихъ — Андрей Михайловичъ Фадѣевъ. Онъ былъ двумя годами моложе невѣсты, хотя на службѣ состоялъ уже давно. Отецъ его управлялъ Огнискимъ каналомъ въ Минской губерніи. Сюда, подѣ начальство къ отцу, поступилъ служить и Андрей Михайловичъ, когда ему было всего 12 лѣтъ.

Во время войны 1812 года весь штатъ управленія Огнискимъ каналомъ былъ переведенъ въ Кіевъ. Вмѣстѣ со всѣми служащими пріѣхалъ сюда и 23 лѣтній юноша А. М. Фадѣевъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ умной, своеобразно развитой княжной Е. П. Долгорукой. Они влюбились другъ въ друга. Фадѣевъ сдѣлалъ предложеніе, но согласія на бракъ не получилъ. Онъ былъ бѣденъ, безъ виднаго мѣста, безъ чина, безъ карьеры, безъ состоянія, потому родные, т. е. отецъ и бабушка, которые къ этому времени успѣли обѣднѣть, были противъ «безразсуднаго брака». И молодые люди повѣнчались въ 1813 году помимо воли родителей, имѣя въ карманѣ всего 100 р. ассигнаціями.

Къ тому времени кончилась война съ французами. Управление Огнискимъ каналомъ снова направилось въ Минскую губернію. Фадѣевъ не захотѣлъ везти молодую въ такую глушь. Онъ поѣхалъ искать мѣста въ Петербургъ, гдѣ бывалъ не разъ по дѣламъ службы и гдѣ у него было много знакомствъ въ аристократической средѣ.хлопотать, жить въ ожиданіи пришлось долго. Деньги незамѣтно уплывали, и оказалось необходимо взять хоть на время мѣсто ассесора въ нижегородскомъ губернскомъ правленіи. И только въ 1815 г. Фадѣевъ былъ назначенъ въ Екатеринославль членомъ конторы иностранныхъ поселенцевъ, гдѣ и прослужилъ 15 лѣтъ, постоянно разъѣзжая по колоніямъ для изслѣдованія нуждъ и потребностей колонистовъ¹⁾. По рассказамъ людей, хотя сколько-нибудь его знавшихъ,— онъ представлялъ образецъ безкорыстія и неподкупности. Среди поселенцевъ оставилъ по себѣ самую лучшую память, самое лучшее воспоминаніе.

Жена не скучала въ длинныя отлучки мужа. Еще до переѣзда въ Екатеринославль у нея 11-го января 1814 года, близъ села Ржи-

¹⁾ „Газета Кавказъ“. 1867 г., очеркъ объ А. М. Фадѣевѣ.

шева, родилась дочь Елена, — наша будущая Зененда Р—ва. У молодой матери-хозяйки была на руках масса дѣла; если же оставалось свободное время, она отдавалась какому-нибудь изящному искусству или научнымъ занятіямъ. Она очень любила ботанику, собирала гербаріи, рисовала растенія. Послѣ нея остались десятки томовъ собственноручныхъ рисунковъ съ тѣхъ растеній, которыя она собрала и опредѣлила сама; осталась орнитологическая коллекція, часть которой хранится въ музей кавказскаго общества сельскаго хозяйства, — минералогическая и палеонтологическая коллекція, а также и собраніе древнихъ монетъ ¹⁾.

Любовь къ занятіямъ у нея была до того сильна, что когда параличъ разбилъ всю правую часть ея тѣла и лишилъ употребленія правой руки, она имѣла терпѣніе выучиться не только писать, но и рисовать лѣвой рукой. «И рисовала такъ хорошо—говоритъ ея внучка, г-жа Желиховская, что никто вѣрить не можетъ, глядя на послѣдніе два тома ея рисунковъ, что они нарисованы лѣвой рукой!»

Не смотря на постоянныя занятія, дѣятельную трудовую жизнь, Елена Павловна прожила до глубокой старости—умерла въ Тифлисѣ на 72 году ²⁾.

II.

Не мудрено, что такая умная, талантливая, образованная женщина сзумѣла развить въ своихъ дѣтахъ привычку къ серьезнымъ занятіямъ, къ труду и любовь къ природѣ и искусству. Въ Екатеринославѣ у нея родилась вторая дочь, которая, впрочемъ, жила не долго, а въ 1821 году — и Екатерина Андреевна... Эта сестра собственно и была близкимъ другомъ нашей писательницы. Хотя между обѣими дѣвочками разница лѣтъ была большая, но это не мѣшало Еленѣ Андреевнѣ до обожанія любить свою маленькую сестру. Съ годами дѣтская любовь перешла въ крѣпкую, сознательную дружбу, опиравшуюся на общность умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, дружбу, которая соединялась у Елены Андреевны съ уваженіемъ къ уму и замѣчательно твердому характеру сестры. Елена Андреевна любила въ сестрѣ тотъ здравый, холодный умъ, который регулировалъ ея чувства, поступки и недостатокъ котораго она признавала въ

¹⁾ Собранія хранятся у ея дочерей въ Одессѣ.

²⁾ „Газета Кавказъ“ 1860 года, № 72.

себѣ самой. Обѣ сестры представляли по своимъ характерамъ разительныя крайности, что можетъ быть и было немаловажной причиною ихъ сильнаго влеченія другъ къ другу. Одна — мягкая, страстная, восторженная, увлекающаяся, способная поклоняться; другая — ровная, съ виду холодная, спокойная, рассуждающая, — онѣ обѣ какъ бы дополняли одна другую.

Въ 1824 году у Фадѣевыхъ родился сынъ Ростиславъ ¹⁾, а въ 1827 году — послѣдній членъ семьи — Надежда Андреевна ²⁾. Этотъ 1827 годъ былъ страшно тяжелымъ годомъ для старшей дочери, 13 лѣтней Елены. Въ этотъ годъ занемогла ее мать — «ангелъ хранитель» и «наставница», какъ она ее называетъ. Потому всѣ заботы семьи разомъ легли на Елену; волей неволей она должна была перестать быть ребенкомъ и превратиться въ большую ³⁾. Этотъ годъ для нея навсегда остался памятенъ; значеніе его отразилось и въ ея произведеніяхъ. Многія изъ героинь Зенеиды Р-вой въ 13 лѣтъ или лишаются матери, или въ ихъ воспитаніи происходитъ вообще какая-нибудь важная перемена ⁴⁾.

Елена Андреевна съ этихъ поръ была предоставлена самой себѣ. Найти въ Екатеринбургѣ учителей, которые могли бы продолжать начатое дѣло воспитанія — было трудно; выписывать изъ столицы — у отца не было средствъ. И тринадцати-лѣтнее дитя, полное жажды серьезныхъ знаній, принимается за самообразование, которое, надо замѣтить — продолжаетъ вплоть до конца жизни. Къ этому времени она знала хорошо французскій языкъ, была знакома съ исторіей, ботаникой... языки же англійскій, нѣмецкій, итальянскій изучила впоследствии сама, безъ посторонней помощи, такъ же, какъ и русскую литературу и литературы западныя.

Для поправленія здоровья матери вся семья Фадѣевыхъ должна была предпринять поѣздку въ Крымъ. На южномъ берегу Крыма въ то время еще не было дачъ, которыя въ такой красотѣ и обиліи покрываютъ теперь весь берегъ, потому Фадѣевымъ пришлось помѣститься въ богатомъ палаццо кого-то изъ тамошнихъ владѣльцевъ.

Елена Андреевна въ первой же повѣсти вспоминаетъ объ этой жизни въ Крымѣ, въ полномъ уединеніи, среди южной природы, «гдѣ все

¹⁾ Р. А. Фадѣевъ генералъ, — недавно умершій, извѣстный военный писатель.

²⁾ Н. А. Фадѣева тоже не чужда литературныхъ занятій („Рус. Арх.“ 1866 г., № 8 и 9); въ настоящее время живетъ въ Одессѣ.

³⁾ „Отеч. Зап.“ 1842 г. Т. XXIII.

⁴⁾ Смотри повѣсти: „Идеаль“, „Судъ свѣта“ и др.

птахо посвященныя сѣмена плодовъ не нашего вѣка, гдѣ развалины генуэзской крѣпости и высокій утесъ безпрестанно являлись пылкому воображенію (дѣвочки) то древней Капитоліей, то скалою Торпейскою, и гдѣ бібліотека вѣсколькихъ сотъ томовъ была отворена для героини отъ 13 лѣтняго возраста» ¹⁾).

Извѣстно, что содержали богатая княжескія, графскія книгохранилища—начала нынѣшняго столѣтія. Не одни французскіе энциклопедисты занимали полки красивыхъ, обширныхъ шкафовъ: тутъ была чуть не вся старая и новая литература европейскіхъ народовъ—и Гомеръ, и Дантъ, и Шекспиръ, и Байронъ, и Софокль, и Шиллеръ... Солидное мѣсто занималъ здѣсь и Пушкинъ. Онъ въ это время былъ царемъ нашей литературы, «каждая строка его летала изъ рукъ въ руки; печатные экземпляры не удовлетворяли, списки ходили по рукамъ» ²⁾. Тутъ же были и стихи Жуковского, Козлова.

Всѣмъ этимъ зачитывалась молоденькая Фадѣева. День казался малъ, она удлинняла его часами ночи, и по ночамъ переписывала изъ любимыхъ поэтовъ то, что особенно нравилось. Стремленіе къ творчеству замѣчалось уже въ эти ранніе годы. Случалось ночью отъ чтенія любимаго поэта она переходила къ созданіямъ собственной фантазіи, набрасывала цѣлую повѣсть, цѣлое стихотвореніе, которыя, впрочемъ, обыкновенно сжигала днемъ ³⁾. «Она бралась за карандашъ почти невѣдомо себѣ самой, безъ всякаго участія въ томъ волѣ: что-то тѣснило ее внутри, что-то просилось изъ сердца къ простору; ощущенія волновали ея грудь, думы ронились въ головѣ, — но бѣденъ и слабъ казался ей языкъ; онъ замедлялъ ихъ полеть, удерживалъ ихъ порывы. Въ нетерпѣніи своемъ она роняла карандашъ и, разрывая исписанныя бумаги, твердила: «взоръ, безуміе... мнѣ ли подражать этимъ чуднымъ звукамъ?—Мнѣ-ль? Нѣтъ, нѣтъ!» ⁴⁾.

Случалось, на нее находили моменты экстаза, невольной импровизаціи, и тогда она легко, мастерски воспроизводила какую-нибудь сценку съ натуры, создавала цѣлый разговоръ, легенду; неудержимымъ потокомъ лилась въ такія минуты слова, выступали образы, и рѣчь незамѣтно переходила въ декламацію.

Поэтическія способности, необычайно развитой вкусъ ко всему прекрасному, своеобразный умъ, пылкое воображеніе, веселость, творческая изобрѣтательность рѣзко выдѣляли ее еще въ дѣтствѣ изъ

¹⁾ Повѣсть „Идеалъ“.

²⁾ Былое и Думы.

³⁾ „Отеч. Зап.“ 1842 г. Т. XXIII.

⁴⁾ Повѣсть „Напрасный Даръ“, стр. 36.

толпы сверстницъ,—и слова, сказанныя Байрономъ въ Манфредѣ, которыя она отнесла къ одной изъ своихъ любимыхъ героинь, вполне подходили къ ней самой:

„My joys, my griefs, my passions, my powers
Made me a stranger“.

III.

Въ 1830 году ей минуло 16 лѣтъ. Она считалась самой хорошенькой дѣвушкой въ Екатеринбургѣ. «Прелестно очерченныя губы, темныя брови, каштановыя волосы, слегка орлиный, съ маленькой горбинкой носъ»¹⁾. Но особенно красивы были ея живые, каріе глаза, необычайная подвижность тонкихъ чертъ лица и добрая улыбка. Вся фигура дышала жизнью, красотой, въ особенности, когда она, сидя за фортепьянами, упивалась звуками музыки или съ юнымъ увлеченіемъ пѣла подходящую къ своему настроенію пѣсню. Она была страстная любительница музыки. Струны арфы послушно повиновались ея пальцамъ, какъ и фортепьянные клавиши. вмѣстѣ съ музыкальнымъ талантомъ она унаслѣдовала отъ матери и талантъ къ рисованію.

При такихъ блестящихъ способностяхъ и счастливой внѣшности, она несомнѣнно имѣла бы большой успѣхъ въ свѣтѣ, если бы ей пришлось жить въ одной изъ столицъ, а не въ провинціальной глуши, гдѣ ея таланты могли возбуждать только зависть толпы, не терпящей превосходства. Пустота же свѣтской жизни не могла грозить пагубнымъ влияніемъ: серіозныя занятія уже успѣли наложить трудноизгладимый отпечатокъ, который служилъ броней отъ пустоты вообще. У нея образовалась уже потребность въ серіозной книгѣ, въ высшихъ духовныхъ интересахъ. Высокій нравственный идеалъ, который выступаетъ во всѣхъ ея произведеніяхъ и къ которому она не переставала стремиться всю жизнь, уже и въ это время былъ для нея не однимъ только теоретическимъ построеніемъ: она видѣла олицетвореніе нѣчто подобнаго въ своей семьѣ, въ матери. Потому впоследствии—даже противорѣчіе самой дѣйствительности не въ силахъ было пошатнуть идеала или заставить въ немъ усомниться. Это противорѣчіе дѣйствительности, познаніе котораго досталось не дешевою цѣною, наложило на нее только тѣнь грусти, тоски о неудовлетворенной жаждѣ лучшаго.

¹⁾ Слова В. П. Желховской.

Любовь въ 16 лѣтъ не занимала ея мечты; да и полюбить въ Екатеринославѣ было некого. Нельзя-же было увлечься какимъ-нибудь Молчалинымъ, Скалозубомъ или изрѣдка заглядывавшими въ городъ Маниловыми, Ноздревыми? Пусто было кругомъ по части интеллигентной молодежи. Отсутствие ея въ гостинныхъ замѣчалось не только въ провинціи, но и въ столицахъ. Въ 1830-хъ годахъ въ свѣтскихъ салонахъ, вмѣсто университетской молодежи, съ самодовольнымъ видомъ расхаживали офицеры. Военные люди въ обществѣ были первенствующими, такъ какъ идеалъ службы въ царствованіе Николая — была служба военная, сообщавшая человѣку наиболѣе цѣнныя тогда черты.

Въ то время, когда въ Петербургѣ все вниманіе было обращено на водвореніе и поддержаніе порядка, обезпечивающаго общественный ходъ по недавно водвореннымъ образцамъ и уставамъ, когда бдительность надзирающей полиціи одинаково ощущалась и въ арміи, и въ университетахъ, и во всемъ обществѣ,—провинція продолжала въ большинствѣ жить интересами своего угла, жизнью своей семьи. Ей не было дѣла ни до столичной сдавленности, ни до европейскихъ переворотовъ, ни до политическихъ, экономическихъ идей, ими порожденныхъ. Наступали святки, и она по прежнему начинала свое веселье, игры, гаданья...

«Гадаетъ вѣтриная младость».

И въ домѣ Фадѣевыхъ шли святочные забавы. Гадала и Елена Андреевна, увлеченная примѣромъ подругъ, но еще чаще—по свойственной ей живости и изобрѣтательности—сама первая увлекала ихъ на какое-нибудь придуманное ею самою гаданье. Гадали, конечно, о суженомъ-ряженомъ. Въ послѣднія святки точно нарочно: только задумаетъ объ имени—каждый разъ выходитъ Петръ. Много смѣялись надъ этимъ, шутили, а потомъ и забыли. Но случай напомнилъ. Онъ всегда очень услужливъ, какъ скоро человѣкъ хоть сколько-нибудь склоняется къ суевѣрію. Въ 1830 году захворалъ и умеръ въ Екатеринославѣ начальникъ и кумъ А. М. Фадѣева—Контеніусъ. Вся семья отправилась на похороны. Народу было много. Между прочимъ былъ и капитанъ конной артиллеріи—Петръ Алексѣевичъ Ганъ. Не удивительно, что умный, хорошо образованный человѣкъ, влюбился въ хорошенькую 16-ти-лѣтнюю Фадѣеву, и очень скоро сдѣлалъ предложеніе.

«Вотъ онъ и Петръ» невольно вспомнилось святочное гаданье. Но что можетъ она, 16-ти-лѣтнее дитя, отвѣтить на такой важный вопросъ? Что понимаетъ она, не смотря на свое развитіе, умъ, знаніе всевозможныхъ искусствъ,—что понимаетъ она подъ словомъ «бракъ»?

Что вообще подъ этимъ словомъ понимаетъ дѣвушка въ такіе годы? Ей чудится иллюзія совмѣстныхъ думъ, желаній, наслажденій искусствами, поэзіей, какой-то неземной, уносящей въ высъ небесную, душевный восторгъ, сказочный рай,—или-же, какъ бываетъ теперь, — дружная работа рука объ руку съ дорогимъ человѣкомъ, во имя общихъ, одинаково дорогихъ, идеаловъ.

Но такъ или иначе—бракъ для дѣвушки въ эти годы, при самыхъ лучшихъ, исключительныхъ условіяхъ все-же лоттерея: «вынется—хорошо, а не вынется—гуляй всю жизнь съ пустымъ», ни поворота, ни выхода изъ заколдованнаго круга, куда женщина, повидимому, сама добровольно вступаетъ. Но это только «повидимому». Ее обманываютъ ея собственныя грезы, ея сны, которые единственно даютъ отвѣты на загадочный вопросъ. И грезы ведутъ къ алтарю. Здѣсь завязывается или та чудная поэма, героиней которой она станетъ въ будущемъ, или, что бываетъ чаще—безъ надежды на благоприятный исходъ—длинная трагедія. Посмотримъ, во что разовьется этотъ моментъ въ жизни 16-лѣтней Елены Андреевны, протянувшей у алтаря руку человѣку, котораго едва знала въ лицо и который былъ вдвое старше ея—ему былъ 32-й годъ.

Едва молодые успѣли повѣнчаться, какъ П. А. Гань получилъ приказъ идти въ польскую кампанію. Елена Андреевна осталась у родныхъ. Здѣсь, въ отсутствіи мужа, родился и первый ребенокъ—Лоло или Лолоша ¹⁾, какъ она ее называла,—которая съ этихъ поръ дѣлается предметомъ горячихъ материнскихъ заботъ. Елена Андреевна сама и кормить, и ходить за ней, не смотря на свои 17 лѣтъ. Мужъ вернулся только черезъ годъ. Только черезъ годъ молодая чета переселилась изъ дома Фадѣевыхъ въ Романьковъ—мѣстечко въ той-же Екатеринославской губерніи—и начала свою новую жизнь. Только съ этихъ поръ начинается замужняя жизнь для Елены Андреевны.

¹⁾ Теперь она извѣстна подъ именемъ Елены Петровны Блаватской, основательницы теозофическаго общества; а въ литературѣ—подъ псевдонимомъ—„Рада-Бай“.

IV.

Петръ Алексѣевичъ Ганъ велъ свою родословную отъ германскихъ рыцарей, чему, впрочемъ, особаго значенія не придавалъ. Отецъ его былъ заслуженный генералъ, а мать урожденная графиня Пребстингъ ¹⁾). Петръ Алексѣевичъ по тому времени былъ человѣкъ хорошо образованный: получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, говорилъ на иностранныхъ языкахъ и былъ довольно начитанный; отъ природы умный, веселый, съ несомнѣннымъ присутствіемъ дара остроумія, ѣдкой шутки. Онъ былъ въ жизни человѣкъ практичный, положительный, чуждый всякихъ сантиментальностей, восторговъ, увлеченій. Проживши нѣсколько лѣтъ съ батареей въ заолустыѣ, среди товарищей офицеровъ, коней, пушекъ, заолустныхъ помѣщиковъ, онъ давно утратилъ потребность въ поэзіи, искусствѣ, литературѣ, однимъ словомъ, въ тѣхъ интересахъ, которыми жила его жена, полная еще съ дѣтства творческой фантазіи и поэтическихъ грезъ. Разница вкусовъ и характеровъ мужа и жены должна была рѣзко сказаться.

Въ началѣ Елена А. старалась сойтись съ нимъ, найти отголосокъ своихъ чувствъ и мыслей; но онъ смѣялся, зѣвалъ, перерывалъ ея восторженные мечтанія просьбою заказать къ завтрашнему обѣду побольше ветчины или, соскучившись слушать непонятные для него звуки, заигрывалъ на свой ладъ пѣсенку, которая возмущала все существованіе бѣдной женщины ²⁾). Его насмѣшливый умъ постепенно покидалъ одно за другимъ изъ ея невинныхъ упованій. «Все, чему отъ дѣтства поклонялась я, — говорить ея героиня въ повѣсти «Судь святая», — было осмѣяно его холоднымъ разсудкомъ; все, что чтла, какъ святость, представили мнѣ въ жалкомъ и пошломъ видѣ ³⁾». И Елена Андреевна естественно должна была во-очію убѣдиться, что бракъ не то! что грезы обманули, что судьба ея связана съ человѣкомъ, котораго хотя и нельзя назвать дурнымъ, но съ которымъ у нея нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго.

Окружающіе — компанія офицеровъ, съ ихъ плоскими шутками, убійственнымъ табачнымъ дымомъ, съ ихъ бездѣльемъ — все было такъ

¹⁾ По второму браку Васильчикова.

²⁾ „Идеалъ“, стр. 132—133.

³⁾ Стр. 339.

неподходяще къ ней, привыкшей съ дѣтства къ труду, къ общенію съ развитыми людьми... И она поняла, что надо уйти въ себя, тщательно скрывать отъ окружающихъ свои думы, свои интересы. «Я жила въ свѣтѣ, какъ въ пустынѣ,—говорить та же героиня,—гдѣ лишъ камни, да перелетныя облака были моими свидѣтелями. Жила подѣ влияніемъ собственнаго уваженія къ себѣ и примѣра моей матери, а людскія мнѣнія считала миражемъ, который никого не прохладить, не утолить ничьей жажды».

Но весь ужасъ такой отчужденности, такого тяжелаго для женщины душевнаго одиночества сознала и испытала Елена А. много позднѣй. Сперва въ новой жизни все привлекало новизной—и мѣстечко, и обстановка, и отношеніе къ людямъ; частыя свиданія съ «родной семьей» давали возможность полной духовной жизни. Она вмѣстѣ съ своей малюткой часто гостила у нихъ; любимица-сестра пріѣзжала не разъ; постоянно переписывалась, обмѣнивались нотами, книгами. Близость къ роднымъ не давала закрадываться мысли о душевномъ одиноствѣ, и она, не считавшая любовь «потребностью жизни, единственнымъ счастьемъ, главнымъ предметомъ существованія женщины», если не смотрѣла равнодушно, то мирилась съ тѣмъ, что рядомъ стоялъ не тотъ человѣкъ, о жизни съ которымъ могла бы мечтать. Другое дѣло, если ей придется уѣхать отсюда, уѣхать куда-нибудь далеко отъ родной семьи, тогда... Но она сама не знаетъ, что можетъ быть тогда! Это такъ страшно, такъ невѣроятно... лучше не думать. Но въ жизни всегда какъ нарочно совершается то, что казалось бы вывести выше всякихъ вѣроятій.

Должно быть, въ концѣ 1833 г. или началѣ 1834 батарея мужа была переведена въ какое-то мѣстечко Киевской губерніи, и Петръ Алексѣевичъ вмѣстѣ съ семьей долженъ былъ послѣдовать за нею. На новомъ мѣстѣ батарея оставалась недолго. Съ этихъ поръ и батарея, и семья Гань, слѣдовавшая за ней, какъ слѣпой за вожакомъ, теряютъ осѣдность и начинаютъ перекочевывать изъ мѣстечка въ мѣстечко, изъ одной губерніи въ другую; начинается та бивуачная жизнь, про которую Елена А. говорить: «Хорошо кочевать объ руку съ любовью; но если ея нѣтъ?... Настало урочное время—и покидай все, отрывай сердце отъ всего, съ чѣмъ оно свыклось, что было ему мило; укладывай чувства въ дорожную сумку и иди къ чужимъ людямъ»¹⁾

Глубина чувства, теплое, любящее сердце, которое постоянно

¹⁾ Повѣсть „Судъ свѣта“.

искало съ людьми душевныхъ отношеній, заставляло г-жу Ганъ страдать отъ того, что другіе совершаютъ и переживаютъ съ легкимъ сердцемъ, незамѣтно и даже весело. Въ каждомъ новомъ мѣстѣ ей, какъ женѣ батарейнаго командира, обязательно приходилось завязывать и поддерживать новыя связи, новыя знакомства; приходилось становиться лицомъ къ лицу съ тѣмъ пошлѣйшимъ обществомъ, про которое Герценъ, заброшенный въ это же время въ восточныя окраины, такъ отзывается въ своихъ письмахъ: «Когда Богъ сжалятся надъ этой толпой, которая столь же далека отъ человѣка, сколько отъ птицы... Истинно ужасно видѣть, какъ мелочи, вздоры, суетни поглощаютъ всю жизнь, и иногда существа, которыя при иныхъ обстоятельствахъ были бы людьми, и быть обязану брать участіе во всемъ этомъ!..» ¹⁾.—Дѣйствительно, надо было имѣть много нравственныхъ силъ, богатый душевный и умственный запасъ, чтобы не опозлѣть. Елену Андреевну, кромѣ известной привычки къ умственной работѣ, въ данномъ случаѣ отвлекала отъ окружающаго и поддерживала любовь къ дѣтямъ, забота о нихъ. У нея уже родился сынъ — любимецъ «Сашка». Эти заботы отвлекаютъ также и отъ мысли о душевномъ одиночествѣ, которое по временамъ стало тревожить сердце и голову молодой женщины. Родные были далеко. Еще въ 1834 году отецъ получилъ мѣсто въ Одессѣ, былъ назначенъ членомъ попечительнаго комитета надъ колонистами. Туда, къ роднымъ, рвалась душа ея, а здѣсь держало что-то необходимое, докучное, но непреложное. Не радуется и переѣздъ батареи въ Романьковъ. «Съ грустной душой возвращусь въ тѣ мѣста,—пишетъ она роднымъ. Одна надежда приятная угѣшаетъ меня, что папа часто будетъ у насъ» ²⁾.

Съ переѣздомъ въ Романьковъ сильно началъ болѣть ея «Сашка». Къ ранней веснѣ болѣзнь усилилась. На дворѣ стояла непроѣздная грязь, весенняя распутица: ни пѣшкомъ, ни на лошади. Мальчику съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ становилось хуже, а послать въ городъ за докторомъ невозможно. Страшная, непередаваемая словомъ минуты переживаетъ Елена А., одна, безпомощная, съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ, безъ лекарствъ, безъ доктора, безъ малѣйшей возможности облегчить страданія малютки!—она теряла голову, исходила въ слезахъ. А смерть между тѣмъ безпокойная, мучительная, медленная дѣлала свое—смерть вырывала у нея ея родное дитя, которое,

¹⁾ Вѣсти. Евр. 1883 г., мартъ, стр. 131.

²⁾ Письмо безъ даты (рук. № 2).

казалось, принадлежало только ей, принадлежало, как неотъемлемая собственность, как принадлежит человеку голова, руки, самъ онъ; смерть лишала ее единственной на свѣтѣ улыбки—улыбки ея ребенка...

Сашу давно уже похоронили, а тѣнь грусти, тѣнь пережитаго страданія такъ и осталась на лицѣ Елены А—ны. Фактъ смерти роднаго дитяти снялъ какъ бы завѣсу, благодаря которой многое видѣлось подъ другимъ угломъ зрѣнія, въ иной окраскѣ,—и главное—совсѣмъ не видѣлось того, что можно назвать «дномъ жизни».

Теперь, послѣ вынесенныхъ страданій, этотъ грязный Романьковъ, гдѣ стояла батарея и гдѣ, вмѣсто ея «милаго Сашки», оставался только зеленый холмикъ,—этотъ Романьковъ сталъ невыносимъ. И она уѣхала всей семьей въ Одессу къ роднымъ. Тутъ у нея родилась вторая дочь—Вѣра ¹⁾).

Съ этихъ поръ Гань отдыхала только тогда, когда попадала въ «родную» семью, гдѣ самая форма, обстановка жизни давали больше и нравственныхъ, и материальныхъ удобствъ. Здѣсь все отвѣчало ея вкусамъ, воспитанію, потребностямъ; здѣсь получалась и единственная въ то время съ политическимъ отдѣломъ газета «Сѣверная Пчела», и любимый провинціей толстый журналъ «Библиотека для Чтенія». Хотя эти органы принадлежали партіи консервативной, господствовавшей у насъ въ 1830-хъ годахъ, но для провинціи, въ большинствѣ равнодушной еще и теперь къ политической жизни, политическимъ убѣжденіямъ, эти органы были важны, какъ проводники литературныхъ интересовъ, умственной жизни вообще. Съ этой чисто литературной стороны они интересовали и Елену А—ну, приносили ей литературныя новинки.

Но жизнь въ Одессѣ, помимо удобствъ отъ присутствія «родной семьи», имѣла и въ самой себѣ очень много привлекательнаго.

„Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
„Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
„Разнообразностью живой“.

(„Евгеній Онегинъ“).

Одесса уже тогда во многомъ напоминала европейскій городъ. Здѣсь вѣялъ европейскій духъ; здѣсь была своя постоянная опера; сюда прѣзжали знаменитые столичные актеры, давшіе понять, какъ,

¹⁾ Это и есть В. П. Желиховская.

напрямѣръ, Щепкинъ, всю силу вліянія актера на зрителя ¹⁾. Одесса—былъ первый городъ, гдѣ Елена А. встрѣтила массу совершенно новыхъ впечатлѣній. Театръ, музыка, заѣхавшій актеръ... наконецъ, внѣшняя красота города, съ его декорацией морской дали—все было полно интереса, радости—для нея, жившей въ глуши. Здѣсь отдохнула она душой, отогрѣлась умомъ и чувствомъ..

Жизнь въ Одессѣ промелькнула, какъ сонъ. Опять начались прежнія странствованія за батареей—то въ Малороссію, то въ Тулу... Опять все то же. «И сегодня, и завтра, и вѣчно все то-же; годы, создавая и разрушая царства, какъ будто забываютъ о захолустныхъ мѣстечкахъ» ²⁾. Послѣ Одессы этотъ прежній застой, прежняя пустота лагерной жизни, которая разнообразилась карточными столами, разговоромъ о высокихъ способностяхъ чьей-нибудь собаки или о копытахъ недавно купленнаго коня, который смѣнялся вопросомъ «о генияхъ нашей словесности»—все это теперь становилось тяжело, скучно; являлось желаніе иной жизни, настоятельнѣй чувствовалась потребность въ душевной гармоніи, а минутами даже казалось—вотъ, вотъ,—и не хватить больше силъ на такую жизнь.

Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ совершенно неожиданно получился приказъ двигаться батарее въ Петербургъ! Собраться, ѣхать всей семьей, вмѣстѣ съ обѣими дѣвочками, изъ которыхъ одну она еще кормила грудью, собраться въ такой далекій путь, было для Елены А.—ны дѣломъ чуть не одной минуты,—такъ обрадовалась она этой повѣздкѣ! Повѣздка избавляла ее отъ тоски, однообразія и, кромѣ того, манила магическимъ словомъ «Петербургъ».

¹⁾ „Спб. Вѣд.“, 1884 г., августъ.

²⁾ „Судъ свѣта“.

V.

«Вот мы уже четыре дня въ Сѣверной Пальмирѣ»,—пишетъ Елена Андреевна къ сестрѣ весной 1836 года ¹⁾.

Петербургъ понравился ей своей чистотой, обширностью, массивными домами, Невскимъ проспектомъ, въ то время еще съ обѣихъ сторонъ «обсаженнымъ густыми липами»,—городскимъ просторомъ, небесною далью, въ которой весь Петербургъ, съ его постройками, казался ей какой-то фантастической театральной декорацией. Она, словно узникъ, выпущенный на волю послѣ долгихъ дней тюрьмы, цѣлые дни готова бродить по улицамъ, любоваться у дворцовой пристани на заходящее солнце, картиною Невы, покрытой лѣсомъ мачтъ. Одно не хорошо—ходить не съ кѣмъ. Для мужа Петербургъ не новость—онъ провель здѣсь и дѣтство, и юность; да ему и некогда—онъ въ лагеряхъ. Одной ходить не дозволяютъ столичные нравы того времени: нѣтъ прохода отъ петербургскихъ ловеласовъ. И, только перезнакомившись съ родными мужа, его братьями, нашла, наконецъ, постоянного спутника въ лицѣ Ивана Алексѣевича Гань, который, какъ и она, былъ страстный любитель природы, искусства, всего изящнаго. Съ нимъ осматривала и соборы, и картинные магазины, замѣнявшіе наши передвижныя выставки. Здѣсь познакомилась съ работами Брюлова, Кипренскаго. Съ Иваномъ Алексѣевичемъ каталась и на парусномъ баркасѣ по каналамъ,—и любовалась видомъ съ Петропавловской крѣпости. «Картина единственная—пишетъ она—я съ часъ пробѣгала съ одной стороны на другую. Да, я любовалась, а подъ ногами моими, подъ этимъ валомъ, въ сырой землѣ жили и живутъ тысячи несчастныхъ—тамъ казематы...» ²⁾. Но задумываться было некогда, закатывалось солнце, наступалъ вечеръ, пора было ѣхать въ оперу. Иванъ Алексѣевичъ позаботился и о билетѣ: еще раннимъ утромъ, едва она успѣла проснуться, онъ уже принесъ билетъ.

Мужъ не сопровождаетъ и въ театръ. Онъ не охотникъ до театра, да паходить, что и билеты дороги. Въ тѣ времена, съ дамой въ партеръ ходить было не принято, а ложи меньше 15 р. не было. Потому Елена А. бываетъ въ театрѣ только благодаря любезности Ивана Алексѣевича или кого другаго изъ братьевъ мужа.

Столичныя удовольствія не заслонили заботы о дѣтяхъ, не нару-

¹⁾ Письмо безъ даты (№ 3).

²⁾ Письмо № 8.

шили своимъ весельемъ обычныхъ занятій г-жи Ганъ. Она попрежнему играетъ съ Лоло на фортепьянахъ, поетъ съ ней пѣсенки, учитъ грамотѣ и радуется необычайнымъ способностямъ и уму своей 5-ти-лѣтней дѣвочки. Попрежнему много работаетъ, занимается языками, изучаетъ въ подлинникѣ Байрона, много играетъ на фортепьянахъ, много читаетъ. Здѣсь перечла не мало историческихъ сочиненій, между прочимъ, какъ сама упоминаетъ въ письмѣ, и запрещенную въ то время книгу Барнава, представляющую очеркъ характеристики нѣкоторыхъ героевъ революціи..

Доставать книги, новыя музыкальныя пьесы, быть въ курсѣ литературныхъ и музыкальныхъ новостей стало еще удобнѣе съ тѣхъ поръ, какъ перезнакомилась съ многочисленными родственниками своей матери—Сушковыми ¹⁾, Беклешевыми. У нихъ нерѣдко бывали музыкальныя, литературныя вечера. Здѣсь слушала пѣвца Яковлева, который въ то время былъ въ большой модѣ; здѣсь познакомились и съ оперой молодого таланта Глинка: «Иванъ Сусанинъ», какъ прежде была названа «Жизнь за Царя».

Въ жизни съ такой богатой смѣной впечатлѣній, въ особенности послѣ захолустья, несомнѣнно есть что-то пьянящее. Но моменты опьяненія проходить всегда быстро, а у Елены Андреевны они къ тому же еще смѣняются какимъ-то невѣдомымъ ей самой ощущеніемъ тоски, жгучимъ чувствомъ сознанія одиночества.

«Конечно, пріятно взглянуть на великолѣпіе стѣнъ—говорить она въ письмѣ—но все-таки эти стѣны каменные, безотвѣтныя, и нѣтъ души въ цѣломъ Питерѣ, которая бы была мнѣ близка» ²⁾.

Только въ первый разъ съ такою ясностью формулируетъ она свою тоску душевнаго одиночества. Среди столичнаго многолюдства, непривычнаго шума, всеобщей праздничной вѣшности, веселья, которое бросается въ глаза—такъ хотѣлось бы родственнаго отъѣзда, взгляда, улыбки, пожатія! Жажда жизни въ такія минуты закипаетъ сильнѣй. «Ты скажешь, пишетъ она сестрѣ ³⁾—какая счастливица, какъ ей весело! А часто, часто бываетъ такъ грустно, что ничто окружающее моей тоски не разобьетъ. Такъ, вчера въ Лѣтнемъ саду, посреди толпы

¹⁾ Младшая дочь кн. П. В. Долгорукова, родная сестра Е. П. Фадѣевой, была замужемъ за А. В. Сушковымъ, роднымъ братомъ отца граф. Ростовичиной. Ея дочери: Ев. А. Хвостова и Ев. А. Ладыженская—приходилась Ел. А. Ганъ двоюродными сестрами. Елена Андреевна особенно сошлась съ Хвостовой, которая къ этому времени уже успѣла пережить рассказанную въ ея «Воспоминаніяхъ» сердечную драму.

²⁾ Письмо отъ 25-го іюля 1836 г.

³⁾ Тамъ же.

гуляющих, я глотала слезы, а ты знаешь, что у меня слезы недоровы, легко не идут. Я всё́мъ чужда — всё́мъ, всё́мъ!»...

Возвращеніе мужа изъ лагерей не только не уничтожило тоски одиночества, но, напротивъ, какъ бы еще сильнѣй заставило сознать, почувствовать весь ужасъ жизни вдвоемъ съ человѣкомъ, съ которымъ ничего... оказывается — ничего нѣтъ и не было общаго! Никогда до сихъ поръ не замѣчала она всей страшной пропасти, которая на самомъ дѣлѣ всегда лежала между ею и мужемъ; никогда не видала съ такой поразительною ясностью, какъ увидѣла теперь, всю разницу натуръ, взглядовъ, симпатій, убѣжденій. Понятно, почему это случилось именно теперь, въ Петербургѣ. До сихъ поръ у нея никогда не было такой массы впечатлѣній и такой настоятельной потребности дѣлиться ими. Здѣсь на каждомъ шагу представлялся случай, гдѣ сталкивались и объявлялись противоположности натуръ и вкусовъ мужа и жены.

Вотъ какъ-то разъ она вмѣстѣ съ мужемъ и Ив. Ал. Гань отправилась въ Ораніенбаумъ. На дворѣ былъ тихій, теплый, словно лѣто, осенній вечеръ. Они сидѣли на балконѣ. Она и Ив. Ал.—оба любовались картиной заходящаго солнца. Картина приковала ихъ. Елена Андреевна не въ силахъ была отвести глазъ... Но вотъ скоро солнце зашло въ море и оставило по себѣ ярко-красную полосу на небѣ, какъ зарево пожара. Лѣсъ почернѣлъ; еще нѣсколько маяковъ зажглось на горизонтѣ ¹⁾... Одна краса смѣнила другую. Елена Андреевна въ порывѣ восторга, какъ бы боясь нарушить звукомъ прелесть картины, едва слышно прошептала:

„Погасло дневное свѣтло,
На море синее вечерній наль туманъ“...

А мужъ?—Онъ давно ушелъ съ балкона, давно сидитъ въ гостинницѣ передъ накрытымъ столомъ и нетерпѣливо ждетъ, скоро-ли закатится докучное солнце? скоро-ли покончатся восторги? — Его несравненно больше всякихъ картинъ природы интересуеетъ вопросъ: какой обѣдъ готовится сегодня въ гостинницѣ и нельзя-ли послѣ обѣда заснуть?

Въ Петербургѣ впервые познала Елена Андреевна возможность удовлетворенія не только жажды къ литературѣ, потребности эстетическихъ наслажденій, но и давно проснувшейся способности наблюдать. Естественно, что ей не хочется изъ Петербурга. Одна мысль объ

¹⁾ Последнее письмо изъ Петербурга.

отъздѣ—ужасаетъ. «Признаюсь, страшно вспомнить, что придется же возвратиться въ какой нибудь Романьковъ или Осколь! О, Боже мой, дай терпѣнія!» ¹⁾).

Это уже болѣзненный крикъ отъ одной перспективы прежней жизни, гдѣ «и сегодня, и завтра, и вѣчно все то-же»... А въ Петербургѣ что ни шагъ—то удовольствіе, и такое, которое невозможно видѣ столицы. Вотъ какъ-то на дняхъ вмѣстѣ съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ Иваномъ Алексѣвичемъ она отправилась въ частную картинную галерею— и какой сюрпризъ! «Я наткнулась на фигуру—говоритъ она—которая оказалась мнѣ очень знакома. Иванъ Алексѣвичъ въ то же время сжалъ мнѣ руку, указывая на нее. И я при второмъ взглядѣ узнала Пушкина. Я воображала его чернымъ брюнетомъ, но его волосы не темнѣе моихъ — длинные, непричесанные, маленькій ростомъ, съ заросшимъ лицомъ, не красивъ, только глаза, какъ угли, блестятъ и въ непрерывномъ движеніи»... — Вотъ что возможно для нея въ Петербургѣ! «Я, разумѣется — забыла картину, продолжаетъ она, чтобы смотрѣть на него. И онъ, кажется, это замѣтилъ, нѣсколько разъ, взглядывая на меня, улыбался, видно, на моемъ лицѣ изображалось какое-то adoration» ²⁾).

Здѣсь возможно очутиться лицомъ къ лицу съ людьми, о которыхъ знаешь только по книжкамъ, возможно видѣть «великихъ поэтовъ» во очію; возможно знакомство съ литераторами, журналистами, съ литературными коринееями... Недавно встрѣтила Сеньковского, познакомилась съ нимъ. Вѣдь это большая звѣзда того времени, а въ особености для нея — провинциалки, читательницы Библиотеки для чтенія! Благодаря этой встрѣчѣ, она хоть и робко, но дѣлаетъ первую попытку писать для печати: вручаетъ Сеньковскому переводъ или, вѣрнѣе, компиляцію романа Бульвера: «Годольфинъ», подъ названіемъ: «Любовь и Честолюбіе». Съ замираніемъ сердца, какъ всякій начинающій, заглядываетъ въ выходящіе №№ Библиотеки для чтенія. Въ одномъ изъ нихъ, оказывается, помѣщенъ и ея переводъ.

На первый разъ такого ободренія довольно. Быстро возникаютъ въ головѣ новые планы работъ... кое что уже есть—надо только хо-рошенько обдумать...

Въ это время въ Петербургѣ былъ ея отецъ—А. М. Фадѣевъ. Онъ пріѣхалъ сюда по дѣламъ службы изъ Астрахани, гдѣ служилъ почечителемъ надъ кочующими калмыками, и теперь собирался въ обратный путь, какъ разъ въ то время, когда мужъ Елены А. получилъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

приказъ отправиться въ Малороссію. Одновременно съ П. А. Гань выѣхала изъ Петербурга и Елена А. съ дѣтьми, только не въ Малороссію и не съ мужемъ: въ первый разъ она разсталась съ нимъ надолго; пустилась, подъ охраной и покровительствомъ отца, на другой конецъ Россіи — къ роднымъ въ Астрахань. Ее не страшитъ ни тысячеверстное пространство, ни тяжелыя, убійственныя дороги того времени. Она полна впечатлѣніями видѣннаго, слышаннаго, а кто знаетъ? можетъ быть, и пережитаго. Къ тому же неудобства дорожной жизни — не новость: они хорошо знакомы по постояннымъ кочевьямъ съ мужемъ изъ губерніи въ губернію.... Елена Ан. поглощена теперь одной только думой — писать, писать самостоятельно для печати. И послѣ ряда раздумій посылаетъ въ Библіотеку для чтенія первую оригинальную повѣсть: «Идеаль», тщательно скрывши при этомъ свое имя подъ псевдонимомъ Зенеиды Р-вой.

Ш. С. Неврасова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТЮТЧЕВЪ

1831.

Какъ дочь родную на закланье
Агамемнонъ богамъ принесть,
Прося попутныхъ бурь дыханья
У негодующихъ небесъ—
Такъ мы, надъ горестной Варшавой,
Ударъ свершили роковой,
Да кунимъ сей цѣной кровавой
Россіи цѣлость и покой.

Но прочь отъ насъ вѣнецъ безславья,
Сплетенный рабскою рукой,
Не за коранъ
Кровь русская лилась рѣкой!
Нѣтъ, насъ одушевило въ боѣ
Не чревобѣсіе меча,
Не звѣрство янычаръ ручное
И не покорность палача.

Другая мысль, другая вѣра
У русскихъ билася въ груди:
Грозой спасительной примѣра
Державы цѣлость соблюсти,
Славявъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И вестъ на подвигъ просвѣщенья
Единомышленныхъ какъ рать.

Сіе-то высшее сознанье
Вело нашъ доблестный народъ;
Путей небесныхъ оправданье
Онъ смѣло на себя беретъ.

Онъ чуетъ надъ своей главою
Звѣзду въ неярной высотѣ,
И неуловно за звѣздою
Спѣшитъ къ таинственной межѣ.

Ты-жъ братскою стрѣлой пронзенный,
Судебъ свершая приговоръ,
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ.
Вѣрь слову русскаго народа,
Твой пепелъ мы свято сбережемъ
Какъ финикъ зародится въ немъ.

Ө. И. Тютчевъ.

Сообщ. 13 января 1883 г. отъ Мартыновъ.

Примѣчаніе. Автографъ этого стихотворенія Ө. И. Тютчева сохранился, въ числѣ прочихъ его бумагъ, у покойнаго отца іезуита кн. Н. С. Гагарина.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

въ воспоминавіяхъ А. Н. Афанасьева

1843—1849 гг.

Въ февралѣ 1882-го года, при весьма обязательномъ посредствѣ П. А. Ефремова, мы получили отъ Елисаветы Николаевны Аммонъ предлагаемый здѣсь отрывокъ изъ записокъ покойнаго ея брата Александра Николаевича Афанасьева. Покойный Афанасьевъ, извѣстный собиратель и издатель русскихъ легендъ и сказокъ и авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ монографій изъ исторіи русской литературы, былъ человекъ, отличавшійся благородствомъ, твердостью убѣжденій и любовью къ отечественной словесности и исторіи, для которыхъ много потрудился. Читатели „Русской Старинѣ“, конечно, съ интересомъ прочтутъ его воспоминавія о москов. университетѣ за самое блестящее время его бытія. Настоящій рассказъ писанъ А. Н. Афанасьевымъ въ первую половину 1855 г.

Достойно вниманія, что едва прошло тридцать лѣтъ съ того времени, какъ написаны эти записки, и изъ длиннаго ряда лицъ, въ нихъ упоминаемыхъ, остаются въ 1886 году въ живыхъ, кажется, только трое. Опочилъ сномъ смерти и авторъ этихъ записокъ, много выстрадавъ на своемъ вѣку и отъ нужды, и отъ стеченія крайне неблагоприятныхъ для него обстоятельствъ.

Ред.

I.

Вступительный экзаменъ я выдержалъ пополамъ съ грѣхомъ, что называется. Въ Москвѣ сначала очутился я совершенно одинъ, никого ни знакомыхъ, ни родныхъ. Въ этомъ многочислѣннѣи чувствовалъ странную пустоту и тоска невыносимая тѣснилась во мнѣ. Но скоро я свыкъ съ Москвою и съ юношескимъ жаромъ привязался въ университету. Для меня въ эту эпоху все было погружено въ жизни университетской, ея одною была полна и моя собственная жизнь. Начинаю воспоминанія объ университетѣ.

Попечителемъ въ это время былъ графъ С. Г. Строгоновъ, а инспекторомъ студентовъ П. С. Нахимовъ, братъ адмирала, Синопскаго героя. Это было едва-ли не самое счастливое время московскаго университета, по отсутствію всякихъ стѣсненій и формализма, которыми такъ любятъ щеголять въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, и низшихъ, и высшихъ. Графъ—человѣкъ весьма почтенный, благородный, любитель русской археологіи: у него есть и прекрасная библіотека, и собраніе старинныхъ иконъ, и собраніе монетъ. Онъ любитъ искусства, основалъ въ Москвѣ Строгоновское училище живописи и напечаталъ прекрасное архитектурное изданіе „Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ“. Съ профессорами и студентами онъ всегда былъ учтивъ, и вообще всегда и во всемъ умѣлъ держать себя съ благородною гордостію хорошо образованнаго аристократа; онъ не принуждалъ насъ быть вытянутыми и застегнутыми во время лекцій—и это много значило въ наше время. Были случаи, что графъ помогалъ бѣднымъ студентамъ, давая имъ взаймы свои деньги для своевременнаго взноса въ московскій университетъ за слушаніе лекцій. (Плата эта была сначала меньше 40 р. сер., потомъ увеличена до 50 р. сер. въ годъ). Студенты всѣ его очень уважали и въ нынѣшнемъ году (1855) хотя уже онъ давно оставилъ университетъ, въ день юбилея московскаго университета (12 января) многіе изъ окончившихъ при немъ курсъ и теперь служащихъ въ Москвѣ собрались и ѣздили къ нему на квартиру и записали свои имена, выражая тѣмъ свою память и свое уваженіе къ его имени; графа не было тогда въ Москвѣ, онъ былъ въ С.-Петербургѣ.

Нахимова мы всё отъ души любили, да и онъ любилъ студентовъ, какъ своихъ дѣтей. Съ простотой, повидимому, нѣсколько суровой онъ соединялъ душу необыкновенно добрую и сердце мягкое; однимъ словомъ, онъ живо напоминалъ мнѣ прекрасный характеръ Максима Максимыча (въ „Героѣ нашего времени“). Какъ военный человѣкъ, съ раннаго утра былъ онъ уже въ форменномъ сюртукѣ, застегнутъ на всѣ пуговицы, на вытяжку; волоса его были подстрижены, елико возможно, низво—подъ гребенку, съ небольшимъ хохолкомъ спереди. Какъ морякъ, онъ любилъ выпить лишній стаканъ рома и всякій день уже съ утра, бывало, отдастъ этотъ долгъ старинной привычкѣ. Онъ осматривалъ всякаго студента, попавшагося ему на глаза, и если что было не по формѣ, тотчасъ же дѣлалъ распеканіе. На форму выше требовалось отъ университетскаго начальства, чтобъ оно обращало наиболѣе вниманіе. Покажутся ли сѣрые панталоны, бѣлые воротнички или голубой вантикъ, пущенный не на мѣстѣ, ради щегольства, или длинные волоса—краса, которой многіе такъ гордились,—Платонъ Степанычъ (котораго шутя называли Флаконтъ Стаканычъ, намекая на его любовь къ вѣршимъ винамъ) пускался въ догонъ за ними или самъ, или посылалъ своихъ субъ-инспекторовъ; въ карцеръ онъ сажалъ весьма рѣдко, и дѣло кончалось наставленіемъ и угрозою посадить въ другой разъ въ карцеръ. Въ примѣръ, какъ должно носить волоса, онъ всегда указывалъ на свою собственную прическу.

О Платонѣ Степановичѣ постоянно ходили анекдоты, свидѣтельствовавшіе объ его добротѣ и даже наивности.

Однажды въ великій постъ, когда говѣли казенные студенты, попъ Терновскій объявилъ на исповѣди двумъ студентамъ, что за какіе-то важные грѣхи онъ не допуститъ ихъ къ причастію; студенты-грѣшники обратились къ Платону Степанычу; тотъ бросился къ Терновскому уговаривать его быть снисходительнѣе. Долго отговаривался Терновскій, наконецъ сказалъ: „не могу... Иисусъ Христосъ сказалъ...“, и уже былъ на-готовѣ текстъ, какъ Нахимовъ нетерпѣливо и почти съ отчаяніемъ прервалъ его: „Что Иисусъ Христосъ! что графъ-то скажетъ?...“ Это послѣднее возраженіе возымѣло силу—и студенты допущены были къ св. причащенію.

Разъ пришелъ къ Платону Степановичу хозяинъ трактира

„Великобританія“ (здѣсь постоянно кутили, пили и закусывали, играли на биліардѣ—студенты, и трактиръ, находившійся, какъ разъ около университетскихъ зданій, напротивъ эзерциргауза, считался и назывался студенческимъ) съ жалобой на какого-то студента, который, забравши у него на порядочную сумму, не платитъ, да и еще требуетъ. Платонъ Степановичъ отправился въ „Великобританію“ самъ.

— „Ты задолжалъ, не платишь, да еще буянишь“, сказалъ онъ студенту (Платонъ Степановичъ всегда говорилъ студентамъ ты; въ этому всё привыкли и насъ бы удивило, еслибъ онъ обратился иначе, съ вѣжливымъ вы; всё знали, что это простота и привычка, а никакъ не грубость).

„Я-съ, Платонъ Степановичъ, не собрался съ деньгами; я ему заплачу.... а онъ—просто грабитъ, цѣны беретъ хорошія, а если-бъ вы видѣли, какая у него водка северная, хоть не пей! вотъ извольте попробовать сами“.

Платонъ Степановичъ взялъ рюмку и выпилъ:— „Ахъ, ты, мошенникъ, закричалъ онъ на трактирщика, такую-то продаешь ты водку!“ и распекъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, а потомъ, обратясь къ студенту, сказалъ: „а ты бы лучше ромъ пилъ!“

Тѣмъ расправа и кончилась.

Какъ-то вошелъ онъ въ ту комнату, въ которой висала чугунная лѣстница во всё этажи (въ промежуткѣ между лекціями мы обыкновенно собирались на эту лѣстницу поболтать и позѣвать) и увидѣлъ студента, который съ третьяго этажа перегнулся черезъ перила: „вотъ, только упали, закричалъ снизу Платонъ Степановичъ, такъ сейчасъ посажу въ карцеръ!“ Но кого бы посадилъ онъ въ карцеръ, если-бъ неосторожный студентъ упалъ съ 3-го этажа на каменный помостъ?

Кстати припомню здѣсь шалость студента П. П. Боткина, который сшилъ себѣ широкіе панталоны изъ какой-то весьма тонкой матеріи краснаго цвѣта и принесъ ихъ разъ съ собою въ университетъ, въ карманѣ; въ промежутокъ времени между лекціями онъ надѣлъ ихъ сверхъ своего форменнаго костюма, вышелъ на площадку лѣстницы и облокотился о перила. Вдругъ, къ ужасу своему, субъ-инспекторъ Понтовъ замѣчаетъ снизу студента въ красныхъ панталонахъ; бѣжитъ онъ по лѣстницѣ вверхъ, но пока пробѣжалъ онъ ступеней болѣе сотни, преры-

ваемыхъ длинными площадками, студентъ уже снялъ свои красные штаны, спряталъ въ карманъ и спокойно глядѣлъ по сторонамъ.

Понтовъ, въ вѣчно прилизанномъ парикѣ, щепетильно-чистенькій и съ ухватками кошки, которая какъ будто гладитъ лапкою, а того и смотри: вотъ, вотъ царашнетъ!—вбѣжалъ въ нашу аудиторию, ищетъ красныхъ панталонъ и не находитъ. Удивленный, сходитъ онъ внизъ, взглядываетъ вверхъ—о, ужасъ! красные панталоны появились снова. Снова бѣжитъ онъ по лѣстницѣ, и опять штаны исчезли. Сколько мы хохотали этой продѣлкѣ, заставившей нашего общаго нелюбимца Понтова совершить препорядочный моціонъ.

Въ 1847 году графъ Строгоновъ оставилъ университетъ, а вмѣстѣ съ нимъ повинулъ университетъ и Нахимовъ, который былъ сильно привязанъ къ графу и не хотѣлъ оставаться при новомъ попечителѣ; это надѣлало много толковъ въ Москвѣ, гдѣ университетскія новости всегда принимались къ сердцу. Студенты искренно сожалѣли. Помню, какъ Платонъ Степанычъ обходилъ всѣ аудитории и прощался съ студентами, пришелъ онъ и въ нашу аудиторию, и повидимому, хотѣлъ что-то сказать намъ на прощанье, но на глазахъ его выступили слезы (этихъ слезъ никогда я не забуду!) и онъ только и промолвилъ слова прощайте! съ просьбой не забывать его. У насъ у самихъ заблистали на глазахъ непритворныя слезы. Лучшая похвала графу и Платону Степанычу та, что никто не помнилъ, чтобы при нихъ былъ исключенъ какой студентъ, или попалъ въ солдаты, что (говорять) случилось позже въ короткое время завѣдыванія университетомъ помощника попечителя Голохвастова. Нахимовъ умѣлъ всѣ неприятыя исторіи погашать въ самомъ ихъ началѣ; онъ былъ постояннымъ и самымъ ревностнымъ заступникомъ студентовъ передъ графомъ и даже передъ профессорами (во время экзаменовъ); его просьбы уважались, и нерѣдко полученная на экзаменѣ единица была, ради его просьбы, переправляема.

Разъ одинъ студентъ, получившій единицу чуть ли не изъ медицины, обратился къ нему съ просьбою попросить за него.

„Вотъ, теперь пристаешь,—сказалъ Платонъ Степанычъ, а зачѣмъ не учился?“

— „Помилуйте, Платонъ Степануичъ, я отлично знаю; ну, хоть сами спросите“.

— „Да, есть мнѣ когда васъ спрашивать!“—отвѣчалъ старикъ, не признаваясь, что въ медицину онъ ни аза не смыслить; подошелъ къ профессору и упросилъ переправить отпѣтку.

Мѣсто Строгонова заступилъ Голохвастовъ, который недолго удержался въ университетѣ, а мѣсто Нахимова—Шпейеръ (нынѣ, въ 1855 г., директоръ 1-й московской гимназіи), толстый, некрасивый и необходимый господинъ, который тогда-же былъ весьма удачно прозванъ студентами моржемъ. Я былъ уже на 4-мъ курсѣ, и при этихъ господахъ оставался нѣсколько мѣсяцевъ; потому особенныхъ воспоминаній о нихъ не вынесъ, а помню только, что любовью они и послѣ не пользовались. Съ этого времени началось требованіе соблюденія строгой формы во всемъ. Нахимовъ былъ избранъ въ директоры Шереметевской больницы; на этомъ мѣстѣ вскорѣ онъ и умеръ. Многіе студенты провожали его гробъ въ могилу; тогда же вышелъ и его литографированный портретъ, весьма похожій.

Теперь надо рассказать о профессорскихъ лекціяхъ.

II.

Науки раздѣлялись въ университетскомъ преподаваніи на факультетскія и побочныя; первыя составляли предметъ главныхъ, спеціальныхъ нашихъ занятій; баллы, полученные на экзаменахъ изъ этихъ наукъ, принимались въ расчетъ при опредѣленіи степени окончившаго курсъ студента: $4\frac{1}{2}$ въ среднемъ выводѣ давало степень кандидата, а $3\frac{1}{2}$ —степень дѣйствительнаго студента; побочныя, не главныя науки входили въ курсъ общаго образованія, и баллы, полученные изъ нихъ, принимались во вниманіе только при переходѣ съ курса на курсъ, но для этого достаточно было $3\frac{1}{2}$ въ среднемъ числѣ, слѣдовательно можно было получить изъ иныхъ и двойку. Поэтому мы вообще мало обращали трудовъ на эти науки, преимущественно занимаясь факультетскими. Студентамъ, при поступленіи ихъ въ университетъ, раздавались таблицы, т. е. краткія правила поведенія.

На 1-мъ курсѣ юридическаго факультета преподавались только двѣ факультетскія науки: во 1-хъ, энциклопедія законовѣдѣнія—ординарнымъ профессоромъ П. Г. Рѣдкинымъ, и во 2-хъ, исторія русскаго законовѣдѣнія—адъюнктомъ К. Д. Кавелинымъ.

Рѣдкинъ пользовался въ университетѣ большою извѣстностью, впрочемъ не совсѣмъ заслуженною. Онъ читалъ свои лекціи съ ораторскимъ одушевленіемъ. Обыкновенно лекціи въ московскомъ университетѣ излагались изустно, а не читались по тетрадѣ, хотя выраженіе „читать лекціи“ и было у насъ техническое и всѣми принятое. Студенты записывали лекціи со словъ профессора, и записывали мастерски послѣ навыка; нѣкоторые умѣли записать лекцію слово въ слово, какъ бы скоро она ни излагалась. Для этого у всякаго были свои сокращенія и знаки.

Насъ на 1-мъ курсѣ было болѣе 200 человекъ, да для нѣкоторыхъ лекцій соединялись съ нами словесники; потому занять мѣсто на передней лавкѣ, поближе къ профессору, считалось весьма важнымъ дѣломъ. Какъ рано, бывало, приходили мы для того въ университетъ! Иногда толпою ожидали, когда солдатъ отворить въ опредѣленное время дверь аудиторіи, и тогда всѣ на перебой бросались занимать мѣста, т. е. положить на избранное мѣсто свою табель, тетрадь или фуражку, вѣчно измѣтуютъ изъ особеннаго студенческаго франтовства. Мѣсто, на которомъ лежала фуражка, считалось уже неприкосновеннымъ. Не такъ уважались тетради; иногда ихъ сбрасывали, и при этомъ выходили изъ-за мѣстъ споры и ссоры. Не успѣвшіе занять мѣста на переднихъ лавкахъ усаживались на ступеняхъ профессорской кафедры, такъ что профессоръ постоянно бывалъ окруженъ толпою студентовъ съ ихъ тетрадками и чернильницами. Такая ревность бывала, разумѣется, на первыхъ двухъ курсахъ; въ послѣднихъ курсахъ студентовъ было уже несравненно меньше, и за мѣста нечего было опасаться: въ малыхъ аудиторіяхъ голосъ профессора всюду былъ хорошо слышенъ.

Я сказалъ, что Рѣдкинъ читалъ съ одушевленіемъ оратора; онъ любилъ отпустить иной разъ пышную фразу, особенно при окончаніи своей лекціи, при чемъ обыкновенно разгорячался и возвышалъ голосъ и говорилъ быстро; въ выговорѣ его слышался

непріятный малороссійскій акцентъ (онъ былъ изъ Полтавской губерніи), а въ лекціяхъ часто попадались иностранныя слова: индивидуальность, конкретность, абсолютность, абстрактъ и проч. Меня сильно поразила его первая лекція, которую началъ онъ вопросомъ: „Милостивые государи, зачѣмъ вы сюда явились?“ и потомъ самъ же отвѣчалъ, что насъ вело въ университетъ предчувствіе узнать здѣсь истину и сдѣлаться въ своемъ отечествѣ защитниками правды. „Вы жрецы правды—вы юристы!“ восклицалъ онъ, и окончилъ лекцію любимую своею поговоркою: „все минѣтся, одна правда остается!“—при чемъ быстро соскочилъ съ кафедры и убѣждалъ, что онъ дѣлалъ очень часто. Рѣдкихъ вмѣстѣ съ другими попалъ въ университетскій институтъ ¹⁾, причисленъ былъ ко II-му отдѣленію собственной его величества канцеляріи и посланъ за границу для юридическаго образованія; въ Германіи онъ увлекся философіею ²⁾, и когда онъ воротился и началъ свои лекціи, то въ нихъ постоянно проглядывала и нѣмецкая констукція въ изложеніи, и философское направленіе въ содержаніи. Онъ былъ истый гегелистъ; Гегеля онъ уважалъ по преимуществу между всѣми германскими философами и по его началамъ построилъ всѣ свои лекціи. Онъ толковалъ намъ о принципѣ, изъ котораго все развивается, о трехъ моментахъ въ кругѣ развитія: моментъ — абсолютнаго, всеобщности, моментъ — конкретнаго, обособленія, и моментъ единства того и другаго; отъ этой тройственности онъ не отступалъ ни на шагъ. Всѣ лекціи его дѣлились на три части, изъ которыхъ каждая опять на три, и такъ далѣе, что если и придавало имъ строгій систематическій видъ, за то всегда искусственный и изысканный. Въ „Энциклопедіи законовѣдѣнія“ онъ объяснялъ намъ развитіе права по тремъ его моментамъ: право обычное, законодательство и право юристовъ: право обычное—темно, безсознательно истекающее изъ массы народа,—это первый моментъ; второй — будетъ законодательство, гдѣ право высказывается уже съ сознательною цѣлю, исходить отъ лица и условливается его произволомъ; наконецъ, въ 3-мъ моментѣ, въ которомъ два первые являются въ единствѣ, право вступаетъ

¹⁾ Въ этомъ институтѣ были: Орнатскій, Лешковъ, Иноземцевъ, Грановскій и другіе.

²⁾ Онъ былъ и въ Испаніи.

на высшую ступень; здѣсь оно бываетъ уже плодомъ трудовъ образованныхъ юристовъ, вышедшихъ изъ народа и вѣдающихъ его нужды и потребности. Право обычное восходило по слѣдующимъ ступенямъ: а) устныя юридическія пословицы и поговорки, б) юридическіе символы и формулы и с) записанное обычное право. Отъ вещественныхъ, грубыхъ символическихъ формъ право, все болѣе и болѣе одухотворяясь, принимаетъ словесную оболочку и въ послѣднемъ своемъ моментѣ приближается уже къ законодательству и какъ бы становится первымъ моментомъ въ развитіи этого послѣдняго. Законодательство проходитъ также три момента: а) отдѣльныя записанныя постановленія, б) сводъ и с) уложеніе, т. е. не только собранныя въ одно цѣлое, но и подвергнутыя критикѣ законопостановленія, слѣдовательно здѣсь уже ясно вліяніе законовѣдцевъ (юристовъ). Право юристовъ, выражая въ себѣ вполнѣ сознательное развитіе права, возвращаетъ его народному обычному источнику, и такимъ образомъ конецъ совпадаетъ съ началомъ и кругъ развитія завершается. Въ предисловіи ¹⁾ къ этимъ лекціямъ П. Г. Рѣдкинъ объяснилъ намъ названіе науки, ея методу, источники, возможность, дѣйствительность и полезность, доказывая философское положеніе: „все, что возможно, то и дѣйствительно“.

Не смотря на явную искусственность и однообразіе системы, лекціи Рѣдкина намъ, первокурсникамъ, явившимся изъ гимназій и изъ родительскихъ домовъ съ мало развитыми головами, оказали въ своемъ родѣ пользу. Онѣ заставили насъ видѣть въ явленіяхъ сего міра внутреннее развитіе и въ этомъ развитіи признавать постепенность; показали намъ, что ничто не возникаетъ вдругъ и что есть законы, которыхъ никакъ нельзя обойти. Мы были въ восторгѣ отъ его лекцій, но это продолжалось только на первомъ курсѣ. Уже на второмъ курсѣ, гдѣ читалъ онъ „Государственное право“ (коренные законы, учрежденія и законы о состояніяхъ), увлеченіе наше значительно ослабѣло, а на 4-мъ курсѣ мы уже нисколько не восхищались его гегелевскими замашками и смотрѣли на нихъ съ благоразумною трезвостію. На 4-мъ курсѣ Рѣдкинъ имѣлъ обыкновеніе мѣнять свои лекціи; предшественникамъ нашимъ

¹⁾ Которое также дѣлилось и подраздѣлялось на неминуемыя три части.

онъ читаль одинъ годъ философію права по Гегелю, другой годъ: сравнительный (и весьма любопытный) курсъ современнаго гражданскаго права во Франціи и Англіи; намъ читаль онъ исторію философіи права—предметъ весьма интересный, но доведенный имъ только до новой исторіи, и то средневѣковое ученіе изложено имъ было весьма кратко, въ трехъ лекціяхъ — не болѣе. За то древній періодъ прочиталь пространно; онъ даже перевелъ намъ цѣлыя мѣста изъ сочиненій Платона, Аристотеля и Цицерона о государствѣ и законахъ. Изложеніе, впрочемъ, было нѣсколько сухо и по старому натянута на гегелевскую тройственную систему, которая такъ сильно надоѣла намъ подъ конецъ. Той же системѣ подчинялъ онъ и государственное право, или, правильнѣе, свое длинное предисловіе къ государственному праву, читанное имъ болѣе полугода; постановленія свода законовъ изложены имъ были весьма кратко и безъ всякаго указанія на ихъ историческое происхожденіе и судьбу. Помню только, что лекціи Рѣдына о разныхъ формахъ правленія, о значеніи и формахъ конституціоннаго устройства были и живы, и любопытны, и либеральны. Этимъ послѣднимъ качествомъ (либерализмомъ) отличались, впрочемъ, всѣ его лекціи, и это-то особенно располагало насъ въ его пользу. Въ жизни онъ—строгій формалистъ и потому бываль несносенъ. Если не въ срокъ подавали ему студенты конспекты лекцій, которыми онъ насъ мучилъ, то ни за что уже не бралъ, хотя бы это было на другой день послѣ срока, а потомъ за неподачу конспекта ставилъ дурной балъ.

Другой факультетскій предметъ на первомъ курсѣ читаль намъ адъюнктъ К. Д. Кавелинъ, именно „Исторія русскаго законовѣдѣнія“. Это былъ первый годъ его университетской службы. Онъ довелъ свои лекціи до Петра Великаго. Въ послѣдующіе года лекціи эти явились болѣе обработанными; но далѣе Петра не касались. Кавелинъ излагалъ живо и просто; лекціи его, хотя далеко не представляли подробнаго собранія фактовъ, нравились намъ потому, что были исполнены мысли. Въ своихъ лекціяхъ Кавелинъ старался высказать и пояснить тѣ начала, которыми условливалось внутреннее развитіе русской исторіи, и хотя многое имъ оставлено было въ сторонѣ, другое рѣшено

поспѣшно (впрочемъ, малая разработка источниковъ въ то время еще не позволяла дѣлать рѣшительныхъ общихъ выводовъ), тѣмъ не менѣе многое было имъ угадано; взглядъ его на исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ его лекцій выраженъ имъ въ статьѣ, напечатанной въ 1847 году въ № 1 „Современника“: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, въ статьѣ, которая въ свое время расхвалена любителями старины, но которая теперь, при открытіи новыхъ памятниковъ и при появленіи новыхъ спеціальныхъ работъ, конечно, во многомъ неудовлетворительна. Авторъ, поставивъ краеугольнымъ камнемъ своего труда личность, — не объяснилъ точно, какой даетъ объемъ этому понятію и въ какой мѣрѣ справедливо отрицать вліяніе личнаго начала во всей до-петровской исторіи; во всякомъ случаѣ, едва ли вѣрно приписано такое позднее развитіе личности въ юридической сферѣ нашихъ предковъ. Это уступка придуманной системѣ и нѣкоторымъ увлеченіямъ западной партіи. Сверхъ того, въ этой же статьѣ Кавелинъ у цѣлой эпохи безгосударной отнялъ всякое значеніе во внутренней жизни русской націи!... Кромѣ лекцій „Исторіи законовѣдѣнія“ онъ читалъ еще для студентовъ другихъ факультетовъ законы объ учрежденіяхъ, по Своду, съ историческими замѣтками.

Кавелинъ—человѣкъ умный, съ душою въ высшей степени благородною, доброю и симпатичною, характера живаго — съ людьми сближается скоро и всегда готовъ на услугу, въ обществѣ говорливъ, въ немъ есть что-то привлекающее къ нему; но способенъ увлекаться и въ жизни, и въ наукѣ, хотя и въ этомъ увлеченіи нельзя не видѣть открытыхъ юношескихъ и прекрасныхъ порывовъ, за чтѣ многіе въ дружескомъ кружкѣ называютъ его дитятею, или, по выраженію Краевского, „превѣчнымъ младенцемъ“. Я съ нимъ познакомился еще студентомъ (на 3-мъ курсѣ) и съ тѣхъ же поръ полюбилъ его отъ души. Нашихъ дружескихъ отношеній и взаимнаго уваженія нисколько не колебали тѣ литературные споры, въ которыхъ каждый изъ насъ горячо стоялъ за свое убѣжденіе. Когда печаталась моя статья „Вѣдунъ и Вѣдьма“, Кавелинъ, уже служившій въ С.-Петербургѣ, пріѣзжалъ оттуда въ Москву. Мы видѣлись и сообща рѣшились спорить откровенно и прямо, не женируясь нашими дружескими отношеніями.

— „Вѣдь я стану ругаться хуже всякаго Погодина“,—сказалъ онъ мнѣ.

— Я и самъ зубастъ!

За этимъ мы расцѣловались и разстались. Но о своихъ литературныхъ спорахъ скажу ниже.

Не факультетскіе предметы на первомъ курсѣ были: а) теорія словесности (реторика) — читалъ проф. С. П. Шевыревъ; б) богословіе (догматическое и нравственное) — протоіерей Терновскій; в) латинскій языкъ — лекторъ Фабриціусъ, и д) нѣмецкій языкъ — лекторъ Герингъ. Прежде читалъ на этомъ курсѣ древнюю всеобщую исторію профессоръ Крюковъ, оставившій по себѣ память краснорѣчиваго профессора, основательнаго ученаго и превосходнаго человѣка. Эта кафедра оставалась свободною по причинѣ тяжелой его болѣзни, отъ которой онъ вскорѣ и умеръ. Грановскій, его другъ, собралъ было студенческія записки лекцій Крюкова и думалъ издать его Древнюю Исторію въ пользу семьи покойнаго; но намѣреніе это не состоялось, и, кажется, единственною причиною этого была лѣнь Грановскаго, который съ особенною готовностію берется за многое, но рѣдко что сдѣлаетъ: или не окончатъ, или и вовсе не начнетъ.

С. П. Шевыревъ началъ свои лекціи насмѣшками надъ нѣмецкими реториками, составленными по старому образцу, потомъ приступилъ къ изложенію своей реторики, которую также раздѣлил на 3 части: вмѣсто источниковъ изобрѣтенія онъ поставилъ: чтеніе писателей и образованіе пяти физическихъ чувствъ (зрѣнія, etc.) и душевныхъ способностей человѣка (воображеніе, воля и др.), какъ необходимыхъ для того, чтобы развить въ человѣкѣ наблюдательность, живость впечатлѣній и творчество. Говоря о расположеніи, онъ дѣлил всякое сочиненіе на три части: начало, средину и конецъ; въ первой совѣтовалъ представлять общее воззрѣніе на предметъ сочиненія, неизученаго въ подробности; во второй разбирать его во всѣхъ подробностяхъ (анализъ), а въ третьей снова обращаться къ цѣлому, дѣлая о немъ заключенія и выводы, но уже полнѣйшіе, на основаніи разбора, представленнаго во 2-й части: эту методику онъ называлъ анализосинтетическою. Третья часть реторики посвящена

была „выраженію“; въ ней особенно сказались недостаточность лекцій, вообще довольно сухихъ и мало представлявшихъ дѣльнаго содержанія, которое было бы почерпнуто изъ дѣйствительныхъ фактовъ. Шевыревъ не указалъ намъ ни образованія метафорическаго языка, ни значенія эпитетовъ и все свое ученіе о выраженіи лишилъ той основы, которая коренится въ исторіи языка. Вообще ему не доставало филологическихъ свѣдѣній, а на однихъ разсужденіяхъ далеко не ускачешь. Помню какъ, трактуя о необходимости образовывать чувства, онъ приводилъ намъ примѣры изъ царства животнаго, и въ числѣ другихъ указалъ на развитость органа слуха ящерицъ: „когда я былъ въ Италіи ¹⁾, я нѣсколько разъ читалъ въ одномъ пустынномъ мѣстѣ стихи Пушкина, и всякій разъ выползали ящерицы и, наслаждаясь мелодіею этихъ стиховъ, тихо прислушивались къ моему голосу“.

Эти лекціи Шевыревъ неизмѣнно повторялъ каждый годъ, даже съ тѣми же примѣрами о музыкальномъ слухѣ ящерицъ, и другими подобными. По поводу этихъ ящерицъ, въ Альманахѣ „1-е апрѣля“ была напечатана насмѣшка надъ Шевыревымъ; только здѣсь вмѣсто ящерицъ, кажется, выведены лягушки, которыя въ добавокъ еще поговали главами при слушаніи стиховъ.

Шевыреву мы обязаны были подавать въ извѣстные сроки сочиненія или переводы, которые раза три въ годъ онъ разбиралъ публично—въ аудиторіи. Помню, что я подалъ ему сцену между Грознымъ и Сильвестромъ послѣ московскаго пожара, написанную бѣлыми стихами — по Карамзину и болѣе наполненную фразами, чѣмъ драматическимъ дѣйствіемъ. Шевыревъ расхвалилъ ее (за чтò—я и самъ теперь не вѣдаю, хотъ тогда и былъ убѣжденъ въ великомъ достоинствѣ своего труда) и даже изъявилъ сожалѣніе, что юные таланты, посвящая себя юриспруденціи, бросаютъ перо.... Шевыревъ любилъ фразы; онъ говорилъ красно, часто прибѣгая къ метафорѣ, голосомъ немного на-распѣвъ: особенно неприятно читаетъ онъ или, лучше, поетъ

¹⁾ Первое время по возвращеніи изъ-за границы, онъ, говорятъ, только и бредилъ Италіей, и не разъ читывалъ на своихъ лекціяхъ итальянскихъ поэтовъ, не думая о томъ, что стиховъ этихъ никто изъ слушателей не понималъ.

А. А.

стихи. Иногда онъ прибѣгалъ къ чувствительности: вдругъ среди умиленной лекціи, появлялись на глазахъ слезы, голосъ прерывался и слѣдовала фраза: „но я, господа, такъ переполненъ чувствами.. слово нѣмѣетъ въ моихъ устахъ...“ и онъ умолкалъ минуты на двѣ. Говорилъ бы онъ свободно, еслибъ не любилъ вполне округленныхъ предложеній и для этого не прибиралъ бы выражений, прерывая свое изложеніе частыми: гмъ! Ради этого гмъ вышелъ презабавный анекдотъ: Шевыревъ рассказывалъ содержаніе одной комедіи: „онъ вводитъ ее въ свой кабинетъ и затворяетъ дверь—гмъ!“ Гмъ вышло такъ многозначительно, что всѣ засмѣялись. На словесномъ факультетѣ Шевыревъ читалъ исторію литературы, теорію краснорѣчія и поэзіи, а теперь читаетъ и педагогику. У него на рукахъ была студенческая бібліотека, т. е. составленная на пожертвованія студентовъ, и онъ раздавалъ намъ изъ нея читать книги; онъ былъ доступенъ студентамъ, позволялъ иногда споръ съ собою, но въ то-же время былъ и есть человѣкъ мелочно-самолюбивый, искательный, наклонный къ почестямъ и готовый при случаѣ подгадать, и по убѣжденіямъ, второя старался проводить въ лекціяхъ—славянофилъ, только отнюдь не демократическаго направленія... Степанъ Петровичъ Шевыревъ постоянно проповѣдывалъ, что русская натура выше всякой другой, что если другимъ народностямъ дано было разработать по частямъ прекрасныя и возвышенныя задачи человѣческаго образованія: тому—музыка, другому—живопись, третьему—общественная жизнь, и т. д., то русская народность все это соединить въ одно цѣлое—живое. Природа славянина многостороннѣ всякой другой, отъ того менѣе другихъ способна къ ошибочнымъ увлеченіямъ и пристрастіямъ. Судьба русскаго человѣка велика; но вѣраугольнымъ камнемъ русской исторіи, литературы и народнаго нашего характера—была православная вѣра, забытая растлѣннымъ западомъ ради земныхъ выгодъ и расчетовъ. Она-то даетъ такую полноту русской народности.

Шевыревъ не пользовался особенною студенческою любовью; тѣснѣ сходилса онъ съ словесниками, постоянно, слушавшими его; но юристовъ, воспитывавшихся подъ непріязненнымъ ему вліяніемъ Рѣдкина, Кавелина и другихъ профессоровъ, онъ не очень жаловалъ. Разъ (я былъ уже на 4-мъ курсѣ) завязалса у

насъ въ аудиторіи горячій споръ между студентами о назначеніи женщины и о романахъ Жоржа Занда; шумъ нашъ помѣшалъ лекціи Шевырева, который читалъ въ залѣ, примыкавшей къ нашей аудиторіи. Онъ тотчасъ явился въ нашу аудиторію самъ и началъ длинную рѣчь о томъ, что наука любитъ тишину; но въ это время студенты мало-по-малу начали одинъ за другимъ оставлять аудиторію и ораторъ, боясь остаться безъ слушателей, поскорѣй закончилъ свою рѣчь, и страшно раздосадованный, ушелъ, сопровождаемый насмѣшливыми взглядами студентовъ.

Терновскій—грубый, самолюбивый и вполнѣ проникнутый семинарскимъ духомъ попъ, говорилъ въ носъ и непріятно. Лекціи свои читалъ по изданной имъ книгѣ „Догматическаго богословія“; нравственное же богословіе почти ничѣмъ не отличалось отъ Филаретовскаго катехизиса, кромѣ обилія текстовъ. Любопытно, какъ объяснялъ онъ нѣкоторые догматы религіи: „сіе, говорилъ онъ, можно доказать изъ двухъ источниковъ—изъ разума и изъ откровенія. Во-первыхъ, изъ разума; но разумъ человѣческой весьма часто погрѣшаетъ, онъ несовершенъ, слабъ и потемняется мірскими суетами и соблазнами, а посему отмѣтаемъ сей нечистый источникъ. Во-вторыхъ, изъ откровенія“. Тутъ слѣдовали тексты, съ ихъ вчастую натянутыми объясненіями. На четвертомъ курсѣ нашего факультета онъ читалъ „Церковное право“, но увы, какъ читалъ! Будучи безъ всякаго юридическаго образованія, онъ нисколько не понималъ ни важности, ни интереса порученной ему науки. Всѣ лекціи его ограничивались много-много 30-ю писанными листами. Ему назначено было въ росписаніи читать два часа въ недѣлю; но онъ приходилъ такъ поздно (и уходилъ всегда прежде конца), что едва ли просиживалъ болѣе часа. Въ лекціяхъ о церковномъ правѣ онъ изложилъ намъ подробно постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отцовъ, сказалъ нѣсколько словъ о сборникахъ каноническихъ узаконеній въ Византіи, при чемъ сурово отзывался о папахъ и ихъ властолюбіи, коверкая ихъ имена, наприм., вмѣсто Урбана—Урванъ. Одного какого-то папу только и похвалилъ: „это былъ человѣкъ добросовѣстный, но, въ сожалѣнію, онъ черезъ двѣ недѣли послѣ занятія папскаго

престола скончался". Мы заподозрили, что если-бъ и другіе также скоро умирали, то заслужили-бъ не менѣ лестный отзывъ нашего преподавателя. Далѣе онъ кратко касался постановленій, и безъ всякой системы, о церковныхъ поземельныхъ имуществахъ, бракѣ, священствѣ и проч. Тутъ считалъ онъ обязанностію коснуться исторіи, но обнаружилъ полное съ нею незнакомство. Владиміръ Св., Іоаннъ Грозный и Петръ Великій—вотъ три лица, о которыхъ онъ упомянулъ, перескакивая отъ одного къ другому черезъ цѣлый рядъ годовъ и удивляя насъ своими смѣлыми скачками. Онъ не показалъ намъ ни историческаго развитія іерархіи, ни отношеній между властями, ее составляющими, ни учрежденій синода и консисторій, ни отвѣтственности духовныхъ лицъ; даже не объяснилъ порядочно юридической стороны брака, а остановился на этомъ актѣ, доказывая, что бракъ есть таинство. Хорошо, да дѣло не въ томъ, а и какія есть постановленія о вступленіи и расторженіи брака, и какъ судятся спорныя дѣла въ этомъ случаѣ. Словомъ, лекціи эти были изъ рукъ вонъ плохи, что, кажется, понималъ и самъ Терновскій. Помню одинъ случай: Терновскій прочиталъ (на 4-мъ курсѣ читалъ онъ всегда по тетрадѣ) намъ лекцію, и на другой часъ хотѣлъ отправляться домой, какъ въ аудиторію вошелъ попечитель Голохвастовъ и усѣлся слушать. Терновскій, нисколько не затрудняясь, началъ снова читать то, что сейчасъ только окончилъ, и заставилъ насъ вторично прослушать составленный имъ вздоръ.

На студентовъ Терновскій взиралъ какъ на своихъ природныхъ непріятелей, какъ на людей, готовыхъ не почитать его сапъ. На экзаменахъ былъ весьма строгъ и даже придиричивъ. Онъ особенно прижималъ на экзаменахъ тѣхъ, которые мало посѣщали его лекціи. Теперь (1855) онъ читаетъ философію!—Во время экзаменовъ (1-го курса) изъ Богословія присутствовалъ въ университетѣ викарный архіерей Іосифъ; вызвали меня и, какъ теперь помню, какой споръ завязался между Терновскимъ и викаріемъ по случаю отвѣта моего, слово въ слово взятаго изъ лекцій Терновскаго: одинъ доказывалъ, что Христосъ сходилъ въ адъ во славу, а другой—что въ униженіи. Вотъ вамъ и средневѣковая схоластика.

были вовсе не въ томъ отношеніи, о которомъ мечтаютъ нѣкоторые, думая о приложеніи римскихъ институтовъ къ современной жизни (и Крыловъ нисколько не гонялся за частностями и тонкостями постановленій римскаго права), а потому, что приучали къ исторической критикѣ и строгой логичности въ выводахъ: для насъ эти лекціи замѣняли философію права. Исторію римскаго права раздѣлялъ Крыловъ на три части: а) право обычное, теократическое, жреческое въ періодъ царей, б) право законодательное, строгое (*jus strictum*)—въ періодъ республики, и в) право юристовъ—въ періодъ имперіи. На 3-мъ курсѣ Крыловъ читалъ римское право имущественное, а на 4-мъ семейное, въ его полномъ развитіи, но и здѣсь обращался къ исторіи за нужными объясненіями. Особенно славился онъ прекраснымъ составленіемъ лекцій семейнаго права, на которое употреблено было имъ и наиболѣе трудовъ ¹⁾. Крыловъ извѣстенъ былъ (и справедливо) за умнаго профессора; но, какъ о человѣкѣ, о немъ ходили слухи не совсѣмъ лестные; говорили о его суровой строгости и даже взяточничествѣ съ богатыхъ студентовъ; онъ былъ декапомъ и всѣмъ заправлялъ въ факультетѣ по своему. Но я уже не засталъ этого влстительства, потому что вскорѣ вмѣсто его избрали другого декана — Баршева и случилась еще исторія, повернувшая все въ другую сторону и заставившая Крылова сдѣлаться мягкимъ и даже заискивать въ студентахъ популярности. Исторія эта, по странной случайности, изъ семейной сдѣлалась университетскою.

Крыловъ поссорился съ своею женою, урожденною К—шъ; на сестрѣ ея женатъ и Кавелинъ; семейство Евг. К—шъ (брата) было въ дружескихъ сношеніяхъ съ Грановскимъ, Рѣдкинымъ и Кавелинымъ. Кто виноватъ—Крыловъ или его жена,—сказать трудно; кажется, и тотъ, и другая; но дѣло дошло до (весьма большой размолвки) и супруги разошлись. Въ бѣдствующей супругѣ приняли участіе сейчасъ названные мною; тутъ припомнили они и дурные слухи о Крыловѣ, и его грубое обращеніе съ студентами въ университетѣ, и всѣ (Рѣдкинъ, Грановскій, Кавелинъ и В. О. Коршъ, бывший тогда редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“) обратился къ графу С. Г. Строго-

¹⁾ Прежде требовалъ онъ отъ студентовъ чтенія пандектовъ; въ мое время это прекратилось. А. А.

странно: Грановскій не вышелъ въ отставку и продолжаетъ до сегодня (первая половина 1855 г.) принадлежать къ московскому университету.

Вскорѣ затѣмъ какъ Крыловъ сталъ продолжать свои лекціи, онъ прочиталъ одну любопытную на 2-мъ курсѣ (я ходилъ туда его послушать), очевидно, направленную противъ Рѣдина и его гегельщины. Разсуждая о вліяніи философскихъ системъ въ Германіи на изученіе римской исторіи и права, онъ замѣтилъ о Гегелѣ, что онъ всякую жизнь думалъ подчинить своей искусственной системѣ; живой и самобытный организмъ непремѣнно долженъ былъ пройти чрезъ три момента, а никакъ ни болѣе, ни менѣе. Но развѣ можно такъ рубить живое явленіе? „Мы, когда были посланы за границу, говорилъ онъ, были увлечены лекціями Гегеля; въ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, было что-то обаятельное для юношей — всякое жизненное явленіе какъ-то легко раскрывалось въ процессѣ внутренняго его развитія, и мы, лежа на диванахъ и бросивъ всѣ положительныя, практическія занятія, стали мечтать о судьбахъ міра и строить всѣ событія и будущее человѣчество по троякой системѣ. Многие и остались въ этихъ сладкихъ, но обманчивыхъ и призрачныхъ, мечтаніяхъ. Я скоро ихъ оставилъ и выйти изъ этой пустоты помогли мнѣ только превосходныя и въ высшей степени проникнутыя практическимъ смысломъ лекціи Савицки. Но еще далѣе пошелъ ученикъ Гегеля, профессоръ Гансъ, который всю исторію человѣчества представлялъ въ трехъ моментахъ: востокъ—выразилъ собою первый моментъ въ развитіи: это моментъ неподвижности, покоя; древній античный міръ (греки и римляне) выражали своей исторіей идею безцѣльнаго и безостановочнаго движенія; наконецъ, германскія племена составляютъ 3-й высшій моментъ единства двухъ первыхъ: ихъ движеніе получило опредѣленность и назначеніе; плодомъ ихъ развитія и должно быть жизненное благо человѣка. Послѣ лекціи мы, русскіе, обратились къ Гансу

крайность такого взгляда особенно ярко сказала въ его рѣчи о томъ образованіи, какое требуется отъ современнаго юриста. По смыслу этой рѣчи положительно никто не сможетъ быть образованнымъ юристомъ, хоть будь семи падеей во лбу, и хоть занимайся науками лѣтъ 50. Таковы требованія профессора-эциклопедиста.

А. А.

съ вопросомъ: что же остается на долю славянскимъ племенамъ, столь многочисленнымъ и не лишеннымъ высшихъ даровъ, удѣленныхъ человечеству. Тогда онъ съ необыкновенною дерзостью отвѣчалъ намъ, что славянскому міру остается выждать! ¹⁾.

Въ настоящее время (1855 г.) Крыловъ уже сошелся съ своею историческою супругою.

Чивилевъ излагалъ первое полугодіе политическую экономію, а другое полугодіе—статистику европейскихъ государствъ, и изложеніе его было хотя дѣльно, но весьма сухо. По каедрѣ политической экономіи придерживался онъ системы экономистовъ; о позднѣйшихъ школахъ социалистовъ и коммунистовъ онъ и не заикался, да и нельзя было. Статистика его раздѣлялась на двѣ части: въ первой подробно знакомилъ онъ съ мѣстностію разныхъ государствъ Европы, что называлъ онъ „пластическимъ видомъ этихъ государствъ“, и раскрывалъ вліяніе природы на политическую жизнь народовъ. Вторая часть состояла изъ числовыхъ данныхъ нѣкоторыхъ выводовъ. Лекціи Чивилева не мѣнялись уже нѣсколько лѣтъ, и мы списывали ихъ съ старыхъ тетрадокъ, слѣдовательно новости въ статистическихъ данныхъ у него искать было нельзя. Онъ былъ директоромъ дворянскаго института, а послѣ оставилъ университетъ и перешелъ на службу въ С.-Петербургъ. Мѣсто его заступилъ Вернадскій (изъ Кіева), который что-то не совсѣмъ ладилъ съ профессорами своего факультета.

Каедре русской исторіи послѣ Погодина оставалась не занята. При моемъ переходѣ на 2-й курсъ началъ читать въ первый разъ свои лекціи С. М. Соловьевъ ²⁾, воспитанникъ московскаго же университета (и онъ, и Кавелинъ, и Калачовъ были нѣкогда слушателями Погодина, который потому и послѣ

¹⁾ Въ лекціяхъ своихъ Крыловъ прекрасно излагалъ намъ различныя возрѣнія на владѣніе, опровергалъ ихъ и въ заключеніе предлагалъ свое возрѣніе на владѣніе; но это возрѣніе было составлено имъ изъ смѣси частей, оторванныхъ отъ чужихъ возрѣній, имъ же опровергаемыхъ.

²⁾ Мнѣ выпало прослушать первогодичные курсы Соловьева, Кавелина, NN и Мильгаузена.

трактовалъ ихъ, какъ своихъ учениковъ, позволяя себѣ не совсѣмъ учтивыя выходки (см. „Москвит.“ 1849 г., № 1). На счетъ графа С. Г. Строгонова С. М. Соловьевъ ѣздилъ за границу.

Соловьевъ блистательно началъ свое ученое поприще. Лекціи его отличались и свѣжестью взгляда, и фактической полнотою; онъ далъ смыслъ всей этой безурядицѣ княжескихъ распрей и, хотя уже не впервые, но съ особенною наглядностью объяснилъ родственныя (родовыя) и вмѣстѣ политическія отношенія княжеской фамиліи. Все имъ прочитанное намъ составило его диссертацию на степень доктора („Объ отношеніяхъ между князьями Рюрикава дома“); на слѣдующіе года, все что прочитано было намъ, онъ излагалъ вкратцѣ, а съ особенною подробностью читалъ исторію послѣдующаго времени и потомъ напечаталъ эти лекціи въ „Современникѣ“, подъ названіемъ: „Обзоръ событій русской исторіи“. Именно съ его статей вошло въ моду выраженіе „родовой бытъ“, начались усиленные о немъ толки и споры, особенно съ славянофилами, хотѣвшими видѣть въ славянской исторіи только общинное устройство. Споры эти и увлеченія той и другой стороны занесены въ разныхъ журналахъ.

На послѣднихъ (1855 г.) трудахъ Соловьева (особенно I т. его Исторіи и статьи въ „Отеч. Запискахъ“ о Карамзинѣ и о географическихъ свѣдѣніяхъ иностранцевъ о Россіи)¹⁾ видна поспѣшность и отъ этого въ нихъ много поверхностнаго. Соловьевъ самолюбивъ до излишка; съ какою-то странною гордостью увѣряетъ онъ, что критикъ на себя болѣею частью не читаетъ. Еще не было примѣра, и вѣроятно не будетъ, чтобы онъ сознался въ самой очевидной ошибкѣ, и ради этой ложной щепетильности готовъ на всевозможныя натяжки (смст. хоть, наприм., примѣчаніе къ V т. исторіи его о вѣрѣ въ родъ и рожаницѣ). И для чего? Его ученая репутація такъ прочна, что подобное признаніе несколько бы ее не уронило, а ошибаться—*ergo humanum est*. Почему бы не поправить указанной ему Н. Д. Бѣляевымъ (въ „Москвитинѣ“) ошибки, что половцы шли на наши полки густою массою,

¹⁾ Эта послѣдняя статья есть чистый переводъ отрывковъ изъ разныхъ иностранныхъ писателей о Россіи, считыхъ на живую вилку.

ученой работы времени не останется. Сколько стоило ухищрений, чтобы заставить его написать эту небольшую и весьма поверхностную статью, которая напечатана в альманахѣ „Комета“; тутъ были пущены въ ходъ и дружескія, и родственныя усилія. Время уходитъ преимущественно въ пустой болтовнѣ, въ передачѣ невѣрныхъ слуховъ и еще въ менѣе вѣрныхъ пророчествахъ по поводу политическихъ событій. Какъ человекъ, умѣющій жить въ свѣтѣ, онъ не всегда открыто идетъ противъ чужаго мнѣнія и готовъ, ради дружбы и знакомства, поддержать своимъ голосомъ то, что въ другое время самъ же осмѣялъ бы. Вообще искренности и откровенности въ немъ немного. Что хотите предложите—Грановскій схватится, повидимому, съ жаромъ и, конечно, дѣло никогда не будетъ сдѣлано; попросите его за кого-нибудь, и онъ тотчасъ надастъ обѣщаній хлопотать объ этомъ человекѣ, съискать ему мѣсто или работу (иногда эти обѣщанія даетъ и безъ всякой вашей просьбы)—и будьте увѣрены, что обѣщаній своихъ никогда не исполнитъ, даже не попытается исполнить. Отъ этой распушенности въ жизни его прекрасное лицо обрюзгло, животъ начинаетъ не въ мѣру выдаваться впередъ. Лѣтомъ онъ проводитъ жизнь гдѣ нибудь на дачѣ или въ деревнѣ у своихъ пріятелей и тоже мало или почти ничего не дѣлаетъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ ему отъ министерства поручено составить учебникъ по всеобщей исторіи, — трудъ, представляющій ему большія матеріальныя выгоды; въ цензурномъ отношеніи обѣщана ему снисходительность. Но учебникъ мало подвигается впередъ и будетъ ли приведенъ къ концу — сомнительно ¹⁾. Въ своемъ

¹⁾ Лекціями Грановскій довольно часто манкировалъ и манкируетъ, сваливая свой грѣхъ на какую-то болѣзнь. Когда я былъ на 2-мъ курсѣ, случилось, что онъ прочиталъ намъ одну и ту же лекцію три раза сряду, потому что промежутки между этими 3-ми разами появленія его въ университетской аудиторіи были весьма продолжительны и онъ успѣвалъ забыть, чтѣ читалъ въ предыдущій разъ. Подъ конецъ онъ такъ часто манкировалъ, что мы, не видя возможнаго окончанія его курса и думая о приближающихся экзаменахъ, а съ другой стороны и недовольные постояннымъ пропускомъ лекцій, рѣшились перестать остальное время приходить на его лекціи. Какъ нарочно тогда-то и явился Грановскій и, не найдя никого въ аудиторіи, сильно оскорбился, и въ слѣдующій затѣмъ разъ, явившись въ нашу аудиторію, сдѣлалъ намъ упрекъ, что ничѣмъ не заслужилъ такого невниманія, и тѣмъ закончилъ свои лекціи.

А. А.

кружкѣ и въ отношеніи къ журналистамъ онъ счумѣлъ себя такъ поставить, что все ему поклоняется, все за нимъ ухаживаетъ, все трубитъ его славу. Студенты во время моего университетскаго воспитанія очень любили его за его доступность, снисходительность на экзаменахъ (иногда уже совершенно излишнюю) и мастерское изложеніе лекцій. Эта любовь особенно обнаружилась на диспутѣ Грановскаго на степень магистра. Имъ была написана диссертация, потомъ напечатанная въ „Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи“ (изданіе Валуева) о древнихъ городахъ: „Волинъ, Іомсбургъ и Винета“. Профессоръ славянскихъ нарѣчій О. М. Бодянской загода уже прочилъ Грановскому побіеніе на диспутѣ; трудомъ его онъ былъ очень недоволенъ.

Когда бывали въ университетѣ диспуты по предметамъ исторіи и другимъ общеинтереснымъ, то въ залъ собирались студенты со всѣхъ факультетовъ, являлись и окончившіе курсъ кандидаты и дѣйствит. студенты, приходило много постороннихъ лицъ, между ними бывало и нѣсколько дамъ. Но никогда, можетъ быть, не былъ такъ полонъ залъ, какъ въ этотъ разъ; просто, залъ былъ битомъ набитъ, студенты наполнили даже хоры; на заднихъ мѣстахъ они повлѣзали на скамьи и столы, чтобы лучше видѣть и слышать.

Когда явился диспутантъ, его встрѣтили долговременными и единодушными аплодисментами. Аплодисменты вошли въ обычай въ университетѣ, кажется, съ началомъ публичныхъ лекцій, на которыхъ публика Шевырева и Грановскаго встрѣчала и провожала рукоплесканіями. Начался диспутъ. Бодянской высказывалъ свои опроверженія съ свойственными ему грубыми и вовсе не свѣтскими замашками, заключивъ свой приговоръ этими словами: „диссертация ваша такъ недостаточна и такъ составлена плохо, что я бы отъ студенческаго сочиненія потребовалъ больше“. Въ эту минуту раздалось въ залѣ общее шипѣнье; въ послѣдующемъ спорѣ, когда спорящіе разгорячились и Шевыревъ сдѣлался съ Рѣдинымъ, по поводу философскихъ идей Августина (какъ эти философскія идеи попали въ споръ — не понимаю), всякое горячее слово Шевырева и Бодянскаго было освистываемо съ необыкновеннымъ шумомъ; а противникамъ ихъ посылались

громкіе аплодисменты. Бодянский и Шевыревъ нѣсколько разъ обращались къ студентамъ съ словами: „это не театр!“, но за эти слова поплатились еще болѣе: свистъ и шипѣніе положительно не давали имъ ничего высказать.

По окончаніи диспута, студенты проводили Грановскаго до его экипажа съ восторженными криками. Исторія эта надѣлала много шума и дошла въ Петербургъ. Графъ С. Г. Строгоновъ былъ на диспутѣ и выдержалъ себя съ отличнымъ равнодушіемъ; онъ даже ни разу не оглянулся на студенческія скамьи. Платонъ Степанычъ Нахимовъ съ умоляющимъ видомъ тихо упрощивалъ студентовъ шипѣть потише.

На другой день графъ Строгоновъ потребовалъ въ себѣ депутатовъ отъ всѣхъ факультетовъ, сдѣлалъ въ лицѣ ихъ выговоръ всѣмъ факультетамъ, представляя какія худыя могутъ выйти изъ этого послѣдствія и какъ правительство дурно смотритъ на подобныя протестаціи, и затѣмъ отпустилъ. Болѣе ничего и не было. А чѣмъ бы могла разыгратъ эта исторія при другомъ попечителѣ—страшно и подумать! Послѣ министр Уваровъ завелъ было съ нимъ рѣчь объ этомъ происшествіи, давая замѣтить, что онъ распустилъ студентовъ вѣреннаго ему университета; но графъ съ достоинствомъ отвѣчалъ ему: „я самъ былъ на диспутѣ!“ Тогда же аплодисменты въ университетѣ были запрещены, а на диспуты стали допускаться только студенты двухъ высшихъ курсовъ — 3-го и 4-го. Впослѣдствіи, уже при Нахимовѣ, желающіе быть на диспутѣ должны были записывать свои имена въ университетскомъ правленіи и получать оттуда билеты, за подписью ректора.

*** читалъ логику, придерживаясь Бенике, но, по причинѣ болѣзни, посѣщалъ университетъ мало; всего прочелъ онъ въ годъ лекцій 25; изложеніе его отличалось безсвязностью и неясностію (1855 г.). Самъ онъ чувствовалъ этотъ недостатокъ, потому что почти каждую лекцію заключалъ словами: „вонечно, для васъ это теперь еще не совсѣмъ ясно, но мы постараемся выяснитъ сказанное нами въ слѣдующее чтеніе“, но дѣло оставалось только при обѣщаніяхъ. Въ послѣдующіе года читалъ снѣ психологію, и лекціи его хвалили, но я ихъ ни разу не слушалъ. Затѣмъ философскія каеэдры перешли къ духовнымъ лицамъ...

На 3-мъ курсѣ читали ординарные профессора: *Ф. Л. Морошкинъ* — гражданское право, *С. И. Баршевъ* — уголовное право и *Лешковъ* — полицейское право: на 4-мъ курсѣ: *Морошкинъ* — гражданское судопроизводство, *Баршевъ* — уголовное судопроизводство, а *Лешковъ* — общественное или международное право, и адъюнктъ *Мюльгаузенъ* — финансовое право (которое прежде читалъ *Чивилевъ*); о римскомъ правѣ я уже сказалъ.

Морошкинъ излагалъ гражданское право и судопроизводство по Своду законовъ, натягивая русское законодательство на постановленія римскаго права, съ которыми любилъ ихъ сравнивать и постоянно восхищаясь логикою римскаго права. Изложеніе его отличалось особеннымъ, свойственнымъ только ему, языкомъ: онъ любилъ пестрить рѣчь рельефными и мѣткими выраженіями и неожиданностію ихъ часто смѣшилъ цѣлый курсъ; при этомъ брови его обыкновенно подымались на лобъ, одною рукою потиралъ онъ свою лысину, а голосъ, и безъ того басистый, возвышался; фразы его были отрывисты. Разсуждая о старшинствѣ близнецовъ (что иногда признавалось важнымъ при наслѣдствѣ), онъ выражался: „ну, кто прежде вышелъ на Божій свѣтъ, тотъ и старше! Близнецы фронтомъ не рождаются!“ Или описывая процессъ, онъ говорилъ: „вотъ *Пахомъ* схватилъ тамъ какаго-нибудь *Семпронія* за шиворотъ и потащилъ въ нижній земскій судъ; онъ ведетъ за собой ораву свидѣтелей, а этотъ ведетъ еще больше, ну, стануть на судъ и начнутъ поталкиваться“. Въ лекціи о моральныхъ юридическихъ лицахъ онъ говорилъ: „стоитъ въ завѣщаніи: а столько-то роздать нищимъ. Нищимъ! кому же? здѣсь нищія — лицо моральное. Это завѣщано не тому *Пахому*, что каждый день стоитъ у вашего окна и просить милостыню, въ лаптяхъ, рукавицахъ, весь оборванный... нѣтъ это не ему, а нищимъ — именно кому не опредѣляется, просто нищимъ!“

На 4-мъ курсѣ онъ приносилъ сенатскія записки и заставлялъ студентовъ рѣшать изложенное въ нихъ дѣло, составляя изъ нихъ всѣ присутственныя и судебныя мѣста: уѣздный судъ, гражданскую палату и сенатъ; тутъ были и свои судьи, и секретари, и страпчіе, и прокуроръ; назначались отъ истца и отвѣтчика повѣренныя студентовъ, которые подавали прошенія,

по довѣренности. Мы любили посѣщать лекціи Морошкина, потому что намъ было весело слушать его неожиданныя выходки. Прежде онъ читалъ „исторію русскаго законовѣдѣнія“ и, говорятъ, конькомъ его было возачество, о которомъ всегда говорилъ съ особеннымъ одушевленіемъ, и отъ котораго производилъ русское дворянство, „лицарство“; къ этому предмету любилъ онъ возвращаться кстати и некстати. Другимъ конькомъ его была ученая страсть всѣхъ народовъ обращать въ славянъ и толковать о великорослости славянскаго племени, какъ объ особенномъ характерномъ и великомъ его качествѣ. Онъ принадлежалъ той школѣ славянистовъ, противъ которой сражался Нормантъ-Погодинъ; статьи Морошкина, написанныя въ этомъ духѣ, поразительны своими странностями и нелѣпостями ¹⁾. Онъ почти всѣ европейскія народныя имена перевелъ словами: лѣсъ, дубина и всѣ народы обратилъ въ лѣшихъ, лѣсныхъ жителей. Здѣсь есть любопытная выходка у него. Произведя турка отъ turn (башня) и доказавъ, что башни были въ древности деревянныя, онъ восклицаетъ: „я не обижусь, если меня назовутъ туркомъ; да, я турокъ, потому что славянинъ!“ По поводу этой лингвистической чепухи, показавшей совершенное отсутствіе филологическихъ познаній, Погодинъ справедливо замѣтилъ: „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ!“

Морошкинъ, не смотря на то, что въ частной жизни является человѣкомъ практическимъ, какъ профессоръ имѣетъ (1855 г.) столько странностей, что не оберешься. Въ лекціяхъ его и въ разговорахъ какъ-то непонятно путается дѣльная и мастерски связанная мысль съ совершеннѣйшимъ вздоромъ. Кто бы повѣрилъ, что рѣчь объ Уложеніи, въ которой такъ много дѣльнаго и новаго сказано, принадлежала тому же перу, которое написало такія курьезныя розысканія о славянахъ. О странностяхъ Морошкина ходитъ весьма много характерныхъ анекдотовъ. На одномъ литературномъ вѣчерѣ, гдѣ были и дамы, Морошкинъ вздумалъ такъ занять свою сосѣдку: „А видали-ль вы насаго

¹⁾ См. „Россія великогерманская“ и „О сочиненіяхъ Венелина“ въ „Отеч. Записк.“ 1841 года; прибавленія къ изданному имъ сочиненію Рейца и изслѣдованіе о происхожденіи и разселеніи славянъ. А. А.

мужчину?" — спросилъ онъ у сидѣвшей подлѣ него дѣвушки. — „Нѣтъ, не видала“. — „А я видѣлъ; и нагую женщину видѣлъ. Нагой мужчина—это конь, рыаный, ретивый конь; а нагая женщина—это птица! ну, просто птица!“ Въ другой разъ на литературные вечера уже не приглашали этого остроумнаго наблюдателя. По окончаніи курса въ московск. универс., маленькій ростомъ Поповъ (А. Н. — теперь, въ 1855 г., служитъ въ II отд. собств. канц. его велич., при графѣ Д. Н. Блудовѣ) зашелъ къ Морошкину проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы. Онъ уѣзжалъ на родину — въ Рязань. Въ то время Морошкинъ сильно былъ занятъ доказательствами въ пользу великорослости славянъ вообще и рязанцевъ въ особенности. Разговорясь о рязанцахъ, онъ повторялъ: рязанцы—у! это народъ великорослый, коломенской, столбовой, стоеросовый!“ Потомъ, взглянувъ на Попова, спросилъ: „а вы тоже изъ Рязани?“—Да, я рязанецъ,—отвѣчалъ маленький Поповъ.—„Ну, вы еще вытянетесь!“ Будучи самъ высокаго роста, онъ имъ всегда гордился, какъ Богъ вѣсть какимъ достоинствомъ ¹⁾). Морошкинъ—ярый почитатель дворянства (хотя самъ и происходитъ отъ сельскаго дьячка); на лекціяхъ не разъ доказывалъ онъ, что законы поддерживаются пушками, штыками и кварталнымъ надзирателемъ. Когда начинаетъ онъ рассуждать о политикѣ—прелесть! Когда Кошутъ (послѣ венгерскихъ неудачъ) явился въ Англію и былъ тамъ принятъ съ торжествомъ, Морошкинъ по этому поводу выразился такъ: „Англію давно подобаетъ называть за пристанодержательство, дабы впредь не повадно было....“ Польшу сравнивалъ онъ съ непотребною женщиною.

Онъ любилъ вспоминать о профессорѣ Сандуновѣ, кото-

¹⁾ Вотъ любопытный отзывъ его о Кавелинѣ въ томъ же духѣ: „Кавелинъ!... у! Это человѣкъ знающій, дѣловой!.. читалъ много!... ну, а профессоромъ ему быть не слѣдовало!“

— Да, почему же, Федоръ Лукичъ (спрашивали его), вы сами же говорите, что онъ и знающій, и начитанный.

— „Не спорю,—онъ—талантъ! большой талантъ!... ну, а профессоромъ быть не можетъ!“

— Да отчего же?

— „Ростомъ малъ!“

А. А.

рому, повидимому, самъ старался подражать въ манерахъ и въ практическихъ занятіяхъ (по судопроизводству). „Сандуновъ! (не разъ говоривалъ онъ) это былъ человѣкъ-практикъ! это была — голова! Все видѣлъ и зналъ! Отъ него никуда не спрячешься. Бывало вызоветъ, да спроситъ, такъ у всякаго поджилки трясутся! Попробуй не знать у него, или отвѣчать не дѣло, такъ онъ тебя въ бараній рогъ свернетъ, съ грязью смѣшаетъ! Вотъ каковъ былъ человѣкъ! Голосище здоровенный, говоритъ — такъ окна дрожать.... ну, просто Юпитеръ-громовержець ... Сандуновъ—это просто было урожденное превосходительство!“¹⁾ Увлекаясь личностію Сандунова, и стараясь самъ прослыть практически-знающимъ юристомъ, Морошкинъ любилъ употреблять подъяческія выраженія: понеже и другія и всегда защищалъ слово оный: „вслѣдствіе онаго отношенія.... У, это слово! онаго — весьма важно!... Что тамъ ни говори журналисты и какія тамъ насмѣшки ни подпускай, а юристу это словцо нужно! Онаго! очень выразительно! Въ приказной бумагѣ безъ онаго обойтись нельзя. Разъ написана была такъ бумага отъ одного при-

¹⁾ Въ университетѣ въ мое время мало было воспоминаній о старыхъ профессорахъ; слышалъ только анекдотическіе рассказы о Маловѣ, который будто дѣлалъ право на правоучительное, поучительное и нравственное; о Терновскомъ (читалъ логику), который будто, опредѣливъ способность воображенія, въ примѣръ всегда приводилъ: представьте себѣ, что казакъ съ пикой скачетъ по карнизу дома--вотъ вамъ и воображеніе. Объ одномъ профессорѣ философіи (Якубовичъ?) рассказывали, что онъ такъ опредѣлялъ скептицизмъ: „мужикъ ведетъ на веревкѣ поросенка, а проходжій, встрѣтивъ его, говоритъ: полно, такъ ли? не поросенокъ ли ведетъ мужика!—вотъ—скептицизмъ“. Еще о Ловецкомъ, профессорѣ зоологій, рассказывали, что онъ однажды перепуталъ листки, по которымъ читалъ, и перепригнувъ незамѣтно съ зайца на льва: зайцъ оказался у него съ гриппой, когтями, кровожаднымъ и пр.; а явившись на слѣдующій разъ, онъ такъ поправилъ свою ошибку: „все сказанное мною въ прошлый разъ о зайцѣ—относи ко льву“, и затѣмъ прочиталъ снова о зайцѣ — что слѣдовало.

При мнѣ (да и теперь, въ 1855 г., кажется) былъ швейцаромъ въ университетѣ старикъ Михайло, давно уже служащій при университетѣ; онъ былъ говорливый старикъ и шутникъ; со всѣми студентами и профессорами (которыхъ почти всѣхъ помнитъ студентами) обращается свободно и попросту. Онъ рассказывалъ о старомъ времени московск. универ., что порядка бывало немного: студенты ходили не совсѣмъ въ опрятныхъ и дѣльныхъ костюмахъ; въ аудиторіи на лекціи приносили съ собой закуску и водку; буянство бывало нерѣдко.

А. А.

существеннаго мѣста въ другое: „по полученіи сего извѣщенія, посланнаго съ канцеляристомъ Сидоровымъ, имѣете вы его прибить у дверей присутствія и, учинивъ надлежащее исполненіе, донести о семъ немедленно“,—что же? Свѣдѣніе получили, а канцеляриста Сидорова отколошматили у дверей присутствія и послали о семъ донесеніе. А если-бъ стояло: „имѣете вы оное прибить, тогда ясно—прибили бы присланное свѣдѣніе. Это слово важное! да!“

Морошкинъ любить (1855 г.), чтобъ ему отвѣчали на вопросъ скоро и находчиво и доволенъ такими отвѣтами, хоть бы они были и нехстати. Разъ одного студента спросилъ онъ, какая была въ старину у русскихъ мѣра? Студентъ, не зная, что сказать, пренаивно отвѣчалъ: „душа—мѣра!“ Морошкинъ даже подскочилъ отъ удовольствія: „прекрасно сказано! именно душа—мѣра!“ и пошелъ носиться съ этой поговоркой, какъ дурень съ писанной торбой, а студенту поставилъ 5. Припоминаю еще случай. Въ лекціяхъ своихъ Морошкинъ доказывалъ, что крѣпостное состояніе, хотя не есть рабство, но на половину пораженное рабствомъ, и что въ Россіи нѣтъ собственно всероссійскаго дворянства, а есть дворянства губернскія: московское, костромское и другія, которыя имѣютъ потому и свои отдѣльныя собранія, и капиталъ, и дома. На 4-мъ курсѣ двое изъ моихъ товарищей, не размысливъ, что можно говорить и чего нельзя, какъ попугай проболтали эти мысли, вычитанныя изъ лекцій профессора. Попечитель Голохвастовъ вступился и сталъ доказывать, что подобныя мнѣнія—вольнодумныя и не справедливыя и задалъ распекацію и тому, и другому студентамъ. Но печальнѣе всего было то, что Морошкинъ, вмѣсто всякой защиты студентовъ, самъ напалъ на нихъ съ той же точки, съ какой и Голохвастовъ.

С. И. Баршевъ (изъ семинаристовъ) читалъ уголовное право слово въ слово по изданной имъ книгѣ, а уголовное судопроизводство—по книгѣ брата своего (профессора въ с.-петербургскомъ университетѣ). Оба брата—люди ограниченныя. Нашъ Баршевъ излагалъ свою, столько любопытную, науку весьма поверхностно, сухо, не интересно и всдбавокъ наипискливѣйшимъ

голосомъ. Онъ былъ лѣнивый, но добрый человѣкъ, т. е. не дѣлавшій никому ни добра, ни худа. При чтеніи своихъ лекцій онъ только тогда одушевлялся, когда рѣчь заходила объ участи женщины въ преступленіи; по его личному мнѣнію, женщину должно было за преступленіе наказывать вдвое сильнѣе, нежели мужчину, „потому что, если мужчина пьяный и развратный гадокъ, то женщина пьяная и развратная вдвое еще гаже!“ Либерализмъ его не простирался дальше квартальнаго, о невѣжествѣ которыхъ онъ позволялъ себѣ отзываться открыто, говоря о недостаточности производимыхъ ими слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ. Фразы свои строилъ онъ по нѣмецкому книжному синтаксису и, неизвѣстно ради чего, имѣлъ привычку предложенія свои начинать длиннымъ рядомъ частицъ. Иногда лекція его начиналась такъ: „такъ какъ уже и по тому обстоятельству, что.... и проч.“. Примѣры такой рѣчи можно читать въ его книгѣ объ уголовномъ правѣ.

Лешковъ (изъ педагогическаго института, былъ за границей)—профессоръ, не отличающійся особенною талантливостію; лекціи его, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ прибѣгалъ онъ въ общимъ философскимъ выводамъ, запечатлѣны были темнотою и сбивчивостію, и привычка профессора непрерывно употреблять выраженіе: „и такъ ясно“ нисколько не помогала въ этомъ случаѣ. Говорилъ онъ быстро, глотая цѣлые слоги. Предметъ свой имѣлъ привычку дробить на рубрики и отдѣлы, которые, впрочемъ, мало имѣли внутренней связи; хотя и мечталъ онъ создать изъ полицейскаго права особую строго опредѣленную систему, не соглашаясь видѣть въ немъ яму, куда свалили всѣ остатки (въ слишкомъ обширныхъ размѣрахъ), которымъ еще ученые не нашли приличнаго мѣста. Хотѣлось ему также убѣдить насъ и въ дѣйствительномъ существованіи международнаго права, не только въ той мѣрѣ, въ какой замѣчается оно въ нѣкоторыхъ немногихъ общепризнанныхъ положеніяхъ, но въ самомъ широкомъ смыслѣ,—какъ будто можно говорить о правѣ тамъ, гдѣ рѣшается сила и война. Лешковъ доказывалъ намъ, что въ настоящее время война даже и невозможна; что пять великихъ державъ все рѣшаютъ съ своего согласія, и что для властолю-

бывшихъ замысловъ нѣтъ уже удачи, ибо противъ обнаруживанія ихъ въ одномъ государствѣ достаточно грознаго слова другихъ членовъ европейскаго международнаго общества. Но въ томъ же году (1854 г.) политическія событія вполне доказали несостоятельность системы Лешкова. Еще странность: общенароднаго права исскалъ онъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ исторіи ¹⁾.

Ө. Б. Мюльгаузенъ—человѣкъ весьма не глупый, довольно начитанный, но нѣсколько лѣнивый, скучный и сухой; подобныхъ господъ весьма характеристически называютъ словомъ мямля. Лекціи его были очень умны и интересны, но изложеніе отличалось сухостію; видно было, что онъ прекрасно воспользовался лекціями нѣмецкихъ профессоровъ въ бытность свою за границею.

О профессорахъ другихъ факультетовъ московскаго университета могу сказать весьма мало; изъ нихъ признавались за лучшихъ между студентами: Рулье, профессоръ зоологіи, мастеръ излагать интересно и общедоступно, но любившій манкировать и гуляка; Линовскій (читалъ сельское хозяйство), убитый вскорѣ по занятіи катедры своимъ слугою (мальчишкой), и П. Н. Кудрявцевъ, который читалъ древнюю, а теперь (1855 г.), кажется, и среднюю всеобщую исторію; П. М. Леонтьевъ, замѣстившій Крюкова по катедрѣ римскихъ древностей, извѣстенъ трудолюбіемъ, начитанностію и сухостію изложенія.

И. И. Давыдовъ (теперь, 1855 г., директоръ педагогическаго института, предсѣдатель II-го отд. академіи наукъ) такой же былъ на своихъ лекціяхъ, какъ и въ изданныхъ имъ книгахъ: „Чтенія о словесности“: тотъ же напыщенный метафорическій языкъ, тотъ же подборъ ненужныхъ эпитетовъ и тотъ же въ сущности пустоцвѣтъ. Я два раза слушалъ его лекціи, читанныя полякамъ и состоявшія въ критикѣ ихъ сочиненій; помню какъ о Ревизорѣ Гоголя замѣтилъ онъ, что здѣсь есть сальные сцены, какъ наприм. Хлестаковъ ковыряетъ въ зубахъ, а лакей Осипъ лежитъ передъ публикою на диванѣ. Какъ о человѣкѣ, о немъ

¹⁾ Въ лекціяхъ своихъ онъ постоянно касался фактовъ, предлагаемыхъ памятниками русской исторіи. А. А.

носятся самые невыгодные слухи и розсказы о его низкопоклонничествѣ и интригахъ. Разсказываютъ, что Лазарева (именемъ котораго названъ Восточный въ Москвѣ институтъ) онъ цѣловалъ въ плечо; что женившись на старости лѣтъ на молодой институткѣ и произведя на свѣтъ сына, онъ письменно и словесно увѣрялъ графа Сергія Григорьевича Строгонова, министра Сергія Семеновича Уварова, кн. Сергія Михайловича Голицына и кн. Гагарина, каждаго отдѣльно, что именно въ честь его-то и нарекъ своего сына Сергѣемъ.

О. М. Бодянскій занимаетъ (1855 г.) каѳедру славянскихъ нарѣчій. Филологъ онъ весьма не дорогой; съ позднѣйшими учеными приемами вовсе незнакомъ и лекціи его никогда не отличались большими достоинствами. Славянскія нарѣчія онъ, конечно, знаетъ, но знанія эти не ведутъ ни къ чему; самъ же онъ говоритъ такимъ страннымъ и неправильнымъ языкомъ, что въ немъ какъ будто слышишь отголоски всѣхъ славянскихъ нарѣчій, слившихся воедино ради Вавилонскаго смѣшенія. Упрямый, нѣсколько грубый, онъ вдобавокъ еще сильно востъ, весьма необтесанъ и фигурою своею живо напоминаетъ Собакевича, который непремѣнно на что нибудь наступить, или что нибудь зацѣпить; входя въ комнату, онъ страшно топаетъ своими аляповатыми сапогами, подбитыми большими желѣзными гвоздями. Эти сапоги, кажется, работаетъ ему не сапожникъ, а развѣ плотникъ. Людей угадывать и опредѣлять ихъ талантливость онъ далеко не мастеръ. На словесномъ факультетѣ въ мое время былъ горбатый и воиной уродикъ Клевановъ (потомъ служилъ въ моск. глав. арх. мин. ин. дѣлъ), господинъ весьма не таковой, чтобы выдумать порохъ. Онъ своими нелѣпыми сочиненіями и толками о величій славянины (что такъ нравится Бодянскому) такъ сумѣлъ подладиться къ нему, что Бодянскій присудилъ ему за три сочиненія—три золотыя медали; Грановскій, сколько мнѣ извѣстно, подписывалъ свое согласіе, не читая разсужденій Клеванова, другіе едва ли не то же дѣлали, или не желали спорить съ Бодянскимъ. Клевановъ потомъ выдержалъ экзамень на магистра по русской исторіи, написалъ разсужденіе: „Исторія юго-западной Руси“, отдѣльно имъ напечатанное, и подалъ его, какъ дис-

сертацию на степень магистра. Но факультетъ призналъ это сужденіе неудовлетворительнымъ, не смотря на поклоны Клеванова у Соловьева и Шевырева. Въ это время случилась съ Бодянскимъ исторія по Флетчеру, и Клевановъ пересталъ къ нему ѣздить: „теперь онъ мнѣ не нуженъ“! говорилъ онъ съ наивною откровенностію. Съ тою же наивностію рассказывалъ онъ о томъ, какъ послѣ долгихъ хожденій къ Шовыреву — принялъ его этотъ профессоръ.

— „Я прихожу къ нему, а онъ собрался куда-то ѣхать, ужъ и лошадь подана. Тутъ мнѣ и сказалъ онъ: ваша, говорить, диссертациа никуда не годна, просто, говорить, дрянъ! Такъ и сказалъ при своемъ кучерѣ и лакеѣ... я ужъ хотѣлъ было ему сказать....—Что жъ вы ему сказали?—Ничего, я поклонился ему и ушелъ домой“.

Я еще засталъ въ московскомъ университетѣ профессора Васильева, который вскорѣ оставилъ университетъ. Онъ читалъ студентамъ не юристамъ законы объ учрежденіяхъ, читалъ или, лучше, диктовалъ ихъ по тетрадкѣ, сказывая гдѣ нужно какіе ставить знаки препинанія. Это былъ памятникъ стараго времени: его называли всѣ чудакомъ и еще прямѣе и невыгоднѣе отзывались о его головѣ. Разъ мы, юристы, зашли въ его аудиторію, но онъ до тѣхъ поръ не хотѣлъ начать своей лекціи, пока не упросилъ насъ оставить его: это упрашиванье продолжалось весьма долго, ибо каждый студентъ увѣрялъ, что жаждетъ послушать его словесъ.

Послѣ моего выхода изъ университета мѣсто Рѣдкина занялъ Орнатскій (переведенъ изъ харьковскаго университета), а мѣсто Кавелина—Калачовъ (Н. В.).

Объ Орнатскомъ ходитъ много смѣшныхъ анекдотовъ; онъ, наприм., не рѣшился на лекціи, читанной въ присутствіи вел. князей Михаила и Николая Николаевичей, выразиться: женщина, а замѣнилъ это слово—выраженіемъ: „человѣкъ женскаго пола“; когда къ университетскому юбилею студенты пожелали издать портреты профессоровъ, то онъ серьезно упрашивалъ не изобра-

жать его въ каррикатурѣ, и разные другіе анекдоты, свидѣтельствующіе объ его ограниченности. Читая государственные законы, онъ ругается надъ формами республиканскаго и конституціоннаго правленія.

Калачовъ—весьма достойный человѣкъ и по своему характеру, и по своимъ обширнымъ свѣдѣніямъ, и трудолюбію необыкновенному; онъ прежде служилъ въ моск. глав. архивѣ мин. ин. дѣлъ и обыкновенно вставалъ часа въ 3 утра и занимался самыми копотливыми работами по своимъ изданіямъ. Такая усидчивость у русскаго человѣка необычайна. Прекрасныя лекціи его въ университетѣ отличались самою тщательною и подробною фактическою обстановкою; едва ли кто такъ заботливо объяснялъ текстъ памятниковъ.

На филологическомъ факультетѣ, который въ послѣднее время (1855 г.), положительно можно сказать, есть лучшій, справедливое вниманіе обращаетъ теперь (1855 г.) Ѳ. И. Буслаевъ, труды котораго представляютъ такъ много новаго и полезнаго, и который обѣщаетъ вскорѣ издать русскую грамматику, составленную по памятникамъ и по фактамъ, представляемымъ живою народною рѣчью. Его филологическое образованіе, основанное на результатахъ знаменитыхъ нѣмецкихъ умовъ, весьма прочно и едва ли у насъ составляетъ не единственный примѣръ.

III.

Студенты въ мое время дѣлились на кружки, которые условливались ихъ общественнымъ положеніемъ: кружокъ аристократовъ по фамиліямъ и отчасти по состоянію (здѣсь преобладалъ французскій языкъ, разговоры о балахъ, бѣлыя перчатки и треугольныя шляпы), кружокъ семинаристовъ, кружокъ поляковъ и кружокъ (самый обширный), состоявшій изъ всѣхъ остальныхъ студентовъ, гдѣ по преимуществу коренилась и любовь къ русской наукѣ, и русской народности.

Большая часть студентовъ жила по квартирамъ, нанимая небольшую комнатку со столомъ и прислугою, иногда и чаемъ; нѣкоторые жили весьма бѣдно; стипендіи, выдававшіяся отъ университета, и уроки, если не могли ожидать присылокъ изъ дома отъ родителей, были единственными средствами имъ въ жизни.

Москва въ это время раздѣлялась на двѣ театральныя партіи. изъ которыхъ одна стояла за танцовщицу Андреянову (любовница Геденова, директора театровъ) и ею восхищалась; другая же изъ всѣхъ силъ восторгалась Санковскою и ея балетнымъ искусствомъ. Студенты всегда стояли за Санковскую; ей поднесли они въ бенефисъ серебряный вѣнокъ, сдѣланный изъ собранныхъ денегъ, и привѣтственные стихи. Сколько разъ аплодисменты, которыми публика осыпала Андреянову, были нарушаемы студенческимъ шипѣньемъ, и сколько разъ неистовое хлопанье студентовъ встрѣчало и провожало ихъ любимицу. Какой-то санковистъ (только не студентъ) дошелъ до того, что бросилъ изъ райка на сцену во время танцевъ Андреяновой издохнувшую кошку, за что я былъ тогда же высланъ изъ Москвы.

По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ и послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ найти мѣсто ¹⁾, я, наконецъ, въ ноябрѣ 1849 года поступилъ на службу въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

А. Н. Аөанасьевъ.

Сообщ. въ 1882 г. Е. Н. Аммонъ.

1855 г.
Москва.

¹⁾ Между прочимъ обращался я и къ Морошкину, какъ директору практической коммерческой академіи; здѣсь открывалось мѣсто учителя законовѣдѣнія. Онъ мнѣ откровенно сказалъ: „я ужъ имѣю въ виду посадить на это мѣсто своего родственника!“, потомъ усадилъ меня и началъ подбивать своими отзывами о другихъ профессорахъ. Помню, что о Крыловѣ отозвался онъ: „Никита—себѣ на умъ! Э! Никита не промахъ!“, а о Кавелинѣ: „это гвоздь,—куда хочешь можно вбить—вездѣ пригодится“.

А. А.

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КУДРЯВЦЕВЪ,

профессоръ московскаго университета

1855 г.

Представляемъ программу историческаго журнала, который предполагали издавать Т. Н. Грановскій и П. Н. Кудрявцевъ. Она составлена послѣднимъ и хранилась въ бумагахъ его. Хотя изданіе, за смертію Грановскаго (1855 г.), и не осуществилось, но программа его интересна, такъ какъ она знакомитъ съ тѣмъ, какъ смотрѣли оба эти даровитые ученые на значеніе и задачи историческаго журнала¹⁾. Ред.

Программа Историческаго Сборника, составленная профессоромъ П. Н. Кудрявцевымъ.

Въ 1855 г. Т. Н. Грановскій и П. Н. Кудрявцевъ рѣшили предпринять изданіе спеціальнаго журнала историческаго содержанія, подъ названіемъ «Историческій Сборникъ». Предполагалось, начиная съ 1856 года, выпускать по 3 или 4 книжки въ годъ; но смерть Гра-

¹⁾ О Грановскомъ было нѣсколько статей и замѣтокъ въ „Русской Старинѣ“. См. „Систематическую Роспись содержанія „Русской Старини“ (1870 — 1884 гг.)“, Спб., 1885 г., №№ 1858 — 1860: 1880 г., томъ XXVII, стр. 731—764; 1877 г., т. XX, стр. 205—221; 1874 г., т. IX, стр. 141 и проч. См. также „Московскій Университетъ въ воспоминаніяхъ А. Н. Афанасьева“, „Русская Старина“ изд. 1886 г. Ред.

новскаго, послѣдовавшая въ октябрѣ 1855 г., помѣшала исполненію этого плана. Программа Сборника была составлена Кудрявцевымъ и сохранилась въ бумагахъ его. Внизу рукописи находится слѣдующая замѣтка составителя: «читана Т. Н. Грановскому 1-го октября 1855 г., вечеромъ (за два дня до его смерти), и одобрена имъ для публикаціи, но для приложенія къ просьбѣ заказана другая». Мы сообщаемъ эту программу въ увѣренности, что для читателей уважаемой «Русской Старины» будетъ интересно познакомиться изъ нея, какъ смотрѣли на задачи спеціальнаго историческаго журнала Грановскій и Кудрявцевъ, принадлежащіе къ числу лучшихъ представителей русской исторической науки.

П. К.

«Изданіе имѣетъ цѣлью содѣйствовать успѣхамъ и распространенію въ нашемъ отечествѣ историческихъ знаній вообще. Потребность въ подобномъ изданіи указана уже отчасти успѣхами отечественной исторіи. Новыя изслѣдованія въ ней все больше и больше открываютъ необходимость изученія ея въ связи съ исторією другихъ народовъ. Съ другой стороны, извѣстно каждому, что образцы историческаго искусства въ обиліи находятся въ европейскихъ литературахъ. Оно началось у грековъ, продолжаемо было римлянами, и въ настоящее время имѣетъ многихъ достойныхъ представителей у всѣхъ почти образованныхъ народовъ. Знакомство съ этими образцами составляетъ одну изъ главныхъ потребностей современнаго образованія. Для насъ оно можетъ быть полезно столько же въ матеріальномъ, сколько и въ формальномъ отношеніи. Мы позже другихъ стали разрабатывать исторію, и потому менѣе всего должны пренебрегать тѣмъ, что сдѣлано уже другими въ той-же самой области.

Было-бы желательно имѣть лучшія историческія произведенія иностранныхъ литературъ въ хорошемъ переводѣ. Но самое уже обиліе ихъ и многосложность не позволяютъ думать о передачѣ ихъ на русскій языкъ въ полномъ составѣ. Есть другое, болѣе удобное средство познакомить съ ними ближе русскаго читателя: это подробные отчеты о лучшихъ сочиненіяхъ и важнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, приготовляемые одинъ за другимъ по мѣрѣ того, какъ такіе труды будутъ появляться въ иностранныхъ литературахъ. Этотъ способъ изложенія

представляет еще ту выгоду, что знакомит читателя съ результатами новѣйшаго изслѣдованія по той или другой части исторіи, въ то-же время даетъ возможность сличить ихъ съ прежними и провѣрить одни другими. Подобныя работы съ пользою могутъ занять время и дѣятельность нашихъ молодыхъ ученыхъ, посвящающихъ себя преимущественно историческимъ занятіямъ. Если-же найдутся уже готовые рецензиі въ другихъ литературахъ, вполне удовлетворяющія научнымъ требованіямъ, то легко будетъ сдѣлать выборъ изъ нихъ и передать наиболѣе удачныя изъ нихъ въ близкомъ переводѣ на русскій языкъ. Все это можетъ быть исполнено съ успѣхомъ и въ надлежащей полнотѣ лишь при существованіи повременнаго изданія, которое бы имѣло своимъ главнымъ назначеніемъ слѣдить за движеніемъ исторической литературы не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ другихъ странахъ Европы.

Такое изданіе нисколько не исключаетъ самостоятельныхъ трудовъ русскихъ ученыхъ по исторіи,—напротивъ, оно будетъ много способствовать своевременному ихъ появленію и обращенію въ публикѣ. Остается лишь желать, чтобы запасъ ихъ все больше и больше увеличивался. Сюда въ особенности принадлежатъ тѣ историческія сочиненія, которыя изготовляются по частямъ, отдѣльными статьями, равно какъ и всѣ частныя изслѣдованія критико-историческаго содержанія, которыя касаются болѣе или менѣе занимательныхъ вопросовъ, но по своему незначительному объему не могутъ быть изданы особою книгою. Въ историческомъ сборникѣ они находятъ себѣ приличное мѣсто и не теряются болѣе въ разнообразіи литературныхъ произведеній всякаго рода. И авторъ, и читающая публика выигрываютъ въ томъ отношеніи, что сочиненіе не запаздываетъ появленіемъ, а между тѣмъ, такъ какъ оно имѣетъ мѣсто въ періодическомъ изданіи, не нарушается много и послѣдовательность чтенія. Не говоримъ уже о томъ, что отдѣльныя статьи по той или другой отрасли науки легче и удобнѣе отыскиваются, когда онѣ собираются въ однородномъ изданіи.

Исторія почерпаетъ свои свѣдѣнія болѣею частью изъ литературныхъ источниковъ. Между исторіею и литературою постоянно проходитъ самая тѣсная связь. Даже собственно такъ называемыя литературныя произведенія даютъ обильный историческій матеріалъ.

На сочиненіяхъ каждаго писателя лежитъ печать вѣка, слѣдовательно исторіи. Съ другой стороны писатель удовлетворительно объясняется лишь въ общей рамѣ своего времени. Часто въ одномъ и томъ же лицѣ соединяются дѣятельность политическая и авторская. Довольно припомнить Юлія Цезаря, Альфреда Великаго, Фридриха II, Наполеона. И та, и другая дѣятельность есть общественная, съ тою разницею, что одна изъ нихъ принадлежитъ исторіи непосредственно, другая—посредственно. Имена, по преимуществу литературныя, также по праву принадлежатъ исторіи. Замѣчательнѣйшія произведенія литературы не рѣдко равняются въ значеніи съ историческими событіями. Политическая теорія Макиавеля долгое время имѣла вліяніе на всю почти европейскую политику. Французская литература болѣе, чѣмъ оружіе Людовика XIV, участвовала въ распространеніи вліянія націи. Нѣмецкая романтическая школа есть столько же историческое явленіе, сколько и литературное. Изданіе утратило бы много полноты и занимательности, если бы издатели ограничились однимъ историческимъ содержаніемъ и исключили литературу. Поэтому, рядомъ съ историческими статьями, предполагается ввести сюда-же въ обширномъ объемѣ критическія изслѣдованія о жизни и дѣятельности замѣчательнѣйшихъ писателей. Вообще въ Сборникѣ найдетъ себѣ мѣсто всякій трудъ, заключающій въ себѣ основательное изложеніе или критику замѣчательнаго литературнаго явленія, которое находилось или находится въ тѣсной связи съ историческимъ движеніемъ своего времени.

По тому же праву найдутъ себѣ мѣсто въ Историческомъ Сборникѣ статьи, относящіяся къ исторіи искусствъ вообще. Есть темныя эпохи въ исторической области, гдѣ степень развитія и успѣха гражданственности опредѣляются только состояніемъ искусства, или его памятниками; но есть и весьма яркія страницы въ исторіи, когда вся почти творческая дѣятельность народа сосредоточивается въ искусствѣ, и его произведенія служатъ мѣрою успѣховъ общаго развитія. Достаточно указать, въ подтвержденіе нашей мысли, на древній Египетъ, съ его негибнущими монументами, и на цвѣтущее состояніе искусствъ въ Италіи XV и XVI вѣковъ. Иногда въ художественной дѣятельности находятъ себѣ выраженіе лучшія стремленія вѣка. Такъ, въ произведеніяхъ Рафаэля, Микель-Анджело, Альбрехта Дюрера выразились самые чистые и возвышенные идеалы ихъ времени. Съ этой

точки зрѣнія написанныя или составленныя по лучшимъ монографіямъ статьи о жизни и дѣятельности какъ древнихъ, такъ и новыхъ художниковъ никогда не будутъ излишними въ повременномъ историческомъ изданіи.

Сюда-же могутъ быть допускаемы, время отъ времени, какъ важное историческое пособие, изслѣдованія по этнографіи, извѣстія о замѣчательнѣйшихъ географическихъ открытіяхъ и выборъ изъ путешествій по разнымъ странамъ свѣта, предпринимаемыхъ съ географическою цѣлью или для знакомства съ народнымъ бытомъ. Ибо въ особенностяхъ почвы и народнаго быта большею частью лежатъ первыя условія дальнѣйшаго историческаго развитія, или, наоборотъ, задерживающія его причины. Давно уже признано, далѣе, что географическія открытія часто пролагаютъ совершенно новые пути и для самаго историческаго движенія. Для странъ малоизвѣстныхъ путешествіе обыкновенно составляетъ единственное средство восполнить недостатокъ историческихъ свѣдѣній о нихъ. Разсказъ Мак. Кляра и его сподвижниковъ о странствованіяхъ по Ледовитому морю или доктора Барта о путешествіи его во внутреннюю Африку, конечно, поравняются въ занимательности со многими историческими сочиненіями и, въ нѣкоторомъ отношеніи, можетъ соперничать съ ними значительностью самого содержанія.

Такимъ образомъ, имѣя, прежде всего, въ виду исторію, какъ русскую, такъ и всеобщую, издатели Историческаго Сборника предполагаютъ также пользоваться для своего изданія необходимымъ пособіемъ другихъ родственныхъ отраслей знанія. Преимущественно знакома русскимъ читателямъ съ успѣхами современной историографіи, они постараются въ то-же время слѣдить за общимъ литературнымъ движеніемъ. Лѣтописи литературы и искусства, новыя этнографическія изслѣдованія, географическія открытія и путешествія, вмѣстѣ съ археологическими розысканіями, доставятъ обильный матеріалъ для Сборника и сообщать необходимую полноту и разнообразіе изданію. Содержаніе статей должно быть, главнымъ образомъ, заимствовано изъ лучшихъ относящихся сюда произведеній современной европейской литературы; но какъ подробные критическіе отчеты возможны лишь о немногихъ избранныхъ сочиненіяхъ, то, сверхъ капитальныхъ статей, предполагается вести въ томъ-же изданіи краткую, но по возможности обстоятельную лѣтопись для записыванія и общей оцѣнки

другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ литературныхъ явленій, которыя почему либо не могли-бы подвергнуться отчетливому критическому разбору. Этотъ общій обзоръ въ видѣ литературной лѣтописи, за два или за три мѣсяца, вмѣстѣ будетъ помѣщаемъ въ каждой книжкѣ изданія. Съ его помощью, читатель получитъ возможность судить о движеніи современной исторической литературы и дѣлать для себя болѣе строгій выборъ между многочисленными ея произведеніями».

Сообщ. П. П. Еоппозовъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА.

Эпизоды усмиренія мятежа

1863 г.

I.

Въ іюлѣ 1863 г. Александрійскій гусарскій полкъ пришелъ форсированнымъ маршемъ изъ Луцка въ Сувалки. Когда командиръ нашего полка, Дмитрій Александровичъ Татищевъ, явился къ начальнику Августовскаго отдѣла, князю Эмилю Витгенштейну, тотъ ему сказалъ, что въ Августовской губерніи расплодилось столько повстанскихъ шаекъ, что едва-ли найдется возможность полку долго отдохнуть, послѣ быстрого перехода съ Волыни, такъ какъ приходится идти разгонять шайки. Татищевъ отвѣтилъ Витгенштейну просьбою, отъ своего имени и отъ всѣхъ офицеровъ полка, чтобы ни о какомъ отдыхѣ не было рѣчи и чтобы завтра же всѣ четыре эскадрона были отправлены на поиски. Черезъ нѣсколько дней части нашего полка бороzdили лѣса, тянувшіеся къ Нѣману, и только этой рѣкой отдѣленные отъ необъятныхъ литовскихъ лѣсовъ. Этотъ уголъ Августовской губерніи былъ укромнымъ мѣстомъ для шаекъ; онѣ здѣсь кишмя кишѣли и въ случаяхъ, когда плохо приходилось, могли переправляться черезъ Нѣманъ и безслѣдно тонуть въ нескончаемыхъ литовскихъ лѣсныхъ дебряхъ.

Одинъ изъ выступившихъ отрядовъ состоялъ исключительно изъ гусаръ и былъ подъ начальствомъ командира нашего 4-го эскадрона, маіора Реутова; другимъ отрядомъ командовалъ Татищевъ, и въ немъ, кромѣ гусаръ, была рота стрѣлковъ, рота Симбирскаго пѣхотнаго полка и два-три десятка объѣздчиковъ пограничной стражи. Это

былъ дорогой народъ, по знанію мѣстности и по умѣнью шнырять по лѣснымъ тропинкамъ и чащѣ.

Я былъ въ отрядѣ Д. А. Татищева.

Дмитрій Александровичъ былъ человѣкъ хорошій, довольно остроумный, но безпечный, легкомысленный и совершенно несвѣдущій въ военномъ дѣлѣ. Довѣряясь его инициативѣ, найти повстанцевъ было почти невозможно. Нѣсколько дней отрядъ слонялся безъ опредѣленнаго плана и, понятно, также безрезультатно, какъ если-бы бродилъ по какимъ нибудь необитаемымъ тундрамъ. Татищевъ вѣроятно когда-то слышалъ, что на войнѣ успѣхъ, между прочимъ, достигается быстрыми переходами, и потому подымалъ отрядъ всегда до свѣта и вель его до сумерокъ, не зная, впрочемъ, зачѣмъ это онъ дѣлалъ, и упукая изъ вида, что быстрый и большой переходъ бываетъ нуженъ для достиженія какой-нибудь намѣченной цѣли, а Татищевъ сталъ бы въ тупикъ, если-бы кто-нибудь его спросилъ: съ какою именно цѣлью онъ передвигаетъ свой отрядъ. Люди были очень утомлены этою безтолковою стремительностью; они не досыпали и могли ѣсть только по вечерамъ, по окончаніи большихъ переходовъ, когда утомленіе заставляло думать болѣе о снѣ, нежели о пищѣ. Днемъ-же люди могли съѣдать что-нибудь на-скоро, урывками; мнѣ самому приходилось утолять голодъ сорваннымъ гдѣ-нибудь, въ полѣ, горохомъ или собирая въ лѣсу недозрѣлую бруснику.

Послѣ нѣсколькихъ дней скитанія, на одномъ изъ переходовъ, къ командиру стрѣлковой роты, Санмарку, явился откуда-то взявшійся нѣмецъ-каменьщикъ и сказалъ, что онъ могъ-бы указать на мѣсто, гдѣ скрывалась повстанская шайка. Санмаркъ привелъ его къ Татищеву. Нѣмецъ имѣлъ видъ проходимца, но мы, все таки, жадно выслушали то, что онъ намъ сказалъ.

— Я служилъ въ прусской военной службѣ, говорилъ онъ, и считалъ своимъ долгомъ жертвовать, для моего короля, моею жизнью и кровію. Теперь я живу въ русской землѣ, ѣмъ русскій хлѣбъ и считаю себя обязаннымъ дѣлать для русскаго императора то, что сдѣлалъ-бы прежде для короля. Я знаю, гдѣ расположена шайка повстанцевъ и поведу васъ туда.

Бывшіе въ отрядѣ александрійскіе офицеры—насъ было четверо или пять—сказали нѣмцу, что каждый изъ насъ дастъ ему по пятидесяти рублей, если онъ насъ проведетъ къ бандѣ; Татищевъ прибавилъ, что отъ себя дастъ еще двѣсти. Нѣмецъ поблагодарилъ, но сказалъ, что денежная награда для него—дѣло второстепенное; главнѣйшая же для него награда заключается въ совнаніи, что онъ исполнилъ свой долгъ.

Затѣмъ, онъ разсказалъ намъ, что банда расположена верстахъ въ 20 отъ деревни Вевсей, въ лѣсу, недалеко отъ дороги, вправо; что для пановъ-офицеровъ сдѣланы шалаши, а хлопны выкопали себѣ какіе-то ложементы.

Все это нѣмецъ разсказывалъ довольно поздно вечеромъ, и на другой день, часа въ 3 утра, мы выступили, по указанному имъ направленію. Хотя онъ говорилъ, что шайка находится верстахъ въ 25—30 отъ Вевсей, но, вступивъ въ лѣсъ, начинавшійся недалеко отъ этой деревни, мы разсыпали цѣпь, на случай перемены шайкою прежняго мѣста стоянки или встрѣчи, по дорогѣ, какой-нибудь другой шайки. Гусарскіе взводы пошли по сторонамъ лѣса; не помню: пошли ли объѣздчики съ гусарами или были направлены по пересѣкавшимся лѣсъ дорогамъ. Считая болѣе вѣроятною встрѣчу съ повстанцами въ лѣсу, нежели на его опушкѣ, я пошелъ пѣшкомъ, съ стрѣлковою цѣпью. За цѣпью слѣдовали ея резервы, а дальше, въ главномъ резервѣ — рота. Цѣпь ежечасно смѣнялась, потому что лѣсъ былъ густъ и стрѣлкамъ было трудно идти: приходилось переступать черезъ валежникъ и продирались сквозь переплетшіяся вѣтвями кустарникъ. Смѣнившись въ резервъ, люди могли отдыхать, такъ какъ резервы могли идти тропинками. Допуская вѣроятность встрѣчи съ повстанцами, я былъ въ цѣпи безотлучно и, пройдя по лѣсной чащѣ верстъ двадцать, такъ выбился изъ силъ, какъ не выбивался ни въ предшествовавшихъ, ни въ позднѣйшихъ походахъ, ни на кавказскихъ стремнинахъ, ни на швейцарскихъ глетчерахъ, словомъ, какъ никогда въ жизни. Трудность похода еще утраивалась сильнымъ дождемъ, который начался вскорѣ по нашемъ выступленіи, и лить почти все время. Совершенно обезсиленный, опустился я на землю, когда отрядъ остановился, пройдя двадцать слишкомъ верстъ и не встрѣтивъ повстанцевъ. Тутъ мы начали догадываться, что вѣрный слуга прусскаго короля, преданный также и русскому императору, для чего-то умышленно завелъ насъ сюда. Прусскій Сусанинъ, однако-же, пока не потерялся, и началъ говорить, что отсутствіе шайки не было для него большою неожиданностью, потому-что начальники ея поговаривали о переходѣ верстъ за шесть отсюда, въ лѣсъ, за деревнею Подлипками. По отсутствію слѣдовъ пребыванія шайки въ какомъ-нибудь мѣстѣ пробденнаго нами лѣснаго пространства ясно было, что онъ все вретъ; поэтому, Татищевъ, не желая еще болѣе изнурять людей дальнѣйшими поисками, приказалъ отряду сдѣлать двухчасовой привалъ и потомъ идти обратно въ Вевсей; самъ же поѣхалъ въ указанный нѣмецемъ лѣсъ, за Подлипками, чтобы не оставалось и тѣни сомнѣнія, что онъ лгалъ; я сѣлъ на объѣздничью лошадь и поѣхалъ съ Тати-

щевымъ; съ нами поѣхало нѣсколько объѣздчиковъ. Когда мы пріѣхали на указанное нѣмцемъ мѣсто и, конечно, ничего не нашли, онъ потерялся и безсмысленно смотрѣлъ на насъ испуганными глазами. Сначала онъ упорно отказывался сказать, съ какою цѣлью онъ насъ завелъ, но потомъ, когда его припугнули, сознался, что подкупленъ Обламовичемъ.

Обламовичъ былъ ловкій мѣстный организаторъ повстанія, почему-то не безпечный властями, тогда какъ другіе, менѣе его виновные, были давно арестованы. Подъ возобновившимся ливнемъ поѣхали мы назадъ и вечеромъ возвратились въ Вевсей, до нельзя усталые и не имѣя на себѣ ни одной сухой нитки.

На другой день нашъ вчерашній колонновожатый сидѣлъ взаперти, въ какомъ-то амбарѣ, а мы пили чай на крыльцѣ квартиры Татищева и, конечно, досадовали, что позволили вчера себя одурачить. Дмитрій Александровичъ страшно кипятился, сжималъ кулаки и обсуждалъ: какъ-бы не дать ускользнуть Обламовичу, для арестованія котораго намѣренъ былъ послать разъѣздъ. Это обсужденіе было прервано щелканьемъ бича и стукомъ колесъ подѣхавшей къ крыльцу коляски. Изъ нея выскочилъ довольно красивый и изящно одѣтый господинъ и озадачилъ насъ, отрекомендовавшись Обламовичемъ. Татищевъ сухо предложилъ ему стулъ, но тотъ, какъ бы не замѣчая сухости встрѣчи, началъ также непринужденно болтать, какъ будто мы вчера не забирались, по его милости, въ дальнюю лѣсную трущобу, а фланировали по елагинской pointe.

— «*Sans nul doute, monsieur, vous vous-êtes déjà présenté chez la princesse Oguinska*», сказалъ Обламовичъ, показывая глазами на лежавшую шагахъ въ двухстахъ отъ насъ усадьбу.

— Non, monsieur, холодно отвѣчалъ Татищевъ, en ce moment les relations entre nous et les polonais ne sont point de telle nature, qu'ils puissent voir avec plaisir quelqu'un de nous sous leur toit.

— «*Pouvez vous penser ainsi, mon colonel*», съ жаромъ сказалъ Обламовичъ, «*l'inimitié politique n'a point éteint chez nous le respect de l'hospitalité et nous savons très bien discerner ce que nous prescrivent nos devoirs de patriotisme d'avec ce que se doivent entre eux les gens du monde. Enfin, monsieur, vous portez un nom, qui vous aurait largement ouvert les portes des meilleures maisons, non seulement chez nous, mais bien dans toute l'Europe*».

Татищевъ что-то отвѣтилъ уже далеко не такъ сухо, а вслѣдъ за тѣмъ исчезъ и остатокъ его холодности. La glace était rompue — и разговоръ продолжался, мало по малу переходя чуть не въ интимный тонъ. Не смотря на этотъ обмѣнъ любезностей, мы не оставляли

предположенія, что Обломовичъ обратно въ свою коляску не попадетъ, а очутится въ такомъ же амбарѣ, въ какомъ нѣмецъ размышлялъ теперь о своихъ непризнанныхъ вѣрноподданническихъ доблестяхъ. Но этого не случилось. Поболтавъ съ полчаса и выпивъ стаканъ чая, Обломовичъ любезно съ нами раскланялся и сѣлъ въ свою коляску. Дверка хлопнула, бичъ щелкнулъ, и чрезъ минуту коляска скрылась изъ вида.

Увидавъ по нашимъ недоумѣвающимъ взглядамъ, что сдѣлалъ глупость, Дмитрій Александровичъ началъ тереть себѣ лобъ, потомъ внезапно обратился къ поручику Чуди и приказалъ ему поскорѣе отправиться съ взводомъ гусаръ, въ усадьбу Обломовича, находящуюся верстахъ въ двѣнадцати оттуда, и арестовать его. Чуди былъ хорошій офицеръ и умѣлъ превосходно исполнять полученные имъ приказанія; но на этотъ разъ онъ возвратился ни съ чѣмъ: Обломовичъ даже и не возвращался къ себѣ, а безслѣдно исчезъ. Потомъ мы узнали, что прямо съ крыльца татищевской квартиры онъ направился къ прусской границѣ и перебрался черезъ нее. Съ какою цѣлью онъ, передъ побѣгомъ, стелъ нужнымъ захватить къ Татищеву—я до сихъ поръ не знаю и не могу подобрать какой-либо состоятельной догадки.

Но о причинѣ, побудившей Обломовича отвести насъ къ Подлипкамъ, мы могли догадаться въ тотъ же день. Оказалось, что въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Вевсей, по которому направлялся нашъ отрядъ, была небольшая банда (фамиліи ея предводителя я не помню), на которую мы наткнулись бы, если бы не были отведены въ противоположную сторону. Сама же банда не могла уйти отъ насъ къ сѣверу, потому что тамъ ходило нѣсколько отрядовъ. Удачно отдѣлавшись отъ насъ, шайка эта, все-таки, не избѣжала истребленія: на другой же день послѣ нашего блужданія подъ дождемъ она была открыта Реутовымъ, и большая часть ея погибла.

Реутовъ былъ простой человѣкъ, никогда научно не изучавшій военнаго дѣла, не умѣвшій даже руководствоваться топографическими картами, но надѣленный природною смѣтливостью, хорошій и находчивый въ дѣлѣ кавалеристъ. Онъ откопалъ шайку, ютившуюся у деревни Строчуновъ. Когда повстанцы, вооруженные хорошими ружьями, увидѣли нашъ 4-й эскадронъ, они заперлись въ молотильныхъ сараяхъ, думая, что кавалерія ничего не можетъ сдѣлать пѣхотѣ, засѣвшей въ строеніяхъ. Но гусары 4-го эскадрона подсаkali къ сараямъ, слѣзились и ворвались въ нихъ, потерявъ при этомъ двухъ или трехъ человѣкъ ранеными. Почти всѣ запершіеся въ сараяхъ повстанцы были истреблены; убѣжать удалось немногимъ.

Когда мы, часа черезъ полтора, получили извѣщеніе объ этомъ дѣлѣ, мы поспѣшили къ Нѣману, чтобы преградить уцѣлѣвшимъ повстанцамъ путь къ побѣгу. Потомъ оказалось, что и убѣгать-то было почти некому, такъ какъ почти всѣ повстанцы, бывшіе въ Строчунахъ, были изрублены. Послѣ этого, побродивъ еще дня два, мы возвратились въ Сувалки, соединившись, въ Сейнахъ, съ Реутовымъ.

II.

По возвращеніи нашемъ въ Сувалки, вечеромъ, александрійскіе офицеры, бывшіе въ разныхъ отрядахъ и оставшіеся въ Сувалкахъ, сошлись, чтобы увидѣться послѣ восьми дней, въ которые мы другъ друга не видали. Послѣ восьмидневнаго голоданія, сойтись намъ болѣе всего подходило, понятно, въ ресторанѣ. Пріятно было думать, что, поужинавши съ товарищами, я пойду на свою квартиру, лягу въ чистую постель и отдохну за всѣ восемь дней. Но едва подали ужинъ, какъ ординарецъ потребовалъ меня къ князю Витгенштейну, жившему въ томъ же домѣ, надъ рестораномъ. Я засталъ Витгенштейна и начальника его штаба, полковника Орановскаго, разсматривающими разложенную на столѣ топографическую карту. Они мнѣ сказали, что получено извѣстіе, что двѣ соединенныя конныя банды, сформированныя, какъ кажется, въ Пруссіи, прошли черезъ деревню Заборишки, по дорогѣ къ фольварку Щепишкамъ, направляясь, повидимому, къ Серекю.

— Пожажайте немедленно въ Сейны, возьмите 3-й эскадронъ, идите къ Щепишкамъ, откройте слѣды бандъ и преслѣдуйте ихъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, общая численность соединенныхъ бандъ отъ 300 до 400 человекъ. Надѣетесь-ли вы, что эскадронъ справится съ ними?

Такъ какъ эскадронъ могъ выйти въ составѣ 120 или 130 человекъ, то я отвѣчалъ, что не сомнѣваюсь, что съ бандами справимся, лишь бы только ихъ найти.

Черезъ часъ, вмѣсто спокойной постели, я былъ въ тряскомъ почтовомъ фургонѣ и скакалъ въ Сейны. Сзади ѣхалъ другой фургонъ, съ нѣсколькими стрѣлками. Часа черезъ два, по выѣздѣ изъ Сувалокъ, я разбудилъ командира 3-го эскадрона Гольмберга. Еще задолго до разсвѣта эскадронъ выступилъ и рано утромъ подходилъ къ Щепишкамъ. Въ полуверстѣ отъ нихъ, влѣво, былъ лѣсъ. Гольмбергъ и я, съ полуэскадрономъ, остались наблюдать за выходомъ изъ лѣса, а Чуди, съ другимъ полуэскадрономъ, пошелъ на фольваркъ. Мы про-

сили Чуди, чтобы онъ приказалъ трубачу дать намъ сигналъ, если на фольваркѣ есть повстанцы. Оставшись, послѣ ухода Чуди, передъ лѣсомъ, я, отъ изнеможенія, едва держался на сѣдлѣ; глаза смыкались, отяжелѣвшая голова повисла на шею лошади. Послѣднія сутки, проведенныя совершенно безъ сна, довершили утомленіе предшествовавшихъ трудныхъ восьми дней, и я такъ обезсилѣлъ физически и впалъ въ такую апатію, что безучастно думалъ о томъ: есть-ли въ Щепишкахъ повстанцы, или, лучше сказать, я ни о чемъ не думалъ — меня только клонилъ неодолимый сонъ. Но вдругъ—въ чистомъ утреннемъ воздухѣ прозвучалъ условный сигналъ. Апатіи и сонливости какъ не бывало, и я быстро повелъ свой полуэскадронъ къ фольварку. Но я не то ожидалъ тамъ встрѣтить, слышавъ поданный Чуди сигналъ: повстанцевъ на фольваркѣ не было, а на обширномъ дворѣ видны были длинныя полосы свѣжаго навоза, отъ коновязей; видно было, что конная шайка ушла отсюда недавно. Я вошелъ въ домъ и увидѣлъ хозяина, человѣка средняго роста и среднихъ лѣтъ, съ окладистою бородою. Это былъ довольно богатый помѣщикъ, графъ Габерманъ. Вскорѣ вышли: жена его и двѣ или три дочери, на-скоро одѣтыя, и сынъ его, молодой человѣкъ, лѣтъ восемнадцати.

— Скажите, графъ, сказалъ я, въ которомъ часу отъ васъ выступила банда?

— «У меня никакой банды не было, увѣряю васъ», отвѣчалъ, не сморгнувъ глазомъ, Габерманъ.

— Вы отвѣчаете не на тотъ вопросъ, который я вамъ сдѣлалъ, графъ, внушительно сказалъ я: я спрашиваю не о томъ, была-ли у васъ шайка, а о томъ, въ которомъ часу она вышла.

— «Вчера въ пять часовъ пополудни», отвѣчалъ опѣшавшій Габерманъ.

— Хорошо, сказалъ я. Прикажете теперь запретить экипажъ, для вашего сына, котораго я возьму съ собою.

Мать и сестры молодого человѣка заахали и начали меня умолять не брать его.

— Успокойтесь, графиня, сказалъ я, я даю вамъ слово, что вашему сыну не будетъ причины жаловаться на мое обращеніе съ нимъ, но ему необходимо ѣхать со мною. Я вамъ обещаю, что онъ возвратится къ вамъ сегодня же, если я сегодня найду ушедшую отъ васъ шайку; но вѣрно также и то, что въ противоположномъ случаѣ, то есть если банда будетъ ускользать отъ меня, вашъ сынъ будетъ слѣдовать за мною, даже если бы мнѣ пришлось гнаться за шайкой до Калиша или Сандомира.

Мнѣ было жаль тревожить эту семью, но это было необходимо. Мнѣ казалось необходимымъ, чтобы Габерманъ самъ считалъ для себя удобнымъ, чтобы я настигъ шайку; иначе онъ могъ послать предупредить ее о нашемъ приближеніи; его посланный могъ скакать, не щадя лошади, какою нибудь окольною тропкою и опередить насъ.

О дорогѣ, по которой пошла шайка, я не спрашивалъ; я не сомнѣвался, что она направилась на обѣтованный для повстанцевъ Серей, а главное—на дорогѣ остались слѣды множества кованныхъ ногъ; слѣды эти прерывались только въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ дорога шла по очень твердому грунту.

Мы поспѣшно пошли по дорогѣ въ Серей, имѣя надежду застать еще тамъ повстанцевъ, хотя было болѣе вѣроятно, что они, не мѣшкая тамъ, направилась въ близъ лежащія трущобы, гдѣ ихъ гораздо труднѣе было найти. Поэтому мы были пріятно удивлены, когда еще версть за 30 до Серей и версть за 5 до фольварка Думбеля замѣтили, на холмикѣ, лѣвѣе этого фольварка, два продолговатыхъ пятнышка, стремительно спустившіяся съ холма и направившіяся къ Думбелю. Мы немедленно усилили аллюръ и, подходя къ усадьбѣ, увидѣли, что тамъ мечутся и вскакиваютъ на коней повстанцы. Мы условились, что Гольмбергъ, съ полуэскадрономъ, перейдетъ вбродъ рѣчку и обойдетъ фольваркъ, чтобы преградить повстанцамъ путь къ побѣгу; я-же, съ другимъ полуэскадрономъ, долженъ былъ ворваться во дворъ усадьбы. Какъ только Гольмбергъ перешелъ рѣчку, я пустилъ свой полуэскадронъ *ventre à terre* и влетѣлъ между строениями, замыкавшими помѣщичій дворъ. Захваченные на дворѣ повстанцы мгновенно всѣ были изрублены; но ихъ было немного, такъ какъ большинство ускакало раньше, чѣмъ Гольмбергъ успѣлъ преградить имъ дорогу. Я погнался за ними, но, къ сожалѣнію, увлекся желаніемъ догнать ихъ немедленно и повелъ полуэскадронъ въ карьеръ. Я и догналъ банду верстахъ въ четырехъ отъ Думбеля, но со мною было лишь съ десятокъ гусаръ, потому что лошади, послѣ тридцативерстнаго перехода и пятиверстной скачки, были очень утомлены и одна за другой отставали. Мнѣ нужно было идти непрерывною рысью, предоставивъ повстанцамъ скакать сколько имъ угодно и, пожалуй, ускакать отъ меня на большое расстояние. Чѣмъ больше было-бы это расстояние, то есть чѣмъ долѣе повстанцы скакали-бы, тѣмъ скорѣе ихъ лошади выбились-бы изъ силъ и перешли-бы сначала въ рысь, а потомъ въ шагъ; а я все шель-бы рысью и раньше или позже догналъ-бы ихъ. На первыхъ-же порахъ догнать повстанцевъ бывало весьма трудно, потому что для нихъ уйти

или не уйти было равнозначуще—жить или не жить; поэтому они гнали лошадей нещадно, до их уничтоженія; мы-же, по свойственному кавалеристу чувству, щадили своихъ. Впрочемъ, въ этой скачкѣ, у Думбеля, я запалилъ своего превосходнаго, но нѣсколько массивнаго боеваго коня «Профета».

Успѣвъ отхватить только хвостъ убѣгавшей банды, я возвратился на фольваркъ, чтобы дать отдыхъ измученнымъ лошадямъ. По помѣщичьему двору были разбросаны трупы повстанцевъ; посреди двора лежалъ, распластавшись, высокій блондинъ, въ вычурно расшитой чамаркѣ (впоследствии я узналъ, что это былъ «адъютантъ отъезжа» Мицевичъ). Мнѣ сказали, что сарай переполненъ повстанскими лошадьми; взглянувъ на нихъ, я удивился, что большая ихъ часть была хорошо содержана и въ хорошемъ глѣбѣ. Это, очевидно, были лошади экономическія; изъ нѣсколькихъ-же, стоявшихъ тутъ-же, повстанскихъ, каждая была весьма худа; мятежный духъ этихъ влячь изобличался также ихъ острыми спинами, почти до костей сбитыми повстанскими, сѣдлами. Желая отсортировать скомпрометированныхъ отъ легальныхъ, я послалъ эскадроннаго квартирмейстера, Козинцова, попросить ко мнѣ помѣщика. Черезъ минуту Козинцовъ возвратился и сказалъ мнѣ, что старый помѣщикъ боленъ и не можетъ встать съ постели, а молодой убитъ. Мнѣ, конечно, было очень неприятно это услышать; но такъ какъ солдаты часто перепутываютъ, то желая убѣдиться въ томъ, кто именно убитъ, я вошелъ въ домъ. Въ небольшомъ кабинетѣ, на кушеткѣ, лежалъ владѣлецъ Думбеля, графъ Роникеръ, сѣдой дряхлый старикъ, разбитый параличемъ. У его изголовья стояла жена его, полная пожилая женщина. По ея сравнительно спокойному виду, я понялъ, что Козинцовъ перевралъ и что убитый—вовсе ей не родственникъ. Дѣйствительно, это былъ мѣстный гминный войтъ, который почему-то былъ въ метавшейся по двору толпѣ повстанцевъ; въ свалкѣ онъ былъ случайно смертельно раненъ и, влетѣвъ въ сѣни дома, испустилъ духъ. Тутъ онъ и лежалъ въ лужѣ сгустившейся крови, вытаращивъ глаза и подогнувъ колѣна къ самому подбородку.

Сдѣлавъ въ Думбелѣ двухчасовой привалъ, мы пошли въ Сейны и пришли туда въ сумерки, сдѣлавъ въ этотъ день 60—70 верстъ. На другой день рано утромъ я поѣхалъ въ Сувалки и когда донесъ князю Витгенштейну о вчерашнемъ дѣлѣ—онъ сдѣлалъ вполне заслуженное мною замѣчаніе, что не слѣдовало увлекаться и гнать повстанцевъ карьеромъ, а нужно было преслѣдовать ихъ рысью, какъ я сказалъ выше.

Съ воспоминаніемъ о дѣлѣ при Думбелѣ связывается еще одно воспоминаніе. Спустя недѣли три-четыре послѣ этого дѣла, одинъ изъ

нашихъ офицеровъ, проходя, съ разѣздомъ, черезъ Думбель, сдѣлалъ привалъ близъ усадьбы. Ему шепнули, что на чердакѣ одного изъ надворныхъ строеній лежитъ раненый въ думбельскомъ дѣлѣ повстанецъ. Въ указанномъ ему мѣстѣ офицеръ увидѣлъ молодого человѣка, сильно раненаго двумя сабельными ударами въ голову, и, къ немалому своему изумленію, узнавъ въ немъ сына одного остзейскаго помѣщика, съ которымъ былъ прежде знакомъ. Это, сколько мнѣ помнится, единственный случай находенія остзейца въ повстанскихъ бандахъ, о которомъ я слышалъ. Съ стыдомъ и сердечною болью приходится припоминать, какъ сбито было съ толку русское общество въ эпоху, предшествовавшую польскому мятежу. Мы знали объ участіи русскихъ офицеровъ въ демонстраціи, въ которой высказывалось сочувствіе повстанію; я слышалъ о губернаторѣ, не русскаго, правда, но и не польскаго происхожденія, который не скрывалъ такого-же сочувствія; слышалъ объ офицерахъ, не только по мундиру, но и по крови русскихъ, не ограничивавшихся платоническимъ участіемъ въ демонстраціяхъ, но не останавливавшихся и передъ матеріальнымъ содѣйствіемъ повстанцамъ; одного такого я даже самъ видѣлъ въ повстанской шайкѣ. Но остзейцы — нужно отдать справедливость ихъ большей политической зрѣлости — не паслись въ этомъ панурговомъ стадѣ.

III.

Въ первой половинѣ августа 1863 г. князь Витгенштейнъ уѣхалъ изъ Сувалокъ, для принятія отдѣла Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги, а начальникомъ нашего августовскаго отдѣла былъ назначень генераль-лейтенантъ Манюкинъ, начальникъ пѣхотной дивизіи.

15-го августа 1863 г. выступилъ изъ Сувалокъ отрядъ изъ двухъ ротъ пѣхоты, нашего полуэскадрона и полсотни казаковъ, подъ начальствомъ одного изъ бригадныхъ командировъ этой дивизіи. Отрядъ этотъ исходилъ всю среднюю часть Августовской губерніи, между Сувалками и Нѣманомъ, двигаясь взадъ и впередъ и дѣлая огромные переходы. Люди утомлялись и голодали. Движенія отряда дѣлались безъ всякаго плана и до того безцѣльно и неумѣло, что это было ясно даже солдатамъ. Въ рядахъ утомленныхъ и голодныхъ солдатъ по временамъ слышался ропотъ. Послѣ нѣсколькихъ дней блужданія, мы пришли, поздно вечеромъ, въ деревушку Кадишь и расположились на ночлегъ. Ротмистру Гольмбергу и мнѣ разостлали коврики на огородѣ, около изгороди, и мы собирались поужинать варенымъ картофелемъ, съ солью; но едва я успѣлъ раза два обжечь себѣ губы и языкъ, какъ насъ позвали къ начальнику отряда. Онъ сообщилъ намъ, что получилъ извѣстіе, что въ лѣсу, за деревней Глембокимъ Бродомъ, скрываются соединенныя банды Вавра и Линкевича, и предложилъ вмѣстѣ съ нимъ составить планъ нападенія на эти шайки, на другой день. Шайки эти гнѣздились въ обширномъ и густомъ лѣсу, доступъ въ который былъ прегражденъ съ запада длиннымъ и узкимъ озеромъ Серви, а съ юга и востока — выходящею изъ него глубокою рѣчкою Черною Ганчею и ея притокомъ, названія котораго я не помню; Ганча была канализована и входила въ водную сѣть августовской системы. Преграждая путь въ сказанный лѣсъ, озеро и рѣчка, вмѣстѣ съ тѣмъ, преграждали и выходъ изъ него. Мы предложили зайти съ сѣвера, загнать повстанцевъ въ уголь, между озеромъ и рѣчкою, и истребить, такъ какъ изъ двухъ переправъ одну, черезъ притокъ Ганчи, мы должны были уничтожить мимоходомъ, а на другую, на самой Ганчѣ, послать двѣ сотни казаковъ, бывшихъ вблизи нашего отряда.

На другой день, рано утромъ, выступили мы изъ Кадиша, и пошли на сѣверо-западъ, параллельно Черной Ганчѣ и впадающей въ нее рѣчкѣ. Уничтоживъ переправу на этой рѣчкѣ, мы перешли черезъ

нее въ Глембокомъ Бродѣ и круто повернули къ югу. Въ Глембокомъ Бродѣ мы узнали, что солтысъ (староста) этой деревни носилъ пищу повстанцамъ, и потребовали, чтобы онъ указалъ мѣсто, гдѣ они скрываются. Солтысъ высказывалъ опасеніе, что повстанцы его убьютъ, если увидятъ между солдатами крестьянина. Черезъ минуту онъ былъ въ солдатской шинели и шапкѣ и черезъ плечо у него висѣлъ рожокъ горниста. Все это ему было къ лицу, и онъ беззаботно замаршировалъ со стрѣлками, удачно попадая имъ въ ногу. Мы вошли въ начинавшійся за деревней густой хвойный лѣсъ. За густою стрѣлковою цѣпью шли резервы, а за ними нашъ полуэскадронъ. Мелкой поросли въ лѣсу не было, и гусары могли пробираться между штампами великолѣнныхъ сосенъ. Въ верстѣ отъ Глембокаго Брода, на полянкѣ, мы увидѣли нѣсколькихъ угольщиковъ у углеобжигательной печи. Одинъ изъ нихъ, жидъ, подтвердилъ, что шайки скрываются близко. Въ лѣсу была такая тишина, какая бываетъ только въ безлюдной тайгѣ. Отрядъ крался безшумно: сухія вѣтки не трещали подъ ногами стрѣлковъ; ни одна изъ лошадей не заржала и не фыркала. Гусары шли, наклонясь въ сѣдлахъ, вынувъ изъ бушматовъ шики и держа ихъ на перевѣсь, чтобы не задѣвать вѣтвей.

Подвигаясь довольно долго и не видя признаковъ повстанскаго лагеря, я началъ думать, не обманули-ли насъ солтысъ и жидъ, направляя въ лѣсъ и зная, что повстанцы ужъ ушли изъ него. Но вотъ раздался гулкій выстрѣлъ и, при тишинѣ, онъ показался особенно громкимъ, какъ выстрѣлъ изъ фальконета. Затѣмъ снова все затихло, но черезъ минуту изъ чащи раздались выстрѣлы и въ насъ полетѣли пули, но такъ высоко, что ни одинъ изъ моихъ людей не былъ задѣтъ. Въ нашей цѣпи затрещалъ бѣглый отвѣтный огонь и стрѣлки, съ крикомъ «ура», побѣжали впередъ. Повстанцы улепетывали кто куда попалъ; было очевидно, что лишь немногіе изъ нихъ стрѣляли въ насъ, а большая часть убѣжала, не сдѣлавъ выстрѣла. Я провелъ свой полуэскадронъ сквозь стрѣлковую цѣпь и повелъ его галопомъ по направленію къ деревнѣ Пласкѣ, куда, по моему предположенію, бѣжали повстанцы. Въ полуверстѣ отъ мѣста, гдѣ была перестрѣлка, мнѣ пересѣкла дорогу не широкая, но топкая рѣчка. У самого моста, переброшеннаго черезъ нее, стояла опрокинутая повозка и около нея лежалъ на землѣ вывалившійся изъ нея ксендзь, тутъ-же валялась высыпавшаяся изъ повозки повстанская кладь. Отправивъ ксендза, съ двумя конвойными, къ начальнику отряда, я поскакалъ дальше. Но едва главное отдѣленіе полуэскадрона проскакало

за мостъ, какъ онъ обрушился подъ самую серединою полуэскадрона. Къ счастью, при этомъ ни люди, ни лошади не поломали себѣ ногъ; но почти цѣлый взводъ остался за рѣчку, которую перейти вбродъ было нельзя. Довольно долго провозились мы у моста, что дало возможность повстанцамъ уйти далеко; но я не озабочивался этимъ, зная, что изъ этого мѣшка имъ не выскочить, такъ какъ единственная переправа, у Пласки, должна быть занята казаками. Но, проскакавъ лѣсъ насквозь, я не нашелъ повстанцевъ: они ушли черезъ переправу, которую казаки не заняли. Впослѣдствіи оказалось, что донцы, завидѣвъ тянувшійся къ Августову повстанскій обозъ и почуявъ добычу, погнались за нимъ и забыли о приказаніи.

Давъ лошадямъ отдохнуть съ полчаса, я пошелъ къ находящейся въ центрѣ лѣса деревнѣ Стшельцовизнѣ, думая найти тамъ отрядъ; не найдши его тамъ, я пошелъ въ Глембокій Бродъ. Отрядъ былъ расположенъ бивуакомъ около этой деревни; плѣнные были тутъ-же, около бивуака, а раненые лежали въ стоявшей вблизи просторной корчмѣ. Начальникъ отряда просилъ меня обойти ихъ и записать ихъ имена. У большинства были не особенно значительныя огнестрѣльныя раны. Въ числѣ немногихъ тяжело раненыхъ обращалъ на себя вниманіе своимъ страдальческимъ видомъ молодой человекъ, средняго роста, съ прострѣленною грудью; легкія его были пробиты насквозь, и при каждомъ вдыханіи, изъ обонихъ отверстій раны, на груди и на спинѣ, показывалась кровавая пѣна. Отдѣльно отъ другихъ лежалъ высокій, тонкій брюнетъ, съ красивымъ и симпатичнымъ лицомъ. Когда я спросилъ его, какъ его зовутъ, онъ назвался Вейсенгофомъ.

На другой день, передъ выступленіемъ отряда, я провѣрилъ по списку раненыхъ, изъ которыхъ въ ночь двое или трое умерли; въ числѣ ихъ былъ и молодой человекъ, съ прострѣленною грудью. Когда я подошелъ къ вчерашнему Вейсенгофу, то онъ уже назвалъ себя Іосифомъ Острогожскимъ.

— А Вейсенгофъ?

— Вейсенгофъ... это такъ.

Я подумалъ, что и Острогожскій—тоже «такъ».

Изъ Глембокаго Брода стрѣлки пошли въ Сувалки, а мы — въ Сейны, взявъ съ собою и раненыхъ повстанцевъ. Ихъ помѣстили въ городскую больницу, а Острогожскаго оставили на квартирѣ Чуди. Острогожскій имѣлъ двѣ раны, одну — пулею въ ногу, а другую — штыкомъ въ бокъ; обѣ были неопасны: пуля пробила только мышцы бедра, а штыкъ не проникъ въ брюшную полость, прокололъ только нанскось наружные покровы. Два раза въ день раненому дѣлали

перевязку и, вообще, уходъ за нимъ былъ такой-же, какъ уходъ за кѣмъ-нибудь изъ нашихъ больныхъ товарищей. Онъ былъ съ нами разговорчивъ, общителенъ и казался намъ симпатичнымъ; онъ говорилъ, что онъ уроженецъ Царства Польскаго и воспитывался въ петербургскомъ университетѣ, откуда прямо, когда разгорѣлось въ Царствѣ возстаніе, и пошелъ въ шайку. По русски говорилъ онъ превосходно, но намъ казалось страннымъ, что польскимъ языкомъ онъ владѣлъ далеко не такъ хорошо. Хозяинъ дома, въ которомъ лежалъ Острогожскій, просилъ позволенія навѣстить его и принести ему книгъ; но Острогожскій, хотя встрѣтилъ его привѣтливо, былъ далеко неразговорчивъ и и отдѣлывался отрывочными фразами. Принесенную-же книгу онъ только разъ раскрылъ, посмотрѣлъ на первую страницу, потомъ закрылъ, отложилъ въ сторону и болѣе не трогалъ. Все это еще не было-бы страннымъ—ну, чувствовалъ себя утомленнымъ, когда приходилъ хозяинъ, и не было охоты разговаривать, книга не общала быть интересною. Но казалось подозрительнымъ притворное незнаніе нѣкоторыхъ русскихъ словъ, такихъ общеупотребительныхъ, что ихъ не могъ не знать человѣкъ, нѣсколько лѣтъ прожившій въ Россію, а тѣмъ болѣе—бывшій въ русскомъ университетѣ. Это притворство, очевидно, имѣло цѣлю выказать недостаточное знаніе русскаго языка.

Спустя недѣли двѣ-три послѣ стшельцовизнскаго дѣла, въ Сувалкахъ, я слышалъ отъ генерала Эггера, что тамъ носится слухъ, что захваченный нами молодой повстанецъ, называющій себя Острогожскимъ, воспитывался въ инженерномъ училищѣ. Когда я возвратился въ Сейны и Острогожскій спросилъ меня, что я въ Сувалкахъ слышалъ новаго, я сказалъ ему объ этомъ слухѣ. Острогожскій поблѣднѣлъ, откинулся на подушку и сказалъ мнѣ:

—«Ну, теперь я пропалъ. Я дѣйствительно воспитывался въ инженерномъ училищѣ и знаю, какая участь меня ожидаетъ!»

Странно—чѣмъ возбудилъ этотъ повстанецъ мое въ немъ участіе? Если-бы мѣсяцъ тому назадъ мы встрѣтились-бы съ нимъ гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу, я, конечно, убилъ-бы его, если-бы ему не удалось предупредить меня и убить меня. А теперь у меня защемило сердце, при видѣ блѣднаго откинувшася на подушку молодаго человѣка. Я старался успокоить его, какъ могъ.

— То, что я отъ васъ сейчасъ слышалъ, сказалъ я ему, вы можете считать сказаннымъ вами какъ-бы на исповѣди: никто никогда этого не узнаетъ отъ меня. И не впадайте въ отчаяніе. Слышанное мною въ Сувалкахъ—только догадка. При спѣшности военнаго судо-

производства, быть можетъ, комиссія не вдается въ собраніе свѣдѣній, которыя превратили-бы эту догадку въ доказанный фактъ.

Въ эту минуту, безъ сомнѣнія, онъ открылъ-бы мнѣ и кто онъ, и свое настоящее имя, но, понятно, я не спросилъ его объ этомъ.

Дней черезъ восемь или десять послѣ этого разговора, Острогжскій, по распоряженію начальника отдѣла, перевезенъ былъ въ Сувалки и помѣщенъ въ госпиталь.

Недѣля двѣ-три спустя, мы дѣлали поискъ вдоль береговъ Нѣмана, разсылали одну небольшую шайку и на нѣкоторыхъ мызахъ нашли нѣсколько пріютившихся тамъ повстанцевъ, изъ прежде разсыянныхъ бандъ. Въ числѣ взятыхъ нами былъ чиновникъ одной изъ гродненскихъ палатъ, кажется, Анджейковичъ или Анджейковичъ. Онъ сказалъ, что былъ въ шайкѣ Вавра и бѣжалъ сюда, послѣ ея разсыянія у Стшельцовизны. Я началъ его спрашивать объ этомъ дѣлѣ и о ксендзѣ, бывшемъ въ ихъ шайкѣ и потомъ мною захваченномъ.

«Разбитый на Козьемъ Рынкѣ, Вавръ ¹⁾ бѣжалъ за границу, возвратился въ Парижъ,—разсказывалъ Анджейковичъ,—и вовсе не былъ намѣренъ снова пробираться въ Польшу. Получивъ предложеніе народоваго жонда вновь сформировать банду, Вавръ отвѣчалъ, что было-бы нелѣпо становиться во главѣ людей, готовыхъ разбѣжаться отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ. На это ему было сказано, что такое возраженіе предвидѣли, но серьезнаго значенія ему не придаютъ, такъ какъ трусость повстанцевъ легко устранима: въ распоряженіи жонда есть пламенный витія, ксендзъ Чеповичъ, вулканическое краснорѣчіе котораго способно наэлектризовать даже трупъ и подвигнуть его на великія дѣянія. Раздѣлялъ-ли Вавръ вѣру жонда въ могущество ксендаовскаго краснорѣчія—неизвѣстно; но онъ пріѣхалъ въ Царство Польское, сформировалъ шайку и началъ прятаться въ дремучихъ лѣсахъ. Чеповичъ явился къ нему наканунѣ того дня, когда мы его нашли. Утромъ роковаго дня банда Вавра и бывшая тутъ же банда Линкевича сошлись, чтобы внимать вдохновеннымъ рѣчамъ ксендаа. Время для одушевляющей проповѣди случайно выбрано было какъ нельзя болѣе кстати: передъ самой битвой, во время которой отвага, влитая въ души повстанцевъ словами проповѣдника, пламенѣла-бы.

¹⁾ Вавръ—псевдонимъ эмигранта, который служилъ въ польскихъ войскахъ еще въ 1830 году, а потомъ поселился во Франціи. Настоящей фамиліи его я не помню.

Стоя на пнѣ, окруженный повстанцами, Чеповичъ взывалъ къ ихъ патриотизму и мужеству, заклиналъ стойко встрѣчать нападеніе врага.

— «Неужели я ошибаюсь, заключилъ ксендзь, — что вы лучше умрете, нежели поддадитесь передъ напоромъ москаля?»

Отвѣтное «умремъ, умремъ!» раздавалось въ обѣихъ бандахъ; глаза сверкали, сжимались кулаки, видны были энергическіе взмахи рукъ...

Въ это время раздался выстрѣлъ и всё опрометью бросились удирать. Вавръ вскочилъ на лошадь, спшибъ съ ногъ и задавилъ подвернувшася подъ ноги лошади повстанца и стремительно посккалъ черезъ лѣсъ.

— Знали-ли вы, — спросилъ я Анджейкевича, — бывшаго при Ваврѣ молодого человѣка, который былъ подъ Стшельцовизиною раненъ и захваченъ нами? (При этомъ я описалъ Анджейкевичу наружность Острогожскаго).

«Какъ-же, отвѣчалъ Анджейкевичъ, я его зналъ. Это инженерный офицеръ Біянскій, русскій».

— То есть, онъ, вѣроятно, православнаго вѣроисповѣданія, вслѣдствіе того, что мать его православная. Отецъ-же, судя по фамиліи, долженъ быть полякъ.

«Быть можетъ отецъ его и происходилъ отъ польской фамиліи, но былъ также православный и уроженецъ одной изъ центральныхъ русскихъ губерній, кажется, Орловской».

Я узналъ, такимъ образомъ, настоящую фамилію Вейсенгофа-Острогожскаго, а потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, узналъ, что онъ не сумѣлъ скрыть ее и отъ военно-судной комиссіи, которою былъ приговоренъ къ смертной казни, какъ офицеръ русской службы, измѣнившій присягѣ и долгу. Впрочемъ, по конфирмаціи генерала Манюкина, начальника августовскаго военного отдѣла, приговоръ этотъ былъ смягченъ и казнь была замѣнена ссылкой.

IV.

Въ концѣ осени 1863 года нашъ полкъ былъ перемѣщенъ въ отдѣлъ Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги; штабъ и 1-й эскадронъ стали въ Кутно, 2-й—въ Влоцлавскѣ, 3—въ Лодзи и 4-й — въ Ленчицѣ. Потомъ штабъ полка изъ Кутна перешелъ въ Влоцлавскъ.

Лодзь, гдѣ стоялъ 3-й эскадронъ, въ которомъ я служилъ, былъ городъ, по величинѣ, числительности населенія и его зажиточности, самый значительный въ Царствѣ Польскомъ, послѣ Варшавы. Но, при прежней администраціи, онъ былъ пасынкомъ края, потому что населеніе его преимущественно состояло изъ нѣмцевъ. Онъ даже не былъ почетенъ титуломъ уѣзднаго города, а назывался мѣстечкомъ, хотя былъ наиболѣе фабричнымъ и промышленнымъ пунктомъ въ Царствѣ.

Лодзинскіе нѣмцы крайне боялись, что жондъ народовой заглянетъ въ ихъ глубокіе карманы, и потому прибытію нашему рады были вполне искренно. Въ честь нашего прихода они устроили обѣдъ, съ аршинными тепи и съ такими тостами, что во время произнесенія каждаго изъ нихъ любая изъ присутствовавшихъ нѣмокъ могла-бы связать дѣтскій чулокъ. Тосты эти душу выматывали, а при взглядѣ на помѣщенный въ тепи цѣлый рядъ соусовъ каждому изъ насъ не разъ приходило искушеніе дезертировать; но чтобы не обидѣть нашихъ амфитріоновъ, пришлось побороть это искушеніе и досидѣть до конца.

Я не помню, чтобы какой-нибудь изъ многочисленныхъ поисковъ, сдѣланныхъ нами изъ Лодзи, былъ въ какомъ-либо отношеніи особенно характернымъ. Возстаніе замѣтно стало ослабѣвать. Шайки еще бродили, но числительность ихъ была меньше и онѣ еще тщательнѣе закрывались въ лѣсныя трущобы. Начальники ихъ ссорились между собою и обвиняли другъ друга въ измѣнѣ. Я помню, что черезъ кладбищенскую ограду, около мѣстечка Глувно, былъ переброшенъ трупъ довудцы, какой-то маленькой шайки, повѣшаннаго другимъ довудцей, объявившимъ себя комиссаромъ жонда народоваго и обвинявшимъ перваго въ какомъ-то предательствѣ. Потомъ, когда пріѣхалъ настоящій комисаръ, то второй довудца поспѣшилъ ударъ, захвативъ, на память о кратковременномъ командованіи шайкою, бывшія у него повстанскія деньги. Изъ числа начальниковъ шаяекъ, бродившихъ еще около Лодзи, специалистомъ по части удиранія былъ какой-то Сыре-

вичъ, какъ разсказывали, пожилой человекъ, бывший прежде старшимъ врачомъ (штабъ-докторомъ—какъ ихъ тогда называли) при одномъ изъ нашихъ полковъ.

Въ Лодзи мнѣ пришлось пробыть недолго: въ декабрѣ 1863 г. я назначенъ былъ командиромъ 2-го эскадрона, который стоялъ въ Влоцлавскѣ, на желѣзной дорогѣ изъ Варшавы въ Бромбергъ. Въ Влоцлавскѣ же жилъ и князь Витгенштейнъ, начальникъ отдѣла Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги.

Еще до моего принятія 2-го эскадрона одинъ изъ его взводовъ имѣлъ оригинальную стычку съ повстанцами. Проходя, подъ командою штабъ-ротмистра Пеннинскаго, около деревни Ломчевки, взводъ наткнулся на конную банду въ 120—150 человекъ. Была свѣтлая лунная ночь. Повстанцы, очевидно, были предувѣдомлены о приближеніи нашего отряда, хотя, какъ кажется, не знали его состава и того, что они четверо или пятеро численностію превосходили этотъ отрядъ. Увидя передъ собою выстроенный, довольно длинный, фронтъ, Пеннинскій остановился, обдумывая какъ нужно дѣйствовать. Въ это время взводный вахмистръ, Карповичъ, быстро выскакалъ впередъ, на холмикъ, и громко крикнулъ: «Эскадронъ—вправо, казаки—влѣво; открыть мѣсто для огня пѣхоты!» Мгновенно, какъ по сигналу, повстанцы повернули лошадей и поскакали опротивѣю. Гусары влетѣли въ средину ихъ, перемѣшались съ ними и долго скакали вмѣстѣ, до усталости одурѣвшихъ отъ страха повстанцевъ. Неистово погоняемые повстанскія лошади перескочили черезъ пересѣкавшій ихъ путь широкій ровъ, но многіе импровизированные кавалеристы свалились, другіе, задвинувшіе, въ надеждѣ усидѣть, ноги подальше въ стремя, слетѣвъ съ сѣделъ, повисли внизъ головами и колотились ими о землю, пока было чѣмъ колотиться. Большинство повстанцевъ, впрочемъ, какъ-то усидѣло; но и за ровомъ они не избавились отъ перепорхнувшихъ черезъ него своихъ неудобныхъ попутчиковъ. Только падая своихъ лошадей, гусары остановились, дозволивъ остаткамъ шайки улепетывать безпрепятственно.

Карповичу былъ данъ Георгій.

Вскорѣ по принятіи мною 2-го эскадрона, въ Влоцлавскъ перешелъ изъ Кутва и штабъ Александрійскаго полка. Вмѣсто Д. А. Татищева, назначеннаго командиромъ Гродненскаго гусарскаго полка, теперь полкомъ нашимъ командовалъ Козьма Егоровичъ Дика, горячо нами любимый, старый александріецъ, поступившій въ полкъ юнкеромъ и оставившій его генераломъ, прослужившій въ полку 40 лѣтъ и сдѣлавшій много кампаній подъ александрійскими штандартами.

Изъ Влоцлавска мнѣ пришлось нѣсколько разъ ходить съ гусарами моего эскадрона, но уже не для отысканія шаекъ, такъ какъ ихъ больше не было, а для розысканія спрятаннаго оружія и ободренія крестьянъ, запуганныхъ бродягами изъ разбрѣдшихся шаекъ, шатавшимися по двое и по трое. Крестьяне и сами иногда захватывали одиночныхъ повстанцевъ; нѣкоторые изъ нихъ и сами приходили и отдавались намъ въ руки. Былъ одинъ оригинальный случай. Къ вѣстовому, стоявшему у дверей квартиры князя Витгенштейна, подходитъ одинъ довольно молодой человекъ и проситъ доложить князю, что къ нему желаетъ явиться «начальникъ польской артиллеріи». Русскій солдатъ, какъ извѣстно, удивляется рѣдко и то исключительно только тому, въ чемъ удивительнаго ничего нѣтъ. Вѣстовой идетъ докладывать, нисколько не удивившись фантастичности этого сана, какъ не удивился-бы, слыша, что желаетъ представиться Никита Пустосвятъ или Бова Королевичъ.

— Ваша свѣтлость, начальникъ польской артиллеріи пришелъ. «Кто?» удивленно спросилъ кн. Витгенштейнъ.

— Начальникъ польской артил...

«Проси».

Вшедшій скромно поклонился и сказалъ: «Я пришелъ просить помилованія за мои проступки и куска хлѣба. На помилованіе я тѣмъ болѣе надѣюсь, что вѣрѣнная мнѣ отрасль польскихъ военныхъ силъ не сдѣлала ни малѣйшаго вреда русскимъ, такъ какъ вовсе и не существовала. Назначая меня начальникомъ артиллеріи, жондъ надѣялся протащить изъ за границы шесть орудій; два изъ нихъ, сколько мнѣ извѣстно, закопаны въ одномъ изъ познанскихъ лѣсовъ, а четырехъ остальныхъ и вовсе нигдѣ нѣтъ. Оставшись теперь безъ всякихъ средствъ существованія, я прибѣгаю къ вашему великодушію: если найдется возможность не сажать меня въ тюрьму, то я могу быть вамъ полезенъ, какъ каллиграфъ и чертежникъ. Во всякомъ случаѣ, дайте мнѣ кусокъ хлѣба».

Найдя покаянiе генераль-фельдцейхмейстера искреннимъ, кн. Витгенштейнъ отправилъ его въ канцелярію, гдѣ, дѣйствительно, онъ началъ строчить и чертить весьма удовлетворительно.

Когда наступило сведеніе счетовъ за старые грѣхи, то притянуты были къ отвѣту далеко не всѣ, за кѣмъ эти грѣхи водились. На минувшія шалости многихъ мы смотрѣли сквозь пальцы.

Бывая въ Косцельной Вси, у почтеннаго старика, отставнаго подполковника русской службы Зелинскаго, я у него встрѣчалъ одного изъ его сосѣдей, Мочарскаго, съ двумя сыновьями. Когда извѣстный

Мѣрославскій, послѣ долгихъ предварительныхъ разглагольствованій въ парижскихъ бульварныхъ кофейняхъ, появился, наконецъ, въ Куявахъ, къ нему начали стекаться нѣкоторые помѣщики, въ томъ числѣ и Мочарскій съ сыновьями. Мѣрославскій назначилъ Мочарскаго начальникомъ кавалеріи, а сыновей его—адъютантами къ себѣ. Какъ извѣстно, «войскамъ» Мѣрославскаго не долго пришлось приводить въ исполненіе стратегическія предначертанія своего предводителя: встрѣченныя двумя ротами, около деревни Кшивосондзе, они были разогнаны, какъ стадо индѣекъ.

Легко можно себѣ представить положеніе m-те Мочарской, когда она узнала объ этой стычкѣ. Сразу она лишилась и мужа, и обоихъ сыновей: не могло-же явиться ей предположеніе, что уцѣлѣли тѣ, которые клялись освободить Польшу или погибнуть. Взявъ съ собою другую, такую-же энергичную, какъ сама, женщину, Мочарская отправилась на усѣянное трупами мѣсто стычки. Каждому убитому онѣ заглядывали въ лицо: поворачивали тѣхъ, которые лежали лицами къ землѣ... все незнакомыя черты, нѣтъ дорогихъ лицъ. Вѣрно, тяжело-ранены, захвачены русскими. Вѣдная женщина возвратилась домой, убитою горемъ. Послѣ нѣсколькихъ дней несказанныхъ ея терзаній, какъ-то поздно вечеромъ, послышалось боязливое царапаніе въ окно. Отворили дверь—адъютантъ Мѣрославскаго. Вскорѣ явился другой адъютантъ, а потомъ и начальникъ кавалеріи.

Всѣ они оказались цѣлехоньки.

Александръ Вязмитиновъ.

С. Макѣево.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА

1863 г.

Ко многимъ запискамъ и рассказамъ о послѣдней польской смутѣ, помѣщеннымъ въ „Русской Старинѣ“, за время ея изданія, присоединяемъ рассказъ г. Баратынскаго.

Сказаніе это принадлежитъ одному изъ юныхъ участниковъ „посполитаго рушенья“, но дышетъ полною искренностью и правдою... Вотъ объясненіе повѣствователя, предпосылаемое имъ своему рассказу:

„Въ своихъ воспоминаніяхъ—пишетъ В. Л. Баратынскій,—я строго придерживался правды, писалъ только то, что самъ испыталъ или чему былъ очевидцемъ, избѣгая пристрастія или патріотическо-фанатической ненависти; впрочемъ, послѣ 23 лѣтъ, протекшихъ послѣ описываемыхъ событій, о фанатической ненависти не можетъ быть и рѣчи, — я теперь не полякъ, а славянинъ, а потому и на мятежъ 1863 года смотрю какъ на вполне безумную мечту, ненужную ссору двухъ братьевъ—и кто въ этомъ больше виноватъ, кто правъ, для меня все единственно, я только накопилъ массу фактовъ, а судить объ этомъ не берусь; передать же эти факты въ общее свѣдѣніе считаю полезнымъ, дабы показать до чего, до какихъ страданій можетъ довести увлеченіе несбыточными фантазіями и нелѣпными мечтами“.

Г. Красноярскъ.

Ноября 15-го дня, 1885 г.

I.

Въ 1862 году я былъ въ уѣздномъ городкѣ Слуцкѣ (Минской губерніи) въ аптекѣ г. Р., въ качествѣ аптекарскаго ученика. Мнѣ оставалось только нѣсколько мѣсяцевъ до срока для полученія аптекарскаго свидѣтельства, съ которымъ я намѣревался отправиться въ Питеръ, чтобы держать экзаменъ на помощника. Я былъ неразвитымъ 18-ти-лѣтнимъ юношей, застѣнчивымъ, молчаливымъ, постоянно прятался куда-нибудь въ уголь, какъ улитка въ свою скорлупу; очень неохотно сблизжался съ товарищами, избѣгалъ общества и чаще любилъ уединяться, и тутъ, давъ волю богатой фантазіи, я уносился далеко, далеко, куда—и самъ не зная, лишь-бы подальше отъ дѣйствительности, подальше отъ будничной жизни, и, взобравшись на недостижимую высоту, я видѣлъ себя какимъ-нибудь сказочнымъ героемъ и съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на всѣ житейскія мелочи. Теперь, когда жизнь легла на меня всею тяжестью своихъ невзгодъ, обрѣзала крылья моей фантазіи, я часто съ сожалѣніемъ вспоминаю тѣ времена! Гдѣ ты, крылатая подруга, такъ вѣрно мнѣ служившая когда-то, такъ часто услаждавшая часы одиночнаго заключенія, выносившая меня на своихъ крыльяхъ изъ тюрьмы..

Итакъ, я порѣшилъ быть аптекаремъ. Въ городѣ начинаются демонстраціи, въ костелахъ—пѣніе гимновъ, ходятъ слухи о безпорядкахъ въ Варшавѣ,—запрещено носить трауръ, оружіе, тяжелыя трости, словомъ, начинается броженіе въ обществѣ, а весь край объявленъ на военномъ положеніи. Какое широкое поле для моей фантазіи! Я вижу себя въ кадрахъ польскихъ легионеровъ, сражающагося «за свободу» «Ojczyznę», побивающаго, какъ Бова королевичъ, тысячи непріятелей, и непремѣнно спасающаго какую-нибудь прекрасную принцессу, которая въ награду за мою храбрость влюбляется въ меня.. Но, увя! обстоятельства заставили меня спуститься изъ-за облачнаго міра въ міръ дѣйствительный. Срокъ кончился и отецъ прислалъ за мной лошадей,—надо было собираться въ Питеръ. На парѣ доморощенныхъ лошадеенокъ я уѣзжаю изъ Слуцка.

Вотъ я и въ родной хатѣ,—бѣдная обстановка; отецъ съ громаднымъ семействомъ; всѣ смотрятъ на меня чуть-ли не какъ на коллежскаго регистратора, чего-то ждутъ отъ меня, на что-то надѣются. Отецъ иногда вздохнетъ, приговаривая: «вотъ, скоро Владиславъ будетъ у меня аптекаремъ, тогда и мнѣ будетъ легче; вѣдь, шутка-ли, полторы тысячи овъ мнѣ уже стоитъ...», и отецъ принимался высчитывать на

что онъ издержалъ 1¹/₂ тысячи: трѣмъ гувернерамъ за 2¹/₂ года ученія на дому по 25 рублей въ годъ и двѣ мѣрки муки—65 рублей,—да въ Будапѣшѣ 2¹/₂ года по 30 рублей въ годъ, только за содержаніе, кромя книгъ и одежды... въ Минскѣ пять лѣтъ,—а обмундировка!— и въ итогѣ выходило у отца какъ разъ полторы тысячи рублей. «Хоть-бы ты, сынку, по сто рублей присылалъ мнѣ на старости лѣтъ каждый годъ, больше я отъ тебя не требую...» заканчивалъ отецъ обыкновенно свои вычисления, и я вѣшалъ печально голову и думалъ, искренно думалъ, какъ мнѣ достать эти сто рублей каждый годъ?... и тутъ выручала меня моя крылатая подруга, она уносила меня въ сказочный міръ и я, обладая ковромъ самолетомъ и шапкой невидимкой, отбиваю у змѣя кладъ—и обогащаю всѣхъ!

Но вотъ отдыхъ у роднаго очага близится къ концу; попрощавшись со всѣми, получивъ отцовское благословеніе и малую толку денегъ, съ безчисленнымъ наставленіемъ какъ беречь себя и деньги въ дорогѣ, особенно въ Питерѣ, я пустился въ путь и скоро очутился въ Динабургѣ; поглазѣвъ на крѣпость, на чугунку ¹⁾, которую мнѣ пришлось видѣть еще въ первый разъ, я скоро собрался дальше, и въ одну свѣтлую морозную ночь очутился въ Питерѣ, гдѣ, розыскавъ одного изъ своихъ товарищей,—у него-же и поселился. Первое сильное впечатлѣніе въ Питерѣ на меня произвело то обстоятельство, что на слѣдующее утро меня кто-то спрашиваетъ по фамиліи. Какъ и кто могъ узнать, что я пріѣхалъ только за нѣсколько часовъ? Это меня крайне удивило, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сильно польстило моему самолюбію. Значитъ, я не такая ничтожная фигура, если въ такомъ большомъ городѣ меня уже знаютъ. Фантазія моя распростерла крылья, готовая занести меня за облака. Выйдя въ корридоръ, я увидѣлъ мужчину среднихъ лѣтъ, въ фуражкѣ съ кокардой и плащѣ, подъ которымъ виднѣлся халатъ.

— Вы В. Л. Баратынскій? спрашиваетъ меня незнакомецъ.

— Точно такъ, отвѣчаю я нѣсколько смутившись. Съ кѣмъ имѣю честь...

— Это лишнее. Я пришелъ вамъ сказать, что за вами слѣдять; будьте осторожны, особенно, если будете покупать оружіе, то не покупайте сами, а черезъ второе или третье лицо, и у себя не держите. Но помните: осторожность!.. До свиданія.

Незнакомецъ исчезъ.

¹⁾ Чугунка—железная дорога, такъ называютъ въ Бѣлоруссіи.

Я всей своей фигурой изображалъ изумленіе. Къ счастью моему и къ несчастію скульпторовъ, которые пожелали-бы снять съ меня тогда модель, никто этого не видѣлъ, и я успѣлъ оправиться и съ важнымъ видомъ, гладнокровно передать все товарищу. Мой товарищъ былъ во многомъ опытнѣе и болѣе свѣдущъ, чѣмъ я. Онъ сейчасъ объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло:

— Недавно арестовали В. съ оружіемъ, которое онъ везъ для подготавливающагося мятежа въ Витебской губерніи. А такъ какъ ты изъ Витебской-же губерніи, то и за тобой навѣрное слѣдять...

— Неужели и въ Витебской губерніи будетъ возстаніе? спросилъ я.

— А ты развѣ не читалъ газетъ «Центральнаго комитета»?

— Развѣ есть и наши собственные не цензурованные газеты?

— Эхъ, ты голова! Ничего не знаетъ! Такъ слушай-же: не только газеты, но и центральный комитетъ есть, гдѣ, братъ, такія головы, что въ состояніи поднять не только Польшу и Литву, но и всю Украину и Бѣлорусь. Вездѣ уже назначены воеводы и окружные начальники, которые организуютъ партіи, покупаютъ оружіе и всякую амуницію.

— А ты пойдешь?

— Не знаю.

— А я хочу держать экзаменъ на помощника.

— Такъ въ чемъ-же дѣло?

— Но какъ приступить къ этому? Что надо дѣлать? Къ кому обратиться?

Товарищъ объяснилъ мнѣ, что надо дѣлать и къ кому обратиться. Изъ словъ его оказалось, что я такъ мало знаю, что еще надо проглотить такую бездну мудрости, что я призадумался и усумнился въ самомъ себѣ.

Прошло три или четыре дня въ бѣготѣ, разспросахъ и приготовленіяхъ къ экзамену, какъ вдругъ я получилъ повѣстку, приглашающую меня въ полицію. Это почему-то польстило моему тщеславію; я принялъ храбрый видъ, какъ моська, который «безъ драки могъ попасть въ большіе забіяки».

Въ полиціи я такъ и не узналъ зачѣмъ меня приглашали; догадываюсь теперь, что желали убѣдиться, увидавъ меня лично, насколько я могу быть опаснымъ конспираторомъ, но должно быть осмотръ успокоилъ полицейскія власти, ибо господинъ, разспрашивавшій меня кой о чемъ, сталъ въ концѣ читать мнѣ лекцію объ увлеченіи лож-

нымъ патриотизмомъ, о молодости и опасностяхъ, съ нею сопряженныхъ, и т. д.

Нѣсколько дней тому назадъ я выслушалъ бы этотъ монологъ разиня ротъ, но теперь я уже понималъ, куда гнетъ господинъ, и пропустилъ мимо ушей его рѣчи, ибо на этотъ счетъ у меня была своя логика.

Я теперь ходилъ на того ребенка, которому постоянно твердили: «Ваня, не воруй сахару»,—и Ваня сталъ, дѣйствительно, воровать сахаръ. Когда-то мнѣ случилось разъ ѣхать одному по незнакомой дорогѣ; вдругъ, на половинѣ пути, дороги разошлись, одна — пошла влѣво, другая вправо. По которой дорогѣ мнѣ ѣхать? думалъ я. Но сколько ни думалъ, ничего придумать не могъ, и навѣрно я долго колебался-бы, если-бы не встрѣтилъ крестьянина, который указалъ мнѣ дорогу. Въ жизни человѣческой бывають иногда такія-же минуты колебанія: стоишь какъ-бы на распутии и думаешь—куда идти? Достаточно бываетъ въ эти минуты иногда пустяжнаго обстоятельства, ничтожнаго случая, одного слова, толчка,—и судьба всей жизни рѣшена. Такъ было и теперь.

Я прїѣхалъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ быть аптекаремъ. Хотя я зналъ, что въ Польшѣ безпорядки, но самъ еще не склонялся ни на ту, ни на другую сторону. Одно таинственное предостереженіе незнакомца сразу поставило меня въ ложное положеніе: меня предостерегаютъ, значить, считаютъ способнымъ на это дѣло.. а я, о стыдъ!—даже не подумалъ о томъ, что и мои ничтожныя силы понадобятся на что-нибудь; требованіе же меня въ полицію, явное слѣженіе за мной, убѣдило меня окончательно, что я человѣкъ опасный для правительства, способный много повредить ему; теперь явилось во мнѣ желаніе быть дѣйствительно опаснымъ, нанести какой-нибудь вредъ русскимъ, тѣмъ болѣе, что слышу и читаю, что русскіе—это наши исконные враги. Дорога моя сразу опредѣлилась, я теперь чувствовалъ себя патриотомъ, призваннымъ спасать «Ojczyznę»... Но какъ это сдѣлать?—вотъ вопросъ.

Я шлялся по Петербургу цѣлый мѣсяцъ безъ опредѣленныхъ занятій, бывалъ у студентовъ поляковъ, узнавалъ отъ нихъ разныя новости съ родины, большею частью изъ газетъ центрального комитета, и услышавъ, наконецъ, что они отправляются на родину, не долго думая, собрался въ обратный путь и снова вернулся въ Слуцкъ.

Это было въ мартѣ 1863 года; только пять мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Слуцка, а какая громадная перемѣна произошла во мнѣ; я былъ до сихъ поръ ни то, ни се, юношей, не

имѣвшимъ подъ собою твердой почвы, не знавшимъ, что еще изъ него будетъ и когда что будетъ? А теперь,—я сразу попалъ въ число солидныхъ людей; зачѣмъ я возвратился, для чего не держалъ экзамень, объ этомъ никто не спрашивалъ, это казалось столь естественнымъ, что объ этомъ и не говорили, а при встрѣчѣ со мной раскланивались, подавали руку, совершенно какъ взрослому; говорили о предстоящемъ возстаніи, читали при мнѣ газеты центрального комитета—однимъ словомъ, меня больше не стѣснялись. Теперь-то я узналъ, что и въ Слуцкѣ существуетъ организація, что подбираются легионеры (rowstancy) для мятежа и дѣлается это слѣдующимъ порядкомъ. Начальникъ организаціи, получивъ номинацію ¹⁾ на эту должность изъ центрального комитета, выбираетъ нѣсколькихъ человекъ понадежнѣе и каждому изъ нихъ поручаетъ набрать среди своихъ знакомыхъ десять человекъ; тѣ въ свою очередь должны тоже подобрать по 10 чел., которымъ не воспрещается вербовать ²⁾ дальше, и т. д. Распоряженія центрального комитета передавались такимъ же порядкомъ; начальникъ передавалъ своимъ избраннымъ, всякій изъ нихъ своему десятку, тѣ въ свою очередь своимъ и т. д. Такимъ точно путемъ и я узналъ, что сборъ вооруженной силы назначенъ на 23 апрѣля 1863 г., въ 11 часовъ ночи, на двѣнадцатой верстѣ по варшавскому тракту, въ 15 саженьяхъ отъ шоссе въ сторону на-лѣво, въ лѣсу на полянѣ. Тамъ будетъ начальникъ, который скажетъ, что дѣлать, и которому всѣ должны безпрекословно повиноваться.

Получивъ такое распоряженіе или, вѣрнѣе сказать, сообщеніе, ибо я не имѣлъ десятка, который бы считалъ меня своимъ — а узнавалъ все такъ себѣ, мелькомъ—я сейчасъ сообщилъ объ этомъ своему десятку, который я подобралъ изъ усердія, прихвастнувъ немножко передъ ними, для пущей важности, что это поручено мнѣ центральнымъ комитетомъ, и простившись со знакомыми, отправился по назначенію. Легко было найти поляну, на которой я увидалъ кучку вооруженныхъ людей, дѣлый возъ разныхъ припасовъ, оружія и прочихъ принадлежностей.

Черезъ нѣсколько времени прибыло еще нѣсколько человекъ, но я никакъ не могъ различить въ толпѣ начальника, а меня такъ занимала мысль увидѣть его. Когда черезъ часъ или два никто еще не прибылъ и вся наша сила оказалась въ 48 или 50 человекъ, то это

¹⁾ Номинація — назначеніе.

²⁾ Вербовать — приглашать новобранцевъ.

обстоятельство такъ неприятно подѣйствовало на меня, что я почувствовалъ, какъ будто бы моя фантазія сбросила меня съ высоты своего полета. Скверное, неприятное чувство обманутаго ожиданія! Со-знаюсь откровенно, что я никогда и не рассчитывалъ на наши національныя силы: я все надѣялся, что Наполеонъ III пришлетъ намъ свою помощь, но все-таки въ такомъ городѣ, какъ Слуцкъ, можно было ожидать найти больше 50 человѣкъ, готовыхъ взяться за оружіе, тѣмъ болѣе, что по свѣдѣніямъ организациі должно было прибыть на поляну до 300 человѣкъ—а тутъ вдругъ только 50! -

Кто-то въ толпѣ спросилъ: «неужели больше никого?—Всѣ-ли извѣщены?» — Я былъ увѣренъ, что всѣ были извѣщены, по крайней мѣрѣ я своему десятку сказалъ, каждому особо, когда и гдѣ должны собираться,—но что никто изъ нихъ не явился, этимъ я былъ крайне пораженъ, и, конечно, молчалъ, что у меня былъ десятокъ. Кто-то вызвался посмотрѣть не собрались-ли по ошибкѣ на другой полянѣ, но съ другой поляны никто не явился, и пошедшій осматривать ту поляну больше не возвращался. Одинъ изъ толпы отозвался, что по его ожиданіямъ повстанцевъ соберется больше, но такъ какъ ихъ очень мало, то не съ кѣмъ и начинать возстанія, а лучше (по его мнѣнію) возвратиться во свояси. Его примѣру послѣдовало еще нѣсколько человѣкъ и нашему сборищу грозилъ печальный конецъ. Тогда одинъ изъ собравшихся, Л—скій, попросилъ, выслушать его. Онъ говорилъ очень увлекательно на тему: что изъ единицъ составляются числа, что насъ горсть, да еще гдѣ нибудь горсть — соединимся и будетъ сила, которую наврядъ-ли придется употребить, ибо коль скоро мы сдѣлаемъ вооруженную демонстрацію, то Наполеонъ тотчасъ же пришлетъ намъ свои полчища. Онъ прислалъ бы ихъ и сейчасъ, но нельзя же безъ всякаго повода начинать войну съ государствомъ; къ этому надо предлогъ и много кой-чего, о чемъ разсуждать теперь не время, а надо идти!.. Но такъ какъ въ толпѣ замѣтно было колебаніе, то Л—скій сказалъ съ наосомъ: «господа! Я оставляю больше чѣмъ кто нибудь изъ васъ, все свое достоиніе, богатство, родныхъ и семейный очагъ, и иду, куда меня зоветъ мой священный долгъ! Стыдно тому, кто не имѣя чего терять, изъ трусости забываетъ про угнетенную нашу «отчизну», но пусть не говорятъ, что мы силой заставляемъ кого нибудь носить оружіе, кому оно тяжело, пусть остается и отойдетъ налѣво, кто идетъ—сюда направо!» Двѣнадцать человѣкъ отдѣлились на лѣвую сторону, остальные присоединились къ Л—скому. А я? — Могъ-ли я остаться послѣ такой прекрасной рѣчи? — Если бы меня повели тогда въ огонь и въ воду, я навѣрное бы не отсталъ... Что

я тогда чувствовалъ? И страхъ, и прелесть новизны, и любопытство, какъ и чѣмъ все это кончится, скоро-ли и гдѣ мы встрѣтимъ еще такую горсть, съ которою бы мы могли соединиться, скоро-ли встрѣтимъ французскую армію, на которую такъ много разсчитывали, и т. п.

Но вотъ занимается заря, оставаться тутъ дольше опасно. Надо пройти пока темно мимо деревни, поэтому кто-то скомандовалъ: «маршъ, господа, за мной!»—Лошадь съ провизіей мы беремъ съ собою, хотя хозяинъ ея остался, и отправляемся по направленію къ Игуменскому уѣзду. Такимъ образомъ мы отправились въ походъ.

Первый день похода былъ очень тягостенъ для насъ, мы дѣлали долгіе привалы, частыя остановки и лошадь оказала намъ громадную услугу.

Я чувствовалъ себя какъ школьникъ, вырвавшійся безъ позволенія гувернера на волю; какъ часто бывало, въ Минскѣ, въ дни моего пребыванія, мы уходили изъ училища въ городъ безъ позволенія въ недалекій лѣсокъ и тамъ рѣзвились, собирали ягоды, до поздняго вечера. Было чудно хорошо въ лѣсу! Но съ какимъ трепетомъ мы возвращались домой. Что если на встрѣчу попадется директоръ или инспекторъ, думалось намъ, и какъ мы были счастливы, когда все обходилось благополучно. Вотъ мое душевное состояніе въ первые дни нашего похода.

На пятый или шестой день мы были недалеко отъ деревни Суцинъ въ Игуменскомъ уѣздѣ. Намъ сказали, что мы тамъ встрѣтимъ главныя силы нашей губерніи съ начальникомъ Воеводскимъ. Какова же была наша радость, когда насъ встрѣтилъ адъютантъ начальника и проводилъ въ деревню Суцинъ.

Уставившись по два въ рядъ, опершись на короткія двустволки и принявъ картинныя позы, мы дожидались начальника. Меня больше всего занимала мысль, каковъ собою начальникъ? — Похожъ-ли онъ на сказочнаго героя, который своей силой можетъ уничтожить цѣлое полчище враговъ, красивъ-ли собой и т. п.? Увы, мнѣ пришлось дважды разочароваться! Во первыхъ, главныя наши силы оказались числомъ только въ двѣсти человѣкъ, во вторыхъ, начальникъ нисколько не похожъ былъ на сказочнаго героя: не великъ ростомъ, на Апполона бельведерскаго вовсе не похожъ и на Марса тоже. Не былъ увѣшанъ съ головы до ногъ оружіемъ, а былъ въ простой офицерской русской шинели, въ польской конфедераткѣ, въ высокихъ сапогахъ и если что либо придавало ему воинственный видъ, то это офицерская сабля на серебряномъ поясѣ. Но если я такъ непріятно былъ

разочарованъ въ начальникѣ, то навѣрное не менѣе меня былъ разочарованъ и начальникъ въ насъ. Онъ вѣрно думалъ встрѣтить легіонъ, а никакъ не толпу въ тридцать человекъ. Но что у него происходило на душѣ—я не знаю, ибо на лицѣ у него нельзя было прочесть ничего; онъ весело привѣтствовалъ насъ, произнесъ краткую рѣчь и распустилъ по квартирамъ.

На другой день насъ всѣхъ собрали на площадь; начальникъ считалъ насъ, раздѣлилъ на три отдѣла (plutony) по 72 человекъ. Отдѣлы подѣлилъ на взводы (seksyi) по 6 человекъ. Остальныхъ опредѣлилъ къ фургонамъ, познакомилъ насъ вкратцѣ съ нѣкоторыми техническими словами польской команды, показалъ намъ нѣкоторые ружейные приемы; тѣмъ, которые не имѣли ружей, далъ косы ¹⁾, показалъ намъ вскользь, какъ мы должны держаться во время похода, что долженъ наблюдать авангардъ, что арьергардъ—и повелъ насъ по лѣснымъ тропинкамъ, показывая во время болѣе продолжительныхъ приваловъ какъ надо рассыпаться въ застрѣльщики (tygalięgu), какъ строить цѣпь, какъ стрѣлять; гдѣ вѣтъ пней и кустовъ,—какъ ложиться и лежа обращаться съ оружіемъ, а главное, прислушиваться и различать сигналы, которые начальникъ дѣлалъ свисткомъ. Иногда онъ дѣлалъ фальшивыя тревоги: придемъ куда нибудь на ночлегъ или привалъ, начальникъ покажетъ мѣсто гдѣ долженъ расположиться каждый отдѣлъ, отдѣлы вытягиваются цѣпью вокругъ фургоновъ, или же въ одну линію, имѣя фургоны сзади, смотря по мѣстности. Когда же всѣ улягутся спать—вдругъ слышишь выстрѣлъ и свистокъ. Мы моментально схватываемъ ружья и становимся на позицію, ибо спали всегда въ полной формѣ, не раздѣваясь. Тогда начальникъ обходитъ всѣ отдѣлы и взводы, осматриваетъ всякаго солдата, и если найдетъ, что постъ его почему либо неудобенъ—покажетъ какой другой постъ и почему удобнѣе. Такъ проходили дни за днями. Начальникъ тщательно избѣгалъ селъ и помѣстій; намъ же сильно хотѣлось побывать въ жиломъ мѣстѣ. Но дѣлать нечего. Приходилось вести кочевую лѣсную жизнь, переходить съ мѣста на мѣсто, переносить холодъ, дождь и сырость. Голода мы пока не знали. Но за то дождь ужасно намъ надоѣдалъ, тѣмъ болѣе, что у насъ не было шинелей (bugek). Онѣ были у насъ отбиты русскимъ отрядомъ, со всѣми фургонами. Дѣло это было въ началѣ мая, мы спѣшили въ село Ляды, лѣсной тропинкой, въ надеждѣ захватить тамъ врасплохъ русскій отрядъ съ плѣн-

¹⁾ Литовки, выпрямленныя и насаженныя на длинныя палки.

ными повстанцами. Фургоны же и весь обозъ слѣдовалъ по большой дорогѣ, ибо въ лѣсу ему нельзя было пробраться. Прибывъ въ Ляды, мы никакого отряда не застали, исключая двухъ или трехъ конвойныхъ съ арестантомъ. Но такъ какъ арестантъ не былъ политическій, то мы и оставили ихъ въ покоѣ. Ступя нѣсколько минутъ, мы услышали выстрѣлы и затѣмъ прискакалъ одинъ изъ фургонщиковъ, объявившій намъ, что русскій отрядъ, шедшій изъ Бобруйска, забралъ весь нашъ обозъ. А тамъ-то на возахъ и были наши бурки, провизія, бѣлье и вся запасная аммуниція. Пришлось всемъ почти остаться въ однѣхъ свиткахъ. Изъ села Ляды мы сейчасъ отправились дальше, но куда—никто изъ насъ не зналъ, кромѣ начальника. Мы въ эту ночь очень мало отдыхали; намъ пришлось слишкомъ два часа стоять въ болотѣ притаившись; проходилъ-ли въ это время русскій отрядъ, или просто начальникъ насъ маневрилъ—неизвѣстно. Затѣмъ мы употребляли всевозможныя осторожности, проходя мимо какой-то деревни, въ которой, говорятъ, стоялъ русскій отрядъ, простояли съ полчаса около какого-то помѣстья, наконецъ, намъ дали по два стеариновыхъ огарка и ночью, при походѣ лѣсомъ, намъ приказали вдругъ ихъ зажечь и идти растянутыми на довольно значительное пространство другъ за другомъ. Пройдя такъ съ полчаса или часъ, было приказано потушить свѣчи, и мы круто повернули въ сторону.

Шляясь безцѣльно по лѣсу, и кружась все около одной мѣстности, мы однажды услышали опять выстрѣлы, но на весьма далекомъ разстояніи. Одинъ изъ товарищей, посланный начальникомъ узнать что тамъ такое, вернулся къ вечеру, сообщивъ намъ, что происходила стычка. Впослѣдствіи мы узнали, что стычка была съ отдѣломъ ¹⁾ Козелло, котораго поджидалъ нашъ начальникъ, и потому такъ упорно держался одной мѣстности, но вслѣдствіе ошибки Козелло и его нераспорядительности соединиться намъ не удалось. Поэтому мы направились въ другую сторону и нѣсколько дней шлялись по лѣсу.

Вскорѣ и намъ пришлось понюхать пороху, или «принять огненное крещеніе», какъ хвастливо говорилось про тѣхъ, которые еще не бывали въ дѣлѣ.

Однажды, находясь неподалеку отъ деревни Юревича, мы расположились приваломъ въ густой лѣсной мѣстности. Пикеты были разставлены за цѣпью, а за пикетами еще дальше посланы необходимыя

¹⁾ Oddział, — или партія, такъ мы называли свои отряды, — русскіе ихъ называли шайкой.

вьючныя лошади. Мы стали варить обѣдъ. Получивъ провизію на свой взводъ, я по дежурству сварилъ обѣдъ, и пригласивъ товарищей, усѣлся поудобнѣе на пенекѣ, чтобы вкусить незатѣйливый, но очень вкусный на голодный зубъ обѣдъ, какъ вдругъ выстрѣлъ... другой... и затѣмъ свистокъ. Ругнувъ потихоньку начальника за то, что вздумалъ тревожить насъ въ такой часъ, мы все-таки схватились за ружья и стали на позицію. Вдругъ раздался сигналъ рожка. Эге!... да это, видно, не фальшивая, а настоящая тревога! Что-то будетъ?—По тѣлу пробѣжали мурашки... рожокъ въ лѣсу разсыпался на тысячу ладовъ; трудно было опредѣлить, откуда неслись эти звуки: вотъ, кажется сзади — обернешься, нѣтъ! впереди... то тутъ—тутъ гдѣ-то надъ самымъ ухомъ! гдѣ-то близко, а между тѣмъ нигдѣ никого не видать. Навостривши уши и глаза, я весь превратился въ слухъ и зрѣніе... Пальба учащается, надъ головой что-то пролетѣло съ особеннымъ какимъ-то свистомъ, «это муха» остритъ какой-то смѣльчакъ, показывая видъ, что для него это пустякъ. Вотъ еще пролетѣла такая же муха, только немного ниже, вотъ еще и еще, все чаще и чаще начитаютъ летать пули, наконецъ, одна шлепнулась въ край пня, за которымъ я стоялъ, и пылью коры обсыпала меня... другая пролетѣла вдоль линіи мимо моего носа... моментально отшатнувшись головой, я инстинктивно повелъ глазами за улетѣвшей пулей... гляжу: товарищъ, стоявшій рядомъ со мной, сдѣлалъ такое же движеніе головой и тоже повелъ глазами въ ту сторону; слѣдующій за нимъ сдѣлалъ то же и такъ по всей линіи каждый повторилъ то-же самое движеніе.

— Ничего, рѣшительно ничего не вижу безъ очковъ! говорить товарищъ Д...скій, проходя мимо меня передъ фронтомъ,—а какъ на грѣхъ, пенсне не взялъ изъ дому...

— Я тоже никого не вижу, возражаю ему я,—лѣсъ такой густой, что въ пятнадцать шагахъ слона не примѣтишь; ужъ на что у меня глаза зорки, а не вижу.

— Ой! пся кровь, шаровары мнѣ разорвали! вскричалъ рядомъ стоявшій со мною Слизевичъ.

Взглянувъ въ ту сторону, я увидалъ кровь у него на ногѣ. Мгновенно подскочивъ къ нему, я вынимаю свой носовой платокъ и перевязываю ему, какъ умѣю, рану.

— Можешь-ли стоять? спрашиваю его, замѣтивъ, что пуля прошла насквозь икру.

— Пустяки! немножко подарапали! А вотъ шароваръ жалко.

— Господа! не стрѣляйте понапрасну! кричитъ начальникъ, про-

бѣгая передъ фронтомъ.—Берегите патроны, не торопитесь. Похладнокровиѣе, господа, похладнокровиѣе... Слизевичъ. Вы слишкомъ близко стоите, надо, по крайней мѣрѣ, на шесть саженей другъ отъ друга. Они насъ хотятъ одѣлать. Растянитесь, господа! Линію растяните...

— Тра-ти-та, ти-та-та, раскатывается по лѣсу рожокъ... Урраа!.. слышно впереди.

— Ага! это наступленіе! говорить намъ бывший съ нами солдатъ.

— Господа, они идутъ на приступъ! Теперь стрѣляйте, не торопитесь! Раздается команда начальника. Растягивайте линію какъ можно подальше!.. Лѣвый флангъ подайся!.. Первый взводъ еще подайся!.. Косиньеры, будьте наготовѣ.

Трррахъ!.. раздается залпъ лѣваго фланга.—Трррахъ!.. залпъ праваго фланга...

Курки моей двустволки давно взведены. Приложивъ ложе къ щекѣ и прислонивъ ружье къ пню, я зорко смотрю впередъ. Цѣлый хаосъ адскихъ звуковъ стоитъ въ моихъ ушахъ: рожокъ разсыпается по лѣсу тысячами звуковъ, дымъ выстрѣловъ рябитъ въ глазахъ, слышны крики ура! трескъ сучьевъ, шелканіе курковъ и все это заглушаетъ гулъ штуцерныхъ выстрѣловъ... Изъ-за деревъ мелькнули кепи съ красными околышами... Я нажалъ оба курка разомъ.—Трахъ! меня сильно толкнуло въ плечо.

— Bravo, Баратынский! крикнулъ мой товарищъ.

Но я ничего не вижу, тороплюсь зарядить скорѣе двустволку... изъ пальца у меня сочится кровь... надѣваю пистоны... лѣваго курка какъ не бывало—отлетѣлъ при первомъ выстрѣлѣ.

— Господа! не стрѣляйте! раздается команда начальника, — они отступаютъ! Нѣтъ-ли раненыхъ?

— Г. начальникъ, убитъ-ли я? спрашиваетъ какой-то мальчуганъ изъ четвертаго класса гимназій. (Онъ хотѣлъ сказать, опасно-ли онъ раненъ, пуля попала ему въ височную кость, при этомъ маленькая частичка пули засѣла между глазомъ и костью, а большая—скользнула отъ глаза къ уху, сдернувъ только кожу).

— Г. начальникъ, я раненъ, что мнѣ дѣлать? спрашиваетъ Романовскій, которому пуля пробила животъ насквозь.

Тра-ти-та, ти-та-та, и опять «ура!» раздается по лѣсу...

— Раненые къ выюкамъ отойдите! кричитъ начальникъ.—Господа! смотрите въ оба! Идутъ!

Но мы и сами зорко смотримъ впередъ, у всякаго двустволка наготовѣ, а на пятнадцать шаговъ намъ трудно промахнуться; какъ только изъ-за деревъ блеснули штыки, показались кепи съ красными околышами, мы встрѣтили ихъ дружнымъ залпомъ—и опять назадъ.

Пять часовъ длилась эта адская кутерьма. Благодаря естественнымъ заваламъ, за коими мы скрывались, мы шесть разъ пытались остановить мужественное наступленіе солдатъ, перестрѣливаясь всего на пятнадцать шаговъ.

Но вотъ пули начинаютъ летать слѣва. Видно, нашъ лѣвый флангъ обойденъ. Завязывается жаркая перестрѣлка на лѣвомъ флангѣ. Десять товарищей уже пало. Убить Грузина, убить Яновскій изъ слудкихъ товарищей... Начальникъ командуетъ перемѣнить фронтъ: лѣвому флангу отступить, правому—податься впередъ. Но это можно было сказать только хорошо вымуштрованнымъ солдатамъ, а не намъ; какъ тутъ идти впередъ, когда русскіе солдаты не могли пройти этихъ заколдованныхъ пятнадцати шаговъ, когда впереди такіа громадныя груды срубленнаго крестьянами зимою лѣсу, что перелѣзть черезъ нихъ нѣтъ возможности, не наткнувшись на русскій штыкъ или пулю. Мы предпочли лучше сидѣть за этимъ лѣсомъ, какъ за каменною стѣною. Лѣвый же флангъ отступилъ, оставивъ, кромѣ убитыхъ, человѣкъ пятнадцать раненыхъ, на которыхъ набросились со штыками солдаты.

Малишевскій, получившій одиннадцать ранъ, былъ спасенъ однимъ спѣшившимся казакомъ, который прикрылъ его собою, не давши добывать разъяренными солдатамъ, и вынесъ его изъ лѣсу на своихъ плечахъ. Когда послѣ Малишевскій лежалъ въ игуменской больницѣ, этотъ самый казакъ навѣщалъ иногда его, приносилъ ему съѣстное, купленное на послѣдніе гроши, и при встрѣчахъ былъ ему радъ, какъ родному.

Нашъ фронтъ теперь представлялся въ видѣ изогнутаго колѣна, съ лѣвой стороны пули летѣли вдоль линіи, съ фронта прямо; приходилось буквально смотрѣть въ оба, т. е. въ обѣ стороны; мы находились въ перекрестномъ огнѣ, что было для насъ очень невыгодно. Надо было на лѣвомъ флангѣ отгѣснить солдатъ на старое мѣсто и выровнять линію, но на это мы не рѣшились: ихъ было три роты, а насъ съ небольшимъ двѣсти человѣкъ; при томъ-же патроновъ у насъ такъ мало осталось, что только лучшимъ стрѣлкамъ приходилось по три, по четыре патрона на брата. Поэтому начальникъ скомандовалъ выючить лошадей, забирать раненыхъ, и мы отступили.

Началось теперь странствованіе по лѣсу съ мѣста на мѣсто, безъ одежды, безъ провизіи, безъ патроновъ даже. Раньше все это доставлялось организаціей въ извѣстные пункты въ лѣсу, теперь-же помѣщики, принадлежавшіе къ организаціи, были или арестованы, или находились сами въ числѣ повстанцевъ, остальные повиѣзжали изъ своихъ имѣній, кто въ Минскъ, кто въ Питеръ, а кто и за границу, лишь бы быть подальше отъ грѣха; оно выходило, что и «волкъ былъ сытъ и коза цѣла», ибо русскіе не могли придраться къ нимъ, что сочувствовали мятежу, потому что они старались постоянно быть на глазахъ у начальства. Вотъ, молъ, изволите видѣть какіе мы преданные. А предъ поляками тысячу было отговорокъ: то жена заболѣла или ребенокъ, или самому необходимо было быть въ городѣ, однимъ словомъ, время пройдетъ. Хотя покидать свой постъ, свое имѣніе было строго запрещено центральнымъ комитетомъ, переименованнымъ теперь въ Ржондъ Народовы, но намъ отъ того не было легче: мы переносили не только сырость, холодъ, но и голодъ. Приходилось стоять по цѣлымъ часамъ въ водѣ или болотѣ, употреблять всевозможныя хитрости, чтобы скрыть свой слѣдъ. Припадемъ иногда за болотными кочками, какъ утки, да такъ и пролежимъ съ часъ времени, а когда опасность минуетъ, опять продолжаемъ путь. Иногда приходилось переходить черезъ дорогу, чтобы не оставлять слѣдовъ на пескѣ, мы шли гуськомъ, слѣдъ въ слѣдъ, а послѣдній заматалъ слѣды, или же переходили дорогу задомъ, чтобы слѣды показывали туда, гдѣ насъ уже не было.

Сначала мы строили себѣ шалаши и балаганы изъ коры, но теперь эта роскошь была намъ запрещена, ибо балаганы указывали нашъ маршрутъ, а намъ необходимо было скрываться, такъ какъ послѣ первой стычки насъ сильно стали преслѣдовать. Не легко, однако, было отыскать нашъ слѣдъ. Только опытный «полюшукъ», крестьянинъ лѣсной мѣстности, знающій лѣсъ какъ свой огородъ, могъ исполнить это съ успѣхомъ и хотя русскіе отряды всегда прибѣгали къ помощи такихъ провожатыхъ, но крестьяне шли на это дѣло не охотно, ибо ихъ принуждали силой, грубо обращались съ ними; нашъ же начальникъ всегда очень щедро платилъ за всякія услуги крестьянъ, особенно, если приходилось прибѣгать къ услугамъ провожатыхъ, тутъ платилось иногда по тридцати рублей въ сутки; случалось такъ, что проводникъ русскаго отряда, отдыхающаго гдѣ нибудь въ лѣсу на привалѣ, посланный розыскивать нашъ слѣдъ, предупреждалъ насъ о близости русскихъ, а иногда—и самъ отправлялся съ нами.

Священникъ села Богусевичей, Конопасевичъ, вѣрный своему

долгу и присягѣ, сильно дѣйствовала противъ насъ: зная хорошо мѣстность, онъ очень удачно насъ выслѣживалъ, а имѣя вліяніе на прихожанъ, уговаривалъ ихъ содѣйствовать своимъ властямъ, не признавая нашего ни ржонда народоваго, ни комисаровъ, ни начальниковъ, уничтожалъ собственноручно всѣ наши грамоты, прокламаціи и т. п. Такое поведеніе священника вызвало, конечно, злобу мятежнаго нашего начальства и оно послало ему, въ разное время, три предостереженія, какъ тогда водилось ¹⁾. Надъ предостереженіями этими священникъ, конечно, смѣялся и продолжалъ дѣйствовать по своему. Послѣ третьяго предостереженія начальникъ получилъ опять донесеніе на священника Конопасевича. Кто писалъ подобныя донесенія, мнѣ неизвѣстно, вѣроятно, лица, служащія въ организаціи, а можетъ быть и частныя лица, зорко слѣдящія за всѣмъ, что тормозило начатое дѣло мятежа; очень часто бывало, подобныя сообщенія оказывались впоследствии чистой выдумкой, и много было невинныхъ жертвъ, особенно въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ мятежъ былъ въ полномъ разгарѣ, — но въ настоящее время, надо предполагать, донесеніе было не выдумкой, ибо нашъ начальникъ былъ очень осторожный человекъ и вовсе некроважандень. Но какъ бы тамъ ни было, получивъ опять свѣдѣніе, начальникъ собралъ «раду» (совѣтъ) изъ начальниковъ отдѣловъ и штаба, представилъ поступки священника Конопасевича на судъ. Послѣ долгихъ преній, былъ вынесенъ обвинительный актъ и смертный приговоръ Конопасевичу. Отобравъ тридцать человекъ, начальникъ поручилъ Тельшевскому (изъ Слуцка) команду надъ ними и велѣлъ исполнить злодѣйскій приговоръ. Въ это время случилось извѣстіе, что въ имѣніи Свенторжецкаго полиція продаетъ что-то съ аукціона, что неподалеку отъ села Богусевичей стоитъ русскій отрядъ въ три роты; Свенторжецкій проситъ начальника прогнать полицію, распоряжающуюся въ его имѣніи безъ вѣдома владѣльца. Но русскій отрядъ, стоящій въ сосѣдствѣ, заставляетъ спѣшить исполненіемъ приговора. Чтобы исполнить то и другое одновременно, и какъ можно скорѣе, начальникъ выбралъ еще нѣсколько человекъ, поручилъ ихъ Л—скому и велѣлъ арестовать полицію, хозяйничающую въ имѣніи; въ этотъ-то послѣдній отрядъ попалъ и я. Мы скоро выбрались изъ лѣсной чащи на небольшую дорожку и шли скорымъ шагомъ часа два, вмѣстѣ съ отрядомъ Тельшевскаго, затѣмъ, повер-

¹⁾ Всякому лицу, не военному только, замѣченному въ какихъ либо поступкахъ, прежде суда посылались три предостереженія, послѣ чего — судъ и расправа.

нужь вправо, мы съ Л—скимъ пошли въ имѣніе Свенторжецкаго. Тельшевскій же со своимъ отрядомъ поспѣшилъ въ село Богушевичи, выслать двухъ верховыхъ впередъ ¹⁾ и уговорившись съ нами соединиться въ имѣніи—для чего мы и должны были его тамъ дожидаться. Имѣніе это было раскинуто на довольно большое пространство: среди роскошной зелени бѣлѣлись чистенькія постройки, вдали чернѣлъ водочный заводъ, а налѣво блисталъ великолѣпный барскій домъ. Не выдавши давно жилища мѣста, я такъ былъ пораженъ этимъ чуднымъ явленіемъ, что впослѣдствіи, въ полетѣ своей фантазіи въ сказочный міръ, къ ковру самолету и шапкѣ невидимкѣ, которыми я непремѣнно обладалъ, я присоединялъ еще и это имѣніе, блеснувшее такъ чудно тогда въ моихъ глазахъ и отошедшее навсегда въ область фантазіи. Но тогда некогда было любоваться видами. Прибывши въ имѣніе, мы направились въ барскій домъ, гдѣ нашли пьянаго акцизнаго чиновника; Л—скій сказалъ, что мы его арестуемъ именемъ польскаго закона, и отобралъ отъ него всѣ казенныя бумаги. Оказалось, что ни полиціи, ни аукціона въ имѣніи не бывало,—только отпущалось вино изъ склада, по контракту, заключенному самимъ Свенторжецкимъ съ какимъ-то евреемъ. Чиновникъ былъ тутъ ни причемъ, его дѣло было смотрѣть за градусами, да соблюдать какія-то формальности, поэтому мы его освободили, возвративъ бумаги и извинившись за причиненное ему безпокойство. Въ это время подошелъ Тельшевскій со своимъ отрядомъ, возвращаясь изъ села Богушевичи, гдѣ только что былъ исполненъ смертный приговоръ надъ священникомъ Конопасевичемъ. Оставивъ чиновника съ его бумагами, мы поспѣшили за отрядомъ тѣмъ торопливѣе, что видѣли какъ торопится весь отрядъ. Мы шли скорымъ шагомъ; всѣ молчали подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ случившагося, разговоръ не клеился, хотя мы съ Л—скимъ и приставали съ разспросами то къ тому, то къ другому, какъ было дѣло, кто исполнялъ роль палача и т. п. интересныя въ

¹⁾ Впослѣдствіи Тельшевскій мнѣ рассказывалъ, что выслалъ двухъ верховыхъ впередъ, подъ предлогомъ смотрѣть за священникомъ, чтобы онъ не скрылся, въ сущности же для того, чтобы онъ, увидавъ мятежниковъ, постарался скрыться, но этотъ маневръ не удался, ибо посланные впередъ верховые не исполнили въ точности приказанія Тельшевскаго, „пріѣхать, стать въ воротахъ и никого не выпускать“, тогда бы священникъ могъ черезъ окно и садъ убѣжать задами, но посланные верховые, пріѣхавъ за $\frac{1}{2}$ часа въ село Богушевичи, просидѣли въ набѣ у знакомаго своего и прібыли къ мѣсту только тогда, когда весь отрядъ уже окружилъ домъ священника, и бѣжать ему было нельзя.

то время для насъ вопросы. Но намъ отвѣчали односложно, не охотно: видно, что всѣмъ было не по себѣ. Мы молча дошли до мѣста стоянки.

Тельшевскій съ Л—скимъ отправились въ «штабъ» къ начальнику съ рапортомъ, а мы—по своимъ мѣстамъ на отдыхъ.

Я во второй разъ упоминаю слово «штабъ» и долженъ объяснить что значило это слово въ нашемъ отрядѣ. Впослѣдствіи я слышалъ рассказы повстанцевъ изъ партій Мирославскаго, Лянгевича и т. д.; тамъ были офицеры, получившіе «номинацію» на должность или чинъ отъ «ржонда народовога» на бланкѣ печатной, съ печатью ржонда и подписью чиновъ. Всякій начальникъ имѣлъ такихъ бланковъ у себя нѣсколько, куда вписывалъ только имя и фамилію взводимаго въ чинъ офицера; для полученія такого чина нужно было особое какое нибудь отличіе храбрости или ума... Изъ такихъ офицеровъ составлялся у нихъ и штабъ...

Но у насъ ничего подобнаго не было, никто никого не выбиралъ, не опредѣлялъ, не отличалъ и не производилъ въ чины, и штаба, собственно говоря, никакого и не существовало; но мы окрестили этимъ именемъ нѣсколькихъ помѣщиковъ, которые положительно были лишней тягостью въ «отдѣлѣ», постоянно уклонялись отъ всякой трудной работы, постоянно держались около начальника, сами такъ и втирались въ чины. Въ штабѣ, впрочемъ, было одно лицо официальное—это помѣщикъ Свенторжецкій: онъ былъ «коммисаръ воеводства». Я не знаю точно, какая градація чиновъ была у насъ въ то время, но изъ слышанныхъ мною нѣсколько разъ препирательствъ между начальникомъ и коммисаромъ я заключаю, что они были въ равномъ чинѣ, только одинъ по военному вѣдомству, а другой—по гражданскому.

Собственно говоря, коммисару слѣдовало пребывать въ городѣ воеводства, гдѣ онъ назначенъ, т. е. въ Минскѣ, но Свенторжецкій былъ скомпрометтированъ — о назначеніи его стало извѣстно; боясь быть арестованнымъ—онъ принужденъ былъ отправиться въ отрядъ.

Выше я остановился на томъ, что послѣ экспедиція мы отправились на отдыхъ, но отдохнуть намъ не пришлось. Черезъ часъ или два насъ поднялъ свистокъ и мы пошли скорымъ шагомъ, тщательно избѣгая дорогъ и приваловъ.

Съ тѣхъ поръ мы долго бродили безъ цѣли, держась предѣловъ лѣсной мѣстности Игуменскаго уѣзда. Крупныхъ событій за это время не было, тянулись дни за днями однообразно скучно... Были еще двѣ

незначительныя стычки, кончившіяся ничѣмъ, т. е. передовые выпустать по два выстрѣла, да на томъ и покончатъ, русскіе отряды на насъ не наступали, а мы и подавно. За это время къ намъ присоединилась Минская партія около ста человекъ. Помню рассказы товарищей въ этой партіи, что ихъ недружелюбно встрѣтили въ одномъ селѣ крестьяне, хотѣли ихъ арестовать, и что вслѣдствіе этого партія принуждена была сдѣлать выстрѣлъ по крестьянамъ, но положительнаго объ этомъ ничего не могу сказать, ибо очевидцемъ не былъ. Знаю только, что съ нами никогда ничего подобнаго не случилось, такъ какъ крестьяне относились къ намъ совершенно индифферентно, говоря «помоги Боже вамъ, если вы намъ добра желаете», и на другой же день встрѣчали русскій отрядъ съ хлѣбомъ-солью, и навѣрно говоря имъ то-же.

Такъ, идучи изъ Слуцка въ Суцинь, въ числѣ тридцати человекъ, намъ пришлось въ воскресный день проходить черезъ деревню; какъ мы не торопились, чтобы пройти ночью, но все же не успѣли и вся деревня уже была на ногахъ; когда мы вошли, народу собралось множество, вся деревня высыпала посмотрѣть на «повстанцевъ», но ни одному не пришла мысль задержать насъ и мы, хотя и побоявались, но все же прошли безпрепятственно.

Отмѣчаю еще слѣдующій фактъ, случившійся на моихъ глазахъ и сильно врѣзавшійся въ моей памяти. Въ одинъ жаркій іюньскій день (1863 г.) мы остановились для короткаго отдыха въ густой лѣсной мѣстности. Начальникъ запретилъ разводять огни, ломать сучья, говорить громко и дѣлать какой бы то ни было шумъ. Какъ ни старались мы вообще идти какъ можно незамѣтиѣ, но слѣдъ почти трехъ сотъ человекъ, даже по травѣ, не могъ не быть замѣченъ опытнымъ глазомъ «полѣшука», а потому мы очень зорко наблюдали за своимъ слѣдомъ, тщательно его скрывали, а гдѣ скрыть нельзя было—выставляли на немъ нѣсколько пикетовъ въ разныхъ разстояніяхъ. Такъ и въ этомъ случаѣ у насъ выставлено было три пикета на протяженіи $\frac{1}{2}$ версты, и одинъ изъ нихъ задержалъ крестьянина, который шелъ, разсматривая траву, какъ бы выслѣживая насъ. Его привели въ «отдѣлъ». Начальникъ сталъ его спрашивать, кто онъ, откуда и куда идетъ, зачѣмъ присматривался къ травѣ и т. д., и тотъ отвѣчалъ, что онъ провожатый русскаго отряда, что, потерявъ нашъ слѣдъ, отрядъ, состоящій изъ двухъ ротъ, остался отдыхать въ полторѣ верстѣ отъ насъ, пока онъ, провожатый, отыщетъ нашъ слѣдъ; дальше онъ разсказалъ въ какой деревнѣ, гдѣ и сколько стоитъ солдатъ, и мы узнали къ ужасу своему, что всѣ деревни вблизи заняты русскими отрядами, и что мы окружены

буквально со всѣхъ сторонъ. Начальникъ предложилъ крестьянину хорошую плату (30 рублей въ сутки), чтобы онъ провелъ насъ незамѣтно между русскими отрядами въ извѣстную глухую мѣстность, на что тотъ согласился и сейчасъ же повелъ насъ, и проводилъ благополучно.

Но особенно живо стоятъ передо мною послѣдніе дни моего пребыванія въ партиі. Съ каждымъ днемъ намъ все меньше и меньше отпускалось провизіи, начиналъ чувствоваться недостатокъ во всемъ: въ припасахъ, въ амуниціи, даже въ оружій и патронахъ. Провизію намъ раньше доставляла организація въ извѣстное время и мѣсто; теперь же приходилось добывать ее самимъ. Придетъ время ночлега, расположимся въ лѣсу, начальникъ выбираетъ нѣсколькихъ охотниковъ и поручаетъ имъ добыть провизію какимъ бы то ни было способомъ. Охотники подходятъ къ деревнѣ, въ которой иногда стоитъ русскій отрядъ, и выжидаютъ удобнаго случая — проскользнуть незамѣтнымъ образомъ въ деревню. Тамъ они обращаются къ знакомому человѣку и поручаютъ ему доставить въ условленное мѣсто провизію. Тутъ я кстаті долженъ сказать, что за все получаемое нами отъ крестьянъ мы всегда платили чистыми деньгами и большею частью въ три-дорога, иначе мы бы не продержались ни одной недѣли. Иногда если деревня не занята русскимъ отрядомъ, охотники закупаютъ у крестьянъ сколько только могутъ унести съ собою или увезти на вьючной лошади. Наградой охотникамъ за всѣ труды служило то, что они могли вдоволь насытиться въ деревнѣ сами. Правда, это обходилось очень дорого — такъ, я помню, разъ заплатилъ за яичницу въ десятокъ яицъ три рубля—но кто тогда считалъ деньги?... По этой-то причинѣ, чтобы быть сытымъ каждый день, я послѣдніе дни не пропускалъ ни одной ночной экспедиціи. За то ужъ спать намъ приходилось буквально на ходу. Послѣдніе дни я до того усталъ, изнемогъ, что до сихъ поръ не могу безъ ужаса объ этомъ вспомнить. Какою силою я тогда еще двигался? Откуда бралась у меня живучесть, чтобы переносить такую массу трудовъ и лишений?... Теперь я не удивляюсь тому, что многіе тогда отставали и терялись въ лѣсу. Кто не могъ поспѣть за отрядомъ, кто заблудился нечаянно, а кто и нарочно заблудился, чтобы отстать и сразу покончить со всей этой мукой. (Послѣдняя мысль — мое предположеніе, ибо она являлась въ послѣдніе дни у меня лично). Четыре ночи сряду я уходилъ охотникомъ за провизіею вмѣстѣ съ Д—скимъ. Прошлявшись цѣлую ночь, придешь къ утру измученный, усталый къ отряду со сладкой мечтой отдохнуть, а тутъ свистокъ противный поднимаетъ насъ въ походъ, или, не заставъ отряда на мѣстѣ, приходится догонять его форсированнымъ маршемъ и вмѣсто желаннаго

отдыха еще больше устанешь, еще больше измучишься. Идемъ мы, бывало, съ Д—скимъ, машинально переставляя ноги, а сами спимъ. Иногда споткнешься, задѣвши ногою за камень или пенъ,—просыпаемся и сами дивимся, что заснули на ходу. Походка тяжелая, неровная, шатающаяся, какъ у пьяныхъ, ноги не то ноютъ, не то болятъ, гдѣ-то внутри въ самыхъ костяхъ, подъ колѣнями, какъ перебиты, часто ни съ того, ни съ сего гибнутъ, какъ бы не въ состояніи сдержать тяжести собственнаго тѣла, голова клонится къ низу; отъ частаго задѣванія ногами за камни и за пни — моментальное пробужденіе и сотрясеніе всего тѣла съ пренепріятнымъ ощущеніемъ въ мозгахъ, похожимъ на то, какъ иногда бываетъ, когда просыпаешься отъ тяжелаго кошмара,—сердце усиленно бьется, внутри все дрожить, какъ въ сильномъ испугѣ, нервы напряжены страшно, а черезъ нѣсколько минутъ опять засыпаешь и опять такое же мучительное пробужденіе. Добавьте къ тому нестерпимая жара, потъ, комары, мошка, грязь по тѣлу, грязь на ногахъ, рубашка мѣсяцъ на плечахъ, онучи корявые, постоянно мокрые или сырые, на ногахъ пузыри, ссадины, обжогъ—и будете имѣть хотя слабое понятіе о тѣхъ лишеніяхъ, мукахъ и страданіяхъ, какія намъ приходилось переносить.

«Нѣтъ, — это послѣдній разъ», думаю себѣ: «больше ужъ ни за что не пойду охотникомъ! Помогни Богъ только добраться до ночлега!» Но вотъ уже и солнышко закатилось, вотъ и темно стало, а начальникъ и не думаетъ давать свистка для привала. Мы все идемъ, да идемъ, ругая его втихомолку. «Охъ!... Господи! да когда же будетъ этому конецъ?... Не шмыгнуть-ли какъ нибудь въ сторону, благо темнота непроницаемая... а верескъ мягкій, какъ пуховикъ, такъ и манитъ къ себѣ... Эхма!... завалюсь-ка на всю ноченьку на мягкій верескъ, а тамъ хоть къ разстрѣлу, чортъ ихъ поберетъ!... А если увидятъ?... какой стыдъ!... дезертиръ... нѣтъ, подожду, можетъ быть скоро ночлегъ». Такъ рассуждалъ я на ходу, а ночлега все нѣтъ, да нѣтъ... Наконецъ, на разсвѣтѣ, послѣ 12-ти часоваго форсированнаго марша, начальникъ скомандовалъ: «стой!» Только что остановились, сейчасъ же всякій упалъ на землю, и тутъ же мгновенно заснулъ богатырскимъ сномъ... Увы! только не надолго! Начальникъ далъ буквально только 45 минутъ отдыха, а затѣмъ опять 12 часовъ форсированнаго марша безъ куска хлѣба, безъ малѣйшаго отдыха. Но вотъ, наконецъ, мы почти у цѣли. Начальникъ ободряетъ, что скоро будетъ отдыхъ. Надо только еще надѣлать нѣсколько фальшивыхъ слѣдовъ, пройти съ версту задомъ, отойти въ сторону, пробраться черезъ болото. Мы продѣлываемъ все это и останавливаемся на болотномъ острову. Слава тебѣ Господи!...

Теперь бы хлѣбца хоть по маленькому кусочку, и человѣкъ былъ бы совершенно счастливъ, а то отъ щавеля, срываемаго на ходу, объѣло весь ротъ!

— «Господа! Кто изъ васъ способенъ на такой геройскій подвигъ, чтобы сходить сейчасъ въ ближайшую деревню за провизией?» Говорить началъ начальникъ. Надо человѣкъ десять хорошо вооруженныхъ и не трусовъ, тамъ можно встрѣтить солдатъ. «Выправа» (экспедиція) не безопасная. Кто желаетъ?...

— Гмъ!... геройскій подвигъ?... Пойдемъ, Л—скій. Говорю я своему товарищу.

— Нѣтъ, я не могу, отвѣчаетъ тотъ, при томъ-же это не деревня а «заспанскъ» (въ родѣ хутора), въ три или четыре хаты, ничего тамъ не добудешь,—лучше и ты не ходи,—отдохни.

— «Ну, для себя я все-таки добуду хоть кусокъ хлѣба», думаю себѣ—и отправляюсь въ числѣ другихъ охотниковъ.

Насъ набралось десять человѣкъ хорошо вооруженныхъ. У всякаго почти была двустволка, а у двоихъ даже по шестиствольному револьверу. Съ такою силою и такою храбростью (насъ только двое было безусыхъ мальчиковъ, а то всѣ такіе сердитые усачи, что любо смотрѣть) можно чудеса дѣлать, не то что достать хлѣба въ какойнибудь деревушкѣ. Мы отправились кратчайшимъ путемъ назадъ, откуда пришли только иной дорогой, или, лучше сказать, вовсе безъ дороги, рассуждая промежъ себя, какъ бы хорошо было теперь встрѣтить человѣкъ 20 казаковъ, ухъ!... мы бы имъ задали жару, а главное, отвяли бы лошадей и побѣхали на нихъ сами, а то ужасно тяжело было идти!.. Не доходя двухъ верстъ до деревни, на крутомъ поворотѣ, мы вдругъ встрѣтились носомъ къ носу съ казакомъ, стоявшимъ, видно, на пикетѣ. Казакъ сильно крикнулъ и поскакалъ по направленію къ деревнѣ, предварительно выстрѣливъ на воздухъ.

Но не меньше казака испугались и мы. Я удивляюсь, откуда у насъ взялась еще такая прыть, чтобы бѣжать съ такою быстротою, съ которою мы бросились въ разныя стороны. Насилу я нагналъ одного товарища и подаль ему упавшую съ головы его шапку, которую я успѣлъ схватить на бѣгу; наконецъ, мы опомнились. Что такое случилось? спрашиваемъ другъ друга... Мы встрѣтили еще двухъ товарищей, оправившись немного и стали оправдываться другъ передъ другомъ, какъ будто насъ кто обвинялъ въ чемъ? Но какъ мы ни старались свалить вину на передоваго, что онъ, молъ, виной всему, ибо, увидя казака, побѣжалъ первый, а мы всѣ шли гуськомъ и никого не видали, сграхъ же паническій, какъ электричество по проволоку, сообщился

отъ перваго и до послѣдняго, однако, всякій изъ насъ чувствовалъ, что встрѣться мы не съ однимъ казакомъ, а съ двадцатью, какъ недавно этого желали, было бы пожалуй хуже.

Теперь насъ осталось только четверо — остальныхъ некогда было собирать. Что же теперь дѣлать?—Возвратиться-ли со стыдомъ, или побывать въ деревнѣ?—Послѣ короткаго совѣщанія мы порѣшили идти въ деревню, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, хоть издали убѣдиться кто въ ней есть.

Но что это?... Въ сторонѣ слышны выстрѣлы, по звуку ихъ—это выстрѣлы штуцерные. «Стойте, господа! Гдѣ-то трубятъ?... Да это сигналы рожка... Чортъ возьми, да откуда же это?... спрашивали мы другъ друга, прислушиваясь къ пальбѣ. Мы никакъ не могли допустить, чтобы стычка происходила съ нашей партіей..

— «Тсъ!... Кто-то идетъ!»... говорить одинъ изъ товарищей... Припавъ къ землѣ за кустами, мы затаили дыханіе и ждемъ, что будетъ... Но не такъ-то легко было спрятаться въ лѣсу отъ полѣшуга, выросшаго тутъ и знающаго лѣсъ какъ свои пять пальцевъ. Къ намъ прямо направлялся крестьянинъ, давно завидѣвшій насъ. Онъ шелъ въ деревню.

— «Здорову быу, пане, сказалъ онъ, подходя къ намъ. Что вы, отстали или заблудились?»

— Ни то, ни другое, отвѣчали мы, вида, что опасности нѣтъ, ибо этотъ крестьянинъ былъ у насъ когда-то проводникомъ и иногда доставлялъ намъ провизію. Мы рассказали ему все случившееся, промолчавъ, конечно, о нашей встрѣчѣ. Онъ намъ въ свою очередь посоветовалъ въ деревню не идти, такъ какъ тамъ стояла сотня казаковъ; сообщилъ намъ, что три роты солдатъ преслѣдовали насъ цѣлые сутки, но не могли настигнуть, что въ селѣ Ляды эти три роты остались, а на ихъ мѣсто пошли свѣжія три роты, которыя послѣ полуторыхъ сутокъ преслѣдованія смѣнились сегодня въ деревнѣ N свѣжими, и его взяли въ проводники.

— «Итъ бы никогда не отыскать вашихъ слѣдовъ», говорилъ онъ намъ, «если бы вы не шли по росѣ большимъ лугомъ. Вамъ бы надо спуститься тропинкой пониже на полторы версты, взять налѣво черезъ сухую поляну и канавой добраться до болота».

— Совѣтъ хорошій, да заднимъ числомъ. А вотъ нѣтъ-ли у тебя, братецъ, хлѣба?—спрашиваемъ мы, зная хорошо, что мужикъ никогда не отправится въ лѣсъ безъ краюхи хлѣба за пазухой,

Хлѣбъ оказался, хотя черный и черствый, но очень вкусный на

голодный желудокъ. Раздѣливъ его поровну, мы жадно стали жевать куски, разспрашивая его тѣмъ временемъ, какъ это случилось, что мы, идя въ деревню за провизіею, разошлись съ солдатами, а встрѣтили только одного казака.

Полѣшукъ намъ объяснилъ, что онъ велъ русскій отрядъ по нашему слѣду до того мѣста, гдѣ слѣдъ исчезъ. Тутъ начальникъ отряда послалъ его разыскивать слѣдъ, но что ему, полѣшуку, надоѣли и грубое обращеніе начальника, и угрозы, и онъ воспользовался случаемъ улизнуть, и что мы должны были, по его соображенію, въ это же время выбраться на ту самую тропинку, по которой шла цѣлой партией утромъ, и гдѣ русскій отрядъ, идя слѣдомъ за нами, оставилъ пикетомъ казака.

Перекусивъ хлѣба съ мякиной ¹⁾ и напившись изъ лужи, мы стали просить полѣшука проводить насъ до мѣста стычки, и вмѣстѣ двинулись туда, откуда недавно слышны были выстрѣлы.

На мѣстѣ недавней нашей стоянки не было уже никого; изрѣдка только доносились отдѣльные выстрѣлы штуцеровъ и то гдѣ-то далеко, — нашихъ выстрѣловъ изъ двустволокъ вовсе не было слышно, изъ чего мы заключили, что наши успѣли бѣжать. Жутко мнѣ стало на сердцѣ, особенно когда я увидѣлъ одного товарища, сидящаго неподвижно подъ деревомъ. Сразу я не могъ опредѣлить убитъ онъ или раненъ. Подошедши, я увидѣлъ разительную картину: на лбу зияла рана отъ пули, кожа висѣла лоскутомъ, волоса, въ безпорядкѣ смѣшанные съ кровью, прилипли къ лицу, на которомъ кровь застыла ручьями, и множество мухъ облѣпили его; въ глубинѣ раны что-то бѣлѣлось, «это мозгъ», подумалъ я, содрогнувшись. Въ первый разъ мнѣ пришлось видѣть убитаго. Доставши, не помню что, изъ кармана, я прикрылъ лицо его, чтобы защитить отъ мухъ и солнца. Отъ этого прикосновенія убитый пошевелился.

— Ты живъ еще? удивился я.

— Пить... произнесъ онъ слабымъ голосомъ.

Я почерпнулъ шапкой воды въ болотѣ, подалъ раненому; онъ жадно прильнулъ къ водѣ, утолил жажду, и какъ-то жалобно взглянувъ на меня, проговорилъ:— «передай родителямъ и брату поклонъ ²⁾».

¹⁾ Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ это время, крестьяне не знали иного хлѣба, какъ только пополамъ съ мякиной, — такой хлѣбъ назывался черный.

В.

²⁾ Раненый Демидовичъ, ученикъ мпнской гимназіи, былъ впоследствии

— Хорошо, сказалъ я, и, обмывъ ему лицо водою, пошелъ къ то-варницамъ. Посовѣтовавшись, что намъ дѣлать дальше, мы рѣшили переночевать тутъ же,—а утромъ отправились къ «Чортовой гроблѣ», гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ. Мы шли безъ отдыха почти цѣлый день и только къ вечеру подошли къ имѣнію «Ляды». Голодъ жестоко насъ мучилъ, мы насилу переставляли ноги. Необходимо было раздобыться хлѣбомъ въ Лядахъ, но никто не рѣшался идти туда, всякій посылалъ другаго. Тогда я, сбросивъ съ себя повстанскую одежду, обмѣнялся партикулярнымъ платьемъ съ однимъ товарищемъ, оставилъ ему всю свою аммуницію и, захвативъ только свои бумзги, отправился въ имѣніе.

Не доходя двухъ сотъ саженихъ до усадьбы, я увидѣлъ на дворѣ блескъ штыковъ и, смекнувъ, что дѣло дрянъ, повернулъ налѣво кругомъ.

«Стоя! куда ты?»... крикнулъ на меня шедшій тихонько за мною слѣдомъ мужикъ, съ которымъ я теперь очутился носомъ къ носу — и схватилъ меня за воротъ. Въ одно мгновеніе я рванулся, ударомъ въ грудь опрокинулъ мужика и стрѣлою пустился къ лѣсу. Мужикъ поднялъ крикъ, въ усадьбѣ произошла тревога, а я мчался, мчался, такъ что въ ухахъ свистѣло, въ глазахъ рябило отъ скорости движенія; безсознательно я дѣлалъ громадные прыжки, задѣвая ногами за камни, лежавшіе на пашнѣ, оступаясь въ глубокія борозды, и только одно сознание жило во мнѣ: опасность зашпунуться и упасть. Вбѣжавши въ лѣсъ и придя въ себя, я оглянулся и увидѣлъ, что товарищей—слѣдъ простылъ; попалъ-ли я на другое мѣсто или они заблаговременно убрались по добру по здорову, видя меня въ опасности—некогда было разбираться. Я круто повернулъ направо и, пробѣжавъ съ версту, увидалъ густой кустъ, выдающійся далеко въ поле. «Тутъ», подумалъ я, «на-вѣрно искать не будутъ»—и забрался въ него.

Меня не нашли. Я просидѣлъ въ кустѣ весь вечеръ, въ страшномъ напряженіи, наконецъ, усталость взяла свое и я заснулъ чуткимъ тревожнымъ сномъ; меня пугалъ всякій шорохъ листьевъ,—крикъ птицы ночной, малѣйшій шумъ; я постоянно просыпался, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, при всякомъ подозрительномъ и не подозрительномъ звукѣ и, широко открывъ глаза, вперивалъ ихъ въ непроницаемую ночную темноту. Къ разсвѣту я проснулся отъ мучительныхъ

найденъ крестьянами и доставленъ куда слѣдуетъ. Онъ вылезъ, пуля только скользнула по черепу и бѣлая кость черепа мнѣ показалась въ ту пору мозгомъ.

В.

ощущений: я весь вспотѣлъ какимъ-то холоднымъ потомъ, мнѣ было и жарко, и холодно, — внутри что-то жгло, снаружи пробирала дрожь, меня била лихорадка, всѣ члены буквально были какъ разбиты, — ноги какъ свинцомъ налиты, всѣ въ пузыряхъ, въ крови, одежда чужая тѣсная, — жметъ. Господи! подумалъ я, бываетъ-ли на свѣтѣ еще хуже этого?... Я задумался надъ своимъ положеніемъ, но, вспомнивъ библейскаго мужа Іова, подумалъ, что мое положеніе еще не изъ худшихъ. Нечего отчаяваться! Ободрился! говорилъ я самъ себѣ, и сталъ исправлять члены, потомъ снялъ сапоги, чтобы переобуться — и ужаснулся... грязныя, корявыя подвертки, съ клейкою жидкостью, отъ лопнувшихъ пузырей, смѣшанною съ кровью, сочившеюся изъ старыхъ струпеевъ, послѣ обжоговъ и ссадинъ, все это пережѣшалось, прилипло къ образовавшимся ранамъ и присохло. Отодравъ подвертки, я почувствовалъ боль еще невыносимѣе... Я отправился босикомъ, держа въ одной рукѣ сапоги, а въ другой подвертки, и, найдя лужу, выполоскалъ ихъ изъ большой грязи, и повѣсилъ себѣ на плечи, чтобы просохли. Выбравшись на большую дорогу, я сѣлъ надъ канавой и порѣшилъ дальше не идти: «то и будь, что будетъ», идти босикомъ съ непривычки не было ни малѣйшей возможности, всякій сучокъ, камушекъ — чувствительно вдавливался въ подошву, и я рѣшился сдаваться...

Но вотъ слышенъ топотъ лошадиныхъ копытъ, кто-то ѣдетъ... не казаки-ли?... по тѣлу пробѣжала словно искра электрическая, я почувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то силы сверхъестественной, моментально обулся, вскочилъ и спрятался въ лѣсу. Пробѣжали три казака верхомъ, затѣмъ проскакала кибитка, и опять тишина. Машинально сталъ я двигаться по опушкѣ лѣса, держась большаго тракта и раздумывая, что мнѣ съ собой дѣлать? Пробраться-ли въ Бобруйскъ, откуда легко пробраться и въ Питеръ и тамъ приняться опять за фармакопею, или же прямо идти въ какую пошало деревню и отдаться въ руки властей, что бы тамъ ни было, а все же хоть накормятъ. Собирая щавель и утоляя жажду изъ попадающихся лужъ, я незамѣтно сталъ удаляться отъ большой дороги и, наконецъ... совершенно заблудился... Долго я блуждалъ и думалъ, что ужъ мнѣ конецъ приходитъ. Но вотъ лѣсъ рѣдѣетъ, попадаются полусаженки дровъ, пучки сохнувшей мочалы, слѣды близкаго присутствія человѣческаго жилища. Наконецъ, видѣются и крыши хатъ: слава Богу! Я прямо направляюсь въ деревню, захожу въ корчму и спрашиваю хлѣба и пива. Насытившись вдоволь, я начинаю раздумывать, какъ бы мнѣ пробраться теперь въ лѣсъ? Отдаваться въ руки властей я уже потерялъ охоту. А что послѣ скажутъ товарищи? «трусъ, измѣн-

никъ, самъ отдался»... иѣтъ, ни за что! Я встаю и направляюсь къ выходу. Но, увы! поздно! У дверей стоитъ человѣкъ 30 крестьянъ. Они сначала разступились, давая мнѣ дорогу. Но вотъ изъ толпы раздается голосъ: «что же вы стоите, берите его!» Крестьяне заступаютъ мнѣ дорогу, говоря: «стой, панъ». Я сталъ урезонивать ихъ, увѣряя, что я мирный прохожій, показалъ даже и паспортъ. Мужики стали колебаться, но тотъ же голосъ изъ толпы порѣшилъ: «все равно, везите его въ штабъ. Тамъ разберутъ, а мы пять рублей все же получимъ». Тутъ я увидѣлъ, что мое дѣло прогорѣло. Я охотно для виду согласился, соображая дать стрѣкача дорогою, но когда мнѣ связали руки, я понялъ, что попался окончательно...

В. Л. Баратынскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ДМИТРІЯ ІВАНОВИЧА КИПІАНИ

съ 1820 г.

18¹).

Возобновленіе правительственной службы. — Бѣглый очеркъ моего опекунства. — Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. — Долгъ дворянства приказу. — Общество грамотности. — Князь Мингрельскій. — Графъ Барановъ. — О. А. Смирновъ. — Причисленіе къ министерству государств. вѣщ. — Назначеніе въ высшую комиссію.

Прерванная въ 1862 г. правительственная служба возобновилась въ 1880 г. и тянется до сихъ поръ, но крайне страннымъ образомъ и не смотря на замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ пройденныхъ мною урочковъ.

Для ясности дальнѣйшаго изложенія я долженъ здѣсь вставить небольшой эпизодъ, выхваченный изъ приводимаго въ другомъ мѣстѣ разсказа, а именно:

За то, что въ 1859 году я не внялъ гласу мингрельскаго народа и съ тѣхъ поръ въ теченіи 9 лѣтъ распинался за интересы тамошняго владѣтельскаго дома, на которомъ видимо тяготѣтъ рука Божія, разразилась надо мною кара, которая только и могла сложиться, что путемъ особеннаго электричества, разряжающагося иногда въ нашихъ судахъ поразительнымъ образомъ.

¹) См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLIX, мартъ, стр. 517—538; т. L, май, стр. 267—286; т. LI, июль, стр. 55—80.

Имѣніе владѣтеля Мингреліи дало въ 1858 году 277 р. чистаго дохода.

Въ моихъ рукахъ доходъ этотъ,—правда не вдругъ,—но постепенно, въ особенности послѣ рѣшенія кавказскаго комитета 1861 г. и въ особенности послѣ другаго рѣшенія, послѣдовавшаго въ январѣ 1867 года, — доведенъ до той цифры, которую опредѣляло инвентарное описаніе 1857 г., т. е. до 80.000 руб., включая сюда и проценты съ назначеннаго въ 1867 г. милліона.

Но такіе элементы, какъ женскій капризъ, какъ юношеское стремленіе къ богатству, какъ чутье иныхъ адвокатовъ къ возможной наживѣ, какъ податливость нѣкоторыхъ судей — все это вмѣстѣ разразилось тѣмъ, что судъ наложилъ на меня взысканіе около 50,000 руб. въ пользу бывшаго владѣтеля князя Мингрельскаго, — и это спустя какихъ нибудь 5 или 6 лѣтъ послѣ того, какъ за слишкомъ энергическую защиту его интересовъ я былъ торжественно выведенъ покойнымъ кн. Барятинскимъ изъ совѣта намѣстника кавказскаго и вовсе изъ службы.

Теперь продолжаю разсказъ о возобновленіи этой службы.

Для возстановленія общественнаго спокойствія, нарушеннаго злодѣйскими покушеніями на священную особу императора Александра II въ Петербургѣ, въ началѣ 1880 года, была учреждена верховная распорядительная коммисія и главнымъ начальникомъ этой коммисіи былъ назначенъ графъ Лорисъ-Меликовъ, Михаилъ Тариеловичъ, съ которымъ здѣсь, въ Тифлисѣ, я былъ всегда въ наилучшихъ, почти дружескихъ, отношеніяхъ.

Въ бытность свою командующимъ войсками въ Терской области онъ не разъ высказывался тамъ обо мнѣ съ самой задушевной стороны; а послѣ поворенія въ 1878 году Карса, рассчитывая на одно важное назначеніе, взялъ съ меня слово пріѣхать къ нему на совмѣстную службу.

Теперь онъ стоялъ на такой высотѣ государственнаго всемогущества, до которой никто еще изъ простыхъ смертныхъ не достигалъ. Его личному усмотрѣнію было предоставлено даже опредѣленіе состава самой верховной коммисіи.

Достаточно ли у него подъ рукою вѣрныхъ людей?—Это разъ.

При этомъ у меня на душѣ два дѣла, благопріятное разрѣшеніе которыхъ принесло бы важную пользу нашему обществу.

Въ правѣ ли я не воспользоваться, въ такомъ случаѣ, воз-

воззвать въ могущественному содѣйствію члена этого общества?—Это два.

Наконецъ, лично надо мною разразились два странныхъ суда; а судъ у насъ, по міровоззрѣнію самихъ судей, самостоятеленъ, самодержавенъ, непогрѣшимъ, и de facto не существуетъ уже того органическаго закона, который открывалъ угнетенному послѣднее прибѣжище у монаршаго престола. Графъ Михаилъ Таріеловичъ теперь единственное лицо, которое можетъ открыть этотъ путь и помочь испросить повелѣніе о разсмотрѣніи моихъ дѣлъ, если только самодержавная прерогатива, по части суда, не передана, въ самомъ дѣлѣ, кассационному сенату.

Въ правѣ ли я не попытаться стать на эту дорогу? — Это третье.

На всѣ эти три вопроса пришлось отвѣтить себѣ отрицательно, и вотъ, въ началѣ марта 1880 г., мчусь я въ Петербургъ.

Тамъ Михаилъ Таріеловичъ работаетъ чрезвычайно.

— До его назначенія нѣкто спать не могъ въ Петербургѣ,—говорили мнѣ въ одномъ частномъ домѣ, не подозрѣвая никакихъ отношеній между нами. А теперь спимъ; мы не знаемъ, что онъ сдѣлалъ; но спимъ спокойно.

Въ немъ самомъ я не нашелъ никакой перемѣны, кромѣ того только, что онъ сильно похудѣлъ.

По поводу перваго моего вопроса онъ сказалъ, что былъ бы счастливъ посадить меня тамъ, гдѣ посадилъ того-то и того-то; но обвинять его въ nepотизмѣ; а онъ не хочетъ, чтобъ могли обвинять его въ чемъ либо.

— Но я тебя пристрою, прилично пристрою, если можешь повременить мнѣ мѣсяць—другой.

— Постараюсь повременить. А теперь другой вопросъ: я имѣю здѣсь дѣла и личныя, и общественныя; но предупреждаю, что если общественныя наши нужды будутъ благосклонно выслушаны, то о частныхъ моихъ дѣлахъ заикаться не буду.

— Поговоримъ, значить, объ общественныхъ нуждахъ прежде.

— Я буду говорить только о двухъ: о долгѣ нашего дворянства приказу общественнаго призрѣнія и объ обществѣ распространенія грамотности среди грузинъ.

— Для народнаго образованія я готовъ на все. Но сначала о приказѣ. Разъ долгъ сдѣланъ, вѣдь платить надо.

— Въ томъ-то и дѣло, какъ сдѣланъ долгъ? Прежде всего я скажу, что если-бъ не было никакого уважительнаго основанія сложить долгъ, составляющій теперь сумму около 3-хъ милліоновъ, то вы лучше, чѣмъ кто нибудь, знаете, что грузинское дворянство вполне заслуживаетъ этой милости.

— Я все еще слышу бывшаго нашего предводителя.

— Нѣтъ, шутки въ сторону. Вы знаете, что грузины беззаветно вѣрны престолу и сдѣлать имъ такой подарокъ, въ видѣ монаршей милости, было бы тѣмъ болѣе хорошо, что это и надобно сдѣлать—потому что существуетъ къ тому весьма солидное юридическое основаніе.

— О, о! какъ это?

— Всѣ эти долги сдѣланы при существованіи крѣпостнаго права и ссуды изъ приказа выданы подъ залогъ крестьянскихъ дымовъ. Залога этого теперь не существуетъ и не заемщики вѣдь тому виною. Договоръ займа нарушенъ, строго говоря, третьимъ лицомъ, законодательною властью. Ходатайство мѣстнаго главнаго начальства поступило уже объ этомъ въ кавказскій комитетъ и надобно поддержать его. Это будетъ пріятно всѣмъ.....

— Въ самомъ дѣлѣ, припоминаю и я, что ссуды выдавались подъ залогъ не земель, а крестьянъ. Составъ мнѣ объ этомъ записку и я попытаюсь.—А другое дѣло?

— Дѣло о тифлисскомъ обществѣ распространенія грамотности, въ которомъ и вы въ числѣ членовъ учредителей. Желательно было бы испросить высшее покровительство этому обществу и тутъ же проявить къ нему вотъ какое участіе.

Если 3-хъ милліонный долгъ будетъ сложенъ, то милость будетъ явлена только одной трети дворянства; а чтобъ и остальные двѣ трети были приобщены къ монаршей милости, сдѣлайте такъ, чтобъ часть долга сложать со счетовъ, а остальную представить въ пользу распространенія грамотности.

— Мысль хорошая. Надобно и объ этомъ записку. Одну записку составишь, какъ бывший губернский предводитель дворянства, а другую—какъ?

— Какъ предсѣдатель общества.

— Прекрасно! Можно завтра?

— Непремѣнно доставлю завтра.

И доставилъ.

Затѣмъ — полнѣйшій уже молчокъ о собственныхъ дѣлахъ.

Но и общественныя дѣла не выгорѣли: одно потому, что въ засѣданію кавказскаго комитета графъ опоздалъ на нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ тамъ успѣли уже рѣшить дѣло; рѣшить, впрочемъ, хорошо, — такъ какъ сложили проценты и штрафы, выросшіе со времени крестьянской реформы; а другое — потому, что въ Варшавѣ совершилось что-то такое, и оттого теперь неудобно говорить объ образованіи грузинъ.

Боже правый! Да что общаго между Польшею и Грузіею?

Между тѣмъ зарождалось то дѣло, которое составляетъ предметъ этого разсказа.

Не помню теперь по какому поводу, однажды, заговорилъ Михаилъ Таріеловичъ со мною о дѣлахъ князя Мингрельскаго.

— Сколько мнѣ извѣстно со стороны, — говорю я, дѣла его идутъ весьма плохо. У него не останется, кажется, и половины того, что я сдалъ ему въ 1868 году.

— Отчего, какаѣ причина?

— Говорятъ, что его агенты начали съ того, что огорошили всѣхъ, заявивъ разомъ чуть ли не болѣе тысячи исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Это возстановило противъ него почти все населеніе Мингреліи и онъ сталъ проигрывать процессъ за процессомъ. Ему проиграли на судѣ и такія дѣла, безспорность которыхъ была бы для всѣхъ очевидна, если-бъ кто нибудь давалъ себѣ трудъ заглядывать въ дѣла опеки, которыя сдалъ я вмѣстѣ съ имѣніемъ.

Въ другой разъ, возобновивъ случайно рѣчь о томъ же, Михаилъ Таріеловичъ спросилъ меня мимоходомъ, сожалѣю ли я о такомъ положеніи дѣлъ Мингрельскаго?

— Хоть я глубоко оскорбленъ и въ вонецъ раззоренъ этимъ дѣломъ, но не могу не сожалѣть, по человѣчеству вообще, и въ частности потому, что такимъ образомъ пропадаютъ плоды девятилѣтнихъ моихъ трудовъ.

Дня черезъ два послѣ того онъ спрашиваетъ былъ ли у меня князь Мингрельскій?

— Нѣтъ, не былъ, но присылалъ сегодня просить, чтобъ я его навѣстилъ.

— Навѣсти, навѣсти!

— А что? развѣ онъ болѣнъ?

— Нѣтъ, онъ не болѣнъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: учреждается здѣсь особая высшая коммисія для устройства его дѣлъ. Предсѣдателемъ этой коммисіи будетъ министръ государственныхъ имуществъ, князь Л * * *; членами—члены государственнаго совѣта: К * * * (бывшій недавно начальникомъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго) и С * * * (тотъ самый, который въ 1862 году былъ назначенъ на мое мѣсто въ совѣтъ намѣстника) и членомъ—дѣлопроизводителемъ—Смирновъ. Надобно, чтобъ и ты былъ членомъ этой коммисіи. Я уполномоченъ согласить тебя; но зная, что не откажешься, я ужъ общалъ; это выдвинетъ, наконецъ, тебя; ближе узнаютъ. Тамъ хотятъ лично съ тобою познакомиться.

— Я не прочь, но позволено ли будетъ высказать мнѣ при этомъ и свои желанія?

— Т. е. условія? Непремѣнно.

— Такъ вотъ что: служба моя прервалась изъ-за дѣлъ князя Мингрельскаго. Теперь надобно, чтобъ служебныя мои права были восстановлены, т. е. чтобъ время отставки зачтено было въ службу. Примѣры бывали, стало быть это не трудно.

— Положимъ, это не трудно.

— Затѣмъ надобно, чтобъ между мною и княземъ Мингрельскимъ не было уже никакихъ счетовъ. Нельзя быть свободнымъ отъ негодованія за то, что тяготѣетъ надо мною неправильное взываніе; а такое чувство къ кому либо не можетъ не мѣшать работѣ въ его пользу.

— Конечно. Объ этомъ и толковать нечего.

— Наконецъ, поступая на службу, надобно имѣть въ виду и содержаніе.

— Содержанія будетъ десять тысячъ въ годъ.

— Если на счетъ Мингрельскаго, то это много; его и безъ того раззоряютъ; довольно будетъ и семи.

Онъ остановилъ на мнѣ свои замѣчательные глаза, которые какъ будто вслухъ говорили: узнаю я тебя, узнаю.

— Такъ навѣсти завтра Нико и, что будетъ, расскажи потомъ.

Былъ на другой день у Нико, т. е. Мингрельскаго.

Бросился онъ обнимать меня и говорить:

— Плохо идутъ дѣла мои, Димитрій Ивановичъ! Надобно помочь поправить ихъ.

— Слышалъ и, не смотря ни на что, искренно готовъ помочь...

— Благодарю, благодарю. Надобно было сегодня поѣхать намъ къ Эдуарду Трофимовичу; но сегодня его нельзя видѣть, а поѣдемъ завтра. Приѣзжайте ко мнѣ въ 11 часовъ утра и поѣдемъ вмѣстѣ.

— Кто этотъ Эдуардъ Трофимовичъ?

— Вы не знаете?—графъ Эд. Тр. Барановъ.

— Ахъ, Боже мой! графъ Барановъ, предсѣдатель департамента экономіи государственнаго совѣта? Какъ же, знаю; очень радъ, очень радъ!

И поѣхалъ я завтра къ графу Эдуарду Трофимовичу, но не съ Мингрельскимъ, которому почему-то было нельзя, а съ будущимъ моимъ коллегой Ѳедоромъ Артемьевичемъ Смирновымъ, съ которымъ познакомился тутъ же, у Мингрельскаго.

Около 12 часовъ принялъ насъ графъ.

Съ перваго же взгляда графъ Эдуардъ Трофимовичъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное и вполне ублажающее впечатлѣніе. На лицѣ его такъ и выдвигалась чарующая пріветливость.

Полутора-часовая бесѣда съ нимъ довершила очарованіе: такъ и врывалось въ душу желаніе видѣть какъ можно чаще этого превосходнаго человѣка.

Принявъ насъ съ Смирновымъ, графъ выразилъ свое удовольствіе познакомиться со мною и предложилъ намъ, противъ себя, у кабинетнаго стола, кресла.

Не успѣли мы занять указаннаго мѣста, какъ вошла дама, которую пріветствовали съ большимъ уваженіемъ, и назвали ей меня.

Послѣ я узналъ, что это была мать молодой княгини Мингрельской, графиня * * *,—о которой Михаилъ Таріеловичъ отзывался какъ о весьма умной и весьма уважаемой женщинѣ высшаго свѣта.

Всѣ сѣли и графъ Эдуардъ Трофимовичъ сталъ спрашивать меня о дѣлахъ князя Мингрельскаго и о происхожденіи его процесса со мною.

Безъ малѣйшей утайки разсказалъ я все, что мнѣ было извѣстно. А онъ разспрашивалъ какъ человѣкъ, который хорошо уже знакомъ съ подробностями дѣла.

Графиня слушала насъ безмолвно, но Смирновъ часто вторгался въ бесѣду и говорилъ до того много, что графъ Эдуардъ Трофимовичъ сказалъ ему однажды, тономъ чрезвычайно снисходительнымъ:

— Федоръ Артемьевичъ! дайте и мнѣ высказать мою мысль! Вамъ, вѣдь, я не мѣшалъ говорить.

— Все это происходитъ, какъ видно, оттого, сказалъ графъ Эдуардъ Трофимовичъ, между прочимъ, что имущественныя права Мингрельскаго еще не выяснены и майоратъ еще не утверждень. Но вы, Димитрій Ивановичъ, лучше всѣхъ знаете его дѣла; скажите, есть ли хоть какое-нибудь указаніе его имѣній, какое-нибудь опредѣленіе границъ его дачъ?

— Какъ же, есть, и возможно точное!

Тутъ всѣ встрепенулись и стало для меня ясно, что здѣсь знали всѣ подробности дѣла, но ничего не знали объ описаніи 1857 года.

— Разскажите, пожалуйста, что это за описаніе?

— Это — правительственный актъ, который кавказское главное начальство озаботилось составить, чтобъ привести въ извѣстность имущество вызваннаго въ Петербургъ владѣтельскаго семейства. Инвентарное это описаніе не включаетъ въ себя свойствъ межеванія, но указываетъ въ точности какъ дачи, въ которыхъ находятся частныя имущества владѣтеля, какъ, напр.: лѣса, поля, сады, зданія, такъ и окружныя межи этихъ дачъ. И указанія эти заключаютъ въ себѣ юридическую достовѣрность, потому что описаніе составлено цѣлою правительственною комисіею, въ присутствіи депутатовъ отъ мѣстныхъ и высшихъ тамошнихъ властей, и основано все на присяжныхъ показаніяхъ сельскихъ должностныхъ лицъ, понятыхъ и соучастниковъ владѣнія.

— Что вы говорите? Неужели существуетъ подобный актъ? О, о! это чрезвычайно важно!

О важности этого открытія распространялся въ особенности Ѳ. А. Смирновъ.

— Скажите, Дим. Ив., можно отыскать гдѣ нибудь это описаніе? спрашиваетъ графъ.

— Какъ же! оно и въ дѣлахъ конторы князя Мингрельскаго, и въ главномъ управленіи намѣстника; да должно оно быть и здѣсь, въ кавказскомъ комитетѣ.

— Какъ это ничего объ этомъ мы не знали! Позвольте еще одинъ вопросъ, но примите этотъ вопросъ за желаніе устранить все, что представляетъ онъ для васъ непріятнаго: по какому поводу или на какомъ основаніи былъ возбужденъ процессъ между вами?

Разсказалъ я и эту исторію съ тою же беззавѣтною откровенностью.

— Процессъ противъ васъ былъ отъ имени княгини или отъ имени Нико? спросилъ графъ.

— Отъ имени Нико!

— Ну, слава Богу, что отъ его имени; это можно легко покончить. Мы видимъ, что безъ вашего добраго участія нельзя обойтись, и согласитесь ли, если будемъ васъ просить забыть все, что было непріятнаго, и принять участіе въ дѣйствіяхъ высшей комисіи?

— Совершенно охотно! графъ Михаилъ Таріеловичъ говорилъ уже объ этомъ со мною, но я позволилъ себѣ высказать и свое кое-какое желаніе.

Тогда графъ Барановъ тепло благодаритъ меня, пожимая мнѣ руку, благодаритъ и графиня * * *; Смирновъ сіяетъ, и такъ заканчивается эта аудіенція.

— А что до взысканія по процессу,—досказываетъ графъ,—то я беру на себя уладить это дѣло. Нивакое неудовольствіе не должно уже имѣть мѣста.

Всѣ подробности этой бесѣды передаю на другой день Михаилу Таріеловичу.

— Теперь вотъ что,—говоритъ онъ,—чтобъ назначить тебя членомъ комисіи, надобно поступить прежде на службу; объ этомъ была уже рѣчь съ княземъ А. Л * * *. Надобно и ему представиться. Чтобъ не терять времени, поѣзжай въ нему теперъ же. Если будутъ затрудняться допустить, вели доложить, что отъ меня.

Приѣзжаю. Швейцаръ, видя небывалаго посѣтителя, прямо говоритъ, что нельзя, заняты.

— Отъ графа Лорисъ-Меликова, сказалъ я, и тотчасъ растворилась дверь: „пожалуйте“.

Дошелъ безпрепятственно до пріемной комнаты, гдѣ засталъ нѣсколько безмолствующихъ такихъ же звѣздоносцевъ.

Подбѣгаетъ ко мнѣ какой-то чиновникъ при шпагѣ и съ погонами лѣснаго вѣдомства, дежурный чиновникъ повидимому, и освѣдомляется о моей личности.

— Такой-то, отъ графа Лорисъ-Меликова.

Какъ только я произнесъ это имя, чиновникъ тотчасъ направился къ двери кабинета и вошелъ очень осторожно.

Черезъ минуту выходитъ и объявляетъ, что г. министръ проситъ немного повременить.

Вскорѣ вышелъ и министръ, ростомъ цѣлою головою выше всѣхъ насъ, кивнулъ всѣмъ и, увидѣвъ новое лицо, подошелъ прямо ко мнѣ.

Я назвалъ себя.

— А! очень радъ! Господа, прошу немного терпѣнія!

Взялъ меня за руку и ввелъ въ кабинетъ.

Тамъ онъ также спрашивалъ меня о подробностяхъ дѣла, съ которымъ, повидимому, былъ уже знакомъ, и о томъ, въ какихъ должностяхъ проходилъ я, бывъ на службѣ; поздравилъ себя съ пріобрѣтеніемъ такого свѣдущаго члена для комисіи и заключилъ продолжавшуюся цѣлый часъ любезную бесѣду слѣдующими словами: „первое, что я могу пока предложить вамъ, это—мѣсто члена въ совѣтѣ министерства. Но теперь такія строгости, что N. N. ни мнѣ и никому изъ министровъ не представитъ ни одного сверхштатнаго мѣста въ совѣтѣ, а штатныя всѣ заняты. Онъ исполнитъ желаніе только Михаила Таріеловича. Попросите его отъ меня, чтобъ онъ сказалъ ему два слова. А между тѣмъ дайте мнѣ завтра, или когда захотите, бумагу, т. е. прошеніе о зачисленіи васъ на службу“.

На другой день Михаилъ Таріеловичъ говоритъ мнѣ:

— N. N. для меня это сдѣлаетъ. Только вотъ, братецъ, въ чемъ штука! Онъ испросилъ у государя строгое повелѣніе никакихъ сверхштатныхъ должностей не замѣщать; а теперь самъ же долженъ просить нарушенія этого правила. Вѣдь я поставлю его въ неловкое положеніе! Надобно иначе это устроить.

— Ради Бога, изъ-за меня не стѣсняйте ни себя, ни друзей вашихъ. Буду-ли я занимать должность штатную или сверхштатную, для меня это совершенно безразлично—лишь-бы имѣть содержаніе, которымъ бы могъ дѣлиться съ своей семьей.

— Устроимъ, устроимъ.

Подаю затѣмъ прошеніе о вступленіи на службу и причисляютъ меня къ министерству государственныхъ имуществъ.

Затѣмъ, въ кругу заботящихся объ интересахъ князя Мингрельскаго разсуждали, по всей вѣроятности, какъ обезпечить меня содержаніемъ. Говорю—по всей вѣроятности, потому что Фед. Арт. Смирновъ сталъ однажды совѣщаться со мною, какой-бы составилъ штатъ для высшей комисіи и ея канцеляріи?

— А источникъ имѣется?

— Дѣло идетъ теперь о томъ, чтобъ изъ выкупной канцеляріи добиться ассигновки двухсотъ или полутораста тысячъ въ счетъ слишкомъ 400 тыс. руб., которые причитаются князю Мингрельскому за надѣлы бывшихъ его крестьянъ. Вотъ отсюда и надобно отчислить, какая потребуется сумма, разсчитывая, что комисіа будетъ существовать года три.

— Ну, давайте разсчитывать!

— Вамъ 7,000 руб. въ годъ 21,000 руб.

Надобно одного дѣлопроизводителя; есть у меня въ виду прекрасный чиновникъ. Нельзя вѣдь меньше 4,500 „

На канцелярію, т. е. на писца, сторожа, наемъ помѣщенія, канцелярскія потребности, столько-же. 4,500 „

Всего выходитъ. 30,000 руб.,

а на случай какихъ-нибудь новыхъ расходовъ, или если дѣйствія комисіи протянутся еще года на два, надобно отдѣлить круглою суммою пятьдесятъ тысячъ рублей.

Такова была смѣта Смирнова. А что съ нею случилось, вѣдомо ему одному.

Между тѣмъ, назначено было собраться комисіи..... Пригласили и меня туда. Встрѣтили меня, какъ стараго знакомаго, въ особенности Н. Н.; онъ не скупился поздравлять комисію съ приобрѣтеніемъ такого свѣдущаго въ дѣлѣ сотрудника, какъ Дмитрія Ивановича.

— Только онъ и можетъ вывести насъ изъ лѣсу, въ которомъ мы находимся.

Въ этомъ засѣданіи выяснилась для меня, прежде всего, цѣль учрежденія комисіи.

4-го января 1867 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: изъ имѣній, принадлежавшихъ въ частную собственность владѣтелю Мингрелии, образовать заповѣдное имѣніе князю Мингрельскому, но повелѣніе это не приведено до сихъ поръ въ исполненіе.

Высшая комисія должна была выяснить и устранить всѣ препятствія въ исполненію означеннаго повелѣнія.

Затѣмъ, приняты были въ этой комисіи слѣдующія два рѣшенія:

1) при опредѣленіи состава заповѣднаго имѣнія князя Мингрельскаго держаться исключительно правительственнаго описанія 1857 года;

2) для полнаго разъясненія имущественныхъ правъ князя Мингрельскаго, командировать отъ комисіи членовъ ея — Кипіани и Смирнова въ Закавказскій край, поручивъ имъ пересмотрѣть тамъ въ подлежащихъ судебныхъ и административныхъ установленіяхъ всѣ дѣла, въ коихъ окажутся какія-либо свѣдѣнія о тѣхъ имуществахъ, и представить комисіи, одни изъ нихъ въ подлинникѣ, а изъ другихъ—извлеченія.

Къ нимъ, отъ лица предсѣдателя комисіи, былъ присоединенъ чиновникъ порученій при министрѣ—Губарь.

Изъ нихъ Кипіани получилъ прогонныхъ, суточныхъ и квартирныхъ денегъ 1,700 съ чѣмъ-то рублей разъ, и 300 съ чѣмъ-то рублей въ другой разъ.

Порученіе это исполнено, и въ началѣ 1881 года дѣла и выписки изъ дѣлъ внесены въ комисію.

Такъ какъ наибольшая часть этихъ дѣлъ была ведена на грузинскомъ языкѣ, то Кипіани занимался преимущественно переложеніемъ сущности ихъ содержанія на русскій языкъ.

Занятіямъ этимъ посвящены были осенніе, зимніе и весенніе мѣсяцы 1880—1882 годовъ.

И за все это время я получалъ изъ рувъ Смирнова, и подъ особня росписки, все въ счетъ ожидаемаго содержанія, суммы въ размѣрѣ отъ 100 до 300 руб. разновременно. Отъ этого не только въ Петербургѣ я терпѣлъ крайнюю нужду, умоляя,

напр., о выдачѣ необходимыхъ мнѣ 600 руб. и получая только 100 р. или 150 руб.; но въ эти три года сельское хозяйство мое подвергалось расхищенію и бѣдной женѣ моей приходилось оставаться не только безъ гроша денегъ, но иногда и безъ пшеничнаго хлѣба, безъ котораго обходиться было ей, и по происхожденію, и по воспитанію, крайне трудно.

О необходимости выйти изъ этого положенія я постоянно и дружески объяснялся, какъ словесно, такъ и письменно, съ *Θ. А. Смирновымъ*, воротилою дѣлъ комисіи и имѣвшимъ всегда свободный всюду доступъ, но мой дорогой collega, сверхъ означенныхъ подачекъ, не составляющихъ, сколько мнѣ помнится, и 1,500 руб. за всѣ три года, и письменно, и словесно только убаюкивалъ меня или посылалъ къ покойному графу Баранову для личныхъ объясненій.

Графъ Барановъ также успокоивалъ меня, совѣтуя имѣть терпѣніе, когда я обращался къ нему съ беззавѣтнымъ довѣріемъ. Разъ онъ мнѣ сказалъ, относительно прекращенія счетовъ между мною и княземъ Мингрельскимъ.

— Это составляетъ мою нравственную обязанность и будьте увѣрены, я выполняю ее. Я васъ втянулъ въ это дѣло и положитесь на меня.

О! полагался я на него съ безусловнымъ, съ безграничнымъ довѣріемъ!

— Онъ честнѣйшій изъ людей, восселицалъ часто мой Смирновъ, самъ очень честный человекъ.

Это милое положеніе въ столицѣ я-бы переносилъ, если-бъ оно, оторвавъ меня отъ роднаго крова, не поощряло моихъ соучастниковъ въ нераздѣльномъ имѣніи безбоязненно забирать себѣ все. А отъ этого мое положеніе дома сдѣлалось также невыносимо: имѣніе, заключающее въ себѣ болѣе 4,000 десят. богатой производительностью земли, не давало мнѣ въ то время и 400 р. въ годъ дохода.

Понятно, что не могъ я быть покоенъ въ Петербургѣ.

Рѣшился, однажды, обратиться за совѣтомъ къ *N. N.*

— Какъ? Неужели до сихъ поръ не назначено вамъ содержанія? Помилуйте, да князь Ливенъ говорилъ въ присутствіи комисіи, что назначаетъ васъ на первое время членомъ своего совѣта?

— Онъ и мнѣ говорилъ это, но вѣроятно не успѣлъ.

— Самый вѣрный и самый легальный выходъ изъ этого дѣла, мнѣ кажется, вотъ какой: вы назначены членомъ комисіи по ходатайству самой комисіи; она-же, слѣдовательно, обязана и содержаніе вамъ исходатайствовать. Завтра будетъ засѣданіе, заявите тамъ объ этомъ формально, а я васъ поддержу.

Это было въ первой половинѣ марта 1882 года.

Сдѣлалъ я это заявленіе въ присутствіи самого князя Мингрельскаго.

Предсѣдательствовавшій N. N. также выразилъ удивленіе и вспомнилъ заявленіе бывшаго предсѣдателя.

Признали, что комисіа должна войти съ ходатайствомъ въ Совѣтъ въ установленномъ порядкѣ.

Прошло три мѣсяца—нѣтъ рѣшенія.

Тутъ я письменно и оффиціозно написалъ Смирнову, дабы онъ могъ прочесть тамъ, гдѣ судьбы дѣла князя Мингрельскаго получали настроеніе и направленіе, что изъ четырехъ обѣщаній, данныхъ мнѣ въ маѣ 1880 года предъ моимъ вступленіемъ въ комисію, исполнено пока только одно: высочайшимъ указомъ назначенъ я членомъ этой комисіи; но служебныя мои права не возстановлены; счеты между мною и княземъ Мингрельскимъ не ликвидированы и содержанія никакого не назначено.

И напоминаю объ этомъ наиделикатнѣйшимъ образомъ, но напоминаю.

Вмѣсто письменнаго отвѣта Смирновъ является ко мнѣ лично и говорить:

— Читалъ я ваше письмо графу Эдуарду Трофимовичу; онъ поручилъ мнѣ спросить васъ: кто далъ вамъ эти обѣщанія?

Я такъ и привскочилъ на мѣстѣ.

— Какъ, кто далъ? Развѣ вы не знаете точно также, какъ я, кто далъ?

— Какъ не знать, знаю; но что съ ними подѣлаешь? велѣлъ спросить и спрашиваю...

— Какъ разъ въ этому времени возвратился въ Петербургъ графъ Лорисъ-Меликовъ, давно уже сошедшій со сцены и лежившійся отъ болѣзни за-границею.

Хотя онъ и не у дѣлъ теперь, но бросаюсь къ нему и рассказываю, въ какомъ нахожусь положеніи.

— Завтра мы объѣдаемъ вмѣстѣ съ Барановымъ. Поговорю съ нимъ объ этомъ непременно и послѣ завтра скажу тебѣ, что изъ этого выйдетъ.

Являюсь черезъ день.

— Говорилъ я вчера съ Барановымъ; говорилъ въ большомъ обществѣ и онъ далъ мнѣ слово, что на-дняхъ непременно сдѣлаетъ, что нужно. Побывай завтра и самъ у него.

Михаилъ Таріеловичъ замѣтилъ, что это меня нѣсколько покорибило.

— Отчего нѣтъ? Побывай.

Скрѣпя сердце, отправляюсь на другой день къ графу Эдуарду Трофимовичу.

Въ ожиданіи пріема просидѣлъ въ особой комнатѣ ровно часъ.

Что-жъ дѣлать! Государственный человѣкъ не всегда можетъ имѣть свободное время. Если-бъ онъ и не былъ предсѣдателемъ департамента экономіи, то, какъ предсѣдатель высшей желѣзнодорожной комисіи, онъ ужъ по одному этому званію имѣеть множество дѣла.

Наконецъ, позвали.

Не успѣлъ я войти къ нему, какъ онъ, стоя за столомъ и руки за спиной, — метнулъ въ меня леденящимъ вопросомъ, — „что вамъ угодно?“

Меня такъ и передернуло и я скороговоркою пробарабанилъ такую фразу:

— „Я хотѣлъ воспользоваться пріѣздомъ графа Лорисъ-Меликова, чтобъ дать вамъ возможность провѣрить мой отвѣтъ Смирнову на вашъ вопросъ“.

— Что такое?!

Полутономъ выше, но, уже отчеканивая каждое слово, я повторилъ ту-же фразу.

— Ну, такъ что-же? Онъ вамъ далъ эти обѣщанія?

— Одни далъ онъ, а другое дали вы.

— Какъ я могъ обѣщать? я даю обѣщанія, когда дѣло зависитъ отъ меня. А это зависитъ отъ князя Мингрельскаго. За него я не могъ давать никакихъ обѣщаній.

— О, о! извините! я ошибся!

И, отвѣсивъ ему глубокой поклонъ, чуть не выбѣжалъ изъ его кабинета.

Это было 10 июня 1882 года.

Благодаря дружбѣ и довѣрію Давида Гессеевича Чубинова, который далъ мнѣ въ займы, безо всякой росписки, 300 руб., я 12 июня выѣхалъ изъ Петербурга и, по возвращеніи домой, извѣстилъ официально комиссію, что такъ какъ обязанности по званію ея члена я могу исполнять только находясь подъ собственнымъ кровомъ,—то и буду давать свои заключенія по тѣмъ докладамъ, которые будутъ мнѣ сюда сообщаемы.

На этомъ остановилась моя вторичная правительственная служба.

III.

На службѣ по выборамъ.

19.

Почетный попечитель гимназій. — Экономическіе пансіонеры.—Технологія и сельское хозяйство.

Съ 1852 по 1864 г. въ бытность мою на правительственной службѣ, грузинское дворянство четыре трехлѣтія сряду избирало меня въ почетные попечители тифлисской дворянской гимназій; а чрезъ 1½ года по прекращеніи моей правительственной службы избрало въ тифлисскіе губернскіе предводители дворянства, что повторилось и въ 1867 г.

Привожу два характерныхъ случая изъ службы моей того времени.

1) Разсматривая въ первый разъ денежную смѣту по гимназій и въ особенности по пансіону, главное наблюденіе надъ которымъ возлагалось, по дѣйствовавшему тогда положенію, на почетнаго попечителя, я замѣтилъ, между прочимъ, что на пансіонеровъ высшихъ классовъ назначалось, на два и на три человека, по одному экземпляру нѣкоторыхъ учебниковъ (это не могло, конечно, не мѣшать успѣху въ ученіи) и что бѣлья полагалось — носильнаго по одной только перемѣнѣ въ недѣлю, а

постельнаго по одной на двѣ недѣли; и это — въ благородномъ пансіонѣ при дворянской гимназіи!

Кромѣ того одни изъ предметовъ расхода исчислялись на сто воспитанниковъ, а другіе на сто десять.

Оказалось, что на предъидущіе предметы не хватало денегъ, именно потому, что надобно было, сверхъ ста штатныхъ воспитанниковъ, содержать еще десять экономическихъ.

Откуда взялись эти экономическіе?

Въ бытность В. Н. Семенова попечителемъ округа было доложено ему, что гдѣ можно содержать сто человѣкъ, тамъ можно содержать на тѣ-же средства безъ затрудненія еще десять человѣкъ. Попечитель одобрилъ эту мысль и разрѣшилъ открыть десять экономическихъ мѣстъ, собственно для дѣтей преподавателей и чиновниковъ гимназіи и пансіона.

— Противъ полезности этой мѣры ни слова; но нельзя поазывать никакого отдѣльнаго расхода на десять воспитанниковъ, именно потому, что они экономическіе, т. е. надобно содержать ихъ на счетъ экономіи изъ той суммы, которая ассигнуется на сто человѣкъ. Не такъ-ли, Карлъ Леонтьевичъ, спрашиваю я директора, добрѣйшаго и въ точномъ смыслѣ слова честнѣйшаго человѣка.

— Да, это вѣрно!

— Потрудитесь, въ такомъ случаѣ, приказать передѣлать смѣту и назначить необходимыя суммы какъ на приобрѣтеніе учебныхъ книгъ для всѣхъ пансіонеровъ, такъ и на постройку второй переимѣны бѣлья. Ручаюсь вамъ, что еще останется въ экономіи нѣсколько денегъ.

Спустя нѣкоторое время требуетъ меня къ себѣ попечитель округа.

— Вы возбуждаете жалобы гимназическаго начальства!

— Какъ такъ?

— Помилуйте! я не могу не отдать вамъ справедливости, что входите во все по гимназіи, хотя, извините меня, не могу не замѣтить, что пансіонъ при ней содержится не дворянствомъ, а казною; но, хотя-бъ это было и не такъ, какъ вы можете требовать, чтобъ изъ одной пары опоекъ выкроили двѣ пары сапогъ?

— Позвольте сказать вамъ на это, что разъ должность по-

четнаго попечителя учреждена и никакихъ изъятій изъ общихъ о немъ правилъ не существуетъ, онъ не имѣетъ права допускать какое-бъ то ни было уклоненіе отъ этихъ правилъ. А что касается до опоекъ, какъ вы изволили сказать, то дѣйствительно было бы непозволительно требовать вырѣзать двѣ пары изъ одной. Но я не этого требую, а говорю, что на счетъ суммы, ассигнуемой на сто паръ опоекъ,—такъ ужъ и будемъ говорить объ опойкахъ,—надобно умудриться приобрѣсти еще десять паръ, чтобъ спить сапоги и десяти воспитанникамъ. Они—экономическіе. Если на нихъ нельзя покупать ни сукна особо, ни полотна, то нельзя покупать и опоекъ.

Смѣту во всякомъ случаѣ пришлось передѣлать и составители не мало удивились, что въ экономіи осталось еще около 500 р.

2) Инспекторъ гимназій спросилъ меня однажды, просматривалъ-ли я утвержденное на тотъ годъ росписаніе уроковъ по гимназій?

— Нѣтъ, не просматривалъ.

— Угодно, я вамъ доставлю? Кстати и росписаніе министерства для гимназій внутреннихъ губерній. Просмотрите; для васъ это будетъ интересно.

— Будьте такъ любезны.

Разсматриваю, сличаю. Да! вотъ что! Здѣсь введено преподаваніе въ 7 классѣ технологіи и сельскаго хозяйства, а въ русскихъ гимназіяхъ этого нѣтъ. Далѣе. — Да! этому новому предмету удѣлено только 2 урока въ недѣлю! Можно-ли сдѣлать какіе нибудь успѣхи? Нечего и толковать, конечно, невозможно. Но шикъ, оказывается, не въ томъ; а откуда взяты эти 2 урока, у какого предмета урѣзаны? Сравниваю всѣ цифры обоихъ росписаній, здѣшняго и петербургскаго, и нахожу, наконецъ, что эти два урока урѣзаны здѣсь у русскаго языка. Въ гимназіяхъ внутреннихъ губерній, куда дѣти поступаютъ съ знаніемъ русскаго языка, какъ роднаго, домашняго, на преподаваніе этого языка назначено 24 урока; а здѣсь 22, тогда какъ здѣсь слѣдовало бы, и по справедливости, и по человѣчеству вообще, назначить цѣлыхъ 48, еслибъ это было возможно. Вѣдь здѣсь этотъ языкъ, для наибольшаго числа поступающихъ въ гимназію дѣтей, не домашній, не родной, а не смотря на это, необходимо имъ усвоить его настолько, чтобъ на немъ проходить всѣ

предметы, и проходить такъ, чтобъ удостоиваться такого-же числа балловъ, какое установлено министерствомъ для русскихъ. А это, при 22 урокахъ одного изъ главнѣйшихъ предметовъ и при 2-хъ урокахъ предмета вводнаго,—ни для кого изъ туземцевъ невозможно.

Уразумѣвъ вполне цѣль сдѣланнаго мнѣ инспекторомъ вопроса, обращаюсь къ начальству округа и горячо объясняю всю неприглядность этого порядка для бѣдныхъ здѣшнихъ дѣтей.

— Да, я самъ увѣренъ, отвѣчаютъ мнѣ, что это можетъ мѣшать успѣхамъ здѣшнихъ учениковъ. Но я долженъ былъ допустить на этотъ годъ преподаваніе въ высшемъ классѣ технологіи и сельскаго хозяйства. Опытъ покажетъ, разумѣется, неудобство этого введенія и тогда поправимъ дѣло.

Черезъ годъ получилъ я приглашеніе въ совѣтъ попечителя.

Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ самого попечителя, состоялъ изъ его помощника и директоровъ гимназій по ихъ званію и изъ особо назначенныхъ постороннихъ членовъ. Этими посторонними, кромѣ меня, были еще: генералъ Юс. Ив. Ходзько, Ип. Алдр. Дюкруаси, Никол. Вл. Ханыковъ и князь Георг. Конст. Мухранскій.

Разсматривался новый проектъ устава учебныхъ заведеній кавказскаго учебнаго округа.

Дѣло шло какъ по маслу, пока не дошли до предметовъ курса собственно тифлисской гимназіи.

„Технологія и сельское хозяйство“—такъ и прогремѣли у меня въ ухахъ.

Преподаваніе ихъ устанавливается, значить, навсегда, такъ какъ вводится въ уставъ?

Я счелъ своимъ долгомъ разъяснить это дѣло попечительскому совѣту и послѣ продолжительныхъ преній, въ которыхъ наиболѣе дѣятельное участіе принимали посторонніе, какъ наиболѣе свободные въ своихъ мнѣніяхъ, рѣшено было, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ предсѣдательскаго, исключить технологію и сельское хозяйство изъ гимназическаго курса, такъ какъ гимназія — учебное заведеніе общеобразовательное, а не профессиональное.

Предметы эти, однако, не были исключены изъ новаго устава, и я пересталъ съ того момента быть попечителемъ гимназіи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Графы Сиверсы.

I.

Гельбигъ, бывший при императрицѣ Екатеринѣ II секретаремъ Саксонскаго посольства въ Петербургѣ, въ историко-біографическомъ своемъ трудѣ „Русскіе избранники и случайные люди“, помѣщенномъ въ апрѣльской книгѣ „Русской Старинѣ“ изд. 1886, совершенно невѣрно говоритъ о происхожденіи фамилии графовъ Сиверсъ.

Желая возстановить истину, я представляю здѣсь документъ и родословную, выданную лифляндскою ландратскою коллегіею о родѣ Сиверсовъ.

Изъ этого документа видно, что родъ Сиверсовъ внесенъ въ Лифляндскую матрикулу въ 1752 году; отецъ оберъ-гофмаршала графа Карла Сиверса, о которомъ пишетъ Гельбигъ („Р. С.“ 1886 г., апрѣль, стр. 166), былъ шведскимъ капитаномъ, а отецъ графа Якова Сиверса, подписавшаго трактатъ о второмъ раздѣлѣ Польши въ 1793 году, былъ голштинскимъ статскимъ совѣтникомъ; оба они ведутъ родъ свой, какъ видно изъ означенной родословной, отъ шведскаго майора Христіана Сиверса, современника шведскаго короля Густава-Адольфа.

Свѣдѣніе саксонца Гельбига о Сиверсахъ взято имъ изъ сочиненія француза Рульера, не руководившагося правдою и безпристрастіемъ въ томъ, что онъ писалъ объ Екатеринѣ II, ея времени и сподвижникахъ.

Графъ Евгенийъ Сиверсъ,
генералъ отъ инфантеріи.

24-го апрѣля 1886 года.

II.

Изъ родословію графа Евгенія Іоакима Казимира Сиверса.

Христіанъ Сиверсъ, шведскій майоръ.

Іоакимъ фонъ-Сиверсъ, шведскій поручикъ, † 1779 г.

Іоакимъ Іоаннъ фонъ-Сиверсъ, род. 1674 года, † 1752 г., шведскій капитанъ, жена Гертруда фонъ-Эккерманъ.

Іоакимъ Іоаннъ фонъ-Сиверсъ, род. 1699 г., † 1770 г., голштейнскій статскій совѣтникъ, жена Анна Магдалена фонъ-Сиверсъ.

Графъ Карлъ Сиверсъ, оберъ-гофмаршалъ.

Графъ Яковъ Сиверсъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ.

Петръ Христіанъ графъ Сиверсъ императоромъ Павломъ I въ 1798 году пожалованъ въ графы. Надворный совѣтникъ и кавалеръ, жена первая Шарлотта Оберманъ.

Георгъ Александръ графъ Сиверсъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ, род. 1789 г., жена Августа Амалия фонъ-Рамъ.

Евгеній Іоакимъ Казиміръ графъ Сиверсъ, род. 15 іюля 1818 г.

Сообщ. гр. Е. Сиверсъ.

ГАВРИЛЪ ЯКИМОВИЧЪ ЛОМАКИНЪ.

Автобіографическія записки съ примѣчаніями В. В. Стасова.

XI ¹⁾.

Концерты въ Москвѣ.

Въ Москвѣ Ломакинъ остановился у родственника своего, И. Г. Покровскаго, отставнаго гвардейскаго полковника. Онъ былъ радъ его видѣть, но не скрывалъ своего сомнѣнія въ успѣхѣхъ предпріятія, что вовсе не придавало куража Ломакину. Онъ былъ уже измученъ предшествовавшими обстоятельствами, начиная со смерти графа Дмитрія Николаевича Шереметева, потомъ продолжительною болѣзнію своею, гоненіемъ, борьбою и угрожающею гибелью хора. Потомъ надежды, сомнѣніе, усилія спасти его, концерты, волненіе, сѣти враговъ, притѣсненія, препятствія во всѣхъ дѣйствіяхъ и попыткахъ, усиленные труды, заботы, наконецъ, преодоленіе всѣхъ препятствій—и онъ съ хоромъ въ Москвѣ. А тутъ говорятъ:

— «Что это вы выдумали притащить такую обузу въ Москву? Да вы рассчитали ли, что стоитъ вся эта потѣха. Вотъ въ одну гостиницу заплатите тысячи полторы, да провозъ взадъ и впередъ. А на концерты не очень-то рассчитывайте, здѣсь такихъ сборовъ не сдѣлаете, какъ въ Петербургѣ. Вотъ въ воспитательный домъ платите по 100 р. за каждый разъ, да въ собраніе 300 р., а афиши, да билеты, да то, да се, и выйдетъ порядочно. Это еще ничего что приплатите; а главное, вы убиваете свое здоровье такою жизнью. Что вы за славою гоняетесь? Какъ же! Будетъ вамъ слава! Еще выругаютъ. Здѣсь много хорошихъ хоровъ: чудовскій, митрополитскій и др. Здѣсь Ба-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLIX, мартъ, стр. 645—666; т. L, май, стр. 311—326; июнь, стр. 675—689.

грецова уважають, москвичи фанатики за свое стоятъ. Вотъ вы увидите, у васъ въ концертъ никого не будетъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался, а кажется, что такъ. Къ чему вы навязываете себѣ такія хлопоты? Ну, потрудились на своемъ вѣку, кажется, довольно, пора и остановиться. Хоръ вашъ пропадаетъ, и пусть бы его пропадалъ, а самъ бы на покой».

Такими ободрительными словами встрѣтилъ его въ Москвѣ добрый родственникъ. Но Ломакинъ былъ такъ увлеченъ желаніемъ и безотчетною надеждою сохранить хоръ, что пренебрегалъ всѣми опасностями, когда дѣло шло о судьбѣ хора и его дѣтища, надъ которымъ онъ работалъ всю жизнь, довелъ до такой силы, что отдѣлилъ, отличилъ, поставилъ выше другихъ хоровъ въ наукѣ, положилъ въ него свою душу, дарованіе и вдохновеніе. Послѣ всего быть равнодушнымъ къ его гибели? Нѣтъ, невозможно примириться съ такимъ горемъ. Онъ покорялся ему въ то время, когда болѣзнь приковывала его къ дивану и лишала всякой возможности дѣйствовать!

Что происходило у него на душѣ можно себѣ вообразить, но онъ безсиленъ былъ одинъ спасать хоръ, и волею-неволею покорялся непреодолимой силѣ событий. «Если хора не будетъ, говорилъ онъ себѣ, то я оставляю Петербургъ, и прощай моя музыка! Но капелла не разрушилась, завязались дѣла, поддерживающія ея существованіе, явились люди, принявшіе дѣятельное участіе въ судьбѣ ея, силы и здоровье мое возстановились настолько, чтобы я могъ трудиться, и увидѣвъ себя, хотя на время, владѣтелемъ своего царства, я возгорѣлся опять любовію къ своему назначенію. Мнѣ ли не стараться объ успѣхѣхъ благихъ намѣреній, когда посторонніе люди помогаютъ, поддерживаютъ, покровительствуютъ. Поѣздка въ Москву была необходима для приобрѣтенія средствъ. Москва вѣрно попытается услышать хваленый хоръ, поющій церковную музыку».

Такъ оправдывался Ломакинъ, но И. Г. Покровский все хмурился. «Боюсь, не понравится вашъ хоръ, слушать не стануть». — «Какъ можно сказать, что слушать не стануть?» возражалъ Ломакинъ. «Всѣ знаменитые артисты интересовались его слышать и единогласный отзывъ ихъ былъ, что это лучший хоръ или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ лучшихъ хоровъ въ Европѣ. Почему же москвичамъ онъ не понравится? А что касается до моихъ лѣтъ, то я пока живъ, не брошу капеллы. Я оставилъ всѣ мои занятія, всѣ, безъ исключенія, дорожу только одною капеллою, вѣрно такое мое назначеніе». Послѣ этого дебюта Ломакинъ отправился по своимъ дѣламъ.

Оказывается, что публикація запоздала, билетовъ не раскупаютъ

земномъ мірѣ, который открывался слушающему и понимающему. Эта масса поющихъ составляла одно существо, одну душу, повинующуюся волѣ дирижера. Какъ художникъ, рисуя картину, кладетъ тѣни своею кистью по полотну, такъ музыкантъ въ своемъ образованномъ хорѣ вызываетъ выраженія, созданныя иногда собственною фантазіею, красоты и оттѣнки изъ голосовъ, которые гибко и легко переходятъ въ степени силы, растутъ какъ тучи, раздражаются какъ громъ, или замираютъ постепенно какъ отдаленное эхо въ лѣсу. При окончаніи пьесы, иногда звукъ длился долго, и въ этотъ моментъ всѣ притавляли дыханіе, мысль невольно слѣдила, уносилась и испарялась вмѣстѣ съ звукомъ.

Концертъ кончился.

Отзывы были лестные, справедливые, даже старичокъ князь Друцкой, проходя въ толпѣ, поговаривалъ:

— Да, знаменитость, знаменитость! Только музыка мудреная.

Иванъ Герасимовичъ Покровский былъ въ восторгѣ. Его гнѣвъ смѣнился на милость. Всѣ поздравляли и радовались, не горюя о скудности сбора.

Гостеприимные жители Москвы закидали Ломакина приглашеніями на всю недѣлю, и всѣ знакомые перебивали у него, а князь Трубецкой съ Рубинштейномъ собирались все переговорить съ Ломакинымъ о хорѣ, и собрались.

Хотѣлось имъ присоединить его къ московской консерваторіи, какъ генералу Исакову къ Политехническому Музею, а Ломакина переманить на жительство въ Москву, учредить учительское отдѣленіе церковнаго пѣнія, сдѣлать изъ маленькихъ ученыхъ пѣвцуновъ расадникъ учителей. Однимъ словомъ, это были тѣ же замыслы, что и у здѣшней консерваторіи, и у генерала Исакова.

А нѣкоторые изъ московскихъ богачей замыслили содержать хоръ на свои средства и упрочить его существованіе въ Москвѣ. Нѣкоторые присылали просить Ломакина спѣть всеобщую и обѣдню за 1,000 р. Но не было времени и ночь для всеобщей. Одну только обѣдню рѣшено было спѣть въ церкви Странноприимнаго дома графа Д. Н. Шереметева. На эту заупокойную обѣдню, въ день полугодія его кончины, оказалось столько желающихъ, что сдѣланные для входа билеты всѣ вдругъ разобрали, и невозможно было удовлетворить присылающихъ по пяти разъ и пріѣзжающихъ въ роскошныхъ экипажахъ за билетами.

Ломакина постоянно почти не было дома, а обѣднаго И. Г. Покровскаго страшно беспокоили непрерывными звонками и спросами.

Въ день обѣдни, огромная прекрасная церковь Странноприимнаго

дома графа Шереметева была совершенно наполнена. Пѣніе было трогательное, на панихидѣхъ многіе плакали, молясь о виновникѣхъ того хора, который въ полномъ развитіи своей силы осужденъ былъ на гибель. Смерть графа повлекла за собой смерть его хора.

Отзывы о пѣніи были тутъ различны. Иные говорили, что подобное пѣніе можно слышать только одинъ разъ въ жизни. Одинъ почтенный старичокъ говорилъ, что онъ помнитъ, какъ хоронили императрицу Марію Феодоровну, торжественная была обѣдня, а пѣнія такого не было.

Княгиня Долгорукая, рожд. гр. Орлова-Давыдова, ученица Ломакина, на другой день въ концертѣ высказала Ломакину впечатлѣніе, произведенное на нее обѣдней, въ самыхъ трогательныхъ жаркихъ выраженіяхъ. А въ противоположность тому, какой-то г. Урусовъ раскритиковалъ хоръ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» самымъ недѣльнымъ образомъ. Да и г. Ильинъ, директоръ Странноприимнаго дома, отзывался съ невыгодной стороны о хорѣ.

Другіе находили, что тянутъ, поютъ слишкомъ тихо. Дѣйствительно, панихиду пѣли какъ будто въ полголоса. Каждый пѣвчій есть въ то же время и человекъ съ душою и сердцемъ. При мысли о томъ, кого они поминали въ пѣніи, у нихъ слезы слышались въ голосахъ!

На слѣдующій день былъ концертъ свѣтскій, музыка съ русскимъ текстомъ. Публики было болѣе, нежели въ первомъ, но полного сбора можно было ожидать только отъ духовнаго русскаго концерта. А добиться позволенія на духовный концертъ дѣло не легкое. Разрѣшеніе зависѣло отъ пресвященнаго Левида, но онъ, какъ нарочно, уперся, ссылаясь на указъ, да на запрещеніе. Къ тому же и программа ему не нравилась. Ломакинъ вычеркнулъ изъ нея многое и представилъ ему лично, но пресвященный все не рѣшался подписать программу.

— «Нѣтъ, не могу дозволить духовнаго концерта», говорилъ онъ. «Багрецовъ напомнилъ мнѣ, въ какую бѣду попался я отъ шарушенія одного указа. Пусть митрополитъ разрѣшитъ, а я на себя этого не беру, какъ бы я ни желалъ сдѣлать вамъ угодное».

Ломакинъ былъ этимъ отказомъ такъ огорченъ, что собрался на другой день уѣхать съ хоромъ въ Петербургъ. Больше ничего не оставалось дѣлать.

Тутъ явилось содѣйствіе всего общества, образованнаго купечества, генерала Исакова и всѣхъ возможныхъ властей. Намѣревались послать къ митрополиту депутацію; но вѣдь это длинная исторія, а времени было мало, нужно заблаговременно печатать афиши, объявленія, билеты, а дня нельзя назначить. Дѣло казалось проиграннымъ, 10 дней срока чиновникамъ-пѣвцамъ истекали.

Въ эту критическую минуту является къ Ломакину г. Лафоржъ, членъ московскаго Человѣколюбиваго общества, съ предложеніемъ войти въ сношеніе съ этимъ обществомъ, ради котораго митрополитъ не откажетъ въ позволеніи, потому что онъ президентъ его, и ради своей пользы порадѣеть дѣлу, съ условіемъ отдѣлать четвертую часть сбора въ пользу Человѣколюбиваго общества. Разстроенный Ломакинъ не хотѣлъ ничего слушать. На него произвелъ оупляющее впечатлѣніе преосвященный Леонидъ, и онъ не въ состояніи былъ вникнуть въ смыслъ словъ г. Лафоржа, удержавъ въ сознаніи то убѣжденіе, что если викарій не разрѣшаетъ на основаніи какого-то указа, то и митрополитъ не разрѣшитъ на томъ же основаніи.

Однако, въ это время отъ имени почетнаго купечества была уже послана телеграмма въ Петербургъ, отъ генерала Дурново къ генералу Исакову, а отъ Лафоржа отъ имени графини Толстой, президентши общества, также послана была телеграмма митрополиту.

Изъ Петербурга отвѣчаютъ: прислать программу. Цѣликомъ выписали программу. Отвѣтъ получился и отъ генерала Исакова, и отъ митрополита, что предоставляется преосвященному Леониду полная власть. Нечего было дѣлать архіерею Леониду, онъ долженъ былъ подмахнуть. Да ему и надобли эти упрасиванія, онъ ужъ радъ былъ отвязаться. Говорятъ, ему и самому интересно было послушать хоръ, изъ-за котораго всѣ такъ хлопотали, но приличія свѣта ему не дозволяли.

Получивъ разрѣшеніе, Ломакинъ ожилъ, заговорилъ съ Лафоржомъ, согласился на его предложеніе, поѣхалъ къ графинѣ Толстой, которая приняла его любезно, и въ заключеніе просила пожертвовать 4-ю часть сбора съ концерта для добраго дѣла. Ломакинъ охотно обѣщаль.

Когда узнали объ этомъ генералъ Дурново и почетное купечество, то очень обидѣлись.

— «Мы хлопотали для васъ, телеграфировали, просили, а вы теперь теряете четвертую часть сбора изъ-за того, что соединились съ этимъ обществомъ».

Но Ломакинъ надѣялся, что потери не будетъ, потому что у нихъ своя сила, свой кругъ, который будетъ способствовать полному сбору.

И дѣйствительно. Зала дворянскаго собранія была совершенно полна. Хлопотъ не было никакихъ, г. Лафоржъ принялъ все на себя, и кромѣ благодарности ничего нельзя было сказать ему.

Пѣніе хора, какъ всегда, было художественное, но казалось, что для этой громадной залы и при такомъ стеченіи публики хоръ былъ слабъ, звуки были матовые.

Генераль Исаковъ, прочитавши это заявленіе, задумался, потомъ сказалъ: «Дѣлайте, какъ хотите», не спросивъ, чѣмъ же существовать далѣе.

XII.

Положеніе хора по возвращеніи въ Петербургъ.—Роспускъ хора.

Послѣ смерти графа Шереметева, пѣвчіе получали за каждую спѣвку и каждый концертъ извѣстное вознагражденіе. Естественно было послѣ московскихъ концертовъ раздѣлить имъ вырученную сумму, что и сдѣлалъ Ломакинъ, оставя необходимое на содержаніе малолѣтнихъ, въ теченіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ, и на вознагражденіе имъ за концерты. Но на апрѣль не оставалось уже ничего. Ломакинъ имѣлъ въ виду еще концерты въ Петербургѣ, и предполагалъ дать въ Дворянскомъ Собраніи какъ-бы прощальный концертъ, составленный изъ лучшихъ пьесъ всего репертуара, чтобы оставить доброе по себѣ воспоминаніе петербургской публикѣ, роптавшей когда-то на недоступность этого хора. Когда же его и послушать, если не теперь? Последнее время хоръ такъ много упражнялся, изощрялся во всѣхъ трудностяхъ, зналъ все твердо, усвоилъ всѣ тонкости выраженій, каждое дѣтя выработало столько вѣрности и вкуса, всѣ голоса были такъ чисты, мягки, обработаны вокализациями и разными упражненіями! Чего бы они не могли спѣть хорошо при такихъ средствахъ и познаніяхъ?

По истинѣ можно было сказать, что въ ту эпоху хоръ Шереметевскій достигъ апогея искусства, какъ говорили знатоки. Это былъ громадный перлъ, на удивленіе Европы.

Итакъ, въ 1872 году 5-го апрѣля, въ залѣ Дворянскаго собранія данъ былъ капеллою концертъ. Единственная афиша сохранилась нечаянно, поэтому вся программа можетъ быть выписана цѣликомъ:

Ave Maria	Ломакина.
Peccatum	Палестрины.
Dies irae .	Моцарта.
Quando corpus .	Россини.
Sanctus Domine .	Бетховена.
Lacrimosa .	Моцарта.
Alla Trinità	XVI столѣтія.
Ave Maria (посвященная хору гр. Шереметева авторомъ)	Листа.
Tantum ergo .	Ваха, и
Sanctus .	Моцарта.

Пѣли дивно хорошо, но пѣли въ пустой залѣ. Публика не пришла.

Въ тотъ вечеръ были концерты Венявскаго, еще и еще какой-то знаменитости, а на пѣніе Шереметевской капеллы охотниковъ не оказалось. Великая княгиня Александра Петровна съ герцогомъ Мекленбургскимъ посѣтили концертъ, восхищались, ахали и жалѣли. Также и прочіе немногіе слушатели, артисты, любители, вполне цѣнили рѣдкое достоинство хора. Тутъ былъ и графъ Сергѣй Дмитріевичъ Шереметевъ, которому капелла была ближе всѣхъ. Онъ чувствовалъ сильное желаніе владѣть отцовскимъ сокровищемъ, но куда же онъ ее пристроить? Домъ съ церковью ему еще не принадлежалъ, и неизвѣстно было, когда это рѣшится.

Н. В. Исаковъ въ эту пору слеталъ въ Москву, вѣроятно, по своимъ дѣламъ и, между прочимъ, послушать отамы о капеллѣ, имъ спасаемой.

Тамъ встрѣченъ онъ былъ съ одушевленіемъ и осыпанъ благодарностью со всѣхъ сторонъ, какъ виновникъ появленія капеллы въ Москвѣ. Всѣ его знакомые были въ восторгѣ отъ «божественнаго пѣнія», какъ они выражались, но ужасно жалѣли, что капелла не продлила своего пребыванія въ Москвѣ. Многіе не успѣли послушать ее, но были сильно заинтересованы. Теперь бы только можно было дѣлать великолѣпные концерты. Нужно непременно второй разъ прибыть капеллѣ въ Москву, теперь ужъ она будетъ принята совсѣмъ иначе и пр. Эти вѣсти сообщил Ломакину генералъ Исаковъ, по возвращеніи своемъ изъ Москвы. Гр. Сергѣй Дмитріевичъ Шереметевъ также зналъ объ успѣхѣ капеллы, онъ слѣдилъ за ея дѣйствіями, получалъ изъ Москвы письма отъ своего дяди Бориса Сергѣевича Шереметева, который горячо принималъ къ сердцу все, что касалось его обожаемаго племянника, тѣмъ болѣе судьбу капеллы, составлявшей болѣе столѣтія славу рода Шереметевыхъ. Борисъ Сергѣевичъ, подъ свѣжимъ лихорадочнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него заупокойною обѣдней въ Страннопріимномъ домѣ, убѣждалъ гр. Сергѣя Дмитріевича, въ сильныхъ выраженіяхъ, сдѣлать всевозможныя усилія, чтобы оставить за собою капеллу, какъ въ память страстно любившаго ее отца, такъ и для своего утѣшенія. Молодой графъ готовъ былъ поддаться этимъ убѣжденіямъ, питалъ надежды на генерала Исакова, что онъ изобрѣтетъ средство поддержать капеллу до тѣхъ поръ, пока графъ будетъ въ состояніи ея владѣть. Вѣроятность этихъ надеждъ еще болѣе подтверждалась, когда Ломакинъ объяснилъ графу, что для содержанія ея вовсе не потребуется 60,000, какъ прежде, а нужно гораздо меньше. Молодая графиня, супруга гр. Сергѣя Дмитріевича, тоже сильно сочувствовала этому дѣлу. Казалось, въ семьѣ было рѣ-

шено не распускать пѣвчихъ. Малолѣтнихъ оставили въ ихъ помѣщеніи, но съ тѣмъ, чтобы платить за то какую-то сумму, по оцѣнкѣ квартиры. Все было въ рукахъ управляющихъ, опекуна и адвокатовъ. Графъ помогалъ своимъ содѣйствіемъ во всемъ, что отъ него зависѣло, исключая денегъ, о которыхъ и рѣчи не было, потому что Ломакинъ далъ съ 1-го февраля письменное обязательство Комитету Политехническаго Музея содержать капеллу въ продолженіе трехъ пробныхъ мѣсяцевъ, т. е. по 1-е мая. Онъ и содержалъ ее на вырученныя изъ концертовъ средства.

Послѣ неудачнаго концерта въ Дворянскомъ собраніи, устроилось еще на святой недѣлѣ музыкальное утро въ пѣвческой залѣ графа Шереметева. Публика состояла большею частью изъ знакомыхъ генерала Исакова, графа Шереметева, князей Оболенскихъ и бароновъ Корфъ. Вел. княгиня Александра Петровна не пропускала этихъ концертовъ.....

Хотя зала была полна, но сборъ невеликъ, за то восторга, похвалъ и сочувствій было много, много! Молодой гр. Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ принималъ такое живое участіе въ этомъ концертѣ, такъ распоряжался, хлопоталъ, какъ въ былое время его покойный отецъ на своихъ концертахъ. Съ сознаніемъ достоинства, онъ принималъ общія выраженія восторга и удивленія. Но то была лебединая пѣснь хора графа Шереметева.

Не находя прочной опоры для него здѣсь, многіе совѣтовали Ломакину отправиться съ капеллою въ Лондонъ, Парижъ, Вѣну, «и тамъ-то васъ оцѣнятъ, тамъ-то вы прославитесь», говорили ему. Да, правда. Но была-ли возможность предпринять такое путешествіе съ 60 человѣками разнохарактернаго народа, въ которыхъ является еднородшіе, согласіе, повиновеніе только въ массѣ, подъ вліяніемъ взгляда и движенія руки дирижера. Но чтобы возить ихъ по Европѣ, обо всѣхъ заботиться, удовлетворять требованія каждаго, выслушивать претензіи, неудовольствія, потомъ настраивать, вдохновлять, электризовать,—все это было слишкомъ трудно. Образецъ этой трудности дала пѣздку въ Москву.

Не смотря на то, подзадоренный московскими настояніями, Ломакинъ собирался совершить вторичное путешествіе въ Москву. Уже приготовилъ новый репертуаръ, сочинилъ два новыхъ хора для концертовъ, разучилъ ихъ, вышло отлично. Но времени оставалось мало, чтобы привести въ исполненіе это намѣреніе.

Дѣятельность капеллы прекратилась, но она еще существовала номинально.

Третій пробный мѣсяцъ истекалъ и никакихъ ресурсовъ уже не

предвидѣлось, а содержаніе малолѣтнихъ требовало ежедневныхъ расходовъ. Генералъ Исаковъ замолкъ со всѣмъ своимъ комитетомъ. Видѣвшись съ нимъ у графини Протасовой, Ломакинъ спросилъ: какое будетъ дальнѣйшее положеніе капеллы? — Она останется на прежнихъ основаніяхъ, былъ отвѣтъ, пока что-нибудь не выработается положительнаго. Генералъ Исаковъ брался спасать капеллу въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, а если ей теперь некуда примкнуть, то это была уже не его вина. Ожидали, вѣроятно, окончанія раздѣла.

При послѣднемъ своемъ свиданіи съ графомъ С. Д. Шереметевымъ, Ломакинъ видѣлъ въ немъ искреннее горячее желаніе сохранить капеллу, зная, что она именно теперь въ лучшемъ своемъ состояніи и на высшей степени развитія, полна жизни и силы, неужели ей приходилось погибать въ цвѣтѣ лѣтъ? Ломакину настолько же былъ близокъ этотъ вопросъ, какъ и графу; обомъ ни за что не хотѣлось разставаться съ нею. Главное, нужно было мальчиковъ сберечь, а большихъ всегда можно собрать; тутъ нельзя было не коснуться деликатнаго вопроса о средствахъ. Графъ спросилъ, сколько нужно въ мѣсяцъ на содержаніе малолѣтнихъ, и обѣщалъ помочь Ломакину, въ надеждѣ на скорое окончаніе раздѣла.

Наступилъ май, всѣ разѣхались. Дѣти остались на попеченіи Ломакина, а между тѣмъ и ему пужно было ѣхать въ свое имѣніе. Поручивъ ихъ двумъ надежнымъ смотрителямъ, изъ коихъ одинъ былъ его родной братъ, и оставивъ все нужное для ихъ содержанія еще на мѣсяцъ, Ломакинъ отправился къ себѣ въ имѣніе, чтобы отдохнуть отъ многочисленныхъ тревоженій и трудовъ.

Недолго пришлось ему отдыхать. Извѣстія о поведеніи малолѣтнихъ были неутѣшительны, а, наконецъ, пришла вѣсть, что мальчики отъ праздности и скуки забунтовались, и Ломакина просятъ пріѣхать на помощь.

Тутъ явилось у Ломакина сильное раздумье и сомнѣніе. До какихъ же поръ будетъ продолжаться это неопредѣленное положеніе? Съ какою цѣлью и для какой необходимости ему возиться съ ними? Запереть дѣтей на лѣто въ душныхъ комнатахъ, держать ихъ въ неволѣ, въ бездѣйствіи и совершенной неизвѣстности будущаго—неумудрено имъ сойти съ ума. Но что-жь ему съ ними дѣлать? Помощи ни откуда нѣтъ и въ виду ничего. Вторичное посланіе изъ Петербурга не позволило долго разсуждать, и Ломакинъ поспѣшилъ въ Петербургъ разбираться дѣло.

Пріѣхавши на мѣсто, Ломакинъ нашелъ мальчиковъ въ раздраженномъ состояніи, а надзирателя въ гнѣвѣ на ихъ неповиновеніе, дерзости и страшныя шалости.

Всѣхъ бы можно было смирить и успокоить; но затѣмъ опять являлась неизвѣстность, бездѣйствіе и мучительный вопросъ: быть или не быть?

Съ тяжелымъ впечатлѣніемъ побрелъ Ломакинъ къ графу Шереметеву. Онъ былъ въ Петербургѣ, но не дома. Черезъ два дня присылаетъ за Ломакинымъ и опять происходитъ много переговоровъ, но ничего опредѣлительнаго. Скорого окончанія раздѣла не предвидится, терять хоръ немислимо, а средствъ къ содержанію его не оказывается. Было предположеніе выбрать и оставить лучшихъ мальчиковъ, а остальныхъ отправить въ Малороссію, но опять являлось сомнѣніе: достанется ли домъ на Фонтанкѣ графу Сергѣю Дмитріевичу? Если пѣтъ, то что ему дѣлать съ хоромъ?

Впрочемъ, графъ хотѣлъ еще посоветоваться съ генераломъ Исаковымъ, не придумаешь ли онъ новыхъ средствъ къ поддержанію капеллы, или не пристроить ли ее куда-нибудь временно, пока дѣла и положеніе графа выяснятся. Недоволенъ остался Ломакинъ результатомъ этихъ совѣщаній, мраченъ и грустенъ возвратился онъ въ опустѣлую, душную свою городскую квартиру, грязенъ и противенъ показался ему пѣвческій дворъ, мрачны стѣны дома, гдѣ онъ прожилъ всю жизнь, испытывалъ такъ много и горя, и радостей, такъ много работалъ, къ чему-то неутомимо стремился, достигалъ, изъ силъ выбивался. И чѣмъ же кончатся его подвиги? Приходится раззорять, что созидалъ, и самому убраться осиротѣлымъ! Впрочемъ, нужно было еще подождать три дня. Тутъ приступили къ нему родители нѣкоторыхъ мальчиковъ съ вопросами о ихъ будущности, и дѣти съ разными требованіями, лавочники со счетами, слуги съ разсчетами и пр. Никого не могъ Ломакинъ удовлетворить вполнѣ и находился въ самомъ мучительномъ состояніи. Волѣе трехъ дней прошло въ ожиданіи: отвѣта не было. Выведенный изъ терпѣнія ненормальностью своего положенія, оставленный всѣми, среди ватаги праздныхъ мальчиковъ, сильно сомнѣвался въ помощи генерала Исакова и въ будущности хора, обдумавъ, наконецъ, и свою собственную шаткую роль въ случаѣ нескорого окончанія дѣлъ графа, Ломакинъ рѣшилъ выйти какъ можно скорѣе изъ тягостнаго положенія, сразу положить конецъ нерѣшительности графа и генерала Исакова. Въ тотъ же день онъ принялъ мѣры, чтобы на слѣдующій день отправить малолѣтнихъ по ихъ деревнямъ, а прочихъ разослать по домамъ къ родителямъ.

Ожидая затрудненій со стороны конторы графа, Ломакинъ вынулъ свои деньги и все приготовилъ къ скорому отъѣзду дѣтей, не предупредивъ графа о своихъ распоряженіяхъ, ибо чувствовалъ уже себя не въ состояніи оставлять дѣтей на своей отвѣтственности на неопредѣленное время.

Перспектива лѣта въ душевныхъ комнатахъ для дѣтей не улыбалась имъ, и они рады были вырваться на чистый воздухъ и на волю.

Снабдивъ ихъ всёми нужными, и поручивъ помощнику своему Алабышеву беречь и доставить дѣтей до самаго мѣста ихъ родины, Ломакинъ простился съ ними съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ, какъ-бы похоронивъ дорогое существо.

Истощивъ всё усилія, чтобы спасти хоръ, ему пришлось самому же и положить ему конецъ.

Отправивши дѣтей, Ломакинъ возвратился въ свое имѣніе въ самомъ убійственномъ настроеніи духа. Ему казалось, что онъ все потерялъ, ничего болѣе не оставалось ему дѣлать въ жизни.

Дня черезъ три послѣ того возвратился графъ Шереметевъ въ Петербургъ и, узнавъ о самовольномъ распоряженіи Ломакина, весьма разгнѣвался, тѣмъ болѣе, что генералъ Исаковъ, неистощимый на выдумки, нашелъ еще ресурсы къ продленію существованія капеллы на два или на три мѣсяца, занявъ 2 тысячи у графа Шереметева же (какъ это послѣ оказалось).

Думая, можетъ быть, обрадовать Ломакина такою поддержкою, графъ спѣшилъ съ этимъ извѣстіемъ, и можно себѣ представить, какъ неприятно поразили его смѣлыя мѣры и произвольное рѣшеніе Ломакина. Черезъ недѣлю послѣ того получилъ онъ отъ графа письмо, въ которомъ выражалось все его неудовольствіе.

Ломакинъ также письменно извинился передъ графомъ и генераломъ Исаковымъ, благодаря ихъ за оказанное хору участіе и помощь, и вмѣстѣ съ тѣмъ излагая основательныя причины своего самовольнаго поступка: «Невозможно было оставлять дѣтей въ скукѣ, праздности и неизвѣстности», говорилъ онъ. Послѣдствія доказали, что временная помощь графа Шереметева и генерала Исакова не послужила бы ни къ чему доброму. Всѣ 2,000 рублей были бы истрачены и потому пришлось бы все-таки распустить мальчиковъ, потому что раздѣлъ совершился только черезъ три года.

Потерявъ свое сокровище, Ломакинъ бросилъ всё свои музыкальныя занятія и болѣе не возвращался въ Петербургъ.

Последніе годы ¹⁾.

Въ октябрѣ 1872 г., Ломакинъ переѣхалъ въ Гатчину, гдѣ у него былъ свой домъ, и поселился въ немъ. Вдали отъ суеты мірской, ближе къ природѣ, окруженный своею семьею, онъ успокоился, предался отдохновенію и благодарилъ Бога за мирное убѣжище, гдѣ могъ тихо доживать свой вѣкъ. Съ домою графовъ Шереметевыхъ прекратились совершенно все его сношенія.

Правильный образъ жизни, регулярныя прогулки по паркамъ, свобода и покой должны были, кажется, благотворно дѣйствовать на его здоровье; однако, черезъ годъ по переселеніи его въ Гатчину, начали проявляться въ немъ послѣдствія прошлой усиленной дѣятельности. Въ немъ замѣчалась переменна: молчаливость, равнодушіе, разсѣянность, забывчивость обратили на него вниманіе окружающихъ его, не понимавшихъ его болѣзненнаго состоянія. Онъ и самъ не подозрѣвалъ ничего, отправился еще въ Петербургъ по дѣламъ, ничего не сдѣлавъ, возвратился съ лихорадкою и съ совершенною потерею памяти, что сдѣлалось слишкомъ поразительнымъ, чтобы не обезпокоить всехъ домашнихъ. Онъ сталъ затрудняться въ разговорѣ на каждомъ словѣ; трудно было отгадать его мысль, выговаривалось у него одно вмѣсто другаго, пересталъ понимать то, что читалъ, и, вѣроятно, чтобы помочь своему пониманію, началъ читать вслухъ и протяжно, чего прежде никогда не бывало. Сидитъ, бывало, упорно въ своей жаркой комнатѣ, въ тепломъ халатѣ, и подтапливаетъ печь газетами и нотами. На вопросы и замѣчанія другихъ ничего не отвѣчаетъ, самъ ничего не спрашиваетъ, все дѣлаетъ какъ будто машинально, но не безсознательно. Наружность его нисколько не измѣнилась, аппетитъ и сонъ были недурны, расположеніе духа спокойное, но говорить ничего не могъ отъ потери памяти. На все вопросы онъ отвѣчалъ подумавши, лаконически, самъ удивлялся своей переменѣ и тому, что не можетъ ничего вспомнить. Сознаніе всехъ дѣйствій сохранилъ совершенно, къ величайшему утѣшенію родныхъ и къ крайнему недоумѣнію докторовъ, которые положительно не знали, къ какому разряду болѣзней приписать это внезапное отсутствіе памяти. Поставили мушку на затылокъ, велѣли дѣлать горячія ножныя ванны, и прописали какое-то сильное лекар-

¹⁾ Какъ было уже сказано выше, въ предисловіи, вся эта послѣдняя глава волигѣ написана Надеждой Андреевной Ломакиной, супругой Гавриила Якимовича Ломакина.
В. С.

ство, которое дается при сумашествіи. Но, къ счастью, ему не дали его, въ ожиданіи лучшаго медика, специалиста психическихъ болѣзней. Благодаря стараніямъ родныхъ и доктора Лихарева, дождались визита психіатра Балинскаго. По тщательномъ осмотрѣ больного, онъ нашелъ организмъ его невредимымъ, но нервную систему въ сильномъ возбужденіи, вслѣдствіе сильныхъ напряженій, что, вѣроятно, и произвело легкій ударъ въ мозговую жилку. Всѣ средства, предпріятыя въ началѣ болѣзни, Балинскій одобрилъ, далъ наставленія на будущее время, предписалъ строгій режимъ, исполненіе котораго поставилъ условіемъ выздоровленія, и успокоилъ родныхъ увѣреніемъ, что эта болѣзнь не оставитъ особенныхъ послѣдствій.

Черезъ три недѣли Ломакинъ поправился, благодаря наблюденіямъ доктора Лихарева, но съ тѣхъ поръ его характеръ сдѣлался апатичнымъ, кроткимъ, ровнымъ и въ разговорѣ замѣтно остались забывчивость и разсѣянность. Онъ продолжалъ зимою жить въ Гатчинѣ, гдѣ проводилъ вечера за музыкой. Переигралъ въ 4 руки всѣ сонаты Шумана и Вебера и всѣ рѣшительно ноты, какія только были у него въ 4 руки, во сочинять пересталъ. Лѣто проводилъ въ имѣніи, любилъ дѣлать большія прогулки по лѣсамъ и полямъ, но хозяйствомъ занимался мало, почему и стоило артисту такъ дорого удовольствіе быть помѣщикомъ. Впрочемъ, жизнь среди природы укрѣпляла его здоровье и это мирило всѣхъ со всѣми заботами и невзгодами деревенской жизни. Иногда его задумчивость наводила на мысль, что онъ скучаетъ отъ однообразія и бездѣятельности, но при вопросѣ о томъ онъ отвѣчалъ отрицательно. Апатичность же его приписывалась слѣдствію послѣдней болѣзни.

Неизвѣстно, по какой причинѣ М. А. Балакиревъ оставилъ въ это время (1872 г.) Безплатную школу, и общество обратилось къ Ломакину, съ просьбой взять ее опять подъ свое покровительство и управленіе. Но Ломакинъ отказался по нездоровью и указалъ на Римскаго-Корсакова, какъ преемника, и самъ къ нему писалъ.

Часто сиживалъ Ломакинъ въ своей свѣтлой залѣ на большихъ триповыхъ креслахъ у окна, и задумчиво или разсѣянно смотрѣлъ на проходящихъ и проѣзжающихъ. Въ одинъ изъ такихъ праздныхъ дней, въ декабрѣ 1874 года, приносятъ ему изъ Петербурга письмо съ знакомымъ почеркомъ. Ломакинъ просіялъ, узнавъ руку графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева.

Графъ писалъ, что раздѣлъ имѣній покойнаго отца его состоялся, черезъ посредство высочайше назначенной комиссіи, состоявшей изъ графа Бобринскаго, сенатора Полѣнова и графа Шувалова; самый же раздѣлъ высочайше утверждёнъ. По этому раздѣлу, домъ на Фонтанкѣ

достался ему, и онъ надѣется весною переѣхать на старое мѣсто. Въ память отца, онъ искренно желалъ бы собрать хотя небольшую часть знаменитаго его хора. Какъ человѣку, имя котораго неразрывно связано съ исторіею этого хора, и которому этотъ хоръ, главнымъ образомъ, обязанъ своею славою, онъ обращается за совѣтомъ и указаніемъ. Просить Ломакина высказать откровенно свой взглядъ на это дѣло и мнѣніе относительно примѣненія на практикѣ его предположенія. Ломакинъ не замедлилъ отвѣтить графу, что онъ готовъ служить ему совѣтами.

При личномъ свиданіи графа съ Ломакинымъ, въ 1874 году, графъ просилъ Ломакина составить хоръ изъ взрослыхъ на первое время, и Ломакину посчастливилось собрать самыхъ лучшихъ 14 человѣкъ прежнихъ пѣвцовъ, для которыхъ онъ и принялся перекладывать на 3 голоса все церковное пѣніе на весь годъ.

Къ осени 1875 г. все въ домѣ графа было приведено въ порядокъ, семейство его переѣхало, служба въ церкви началась, и опять въ ней раздавалось гармоническое молитвенное пѣніе.

Въ семьѣ графа Ломакинъ принятъ былъ радушно, какъ старый другъ. Въ продолженіе всей зимы, жилъ онъ (безъ своего семейства) въ домѣ графа, гдѣ отведенъ ему былъ кабинетъ о 7 окнахъ, съ роскошными удобствами. Братъ графа, гр. Александръ Дмитріевичъ, переѣхавшій къ нему въ домъ по смерти матери своей, графини Александры Григорьевны, часто забѣгалъ къ Ломакину и музицировалъ съ нимъ. У молодаго графа были отличныя способности къ музыкѣ, слухъ и память удивительныя. Онъ любилъ также свой хоръ и радъ былъ способствовать его возрожденію.

Первый годъ пѣніе продолжалось трехголосное, и хоръ состоялъ изъ 14 человѣкъ большихъ, но сдѣлано было распоряженіе привезти изъ Малороссіи 20 мальчиковъ, и поручено было тамошнему учителю Шапошникову, бывшему малолѣтнему изъ хора, подготовить новичковъ къ развитію слуха и разумія. Къ слѣдующей осени привезены были и мальчики. Имъ дали прекрасное помѣщеніе въ новомъ домѣ графа, устроили, одѣли и начали учить, по примѣру прежнихъ лѣтъ. Черезъ 2 мѣсяца уже пѣлъ въ церкви полный хоръ, хотя не съ увѣренностью, но и безъ особенной фальши. Однако пискливые голоса дѣтей не понравились графу, привыкшему въ продолженіе года слушать трехголосное пѣніе разумныхъ пѣвцовъ. Первый же дебютъ мальчиковъ рѣшилъ ихъ участь. Графъ былъ доволенъ пѣніемъ однихъ большихъ и находилъ бесполезнымъ присоединять къ нимъ рѣзкіе, необработанные голоса сопрано и альтовъ, и кромѣ ихъ бесполезности, явились и другія причины, охлаждавшія желаніе затѣвать полный хоръ:

времена были уже не тѣ, что при покойномъ графѣ, когда всё ему повиновались. Теперь требованія и условія родителей оказывались до того стѣснительными, что игра не стоила свѣчь. Для маленькой домашней церкви оказалось достаточно однихъ большихъ голосовъ.

Ломакину пришлось второй разъ проводить маленькихъ пѣвуновъ, пожалѣвъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, обѣщавшихъ быть дѣльными; но ему стало легче и онъ сосредоточилъ свои старанія на 14-ти. Ломакинъ ожилъ, оцутнвшись въ своей сферѣ; разучивалъ, сочинялъ, готовилъ хоры, дирижировалъ и все это онъ дѣлалъ съ любовью, твердостью и даже съ увлеченіемъ. Его апатичность и задумчивость пропали, о прежнихъ недугахъ не было и помину. Послѣ какой-то спѣвки, онъ возвратился веселый домой, запѣлъ псаломъ и восторженно сказалъ: «Я и на томъ свѣтѣ буду пѣть».

Часто бывали у графа собранія высокихъ особъ, и на этихъ вечерахъ маленький хоръ его составлялъ главное развлеченіе. Пѣли свѣтскую и духовную музыку, высочайшіе гости удостаивали Ломакина, какъ давно имъ извѣстнаго, милостивымъ разговоромъ.

Кромѣ того, каждую зиму Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Цесаревною и приближенною свитою посѣщали прадѣдовскій дворецъ молодаго графа, залитый огнями, золотомъ и благоуханіями цвѣтовъ.

Его Императорское Высочество пожелалъ даже, чтобы въ день его рожденія, въ 1879 г., маленький хоръ графа спѣлъ обѣдню въ Аничкиномъ дворцѣ. Здѣсь присутствовали императоръ Александръ Николаевичъ и императрица Марія Александровна. По окончаніи, ихъ величества изволили подойти къ клиросу и изъявили свое благоволеніе въ лестныхъ выраженіяхъ. Послѣ этого знаменательнаго дня, Ломакинъ получалъ отъ Государя Цесаревича, черезъ графа Сергѣя Дмитриевича, брилліантовый перстень.

Сдѣлавшись императоромъ, Его Величество Александръ Александровичъ продолжалъ бывать у графа съ Императрицею, и хоръ, между прочими удовольствіями, постоянно занималъ первую роль.

Такъ прошло 7 лѣтъ мирной жизни Ломакина въ Петербургѣ, въ теченіе коихъ онъ не переставалъ слѣдовать невольной потребности писать.

Печатать свои сочиненія Ломакинъ не имѣлъ позволенія, при директорѣ Бахметевѣ, и выжидалъ терпѣливо времени, когда будетъ возможность издать свои сочиненія. Неожиданный случай открылъ возможность Ломакину оставить по себѣ память въ церкви.

Въ 1882 г. графъ С. Д. Шереметевъ сдѣланъ былъ начальникомъ придворной капеллы, а М. А. Балакиревъ главнымъ помощникомъ его. Это были люди близкіе ему, доброжелательные вполне. Графъ

давно собирался самъ печатать сочиненія Ломакина, а теперь положительно поговаривалъ, что должно печатать: въ настоящее время въ особенности есть нужда въ нихъ, и хорошо бы начать съ обѣдн. Графъ говорилъ, что Государь желаетъ улучшения церковнаго пѣнія въ Россіи, и для этой цѣли нужно ввести въ сельскихъ школахъ правильное обученіе церковному пѣнію, потому потребуются легко и просто составленныя литургія и всенощная. Этотъ разговоръ происходилъ въ январѣ 1883 года. Ломакинъ живо взялся разбирать свои обѣдни; нашель столповую въ церковныхъ тонахъ, кievскую, греческую и др., а простой кѣтъ. Нужно было написать ее. Онъ принялся немедленно, написалъ литургію св. Іоанна Златоустаго, сообразуясь съ цѣлью, чтобы было легко, удобоисполнимо. Потомъ онъ взялся за всенощную знаменнаго распѣва. Къ ней переложилъ всѣ воскресныя вѣрсы, стихиры на 8 гласовъ, тропари. Въ мартѣ 1883 г. все было кончено. Была тутъ, между прочимъ, чудная херувимская, написанная въ 1865 г. въ Дудинѣ, съ голоса пономаря, чисто русскій, древній напѣвъ.

Къ сожалѣнію, часть этихъ нотъ пропала въ покояхъ графа, во время хлопотъ по поводу дѣтскихъ болѣзней и переѣздовъ. Тщетно пробовалъ Ломакинъ снова возстановить прежнюю работу: силъ его уже болѣе не хватало. По мѣрѣ того, какъ увеличивались кипы писаній, видимо уменьшались силы Ломакина.

Въ 1884 году, за великою заутренею, ему сдѣлалось дурно, дома начали дѣлаться дурноты и головокруженіе. Но изданіе уже было въ ходу; при этомъ не обходилось безъ замедленій, упрасиваній, ошибокъ, неожиданныхъ неприятностей, лишнихъ затратъ. Отъ одного литографа не дождался двухъ третей гласовъ, а другой напечаталъ 2000 лишнихъ экземпляровъ. Однако, къ 24 мая 1884 г. всенощная и обѣдня были напечатаны. Но заказчикъ не явился, а Ломакинъ, измученный и больной, расплатившись со всѣми, совершенно охладѣвшій къ судьбѣ своихъ изданій, выѣхалъ изъ душнаго Петербурга.

Во время его послѣднихъ трудовъ, въ немъ развилась новая болѣзнь—астма, которая требовала леченія. Въ продолженіе всего лѣта 1884 г., онъ не переставалъ лечиться. Не въ силахъ былъ онъ дѣлать большія прогулки, многое ему измѣнило, многое вредило, явились болѣзненные ощущенія, небывалая чувствительность, нервное раздраженіе, слабость, и когда онъ отправился въ экипажѣ, осенью, съ имѣнія на станцію, то насилу доѣхалъ.

А между тѣмъ онъ торопился въ Петербургъ, для продолженія своихъ изданій. Изъ музыкально-духовныхъ сочиненій ничего еще не было приведено въ порядокъ, не только что напечатано, а каталогъ со спискомъ былъ разосланъ повсюду и требованія его нотъ ужъ по-

являлись въ придворной капеллѣ, которая должна была отсылать деньги обратно, за неизвѣнемъ нотъ Ломакина.

Состояніе здоровья его требовало покоя, воздуха, полного отдохновенія и бездѣйствія, а дѣло было начато и нельзя было его бросить. Оно требовало труда, хлопотъ и безпокойства. Упадокъ силъ былъ очевиденъ: на первой же службѣ въ церкви сдѣлалась опять дурнота и Ломакинъ долженъ былъ уйти. Болѣе онъ не приходилъ въ церковь. Классы пѣнія онъ дѣлалъ у себя дома, и то сокращалъ ихъ. Посовѣтовавшись съ С. П. Боткинымъ, онъ началъ усердно лечиться; болѣзнь сначала приостановилась, но не надолго; завладѣвала имъ постепенно, вкрадывалась незамѣтно и дѣлала свое дѣло безостановочно. Доктора совѣтовали уѣхать изъ Петербурга, а тутъ пришла корректура херувимскихъ, а онъ еще не приготовилъ причастныхъ стиховъ, да «О тебѣ радуется». Непремѣнно нужна была панахида, которую поютъ, находилъ онъ, не такъ; ему хотѣлось ее исправить: «меня это давно мучило», говорилъ онъ. Вспомнилъ, что ни одного «Отче нашъ» не отдалъ въ печать. А между тѣмъ ужъ перо изъ рукъ валялось, аккорда не могъ онъ сдѣлать, вскакивалъ отъ фортепіано и садился на диванъ въ полномъ изнеможеніи. «Не могу, не могу!» говорить онъ съ отчаяніемъ. На лицѣ появилась черта страданія; онъ часто сидѣлъ молча, съ закрытыми глазами. Иногда на лицѣ его являлось такое скорбное выраженіе, что безъ слезъ нельзя было смотрѣть на него.

Во время болѣзни его навѣщали графъ, графиня и княжна Вяземская. Государь нѣсколько разъ освѣдомлялся о его здоровьѣ черезъ графа С. Д. Шереметева. Здоровье Ломакина въ срединѣ зимы уже такъ ухудшилось, что, не смотря на продолжающіяся дѣла, нужно было все бросить и увезти его въ Гатчину, 23 февраля 1885 г.

Долго онъ переносилъ терпѣливо свое положеніе. Онъ полагалъ, что болѣзнь можетъ длиться долго. Два съ половиною мѣсяца прожилъ онъ въ Гатчинѣ въ надеждѣ на поправленіе. Только въ послѣднюю нестерпимо-мучительную ночь, кажется, въ первый разъ онъ созналъ опасность своего положенія, охотно исполнилъ послѣдній христіанскій долгъ, исповѣдывался и причастился Святыхъ Таинъ въ полной памяти и сознаніи, послѣ чего послѣдовало облегченіе. Характеръ страданій измѣнился, онъ впалъ въ безсознательное состояніе и копча его была тихая.

Гавріиль Якимовичъ Ломакинъ скончался 9 мая 1885 года въ 4 часа утра, на 74 году своей жизни.

Над. Андр. Ломакина.

Сообщ. В. В. Стасовъ.

Эпиграммы С. Соболевскаго.

I.

на юбилей одного князя.

Нынче праздникъ юбилей,
Оттого что баринъ вѣкій
Былъ великій дуралей
Цѣлымъ пять десятилѣтій!—

II.

О жертва жалкая двухъ адовыхъ нечадій!...
Убилъ тебя Дантесъ,—а издастъ Геннади!—

Эта послѣдняя эпиграмма была уже въ печати.

Поправки и замѣтки.

Въ списокѣ фамилій архіереевъ (книга июль, 1886 г., стр. 710), вкралось нѣсколько описокъ: такъ, на строкѣ 10-й должно напечатать: Амвросій Зертисъ Каменскій, на 11-й строкѣ—Варлаама Шишацкаго, на 23-й строкѣ—Хрисанфа Рѣтвицева и Василія Лужинскаго.

А. Сергѣевъ.

Въ „Систематической росписи содержанія „Русской Старины“
1870—1884 гг.“.

Въ виду усиленнаго и почтеннаго труда составительницы „Систематической росписи содержанія „Русской Старины“ 1870—1884 г.“ и неопытной пользы этой книги для постоянного читателя названнаго уважаемаго журнала, полезно обратить вниманіе редакціи на ошибку, замѣченную мною на стр. 269, во второмъ столбцѣ. Напечатано: Муравьевъ, Н. Н. 877—884, 1543, 1544, 1580, 1581, 2370. Между тѣмъ указаннаыя подъ этими №№ статьи относятся къ двумъ разнымъ лицамъ, и №№ 877—881, 1544 и послѣдующіе относятся дѣйствительно къ Н. Н. Муравьеву-Карсскому; статьи же 882, 883, 884 и 1543 относятся къ графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, и мнѣ казалось бы, что и въ алфавитѣ Росписи эти два различныя лица должны бы быть поименованы отдѣльно, съ указаніемъ противъ каждаго изъ нихъ №№, относящіяся до него статей Росписи.

Надѣюсь, что редакція не посѣтуетъ на меня за сдѣланное мною указаніе, вызванное единственно желаніемъ принести посильную пользу изданію, пользующемуся столь заслуженнымъ всеобщимъ уваженіемъ.

Баронъ Фредерикъ.

комиссія оказала тѣмъ весьма существенную услугу исторической наукѣ, такъ какъ съ доведеніемъ этого изданія до конца (на что потребуются нѣсколько томовъ) въ распоряженіи спеціалистовъ будетъ весьма важный матеріалъ для исторіи открытія и порядка изданія важнѣйшихъ историческихъ памятниковъ; при этомъ въ отдѣльныхъ запискахъ и замѣчаніяхъ членовъ нерѣдко указываются различные приемы относительно ихъ изданія, а также сличенія списковъ и критики источниковъ. Въ тѣхъ же протоколахъ находится множество указаній на разные архивы, библіотеки и частныя собранія матеріаловъ. На многихъ страницахъ вышедшаго тома можно отмѣтить тотъ фактъ, съ каковымъ трудомъ доставалось въ старое время разысканіе и изданіе тѣхъ матеріаловъ, которые такъ или иначе соприкасались съ догматическою или даже церковно-историческою стороною: здѣсь многое должно было оставаться подъ спудомъ, во избѣжаніе мнимаго соблазна, иное подвергалось урѣзкамъ, а иное даже передвѣкаемъ въ угоду новымъ требованіямъ (см. стр. 6, 27, 28, 32, 33, 54 и др.).

Кромѣ названнаго изданія, ко дню 50-лѣтняго юбилея комиссія вышла историческая записка о дѣятельности ея и описаніе этого скромнаго праздника, состоявшагося 8 янв. 1885 г. (Пятидесятилѣтіе Археогр. комиссіи, Спб. 1885, 44 стр.).

Матеріалы для исторіи Воронежскаго края.

Изданіе матеріаловъ для исторіи Воронежскаго края неоднократно возобновлялось и каждый разъ внесло въ историческую науку полезныя данныя. Таковы были труды Александро-Дольника и Второва (собр. грамотъ, 3 томка, 1851—1853), Де-Пуле (Акты Ворон. края, 1861), Э. Яворскаго (Воронез. петровскіе акты, 1872), Г. М. Веселовскаго (Воронезъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ, 1866); а недавно, по случаю 300-лѣтія г. Воронежа, статистическій комитетъ снова сдѣлалъ вкладъ въ литературу изданіемъ актовъ и очерковъ по исторіи края. Такъ, въ теченіе 1884—86 гг. появились (сначала въ губернскихъ вѣдом., а потомъ отдѣльно) шесть выпусковъ

древнихъ актовъ, подъ заглавіемъ: Матеріалы по исторіи Воронежской и соседнихъ губерній, за время XVI—XVIII столѣтій, въ которыхъ можно найти рядъ интересныхъ данныхъ по исторіи заселенія края и землевадѣнія, администраціи, бунта Стояки Разина, частнаго быта (рядныя записки, имущественные акты, частная переписка и т. п.); но въ особенности много данныхъ, относящихся къ дѣятельности Петра В. и постройки имъ тамъ, судовъ. Изданіе этихъ актовъ продолжается и вскорѣ долженъ появиться VII-й выпускъ ихъ. Замѣтимъ кстати, что въ рецензій этихъ матеріаловъ, помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1886, № 5, стр. 461—62) сдѣлана ошибка: такъ въ означенной замѣткѣ 4-й, 5-й и 6-й выпуски названы продолженіемъ лишь изданія гг. Дольника и Второва; но акты, собранные и изданные теперь Л. Б. Вейнбергомъ, составляютъ совершенно отдѣльное собраніе; притомъ изданіе гг. Дольника и Второва состоитъ вовсе не изъ 152 страницекъ, а каждая изъ трехъ этихъ книжекъ въ отдѣльности гораздо болѣе того.

Тому же г. Вейнбергу, состоящему нынѣ секретаремъ Вор. стат. комитета, принадлежитъ обстоятельный очеркъ исторіи «Воронежскаго края» (вып. I, 1885, 120 стр.), доведенный пока до цар. Михаила Федоровича. Вскорѣ же долженъ появиться новый трудъ по исторіи Воронежа, того же автора, о которомъ скажемъ въ свое время.

Историческіе матеріалы. Изъ архива кievскаго губернскаго правленія. Вып. 10 й. Сост. Ал. Андреевскій. К. 1886. 244 стр. Ц. 50 к.

Въ настоящемъ выпускѣ помѣщено нѣсколько актовъ, касающихся исторіи кievскаго магистрата и его хозяйства въ XVIII стол.: нѣсколько матеріаловъ, касающихся сербовъ и болгаръ—колонистовъ въ Кіевѣ; исторіи кievской академіи (столкновеніе студентовъ съ гусарами, характерное по своимъ бытовымъ чертамъ); устройства уездныхъ городовъ Кievской губ. въ концѣ XVIII стол., медицинской части и т. п.

В. С. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка продолжается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ **Фирсанова**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Огавы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (54 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (40 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

